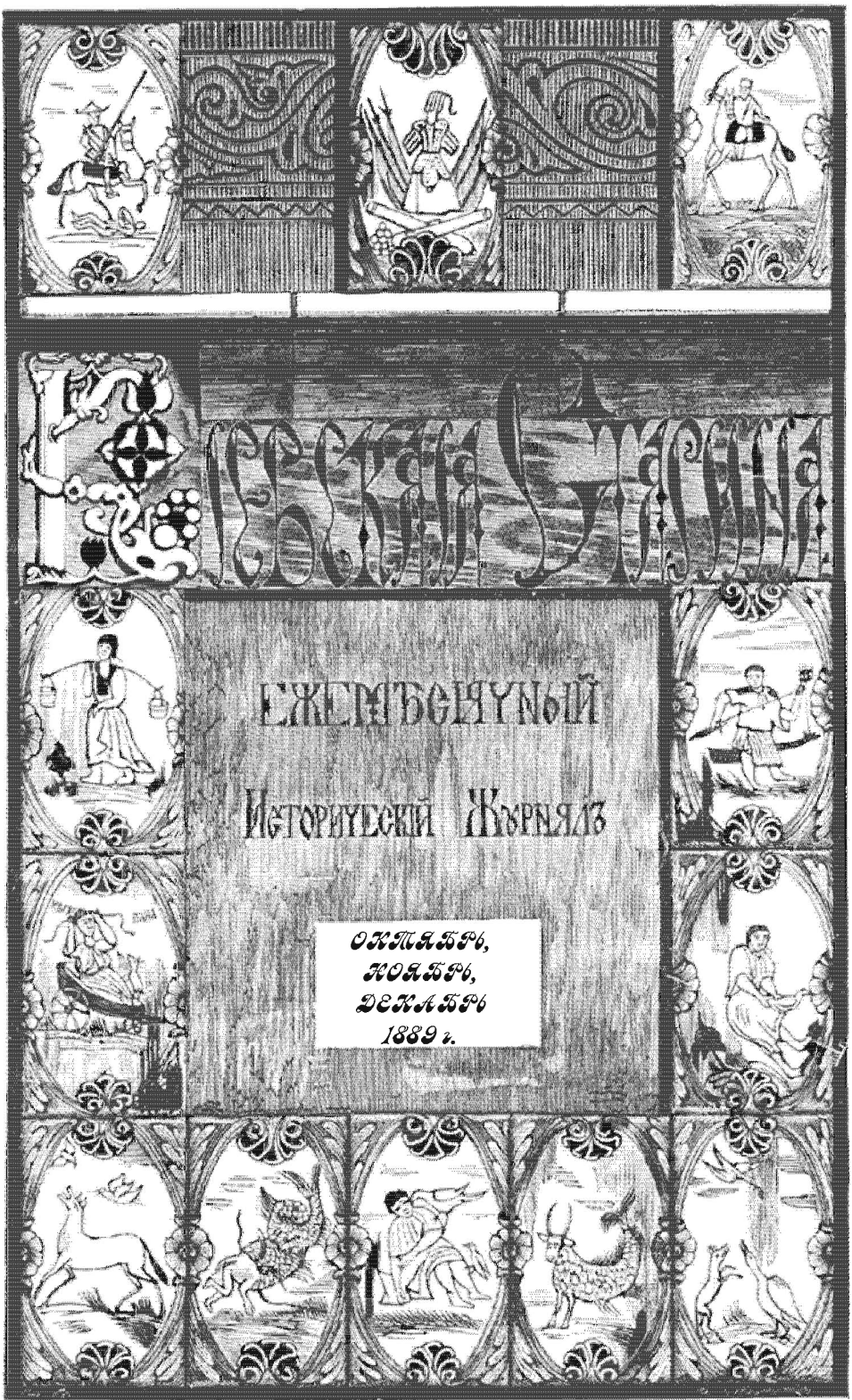


Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXVII, 1889 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

		стр.
I.	Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: «Откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга»,— по поводу статьи И. И. Малышевскаго: «О происхожденіи великой княгини русской Ольги св.» **Архимандрита Леонида**	I—VIII
II.	Полтавскій полкавникъ Иванъ Чернякъ. **А. А. Востокова.**	1—17
III.	Культурныя переживанія. L—CXX. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.**	18—51, 281—327, 582—603
IV.	Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1624 г. и мѣсто заключенія Куруковскаго договора. **Ѳ. Д. Николайчика**	52—69
V.	Живая могила. (Малорусская легенда). **Л. М. Старицкой**	70—102
VI.	Стáрая Брацлавщина и ея люди. II. **Ц. Г. Неймана.** .	103—120
VII.	Воспоминанія **М. К. Чалаго.** .	121—142, 257—280, 495—545
VIII.	Младшій братъ. Очеркъ изъ галицкой жизни **Генриха Іоссе.** (Переводъ съ польскаго)	143—160

Библиотека "Руниверс"

стр.

IX. Воспоминанія о рекрутчинѣ по прежнему порядку. **Б. С. Познанскаго**. . . . . 225—256

X. Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка. **В. Н. Сторожева** . . . . . 328—349

XI. Очерки стариннаго быта Волыни и Украины. **О. И. Левицкаго** . . . . . 350—368

XII. О статьяхъ Богдана Хмельницкаго (1654 г.). **П. А. Шафранова** . . . . . 369—391

XIII. Анастасія Яковлевна Марченко. (Т. Ч. или А. Темризовъ). Очеркъ. **Е. С. Некрасовой**. . . . . 392—422

XIV. Александръ Степановичъ Лашкевичъ. (Некрологъ) . 485—494

XV. Подсудокъ. Очеркъ изъ волынской хроники. **Николая Сарнецкаго**. (Переводъ съ польскаго). **Н. М.** . . . . 546—581

XVI. Отвѣтъ на полемическую замѣтку В. Г. Васильевскаго. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго**. . . . . 604—631

XVII. Документы, Извѣстія и Замѣтки: Старинное малорусское стихотвореніе. Два дѣла о волшебствѣ. **И. А. Линниченка.** Заботы Петра I объ овцеводствѣ въ Малороссіи. Сообщ. **О. Л.** Пропавшія рукописи Н. И. Костомарова. **Л.** Рисунки Шевченка. Изъ прошлаго г. Кіева. **А. А Востокова**. Одинъ изъ Мазепинцевъ. Плачъ дворянина. Столѣтіе кіевской первой гимназіи, какъ учебнаго заведенія. **Садовскаго.** Еще объ Иванѣ Поповичѣ. **Ив. Н.** Библіографическія замѣтки. **Архим. Леонида.** Англійское извѣстіе 1736 г. о запорожцахъ. **Н. В. Молчановскаго**. Четыре письма О. М. Бодянскаго. 1855—58 гг. **А. Л.** Образцы старо-семинарской поэзіи. **П. Левицкаго.** Опись имѣній Бороздъ, 1638 года. **А. Л.** Запорожье въ концѣ XVIII в. **Ал. М. Лазаревскаго.** Двѣ лирницкія пѣсни. Сообщ. **В. Боржковскій**: Къ пребыванію Карла XII въ Бендерахъ. **Ал. И. Маркевича.** Къ исторіи землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи. **В. П. Науменка.** Къ исторіи Мазепиной измѣны. **А. Л.** 161—197, 423—455, 622—645

Библиотека "Руниверс"

стр.

XVIII. Для справокъ. 19, 455

XIX. Библіографія. Этнографическое Обозрѣніе. Період. изд. отдѣла императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при московскомъ университетѣ. Кн I. подъ ред. Н. А. Янчука. **Ц. Г. Неймана.** Николай Бѣлашевскій. Монетные клады кіевской губерніи. **П. В Голубовскаго.** Сочиненія Г. Ѳ. Квитки. Ш. Повѣсти и разсказы. **В Г.** Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. **А І. Степовича.** «Wisła» 1887—1888 г. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.** Краткое описаніе г. Житоміра, составленное Т. І. Вержбицкимъ. Изданіе 2-е. **Арк. Лященка.** Памятная книжка волынской губерніи на 1888 г. Изданіе волынскаго губернскаго статистическаго комитета. **Арк. Лященка.** Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга 3-я. **И. М. Каманина.** Лопатинъ Н. М. Прокудинъ В. П. Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ. 2 части. Часть I и 1-й выпускъ второй части. **А. І. Степовича.** Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. **И. М. Каманина.** Исторія кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ, 1838—1888 г. Составилъ М. М. Захарченко. **Н. М.** Часопись Правнича. Мѣсячникъ для теоріѣ и практики. Выдаютъ д-ръ К. Левицкій, д-ръ А. Горбачевскій и д-ръ Е. Олесницкій. Рочникъ I, числа 1—4. **Н. В. Шугурова.** 1) Владимірскій сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія Россіи. 1888. 2) Святый равноапостольный князь Владиміръ—просвѣтитель Руси. 900-лѣтіе крещенія Руси. И. П. Матченко. 1889. **П. В. Голубовскаго.** Списокъ населенныхъ мѣстъ полтавской губерніи. Изданъ полтавскимъ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ въ 1887 г. A. de Gubernatis. Dictionnaire international des écrivrins du jour. Livraisons I—X. A —Gui. Florens, Paris, Leipzig. 1888—1889.

Библиотека "Руниверс"

СТР.

Êdit. L. Nikolai, Florence). Стр. 1120, in—4. **Н. В. Молчановскаго.** Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ. Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 года, касающіяся ю. Россіи. 198—224, 456 - 484, 646 - 661

Объявленія . . . . 1—10

Приложеніе: 1) **Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи.**
2) **Портретъ А. С. Лашкевича.**

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ОКТЯБРЬ.

Годъ восьмой. ТОМЪ XXVII. 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: „Откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга—по поводу статьи И. И. Малышевскаго: „О происхожденіи великой княгини русской Ольги св.“ Архимандрита Леонида. (I—VIII).

II. Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ. А. А. Востокова (1—17).

III. Культурныя переживанія. LXXII—LXXXVI. Проф. Н. Ѳ. Сумцова (18-54).

IV. Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1624 г. и мѣсто заключенія Куруковскаго договора. Ѳ. Д. Николайчика. (52—69).

V. Жилая могила. (Малорусская легенда). Л. М. Старицкой. (70—102).

VI Старая Брацлавщина и ея люди. II. Ц. Г. Неймана. (103—120).

VII. Воспоминанія М. К. Чалаго. (121-142).

VIII. Младшій братъ. Очеркъ изъ галицкой жизни Генриха Іоссе. (Переводъ съ польскаго). (143—160).

IX. Документы, Извѣстія и Замѣтки: Старинное малорусское стихотвореніе. Два дѣла о волшебствѣ. П. А. Лашиченка. Заботы Петра I объ овцеводствѣ въ Малороссіи Сообщ. О. Л. Пропавшія рукописи Н. И. Костомарова. Л. Рисунки Шевченка. Изъ прошлаго г. Кіева. А. Востокова. Одинъ изъ Мазепинцевъ. Плачъ дворянина (161-197).

X. Для справокъ. (197).

XI Библіографія. Этнографическое Обозрѣніе. Періодъ. изд отдѣла императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при московскомъ университетѣ. Кн. I. подъ ред. Н. А. Янчука. Ц. Г. Неймана. Николай Бѣляшевскій. Монетные клады кіевской губерніи. П. В Голубовскаго. Сочиненія Г. Ѳ. Квитки. III. Повѣсти и разсказы. В. Г. Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. А. Степовича. „Wisła“ 1887—1888 г Проф. Н. Ѳ. Сумцова. Краткое описаніе г. Житомира, составленное Т. I. Вержбицкимъ. Изданіе 2-е Арк. Лященка. Памятная книжка волынской губерніи на 1888 г. Изданіе волынскаго губернскаго статистическаго комитета. Арк. Лященка. Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ. (198—224).

ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1889.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXVII.

ОКТЯБРЬ.

1889 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Библиотека "Руниверс"

Дозволено цензур. Кіевъ, 26-го Сентября 1889 г.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1890 ГОДЪ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

будетъ выходить въ 1890 году *(девятый годъ изданія)* по той же программѣ. въ тѣ же сроки и въ томъ же объемѣ. какъ и въ предшествующіе годы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СО ВСѢМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

	НА ГОДЪ.	НА ПОЛГ.
Съ пересылкой и доставкой .	10 *р.* —	6 *р.*
Безъ доставки	8 *р.* 50 *к.*	5 *р.*
За границу..	13 *р.* —	7 *р.*

Подписка принимается въ редакціи: Кіевъ, Театральная. домъ № 4.

Редакторъ-издатель **А. С. ЛАШКЕВИЧЪ.**

Библиотека "Руниверс"

НѢСКОЛЬКО НОВЫХЪ ЗАМѢЧАНІЙ КЪ НАШЕЙ СТАТЬѢ:

„Откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга“ (Русская Старина, іюль 1888 года),—

по поводу статьи И. И. Малышевскаго: „О происхожденіи великой княгини русской Ольги св.“ (Кіевск. Стар., 1889 г., мѣсяцъ іюль и августъ).

Сии блаженаа Ольга оставльши Еллиньскую злоую прелесть Очю (отчю), паче же дина (колю), вземши Елленноу мудрость...

Изъ „Проложнаго житія св. Ольги“, первой древнѣйшей редакціи онаго (Прологъ Румянцевскаго музея XIII—XIV вѣка; то же самое житіе въ Хлудовскомъ Прологѣ XIV вѣка).

Съ особеннымъ любопытствомъ и удовольствіемъ прочли мы статью „О происхожденіи св. Ольги“ досточтимаго И. И. Малышевскаго, въ которой между прочимъ подробно обслѣдованъ имъ открытый нами „Владимірскій лѣтописецъ“, одно мѣсто коего касается не маловажнаго вопроса о происхожденіи св. Ольги. Этотъ памятникъ древней русской письменности XV вѣка обратилъ на себя наше вниманіе именно потому, что, вопреки извѣстію нашего лѣтописнаго свода XIV в. о сѣверномъ происхожденіи св. Ольги, сообщаетъ извѣстіе о ея южномъ происхожденіи.

Прочтя съ подобающимъ вниманіемъ статью нашего многоуважаемаго ученаго и знатока церковной исторіи, мы охотно и безъ всякаго колебанія признаемъ, что въ тѣхъ мѣстахъ нашего лѣтописнаго свода, гдѣ говорится о Плесковѣ, разумѣется русскій Плесковъ (Псковъ), а не болгарскій, какъ мы полагали доселѣ.

*

Библиотека "Руниверс"

Прибавимъ къ этому отъ себя еще одно замѣчаніе: въ нашемъ изслѣдованіи, мы выразили мнѣніе, что наши книжники XIV—XVI вѣковъ могли узнать о существованіи болгарскаго Плескова изъ рукописи славянскаго (болгарскаго) перевода хроники Константина Манассіи, 1344 года, находящейся въ московской синодальной библіотекѣ, на поляхъ которой есть современныя замѣтки, и въ одной изъ нихъ упоминается Плиска (Плесковъ). Мы отказываемся отъ этого предположенія, припомнивъ, что рукопись эта сдѣлалась извѣстною въ Россіи лишь со временъ Арсенія Суханова, который привезъ ее въ Москву съ Аѳона вмѣстѣ съ иными лишь въ 1650 году.

Но для того, чтобы отдать рѣшительное предпочтеніе свидѣтельству о сѣверномъ происхожденіи св. Ольги изъ Плескова (Пскова), необходимо еще *доказать*, что свидѣтельство о семъ лѣтописнаго свода XIV вѣка точно принадлежитъ нашей первоначальной лѣтописи, писанной въ Кіевѣ въ началѣ XII вѣка, а не есть позднѣйшая вставка въ него, относящаяся къ 1237—1250 годамъ, т. е. не къ кіевскому, а къ владимірскому періоду нашей исторіи.

Такое предположеніе не есть нашъ голословный домыслъ; на это существуетъ весьма основательная причина, а именно: кромѣ лѣтописнаго свода есть еще одинъ важный источникъ свѣдѣній о св. Ольгѣ; это древнее проложное житіе ея, завѣдомо относящееся (по сочиненію) къ до-монгольскому, т. е. кіевскому періоду [1]). Оно сохранилось въ древнихъ прологахъ; намъ извѣстны два такіе пролога съ житіемъ св. Ольги: румянцевскаго музея XIII—XIV вѣка и хлудовской библ. XIV вѣка.

Въ обоихъ этихъ прологахъ съ житіемъ св. Ольги (древней, первой редакціи) нѣтъ ни одного слова о происхожденіе св. Ольги изъ Плескова, тогда какъ во всѣхъ прочихъ прологахъ XIV—XVI вѣковъ, гдѣ встрѣчается (подъ 11 іюля) житіе святой Ольги, оно является уже въ иной редакціи (вторая), написанной очевидно подъ вліяніемъ лѣтописнаго свода, почему въ самомъ началѣ этого житія и встрѣчается извѣстное выраженіе „Сія блаженная Ольга родомъ Пльсковытыни“.

[1]) Таково мнѣніе и покойнаго И. И. Срезневскаго.

Библиотека "Руниверс"

Это и приводить насъ къ заключенію, что извѣстіе о происхожденіи св. Ольги изъ Плескова (Пскова) не принадлежитъ первоначальной лѣтописи (нач. XII вѣка), а вставлено въ нее, какъ отголосокъ народныхъ сказаній новгородско-псковской области, возникшихъ подъ вліяніемъ мѣстнаго преданія о посѣщеніи великой княгиней Ольгою въ числѣ мѣстъ новгородской области русскаго Плескова (Пскова) въ 947 году. Но принадлежатъ ли это упоминаніе о Плесковѣ первоначальной лѣтописи нач. XII вѣка? Сомнительно! [1]).

Въ кіевской же Руси было свое собственное преданіе о происхожденіи св. Ольги. Преданіе это, послѣ татарскаго погрома Кіева въ 1237 года, принесено кѣмъ либо изъ кіевлянъ въ срединную, владимірскую Русь и тутъ было вписано въ мѣстную лѣтопись, какъ надобно полагать, во вторую половину XIII или въ первую XIV вѣка. Преданіе это гласитъ, что Олегъ „поятъ Игорю жену въ Болгарѣхъ, княжну именемъ Ольгу, и бѣ мудра вельми“. Таково южное кіевское преданіе о происхожденіи св. Ольги, сохранившееся въ краткомъ владимірскомъ лѣтописцѣ исхода XV вѣка.

Изъ всего этого слѣдуетъ такое заключеніе: оба преданія (новгородско-псковское и кіевское) по своей первоначальной записи не далеки одно отъ другаго и потому оба заслуживаютъ равнаго вниманія любителей отечественной исторіи.

Многоуважаемый И. И. Малышевскій, изслѣдуя варіанты отрывка владимірскаго лѣтописца, приложеннаго къ нашей статьѣ, (числомъ 8), подвергъ ихъ подробному анализу; шесть изъ нихъ, по обнаруженнымъ тщаніемъ изслѣдователя первоначальнымъ источникамъ, оказались достаточно доброкачественными въ истори-

---

[1]) Замѣчательно, что въ *Ипатскомъ* спискѣ (половины XIV или начала XV вѣка) мѣсто это было написано, а потомъ зачеркнуто. Вѣроятно списатель его зналъ, что оба мѣста первоначальной лѣтописи, въ которыхъ упоминается Плесковъ (подъ 903 и 947 годами), есть *вставка* въ нее изъ новгородскаго лѣтописнаго свода нач. XIII вѣка, и потому хотѣлъ ихъ исключить вовсе изъ своего списка: второе исключилъ, а первое запамятовалъ исключить. Новгородскій же лѣтописный сводъ, какъ извѣстно, составленъ вскорѣ послѣ 1204 г. (см. начало Новгородской лѣтописи въ рукоп. графа Толстаго. Отд. II, № 119). Итакъ, вотъ когда именно (послѣ 1204 г.) попали въ него эти и другія *вставки*, сдѣланныя на осно-

Библиотека "Руниверс"

ческомъ отношеніи, (хотя и не всѣ въ равной степени), седьмой варіантъ: „Деревы (Древляне); рекше Литва“ онъ назвалъ „неудачнымъ“. Не отрицая справедливости этого эпитета, замѣчу однако, что лѣтописецъ XV вѣка словами „рекше Литва“ вовсе не желалъ выразить (какъ полагаетъ изслѣдователь) мысль, что онъ считаетъ древлянъ литовскимъ, а не славянскимъ племенемъ, а то, что въ его время (въ XV вѣкѣ) древляне жили въ предѣлахъ литовской, а не московской Руси. Замѣтимъ при томъ, что предъидущіе варіанты (числомъ 7) имѣютъ не самостоятельное, а лишь пояснительное значеніе и состоятъ всего изъ двухъ, много трехъ словъ, и уже по одному этому не могутъ идти въ сравненіе съ главнымъ варіантомъ владимірскаго лѣтописца, то есть съ тѣмъ его мѣстомъ, которое свидѣтельствуетъ о южномъ происхожденіи св. Ольги и читается такъ: „Игоря же жени (Олегъ) въ Болгарѣхъ, поятъ же за него княжну, именемъ Ольгу, и бѣ мудра вельми“. Предъ нами не два и не три пояснительныхъ слова, а цѣльное, округленное предложеніе, выраженное при томъ ясно и опредѣленно [1]).

Досточтимый И. И. Малышевскій, приступая къ изслѣдованію этого главнаго варіанта лѣтописи, прямо заявилъ, что онъ считаетъ его „собственнымъ домысломъ“ лѣтописца, вѣроятно на томъ основаніи, что источникъ этого варіанта имъ не обна-

---

ваніи народныхъ легендарныхъ преданій, во славу Новгорода, соперничавшаго искони съ „матерью градовъ русскихъ“, переявшей у него первенство еще въ 882 г. удерживавшаго оное въ продолженіи $3^1/_2$ столѣтій (до 1237 г.). Изъ новгородскаго лѣтописнаго свода *вставки* эти перешли въ лѣтописный сводъ серединной (владимірской) Руси, въ первой же половинѣ XIII вѣка (послѣ 1237 и не позже 1250 г.)

[1]) Кстати, позволимъ себѣ заявить здѣсь многоуважаемому И. И. Малышевскому и всѣмъ интересующимся обсуждаемымъ вопросомъ, что свидѣтельство о южномъ происхожденіи св. Ольги, приведено нами изъ подлинной рукописи, въ коей находится владимірскій лѣтописецъ, съ дипломатическою точностью: слово въ слово, и буква въ букву (съ раскрытіемъ титлъ), а потому и вопросъ изслѣдователя, вѣрно ли прочтено или переписано выраженіе „въ Болгарѣхъ“, не стоитъ ли вмѣсто него „въ Болярѣхъ“, мѣста не имѣетъ.

Полагаемъ, что такое чтеніе не можетъ быть допущено и въ видѣ догадки, потому что, будучи не лишено смысла въ настоящее время, по отношенію къ первоначальному періоду нашей исторіи оно едва ли найдетъ подтвержденіе въ примѣрѣ изъ лѣтописи.

Библиотека "Руниверс"

руженъ. Мы не удивляемся такому предположенію, но согласиться съ нимъ не можемъ.

Весьма понятно, что почтенный изслѣдователь, признавая неоспоримымъ извѣстіе о сѣверномъ происхожденіи св. Ольги (въ защиту котораго и написана его статья), и какъ принадлежащее, по его мнѣнію, первоначальной лѣтописи, писанной въ Кіевѣ въ нач. XII вѣка, и принимая во вниманіе, что извѣстіе о южномъ происхожденіи св. Ольги нашлось пока лишь въ одной второстепенной и краткой лѣтописи XV вѣка, конечно имѣлъ полное право усумниться въ его подлинности и потому обозвать его „собственнымъ домысломъ“ лѣтописца. Но мы, какъ сказали выше, не можемъ считать *доказаннымъ*, что извѣстіе о сѣверномъ происхожденіи Ольги „изъ Плескова“ (Пскова) принадлежитъ нашей первоначальной лѣтописи (нач. XII вѣка), а по изъясненнымъ выше причинамъ, считаемъ это извѣстіе позднѣйшею вставкою въ лѣтописный сводъ, сдѣланною не въ кіевскій, а во владимірскій періодъ нашей исторіи, а именно между 1237 и 1250 годами, изъ новгородскаго лѣтописнаго свода нач. XIII вѣка (послѣ 1204 г.), а извѣстіе о южномъ происхожденіи св. Ольги отъ болгаръ, сохранившееся въ лѣтописцѣ XV вѣка, признаемъ заимствованнымъ изъ источника болѣе древняго, восходящаго тоже ко второй половинѣ XIII или по крайней мѣрѣ къ первой половинѣ XIV вѣка, однимъ словомъ, считаемъ оба эти извѣстія (по записи) одновременными или не далекими одно отъ другаго и потому имѣющими равное право на вниманіе.

Высказавъ свое мнѣніе касательно „сочиненности“ извѣстія южномъ происхожденіи св. Ольги владимірскаго лѣтописца, многоуважаемый И. И. Малышевскій, какъ бы въ оправданіе или подкрѣпленіе онаго мнѣнія, сопоставляетъ съ нимъ извѣстіе, относящееся къ тому же самому вопросу о происхожденіи св. Ольги, изъ лѣтописца нач. XVII вѣка (1606 г.), находящееся въ одномъ изъ сборниковъ Императорской публичной библіотеки (изъ Погодинскаго собранія). Извѣстіе это читается такъ: „Посемъ (послѣ похода Олега на Царьградъ) женись Князь Игорь Рюриковичь во Плесковѣ, поя за себѣ Княжну Ольгу дщерь Тмутаркана, Князя Половецкаго“. Приведя эту выписку, изслѣдователь говоритъ:

Библиотека "Руниверс"

„не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что это сообщеніе не есть извѣстіе, почерпнутое изъ какого либо древняго источника, а собственное мнѣніе, собственное измышленіе автора краткой лѣтописи москвича XVII вѣка". Мы не думаемъ ошибиться, сказавъ, что приведеніе этого извѣстія на среду сдѣлано изслѣдователемъ для показанія „возможности" сдѣлать то же самое заключеніе и относительно извѣстія владимірскаго лѣтописца XV вѣка.

Но мы отказываемся согласиться съ мнѣніемъ достопочтеннаго изслѣдователя о „сочиненности" и этого извѣстія лѣтописца XVII вѣка. По нашему мнѣнію, онъ повиненъ передъ судомъ исторической критики вовсе не въ „измышленіи" извѣстія, а въ неумѣлой поправкѣ его первоначальнаго чтенія, изъ желанія согласовать оное съ извѣстіемъ лѣтописнаго свода. Полагаемъ, что первоначальное чтеніе было таково:

„Посемъ женись князь Игорь Рюриковичь въ Тмутарканѣ, поя за себѣ княжну Ольгу, дщерь князя тмутарканскаго".

Лѣтописецъ XVII вѣка, не понявъ смысла этого извѣстія, вздумалъ „пояснить" его слѣдующимъ образомъ: онъ вмѣсто „въ Тмутарканѣ" поставилъ „въ Плесковѣ", но по добросовѣстности (за что ему великое спасибо!) не выключилъ вовсе слова „Тмутарканъ" а только изъ географическаго термина (названіе городаи области) сдѣлалъ имя собственное; вмѣсто же князя „тмутарканскаго" поставилъ (по догадкѣ) „половецкаго", чтобы избѣгнуть повторенія одного и того же слова, уже измѣненнаго имъ въ своемъ значеніи.

Таковъ, по нашему мнѣнію, процессъ испорченности первоначальной записи; полагаемъ, нѣтъ надобности доказывать, что наши древніе лѣтописцы (до XVIII вѣка) не были охочи сочинять подложныя лѣтописныя сказанія, а если иногда и бывали виновны, какъ въ настоящемъ случаѣ, въ неудачныхъ поправкахъ той или другой первоначальной записи, то все таки дѣлали это не смѣло, а скорѣе робко, подчасъ и неумѣло.

Очевидно, что въ разсматриваемомъ варіантѣ лѣтописецъ, встрѣтивъ двукратное повтореніе слова Тмутаркань, („въ Тмутарканѣ", и „Тмутарканскаго") и инстинктивно понявъ, что оно въ этомъ извѣстіи имѣетъ какое то выдающееся значеніе, потому и не рѣшился вовсе исключить его, и тѣмъ сохранилъ для насъ драгоцѣнное указаніе, о какихъ именно „болгарахъ" идетъ рѣчь въ опредѣленномъ и ясномъ извѣстіи о южномъ происхожденіи св. Ольги во владимірской лѣтописи XV вѣка.

Библиотека "Руниверс"

Ясно открывается, что тамъ разумѣются болгары не дунайскіе (какъ мы полагали прежде), а азовско-черноморскіе, тѣснѣе тмутараканскіе, которыхъ византійскіе историки X вѣка именуютъ „черными болгарами“, единоплеменники болгаръ дунайскихъ.

О черныхъ, или тмутараканскихъ болгарахъ и ихъ отношеніи къ кіевскимъ великимъ князьямъ свидѣтельствуетъ договорная грамота в. к. Игоря 946 года, изъ которой видно, что они въ это время уже состояли въ вассальной зависимости отъ Игоря и потому онъ обязуется удерживать ихъ отъ нападенія на Корсунь и греческія крымскія колоніи.

Вассальному подчиненію, конечно, предшествовали мирныя дружескія отношенію сихъ болгаръ къ кіевскимъ руссамъ, вѣнцомъ этихъ отношеній, по мудрой политикѣ в. к. Олега, и была женитьба его воспитанника и родича князя Игоря (въ 903 г.) на княжнѣ Ольгѣ, дочери тогдашняго тмутараканскаго князя.

А при св. Владимірѣ, при раздѣленіи имъ великаго княжества кіевскаго на удѣлы,—Тмутаракань уже является удѣломъ одного изъ его сыновей,—Мстислава, о чемъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 988 годомъ. Княжество это составляло самый дальній юго-восточный край тогдашней кіевской Руси и принадлежало ей до исхода XI вѣка, въ которомъ, или въ началѣ XII вѣка, было отторгнуто половцами.

Въ послѣдній разъ тмутараканское княжество является на страницахъ лѣтописнаго свода подъ 1096 годомъ. Ко многимъ и интереснымъ заключеніямъ ведетъ извѣстіе кіевскаго преданія о происхожденіи св. Ольги отъ болгаръ, и именно отъ тмутараканскихъ, или азовско-черноморскихъ.

Это извѣстіе между прочимъ упраздняетъ справедливое возраженіе И. И. Малышевскаго относительно язычества Ольги. „Не вѣроятно, говоритъ онъ, чтобы болгарская княжна X вѣка была и пришла въ Русь язычницею, а не христіанкою“. Это дѣйствительно, если не невозможно, то мало вѣроятно, зная, что у дунайскихъ болгаръ христіанство еще во второй половинѣ IX вѣка уже сдѣлалось господствующею религію и что это дѣло (т. е. принятіе христіанства), какъ и у насъ въ кіевской Руси при св. Владимірѣ, шло сверху внизъ, а не на оборотъ, т. е. что христіанство было принято сперва княземъ и боярами и потомъ, по ихъ примѣру, народомъ.

Но у болгаръ тмутараканскихъ это было наоборотъ. Тамъ частныя обращенія въ христіанство, благодаря сосѣдству сильныхъ

Библиотека "Руниверс"

греческихъ центровъ, каковы Корсунь и Сугдея, начались съ VII вѣка и продолжались въ послѣдующія вѣка, съ разными колебаніями, по недостатку сильной централизаціи и по поводу ихъ вассальной зависимости въ IX вѣкѣ отъ хозаръ, съ которыми „черные болгары“ долго вели кровопролитныя войны, оспаривая свою независимость при помощи кіевскихъ руссовъ, и лишь къ началу X вѣка успѣли наконецъ сладить съ хозарами, послѣ того когда на смѣну хозарскихъ гарнизоновъ въ ихъ городахъ явились гарнизоны изъ кіевскихъ руссовъ. Посему нѣтъ ничего невѣроятнаго, что дочь тмутараканскаго князя, выйдя замужъ за русскаго в. к. Игоря язычника, хотя пришла на Русь оффиціально тоже язычницею, но какъ рожденная въ такой странѣ, гдѣ христіанство издавна уже пустило глубокіе корни въ народѣ (такъ что въ исходѣ IX вѣка Тмутаракань (греческая Таматарха) въ Уставѣ императора Льва Философа уже значилась въ числѣ епархій, подвѣдомственныхъ константинопольскому патріарху),—принесла съ собою въ Кіевъ твердое душевное предрасположеніе къ христіанству, и именно къ восточно-греческому. Посему когда наступило сему благопріятное для нея время (по смерти мужа язычника) и отправилась для крещенія не въ Римъ, (то было бы вѣроятнѣе, если бы она была варяжкою), а въ Царьградъ, не къ папѣ, а къ патріарху.—Послѣдуя примѣру досточтимаго И. И. Малышевскаго, въ заключеніе нашей статьи скажемъ, что хотя мы и не скрываемъ, по всему вышесказанному, своего сочувствія къ извѣстію о южномъ происхожденіи св. Ольги, но вовсе и не намѣрены придавать ему „рѣшающаго“ значенія, а стоимъ лишь на томъ, что извѣстіе это отнюдь „не сочинено“, а будучи по времени записи недалекимъ отъ такого же извѣстія о сѣверномъ происхожденіи св. Ольги, имѣетъ посему равное съ нимъ право на вниманіе любителей исторіи.

Вопросъ остается „открытымъ“ до находки иныхъ записей относительно южнаго (кіевскаго) преданія о происхожденіи св. Ольги. А что эти находки возможны, доказываетъ найденная нами запись владимірскаго лѣтописца XV вѣка и варіантъ того же извѣстія въ лѣтописи XVII вѣка, разумѣется въ его первоначальномъ, (а не испорченномъ неудачной поправкой лѣтописца“) видѣ.

Архимандритъ **Леонидъ.**

Библиотека "Руниверс"

Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ.

Должно быть не дешево обходилось малороссійской старшинѣ полученіе урядовъ, такъ какъ сохранилось множество дѣлъ о злоупотребленіяхъ старшины, начиная отъ гетмановъ до простыхъ сотенныхъ писарей. Всѣ эти злоупотребленія, въ большинствѣ случаевъ, выражались въ излишнемъ обложеніи козаковъ поборами и особенно въ требованіяхъ исправленія патуральныхъ повинностей. Жалобы на мелкихъ чиновъ обыкновенно кончались полковымъ судомъ; жалобы же на полковниковъ доходили въ XVIII в. до гетмана и до иностранной коллегіи. Какія позволяли себѣ полковники злоупотребленія, можно видѣть изъ дѣла полковника полтавскаго Ивана Черняка, производившагося въ 1714 г. и встрѣтившагося мнѣ среди дѣлъ, относящихся до княжествъ Молдавскаго и Валашскаго, куда оно попало, очевидно, совсѣмъ случайно.

Дѣло началось по письму государственнаго канцлера, графа Гаврилы Ивановича Головкина на имя гетмана Скоропадскаго отъ 18 ноября 1714 г. слѣдующаго содержанія: „Извѣстно здѣсь учинилось, что полтавскаго полка судья Петръ Коваико и иные приносили ему жалобу на полковника полтавскаго Ивана Черняка во многихъ его ко всему полку обидахъ и что онъ же, Чернякъ, выдалъ на тотъ полкъ горѣлки своей 1000 куѳъ, а за каждую куѳу взялъ по 24 рубля; да онъ же для взятковъ учреждаетъ въ сотники и въ иные уряды того полка людей подозрительныхъ, а именно: учинилъ въ мѣстечко Будище сотникомъ зятя своего Дмитрія Калачинскаго, у котораго братъ родной при измѣнникѣ Войнаровскомъ маршалкомъ, новосенджаровской сотникъ Матвѣй

Библиотека "Руниверс"

Буцкой, нехворощинской сотникъ Стецко были при измѣнникѣ Мазепѣ, переволочанской сотникъ Дмитро съ измѣнникомъ Косткою Гордѣенкомъ былъ, когда въ Царичанкѣ побили великороссскихъ людей. И ежели такое доношеніе ему, господину гетману, отъ того судьи и другихъ на того полковника есть, то надлежитъ его призвать въ Глуховъ, а въ тотъ полкъ послать кого изъ генеральной старшины и изъ офицеровъ отъ полковъ, которые при немъ, гетманѣ, есть, и, въ небытность Черняка въ полтавскомъ полку, противъ того доношенія тѣмъ обоимъ посланнымъ велѣть о немъ, полковникѣ, сыскать: такія тому полку обиды и тягости онъ, Чернякъ, чинилъ ли? А что въ сыску тамошніе жители учнутъ говорить, тому учинить записку и привезть къ нему, гетману, а онъ бы тотъ сыскъ прислалъ въ СПбургъ къ государственному канцлеру; а тѣхъ людей, которыхъ онъ въ чины наставилъ, и ежели оные подлинно суть въ вѣрности подозрительные и такіе, какъ писано выше сего, то велѣть ихъ отъ чиновъ отлучить и выбрать на ихъ мѣста иныхъ добрыхъ и вѣрныхъ людей". Въ отвѣтъ гетманъ Скоропадскій извѣстилъ Головкина, что онъ уже давно послалъ въ полтавскій полкъ для розыска о дѣяніяхъ Черняка генеральнаго есаула Бутовича, который уже произвелъ розыскъ, а указанныхъ въ жалобѣ сотниковъ велѣлъ отъ урядовъ отставить, а на ихъ мѣсто выбраны новые. При письмѣ этомъ Скоропадскій прислалъ и самый розыскъ о Чернякѣ, дополнивъ его доношеніемъ козака Кондака на Черняка же и показаніями отставленныхъ сотниковъ.

Въ доношеніи козака Данила Кондака написано: „ноября въ 23 д. 1714 г. въ Полтавѣ въ канцеляріи передъ комендантомъ Иваномъ Отяевымъ полтавской житель Данило Кондакъ доносилъ: въ 1713 г. зимою, послѣ Рождества Христова, посылалъ его полковникъ Чернякъ говорить кошевому Косткѣ и прочимъ запорожцамъ, чтобъ „не важились кланяться царскому величеству: еще де висѣлицы московскія не наполнились; а если де поклонитесь, то, конечно, наполнятся вами!" И онъ де, Данила, пріѣхавъ въ Сѣчу, боясь полковника Черняка, чтобъ его не убилъ кіями до смерти, оныя слова кошевому Костькѣ говорилъ и за оное кошевой полковника Черняка благодарилъ; и онъ, Данила, видя

Библиотека "Руниверс"

его полковничье съ кошевымъ, съ Костькою, согласіе, а къ царскому величеству незычливость, напомнилъ Бога и вѣрную свою службу къ царскому величеству, прочимъ запорожцамъ такихъ словъ не говорилъ, чтобы не сдѣлать большаго въ Сѣчи возмущенія. Про такіе слова онъ давно хотѣлъ донесть коменданту, но за страхомъ полковника Черняка не смѣлъ, для того что видѣлъ, что онъ, полковникъ, сдѣлалъ надъ другими. Да онъ же, Чернякъ, отпуская его въ Сѣчу, говорилъ: „видишь ты меня теперь паномъ, еще надѣюся быть и большимъ!“

Въ челобитной полтавскаго полка судьи полковаго Петра Кованка съ товарищами приведены слѣдующія обвиненія полковника Черняка:

1) По указу царскаго величества повелѣно, чтобъ въ малороссійскихъ городахъ аренды не было, и всякой бы человѣкъ, не имѣя другихъ занятій, могъ свободно шинковать виномъ, заплатя въ ратушу два рубля за куѳу; а полковникъ ихъ наложилъ на подлыхъ бѣдныхъ людей на вымѣръ ведро по два талера, и хотя бы вино пили или вылили, только бъ деньги ему за него дали. Чрезъ это людямъ ихъ полка чинится немалая обида, а войсковой прибыли убытокъ.

2) Такожъ повелѣно, чтобъ никто въ полевыя рѣчки за добычами звѣриными и рыбными не дерзалъ; полковникъ же ихъ посылалъ козаковъ за рѣку Самарь на р. Быкъ для добычи, изъ нихъ запорожцы одного знатнаго товарища сотни полтавской убили, а другихъ ограбили. По примѣру полковника и другіе козаки стали ходить по рѣчкамъ для добычи, а когда возвращаются съ добычей домой, полковникъ же ихъ ограбитъ.

3) Онъ же, полковникъ, хотя показать свою службу, собравъ лучшихъ козаковъ своего полка, ходилъ за Днѣпръ за запорожцами; но дойдя до Суры въ степь, убоясь идти дальше, отправилъ на запорожцевъ небольшое число козаковъ, которые, сшедшись съ татарами и запорожцами, дали имъ бой; видя невозможность удержаться противъ непріятеля, козаки послали къ полковнику съ просьбой о присылкѣ помощи, но полковникъ на помочь не послалъ, отчего нѣсколько десятковъ козаковъ должны были пропасть.

Библиотека "Руниверс"

4) За нерадѣніемъ полковника, въ полку нѣтъ надлежащихъ сторожъ и разъѣздовъ, а потому непріятели ежегодно угоняютъ скотъ и лошадей, чего при прежнихъ полковникахъ не было.

5) Козаки, которые должны быть наряжены на сторожи и въ разъѣзды, вмѣсто того, по приказанію полковника, возятъ ему на строеніе лѣсъ и гатятъ гребли, и не только въ ихъ полку, но выгоняетъ козаковъ на гребли и въ миргородской полкъ въ городокъ Омельникъ къ своимъ племянникамъ; сѣно ему козаки косятъ, и не только ему, но и всѣмъ его свойственникамъ и арендовымъ шафарчикамъ. Живя въ такой неволѣ, козаки не могутъ исправиться послѣ шведскаго разоренія, а потому многіе разошлись въ иные полки, а иные находятся въ крайнемъ убожествѣ.

6) Также имъ, козакамъ, и то великая тягость, что онъ, полковникъ, переломавъ права ихъ и вольности козацкія, которыя его царскаго величества грамотами утверждены, ставитъ на уряды сотниковъ не тѣхъ, которые по заслугамъ своимъ и вольнымъ козачьимъ голосамъ годны, но учиняетъ торгъ, и кто больше дастъ, того и допускаетъ на урядъ сотничества; а тѣ, въ свою очередь, чинятъ великій грабежъ бѣднымъ козакамъ и посполитымъ людямъ, чтобъ возвратить данную полковнику сумму.

О взяткахъ его и грабежахъ всякъ своими супликами будетъ бить челомъ, если кто будетъ присланъ отъ гетмана для розыску.

Въ заключеніе просятъ полковника ихъ Черняка перемѣнить.

Подъ челобитьемъ подписались: Петръ Кованка, судья полковой, Иванъ Залѣсскій, писарь полковой, Михаилъ Руденко и Павелъ Гарасимовъ, хорунжіе полковые, и восемь человѣкъ другихъ того полку товарищей.

Не привожу отвѣтовъ Черняка на обвинительные пункты, потому что объясненія его на нѣкоторые пункты совершенно голословны, не подтверждены никакими свидѣтелями, а иные пункты онъ призналъ правильными, ссылаясь на обычай.

Послѣ того Бутовичемъ были допрошены тѣ сотники, которые, по мнѣнію челобитчиковъ, поставлены на уряды неправильно. Первымъ подалъ о себѣ сказку Дмитрій Калачинскій, зять полковника: „Когда Мазепа на покойныхъ Кочубея и Искру гналъ, гналъ же и за тестемъ его; и домъ его Григорьемъ Гер-

Библиотека "Руниверс"

цикомъ разоренъ, а его, Черняка, ѣдущаго въ войско, взяли компанейцы и, заклепавъ въ колодку, привезли подъ Кіевъ и отдали артилерному есаулу, и сидѣлъ за карауломъ, о чемъ вѣдаетъ литейный мастеръ Карпъ. Тогда жена полковника Черняка, увѣдавъ, что мужъ ея держится въ узахъ за карауломъ, посылала къ Мазепѣ сына своего Еремѣя и его, Дмитрія, въ Бѣлую Церковь просить о свободѣ его; и какъ они пріѣхали въ Кіевъ, и ихъ, не давъ свидѣться съ Чернякомъ, за карауломъ послали въ Бѣлую Церковь, гдѣ, по Мазепиному приказу, были посажены въ тюрьму и сидѣли пять дней,—о чемъ вѣдаютъ полковникъ Чернышъ и Матвѣй Буцкій, и угрожали ему, Дмитрію, пыткою, чтобы онъ объявилъ о пожиткахъ Кочубея, гдѣ они скрыты. Затѣмъ вмѣстѣ съ артиллеріею привезли въ Бѣлую Церковь и тестя его, Черняка, и всѣхъ ихъ; по принятіи Чернякомъ присяги, что онъ о пожиткахъ Кочубея тоже ничего не знаетъ, отпустили. Въ это время онъ часто видѣлся съ своимъ братомъ, а по отъѣздѣ домой и донынѣ онъ совершенно не знаетъ, гдѣ находится его братъ, и живъ ли онъ, такъ какъ писемъ отъ него не получалъ и самъ къ нему не писалъ. А какъ измѣнникъ Мазепа и бунчужный Мировичъ пріѣзжали въ Полтаву, тогда они были гонимы отъ Дороша, Красноперича и Михаила Руденка. Послѣ того тесть его Иванъ Чернякъ посланъ въ Крымъ и въ Сѣчу, гдѣ кошевой Костька, бивъ его нещадно, забивъ въ кандалы и оковавъ руки, отослалъ съ сотникомъ миргородскаго полка съ потоцкимъ къ Мазепѣ; а теща его съ сыномъ и съ нимъ, Дмитріемъ, и свойственники, оставивъ жилище и имѣніе свое въ Полтавѣ и въ Яворонцахъ, боясь сообщниковъ Мазепиныхъ, чтобы и надъ ними какого зла не учинили, съ позволенія князя Александра Волконскаго, уѣхали въ Нехворощу, оттуда въ Вольный, а изъ Вольнаго въ Харьковъ, гдѣ узнали, что Мазепа тестя его, полковника Черняка, въ Великихъ Будищахъ хочетъ казнить смертью. Тогда они били челомъ генералъ-фельдмаршалу, свѣтлѣйшему князю Меньшикову о вызволеніи его отъ смерти; его свѣтлость приказалъ объявить Герцичкѣ старой, чтобы она послала къ зяту своему Орлику и къ дѣтямъ своимъ, бывшимъ при измѣнникѣ Мазепѣ, съ предложеніемъ: ежели Чернякъ Ма-

Библиотека "Руниверс"

зепою будетъ казненъ, то взаимно она, Герцичка, съ дѣтьми ея буґутъ казнены, а потому старались бы они Черняка отъ казни вызволить. Герцичка, по приказу князя, написала къ Орлику и къ своимъ дѣтямъ письмо, которое онъ, Калачинскій, послалъ изъ Гайворонца съ шпигомъ къ Орлику; шпига шведы поймали и казнили, о чемъ старая Карамущиха съ дѣтьми своими свѣдома, а письмо было отдано Орлику, и по тому письму тесть его не казненъ. По отсылкѣ Герцичина письма, онъ, Калачинскій, возвратился въ Харьковъ, гдѣ и жилъ до полтавской викторіи; а ни въ какой измѣнѣ онъ не былъ".

Матвѣй Буцкой, сотникъ новосенджаровской, показалъ: „Когда Кочубей и Искра поѣхали къ великому государю доносить о Мазепиной измѣнѣ, тогда они были въ своемъ хуторѣ Коломацѣ. Дорошецъ, имѣя на нихъ злобу, послалъ дѣтей своихъ въ другой хуторъ ихъ Готовянской; тамъ они забрали ихъ пастуховъ и, бивъ, спрашивали, гдѣ находятся Буцкіе. Одинъ изъ пастуховъ ушелъ отъ Дорошанъ къ нимъ въ Коломакъ и объявилъ имъ, что ихъ хотятъ, забивши въ колодки, везти въ Полтаву въ тюрьму. Услыша объ опасности, онъ съ братомъ Григорьемъ ушли въ городъ Коломакъ и жили тамъ весь великій постъ; а въ великую субботу ночью въ Коломакъ пріѣхала, укрываясь, госпожа Искрина. Узнавши объ ея прибытіи въ Коломакъ, Григорій Герцикъ пріѣхалъ съ козаками и, забравъ ихъ, забилъ въ колодки и привезъ въ Полтаву; здѣсь, вмѣсто колодокъ, забилъ въ кандалы и отослалъ его въ Бѣлую Церковь къ Мазепѣ, а брата его въ Гадячъ въ тюрьму. Въ Бѣлой Церкви сидѣлъ онъ подъ карауломъ отъ Вознесенія до Воздвиженія, вмѣстѣ съ полковникомъ Чернышемъ и другими, а потомъ Мазепа послалъ его въ Быково и приказалъ Гамалѣю, чтобы, наказавши жестоко, изъ подъ караула отпустилъ его. Чрезъ нѣсколько дней его и брата его Григорья изъ гадяцкой тюрьмы освободили и по ихъ прошенію Мазепа далъ имъ листъ объ освобожденіи ихъ женъ и объ отдачѣ пожитковъ, съ каковымъ листомъ они пріѣхали въ Полтаву. На той же недѣлѣ, какъ они пріѣхали въ Полтаву, сдѣлался въ Полтавѣ бунтъ изъ за грамотъ царскаго величества, что онѣ не были читаны въ радѣ, при чемъ былъ убитъ полтавскій писарь Лозинской.

Библиотека "Руниверс"

По усмиреніи бунта, Дорошъ и Красноперичъ, считая ихъ, Буцкихъ, подстрекателями къ убійству Лозинскаго, приказали посадить ихъ въ ратушу, гдѣ они сидѣли день, а затѣмъ по просьбѣ ихъ женъ полтавскій полковникъ ихъ освободилъ. Тесть его, узнавши, что онъ опять взятъ подъ караулъ, взялъ его жену и дѣтей и отвезъ въ Новосенджаровъ; а они, Буцкіе, съ полковникомъ Чернякомъ поѣхали къ царскому величеству въ Лебединъ, откуда Чернякъ былъ посланъ въ Крымъ. О всѣхъ его бѣдствіяхъ вѣдаетъ бывшій тогда въ Полтавѣ командиромъ князь Волконской, который совѣтовалъ ему изъ Полтавы куда нибудь удалиться, только не въ противную его царскому величеству сторону, такъ какъ Дорошъ, Красноперичъ и Руденокъ говорили: „пока они всѣхъ Кочубейскихъ свойственниковъ и ихъ совѣтниковъ не перевѣшаютъ, дотолѣ въ дѣлѣ ихъ не будетъ имъ свободы“. По совѣту князя Волконскаго, братъ его съ дочерью Черняка ушелъ въ Нехворощъ, а онъ къ своей женѣ и дѣтямъ въ Новосанджаровъ, и хотя очень желалъ переѣхать въ Нехворощъ, но по причинѣ великой весенней воды черезъ Ворсклъ переправиться не могъ и принужденъ былъ остаться въ Новосанджаровѣ почти до баталіи. Тутъ ихъ застали запорожцы, отъ которыхъ онъ съ тестемъ своимъ, съ женою и съ дѣтьми, по случаю слабаго присмотра, уѣхалъ въ миргородской полкъ къ Потоку, и стояли за Псломъ; а какъ услыхали про гетмана и князя Долгорукаго, что они гонятся за шведами, то явились къ гетману и къ Долгорукому и просили себѣ у гетмана охранительнаго указа, который имъ и былъ выданъ. Съ нимъ они пріѣхали въ Омельникъ. Въ бытность свою въ Сенджаровѣ, онъ не имѣлъ никакого уряда и жилъ въ рядовыхъ товарищахъ. Когда запорожцы пришли въ Новосанджаровъ и кошевой Костька сталъ на квартирѣ у тестя его, то узнавши, что онъ, Матвѣй, свой Кочубею, призвалъ его и спросилъ: „онъ ли былъ за карауломъ за Кочубея?“ „Я“. „Ты ему родичъ доводишься?“ „Родичъ“. Кошевой продолжалъ: „былъ у насъ въ Сѣчи Иванъ Жуковъ, внукъ, да добро, что ушелъ!“ А больше того ничего не говорилъ. Потомъ пріѣзжалъ въ Новосенжаровъ Мазепинъ бунчужный Ѳедоръ Мировичъ; изъ Новосенжарова Мировичъ вмѣстѣ съ кошевымъ поѣхалъ къ Мазепѣ

Библиотека "Руниверс"

въ Великое Будище и захватилъ его и бывшаго новосенжаровскаго сотника Романа. За карауломъ ихъ не держали, а только подъ крѣпкимъ надзоромъ, и чрезъ нѣсколько недѣль съ кошевымъ возвратились въ Новосенжаровъ.

Это показаніе Матвѣя Буцкаго засвидѣтельствовали и подписали бывшій сотникъ новосенжаровскій Яковъ Мелещенко съ товарищами, восемь человѣкъ.

По окончаніи допроса сотниковъ, полковникъ Чернякъ далъ свое объясненіе относительно будто бы неправильнаго назначенія указанныхъ сотниковъ на уряды, помимо болѣе достойныхъ. Онъ указалъ на то, что доселѣ никто изъ старшины полтавскаго полка не указывалъ ему на неправильный выборъ сотниковъ; съ другой стороны въ полку такъ мало осталось старшины, которые бы не измѣнили государю, что онъ не имѣлъ никакой возможности выбирать на уряды исключительно вѣрныхъ людей; такъ, ему пришлось по нуждѣ вручить хорунжество Михаилу Руденку, который теперь, вмѣстѣ съ Кованькомъ, на него челобитчикъ, а между тѣмъ во время измѣны возилъ грамоты великаго государя къ Мазепѣ и за то получалъ отъ него награды, и когда узналъ, что Мазепа измѣнилъ, въ Великихъ Будищахъ ограбилъ до нага великороссійскихъ людей и еслибъ бывшій сотникъ Максимъ Левченко не выслалъ ночью людей въ Опошню, то онъ ихъ перебилъ бы.

Послѣ розыска по общимъ пунктамъ челобитной, генеральный есаулъ Бутовичъ приступилъ къ разбору жалобъ отдѣльныхъ лицъ. На жалобы давалъ отвѣты или самъ полковникъ, или полтавская полковая старшина, смотря по тому, на чье рѣшеніе приносится жалоба; въ заключеніе по каждой жалобѣ Бутовичъ ставилъ свое опредѣленіе. Хотя этихъ жалобъ приведено въ дѣлѣ слишкомъ много, но онѣ такъ ярко освѣщаютъ бытъ того времени, что было бы грѣхомъ не привести ихъ, тѣмъ болѣе, что бытовая исторія Малороссіи XVIII ст. далеко не разработана.

Иванъ Шило, товарищъ сотни полковой, билъ челомъ на полковника въ порубкѣ его лѣса на свое мельничное и хоромное строеніе; въ лѣсу этомъ были доли и его братьевъ. Полковникъ отвѣчалъ, что велѣлъ Шиловъ лѣсъ рубить за его прелюбодѣяніе,

Библиотека "Руниверс"

за что съ вѣдома митрополита кіевскаго, по правиламъ св. отецъ и по артикуламъ правнымъ (какъ въ книгѣ мѣской ратуши полтавской написано) присужденъ былъ къ смертной казни, но, по ходатайству духовенства, бывшаго на томъ судѣ, отъ казни освобожденъ, а за вину указано вырубить его лѣсъ, при чемъ срублены и братнія части. Но въ вознагражденіе братьевъ Шила за вырубленный лѣсъ изъ мѣскаго уряду велѣно отвести имъ нерубленный лѣсъ, а опустошенное мѣсто оставить Ивану.

Леско Мищенко, житель полтавскій, жаловался на полковника за взятье двадцати четырехъ ульевъ пчелъ за то, что будто у него чужой улей опознали, чего по розыску не явилось. Полковникъ отвѣчалъ, что три улья пчелъ, по приказу гетманскому, вслѣдствіе челобитья Мищенка, онъ уже возвратилъ, а двадцать одинъ улей отдастъ весною, на что и обликъ Мищенку своею рукою написалъ.

Петръ Кушнеръ, житель тахтауловскій, билъ челомъ на полковника за взятый лѣсъ, да на бывшаго великобудинскаго сотника Калачинскаго и бывшаго атамана тахтауловскаго Константина въ двухъ коровахъ, въ двухъ свиньяхъ и въ двухъ плугахъ желѣза. На это челобитье полтавская полковая старшина дали отвѣтъ, что жена его, Кушнеренкова, приличилась въ чародѣяніи и хотѣла зятя своего Грицка Рѣзниченка съ его женою отравить; также чинила и другія чародѣйства, въ чемъ сама созналась и записано въ книгахъ мѣскихъ, за ту вину вышеписанное и забрано.

Юрій Панченко, бывшій козакъ рѣшетиловской сотни, а теперь самовластно перешедшій въ подданство къ госпожѣ Искриной, въ село Демидовку, жаловался о забраніи лѣса, лужка сѣножати, поля пахотнаго и рухомостей нѣкоторыхъ на полковника. Въ отвѣтъ полковникъ представилъ письмо, составленное на рѣшетиловскомъ урядѣ, въ которомъ написано, что какой то Миронъ Корноушенко, укравши неводъ на хуторѣ на Гоутвѣ, принесъ его къ Панченку; разрѣзавши неводъ на волоки, они украдомъ ловили рыбу въ озерахъ госпожи Искриной, въ чемъ Панченка рѣшитиловскій урядъ и обвинилъ. А когда прислали взять у него на полковника пчелъ, то нашли въ погребѣ два

Библиотека "Руниверс"

краденыхъ улья, одинъ подъ клеймомъ Родька Слюсаренка, а другой Матвѣя Сененка; за двукратное злодѣйство означенную худобу онъ и побралъ.

Степанъ Бутовичъ опредѣлилъ: лѣсъ, поле, и сѣножати возвратить.

Агрипина Баришка бывшая сотничка уманьская, била челомъ на полковника о лу́кѣ покойнаго мужа своего, который она дала полковнику за то, чтобъ освободилъ ея мужа своею инстанціею изъ подъ караула въ Кіевѣ; однако жъ мужа ея онъ не освободилъ. Полковникъ отвѣчалъ, что дала ему тотъ лукъ по своей доброй волѣ; однако жъ, указу регементарскому довольство чиня, лукъ возвратилъ и квитанцію съ нея взялъ.

Ярема Безрученко билъ челомъ на полковника за порубку въ его лѣсу полутораста деревьевъ на городовое строеніе, изъ которыхъ пятьдесятъ, по пропорціи своего грунта, уступаетъ, а за сто требуетъ денегъ, такъ какъ его этимъ противъ иныхъ обидѣли. Опредѣлено: Наказано именемъ регементарскимъ, дабы за сто деревьевъ заплатили съ города.

Миронъ Рябуха, житель старосанджаровскій, билъ челомъ, что якобы полковникъ велѣлъ у него товарищу сотни новосанджаровской Моклякову, когда онъ шелъ изъ Вольнаго, худобу всю забрать. На это обвиненіе отвѣчалъ полковой судья Кованько: когда Вольный съ Плякою забунтовали и присоединились къ противной сторонѣ, въ то время и онъ, Рябуха, показалъ знатную непріязнь противъ царскихъ людей и чинилъ поиски; когда же жители Вольнаго, видя свою не силу, склонилися къ царскому величеству и пошли въ города, тогда и онъ, Рябуха, прибравъ свою компанію, шелъ отъ полка поодаль назади, гдѣ его Моклякъ и ограбилъ.

Лукьянъ Кондратенко жаловался на полковника за взятую пару воловъ; а вина его была такая: заставши въ саду своего зятя человѣка, крадшаго яблоки, онъ не отвелъ его ни къ какому уряду. Полковникъ отвѣчалъ: „я не знаю, за какой его проступокъ старшина мнѣ прислали пару воловъ“. Опредѣлено: волы возвратить.

Библиотека "Руниверс"

Гарасимъ Коваленко жаловался на полковника и старшину старосанджаровскую о забраніи всей его худобы за то, что, поймавъ въ просѣ своемъ двухъ поросятъ и везя ихъ на возу связанныхъ, одного удушилъ. Опредѣлено: когда неправедно худобу побрали, такъ дабы все отъ мала до велика возвратили.

Матвѣй Бражниченко, товарищъ сотни бѣлицкой, билъ челомъ на полковника въ осьмнадцати штукахъ товара, который онъ взялъ у запорожцевъ. Опредѣлено: полковнику взятый товаръ возвратить челобитчику или удовольствовать деньгами, что за оный надлежитъ.

Гарасимъ Марченко, житель диканскій, билъ челомъ на полковника о завладѣніи власнымъ его лѣсомъ, находящимся подъ Диканькою, которымъ въ настоящее время владѣетъ его зять, Дмитрій Калачинскій. На это челобитье полковникъ и старшина полтавская представили декретъ изъ черныхъ мѣскихъ книгъ, которымъ челобитчикъ за любодѣяніе былъ присужденъ къ лишенію грунта. Опредѣлено: сему отказано.

Иванъ Лукомскій, козакъ сотни полковой полтавской, принесъ жалобу на полковника, что безъ всякой причины далъ ему передъ ратушей кіевъ тридцать. Полковникъ отвѣчалъ, что челобитчикъ наказанъ за неявку въ теченіе трехъ дней къ нему съ отвѣтомъ гетмана.

Петро Слюсаренко, житель новосанджаровской, билъ челомъ на полковника, что безвинно забралъ худобу его, выставивъ такую причину: сестра его, покинутая мужемъ, о которомъ она не имѣла извѣстія семь лѣтъ, считая его погибшимъ, вышла замужъ за другаго, а когда первый мужъ вернулся, полковникъ обвинилъ, будто онъ зналъ, что его зять живъ. Опредѣлено: понеже на него, Слюсаренка, то не довелося, чтобъ онъ былъ о своемъ зятѣ свѣдомъ, первомъ сестры своей мужѣ, того ради забранную худобу возвратити.

Иванъ Рябуха принесъ жалобу на полковника за пару воловъ, взятыхъ за то, что якобы онъ ухоронилъ у себя краденую свинью. Полковникъ отвѣчалъ, что еще до прибытія своего изъ Глухова велѣлъ воловъ возвратить.

Библиотека "Руниверс"

Лаврин҃ъ Киселенко съ братьями, жители цариченскіе, жалобу принесли на полковника о забраніи двухсотъ овецъ и 30 талеровъ денегъ. Полковникъ отвѣчалъ, что отобралъ овецъ у челобитчика за прелюбодѣяніе и частію подѣлился со старшиною, а Руденку, полковому хорунжему, досталось, семьдесятъ золотыхъ.

Билъ челомъ Иванъ Кгвонтаренко на полковника о взятіи: двухъ червоныхъ золотыхъ, денегъ 5 р. 6 алт. 4 д., пары лошадей, пары воловъ, кафтана французскаго тонкаго съ серебрянымъ шнуромъ, двухъ локтей лудану, пятидесяти овецъ, сѣдла добраго, куѳы жита, куѳы проса, двухъ мѣховъ соли, двухъ шапошныхъ вершковъ, рубка одного. Опредѣлено: такъ какъ дѣло это рѣшено войсковымъ генеральнымъ судомъ въ Глуховѣ и декретомъ суда ему въ возвращеніи худобы отказано, то Лихваренко повиненъ ему, Кгвонтаренку, заплатить, что указано въ ономъ декретѣ.

Билъ челомъ Иванъ Разнокалеченко, житель облянскій, на полковника, что онъ взялъ у него каменное мливо, стоявшее на рѣкѣ Орели, за то, что братъ его Василій Разнокалеченко во время шведскаго смятенія, будучи въ противной сторонѣ, часто прихаживалъ къ нему, а онъ полковнику не объявлялъ. Опредѣлено: разсуждая о семъ, что онъ, Василій Разнокалеченко, и прихаживалъ къ женѣ своей въ Орель, и у брата бывалъ, однако къ брату онъ приходилъ съ намѣреніемъ, прося его объявить полковнику, что онъ желаетъ обратиться по прежнему къ сторонѣ царскаго величества; а поѣхавши отъ брата своего, жилъ три дня въ старомъ Санджаровѣ съ Бычкомъ и оттуда посылалъ о томъ же листъ къ отцу Іоанну Святоспасскому полтавскому, но о. Іоаннъ не скоро тотъ листъ полковнику объявилъ, а тѣмъ временемъ они, убоявшись, ушли по прежнему въ противную сторону; а потому отецъ Іоаннъ долженъ заплатить ему, Василью, сорокъ золотыхъ, а полковникъ также долженъ возвратить сорокъ золотыхъ и тѣмъ дѣло окончить.

Панко, житель тахтауловскій, билъ челомъ на полковника о забраніи избы, луки, нивы, саду и двадцати возовъ яблоковъ. На это челобитье полковникъ представилъ свидѣтелей, жителей тахтауловскихъ, которые по совѣсти сказали, что тесть Пан-

Библиотека "Руниверс"

ковъ во время шведской войны, будучи при шведахъ въ измѣнѣ, сказалъ шведамъ про казанъ полковничій, затопленный въ прудѣ, который шведы, вытащивши изъ пруда, изрубили. Опредѣлено: худобы его возвращать не велѣно.

Ильчиха баба, жителка старосанджаровская, била челомъ на полковника, что лошадь у нея взялъ. Опредѣлено: во свидѣтельство сему подана инквизиція, выведенная на старосанджаровскомъ урядѣ, записанная и въ мѣскія книги, что Ильчиха, будучи на крестинахъ у Игнатихи, украла у спящей Романихи изъ кармана 13 алт. 2 ден.; и того ради сей бабѣ отказано.

Грицко Скрипиченко, житель старосенджаровскій, билъ челомъ на полковника, что покрадено у него восемь воловъ, и воры пойманы, и въ Полтавѣ сидѣли въ секвестрѣ, но полковникъ, взявъ съ нихъ худобы золотыхъ на сто, ихъ отпустилъ, а ему награжденія не учинилъ. Полковникъ отвѣчалъ, что съ виновныхъ взялъ за вину, а воры и нынѣ въ лицахъ; вольно ему, Скрипиченку, чего хочетъ на нихъ искать.

Моисей Лебедь и Демьянъ Сѣвериненко, жители китаегородскіе, жалобу принесли на полковника за взятіе бочки рыбы, въ которой было половина короповъ, а половина сомовъ. Полковникъ отвѣчалъ, что онъ того не помнитъ; а если взята, то потому, что за заповѣдью ходили за рыбой туда, куда не позволяютъ.

Тринадцать человѣкъ бѣличанъ били челомъ, что дѣти ихъ украли въ войскѣ семь овецъ, за что съ нихъ тамошняя старшина взяли со всякаго по пяти рублей, а у одного двадцать талеровъ, хотя вина ихъ очень неважная, потому что покрали овецъ будучи въ военномъ походѣ. Опредѣлено: приказано тамошней старшинѣ семьдесятъ талеровъ отдать.

Попадья старосанджаровская била челомъ на полковника, что взялъ у нея 200 золотыхъ за то, что Марко Бычко, пріѣхавши въ Старый Санджаровъ съ противной стороны, навѣщалъ ея больнаго мужа, священника. Полковникъ отвѣчалъ, что есть гетманскій указъ, по которому таковымъ велѣно чинить наказаніе.

Съ козаковъ полтавскаго полка, кобыляцкихъ и кишенскихъ жителей, которые ходили въ луга и въ полевыя рѣчки для звѣ-

Библиотека "Руниверс"

риной и рыбной ловли, съ 73 человѣкъ, да своего полка за такую жъ вину съ 50 чел. взялъ полковникъ по 5 золотыхъ, итого 123 рубля. Полковникъ отвѣчалъ, что большую часть этихъ денегъ издержалъ на вырытіе колодца въ Полтавѣ, есаулу далъ 10 талеровъ да писарю три рубля, а осташіяся удержалъ у себя до указу.

По разборѣ частныхъ жалобъ, Бутовичъ приступилъ къ разбору челобитенъ отъ жителей всѣхъ городовъ полтавскаго полка. Всѣ челобитныя сводятся къ двумъ группамъ: жители городовъ Старосенджарова, Новосенджарова, Бѣлика, Кобелякъ, Соколки, Кереберди, Переволочни, Кишенки, Орели, Китай-городка, Нехворощи жаловались на полковника, что онъ раздавалъ вино свое въ шинки по два талера за ведро, хотя оно больше одного талера не стоитъ, потому что очень плохое. Всего полковникомъ было роздано въ полтавскомъ полку своего вина на продажу 290 куѳъ; а такъ какъ каждая куѳа и съ провозомъ стоитъ 18 рублей, а полковникъ накладывалъ на куѳу по 22 р., то отъ каждой куѳы получалъ прибыли по 4 рубля, а всего 1160 руб.; жители тѣхъ же городовъ жаловались, что полковникъ ежегодно выгоняетъ ихъ для гаченія его гребель и для перевозки матеріаловъ на постройку его мельницъ.

Разсмотрѣніемъ этихъ жалобъ производство дѣла и окончилось. Но оказалось, что за Чернякомъ еще есть грѣшокъ: онъ растратилъ или присвоилъ себѣ деньги, собранныя съ сотенъ полтавскаго полка во время полтавской осады на покупку селитры. Дознаніе объ этомъ послѣднемъ преступленіи произвелъ по гетманскому приказу полтавскій полковой хорунжій Иванъ Кгаевскій 1-го декабря 1714 года, и въ результатѣ оказалось, что въ Полтавѣ было собрано 30 тал., въ старосенджаровской сотнѣ 100 зол., въ новосенджаровской 100 зол., съ бѣлицкой 3 руб. 20 алт., съ кобыляцкой 160 зол., съ соколянской 50 зол., съ кишенской 70 зол., съ переволоченской 50 зол., съ керебердянской 100 зол., съ нехворощенской 4 руб., съ мояцкой 24 зол., съ цариченской 120 зол., съ китаегородской 40 зол. да 40 тал., съ орлянской 20 тал., съ велико-будянской 140 зол., съ сотни полковой Якова Черняка 50 зол. и полвосемь шаговъ, съ сотни

Библиотека "Руниверс"

полковой Дмитрія Самарскаго 100 зол. Всего 259 руб. 18 алт., 2 деньги, считая талеръ по 20 алт., золотой по 6 алт. по 4 ден., шагъ по 4 деньги.

Въ такомъ видѣ дѣло было переслано гетманомъ канцлеру графу Головкину въ Петербургъ, гдѣ, по обсужденіи его въ иностранной коллегіи и по докладѣ государю, состоялся слѣдующій указъ: „1715 г. марта въ 31-й д. великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержецъ, указалъ послать свою царскаго величества грамоту къ гетману Ивану Ильичу Скоропадскому и къ стольнику Ѳедору Протасьеву: писать и велѣть полковнику полтавскому Ивану Черняку, въ присутствіи генеральной старшины и другихъ полковъ полковниковъ, сказать его царскаго величества именной указъ, что, по доношенію и по челобитью полтавскаго полку судьи Петра Кованка и иныхъ полковой старшины, и козаковъ, и посполитыхъ людей, за его, полковника Черняка, къ нимъ, полтавскаго полку козакамъ и посполитымъ людемъ, учиненные налоги, обиды и взятки, какъ онъ, полковникъ Чернякъ, самъ въ отвѣтѣ своемъ сказалъ, что накладывалъ на нихъ куѳами вино свое и отъ того многую прибыль себѣ получилъ, козаковъ не только на своихъ гребляхъ, но и свойственниковъ своихъ въ работу употреблялъ; также особливо съ нѣкоторыхъ козаковъ и посполитыхъ людей бралъ взятки, отбиралъ лѣса и иныя обиды имъ учинилъ, въ которыхъ онъ, полковникъ, самъ признался, а о другихъ по розыску есаула генеральнаго Стефана Бутовича явилось, и что онъ, полковникъ, нѣчто изъ того взятаго обидимымъ и возвратилъ, а иное велѣно возвратить;—надлежало было его, полковника, отъ того уряду отставить. Однако жъ его царское величество, напомня его, Ивана Черняка, вѣрность, что во время измѣны Мазепиной былъ въ вѣрности и по прелести его Мазепиной къ нему не приставалъ; и посланъ онъ былъ въ Крымъ и въ Сѣчу запорожскую, и тамо отъ вора кошеваго Костьки былъ поиманъ, вязанъ, битъ и къ Мазепѣ отвезенъ и до счастливой баталіи полтавской держанъ,—пожаловалъ его, Черняка, велѣлъ ему то все вышеписанное, что онъ въ полтавскомъ полку къ тягости козаковъ и посполитаго народа чинилъ,

Библиотека "Руниверс"

отпустить и быть въ томъ полку по прежнему полковникомъ, но съ такимъ опредѣленіемъ, что ему, будучи впредь во томъ полку полковникомъ, отнюдь того не чинить, а именно: вина своего на полкъ не накладывать, на работы свои козаковъ не употреблять, приметокъ и тягостей какъ козакамъ, такъ и посполитымъ людемъ не чинить и взятковъ неправедныхъ отнюдь не брать, въ полковые уряды и въ сотники по своей волѣ не обирать и не учреждать, но съ общей рады и совѣту съ полковою старшиною и съ сотниками назначивать къ тѣмъ урядомъ изъ людей заслуженныхъ и не подозрительныхъ въ вѣрности, и, выбравъ, отсылать къ господину гетману, какъ о томъ недавно въ его царскаго величества грамотѣ, а именно, сего жъ году генваря въ 22 д. посланной и во всемъ малороссійскомъ краю публикованной, изображено; и отставленныхъ сотниковъ: будищенскаго, нехворощанскаго, новосенжаровскаго и переволоченскаго ни въ какіе уряды въ томъ полтавскомъ полку не допускать. А на судью полковаго, Коваика, и на прочихъ старшину полковую за ихъ на него, полковника Черняка, доношеніе, также и которые козаки и посполитые въ сыску на него что объявили, и доказали, ему, полковнику Ивану Черняку, не мстить и отъ урядовъ ихъ безъ указу его царскаго величества и безъ вѣдома гетманскаго не отставливать, и никакого имъ наказанія ни за что, не описався съ господиномъ гетманомъ, не учинить и рядовымъ никакой тягости и обиды не показать. И въ томъ во всемъ взять у него, полковника, письмо за его рукою, что онъ такой его царскаго величества указъ вѣдаетъ и исполнять по оному обѣщаетъ. Буде жъ, паче чаянія, онъ, Иванъ Чернякъ, будучи впредь полковникомъ, дерзнетъ то чинить, и хотя въ маломъ чемъ вышеписанномъ по сыску сыщется виновенъ и сего указа преслушенъ, и за то конечно уже не токмо отъ уряду полковничества будетъ отлученъ, но въ томъ и истязанъ. И о семъ вышеписанномъ, како царское величество, милосердуя о своихъ подданныхъ малороссійскаго народа людѣхъ, изволяетъ при ихъ вольностяхъ содержать, и дабы отъ полковника Черняка полтавскаго полку козакомъ и посполитому народу отнюдь ни въ чемъ никакой тягости и обидъ не было, объявить въ Полтавѣ, со-

Библиотека "Руниверс"

звавъ всю старшину и козаковъ и посполитыхъ людей; и для того объявленія послать въ Полтаву нарочно изъ Глухова одного изъ подполковниковъ или изъ маіоровъ и одного кого изъ гетманскихъ, и велѣть имъ при собраніи всей старшины и прочихъ прочитать всѣмъ вслухъ копію съ посланной его царскаго величества грамоты, дабы они сіе его царскаго величества милостивое объ ихъ пользѣ попеченіе вѣдали. И притомъ такожде объявить, что ежели онъ, полковникъ Чернякъ, впредь будетъ имъ какія налоги, обиды и взятки чинить, и они бъ приносили на него челобитье гетману, также и объявляли стольнику Ѳедору Протасьеву, которые его царскаго величества указъ имѣютъ въ томъ имъ чинить справедливость.

Доношеніе козака Данилы Кондака на него жъ полковника Черняка, такожде его царское величество изволилъ уничтожить за его прежнюю вѣрность, и что тотъ козакъ объявилъ о томъ пропустя многое время; и того доносителя козака велѣть господину гетману перевесть въ иной который полкъ, давъ ему гдѣ грунтъ земли, ибо уже ему подъ командою того полковника быть не пристойно. Графъ Г. Головкинъ. Баронъ Петръ Шафировъ. Петръ Толстой".

Соотвѣтственно этому указу къ гетману была послана государева грамота 6-го апрѣля 1715 г., писанная на александрійскомъ листѣ и запечатанная малороссійскою печатью съ кустодіею гладкою, а къ стольнику Ѳедору Протасьеву—списокъ съ нея.

Такъ опять пустили щуку въ рѣку—ловить карасей!

А. Востоковъ.

Библиотека "Руниверс"

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

72.

Къ исторіи развитія понятій народа о нравственномъ значеніи кумовства.

Въ народной словесности обнаруживаются съ одной стороны слишкомъ свободныя отношенія между кумомъ и кумой, переходящія въ половую связь, съ другой стороны самыя строгія требованія морали, устанавливающія близкое родство по кумовству. По мнѣнію Мена, фикція родства по кумовству выражаетъ одинъ изъ древнѣйшихъ пріемовъ установленія искусственнаго родства (*Менъ*, Древ. обыч. 168). По моему мнѣнію, родство по кумовству, или у́же и потому точнѣе, установленіе строгихъ нравственныхъ отношеній кума къ кумѣ составляетъ крупный шагъ народной морали впередъ, выражаетъ прогрессъ нравственнаго чувства, обусловленный преимущественно христіанствомъ. Народно-поэтическіе мотивы о разгульныхъ и развратныхъ кумовьяхъ выражаютъ то, что было въ народной жизни въ старину, что и теперь часто встрѣчается въ бытовой жизни, а народно-поэтическіе мотивы, поставляющіе въ обязанность куму и кумѣ строго нравственныя отношенія, выражаютъ одинъ изъ простонародныхъ идеаловъ нравственной жизни, то, что должно быть.

Мотивъ: „кумъ пьетъ съ кумой“ — обнаруживается уже въ старинныхъ пѣсняхъ. Такъ, въ думѣ про Нечая XVII в. „молодый козакъ Нечай зъ кумою Хмельницкою медъ—вино кружае“ (*Головацкій.*

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1889 г., № 9, сентябрь.

Библиотека "Руниверс"

I, 8); „пишовъ до кумонькы звинокъ рыбы зъисты и съ кумою зъ любою медъ—вино кружае“ (*Антоновичъ и Драгомановъ*, II, 58). Въ весьма распространенной пѣснѣ кумъ проситъ куму: „звары мени судака, щобъ и юшка була; и юшечка, и петрушечка; ты жъ моя кума люба, кума душечка“ (*Чубинскій*, V. 1159). Здѣсь, какъ во многихъ другихъ пѣсняхъ, присутствіе рыбы иносказательно говоритъ, что отношенія кума къ кумѣ зашли далѣе простаго знакомства. Въ свадебной пѣснѣ, записанной въ сѣдлецкой губерніи, непозволительно близкое отношеніе кума къ кумѣ обрисовано въ другой иносказательной формѣ, заимствованной отъ пѣсенъ о связи брата съ сестрою: „Пошовъ кумъ горою, кума долиною; зацвивъ кумъ рожею, кума калиною“. (*Янчукъ*, Малор. свад. 37). Съ наибольшей подробностью кумовской развратъ очерченъ въ галицко-русскихъ пѣсняхъ. Въ одной пѣснѣ кумъ проситъ куму сначала отпить изъ рюмки, потомъ выпить до половины, наконецъ, до дна рюмки:

Ажъ до денця, кумко,
Ажъ до денця, любко,
Ажъ до денця, кумасенько,
Сывая голубко... (*Kolb.*, Pokucie II. 236).

Въ другой пѣснѣ жена жалуется, что мужъ послалъ ее на огородъ садить фасолю, а самъ пошелъ къ кумѣ въ корчму; она идетъ въ корчму и обращается къ своей соперницѣ съ просьбой:

Кумко моя, любко моя,
Любе закохання,
Не любы мого чоловика,
Не псуй ми мѣшканья.

Кума высокомѣрно отвѣчаетъ:

Хыба бысь ми кумко-любко
Красно попросыла,
Тобымъ твого чоловика
Любыты лышыла.
А якъ мене, кумко-любко,
Будешъ проклынаты;
Мы се будемъ такъ любыты,
Що не будешъ знаты (ib. 232).

Въ варіантѣ этой пѣсни жена видитъ въ корчмѣ, какъ заигрываетъ ея мужъ съ кумой. Любовники приказываютъ ей сварить

Библиотека "Руниверс"

вечерю, что она послушно исполняетъ; мужъ приводитъ куму домой, вечеряетъ съ ней и ведетъ ее на постель, приготовленную женою. Жена исполнила всѣ приказанія наглыхъ любовниковъ; но затѣмъ она побѣжала къ войту съ жалобой на мужа: „пане—війту, начальныку, дай же мыни раду, бо я зъ своимъ чоловикомъ на вики пропаду".

Ой прыйшовъ війтъ изъ прысижнымъ,
Сталы на порози,
Закували кума зъ кумовъ
Та за оби нози.
Та якъ же ихъ закувалы,
Въ фурдыгу замкнулы,
Та шоби си кума зъ кумомъ
Въ купи си набулы... (ib. 233).

Нестроенія въ семейной жизни, проистекавшія отъ вторженія въ нее развратнаго кумовства, давно уже повели къ строгому осужденію такого кумовства, тѣмъ болѣе, что тутъ примѣшалось возрѣніе, что пребываніе кума и кумы въ церкви, при введеніи новорожденнаго въ общество христіанъ, при таинствѣ крещенія, ставитъ ихъ въ духовное родство. Отсюда въ стихѣ о Правдѣ и Кривдѣ, вошедшемъ въ старинный духовный стихъ про Голубиную книгу, въ число грѣховъ, искупленіе которыхъ требуетъ „тяжкаго покаянія", вошелъ тотъ грѣхъ, „кто блудъ блудитъ съ кумою крестовою" (*Калѣки перехожіе* § 81). Въ Малороссіи говорятъ, что „кумъ зъ кумою повынни житы, якъ зъ ридною сестрою" (*Номисъ*, Приказки № 9,492). Это мнѣніе установились на Украинѣ уже въ старину. Въ поддержку ему въ XVIII ст. былъ выдвинутъ дьяволъ, какъ орудіе наказанія за нарушеніе кумовскаго родства. Въ южнорусской картинѣ страшнаго суда, находящейся въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи, пріурочиваемой хронологически къ XVIII в. между разными оригинальными грѣшниками оказываются кумъ и кума. Они сидятъ на телѣжкѣ, которую везетъ дьяволъ; у кума въ рукахъ фляжка; у кумы рюмка (*Покровскій*, въ III т. Труд. VI арх. съѣзда, 327). Этотъ мотивъ разработанъ въ многочисленныхъ народныхъ сказкахъ о человѣкѣ, запроданномъ чорту, и адскомъ ложѣ, или о чортовомъ сынѣ и кровати чортоваго кума (*Драгомановъ*, Мал. нар. пред., 50, 56, 57, 406). Наиболѣе

Библиотека "Руниверс"

подробный варіантъ, напечатанный въ *Пантеонѣ* 1888 г. (кн. IX 13—16) подъ заглавіемъ „Кумова кровать", представляетъ въ то же время наиболѣе рѣзкое осужденіе половой связи кума съ кумой. Малороссъ продалъ чорту своего сына во время его малолѣтства. Когда сынъ выросъ, то первой его заботой было возвратить отцовскую росписку. Представители высшей духовной іерархіи оказываются несостоятельными оказать ему непосредственную помощь въ данномъ дѣлѣ. Юноша идетъ къ священнику, а отъ него къ пустыннику и, по совѣту послѣдняго, наконецъ къ куму сатаны, прижившему съ своей кумой троихъ дѣтей. Послѣдній идетъ къ своему куму сатанѣ, или Ироду и возвращаетъ юношѣ росписку. Кумъ сатаны, устрашенный видомъ приготовленной для него въ аду огненной кровати, въ свою очередь просилъ юношу за оказанную услугу спасти его душу. Юноша обращается за совѣтомъ къ пустыннику, и послѣдній говоритъ, что кумъ для спасенія души долженъ сжечь на кострѣ жену и дѣтей, а потомъ сдѣлать большую насыпь, засадить ее колючими кустарниками и пролѣзть черезъ нихъ три раза. Кумъ сатаны выполняетъ возложенные на него подвиги и спасаетъ свою душу, а невѣрящаго тому пустынника постигаетъ смерть.

Подъ вліяніемъ библейскаго сказанія о Содомѣ и Гоморѣ возникло простонародное повѣрье, что озера и пруды произошли, большею частью, отъ сдѣланнаго на томъ мѣстѣ преступленія. Въ полтавской губ. переяслав. у. вблизи мѣстечка Борисполя есть на полѣ озеро съ крутыми берегами, извѣстное подъ именемъ „Кумынои Долыны". Озеро это будто бы произошло отъ того, что на этомъ мѣстѣ кумъ съ кумою, неся въ другое селеніе крестить дитя, совершили прелюбодѣяніе. На томъ озерѣ и теперь, говорятъ, всегда плаваетъ пара дикихъ утокъ, убить которыхъ никто не рѣшается. (*Чубинскій*. I, 40).

Установленіемъ родства по кумовству обусловленъ обычай наборскихъ русскихъ (въ Галиціи) куму выбирать свахой (*Науков. Сборн.* 1865, стр. 138).

Южные славяне связь кума съ кумой считаютъ такъ же преступной, какъ связь брата съ сестрой, и говорятъ, что такая связь жестоко наказывается небомъ (*Янчукъ*, Малор. свад. 104).

Библиотека "Руниверс"

73.

Кувада.

Кувадой принято называть то проявленіе низкаго умственнаго состоянія, когда отрицается физическое раздѣленіе индивидуумовъ, именно, когда между отцомъ и дѣтьми его, уже послѣ ихъ рожденія, признается физическая связь. У многихъ нецивилизованныхъ и даже у нѣкоторыхъ культурныхъ народовъ существуетъ вѣрованіе, что дѣйствія отца и пища, которую онъ употребляетъ, оказываютъ вліяніе на ребенка до и послѣ его рожденія. Когда у караибовъ родится ребенокъ, мать вскорѣ принимается за свои занятія; отецъ же начинаетъ охать, ложится въ постель, и его навѣщаютъ какъ больнаго; въ продолженіи мѣсяца онъ выдерживаетъ діету. Когда жена абипонца родитъ ребенка, мужъ ея ложится въ постель, укутывается циновками и кожами, чтобы не пахнуло на него вреднымъ вѣтромъ, и соблюдаетъ постъ. Кувада встрѣчается въ Америкѣ, Африкѣ, въ восточной Азіи. Въ Европѣ обычай этотъ можно прослѣдить отъ древнихъ и до новѣйшихъ временъ въ мѣстахъ у Пиринейскихъ горъ. Страбонъ говоритъ, что у иберійцевъ, жившихъ въ сѣверной Испаніи, женщины послѣ родовъ „кладутъ вмѣсто себя въ постель своихъ мужей и ухаживатъ за ними“. Этотъ разсказъ подтверждается существованіемъ этого обычая у басковъ, въ Бискаіи и въ Наваррѣ; и нынѣ, какъ говорятъ, обычай этотъ существуетъ въ Беарнскихъ кантонахъ, гдѣ онъ называется „faire la couvade“, т. е. высиживать (*Тэйлоръ*, Доистор. бытъ, 393—405; *Леббокъ*, Нач. цивилиз. 15—16).

И. В. Ягичъ въ Archiv f. slav. Philologie 1887 г. (IX, H. IV; 701) помѣстилъ замѣтку, что въ неизданномъ этнографическомъ матеріалѣ изъ смоленской губерніи, собранномъ Добровольскимъ, находятся слѣды кувады: въ с. Руднѣ смоленской губ. мужъ во время родовъ жены стонетъ и охаетъ.

Остатки кувады встрѣчаются изрѣдка и въ малорусскихъ родинныхъ обрядахъ. Такъ, въ с. Юриновкѣ черниговской губерніи новгородъ-сѣверскаго у., при рожденіи младенца, если женщина сильно страдаетъ и долго не разрѣшается, то у ея мужа развязываютъ

Библиотека "Руниверс"

воротникъ рубахи (комниръ) и поясъ на штанахъ (учкуръ); въ такомъ положеніи онъ сидитъ передъ родильницей до тѣхъ поръ, пока она не родитъ (*Черниг. Губ. Вѣд.* 1855, № 20). И въ этомъ обычаѣ, очевидно, обнаруживается обобщеніе физической жизни мужа и жены, чуть не до отожествленія ихъ относительно природныхъ ихъ свойствъ; внѣшнее подобіе и подражаніе обманываютъ мысль до такой степени, что пріобрѣтаютъ значеніе дѣйствительнаго факта. Остаткомъ кувады можно признать существующій въ харьковской губерніи обычай надѣвать во время крестинъ бѣлую простыню на отца новорожденнаго.

Повидимому, кувада скрывается еще въ слѣдующемъ темномъ по значенію болгарскомъ обрядѣ: когда мужъ видитъ, что роды приближаются, онъ опускаетъ свои руки въ тазъ съ водой, куда бабка бросаетъ корень съ наговоромъ, и жена, по приказанію мужа, пьетъ изъ таза воду (*Канитцъ*, въ Слав. Ежегод. 1877, 159). Признать за этимъ обрядомъ очистительное значеніе трудно, потому что онъ совершается до рожденія ребенка.

74.

Наказаніе мужа за родовыя боли жены.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великой и Малой Россіи, напр., въ губерніяхъ костромской, орловской, харьковской, отцу новорожденнаго даютъ на крестинахъ съѣсть что нибудь противное на вкусъ, напр., кусокъ каши съ хрѣномъ и уксусомъ (*Зап.* Геогр Общ. II 47; *Чтенія* въ моск. общ. ист. 1846, II, 25). Чтобы понять основное значеніе этого страннаго обряда, мы должны обратиться къ родиннымъ обычаямъ дикихъ и варварскихъ народовъ. Въ нихъ встрѣчаются очень рельефныя проявленія обрядоваго истязанія мужа послѣ родовъ его жены. Такъ, у карайбовъ, по истеченіи сорока дней послѣ рожденія ребенка, когда соблюдается кувада, т. е. притворная болѣзнь мужа, къ нему являются родственники и друзья, раздираютъ его кожу въ разныхъ мѣстахъ тѣла зубами агути и смачиваютъ раны и царапины сильнымъ растворомъ перца, при

Библиотека "Руниверс"

обязательномъ молчаніи бѣднякa (*Тэйлоръ*, Доист. бытъ, 394). Тэйлоръ не отдѣляетъ этого жестокаго обряда отъ кувады; но, повидимому, онъ имѣетъ самостоятельное значеніе и возникъ, вѣроятно, въ эпоху полнаго развитія материнства (Mutterrecht), когда главой семьи считалась женщина; ни она, ни ея родственницы не могли простить мужу родовыя боли и, возлагая на него потомъ часть перенесенныхъ ею мученій, доходили до сугубаго мучительства. Остроумное замѣчаніе по этому поводу высказалъ проф. Максъ-Мюллеръ: „Ясно, что сначала несчастный мужъ подвергался тираніи своихъ родственниковъ женскаго пола, а потомъ страхъ перешелъ въ суевѣріе... Хотя обычай, называемый „la couvade“, и страненъ, и нелѣпъ, но намъ кажется, что въ немъ есть нѣчто такое, чему многія тещи должны симпатизировать (*Леббокъ*, Нач. цив., 17)

75.

Развязываніе узловъ и отмыканіе замковъ при родахъ.

Изъ того понятія, что женщина при родахъ разрѣшается отъ бремени, произошелъ рядъ обрядовъ съ узлами и замками. Въ Малороссіи, Великороссіи и Сербіи во время родовъ отмыкаютъ въ домѣ всѣ замки, развязываютъ на платьѣ родильницы всѣ узлы и расплетаютъ ея косу (*Гласникъ*, 1867, V, 155); въ черниг. губ, у малороссіянъ даже мужъ родильницы развязываетъ у себя воротникъ на рубахѣ и поясъ на штанахъ, для облегченія родовъ (*Черн. Г. Вѣд.* 1855, № 20) Въ Германіи невѣста оставляетъ подвязку на чулкахъ не завязанной, чтобы легко рожать (*Wuttke*, Volksabergl., 348). У римлянъ беременныя женщины, принося жертву Юнонѣ, заботились о томъ, чтобы у нихъ не было узловъ ни въ одеждѣ, ни въ волосахъ (*Плоссъ*, въ „Знаніи“ 1877, II, 12). Та же точка зрѣнія на узлы и замки проходитъ въ заговорахъ. Такъ, въ великорусскомъ заговорѣ, записанномъ въ архангельск. губ.: „Пресвятая Мати Богородица, сходи со престола Господня, бери свои золотые ключи и отпирай у рабы Божіей (имя рекъ) мясные ворота и выпущай младенца на свѣтъ и на Божью волю“ (*Майковъ*, въ Зап. Г. Общ. по О. Этн. II, 446).

Библиотека "Руниверс"

По развитію мысли по противоположности завязываніе и замыканіе стало означать всякаго рода порчу. Въ другомъ мѣстѣ мы подобнѣе остановимся на наузахъ, какъ одной изъ весьма распространенныхъ формъ колдовства.

76.

Ночные роды.

По народнымъ понятіямъ счастье человѣка обусловливается стеченіемъ многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ при появленіи его въ міръ; почти все будущее человѣка зависитъ отъ того, гдѣ и когда онъ родился, какое слово промолвитъ мать, когда его купаетъ, зависитъ отъ бабки и кумовьевъ. Въ слѣдующей малорусской пѣснѣ перечислены обстоятельства рожденія, сдѣлавшія парня несчастнымъ.

А я хлопець несчастливый,
Чы я въ лиси родывся?
Чы я въ поли хрестився?
Ой чы въ лиси, чы въ поли,
Не давъ мини Господь доли!
Чы такія кумы прышлы,
Щастя-доли не принеслы;
Чы такая баба брала,
Щастя-доли не вгадала. (*Чуб.*, V, 34).

Въ ряду неблагопріятныхъ условій рожденія выдается ночное рожденіе. Въ одной пѣснѣ женщина говоритъ своей матери: или ты родила меня почью, что всѣмъ дала добрую долю, а мнѣ лихую (*Костомаровъ*, въ Бесѣдѣ 1872, IV, 49). Въ этомъ повѣрьѣ скрывается древнѣйшее понятіе о ночномъ мракѣ, какъ источникѣ всякаго зла, о ночи, какъ времени господства духа злобы и мрака. Отсюда произошелъ цѣлый рядъ характерныхъ повѣрій и обрядовъ; у нѣкоторыхъ американскихъ индѣйскихъ племенъ существуетъ боязнь ночнаго мрака, и ночью выходятъ изъ шалаша съ лучиной; у многихъ народовъ подъ большіе праздники всю ночь поддерживаютъ огонь. Въ юго-западномъ краѣ (у малороссовъ) отъ рож-

Библиотека "Руниверс"

денія до крещенія младенца по ночамъ горитъ свѣча, чтобы чортъ не укралъ или не подмѣнилъ ребенка (*Чуб.*, IV, 6).

Въ харьковской губерніи я слышалъ о народномъ повѣрьѣ, что женщинамъ вредно купаться по заходѣ солнца, особенно беременнымъ,—будетъ выкидышъ.

77.

Обрядовое употребленіе перстня при родахъ.

Обрядовое употребленіе кольца (иногда вѣнчальнаго) изрѣдка встрѣчается въ Малороссіи: кольцо держатъ передъ родильницей. „Золотъ перстень“ встрѣчается и въ заговорахъ, относящихся къ родамъ. Такъ, въ рукописныхъ матеріалахъ П. С. Ефименка, собранныхъ послѣ выхода въ свѣтъ „Малор. заклинаній“, находится любопытный заговоръ отъ живота, когда матка не на мѣстѣ: „Господу Богу помолюся, Матери Божой поклонюся. Господи, благослови! Маты Божа, поможы! Дай, Господи, часъ добрый и день господній! Самъ Господь основавъ, Маты Божа осадыла, да на мѣстѣ жывотъ становыла. Йшлы три браты жывоты подбираты; йшла Божая Маты золотымъ мостомъ; нашла Божая Маты золотый перстень. Золотныкъ, золотныче! Стань ты на своимъ мѣсти, якъ царь на золотымъ кресли,—якъ народывся, такъ и окоренывся; я тебе одбовляю, и одмовляю, и оттоварую (при этомъ бабка подбираетъ потихоньку животъ кверху). Тутъ тоби не стоять, и костей не ламать, и коринья не пускать. Не одъ мене помощъ, одъ Господа. Богъ зъ помощью, а я зъ ричью. Господа Бога тружу, молытву творю. Станьте на помощь, святи! Святытель Николай, скорый помощныкъ, Божій угодныкъ! Поможы и благословы, да на мѣстѣ жывотъ становы!“ Я думаю, что заговоръ этотъ, въ особенности мотивъ о золотомъ перстнѣ, и обрядовое употребленіе кольца при родахъ основываются на литературномъ преданіи, именно, на сказаніяхъ о чудесахъ пр. Богородицы, происшедшихъ отъ ея перстня. Въ „Небѣ новомъ“ Галятовскаго цѣлая глава, именно девятая, посвящена изложенію чудесъ отъ перстня пресв. Богородицы. Кромѣ того, съ мѣстными южнорусскими чудотворными иконами пресв. Бо-

Библиотека "Руниверс"

городицы связаны были сказанія о чудесной помощи женщинамъ при родахъ. Такъ, въ описаніи чудесъ отъ Купятицкой иконы пресв. Богородицы говорится, что пречистая Дѣва Марія помогла нѣкоей Маріи Мѣгаловой благополучно родить (*Галятовскій*, Небо 27).

Возможно и другое объясненіе, если отождествлять золотой перстень съ золотникомъ. Дѣло въ томъ, что есть весьма сходный великорусскій заговоръ, записанный въ валдайскомъ у. новгород. губерніи. Тутъ упоминается дорогой золотникъ въ значеніи матки женщины; но недостаетъ главнаго—золотаго перстня (у *Майкова*, въ Зап. Г. Общ. по отд. этногр. II, 446) [1]).

78.

Дѣтская сорочка.

Дѣтской сорочкой называется перепонка, которая иногда бываетъ на головѣ новорожденнаго. Послѣ рожденія ребенка ее немедленно снимаютъ съ головы и берегутъ въ домѣ. По повѣрью многихъ народовъ, родившійся въ сорочкѣ будетъ счастливъ, и самую сорочку берегутъ, какъ личный талисманъ, при чемъ понятіе о счастливомъ ея значеніи расширяется въ томъ смыслѣ, что счастливъ всякій имѣющій сорочку, по рожденію въ ней, или по пріобрѣтенію ее покупкой. У древнихъ римлянъ адвокаты покупали сорочку, приписывая ей таинственную способность давать успѣхъ въ дѣлахъ. Такое же воззрѣніе на сорочку въ примѣненіи къ адвокатурѣ существовало въ Англіи и въ Даніи. Въ началѣ прошлаго столѣтія въ англійскихъ газетахъ встрѣчались еще объявленія о продажѣ дѣтскихъ сорочекъ. Во Франціи считаютъ счастливыми дѣтей, родившихся въ сорочкѣ; что объясняетъ французское выраженіе „être né coiffé“ (*Плоссъ*, въ Знаніи 1877, Ш, 33). Вѣрованіе въ счастливое значеніе дѣтской сорочки распространено повсемѣстно въ Россіи. Лѣтъ пятьдесятъ назадъ въ дворянскихъ семьяхъ при начинаніи

---

[1]) Г. Кулишеръ въ „Очеркахъ сравн. этногр.“ стр. 154 высказалъ мнѣніе, что обрядовое кольцо служитъ воспоминаніемъ о цѣпяхъ, употреблявшихся будто бы въ древности при похищеніи дѣвицъ. Цѣпь слишкомъ тяжелый и дорогой предметъ, и во время умыканія дѣвицъ къ ней навѣрно не прибѣгали.

Библиотека "Руниверс"

труднаго дѣла занимали у сосѣдей сорочку, если не имѣли собственной (*Авдѣева*, Зап. о рус. бытѣ, 138). Въ харьковской губерніи сорочку называютъ чепцомъ и думаютъ, что родившійся въ чепцѣ со временемъ будетъ архіереемъ. Чепецъ или сорочку тщательно сохраняютъ, при чемъ иногда зашиваютъ ее въ наиболѣе ноское платье дитяти, имѣвшаго счастье въ сорочкѣ родиться. То же повѣрье встрѣчается у евреевъ западнаго края (*Чубинскій*, VII, I, 43). Объясненіе повѣрій въ счастливое значеніе дѣтской сорочки давно уже представлено проф. А. А. Потебней въ статьѣ о Долѣ, напечатанной въ Древностяхъ моск. археолог. общ. 1865 (II. 20): „По взгляду германской миѳологіи, говоритъ здѣсь проф. Потебня, души до своего рожденія находятся у богини Гольды за облакомъ. Каждый разъ, когда душа сходитъ на землю, чтобы принять на себя человѣческій образъ, за нею слѣдуетъ одна, двѣ, три другія души, какъ ея хранители. Въ скандинавской миѳологіи, гдѣ это вѣрованіе особенно развито, такой духъ называется фильгія (fylgia, weil er dem Menschen folgt) или гамингія (hamingia—felicitas—счастье). Мѣстопребываніе ихъ есть сорочка, которою иногда бываетъ обвита голова новорожденнаго (glückshaube) [1]), съ чѣмъ, очевидно, связано русское повѣрье, что родиться въ сорочкѣ—счастье“. Вопросъ заключается въ томъ, русское повѣрье оригинально, т. е. возникло самостоятельно изъ древнеславянскаго миѳическаго воззрѣнія на происхожденіе души, тожественнаго или весьма сходнаго съ приведеннымъ выше воззрѣніемъ германскимъ, что возможно предположить, или же повѣрье это заимствовано русскими отъ нѣмцевъ. Удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса, при малой извѣстности древняго славянскаго міросозерцанія, возможно лишь путемъ опредѣленія этого повѣрья по всѣмъ угламъ славянскаго міра, въ какихъ мѣстностяхъ и въ какихъ общественныхъ слояхъ оно бытуетъ.

---

[1]) Точно такое же объясненіе народныхъ вѣрованій въ дѣтскую сорочку, какъ талисманъ, высказано недавно (1887 г.) *Швебелемъ* въ соч. „Tod und ewiges Leben im deutsch. Volksglauben“.

Библиотека "Руниверс"

79.

Предпочтеніе мальчика.

Въ Малороссіи встрѣчается еще предпочтеніе ребенка мужескаго пола дѣвочкѣ, хотя въ слабыхъ чертахъ, въ немногихъ повѣрьяхъ и обрядахъ. Такъ, замужнюю женщину считаютъ молодицей до тѣхъ поръ, пока она рожаетъ мальчиковъ, и она дѣлается вполнѣ бабой, когда родится дѣвочка. Во многихъ мѣстахъ Малороссіи, Великороссіи, Сербіи, Болгаріи и б. Польши на свадьбѣ на колѣни невѣсты кладутъ маленькаго ребенка мужескаго пола (*Чтенія* въ общ. ист. 1872, IV, 408; *Гласник* 1867 V, 135; *Верковичъ*, Опис. быта болг. 27, *Kolberg*, Lud XI, 205). Еще у древнихъ индусовъ къ невѣстѣ подводили мальчика, и жрецъ усаживалъ его на колѣняхъ невѣсты (*Weber*, Ind. Stud. V, 208, 329). У поляковъ петрковской и кѣлецкой губерніи существуетъ повѣрье, что дѣвушка до рожденія дѣвочки не теряетъ своего дѣвства (*Federowski*, Lud, II, 293), повѣрье, очевидно сходное, почти тожественное съ малорусскимъ. Любопытно, что то же самое повѣрье встрѣчается и у калмыковъ. Калмычка, производящая на свѣтъ однѣхъ дочерей, считается дѣвственницей, и можетъ быть во всякое время отправлена съ отцу съ возвращеніемъ приданаго (*Лефренъ*, въ журн. „Дѣло“ 1868, I, 124). Въ Сербіи рожденіе мальчика, вызываетъ веселье; рожденіе дѣвочки считается обыкновеннымъ событіемъ („*Знаніе*“ 1876, V, 7). У киргизовъ также только при рожденіи мальчика устраивается угощеніе знакомыхъ и друзей (*Народы Россіи*, IV, 344); то же у осетинъ (*Сборн.* свѣд. о кавк. горцахъ, IV, 29), у персовъ (*Жуковскій*, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1889, I, 26). Число примѣровъ можно было бы значительно увеличить, если бы было недостаточно приведенныхъ. У дикихъ и варварскихъ народовъ предпочтеніе мальчика выражается въ безчеловѣчной формѣ преданія смерти новорожденной дѣвочки. У сванетовъ женщинъ менѣе мужчинъ отъ обычая убивать новорожденныхъ дѣвочекъ, признанныхъ лишними въ семьѣ (*Нар. Россіи*, IV, 333). Мальчика предпочитали, какъ будущаго работника, который потомъ прокормитъ себя и другихъ собственными силами, самъ добудетъ

Библиотека "Руниверс"

себѣ и хлѣбъ, и жену, и много лѣтъ будетъ помогать семьѣ, до отдѣленія отъ нея, а дѣвочка могла помогать преимущественно матери, пренебрегаемой рабѣ; ее нужно было оберегать отъ похищенія или умычки, готовить для нея калымъ или приданое, и человѣкъ дикій, варваръ горевалъ при рожденіи дѣвочки и даже рѣшался на умерщвленіе ея.

80.

Обрядовое усыновленіе.

Въ харьковской губерніи новорожденнаго ребенка безъ различія пола завертываютъ въ нѣсколько загрязненную отцовскую сорочку. Въ другихъ мѣстахъ Малороссіи и въ Великороссіи (напр., въ курской губ.) мальчика завертываютъ въ рубашку отца, дѣвочку въ рубаху матери (*Чубинскій*, IV, 9; *Этногр. Сборн.* V, 20). Кашубы первую пеленку для младенца дѣлаютъ изъ рубахи отца (ib. 73). Въ Болгаріи крестная мать передаетъ послѣ крещенія дитя отцу, ожидающему его на порогѣ дома съ новой рубашечкой (*Слав. Ежегод.* 1877, 160). Въ пермской губерніи бабка передаетъ новорожденнаго ребенка отцу, который и кладетъ первый его въ колыбель (*Перм. Сборн.* II. 118). Бѣлоруссы и литовцы виленской губерніи соблюдаютъ слѣдующій обрядъ: послѣ крещенія кума передаетъ ребенка отцу, который кладетъ его на нѣсколько минутъ на порогъ, что называется „освятить дитя черезъ порогъ“ (*Вѣст.* Геогр. Общ. 1857, XX, 258); въ этомъ обрядѣ слились двѣ идеи, во-первыхъ, идея юридическаго признанія ребенка членомъ семьи; во-вторыхъ, идея освященія ребенка положеніемъ на порогъ, какъ мѣсто наиболѣе близкое и пріятное домашнему пенату, или домовому. Къ этому обряду близко подходитъ древній римскій обычай усыновленія ребенка въ такой формѣ, что бабка клала его на землю, а отецъ поднималъ, humi positio infantum (*Плоссъ*, въ Знаніи 1877, III, 48). Подобный обычай былъ у древнихъ германцевъ. встрѣчается въ настоящее время у дикихъ народовъ, напр., готентовъ. Все это разныя проявленія усыновленія ребенка, признанія его отцомъ, что теперь представляется однимъ обрядомъ, а въ древ-

Библиотека "Руниверс"

ности имѣло жизненное значеніе, такъ какъ непринятаго отцомъ ребенка, большей частью женскаго пола, нѣкогда убивали или выбрасывали. Съ теченіемъ времени самый обрядъ сильно измѣнился. Въ средніе вѣка усыновляемаго посторонняго человѣка клали подъ рубашку пріемнаго отца или пріемной матери. Впослѣдствіи усыновляемаго подводили только подъ плащъ (mantella) усыновителя, почему гораздо позднѣе, когда и этотъ обрядъ уничтожился, узаконенныя дѣти назывались „mantellati“ (*Якушкинъ*. Обычн. право, XV).

81.

Одмина.

Въ простомъ южнорусскомъ народѣ ходитъ разсказъ, что у одного мужика было дитя лѣтъ трехъ; оно ни говорило, ни ходило, только очень много ѣло,—однимъ словомъ „злыдень“. По худобѣ и безобразію легко было догадаться, что это „одмина“. Родители стали распрашивать у знающихъ людей, что́ сдѣлать, чтобъ избавиться отъ этого ребенка и возвратить собственное отъ нечистой силы. Одинъ знахарь посовѣтовалъ вынести одмину на сорное мѣсто и бить его тамъ „деркачемъ“ (голикомъ) отъ правой руки къ лѣвой. По совѣту знахаря, родители начали сильно бить ребенка, на отчаянный крикъ котораго прибѣжала какая то женщина и гнѣвно крикнула: „Зачѣмъ бьете, мучите мое дитя, отдайте мнѣ мое, возьмите себѣ свое“, и она бросила на соръ ихъ ребенка, а своего подхватила и быстро съ нимъ скрылась, только вихрь закрутился по направленію къ очерету лежавшаго вблизи пруда. Въ Украинѣ дѣти діавольскаго происхожденія называются упырями. Въ одномъ селѣ, разсказываютъ, родился мальчикъ съ большою, какъ у взрослаго, головой, съ длинными ногами и очень выразительными глазами. Онъ не могъ ходить; на седьмомъ году онъ началъ предсказывать, но только по утрамъ. Отецъ упыря имѣлъ пчельникъ, за которымъ смотрѣлъ его дѣдъ. Однажды почью упырь началъ будить отца, говоря, что воры намѣрены дѣда убить, а медъ забрать себѣ. Отецъ не повѣрилъ ему, повернулся на другой бокъ и хотѣлъ за-

Библиотека "Руниверс"

снуть; но упырь снова началъ ему твердить, чтобъ онъ скорѣе бѣжалъ,—иначе разбойники убьютъ старика. Отецъ вышелъ и дѣйствительно увидѣлъ двухъ разбойниковъ, выбиравшихъ изъ улья медъ, а поодаль связаннаго пасѣчника. Слава о пророчествѣ мальчика-калѣки разнеслась по селамъ. Многіе стали къ нему обращаться съ вопросами. Онъ умеръ на десятомъ году. Опытные люди говорятъ, что похоронили только его тѣло, а онъ снова гдѣ то явился въ другомъ видѣ и продолжаетъ пророчествовать (*Nowos.* Lud ukr., II, 160—163). Малоруссы зажигаютъ по ночамъ свѣчу отъ рожденія до крещенія ребенка изъ опасенія, чтобы чортъ не укралъ и не подмѣнилъ его (*Чубинскій*, IV, 6).

Малорусское повѣрье о возможности подмѣна ребенка со стороны чорта или вѣдьмы повторяется у многихъ другихъ народовъ. Такъ, въ юго-западной части томской губерніи говорятъ, что вѣдьмы, или вѣщицы (у сербовъ вѣдьмы также называются вѣщицами) летаютъ по ночамъ подъ видомъ безхвостой сороки; онѣ спускаются ночью въ трубы, которыя были закрыты не благословясь, похищаютъ дѣтей изъ утробы спящихъ матерей, разводятъ на шесткѣ огонь и съѣдаютъ ребенка, а вмѣсто него оставляютъ въ утробѣ матери голикъ, льдинку или головню. Мужчины слышатъ, какъ онѣ стрекочатъ, но не въ состояніи въ это время пошевелиться (*Потанинъ*, Этн. Сб. VI. 148).

У чеховъ не менѣе опасной считается полудница — лѣсная жена, которая бродитъ по нивамъ въ полуденное время и маленькихъ дѣтей, оставляемыхъ крестьянками безъ присмотра, подмѣниваетъ на своихъ собственныхъ. Смотря по тому, какъ обходятся въ семьѣ съ подмѣнышемъ, точно такъ же хорошо или худо бываетъ и похищенному полудницей ребенку. Когда дитя начинаетъ кричать, сусвѣрная мать унимаетъ его угрозой, что за крикъ возьметъ его полудница (*Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр. III, 311). По указанію хорутанской приповѣдки, дитя, которому случилось погостить у вилъ, долго потомъ носило вилинскій духъ (ib., 313).

Съ малорусскимъ и чешскимъ разсказами о подмѣнышѣ весьма сходна латышская народная сказка о ребенкѣ чертовки. Однажды работала въ полѣ мать и положила своего ребенка у края поля. Видитъ староста работниковъ, что съ близкаго дуба сходитъ чер-

Библиотека "Руниверс"

товка (velna mate), кладетъ своего ребенка, а сама беретъ ребенка работницы и лѣзетъ опять на дерево. Закричалъ, заплакалъ чертовъ ребенокъ. Мать работница, полагая, что плачетъ ея ребенокъ, хотѣла накормить его грудью, но староста не пустилъ ее до самаго заката солнца. Когда солнце закатилось, чертовка не могла уже больше вытерпѣть; ругаясь и проклиная, она опять слѣзла съ дерева и обмѣнялась ребятами (*Вс. Миллеръ*, Сборн. матер. Дашк. Музея, II, 53).

Къ сказаніямъ о подмѣнѣ ребенка со стороны вѣдьмы или чертовки близко подходятъ сказанія о томъ, что лѣшіе и водяные похищаютъ дѣтей, при чемъ взамѣнъ похищеннаго младенца кладутъ въ колыбель связку соломы или полѣно, превращая ту и другое въ живаго ребенка, или оставляютъ свое родное дѣтище, глупое и прожорливое (подроб. см. у *Аѳанасьева* III, 311—317). Разница тутъ та, что похитителемъ ребенка является фантастическое существо мужескаго пола.

Къ этому же разряду сказаній относятся многія сказанія о чудовищныхъ дѣтяхъ, напр., сказаніе о ребенкѣ прирожденной вѣдьмы въ „Зап. о южн. Руси“ *Кулиша* (II, 34). Но нѣкоторыя сходныя сказанія имѣютъ источники другіе, или миѳологическія представленія о весеннемъ солнцѣ, какъ быстро растущемъ ребенкѣ, или повѣствовательные и апокрифическіе мотивы о мудромъ Соломонѣ.

Повѣрье, что новорожденному ребенку грозятъ многочисленныя опасности отъ злыхъ духовъ и болѣе всего похищеніе, встрѣчается не только у малороссовъ, не только у славянъ и литовцевъ, но также у многихъ другихъ народовъ. Въ Германіи до крестинъ опасаются, чтобы ребенокъ не былъ похищенъ подземными духами и по ночамъ не тушатъ огня (*Kuhn*, Märk. Sagen 364, 383). Въ Англіи въ XVI ст. было всеобщимъ суевѣріе касательно подмѣны ребенка эльфомъ (*Спенсеръ*, Описат. соціол. 222). По мнѣнію грузинъ, нечистая сила стремится къ тому, чтобы напасть въ видѣ змѣя на ребенка и задушить родильницу (*Нар. Рос.* IV, 391)

Библиотека "Руниверс"

82.

Обрядная продажа ребенка.

Въ Малороссіи продаютъ новорожденнаго ребенка за нѣсколько копѣекъ какому нибудь прохожему, нищему, страннику, или кому нибудь изъ родственниковъ, разумѣется, безъ отдачи ребенка. Эта обрядовая продажа имѣетъ мѣсто, если дѣти ранѣе умирали. Обрядная продажа новорожденнаго еще недавно бытовала въ довольно культурной дворянской средѣ. Любопытно, что тожественные обычаи существуютъ у вотяковъ и у кавказскихъ горскихъ евреевъ. Смерть новорожденнаго евреи приписываютъ дѣйствію злобнаго духа „Нумъ-Негира". Чтобы сохранить ребенка въ живыхъ, горскіе евреи стараются уйти отъ Нумъ-Негира или обмануть его. Они перемѣняютъ мѣсто жительства, продаютъ новорожденнаго тотчасъ послѣ появленія его на свѣтъ старухамъ знахаркамъ и потомъ выкупаютъ его (*Вс. Миллеръ*, Сбор. матер. по этногр. III, 51, 211). Повѣрья горскихъ евреевъ въ Нумъ-Негира и связанная съ нимъ продажа дѣтей объясняютъ происхожденіе обрядной продажи ребенка въ Малороссіи; очевидно, и здѣсь первоначально исходили изъ мысли обмануть злобнаго духа, можетъ быть, домоваго, который признавался виновникомъ смерти прежде родившихся дѣтей. Народныя понятія о нѣкоторыхъ дѣтскихъ болѣзняхъ съ припадками (родимчикъ) указываютъ на старинное вѣрованіе въ злобнаго духа, который душитъ и убиваетъ дѣтей.

Изъ опасенія демоновъ произошло, между прочимъ, обыкновеніе скрывать имя, данное при рожденіи, а называть ребенка по первой фразѣ, произнесенной матерью, что обычно у абиссинцевъ (*Лежанъ*, Путеш. въ Абиссинію).

83.

Размывки.

Обрядъ размывки или очищенія рукъ повивальной бабки встрѣчается въ Малороссіи и Великороссіи въ сходныхъ формахъ. У малороссіянъ обрядъ этотъ совершается такимъ образомъ: бабка

Библиотека "Руниверс"

въ присутствіи однѣхъ женщинъ держитъ въ мискѣ воду, въ которую кладетъ немного хмѣлю и кусочекъ вѣника. Родильница подходитъ къ бабкѣ и кланяется ей въ ноги со словами: „просты мене, бабусю, разъ, и другый, и третій“. Бабка отвѣчаетъ три раза: „Господь зъ тобою, голубка, извѣстно, такъ должно; всѣ мы въ грѣхѣ“. Затѣмъ бабка умываетъ свои руки и лицо родильницы, приговаривая; „будь багата якъ осень (?, вѣроятно, земля), жостка якъ рыбка, косматa якъ овечка, да любы свого чоловика“ (*Архіеп. Филаретъ*, Ист.-стат. опис. черниг. еп. VII, 152). Въ пермской губерніи бабка идетъ на рѣку съ чистымъ ведромъ и зачерпываетъ воду по теченію; опустивъ въ ведро правую руку и зачерпнувъ горстью воду, пускаетъ ее по рукѣ черезъ локоть въ тазъ или лаханку; она черпаетъ тридевять горстей, которыя считаются съ отрицаніемъ, т. е.: не одна, не двѣ, не три и т. д.; во время возліяній на руку она говоритъ заговоръ, оберегающій родильницу отъ уроковъ (*Пермскій Сборн.*, II, 118). Обыкновенно, размывки бываютъ шесть недѣль спустя послѣ родовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ В. и М. Россіи воду льютъ родильницѣ на руки и на спину, поставивъ родильницу на топорѣ или на вѣникѣ (*Черемшанскій*, Опис. оренб. губ., 213; *Этногр. Сб.*, I, 350). Въ старину при размывкѣ рукъ клали въ тазъ серебряныя деньги (*Авдѣева*, Зап. о стар. рус. бытѣ, 117).

Очищеніе родильницы посредствомъ воды чрезвычайно распространено у разныхъ народовъ, въ западной Африкѣ, на Малайскомъ полуостровѣ; было извѣстно и древнимъ грекамъ, у которыхъ обрядовое омовеніе рукъ повивальной бабки совершалось недѣлю спустя послѣ родовъ (*Тэйлоръ*, Первоб. культура II, 466, 471).

Обрядъ размывки рукъ вышелъ изъ народнаго воззрѣнія, что роды дѣлаютъ родильницу и ребенка въ теченіи извѣстнаго времени нечистыми. Воззрѣніе это вызвано было послѣродовымъ состояніемъ женщины. Ставя въ связь понятіе о нечистотѣ женщины съ ея послѣродовыми выдѣленіями, народная мысль въ разныхъ странахъ обнаружила большое единство въ назначеніи срока окончанія нечистаго состоянія: у египтянъ, пшавовъ, евреевъ, древнихъ и новыхъ грековъ, русскихъ полагается сорокъ дней; у иныхъ народовъ, напримѣръ, у древнихъ евреевъ и грековъ, послѣ рож-

Библиотека "Руниверс"

денія дѣвочки женщина считалась нечистою вдвое болѣе дней (*Плоссъ*, въ Знаніи 1877 г., III, 42). Распространеніе понятія о нечистотѣ женщины у различныхъ народовъ востока и запада исключаетъ возможность предположенія, чтобы понятіе это выработалось первоначально на востокѣ. Оно возникало у разныхъ народовъ, по сходству культурнаго состоянія и подъ вліяніемъ однѣхъ и тѣхъ же физіологическихъ причинъ. Повидимому, и у русскихъ, какъ у иранцевъ, выдавались въ древности религіозно-нравственныя опредѣленія нечистоты и очищеніе отъ нея посредствомъ воды. У древнихъ иранцевъ очищеніе людей, прикоснувшихся къ трупу, выражалось въ томъ, что жрецъ лилъ чистую воду на макушку, плечи, спину, грудь и т. д. по всему тѣлу, произнося заклинанія. Олицетворенная нечистота Друджъ уходила все далѣе и далѣе, отъ головы къ ножнымъ пальцамъ, пряталась, наконецъ, въ большомъ пальцѣ лѣвой ноги, но и отсюда изгнанная водой, удалялась въ сѣверныя страны (*Дилленъ*, Дуализмъ въ Авестѣ, 69). По воззрѣнію на нечистоту женщины вообще, въ особенности послѣ родовъ или во время мѣсячныхъ очищеній, великоруссы подходятъ къ древнимъ иранцамъ. Въ этомъ отношеніи можно было бы привести цѣлый рядъ любопытныхъ аналогій и параллелей между современными великорусскими повѣрьями о чистотѣ и обрядами очищенія съ одной стороны и предписаніями по этой части Ману и Авесты; мы здѣсь укажемъ лишь на своеобразное очистительное значеніе бани въ Великороссіи, которой пользуются почти во всѣхъ случаяхъ семейной жизни, послѣ родинъ, передъ свадьбой, даже послѣ каждаго половаго акта. Въ юго-западной части томской губерніи человѣкъ, не облившійся водой по исполненіи своихъ супружескихъ обязанностей, считается нечистымъ, и ему запрещается входить на пасѣку, которая считается священнымъ мѣстомъ (*Потанинъ*, Этн. Сб. VI, 143). У великоруссовъ, особенно въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, строго соблюдается обычай удаленія родильницы на одинъ или нѣсколько дней въ баню. Такъ, въ нижегородской губерніи дѣти родятся въ банѣ, гдѣ родильница остается нѣсколько дней (*Этногр. Сбор.*, I, 23). Въ тульской губ. родильница живетъ въ банѣ цѣлую недѣлю; потомъ у своей матери до истеченія шести недѣль, послѣ чего уже возвращается въ домъ

Библиотека "Руниверс"

мужа (*Вѣстн.* Геогр. Общ. 1853, VII, 87). Такой обычай предписанъ Авестой и до сихъ поръ еще соблюдается парсами: родильницу помѣщаютъ въ уединенное мѣсто, нынѣ называемое Dashtanistan, которое должно находиться на разстояніи по крайней мѣрѣ 15 шаговъ отъ огня, 15 шаговъ отъ воды, 3 шаговъ отъ чистыхъ людей. Пищу родильницѣ приносятъ въ желѣзномъ сосудѣ. По предписанію Авесты, родильницу омывали водой. По древнимъ персидскимъ воззрѣніямъ, женщина во время мѣсячныхъ и послѣ-родовыхъ очищеній однимъ взглядомъ своимъ оскверняетъ огонь, воду, растенія, животныхъ и людей (*Дилленъ*, Дуал. въ Авестѣ, III).

Въ Малороссіи почти совсѣмъ исчезъ обычай удалять родильницу. Остаткомъ этого обычая можно считать, что иногда крестьянки во время родовъ скрываются въ сараѣ, что, однако, бываетъ рѣдко, и можетъ вытекать изъ другихъ соображеній родильницы, изъ опасенія дурнаго глаза и злыхъ языковъ. Отъ обширнаго и сложнаго обрядоваго очищенія родильницы остались лишь размывки, да и то уже съ примѣсью христіанскаго религіозно-нравственнаго поученія. Повидимому, остаткомъ древняго воззрѣнія на очистительное значеніе при родахъ воды является встрѣчающійся въ харьковской губерніи обычай ставить вскорѣ послѣ родовъ подъ кровать родильницы сосудъ съ водой. Обычай этотъ соблюдаютъ даже въ Харьковѣ образованныя акушерки; сосудъ съ водой ставятъ, чтобы у родильницы не было молочной лихорадки.

Примѣчаніе: О повѣрьяхъ, связанныхъ съ родами, способахъ облегченія родовъ, первоначальномъ уходѣ за новорожденнымъ ребенкомъ, крестинахъ и постригахъ я ранѣе говорилъ уже въ статьѣ „О славянскихъ народныхъ воззрѣніяхъ на новорожденнаго ребенка“, напечатанной въ Журн. Минист. Народ. Просвѣщенія за 1880 г. ч. CCXII. Здѣсь можно найти нѣсколько мелкихъ малорусскихъ родинныхъ обрядовъ, не упомянутыхъ въ предыдущихъ статьяхъ, въ которыя вошло все то, что имѣетъ довольно крупное значеніе въ малорусской народной жизни и о чемъ въ статьѣ „О слав. народ. воззрѣніяхъ на новорожд. ребенка“ или совсѣмъ не было рѣчи, или говорилось вскользь и мимоходомъ.

Библиотека "Руниверс"

84.

Коронування.

Въ любопытной статьѣ г. *Боржковскаго* о парубоцтвѣ въ „Кіев. Стар.“ 1887, VIII, 765—776 говорится, что „принятіе въ парубоцтво сопровождается нѣкоторыми обрядами и носитъ названіе коронування. Оно совершается такимъ образомъ: послѣ предварительнаго заявленія подростка о желаніи его „парубковать“, парубки собираются въ опредѣленномъ мѣстѣ, и, когда хлопецъ, явившись въ ихъ собраніе, отвѣситъ имъ поклонъ, его поднимаютъ на рукахъ вверхъ и поютъ величальную пѣсню: „Посіялы дивкы ленъ“. Коронованный садится въ кругу товарищей и угощаетъ ихъ водкой“. Обрядъ этотъ существуетъ въ разныхъ мѣстахъ винницкаго уѣзда. Въ нѣкоторыхъ селахъ винницкаго и литинскаго уѣздовъ для пріема хлопца въ парубоцтво избирается время, когда парубки собираются идти колядовать, т. е. на Рождество Христово, или вырубать крестъ на рѣкѣ наканунѣ Богоявленія, либо косить сообща. Пріемъ означается допущеніемъ вступающаго къ общей работѣ и затѣмъ угощеніемъ на его счетъ.

Въ обрядовомъ вступленіи въ парубоцтво можно усмотрѣть нѣсколько культурныхъ переживаній.

Самимъ древнимъ слоемъ культуры здѣсь нужно признать фактъ вступленія въ парубоцтво. У разныхъ народовъ существуетъ обыкновеніе подвергать молодыхъ людей, при наступленіи половой зрѣлости, испытаніямъ и даже истязаніямъ. У гуронцовъ, ирокезовъ и алгонкинскихъ племенъ дѣти, при наступленіи половой зрѣлости, уходятъ въ лѣсъ и здѣсь постятся и чернятъ себѣ лицо, верхнюю часть спины и грудь. Въ Сѣверной Каролинѣ юношей и дѣвушекъ, при достиженіи ими половой зрѣлости, держали въ теченіи 5 или 6 недѣль запертыми въ темной хижинѣ и подвергали жестокому посту. Въ Калифорніи жрецъ подноситъ имъ въ такомъ случаѣ опьяняющій напитокъ. У эскимосовъ молодымъ людямъ, достигшимъ половой зрѣлости, пробуравливаютъ уши, нижнюю губу и ноздревой хрящъ, и вставляютъ въ отверстія кости, бусы и т. п. Подобное обыкновеніе соблюдалось у древнихъ перуанцевъ относительно юно-

Библиотека "Руниверс"

шей при наступленіи 16-ти лѣтняго возраста. (*Кулишеръ*, Очерки сравн. этн. 64).

Второй историческій слой въ обрядовомъ парубоцтвѣ выразился въ томъ способѣ, какимъ совершается пріемъ хлопца, и особенно въ названіи коронування. Это слой удѣльно-вѣчевой Руси, а можетъ быть и болѣе древней Руси, раздѣленной на мелкія племенныя особи, съ выборными по областямъ князьями, съ порядкомъ выбора въ видѣ поднятія вверхъ и пѣнія величальныхъ пѣсенъ.

Третій слой—спеціально южнорусскій. Парубоцтво вошло въ кругъ общественной жизни въ тѣ времена, когда общественная жизнь южной Руси текла широкимъ русломъ, когда южнорусское общество пользовалось широкими правами самоуправленія и суда, и на обязанности его, кромѣ обороны внѣшней и охраны имущественныхъ и личныхъ правъ, лежало удовлетвореніе всѣхъ другихъ его потребностей: постройка и содержаніе храмовъ, содержаніе и обезпеченіе причтовъ, устройство школъ, призрѣніе старыхъ, вдовъ и сиротъ, заботы о больныхъ, калѣкахъ и нищихъ и пр. Въ виду столь сложной общественной дѣятельности предки наши въ XVI и XVII ст. организовались въ различныя ассоціаціи и кружки, въ формѣ цеховъ и братствъ.

85.

Досвитки.

Въ 1886 г. я помѣстилъ въ „Кіев. Стар.“ довольно большую статью о досвѣткахъ и посидѣлкахъ (потомъ вышла отдѣльною брошюрой), и потому здѣсь я сдѣлаю лишь нѣсколько дополнительныхъ замѣтокъ. Общіе выводы такіе: досвѣтки и посидѣлки служили первоначально для опредѣленія способности молодыхъ людей къ дѣторожденію, при чемъ обнаруженіе такой способности со стороны женщины вело къ заключенію формальнаго и обрядоваго брака. Кромѣ досвѣтокъ, допускающихъ спанье парней съ дѣвушками безъ нарушенія ихъ невинности, остаткомъ пробнаго брака въ Малороссіи служитъ еще тотъ обычай, по которому женихъ отъ сговоринъ до самой свадьбы ночуетъ въ домѣ невѣсты и даже спитъ съ ней съ

Библиотека "Руниверс"

разрѣшенія ея родителей. Такое сближеніе молодыхъ теперь въ тѣхъ мѣстностяхъ Малороссіи, гдѣ оно соблюдается, не ведетъ къ дурнымъ послѣдствіямъ, и лишь усиливаетъ привязанность жениха къ невѣстѣ и вызываетъ его лестные о ней отзывы, которые нужно понимать въ смыслѣ отсутствія у невѣсты физическихъ недостатковъ. Съ теченіемъ времени съ развитіемъ народныхъ понятій о нравственности въ жизни семейной и общественной, досвѣтки почти повсемѣстно получили значеніе простыхъ увеселительныхъ собраній молодежи, подъ надзоромъ и руководствомъ взрослой женщины.

У разныхъ народовъ существуютъ досвѣтки. Такъ, на Кавказѣ у осетинъ въ концѣ осени совершается дѣвичій праздникъ—сидѣніе дѣвушекъ ради Матери Маріи, продолжающійся одну ночь или недѣлю. Дѣвушки сосѣднихъ дворовъ собираются въ спальню какой нибудь старухи, приносятъ муку и сыръ, пекутъ прѣсные чуреки, или хлѣбныя лепешки, произносятъ молитвы и гадаютъ по чурекамъ о женихѣ. Дѣвушки на посидѣлкахъ плетутъ конопляныя нити себѣ въ приданое. Мужчинъ не бываетъ (*Вс. Миллеръ*, Осетинск. этюды, II, 281).

У вотяковъ зимой, съ Михайлова дня и почти до Благовѣщенія, въ деревняхъ устраиваются посидѣлки, гдѣ нибудь въ банѣ или у лицъ, поставившихъ новую избу. Во многихъ мѣстностяхъ хозяева до тѣхъ поръ не переходятъ въ новую избу, пока тамъ хоть одинъ разъ не соберутся на посидѣлки (*Вс. Миллеръ*, Сбор. мат. по этногр., III, 52).

Для сравненія съ малорусскими досвѣтками можно еще взять болгарскія „сидѣнки“ и „попрелки“. Устраиваются онѣ обыкновенно осенью на краю деревни вокругъ большаго костра, а зимой въ избѣ. Около Рущука на сидѣнкахъ парни ночуютъ съ дѣвушками, давши обѣщаніе вести себя скромно, въ противномъ случаѣ парня заставляютъ жениться на соблазненной имъ дѣвушкѣ. Въ той же Болгаріи встрѣчаются и совсѣмъ безнравственныя формы общенія молодежи. Такъ, въ южной Македоніи въ окрестностяхъ Прилѣпа парень и дѣвушка отправляются въ праздникъ къ обѣднѣ, во время чтенія св. Евангелія стоятъ вмѣстѣ около священника, послѣ обѣдни цѣлуются, дарятъ другъ другу подарки, называются братомъ и сестрой, но живутъ, какъ мужъ и жена, только врозь, въ раз-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ домахъ. Въ двухъ селахъ (Габрово и Ново-Село) въ южной части Доспатскихъ горъ еще недавно существовалъ, а можетъ и теперь не совсѣмъ исчезъ такъ называемый „паратеко“; обычай этотъ состоитъ въ томъ, что парни и дѣвицы выбираютъ другъ друга, идутъ попарно въ лѣсъ или, если это происходитъ зимой, на сѣнникъ, и тамъ вступаютъ другъ съ другомъ въ противоестественное общеніе (per anum). Названіе „паратеко“ значитъ лишнее. Старики и старухи относятся снисходительно къ этому обычаю и не запрещаютъ его (*Вс. Миллеръ*, Сборн. матер., изд. при Дашков. этногр. музеѣ I, 5, 4 и 3).

Въ статьѣ о досвѣткахъ я привелъ свидѣтельства Чубинскаго о вечерницахъ въ юго-западномъ краѣ, Лепкаго о галицко-русскихъ, Никонова о воронежскихъ, Аѳанасьева-Чужбинскаго и Костомарова о досвѣткахъ въ полт. губ. и вообще въ Малороссіи. Добавлю, что о вечерницахъ въ Подоліи говорится въ „Основѣ“ 1861, X, 54; въ черниг. губ.—въ „Истор.—стат. опис. черниг. епархіи“ Филарета V, 204). Въ дополненіе къ этимъ свидѣтельствамъ о вечерницахъ приведу еще слѣдующее письмо ко мнѣ уважаемаго А. Д. Т. отъ 6 дек. 1888 г. изъ Ахтырки:

„Ни для кого не тайна, что этнографическія изслѣдованія у насъ, въ харьковской губерніи, пока лишь въ зачаткѣ, что многое изъ народной жизни для интеллигенціи, ею интересующейся, во многихъ отношеніяхъ—темна вода во облацѣхъ, какъ гласитъ писаніе. Поэтому факты изъ народнаго быта, уясняющіе его съ положительной или съ отрицательной стороны—вещь, надѣюсь, заслуживающая вниманія. Сообщаю вамъ, какъ человѣку заинтересованному родиной, фактъ изъ быта хухрянъ (Хухра—слоб. ахтыр. у.), именно фактъ досвитчаный.

3 декабря 1888 г., въ Ахтыркѣ, временнымъ отдѣленіемъ сумскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, разбиралось дѣло объ обывателѣ с. Хухры, 25 лѣтнемъ Петрѣ Мазкунѣ (онъ же по уличному Легеза), который обвинялся въ грабежѣ съ насиліемъ. Фабула дѣла не сложна. Въ Хухрѣ есть одинъ шинокъ; въ 80 саженяхъ отъ него—досвѣтки „велыкыхъ дивчатъ“, въ 45-досвѣтки „маленькыхъ дивчатокъ“. Маленькія дивчатка, въ сезонъ сходокъ прошлой (1887—8 г.) зимы съ однолѣтками „хлопятами“, которымъ было 10—14 лѣтъ, задумали „почастуватысь горилкою“, само собой, съ согласія досвитчаной матери. Достали пляшку, и маршъ юрмою, 4 хлопца и 4 дивчины, въ шинокъ къ шинкарю. Купили, несутъ, вдругъ изъ подъ плетня шасть велыкій парубокъ.

— Ге пляшку.—Геть къ бису. Тотъ насильно вырвалъ и гайда черезъ пустую леваду. Се—Петро!... Адже винъ?—Винъ, винъ! завопила молокососная громада. Сейчасъ къ уряднику... Явился урядникъ и сдѣлалъ обыскъ у Петра Мазкуна, на велыкыхъ досвиткахъ и у Мазкуноваго дяди, въ пустой хатѣ котораго, отстоящей

Библиотека "Руниверс"

отъ жилой на 70 саженей, и была найдена отнятая у хлопчика пляшка, но безъ горилки. Урядникъ составилъ актъ; пошло дѣло къ судебному слѣдователю и привело Петра Мазкуна на скамью подсудимыхъ.

На судѣ свидѣтелями явились со стороны Мазкуна—досвитчана маты, бабенка лѣтъ 30, шустрая и, видимо, моргуха, хлопцы и дивчата его „лавы“ и дядя; со стороны обвинителей—откормившійся, широчайшій въ плечахъ, таліи и прочемъ шинкарь, бывшій урядникъ, нѣкто К. и хлопьята съ дивчатками. Послѣдніе въ одинъ голосъ заявили, что въ сумерки вечеромъ 28 декабря 1887 г. Петро отнялъ у нихъ пляшку съ горилкою, которой они ему не давали; они хорошо распознали его.

Петро: Воны по злоби; усе, ще зъ лита враждують проти мене за выгинъ. Я бидный, такъ имъ завыдно, що е въ мене скотына.

Шинкарь отозвался, что водку точно хлопцы и дѣвочки у него купили, а больше ничего не знаетъ. Петро—человѣкъ не пьющій. К. подробно разсказалъ, что при обыскѣ дѣлалось: нашелъ бутыль, мѣрялъ сапоги Мазкуна, которые пришлись къ слѣдамъ на пустоши. О Петрѣ сказалъ: не пьющій.

Досвитчана маты, дѣвушки и парни: Петро пришелъ на досвитки въ сумерки и до разсвѣта никуда не выходилъ; горѣлки не приносилъ; самъ не пьетъ.

Прокуроръ досвитчаной матери: вы все время слѣдили за нимъ, что утверждаете, что онъ никуда не выходилъ?—Я була все время въ хати.—И можете поручиться, что рѣшительно никуда не выходилъ, положимъ на короткій срокъ?—Хто его зна!... може про себе й выйшовъ якый разъ, тилко мени щось невпомку...—Вотъ видите... вы не помните... Ну-съ, а когда онъ отъ васъ ушелъ?—У досвита.—Т. е. на разсвѣтѣ?—Ни.—А когда же?—У-досвита, се, бачите, передъ свитомъ—Такъ.. Ну, а водки съ собой не приносилъ?—Ни.

Дядько показалъ: бувъ смеркомъ и пишовъ соби, билшъ ничого не знаю.

Прокуроръ въ своей рѣчи настаивалъ на обвиненіи подсудимаго... Конечно, присяжные вынесли вердиктъ: „нѣтъ, не виновенъ“. Петро благодарилъ присяжныхъ со слезами на глазахъ. Онъ недавно женился. Но суть не въ этомъ. Каковы отцы съ матерями, не прекратившіе миромъ этого дѣла, и каково положеніе окружнаго суда, рѣшающаго дѣло какъ грабежъ съ насиліемъ по кодексу, тогда какъ оно со стороны обычнаго права—просто урокъ старшаго молокососамъ, вздумавшимъ въ 10—14 лѣтъ пить горилку... По сбычаю, взрослый человѣкъ, накрывъ такихъ in actu adulterii, въ видѣ улики, могъ снять шапку, сирякъ, отнять люльку, кисныкъ, хрестъ, и въ результатѣ былъ бы смѣхъ надъ накрытыми сторонними, а родители, конечно, постарались бы поступить съ ними по пословицѣ: „катузи по заслузи“. Какъ не пожелать, чтобы такія и подобныя имъ дѣла были изъяты изъ вѣдѣнія окружныхъ судовъ и были предоставлены суду общественному, гдѣ и кара гуманнѣе, и безнаказанность въ случаяхъ дѣйствительно обидныхъ (напр., пропой парубкомъ денегъ, одежды) невозможна. У досвитчанъ свои обычаи, часто грубые; но за нихъ карать арестантскими ротами и Сибирью едва ли приходится. Лучше дома воздать достодолжное, и обычай народный въ такомъ разѣ, какъ извѣстно, не похвалитъ. Я, конечно, выключаю случаи чистой уголовщины. Замѣчу еще, что Хухра, какъ и хутора при-ахтырскіе, мало еще тронуты заводско-фабричной цивилизаціей“.

У галицкихъ лемковъ, находящихся подъ сильнымъ вліяніемъ словаковъ, вечерницы отличаются своеобразнымъ характеромъ, мало

Библиотека "Руниверс"

напоминающимъ украинскія увеселенія этого рода. На вечерницы сходятся парубки и дивчата, иногда и замужнія женщины, приходятъ, между прочимъ, люди пожилые, старые. Здѣсь разговариваютъ, поютъ пѣсни, разсказываютъ сказки и разныя „приповѣдки", напр., сказки о трехъ братьяхъ, о разбойникахъ, о двухъ сестрахъ—доброй бѣдной и злой богатой. Старики и старухи разсказываютъ про старинное время, кому что случилось испытать въ жизни, какой разумный дьякъ былъ въ селѣ, „якъ то за ихъ батькивъ було и якъ то еще ихъ батькамъ тѣхъ батьки оповѣдали". Отставные солдаты разсказываютъ о походахъ и чужихъ странахъ. По словамъ этнографа лемковъ, А. Торонскаго, „вечерницы (у лемковъ) суть то сходбища, на которыхъ юношество много учится. Онѣ не суть вредливы, якъ то больше на далахъ быти може, понеже не сходятся съ цѣлаго села парубки и дѣвки, а только съ 10 или 20 хатъ разомъ, и то не все въ одной и той же хатѣ, напр. у якой вдовы, но въ различныхъ хатахъ. Суть то семейныи розговорки, на которыхъ старыи и молодыи участвуютъ. Пьянства тамъ также нѣтъ" (*Зоря Галицкая*, 1860 г., 416).

Примѣчаніе. Оставляю въ сторонѣ многіе свадебные обряды, повѣрья и пѣсни, потому что славянскимъ свадьбамъ вообще и малорусской въ особенности ранѣе уже было посвящено мной нѣсколько изслѣдованій; именно: „*Религіозно-миѳическое значеніе малорусской свадьбы*", „*Къ вопросу о вліяніи греко-римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу*" и „*О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ*". Послѣднее сочиненіе издано было въ Харьковѣ въ 1881 г., какъ магистерская диссертація, и сравнительно съ предыдущими представляется болѣе крупнымъ. Содержаніе первыхъ двухъ изслѣдованій видно уже изъ ихъ заголовка. Въ диссертаціи „О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ", говорится о слѣдующемъ: Пѣсни и обряды, относящіеся къ похищенію и куплѣ невѣсты. Небесные браки. Участіе небесныхъ свѣтилъ въ устроеніи человѣческихъ браковъ. Время совершенія свадебъ. Черты небеснаго брака въ бракѣ человѣческомъ. Свадебные символы солнца, грома и дождя. Купаніе молодыхъ (баня). Жертвоприношеніе животныхъ и хлѣба (коровай). Обрядовое употребленіе соли. Жертвенныя возліянія. Посвященіе волосъ. Посадъ. Покрываніе головы невѣсты. Музыка и танцы. Молитвы и религіозныя пѣсни. Вильце. Значеніе растеній въ свадебныхъ повѣрьяхъ и обрядахъ. Обрядовое употребленіе сѣна и соломы. Домъ и его части. Обрядовое употребленіе стола, вѣника и сора. Одежда молодыхъ. Въ дополненіяхъ помѣщены статьи о роли мальчика на свадьбахъ, обязательномъ молчаніи молодой, разбиваніи посуды, жертвоприношеніи лошади и названіи жениха княземъ, а невѣсты княгиней. Сочиненіе „О свад. обряд." давно вышло изъ продажи. Оно вызвало нѣсколько обширныхъ рецензій: *проф. А. И. Кирпичниковъ* въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. сдѣлалъ нѣсколько цѣнныхъ дополненій о французскихъ и нѣмецкихъ

Библиотека "Руниверс"

свадебныхъ обрядахъ; *акад. А. Н. Веселовскій* касается моего труда въ разныхъ своихъ статьяхъ, при чемъ въ однихъ случаяхъ пользуется имъ, въ другихъ опровергаетъ нѣкоторыя мои замѣчанія по миѳологіи или дополняетъ мое изслѣдованіе (напр., по вопросу о разуваніи молодаго); *проф. А. А. Потебня* предложилъ поправки и дополненія въ 1 т. „Объясненій малорусск. и сродныхъ пѣсенъ“ (стр. 1, 16 и др.); *акад. И. В. Ягичъ* сдѣлалъ общую оцѣнку моего труда въ Archiv f. slav. Philologie, 1881, V B., IV H. Пустыя рецензіи были въ „Вѣстн. Европы“ 1881, VI и въ „Руси“ 1881, № 38.

Въ предстоящихъ статьяхъ о свадебныхъ малорусскихъ обрядахъ я буду говорить или о томъ, чего не было въ соч. „О свадебныхъ обрядахъ“, или о томъ, что нуждается въ другомъ научномъ объясненіи, на основаніи другихъ фактическихъ данныхъ.

86.

Малорусская свадебная терминологія.

Малорусская свадебная терминологія отличается вполнѣ славянскимъ характеромъ, только въ отдаленномъ уголкѣ русскаго міра въ Буковинѣ появилось нѣсколько чуждыхъ словъ. И въ Великороссіи обнаруживается то же явленіе: въ центральной Россіи всѣ свадебные термины славянскіе, а на сѣверо-востокѣ встрѣчаются уже въ свадебномъ ритуалѣ такія слова, какъ урвалятне, люкшинъ — пряка, челпанъ. Галицко-русскія свадебныя слова и выраженія близко стоятъ къ великорусскимъ; такъ, слова пропой, кичка, бояре, обычныя въ Великороссіи, весьма распространены и въ Галиціи. Въ мѣстностяхъ, гдѣ малороссы живутъ съ поляками въ близкомъ сосѣдствѣ напр., въ сѣдлецкой губерніи, обнаруживается значительная примѣсь польскихъ свадебныхъ терминовъ, одновременно съ примѣсью польскихъ свадебныхъ рацей. При всемъ томъ, на пространствѣ отъ Дона до Буга свадебная терминологія почти вполнѣ одинакова и устойчива. Тѣ термины, которые находятся въ самомъ раннемъ описаніи украинской свадьбы, сдѣланномъ Калиновскимъ въ 1777 году, встрѣчаются и въ настоящее время на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. Свадебная терминологія говоритъ въ пользу нравственнаго и гражданскаго достоинства малорусской свадьбы, такъ какъ въ ней нѣтъ ничего грубаго, суроваго, что вполнѣ отвѣчаетъ общему мягкому складу и веселому тону малорусской

Библиотека "Руниверс"

свадьбы, въ ритуалѣ которой только немногіе обряды напоминаютъ о томъ варварскомъ времени, когда „умыкиваху дѣвицъ у воды", безъ ихъ согласія, времени доисторическомъ, такъ какъ уже въ XI вѣкѣ въ глухихъ мѣстахъ деревской и сѣверской областей умыканіе дѣвицъ происходило, по свидѣтельству лѣтописца, съ ихъ согласія. Главные предки украинскаго народа поляне уже въ XI вѣкѣ имѣли „обычай кротокъ и тихъ и стыдѣніе къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матерямъ и къ родителямъ своимъ, къ свекровямъ и деверямъ велико стыдѣнье имѣху, брачный обычай имяху, не хожаше зять по невѣсту, но привожаху вечеръ, а заутра приношаху по ней что вдадуче". За этими словами скрываются уже степенные старосты съ хлѣбомъ въ рукахъ, веселыя дружки и приданки, пѣсни про ясный мисяцъ и его подругу зирочку вечирнюю. Въ настоящее время въ малорусскихъ названіяхъ сватовъ и старостовъ нѣтъ указаній на ихъ чародѣйство; обнаруживается уваженіе къ нимъ, какъ людямъ пожилымъ, опытнымъ, разумнымъ и краснорѣчивымъ и нѣтъ удручающаго и связывающаго опасенія ихъ, какъ колдуновъ; оттого въ Малороссіи нѣтъ и такихъ названій для свата, какъ *ворожецъ* (олонец. губ., *Бесѣда* 1872, VI, 108), *вѣжливецъ* (дружко-колдунъ въ перм. губ., *Перм. Губ. Вѣд.*, 1864, № 3), *опасный* (ib.). Далѣе, въ Малороссіи въ настоящее время хотя и сохраняется обрядовый плачъ невѣсты, но уже нѣтъ такихъ названій и такихъ лицъ на свадьбѣ, какъ *плачея* въ арханг. губ., которая помогаетъ невѣстѣ выкрикивать плачевныя пѣсни (*Москвитян.* 1853, XIII, 31). или *вылынща* въ яросл. губ., которая по приглашенію „воетъ" на дѣвичникѣ (*Этн.* Сб., III, 21).

Прилагаемъ при этомъ маленькій словарь малорусскихъ свадебныхъ терминовъ, не претендуя на исчерпывающую полноту его содержанія, съ указаніемъ тождественныхъ или сходныхъ свадебныхъ терминовъ другихъ славянскихъ народовъ, великоруссовъ, чеховъ, болгаръ и пр.

1) *Бажантъ*—въ Подлясьѣ такъ называется пѣтухъ, сваренный за селомъ на горѣ и въ концѣ свадьбы подаваемый къ столу въ домѣ отца невѣсты (*Чуб.*, IV, 385).

2) *Балецъ*—въ Галиціи хлѣбъ особаго вида и обряднаго приготовленія въ домѣ невѣсты въ день витья вѣнковъ (*Голов.*, въ Чтеніяхъ московскаго общества исторіи 1872, III, 369).

Библиотека "Руниверс"

3) *Баришъ*—выпивка поѣзжанъ и молодыхъ въ домѣ священника послѣ вѣнчанія (*Чуб.* IV, 675).

4) *Богадъ*—почетное мѣсто на покути подъ образами, покрываемое вывернутой шерстью вверхъ шубой, гдѣ сидятъ молодые (*Чуб.* IV, 143).

5) *Бокрейда*—въ Галиціи букетъ искусственныхъ цвѣтовъ, который женихъ получаетъ отъ невѣсты, дружко отъ ея подругъ, и надѣваютъ на шляпу (*Гол.*, IV, 400).

6) *Бояре*—въ М., В. и Б. Россіи участники въ свадьбѣ со стороны жениха и невѣсты или пріятели жениха (*Kolberg*, Pokucie, I, 258).

7) *Боярынъ*—въ В. и М. Россіи распорядитель свадебныхъ поѣзда и обѣда (*Этногр. Сборн.*, I, 142). Въ Бѣлоруссіи боярской называютъ главную подругу невѣсты (*Шейнъ*, Бѣлор. пѣс. 488); въ Галиціи почетный хозяинъ, который несетъ коровай въ домъ молодой (*Kolb.*, I, 238).

8) *Ватажела*—въ Буковинѣ старшій дружко (*Зап.* Ю. З. Отд. Геогр. Общ. II, 480).

9) *Верчъ*—свадебный хлѣбъ, похожій на коровай (*Чуб.*, IV, 236).

10) *Весилье*—у малоруссовъ, чеховъ и поляковъ служитъ общимъ названіемъ свадьбы.

11) *Весильны люде*—сваты, дружки, вообще свадебная дружина въ седлецк. губ. (*Янчукъ*, Малор. свад. 15).

12) *Вильце*—разукрашенная сосновая вѣтка на дѣвичникѣ (подробн. въ моемъ соч. о свад. обряд.).

13) *Винкоплетины*—въ Галиціи плетеніе вѣнковъ и угощеніе гостей въ домѣ невѣсты (*Основа*, 1861).

14) *Вино*—приданое: *видвиноваты*—дать приданое (*Kolberg*, Pokucie, I, 225).

15) *Выдавця*—у лаборскихъ русскихъ староста или сватъ со стороны невѣсты (*Науков. Сборн.*, 1865, 140); у чеховъ то же „oddavač" (*Čas. čes. Mus.* I, 93).

16) *Гарасивка*—въ Галиціи платокъ на головѣ невѣсты, къ которому прикрѣпляютъ вѣнокъ (*Основа*, 1862 г.).

17) *Гарбуза пиднесты*—отказать сватамъ (*Kolberg*, Pokucie, I, 286; *Квитка*, въ разн. повѣстяхъ).

18) *Гильце*—украшеніе сосновой вѣтки цвѣтами и фруктами (см. *Сумц.*, 80).

19) *Головыця*—у малоруссовъ г. Вилькова (въ Бессарабіи) собраніе дѣвицъ въ субботу вечеромъ, наканунѣ дня вѣнчанія, или дѣвичникъ (*Кіевск. Старина* 1883, кн. II, 396), вѣроятно, отъ болгарскаго названія сватовства „голѣмъ годежъ" (*Чолаковъ*, Бълг. нар. сб., 51).

20) *Гуски*—въ Угорской Руси собраніе молодежи въ домѣ отца невѣсты наканунѣ вѣнчанія, въ родѣ дѣвичника (*Гол.*, IV, 400); въ Галиціи длинный хлѣбъ вмѣсто коровая съ картофелью (*Tomaszewska*, въ Zbior wiadom., XII, 61).

21) *Дивоснубы*—въ сѣдлецкой губ. сваты (*Чуб.*, IV, 56).

22) *Дивоцьки запоины*—дѣвичникъ въ мозырск. у. минской губ. (*Чуб.*, IV, 214).

23) *Дивичъ-вечеръ*—въ чигиринск. у. кіевск. губ. дѣвичникъ наканунѣ дня свадьбы (*Кіевск. Старина* 1883, т. I, 372).

24) *Домóвины*—въ полтавск. губ. собраніе родныхъ жениха въ домѣ невѣсты и уговоръ о приданомъ (*Чуб*, IV, 560).

25) *Допыты*—начало сватовства, посылка свахи въ домъ невѣсты, при чемъ сваха наводитъ справки, примутъ ли сватовъ (*Чуб.*, IV, 56).

Библиотека "Руниверс"

26) *Дружбины*—у малоруссовъ воронежской губ. дѣвичникъ (*Ворон. Бесѣда* 1861, 172).

27) *Дружко*—родственникъ жениха, главный распорядитель на свадьбѣ; въ Малороссіи дружко заправляетъ свадебнымъ поѣздомъ и угощаетъ гостей; въ Великороссіи оберегаетъ молодыхъ отъ порчи, при чемъ въ вологодск. губ. провожаетъ невѣсту въ баню и окачиваетъ ее здѣсь водой, пошептавъ на нее, т. е. воду (*Этн. Сборн*, V, 9). Въ старинное время въ В. и М. Россіи помогалъ молодому исполнить супружескія обязанности, въ случаѣ его робости или немощности. У сербовъ лужицкихъ дружко находится впереди свадебнаго поѣзда (*Haupt und Smoler*, Volkslieder, II, 234).

28) *Дружчины*—потчиваніе дѣвушекъ сыромъ, когда невѣста сидитъ на посадѣ (*Чуб.*, IV, 163).

29) *Дывень*—въ полтавской губ. свадебный хлѣбъ при короваѣ, какъ дополненіе къ нему (*Полтавск. Губ. Вѣдом.* 1864, № 51).

30) *Заводыны*—въ Буковинѣ первый день свадьбы, суббота или среда (*Зап. Ю. З. О. Г. Общ.*, II, 475).

31) *Закуція*—въ Подоліи угощеніе гостей послѣ свадьбы въ домѣ новобрачнаго (*Чуб.* IV, 630).

32) *Залёты*—въ сѣдлецкой губ. первое формальное знакомство жениха съ невѣстой за недѣлю до свадьбы (*Янчукъ*, II).

33) *Заповѣдіе*—въ сѣдлецкой губ. оглашеніе въ церкви три раза по воскреснымъ днямъ (*Янчукъ*, II).

34) *Запой*—въ В. и М. Россіи и въ Славоніи сватовство (*Этногр. Сборн*, I, 47; *Ilić*, Nar. Slav. ob., 43).

35) *Запорозци*—на Волыни называютъ такъ посторонникъ лицъ, присутствующихъ на свадьбѣ безъ приглашенія (*Чуб.*, IV, 383).

36) *Заручины*—у в., м. и бѣлоруссовъ, также у поляковъ обрученіе за нѣсколько дней до свадьбы (*Труды* эти. отд. общ. любит. естеств., V, I, 75; *Народы Россіи*, I, 71; *Шейнъ*, Бѣлор. п. 306 и др.).

37) *Застава*—у лаборскихъ русскихъ (въ Галиціи) свадебное знамя (*Гол.*, IV, 422); у чеховъ заставникомъ называется дружко, несущій знамя (Časop. čes. Musea, I, 92).

38) *Зводины*—обрядовое подниманіе молодыхъ послѣ первой брачной ночи (*Чуб.*, IV, 60; *Янч.*, 48); сходныя слова: у великоруссовъ харьк. губ. *своды*—сговоръ за нѣсколько дней до свадьбы (*Этн. Сборн.*, III, 9); курской губ.—благословеніе молодыхъ хлѣбомъ и иконой передъ вѣнчаніемъ (ib., V, 33); у поляковъ *звяды*—сватовство (*Нар. Рос.*, I, 71).

39) *Згода*—у малоруссовъ сѣдлецкой губ. сговоръ (*Янч.*, II).

40) *Змовины*—у малоруссовъ и поляковъ сговоръ (*Kolb.*, Lud. III, 250).

41) *Знаки*—въ полтавской губ. свадебныя полотенца (*Вѣстн.* Геогр. Общ. 1855, I, 144).

42) *Казане*—рѣчь молодаго или свата, произносимая на печкѣ, какъ съ каѳедры, дидактическаго характера (*Янч.*, 42).

43) *Казаница*—въ сѣдлецкой губ. печка, сидя или стоя на которой сватъ говоритъ рѣчь, при чемъ голосомъ и жестами подражаетъ церковному проповѣднику (*Янч.*, 42).

Библиотека "Руниверс"

44) *Калачи* — въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи свадебные хлѣбы (*Kolb.*, Pokucie, I, 227).

45) *Княгиня, князь*.—названія молодыхъ въ В. и М. Россіи; въ Грузіи ихъ называютъ царь и царица. Различныя объясненія этихъ названій см. въ моемъ сочин. „О свад. обр.“ 205 и въ рецензіи Кирпичникова, 184.

46) *Кодашъ*—въ Буковинѣ возница молодыхъ въ свадебномъ поѣздѣ (*Зап.* Ю. З. О. Геогр. Общ., II, 486).

47) *Коровай—1*) свадебный хлѣбъ и 2) по немъ такъ называется цѣлый актъ свадебнаго ритуала или особый день свадьбы; подробности въ моемъ сочиненіи „Хлѣбъ въ обр. и пѣсняхъ“, дополненія у Янч. 12. Свадебный хлѣбъ называется короваемъ также у румелійскихъ болгаръ (*Чолак.*, Бълг. н. сб. 17).

48) *Кураловъ*—въ Угорской Руси свадебное знамя (*Голов.*, IV, 402).

49) *Ладкане*—свадьба, свадебныя пѣсни (*Гол*, *Kolb.*, Pokucie, I, 228).

50) *Лежень, лежни* — свадебные хлѣбы; пекутъ ихъ наканунѣ свадьбы вмѣстѣ съ короваемъ (*Чуб.*, IV, 236; *Этн. Сборн.*, I, 352); ѣдятъ въ понедѣльникъ (когда молодые полежали; *Кіевск. Стар.* 1883, т. I, 396).

51) *Маршалокъ*—дружко или сватъ (*Терещ.* Бытъ рус. нар., II, 516; *Вѣст.* Г. Общ., 1853, VIII, 73).

52) *Молодая* — названіе замужней женщины въ Малороссіи до рожденія ребенка (особенно дѣвочки); у сербовъ въ теченіи года (*Rajacsich*, Das Leben der Südslav., 185).

53) *Музыка*—названіе музыкантовъ; въ минской губерніи почетнаго гостя (*Минск. Губ. Вѣд.*, 1865, № 24).

54) *Обзорыны*—въ Галиціи осмотръ родителями жениха дома невѣсты и знакомство съ ея родителями (*Kolb.*, I, 286).

55) *Обминяты хлибъ*—сговоръ (*Этн. Сб.*, I, 352).

56) *Оброкъ*—овесъ и вода, чѣмъ мать невѣсты потчиваетъ молодаго.

57) *Одклуйнщины*—собраніе гостей у жениха и невѣсты наканунѣ дня свадьбы (*Чуб.*, IV, 580).

53) *Очепины*—покрываніе головы молодой очипкомъ; у поляковъ „оканины“ (*Kolb.* Lud., III, 259).

59) *Перезва*—послѣдній свадебный пиръ у матери невѣсты, присутствуютъ только замужнія женщины; поютъ скабрезныя пѣсни (*Чуб.*, IV, 465; *Кистяковск.*, въ Записк. Г. Общ.).

60) *Перейма*- на другой день свадьбы парубки ставятъ на дорогѣ въ честь молодыхъ, возвращающихся домой отъ священника или изъ дома отца молодой, столъ; на него кладутъ хлѣбъ, водку, пшеницу, овесъ, и получаютъ отъ молодыхъ угощеніе (*Чуб.*, IV, 463).

61) *Перепой*—въ сѣдлецкой губ. угощеніе гостей въ понедѣльникъ послѣ свадьбы въ домѣ молодаго (*Янч.*, 30).

62) *Печеляднны*—осмотръ дома жениха или невѣсты, то же у донскихъ козаковъ „смотрѣть печи“ (*Терещ.*, II, 610); то же у чеховъ—„ohnisco obzerat“ (*Časop.*, 1859, I, 91).

63) *Пиддружій*—помощникъ дружка (*Кіев. Ст.* 1883, т. I, 380; *Чуб.*, IV, 600).

64) *Пыдпалокъ*—у лаборскихъ русскихъ въ Галиціи плоскій хлѣбъ (*Науков. Сборн.* 1865, 158).

Библиотека "Руниверс"

65) *Пирникъ*—платокъ, который даритъ женихъ невѣстѣ и въ которомъ она стоитъ подъ вѣнцомъ (*Чуб.*, IV, 214).

66) *Платъ*—кусокъ хорошаго полотна, которымъ перевязываютъ невѣсту (*Чуб.*, IV, 676).

67) *Поклонъ*—поклонъ, или дареніе священнику передъ оглашеніемъ хлѣба и куръ (*Kolb.*, Pokucie, I, 286).

68) *Покраса*—въ воронежской губ. снопъ жита подъ образами въ день свадьбы (*Ворон. Бесѣда*, 1861, 170), въ юго-западномъ краѣ рубаха молодой послѣ первой брачной ночи (*Чуб.*, IV, 453).

69) *Покрейта*—связка бѣлыхъ перьевъ, полагаемая въ Галиціи на столѣ (*Науков. Сб.* 1865, 141).

70) *Посадъ*—почетное мѣсто молодыхъ на покути или молодой на дѣжѣ (*Чуб.*, IV, 143; *Янч.*, 21); иногда—приданое (*Янч.*, 11).

71) *Посадъ*—почетное мѣсто для невѣсты (подробн. у *Сумц.* 156; *Nowos.*, Lud ukr., I, 203).

72) *Посыранки*—потчиваніе дружекъ сыромъ, когда невѣста находится на посадѣ (*Чуб.*, IV, 163).

73) *Приданки*—у малороссовъ женщины, которыя отвозятъ приданое невѣсты въ домъ жениха; у кашубовъ „przedanki"—двѣ почетныя замужнія женщины, съ бѣлыми платками на головѣ (*Этн. Сб.*, V, 59).

74) *Присваха*—въ сѣдлецкой губ. ходитъ съ невѣстой по домамъ созывать гостей на свадьбу (*Чуб.*, IV, 64).

75) *Пропій*—въ Буковинѣ третій день свадьбы и пиръ въ домѣ молодаго (*Зап.* ю. з. о. Геогр. Общ., II, 475); въ многихъ мѣстахъ Великороссіи сговоръ (*Этн. Сб.*, V, 25 и др.); въ Славоніи „popit"=пропой (*Ilić*, 41).

76) *Просатори*—у галицкихъ лемковъ сваты (*Голов.*, III, 367); у мазуровъ сватъ, созывающій гостей, называется „proszek" (*Toeppen*, Abergl. aus Masuren, 84).

77) *Проща*—въ Буковинѣ длинная свадебная рѣчь религіознаго характера (*Зап.* ю. з. о. Геогр. Общ., II, 482).

78) *Розвидки*—то же, что и „допыты", см. это слово выше (*Чуб.*, IV, 56).

79) *Розглядины*—осмотръ дома жениха родителями невѣсты (*Чуб.* IV, 95; *Кіевская Старина*, 368).

80) *Руковины, Рукодаины*—заручины, сговоръ (*Чуб.*, 65), въ Славоніи то же—„rukovna" (*Ilič*, 49).

81) *Рушники братъ*—сватовство, сговоръ (*Ворон. Бес.* 1861, 161); у чеховъ „ruszniса"—женщина, которая отвозитъ приданое въ домъ жениха (*Časop.*, 1859, I, 93).

82) *Свадьба*—у поляковъ начала XVII в. *svadva*, у кашубовъ нынѣ *suadzba*—рядъ брачныхъ увеселеній и обрядовъ (*Терещ.*, II, 32; *Этн. Сб.*, V, 110; *Nowos.*, I, 175).

83) *Сватання*—посылка сватовъ, начало свадьбы (*Кіевск. Старина* 1883, т. I, 368).

84) *Сватъ*—такъ называется лицо, дѣлающее предложеніе отцу дѣвушки отъ имени жениха (*Янч.*, 16) и еще чаще отцы молодыхъ относительно другъ друга. Въ Великороссіи бываетъ одинъ сватъ; въ Малороссіи почти всегда два свата (или старосты). У древнихъ индусовъ въ домъ отца взрослой дѣвушки шли также два

Библиотека "Руниверс"

свата съ цвѣтами и плодами (*Weber*, Ind. Stud., V, 276, 291, 380). Въ Малороссіи они почти всегда несутъ съ собой хлѣбъ. Въ Германіи къ отцу невѣсты приходятъ также два свата (*Mülhause*, Die Urrelig., 194). Въ орловск. губ. бываетъ сватъ со стороны жениха и сватъ со стороны невѣсты (*Терещ.*, II, 194), въ родѣ галицко-русскаго выдавца и чешскаго оддавача.

Сваха—изрѣдка устроительница сватовства, какъ въ Великороссіи повсемѣстно, а большею частью такъ называются матери молодыхъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Свахи въ смыслѣ устроительницъ бракосочетаній были у древнихъ грековъ (промнестріи) и у ацтековъ (*Страшкевичъ*, Кратк. оч. греч. древн., 448; *Klemm*, Allgem. Kulturgesch., V, 33).

86) *Свашки*—родственницы жениха, большею частью жены его братьевъ (*Кіевская Старина* 1883, т. I, 380).

87) *Свитивка или свитилка*—родная или двоюродная сестра жениха; въ старинное время держала въ рукахъ козацкую саблю, украшенную калиной, съ восковой свѣчой на верху (*Абевега*, 1786 г., 44; *Чуб.*, IV, 588; *Зап. ю. з. о. Г. Об.*, II, 474; *Kolberg*, Pokucie, I, 231).

88) *Сговорыны*—уговоръ о днѣ свадьбы и пирушка *Кіевск. Старина*, 369), послѣ сватовства или проноя (*Этн. Сб*, V, 32).

89) *Сербина*—въ Буковинѣ свадебный танецъ (*Зап* ю. з. о. Г. Общ., II, 503).

90) *Слово* — уговоръ родителей молодыхъ о приданомъ предъ свадьбой (ib., 474).

91) *Смѣны*—въ Буковинѣ четвертый день свадьбы, съ угощеніемъ гостей (обыкновенно суббота—ib, 475).

92) *Старосты*—устроители свадьбы, послы отъ жениха къ отцу невѣсты (часто упоминаются въ повѣстяхъ и комедіяхъ Квитки, преимущественно въ „Пидбрехачѣ“ и „Сватаньѣ на Гончаривци“).

93) *Старосцины*—свахи, послы отъ жениха (*Чуб.*, 248).

94) *Стульни*—свадебные пироги. Въ Малороссіи молодой относилъ стульни къ тестю, обложивъ ихъ калиновыми вѣтвями, въ случаѣ цѣломудрія невѣсты (*Абевега*, 47; *Терещ.*, II, 536).

95) *Торочины*—собраніе дѣвушекъ въ домѣ невѣсты съ цѣлью пришить къ полотенцамъ тороки—волокнистые концы (*Чуб.*, IV, 96).

96) *Торочки*—вишневыя вѣтви, обвитыя тѣстомъ и воткнутыя въ коровай (*Чуб.*, IV, 672).

97) *Турпань*—въ Буковинѣ свадебное покрывало невѣсты (*Зап.* ю. з. о. Г. Общ., II, 491).

98) *Умовины*—сговоръ, розглядины (*Чуб.*, 400, 671 и др).

99) *Хорунжій*—парубокъ, который держитъ свадебное знамя, „весильну корогву“ (*Чуб.*, 262; *Основа* 1862, IV, 27).

100) *Хустка*—платокъ, который невѣста даритъ жениху (*Янч.*, 26), то же, что ширинка на княжескихъ и царскихъ свадьбахъ стариннаго времени (*Забѣлинъ*, Дом. бытъ русск. царицъ 637).

101) *Цыганщина*—послѣсвадебное увеселеніе съ переодѣваніями въ цыганъ, жидовъ и пр. (*Чуб.*, IV, 580).

102) *Чальце*—въ галицкомъ Покутьѣ мѣдный полукругъ, надѣваемый на лобъ невѣстѣ подъ вѣнокъ (*Kolberg*., I, 232).

Библиотека "Руниверс"

103) *Шишки*—небольшіе свадебные хлѣбы при короваѣ въ харьк. губ., въ астраханской г. у малоруссовъ (*Волга* 1864, № 51) и въ др. мѣстахъ М. Россіи.

104) *Шуренци*—въ Подоліи такъ называются четыре мальчика не моложе пяти лѣтъ, которые стоятъ возлѣ невѣсты съ палочками, поднятыми вверхъ (*Чуб.*, IV, 625).

Бокрейда (№ 5) и покрейта (№ 69), кажется, тожественны по значенію; оба эти слова происходятъ отъ мадьярскаго „bokreta“ (*Miklosich*, Die Fremdwörter, 6). Слово бажантъ (№ 1) польское, значитъ фазанъ, серб. бажанъ; (ib. 5). Слово балецъ (№ 2), вѣроятно, отъ зап.-слав. bala—приданое, нѣм. Ballen, итал. balla—тюкъ (ib., 4).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Библиотека "Руниверс"

НОВЫЙ ИСТОЧНИКЪ О КОЗАЦКОМЪ ВОЗСТАНІИ 1625 Г. И МѢСТО ЗАКЛЮЧЕНІЯ КУРУКОВСКАГО ДОГОВОРА.

Въ числѣ многихъ интересныхъ памятниковъ, напечатанныхъ въ вышедшемъ въ прошломъ году изданіи кіевской археографической коммиссіи «Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси», есть дневникъ похода противъ запорожскихъ козаковъ въ 1625 году. Любопытный этотъ «діаріушъ» извлеченъ проф. В. Б. Антоновичемъ изъ одной записной книги (т. н. Silva rerum) XVII или начала XVIII в. въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ. Вотъ что говоритъ ученый издатель о важности дневника.

«Фактъ, разсказанный въ издаваемомъ дневникѣ: возстаніе козацкаго гетмана Жмайла и усмиреніе его польскимъ гетманомъ Конецпольскимъ, оставленъ въ тѣни какъ козацкими лѣтописцами, такъ и польскими историками. Обыкновенно мы встрѣчаемъ только ссылки на Куруковскій договоръ, долго потомъ служившій польскому правительству какъ бы нормою для регулировки козацкихъ отношеній, но возстаніе, подавшее поводъ къ заключенію этого договора, оставалось долго совершенно почти неизвѣстнымъ и даже имя его предводителя не приводилось историками, описывавшими козацкія возстанія. Впрочемъ, издаваемый нынѣ дневникъ послужилъ источникомъ для двухъ историческихъ сочиненій: свѣдѣнія, заимствованныя изъ него, мы встрѣчаемъ въ жизнеописаніи Ѳомы Замойскаго, изданномъ Батовскимъ и составленномъ въ 1643 году Журковскимъ [1]). Затѣмъ, подробности возстанія Жмайла разсказаны въ предисловіи къ «Богдану Хмельницкому» Костомарова въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ этого сочиненія; мы не знаемъ, заимствовалъ ли почтенный историкъ приводимыя имъ свѣдѣнія изъ указаннаго сочиненія Журковскаго, или изъ подлиннаго дневника, встрѣтившагося ему въ рукописи; во всякомъ случаѣ, такъ какъ первоначальный ис-

[1]) „Żywot Tomasza Zamojskiego napisał Stanisław Żurkowski, wydał Alexander Batowski z rękopismu w zbiorze Wiktora Baworoskiego. Lwów. 1860“.

Библиотека "Руниверс"

точникъ не былъ приложенъ ни въ одномъ изъ двухъ названныхъ сочиненій, то мы полагаемъ, что изданіе его обогатитъ лѣтописный матеріалъ, собранный для южно-русскаго бытописанія XVII столѣтія [1]).

Такъ какъ дневникъ напечатанъ въ «Сборникѣ лѣтописей» въ подлинникѣ, на польскомъ языкѣ, и изданіе, пріютившее его, не можетъ похвалиться распространенностью среди читающей публики, то уже это одно обстоятельство даетъ ему право появиться на страницахъ «Кіевской Старины» въ русскомъ переводѣ, какъ появились тамъ другіе подобные памятники. Мы, впрочемъ, на этотъ разъ воспользуемся дневникомъ и для рѣшенія одного маленькаго вопроса въ нашей исторіи—вопроса о мѣстѣ заключенія извѣстнаго Куруковскаго договора. Въ печати, сколько помнится, къ вопросу этому относится спеціально одна только замѣтка священника Никифорова, помѣщенная въ апрѣльской книгѣ «Кіевской Старины» за 1885 годъ. Почтенный авторъ замѣтки, очевидно хорошо знакомый съ мѣстностью, о которой пишетъ, именно нуждался въ точномъ и ясномъ разсказѣ о событіяхъ, вызвавшихъ Куруковскій договоръ. Мѣсто для него онъ указываетъ въ посадѣ Крюковѣ, что на правомъ берегу Днѣпра, противъ Кременчука. Это, какъ увидимъ, весьма вѣроятно, но по содержанію замѣтки мало доказательно. О. Никифоровъ взялъ разсказъ о возстаніи Жмайла у Костомарова, а покойный историкъ, не имѣя въ виду спеціальнаго описанія именно этого возстанія, коснулся даннаго вопроса только вскользь.

Предлагая ниже цѣликомъ «Дневникъ» въ русскомъ переводѣ, мы позволимъ себѣ для нашей цѣли только подчеркнуть въ немъ тѣ мѣста, которыя касаются топографіи, начиная съ Крылова, который можно взять за послѣдній точно опредѣленный пунктъ на пути, законченномъ искомымъ Куруковскимъ урочищемъ. Для большей ясности прилагаемъ и карту мѣстности отъ Крылова до Крюкова, снимокъ съ трехверстной карты Россіи.

„Дневникъ коммиссіи или экспедиціи противъ войска Запорожскаго. 1625“.

(*Diarjusz kommissji albo expedicji przeciwko wojsku Zaporoskiemu. 1625*).

«Сталъ его милость п. гетманъ съ войскомъ его королевскаго величества кварцянымъ 5 іюля нынѣшняго 1625 года за Мурахвой,

[1]) Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси, изд. коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. К., 1888 г. Предислов. стр. XXIX—XXX.

Библиотека "Руниверс"

надъ рѣчкой, между шляхами Чернымъ и Кучманскимъ, чтобы дать отпоръ набѣгамъ поганыхъ и непріятельскимъ замысламъ; здѣсь войско стояло обозомъ во всей воинской дисциплинѣ до 15 сентября; двинувшись отсюда по полкамъ, перешли въ разныхъ мѣстахъ р. Бугъ. Отсюда къ 25 числу того же мѣсяца стали — по крайней мѣрѣ самъ е. м. п. гетманъ съ полкомъ своимъ, отправивъ въ Барѣ пословъ отъ Мехметъ-Ддакъ баши, отъ Шагинъ Гирея, отъ господаря волошскаго и посланца семиградскаго, — въ милѣ предъ Паволочью, гдѣ на его милость напалъ первый пароксизмъ квартанны [1]), которая его жестоко мучитъ и по сей день.

26. Утромъ послы кіевскіе привѣтствовали его милость и получили отвѣтъ на принесенныя письма. Его милость съ полкомъ шелъ черезъ Паволочь, навѣстилъ ея милость панію (каштеляншу) виленскую, а потомъ сталъ обозомъ въ доброй милѣ за городомъ.

27. Обозъ остановился въ полумилѣ за мѣстечкомъ Таборовкой, гдѣ его милость привѣтствовали п. Рогошъ, подстароста бѣлоцерковскій, съ мѣщанами.

28. Тамъ же стояли цѣлый день, ожидая другихъ полковъ и ихъ милостей пп. коммиссаровъ.

29. Обозъ подвинулся на милю и сталъ надъ рѣкой Раставицей, въ тотъ же день къ обозу подошли полки е. м. п. Потоцкаго, подкоморія каменецкаго.

30. Тамъ же присоединился полкъ пана старосты винницкаго и пана Тржцинскаго.

Октября 1. Стоятъ (гетманъ) на томъ же становищѣ.

2. Тамъ же, пришелъ полкъ пана (каштеляна) галицкаго.

3. Тамъ же въ обозъ пріѣхалъ е. м. п. воевода русскій, коммиссаръ его королевскаго величества.

4. Утромъ обозъ тронулся изъ подъ Раставицы и, переправившись черезъ рѣку Каменицу, шелъ мимо Бѣлой-Церкви и остановился въ четверти мили за городомъ.

5. Тамъ же (стояли), ожидая пп. коммиссаровъ.

6. Обозъ двинулся и сталъ въ двухъ миляхъ надъ рѣкою Узенемъ.

7. Въ этотъ день обозъ сдѣлалъ около мили и сталъ за мѣстечкомъ Рокитной.

8. Тамъ же, въ ожиданіи пп. коммиссаровъ.

9. Утромъ обозъ двинулся и сталъ надъ Кагарлыкомъ, въ трехъ съ половиной миляхъ.

[1]) Перемежающаяся лихорадка.

Библиотека "Руниверс"

10. Обозъ шелъ 3 мили и стоялъ надъ урочищемъ Піевомъ. Подстароста каневскій и мѣщане встрѣтили его милость.

11. Двинулся обозъ и остановился въ милѣ отъ Канева. Пріѣхали къ е. м. п. гетману три посла отъ каневскихъ козаковъ съ оповѣщеніемъ, что гетманъ ихъ Жмайло еще на Запорожьѣ, и просили при этомъ, чтобы въ городѣ не дѣлали на нихъ нападенія, дабы имъ можно было безопасно имѣть въ немъ раду между собою.

12. Тамъ же. 3000 козаковъ, не согласившись на радѣ (поддаваться ли п. гетману или нѣтъ?), ушли изъ города; въ погоню за ними п. гетманъ послалъ п. Одрживольскаго съ 10 хоругвями.

13. П. Одрживольскій, догнавъ козаковъ надъ рѣкою Мошною, громилъ ихъ. Тамъ же, твердоуздый конь унесъ къ козацкому табору сына князя Четвертинскаго, котораго козаки и держали въ плѣну впродолженіе всей экспедиціи. Обозъ шелъ 3 мили; переправившись черезъ рѣку Рось подъ Рожнницами [1]), стоялъ на той сторонѣ. Е. м. п. гетманъ послалъ на помощь п. Одрживольскому кавалера Юдыцкаго съ нѣмецкой пѣхотой и хоругвью п. Коссаковскаго и п. Бѣлецкаго; догнали его только ночью, у рѣки Мошны. А козаки, получивъ подкрѣпленіе, съ табором своимъ направились къ Черкасамъ.

14. Шелъ неутомимо п. Одрживольскій съ подкрѣпленіемъ и съ полкомъ своимъ до Черкасъ, оттуда за часъ до разсвѣта вышло таборомъ 20,000 козаковъ къ войску козацкому, которое изъ Масловаго Ставу дошло уже до Цаловъ (które się już do Całów (sic) z Masłowego Stawu sciągnęli). Давъ знать объ этомъ его милости п. гетману, самъ (Одрживольскій) остался въ городѣ. Обозъ въ этотъ день сдѣлалъ мили три и дошелъ до самой рѣки Мошны, переправившись черезъ которую, остановился. Прибыли въ обозъ: его милость п. воевода кіевскій, князь Паницкій, князь Вишневецкій и ихъ милости пп. коммиссары.

15. Е. м. п. гетманъ съ войскомъ и ихъ мм. пп. коммиссарами прибылъ къ Черкасамъ и сталъ обозомъ подъ городомъ.

16. Тамъ же, впродолженіе цѣлаго дня, вслѣдствіе рады, которую имѣли ихъ мм. пп. коммиссары, собравшись въ полномъ составѣ.

17. Утромъ обозъ двинулся изъ Черкасъ и, прошедши мили 2, сталъ надъ Днѣпромъ. Тамъ же посолъ козацкій выѣхалъ на встрѣчу его милости п. гетмана, съ увѣдомленіемъ, что получили вѣсть о своемъ гетманѣ, который уже двинулся изъ Запорожья съ артиллеріей.

---

[1]) Вѣроятно с. Рожовка черкасскаго уѣзда (Прим. издат. дневника).

Библиотека "Руниверс"

18. Обозъ двинулся и въ двухъ миляхъ прошелъ мѣстечко Воровицу; въ милѣ за нимъ остановился.

19. Утромъ пришли къ е. м. п. гетману послы отъ козаковъ съ просьбою, чтобы онъ не наступалъ на нихъ, а подождалъ бы прибытія изъ Запорожья гетмана ихъ пана Жмайла. Его милость однако обозъ двинулъ и, прошедши около 3 миль, сталъ надъ рукавомъ Днѣпра.

20. Тамъ же. Цѣлый день была рада ихъ милостей пп. коммиссаровъ. Пріѣхалъ посолъ отъ пословъ христіанскихъ, находящихся въ Цареградѣ; пріѣхалъ онъ въ обозъ черезъ государство волошское и имѣлъ аудіенцію у е. м. п. гетмана.

21. Двинулся обозъ и, сдѣлавъ двѣ мили, остановился за милю предъ Крыловымъ.

22. Тамъ же, цѣлый день,—вслѣдствіе рады, происходившей у ихъ м.м. п.п. коммиссаровъ. Посла чужеземнаго е. м. п. гетманъ отправилъ.

23. Тамъ же, впродолженіе дня. Были послы отъ козаковъ, твердя одно и то же, что гетманъ ихъ изъ Запорожья еще не прибылъ.

24. Обозъ двинулся и шелъ до Крылова; вышедши оттуда, *сталъ въ милѣ за городомъ надъ рѣчкою Цыбульникомъ, въ разстояніи одной мили отъ козацкаго табора*; съ этого становища хорошо было видѣть обозъ козацкій и стражу ихъ.

25. Къ е. м. п. гетману прислали (козаки) пословъ, давая знать, что гетманъ запорожскій съ артиллеріей прибылъ въ таборъ своего войска и увѣдомилъ черезъ посла о своемъ прибытіи е. м. п. гетмана.

26. Тамъ же, е. м. п. гетманъ посылалъ къ козакамъ нѣкоторыхъ п.п. коммиссаровъ съ условіями, которыя они должны выполнять, если хотятъ быть вѣрными подданными е. к. в.; козаки взяли условія на раду.

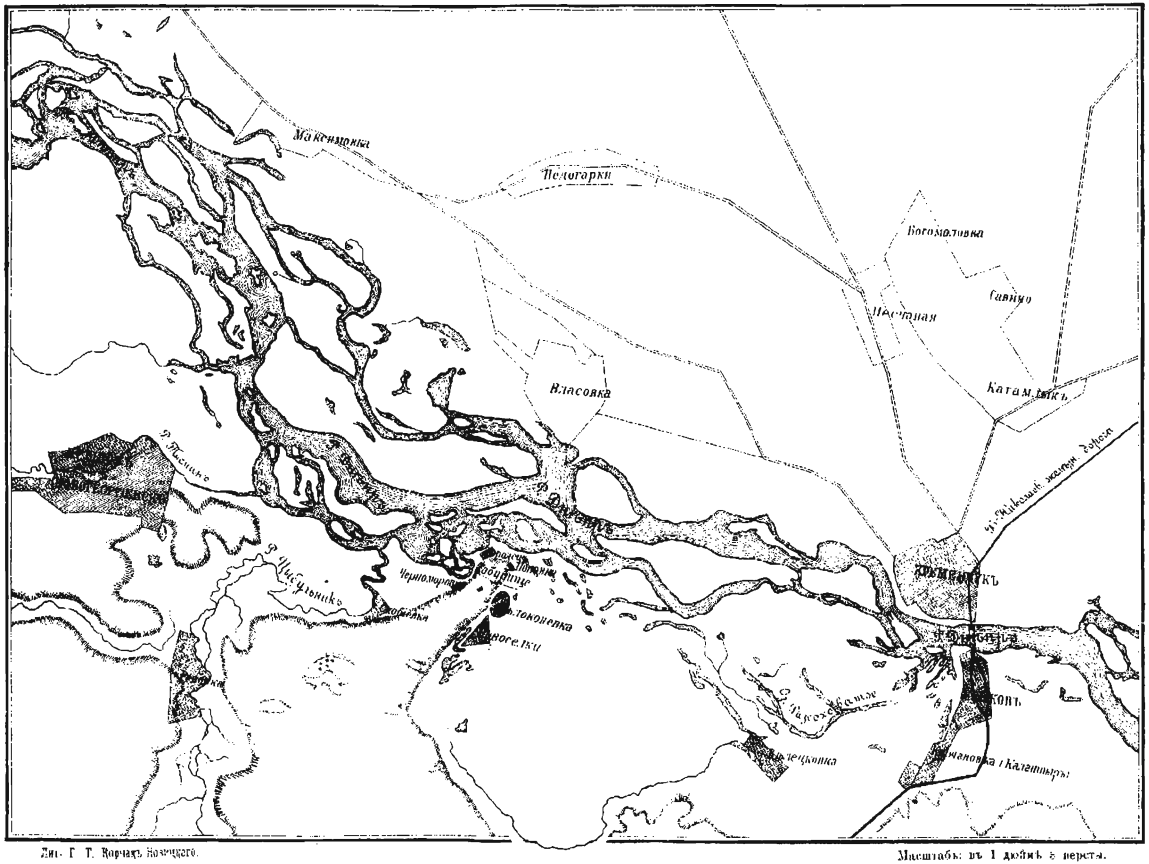
27. Тамъ же. Козаки объявили условія тяжелыми; начали раду между собою.

28. Тамъ же. Рада у козаковъ продолжалась до полудня; вечеромъ 13 старшихъ козаковъ пріѣхали къ е. м. п. гетману съ увѣдомленіемъ, что молодцы рѣшительно не обѣщаютъ исполнять ни одного пункта изъ предложенныхъ условій. Пословъ задержали впродолженіе ночи, а всему войску отданъ приказъ быть къ утру наготовѣ.

29. Утромъ е. м. п. гетманъ отправилъ тѣхъ 13 пословъ, растрогавъ ихъ до слезъ нѣсколькими парами словъ: «такъ какъ вы покорностью, какъ вѣрные подданные, не хотите заслужить милосер-

Библиотека "Руниверс"

Карта мѣстности на прав. берегу Днѣпра
между Крыловомъ и Крюковомъ.



Лит. Г. Т. Корчакъ Новицкаго.

Масштабъ: въ 1 дюймѣ 5 верстъ.

Библиотека "Руниверс"

дія и благосклонности е. к. в., то мы надѣемся на Бога, что за непослушаніе и своеволіе вы скоро испробуете нашихъ сабель на своихъ шеяхъ; и кровопролитіе, которое произойдетъ, падетъ на души ваши». Вслѣдъ за этимъ гетманъ отдалъ приказъ и всему войску двигаться изъ обоза на козаковъ; строй былъ такой: впереди шли 3 полка—воевода кіевскій съ полкомъ держалъ правое крыло, панъ (каштелянъ) галицкій со своимъ полкомъ лѣвое и полкъ князей Збаражскихъ занималъ середину. За этими тремя полками слѣдовало 800 душъ иностранной пѣхоты п. капитана Бутлера и Винкрота; далѣе шла артиллерія войсковая, и вслѣдъ за нею—пана воеводы кіевскаго (при его же нѣмецкой пѣхотѣ, предводимой п. Фитингсомъ). За ними п. капитанъ Надольскій велъ всѣ хоругви пѣхоты венгерской и отборныхъ (wybrańców), за которыми шелъ п. Потоцкій, воеводичъ брацлавскій, съ полкомъ е. м. п. гетмана; за нимъ п. подкоморій и далѣе п. староста винницкій и п. Шклинскій. День былъ погодный; *широкое поле покрыто было людьми*. Когда построенное такимъ образомъ войско *перешло одну болотную переправу*, е. м. п. гетманъ тоже надѣлъ на себя оружіе и *съ высокихъ могилъ* внимательно осматривалъ козацкій таборъ и мѣстоположеніе; затѣмъ приказалъ своему сторожевому отряду согнать съ мѣста козацкую стражу, а пану Галицкому съ ротой Бутлера и 5 хоругвями гайдуковъ—*обойти низомъ* и занять позицію подъ лѣвымъ рогомъ козацкаго табора, *у лѣса и озера*; то же самое сдѣлать *внизу подъ правымъ рогомъ* поручено было кавалеру Юдыцкому съ ротой п. Винкрота и 5 хоругвями гайдуковъ. Во время этого движенія произошла стычка съ долгой и довольно упорной перестрѣлкой. Но когда наши съ большей рѣшимостью бросились на нихъ съ обѣихъ низинъ и конница наша вогнала козацкую конницу обратно въ таборъ, то и пѣшіе молодцы отступили къ самому окопу. Кавалеръ (Юдыцкій) съ пп. Винкротомъ и Фитингсомъ, разгорячившись, бросились было за козаками прямо къ табору, такъ что ужъ самъ е. м. п. гетманъ, видя близкую для нихъ опасность—быть окруженными козаками—удержалъ ихъ, а е. м. п. воевода кіевскій подкрѣпилъ ихъ собственной хоругвью и пушками, которыя не только вредили табору, но и отражали конныя козацкія вылазки *отъ правой низины*. Е. м. п. гетманъ *загородилъ фронтъ или середину поля, отъ одной до другой низины*, своимъ полкомъ и артиллеріей, которая довольно успѣшно вредила непріятелю и производила у него замѣшательство.

Библиотека "Руниверс"

Тѣмъ временемъ панъ Галицкій, замѣтивъ со своей низины, что въ обращенномъ къ ней рогѣ козацкаго табора фортификація слабѣе, хотѣлъ съ п. капитаномъ Бутлеромъ обойти съ этой стороны непріятеля; козаки, замѣтивъ это, направили большую часть своихъ силъ для обороны этой стороны и все время отбивались частой стрѣльбой. Наступилъ за тѣмъ вечеръ; пѣхота, частью измученная, частью перераненная, нуждалась въ отдыхѣ; вслѣдствіе этого е. м. п. гетманъ, хорошо присмотрѣвшись къ табору, приказалъ свести съ позиціи находившуюся передъ табором пѣхоту и артиллерію какъ свою, такъ и е. м. п. воеводы кіевскаго; вслѣдъ затѣмъ онъ отвелъ и все войско къ обозу, расположенному тамъ, гдѣ прежде стояли козацкіе пикеты.

30. Тамъ же, впродолженіе дня, дѣлали кошы (туры) для штурма, а каждый въ отдѣльности запасался пулями и проч. Гайдукъ е. м. п. гетмана передался козакамъ и увѣдомилъ ихъ о кошахъ и о готовящемся штурмѣ; козаки, желая уйти изъ табора, пустились было на нѣсколькихъ челнахъ за Днѣпръ; но такъ какъ всѣ они отъ ужасной волны и бури, бывшей въ этотъ день, потонули, то остальные, подъ предводительствомъ гетмана ихъ Жмайла, рѣшили лучше уходить таборомъ *внизъ Днѣпра, къ старому городищу надъ Куруковымъ озеромъ*; тотчасъ отъ нихъ отдѣлилось нѣсколько хоругвей конницы и разсыпалось въ разныя стороны Когда наступила темная ночь, е. м. п. гетманъ выслалъ 40 нѣмцевъ лѣсомъ подъ таборъ, чтобы добыть языка; они, подошедши подъ самый окопъ и не находя тамъ огней и стражи, рѣшили, что козаки ушли изъ лагеря, и тотчасъ дали знать объ этомъ е. м. п. гетману.

31. Въ пятницу наканунѣ Всѣхъ-Святыхъ, е. м. п. гетманъ задолго до разсвѣта выслалъ п. подкоморія съ его полкомъ въ догонку за козаками, которыхъ тотъ и догналъ, спустя часъ послѣ разсвѣта, *въ милѣ разстоннія, уже переправившихся черезъ болото или озеро*. Козаки, оставивъ въ чащѣ лѣса 1500 душъ для обороны переправы, сами *шли таборомъ полмили до другой воды*, перешедъ черезъ которую и оставивъ здѣсь 2000 всадниковъ, *шли таборомъ вторыя полмили, до самаго озера, называемаго Куруково;* выстроивъ для обороны по сю сторону озера 2000 душъ при возахъ полумѣсяцемъ, они переправили затѣмъ войско и *въ полчетверти мили отъ озера, около стараго шанца или городища* заложили таборъ, поставивъ возы въ нѣсколько рядовъ, и укрѣпили его. Какъ только разсвѣло, е. м. п. гетманъ отдалъ приказъ полкамъ въ обычномъ порядкѣ выходить изъ

Библиотека "Руниверс"

лагеря, а кавалеру и п.п. капитанамъ приказалъ, чтобы они съ иноземной ихъ пѣхотой, какъ можно скорѣе, бѣжали козацкимъ шляхомъ, что они и исполнили съ большимъ усердіемъ. Когда они раньше конницы достигли *первой переправы* и нашли тамъ п. подкоморія и п. Тышкевича, укрѣпившихся нѣсколько козацкимъ способомъ, то, передавъ имъ приказъ гетмана, начали быстро и охотно обстрѣливать и поражать козацкую засаду, помѣщавшуюся въ гущинѣ. Сами начальники, сошедши съ коней для приданія большей охоты солдатамъ, быстро вскочили въ воду съ мушкетами и оттѣснили козаковъ отъ берега. Тогда легкая кавалерія упомянутыхъ выше полковниковъ, перешедши переправу по ихъ слѣдамъ, смѣло ударила на козаковъ, принудила ихъ обратить тылъ и погнала. Часть козаковъ разсыпалась по травамъ и болотамъ, часть же прямо побѣжала *ко второй переправѣ*: всѣ они были перебиты преслѣдующими. Иноземная пѣхота, прибывъ ко второй переправѣ, сначала частымъ и мѣткимъ огнемъ вытѣснила оставленныхъ здѣсь козаковъ изъ ихъ засады, а потомъ, вскочивъ въ воду, обратила молодцовъ въ бѣгство. Тутъ остервенѣлая конница, не давая отдыха лошадямъ и храбрымъ своимъ рукамъ, поразила всѣхъ на голову, такъ что ни одинъ козакъ не ушелъ къ Куруковской переправѣ для поданія своимъ вѣстей. Предъ этой послѣдней переправой наша конница должна была остановиться и ждать подкрѣпленія отъ иноземной пѣхоты, такъ какъ переправа обстрѣливалась частымъ двойнымъ огнемъ съ того и другаго берега. Подошедшая пѣхота сначала штурмомъ взяла у козаковъ таборчикъ, лежавшій по сю сторону воды, и прогнала ихъ за воду, отнявъ хоругви; затѣмъ, по наступленіи ночи, *изъ за чащи* и покинутыхъ козаками возовъ обстрѣливала другой берегъ. Когда же пѣхота и конница разомъ *перешли въ бродъ глубокое озеро* и завязалась продолжительная стычка, молодцы наконецъ безстыдно принялись улепетывать; а наши, наступая, безъ милосердія рубили ихъ, такъ что за нѣкоторыми въѣхали въ самый ихъ таборъ, который не былъ еще укрѣпленъ какъ слѣдуетъ. Къ этому времени прибылъ е. м. вельможный панъ Галицкій и воодушевлялъ истомленную пѣхоту, чтобы она не допускала непріятеля сильнѣе укрѣпиться до прихода войска; кавалеръ Юдыцкій съ поручикомъ п. Винкрота и съ нѣсколькими десятками мушкетеровъ, въ своемъ стремленіи помѣшать козакамъ окончить таборъ, попалъ подъ непріятельскіе выстрѣлы и, раненый въ то мѣсто груди, гдѣ носитъ крестъ, былъ сведенъ съ позиціи вмѣстѣ съ нѣсколькими убитыми товарищами. Между тѣмъ прибылъ со своимъ полкомъ е. м. п.

Библиотека "Руниверс"

гетманъ; онъ указалъ пѣхотѣ болѣе удобное мѣсто для нанесенія вреда непріятелю, а конницу, которой непріятель вредилъ частой стрѣльбой, перевелъ въ болѣе защищенное мѣсто; меньшую артиллерію е. м. п. гетманъ расположилъ въ трехъ мѣстахъ и сейчасъ же отдалъ приказъ ей стрѣлять въ таборъ козаковъ, а всей пѣхотѣ—дѣлать приступъ. Когда онъ самъ подъ сильнымъ огнемъ велъ всѣхъ на штурмъ въ такомъ порядкѣ, то неожиданно наткнулся *на ужасную трясину, находившуюся въ густой травѣ подъ самымъ табором*ъ; гетманъ замѣтилъ ее только тогда, когда былъ уже недалеко отъ непріятельскихъ возовъ, и попалъ въ нее самъ, вмѣстѣ съ пѣхотой и конницей; узнанный и указываемый козаками, онъ испыталъ великую опасность отъ пуль и дивное покровительство Провидѣнія. Убитыхъ у насъ въ этомъ штурмѣ изъ разныхъ хоругвей было нѣсколько десятковъ: изъ хоругви е. м. п. гетмана убитъ п. ротмистръ Рогавскій, товарищъ его п. Модржинскій и п. Уѣйскій; изъ полка е. м. п. подчашаго короннаго п. Молодецкій; подъ е. м. паномъ Галицкимъ и подъ многими другими знатными людьми убиты были лошади, а особъ знатныхъ застрѣлено было только трое. Отъ такой частой стрѣльбы съ нашей стороны и столь смѣлаго наступленія у козаковъ былъ замѣченъ большой уронъ, такъ что они, получивъ должное возмездіе, громко вопили о милосердіи. Когда услышалъ это е. м. п. гетманъ, онъ приказалъ своимъ перестать стрѣлять, пѣхотѣ далъ знакъ отступить, а орудія свезти съ батарей; когда же наступилъ вечеръ, онъ отвелъ съ поля битвы и все войско, оставивъ только необходимую стражу. Усталый, а еще болѣе мучимый своей лихорадкою, онъ удалился въ лагерь, расположенный *подъ Медвѣжьими Лозами или у Курукова озера*, гдѣ было это третье козацкое побоище.

Ноября 1. Въ день Всѣхъ Святыхъ войско отдохнуло, испытывая съ утра жестокій холодъ отъ приморозка и выпавшаго снѣга. Такъ какъ козаки еще вчера, послѣ заданной имъ трепки (po swej chłóście), просили о милосердіи, пословъ же боялись будто бы присылать къ разгнѣванному гетману, то его милость отдалъ приказъ всей пѣхотѣ серьезно готовить коши для штурма, не желая болѣе потворствовать козакамъ и собираясь поступить съ ними, какъ съ упорными бунтовщиками. Е. м. п. гетманъ былъ однако уговоренъ пп. коммиссарами и послалъ къ козакамъ п. старосту Бѣлецкаго, ротмистра и п. Хмѣлецкаго. Козаки приняли ихъ радушно, умоляли о милосердіи и обѣщали послать на другой день пословъ къ е. м. п. гетману.

Библиотека "Руниверс"

2. Утромъ козаки прислали трехъ пословъ къ его милости съ письмомъ, прося о милосердіи и начатіи переговоровъ; по сему случаю было совѣщаніе пп. коммиссаровъ; е. м. п. гетманъ объявилъ посламъ такую резолюцію этого совѣщанія, что козаки должны завтра прислать нѣсколько уполномоченныхъ для принятія условій.

3. Пріѣхали полномочные послы заключать трактаты и, находясь при радѣ пп. коммиссаровъ для списанія условій, цѣлый день провели въ обозѣ, а вечеромъ уѣхали въ свой таборъ.

4. Послы отъ козаковъ напрасно пріѣзжали; они оспаривали слѣдующіе два пункта условій: выдавать преступниковъ и имѣть столь малое число своихъ, 6,000 только.

5. Quod felix, faustum fortunatumque sit. Козаки принуждены были согласиться на всѣ условія, кромѣ одного: не выдавать прежнихъ преступниковъ, а карать ихъ чрезъ своихъ старшихъ, по правамъ и обычаямъ ихъ войска; на это ихъ милости согласились.

6. Посланъ былъ пп. коммиссарами коллега ихъ е. м. п. староста красноставскій со многими знатными людьми для выслушанія присяги войска козацкаго, которое съ плачемъ и великимъ сокрушеніемъ присягнуло выполнять данныя ему условія. Потомъ въ обозъ нашъ пріѣхалъ п. Михаилъ Дорошенко, выбранный вчера гетманомъ для войска запорожскаго, со своею старшиною; онъ привѣтствовалъ всѣхъ ихъ милостей. Послѣ такого заключенія дѣла е. м. п. гетманъ угощалъ пріѣхавшихъ и, при возвращеніи ихъ въ таборъ, простился съ ними. Они опредѣлили число козаковъ, убитыхъ нашими наканунѣ дня Всѣхъ Святыхъ, въ 8,000 душъ; но когда вернулись домой въ это время, то замѣтили, что число погибшихъ (съ тѣми, которые гибли въ разныхъ мѣстахъ и утонули въ Днѣпрѣ подъ Цыбульникомъ) гораздо выше. Они нарекали на свою глупость и упорство, которыя привели ихъ къ такому кровопролитію, и согласились съ тѣмъ, что долго до этого времени оспаривали, именно, что пѣтъ войска лучше лядскаго.

7. Утромъ рано данъ знакъ для пробужденія и выхода возовъ. Позже другихъ двинулась артиллерія и шла до Крылова; въ милѣ оттуда, надъ Днѣпромъ, остановились. Въ тотъ же день нѣкоторые изъ пп. коммиссаровъ простились и разъѣхались по своимъ дорогамъ.

8. Обозъ двинулся по утру и черезъ милю остановился передъ Боровицей.

9. Прошелъ утромъ обозъ черезъ Боровицу и остановился въ разстояніи двухъ миль, передъ Черкасами.

Библиотека "Руниверс"

10. Обозъ переходилъ черезъ Черкасы и сталъ въ двухъ миляхъ за городомъ, подъ Ставками.

11. Обозъ двинулся рано утромъ и, переправившись черезъ рѣку Мошну, сталъ надъ водою.

12. Переправившись черезъ р. Рось, на которой всѣ потерпѣли много поврежденій, обозъ остановился надъ Конончой [1]).

13. Тамъ же впродолженіи дня было генеральное «коло», на которомъ разобрано только два преступленія. Е. м. п. гетманъ опредѣлилъ, гдѣ какой полкъ будетъ имѣть становище.

14. Е. м. п. гетманъ на ночь уѣхалъ съ полкомъ своимъ подъ Масловъ Ставъ, а другіе полки оставилъ подъ Конончой, приказавъ имъ двинуться оттуда на другой день къ мѣстамъ своего расположенія.

15. Рано утромъ его милость двинулся въ путь съ полкомъ своимъ, и оставивъ его подъ Ольшаницей [2]), уѣхалъ на обѣдъ въ Рокитну къ его милости князю Заславскому.

16. По окончаніи литургіи и послѣ ранняго обѣда е. м. п. гетманъ выѣхалъ изъ Рокитны; на ночь пріѣхалъ въ Бѣлую Церковь.

17. Выѣхавъ утромъ, е. м. п. гетманъ сталъ на кормежку въ Таборовкѣ; на ночь прибылъ въ Паволочь.

18. Ночевалъ въ Бѣлиловкѣ.

19. На ночь е. м. п. гетманъ пріѣхалъ въ Прилыку.

20. На кормежку въ Вишню, а на ночь въ Баликовцы, имѣніе его милости.

21. Около полудня, больной лихорадкой, прибылъ въ Баръ.

22. Не выходилъ изъ замка.

23. Е. м. п. гетманъ принималъ посла отъ Мехметъ-Джіакъ баши, а утромъ возносилъ благодареніе Господу Богу за счастливый исходъ козацкой экспедиціи».

Для рѣшенія намѣченнаго выше вопроса особенно интересна часть дневника отъ 24 октября по 7 ноября; въ ней и поищемъ необходимыхъ указаній.

24 октября польское войско остановилось *въ милѣ за Крыловымъ, надъ рѣчкою Цыбульникомъ, «въ разстояніи одной мили отъ козацкаго табора»*. Гдѣ же былъ этотъ послѣдній? Достаточно прочесть изъ дневника о 29 октября и взглянуть на карту, чтобы без-

---

[1]) Село черкасскаго уѣз. Примѣч. издат. дневника. Въ подлин. „nad Kopiйcą".

[2]) Село на р. Гороховаткѣ, васильковскаго уѣзда. Примѣч. издат. дневника Въ подлинникѣ „pod Hoszanką".

Библиотека "Руниверс"

ошибочно помѣстить козаковъ на мѣстѣ нынѣшняго села Табурища, т. е. на оконечности плоскогорія, которое, съуживаясь, подходитъ здѣсь къ Днѣпру. Разстояніе этого мѣста отъ Крылова по дневнику равно двумъ милямъ; карта почти подтверждаетъ это: отъ той части нынѣшняго Новогеоргіевска, которая лежитъ по лѣвую сторону р. Тясмина, до Табурища будетъ верстъ 10 по прямому направленію; если принять въ соображеніе, что на пути протекаетъ рѣчка Цыбульникъ, не вездѣ доступная къ переправѣ, и что разстояніе опредѣлялось авторомъ дневника по глазомѣру, то таборъ козацкій дѣйствительно долженъ былъ находиться въ указанномъ выше пунктѣ. Но положеніе его въ этомъ именно мѣстѣ опредѣляется совершенно ясными и неприложимыми ни къ какому другому мѣсту указаніями дневника. Чтобы приблизиться къ козацкому табору, обозъ польскій долженъ былъ перейти «одну болотную переправу». Гетманъ Конецпольскій приказываетъ каштеляну Галицкому «обойти *низомъ* и занять позицію подъ лѣвымъ рогомъ козацкаго табора, у лѣса и озера», то же самое сдѣлать «*внизу* подъ правымъ рогомъ» онъ поручаетъ кавалеру Юдыцкому; самъ гетманъ затѣмъ «загораживаетъ фронтъ или середину поля, отъ одной до другой низины, своимъ полкомъ и артиллеріей». Козаки отсюда 30 октября пустились бѣжать за Днѣпръ и во множествѣ потонули. Эта переправа упоминается потомъ подъ 6 ноября, какъ переправа «подъ Цыбульникомъ». Судя по картѣ, мѣстность здѣшняя допускаетъ предположеніе, что Цыбульникъ могъ впадать въ Днѣпръ и подъ самымъ плоскогоріемъ. Наконецъ, село Табурище (или правильнѣе Таборище) своимъ названіемъ очевидно обязано бывшему здѣсь козацкому табору.

Вотъ что говоритъ о мѣстности Табурища о. Никифоровъ. «Табурищенское городище находится на мысу, образуемомъ впаденіемъ рѣчки Цыбульника въ Днѣпръ. На этомъ самомъ мѣстѣ Эрихъ Ляcота, плывшій по Днѣпру въ Запорожье въ 1593 г., видѣлъ татарскую мечеть; а если была мечеть, то существовало, конечно, и немалое поселеніе, отдѣльныя же поселенія не обходились въ то время безъ какихъ либо укрѣпленій [1]). И дѣйствительно, тутъ долго суще-

---

[1]) Эрихъ Ляссота дѣйствительно говоритъ въ своемъ дневникѣ: „bis vor ein alte Tatrische Kirch auf einem Hügel zur rechten hand ½ Ml...“ (отъ устья Тясмина) Diarium des Erich Lassota von Stebelow. Halle, 1866. Ss. 207—208. Что это за „alte Tattrische Kirch“, не беремся судить. Интересно было бы мнѣніе объ этомъ людей компетентныхъ.

Библиотека "Руниверс"

ствовали остатки стараго укрѣпленія. Въ 1860 г., по словамъ прежняго священника с. Табурища (теперь онъ въ Новогеоргіевскѣ, бывшемъ Крыловѣ), жилъ въ этомъ селѣ столѣтній старикъ, который передавалъ, что въ дѣтствѣ своемъ онъ еще видѣлъ полусгнившіе дубы, окружавшіе частоколомъ городище, и что тогда уже этимъ дубамъ, по ихъ ветхости, давали болѣе ста лѣтъ» [1]). Не беремся судить, отъ какихъ временъ оставались въ Табурищѣ полусгнившіе дубы; но повторяемъ, что названіе села весьма соблазняетъ вывести его происхожденіе изъ событій 1625 года. Интересно, что какъ разъ въ аналогичной мѣстности козаки укрѣплялись таборомъ въ маѣ 1638 года, подъ начальствомъ Остраницы. Таборъ ихъ находился тогда на узкой оконечности плоскогорія, омываемаго съ трехъ сторонъ излучиною р. Псла, гдѣ теперь стоитъ с. Голтва, кобеляцкаго уѣзда, съ четвертой стороны они перегородили плоскогоріе рвомъ и валомъ.

Итакъ, мѣстность нынѣшняго с. Табурища можно, кажется, безошибочно взять за базисъ для дальнѣйшихъ поисковъ Курукова озера и «стараго шанца или городища».

Далѣе уже нѣтъ такихъ неизмѣнныхъ примѣтъ, какъ рельефъ поверхности у с. Табурища. Козаки двинулись къ мѣсту втораго своего табора по узкой мѣстности, изрѣзанной водами и покрытой кое гдѣ болотами. Объ этой мѣстности о. Никифоровъ говоритъ: «Далѣе (за Табурищемъ) горы, идущія вдоль праваго берега Днѣпра, отходятъ отъ него на разстояніе отъ 1 до 7 верстъ. Затѣмъ горы опять понижаются къ Днѣпру и упираются въ него при самомъ селеніи Каменнопотоцкомъ (ниже нынѣшняго Крюкова). Между Табурищемъ и Каменнопотоцкимъ мы видимъ прекраснѣйшую долину, испещренную лѣсками, рощами, наполненную озерами, ручьями, извѣстную въ народѣ подъ названіемъ «Днѣпровскихъ плавень» [2]). На такой мѣстности, которая заливается ежегодно Днѣпромъ, расположеніе стоячихъ водъ въ разное время года—весьма ненадежный признакъ: одинъ годъ разливъ выше, къ осени воды больше—и ряды лужъ соединяются въ длинныя озера; другой годъ разливъ ниже—и къ осени тѣ же лужи будутъ только болотами. Съ умноженіемъ населенія, плавни обращаются въ сѣнокосы, воды распредѣляются, по возможности, искусственно, локализуются. Растительность—еще менѣе надежный свидѣтель минувшаго

---

[1]) „Кіевская Старина“ за 1885 г., апрѣль, стр. 770—771.

[2]) Ibid. стр. 771.

Библиотека "Руниверс"

времени какъ по сравнительной недолговѣчности своей, такъ и по полной зависимости отъ человѣка [1]).

Единственная надежная примѣта въ такой мѣстности — разстояніе искомаго предмета отъ какого нибудь извѣстнаго пункта. Авторъ дневника точно опредѣляетъ разстояніе Курукова озера отъ мѣста первой стычки съ козаками, т. е. отъ нынѣшняго Табурища. 31 октября гетманъ Конецпольскій послалъ въ догонку за козаками, пустившимися внизъ, вдоль Днѣпра, п. подкоморія, который и догналъ ихъ *«въ милѣ разстоянія, уже переправившихся черезъ болото или озеро»*. Если читатель потрудится взглянуть на прилагаемую карту, онъ тотчасъ замѣтитъ у нынѣшняго села Бѣлецковки группу озеръ, изъ которыхъ одно, очевидно наиболѣе постоянное, называется Разсоховатымъ. Несомнѣнно, что здѣсь гдѣ то и было то «болото или озеро», у котораго козаки были настигнуты подкоморіемъ и для охраненія переправы черезъ него оставили въ чащѣ лѣса 1,500 душъ своихъ.

Далѣе козаки *«шли таборомъ полмили до другой воды»*, гдѣ оставили для той же цѣли 2,000 человѣкъ. Гдѣ искать эту вторую воду? Намъ кажется, что весьма правдоподобно было бы помѣстить первую переправу гдѣ нибудь у западнаго конца указанной выше группы озеръ, а вторую — у восточнаго; тогда разстоянія дневника почти совпадутъ съ разстояніями на картѣ. Отъ второй переправы козаки *«шли таборомъ вторыя полмили до самаго озера, называемаго Куруково»*. Отъ восточной оконечности озера Разсоховатаго до нынѣшняго Крюкова немного менѣе полумили. Не Крюковъ ли нынѣшній на мѣстѣ озера Курукова? Намъ кажется, что *да*. Озеро Куруково въ дальнѣйшемъ разсказѣ дневника называется глубокимъ, хотя и допускаетъ перейти себя въ бродъ.

Судя по картѣ и основываясь на отзывахъ людей, знающихъ близко мѣстность нынѣшняго посада Крюкова, въ настоящее время нѣтъ въ немъ, или около него никакого озера, которое бы было болѣе или менѣе замѣтно и носило бы названіе, близкое къ имени посада. Но еще въ прошломъ вѣкѣ Пишчевичъ, авторъ недавно изданныхъ «Записокъ», переѣзжалъ черезъ рѣчку Крюковъ. Священникъ Никифоровъ въ упомянутой своей замѣткѣ говоритъ: «меня не затрудняетъ то обстоятельство, что Пишчевичъ прилагаетъ названіе «Крюковъ»

[1]) Въ виду этого пусть читатель не обращаетъ особеннаго вниманія и на тѣ „лѣсъ и озеро“, которые упоминались, какъ находящіеся внизу лѣваго рога перваго козацкаго табора.

Библиотека "Руниверс"

не къ озеру, а къ рѣчкѣ. Кто видѣлъ днѣпровскія плавни въ разное время года, тотъ не могъ не замѣтить, какъ лѣтомъ и осенью, особенно при сушѣ, рукава, заливы и ручьи обращаются въ озера, а при возвышеніи воды изсохшіе ручьи опять наполняются водою. Поэтому не будетъ съ моей стороны ошибки, если я скажу, что «Кураково озеро» у польскихъ писателей и рѣчка «Крюковъ» у Пишчевича, жившаго въ прошломъ столѣтіи, есть одно и то же. Куракевскій договоръ заключенъ въ началѣ ноября, когда убыль воды, особенно въ сухую осень, достигаетъ самаго большаго пониженія и когда, слѣдовательно, многія рѣчки обращаются въ озера, а въ томъ числѣ, конечно, и Крюковъ» [1]). Озеро *Куруково* у Костомарова, откуда взялъ его названіе о. Никифоровъ, неправильно называется *Кураковымъ*. Не говоря уже о нашемъ «Дневникѣ», гдѣ это слово въ такой формѣ не встрѣчается ни разу, подъ самымъ договоромъ Куруковскимъ подписана дата такимъ образомъ: «Działo się na Niedzwiedzich Łozach die 6 miesiąca Listopada roku Pańskiego 1625, u *Kurukowa*» [2]). Потомъ этотъ договоръ воспоминался иногда, какъ «комиссія *Коруковская* или *Куроковскал*» [3]). Неустойчивость гласныхъ въ первыхъ двухъ слогахъ этого слова объясняется отсутствіемъ ударенія на нихъ, по польскому произношенію. У русскихъ же поселенцевъ, появившихся потомъ у озера, имя его послужило основаніемъ для послѣдующихъ передѣлокъ не иначе, какъ въ формѣ *Куру́ково*, обратившейся потомъ въ *Круковъ* и далѣе, въ устахъ позднѣйшихъ поселенцевъ—великороссовъ,—въ *Крюковъ*.

Нынѣшній посадъ Крюковъ, составляющій заднѣпровскую часть г. Кременчуга, населенъ въ значительной части великороссами, появившимися здѣсь во времена Потемкина. Когда же возникъ самъ Крюковъ и нѣтъ ли данныхъ, указывающихъ прямо на то, что поселеніе возникло у о. Курукова и усвоило его имя? Къ сожалѣнію, мы не можемъ ничего отвѣтить на эти вопросы, хотя и имѣемъ нѣсколько свѣдѣній объ этомъ поселеніи, относящихся къ позднѣйшему времени. Въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка оно уже называется селомъ Круковымъ и имѣетъ церковь во имя Покрова пресв. Богородицы. Во второй половинѣ прошлаго вѣка Круковъ испытываетъ на себѣ

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1885 г., апрѣль, стр. 772.

[2]) Архивъ ю.-з. Россіи, ч. Ш, т. 1, стр. 284—292.

[3]) „Trzymając się Comissiey *Korukowskiey*“ (Арх. ю.-з. Россіи, ч. Ш, т. 1, стр. 342). Въ извѣстной присягѣ подъ Боровицей козаки говорятъ: „nie pamiętając na *Kurukowską* commissią, krwią naszą pisaną“ (Ibid., стр. 397).

Библиотека "Руниверс"

всѣ перипетіи административныхъ опытовъ разныхъ новороссійскихъ правителей и послѣ долгихъ бумажныхъ скитаній изъ губерніи въ губернію, присоединяется, наконецъ, въ началѣ нынѣшняго вѣка къ Кременчугу [1]).

Но возвратимся къ нашему «Дневнику». Козаки, какъ сказано въ немъ, переправивъ войско черезъ Куруково озеро, заложили таборъ «*въ полчетверти мили отъ озера, около стараго шанца или городища*». Какое это городище и не осталось ли слѣдовъ его до настоящаго времени? Сколько намъ извѣстно, въ настоящее время нѣтъ въ Крюковѣ слѣдовъ какого нибудь древняго земляного укрѣпленія; мы не знаемъ также и упоминаній о немъ въ прошедшее время. Видѣнное Лассотою въ 1594 году кременчуцкое городище находилось на лѣвой сторонѣ Днѣпра, о чемъ прямо и отмѣчено путешественникомъ

---

[1]) Мы были бы очень обязаны кому либо изъ знающихъ людей, кто пособы (помѣщеніемъ въ „Кіевской Старинѣ“) приводимыя ниже скудныя свѣдѣнія о Крюковѣ.

На разныхъ священныхъ вещахъ крюковской Покровской церкви есть надписи, относящіяся къ сороковымъ годамъ прошлаго вѣка, въ которыхъ Крюковъ называется селомъ (I. На евангеліи: „1743 года мѣсяца августа отмѣнилъ сию книгу Евангелие рабъ божии Мартинъ Курка с женою Маріею до храму Покрова Богоматере в село Круковъ за цену семь рублеи а оправлено за церковніе деньги под сребро“. II. На серебряныхъ дискосѣ и звѣздицѣ: „1744 году генваря 30 сей дискус і звѣзду отмѣнили Роман Назаренко з женою Евдокиею за отпущеніе грѣховъ до храму святой Покрови Круковской“. III. На подножіи серебрянаго напрестольнаго креста: „Года 1747 маія 9 рабомъ: божимъ Василіемъ: Малькомъ сей: крестъ: отмѣнілъ за отпущеніе грѣховъ своихъ“. См. Зап. од. общ. ист. и др. IX, 345—346). Самое построеніе церкви Миллеръ относитъ къ 1740—45 годамъ. По мнѣнію того же Миллера (стр. 76), Крюковъ въ первой половинѣ XVIII вѣка входилъ въ кременчуцкую сотню миргородскаго полка. Въ 50-хъ годахъ, при образованіи Новой Сербіи, Крюковъ былъ шанцемъ пандурскаго полка (Скальковскій. Хронол. обозр. исторіи Новор. кр., I, 42. Арх. Гавріилъ. Очеркъ пов. о Новорос. краѣ. Тверь, 1857, стр. 11), а когда съ 1764 года образована была новороссійская губернія, онъ вошелъ въ нее, какъ первая рота и штабъ-квартира желтаго гусарскаго полка елизаветинской провинціи (Скальковскій, I, 72, 120—121). При отдѣленіи отъ новороссійской губерніи азовской, обѣ губерніи раздѣлены были на уѣзды, въ числѣ которыхъ былъ и крюковскій, въ новороссійской губерніи (Зуевъ. Путешеств. записки отъ С.-Петербурга до Херсона въ 1781 году. Спб. 1787, стр. 222. Въ этой книгѣ сообщается много интересныхъ свѣдѣній о внутренней жизни Крюкова въ концѣ прошлаго вѣка). Когда изъ двухъ губерній въ 1784 году образовано было одно екатеринославское намѣстничество, состоявшее изъ 15 уѣздовъ, въ числѣ ихъ уже нѣтъ крюковскаго; Крюковъ былъ обращенъ въ мѣстечко. Въ 1796 году кн. Платонъ Зубовъ, бывшій екатеринославскимъ, вознесенскимъ и

Библиотека "Руниверс"

въ его дневникѣ [1]). Но по смыслу словъ нашего «Дневника» нельзя допустить, чтобы авторомъ имѣлось въ виду городище, лежащее на противоположной сторонѣ Днѣпра, тѣмъ болѣе, что лѣвобережное городище имѣло свое собственное названіе, которое не было бы опущено и авторомъ дневника, если бы онъ имѣлъ его въ виду. Почему же вообще авторъ дневника не опредѣлилъ мѣста заключенія Куруковскаго договора близостью его къ Кременчугу? Потому что до тридцатыхъ годовъ XVII вѣка Кременчугъ былъ извѣстенъ только какъ урочище, хотя и отмѣченное правительствомъ Рѣчи Посполитой. Повелѣніе короля Сигизмунда III, выраженное въ извѣстномъ универсалѣ 1591 года [2]) о построеніи замка въ урочищѣ Кременчугѣ, не было приведено въ исполненіе [3]) и еще по люстраціи 1635 года Кременчугъ лежитъ впустѣ, «какъ и другія прилежащія къ нему урочища» [4]). Слѣдовательно, урочище и городище Кременчуцкое, если и было извѣстно автору дневника, то говорило ему ничуть не болѣе, чѣмъ озеро Куруково, или старый куруковскій шанецъ.

Остается еще одна примѣта искомаго мѣста заключенія Куруковскаго договора,—это Медвѣжьи Лозы. Усталый и больной Конецпольскій, послѣ окончательнаго пораженія козаковъ, «удалился въ лагерь, расположенный *подъ Медвѣжьими Лозами или у Курукова озера*, гдѣ было это третье козацкое побоище». Примѣта эта, къ сожалѣнію, еще болѣе ненадежна, чѣмъ старый шанецъ. Нисколько не обязательно предполагать, кажется, что лозы получили названіе отъ того, что въ нихъ водились медвѣди; медвѣжьими онѣ могли быть названы и по какой нибудь случайной причинѣ. Это случайное названіе могло легко потомъ исчезнуть вмѣстѣ съ исчезновеніемъ самыхъ лозъ. Въ настоящее время не слышно, чтобы какія нибудь

таврическимъ генералъ-губернаторомъ, предписалъ присоединить Крюковъ къ Кременчугу, но это соединеніе произведено было только по частямъ, съ 1803 по 1817 годъ. Съ этого времени Крюковъ входитъ въ составъ г. Кременчуга, и вмѣстѣ съ нимъ—въ полтавскую губернію.

[1]) ..... Biss für Krzemenczek, eine Walstadt eines alten schlosses oder Horodistie zur linken ½ Ml...“ (отъ вышеупомянутой „tattriche Kirch“). Въ русскомъ переводѣ дневника Лясоты, сдѣланномъ проф. Бруномъ, въ этомъ мѣстѣ какъ разъ упущены слова: „zur linken“. См. Diarium, loco citato, и „Путевыя записки“ Эриха Лясоты, пер. Бруна, Спб. 1873, стр. 26.

[2]) Архивъ ю.-з. Россіи, ч. III, т. I, стр. 28—31.

[3]) I. Bielski. Dalscy ciąg kron. polskiej, Warszawa 1851, 152. K. Hejdensztejn. Dzieje Polski. Petersburg 1857, II, 300.

[4]) A. Jabłonowski. Lustracye, etc. стр. 226.

Библиотека "Руниверс"

крюковскія лозы (которыхъ и до сихъ поръ растетъ много въ этихъ мѣстахъ) назывались Медвѣжьими.

И такъ, ни Куруково озеро, ни Старое городище или шанецъ, ни Медвѣжьи Лозы не помогаютъ намъ въ поискахъ мѣста заключенія Куруковскаго договора; но, не будучи примѣтами долговѣчными, они въ то же время своимъ отсутствіемъ въ намѣченномъ нами пунктѣ нисколько не мѣшаютъ правдоподобію нашего предположенія. Что Куруковскій договоръ 1625 года былъ заключенъ на мѣстѣ нынѣшняго Крюкова, доказывается: 1) соотвѣтствіемъ разстоянія нынѣшняго Крюкова отъ с. Табурища съ данными о разстояніи Курукова озера отъ того же пункта, имѣющимися въ «Дневникѣ», 2) именемъ нынѣшняго поселенія (Крюковъ, правильнѣе Круковъ), которое не могло быть случайно и естественно вытекаетъ изъ слова *Куруково*, 3) отсутствіемъ въ другихъ, ближайшихъ къ Крюкову, мѣстахъ примѣтъ, упоминаемыхъ въ «Дневникѣ», и 4) возможностью и естественностью уничтоженія къ нашему времени въ Крюковѣ перечисленныхъ выше непрочныхъ примѣтъ.

Θ. Николайчикъ.

Библиотека "Руниверс"

Живая могила.

(малорусская легенда).

„Любовь сильнѣе смерти и страха смерти".
Тургеневъ.

Недалеко отъ Днѣстра, близь Лядово, громоздятся отвѣсныя горы; на одной изъ нихъ насыпана „стародавняя" могила; на могилѣ два куста калины, здѣсь же развалины старинной каплички; а прямо съ могилы—глубочайшій обрывъ; по краямъ его сбѣгаетъ кудрявый лиственный лѣсъ. Сыро и таинственно въ глубокомъ оврагѣ. Серебрянымъ кольцомъ обхватываютъ могилу два ручейка и стремятся съ обрыва бурнымъ потокомъ; но неожиданно, три шага отступя, подымается изъ земли странной формы черная, дикая скала, точно угрюмый козакъ, властно расправившій руки, и противъ воли снова разъединяетъ его на два разныхъ потока, и тихо ропща, спадаютъ розно ручьи на дно глубокаго оврага, а тамъ, точно обрадовавшись избавленію отъ страшнаго тяготѣнія, снова сливаются и весело журча, и крѣпко обнявшись, продолжаютъ дальше свой путь. И тихо... тихо кругомъ. Только и слышно робкое журчаніе, точно два голоса передаютъ другъ другу старыя воспоминанія, да иногда зашумитъ и закиваетъ пестрой головой съ высокой могилы калина. Кажется, сотнею глазъ смотритъ отовсюду сѣдая старина; чуется что то таинственное въ этомъ поэтическомъ покоѣ... И дѣйствительно, у одинокой могилы есть своя легенда.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА I.

Давно это было, еще Брацлавщина пустыней лежала: не было ни селъ веселыхъ, ни шумныхъ городовъ: лѣсъ, да степь, да высокое небо. Охъ, давно это было—еще за Богдана Хмельницкаго, за козацкихъ войнъ. Пріѣхали изъ Украины въ Подолію два побратыма, а ближе они другъ другу, чѣмъ родные братья. Пріѣхали панъ Жмайло и панъ Громыка „осаду осадить“, „занять займанщыну“. Храбрые были козаки: не побоялись и лихихъ сосѣдей. Осѣли; сталъ подлѣ нихъ понемногу и людъ собираться: при замкѣ вольнѣе и страху меньше. Вотъ и веселый хуторокъ: забѣлѣли хатки, зашумѣли „млыны“, повеселѣла сиротливая степь! Только не весело пану Жмайлу; темныя мысли охватили голову его; очи горятъ недобрымъ огнемъ: у пана Громыки и народу больше, у пана Громыки и „займанщына“ лучше, у пана Громыки и жена краса „порядкуетъ“ въ свѣтлицѣ, и сыночекъ „однолѣтокъ“ протягиваетъ пухлыя рученки... а у него—и въ свѣтлицѣ угрюмо, и народъ не такъ селится, и не такъ его любитъ, и не такъ поважаетъ. И не спится пану Жмайлу, и безконечно длинны ему темныя ночи, а черная зависть ползкомъ пробирается въ сердце и жжетъ пана Жмайла „побратымськый“ крестъ. А панъ Громыка собрался въ походъ—татаръ попугать и проситъ онъ пана Жмайла: „Пане Иване, побратымъ дорогой! на тебя оставляю жену и однолѣтка сына; догляди ихъ въ это смутное время,—батькомъ имъ будь!“ Шевельнулось что то въ сердцѣ пана Жмайла, да сдержалъ онъ себя: „будь спокоенъ, побратымъ мой, другъ мой!“ Попрощались, и поѣхалъ панъ Громыка.

Ой пане Громыко, пане Громыко! Еслибы заглянулъ ты въ сердце побратыма, не бросилъ бы ты на него жены и однолѣтка сына.

Прошелъ мѣсяцъ. Весело возвращается изъ похода панъ Громыка, пѣсни напѣваетъ; вотъ ужъ надалеко и осада его: обрадуется жена, обрадуется сыночекъ, обрадуются и люди его...

Есть же ему чѣмъ всѣхъ и порадовать: вонъ два навьюченныхъ коня—все подарки цѣнные. Уже и домъ близко, только дивно,—что это шуму не слышно никакого? Тишина, точно вымерло все. Пришпорилъ коня панъ Громыка: обгорѣлыя, пустыя хаты, по

Библиотека "Руниверс"

улицамъ бродятъ нѣсколько коровъ, да воютъ голодные псы—и ни души! Летитъ Громыка къ дому: на дворѣ валяются всевозможные пожитки; коморы, конюшни пусты; выбиты окна въ будинкѣ, а на порогѣ обезображенный трупъ сына...

Глянулъ Громыка и грохнулся головою объ стѣну. Изъ полуразрушеннаго землянаго погреба показалась сѣдая, трясущаяся голова. „Пане!“ Громыка оглянулся на слабый зовъ. Боже! можно ли было такъ наругаться надъ сѣдинами?! Вся спина старика представляла изсѣченный, изорванный кусокъ мяса: несчастный ползъ на четверенькахъ и не могъ разогнуться. — „Диду... що се зъ тобою? Хто се? хто се?“ Дѣдъ поднялъ свои тусклые, оловяные глаза—смерть стояла въ нихъ: „Мы боронылысь... Жмайло... и пани завизъ... а мы боронылысь... Жмайло“... старикъ какъ то страшно гикнулъ и ничкомъ припалъ къ землѣ.

Понялъ Громыка, чьихъ рукъ это дѣло, и разгорѣлось въ немъ сердце. Схватилъ онъ „побратымьскый“ крестъ, высоко поднялъ къ небу и разломалъ въ куски. „Какъ я ломаю этотъ крестъ „побратымськый“, такъ пусть будетъ сломана между нами всякая дружба. Отнынѣ между нами только месть и вражда. Клянусь ни сѣсть, ни съѣсть, ни заснуть, покуда не отомщу тебѣ, злодѣй, кровавой местью! Пусть мои потомки не знаютъ ни минуты счастья и покоя, если забудутъ нашу месть. Будь ты проклятъ, Каинъ, во всемъ твоемъ родѣ и потомствѣ!“.

И снова вскочилъ панъ Громыка на коня и съ дружиною своею помчался къ пану Жмайлу.

Не мало ужъ воды съ тѣхъ поръ утекло,—не одна русая головка посѣдѣла, а панъ Громыка и панъ Жмайло только и живутъ, что местью. Пришла пора, и смерть ихъ примирила; но между потомками горитъ та же вражда. Ужъ сколько поколѣній съ тѣхъ поръ прошло,—перемѣнились люди, перемѣнились нравы, да только не измѣнилась месть, и живетъ она себѣ, и охватываетъ ихъ все сильнѣй и сильнѣй.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА II.

Пышный замокъ у пана Данила, потомка древняго Жмайла! Да и не простые мастера его строили, а нѣмецкіе, и выписывалъ онъ ихъ изъ самаго Львова. Крѣпкія, бѣлыя стѣны, высокія башни, двери дубовыя, желѣзомъ кованныя, узкія окна, а стекла всѣ „штучныя“ въ оловяныхъ оправахъ—красивый замокъ; а кругомъ него стѣна „мурованная“, съ башнями по угламъ, съ „гарматами“, съ „гаковницами“. Стоитъ онъ на высокой горѣ. Смѣло живи здѣсь: что ужъ татары, а и тѣ замокъ обминаютъ! Ясное солнечное утро, на востокѣ еще не разбѣжался сизо-розоватый туманъ; роса блеститъ... свѣжо... А на дворѣ у пана Жмайла уже суматоха: козаки поминутно вбѣгаютъ и выбѣгаютъ изъ конюшни,—бабы съ какими то свертками бѣгаютъ изъ „пекарни“ въ „покои“, дымъ вьется изъ трубъ... И время отъ времени раздаются короткія, отрывочныя приказанія: панъ Данило торопитъ челядь. Что же за причина этого шума? Да сегодня же „Спасъ“, храмовой праздникъ у о. Андрея.—„Добры-день, тату“, прозвенѣло съ „ganka“. Панъ Жмайло сразу обернулся и его суровое, загорѣлое лицо приняло самодовольное выраженіе. „А, это ты, Дорина! Прибралась уже!? Ну, иди же, дай погляжу на тебя, какая ты у меня?“ Высокая, тоненькая фигурка осторожно спустилась съ „ganka“ и, сосредоточенно выбирая сухія мѣстечки, подошла къ отцу. Губки ея сдѣлали совсѣмъ дѣтскую гримаску: „Росяно“,—и она почтительно поцѣловала отцу руку.—„Ну и гарна жъ: ей Богу, красавица. А есть ли у кого дочь краше, чѣмъ дочь пана Жмайла!!“ самодовольно крикнулъ старикъ, отступивши передъ дочкою: „Добудемъ же и жениха, прослышатъ про Жмайла!“ А Дорина стояла передъ нимъ, потупившись: на ея русую головку падалъ цѣлый снопъ солнечныхъ лучей, отчего чистый, высокій лобъ казался еще болѣе; переломанныя, тоненькія „бровенята“ были сдвинуты, между ними легла характерная складочка; большія, задумчивыя „кари очы“ полузакрылись длинными, шелковыми рѣсницами; личико блѣдное, губы сдвинуты. За то жъ какъ горитъ нарядъ: розовый, штофный жупанъ „у швы золотомъ, да серебромъ шытый“ съ золотыми, нѣмецкими пуговицами, алый бархатный спенсеръ, блаватасовая сподница, а монисто, дукачи, а красныя сафьянцы съ серебряными

Библиотека "Руниверс"

подковками, золотомъ да перлами шитые! „Славно прибралась! Что жъ мать?“ — „Вотъ они“. На „ганку“ показалась пани Жмайлиха: высокая, гордая постать, соколиныя брови, орлиный носъ и глубокія очи, а изъ подъ высокаго кораблика выбиваются пряди черныхъ, безъ единой серебряной нитки волосъ. А нарядъ? Златоглавъ, блаватасъ, золото, перлы, кораллы. Пышная пани!

„Ну что жъ, пани, готовы ли?“ И панъ Жмайло ловко поцѣловалъ женѣ руку: онъ любилъ иногда щегольнуть польской манерой. — „А что жъ, пане, рушаймо съ Богомъ!“

„Гей, хлопцы!“ Изъ сарая, неуклюже покачиваясь на высокихъ колесахъ, выкатился громоздкой рыдванъ, запряженный „цугомъ“. Пани и панна усѣлись; панъ Данило лихо вскочилъ на коня; козаки поправили „зброю“, сбросили шапки, перекрестились...

„Съ Богомъ“ раздался голосъ пана Данила. „Воротній“ спустилъ ворота; впередъ проскакалъ панъ Данило съ козаками, за нимъ покатился рыдванъ, за рыдваномъ еще нѣсколько козаковъ замыкали шествіе; опять поднялись ворота и маленькій кортежъ двинулся въ путь. Что то необычайное сегодня съ Дориной: и легко ей, и весело такъ, а и плакала бъ она, и смѣялася бъ „безъ краю“. Точно птичка со связанными крыльцами трепещется у ней въ сердцѣ. Раннее ли утро, поѣздка ли взволновали ее, только такъ весело, такъ свѣтло, такъ широко ей! Пріѣхали. Вотъ ужъ и церковь, старая, деревянная, кругомъ „цвынтарь“... а сколько народу столпилось: краснѣютъ козацкія шапки, „кораблыкы“, блестятъ на солнцѣ „дукачи“, „шабли“, „пистоли“, пестрѣютъ жупаны, кунтуши, „стричкы“. Пріятный, неопредѣленный шумъ, а со старенькой „дзвиныци“ мѣрно несутся удары надтреснутаго колокола. И все это залито яркимъ свѣтомъ жаркаго августовскаго солнца. Рыдванъ сталъ. Всѣ вышли. Впереди пошелъ панъ и пани, за ними Дорина, а за нею козаки.

— Панъ Жмайло, панъ Жмайло! пронеслося кругомъ.

Толпа стремится дать скорѣе дорогу, сбрасываютъ шапки, кланяются... а Доринѣ и весело, и страшно чувствовать на себѣ столько пристальныхъ взглядовъ... Церковь уже полна... темная, деревянная церковь, почернѣвшія стѣны, дубовый иконостасъ, темные лики святыхъ... Стоитъ тонкій, сизоватый дымъ ладана... пахнетъ яблоками, сливами, медомъ... Въ церкви душно, полумракъ, только широкими

Библиотека "Руниверс"

столбами падаютъ изъ купола солнечные лучи, сверкаютъ въ нихъ мелкія пылинки, колеблются сизыя волны дыма, да около иконъ сіяютъ вѣнки свѣчей. Толпа беззвучно разступилась, Дорину сразу охватило тихое, торжественное чувство. Вотъ она передъ алтаремъ. Вонъ отецъ Андрей въ новыхъ ризахъ ласково смотритъ на нее; онъ ее замѣтилъ; вонъ гдѣ, съ того клироса, моргаетъ чорнобривенькая Олеся, дочь о. Андрея,—какая она хорошенькая въ своемъ пышномъ нарядѣ! А на клиросѣ собрались поважные козаки въ синихъ жупанахъ подпѣвать батюшкѣ. „Благослови, Владыко!“ загремѣлъ здоровый дьяконъ. Всѣ встрепенулись: началась служба. Дорина усердно прочитала всѣ ей извѣстныя молитвы... какъ же еще молиться?

И смотритъ Дорина на темный образъ Спасителя,—и картина за картиною проходятъ передъ нею, а глаза съ такимъ восторгомъ устремились на икону: Господи, какой Онъ былъ добрый, какой Онъ былъ милосердный!.. Внезапный шумъ заставилъ Дорину очнуться; она оглянулась: толпа разступилась,—къ лѣвому клиросу спокойно проходилъ высокій, статный, молодой козакъ. Уже по покрою его жупана, по его манерѣ держаться, и по всей его изящной, благородной фигурѣ, видно было, что онъ не изъ простыхъ козаковъ, а изъ высокаго шляхетнаго роду. Онъ съ удивленіемъ оглянулся кругомъ и взглядъ его упалъ на Дорину, упалъ да такъ и не оторвался до конца службы. Пани подтолкнула Дорину: —„что жъ ты не молишься, куда смотришь? бей поклоны!“ Дорина перекрестилась; но ужъ нѣтъ прежняго чувства чистоты и восторга, и глаза невольно обращаются отъ образа въ сторону козака...

О. Андрей съ торжественной улыбкой, съ крестомъ и двумя просфорами вышелъ изъ алтаря. Толпа заколыхалась; стали подходитъ къ кресту. Приложилась Дорина и сразу оглянулась: прямо, на нее въ упоръ, смотритъ пара сѣрыхъ лучистыхъ глазъ, да какъ смотрятъ! Легкая краска набѣжала Доринѣ на щеки; она нагнула голову и прошла дальше.—„Зъ святымъ Спасомъ будьте здоровы!“ говорятъ о. Андрей и матушка, обращаясь къ пану и панѣ Жмайламъ: „Просымо жъ до насъ трапезы одкушать; удостойте, пане, чести!“ и онъ подалъ пану и панѣ по большой просфорѣ.—„Спасибо“, надменнымъ тономъ проговорилъ Жмайло,—„но у меня дома есть дѣла, да и рѣдко я въ гостяхъ обѣдаю“, и сухо глянулъ на о. Андрея.—„Ну такъ

Библиотека "Руниверс"

дочь панну оставьте у насъ", прозвучалъ звонкій голосокъ и Олеся съ мольбой глянула на Жмайла.

„Какъ, одну? Не знаю, съ кѣмъ еще моя дочь у батюшки встрѣтиться можетъ". Въ это время на паперти показался статный, молодой козакъ и направился къ выходу.

„Да оставьте ужъ, пожалуйста, сдѣлайте милость", несмѣло прибавила матушка и низко поклонилась.

„Тато, я давно не видѣлась съ Олесею", ласково цѣлуя отцу руку, проговорила Дорина.

„А завтра мы ее сами и отвеземъ къ вамъ домой!"

„Да что жъ, на васъ можно повѣрить дытыну", вступилась и пани.

„Ну, ладно: пусть будетъ по вашему, пусть остается; но чтобъ завтра въ вечернюю пору была уже дома. Ну, дочко, оставайся здорова!"

„Спасибо, тату"! Дорина почтительно поцѣловала отцу и матери руку, и обнявшись съ Олесей, побѣжала весело къ дому.— „Слушай, серденько, — Иванъ Богушъ сегодня пріѣхалъ, какой „гарный", да веселый, да „гострый!" Еще краще сталъ и". не договаривая словъ, перебивая себя, шепчетъ Олеся Доринѣ:— „Спѣшилъ, говоритъ, чтобъ меня увидѣть", и льются безконечныя, отрывочныя фразы, восклицанія: „Боже мой, лышечко мое, счастья мое!" и все больше разгораются червоныя щечки Олеси. А у о. Андрея все уже готово для пріема дорогихъ гостей: на широкомъ дворѣ длинными полосами растянуты бѣлыя полотна, уставленныя мисками съ борщемъ, кашею, холодцомъ, варениками, колбасами... а посреди двора „пышаются" два барила съ медомъ да горѣлкою. Въ свѣтлицѣ же ждутъ самыхъ почетныхъ гостей. Чистенькая свѣтлица убрана по праздничному: полъ усыпанъ желтымъ пескомъ, около иконъ бѣлые, гаптованные рушники, цѣлые вѣнки цвѣтовъ, теплятся лампадки; длинный столъ поверхъ дорогого ковра покрытъ тонкимъ бѣлымъ „обрусомъ" и заставленъ весь дорогими полумисками, чарками, кубками.

Матушка окинула все взглядомъ знатока: ничего, гости останутся довольны, есть чѣмъ поподчивать! „Во имя Отца, и Сына, и св. Духа"! раздалось за дверьми. „Аминь", отвѣтила матушка. Двери распахнулись и на порогѣ показался о. Андрей со своими гостями. Начались обыкновенныя церемоніи, „предковични звычаи", старательно оберегаемые и неизмѣнные. Наконецъ, о. Андрей, под-

Библиотека "Руниверс"

держивая рукою широкій рукавъ рясы, торжественно благословилъ трапезу, и гости усѣлись за длинный столъ. Точно что то толкнуло Дорину; она подняла глаза: прямо противъ нея сидитъ тотъ самый козакъ и снова пристально смотритъ... Странное и какое то необъяснимое чувство охватило Дорину: не дивно ли; но и она не можетъ оторвать отъ него своихъ глазъ. Да и хорошее лицо у него, не то чтобы и очень красивое, а глянешь разъ—не забудешь по вѣкъ. На высокій лобъ красиво падаютъ волнистые темные волосы, черныя брови немного сдвинуты; шелковые усы..... чуть улыбающіяся грустной улыбкой губы.... а главное глаза,—свѣтлые, точно стальные, кажется, льется изъ нихъ свѣтъ, и такіе они дивные, словно говорятъ что то; только Дорина не можетъ понять что..... И жутко, и любо ей!

„Ну, пане Романе, изъѣздилъ ты свѣта не мало, повѣдай же намъ, что творится въ далекихъ краяхъ, заморскихъ?“ раздался голосъ о. Андрея. Козакъ перевелъ свои глаза на него. Разговоръ зашелъ о далекихъ странахъ. Дивныя вещи разсказываетъ панъ Романъ и какъ чудно говоритъ! Слушаетъ Дорина—и точно широкій горизонтъ раскрывается передъ нею: и видитъ она пышные, королевскіе дворы; видитъ въ дремучихъ лѣсахъ старинные монастыри, мрачныя кельи монаховъ... и страшно и чудно ей!

„Ну, а какъ же вѣра? прервалъ батюшка,—въ благочестіи ли находятся чужеземцы?

„Ахъ отче, отче! До Карпатъ еще наша вѣра, а тамъ все католицкая. Только тамъ завладѣли ксендзы да іезуиты всѣмъ міромъ: во имя Христа рѣжутъ, жгутъ, мечъ и огонь прошелъ черезъ весь край!“

„Заступи, спаси и помилуй!“ батюшка въ ужасѣ перекрестился; на всѣхъ лицахъ появилось выраженіе напряженнаго ожиданія; матушка даже поблѣднѣла.

„Эхъ, пойти бъ намъ, да проучить этихъ католиковъ!“ вставилъ старый, поважный козакъ.—„Да у насъ и подъ бокомъ заводятся!“ замѣтилъ другой.

„Правда, панове: король безъ „грошей“, магнатство сваволъства чинитъ, „люде убогіи ускаржаются“... не тѣмъ уже духомъ Польша дышетъ!“ воскликнулъ Романъ.

Библиотека "Руниверс"

„Охъ, будетъ когда то похмѣлье!“ отозвалось нѣсколько горячихъ голосовъ.

— „Богъ любы есть, братове!“ произнесъ батюшка. „Такъ, такъ, отче, именно любы есть“,—повторило за нимъ нѣсколько „сывыхъ чупрынъ“.

Разговоръ снова зашелъ о дальнихъ странахъ; разсказываетъ Романъ про неприступные, гордые замки, про великолѣпные соборы, про разныя машины хитрыя...

„Вотъ мы всѣ слушаемъ да дивимся, а у пана Романа порожняя чарка! Эй, пане, влей собѣ того венгерскаго, не горше королевскаго будетъ! Да кланяйтесь же, матушка!“ обратился къ стоящей поодаль матушкѣ о. Андрей.

„Спасибо, пилъ ужъ я довольно“.

„Э, неможно, пане:—„хто чаркы личыть, той добра не зычыть“.

„За здоровье яснои панны!“ тихо произнесъ, обратившись черезъ столъ къ Доринѣ, панъ Романъ. Дорина низко опустила голову; а онъ снова ласково заглянулъ ей въ глаза.

Слушаетъ Дорина, не наслушается... „Эхъ, панове!“ крикнулъ кто то и ударилъ кулакомъ по столу: „въ гостяхъ хорошо, а дома лучше!“—„Панове, за волю, за нашъ край!“ И отецъ Андрей высоко поднялъ тяжелый кубокъ. „Виватъ, виватъ!“ раздалось кругомъ. Обѣдъ ужъ приходитъ къ концу. Олеся, по „стародавнёму звычаю“ подставивши на серебряный подносъ тяжелый кубокъ, съ глубокими поклонами обходитъ всѣхъ гостей: „За неньку повненьку, за отця до кинця, а за мылую симъ, щобъ було весело всимъ“, припрашиваетъ Олеся Ивана Богуша, а оченята ея такъ хитренько улыбаются изъ подъ опущенныхъ рѣсницъ. Ой, не мало силы нужно пану Ивану, чтобъ не броситься тутъ же при всѣхъ, не расцѣловать тысячу разъ эти полныя радости и жизни оченята! Старые козаки остались допивать мальвазію, меды, да угорское, а молодежь и панны вышли на „дворыще“.

„Ну, и приглянулась же ты ему“, подтолкнула Дорину локтемъ Олеся: „и въ церкви очей не сводилъ, и теперь“.

„Хто онъ такой, не знаешь, Олеся?“—„А какъ же: Романъ Громыка, сынъ Васыля Громыкы. Онъ въ братерствѣ учился, а это вернулся изъ за моря къ батьку въ гости“.—Громыка! холодная,

Библиотека "Руниверс"

острая струя пробѣжала отъ головы и остановилась въ сердцѣ Дорины. Громыка! это врагъ ненавистный, заклятый врагъ; но тщетно старается настроить себя Дорина: нѣтъ въ ея сердцѣ ненависти, нѣтъ...

А на дворѣ уже гремитъ музыка „троиста“. Подъ развѣсистымъ деревомъ усѣлись три цыгана: гремятъ бубны, поетъ скрипка, звенятъ серебряныя подковы; заметая широкими шароварами пыль, несется въ присядку статный козакъ. Кружкомъ обступили танцующихъ зрители, раздаются выкрикиванья, подзадориванья, похвалы; козачекъ перешелъ въ „горлыцю“. „Пойдемъ, пойдемъ“ подзадориваетъ Дорину Олеся. „Что то мнѣ не хочется, серденько!“ „Да, ну бо, голубка!“ Неохотно пошла Дорина въ мелкія „дрибушечки“; но музыка такъ какъ будто выговариваетъ: „а козакъ, якъ орелъ, якъ побачивъ, такъ и вмеръ“. Голову наклонила Дорина на бокъ, лицо сохраняетъ серьозное спокойствіе, тоненькій станъ плавно покачивается, а маленькіе „сапьянци“, сверкая на солнцѣ блестками, такъ старательно выдѣлываютъ труднѣйшія па. „Ухъ, утомылась!“ и Дорина тяжело перевела духъ. Свѣтленькія пряди волосъ отъ движенія непослушно разсыпались надъ лбомъ, губы полуоткрыты, щеки заалѣлись. — „А дозволь, ясная панно, зъ тобою въ „танець пойты!“ раздалось надъ ея ухомъ.—Рядомъ съ нею стоитъ Романъ; очевидно, онъ любуется ею: рука его молодецки крутитъ усъ, волосы совсѣмъ отлетѣли со лба, глаза блестятъ—статный козакъ!

„А знаетъ ли панъ, кого проситъ въ танецъ?“

„Знаю, панно, знаю! Кралю, краше которой во всемъ свѣтѣ не сыщешь?“

„Здѣсь, пане, не въ ласковыхъ словахъ рѣчь; панъ забылъ, что я Жмайлова дочь“.

Но въ гордыхъ словахъ помимо воли зазвучало глубокое сожалѣніе.

„Не считалъ я тебя такою недоброю, панно!“ опустивши голову, низкимъ, грудным голосомъ произнесъ Романъ и тихимъ шагомъ отошелъ къ свѣтлицѣ.

Словно кольнуло что то Дорину, и жалость и еще какое то непонятное чувство; за что, за что она такъ козака оскорбила? А батько, а родъ—вѣдь онъ врагъ.... и снова тщетно вызываетъ въ себѣ Дорина всѣ старинныя воспоминанія, всѣ заповѣты и заклятія предковъ,—нѣтъ въ ея сердцѣ ненависти, а только тоска....

Библиотека "Руниверс"

Вотъ и окончился шумный день; какъ быстро онъ промчался! Олеся и Дорина въ свѣтлицѣ; за стѣной еле доносится отдаленный шумъ: козаки бенкетуютъ. А въ свѣтлицѣ тихо и темно; передъ божницею еле теплится лампадка; въ глубинѣ бѣлѣетъ массой гаптованныхъ подушекъ кровать, а въ штучное окно сквозь множество маленькихъ стеклышекъ бьетъ полная луна, и рисуетъ тысячи дрожащихъ, фантастическихъ узоровъ на каменномъ полу. Олеся не умолкаетъ: „серденько Дорино, если бъ ты знала, какъ онъ меня любитъ, говоритъ, что не жить ему безъ меня, что загубила я его совсѣмъ!“—„Неужто ты слово дала: тебя жъ не отдадутъ за козака“.—„А, я принужденія не боюсь; по своей охотѣ подала слово, коли не согласны—убѣгу.“—„Безъ благословенія!“—„Богъ благословитъ!“—„А соромъ?“ Отвѣта не послѣдовало. Дорина оглянулась; губы Олеси весело улыбаются, глаза закрыты: она заснула на полусловѣ.

Нѣтъ, не спится Доринѣ. Окончила она уже и вечернюю молитву, а мысли бѣгутъ и бѣгутъ безъ конца... Луна такъ ярко свѣтитъ... тоска... голова горитъ... лучше освѣжиться. Растворила она окно; въ комнату широко пахнулъ теплый, ароматный, лѣтній воздухъ... дремлютъ высокіе тополи... трепещетъ серебристымъ листомъ осина, а прямо въ окно, заливая все серебристымъ свѣтомъ, съ высокаго неба смотритъ луна. Какъ можно спать въ такую ночь! Далеко, далеко все видно: обрывъ, гора, темныя пятна лѣсовъ, а тамъ—тамъ, вся серебристая степь... Но вдругъ раздался звукъ, и сонная ночь встрепенулась... Издали, вонъ тамъ съ обрыва, широкою волною, точно жалобный стонъ, пронеслись первые аккорды пѣсни и замерли.

Сердце Дорины забилось: эта пѣсня—это былъ стонъ, это былъ голосъ ея души! И пѣсня полилась и задрожала въ сонномъ воздухѣ грустною, безутѣшною жалобой. Въ ней говорилось о тоскѣ, о страданіи любящаго одинокаго сердца, о тяжести нераздѣленной любви: „Ой любивъ козакъ та дивчыноньку, якъ та матирь дытятко, а теперъ ін покидае, якъ на мори вутятко!“ плакали и рыдали грустные звуки....

Стоитъ Дорина у окна, точно окаменѣлая... только горячая слеза медленно катится по холодной щекѣ и тоскливо шепчутъ уста: Зачѣмъ, зачѣмъ?.. Неужели.....

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА III.

Поздно встала на другой день Дорина. Голова тяжелая, въ виски стучитъ. Олеси ужъ нѣтъ. Въ домѣ такъ странно, тихо, вѣрно ужъ всѣ уѣхали; а вдругъ?... Двери скрипнули; вбѣжала Олеся: „что это съ тобой, Дорина, не захворала ли? Господи, какъ блѣдна! А мы думасмъ, что это ты такъ поздно спишь. И всѣ уже уѣхали еще свѣтомъ.“ Послѣдняя надежда Дорины упала. „Значитъ, не увидимся больше никогда, никогда въ жизни,—къ чему, зачѣмъ?“ старается она себя успокоить. „Да скорѣй одѣвайся! ѣхать ужъ часъ“. Вышла Дорина въ свѣтлицу: какъ пусто здѣсь сегодня! Вонъ гдѣ столъ: здѣсь вчера еще сидѣлъ онъ за обѣдомъ, здѣсь глядѣлъ на нее, тамъ сказалъ ей слово ласковое, а нынче ужъ нѣтъ здѣсь его, и никогда въ жизни они не увидятся! А въ домѣ всѣ уже хлопочутъ и складываются, точно въ далекія стороны собираются. Наконецъ окончился скучный обѣдъ; пора! Всѣ, не исключая и столѣтней няньки, усѣлись по мѣстамъ и нѣсколько мгновеній молча посидѣли; первый поднялся о. Андрей и сталъ креститься на образа; за нимъ поднялись и всѣ остальные; начались благословенія, поцѣлуи и пожеланія счастливой дороги.—Матушка, Олеся и Дорина усѣлись въ рыдванъ. „Ну, съ Богомъ!“ произнесъ наконецъ съ высокаго „ганка“, крестя рукою рыдванъ, батюшка. Захлопали бичи, дернули кони и, плавно покачиваясь, двинулся рыдванъ въ ворота. Уже и крышка его въ послѣдній разъ исчезла за горою, а о. Андрей все креститъ ту сторону, въ которую покатились путники. Катится себѣ, погромыхивая, неуклюжій рыдванъ; впереди, по бокамъ и сзади скачутъ Жмайловы козаки: опасное время,—того и гляди выскочитъ изъ за холма какая нибудь татарская рожа... Дремлетъ попадья, перебирая пальцами, голова ея непроизвольно шатается изъ стороны въ сторону; толчекъ, откроются сонные глаза, губы забормочутъ какіе то безсвязные обрывки молитвъ, и снова закиваетъ сѣдая голова. Безъ умолку, безъ перерыву шепчетъ Олеся Доринѣ; глаза ея блестятъ, руки въ движеніи—вся фигура принимаетъ участіе въ разговорѣ. „Да ты не слушаешь, Дорино. Или ты не здужаешь, или что сталось съ тобою, точно не при себѣ“?—„Ничего, серденько, это такъ что то“,—и Дорина провела рукою по лбу.

Библиотека "Руниверс"

Привычные кони спокойно несутъ рыдванъ; передъ глазами разстилаются зеленыя поля.... мелькнетъ на горизонтѣ группа деревьевъ или высокая, печальная могила, и пусто кругомъ .. ни души.... Печально и въ сердцѣ Дорины: щемитъ какая то тупая боль... Ночь не спала—оттого, успокаиваетъ она себя, а передъ глазами наперекоръ стоитъ взглядъ тѣхъ сѣрыхъ глазъ, такой глубокій, да ласковый, какого не видѣла она никогда ни у батька, ни у матери... А въ ушахъ все звенитъ: „Ой любывъ козакъ та дивчыноньку, якъ та матирь дытятко, а теперъ такъ и покыдае, якъ на мори вутятко“. И снова гонитъ она прочь мысли, и снова встаютъ передъ ней „его голосъ тихый“, да „поглядъ любый“!

Катится рыдванъ, погромыхиваетъ: дремлетъ попадья, притихла Олеся, грустно смотрятъ Доринины „думныя очи!“ Рыдванъ началъ спускаться въ оврагъ и перелѣсокъ. Пронесся рѣзкій, дикій крикъ; изъ-за куста поднялся одинъ татаринъ, другой, третій, бросились къ лошадямъ; раздались выстрѣлы, взвизгнули сабли—и... но что это?--они несутся; взбѣшенные кони вихремъ летятъ, возжи разметались, кучера нѣтъ... рыдванъ скачетъ подъ гору, шатаясь... на встрѣчу несется страшный оврагъ—провалье... Холодомъ обдало всѣхъ...

Дорина оцѣпенѣла, а въ головѣ жужжитъ одна мысль: а, вотъ и смерть, вотъ и смерть! Но что это? Быстро мимо же промчался Романъ; онъ заѣзжаетъ противъ лошадей, Господи, что онъ дѣлаетъ: его сотрутъ, его истопчутъ кони. „Козаче!“ успѣла только крикнуть она. Раздался выстрѣлъ, толчекъ, какой то страшный лязгъ и—ничего болѣе! Дорина открыла глаза. Что жъ это, не сонъ ли? Прямо передъ нею глаза Романа съ безпокойствомъ смотрятъ на нее. „Боже мой, не ушиблась ли, не болитъ ли что у тебя, очень перепугалась, панночко!?“ И онъ осторожно посадилъ ее на траву.

„Что это? Гдѣ мы?“—„Успокойся; ты сидишь подлѣ меня; все благополучно, всѣ живы“. Дорина съ удивленіемъ оглянулась кругомъ: она сидѣла на зеленомъ холмѣ; внизу, шагахъ въ пяти отъ глубочайшаго обрыва, лежалъ опрокинутый на бокъ рыдванъ; безформенная масса лошадей билась, а одна трупомъ лежала,—пуля угораздила ей прямо между глазъ. Надбѣжавшіе козаки суетились. Олеся хлопотала подлѣ разстроенной матери, а та, испуганная на

Библиотека "Руниверс"

смерть, вздымала очи „горѣ“, и обильныя слезы текли по ея полному, добродушному лицу.

„Спасибо тебѣ, козаче; ты спасъ намъ жизнь“, шептала Дорина.

„Спасибо, Господу мылосердому... Если бы... что бы со мной тогда было?“ промолвилъ Романъ, смотря въ землю...

„А татаре?“ Она сидѣла передъ нимъ въ высокой травѣ и ея оченята съ такой дѣтской довѣрчивостью смотрѣли на него снизу вверхъ.—„Татаре? Мои козаки далеко отбили ихъ, не тревожься, а я нарочно ждалъ тебя, голубко, близь этой горы, зналъ, что здѣсь будете отдыхать, чтобъ еще разокъ глянуть на тебя коли вижу... Тутъ я бросился... или убью коня, остановлю ихъ, или пусть и я“... голосъ его досказалъ то, чего не договорили слова.

„Козаче! одинъ Богъ!“... Дорина хотѣла сказать что то, но смѣшалась, зардѣлась и слеза благодарности блеснула у ней на глазахъ.

„Слушай, Дорино, я не вѣрю, чтобы ты меня ненавидѣла— у тебя вѣдь доброе сердце? Виноваты ли мы въ насиліяхъ и разбояхъ нашихъ дѣдовъ? За что же, за вражду прадѣдовъ и на насъ, внуковъ, переносить такую злобу, такую месть!?“

„Прости меня, козаче, я“...

„Знаешь, Дорино, у меня нѣтъ матери, кромѣ батька —никого; не зазналъ я съ дѣтскихъ лѣтъ любви, да ласки, росъ себѣ, какъ „перекотыполе“. Былъ я и въ нѣмецкихъ, и въ турецкихъ земляхъ, видѣлъ я много краль, и княгинь, и княженъ, такихъ, что и солнце обрадуется, какъ завидитъ ихъ... а сердце мое къ нимъ не лежало: не сказалось родной, любимой души“. Онъ стоялъ передъ ней во весь ростъ, голосъ его то падалъ низко и тихо, то снова подымался; а глаза ея съ такимъ восторгомъ, съ такою любовью смотрѣли...—„А вчера, вчера, когда я тебя увидѣлъ, Дорино—точно солнце взошло подлѣ меня; вотъ мое счастье, моя жизнь, моя радость, крикнуло сердце! И такъ ты мнѣ мила, такъ ты мнѣ люба стала, точно тебя только и ждалъ я всю мою жизнь. Теперь безъ тебя жизнь—могила, а съ тобою я не боюсь ни горя, ни лиха“... Онъ опустился подлѣ нее: „Скажи жъ, Дорино, ненавидишь ты меня?“

„Нѣтъ, за что же? ты меня“... головка ея низко склонилась.

Библиотека "Руниверс"

„А любишь ли?“ Она замолчала, только головка ея склонилася еще ниже.

„А пошла бъ ли ты рядомъ со мною по моему пути?“ Онъ ласково и грустно заглянулъ ей въ глаза, взявши за руку.

Какъ ни настораживали ушки желтенькіе „Иванъ да Марья“,— но имъ не удалось услышать тихаго отвѣта Дорины. А вотъ поцѣлуй такъ услыхала высокая тырса—трава и, заколыхавшись, пошла передавать это всей степи .. и, обрадовавшись, тихо закивала тысячью своихъ пестрыхъ головокъ широкая степь ..

Небо поблѣднѣло. Надъ самой головой медленно таяло послѣднее золотисто розовое облачко. Внизу уже привели длинный „драбынякъ“, высоко наложенный сѣномъ. Сытыя лошадки пофыркиваютъ, козаки хлопочутъ, очнувшаяся попадья зоветъ Олесю и Дорину. Пора. Въ высокомъ небѣ блеснула первая звѣздочка... Романъ поднялъ Дорину на руки: „Моя, Дорино, моя до вику?“ Дорина подняла глаза: сколько безконечной любви въ этихъ глубокихъ карихъ оченятахъ, а на рѣсницѣ задрожала крупная слеза— что могло быть больше этого? И Романъ горячо прижалъ дорогую головку къ своей груди.

Тихо поскрипываетъ длинный драбынякъ. Рядомъ, сдерживая коня, ѣдетъ панъ Романъ. Взглянетъ онъ на Дорину, улыбнется она счастливой улыбкой,—у нихъ свой широкій, счастливый міръ и никому до него нѣтъ дѣла, и никто объ немъ не знаетъ... Молчатъ, а сколько счастья, сколько словъ въ этомъ безмолвномъ молчаніи? А глубокое небо все усѣялось міріадами мерцающихъ звѣздъ; потянуло сыростью; гдѣ то прошумѣли въ воздухѣ запоздалыя утки; изъ земли всталъ тонкій легкій паръ... Впереди козаки затянули какую то широкую, вольную пѣсню.

ГЛАВА IV.

Гнѣвенъ панъ Жмайло, страшно гнѣвенъ. Зачѣмъ онъ уступилъ вчера просьбамъ и оставилъ дочь у батюшки? Какъ ему въ голову не пришло, что тамъ, именно тамъ, она можетъ встрѣтиться съ заклятымъ врагомъ! А теперь еще этотъ врагъ спасъ дочь его отъ неминучей смерти и долгъ рыцарскій требуетъ отблагодарить

Библиотека "Руниверс"

его... и глухо раздаются въ пустой свѣтлицѣ тяжелые шаги гнѣвнаго пана. Но вотъ Жмайло дернулъ сердито дубовую дверь и кликнулъ сѣдоусаго Власа: „сѣдлай, мой вѣрный слуга, скорѣе быстраго огиря да лети къ пану Громыкѣ; перекажи ему отъ меня большое спасибо за услугу его сына, да спроси непремѣнно, чѣмъ мнѣ прикажетъ онъ отблагодарить его? Да прибавь, козаче, что родъ Жмайловъ ни отъ кого даромъ благодѣяній не принималъ, а тѣмъ болѣе отъ своихъ стародавнихъ сосѣдей!“

Полетѣлъ орломъ старикъ Власъ до сосѣда и передалъ вельможное панское слово. Усмѣхнулся Громыка на эту гордыню, а сынъ его Романъ и ей радъ. Обнимаетъ онъ своего отца крѣпко, и умоляетъ, чтобъ помирился съ паномъ Жмайломъ, чтобъ высваталъ ему красавицу—дочку.

Любитъ старый козакъ Громыка своего сокола-сына, единственную вѣтвь стараго славнаго древа, а чего отецъ не сдѣлаетъ, чѣмъ не пожертвуетъ для своей „дытыны?“ Онъ поступится гордостью, поѣдетъ, протянетъ руку... Но, знаетъ ли Романъ „запеклаго“ Жмайла?..

„Отецъ, вѣдь я спасъ жизнь его единственной дочери,—неужели хватитъ у него совѣсти отвѣтить на это неблагодарностью черной? Неужели вмѣсто сердца у него камень, мохомъ поросшій?“

„Да у него воля желѣзная и сердце стальное... онъ, сыну мой, не согнется ни передъ мольбами, ни передъ слезами, и скорѣе волкъ „сироманець“ пожалѣетъ „ягня“, чѣмъ Жмайло Громыкѣ что добраго вчинитъ!“

„Да когда же прекратится эта безумная вражда, когда уляжется поднятая дьяволомъ злоба?“

„Все то отъ Бога! а для тебя, сынашу мой, все сдѣлаю, по крайней мѣрѣ сердце мое не понесетъ упрека“. И старый козакъ велитъ сѣдлать коней, и собираетъ онъ пышное посольство, и дары богатые, а черезъ сѣдаго Власа шлетъ пану Жмайлу вѣсть, что самъ онъ съ сыномъ будетъ къ вельможному сосѣду въ гости.

Просторная свѣтлица у пана Жмайла; только мрачно и холодно въ ней. Въ „штучныя“ окна проникаетъ блѣдный сѣроватый свѣтъ. Посреди выбѣленнаго потолка широкимъ выступомъ лежитъ дубовый, почернѣвшій отъ времени сволокъ“, съ вырѣзаннымъ глубокимъ

Библиотека "Руниверс"

крестомъ. Полы всѣ выстланы цареградскими коврами, подъ окнами „ослоны“ и „ослончыкы“, краснымъ едамашкомъ и „коцями“ крытые; стѣны бѣлыя съ дубовыми полками, а на нихъ разставлены „кубки червленные“, „мисы сутозлотыя“, „полумиски“ серебряные и „келехи“ нюренбергской работы. Въ лѣвомъ углу большая, изразцовая печь, хитро и затѣйливо изукрашенная; а въ правомъ—все образа кіевской, искусной работы, увѣшанные шитыми рушниками, „уквиччанные“ васильками да душистой гвоздикой. Внизу подъ ними большой дубовый столъ, поверхъ дорогаго ковра тонкимъ обрусомъ крытый; а на немъ хлѣбъ, какъ солнце, и соль—символы гостепріимства. Пышно, роскошно въ свѣтлицѣ, только неуютно и холодно въ ней. Съ утра пріѣхалъ къ пану Жмайлу и отецъ Андрей, встревоженный недобрыми вѣстями; прослезился, увидѣвши свою дочь, и отслужилъ благодарственный молебенъ о чудесномъ спасеніи отъ напасти. Дорина благословляла небо за эту самую напасть и горячо молилась о ниспосланіи въ отцовское сердце мира и забвенія злобы. Къ концу молебна пріѣхалъ сѣдоусый Власъ и объявилъ о близкомъ пріѣздѣ нежданныхъ гостей. Вѣсть эта всѣхъ поразила, какъ громомъ. Дорина вспыхнула вся, и потомъ вдругъ мертвенно поблѣднѣла, увидѣвъ строгій, устремленный на нее батьковскій взглядъ; а панъ Жмайло сердито дернулъ себя за усъ и приказалъ женщинамъ уйти на свою половину.

Пріѣхалъ и панъ Громыка пышнымъ „поѣздомъ“. Панъ Жмайло съ батюшкою встрѣчаютъ ихъ въ своей свѣтлицѣ. Панъ Громыка, парадно одѣтый, еще статный и бравый козакъ, вошелъ въ свѣтлицу со своимъ красавцемъ сыномъ и почтенными козаками; всѣ пану Жмайлу поклонились низко и панъ Громыка началъ торжественную рѣчь. Онъ призвалъ въ ней на помощь всю свою ученость, потрепалъ даже прахъ Горація и Ювенала, и подкрѣпилъ свои доводы текстами изъ св. письма. Рѣчь его, несмотря на свою витіеватость, дышала искренностью и чувствомъ; говорилось въ ней, что дѣти за грѣхи отцовъ не отвѣтственны, что злоба унесла не мало жертвъ и пресытилась; что наконецъ, закончилъ панъ Громыка: „десница Божья, надъ нашими родами простертая, съ того злополучнаго дня, егда свершися клятва на брата, и, по мѣрѣ торжества злобы, вѣтви нашего древа всѣ сохнутъ и чахнутъ, и теперь только единственные

Библиотека "Руниверс"

отпрыски остались,—у тебя, вельможный пане, дочь, у меня—сынъ. Не промыслъ ли Божій, руководившій спасеніемъ твоей дочери, указуетъ и къ примиренію путь? Онъ вложилъ въ сердце дѣтей нашихъ любовь и забвеніе прошлыхъ обидъ. Поклонимся же и мы челомъ волѣ Господней, забудемъ давнее „лихо“, протянемъ дружески другъ другу руки, и въ любовномъ союзѣ нашихъ дѣтей возростимъ новую силу на славу нашей Украинѣ!“ Громыка остановилъ на Жмайлѣ полный теплоты взоръ; но тотъ, вперивъ очи въ землю, угрюмо молчалъ и теребилъ свой серебристый усъ. Наконецъ раздался его голосъ, хриплый, надменный: „Весьма я доволенъ, что представитель рода Громыкъ пришелъ къ Жмайлу съ покорнымъ поклономъ, весьма благодаренъ я и за оказанную, пане, твоимъ сыномъ услугу—но платы, какую панъ за нее правитъ, дать не могу: велика она и чувствуется въ ней Громычина алчность!... Бери у меня, пане, золото, серебро, драгоцѣнное оружье, коней быстрыхъ; но дочери врагу я не отдамъ“... Громыка хотѣлъ было послать въ отвѣтъ горькое слово; но о. Андрей перебилъ его; онъ поднялъ евангеліе въ дорогой оправѣ и дрогнувшимъ голосомъ началъ: „Братіе, во имя Господа Бога и Животворящей Троицы, молю васъ, да изгоните изъ сердецъ вашихъ князя мести и злобы и отверзите ихъ для духа мира и згоды. Распятый за ны заповѣдалъ намъ не токмо прощать враговъ, но и молиться за нихъ. Братіе! Кіе убо врази есте? Вы сыны одной матери, одной „нени“. Прадѣды ваши свершили грѣхъ, за что же правнукамъ сугубо его творити? Братіе! Возлюбите другъ друга, до единомыслiемъ исповѣмы, и лобзаніемъ сотрите злобительства жало. Да воскликну и я, подъявши руки „горѣ“: „сниди Господи, и виждь и посѣти виноградъ сей, его же насади десница Твоя!“ окончилъ о. Андрей, и изъ старческихъ глазъ его катились слезы. Козаки вытирали тоже непослушныя очи, а глубоко тронутый панъ Громыка сдѣлалъ первый шагъ къ пану Жмайлу. Но послѣдній, какъ камень холодный, стоялъ и въ темныхъ очахъ его не свѣтилось ничего, кромѣ злобы.

„Свято твое слово, панъ-отче; но вмѣстити его можетъ не грѣховная наша плоть, а токмо Божеская... да и та не простила Іуды! А не Іудами ли были дѣды и прадѣды пана Громыки? Не они ли ковали злобу и проливали братнюю кровь? Не вопіетъ ли эта кровь

Библиотека "Руниверс"

къ мести? Нѣтъ! Нѣтъ! Мои предки перевернулись бы въ гробахъ, если бы я нарушилъ ихнюю клятву! Не будетъ моя дочь за исконнымъ врагомъ, и не протяну я ему руки въ вѣки: не подобаетъ бо туру съ звѣрюкою „хыжою“ вмѣстѣ быти!“

„Не мы Іуды, а твой прадѣдъ Іуда былъ и совершилъ Каинскій грѣхъ!“ крикнулъ Громыка,—брязнули сабли и неизвѣстно чѣмъ бы кончилось примиреніе, если бы не кинулся къ батьку Романъ, а къ пану Жмайлу батюшка. Печально вышли изъ свѣтлицы непрошенные гости; Роману удалось только увидѣть въ сѣняхъ Олесю и шепнулъ ей что то на ухо.

Эхъ, пане Жмайло, пане Жмайло! Не разумно ты еси думалъ: можешь ты приказывать войску козацкому, побѣждать войско басурманское, да не прикажешь ты сердцу своей дочери разлюбить, кого хочешь. Никто вотъ не съумѣлъ унять рыдающей Дорины, а Олеся съумѣла: сказала одно слово и Дорина, обнявши горячо свою подругу, бросилась къ образамъ молиться...

Ночь, теплая, украинская, звѣздная ночь. Межъ высокихъ тополей выглядываетъ двурогій мѣсяцъ. Въ глубинѣ сада, возлѣ двухъ сросшихся тополей, стоитъ, облокотившись о высокій бѣлый муръ, Дорина; на другой сторонѣ на конѣ сидитъ Романъ. Дорина, обнявши его и положивши голову ему на плечо, тихо, радостно плачетъ. „Ахъ Романъ, Романъ! Дорогой мой, хорошій мой! Я не думала тебя и видѣть уже!“

„Горлычко моя! Недобрый у тебя батько!“

„Недобрый, сердитый! Какъ отецъ твой просилъ, какъ батюшка говорилъ... ледъ бы растаялъ .. а онъ...“

„Не любитъ онъ тебя, только гордыню свою тѣшить хочетъ“...

„Богъ съ нимъ... мать добрая. А ты, мой дорогой?“ Дорина зардѣлась и закрыла лицо бѣлымъ рукавомъ и недоговорила вопроса.

„Я? спросилъ Романъ и прижалъ ее крѣпко, крѣпко къ своей груди. Я? Да нѣтъ ничего въ свѣтѣ такого, что могло бы мнѣ замѣнить тебя! Весь свѣтъ я отдамъ за тебя, не пожалѣю ни славы, ни жизни, ни даже воли козачьей... А ты меня любишь, Дорино?“

„Люблю ли я тебя? Она положила на плечи ему руки и откинула назадъ свою голову: свѣтлыя пряди волосъ сбѣжали по бокамъ и открыли блѣдное личико. Видишь, Романъ,—здѣсь бьется сердце

Библиотека "Руниверс"

мое; въ немъ все—Романъ, и никакія угрозы, никакія муки не заставятъ меня выбросить его изъ сердца!"

„Счастье мое! Жизнь моя"! Романъ обхватилъ обѣими руками голову Дорины и крѣпко, крѣпко прильнулъ устами къ устамъ...

Выглянулъ изъ-за тополей мѣсяцъ и бросилъ на нихъ блѣдный, ревнующій лучъ.

„Но какъ же быть, что дѣлать? встрепенулся козакъ:—батько твой не согласится на нашъ бракъ—а безъ тебя не жить мнѣ на свѣтѣ"...

„Не жить"... повторила еще болѣе поблѣднѣвшая Дорина;—„тоска, охъ какая тоска! Лучше скорѣе отъ нея спрятаться подъ „куширъ"... въ омутъ"...

„Такъ уйдемъ! Я все добро продамъ и этотъ край брошу; уйдемъ на Волынь, тамъ завоюемъ себѣ счастье, гетьманами заживемъ"...

„Я за тобою на край свѣта! Только проклянутъ... тяжело съ отцовскимъ проклятіемъ ходить на землѣ... Я въ ногахъ у батька ползать буду... я слезами смою „доливку"... можетъ умилосердится...

„Бѣдная, бѣдная сиротка! Надѣешься! Ну и подождать можно, только не случилось бы чего худшаго?"

„Матерь Божья не допуститъ! она послала заступника мнѣ, и Сама заступницей станетъ!"...

И не разъ, и не два видится Дорина съ Романомъ.

ГЛАВА V.

Видитъ панъ Жмайло, что таетъ отъ тоски по Роману дочка, и рѣшилъ онъ во что бы то ни стало выдать ее замужъ: и ѣдутъ къ нему женихи, одинъ за другимъ, одинъ другаго пышнѣе, знатнѣе—и изъ Украины, и изъ Волыни и изъ далекой Польши. Рѣшилъ ты, панъ Жмайло, выдать дочку, только трудно это, не такого характера Дорина, не даромъ отцовская дочка!

Не остались батюшка и Олеся послѣ столкновенія съ Громыкою въ этомъ угрюмомъ домѣ, уѣхали они въ свой маленькій, но веселенькій будынокъ. И мракъ, и тоска полновластно воцарились въ старинномъ домѣ. Злобствуетъ Жмайло, плачетъ пани Жмайлыха, только Дорина молчитъ—ни слова, а лицо все блѣднѣетъ, да блѣднѣетъ. И кипитъ злоба въ панѣ Жмайлѣ.

Библиотека "Руниверс"

„Слушай, жинко, грозно обратился Жмайло къ женѣ:—долго ты дурѣть будешь?“

Пани Жмайлыха отерла глаза тонкою хусткою: „Та я такъ... ничего... дытыну жалко“... и опять голосъ ея задрожалъ. —„Что жалко! надоѣли ужъ мнѣ ваши бабскія бредни,—завтра же отдамъ замужъ за „машталера“, за чабана, за свинопаса!“ и панъ Жмайло грозно стукнулъ ногой. Въ дверяхъ показалась Дорина; она была бѣлѣе стѣны и тихо дрожала, только глаза ея блестятъ изъ подъ крѣпко сдвинутыхъ бровей. „Отецъ“, тихо, но твердо начала она;—„коли нѣтъ твоей воли меня за Романа отдать, то не разрывай ты моего сердца, отпусти меня въ монастырь; буду я всю жизнь за васъ Бога и св. Панну молить“—„Что?“ заревѣлъ Жмайло;—„ты еще меня учить будешь!? Кошеня! Самъ знаю, что дѣлать! Завтра же пойдешь замужъ, скручу, свяжу, а повѣнчаю—слышишь мое слово—завтра!“—„Отецъ, смилуйся, отецъ, не могу я... не пойду я“... Дорина упала на колѣни.—„Да что ты?! Отецъ я тебѣ, или нѣтъ? Не моя ли надъ тобой воля?“—„Такъ, отецъ, ты породилъ меня, ты и въ жизни моей воленъ. Такъ выйми жъ эту саблю турецкую и убей меня, отецъ, а сердца моего не сломать тебѣ никогда.. никогда“... Глаза пана Жмайла налились кровью, Дорина пригнулась къ землѣ, пани Жмайлыха упала на колѣни.—„Такъ вотъ ты какая! А!“ онъ схватился за рукоять сабли—клинокъ блеснулъ въ воздухѣ и...—„Дитя, дитя... меня убей!“ бросилась пани подъ ноги къ Жмайлу. Онъ стиснулъ зубы, швырнулъ саблю, и, круто повернувшись на каблукахъ, тяжелыми шагами вышелъ изъ свѣтлицы.

И все замерло въ домѣ.... Дорину безъ чувствъ подняли; пани Жмайлыха рыдаетъ передъ образомъ; дивчата „вытираютъ очи“,—жалко бѣдную панночку—да и страшно, что придумаетъ Жмайло!? Старуха нянька крестится и бормочетъ какія то странныя слова; и всѣ трепещутъ, всѣ съ ужасомъ ожидаютъ рѣшенія пана Жмайла. Только Дорина, точно оледенѣла вся—чего ей бояться и что можетъ теперь ужаснуть ее? Бѣжать, бѣжать одно спасенье! Уже и темная ночь спустилась надъ перепуганнымъ домомъ, а въ свѣтлицѣ пана Жмайла все раздаются тяжелые грозные шаги. Пригнулась пани Жмайлыха къ замочной скважинѣ, дохнуть боится: что дѣлаетъ разгнѣванный супругъ? Но замокъ крѣпко запертъ, въ скважинѣ ключъ,

Библиотека "Руниверс"

и тяжко вздохнула пани и безнадежно побрела по пустымъ покоямъ въ свѣтлицу, гдѣ лежитъ ея „безталанная“ дочь. А въ свѣтлицѣ Жмайла темно, только двѣ тоненькія полоски свѣта и отражаются въ голубой стали старинной „зброи“. Панъ Жмайло тяжело шагаетъ, брови его нахмурены; время отъ времени сквозь сцѣпленные зубы вырываются отрывочныя восклицанія: „Не пойдетъ.... не пойдетъ.. не такая! Замуровать до смерти..—угаснетъ родъ!“.. И снова тяжелое молчаніе и глухой шумъ шаговъ. „Сбыть... его сбыть ... молода... забудетъ“.... и то же молчаніе, тотъ же шумъ шаговъ. Но вдругъ глаза его блеснули злымъ огонькомъ; онъ остановился, какъ вкопанный, ударилъ себя рукою по лбу и... злобно, радостно захохоталъ... Мѣсяцъ забѣжалъ за облако, и со старинной башни, точно въ отвѣтъ его смѣху, „пугачъ“ прокричалъ три раза: „поховавъ, поховавъ, поховавъ!“

Наступило утро. Жмайло вышелъ изъ своей свѣтлицы и подошелъ къ женѣ. Пани Жмайлыха замерла въ ожиданіи; она боялась поднять глаза на мужа, она боялась прочесть въ его глазахъ суровое рѣшеніе. Но Жмайло ловко поцѣловалъ женѣ руку. Пани подняла на него глаза.—„Что это, что ты!“—„Какъ что? День добрый, пани“!—„Да что это съ тобой?“.—„Ничего, позови дочь сюда!“—„Ой, что это ты задумалъ? Смилуйся, пане!“ она протянула къ нему руки.—„Ничего не задумалъ: хочу дочь увидѣть и баста!“ Панъ Жмайло расправилъ усы и опустился на „дзыглыкъ“.—„Ну жъ!“ Пани бросилась: черезъ минуту ввели Дорину. Она остановилась въ дверяхъ и прислонилась головой къ стѣнкѣ. Что сдѣлалось съ нею за ночь? Лицо прозрачное, вокругъ глазъ черные круги. „Гм!“ произнесъ Жмайло, глянувши на дочку.—„Ну, дочко, подойди ка ко мнѣ!“ Дорина не повѣрила бы и своимъ ушамъ. Въ голосѣ старика зазвучала небывалая ласка.

„Ну, глянь на меня!“ онъ даже ласково потрепалъ ее по щекѣ: „чего жъ боишься?“

„Слушай, дочко, не ворогъ я тебѣ; коли ты ужъ такъ „затялась“ на своемъ, то я, пожалуй, согласенъ“.... Всѣ ахнули! Дорина бросилась на колѣни передъ отцомъ, схватила его руки и изъ глазъ ея хлынули слезы; пани Жмайлыха счастливо улыбалась, хотя глаза ея застилалъ легкій туманъ, но это были теплыя, счастливыя слезы

Библиотека "Руниверс"

и каждая изъ нихъ могла бы потопить тысячу тяжелыхъ вздоховъ...

„Такъ, продолжалъ Жмайло,—я никому не перечу искать твоей руки, будь то мнѣ другъ или недругъ, а только достанешься ты храбрѣйшему изъ лыцарей. Пусть твой Романъ тебя заслужитъ. Что жъ, довольна, дочка?“—„Тато, тато“... Дорина подняла на отца глаза—онъ ласково улыбнулся... но въ глубинѣ его глазъ почуялось Доринѣ что то недоброе...

И вотъ шлетъ п. Жмайло ко всѣмъ пословъ: „подношу, де, я войну великую и кто желаетъ получить руку моей дочери, пусть принимаетъ участіе въ походѣ“. Шлетъ онъ гонца и къ пану Роману. „Прости меня де, пане, что круто я съ тобой обошелся; что дѣлать,—нравъ ужъ мой такой, а пора ужъ примириться! Хочешь ты, пане, за себя дочку мою взять,—что жъ, я не перечу, а только далъ свое слово лыцарское, что достанется онъ храбрѣйшему изъ козаковъ; милости же просимъ къ нашей рати“.

Обрадовался да и диву дался панъ Романъ этой ласкѣ. Хорошо, хорошо! Поѣдемъ въ походъ! Завоюемъ свое счастье! Добудемъ себѣ Дорину! А сомнѣваться ему въ этомъ нечего,—пусть еще кто съ нимъ помѣряется? Разлука вотъ... да вѣдь скоро вернутся, а тогда ужъ навсегда... навсегда... И нетерпѣливо торопитъ панъ Романъ отцовскіе сборы.

Мучитъ Дорину вѣщее сердце, снятся ей недобрые сны.... Но вотъ ужъ послѣдній вечеръ,—завтра выступаютъ въ походъ... Давитъ „туга“ Дорину, тоска сосетъ сердце, чуется неотразимое горе, а надежда все таки шепчетъ: вотъ вернется изъ похода, конечно, онъ храбрѣе, славнѣе всѣхъ, станутъ о его подвигахъ думы складывать, пѣсни пѣть, самъ батько признаетъ его достойнымъ руки своей дочери и... а... тогда... тогда... но тутъ взглянетъ на Дорину батько и зазмѣится на губахъ у него торжествующая улыбка... и расправившая крылья надежда падаетъ камнемъ, а сердце тоскливо забьется, точно подстрѣленная птица.

Но будь, что будетъ, сегодня она еще счастлива, сегодня она еще увидитъ Романа.

Оперлась Дорина о бѣлую стѣну—смотритъ трепетно вдаль; высоко стоитъ замокъ, внизу чуть замѣтна рѣка; какъ страшно надъ

Библиотека "Руниверс"

нею колышется сѣдой туманъ; а вонъ гдѣ далеко вьется дорога съ горы на гору—вотъ оттуда долженъ онъ пріѣхать.... Что то зашуршало въ травѣ, Дорина быстро оглянулась.—Ничего, это ящерица блеснула на лунѣ своей яркой спинкой и снова спряталась подъ камень. А что дома? Нѣтъ, замокъ спитъ; потухли всѣ огни, только луна ударяетъ въ окна и перламутромъ переливается стекло. Какой онъ мрачный, точно угрюмый старикъ! Смотритъ Дорина на замокъ, сколько пришлось ей выстрадать въ немъ. Какъ мало времени прошло, а сколько горя! Но слава Богу, прошло это все, какъ тяжелый сонъ. А Романа все нѣтъ, какъ нѣтъ! И тоскливо всматриваются глаза въ туманную даль.... Что жъ не ѣдетъ онъ? Не случилось ли чего? Господи, сохрани и помилуй, не можетъ онъ не пріѣхать, не можетъ онъ уѣхать, не простившись со мною! Раздался короткій топотъ. „Романъ“! Дорина упала къ нему на шею:—„Коханый мой, возьми меня лучше съ собою; я не выживу здѣсь безъ тебя. Я буду томиться, тосковать, не знаючи, что съ тобою! Романе, она прижалась къ нему щека къ щекѣ,—коханый мой, какъ я люблю тебя!“

Онъ сталъ цѣловать ея волосы, глаза, губы... „Вотъ, какъ вернусь съ побѣдой, тогда ни одной минуты ждать не стану; возьму да и увезу тебя сразу въ свой замокъ... и тогда ужъ у меня никто не отыметъ моей Дорины“.—„Такъ ли, козаче мой, охъ, не вѣрится мнѣ, не бывать намъ вмѣстѣ!“

— „Нѣтъ, Дорино, я чую, всѣмъ сердцемъ моимъ чую, что насъ никто не разъединитъ съ тобою. И клянусь тебѣ, Дорино, передъ чистымъ небомъ и въ свидѣтели беру наше козачье солнце,—онъ поднялъ къ мѣсяцу руку,—что ни за что, никогда не кину тебя, что рано ли, поздно ли, и что бъ ни случилось со мною, а я за тобою пріѣду“! Что то зловѣщее послышалось Доринѣ въ этой клятвѣ—ей стало жутко: она глянула и ей показалось, что мѣсяцъ торжественно кивнулъ ей своимъ острымъ рогомъ. А время бѣжитъ,—минута за минутой.—„Часъ ѣхать! Благослови жъ меня на счастливую дорогу!“ Дорина встрепенулась: „Уже?“ она положила къ нему руки на плечи:—„Господи, Царица Небесная, она съ восторгомъ подняла глаза къ небу, точно ждала сей часъ увидѣть какое нибудь знаменіе:—Ты „захистишь“ мнѣ моего Романа отъ всякаго горя!“ Онъ при-

Библиотека "Руниверс"

жалъ ее къ груди крѣпко, такъ крѣпко, какъ только умирающій прижимается къ жизни. „Романе! Коханый мой!“ Еще одна минута,— конь рванулъ, Дорина припала къ стѣнѣ: она еще не плачетъ, она еще вся слѣдитъ за нимъ, еще все ея сердце полно имъ; но вотъ въ послѣдній разъ мелькнула за горой красная шапка: какъ глухо, какъ пусто кругомъ!...

ГЛАВА VI.

Прошелъ мѣсяцъ, другой и третій. Уже и листья, свернувшись, опали съ деревъ и подошли настоящіе морозы: надвинулись сѣрыя тучи, посыпало снѣгомъ, бѣлой шапкой накрылись лѣса, серебристой скатертью широко постлалася степь. Вотъ ужъ скоро „надбѣгутъ и „Риздьвяны святкы“... а о панѣ Жмайлѣ и о его храброй рати ни слуху, ни духу: поѣхали—точно въ воду канули.

Сидитъ Дорина въ своей свѣтлицѣ на „дзыглыку“ около оконца,—очей не открываетъ: и степь, и лѣса, и небо—все бѣлымъ саваномъ крыто—и тоска, тоска!.. Что теперь съ Романомъ, гдѣ онъ? Можетъ быть какъ разъ въ эту минуту какой нибудь татаринъ... Господи, сохрани и помилуй! И крупная слеза за слезой падаютъ на тонкое шитье. А можетъ быть этой „хусткою“ перевяжу Романа?! И сердце такъ радостно забьется, и какая то чудная теплота пробѣжитъ по всему тѣлу, и съ надеждой и вѣрой подымаются глаза къ образу, освѣщенному неугасаемой лампадой.

Потянулись длинные, зимніе вечера. Лежитъ Дорина на кровати, опершись головою на руки; а столѣтняя ветхая нянька однообразнымъ старческимъ голосомъ, покачивая сѣдой головой, разсказываетъ ей старыя сказки. И встаютъ передъ Дориной изъ темнаго угла страшные и чудные образы: вотъ поползли зловѣщіе драконы съ сверкающими глазами, вотъ промчалась на помелѣ страшная вѣдьма съ распущенной косой, а вонъ на тонкой вѣткѣ, надъ таинственнымъ озеромъ, закачалась блѣдная русалочка съ зелеными глазами, въ бѣлой, длинной одеждѣ—вся въ водорослях; вонъ въ розовомъ лучѣ пролетѣла женщина, нѣтъ, легкій ангелъ со звѣздою на лбу, а за нимъ и „козакъ-нетяга“—спаситель, защитникъ. И толпятся эти образы одинъ за другимъ и тихо киваютъ Доринѣ то

Библиотека "Руниверс"

сѣдыми, то граціозными головками, а старуха, однообразно шамкая губами, тихимъ безстрастнымъ голосомъ проводитъ сказку за сказкой. Жутко Доринѣ, не случилось бы и съ Романомъ чего такого—развѣ мало и теперь этихъ колдуновъ и колдуній, развѣ мало и теперь по глубокимъ озерамъ, по темнымъ лѣсамъ мавокъ да русалокъ? „Господи, зглянься надъ намы!“ съ тоскою шепчетъ она, прижимая руки къ груди.—„Бабусю, а они и теперь встрѣчаются?“—„Кто ихъ знаетъ, дытыно, люди не разъ видѣли!“—„Можетъ быть и съ нашими что нибудь такое приключилось?“—„И и! козаку нечего бояться: у него шабля свяченая; противъ нее нечистая сила ничего не сможетъ. Вотъ вернется Романъ, „ушкваримъ“ весилля, еще и тебѣ сына—молодца выняньчу!“

О, Господи, когда бъ оно случилось такъ! Да нѣтъ, это немыслимое счастье! Какъ она бросится къ нему, какъ разскажетъ, сколько безъ него выстрадала, какъ пригорнется! И изъ темноты смотрятъ на нее „коханыя очи“ тѣмъ самымъ взглядомъ, который такъ согрѣвалъ ей сердце. А о панѣ Жмайлѣ и о панѣ Романѣ ни слуху, ни вѣсти...

Молится она, кажется, всю душу выливаетъ въ молитвѣ. Въ церковь поѣдетъ и тамъ какъ то не такъ. Отецъ Андрей ужъ не тотъ: закручинился старикъ; чорнобрывенькая Олеся давно уже вышла замужъ за Ивана Богуша и уѣхала на веселую Украину.

Наступилъ февраль—лютый и мокрый; вечеръ; дождь и снѣгъ льетъ и стучитъ въ стекла окошекъ. Въ просторной свѣтлицѣ, въ чистой печи ярко пылаютъ и потрескиваютъ дрова; на печи „каганецъ“; на лавахъ рядомъ сидятъ „дивчата“, прядутъ „прядыво“; посреди хаты дѣдъ снуетъ основу; пани наблюдаетъ, чтобъ „дивчата“ не теряли даромъ времени; тутъ же и Дорина. Тоскливо въ хатѣ, только однообразно жужжатъ веретена, да несется „дивоча“, грустная, тихая пѣсня. Двери скрыпнули, показалась баба.

„Пани, бандуриста пришелъ“.—„Веди его, веди, да неси сюда закуски, наливки разной“. Всѣ всполошились: вотъ теперь то они узнаютъ, что дѣлается на свѣтѣ бѣломъ. Сердце Дорины замерло за свою судьбу; какъ страшно! лучше бъ ужъ и не знать!—Въ хату вошелъ высокій, степенный старикъ. Сѣдые его усы спадали на грудь, „оселедець“ закрутился вокругъ уха, на лбу прошли двѣ глубокія

Библиотека "Руниверс"

морщины; слѣпое его лицо дышало выраженіемъ, а незрячіе глаза, казалось, говорили. Старикъ шелъ твердо, прямо; за нимъ мальчикъ несъ бандуру. Дивчата поклонились; пани встала къ нему на встрѣчу: „Будьте здоровы, дѣду!“ — „Будь здорова и ты!“ — „Садитесь, диду, утомились?“ — „Сядемъ, пора отдохнуть“. — „Да ближе къ печи, сбросьте „керею“ и не побрезгайте, повечеряйте съ нами, чѣмъ Богъ послалъ“. — „Ничего, не помѣшаетъ!“ Дѣдъ медленно опустился, снялъ керею, и оглянулся, точно могъ что нибудь видѣть.

— „Ну, а дочка гдѣ жъ?“ Дорина подошла.

— „Эге, какъ выросла: давно я у васъ былъ“... онъ положилъ ей руку на голову: „Э! замужъ пора... ростетъ то все... пора, пора намъ на покой!“

„Эхъ, дѣду, куда вамъ на покой? какой вы еще старикъ?“

„Что ты, пани!“ дѣдъ ласково улыбнулся, „ я и самъ, почитай, ужъ забылъ, да и не сочту, сколько мнѣ годовъ то... много... много... Ну давай, что тамъ у тебя припасено?!“ Наконецъ пани замѣтила, что бандуристъ подкрѣпился. — „Что жъ, дидусю, въ бѣломъ свѣтѣ дѣется? Не слыхали ли чего о походѣ пана Жмайла?“ — „Слышалъ, слышалъ, можно и запѣть!“ Дѣдъ расправилъ свои усы: — „а ну, хлопче, давай ка мнѣ сюда бандуру!“ Онъ осторожно вынулъ ее изъ мѣшка, сдулъ пыль. Раздались первые аккорды — все притихло. Ударили пальцы по струнамъ и полилась торжественная дума. О походѣ пана Жмайла говорилось въ ней, о подвигахъ его храбрыхъ товарищей, о его храбрости, да объ удали пана Романа. Гей, и много храбрыхъ рыцарей, да кто сравнится съ молодымъ Громыкою?!

Съ замираніемъ сердца ловитъ Дорина каждое слово. Блестящая была битва: далеко загнали козаки войско татарское, многихъ бранокъ назадъ повернули, да только горько она окончилась: видѣли всѣ, какъ у стараго Громыки на спинѣ зіяла страшная рана. Соромъ упалъ на козацкія головы: кто могъ нанести такой предательскій ударъ? Схоронили козаки стараго Громыку; только вѣрно Богъ наказалъ ихъ за предательство, потому что съ тѣхъ поръ ни одинъ еще козакъ домой не вернулся.

Тоди Украина зажурылася; де жъ вы зъ паномъ Громыкою опростчлыся?
Тоди орлы браты заклекотилы: де жъ вы нашого Громыку подилы?
Тоди сыви хмары заплакалы: де жъ це вы Громыку поховалы?
Не на милій Украини, на далекій на чужыни?

Библиотека "Руниверс"

Торжественнымъ аккордомъ закончилась дума. Замеръ голосъ бандуриста; въ хатѣ раздался тихій плачъ—въ немъ было все: и жалость, и радость, и разрѣшеніе мучительно-напряженнаго состоянія.

Всю ночь не спала Дорина. Ночь безсонная отъ восторга! Онъ живъ, онъ вернется, покрытый славою! Сбылись ея мечты! Неужели, неужели наступило ея счастье? И не спится Доринѣ, и не можетъ она уснуть, а мысли одна другой теплѣе, одна другой заманчивѣе толпятся въ ея головѣ. Вскочить бы, разсказать бы кому, подѣлиться бы съ кѣмъ своимъ счастьемъ! И съ восторгомъ шепчутъ уста: коханый мой, желанный мой—ты живъ, ты будешь счастливъ!

На утро всѣхъ подняла тревога: пріѣхалъ панъ Жмайло. Выскочила Дорина; собралась вся челядь на „ganку“. Тяжело слѣзъ панъ съ коня, махнулъ челяди рукою, еле поздоровался съ женой, сухо глянулъ на Дорину, молча прошелъ въ свою комнату—и ни слова... Ахнули всѣ и диву далися:—что сталося съ нимъ? Старикомъ дряхлымъ сталъ Жмайло: глаза глубоко ввалились, носъ заострился крючкомъ, побѣлѣли чуприна, усы; согнулся могучій станъ; угрюмый, какъ грозовая туча. Не боленъ ли? Не случилось ли чего? Бросилась къ нему пани разспрашивать: что и какъ; да не тутъ то было: молчитъ Жмайло. „Не захворалъ ли ты? не послать ли за знахаремъ, не позвать ли батюшку?“

„Хоронить меня собираешься?“ Жмайло медленно поднялъ на жену свои потускнѣвшіе глаза:—„мѣшаю вамъ“, онъ захохоталъ, „не трудитесь—еще не скоро умру!“

„Да что ты, Богъ съ тобой, полѣчили бы тебя, можетъ бы что помогло, а то вотъ мучитъ тебя что то, на себя не похожъ сталъ“...

„Не похожъ сталъ, говоришь?“...

„Да лица на тобѣ нѣтъ, пошлю я“...

„Оставь! самъ себя лѣчить умѣю и ничто меня не мучитъ! Что за глупыя мысли забрались въ твою голову!? Слышишь: ничто!!“ Онъ стукнулъ кулакомъ по столу: „Йди!!“

Что жъ это о Романѣ не говоритъ отецъ ничего? Какое то подозрѣніе закрадывается въ душу Дорины. Спросить бы,—не хватаетъ духу; можетъ отдохнетъ, поправится старикъ—тогда. Разспрашивала козаковъ: говорятъ живъ, здоровъ, съ громкою славою, съ богатыми дарами изъ похода выѣхалъ; до Днѣстра видѣли...

Библиотека "Руниверс"

Отчего жъ противъ воли такъ тоскливо щемитъ и сжимается сердце? А съ пріѣздомъ пана Жмайла и тѣ небольшія блесточки веселья, и тѣ угасли, и точно что то тяжелое, гнетущее опустилось на домъ. Прошла недѣля—старику не лучше, а все крѣпится, хочетъ обмануть себя и другихъ; еще недѣля—чувствуетъ Жмайло приближеніе смерти и сзываетъ онъ въ свою комнату всѣхъ домачадцевъ выслушать его послѣднюю волю. Вошла Дорина да такъ и остолбенѣла на порогѣ: и прежде она боялась этой мрачной комнаты, а сегодня здѣсь было ужасно—здѣсь пахло смертью...

Направо отъ двери, на низкомъ оттоманѣ, покрытомъ зеленою ковдрою, на высоко наложенныхъ красныхъ подушкахъ лежалъ отецъ. Нѣтъ, это не онъ! Дорина не узнала его: передъ ней лежалъ столѣтній старикъ. Какъ страшно отдѣлялось отъ подушки его зеленовато-желтое изсохшее лицо. Сѣдая чуприна разметалась, запекшіяся губы змѣятся жестокой улыбкой; изъ-подъ нависшихъ бровей глаза горятъ мрачнымъ огнемъ. Глянулъ на Дорину Жмайло—и похолодѣла она.

Всѣ стоятъ, опустивши головы; подлѣ старика пани тихо плачетъ; о чемъ она плачетъ? Что принесъ ей этотъ человѣкъ, кромѣ зла? Жмайло приподнялся на локтѣ и началъ хриплымъ голосомъ:

„Собралъ я васъ тутъ всѣхъ, чтобы вы всѣ слышали мою послѣднюю волю: моя послѣдняя воля, чтобъ дочка моя Дорина вышла замужъ; она одна осталась въ нашемъ родѣ,—ей и продолжать его должно. Клянись же мнѣ, жена, клянись, что родъ мой не угаснетъ!“ Пани хотѣла что то отвѣтить, но не слушались запекшіяся губы.

„А ты, обратился онъ къ Доринѣ:—ты клянись мнѣ, что послушаешь матери; я и съ того свѣта видѣть всѣхъ васъ буду. Клянись мнѣ!“ Дорина вздрогнула.

„На колѣни и клянись!“

„Батьку, тату... а!“...

„Клянешься ты?“

„ А Романъ?“

Старикъ поднялся, сверкнулъ глазами и страшно захохоталъ: „Теперь“ крикнулъ онъ громовымъ голосомъ и повернулъ къ Доринѣ

Библиотека "Руниверс"

свои желтые бѣлки, „теперь и за Романа“... Кровь хлынула горломъ и задушила остальныя слова. Раздался страшный хрипъ, поднятая рука закостенѣла въ воздухѣ. Дорина закрыла глаза, пани бросилась къ оттоманкѣ—на подушкахъ лежалъ ужасный трупъ.

ГЛАВА VII.

Похоронили Жмайла. Прошла зима. Проворные великаны-облака, выкрали и спасли отъ жестокой зимы красавицу Ладу-весну. Пролетѣла Лада надъ землею; улыбнулась теплой улыбкой и сбѣжалъ послѣдній снѣжокъ и растаяла послѣдняя льдинка. Надъ зеленымъ озеромъ поднялъ голову дѣдушка-водяной и сонными глазами оглянулся кругомъ; изъ голубой рѣчки вынырнула радостная русалочка; забѣгали, захохотали, закивали въ ожившемъ лѣсу проворныя „мавки“.. Прилетѣли и жаворонки, да не принесли они вѣсти о панѣ Романѣ.

Вотъ май развернулся со всею своею роскошью; потянулись теплыя лунныя ночи съ безконечными трелями соловья. Доринѣ не спится... душно въ низенькихъ комнатахъ... а въ саду такъ тепло... такъ хорошо! Воздухъ—тонкій, раздражающій ароматъ; гдѣ то невдалекѣ заливается соловей; съ болота несется мѣрный крикъ лягушекъ; дорожки всѣ въ цвѣту; въ темнотѣ на листьяхъ блестятъ майскіе жуки... а изъ подъ широкихъ темныхъ листьевъ, изъ подъ прохладной тѣни, тоненькіе ландыши точно протягиваютъ свои головки къ блѣдному свѣту мѣсяца... Все живетъ, все дышетъ, все приготовляется къ новой жизни; а она? Въ ней все перетлѣло, все погребено... и въ глубоко запавшихъ глазахъ не видно ни огня, ни луча, ни искорки... Хотя бы знать, наконецъ, что съ Романомъ—гдѣ онъ? Живъ ли... она боялась докончить свою мысль.

„Господи, если умеръ онъ, пріими меня къ себѣ, не разлучай меня съ нимъ: мнѣ безъ него не жить здѣсь... не жить!“... Длинная вѣтка жасмина зацѣпилась ей за голову и осыпала ей все лицо душистымъ цвѣтомъ. „Романъ, вѣдь если ты... ты жъ видишь, какъ я страдаю, отчего же ты меня?“... Она подняла глаза къ небу, точно ждала сейчасъ увидѣть отвѣтъ на свои мысли... Но небо оставалось такое же глубокое, темное и безмолвное. И постоявши нѣсколько секундъ, снова пошла дальше Дорина. Вотъ и знакомое мѣсто. Сколько

Библиотека "Руниверс"

здѣсь прошло счастливыхъ вечеровъ! Все осталось по прежнему: такъ же тихо шепчутъ листья тополей, и такъ же выглядываетъ изъ-за нихъ двурогій мѣсяцъ. „Да гдѣ же ты, Романъ, гдѣ же ты?“ И изъ ввалившихся глазъ медленно выкатилась послѣдняя слеза:—„А вѣдь ты клялся, здѣсь же, на этомъ мѣстѣ, не бросить меня никогда? Клялся! Не пріѣхалъ, не взялъ съ собою! И ты, мѣсяцъ, ты жъ свидѣтелемъ былъ, отчего жъ молчишь, что жъ теперь скажешь?!“ Раздался глухой топотъ.. Дорина вздрогнула... что это? Не сонъ ли это? Къ стѣнѣ подскакалъ Романъ. Голова его опущена на грудь, сквозь рѣсницы грустно смотрятъ полузакрытые глаза, лицо блѣдное... шапка сдвинута на бокъ, чубъ спустился на холодный лобъ, губы сжаты, рука опустила поводья...

„Романе!“ Дорина бросилась къ нему; онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ, только какъ холодны его объятья!—„Пріѣхалъ за тобою!“—„Знала, знала, мое счастье, что ты не бросишь меня!“—„Садись, поѣдемъ!“—„Какъ, куда!?“—„Ко мнѣ, въ мой домъ“.—„Коханый мой, зачѣмъ? Лучше пойдемъ къ матери, она согласится, она согласна!“—„Нѣтъ, нельзя. Садись скорѣй, поѣдемъ!“ Дорина обхватила его шею, Романъ посадилъ ее поперекъ сѣдла, одною рукою держитъ за станъ. Конь тихо двинулся. Ѣдутъ черезъ широкій дворъ,—все спитъ кругомъ. Подъѣзжаютъ къ высокимъ воротамъ:—ворота беззвучно упали.

„Коханый мой, куда жъ мы ѣдемъ?“

„Въ мой домъ!“.

„А гдѣ жъ онъ?“

„Тамъ, недалеко“

Ночь таинственная, безмолвная ночь. Мѣсяцъ заливаетъ землю холоднымъ свѣтомъ. Блестятъ кремнистыя горы,—лентой вьется впереди дорога. Конь беззвучно ступаетъ; мелькаютъ лѣса и овраги. Мѣсяцъ свѣтитъ прямо въ лицо Роману. Отчего онъ блѣдный такой? Глаза смотрятъ на нее, тѣ самыя сѣрыя очи, только отчего они полузакрыты и такія грустныя? „Романе, голубе мой, что съ тобою?“

„Ничего“

„Любишь ли ты меня?“

„Я ль люблю?“ Онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ; она прижалась къ нему на грудь, сердце переполнено неожиданнымъ счастьемъ ..

Библиотека "Руниверс"

Тихая, мертвая ночь; луна ярко свѣтитъ; конь беззвучно ступаетъ, а передъ глазами быстро проходятъ горы и степи, лѣса. Вотъ они въѣхали въ дремучій лѣсъ—широкая, прямая просѣка, по сторонамъ высокой стѣной ровныя, черныя деревья; мѣсяца не видно за ними... тихо въ лѣсу... Взглянетъ Дорина въ лицо Роману—жутко ей отъ этой тишины.

„Гдѣ жъ твой домъ?“

„Вотъ тамъ, ужъ недалеко“

Ни шелеста, ни пѣсни, ни звука... Проѣхали гору, впереди длинной лентой вьется дорога. Кругомъ степь, безлюдная степь... Вотъ вдали сверкнулъ Днѣстръ. Горы все круче и круче. И снова спрашиваетъ Дорина Романа: „коханый мой, скоро ль твой домъ?“ Далеко блеснулъ крестъ. Романъ поднялъ руку: „Вотъ—сейчасъ пріѣдемъ!“ Сердце заныло у Дорины. А конь взбирается на страшныя крутизны и точно тѣнь скользитъ надъ глубокими провальями, надъ бездонными пропастями. Но вотъ—конь сталъ. Передъ Дориной маленькая капличка съ крестомъ, и подлѣ нея раскрытая, громадная могила. Глянула Дорина—и все поняла. Въ ужасѣ прыгнула она съ коня и бросилась на паперть. „Такъ вотъ оно что! О, Боже, Боже! спаси меня.“ Она рыдаетъ и ломаетъ руки. Смотритъ на нее Романъ грустнымъ взглядомъ: „Такъ вотъ какъ ты любила меня?!“ Голосъ его полонъ тоски и упрека:—„Неужели ты боишься твоего Романа, неужели ты боишься умереть?“ Но Дорина все рыдаетъ и ломаетъ руки —„Ты не бойся, мы не умремъ никогда, никогда: наша любовь не можетъ умереть, она будетъ согрѣвать намъ грудь, заставитъ биться наше сердце. . Ты жъ видишь,—моя любовь не дала умереть мнѣ; она заставила меня встать изъ могилы и привела къ тебѣ“. Но Дорина все рыдаетъ и ломаетъ руки. И снова Романъ умоляетъ ее: „Прійди ко мнѣ!“ —сколько горечи и неземной мольбы дрожитъ въ его голосѣ.— „Дай мнѣ покой, дай мнѣ счастье!“

Конь, опустивши голову, тихо сошелъ въ могилу.

„Видишь, Дорино, конь-друзяка и тотъ не бросилъ меня, неужели же ты, моя единая, неужели ты кинешь меня?“ Но Дорина все рыдаетъ и ломаетъ руки.

„Дорино, мы только днемъ будемъ лежать, покуда „гомонять“ люди, а какъ только зайдетъ солнце и серебряный ободокъ

Библиотека "Руниверс"

здѣсь прошло счастливыхъ вечеровъ! Все осталось по прежнему: такъ же тихо шепчутъ листья тополей, и такъ же выглядываетъ изъ-за нихъ двурогій мѣсяцъ. „Да гдѣ же ты, Романъ, гдѣ же ты?“ И изъ ввалившихся глазъ медленно выкатилась послѣдняя слеза:—„А вѣдь ты клялся, здѣсь же, на этомъ мѣстѣ, не бросить меня никогда? Клялся! Не пріѣхалъ, не взялъ съ собою! И ты, мѣсяцъ, ты жъ свидѣтелемъ былъ, отчего жъ молчишь, что жъ теперь скажешь?!“ Раздался глухой топотъ.. Дорина вздрогнула... что это? Не сонъ ли это? Къ стѣнѣ подскакалъ Романъ. Голова его опущена на грудь, сквозь рѣсницы грустно смотрятъ полузакрытые глаза, лицо блѣдное... шапка сдвинута на бокъ, чубъ спустился на холодный лобъ, губы сжаты, рука опустила поводья...

„Романе!“ Дорина бросилась къ нему; онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ, только какъ холодны его объятья!—„Пріѣхалъ за тобою!“—„Знала, знала, мое счастье, что ты не бросишь меня!“—„Садись, поѣдемъ!“—„Какъ, куда!?“—„Ко мнѣ, въ мой домъ“.—„Коханый мой, зачѣмъ? Лучше пойдемъ къ матери, она согласится, она согласна!“—„Нѣтъ, нельзя. Садись скорѣй, поѣдемъ!“ Дорина обхватила его шею, Романъ посадилъ ее поперекъ сѣдла, одною рукою держитъ за станъ. Конь тихо двинулся. Ѣдутъ черезъ широкій дворъ,—все спитъ кругомъ. Подъѣзжаютъ къ высокимъ воротамъ:—ворота беззвучно упали.

„Коханый мой, куда жъ мы ѣдемъ?“

„Въ мой домъ!“.

„А гдѣ жъ онъ?“

„Тамъ, недалеко“

Ночь таинственная, безмолвная ночь. Мѣсяцъ заливаетъ землю холоднымъ свѣтомъ. Блестятъ кремнистыя горы,—лентой вьется впереди дорога. Конь беззвучно ступаетъ; мелькаютъ лѣса и овраги. Мѣсяцъ свѣтитъ прямо въ лицо Роману. Отчего онъ блѣдный такой? Глаза смотрятъ на нее, тѣ самыя сѣрыя очи, только отчего они полузакрыты и такія грустныя? „Романе, голубе мой, что съ тобою?“

„Ничего“

„Любишь ли ты меня?“

„Я ль люблю?“ Онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ; она прижалась къ нему на грудь, сердце переполнено неожиданнымъ счастьемъ ..

Библиотека "Руниверс"

Тихая, мертвая ночь; луна ярко свѣтитъ; конь беззвучно ступаетъ, а передъ глазами быстро проходятъ горы и степи, лѣса. Вотъ они въѣхали въ дремучій лѣсъ—широкая, прямая просѣка, по сторонамъ высокой стѣной ровныя, черныя деревья; мѣсяца не видно за ними... тихо въ лѣсу... Взглянетъ Дорина въ лицо Роману—жутко ей отъ этой тишины.

„Гдѣ жъ твой домъ?“

„Вотъ тамъ, ужъ недалеко“

Ни шелеста, ни пѣсни, ни звука... Проѣхали гору, впереди длинной лентой вьется дорога. Кругомъ степь, безлюдная степь... Вотъ вдали сверкнулъ Днѣстръ. Горы все круче и круче. И снова спрашиваетъ Дорина Романа: „коханый мой, скоро ль твой домъ?“ Далеко блеснулъ крестъ. Романъ поднялъ руку: „Вотъ—сейчасъ пріѣдемъ!“ Сердце заныло у Дорины. А конь взбирается на страшныя крутизны и точно тѣнь скользитъ надъ глубокими провальями, надъ бездонными пропастями. Но вотъ—конь сталъ. Передъ Дориной маленькая капличка съ крестомъ, и подлѣ нея раскрытая, громадная могила. Глянула Дорина—и все поняла. Въ ужасѣ прыгнула она съ коня и бросилась на паперть. „Такъ вотъ оно что! О, Боже, Боже! спаси меня.“ Она рыдаетъ и ломаетъ руки. Смотритъ на нее Романъ грустнымъ взглядомъ: „Такъ вотъ какъ ты любила меня?!“ Голосъ его полонъ тоски и упрека:—„Неужели ты боишься твоего Романа, неужели ты боишься умереть?“ Но Дорина все рыдаетъ и ломаетъ руки —„Ты не бойся, мы не умремъ никогда, никогда: наша любовь не можетъ умереть, она будетъ согрѣвать намъ грудь, заставитъ биться наше сердце. . Ты жъ видишь,—моя любовь не дала умереть мнѣ; она заставила меня встать изъ могилы и привела къ тебѣ“. Но Дорина все рыдаетъ и ломаетъ руки. И снова Романъ умоляетъ ее: „Прійди ко мнѣ!“ —сколько горечи и неземной мольбы дрожитъ въ его голосѣ.— „Дай мнѣ покой, дай мнѣ счастье!“

Конь, опустивши голову, тихо сошелъ въ могилу.

„Видишь, Дорино, конь-друзяка и тотъ не бросилъ меня, неужели же ты, моя единая, неужели ты кинешь меня?“ Но Дорина все рыдаетъ и ломаетъ руки.

„Дорино, мы только днемъ будемъ лежать, покуда „гомонять“ люди, а какъ только зайдетъ солнце и серебряный ободокъ

Библиотека "Руниверс"

мѣсяца вырѣжется на небѣ,—раскроется наша могила и мы снова будемъ выходить на землю".

А мѣсяцъ ужъ блѣднѣетъ; подулъ утренній вѣтерокъ; потянуло сыростью; пронеслась стая куличковъ. На востокѣ свѣтлѣетъ розовая полоска.

И съ отчаяньемъ снова умоляетъ онъ Дорину: „Скорѣе, скорѣе, коханая моя, ужъ солнце недалеко!"

Она видитъ его лучистые глаза, видитъ, сколько любви, сколько тоски въ нихъ!—„Дорино!", одною ногою онъ ступилъ уже въ могилу.—„Коханая моя!" Онъ весь блѣднѣетъ, точно таетъ въ воздухѣ...

„Единая моя!" Дорогое лицо съ мольбой смотритъ на нее, руки въ послѣдній разъ къ ней протянулись.

„Беры мене, Романе!" Она бросилась къ нему, онъ схватилъ ее на руки, обнялъ, въ глазахъ мелькнулъ прежній огонь: „Моя Дорина, моя!"

Могила тихо закрылась и покрыла обоихъ. Гдѣ то далеко ударилъ колоколъ и торжествующее выплыло солнце .. И съ той поры каждую ночь, чуть солнце спрячется за горою и надъ землею встанетъ легкій туманъ, а въ чистой волнѣ ручейка закачается вечерняя звѣзда—открывается широкая могила и выходятъ изъ нея Романъ и Дорина; сядутъ они, обнимутся, никому незримые, и ведутъ между собой до зари тихія, нѣжныя рѣчи. И тихо кругомъ, только вѣтеръ подлетитъ, подслушаетъ ихъ бесѣду и передастъ верхушкамъ деревъ, что дѣлается вверху на одинокой могилѣ.

Да, то не ручьи падаютъ со скалы въ обрывъ, то катятся слезы Романа и Дорины; то не калина шумитъ,—то ихъ голоса ведутъ тихую рѣчь. Да, то не скала раздѣляетъ ручьи,—то Дорининъ убійца-отецъ, обратившись въ камень, и послѣ смерти хочетъ разъединить ихъ; но слезы Дорины все бѣгутъ и подмываютъ мрачный камень—и настанетъ пора, когда рухнетъ черная скала, а ручьи соединятся на всю жизнь, навсегда...

Людмила Старицкая.

Библиотека "Руниверс"

СТАРАЯ БРАЦЛАВЩИНА И ЕЯ ЛЮДИ.

II.

Ольбрыхтъ Кохановскій, судья земскій брацлавскій[1])

(1620 г.—1642 г.).

Со времени люблинской уніи 1569 г., а еще больше съ 1581 г. послѣдовало уравненіе брацлавскаго воеводства съ коренными польскими воеводствами въ устройствѣ земскихъ учрежденій и должностей. Съ этого времени появляются брацлавскіе воеводы и каштеляны, а за ними подкоморіи, хоружіи, судьи, стольники, подсудки, писари и т. д. Въ началѣ всѣ эти должности какъ сенаторскія, такъ и чисто земскія занимались исключительно людьми мѣстными, русскими. Такъ, санъ брацлавскаго воеводы до 1609 года принадлежалъ послѣдовательно князьямъ Роману и Юрію Сангушкамъ, Янушу Збаражскому и Іосифу Тышкевичу. Каштелянами брацлавскими вплоть до 1618 г. были тоже люди русскіе: князь Юрій Капуста, Михаилъ Вишневецкій, Василій Загоровскій, Александръ Семашко, Григорій Сангушко и Николай Семашко. Затѣмъ эти должности переходятъ: воеводство къ Яну Потоцкому, а каштелянство къ Яну Харленскому—оба поляки; послѣ этого въ должности воеводы и каштеляна мы русскихъ не видимъ. То же самое замѣчается и въ чисто земскихъ должностяхъ.

---

[1]) Настоящій очеркъ составленъ, главнымъ образомъ, по имѣющимся у меня документамъ и декретамъ XVIII ст., относящимся къ процессу винницкаго войскаго Мартина Раковскаго съ наслѣдниками каштеляна каминскаго Станислава Коссаковскаго, тягавшимися за кобыленскія земли. Къ сожалѣнію, самые интересные документы, упоминаемые здѣсь мною, какъ то: Тарифа подымнаго брацлавскаго во-два 1629 г., Инструкція винницкимъ посламъ на сеймъ 1641 г. и три завѣщанія Кохановскаго —извѣстны мнѣ только изъ отрывочныхъ цитатъ.

Библиотека "Руниверс"

Первымъ брацлавскимъ земскимъ судіей былъ Иванъ Кошка, владѣвшій значительными имѣніями въ брацлавскомъ повѣтѣ. Послѣдній разъ встрѣчаемъ его имя въ этой должности 6 августа 1585 г. при отводѣ границъ кобыленскаго имѣнія. Въ началѣ XVII ст. въ этой должности мы видимъ богатаго и вліятельнаго земянина винницкаго повѣта Ивана Черленковскаго [1]). Другія земскія должности: хорунжаго, стольника, мечника, подсудка, писаря и т. д., переходили между членами тоже мѣстныхъ православныхъ родовъ: Дешковскихъ, Шашковъ, Кропивницкихъ, Черленковскихъ, Микулинскихъ и др. Съ теченіемъ времени русскій элементъ постепенно вытѣсняется пришлымъ польскимъ, такъ что ко времени возстанія Богдана Хмельницкаго на земскихъ должностяхъ нѣтъ почти вовсе русскихъ людей.—Должность брацлавскаго земскаго судьи въ двадцатыхъ годахъ XVII ст. впервые переходитъ къ поляку, а именно къ Ольбрыхту Кохановскому.

Въ Брацлавщинѣ это былъ homo novus. Выходецъ изъ коренной Польши, извѣстнаго въ сендомирскомъ воеводствѣ рода, съ довольно сильными связями съ первыми вельможами въ государствѣ, но безъ всякихъ почти собственныхъ средствъ, одаренный щедро личными качествами, Ольбрыхтъ Кохановскій является на этой русской окраинѣ весьма интереснымъ типомъ. Это одинъ изъ лучшихъ представителей безчисленнаго множества карьеристовъ и искателей счастія въ далекой злачной украйнѣ, которые впослѣдствіи пріобрѣли громкую славу непризнанныхъ цивилизаторовъ дикой страны, а еще больше колонизаторовъ и устроителей пустыхъ пространствъ. Старая басня о мирныхъ пріобрѣтеніяхъ польскаго плуга на восточныхъ пустыряхъ государства по отношенію къ Брацлавщинѣ сводится въ сущности къ тому, что эти колонизаторы пустырей попадали чаще всего не на пустыя пространства, а поселялись среди мѣстнаго осѣвшаго населенія, которое и прибирали къ своимъ болѣе опытнымъ рукамъ.

Въ первой половинѣ XVII ст. въ сѣверной Брацлавщинѣ, т. е. въ винницкомъ повѣтѣ, вовсе не было уже пустыхъ пространствъ и никому не принадлежащихъ необмежеванныхъ земель, а между тѣмъ въ это то время и замѣчается усиленный приливъ поляковъ въ эту мѣстность. Значительная убыль мѣстнаго населенія въ низшихъ, крестьянскихъ слояхъ, послѣдовавшая послѣ татарскихъ набѣговъ и козацкихъ движеній, быстро пополнялась изъ русскихъ провинцій, менѣе разоренныхъ, безъ всякаго участія польскаго крестьянства. Пришлый

[1]) Źródła dziejowe, V, 71.

Библиотека "Руниверс"

польскій элементъ состоялъ почти исключительно изъ шляхетскаго сословія. Кромѣ нѣсколькихъ родовъ сановитыхъ магнатовъ, получившихъ въ Брацлавщинѣ значительныя пожалованія изъ королевскихъ имѣній и пріобрѣвшихъ много земель покупкою, главный контингентъ пришельцевъ состоялъ изъ мелкой служилой шляхты, получавшей иногда державы, а въ большинствѣ случаевъ сопровождавшей своихъ богатыхъ патроновъ въ качествѣ военныхъ или дворныхъ слугъ.

Ольбрыхтъ Кохановскій несомнѣнно выдѣлялся изъ этой массы; онъ обладалъ всѣми данными для того, чтобы сдѣлать въ Брацлавщинѣ совершенно самостоятельно быструю карьеру. Блестящее для своего времени образованіе, недюжинныя умственныя дарованія, предпріимчивость, замѣчательная энергія и тактъ, широкія родственныя связи въ руководящихъ сферахъ—всѣ эти качества вмѣстѣ съ удачной женитьбой помогли Кохановскому въ самое короткое время сдѣлаться богатымъ человѣкомъ и занять одно изъ видныхъ мѣстъ среди брацлавскаго земянства.

Когда и по какому случаю явился онъ въ Брацлавщину, съ точностію установить трудно. Ему было уже лѣтъ подъ пятьдесятъ, когда онъ, между 1615 и 1618 гг., женился на богатой вдовѣ Александрѣ Боглевской, урожденной Красносельской. Она, вмѣстѣ съ единственнымъ своимъ братомъ Богданомъ Красносельскимъ, получила богатое наслѣдство послѣ родителей въ хмельницкомъ и брацлавскомъ повѣтахъ, но по раздѣлу братъ выплатилъ ея удѣлъ деньгами. Только часть с. Криковецъ въ брацлавскомъ повѣтѣ осталась за нею. Уже послѣ выхода вторично замужъ за Кохановскаго, Александра пріобрѣла отъ Станислава Кронковскаго его право на половину кобыленскихъ имѣній, доставшихся по выдѣлу отъ Ѳедора Гневошовича Стрижевскаго его дочерямъ Аполлоніи Кронковской и Татьянѣ Шерадовской. Эта покупка случилась около 1618 г.

Покупка богатаго имѣнія подъ самой Винницей, родство съ извѣстнымъ въ Брацлавщинѣ родомъ Красносельскихъ, личныя качества и связи поставили Кохановскаго сразу на видномъ мѣстѣ. Къ тому же земяне отнеслись къ нему сочувственно еще по одной важной причинѣ. Въ то время винницкимъ старостой былъ Адамъ Калиновскій, богатый и сильный магнатъ, досадившій безпардонными наѣздами, грабежами и насиліями всѣмъ земянамъ, имѣвшимъ несчастіе быть его сосѣдями какъ въ старостинскихъ, такъ и въ его частныхъ имѣніяхъ. Найти защиту противъ пана старосты являлось

Библиотека "Руниверс"

на дѣлѣ почти невозможнымъ, и всѣ его продѣлки въ концѣ концовъ оставались безнаказанными. Нѣкоторые владѣльцы вынуждены были продать ему свои права за пустую цѣну, лишь бы избавиться отъ постоянныхъ непріятностей и нашествій. Въ одномъ Кохановскомъ встрѣтилъ онъ непобѣдимаго противника. Купивъ права Кронковскихъ въ кобыленскомъ имѣніи, Кохановскій засталъ готовые процессы съ Калиновскимъ, и не уступая ему ни на шагъ, повелъ ожесточенную съ нимъ войну какъ въ судахъ, такъ и на межахъ своихъ имѣній. Ко всеобщему удивленію, Кохановскій съ перваго же начала сталъ выигрывать всѣ процессы, одинъ за другимъ, весьма быстро, и отстаивать даже силою свои интересы, чѣмъ возбудилъ къ себѣ сочувствіе и уваженіе.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ женитьбы, а именно въ 1624 г., мы встрѣчаемъ его сразу на должности брацлавскаго земскаго судьи. Намъ не удалось найти слѣдовъ и указаній на то, чтобы онъ до этого занималъ какой либо служебный постъ въ брацлавскомъ земствѣ. Должность земскаго судьи какъ по положенію ея въ лѣстницѣ польскихъ должностей, такъ и по дѣйствительному ея значенію и власти, принадлежала къ числу почетныхъ и завидныхъ въ воеводствѣ. Земскіе судьи, наравнѣ съ подкоморіями, маршалками, подсудками и писарями земства, назначались королемъ, по одному на каждое воеводство, пожизненно или до поступленія на высшую должность изъ четырехъ кандидатовъ, представленныхъ шляхтой по избранію на сеймикѣ воеводскомъ. Въ составъ земскаго суда входили: судья съ властью предсѣдательской, подсудокъ и писарь; этому суду подсудны были всѣ гражданскія дѣла шляхты даннаго воеводства. Вмѣсто жалованья, члены суда получали въ свою пользу судебныя пошлины отъ тяжущихся и за явку актовъ въ земскія книги, а равно за выдачу выписей. Со времени учрежденія трибуналовъ въ 1581 г., апелляціонной инстанціей для брацлавскаго земскаго суда былъ люблинскій трибуналъ. Въ рукахъ земскаго судьи сосредоточивались гражданскіе интересы шляхты всего воеводства и если онъ былъ мало мальски энергиченъ и дѣятеленъ, то весьма легко пріобрѣталъ серьезное вліяніе и значеніе. Неудивительно поэтому, что и Кохановскій очень скоро является представителемъ брацлавской шляхты на коронныхъ сеймахъ въ роли земскаго посла. На сеймахъ мы видимъ его послѣдовательно въ 1627, 1631, 1632 (элекція Владислава IV) и 1633 годахъ, гдѣ онъ видимо всегда былъ отмѣченъ, такъ какъ почти каждый разъ на него возлагались спеціальныя порученія отъ сейма

Библиотека "Руниверс"

по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія. Въ 1627 г. онъ былъ назначенъ сборщикомъ земскихъ повинностей по своему воеводству; при этомъ оставленъ при немъ и сборъ чоповаго налога и кромѣ того его же избираютъ депутатомъ отъ сейма въ коммиссію для установленія цѣнъ (pretia rerum). На сеймѣ коронномъ 1631 г. онъ избранъ сеймовымъ депутатомъ на два года въ радомскій трибуналъ, вѣдавшій дѣла о государственныхъ сборахъ и податяхъ, о ихъ расходованіи и общій контроль. Въ 1633 г. сеймъ избралъ коммиссію для изысканія средствъ на поставку провіанта для войскъ, расположенныхъ въ Украинѣ, назначивъ съѣздъ этой коммиссіи во Львовѣ на 13 генваря 1634 г. Въ составъ этой коммиссіи попалъ и Кохановскій вмѣстѣ со своими подчиненными: подсудкомъ Михаиломъ Кропивницкимъ и земскимъ писаремъ Сильвестромъ Черлинковскимъ [1]).

Работалъ онъ на пользу общества и государства, какъ и другіе, не безкорыстно. Западная граница кобыленскихъ грунтовъ проходила почти подъ самымъ селомъ Калетинцами надъ рѣчкой Нетяги. Это были старые хутора подъ названіемъ Нетяги, тянувшіеся по теченію рѣчки того же имени, примыкавшіе къ огромному въ то время пруду и лѣсу, слывшими подъ названіемъ Калетыны хутора, Калетынъ ставъ. Западнѣе Нетягъ, у верховьевъ рѣчки Хомутной было старое село Телепинчынъ Рогъ. Поселенія эти считались королевскими и тянули къ винницкому замку. Въ концѣ XVI ст. винницкій староста Юрій Струсь передалъ эти поселенія въ раззоренномъ видѣ за военные заслуги въ посессію шляхтичу Мартину Хруслинскому; пожалованіе это утверждено королевской грамотой отъ 23 августа 1599 г. Люстрація 1615 г. показываетъ за Хруслинскимъ село слободу «Калужинцы» (описка: должно быть Калитинцы). Въ двадцатыхъ годахъ XVII ст. посессія эта оказалась почему то вакантной и Кохановскій на первомъ же сеймѣ, въ которомъ участвовалъ, успѣлъ ее выхлопотать у короля для себя. Въ это время народонаселеніе увеличивалось и на Калитинскихъ, къ сѣверу отъ села на рѣчкѣ Хомутной, основался новый поселокъ. Люстрація 1629 г. называетъ эти поселенія: село Калютинцы alias Хруслинцы и село Слобода Новая alias Амброзовинце; это нынѣшнія Большія и Малыя Крушлинцы. Село Телепинчынъ Рогъ удержало до сихъ поръ старое названіе въ измѣненномъ видѣ—Телепеньки [2]). Несмотря на сложную и разнородную дѣятельность Кохановскаго въ

[1]) Vol. Leg. III, f. f. 539, 546, 575, 673, 772, 788 и 789.

[2]) *Zródła Dziejowe V*, стр. 72 и 187; *Арх. ю.-з. Рос.* VII, I, ст. 259.

Библиотека "Руниверс"

качествѣ земскаго судьи и посла на сеймы, онъ проявилъ замѣчательную энергію въ устройствѣ и приведеніи въ порядокъ своихъ имѣній. Кобыленскія имѣнія занимали почти все пространство земель по системѣ рѣчки Кобыльной, лѣваго притока Буговой Десны или, какъ ее въ старину называли, Десныци. Рѣчка Кобыльная течетъ съ юга на сѣверъ; она составляется изъ двухъ ручьевъ: Малой Кобыльной, вытекающей изъ источниковъ выше д. Счастливой, брацлавскаго уѣзда, и Большой Кобыльной, начинающейся немного сѣвернѣе с. Ободнаго. Съ правой стороны она не имѣетъ почти совсѣмъ притоковъ, а съ лѣвой принимаетъ рѣчку Нетяги, берущую начало выше селъ Гуменной и Михалевки, и рѣчку Хомутную, начинающуюся у с. Теленешекъ, винницкаго уѣзда. Вся мѣстность эта понижается съ юга на сѣверъ, при чемъ, начиная отъ рѣчки Хомутной по направленію къ Деснѣ, представляетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ болотистыя низменности. Почва здѣсь первоклассная достоинства: богатый черноземъ на глинистой подпочвѣ. Еще въ XVI ст. все это пространство было покрыто богатымъ чернымъ лѣсомъ, остатки котораго сохранились до сихъ поръ въ сѣверной части. Лѣса по системѣ рѣчки Кобыльной составляли восточную окраину огромной лѣсной полосы, простиравшейся по направленію къ западу по всему верхнему Побужью, вплоть до проскуровскаго уѣзда. Эта лѣсная полоса, захватывавшая сѣверную половину винницкаго уѣзда, носитъ до сихъ поръ въ народѣ названіе: «лисы», въ отличіе отъ безлѣсныхъ пространствъ, идущихъ къ ю.-в. отъ р. Кобыльной, называемыхъ «степы».

Въ XVI ст. кобыленскіе лѣса были усѣяны лѣсными пасѣками и хуторами. Изъ болѣе обширныхъ поселеній было большое село Кобылое (Кобыля, Кобыльня), с. Половецьке и Козины хутора. Кобыльная расположено было не на томъ мѣстѣ, гдѣ имѣется теперь село того же названія, а нѣсколько верстъ ниже, при впаденіи р. Кобыльной въ Десну. Село Половецьке лежало на лѣвомъ берегу р. Кобыльной на мѣстѣ теперешняго села Коссаковки, у большой старой дороги, ведущей изъ Винницы въ Липовецъ. Акты второй половины XVI ст. называютъ эту дорогу «*старый гостынець*, идучій отъ Винницу въ далекую Украину». Козины хутора ютились при впаденіи рѣчки Нетягъ въ Кобыльную, гдѣ теперь с. Козинцы. Существующія нынѣ въ этой же мѣстности села Приборовка, Кобыльная (новая), Кохановка, Пеньковка, а далѣе Лозоватая, Оленовка, Большія и Малыя Крушлинцы въ то время еще не существовали. Большинство ихъ однако возникло на мѣстѣ старыхъ урочищъ, пасѣчискъ и хуторовъ.

Библиотека "Руниверс"

Такъ, Большія и Малыя Крушлинцы, какъ мы это видѣли выше, возникли на урочищѣ с. Нетягъ и Калитиныхъ хуторовъ, Приборовка — на мѣстѣ хуторовъ с. Половецкаго; гдѣ теперь село Лозоватая, тамъ въ первой половинѣ XVII ст. упоминается хуторъ *Лозы*, а с. Оленовка въ это время носитъ названіе «старое пасѣчиско Свынарка».

Только въ старой Кобыльной и Половецкомъ видимо предпринимались кое какія мѣры для обороны: имѣлись валы и частоколъ. Всѣ же другія мелкія поселенія оставались безъ всякой защиты. Частые и разорительные набѣги татаръ въ XVI ст. опустошили этотъ край въ конецъ; на мѣстѣ прежнихъ селъ и хуторовъ остались однѣ пепелища и урочища. Въ концѣ этого столѣтія, когда народъ сталъ снова селиться, а старосты и земяне начали приводить въ порядокъ разоренныя имѣнія, владѣлецъ кобыленскихъ грунтовъ, панъ Гневошъ Дмитріевичъ Стрижевскій на мѣстѣ Половецкаго, Козинныхъ хуторовъ и Кобыльной засталъ однѣ пустыя урочища. Собравъ возвращавшихся крестьянъ, онъ основалъ новое село въ центрѣ своихъ кобыленскихъ грунтовъ на правомъ берегу р. Кобыльной, по обѣ стороны винницкаго «гостынця», противъ урочища Половецкаго. Село это названо тоже Кобыльной (Кобыля), въ немъ устроено маленькое укрѣпленіе изъ вала и частокола. На мѣстѣ села старой Кобыльной при впаденіи р. Кобыльной въ Десну новаго поселенія не возникло; о ней осталось одно воспоминаніе и два заросшіе лѣсомъ параллельные вала, идущіе отъ одной рѣчки къ другой. Съ теченіемъ времени народъ сталъ селиться и на лѣвомъ берегу Кобыльной, противъ новаго села возлѣ урочища и валовъ Половецкаго, гдѣ скоро возникъ цѣлый рядъ хуторовъ, потянувшійся внизъ по теченію рѣчки. Въ первые годы XVII ст. новый владѣлецъ панъ Ѳедоръ Гневошовичъ Стрижевскій на мѣстѣ старыхъ Козинныхъ хуторовъ основалъ село Козинцы и объявилъ слободу. Народъ сталъ быстро заселять старыя пепелища. Это не было исключительнымъ явленіемъ для кобыленскаго имѣнія. Въ концѣ XVI и началѣ XVII ст. вообще замѣчается усиленный приливъ населенія въ винницкомъ повѣтѣ, такъ что за это время не только возстановляются всѣ почти старыя поселенія, но и возникаетъ много новыхъ.

Этотъ приливъ населенія требовалъ удобныхъ мѣстъ для поселковъ и выгодныхъ угодій, что и породило ревнивую заботливость объ охраненіи границъ имѣній отъ захватовъ сосѣдей. Возстановленіе старыхъ межевыхъ знаковъ не всегда представлялось легкимъ, а потому весь періодъ съ 1570 г. и по 1647 г. особенно изобилуетъ про-

Библиотека "Руниверс"

цессами о межевыхъ спорахъ. Дѣятельность Гневоша отца и Ѳедора сына Стрижевскихъ по заселенію и устройству кобыленскихъ грунтовъ привела къ тому, что на всемъ протяженіи обширныхъ границъ возникли съ сосѣдями споры, драки, наѣзды и процессы. Вмѣстѣ съ покупкою женою Кохановскаго правъ супруговъ Кронковскихъ въ кобыленскихъ имѣніяхъ, на голову ея мужа свалились всѣ эти процессы и пограничная борьба.

Однимъ изъ первыхъ столкновеній былъ споръ съ братьями Кропивницкими, владѣльцами коморовскаго имѣнія. Какъ сказано было выше, въ началѣ XVII ст. на мѣстѣ Козиныхъ хуторовъ съ лѣвой стороны р. Нетяги стали вновь селиться люди съ разрѣшенія кобыленскаго двора. Вскорѣ явился поселокъ и по другую сторону рѣчки въ углу между Нетягами и Кобыльной. Затѣмъ Ѳедоръ Гневошовичъ Стрижевскій отвелъ мѣсто для новыхъ усадьбъ и, объявивъ слободу, отдалъ село въ аренду урожоному Войцеху Пшыборовскому, которому и предоставилъ вести дальнѣйшее устройство сёла и эксплоатацію сосѣднихъ угодій. Къ югу отъ этой мѣстности начинались грунты богатыхъ владѣльцевъ Коморова пановъ Кропивницкихъ. Ихъ было три брата: Александръ—писарь земскій брацлавскій, Михаилъ—мечникъ и младшій Иванъ. Считая границей коморовскихъ грунтовъ рѣчки Нетяги и Кобыльную, они предъявили въ 1612 г. къ Ѳедору Стрижевскому искъ въ брацлавскомъ земскомъ судѣ, при чемъ жаловались на пана Стрижевскаго, «ижъ онъ перешедшы знаки и граныцю давные и сторожытные, грунтъ поводовъ (истцовъ) Коморовски зъ грунтомъ пана Стрижевского Кобыленскимъ дылячые, то есть речки албо руды одну Нетяги а другую Кобылою грунтъ поводовъ власны дедычны до Коморова належачый осегновшы слободку Козыньци на немъ ново осадилъ»; при этомъ они заявили, что желаютъ «тые знаки и граныци поновеные и почыненые мѣтъ», и просили принудить пана Стрижевскаго «до поновеня границъ старыхъ и знаковъ давныхъ, которыхъ здавна антецессорове ихъ въ ужываню былы, а черезъ позваного и отца его въ малости литъ ихъ вытыснени сутъ, где сутъ поисовани до поновеня, а где ихъ не машъ до учыненя новыхъ». Въ 1614 г. въ святомихайловскіе рочки послѣдовалъ декретъ брацлавскаго земскаго суда, коимъ постановлено удовлетворить требованію обновленія границъ. Стрижевскій однако подалъ апелляціонную жалобу въ люблинскій трибуналъ. Въ это время кобыленскія имѣнія были выдѣлены дочерямъ Стрижевскаго Аполлоніи Кронковской и Татьянѣ Пшерадовской, изъ которыхъ первая подарила свои права мужу Стани-

Библиотека "Руниверс"

славу Кронковскому. Трибуналъ, разрѣшая искъ 16 августа 1616 г. между Кропивницкими и новыми владѣльцами Кобыльной, утвердивъ рѣшеніе земскаго суда, передалъ дѣло для отвода старыхъ границъ суду брацлавскаго подкоморія. Въ этомъ положеніи засталъ дѣло Ольбрыхтъ Кохановскій послѣ покупки женою правъ Кронковскаго.

Одновременно съ этимъ, Василій Ободенскій, владѣлецъ с. Ободнаго, тоже съ юга граничившаго съ кобыленскими имѣніями, захватилъ грунты, лежавшіе по теченію обѣихъ рѣчекъ Большой и Малой Кобыльны. Въ 1615 году дѣло дошло до того, что панъ Ободенскій съ помощью вооруженной команды прогналъ изъ кобыленскихъ угодій въ этой мѣстности слугъ Пшерадовской и Кронковской и захватилъ сѣно и хлѣбъ. Кронковскій отъ своего имени и по довѣренности пани Татьяны Пшерадовской завелъ съ нимъ процессъ за самоуправства, захватъ земель и убытки; процессъ затянулся на долгое время вслѣдствіе порученія трибунала произвести дознаніе на мѣстѣ о границахъ и о количествѣ убытковъ.

Кромѣ этихъ двухъ процессовъ, немедленно послѣ покупки Александрой Кохановской правъ въ Кобыльной возникъ споръ съ новымъ винницкимъ старостой Адамомъ Калиновскимъ, забравшимъ въ одно лѣто съ прилегающихъ къ винницкому старосту кобыленскихъ луговъ и лѣсовъ 5,000 возовъ сѣна. Совладѣлица Кохановской Татьяна Пшерадовская сама дѣлъ своихъ не вела; мужъ ея, человѣкъ тихій и скромный, занятъ былъ хозяйствомъ въ Сиваковцахъ и Кобыльной, а потому всѣ эти дѣла пришлось вести Кохановскому, что составляло не мало хлопотъ. Тяжбы съ Кропивницкими и Ободенскимъ велись то въ Люблинѣ, то на мѣстѣ, а съ Калиновскимъ кромѣ того еще въ Кіевѣ и Варшавѣ.

Легче всего пришлось Кохановскому съ Кропивницкими и Ободенскимъ. Судъ подкоморскій отвелъ границы въ 1624 году отъ с. Ободнаго и оставилъ по дѣлу съ Кропивницкими границы въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находились въ то время, до разрѣшенія спора съ Калиновскимъ, захватившимъ самое с. Козинцы. По отношенію къ Ободному отводъ границъ утвержденъ трибунальскимъ декретомъ 1-го мая 1626 г., и съ этого времени наступилъ миръ съ Ободенскимъ.

Наѣздъ Калиновскаго былъ только началомъ цѣлаго ряда процессовъ. Въ 1623 г. 26 марта состоялся первый декретъ въ пользу Кохановской и Пшерадовской по дѣлу о грабежѣ Калиновскимъ 5,000 фуръ сѣна. На слѣдующій годъ Самуилъ Ѳедоровичъ Стрижевскій, родной братъ Татьяны Пшерадовской, вошелъ въ сдѣлку съ Калинов-

Библиотека "Руниверс"

скимъ о продажѣ ему Стрижовки со всѣми селами и землями, тянувшими къ этому мѣстечку, но предварительно при помощи людей пана старосты занялъ силою всѣ грунты, лежавшіе по лѣвую сторону р. Кобыльной, а съ ними с. Козинцы и урочище Половецкое. Предлогомъ къ тому послужило то обстоятельство, что въ отдѣльной записи только что отошедшаго въ могилу отца Ѳедора Стрижевскаго, данной въ пользу дочерей Аполлоніи Кронковской и Татьяны Шерадовской, упомянуто только одно «село Кобыленское со всѣми грунтами», о Козинцахъ же и Половецкомъ, лежавшихъ въ чертѣ этихъ грунтовъ, спеціально не упоминалось.—Вслѣдъ за этимъ захватомъ состоялся въ Люблинѣ продажный актъ о переуступкѣ Адаму Калиновскому Стрижовскаго имѣнія, при чемъ въ составѣ его уже указано захваченное с. Козинцы и урочище Половецкое. Присутствовавшій въ то время въ Люблинѣ Кохановскій внесъ 11 сентября 1624 г. въ трибунальскія книги манифестъ противъ старосты Калиновскаго и Самуила Стрижевскаго о незаконности этой продажи и немедленно подалъ позовъ объ уничтоженіи сдѣлки. Стороны однако, не ожидая исхода процесса, успѣли закончить сдѣлку и 20 декабря того же года Самуилъ Стрижевскій созналъ въ пользу Калиновскаго донацію. Принявъ во владѣніе стрижовское имѣніе, а съ нимъ и захваченные Козинцы и Половецкое, Калиновскій лично не могъ слѣдить за сохраненіемъ за собой спорныхъ грунтовъ, такъ какъ весной онъ уже участвовалъ въ кампаніи противъ козаковъ на Поднѣпровіи. Въ виду этого, онъ вошелъ въ сдѣлку съ Войцехомъ Пшиборовскимъ, арендаторомъ только что заселенныхъ Козинецъ, и отдалъ ему въ аренду всѣ захваченные грунты кобыленскаго имѣнія по лѣвую сторону рѣчки Кобыльной вмѣстѣ съ Половецкими хуторами, предоставивъ ему оберегать эти имѣнія силою мѣстной старостинской команды. Уходя весною съ войскомъ противъ козаковъ, Калиновскій, какъ бы на прощаніе съ Кохановскимъ и для его устрашенія, послалъ вооруженную команду за рѣчку въ новую Кобыльную и заграбилъ хлѣбъ Шерадовскихъ и Кохановской, подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, будто бы онъ былъ снятъ съ его половецкихъ грунтовъ.— Но Калиновскій ошибся. Сдержанный, но энергическій Кохановскій не рѣшился отвѣтить наѣздомъ, быть можетъ понимая неравенство силъ, а ограничился предъявленіемъ новаго иска и принятіемъ болѣе серьезныхъ мѣръ для обороны. Немного выше с. Кобыльной и Половецкаго на большомъ прудѣ находился островъ пространствомъ въ нѣсколько десятинъ, покрытый камышемъ, прилегавшій ближе къ

Библиотека "Руниверс"

лѣвому берегу рѣчки. Съ громадными усиліями онъ въ два лѣта (1625 и 1626 г.), пока Калиновскій былъ въ отлучкахъ, выстроилъ на этомъ островѣ солидный замокъ по всѣмъ правиламъ современнаго ему фортификаціоннаго искусства. Замокъ имѣлъ видъ большаго четырехугольника, окруженнаго громаднымъ валомъ съ полисадомъ, съ четырьмя по угламъ башнями. Снаружи была глубокая, наполненная водой канава. Въѣздъ въ замокъ былъ только со стороны лѣваго берега рѣчки; шелъ онъ сначала по насыпи, а затѣмъ передъ воротами замка по подъемному мосту. Одновременно онъ выхлопоталъ у короля на свое имя привилегію на учрежденіе подъ сѣнью этого форта мѣстечка подъ названіемъ Кохангрaдъ. Этотъ укрѣпленный городокъ защищалъ единственную переправу черезъ топкую Кобыльную по большой плотинѣ винницкаго тракта, а тѣмъ самымъ служилъ защитой праваго побережья, оставшагося до сихъ поръ въ рукахъ Пшерадовскихъ и Кохановскихъ. Подъ охраною замка, на лѣвомъ берегу пруда весьма быстро возникло цѣлое поселеніе, предмѣстья котораго потянулись до самаго винницкаго тракта и плотины, противъ старыхъ половецкихъ окоповъ. Въ то же время Кохановскій занялъ и грунты, прилегавшіе къ мѣстечку по обѣ стороны р. Хомутной, не трогая впрочемъ грунтовъ, занятыхъ людьми половецкими и козинецкими, до разрѣшенія процесса съ Калиновскимъ.

Между тѣмъ Пшиборовскій, которому была поручена Калиновскимъ охрана и заселеніе этихъ грунтовъ, считалъ своею прямою обязанностію не допускать Кохановскаго къ занятію земель, лежавшихъ между Козинцами и Половецкимъ. Вслѣдствіе этого возникли новые наѣзды и драки, и Кохановскій предъявилъ къ Войцеху Пшиборовскому самостоятельный искъ «о нечынене службы дедичамъ кобыленскимъ и почыненые гвалты и шкоды поданымъ на грунти кобыленскомъ». Но дальнѣйшіе наѣзды на кобыленскіе грунты были безуспѣшны. Замковая команда раза два ихъ отбила и не уступила и пяди больше земли.

Заселеніе Кохангрaда поведено было до того энергично, что тарифа подымнаго воеводства брацлавскаго отъ 16 ноября 1629 года застаетъ это мѣстечко уже заселеннымъ и вполнѣ устроеннымъ.

Кохановскій стремился къ раздѣлу кобыленскихъ имѣній; общее владѣніе съ Татьяной Пшерадовской не представляло для него никакого интереса и поэтому совладѣльцы рѣшились «одкончытыся». Кохановскій взялъ себѣ южную половину грунтовъ по винницкій трактъ, а Пшерадовской досталась сѣверная часть. Раздѣлъ этотъ

Библиотека "Руниверс"

вначалѣ заключенъ былъ домашнимъ порядкомъ, такъ какъ его нельзя было оформить въ виду процесса съ Калиновскимъ, захватившимъ столько грунтовъ. По этому раздѣлу во владѣніи Кохановской оказался основанный мужемъ Кохангрaдъ и та часть села Кобыльной, которая осѣла къ югу отъ винницкаго тракта, проходившаго черезъ это село.

Первый процессъ съ Калиновскимъ о грабежѣ имъ 5,000 возовъ сѣна шелъ очень успѣшно. Декреты по всѣмъ инстанціямъ одинъ за другимъ получались очень быстро, и наконецъ осенью 1627 года полученъ былъ листъ на вводъ Кохановской и Пшерадовской во владѣніе стрижовскимъ имѣніемъ до уплаты имъ Адамомъ Калиновскимъ убытковъ. Кохановскій занесъ этотъ актъ въ брацлавскія земскія книги 20 генваря 1628 года, но въ отвѣтъ на это, лѣтомъ того же года Калиновскій совершаетъ новый наѣздъ и грабежъ сѣна, о чемъ занесъ Кохановскій манифестъ въ трибунальскія книги 21 августа 1628 г. Только въ 1630 г. трибуналъ окончательно рѣшилъ всѣ эти дѣла въ пользу Кохановскаго, а именно: декретомъ 28 мая присуждено съ Калиновскаго взысканіе за наѣздъ на Кобыльную, «гвалты и шкоды» 30,000 зол. польск. убытковъ; вторымъ декретомъ отъ 29 мая урожоный Войцехъ Пшиборовскій отсужденъ отъ всякихъ правъ на Козинцы и приговоренъ къ взысканію за самоуправства, а третьимъ, наконецъ, отъ 10 іюня того же года люблинскій трибуналъ отсудилъ отъ Калиновскаго на вѣчныя времена въ пользу Кохановской и Пшерадовской село Козинцы и урочище Половецкое со всѣми людьми и тянувшими къ нимъ грунтами и кромѣ того присудилъ съ отвѣтчика въ пользу истицъ 5,000 копъ грошей лит. за провладѣніе и убытки.—Полная неудача Калиновскаго въ исходѣ этихъ главныхъ его съ Кохановскимъ процессовъ, крупныя суммы взысканій и общее сочувствіе къ Кохановскому, не позволившему себѣ малѣйшаго реванша въ дѣлѣ самоуправствъ и наѣздовъ, заставили гордаго, но скупаго магната пойти на мировую, вслѣдствіе которой Ольбрыхтъ Кохановскій и Матвѣй Пшерадовскій своимъ и своихъ женъ именемъ сознали въ сентябрѣ (въ среду послѣ праздника Рождества Богородицы) 1631 г. передъ летичевскими гродскими книгами квитъ, данный Адаму Калиновскому въ полученіи полнаго удовлетворенія по всѣмъ дѣламъ, какія только велись отъ имени владѣльцевъ Кобыльной и ихъ подданныхъ.

Выйдя побѣдителемъ изъ этой борьбы съ Калиновскимъ, Кохановскій немедленно привелъ въ исполненіе задуманный раньше

Библиотека "Руниверс"

раздѣлъ съ Пшерадовскими. Былъ избранъ третейскій судъ, который, проведя границу, велѣлъ сдѣлать «геометрическое размѣреніе». Граница по прежнему проведена по винницкому тракту, такъ что изъ имѣній, отобранныхъ отъ Калиновскаго, Кохановской достались Козинцы, а Пшерадовской Половецкое. При этомъ оказалось, что ниже Половецкаго возникло совершенно новое село на мѣстѣ половецкихъ хуторовъ, основанное Войцехомъ Пшиборовскимъ во время его управленія захваченными землями. Село это, названное по имени основателя Приборовкой, существуетъ понынѣ.

Кохановскіе были бездѣтны и не желали, чтобы имѣнія послѣ ихъ смерти перешли въ родъ Красносельскихъ, а именно къ брату Александры Кохановской Богдану Красносельскому. Поэтому послѣ утвержденія раздѣла, Александра Кохановская совершила въ пользу мужа дарственную запись, по которой передала ему въ собственность всѣ эти имѣнія, какъ то: Коханградъ, Козинцы и часть Кобыльной.

Съ окончаніемъ процессовъ съ Калиновскимъ, немедленно возникъ новый процессъ съ сослуживцемъ Кохановскаго, земскимъ подсудкомъ Михаиломъ Кропивницкимъ изъ за тѣхъ же злополучныхъ Козинецъ. Процессъ этотъ, собственно говоря, не былъ новый; онъ былъ пріостановленъ въ подкоморскомъ судѣ еще въ 1624 г. вслѣдствіе того, что нельзя было произвести изысканія границъ между козинецкими и коморовскими грунтами, такъ какъ само село Козинцы было захвачено Калиновскимъ и заведенъ былъ споръ о его принадлежности Кохановскому. Во время владѣнія Калиновскаго, спорныя угодія между рѣчками Нетягами и Кобыльной оставались въ пользованіи Кропивницкихъ. Когда же 10 іюня 1630 года Калиновскій проигралъ дѣло, то Кропивницкій, не желая допустить отвода спорной когда то земли изъ своего владѣнія Кохановскому, подалъ того же числа манифестъ въ книги люблинскаго трибунала, заявляя, что границы отъ Коморова должны быть сохранены въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ оставлены подкоморскимъ судомъ въ 1624 г. Этимъ актомъ начался процессъ, длившійся цѣлыхъ девять лѣтъ. Изъ суда споръ вскорѣ перешелъ на межи. Кохановскій понималъ граничный декретъ 1624 года въ томъ смыслѣ, что ему не возвращаются угодія, захваченныя Кропивницкими, до разрѣшенія спора съ Калиновскимъ, и потому теперь, выигравъ дѣло съ Калиновскимъ и вступивъ во владѣніе Козинцами со всѣми принадлежавшими этому селу угодіями, считалъ себя вправѣ воспользоваться и тѣми козинецкими угодіями, которыя временно оставались въ пользованіи Кропивницкихъ. Не

Библиотека "Руниверс"

долго думая, Кохановскій, согнавъ людей изъ Крушлинецъ (Хрусллнецъ), Кобыльной и Коханграда, послалъ ихъ подъ прикрытіемъ своей замковой команды и заразъ убралъ все скошенное коморовской экономіей на спорномъ грунтѣ сѣно. Къ этому времени большая коморовская вотчина перешла въ исключительное владѣніе Михаила Кропивницкаго, подсудка земскаго брацлавскаго, сослуживца и даже до нѣкоторой степени подчиненнаго Кохановскаго. — Личность Михаила Кропивницкаго вообще довольно симпатична и интересна. Потомокъ стараго брацлавскаго рода, «ritus graeci», хорошо принятый при дворѣ, впослѣдствіи личный секретарь короля Владислава IV, онъ не могъ чувствовать особой склонности къ Кохановскому, относившемуся свысока къ русскому простоватому земянству. Надо замѣтить при этомъ, что въ жизни Кропивницкаго есть нѣсколько фактовъ, доказывающихъ, что онъ былъ далеко выше своей среды и считалъ долгомъ проявлять свой русскій патріотизмъ. Во всякомъ случаѣ, онъ пользовался большимъ почетомъ и значеніемъ не только въ Брацлавщинѣ, но и въ болѣе широкихъ кругахъ. Ссориться окончательно съ панамъ Кропивницкимъ Кохановскому не было интереса и потому, послѣ предъявленія къ нему иска за заборъ сѣна и наѣздъ, онъ поспѣшилъ оправдаться невѣдѣніемъ, свелъ все на недоразумѣніе и согласился на отсрочку разбирательства дѣла для мирнаго улаженія спора. Вскорѣ однако наступили событія, отвлекшія на время вниманіе обоихъ противниковъ отъ этого спора. Съ выборомъ новаго короля въ 1632 г., оба они были поглощены закипѣвшей новой государственной дѣятельностью. Особенно занятъ былъ Кропивницкій, почти не выѣзжавшій изъ Варшавы и Львова. Объ окончаніи спора не было сначала и рѣчи. Между тѣмъ обѣ экономіи коханградская и коморовская, взапуски одна передъ другой, стали занимать спорныя угодія; наконецъ, въ 1636 г., дѣло дошло до свалки, и Кохановскій предъявилъ искъ къ Кропивницкому за наѣздъ. Въ трибуналѣ стали судью мирить съ подсудкомъ. Три раза (24 августа 1637 и 4 мая и 10 августа 1638 г.) трибуналъ откладывалъ разборъ дѣла въ надеждѣ на миролюбное окончаніе. Только 5 іюля 1639 г. окончилось это дѣло третейскимъ судомъ, который на мѣстѣ отвелъ границу и насыпалъ копцы.

Кромѣ этихъ граничныхъ тяжбъ, извѣстенъ еще въ томъ же родѣ одинъ процессъ, тянувшійся около двадцати лѣтъ между владѣльцами кобыленскихъ имѣній и вотчинникомъ *Липовца alias Гай-*

Библиотека "Руниверс"

сина [1]) княземъ Доминикомъ Заславскимъ, старостой саноцкимъ. Процессъ возникъ по жалобѣ Кохановской и Пшерадовской около 1626 года за захватъ кобыленскихъ земель, и послѣ долгой тяжбы послѣдовалъ окончательный декретъ трибунала, постановившаго поручить подкоморію произвести разслѣдованіе старыхъ границъ и отвести таковыя. Декретъ подкоморскаго брацлавскаго уряда по сему дѣлу послѣдовалъ на мѣстѣ спора 16 ноября 1628 года. Но князь Заславскій 25 ноября того же года занесъ въ винницкія гродскія книги манифестъ, жалуясь на неправильныя дѣйствія подкоморскаго суда при разграниченіи, и тѣмъ затянулъ утвержденіе трибуналомъ отвода, которое однако послѣдовало, но уже послѣ смерти Кохановскаго, а именно 4 іюля 1645 г.

Къ той серіи процессовъ слѣдуетъ еще отнести тяжбы о бѣглыхъ крестьянахъ. Такія тяжбы въ первой половинѣ XVII вѣка по винницкому повѣту упоминаются довольно часто. Намъ извѣстны три такихъ процесса у Кохановскаго. Онъ искалъ своихъ крестьянъ, бѣжавшихъ изъ кобыленскихъ имѣній въ м. Городокъ Гіеронима Шанявскаго и въ стрижовское имѣніе Калиновскаго. Въ свою очередь владѣлецъ мѣстечка Бабина князь Корецкій позвалъ въ судъ Кохановскаго, требуя выдачи крестьянъ, бѣжавшихъ изъ Бабина въ имѣніе Кобыльню и слободу Кохангрдскую. Всѣ эти иски разрѣшены люблинскимъ трибуналомъ 28 и 29 мая 1630 г.

Кромѣ имѣній, указанныхъ выше, Кохановскій пріобрѣлъ еще Сиваковцы отъ Матвѣя Пшерадовскаго, но деньги за имѣніе внесъ въ винницкій гродскій судъ уже послѣ смерти Пшерадовскаго, 4-го апрѣля 1634 г. Владѣлъ онъ имъ, кажется, спокойно, если не считать недоразумѣній съ квартировавшей здѣсь въ 1635 г. хоругвью, пограбившею село, такъ что Кохановскій вынужденъ былъ предъявлять къ ротмистру Зацвилиховскому и его хоругви искъ за причиненные убытки подданнымъ «и всей громади села Сивоковецъ». Искъ этотъ выигранъ Кохановскимъ въ 1636 году. Въ числѣ его имѣній въ тридцатыхъ годахъ XVII ст. упоминается еще и с. Холявинцы.

Не менѣе энергиченъ былъ Кохановскій во внутреннемъ устройствѣ своихъ имѣній. Онъ, какъ видно изъ актовъ, сплошными массами вырубалъ лѣса на постройки въ Кохангрдѣ и Козинцахъ, уве-

---

[1]) Липовецъ одновременно называется и Гайсиномъ въ трехъ разныхъ актахъ первой половины XVII ст., между тѣмъ какъ въ это же время существовалъ другой Гайсинъ, принадлежавшій Свирскимъ и Одривольскимъ.

Библиотека "Руниверс"

личивъ этимъ значительно пахатныя пространства. Кромѣ постройки солиднаго кохапградскаго замка, онъ произвелъ и другія капитальныя сооруженія, какъ то: шесть новыхъ мельницъ и громадную кохапградскую плотину черезъ рѣчку Кобыльную на винницкомъ трактѣ. Этой послѣдней заинтересовалось даже все земянство, къ которому обратился Кохановскій, вслѣдствіе чего винницкій посольскій сеймикъ брацлавскаго воеводства 21 августа 1641 года въ инструкцію, данную посламъ, помѣстилъ требованіе, чтобы послы ходатайствовали на сеймѣ коронномъ «о назначеніи ревизоровъ для изслѣдованія плотины въ Кохапградѣ, построенной съ огромными издержками вельможнымъ Ольбрыхтомъ Кохановскимъ для публичнаго переѣзда, съ цѣлью усттновленія мыта, такъ какъ плотина находится на публичномъ трактѣ».

У Кохановскаго имѣлась и надворная милиція и козаки. Начальство надъ замкомъ и военной командой вначалѣ было ввѣрено любимцу Кохановскаго Николаю Казимиру Коссаковскому, женившемуся впослѣдствіи на вдовѣ Татьянѣ Пшерадовской, владѣлицѣ второй половины кобыленскихъ имѣній.

Въ Кохапградѣ построена была Кохановскимъ церковь, католическая каплица и госпиталь.

Отъ раздѣла отцовскихъ имѣній женѣ Кохановскаго, кромѣ денежнаго выдѣла, досталась часть имѣнія Криковецъ въ брацлавскомъ повѣтѣ; другая же часть была во владѣніи ея брата Богдана Красносельскаго, съ которымъ Кохановскій не ладилъ. Подъ конецъ жизни Кохановскаго, когда Красносельскій увидѣлъ, что сестра перевела свои имѣнія на имя мужа, онъ вступилъ въ открытый споръ съ Кохановскими изъ за угодій. Зимою съ 1641 по 1642 г. Кохановскій выслалъ изъ своихъ имѣній Кохапграда, Козинецъ, Сиваковецъ и Холявинецъ нѣсколько сотъ подводъ подъ прикрытіемъ военной команды въ криковецкіе лѣса за деревомъ; при этомъ рубка произведена была именно въ спорныхъ участкахъ, несмотря на протестъ со стороны экономіи Красносельскаго. 19 февраля 1642 г. Красносельскій занесъ по этому поводу манифестъ въ винницкія гродскія книги и началъ процессъ, исходъ котораго намъ неизвѣстенъ.

Кохановскій умеръ бездѣтнымъ въ глубокой старости, свыше семидесяти лѣтъ, 9 мая 1642 года. Послѣ него осталось три духовныхъ завѣщанія: одно составлено 27 іюля 1640 г., второе 22 генваря 1642 г. и третье въ день смерти 9 мая 1642 г. Всѣ свои имѣнія, доставшіяся отъ жены, и с. Сиваковцы онъ завѣщалъ ей же въ по-

Библиотека "Руниверс"

жизненное владѣніе съ тѣмъ, чтобы изъ доходовъ с. Сиваковецъ выдавалась потребная сумма на содержаніе кохангрaдскаго госпиталя. Затѣмъ всѣ свои имѣнія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ легатовъ, завѣщалъ въ собственность своей сестрѣ Констанціи и ея мужу Стефану Хоментовскому, белзскому подчашію.

Черезъ три недѣли послѣ смерти Ольбрыхта Кохановскаго, 31 мая 1642 г. состоялся вводъ въ пожизненное владѣніе имѣніями вдовы его Александры. Но она немногимъ пережила мужа. Три года спустя послѣ его смерти, въ процессѣ съ княземъ Заславскимъ, владѣльцемъ Липовца alias Гайсина, уже выступаютъ въ качествѣ истцовъ супруги Хоментовскіе. Но имъ не пришлось долго пользоваться богатымъ наслѣдствомъ послѣ брацлавскаго земскаго судьи. Вскорѣ пронеслась надъ Кохангрaдомъ страшная буря хмельниччины, не оставившая здѣсь камня на камнѣ. Кохангрaдъ стоялъ на одной изъ важныхъ стратегическихъ дорогъ и однимъ изъ первыхъ въ винницкомъ повѣтѣ былъ разрушенъ окончательно. Подробностей катастрофы, поскольку она касается поселеній на рѣчкѣ Кобыльной, не знаемъ. Мы знаемъ только, что винницко-липовецкій трактъ, пролегавшій на Кохангрaдъ, служилъ много разъ военной дорогой для походовъ козацкаго и польскаго войска. Сюда проходилъ Глухъ на выручку осажденному въ Винницѣ Богуну; сюда шла часть полковъ Хмельницкаго подъ Пилявцы; той же дорогой два раза пронеслись страшныя хоругви Чарнецкаго.

Только въ послѣдніе годы XVII ст. явились сюда владѣльцы и, какъ видно изъ инвентарей начала XVIII вѣка, застали здѣсь только пепелища, пустыри и совершенное безлюдье, въ полномъ смыслѣ этого слова. Большой кохангрaдскій замокъ, созданный единственно въ интересахъ войны съ сосѣдними землевладѣльцами, потребовавшій на постройку и вооруженіе массу труда и средствъ, просуществовалъ совершенно безплодно всего двадцать два года. Затѣмъ никто и не думалъ о его возобновленіи. На мѣстѣ прежняго Кохангрaда нынѣ скромное село Кохановка, да на берегу пруда возвышаются внушительныхъ размѣровъ валы, свидѣтельствуя—не знаю—о барской ли прихоти, или же о разнузданности.

Такъ не плодотворно погибло все, что было создано энергіей и трудолюбіемъ Ольбрыхта Кохановскаго. Личность эта, несомнѣнно, выдѣляется изъ своей среды. Дѣятельность его въ винницкомъ повѣтѣ, главнымъ образомъ, посвящена была хозяйственнымъ и мѣстнымъ земянскимъ интересамъ и рѣдко выходила за предѣлы око-

Библиотека "Руниверс"

лотка. Потому его нельзя мѣрить мѣркой польскихъ магнатовъ и сановниковъ, ворочавшихъ судьбами польско-русскихъ провинцій. Онъ принадлежалъ къ многочисленной сѣрой польской массѣ, наводнившей русскія окраины по преимуществу послѣ уніи. Въ этой средѣ онъ выдѣлялся умомъ, трудолюбіемъ, заботливостію и весьма рѣдкой въ то время чертой—кое какимъ уваженіемъ къ законности. Къ сожалѣнію, въ первой половинѣ XVII ст. такіе люди были здѣсь рѣдкимъ явленіемъ.

Ц. Нейманъ.

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго [1]).

Поиски за кондиціями. Профессоръ Гриневичъ.

Для того, чтобы получить кондицію, хоть бы то за столъ и квартиру, нужно было имѣть протекцію и знакомства, а у меня ни того, ни другаго не было. Кто то посовѣтовалъ обратиться къ смотрителю нечерскаго дворянскаго училища Фридману. Иду къ нему. Училище помѣщалось тогда на нечерской базарной площади, въ деревяномъ одноэтажномъ домѣ, съ мезониномъ и палисадникомъ. Самъ смотритель жилъ на мезонинѣ. Вхожу въ переднюю—никого нѣтъ. Я дальше—меня окликнули: кто тамъ? Не отзываясь на окликъ, иду дальше. Вхожу въ слѣдующую комнату—на диванѣ лежитъ въ халатѣ отвратительнѣйшая фигура въ очкахъ, съ искривленною на сторону физіономіей. Взглянувши на меня сердито—пресердито, фигура схватилась съ дивана и исчезла вонъ изъ комнаты, крича на бѣгу во все горло: Иванъ! Иванъ! потомъ дальше на лѣстницу, въ кухню, все продолжая звать Ивана. Я стою среди комнаты и не знаю, что мнѣ дѣлать? Возвращается мой смотритель, въ сопровожденіи Ивана, ложится на диванъ, принявъ совершенно то же положеніе, въ какомъ я засталъ его, и, обратясь къ лакею, сказалъ: „дай мнѣ сигару!“ А сигары лежали тутъ же на столикѣ, подлѣ дивана. Исполнивши свою обязанность, Иванъ не счелъ нужнымъ оставаться въ передней и опять отправился на кухню. Закуривъ сигару, смотритель спросилъ наконецъ, что мнѣ нужно? Я сказалъ, что очень нуж-

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1889 г., № 9, сентябрь.

Библиотека "Руниверс"

даюсь въ кондиціи. Фридманъ заговорилъ со мною по нѣмецки (должно быть выкрестъ, подумалъ я невольно), потомъ по французски, потомъ сталъ экзаменовать меня по латыни. Я съ смиреннымъ видомъ осмѣлился ему замѣтить, что я студентъ и что меня уже подвергали экзамену. „Это, говоритъ, ничего не значитъ: мнѣ нужно, чтобы репетиторъ говорилъ на иностранныхъ языкахъ. Прощайте!“

— Ахъ ты, жидовская образина! выругался я, сходя съ лѣстницы.

Объ этомъ невѣжливомъ и безобразномъ господинѣ по Кіеву ходилъ такой анекдотъ: вышелъ онъ однажды на балконъ въ халатѣ и въ красной фескѣ съ „китыцей“. Сидитъ и куритъ трубку. Возвращаются съ базара крестьяне. Одинъ изъ нихъ обратился къ другому, указывая кнутовищемъ на Фридмана, съ такою рѣчью:

— Онъ бачъ, яка малпа (обезьяна) сыдыть, та ще й люльку пыхкае, бисова вира.

Фридманъ вскакиваетъ, начинаетъ кричать и топать ногами, а крестьянинъ ему: грр, грр! бачъ, яка злюча, бисова малпа!...

Я нисколько не сомнѣваюсь въ истинѣ этого анекдота и не удивляюсь простакамъ, принявшимъ сего ученаго мужа, говорящаго на трехъ языкахъ, со включеніемъ еврейскаго жаргона, за обезьяну— сходство его съ шимпанзе поразительное!

Замѣчательно, что этотъ уродъ пользовался особеннымъ благоволеніемъ начальства и имѣлъ въ Липкахъ обширный кругъ аристократическаго знакомства.

Проходивши весь день и потерпѣвъ вездѣ неудачи, я возвратился на квартиру, сѣлъ на своемъ пустомъ сундукѣ и принялся съ горя за колбасу, привезенную изъ деревни, давши себѣ слово не вкушать отъ стола негодной чиновницы, которая, желая меня скорѣе выжить, даже кровать велѣла вынести, такъ что я долженъ былъ растянуться на полу, отдавъ свое тѣло на съѣденіе плотоядным насѣкомымъ. Но не столько мѣшали мнѣ заснуть эти негодныя твари, сколько самъ хозяинъ, провосвавшій всю почь съ женой и угомонившійся на разсвѣтѣ.

— Я за тебя кровь проливалъ! кричалъ онъ осиплымъ отъ пьянства голосомъ: я тебѣ пенсію выслужилъ, ты меня обязана почитать и уважать! Я моему государю дорого стою—я кавалеръ!..

На другой день я снова отправился на охоту за кондиціями. Зашедши въ соборную залу, я получилъ отъ неделя письмо изъ Москвы.

Библиотека "Руниверс"

Вася Глотовъ просилъ меня побывать у его роднаго дяди, профессора римской словесности Ильи Ѳедоровича Гриневича.

„Познакомься съ нимъ, прибавляетъ онъ, авось онъ тебѣ пригодится“.

Изъ университета я прямо направилъ стопы къ профессору на Кресты. Гриневичъ принялъ меня радушно, какъ земляка, оставивъ у себя обѣдать. Семья у него была огромная: жена и штукъ 8 дѣтей, малъ мала меньше, да пансіонеровъ четверо—два мальчика и двѣ дѣвочки. Сѣли за столъ. Послѣ супу стоявшій за моимъ стуломъ запачканный и босой мальчикъ Микитка, по знаку барина, крикнулъ надъ самымъ моимъ ухомъ: кукуреку! что меня не столько испугало, сколько удивило, что профессоръ заставляетъ своего крѣпостнаго пѣть пѣтухомъ. „Должно быть, большой шутникъ этотъ баринъ“, подумалъ я.

Впродолженіе обѣда хозяинъ нѣсколько разъ вставалъ изъ-за стола и уходилъ въ свой кабинетъ, откуда всякій разъ возвращался облизываясь и покрякивая. Къ концу обѣда онъ совершенно опьянѣлъ и заговорилъ по латыни. Затѣмъ, не попрощавшись со мной, ушелъ и уже не возвращался. Жена просила меня придти вечеромъ—поговорить на счетъ кондиціи, которую Илья Ѳедоровичъ желаетъ предложить мнѣ. Вечеромъ, за чаемъ, мы условились: квартира со столомъ за 7 душъ учениковъ; кромѣ того, заниматься со старшимъ сыномъ Ильюшей по методу Жакотò утромъ отъ 5 до 8 часовъ, а съ остальными тремя мальчиками и тремя дѣвочками послѣ обѣда, сколько влѣзетъ. Выгоды, положимъ, не блистательныя, но торговаться было неумѣстно: бери, что даютъ, коли не хочешь остаться на улицѣ съ пустымъ стомахомъ! Правда, профессоръ намекнулъ мнѣ про богатаго дядюшку своихъ пенсіонеровъ, Павла Петровича Должикова, въ домѣ котораго онъ жилъ, но это былъ лишь журавль въ небѣ.

На другой день утромъ я перевезъ на Кресты свой сундукъ. Меня помѣстили вмѣстѣ съ четырьмя мальчиками въ двухъ небольшихъ комнатахъ, поставивши для меня коротенькую, почти дѣтскую кровать, столикъ, стулъ, да еще одну кровать въ той же комнатѣ для Ильюши.

Илья Ѳедоровичъ Гриневичъ—личность, въ нѣкоторомъ родѣ, историческая. Въ 1816 году, имѣя уже ученую степень магистра,

Библиотека "Руниверс"

онъ вмѣстѣ съ Ковалевскимъ былъ удостоенъ харьковскимъ университетомъ степени доктора философіи; но вслѣдъ за тѣмъ профессоръ Дегуровъ [1]) донесъ министру, что диссертаціи новоиспеченныхъ докторовъ буквально списаны съ печатнаго сочиненія профессора Шада и буквально сходны съ записками студентовъ; вслѣдствіи чего 13 декабря того же года ректоръ получилъ изъ министерства бумагу, въ силу коей отъ Гриневича и Ковалевскаго отобраны докторскіе дипломы, такъ какъ диссертаціи оказались дѣйствительно подложными. Послѣ такого скандала Гриневичу оставаться въ Харьковѣ было неудобно. Ему дали каѳедру въ Ришельевскомъ лицеѣ, а затѣмъ сдѣлали директоромъ кишиневской гимназіи, откуда онъ, не выслуживъ пенсіи, былъ уволенъ въ отставку, съ начетомъ значительной суммы за растрату казеннаго имущества.

По увольненіи изъ университета профессора Якубовича, 27 іюля 1839 года, Гриневичъ подалъ въ совѣтъ прошеніе о предоставленіи ему вакантной каѳедры римской словесности съ приложеніемъ къ нему брошюрки: „Письма о философскихъ предметахъ“ и перевода цицероновой рѣчи „Pro T. A. Milone“. На основаніи отзыва пр. Нейкирха, совѣтъ отказалъ Гриневичу; но онъ вошелъ съ прошеніемъ вторично „о допущеніи его хоть временно къ преподаванію латинскаго языка и словесности и на сей разъ „боголюбивѣйшій совѣтъ“ (такъ выразился Гриневичъ въ прошеніи), допустивъ его къ пробной лекціи „о жизни и сочиненіяхъ Тацита“ и признавъ оную удовлетворительною, предоставилъ ему каѳедру экстраординарнаго профессора, но съ адъюнктскимъ содержаніемъ въ 2300 рубл. асс., съ удержаніемъ 1/3 въ уплату числившейся за нимъ недоимки по кишиневской гимназіи.

Нашедши себѣ пристанище и нѣсколько успокоившись послѣ душевной передряги, я принялся за работу. Меня нисколько не пугали предстоявшіе труды и возня съ бездарными дѣтьми—дѣло для меня привычное: четвертый годъ я промышлялъ репетиціями; но меня

[1]) Во время французской революціи у Робеспьера былъ нѣкоторое время секретаремъ *Дюгуръ*, который, сберегая свою голову, бѣжалъ изъ Парижа и явился въ Россію благонамѣреннымъ эмигрантомъ. Въ Петербургѣ, въ качествѣ дѣтскаго гувернера онъ втерся въ дома вельможъ и скоро очутился профессоромъ харьковскаго университета подъ именемъ *Дегурова*; за доносъ, сдѣланный на сослуживцевъ, попалъ въ ректоры петербургскаго университета, по оттуда былъ выкуренъ попечителемъ

Библиотека "Руниверс"

приводилъ въ смущеніе Жакото. Прошло три дня, а профессоръ не открывалъ мнѣ тайны этого чудотворнаго метода, научающаго говорить и даже писать по латыни незнающаго азбуки. Наконецъ тайна разоблачилась.

Развернувъ Цицерона, профессоръ указалъ на первую катилинарію:

— Съ этого, говоритъ, вы и начнете съ Ильюшей. Прежде всего пусть онъ выучитъ вотъ эту страничку наизусть.

— Позвольте, Илья Ѳедоровичъ, какъ ему выучить, коли онъ еще и латинской азбуки не знаетъ? возразилъ я.

— Въ этомъ то и штука, продолжаетъ ученый мужъ, иронически улыбаясь моему невѣжеству, на этомъ отрывкѣ мой сынъ долженъ научиться не только читать, но и пройти всю грамматику. Только, пожалуйста, не мудрствуя лукаво, дѣлайте такъ, какъ я вамъ предлагаю: пусть прежде выучитъ эту страничку наизусть.

— Не знаю, какъ это сдѣлать, а впрочемъ попробуемъ. Скачы, враже, якъ панъ каже! говорятъ у насъ за Днѣпромъ.

— Да, любезнѣйшій, займитесь съ моимъ сыномъ по методѣ Жакото—это и вамъ пригодится, когда вы будете учителемъ.

Преподавши такой мудреный способъ ученія, Илья Ѳедоровичъ ушелъ и я не видѣлъ его цѣлую недѣлю ни дома, ни на лекціяхъ: значитъ, получилъ жалованье и запилъ.

Принялся я за Ильюшу крѣпко. Будилъ его въ 5 часовъ и мучилъ латынью до 8. Вопреки данной мнѣ инструкціи, я сперва научилъ его читать, а потомъ уже, въ угожденіе папашѣ, заставилъ выучить полстраницы на память, такъ что онъ, какъ попугай, преизрядно барабанилъ; Quousque tandem, Catilina... даже съ повышеніями и съ пониженіями голоса на указанныхъ ему словахъ.

Когда профессоръ, по выздоровленіи, пришелъ въ нашу комнату, то былъ пріятно удивленъ быстрыми успѣхами своего сына. Затѣмъ, принялись за грамматику тѣмъ же рутиннымъ способомъ, т. е. съ помощію учебника, о чемъ профессоръ не долженъ былъ знать, возложивъ все упованіе на фокусника Жакото.

Уваровымъ и поселился въ Одессѣ, выстроилъ домъ и продалъ городу свою библіотеку, состоящую изъ 6846 томовъ, похищенныхъ „благопріобрѣтеннымъ способомъ“ изъ библіотекъ университетовъ харьковскаго и петербургскаго и частныхъ боярскихъ библіотекъ, какъ показывали этикеты. (См. „Рус. Старина“ 1888 г. № 9, стр. 589).

Библиотека "Руниверс"

Занявшись битыхъ три часа съ Ильюшей, я отправлялся на лекціи, а послѣ обѣда усаживалъ за столъ всѣхъ своихъ питомцевъ и если не случалось послѣобѣденной лекціи, возился съ ними до самаго ужина. Профессоръ взвалилъ на меня всѣ предметы, не исключая и Закона Божія, оставивъ за собой только новѣйшіе языки, но съ дѣтьми никогда не занимался, возложивъ эту обязанность на профессоршу.

Видя мое усердіе, или точнѣе ослиное терпѣніе, въ нескончаемой вознѣ съ избалованными дѣтьми и не будучи въ состояніи вознаградить меня, сообразно моему труду, профессоръ свелъ меня однажды съ дядюшкой своихъ пансіонеровъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы онъ отъ себя назначилъ мнѣ какой нибудь гонораръ. Это былъ никто другой, какъ извѣстный кіевскимъ старожиламъ аферистъ Павелъ Петровичъ Должиковъ, съ именемъ котораго связано воспоминаніе о его пресловутой библіотекѣ, съ вывѣской: „Аптека для души“.

— Извольте, живо согласился Павелъ Петровичъ, я съ моимъ удовольствіемъ могу вамъ отъ себя дать сто рублей асс. въ годъ.

— Да мнѣ, говорю, теперь нужны деньги, я, какъ видите, до сихъ поръ не имѣю форменнаго сюртука и не заплатилъ за матрикулъ. (А о томъ, что я уже двѣ недѣли хожу въ университетъ на собственной подошвѣ, я, конечно, молчалъ).

— Теперь, говоритъ, при мнѣ нѣтъ денегъ, а вотъ я ужо приду, тогда и... до свиданія!

Да какъ ушелъ, то я его больше и въ глаза не видалъ.

Находясь въ такой крайности, я, скрѣпя сердце, обратился за помощью къ своему зятю В. Ф. Слищенку, прося его выслать мнѣ 20 рублей, или хоть сколько можно, но не дождавшись отъ него отвѣта, воспользовавшись сумятицей, поднятой въ университетѣ пріѣздомъ министра Уварова, я махнулъ за Днѣпръ, въ надеждѣ поживиться на счетъ кармана лѣсничаго, „чтобы заткнуть ротъ“ инспектору, недававшему мнѣ проходу и грозившему исключеніемъ.

Допхавшись на дубѣ до Староселья, я вышелъ на берегъ, надѣясь скорѣй добраться до Сваромья сухопутью, но на мою бѣду обывательскихъ лошадей въ селѣ не случилось и я долженъ былъ цѣлыхъ 10 верстъ плестись на волахъ. Это было въ половинѣ октября, холодъ былъ страшный, а ѣхать мнѣ пришлось лугомъ по-

Библиотека "Руниверс"

надъ Днѣпромъ. Чтобы защитить меня отъ стужи, сердобольный возница, привернувши до стога, взвалилъ на меня съ полкопицы сѣна и мнѣ стало такъ тепло, что я проспалъ большую часть дороги. Наконецъ, сквозь сладкую дремоту, мнѣ послышался знакомый лай Милорда: волы подъѣзжали къ крыльцу лѣсничаго.

— А що? сѣнца мени привизъ? вопрошаетъ лѣсничій возницу, вышедши на крыльцо съ перомъ за ухомъ.

— Ни, ваше благородыя—я вамъ панка привизъ!

Не успѣлъ лѣсничій спросить: а дежъ твій панокъ? какъ я, сбросивши съ себя сѣно, предсталъ предъ нимъ во всей красѣ своей. Толстякъ лѣсничій расхохотался такой „студентской штукѣ“, а у кузины на глазахъ навернулись слезы: какъ видно, она въ моемъ путешествіи на волахъ въ холодъ и стужу, въ одной шинелишкѣ, подбитой вѣтеркомъ, усмотрѣла не одну „студентскую штуку“. Вошли въ комнату. Прежде чѣмъ я заикнулся о цѣли своего пріѣзда, скаредъ лѣсничій, а за нимъ и его дражайшая половина, еще большій скаредъ, догадавшись въ чемъ дѣло, затянули унисономъ дуэтъ на тему: „какъ трудно жить на свѣтѣ“, съ нескончаемыми варіаціями, въ которыхъ слышались жалобы на большіе расходы, малое жалованье и т. п.

Жестоко и противно евангельскому слову отказывать въ помощи просящему; но отказывать нуждающемуся прежде, чѣмъ онъ успѣетъ открыть ротъ о своей нуждѣ — безчеловѣчно. А вѣдь люди они были очень и очень не бѣдные. У нихъ порядочное свое состояніе да казенный лѣсъ при большой сплавной рѣкѣ, уносящей внизъ по теченію строевыя и нестроевыя деревья, о которыхъ не вѣдали ни ревизоры, ни управляющій палатой государственныхъ имуществъ, но о которыхъ извѣстно было мнѣ доподлинно. Притомъ, я былъ вправѣ не просить, а требовать за свои прежніе труды хоть какое нибудь вознагражденіе, но считая себя уже достаточно облагодѣтельствованнымъ пошитьемъ шинели и присылкой якобы за мной лошадей, я, скрѣпя сердце, вернулся въ Кіевъ, съ тѣмъ съ чѣмъ оттуда выѣхалъ, а всего то и нужно было 7 р. 50 к.— заплатить за матрикулъ.

Библиотека "Руниверс"

Вытерпѣвъ грозу отъ инспектора за самовольную отлучку изъ города, о чемъ не преминулъ отрапортовать ему подлый педель, я, въ ожиданіи денегъ отъ зятя, принялся снова за свои занятія.

Наканунѣ моего возвращенія, 23 октября, инспекторъ донесъ попечителю, что студенты Малеванскій, Полтовичъ, Яровой, Р—ій и Бурцовъ пришли въ институтъ пьяные; попечитель доложилъ министру, а тотъ приказалъ немедленно исключить ихъ изъ университета. Съ первыхъ же словъ инспектора я замѣтилъ, что онъ хочетъ подвести меня подъ одну категорію съ этими забіяками, но выслушавъ мое оправданіе, онъ смягчился и рѣшилъ исключеніе замѣнить карцеромъ. Между тѣмъ министръ уѣхалъ, деньги за матрикулъ уплачены и я остался на свободѣ.

Профессоръ мой каждое первое число продавался запою. Семейство нуждалось страшно. Если бы не помогали ему добрые люди, то, при адъюнктскомъ содержаніи, съ удержаніемъ изъ него третьей части, едва ли бы дожилъ до половины мѣсяца и намъ всѣмъ приходилось бы плохо. Сколько мнѣ извѣстно, ему оказывали матеріальную поддержку преосвященный Иннокентій, профессоръ астрономіи Ѳедоровъ и знакомый всему городу „эмеритъ“ Абламовичъ. О послѣднемъ не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ.

Бывшій профессоръ физики въ кременецкомъ лицеѣ, долгое время путешествовавшій на счетъ виленскаго университета по Европѣ, а по закрытіи лицея переведенный въ университетъ св. Владиміра, Абламовичъ, по выходѣ въ отставку въ 1839 году, навсегда поселился въ Кіевѣ. Кто не зналъ въ началѣ 40-хъ годовъ этого антика? Проводя весь день на улицѣ, „эмеритъ“ только спалъ въ своей квартирѣ. Излюбленнымъ мѣстомъ его пребыванія былъ мостъ (гдѣ нынѣ никольскія крѣпостныя ворота): тутъ онъ обыкновенно стоялъ, облокотившись о перила, окруженный толпой студентовъ, рѣдкій изъ которыхъ, проходя по мосту, не былъ остановленъ словоохотливымъ старикомъ. Собравъ такимъ образомъ довольно людную аудиторію, профессоръ начиналъ свои нескончаемые разсказы и анекдоты, длившіеся до тѣхъ поръ, пока призывный звонокъ на лекціи не прерывалъ ихъ до слѣдующаго дня. А ему, какъ очевидцу французской революціи 1830 года и за тѣмъ польской, было о чемъ поразсказать и молодежь слушала его съ большимъ интересомъ. Да

Библиотека "Руниверс"

и наружность эмерита была внушительная: онъ сохранилъ и свой профессорскій костюмъ (suknia akademicka), и остатокъ длинныхъ волосъ, когда то обильно разсыпавшихся по плечамъ, и даже свою традиціонную трость.

Оставшись на мосту одинъ, физикъ подзывалъ извощика и за четвертакъ велѣлъ ему ѣхать на Подолъ. Но едва тотъ тронется съ мѣста — „стой! стой!“ кричитъ профессоръ: знакомый попался на встрѣчу. Сидитъ себѣ на дрожкахъ и балагуритъ добрыхъ полчаса; потомъ, проѣхавши немного, опять останавливаетъ возницу и такимъ образомъ ѣдетъ на Подолъ добрыхъ два часа, да оттуда почти столько же, а тамъ и обѣдать пора. Если же случалось ему залучить кого нибудь въ квартиру, то гость въ другой разъ не скоро къ нему заглянетъ.

Разъ Илья Ѳедоровичъ попросилъ меня отнесть къ Абламовичу письмо. Жилъ тогда „эмеритъ“ на Московской улицѣ, занимая мезонинъ деревяннаго дома съ балкономъ на улицу. Это было вечеромъ. Засталъ я старика за чаемъ. Прочитавъ наскоро посланіе (рѣчь шла о деньгахъ), онъ спросилъ мою фамилію. Я назвалъ себя.

— А знаете ли вы, молодой человѣкъ, откуда „походитъ“ ваша фамилія?

— Есть, отвѣчаю, народная дума „Про Саву Чалого“, но едва ли можно доказать...

— Нѣтъ, вы меня старика послушайте: я вамъ историческимъ путемъ „выложу и доведу“ происхожденіе вашей фамиліи.

И началъ онъ свое историческое изслѣдованіе, чѣмъ бы вы думали? Походомъ Святослава на Византію! Слушалъ я его болтовню битыхъ два часа и неизвѣстно, долго ли еще пришлось бы слушать, если бы меня не выручилъ пришедшій къ нему гость. Я откланялся и ушелъ, пообѣщавъ зайти въ другой разъ дослушать генеалогію моихъ предковъ.

Чѣмъ дольше я жилъ у Гриневича, тѣмъ невыносимѣе становилось житье мое. Помимо вѣчной возни съ дѣтьми, онъ заставлялъ меня переписывать свои „философическія письма“, которыя, по его словамъ, долженствовали просвѣтить меня великими истинами. Объемистая тетрадь моего писанья, яко бы просмотрѣнная и одобренная

Библиотека "Руниверс"

Иннокентіемъ, должна была появиться въ свѣтъ второю брошюрой. (первая напечатана была прежде въ Одессѣ). Содержаніе этихъ писемъ, если только они не переводъ съ французскаго, по всей вѣроятности, принадлежитъ профессору Шаду. Коли въ 1815 г. Илья Ѳедоровичъ не стѣснился склеить свою докторскую диссертацію изъ лекцій своего профессора еще при его жизни, то спустя 25 лѣтъ, по смерти Шада, онъ смѣло могъ выдать его философію за свою.

Профессоръ Шадъ человѣкъ замѣчательный. Въ 1814 году Шиллеръ и Гете рекомендовали его министру народнаго просвѣщенія, какъ знаменитость, и онъ получилъ каѳедру философіи и естественнаго права въ харьковскомъ университетѣ. Въ сочиненіяхъ его: „De viris illustribus Romae“ и „Institutiones juris naturae“ министерство усмотрѣло вредное направленіе, вслѣдствіе чего въ 1816 году Шадъ былъ высланъ за границу: его не спасли ни Шиллеръ, ни Гете. Мысли, показавшіяся опасными нашимъ охранителямъ тогдашняго времени, заключались между прочимъ въ слѣдующемъ: „Рабство, говоритъ Шадъ, въ собственномъ смыслѣ, по которому человѣкъ разсматривается, какъ вещь, противорѣчитъ естественному праву, хотя, съ другой стороны, были и теперь есть господа, считающіе своимъ правомъ отнимать у рабовъ своихъ не только имущество, но и жизнь и не признающіе за рабами личнаго человѣческаго права; однако такое убѣжденіе противно общественной жизни, какъ не основанное на общемъ благѣ“. (см. „Р. Мысль“ 1884, 2).

Казалось бы, что ученикъ такого гуманнаго профессора долженъ бы былъ весь проникнуться его высокими идеями, но къ сожалѣнію, сочиненія этого ученаго не имѣли на него ни малѣйшаго вліянія.—У нашего голяка-профессора римской словесности, по примѣру древнихъ римлянъ, были свои рабы, въ классическомъ значеніи этого слова. Несчастная семья его крѣпостныхъ людей состояла изъ дворника, его жены кухарки, горничной и 12-ти лѣтняго пѣтуха Микитки. Бѣдственное положеніе этихъ илотовъ едва ли можно вообразить. Вѣчно голодные, оборванные, съ синяками отъ побоевъ, которыми ихъ щедрою рукой почти ежедневно надѣлялъ ученый палачъ профессоръ—право они, не походили даже на людей. Особенно претерпѣвала кухарка Мавра. Какъ только придетъ съ

Библиотека "Руниверс"

базара и станетъ отдавать отчетъ въ покупкахъ—и начнется истязаніе за какіе нибудь гроши. Эта бѣдная, забитая, замученная женщина, сдавая отчетъ, постоянно себя обсчитывала, путаясь и сбиваясь отъ страха. Пользуясь ея замѣшательствомъ, ее тутъ же уличали въ воровствѣ и нещадно били по щекамъ. Однажды, въ моемъ присутствіи, произошла такая расправа:

— А позвать ко мнѣ Мавру! прорекъ профессоръ.

Въ залу вошла, трясясь какъ въ лихорадкѣ, исхудалая, беременная женщина и остановилась у порога. Начался инквизиторскій допросъ, „съ пристрастіемъ“.

— Ты зачѣмъ своему щенку господское молоко даешь?

— Богъ мене накажи, я только двѣ ложечки дала слабой дытыни, щобъ перестала плакать—взмолилась Мавра, обливаясь слезами.

— А а, двѣ ложечки! двѣ ложечки? Становись на колѣни! Микитка! бей матку по щекамъ, да хорошенько! такъ ее, такъ! еще! еще! приговаривалъ профессоръ, поощряя идіота.

Но и этого показалось мало: самъ баринъ собственноручно далъ ей въ придачу нѣсколько паль лежавшей на учебномъ столѣ линейкой. Я не могъ вынести такого безчеловѣчія и оставивъ учениковъ, опрометью пустился бѣжать изъ дому; но куда?...

Кругомъ нашей квартиры гнѣздились дома терпимости; это были знаменитые во время о́но „Кресты“, гдѣ по цѣлымъ ночамъ совершались безобразнѣйшія оргіи. Дикія завыванія надорванныхъ, пьяныхъ голосовъ; громъ и трескъ проломленныхъ дверей, разбитыхъ оконъ; львиное рыканіе разгулявшагося купца; вопли и визгъ избиваемыхъ женщинъ—нерѣдко среди ночи пугали дѣтей и сокращали время, остававшееся у меня для сна, послѣ изнурительныхъ занятій. Самъ хозяинъ мой, предаваясь запою, въ присутствіи жены и дѣтей приставалъ съ любезностями къ кормилицѣ, красивой, дородной женщинѣ, произнося такія слова, какія только можно было услышать въ сосѣднихъ домахъ. Дѣти такъ привыкли къ подобнымъ безобразіямъ, что и себѣ иногда позволяли непечатную брань и рукопашную расправу съ прислугой. За это я сталъ съ нихъ взыскивать, къ великому неудовольствію родителей, не находившихъ въ такомъ поведеніи мальчиковъ ничего безнравственнаго.

Библиотека "Руниверс"

Скоро у моихъ питомцевъ обнаружились нѣкоторые пороки, которымъ научилъ ихъ Микитка. Вслѣдствіе этого способности моего воспитанника день ото дня замѣтно тупѣли: память слабѣла, соображенія не стало вовсе—и съ виду сталъ онъ все болѣе походить на идіота Микитку. Очевидно, наши успѣхи въ латинскомъ языкѣ не только не подвигались впередъ, но пошли назадъ: онъ сталъ забывать и то, чему я успѣлъ научить его съ такими пожертвованіями, въ ущербъ своимъ собственнымъ занятіямъ. Терпѣніе мое наконецъ лопнуло.

Однажды, пробившись съ нимъ по пусту два часа и не видя ни малѣйшаго прогресса въ его успѣхахъ, я вспылилъ. Вырвавъ изъ рукъ его книгу, бросилъ ее въ уголъ, прибавивъ въ сердцахъ: „тебя и самъ дьяволъ ничему не научитъ, если ты не перестанешь дѣлать гадости! Выйдетъ изъ тебя такой же дурень, какъ Микитка“.

Одѣвшись наскоро, я ушелъ изъ дому, не зная самъ, что дѣлать съ собой и куда бѣжать отъ этого вертепа? Но развязка, сверхъ моего чаянія, воспослѣдовала очень скоро. Послѣ обѣда, едва я успѣлъ войти въ свою комнату, ко мнѣ влетѣлъ профессоръ.

— А ты, говоритъ, какъ смѣлъ бранить моего сына? Ты—мужикъ, а онъ сынъ статскаго совѣтника!

Не помня себя, я схватился за чубукъ и сдѣлалъ, въ свою очередь, наступленіе на профессора, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ поучить этого пьянаго философа болѣе вѣжливому обращенію съ учителемъ его дѣтей; но къ счастію нашему, на нашъ крикъ прибѣжала профессорша и увлекла свое пьяное сокровище въ спальню, заперевъ за нимъ двери.

Выскочивъ на улицу безъ шапки, я подозвалъ извощика, уложилъ свою мизерію и „отряхше прахъ отъ ногъ своихъ“, покинулъ навсегда жалкое семейство профессора, оставивъ ему на бѣдность и тѣ три карбованца, которые онъ у меня взялъ до полученія жалованья.

Библиотека "Руниверс"

Квартира со столомъ на 2 р. 83 к. въ мѣсяцъ.

Nos sumus bursacia: штанцисque рубацисque caremus, et вошь perpetuo тило cusare soleBat.

(Изъ семинарской латыни).

Выбравшись изъ невылазной грязи Крестовскаго проулка на главную тогда Московскую улицу, извощикъ остановилъ лошадь и предложилъ для него весьма обыкновенный, а для меня неразрѣшимый вопросъ: „куда прикажете—на право, или на лѣво?“

— Постой, мой другъ, дай подумать, отвѣчалъ я.

Минутъ пять простоялъ извощикъ, не двигаясь съ мѣста, а я все еще не рѣшилъ, куда мнѣ ѣхать. Наконецъ, поуспокоившись немного отъ сильнаго волненія, я вспомнилъ квартиру двухъ студентовъ-юристовъ, моихъ однокурсниковъ, изъ переяславской семинаріи. Жили они на Никольской улицѣ въ домѣ вдовицы Тевѣшовой, во дворѣ, рядомъ съ кухней, въ двухъ крохотныхъ комнатахъ, на своемъ продовольствіи.

— Валяй на Никольскую!

Оставивъ извощика у воротъ съ своимъ скарбомъ, я вошелъ къ студентамъ: „такъ и такъ, говорю, скверно, пустите, ради Христа, на квартиру, что будетъ слѣдовать—заплачу, когда будутъ деньги, а теперь—нема!“

Старѣйшій изъ студентовъ, съ которымъ я былъ знакомъ нѣсколько короче, назывался Архипомъ Елисеевичемъ Бѣлоконовымъ, а младшій—Иларіономъ Иларіоновичемъ Менделевымъ.

— Какъ вы полагаете, Иларіонъ Иларіоновичъ, обратился старѣйшій къ своему коллегѣ: я думаю, можно ихъ принять?

— А можно, отозвался изъ другой комнаты товарищъ, игравшій въ это время на гитарѣ: только разскажите имъ, Архипъ Елисеевичъ, о нашемъ обѣдѣ, можетъ имъ не понравится?

На это я сказалъ, что мнѣ приходилось жить и вовсе безъ обѣда, а потому я буду доволенъ всякимъ кушаньемъ.

Аккуратнѣйшій во всемъ, какъ нѣмецъ, Архипъ Елисеевичъ принялся на лоскуткѣ бумаги дѣлать разсчетъ, сколько выйдетъ провизіи на троихъ въ мѣсяцъ и что придется на мою долю.

Библиотека "Руниверс"

— Я это дѣлаю для того, прибавилъ онъ, чтобы послѣ не вышло между нами какого нибудь недоразумѣнія.

По сдѣланному исчисленію расходовъ, оказалось, что я долженъ вносить въ общую кассу за столъ и квартиру 2 р. 83 коп. въ мѣсяцъ. Обрадовавшись такой находкѣ, я расцѣловалъ Архипа и тотчасъ же перетащилъ свой сундукъ въ первую комнату и принялся устраивать себѣ логово, выпросивши у хозяйскаго кучера два куля соломы.

Разговорившись съ моими новыми сожителями, я узналъ нѣкоторыя подробности изъ ихъ біографій. А. Е. Бѣлоконовъ, сынъ сельскаго дьячка, готовилъ себя во іерея. По окончаніи переяславской семинаріи, онъ женился на приходѣ и, проведши съ женой всего три недѣли, уѣхалъ въ Кіевъ рукополагаться. Пока успѣлъ онъ ублаготворить консисторію да архіерейскихъ келейниковъ, прошло еще двѣ недѣли. Наканунѣ дня, назначеннаго для посвященія, Архипъ Елисеевичъ получилъ отъ отца письмо, извѣщавшее его, что молодая жена „скоропостижно умре“. Къ счастію, письмо пришло во́ время, а то пришлось бы молодому вдовцу идти въ монастырь. Потерпѣвши крушеніе, А. Е. опредѣлился учителемъ въ бурсу, а потомъ, съ помощію О. М. Новицкаго, бывшаго профессора переяславской семинаріи, былъ принятъ въ университетъ.

Иларіонъ Иларіоновичъ, уроженецъ Переяслава, хотя и происходилъ изъ дворянъ, но семинарское воспитаніе наложило и на него неизгладимую печать „духовнаго“ типа. Сестра его была замужемъ за священникомъ одной изъ переяславскихъ церквей, да и братцу ея слѣдовало бы идти во священники по его аскетическимъ наклонностямъ.

И стали мы жить да поживать втроемъ, на артельныхъ началахъ, какъ живали въ старину кіевскіе бурсаки, у которыхъ сложилось такъ много характерныхъ изреченій, съ примѣсью варварской латыни, въ родѣ приведенной выше.

Архипъ нашъ былъ образцовымъ экономомъ. Самъ ежедневно ходилъ на базаръ, приносилъ провизію, заказывалъ кухаркѣ обѣдъ (за что она получала 75 к. ас. въ мѣсяцъ), а вечеромъ въ собственной грубкѣ готовилъ ужинъ. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ, а иногда изъ одного блюда, а на ужинъ варился кулишъ или кутья.

Библиотека "Руниверс"

Чай пили по воскресеньямъ и по большимъ праздникамъ, табакъ каждый обязанъ былъ имѣть свой.—Разъ у меня случилось безтабачье, и я нѣсколько дней не курилъ. Архипъ, какъ на зло, купилъ себѣ четверку Мусатова, стоившую гривенникъ. Одолжаться я не привыкъ, а гривенника не было. Но какъ по пословицѣ: голь на выдумки хитра, то и я пустился на хитрости. Въ печкѣ у насъ трещалъ огонь и готовился кулишъ со снятками.

— А съ чѣмъ у насъ, А. Е—чъ, будетъ сегодня кулишъ? спрашиваю я.

— Со снятками, освѣчаетъ онъ добродушно.

— Что жъ положили уже въ горшокъ снятковъ?

— Нѣтъ, еще рано—пусть закипитъ.

— Да вы вѣрно забыли—тамъ уже есть снятки.

— Нѣтъ, отвѣчалъ съ увѣренностію коллега, ихъ тамъ нѣту, я еще не бросилъ.

— Да увѣряю васъ, вы позабыли—давайте на пари.

— Извольте, я согласенъ—о чемъ же?

— Ну хоть о полпачкѣ Мусатова!

Менделевъ рознялъ наши руки. Помѣшали ложкой въ горшкѣ—тамъ дѣйствительно оказались снятки, брошенные мною тайкомъ отъ Архипа.

— А—плутъ, Михайло Корніевичъ! съ добродушнымъ смѣхомъ воскликнулъ коллега, разрѣзая ножикомъ на двѣ равныя части пачку табаку, и мы, сидя у печки, закурили каждый свой собственный табакъ, не прибѣгая къ одолженіямъ.

Въ концѣ ноября въ сборной залѣ пронесся слухъ, что въ институтѣ казеннокоштныхъ студентовъ открылась вакансія. Одинъ изъ студентовъ натворилъ много безобразій, принявъ дѣятельное участіе въ „Крестовыхъ походахъ“, такъ что терпѣть его въ закрытомъ заведеніи не было возможности. На открывшуюся вакансію объявленъ конкурсъ. Соискатели обязаны были выдержать полугодичный экзаменъ; получившій лучшіе баллы занимаетъ вакантное мѣсто. Охотниковъ до казеннаго хлѣба нашлось не мало, но половина ихъ отстала послѣ перваго же экзамена. Остались два словесника, юристъ и математикъ. Сознавая всю важность предстоявшаго мнѣ испытанія, я употребилъ нечеловѣческія усилія, чтобы побороть своихъ соперниковъ. Пройдено втеченіе полугодія было очень

Библиотека "Руниверс"

много, а у меня, человѣка кабальнаго, сверхъ того, оказалось много пробѣловъ. Я принялся за дѣло энергически и одержалъ верхъ надъ соискателями, получивъ полные баллы по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ, впрочемъ, греческаго языка, которому я началъ учиться съ азбуки. Но дѣло этимъ не окончилось; нужно было ждать засѣданія совѣта, отъ котораго зависѣло опредѣленіе въ институтъ. До праздника Рождества оно не состоялось. Товарищи мои уѣзжали на кутью домой—въ полтавскую губернію; мнѣ же приходилось оставаться одному въ нетопленной квартирѣ, безъ обѣда.

Но вотъ 22 декабря, „порой межъ волка и собаки“ нежданно негаданно, въ комнату вползла волчья шуба, вся побѣлѣвшая отъ мороза. Это былъ лѣсничій, пріѣхавшій якобы съ цѣлію взять меня къ себѣ на праздники. Но дѣло не въ томъ, по своей ли надобности пріѣхалъ въ Кіевъ лѣсничій, или ради меня, а пріѣзду его я очень обрадовался.

Когда я обратился къ своему „благодѣтелю“ съ просьбой уплатить за меня малую толику моимъ сожителямъ, спасшимъ меня отъ голодной смерти, толстяка немножко покоробило и онъ, по привычкѣ, собирался уже съ духомъ отказать мнѣ, но не давши ему выговорить ни слова, я поспѣшилъ присовокупить къ своей просьбѣ, что только слѣдовало заплатить 2 р. 83 коп.—и физіономія моего лѣсничаго просіяла.

Для сокращенія расходовъ уѣзжалъ я въ Сваромье на цѣлый мѣсяцъ, поручивъ одному земляку—студенту слѣдить за ходомъ моего дѣла и ежели мое присутствіе въ Кіевѣ окажется необходимымъ, то чтобы онъ извѣстилъ меня.

Предъ отъѣздомъ я узналъ, что Илья Ѳедоровичъ уволенъ отъ должности. Почтенному Нейкирху таки удалось спихнуть съ каѳедры Гриневича и посадить Деллена. Да и какъ „не порадѣть родному человѣчку?“ Но кромѣ того увольненію „моего“ профессора не мало содѣйствовалъ ректоръ Неволинъ, доложившій министру, что этотъ горе-профессоръ служитъ только посмѣшищемъ для студентовъ. Павелъ Петровичъ поспѣшилъ отобрать отъ него дѣтей и выгналъ изъ своего дома, съ помощію полиціи.

Бѣднякъ профессоръ жилъ съ семействомъ разными пожертвованіями, на Графскомъ переулкѣ, въ тѣсной и сырой квартирѣ, по-

Библиотека "Руниверс"

томъ переселился на жительство въ Одессу. Тамъ въ 1849 году я нашелъ его на Молдаванкѣ въ крайне бѣдственномъ положеніи.

Печальная судьба постигла его несчастныхъ сыновей: Ильюша умеръ въ домѣ умалишенныхъ; Сережа въ домѣ родителей отъ той же страшной болѣзни. Отомстилъ Микитка за свои обиды, жестоко, отомстилъ [1]).

Зимній мѣсяцъ въ Сваромьѣ.

Дѣлу время и потѣхѣ часъ.

Лѣсничій во время Рождественскихъ праздниковъ затѣялъ во ввѣренныхъ его опеканію лѣсахъ большую охоту на козъ. Ѣдучи изъ Кіева, мы завернули по пути въ Межигорье. Хотя между чиновниками фаянсовой фабрики не было ни одного настоящаго охотника, но они всѣ изъявили готовность участвовать, если не въ убіеніи дикихъ козъ и тетеревей, то въ истребленіи ихъ мяса, до котораго они были большіе охотники. Переночевавши у любезнаго кума Ивана Маркевича, мы на другой день, въ сопровожденіи всего фабричнаго beau mond'a, размѣстившись на трехъ саняхъ, лихо покатили въ Сваромье. Хотя до праздника оставалось еще два дня, но это нисколько не воспрепятствовало гостямъ провесть эти дни по праздничному. Всѣ они были страстные любители юрдона (извощичья игра въ три листика, довольно азартная): какъ засядутъ съ утра, то просидятъ до обѣда, а отъ обѣда до ужина, а отъ ужина до первыхъ пѣтуховъ. Обходя свой приходъ съ молитвой, къ намъ завернулъ и батюшка о. Василій и притащилъ съ собою порядочный гаманецъ съ вырученными за молитву мѣдяками. Долго смотрѣлъ онъ на играющихъ, не принимая въ игрѣ участія, все порываясь идти домой, но сердце не камень—примостился и онъ. Какъ застукали его межигорцы, какъ сталъ мой батюшка таскать

---

[1]) По наблюденіямъ англійскихъ врачей, на 300 дѣтей съ припадками умопомѣшательства 145 происходили отъ родителей, преданныхъ пьянству; значитъ, не одинъ Микитка былъ причиной погибели дѣтей пьяницы—профессора.

Библиотека "Руниверс"

изъ мѣшка пятаки, то только благодаря внезапно налетѣвшей попадьѣ, онъ не проигралъ всего, что принесъ съ собою. Влетѣла матушка въ комнату, какъ фурія, схватила почти пустой мѣшокъ, ругнула всю честную компанію и ушла. Сконфуженный попъ поплелся вслѣдъ за ней, понуривъ голову.

На первый день праздника прибыли еще кой какіе гости и въ числѣ ихъ начальникъ лаврскихъ озеръ изъ Тарасовичъ. Славился онъ на всю округу необычайной крѣпостью головы, въ отношеніи спиртныхъ напитковъ. Споить его, что называется, до положенія ризъ не было никакой возможности, сколько ни старались о томъ гостепріимные лѣсничіе. Я вызвался опровергнуть такое нелѣпое мнѣніе о святомъ отцѣ и выкинулъ еще одну „студентскую штуку“.

Не принимая участія въ юрдонѣ, я пригласилъ о. Иліодора въ особую комнату, чтобы и не смотрѣть на богомерзкую игру сію, и заняться душеспасительною бесѣдой, вдали отъ мірскихъ соблазновъ. Монахъ поддался на такія умныя словеса, ввѣривъ свою особу моимъ попеченіямъ. Я потребовалъ маленькій дорожный самоваръ и собственноручно принялся наставлять его; но вмѣсто воды, налилъ половину спирту. Самоварчикъ мой скоро закипѣлъ, и я приготовилъ монашескій пуншикъ.

— Охъ, какой же крѣпкій! воскликнулъ, прихлебнувши, инокъ: позвольте водицы подбавлю.

Подливъ воды и прибавивъ сахару, онъ опять хлебнулъ—не помогаетъ. Отпивши изъ стакана малую толику, снова подбавилъ водицы—все таки крѣпокъ. Совершивъ нѣсколько разъ такую операцію, онъ уже и жаловаться пересталъ на крѣпость пунша, утративъ способность вкуса, а черезъ нѣсколько минутъ потерялъ и сознаніе.

— Готовъ съ! отрапортовалъ я гостямъ, вошедши въ гостинную: не угодно ли будетъ экспертамъ освидѣтельствовать?

Экспертиза показала, что крѣпкоголовый „начальникъ“, въ противность убѣжденію всей честной компаніи, былъ какъ стелька.

— Боже мой! Боже мой! бормоталъ онъ безсвязно: вы всѣ—въ мірѣ, а я монахъ. Что жъ скажутъ *тамъ*? Постыдно будетъ мнѣ окаянному стоять тамъ позади всѣхъ. Ты, скажутъ, монахъ, а что ты въ мірѣ творилъ, непотребный?

Библиотека "Руниверс"

Замѣтивъ меня между гостями, онъ закричалъ:

— Отойди отъ мене, сатано! Не искушай меня! Охъ, Боже мой! Боже мой! Уси бачать, якъ чернець гришыть, а нихто не бачыть, якъ винъ кается!... и т. д.

Въ числѣ гостей было два „академика“ изъ Кіева, съ нарочито торжественными физіономіями, самодовольные и надутые своею ученостію, какъ истые бурсаки, говорившіе объ однихъ только важныхъ матеріяхъ возвышеннымъ слогомъ. Одинъ изъ нихъ, кажется, Воскресенскій, въ вицъ-мундирѣ съ бѣлыми пуговицами, отрекомендовался мнѣ „будущимъ баккалавромъ“, хотя ему до окончанія академическаго курса оставалось еще полгода, а я, съ своей стороны, отрекомендовался „будущимъ“ министромъ народнаго просвѣщенія. Другой—тоже какой то праздникъ—Введенскій или Вознесенскій—готовилъ себя въ миссіонеры, безпрерывно полемизируя съ старымъ землемѣромъ Богданомъ Ивановичемъ Ланге о лютеранскихъ догматахъ, должно быть намѣреваясь обратить его, въ видѣ опыта, въ православіе. Тутъ былъ и актеръ—забулдыга Мастицкій, прошедшій огонь и воду и мѣдныя трубы. Все время онъ подразнивалъ монаха.

Между тѣмъ межигорцы вотъ уже четвертый день все потѣютъ за юрдономъ. Ѣдятъ по четыре раза въ день, пьютъ безъ счету вино и наливки, приправляя всѣ сіи упражненія банальными остротами и анекдотами, отъ которыхъ женщины краснѣли и уходили въ другую комнату. На третій день праздника все это сонмище повалило въ Межигорье. Мнѣ пришлось ѣхать въ однихъ саняхъ съ кузиной и кутать ее отъ мороза въ волчью шубу лѣсничаго. Въ Межигорьѣ мы славили Христа цѣлыхъ три дня: у каждаго чина нужно было побывать непремѣнно. Насъ закормили на смерть, такъ что уѣхали мы въ Сваромье, страдая животами. Домъ каждаго межигорца былъ полная чаша; обѣды гомерическіе; наливки—вкусомъ и ароматомъ амврозію превосходящія. Развеселое житье!

Вернувшись домой, лѣсничій засталъ письмо изъ Новгородка. Прочелъ его съ какимъ то особеннымъ настроеніемъ, и не сказавши никому ни слова, положилъ его въ карманъ, потомъ, вышедши въ другую комнату, сталъ таинственно шептаться съ своею супругой.

Библиотека "Руниверс"

На другой день по утру, еще до моего прихода къ чаю, былъ семейный конгрессъ, съ участіемъ дочери, но безъ права голоса. По справкамъ оказалось, что ее сватали заочно и она, измѣнница! добровольно и непринужденно изъявила согласіе выйти замужъ за пожилаго и невѣжественнаго господина, предложившаго ей руку и свои „безгрѣшные“ доходы, но не сердце, отданное уже 25 лѣтъ тому назадъ службѣ по министерству государственныхъ имуществъ. Все это отъ меня почему то скрыли, даже она, она сама мнѣ ни слова, и какъ ни въ чемъ не бывало, продолжала по прежнему со мной цѣловаться. Любовь, значитъ, сама по себѣ, а замужество само по себѣ! Ладно! Что жъ? съ Богомъ, Параню, коли люде трапляються! Не ждать же тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, 18-лѣтней невѣстѣ, четыре года, пока я сдѣлаюсь полноправнымъ мужчиной. Прощай же, моя милая! Будь здорова, якъ корова! А я пойду своей дорогой!

Около половины января мать объявила, не объясняя причины, о своемъ желаніи побывать въ Кіевѣ. Но я догадался зачѣмъ— тряпки для приданаго покупать. Меня пригласили самъ третей, въ качествѣ провожатаго съ тѣмъ, чтобы послѣ опять увезти въ Сваромье, если опредѣленіе совѣта о принятіи меня въ институтъ къ тому времени еще не состоится. Но я далъ себѣ слово не возвращаться. Буду лучше, порѣшилъ я, питаться кутьею да кулишемъ со снятками, чѣмъ быть нахлѣбникомъ у людей, не уважающихъ священнаго чувства любви и совершающихъ постыдный торгъ единственной дочерью, ради сокращенія расходовъ.

Товарищей своихъ я засталъ уже на квартирѣ. Они привезли изъ дому довольное количество провизіи и предложили мнѣ жить безплатно, пока хватитъ некупленнаго продовольствія, котораго, при умѣренномъ употребленіи и образцовой экономіи Архипа Елисеевича, достало намъ до марта мѣсяца.

Въ мартѣ было засѣданіе совѣта. Но такъ какъ сытый голоднаго не разумѣетъ, то ученые мужи порѣшили заставить меня выдержать еще годичный экзаменъ, а до того оставить вакансію незамѣщенной. Такое мудрое рѣшеніе истекало отъ преобладанія въ со-

Библиотека "Руниверс"

вѣтѣ юристовъ, съ ректоромъ Неволинымъ во главѣ: они, какъ надо полагать, желали приберечь мѣстечко для родного человѣчка-бурсака, а меня отстранить. Неожиданность такого сюрприза до того меня поразила, что я чуть не рехнулся. Вся моя будущность, вся энергія, съ какою я до сихъ поръ переносилъ всяческія невзгоды, меня покинула.

Къ счастью, не всѣ профессора такъ безучастно отнеслись къ погибающему. Между ними нашелся добрый человѣкъ, обратившій вниманіе на ненормальность моего душевнаго состоянія: это былъ вѣчно достойный памяти Василій Ѳедоровичъ Домбровскій. Заставши меня однажды въ бесѣдкѣ Царскаго сада одного, гдѣ я сидѣлъ уже болѣе часа, безсознательно глядя въ даль, онъ принудилъ меня разсказать ему, что у меня было на душѣ, и съ живѣйшимъ участіемъ отнесся къ моему горю. Онъ меня успокоилъ, пообѣщавъ снова поднять вопросъ въ совѣтѣ о моемъ кровномъ дѣлѣ. Домбровскій сдержалъ свое благородное слово: вмѣстѣ съ инспекторомъ Сычуговымъ онъ вошелъ въ совѣтъ съ особымъ мнѣніемъ, доведя до свѣдѣнія членовъ о моемъ безвыходномъ положеніи. Говорилъ онъ въ совѣтѣ такъ тепло и задушевно, что растрогалъ даже такого безсердечнаго человѣка, какимъ былъ ректоръ Неволинъ.

Пока длилось засѣданіе, я сидѣлъ, какъ осужденный на смерть, на крыльцѣ, въ ожиданіи своей участи. Прежде всѣхъ выскочилъ изъ залы ректоръ и ускакалъ на своихъ рысакахъ; потомъ вышелъ Василій Ѳедоровичъ съ инспекторомъ, какъ будто кого то ища глазами. Увидѣвъ меня, они съ сіяющими отъ удовольствія лицами направились въ мою сторону и поздравили съ принятіемъ на казенное содержаніе. Домбровскій даже поцѣловался со мной, а полковникъ не преминулъ похвалиться, что онъ, хотя и могъ бы мнѣ напакостить, припомнивши мой побѣгъ за Днѣпръ, но не только этого не сдѣлалъ, но напротивъ, горой стоялъ за меня.

Поблагодаривъ въ немногихъ словахъ своихъ доброжелателей, я побѣжалъ на квартиру подѣлиться своею радостію съ моими добрыми товарищами, которые до того обрадовались моему великому счастію, что даже самоваръ наставили, хотя день былъ тогда не праздничный.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ долгой задушевной бесѣды съ этими простодушными юношами, я принялся за письмо къ матери:

„Прилипни языкъ мой къ гортани моему, аще не помяну тебе, моя родная, въ началѣ веселія моего! Забвенна буди десница моя, если я когда нибудь перестану помнить о тебѣ и дѣлиться съ тобой всѣмъ, что будетъ у меня на душѣ и въ карманѣ“ и пр.

Въ такомъ торжественномъ тонѣ было написано письмо мое, послѣ долгаго, томительнаго молчанія...

М. К. Чалый.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Библиотека "Руниверс"

Младшій братъ.

ОЧЕРКЪ ИЗЪ ГАЛИЦКОЙ ЖИЗНИ ГЕНРИХА ЮССЕ [1]).

(Переводъ съ польскаго).

Несмотря на будній день и рабочую пору, Иванъ Стоколоса, одинъ изъ самыхъ зажиточныхъ и усердныхъ хозяевъ, собирался въ ближайшее мѣстечко. Бритвой, сдѣланной изъ старой косы, онъ тщательно выбрилъ лицо, послѣ этой операціи принявшее видъ стернища, старательно напомадилъ смальцемъ свои волосы, надѣлъ новую свитку и смазанные наканунѣ сапоги; послѣ чего сѣлъ у стола и началъ стучать ложкой, что служило для хозяйки знакомъ давать „сниданьня“.

— Чего тебѣ въ мисто?—спросила жена, ставя передъ нимъ порядочную миску молочной каши—вѣдь ярмарки нѣтъ и дѣла у тебя тамъ нѣтъ...

— Выборы—лаконически отвѣтилъ Стоколоса, поворачивая во рту горячую кашу.

— И...и, выборы—замѣтила съ пренебреженіемъ хозяйка—будешь черпать воду рѣшетомъ.

Дѣйствительно, въ тотъ день должны были произойти въ мѣстечкѣ выборы отъ такъ называемыхъ сельскихъ округовъ (мелкихъ землевладѣльцевъ). По весьма хитро придуманной системѣ, мелкіе землевладѣльцы, т. е. селяне, vulgo крестьяне, составляютъ одну большую семью „провыборцевъ“, которые выбираютъ изъ своей среды выборцевъ, и затѣмъ уже послѣдніе избираютъ посла. Иванъ

[1]) „Głos“ 1889 г., №№ 25 и 26.

Библиотека "Руниверс"

Стоколоса, наслѣдовавъ недавно послѣ своего отца болѣе десяти морговъ земли, выступалъ теперь въ первый разъ, какъ избиратель, а потому вовсе не удивительно, что у него были нѣкоторыя сомнѣнія относительно того, съумѣетъ ли онъ выполнить эти новыя, неизвѣданныя имъ еще обязанности. Правда, что центральный избирательный комитетъ, съ помощью такихъ же уѣздныхъ комитетовъ, позаботился о достойномъ кандидатѣ, въ лицѣ графа Эдгара Шалавилы изъ Пустомѣховъ, но Иванъ Стоколоса, отличаясь, повидимому, весьма тупой головой, постоянно повторялъ:

— Щось мени не здайеться...

Позавтракавъ, онъ вытеръ размашистымъ движеніемъ руки ротъ, нѣсколько разъ съ наслажденіемъ щелкнулъ языкомъ, сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія по хозяйству и наконецъ собрался въ дорогу. Не желая отрывать отъ работы лошадей, онъ пошелъ пѣшкомъ, къ тому же до мѣстечка было всего лишь полмили. День предвидѣлся хорошій, тѣмъ болѣе, что Стоколоса шелъ мимо своихъ посѣвовъ и любовался своей пшеницей, житомъ и картофелью.

Проходя мимо дома священника, онъ замѣтилъ самого батюшку, стоявшаго у воротъ.

— Хвала Богу!—произнесъ крестьянинъ.

— На вѣки слава—отвѣтилъ священникъ. Стоколоса остановился въ ожиданіи дальнѣйшей бесѣды.

— А куда жъ вы мандруете?... въ мѣстечко?—спросилъ священникъ.

— Еге—отвѣтилъ Стоколоса.

— На выборы?

— Да...

— И за кого жъ подадите голосъ?... га? спросилъ священникъ.

— А не знаю еще—отвѣтилъ Стоколоса— человѣкъ я еще новый и не безъ того, чтобы въ мѣстечкѣ люди не посовѣтовались и не указали бы, кого выбирать... тогда посмотримъ...

— Первое дѣло — торжественно началъ священникъ — чтобы выбрали человѣка, который уважалъ бы святую вѣру и церковь нашу... Вотъ что!...

Стоколоса глубоко вздохнулъ, самъ не зная почему.

Библиотека "Руниверс"

— Такъ, такъ—продолжалъ священникъ—въ мѣстечкѣ вамъ будутъ чортъ знаетъ что говорить, ибо на свѣтѣ есть много лжепророковъ... Не вѣрьте имъ и не поддавайтесь ихъ словамъ, а дѣлайте такъ, какъ вамъ совѣсть приказываетъ.

Почтенный священникъ, увлекшись, долго разсуждалъ на тему о ложныхъ пророкахъ, забывъ о слушателѣ и о выборахъ. Стоколоса терпѣливо слушалъ, качалъ утвердительно головой, затѣмъ низко поклонился и пошелъ дальше. Передъ корчмой онъ увидѣлъ довольно странное зрѣлище, которое издали походило на драку. Шинкарь комично прыгалъ около войта Костюха и что то горячо доказывалъ толпѣ, размахивая руками.

— Вы подадите голосъ за него—кричалъ во всю глотку шинкарь, замѣтивъ приближавшагося Стоколосу—знаете ли, за кого? За пана Фейнкопфа, адвоката, у котораго есть зять въ Вѣнѣ, понимаете ли, въ самой Вѣнѣ.

— Не морочь головы, жидюга!—возмутился Костюхъ.

— Что то не морочь головы—говорилъ еврейчикъ, приходя еще въ большій азартъ, — а знаете ли, что панъ Фейнкопфъ сказалъ?... Панъ Фейнкопфъ сказалъ, что онъ ваше дѣло будетъ даромъ вести, такъ какъ вы справедливый хозяинъ.

Стрѣла не попала въ цѣль.

— Не морочь головы—отчетливо повторилъ Костюхъ, потянулъ Стоколосу за рукавъ, и оба пошли въ городъ. По дорогѣ Костюхъ, который „провелъ“ уже не одни выборы, разъяснялъ своему товарищу разныя тайны общественныхъ дѣлъ. Старый войтъ очевидно принадлежалъ къ числу пессимистовъ.

— Это все пустячные разговоры—закончилъ онъ свою рѣчь—пообѣщаютъ тебѣ цѣлыя горы сладостей и въ концѣ концовъ дадутъ такого горькаго, что...

Такъ бесѣдуя, пришли они въ городъ. На базарѣ они уже застали цѣлую толпу избирателей, подѣлившихся на малыя группы и ведшихъ оживленныя бесѣды. Костюхъ присоединился къ своимъ „кумамъ“, а Стоколоса къ своимъ. Едва успѣлъ онъ съ ними поздороваться, какъ его схватилъ за руку какой то незнакомый ему человѣкъ, что то съ виду въ родѣ кабацкаго адвоката.

Библиотека "Руниверс"

— А какъ поживаете, пане войте?—спросилъ онъ—давно я васъ не видѣлъ!

— Я не войтъ—отвѣтилъ Стоколоса, весьма удивленный—можетъ, вамъ нуженъ Костюхъ, такъ какъ онъ въ нашемъ селѣ войтъ.

— Знаю и Костюха, всѣхъ знаю. Но и вы такъ похожи на войта, что какъ будто родились имъ; ну, и что жъ? Прійдетъ и вашъ чередъ быть войтомъ, ей Богу прійдетъ, и знаете ли, что какъ подадите вашъ голосъ за пана Фейнкопфа, то онъ поможетъ вамъ добиться до войта.

Стоколоса промолчалъ и только отмѣтилъ себѣ въ памяти, что теперь его люди, противъ обыкновенія, какъ то особенно уважаютъ.

— А что, еслибы на минуту заскочить на стаканъ пива? спросилъ его тотъ же человѣкъ, прищуривъ одинъ глазъ.

И не успѣлъ Стоколоса раскрыть ротъ, какъ незнакомецъ внезапно исчезъ въ толпѣ, какъ бы по мановенію волшебной палочки. Удивленный крестьянинъ оглядывался вокругъ, напрасно стараясь объяснить себѣ причину этого таинственнаго исчезновенія. Не замѣтилъ онъ ничего особеннаго, потому что вѣдь приближавшійся въ тотъ именно моментъ къ нему жандармъ принадлежалъ къ ряду обыденныхъ явленій.

Стоколоса вторично отмѣтилъ что то себѣ въ памяти, послѣ чего повернулся къ своимъ кумовьямъ, которые тщательно взвѣшивали: выбрать ли посломъ графа Шалавилу изъ Пустомѣховъ, или же пана Менкальскаго изъ Вертоглавъ.

— Бѣлый ли котъ, или бурый, а все котъ—замѣтилъ одинъ изъ кумовей, который до сихъ поръ ничего не говорилъ, а только съ философскимъ спокойствіемъ ѣлъ принесенныя изъ дому сушки (сушеные фрукты).

— Не совсѣмъ—замѣтилъ кто то другой—покойный панъ изъ Холопскои Воли умѣлъ въ Вѣнѣ говорить съ швабами.

— И что изъ этого?... какъ стали крутить, то и выкрутили такъ, что покойный долженъ былъ отречься отъ своего мѣста ивъ сеймѣ. Еще бы! правительство имѣетъ большую силу...

Въ такомъ родѣ шла бесѣда, а солнце, описавъ на небѣ большую дугу, указывало, что ужъ близокъ полдень! Сто-

Библиотека "Руниверс"

колоса начиналъ чувствовать голодъ и жажду и когда сообщилъ объ этомъ своимъ кумовьямъ, то узналъ, что и они чувствовали то же. Единогласно рѣшили зайти въ одинъ изъ кабаковъ, въ которыхъ не было недостатка, не знали только въ который именно. Одни стояли за Либескинда, другіе же за Зюсмана; но въ это время неожиданно появился среди нихъ Костюхъ.

— А нуте, панове—сказалъ войтъ, вытирая клѣтчатымъ платкомъ потъ съ лица:—что касается до выборовъ, то я уже разобралъ это дѣло. За Менкальскаго подаютъ свои голоса Вертоглавы и еще немного изъ другихъ селъ, за графа Шалавилу—Пустомѣхи, Голая Волька, Великіе и Малые Недоиды. Теперь комитетъ велѣлъ голосовать за графа, и урядъ, кажется, за него. Въ старостве говорили намъ, чтобы мы помнили, что графъ въ Вѣнѣ очень въ силѣ.

— Э, гдѣ тамъ—попробовалъ было кто то возразить.

— Однако—продолжалъ Костюхъ—ничего мы одни не подѣлаемъ, если столько народу держится вмѣстѣ. У Зюсмана платить Менкальскій, у Либескинда—графъ, то идемъ къ Либескинду.

— Костюхъ должно быть *накеpованый* (выпивши) — сказалъ Стоколоса, но остался безъ отвѣта.

У Либескинда кишѣлъ народъ, какъ пчелы въ ульѣ. Всѣхъ весьма любезно угощалъ управляющій графа, а ему помогали ловкіе экономы. Новыхъ избирателей приняли съ радостнымъ привѣтомъ. Шинкарь весьма поспѣшно пригласилъ ихъ сѣсть, поставилъ передъ ними бутылку водки, большіе стаканы пива, кольца колбасъ и сигары. Стоколоса отрѣзалъ про запасъ домой кусокъ колбасы для жены и дѣтей и затѣмъ уже занялся собственнымъ желудкомъ. Пилъ онъ и ѣлъ какъ будто по найму. Утоливъ голодъ и жажду, онъ все таки продолжалъ угощаться, пилъ хотя и большими глотками, но ужъ нѣсколько медленнѣе и одновременно внимательно слѣдилъ за тѣмъ, что происходило въ шинкѣ.

— Ого! экономъ изъ Пустомѣхивъ цѣлуетъ въ губы Костюха—сказалъ онъ про себя въ полголоса, ставя стаканъ съ такимъ размахомъ, какъ будто онъ Богъ вѣсть сколько вѣсилъ.

Библиотека "Руниверс"

По мѣрѣ выпитыхъ стакановъ Стоколоса дѣлалъ все меньше замѣчаній, но за то все больше давалъ волю сердцу. Охотно примирился онъ со своимъ сосѣдомъ Кубой Зайцемъ, котораго подозрѣвалъ въ различныхъ козняхъ и даже обвинялъ себя въ нехристіанскомъ злопамятствѣ. Наконецъ панъ управляющій объявилъ многоуважаемымъ гостямъ, что уже пора идти въ магистратъ на выборы, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ всѣхъ присутствующихъ, чтобы они вечеромъ опять зашли сюда для подкрѣпленія тѣла и духа.

Двинулся народъ отъ Либескинда, вышелъ и отъ Зюсмана, вышелъ и изъ другихъ шинковъ. Эти потоки слились въ магистратѣ въ одну рѣку и поплыли въ залу засѣданій городской думы.. Здѣсь собрались уже члены комитета, кандидаты, а также выдающіяся лица какъ изъ города, такъ и изъ околицы.

Когда дверь захлопнулась за послѣднимъ крестьяниномъ, предсѣдатель прежде всего выполнилъ вступительныя формальности, затѣмъ произнесъ небольшую рѣчь на тему о важности минуты и, наконецъ, пригласилъ кандидатовъ, чтобы они поочереди излагали символы своего политическаго „credo“.

Всѣ ораторы увѣряли, что они втеченіе всей своей жизни интересуются исключительно народомъ и его нуждами, обѣщали устранить всѣ дурныя стороны общественнаго строя и съ этой цѣлью предлагали свои услуги, взамѣнъ же не требовали даже и задатка, ограничиваясь убогимъ мандатомъ, который, какъ всѣмъ извѣстно, но приноситъ никакой пользы...

Графъ Шалавила изъ скромности держалъ рѣчь послѣднимъ, какъ бы придерживаясь того, что тотъ обыкновенно правъ, кто произноситъ послѣднее слово.

Панъ графъ съумѣлъ грубый, жестокій народъ приправить такимъ вкуснымъ соусомъ, что правительственный коммиссаръ торжественно поздравилъ счастливаго кандидата.

— Подобно тому, какъ въ природѣ выступаетъ безконечное разнообразіе, чтобы создать гармонію—заключилъ графъ свою рѣчь,—такъ и въ обществѣ существуютъ различныя сословія, которыя должны стремиться къ согласію. И подобно тому, какъ въ семьѣ старшій братъ заботится о младшемъ и, по волѣ

Библиотека "Руниверс"

Божьей, исполняетъ въ важныхъ случаяхъ обязанности отца, такъ и въ обществѣ мы, помѣщики,—старшіе братья крестьянъ, которые, какъ младшіе братья, нуждаются въ нашей опекѣ.... А что я хочу быть вамъ старшимъ братомъ, такъ пусть Богъ мнѣ поможетъ!.....

Затѣмъ приступили къ голосованію. Сыпались билетики красные, желтые, зеленые, и лица кандидатовъ принимали соотвѣтствующую окраску. Относительно результата не было сомнѣнія. Поздно вечеромъ секретарь объявилъ, что ясновельможный графъ Шалавила получилъ посольскій мандатъ. У Либескинда младшій братъ пилъ до пресыщенія на счетъ старшаго брата...

II.

Послѣдніе отголоски выборовъ прогремѣли весьма скоро. Младшій братъ въ потѣ лица трудился на пашнѣ, старшій, съ неменьшими усиліями, въ Вѣнѣ для блага общественнаго. Весною наводненіе уничтожило у младшаго брата все имущество, однако милостивая судьба для уменьшенія ужасныхъ послѣдствій несчастія одновременно устроила такъ, что старшій братъ получилъ званіе каммергера.

Наконецъ наступили и лучшія времена. Въ одинъ прекрасный день появились какіе то неизвѣстные люди, которые носили за собою малые, круглые столики на трехъ ножкахъ, длинные шесты, красные флаги, цѣпи и веревки. Люди эти разсѣялись, какъ муравьи, по полю, вбивали въ землю шесты и флаги, вытягивали веревки и цѣпи, устанавливали круглые столики, что то рисовали или писали и махали руками, какъ бы нѣмыя существа, которыя обмѣниваются мыслями при помощи мимики.

— Должно быть будутъ верки строить—рѣшилъ Недбайло, который, будучи солдатомъ, видѣлъ и участвовалъ въ Краковѣ въ фортификаціонныхъ работахъ.

— Гдѣ тебѣ—отвѣтилъ Костюхъ—дорогу строятъ, вотъ и все.

Костюхъ былъ правъ: строили желѣзную дорогу. Въ нѣсколько недѣль инженеры вытянули длинную, прямую линію,

Библиотека "Руниверс"

гдѣ то терявшуюся на право и на лѣво въ туманной дали на противоположныхъ странахъ голубаго горизонта.

— Можетъ быть и людямъ что нибудь придется заработать... замѣтилъ Стоколоса полувопросительно.

— А какъ же иначе—отвѣтилъ Костюхъ.—Всякой работы будетъ довольно и для человѣка, и для скотины. Валы насыпать, раскапывать горбы, землю возить, каменья, грузъ. Если имѣть тачку или заступъ, то можно заработать грошъ. А не станетъ нашихъ людей, то придетъ народъ и изъ другихъ селъ, тогда и наше молоко, и масло, и хлѣбъ найдетъ голодный ротъ.

Костюхъ опять былъ правъ, хотя только теоретически. Вѣдь въ газетахъ весьма много писали объ этой линіи, называя ее цѣлительнымъ бальзамомъ для общественныхъ ранъ... Прежде всего земледѣльцы будутъ имѣть дешевое и скорое сообщеніе, вслѣдствіе чего цѣнность земли, а также земледѣльческихъ продуктовъ значительно повысится. Развитіе промышленности также пойдетъ скорымъ шагомъ. Вотъ недавно корреспондентъ изъ провинціи сообщалъ, что владѣлецъ Недоборовъ замѣтилъ на ключевой водѣ присутствіе нефти, а владѣлецъ Глупотова открылъ на своихъ поляхъ желѣзную руду... Богатства, сокровенныя въ нѣдрахъ земли, будутъ со временемъ добыты нашими промышленниками. Впрочемъ, даже и теперь, во время постройки, страна будетъ имѣть всевозможныя выгоды. Потому что вѣдь прошу не забывать, что во главѣ предпріятія стоитъ посолъ графъ Шалавила, что концессію на постройку дороги получило мѣстное общество, что, наконецъ, продажей акцій занялась мѣстная финансовая компанія. Отсюда очевидное слѣдствіе, что во всѣхъ отрасляхъ работы будутъ имѣть приложеніе исключительно мѣстныя силы, начиная отъ главнаго инженера и кончая послѣднимъ чернорабочимъ. Выпустили изъ виду только такую ничего не значащую мелочь, что помянутыя акціи отправились въ Вѣну, въ Берлинъ, въ Франкфуртъ.

Итакъ строили дорогу. Работами завѣдывали инженеры изъ Вѣны, при постройкѣ мостовъ работали штирійцы, камни обдѣлывали итальянцы; кромѣ того тьма тьмущая рыжихъ ландсмановъ кишѣла по всей линіи въ различныхъ видахъ.

Библиотека "Руниверс"

Все это не имѣло непосредственнаго отношенія къ крестьянамъ. Одинъ возилъ землю, другой камни, третій копалъ канавы или насыпалъ валы, дѣвушки и подростки носили кирпичъ или известку.

Прошелъ мѣсяцъ, другой и третій. Около праздника Петра и Павла пріѣхали во дворецъ графа какіе то чиновники, которыхъ хозяинъ весьма привѣтливо встрѣтилъ на срединѣ двора. Шли всевозможные толки объ этихъ новыхъ гостяхъ, но никто не зналъ ничего положительнаго, даже войтъ Костюхъ, который, казалось бы, долженъ былъ знать оффиціальныя извѣстія. Только вечеромъ въ корчмѣ дворовый, пропустивши три полкрючка водки, объявилъ любопытнымъ хозяевамъ, что это пріѣхала коммиссія для расцѣнки земель, которыя заняла желѣзная дорога. Коммиссія, благодаря старо-польскому гостепріимству, проводила время у помѣщика весьма пріятно, а въ свободныя отъ этого занятія минуты тѣмъ энергичнѣе занималась оцѣнкой земли. Со стороны помѣщика всѣ были весьма довольны ея дѣятельностію за то между крестьянами неожиданно проявился ропотъ.

— А уже панъ всегда тянетъ за пана—говорилъ Костюхъ.

— Панскія поля оцѣнили по триста бумажекъ за моргъ и даже на Провальяхъ платили ему по семьдесятъ бумажекъ.

Откуда Костюхъ, кромѣ войтовства, зналъ тайны оцѣночной коммиссіи—неизвѣстно, достовѣрно только то, что писарь, пріѣхавшій съ коммиссіей, выпивалъ въ корчмѣ вмѣстѣ съ писаремъ гмины, что впрочемъ не есть чрезвычайное обстоятельство въ виду того, что они были коллегами на поприщѣ общественнаго служенія.

— Наши земли, что были подъ пшеницею, оцѣнили въ сотню бумажекъ за моргъ—продолжалъ Костюхъ—какъ будто бы за то, что онѣ цѣликомъ поступили подъ желѣзную дорогу, а казенныя земли перерѣзаны.

— Какъ разъ—воскликнулъ Стоколоса—а вѣдь и мою же землю такъ безсовѣстно перерѣзали и оставили на томъ боку такіе маленькіе клинки, что ни пахать его, ни боронить, а снопы развѣ послѣ на плечахъ будешь переносить, потому что черезъ линію нѣтъ никакого переѣзда.

Библиотека "Руниверс"

— Сдѣлали плотину у рѣчки—добавилъ Куба Заяцъ—и теперь какъ зубами вода рветъ мое поле.

— Будемъ жаловаться—вотъ что! — рѣшилъ старый Кулыба. Посмотримъ, что скажетъ на нашу жалобу начальство.

Дѣйствительно, и оцѣночная коммиссія, и желѣзнодорожные предприниматели совершили не мало злоупотребленій въ отношеніи къ крестьянамъ. По совѣту Кулыбы крестьяне послали жалобу въ намѣстничество, терпѣливо ожидая, что скажетъ правительство. Намѣстничество оставило безъ послѣдствій жалобу, а крестьяне подали апелляцію въ административный трибуналъ въ Вѣнѣ, опять ожидая, что скажутъ власти.

— Пойдемъ даже и къ императору—повторялъ Кулыба, считавшійся человѣкомъ кроткаго нрава.

Между тѣмъ начинали возбуждаться и тѣ толпы безземельныхъ крестьянъ, которыя работали на линіи, выполняя самыя тяжелыя работы за самую скудную плату. И они говорили объ обидахъ, несмотря на то, что требованія ихъ были болѣе, чѣмъ скромны. Нѣмцы и итальянцы имѣли бараки, а они проводили ночи подъ открытымъ небомъ, которое не всегда было къ нимъ милостиво. Но нашъ крестьянинъ ложился на травѣ, укрывался рядномъ и спалъ прекрасно, особенно, когда онъ выпивалъ немного увеличенную порцію водки. Правда, что кое гдѣ проявлялся пятнистый тифъ, однако онъ самъ по себѣ утихалъ, поглотивъ едва 50—60 жертвъ. И работали бы эти толпы спокойно, если бы рыжіе ландсманы не думали, что они имѣютъ дѣло съ беззащитными животными. И вотъ, прикащики самымъ остроумнымъ способомъ выискивали разныя провинности по службѣ, различныя упущенія по работѣ и немилосердно вычитывали въ наказаніе соотвѣтствующія суммы. Люди роптали, угрожали и даже пробовали устраивать забастовки, однако въ концѣ концовъ опять возвращались къ работѣ. Не менѣе терпѣливо переносили они и то, если тотъ либо другой прикащикъ ошибался въ ихъ ущербъ на одну фуру привезенныхъ камней или на одинъ кубическій метръ выкопанной земли.

— Нѣмцы испоконъ вѣка хитрый народъ, — говаривалъ въ такихъ случаяхъ Стоколоса, презрительно сплевывая.

Библиотека "Руниверс"

Но хитрый народъ выдумывалъ постоянно новые сюрпризы.

И вотъ въ субботу, при уплатѣ недѣльнаго заработка, крестьяне, къ великому своему удивленію, получили какіе то таинственные квитки, печатанные на незнакомомъ для нихъ языкѣ.

— За эти квитки—разъяснилъ нѣмецъ на ломаномъ чешскомъ языкѣ—вы достанете въ трактирѣ всего—водки, пива, хлѣба, сигаръ. Они имѣютъ такое же значеніе, какъ и деньги.

Крестьяне шептались, пожимали плечами, совѣтовались въ полголоса и... молчали. Они предчувствовали козни, но не знали, какъ ихъ предупредить.

— А все жъ таки деньги всегда имѣютъ большее значеніе, произнесъ наконецъ Стоколоса.

— А конечно такъ—онъ правду говоритъ! кричали крестьяне.

— Только самъ императоръ имѣетъ право дѣлать деньги, крикнулъ Недбайло.

Тотчасъ начался шумъ, изъ котораго долетали грозныя проклятія и вопли. Начали толкать другъ друга и подбивать къ болѣе активному протесту. Вокругъ столика, у котораго сидѣлъ нѣмецъ, начиналась все большая и большая давка. Одно необдуманное слово могло послужить причиной взрыва. Тѣмъ болѣе, что противъ столика стоялъ Недбайло съ такимъ вызывающимъ выраженіемъ лица, что не могло быть сомнѣнія относительно его настроенія въ тотъ моментъ. Но нѣмецъ хладнокровно всталъ, сдѣлалъ рукой знакъ и снова наступила тишина.

— Размѣняйте мнѣ тысячу гульденовъ—спокойно сказалъ онъ, вынимая изъ бумажника какую то кредитную бумажку;—размѣняйте только, и я вамъ сейчасъ же заплачу за работу.

Крестьяне снова совѣтовались и снова молчали, ожидая пока кто нибудь изъ болѣе мудрыхъ дастъ сигналъ. Нѣмецъ между тѣмъ собралъ со стола оставшіеся квитки, спряталъ ихъ въ карманъ, взобрался на стоявшій невдалекѣ возокъ и безпрепятственно уѣхалъ.

— Что то нѣмцы уже начали крутить нашими заработками, замѣтилъ Недбайло, угрожая кулакомъ вслѣдъ уѣзжающему предпринимателю.

Библиотека "Руниверс"

— И никто ихъ не пересилитъ, добавилъ съ горечью Кулыба—никто, даже и начальство.

— Идемъ домой,—совѣтовалъ Горчица, страдавшій куриной слѣпотой и потому желавшій дойти домой засвѣтло.

Ничего болѣе цѣлесообразнаго и не могли они сдѣлать. Одни пошли большою дорогою, другіе, подъ предводительствомъ Недбайла, завернули въ трактиръ, изъ котораго долетали звуки музыки. Трактиръ этотъ прежде содержалъ еврей, но такъ какъ желѣзнодорожная санитарная коммиссія констатировала, что напитки были фальсифицированы, а съѣстные припасы испорчены, то въ интересахъ рабочихъ прогнали еврея, а трактиръ былъ сданъ нѣмцу. Хотя работники утверждали, что водка теперь стала еще хуже, а въ хлѣбѣ много отрубей, но это было слѣдствіемъ жидовскихъ интригъ.

Когда они вошли въ трактиръ, музыка, составленная изъ странствующихъ чеховъ, начала играть веселыя коломійки. Расположеніе духа крестьянъ сразу измѣнилось. Они усѣлись у узкаго, но длиннаго стола, на которомъ вскорѣ появился квартовый графинъ водки. Рабочіе выпивали другъ за друга и бесѣдовали о нѣмецкихъ практикахъ.

Соблазняемыя музыкой, дивчата заглядывали въ окно, не рѣшаясь войти внутрь. Долго ждали онѣ, пока ихъ пригласятъ, но такъ какъ парубки, занятые разговоромъ и выпиваніемъ водки, вовсе не трогались съ мѣста, то остроумная Ивга громко запѣла:

Маты жъ моя маты,
Хыба жъ я ледащо,
Що ты не пускаешъ
Мене танцюваты?

Парубки повскакивали съ мѣстъ и возвратились съ дивчатами.

Теперь только наступило настоящее веселье. Чехи такъ за взято играли, что у кларнетиста чуть глаза на лобъ не повылѣзали, парубки гуляли съ дивчатами до изнеможенія, пожилые пили и бесѣдовали. Отъ времени до времени парубокъ подходилъ къ столу, выпивалъ рюмку водки, затѣмъ снова наливалъ и подносилъ ее дивчинѣ, которая медленно ее выпивала, отворачиваясь на бокъ.

Библиотека "Руниверс"

Наконецъ, около полуночи нѣмецъ далъ сигналъ музыкантамъ, чтобы они перестали играть.

— Feierabend, feierabend!—вопилъ онъ голосомъ, какъ бы изъ трубы—платите, кто думаетъ платить! Расходившіеся парубки велѣли сыграть еще одну, послѣднюю, послѣ чего подошли къ стойкѣ съ цѣлью заплатить. Недбайло положилъ два квитка, представлявшихъ стоимость двухъ гульденовъ, и послѣ разсчета получилъ тоже два какихъ то квитка, только меньшей величины.

— Что это? спросилъ Войтекъ.

— А это что? спросилъ въ свою очередь нѣмецъ, указывая на полученные отъ Недбайла квитки.

— Но разъ вы даете сдачу квитками, а не деньгами, отвѣтилъ Недбайло—то зачѣмъ ставите за все дороже?

— Заплати наличными, буду считать дешевле—сказалъ нѣмецъ, злобно улыбаясь.

Крестьяне не понимали этой финансовой дилеммы, не знали также ничего и о томъ, что предприниматель, желая употребить свой капиталъ на другое дѣло, обязалъ содержателя трактира принимать эти квитки наравнѣ съ деньгами, отъ чего они оба выигрывали въ томъ смыслѣ, что предприниматель имѣлъ втеченіе болѣе продолжительнаго времени свободный капиталъ, а трактирщикъ пользовался своего рода монополіей въ отношеніи рабочихъ. Но нѣмецъ, чтобы получить двойные барыши, одновременно повысилъ цѣну на всѣ предметы потребленія, будучи увѣренъ, что это ему сойдетъ безнаказанно.

— Вотъ мошенникъ—народъ эти нѣмцы! воскликнулъ Недбайло.

— Dummer Vieh—отвѣтилъ презрительно трактирщикъ.

Недбайло, когда былъ солдатомъ, часто слышалъ эти выраженія и понималъ ихъ значеніе. Такъ что къ двойной обидѣ этого только и не доставало... Огромная ладонь его съ быстротой молніи упала на лицо нѣмца, который въ тотъ же моментъ повалился на землю.

— Охъ матинко! Недбайло прибилъ нѣмца! воскликнула испуганная Ивга.

Нѣмцы накинулись на Недбайла, крестьяне на нѣмцевъ. Дивчата взывали о помощи, хотя имъ вовсе и не угрожала

Библиотека "Руниверс"

опасность, чехи улепетывали съ басами на плечахъ, пожилые крестьяне пробовали разнять борющихся. Около стойки наваливались въ кучу человѣческія тѣла—но наконецъ изъ этой свалки выдвинулся Недбайло, вытащилъ за шиворотъ какого то нѣмца, тряхнулъ имъ въ воздухѣ и выбросилъ за двери. Тогда мгновенно прекратилась борьба: нѣмцевъ, очень расходившихся, повыбрасывали за двери.

— А нуте, братцы, повеселимся теперь на нѣмецкій счетъ— крикнулъ Недбайло, вытирая кровь съ лица.

— Недбайло, бойся Бога, брось, — совѣтовалъ старый отецъ Ивги.—Тутъ уже и такъ пахнетъ уголовщиной.

— А мнѣ то что? Вѣдь я солдатъ и побилъ каналью нѣмца.

Ивга тоже обратилась къ Недбайлу и стала его упрашивать идти съ ней домой. Недбайло, который былъ неравнодушенъ къ Ивгѣ, обнялъ за талью дивчину и такъ во главѣ парубковъ возвратился въ село.

На другой день, хотя это было въ воскресенье, жандармъ арестовалъ Недбайла и отвелъ его въ мѣстечко. Затѣмъ стали съѣзжаться разныя коммиссіи, а въ результатѣ получилось то, что арестовали вдобавокъ еще нѣсколько работниковъ.

Въ понедѣльникъ тотъ же нѣмецъ стоялъ снова у стойки, а въ субботу тотъ же предприниматель снова платилъ тѣми же квитками, обѣщавъ впрочемъ, что втеченіе мѣсяца выкупитъ ихъ обратно.

— Нѣмцы крѣпкій народъ — повторялъ теперь подавленный Стоколоса.

— Да, сильный и хитрый народъ. Побѣдили и пользовались побѣдой. Тотчасъ въ понедѣльникъ не хотѣли принимать на работу крестьянъ, заподозрѣнныхъ въ участіи въ избіеніи нѣмцевъ, а подозрѣвали почти каждаго.

Резоны, жалобы, просьбы вовсе не помогали. Только по прошествіи нѣсколькихъ дней наступило мирное соглашеніе, въ силу котораго крестьяне уплачивали изъ своего дневнаго заработка часть въ пользу прикащиковъ.

Платили прикащикамъ, платили и еще кое-кому. Они нуждались въ наличныхъ деньгахъ, ибо одинъ хотѣлъ купить общіе сапоги

Библиотека "Руниверс"

для цѣлой семьи, другой мечталъ о тулупѣ, третій—о телкѣ, изъ которой со временемъ будетъ корова. Но ни сапожникъ, ни владѣлецъ тулупа и телки не вѣрили въ упомятутые квитки и требовали денегъ. Крестьяне не знали, что дѣлать, но въ это время на ихъ счастіе появился рябой Ицко, прозванный Носачемъ. Этотъ Ицко Носачъ покупалъ квитки, вычитая въ свою пользу 20 со 100. Въ цѣломъ мірѣ за дисконтированіе всякихъ облигацій берется извѣстный процентъ, однако глупый галицкій крестьянинъ утверждалъ, что его всѣ обманываютъ.

И опять было спокойно—только въ одну ненастную ночь сгорѣли нѣмецкіе бараки...

III.

Панъ графъ Шалавила окончилъ приготовленный по-англійски завтракъ и приступилъ къ чтенію газеты, державшейся „ихъ“ стороны. Ко всякой печатной бумагѣ онъ чувствовалъ врожденное отвращеніе, но теперь обязанности человѣка съ общественнымъ положеніемъ принуждали его часто прибѣгать къ скучной мѣстной прессѣ. Онъ пропустилъ передовую статью и политическое обозрѣніе, бѣгло прочелъ хронику и уже намѣревался отложить въ сторону газету, какъ вдругъ между частными извѣстіями замѣтилъ слѣдующее заявленіе: „Гр. Шалавила, камергеръ и посолъ рейхсрата, прибылъ въ Пустомѣхи, гдѣ проведетъ парламентскія каникулы“.

Онъ иронически улыбнулся. Почему прежде о немъ не писали?—прежде, когда онъ такъ часто ѣздилъ въ Вѣну, чтобы выпросить въ какомъ либо банкѣ экстренный заемъ. Въ то время только въ оффиціалъной газетѣ отъ времени до времени появлялись правительственныя объявленія, что Пустомѣхи будутъ продаваться съ публичныхъ торговъ. А теперь тѣ же кредиторы, которые еще такъ недавно ему въ собственномъ его домѣ говорили грубости, теперь тѣ же кредиторы предлагаютъ ему новый кредитъ. Но онъ уже не нуждается въ кредитѣ: вотъ онъ выслалъ жену въ Карлсбадъ и самъ бы уѣхалъ на воды, еслибы важныя финансовыя операціи не удерживали его дома.

Библиотека "Руниверс"

Впрочемъ теперь онъ можетъ ожидать—черезъ годъ, черезъ два поѣдетъ на воды, какъ членъ „палаты господъ“ и тайный совѣтникъ съ титуломъ превосходительства.

Онъ погрузился въ сладостныя мечты. Ему теперь 40 лѣтъ, а за кулисами вѣнскаго балета diva ему сказала, что польскіе графы никогда не старѣютъ. Во всякой шуткѣ бываетъ половина правды, а иногда и больше, особенно если ее можно поддержать деньгами.

Въ комнату вошелъ лакей и сталъ неподвижно у дверей.

— Что тамъ?—спросилъ графъ.

— Крестьяне, ясневельможный пане...

— Мои почтенные избиратели—подумалъ графъ—не имѣешь и минуты покоя.

Онъ вскочилъ съ кресла и началъ быстро ходить взадъ и впередъ, размышляя о томъ, нельзя ли какъ нибудь избавиться отъ назойливыхъ гостей.

— Отведи ихъ въ канцелярію—сказалъ наконецъ онъ сердито—только смотри, чтобъ они хорошо обтерли ноги. Понимаешь!

— Понимаю, ясневельможный пане.

Лакей исчезъ, а графъ продолжалъ ходить, закуривъ свѣжую сигару, чтобы скорѣе успокоиться отъ гнѣва. А сердился онъ не безъ основанія. Потому что, сами посудите, эти крестьяне уже въ третій разъ приходятъ во дворецъ и вовсе не удовлетворяются, когда лакей имъ говоритъ, что пана нѣтъ дома.

— Ну, такъ мы придемъ завтра—отвѣчали они съ упорной терпѣливостью.

Крестьяне дѣйствительно обладаютъ удивительной терпѣливостью. Стоятъ въ сѣняхъ и покорно ожидаютъ пана графа.

Въ канцелярію зайти не хотятъ, несмотря на покровительственныя приглашенія лакея, и только украдкой посматриваютъ въ открытую дверь на забросанное бумагами бюро, на рѣзную мебель, на вертгеймовскую кассу, которая еще недавно была тѣломъ безъ души.

Наконецъ появился панъ графъ.

— Какъ поживаете, люди добрые?—обратился онъ къ крестьянамъ съ весьма любезною улыбкою—какъ поживаете?

Библиотека "Руниверс"

Онъ ввелъ ихъ въ канцелярію, почти силою усадилъ въ кресла и предложилъ каждому по сигарѣ, чтобы уничтожить въ зародышѣ возможную оппозицію.

— Что же мнѣ скажете?—спросилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы.

— А на счетъ этой линіи просимъ ясневельможнаго пана—отвѣтилъ Костюхъ.

— Желѣзной дороги собственно мы еще на имѣемъ, но скоро будемъ имѣть,—замѣтилъ графъ, притворяясь, что не знаетъ, о чемъ идетъ рѣчь, хотя прекрасно зналъ все дѣло.

— Линія оченъ выгодна для нѣмцевъ, отвѣтилъ Стоколоса—но нашъ народъ черезъ нее постигло цѣлое бѣдствіе.

Графъ прикусилъ губы.

— Говорите, чего хотите, сказалъ онъ, одновременно сдерживая смѣхъ и зѣвоту.

Крестьяне посмотрѣли на Костюха, уполномочивая его такимъ образомъ дѣйствовать отъ ихъ имени. Костюхъ, который пользовался преимуществомъ войта и независимостью зажиточнаго селянина, представилъ въ мрачныхъ краскахъ нѣмецкій порядокъ дѣйствій и въ концѣ концовъ обратился къ графу съ просьбой, чтобы онъ, какъ посолъ, выступилъ въ защиту ихъ, обиженныхъ его избирателей. Однако сейчасъ же, какъ бы для смягченія жестокости своей рѣчи, поцѣловалъ графа въ колѣно и въ руку, что, по его примѣру, сдѣлали и остальные крестьяне.

— Какъ младшіе братья, мы отдаемся въ опеку старшаго брата—добавилъ съ удареніемъ Стоколоса, который какъ разъ впору вспомнилъ эту красивую фразу.

Панъ графъ опять прикусилъ губы.

— Защита не будетъ легка—сказалъ онъ, подумавъ:—такъ какъ нѣмцы въ свою очередь жалуются также на разныя злоупотребленія съ вашей стороны. Устраиваете ненужныя драки, вы, кажется, тоже сожгли нѣмецкіе бараки...

— Извините ясневельможный пане—прервалъ Костюхъ, уже нѣсколько возмущенный —всякая тварь, а тѣмъ болѣе человѣкъ, выкручивается, какъ знаетъ, если попадетъ въ бѣду. Правда, что Недбайло немного помялъ нѣмца, но не особенно ему повредилъ, такъ какъ нѣмецъ на другой же день торговалъ водкою въ трактирѣ,

Библиотека "Руниверс"

съ немного опухшею губою. А нѣмцы вмѣсто того, чтобы опомниться и притихнуть, еще болѣе задирали насъ всякими несправедливостями, пока огонь не сожралъ бараковъ. И чтожъ? Въ концѣ концовъ ничего не потеряли нѣмцы, а народъ сколько вынесъ бѣдъ.

— Сдѣлаю все, что будетъ можно—увѣрялъ ихъ графъ.—Идите домой и ведите себя смирно.

Крестьяне низко поклонились, поцѣловали по очереди графскую руку и пошли домой. По дорогѣ они разсуждали, что, если правительство ничего не подѣлало съ нѣмцами, то графъ навѣрно сдѣлаетъ, потому что онъ имѣетъ въ Вѣнѣ большое вліяніе.

Иначе думалъ панъ графъ. Итакъ онъ долженъ выступить противъ желѣзнодорожнаго правленія?... Но вѣдь это же правленіе сдѣлало его предсѣдателемъ только потому, что нуждалось въ томъ, чтобы имѣть во главѣ кого нибудь съ аристократической фамиліей и съ парламентскимъ вліяніемъ. Еслибы не эта золотая синекура, графъ Шалавила не сидѣлъ бы теперь въ Пустомѣхахъ и не былъ бы каммергеромъ и in spe тайнымъ совѣтникомъ. А эти наивные крестьяне желаютъ, чтобы онъ собственноручно уничтожилъ прекраснѣйшее зданіе счастія... Правда, въ свое время онъ обѣщалъ торжественно, что будетъ для нихъ добрымъ братомъ, но вѣдь это только фраза, ораторскій пріемъ, ни къ чему его не обязывающій.

Впрочемъ крестьяне всегда имѣютъ странныя требованія—въ этомъ графъ лично убѣдился, когда съ ними велъ дѣло о спорныхъ лѣсныхъ угодьяхъ.

И старшій братъ продолжалъ строить зданіе счастья на счетъ младшаго брата.

Библиотека "Руниверс"

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Старинное малорусское стихотвореніе

Рѣчь идетъ въ этомъ стихотвореніи о погребеніи Виктора Садковскаго, архіепископа черниговскаго.

Садковскій происходилъ изъ дворянъ малороссійскихъ, учился въ кіевской академіи, въ санѣ игумена нѣкоторое время занималъ должность капеллана или настоятеля при посольской церкви въ Варшавѣ, затѣмъ былъ назначенъ архимандритомъ слуцкимъ. Когда въ царств. Екатерины II возникла мысль о назначеніи особаго архіерея для православныхъ, находившихся въ предѣлахъ Польши, то, по соглашенію съ польскимъ правительствомъ, указомъ 27 марта 1787 г. Екатерина велѣла Синоду посвятить Виктора въ санъ епископа переяславскаго и бориспольскаго, коадъютора кіевской митрополіи, съ назначеніемъ пребыванія ему въ Слуцкѣ. Отсюда Викторъ предпринималъ ежегодные объѣзды своей громадной епархіи и подолгу проживалъ на Украинѣ, въ Богуславскомъ монастырѣ.

Въ 1789 г. поляки почему то ожидали на Волыни и Украинѣ повторенія «коліивщины» и въ каждомъ православномъ священникѣ готовы были видѣть агитатора, возбуждающаго народъ по внушенію русскаго правительства. Викторъ былъ схваченъ, закованъ въ кандалы и отвезенъ въ несвижскую крѣпость, а отсюда, для суда, переведенъ въ Варшаву. Многіе изъ правосл. священниковъ были казнены, остальные—терроризованы. Это послужило поводомъ для Екатерины къ объявленію (въ 1792 г.). Польшѣ войны, окончившейся *первымъ* раздѣломъ Польши. Садковскій томился въ заключеніи до 19 іюля 1792 г., когда русскія войска подступили къ Варшавѣ.

Послѣ того Викторъ Садковскій былъ назначенъ епископомъ минскимъ, а въ 1796 г. переведенъ, въ санѣ архіепископа, въ Чер-

Библиотека "Руниверс"

ниговъ. Умеръ здѣсь 11 ноября 1803 года и похороненъ въ каѳедральномъ Ильинскомъ монастырѣ.

Судя по настоящему стихотворенію, помѣщенному въ сборникѣ, составленномъ въ началѣ настоящаго вѣка, Садковскій оставилъ по себѣ прекрасную память среди своихъ пасомыхъ въ черниговской епархіи; но не такъ цѣнили его дѣятельность нѣкоторые лица изъ духовенства или, можетъ быть, изъ консисторцевъ, ближе стоявшіе къ архіерею въ сферѣ служебной. Литературнымъ памятникомъ такой отрицательной оцѣнки служитъ напечатанный въ март. кн. «Кіевской Старины» 1882 г. памфлетъ подъ заглавіемъ: «Эпитафія»... (и проч.) и дополненіе къ нему: «Посланіе Виктора съ того свѣта». Подробности см. въ означ. книжкѣ «Кіевской Старины», стр. 551—557.

Оба эти обличительныя стихотворенія имѣются и въ настоящемъ рукописномъ сборникѣ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что сборникъ списанъ не тотчасъ послѣ смерти Садковскаго, и лицомъ, мало его знавшимъ, иначе списыватель не рѣшился бы вносить въ свой сборникъ подъ рядъ пьесы, въ которыхъ дѣятельность Садковскаго представлена съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Къ этому соображенію приводитъ то обстоятельство, что первая пьеса въ сборникѣ есть рѣчь, сказанная Ѳеофаномъ, епископомъ полтавскимъ и переяславскимъ, по прибытіи на паству въ 1807 г., слѣдовательно сборникъ не могъ быть составленъ раньше этого года. Переписчикъ вносилъ въ свою тетрадь то, что попадалось ему подъ руку, заботясь больше о полнотѣ ея, чѣмъ о подборѣ разныхъ статей по ихъ содержанію и тону. Можно предполагать, что онъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи исправныхъ подлинниковъ разныхъ статей, а можетъ быть, и самъ былъ недостаточно внимателенъ къ подлинникамъ. Этимъ объясняются очевидныя искаженія въ текстѣ стихотворенія о Садковскомъ, которое, вообще говоря, написано живымъ народнымъ языкомъ. Печатаемъ стихотвореніе съ сохраненіемъ особенностей стариннаго малорусскаго правописанія: характерныя особенности его—смѣшеніе *и* съ *ы*, употребленіе буквы *ѣ* для выраженія мягкаго *і* и т. п. Въ скобкахъ отмѣчаемъ предполагаемыя нами въ первоначальномъ текстѣ слова, пропущенныя составителемъ сборника.

Ред.

Библиотека "Руниверс"

I.

Малороссійскіе стихи, въ которыхъ описывается погребеніе преосвященнѣйшаго Виктора, архіепископа малороссійскаго, черниговскаго и ордена святого Александра Невскаго кавалера, простими сельскими разговорами соображенныя. 1803 г. ноября 11 дня.

1. *Зѣнько.* Магайбѣ, братця москанове!
Чи вже некрутовъ отвезлы?
Щось наши плачуть всѣ панове:
Яку вы имъ вѣсть привезли?
Э, іонъ уже отець Уласъ
И дякъ его панъ Опанасъ
Николы съ церкви не идутъ,
Да все билебни отправляютъ,
Да панахиды вѣдпиваютъ,
Акапесты усе поютъ.

—

2. *Лесько.* Архіерей якійсь, мижъ ѣми
Старѣйшій, кажутъ, панотець,
Умеръ небѣжчикъ, такъ жалѣютъ,
Що кида бѣдненькихъ овецъ:
Безъ пастуха и безъ владыки
Остались мали и велики;
Всѣ бѣдны сыроты кричатъ,
По папотцѣ всѣ лелесаютъ,
По улицамъ усѣмъ гасаютъ,
Не знаютъ, що начать.

—

3. Школярники дакъ такъ ридаютъ
Слезами гѣркими усѣ,
Зъ нудьги що ажъ якъ не вмѣраютъ
По жалобному ихъ отцѣ.
Винъ, кажутъ, бувъ що найстарѣйшій,
Надъ всѣми ими розумнѣйшій,
Любивъ покійникъ розумцѣвъ.
Було іому якъ заспѣваютъ
Да по-письменьскій зачитаютъ,
Дакъ тутъ уже винъ и засѣвъ.

—

4. Було, якъ визьме обнимати,
Якъ рѣдныхъ дѣточокъ своихъ,
Або якъ стане цѣловати!
Усѣмъ, було, даруе ихъ:
Жупаны добри всѣ носили,
Не молотили, ни косили,
Сапянцѣ всѣ, було, дерутъ —
Не знали, що то за шкапина;
Иде, шляхтицька мовъ дитина,
Наряженный, якъ бы рекрутъ.

—

5. На всѣхъ були шапки красиви,
А оксамитныи вершки,
Околицѣ ягнячи сивѣ,
На шияхъ добри косинки;
Зъ напальками въ нихъ рукавички;
Ѣдятъ, було, все палянички,
Янъ панскіе сынки.
Идутъ статецько, мовъ панята,
Прехліоцки добрые рибята,
Съ кишень, бря, стирчатъ хусточки.

—

6. Теперъ же всѣ засиротѣвши,
Такъ плачутъ по іому:
«Ахъ, батюшка нашъ любезнѣйшій!
«Нащо покинувъ и кому
«Насъ сиротами безталанныхъ,
«Якъ бы зимою обидранныхъ
«Край поля, край дороги вдругъ!
. . . . . [1])

—

7. «Що мы боялись и смѣялись,
«Якъ коло батенька свого,

[1]) Здѣсь не достаетъ трехъ строкъ.—*Ред.*

Библиотека "Руниверс"

«Робили добре, шановались
«Всѣ, дивлячися на іого.
«А винъ бы бувъ, нашъ милостывый,
И ласкавъ, добрый и правдивый,
То бъ не захлялись мы зовсѣмъ,
И ще бъ на Бога положились
И за тебе бъ іому молились,
И щобъ здоровье давъ намъ всѣмъ»

—

8. А городяне всѣ, мѣщани,
Шевци, кравци и ковали,
Ткачи, и бондари, купчани,
Золотари, и токари,
И кушнѣрѣ, и кожумяки,
Мѣщанки и перепѣчайки
И люди всѣ ремесники
Ишли и плакали препупко,
Зъ очей котились слезы прудко,
Іого изъ дому якъ везли.

—

9. Ишли жъ усѣ, бря, и съ цехами,
Рядами, мовъ бы москали,
Сукнами мары покривали,
Булы у иншихъ и корогви
Таки шовковыи, прекрасни,
Були зелени, инши красни,
Да на маліованыхъ дручкахъ,
Що я на свѣтъ якъ народився,
Не бачивъ, бря, якъ и христився,
Не тильки щобъ державъ въ рукахъ.

—

10. *Зѣнько*. Да якъ же ты туда дочапавъ,
Щобъ подивитися на се?
Лесько. О, вже бо ты расквакавсь!
Се ще сказавъ тобѣ не все.
Ище видъ-далеку дивився,
А ще къ трунѣ не доступився,
Да ты уже издивовавсь;
А якъ бы ты туда попався,
Да межъ панивъ якъ бы упхався.
. . . . . [1]).

—

11. А далѣ, брате, якъ учапавсь
Въ середину я мѣжъ панивъ,
До домовины якъ прибрався,
Дакъ тутъ и я, бря, запанѣвъ,
Отъ тутъ набачивсь и наслухавсь
И ладану дакъ такъ нанюхавсь,
Що паче въ раѣ побувавъ!
Попы прехороше читаютъ,
А попинята такъ спѣваютъ,
Що трохи, братѣку, не впавъ!

—

12. Ченцѣ, попы и попинята,
Повбираны у рызи всѣ,
Якъ янголики всѣ ребята,
Спѣвали, якъ іого везли.
«Святый безсмертный» запѣвали,
И «вѣчну память» зачинали,
И іовангелію святу
То сей, то той усе хватали
Да знай іи усе читали,
Що може прочитали всю.

—

13. Святого жъ батенька санками,
Що съ-подъ берлина узяли,
Прегарнимъ личникомъ заслали
Труну іого, видътѣль везли
Моторни кони воронїи;
Поповичи кругомъ сидѣли,
Повбираны, якъ бы попы;
А иншіи шли изъ звѣздами,
А де-которѣ изъ свѣчками,
А деяки несли хресты.—

—

[1]) Недостаетъ одной строки.—*Ред.*

Библиотека "Руниверс"

14. Якъ стали подходить икъ Тройцѣ,
Такъ тутъ у звоны загули,
На встрѣчъ ишли старые хлопцѣ,
Якъ изъ походу москали;
Ишли попы и попинята,
Ишли жинки, шли и дѣвчата,
И мужики, и козаки,
И куцулярники, и штацьки,
И найметюги, инши панськи,
И москали й москалчуки.

—

15. Всѣ зъ города повибѣгали,—
Не знаю, чи була душа;
Одинъ другого попережали,
Якъ бы гуляючи лоша:
Те пада, те переступае,
Одно другого перебѣгае,
Якъ на Орданѣ за водой;
Не знаютъ инши, що робити,
Попереду щобъ доступити,
Кричатъ: «тѣкай!» кричатъ: «постой!»

—

16. Якъ поривнялись, заридали,
Якъ по рѣдненькому отцѣ;
Труну тогдѣ взяли па мари,
Несли іого все панотцѣ:
Елецкій панъ хурхумандрика,
Попивъ (зъ нимъ) зброя превелика
Попередъ маривъ тутъ ишли.
Отъ тутъ гуртомъ якъ заспѣвали,
Дакъ люди всѣ тогдѣ повяли,
Якъ бы у висень ко"ашки.

—

17. Якъ заголоситъ вся громада,
Стари, велики и мали,
Мовъ вѣрные іого, бря, чада!
Захлипали всѣ, загули:
Тее тоненько, те товстенько,
. . . . . [1])
Якъ бы весною комари;
Усю дорогу не вгавали,
Всѣ голосили, всѣ ридали,
Покиль до церкви дотягли.

—

18. Якъ стали жъ, бря, у церковъ браться,
Дакъ, думаю, годынъ изъ пятъ.
Минѣ жъ було нельзя втаскаться,
Дакъ мусивъ трохи подождать.
Ждавъ-ждавъ, ждавъ-ждавъ, ажъ стало нудно,
Дакъ я поперсь, дарма що трудно,
Да всилу—всилу увибравсь,
Хоть боки, бря, и заболѣли,
Руки и ноги поколѣли
И лиха видъ панивъ набравсь:

—

19. Те штовхае, другее лае,
А инше каже: «да не прись!
Куда тебе несе лихее?
Да не долѣзешъ, не вертись!
Куда ты пресся, лантушище?
Отце недобрый мужичище!
Этъ бачишъ тѣсно, панъ кудіокъ (?)».
Я заразъ, бра, исхаменувся
. . . . . [1]).
Да и полѣзъ соби въ кутокъ.

—

20. Ставъ, бря, въ кутку, да и подперся
О каменную тутъ стѣну,
Да винявъ хусточку, утерся,
Бо трохи не заливсь въ поту.
Отъ тутъ то разглядѣвсь, расщупавсь,
Да окукобився, одумавсь:

---

[1]) Не достаетъ строки.—*Ред.*

Библиотека "Руниверс"

Чи все пакъ цѣло на минѣ?
Дакъ де!—видлогу одирвали
И кобинякъ трохи не розорвали,
Сорочку хоть выкруть, мовъ въ водѣ!

—

21. Дай церковъ, бря, тамъ привелика!
Якъ граньска клуня, або й билшъ;
Вся каменна, залѣзомъ крита,
Никуды, бря, не влѣзе й мышъ:
Всѣ дверп наголо залѣзни,
Мулярщиною влиты стѣны,
Усюди образцѣ стоятъ:
Велики, инши й невелики,
А предъ кажнимъ все ставники
Зелени, гарные горятъ.

—

22. А тее, бря, паникадило,
Що середъ церкви (тамъ) висить,
Усюю церковъ освѣтило,
Якъ бы, бря, сонечко блищить;
И образцѣ й образинята,
Повбираны, якъ бы панята,
Стоятъ на іому якъ въ раи.
На ихъ юпочки съ щира срибла,
И шапочки и чоботки, бра,
Не такъ, якъ въ нашому краи.

—

23. Тамъ намаліовано и пекло,
Таке страшнее, ажъ бѣда.
Оттамъ, бря, душно, оттамъ тепло!
Смола тече такъ, якъ вода,
Тече зъ гадюки, та й палае,
А чортъ туда людей таскае,
Лиха година, за грѣхи.
Бувало, проступишъ й нехотя,
Якъ прійде нашъ панъ Моркотя:
«Таскай, скаже, у млинъ мѣхи!

—

24. Або у винницю по дрова!»
Якъ-бы куда не заховавсь,
И въ праздникъ не посидишъ дома,
Хоть бы ты вже и муліовавсь;
Да и въ недѣленьку святую,
И въ пятѣнку тягни все тую,
Хоть бы и радъ, щобъ не робить.
Якъ за старихъ панивъ бувало,
Старе й мале въ шинку гуляло,
А до роботы не прибить!

—

25. Уже тогдѣ хоть не вертися,
Якъ скаже війтъ: «иди на тикъ!»
Иди скорій, не оглядайся,
Роби, працюй, щобъ питъ потѣкъ.
Да ще и чести намъ немае:
Якъ прійде панъ, такъ бье и лае,
Хоть бы робивъ и вередився.
Дакъ же вже, бря, въ раи намъ бути,
Коли бъ грѣхи изъ шіи збути
То може бъ отдаль и дивився.

—

26. *Зѣнько*. Да годи, ты забалагурився!
Кажы ты те, про що начавъ,
А то уже на рай обурывсь.
Тебе хто наче обучавъ:
Дывись, яки винъ казьни каже!
Якъ хто сонливый, то и спать ляже,
Не переслухать усіого!
Неначе зъ листу винъ читае,
Іому бъ якъ инше казку бае,—
Якого розуму въ іого!

—

27. *Лесько*. Ой ты, бачу, самый прочвара!
А що жъ ты думаешъ собѣ?
Ты думавъ, такъ душа й пропала!
А умирати, бря, тобѣ
Не такъ, якъ думаешъ, небоже:
Да думай те, що Боже, Боже!

Библиотека "Руниверс"

Да и готовся умирать.
Бо мы на свѣтъ на сей родились,
Хвалили бъ Бога и молились,
А не у свята роботать.

—

28. Дарма жъ теперъ, що бьютъ, да лаютъ:
Терпѣть намъ треба до кѣнця,
А мы робимо, що загадаютъ,
Да не загубимо вѣнця.
У царствѣ Божому, святому,
Не вступимо тогдѣ никому,
Хоть чорту, бря, хоть бы панамъ;
Тогдѣ и скажемъ: «мы робили,
Товкли, мололи, молотили,—
Теперъ же вы робите намъ!»

—

29. То Богу знать, що съ нами буде,
А докажу я, що було.
Всѣ терлыся у церквѣ люде,
Видъ крыку въ церкви лишъ гуло.
А далѣ вже якъ повно стало,
И мѣста не було вимало,
Тогдѣ унышкли, брате, всѣ;
Помалу тилько исхлыпали,
Да тяженько всѣ здыхали,
Спѣвали тѣлько папотцѣ.

—

30. А далѣ самъ благословляка
Якъ закрычавъ «благословы»,
Дакъ тутъ дяки всѣ й дячинята
И запищали й загули,
А потимъ у книжку читали,
По перемѣнкамъ заспѣвали
Госпѣдь самъ Бигъ зна, що таке.
Навпоемъ тѣлько якъ спѣвали,
Тогдѣ то вже усѣ ридали,
Усяке, тамъ було яке.

—

31. Попы тутъ заразъ исходиться
Всѣ почали до одного,
И люди стали всѣ дивиться
На святого батенька свого.
Хто надивився, (той) видходивъ,
Не бачивъ хто, (той) такъ проходивъ.
А я въ куточку все стоявъ,
Усе ждавъ, покиль повиходятъ,
Дакъ—де... все свѣжи подходятъ,—
Такъ я не стерпѣвъ, почвалавъ.

—

32. Якъ ставъ (я) пхаться къ домовинѣ,
Дакъ тутъ стоявъ одинъ москаль
Якъ дасть вѣнъ, бря, минѣ по спинѣ:
«Куда ты пресся? ты бъ пождавъ!»
Якъ вытрищывсь московскимъ зизомъ
Да дастъ минѣ своимъ залѣзомъ,
Дакъ я тутъ трохи не кричавъ.
Дакъ я й ёму лихе зробивъ:
Якъ персь, такъ видорвавъ судирь
Московскій, зъ боку що стырчавъ.

—

33. Дакъ я тутъ, облизня поймавши,
Ирви (?) видъ іого утѣкать;
То сякъ, то такъ людей роспхавши,
Да ну къ трунѣ чимчиковать.
Да ставъ уже, бря, приближатись:
«Колибъ, кажу, менѣ добратись,
Щобъ тутъ же я не загинувъ!»
Ажъ деся взявся куцулярникъ,
И въ видъ, и въ точъ якъ нашъ школярникъ,—
Мене, спасибе, пѣдопхнувъ.

—

34. А вже я, бря, тогдѣ продрався
Помѣжъ усѣхъ людей и самъ,
Дакъ щось таке побачивъ, баться,
Якъ бы у лавцѣ добрый крамъ.

Библиотека "Руниверс"

Труна була тогдѣ роскрыта,
И чорнимъ оксамитомъ оббита,
Стояла, брате, на мѣстку;
А въ головахъ свѣчки стояли,
Ченцѣ евангелію читали,
Совгирь гортали по листку.

—

35. Лежала шапка изъ квѣтками,
Якъ есть у перстняхъ на рукахъ;
Подсвѣчники съ пятьми свѣчами
Горѣли, бря, въ іого ногахъ;
Маленьки образцѣ стырчали
Посреблювани, ажъ блищали,
Якъ мовъ тобѣ щире стекло.
Труну усю позолотили,
. . . . . [1])
Цозолотки багато тутъ пѣшло.

—

36. Кирелѣ жъ [2]) зъ верху положили
На шапотцѣ, що винъ носивъ
Покійникъ було на шіи,
Якъ службу божую служивъ.
Якъ мисяць, бря, вони блищали
Усю и церковъ осіяли,
Китайка мече мовъ въ очахъ;
Не на тарѣльцѣ деревяный,
На цѣлый, братѣку, сребряный
Поставленни були въ той часъ.

—

37. Свѣчки жъ стояли подлѣ боку,
Таки велики, изъ мене,
Съ зеленого, мось—пане, воску,
А держалко все жерстяне.
Зъ другого боку патериця,
На ій головка мовъ бы птиця,
Або гадючка золота,
Середина була повита—
Висѣла гарна хустка шита,
Шовкова, бѣла, не пуста:

—

38. Ей Богу, брате, що не купишъ
Тепера ни за золотый
И съ таляромъ ище видступишъ
И рубъ мосьпане, буде твій,—
Бо срибряна та золотая,
И держално, и на концѣ,
Квитки на палицѣ й на хустцѣ,
По двѣ, по три, чотири вкупцѣ,
Якъ на весѣлному винцѣ.

—

39. Зирнувши жъ я у домовину,
Не вдержавсь, бря, не заридать:
Издумавъ, бря, у сю годину,
Що се нищетнимъ батько й мать.
Було, напоитъ, й нагодуе,
Було, зодягне и зобуе,
Изъ старця зробыть богачемъ;
Съ панами винъ було по-паньски,
А съ нашимъ братомъ по-простацьки,—
Не йшли видъ іого исъ плачемъ.

—

40. Дивывсь тогдѣ я на владыку
Пилненько дуже на видокъ:
Искошенный цвѣтокъ якъ въ-лѣтку,
Лежавъ жовтенькій, мовъ вощокъ;
Очицѣ вже позападали,
Яки на бѣдных поглядали;
Склепивъ уста на вѣчный вѣкъ:
Святому слову не навчае,
Було, языкъ и не вгавае;
Чого не вѣдавъ чоловѣкъ!

—

41. Разумныхъ казнѣвъ вже не кажетъ,

[1]) Не достаетъ одной строки. *Ред.*

[2] „*Кирели*“—т. е. кавалерію, орденскіе знаки.

Библиотека "Руниверс"

Що напередъ до насъ казавъ,
Нихто вже смутныхъ не розважитъ,
Якъ винъ, покійникъ, розважавъ.
И уши вже іого не чуютъ,
Правдиви люди якъ смуткуютъ,
Кричитъ (?), що правда изъ брехнѣ;
Нихто уже не оборонить,
Усюда кривда правду гонить:
Сидитъ бѣдненька ажъ на днѣ.

—

42. А якъ бы ты (оце) проснувся,
До бъ ты й видъгиль ін зволикъ;
Якъ бы мижъ нами тутъ очхнувся,
Анциборъ бы съ брехнею втѣкъ.
А то теперь и запанѣли:
И зависть, и брехня засѣли,
Злоба зубами скрежетитъ,
Кого напала, то й кусае,
А зависть заразъ обдирае;
Нема никого защитить.

—

43. Вони, суциги, излигавшись,
Людей шельмуютъ безъ кативъ;
А правда зъ милостью, забравшись,
Сидятъ, мовъ мыши видъ котивъ
Залѣзли въ нирку, не вертятся,
Бо сихъ суцигъ сильне боятся;
Лукавство зъ лестію живутъ,
И сякъ и такъ вони виляютъ,
Коло панивъ найбильшъ гасаютъ,
И всюду изъ горщкивъ ирвутъ.

—

44. Прошла година и другая,
А я усе въ труну дивывсь,
Ставъ думать да гадать я.
Покиль слезами ввесь облився.
А далѣ випявъ хустку, втерся,
На батькову труну оперся,
Дивывсь на руки и на хрестъ:
Уже и тія, бря, оклякли,
Сухеньки стали дай поблякли,
А на хрестѣ самая жерсть.

—

45. Самая жесть, а може й срѣбло—
Того вже, бря, я не вгадавъ,
Бо вже въ очахъ було несвѣтло,
Все плакавъ, брате, не вгававъ.
На голову надѣли шапку,
Цвяховану усю, негладку,
На щирозлотцѣ вся;
На шіи стіожку положили,
Широку, красну почепили
На кинчику золотця

—

46. Лускотикъ круглій причепили
Меражаній, якъ бы зоря;
Казали, що іому вручили
Видъ пана самого царя
За вѣрную іого роботу,
Що винъ робывъ, бря, ажъ до поту,
Робивъ до смерти, не вгававъ:
Було на кого що не ганить,
За всѣхъ було (винъ) Бога молитъ,
Покиль своихъ ручокъ не склавъ.

—

47. А ризы на іому парчовѣ,
Въ караквицяхъ шнурки шовковѣ,
У сухозлотицѣ, якъ разъ
Ручки умотаны пять разъ.
А въ головахъ стоитъ Пречиста,
Сей образокъ изъ злота чиста,
Мовъ дзеркало, хоть подивись;
А на іому карелѣ гарни,
Мовъ въ службу Божую убрани,
Да тильки що, бря, не дивись.

—

48. Гарненько жъ тута надивившись,
У ручку я поциловавъ,

Библиотека "Руниверс"

Видъ домовины отступившись,
До дому въ городъ почвалавъ.
Надъ нимъ читали евангелійску,
А винъ покійникъ изъ недѣльку
Лежавъ у Тройцѣ на стольцѣ,
Покиль такій, якъ винъ, пріихавъ
Кіянскій батько, у доспѣхахъ,
Въ такѣмъ, якъ ходятъ всѣ ченцѣ.

—

49. Винъ, бря, не пышный, такъ якъ иншій,
Зовутъ іого—мость Ѳеофанъ,
Да ростомъ, бря, нашъ буде вышшій;
Дай се прегарный такъ же панъ:
За те гараздъ, що не пишиться,
До іого можно доступиться
Хоть пану, бря, хоть мужику,
Пріятный, всякому усердный,
Невинный, добрый, чистосердный
На сердцѣ, бря, й на языку.

—

50. Въ пелиповку на першимъ тижнѣ,
Въ четверъ, якъ стало на зорѣ,
Ишовъ я саме просто звѣзнѣ,
Ажъ каже се москаль минѣ:
«Иди у Тройцу поскорѣя,—
Ховатимутъ архіерея»..
Я, догадавшись, почвалавъ,
Пришовъ у Тройцу ще заране,
У церквѣ все повидчиняне,
Дакъ де хотѣвъ, такъ тамъ и ставъ.

—

51. Ажъ тутъ и люде позбирались,
До службы стали, бря, звонить,
Попы (вси) заразъ повбирались,
Пѣшли пріижжого смотрѣть,
Штатецко всѣ постановились,
Студенты шли, да все христились,
Прислужники шатались всѣ;
Свѣчки усюду попалили,
Маненькихъ въ ризахъ становили
И убирались панотцѣ.

—

52. Постали жъ воны край домовины,
Напередъ, бря, стояли якъ,
Свѣчки въ рукахъ всѣ запалили,
Въ роботи бувъ мижъ ними всякъ:
Хто звѣзды взявъ, хто патерицю,
Хто шапку взявъ, хто на звонницю
Побѣгли иншіи звонить;
Тогдѣ ни одне не гуляло,
А всякее порядковало,
Да правда, що було робить.

—

53. А далѣ щось и на тарилцѣ
Таке, ниначе поясы,
А золота тутъ не по кришцѣ,
Да все на бляхахъ, пѣднесли,
Держали подлѣ домовины;
А тутъ у звоны зазвонили,
Пѣшли на встрѣчу панотцю,
Усѣ у ризы повбѣранны,
Съ кадѣльницами та съ христами,
И церковъ накадили всю.

—

54. Ажъ погодя ведутъ пѣд ручки
Святого батька панотця,
Дяки жъ усѣ зобрались въ кучки
Дай закричала здрая вся—
Тее товстенько, те тоненько,
Дакъ такъ пригоже и гарненько,
Що я и з роду не чувавъ;
Хотя спѣва у Божомъ домѣ
Панъ Омилянъ, да ще Микола
Такъ гарно, славно не спѣвавъ.

—

55. Якъ заспѣвали: «радуйся, батьку»
Такъ тутъ и рызи поднесли,

Библиотека "Руниверс"

А инши бря несли и шапку,
А де-котори поясы;
Якъ же его совсѣмъ прибрали,
И обчипляли й росчесали,
Да й свички заразъ подали,
А винъ, у руки свички взявши.
На всѣхъ стоявъ такъ помахавши,
Да й службу Божу начали.

—

56. Святую службоньку служили,
Якъ бы на самыхъ небесахъ,
Коло іого кругомъ ходили,
Спѣвали гарно въ криласахъ;
А далѣ вышли съ переходомъ,
Одинъ за другимъ, скоро ходомъ,
Попѣвъ десяткивъ може съ пять;
Служили службу, не хватались,
. . . . . [1])
Тяглася жъ служба до пѣвдня.

—

57. Святую жъ службу вѣдслуживши,
Да й принялись за панотця,
Кругомъ труну, бря, обступивши
Ажъ видъ владыки до кинця.
Стояли два хурхуманлрики,
Шапки таки, якъ у владыки,
И протопопы и ченцѣ,
Да всѣ були якъ разъ въ нарядѣ,
До царскихъ вратъ ажъ у два ряды
Стояли сіи панотцѣ.

—

58. А далѣ похоронъ начавши,
Спѣвали, брате, всѣ дяки;
И исти можебъ день не ѣвъ,
А те, що треба, видспивавши,
Читали инши щось попы:
И Евангелію святую,
И книжичку якусь малую.
А далѣ війшли два дяки,
И дячипята вышли зъ ними,
Спѣвали тихо «со святыми»
Гули й пищали до руки.

—

59. Да такъ прегарно, мовъ бы въ небѣ,
И исти може бъ день не ѣвъ,
Бо краще, бря, вѣдъ пана Фебѣ,
Дарма що винъ грѣзненько пѣвъ.
И Павликъ такъ не заспѣвае,
Дарма що товсто зачинае,—
Куди іому до сихъ спѣвакъ!
Одъ си то такъ, що вже спѣвали,
Ажъ люде въ церквѣ вси ридали [2]),
Стоявъ хто, бря, дакъ плакавъ всякъ.

—

60. Одинъ якійсь тамъ протопопа
Дакъ такъ пригоже (щось) читавъ,
И шапка на іому высока,
Оксамитна, вышнева вся;
Роздѣльно, гарно и выразно
Изъ книжечки читавъ винъ важно,
Слова въ уста ниначе клавъ.
Кіянскій же благословляка,
И дяконы, и попинята
И самъ владыка, бря, стоявъ.

—

61. А тутъ другій якійсь межъ ними,
Выдно розумный панотець,
Хорошій, брате, уродливый,
Студенскій, кажутъ, винъ отець,—

---

[1]) Недостаетъ строки.—*Ред.*

[2]) Въ рукописи эти два стиха видимо испорчены:
Одъ то такъ, такъ вѣддирали,
Що люде вси заридали...

Библиотека "Руниверс"

Якъ ставъ казать надъ батькомъ
казань,
Дакъ плакавъ, бря, хто бувъ, то
каженъ,
Прегарно, мовъ тобѣ съ письма,
Розумно, гладко и поважно;
Прехороше, унятно, славно
Казали щось и хлопцѣ два.

—

62. А потѣмъ батька цѣловали
Владыка самъ и всѣ попы,
Надъ нимъ таке щось прочитали,—
Не чувъ того видъ тѣсноты;
Лице воздухомъ закривали
И очи чимся заливали,
Труну, бря, стали зачинять;
Тогдѣ вже «вѣчну» заспѣвали,
И плакали, якъ не кричали,—
Того не можно и сказать.

—

63. А далѣ, брате, всѣ забравши,
Взяли владыку, понесли,
Кіянского жъ пѣдъ руки взявши,
Іого икъ ямѣ повели.
Пѣдъ церквою іого сховали,
Цеглюками замуровали,
Сховали друга и отця;
Сховали серденько правдиве
. . . . . [1])
Пылало къ Богу до кинця,

Зѣнько и Лесько мужики:

64. Нехай іого душѣ тамъ легко,
Перомъ надъ нимъ земля лежитъ!
Теперъ видъ насъ, бря, винъ далеко,
Душа до Господа бѣжитъ.
Пошли, нашъ милый Боже, зъ неба,
Чого душѣ іого тамъ треба,
Іому дай житіе въ раи;
Не виднимы видъ іого панства
И не лиши небесна царства—
Сіого мы просимъ на землѣ.

Два дѣла о волшебствѣ [2]).

Въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ, въ числѣ, множества рукописей, хранится и рукописное собраніе историка Малороссіи Н. А. Маркевича (проданное имъ П. Я. Лукашевичу, а отъ послѣдняго поступившее въ Рум. музей). Это собраніе—настоящій кладъ для новѣйшей исторіи Малороссіи (съ XVII в.); состоитъ оно изъ нѣсколькихъ тысячъ (болѣе 6) отдѣльныхъ документовъ, характера и объема самаго разнообразнаго: здѣсь находимъ универсалы, ордеры, приказы, судебныя дѣла, всевозможныя письма лицъ историческихъ и вовсе неизвѣстныхъ, частныя бумаги, всевозможныя публичныя и частныя сдѣлки, люстраціи земельныхъ имуществъ, донесенія управляющихъ и пр. и пр. Объемъ документовъ, разумѣется, самый разнообразный—отъ немногихъ строчекъ до громадныхъ фоліантовъ (какъ напр. дѣло

[1]) Не достаетъ строки.—*Ред.*

[2]) Изъ архива Маркевича въ румянц. музеѣ. №№ 3054 и 5903.

Библиотека "Руниверс"

знаменитаго атамана разбойничей шайки Гаркуши, составляющее три огромныхъ тома in f°). Не все здѣсь одинаковой цѣны, есть, конечно, малозначущія бумаги, но есть и очень много цѣннаго и малоизвѣстнаго. Изслѣдователь исторіи Малороссіи найдетъ здѣсь обильный матеріалъ для самыхъ разнообразныхъ изслѣдованій; особенно много данныхъ встрѣтитъ онъ для исторіи внутренняго быта Малороссіи XVII—XVIII в. Къ сожалѣнію, матеріаломъ этимъ пока мало кто пользуется, за отсутствіемъ въ Москвѣ спеціалистовъ по южнорусской исторіи. Между тѣмъ ознакомленіе съ этимъ архивомъ не представляетъ особенныхъ трудностей, благодаря трудамъ собирателя, подробно описавшаго свою коллекцію. Описаніе это составляетъ большой томъ in f°, въ которомъ, кромѣ перечисленія отдѣльныхъ документовъ собранія, приводятся и болѣе или менѣе значительныя выдержки изъ наиболѣе любопытныхъ документовъ (Маркевичъ впрочемъ останавливается чаще на документахъ курьезныхъ, юмористическаго содержанія). Мы постараемся время отъ времени давать читателямъ «Кіевской Старины» выдержки (цѣликомъ или въ извлеченіи) изъ наиболѣе любопытныхъ документовъ этого богатаго собранія. Въ одномъ изъ прошлыхъ №№ «Кіев. Старины» мы помѣстили заимствованную изъ этого архива весьма курьезную жалобу новомлинскаго сотника на новомлинскаго намѣстника (іюль 1889); въ настоящемъ № помѣщается два любопытныхъ дѣла о волшебствѣ; въ первомъ обвиняется женщина въ желаніи путемъ волшебства (сыпаніемъ чернаго песка) перетянуть на свою сторону судъ. Гораздо интереснѣе второе дѣло—объ упырѣ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ несомнѣнно психически больнымъ субъектомъ (психопатомъ или визіонеромъ по современной терминологіи), нарекающимъ на себя, что онъ то и есть настоящій упырь (вампиръ) отъ самаго своего рожденія и обладаетъ завиднымъ даромъ узнавать вѣдьмъ.

Подобное признаніе могло бы привесть къ весьма дурнымъ послѣдствіямъ для обвиняемаго: въ зап. Европѣ носителя такого рѣдкаго и опаснаго знанія несомнѣнно приговорили бы къ сожженію; къ счастію, наши малорусскіе суды прежняго времени относились къ подобнымъ дѣламъ несравненно разумнѣе и гуманнѣе, чѣмъ фанатическій католическій западъ. У насъ волшебниковъ подвергали лишь тѣлесному наказанію, да требовали возмѣщенія убытковъ, нанесенныхъ истцамъ путемъ волшебства [1]). Въ данномъ случаѣ судъ посту-

[1]) Многія изъ подобныхъ рѣшеній приведены В. Б. Антоновичемъ въ статьѣ о колдовствѣ въ юго-западной Руси.

Библиотека "Руниверс"

нилъ еще разумнѣе, признавъ Семена Калениченка просто психически больнымъ субъектомъ, какъ это видно изъ рѣшенія этого дѣла, приведеннаго г. П. Ефименкомъ въ статьѣ объ упыряхъ («Кіевская Старина» 1883, іюнь). Войсковая генеральная канцелярія, препровождая это дѣло въ малороссійскую колегію, пишетъ: «а по усмотрѣнію упыра оного разсудила войсковая енеральная канцелярія его бить *несостоятельнаго ума*, и потому оніе его слова отъ него показали знатно по нѣкоторомъ въ умѣ помѣшательству. О чомъ коллегія малороссійская да благоволитъ вѣдать» (ib. p. 379). Калениченко принадлежалъ притомъ къ числу упырей-благотворителей, обращая свое волшебное знаніе на помощь и добрые совѣты людямъ, предсказывая будущее и обнаруживая вѣдьмъ.

Замѣтимъ еще, что дѣло о Калениченкѣ хранилось въ архивѣ малороссійск. коллегіи (находящемся нынѣ при харьк. унив.). Изъ этого то дѣла г. Ефименко и привелъ нѣкоторыя выдержки въ указанной нами статьѣ. «Къ сожалѣнію, прибавляетъ авторъ, въ дѣлѣ не оказалось признанія Калениченка; оно, по всей вѣроятности, похищено кѣмъ либо изъ любителей старины, рывшихся въ этомъ архивѣ». Признаніе это, помѣщаемое ниже, оказалось въ архивѣ Маркевича, попавъ туда невѣдомыми путями вмѣстѣ съ массою другихъ любопытныхъ бумагъ.

И. А. Линниченко.

Дѣло Вуцки Михайлихи Батраченчихи и Марьи Данилихи иванородскихъ о волшебствѣ. 1732 году ноеврія 1 дня.

Року 1732 ноеврія 1 дня. Вуцка Михайла Батраченка жона ставши предъ судомъ полковимъ нѣжинскимъ держала в правой руцѣ чорний пѣсокъ з матузкомъ суровимъ, на которомъ завязано узликовъ 5, який пѣсокъ и суровий оний матузокъ тутъ же предъ судомъ з рукъ витрушенъ и для вѣдома записано при битности ихъ млтей пановъ судовихъ членовъ судий Семена Чуйкевича, хоружого Івана Левѣцкого, полковихъ нѣжинскихъ, сотника полкового Евстафія Тарасовича, и значкового товарища Мосѣя Савича. Записалъ судовий полку нѣжинский писарь Яковъ Влаковскій...

Року 1732 ноеврія 1 дня. По записки въ полковой нѣжинской канцелярія, что Вуцка Михайла Батраченка жена, ставши предъ судомъ полковимъ нѣжинскимъ, держала въ правой руцѣ чорній пѣсокъ з матузкомъ суровимъ, на которомъ завязано узликовъ пять, якій пѣсокъ и суровій оній матузокъ тутъ же передъ судомъ з рукъ витрушенъ; и чего ради, она, Вуцка, тотъ пѣсокъ и матузокъ зъ пятма узликами въ руцѣ держала и где оній взяла была о томъ

Библиотека "Руниверс"

въ полковой нѣжинской канцеляріи допрашивана и въ допросѣ показала, что сего 732 году назадъ тому з тиждень, а якого числа не знаетъ, правовалась она, Вуцка, на судѣ сотенномъ Івангородскомъ зъ Остапомъ Росушкою, жителемъ мартиновскимъ, за учиненній нимъ Росушкою ей Вуцкѣ гвалтъ; и она Вуцка на томъ судѣ Івангородскомъ, не получа зъ него Росушки справедливости, намѣривала ити въ Нѣжынъ въ полковую канцелярію для зъискания з означенного Росушки суда; куда когда ишла, то жіючая в Івангородской ратушѣ женка Марья Данилиха дала ей Вуццѣ означенніе у платку пѣсокъ чорній и матузокъ з узликами, и при отданю говорила, чтобъ она Вуцка, якъ пріидетъ на судъ, тотъ чорній пѣсокъ, зъ платка вивязавши, зъ тими завязанними на матузку узликами держала въ руцѣ, чтобъ за нею Вуцкою судъ потягъ и она де Марья позиваючись когда съ тое чинила; а где позиваючись тое чинила, она Вуцка не знаетъ и потому она Вуцка, взявши тотъ платокъ зъ пѣскомъ и матузокъ зъ узликами, пошла до Нѣжина, и на дорогѣ объявляла о томъ мужу своему Михайлу Батраченку, толко онъ ей мужъ противъ того ей Вутцѣ нѣчего не говорилъ; и тутъ в Нѣжинѣ будучи она Вуцка передъ судомъ поки ей суперникъ Остапъ Росушка в Нѣжинѣ не билъ, оного пѣску з платка не вивязовала, а держала тотъ пѣсокъ в платку, и матузокъ з узликами при себѣ; а сего ноября 1, когда ей Вуцки суперникъ Росушка въ Нѣжинъ прибулъ, то она Вуцка, идучи до канцеляріи, близъ оной на дворѣ вишписанній пѣсокъ з платка вивязала и изъ онимъ будучи въ судѣ полковомъ нѣжинскомъ, по наученю мененной Марьи Данилихи, такъ тотъ пѣсокъ, яко и матузокъ з узликами держала в руцѣ, якіе пѣсокъ и матузокъ у ней Вуцки въ ономъ судѣ витрушени, болше же кромѣ вишеписанного она Вуцка отъ означенной Марьи Данилихи жадныхъ примовокъ не чула и нѣгде на судахъ такъ не чинила и не знаетъ.

Къ сему допросу по прошеніи Вуцки Михайла Батраченка жены вмѣсто ей Павелъ Дапясоцкій подписался.

Року 1732 ноября 7 дня. Поневажъ Марья Данилиха таитъся сказуючи, что она Вутцѣ Михайлисѣ виякого писку и матузка не давала и о томъ ей не научала, и она сама, чтобъ когдась будучи на правѣ тожъ чинила, якоби не вѣдаетъ; того ради Вуцка Михайлиха в правду-ль на Марью говоритъ тое, о томъ была з пристрастіемъ допрашивана и в допросѣ показала, такъ слово въ слово якъ и въ допросѣ своемъ доброволномъ, и цѣле тое твердила, что ей Вутцѣ тіе пѣсокъ и матузокъ з завязаннимп узликами Марья Данилиха дала.

Року 1732-го ноября 6 дня. Противъ допросу Вуцки Михайла Батраченка жены, в которомъ она Вуцка показала, же Марья Данилиха, идучой ей Вутцѣ въ судъ полковый нѣжинской для зискания справедливости з Остапа Росушки, жителя мартиновского, за учиненный нимъ ей Вутцѣ гвалтъ, дала пѣсокъ чорній

Библиотека "Руниверс"

въ платку, и матузокъ суровый, на которомъ завязано пять узликовъ, оная Марья Данилиха была въ полковой канцеляріи о томъ допрашивана и въ допросѣ показала, что она о той чорной землѣ и суровомъ матузку, на которомъ завязано пять узликовъ, не знаетъ и ней Вутцѣ Михайлисѣ, оныхъ, чтобъ потому за нею Вуцкою судъ потягъ, не давала; и такихъ словъ, что и оная Марья позываючись когдась тое чинила, не говорила. Къ сему допросу вмѣсто Марьи Данилихи по ей прошенію Іосифъ Хорчавскій, житель нѣжинскій, руку приложилъ.

Поневажъ Вуцка Батраченкова жена такъ въ доброволномъ, яко и пристрастномъ допросахъ сказуетъ, что ей Вутцѣ Марья Данилиха пѣсокъ чорній и матузокъ дала, что и въ повторномъ пристрастномъ допросѣ сказала; того ради оная Марья Данилиха не таитъся-ль тому была подъ пристрастіемъ допрошевана и показала. Такъ слово в слово якъ и в доброволномъ своемъ допросѣ: же она Марья жадного пѣску и матузка з узликами Вуткѣ Батрачисѣ не давала и не знаетъ. 1732 году ноября 10 дня.

Благороднѣйшый мосцѣ пане судія полковый нѣжинскій, мой велце мосцѣвій пане и милостивій добродѣю.

Сего листа оддавца, сторожъ полевій сотнѣ моей Данило Чарнявскый, едетъ въ судъ полковій нѣжинскый просити в ономъ к женѣ своей, которая опорочена отъ жени Михайла Батрака, жителя мартиновского, нѣкоторимъ чародѣйствомъ, милосты: за которимъ и я до вми. пана и добродѣя пишучи, наипокорнѣйше его прошу, явити къ онимъ свою отеческую милость; ибо помянутого Чернявского жена, есть рода честного, и предъ симъ въ жадной и найменшой не была суспиціи. О якое на онихъ показанное патронское милосердіе и паки вмм. пана и добродѣя просячи, его жъ ласкавой вовѣряю мя приязни. Вмм. Пана и добродѣя нижайшій слуга сотникъ івангород. Андрей Безпалий.

Ноября 6 дня
1732 году.

Року 1732, ноября 16 дня. Я нижеподписанній въ полковой нѣжинской канцеляріи ручусь за Маріею Данила Чернявского, жителя івангородского, жоною въ томъ, что она нѣкуда з Івангорода не увойдетъ и если в оной полковой канцеляріи востребуютъ ей, то она на требованіе станетъ, а буде на требованіе не мѣла бы въ пол. канцеляріи явитись, то я поручникъ долженъ буду ей самъ представить подъ опасеніемъ буде не представлю, того на себѣ понести, чого она будетъ достойна. Къ сей поручной вмѣсто значкового козака Василія Дмитровича по его прошенію житель нѣжинскій Афиногенъ Тигровскій подписался. На оборотѣ адресъ: Благороднѣйшому его милосты пану Сумеону Чуйкевичу, судіи полковому нѣжинскому, моему велцемосцѣвому пану и милостивому добродѣеви. Покорно.

Библиотека "Руниверс"

№ 3054. Под. іюля 15 дня 1727 году.

Въ Малороссійскую Енералную войсковую канцелярію доношеніе.

Сего 727 году минувшаго іюня мѣсяца сотнѣ носовской зъ города Носовки присланній человѣкъ іменно Семенъ Каленниченко; которій между протчіими своими словами, говорилъ, что въ Глуховѣ и въ Лохвицѣ пріидучой Спасовки сего 727 году мѣетъ бить моровое повѣтріе.

Того ради его Семена Каленниченка за помянутое слово з допросомъ въ ізбѣ судовой войсковой козелецкой учиненнимъ въ Малоросійскую Енералную войсковую канцелярію присемъ посилаю.

О семъ да благоволитъ Малоросійская Енералная войсковая канцелярія вѣдать, іюня 14-го, 727 году. К сему доношенію кіевский полковникъ Антоній Танский руку приложилъ.

1727 году юля 19 дня по указу Его Императорского величества въ войсковой Енералной канцеляріи приговорили присланнаго при сему доношенію Семена Каленниченка зъ полку кіевского въ Малороссійскую Коллегію при промеморіи зъ войсковой Енералной канцеляріи оного одослать и подлинній его вопросъ, а копію з оного допроса въ Енералной канцеляріи оставить.

Іванъ Мануйловичъ. Ѳедоръ Потребичь Гречании.

1727 году юня 21 дня въ дому судовомъ войсковомъ козелецкомъ Семенъ Каленниченко меиуемій упиръ допрашиванъ; а въ допросѣ сказалъ, что де онъ родился отъ отца своего Каленика и матери Татіани в лубенскомъ полку въ мѣстечку Глинску; а когда онъ зродилъся, тоде того жъ часу в свѣтѣ позналъ всѣ вещи, и бабу свою пріемницу Горпину Демчиху заразъ позналъ, что она де вѣдма, и оная де баба сказала матери его, что на ономъ есть сухоти и зашила оного у товарячій киндюхъ, уже де было отъ рода оному полгода, и зашивши, оная баба положила на сѣнномъ порозѣ, сказуючи де матери его, что оная дитина не певная вродилася, и жебы онъ что дитиною мѣти зналъ забувъ, и для того положили были мати з оною бабою намѣреніе, жебы онъ маленкимъ згинулъ, аже того жъ часу собака прибѣгши тотъ киндюхъ съ онимъ ухопилъ и прорвалъ, а оного не образилъ, и сожалѣвшися де оного мати изнову взяла до себе, и почала кормить, а кендюхъ собака зъѣлъ, и когда де у матки своей воспитовалъся, то дитиною все зналъ, где которая есть вѣдьма, толко де онъ сѣмъ лѣтъ не ходилъ, нѣ говорилъ, все сидѣлъ, потомъ что онъ упиромъ родилса, зналы уже его отецъ и мати, а хоча онъ упиромъ родился, то до дванадцати лѣтъ до оного вѣдми не прикасалися, а по семи лѣтахъ началъ онъ ходить, и когда де отецъ его бивало хочетъ купить якую товарину, то онъ сказуетъ якую купить, а якую не купить, и хоча бы хто мѣлъ поносвать якимъ чарованіемъ товарину, то онъ де бывало тіе чари отгонитъ, и отъ

Библиотека "Руниверс"

того зѣля знаетъ, а по двандцати лѣтехъ возраста оного, начали де до оного въ Глинску вѣдми приходивать, а именно Пруска Бабичиха, и другая, прозиваемая Лисенская, а якъ ону зовутъ по имени того не упомнитъ, и всѣхъ ихъ вѣдіомъ было де у Глинску пятнадцать, и на первѣй Бабичиха пришедши де до оного в ночи и викликала оного с хати, и онъ съ нею пошолъ до ея в дворъ, и засталъ ихъ всѣхъ пятнадцать, и оніе де вѣдми заразъ стали оного бить головнямы тимы что с печи викидаютъ, за тое, чтобы онъ не казалъ нѣкому, что они суть вѣдми, и тое ночи варили зѣля, а якъ зовутъ тое зѣля того не знаетъ, толко де познать можетъ где ростетъ, и тимъ зѣлямъ помазалися по подпахвамы и оного помазалы, и помазавши ся всѣ тое ночи лѣтали до Лубенъ, а тое де зѣля варятъ сутки, и зѣля само в горшку говоритъ, и каждую вѣдму по имени, зоветъ, в Лубняхъ совѣтовали где що злое починить, и тое же почи до пѣвнювъ всѣ з Лубны до Глинску стали, и кождая в домъ свой поросходилися. А тое де вѣдомское чарованіе трижди въ годъ бываетъ, о святой недѣлѣ разъ, по Рождествѣ святого Предотеча другій, а третій у пилиповку на святого Григорія, и во ономъ де Глинску презъ килка лѣтъ оного вѣдми труднячи докучали боемъ оному, и за тое онъ старшинѣ глинской показалъ тихъ вѣдіомъ, и старшина велѣла ихъ зъисковать, и зискавши ихъ пятнадцать велѣлы и оного шестогонадцеть со ними держать шесть недѣль за приказомъ въ колодкахъ, которіе вѣдми признали тогда себе быть такими, и в томъ старшина въ нихъ оплатку побравши съ онимъ попущали з запризу. Потомъ де оніе вѣдми, а именно зъ нихъ одна Мищиха Андруткова сотникова маты сказала де оному жебы з Глинска в иншіе де пошолъ полею (sic), ибо хотѣли де оного за показане ихъ замучить, и онъ де з Глинска молодикомъ поишовши пришолъ до Носувки, и въ Носувкѣ у ткача Ісаія сталъ за хлопца, и вывчившися ремесва у маистрахъ робилъ за челядника лѣтъ съ 15, и хочаи де чресъ тіе лѣта вѣдми носовскіе знали, что де онъ упырь есть, толко жъ де не прикасалися до оного для того что онъ не ихъ сотнѣ, а носовскіе вѣдми именно сказуетъ, что де Андреиха Шевчиха бывшая войтиха, другая намѣсничка томашевская Ворушилиха Шавуленкова, а протчіихъ де убогихъ вѣдіомъ въ Носовцѣ много есть; и пошовши онъ молодикомъ зъ Носовки до Лихачева въ Лихачевѣ оженилъся, и жилъ зъ женою лѣтъ 10, а было де в оного дѣти 2 и померли; а хоче де въ Лихачевѣ вѣдми билы, толко жъ и тамъ ихъ не показовалъ для того, что они де оного ни въ чемъ не занмалы; толко де въ томъ Лихачевѣ уже тому лѣтъ 6 померши атаманиха Михачевская Катра Степаниха ходила мертвая по ночамъ недѣль зо три, и приходомъ своимъ домашнимъ докучила, и зять оной мертвой атаманихи Стецко Коханенко, дочувшися, что де знахорка есть въ кіевскомъ полку, и живетъ въ Иржавцѣ именно Олена Кривецкая, ездилъ де до оной просити, жебы тое тещи трупъ по ночи ходитъ запинила, и когда де помененній Коханенко былъ

Библиотека "Руниверс"

у Кривецкой у Иржавци то де она Кривецкая сказала, такъ Коханенку, идьте до дому въ Лихачевъ, и есть де тамъ у васъ братъ мой Семенко Горбатенкій ткачикъ, и благайте оного, то де онъ трупъ тещи твоей запинитъ ходить по ночи, и чрезъ оного Коханенка прислала де оному хустку и шостакъ грошей, и онъ отъ Коханенка взявши тую хустку и шостакъ грошей и, послухавши отъ Кривецкой повелѣваемого, ходилъ три ночи на могилу где лежитъ атаманиха, и на тое могилѣ о полночи презъ пѣвнями лежачи до гори очима съ тимъ де мертвимъ трупомъ змагался, жебы болшь не ходилъ по ночамъ, когда же де съ тое могили чи свинею или якою колвекъ бестею виденіе внидетъ, то де онъ ниць на могилѣ ляжетъ, а якъ у землю тое виденіе пойдетъ, то де онъ до гори лежитъ и говорилъ съ такимъ до того трупу приговоромъ, якъ оному де назадъ пятами не ходити, такъ де тому трупу по семъ свѣтѣ уже не ходить и отъ того часу тотъ трупъ атаманихи уже не сталъ по ночи ходить.

Потомъ отъ тихъ поръ лихочувскіе обыватели узнали оного, что онъ упирь есть, и бывало лихачевскимъ людямъ допомагаетъ товару, а оной де Кривецкой и до сего часу онъ ни знаетъ, ни вѣдаетъ. Потомъ зъ Лихачева когда жонка оного померла, пришелъ де онъ до Носовки, и живетъ в семъ 1727 году отъ великого посту, и в Носовцѣ сталъ былъ у Хведора Деркачика ткача ткачство робить и по воскресеніи Господнемъ посварился зъ помененною Андрѣихою бывшою войтихою, назвалъ де оную вѣдмою, а войтиха де, пошедши до Томашевской, сказала де оной, что де онъ зоветъ мене и тебе вѣдмами, и за тое оного в Носовце ковали и были доволно, потому и въ Козелецъ оного припроважено, и когда де будетъ указъ, то де онъ покажетъ і в Козелцу вѣдіомъ. Да тотъ же упирь сказалъ, что де въ пріидучую Спасовку сего 1727 году мѣтъ быть въ Глуховѣ и въ Лохвицѣ моровое повѣтря.

А въ Казелцу сказуетъ, что де Ступалиха вѣдма, Крупяничка, що шинкуетъ горѣлкою Алесиха Крупяничка невинна, и в такомъ подзорѣ не есть причиною.

Въ подлинномъ подписано. Къ сей сказцѣ по прошенію Семена Калениченка Стефанъ Пѣратинской руку приложилъ.

Съ подлиннымъ допросомъ читалъ канцеляристъ Григорий Юркевичъ.

Заботы Петра I объ овцеводствѣ въ Малороссіи.

Универсалы, во всѣ полки писанные, о заводахъ овечихъ, якіе могли бы способны быти вовною до робленя суконъ.

По титлѣ.

Ознаймуемъ симъ универсаломъ нашимъ пану полковникові N., панамъ: старшинѣ полковой, сотникамъ, атаманѣ, войтамъ, зъ протчими градскими и

Библиотека "Руниверс"

сѣлскими урядниками, и всѣмъ кому бы колвекъ о томъ вѣдати надлежало: ижъ еще покойный ясневелможный его милость панъ гетманъ Скоропадскій, по именному императорского всепресвѣтлѣшого величества указу, одъ высокихъ лицъ имѣлъ собѣ на словахъ и на писмѣ предложеніе о содержаніи и размноженіи въ Малой Россіи овецъ тыхъ, которыхъ бы вовна могла быти способна на дѣланіе въ манѣфактурныхъ заводахъ добрыхъ суконъ, якъ въ томъ уже и въ полки малороссійскіе прежде сего было публѣковано; а нынѣ и мы, по смерти его велможности, на имя его покойного получили писаніе одъ превосходителного его милости господина Василія Яковлевича Новосѣлцова, государственной манѣфактурной коллегіи президента, зъ тымъ объявленіемъ и предложеніемъ, что его императорское величество неусыпного своего изволитъ прилагати старанія, дабы въ Россійскомъ его величества государствѣ везде, и въ Малой Россіи, овци зъ потребною до суконныхъ заводовъ шерстю были розведены; а якъ власне надлежитъ оныхъ держати, кормити и дозирати—о томъ по требованію покойного ясневелможного, паче же по указу всепресвѣтлѣшого императорского величества, его жь превосходителство господинъ Новосѣлцевъ особливую инструкцію зъ обстоятелнымъ изъясненіемъ прислалъ до насъ. Прето мы, монаршой его величества волѣ и указу повинуючися, и тотъ интересъ въ ползу государственную по должности нашой желаючи произвести до событія, чрезъ сей нашъ унѣверсалъ прекладаемъ указомъ его императорского величества: абы такъ самъ панъ полковникъ N., яко и другіе урядовые и безурядовые, знатнѣйшіе и мѣлшіе войскового и посполитого стану тамошнего полку обывателѣ, пристойные поля и протчіе выгодные осѣдлости въ себе мѣючіе, по своей его императорскому величеству вѣрности до устроенія помянутыхъ овечихъ заводовъ безъ жадного сумлѣнія и вонтливости охочо принялись; якіе овцы хто колко подлугъ пропорціи своего достатку у себе имѣти можетъ, старалися содержати и выховувати таковымъ порядкомъ, якъ власне инструкція, при семъ унѣверсалѣ нашомъ описанная, наставляетъ, которую зъ симъ же унѣверсаломъ мѣетъ панъ полковникъ N. везде въ полку своемъ опубликовати и всякому могущому приказати гараздъ внушити для совершенного зрозумленія, же тое овецъ размноженіе не къ яковому всякого тыхъ заводовъ господара дѣятимется убытку и трудности, но еще въ продажѣ зъ оныхъ вовны неменшій будетъ зыскъ и пріобрѣтеніе; котрый интересъ, яко до государственной ползы стягаючійся, долженъ панъ полковникъ въ полку своемъ старатися всѣми неотложными мѣрами въ семъ же року приводити въ дѣствіе, и сколко таковыхъ людей зъ урядниковъ и зъ другихъ тамошнихъ полчанъ зберется на лицо, которые змогутъ вышеозначеные овцы держати,—намъ учинити извѣстно; мы зась подлугъ первого пункту въ инструкціи изображенного извѣстившися, якіе гдѣ въ великороссійскихъ и слободскихъ городахъ овечіе заводы къ малороссійскимъ полкамъ

Библиотека "Руниверс"

сутъ близки, о томъ деклярyемъ впредъ прислати объявленіе, жебы всякому было вѣдомо—зъ якихъ мѣстцъ людей, на выхованю тыхъ овецъ добре знаючихся, и барановъ къ тымъ же овцамъ способныхъ требовати будетъ надобно. Данъ зъ Глухова, августа 31, року 1722.—А въ подлинномъ подпись такій: вышменованный полковникъ и наказный гетманъ, рукою власною; войсковый енералный писаръ Семенъ Савичъ; Василій Жураковскій, асаулъ енералный. (Мѣстце печати войсковой).

А вотъ и самая инструкція для заведенія въ Малороссіи улучшенныхъ овечьихъ породъ и ухода за ними.

Предложеніе отъ государственной манифактурной коллегіи о содержаніи овецъ въ Малой Россіи.

Понеже указомъ его императорского величества повелѣно, для суконныхъ и протчіихъ манифактуръ, овецъ умножати, и до нихъ шліонскихъ барановъ припускати, и содержати такимъ порядкомъ, якъ въ нѣмецкихъ сторонахъ вувци содержатся, дабы чрезъ тое добрая шерсть вкоренитися могла, а производити ихъ нижеописанными пунктами:

1.

Вувци яковыи есть въ Малой Россіи у обывателей, изъ тыхъ выбрати вовною бѣлыхъ, и до тыхъ овецъ въ свое время припускати барановъ зъ овчарныхъ заводовъ, которые дадутся изъ манифактуръ коллегіи; также даны будутъ люде, кому указувати, якъ содержати овецъ, изъ учениковъ малороссійскихъ; а которые прежде были домашніе бараны, оныхъ отлучити, и до тыхъ бѣлыхъ овецъ не допускать; и о дачѣ къ тому барановъ и учениковъ къ маіору Кологривову, который овчарными заводами вѣдаетъ, указъ посланъ; а за тыи бараны платить по полталяра, а если хто платити не похощетъ, то брать у тыхъ тамошними баранами тее жъ число въ замѣну, килко хто возметъ.

2.

Между тымъ доставать барановъ изъ Шліонска, щобъ часъ отъ часу добрая шерсть вкоренялася, и хто имѣетъ чорныхъ и сѣрыхъ овецъ, щобъ оные были за часомъ переведены, а которые будутъ приплодные вувци бѣлые, оныхъ пускать на плодъ, а прежнихъ овецъ сѣрыхъ и чорныхъ заживати всякому господару въ расходъ по своему разсмотрѣнію, и оные приплудные вувци, равнымъ образомъ якъ и другіе малороссійскіе, всякъ во своей власти имѣти можетъ.

3.

Всѣмъ обывателямъ, хто имѣетъ сколко овецъ, по числу оныхъ построить кошары теплыи, где есть лѣсъ рубленій, а где лѣсу скудно плетеныи, и вымазать глиною для тепла, или иншимъ, чимъ кому способнѣйше, тилко были въ зимою теплы; а якъ наступитъ зима, то держать ихъ въ тыхъ кошарахъ, и

Библиотека "Руниверс"

зимою на дворъ выпускать по двуйчи и по трійчи на день, когда сѣно закладуваютъ, а лѣтомъ выгонять въ поле якъ слонце всходитъ, а приганять на заходѣ слонца, а въ негоду не выгонять и держать въ кошарахъ.

4.

Овецъ стригти въ годъ по два разы: мая въ первыхъ числахъ, да въ сентебріи мѣсяцѣ, и тую вовну розбирать—весняную особно, а осѣнную особно, а поярочную особно, и употребляти въ продажу и на домашніи росходы по своему разсмотрѣнію, тилко заграницю не отпускати и не продавати.

5.

Пасти вувцѣ тые на тыхъ же мѣстахъ, на якихъ прежде паслись, тилко на болото пасти не пускати, а зимою въ болшіе дни давать сѣна, якое где есть, по чтыри разы, а въ малыи днѣ по три разы у сутки, и наповати чрезъ двое сутки когда ведрено, а въ непогоду и чрезъ тыждень.

6.

Соль давать зимою, ежели имѣетъ кто доволство; въ тыждень по разу, а лѣтомъ на всякій тыждень по одному разу, и що частѣй дается соль, то шерсть будетъ лучшая и овцамъ здорово, а когда буваетъ мокрота зимою метеличная а лѣтомъ дожчевая, тогда соли не давать, и имѣти въ томъ прилежаніе, то изъ того надѣя певная всѣмъ обывателямъ быти можетъ въ такой мѣри, що прежнюю простую рунную шерсть продавали пудъ по копѣ, и по таляру, то тая шерсть, которая зъ овчарныхъ заводовъ, продается на суконное дѣло по одинадцять золотыхъ, и по болшей, и между рунною малороссійскою шерстю есть немалая розница въ цѣнѣ.

7.

А когда вувци захоруютъ, и въ такомъ случаѣ давати имъ суль зъ перепусканою смолою, тутъ же мѣшати оцетъ и горѣлку, на прикладъ: на тисячу овецъ по четыри кварты, также и ячменной муки, которой треба будетъ въ годъ на тисячу овецъ по двѣ четверти; а когда буваетъ короста или раны, мазати чистымъ дюгтемъ, хочай въ нихъ и черви бываютъ.

8.

Барановъ некладеныхъ отлучати отъ овецъ февраля съ послѣднихъ чиселъ, а спускать зъ овцами октоврія зъ 20 числа, и овецъ доити не возбраняется.

Іюля 13 дня, 1722. Семенъ Селезневъ.

Книга генеральной войсковой канцеляріи, содержащая копіи исходящихъ бумахъ, (1722—1727 года). Книга эта хранится въ собраніи документовъ, принадлежащемъ кіевской археографической коммиссіи. Страница 49—50.

Сообщилъ **О. Л.**

Библиотека "Руниверс"

Пропавшія рукописи Н. И. Костомарова.

Въ 1860 г., когда Н. И. Костомаровъ, по возвращеніи изъ Саратова, занималъ уже каѳедру въ петербургскомъ университетѣ, онъ обратился къ кіевскому генералъ-губернатору князю Васильчикову съ просьбою о разысканіи и возвращеніи ему нѣкоторыхъ бумагъ, отобранныхъ отъ него въ Кіевѣ въ 1847 г. Изъ приложеннаго къ его письму *реестра* видно, что рукописи, о разысканіи которыхъ онъ ходатайствовалъ, были слѣдующія:

1) *Автографъ лѣтописи І. Ерлича* и сдѣланная съ него на бѣлой бумагѣ копія; и автографъ, и копія in 4.

2) Рукопись самого Костомарова: *Памятники острогожскаго слободскаго полка*, съ копіями грамотъ, числомъ болѣе 20-ти, на бѣлой бумагѣ, тетрадь въ листъ.

3) *Подлинныя грамоты XVII ст.*, относящіяся къ исторіи острогожскаго слободскаго полка, въ свиткахъ. Костомаровъ не могъ припомнить точнаго количества этихъ грамотъ, но утверждалъ, что ихъ было болѣе 20-ти.

4) Рукопись собственнаго сочиненія Костомарова: *О принятіи руссами христіанства до Владиміра*, тетрадь на бѣлой бумагѣ въ листъ.

5) Сочиненная Костомаровымъ на малорусскомъ языкѣ историческая драма: «*Косинскій*»; тетрадь in 4, на почтовой бѣлой бумагѣ.

и 6) Читанныя Костомаровымъ въ кіевскомъ университетѣ *лекціи изъ русской исторіи*, въ тетрадяхъ на цвѣтной почтовой бумагѣ in 4. Числа тетрадей Костомаровъ не помнилъ.

По этому поводу князь Васильчиковъ писалъ къ бывшему тогда предсѣдателемъ кіевской археографической коммиссіи М. В. Юзефовичу (отъ 25 іюня 1860 г.) слѣдующее: «Профессоръ императорскаго с.-петербургскаго университета Костомаровъ обратился ко мнѣ съ просьбою о розысканіи и возвращеніи нѣкоторыхъ бумагъ его, отобранныхъ отъ него въ Кіевѣ въ 1847 г. Изъ дѣлъ управленія моего видно, что нѣкоторыя бумаги Костомарова, хранившіяся опечатанными въ квартирѣ Монькиной, согласно желанію его, отданы были женѣ коллежскаго ассесора Мазуровой, которою отправлены къ нему, Костомарову, въ Саратовъ. Затѣмъ, по ходатайству Костомарова, хранившіяся въ канцеляріи генералъ-губернатора въ особомъ тюкѣ бумаги его препровождены саратовскому губернатору для врученія по принадлежности. Болѣе въ управленіи моемъ никакихъ бумагъ Ко-

Библиотека "Руниверс"

стомарова нѣтъ. Изъ настоящей же просьбы профессора Костомарова видно, что въ возвращенныхъ ему бумагахъ оказалась записочка неизвѣстно чьей руки, въ которой сказано: «передать бумаги Костомарова профессору Иванишеву». На этомъ основаніи имѣю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, увѣдомить меня: нѣтъ ли этихъ бумагъ въ коммиссіи для разбора древнихъ актовъ или у дѣйств. ст. совѣтника Иванишева?»

На этомъ письмѣ князя Васильчикова рукою М. В. Юзефовича помѣчено: «Немедленно справиться, нѣтъ ли изъ этихъ бумагъ чего-нибудь при дѣлахъ коммиссіи, и ежели есть, то отъ кого онѣ получены».

Розыски въ коммиссіи не привели, однако, ни къ чему, и спустя нѣсколько дней М. В. Юзефовичъ увѣдомилъ генералъ-губернатора, что «по справкѣ въ дѣлахъ коммиссіи ни одной изъ поименованныхъ въ спискѣ рукописей проф. Костомарова не оказалось, и что по причинѣ отсутствія дѣйств. ст. совѣтника Иванишева въ Варшаву дальнѣйшей справки до его возвращенія сдѣлать не возможно».

Въ концѣ концовъ названныя рукописи оказались пропавшими—навсегда ли? Хотѣлось бы вѣрить, что онѣ еще отыщутся когда либо. Вѣдь нельзя же предположить, чтобы кто нибудь истребилъ ихъ намѣренно. А пока—почитателямъ покойнаго историка остается пополнить длинный списокъ его твореній четырьмя новыми, до сихъ поръ никому невѣдомыми названіями.

L.

Рисунки Шевченка.

Къ перечню книгъ, иллюстрированныхъ Шевченкомъ (см. «К. Ст.» 1888 №№ 1—3), слѣдуетъ прибавить роскошное по своему времени изданіе Жернакова «Русскіе полководцы или жизнь и подвиги россійскихъ полководцевъ отъ временъ императора Петра Великаго до царствованія императора Николая I» Спб. 1845 г. Текстъ этого изданія, какъ и въ «Исторіи Суворова», составленъ Н. Полевымъ. Двѣнадцать портретовъ полководцевъ (Петръ I, Б. П. Шереметевъ, Меньшиковъ, Минихъ, Румянцевъ, Потемкинъ, Суворовъ, Кутузовъ, Барклай де Толли, Витгенштейнъ, Дибичъ и Паскевичъ), какъ упомянуто въ предисловіи къ книгѣ, «рисованы извѣстнымъ художникомъ Т. Г. Шевченко, гравированы на стали знаменитымъ граверомъ Робинсономъ и отпечатаны въ Лондонѣ». Эти двѣнадцать рисунковъ—

Библиотека "Руниверс"

самые тщательные изъ всѣхъ встрѣчающихся въ иллюстрированныхъ Шевченкомъ книгахъ, но въ нихъ менѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, замѣтна личность рисовальщика. Капризный и не всегда правильный карандашъ украинскаго поэта подвергся здѣсь очевидно выправкѣ аккуратнаго и набившаго руку рѣзчика, сгладившаго, индивидуальныя особенности рисунка. Двѣ книги Полеваго съ рисунками Шевченка свидѣтельствуютъ о существованіи между обоими писателями,—одинаково вышедшими изъ народа,—извѣстной близости и знакомства. Приглашеніе Шевченка для иллюстрированья изданья роскошнаго и посвященнаго императору Николаю, а также упоминаніе о немъ какъ о художникѣ «извѣстномъ» показываетъ, что около 1845 года его репутація, какъ артиста, уже стояла на нѣкоторой высотѣ. Это было по окончаніи имъ академіи художествъ и полученіи академической степени. Въ томъ же 1845 году вышла первая серія офортовъ поэта «Живописная Украина». Въ капитальномъ трудѣ г. Ровинскаго «Русскіе гравированные портреты», въ числѣ изданій—серій, упомянуты и «Русскіе полководцы», но безъ означенья о принадлежности рисунковъ Шевченку, которая, между тѣмъ, несомнѣнна.

Пользуемся случаемъ, чтобъ привести изъ того же превосходнаго сочиненія маленькое дополненіе къ списку офортовъ Шевченка, напечатанному у насъ. («К. Ст.» 1888, № 6) Офорты эти многими теперь тщательно разыскиваются и собираются, а установить ихъ полный перечень необходимо. Въ замѣткѣ г. Ровинскаго объ этихъ офортахъ пропущены нѣкоторые нами перечисленные, но упомянуты нижеслѣдующіе, о которыхъ намъ было неизвѣстно. «Въ моемъ собраніи, пишетъ Ровинскій, находятся гравюры Шевченка: Къ «Цыганамъ» Пушкина, Король Лиръ, Головка, Одалиска (не брюлловская Вирсавія), крестьянинъ-старикъ, маленькій малороссійскій пейзажъ и четыре копіи *съ гравюръ* Рембрандта».

Изъ прошлаго г. Кіева.

I. *Дѣло по челобитью кіевскаго Межигорскаго монастыря игумена Ѳеодосія съ братіею о выдачѣ милостыни.*

Великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексіевичу, Петру Алексіевичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцемъ бьютъ челомъ богомольцы ваши, кіевскаго Межигорскаго монастыря игуменъ Ѳеодосій съ братіею. По указу

Библиотека "Руниверс"

блаженныя памяти отца вашего государева, и брата вашего и васъ, великихъ государей, велѣно намъ богомольцамъ на препитаніе братіи изъ вашей государевы казны давать милостыни въ пятой годъ; и нынѣ, государи, пятый годъ пришелъ, а вашего государева жалованья намъ не дано. Милосердые государи, царя и великіе князи Іоаннъ Алексіевичъ, Петръ Алексіевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, пожалуйте насъ, богомольцовъ своихъ, велите, государи, по вашимъ, великихъ государей, указомъ на нынѣшній годъ изъ вашей государевы казны выдать намъ, богомольцамъ, милостыню, что вамъ Господь по сердцу извѣститъ. Великіе государи смилуйтеся

На оборотѣ: «202 г. декабря въ 20 д. Выписать».

И въ приказѣ Малыя Россіи выписано:

Въ жалованной великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцевъ, грамотѣ, какова дана кіевскаго Межигорскаго монастыря игумену Ѳеодосію съ братіею въ прошломъ во 192 году написано: велѣно того монастыря игумену Ѳеодосію и впредь кто по немъ иные игумены будутъ пріѣзжать къ великимъ государемъ къ Москвѣ бити челомъ о милостынѣ или для того же присылать старцовъ трехъ или четырехъ человѣкъ въ пятый годъ.

И въ прошломъ въ 198 г. по вышеписанной ихъ, великихъ государей, жалованной грамотѣ былъ въ пріѣздѣ того Межигорскаго монастыря намѣстникъ Иродіонъ, да келарь Илья, іеродіаконъ Филаретъ бити челомъ великимъ государемъ о милостынѣ, а указной годъ имъ тогда въ 197 году.

И въ томъ же во 198 году послано съ нимъ намѣстникомъ ихъ, великихъ государей, жалованья въ тотъ монастырь игумену съ братіею на милостыню сорокъ соболей въ 50 рублей.

А въ нынѣшнемъ, въ 202 году, пріѣзду ихъ бити челомъ великимъ государемъ о милостынѣ указной годъ.

И великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцемъ, кіевскаго Межигорскаго монастыря игуменъ Ѳеодосій съ братіею бьетъ челомъ, что по ихъ, великихъ государей, указу велѣно имъ на препитаніе братіи изъ ихъ, великихъ государей, казны давать милостыню въ пятый годъ, и нынѣ указной годъ пришелъ, а великихъ государей жалованья имъ не дано.

Библиотека "Руниверс"

И великіе государи пожаловали бъ его, игумена съ братіею, велѣли имъ на нынѣшній годъ изъ своей, великихъ государей, казны выдать милостыню.

Помѣта: «202 г. генваря въ 3 д. великіе государи пожаловали кіевскаго Межигорскаго монастыря игумена Ѳеодосія Васковскаго съ братіею, велѣли имъ дать своего великихъ государей жалованья по своей государской жалованной грамотѣ въ указной годъ милостыни собольми на пятьдесятъ рублей и послать къ нимъ тое милостыню съ намѣстникомъ того монастыря Иродіономъ».

На оборотѣ: «великихъ государей жалованья намѣстникъ Ѳедосъ, монахъ Иродіонъ въ Межигорской монастырь братіи на милостыню шесть паръ соболей въ пятьдесятъ рублевъ взялъ и росписался».

II. *Дѣло по челобитью кіевскаго Свято-Никольскаго пустыннаго монастыря игумена и Братскаго училищнаго монастыря ректора Іоасафа Кроковскаго о выдачѣ жалованья въ Никольскій и Братскій монастыри.*

I. Великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцемъ, бьетъ челомъ богомолецъ вашъ изъ Кіева Свято-Никольскаго пустыннаго монастыря игуменъ и Братскаго училищнаго монастыря ректоръ Іоасафъ Кроковскій. По вашему, великихъ государей, указу даны намъ, богомольцомъ, ваши, великихъ государей, жалованныя грамоты, велѣно намъ пріѣзжать къ Москвѣ для вашего, великихъ государей, жалованья изъ Братскаго монастыря въ третій годъ, а изъ Никольскаго монастыря въ пятый годъ. Милосердые великіе государи, цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, пожалуйте меня богомольца своего, велите, государи, по тѣмъ своимъ, великихъ государей, жалованнымъ грамотамъ свое, великихъ государей, жалованье выдать. Великіе государи смилуйтеся!

На оборотѣ помѣчено: «Выписать».

И въ приказѣ Малыя Росіи выписано:

Въ жалованной великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцевъ, грамотѣ, какова дана Николаевскаго пустыннаго монастыря игумену съ братіею въ прошломъ во 197 г. сентября въ 19 д. написано: велѣно ему, игумену, и впредь кто по

Библиотека "Руниверс"

немъ въ томъ монастырѣ иные игумены будутъ, присылать къ великимъ государемъ бити челомъ для милостыни въ пятый годъ.

И въ прошломъ въ 199 г. къ великимъ государемъ былъ въ пріѣздѣ съ преосвященнымъ Варлаамомъ, митрополитомъ кіевскимъ, того Никольскаго пустыннаго монастыря игуменъ Іоасафъ Кроковскій и билъ челомъ великимъ государемъ по той жалованной ихъ, великихъ государей, о милостынѣ, и съ нимъ послано въ тотъ монастырь великихъ государей жалованья на милостыню собольми на тридцать рублей. А указной годъ тому пріѣзду для милостыни былъ въ 201 году. А нынѣ, по вышеписанной ихъ великихъ государей жалованной грамотѣ, пріѣзду изъ того монастыря къ Москвѣ для милостыни указной годъ будетъ въ прошломъ въ 206 году. Да въ жалованной же ихъ, великихъ государей, грамотѣ, какова дана въ Богоявленской Братской монастырь въ прошломъ въ 192 г. августа въ 16 д. написано: велѣно того монастыря игумену, и впредь кто по немъ иные будутъ, присылать къ великимъ государемъ къ Москвѣ бити челомъ о милостынѣ въ третій годъ.

И въ прошломъ въ 199 г. къ великимъ государемъ былъ въ пріѣздѣ Богоявленскаго Братскаго монастыря намѣстникъ и ректоръ Гавріилъ и билъ челомъ о милостынѣ, и съ нимъ тогда послано въ тотъ монастырь великихъ государей жалованья на милостыню соболей на 30 рублей. А нынѣ, по вышепомянутой жалованной ихъ великихъ государей грамотѣ, Богоявленскаго Братскаго монастыря пріѣзду къ Москвѣ для милостыни указной годъ.

И великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцемъ, бьетъ челомъ Николаевскаго пустыннаго и Братскаго монастырей кіевскихъ игуменъ и ректоръ Іоасафъ Кроковскій, что, по указу великихъ государей, даны имъ ихъ, великихъ государей, жалованныя грамоты, а по тѣмъ жалованнымъ грамотамъ велѣно имъ пріѣзжать къ Москвѣ для ихъ, великихъ государей, жалованья изъ Братскаго монастыря въ третій годъ, а изъ Никольскаго монастыря въ пятый годъ. И великіе государи пожаловали бъ его игумена и ректора, велѣли по тѣмъ своимъ, великихъ государей, жалованнымъ грамотамъ то свое, великихъ государей, жалованье выдать.

Помѣта: «202 г. декабря въ 19 д. Великіе государи, цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы, пожаловали изъ Кіева Богоявленскаго Братскаго монастыря игумена и ректора Іоасафа Кроков-

Библиотека "Руниверс"

скаго, велѣли съ нимъ послать своего великихъ государей жалованья въ тотъ Братской монастырь на милостыню собольми на тридцать рублей, и о томъ въ Сибирскій приказъ послать память, потому что по ихъ, великихъ государей, жалованной грамотѣ нынѣ пріѣзду его изъ того Братскаго монастыря указной годъ. А въ Никольской пустынный монастырь ихъ великихъ государей жалованья на милостыню нынѣ не посылать, для того что пріѣзду изъ того монастыря указной годъ будетъ въ пришломъ въ 206 году».

На оборотѣ: «Великіе государи жалованья въ Братской монастырь на милостиню три пари соболей по десяти рублѧ пара того монастыра Парѳеній намѣстникъ взялъ и расписалсѧ».

II. 202 г. генваря въ 3 д. По указу великихъ государей... дати золотаго дѣла мастеру, иноземцу Якову Буду, за три золотыхъ червонныхъ, что онъ золотилъ ковчегъ серебряной на государственную большую печать къ ихъ великихъ государей жалованной грамотѣ, которую велѣно дать кіевскаго Братскаго монастыря игумену и ректору Іоасафу Краковскому съ братіею на школы, по рублю, по четыре алтына, по двѣ деньги за золотой; да къ тому жъ ковчегу ему жъ, Якову, за прибавочное серебро, за пятнадцать золотниковъ, рубль, пять алтынъ, изъ приказа Малыя Росіи отъ росходу изъ обмѣнныхъ денегъ на чехи, записавъ въ росходъ, дать деньги съ росписью.

III. 202 г. генваря въ 8 д. По указу великихъ государей... дати государственнаго посольскаго приказа золотописцу Матвѣю Андрееву за золото, которымъ онъ писалъ на *пергаминномъ* листу застовицу и фигуры на жалованную ихъ великихъ государей грамоту, которую дать велѣно кіевскаго Братскаго монастыря игумену Іоасафу Краковскому съ братіею на школы, три рубля изъ приказа Малыя Росіи отъ росходу. Діакъ Иванъ Волковъ.

IV. 202 г. генваря въ 19 д. По указу великихъ государей... взято въ приказъ Малыя Росіи къ ихъ великихъ государей жалованной грамотѣ, которую велѣно дать изъ Кіева Братскаго монастыря игумену и ректору Іоасафу Краковскому на школы, въ рядѣхъ у торговыхъ людей на крышку: таѳты струйчатой аршинъ съ четью, да на привязку къ той грамотѣ ковчега шнуру, золото съ серебромъ, пять аршинъ, да четыре варворки, да двѣ кисти, да двѣ жолонки, а по договору дать сурожскаго ряда торговому человѣку Сенькѣ Иванову за таѳту 30 алт., кружевного ряду торговому человѣку Аѳонькѣ Наумову за шнуръ по 8 алт. по 2 д. за аршинъ, за вор-

Библиотека "Руниверс"

ворки и за жолонки по 10 д., за двѣ кисти 13 алт. 2 д. изъ приказа Малыя Росіи отъ росходу изъ тѣхъ денегъ, которыя взяты за остаточный шелкъ сырецъ. Діакъ Иванъ Волковъ.

(Изъ документовъ московскаго архива М. Ю. Сибирскаго приказа столбъ № 6,970).

А. Востоковъ.

Одинъ изъ Мазепинцевъ.

(Прилуцкій полковникъ Дмитрій Горленко).

Прилуцкій полковникъ Дмитрій Горленко и миргородскій Апостолъ по свидѣтельству Орлика, «паче иныхъ, большое до Мазепы дерзновеніе имѣли», т. е. пользовались наибольшимъ на Мазепу вліяніемъ. Апостолъ и Горленко были сваты: старшій сынъ Горленка, Андрей, былъ женатъ на дочери будущаго гетмана. Когда Апостолъ и Горленко, измѣнивъ, пошли за Мазепою къ шведамъ, не отсталъ отъ нихъ и Андрей Горленко. Но Апостолъ скоро разсчиталъ всѣ невыгодныя послѣдствія своего единенія съ Мазепой и—вернулся къ царю. Онъ же конечно, убѣдилъ вернуться къ царю и зятя Горленка, который объ этомъ возвращеніи разсказываетъ: «Я, нижайшій, хочай въ неволѣ и по крайней нуждѣ принужденъ былъ обрѣтатись при отцѣ и матцѣ своей и свойственникахъ; однакъ устороживши измѣнника Мазепы хитрость и змѣну, оставя отца и матерь и свойственниковъ, самъ только зъ тоей непріятельской стороны, увойшолъ, еще на масляницѣ въ 1709 году. И за возвращеніемъ, когда я прибылъ къ тестю своему, полковнику миргородскому, въ м. Голтву, то онъ, тесть, заразъ меня оттоля послалъ до его императорского величества. И я... пріѣхалъ въ Воронежъ и тамъ былъ представленъ предъ лице его величества и пріятъ милостиво, безъ всякого пороку, и получилъ жалованье сто рублей. И при томъ дано мнѣ отъ свѣтлѣйшаго князя (Меншикова) письмо, по именному указу его имп. величества, до гетмана Скоропадскаго; а Меншиковъ написалъ послѣднему: «которыя ни есть на Украинѣ отца его Андрея и его самаго маетности, всѣ отдать ему».—Извѣстіе объ этой милости къ Андрею Горленку произвело межъ прилуцкою старшиною большое смятеніе. Новый прилуцкій полковникъ Носъ, конечно, разсчитывалъ воспользоваться частью Горленковскихъ маетностей, которыхъ въ полку было очень много; то же думала, конечно, и полковая старшина. Желая помѣшать испол-

Библиотека "Руниверс"

ненію меншиковскаго распоряженія, Носъ написалъ Скоропадскому письмо, въ которомъ, не жалѣя красокъ, нарисовалъ картину—какъ Горленки нажили въ прилуцкомъ полку свои маетности.—Письмо это представляетъ одно изъ важнѣйшихъ свидѣтельствъ о Мазепиномъ управленіи Малороссіей и о томъ произволѣ, который царилъ вообще въ администраціи гетманской Малороссіи. Приводимъ это письмо здѣсь полностью [1]).

Ясневелможній мосцѣ пане гетмане, мой велце милостивый пане и особливый добродѣю. Листъ поважній велможности вашой, пана моего милостиваго, рукъ моихъ дойшолъ, въ которомъ виражаетъ велможность ваша, премилостивый мой добродѣй, о прибыттѣ сина бывшого полковника нашего прилуцкаго Горленка и о полученіи причинного листа отъ свѣтлѣйшого князя Александра Даниловича Меншикова, до велможности вашой данимъ, интерцедуючого стороны приверненя добръ, такъ его власнихъ наданихъ, яко и отецкихъ таковыхъ же. Прето я на поважній листъ вашъ реиментарскій, пана судью моего и пана асаула полкового посилаю, которіе велможности вашой о всѣхъ кгрунтахъ и маетностяхъ, якимъ способомъ понажилъ на полковництви своемъ отецъ пана Андрѣевъ, роскажутъ досконале, а до того и реестръ о томъ споряженній, совершенно посилаючійся до рукъ велможности вашой черезъ онихъ окажетъ. Прошу теды въ томъ велможности вашой, пана моего, не себе таковой ласки: ежели панъ Андрѣй, сынъ бывшого полковника нашего прилуцкаго, зъ прошлою властию своею до своего на первобытіе повернется дому, то не толко я зъ полковничого уряду, але и всѣ мещане наши, значніе и найподлѣйшіе люде, зъ жилищъ своихъ уступится мусятъ. Досытъ того, же его отецъ здобячи свои домы и распространяючися ними, гдѣ было якое згодное ку пожитку людскому въ полку нашемъ мѣстце, все онъ своими пооднималъ хуторами, подъ такою кондиціею: будто едному заплатитъ, а сотце и другое людей муситъ и отъ своихъ добръ уступати; настроилъ хуторовъ на волнихъ здавна степахъ, нетолко себѣ, але и своимъ дѣтямъ, на которихъ бѣдніе люде многіе въ заживаню поль, въ кошеню сѣновъ, для отбуваня тяжкихъ своихъ повинностей, чинили пожитки, а онъ все тое поотездилъ на себе и на свои дѣти: сѣна по килкодесять скирдъ кошовалися здавне на особливыхъ въ степу сѣножатехъ за бывшихъ антецессоровъ пановъ пол-

[1]) Отрывки изъ него были приведены въ Русск. Арх. 1875 г., кн. II, въ статьѣ о Горленкахъ.

Библиотека "Руниверс"

ковниковъ прилуцкихъ, на полковничую потребу; а отецъ его, когда сталъ полковникомъ прилуцкимъ, то не толко тіе особливіе сѣножати, якіе на бывшихъ пановъ полковниковъ прилуцкихъ кошовалися, плугами поизоровалъ и пообкоповалъ скопцами, себѣ и дѣтямъ своимъ на потомніе часи, лечъ и мѣзернихъ людей власніе сѣножати и поля пахатніе, нивы и облоги, все загонами своими пооднималъ и до хуторовъ своихъ поприворочовалъ, же до сего часу безъ наймана трави въ старостовъ его, трудно было бѣдному человѣкови и на возъ сѣна вкосити. И такое щуплому полку моему хуторами своими и дѣтей своихъ учинилъ стѣснене, же где осмотрѣти, то все (хоть здавна належало на бывшихъ полковниковъ антецессоровъ моихъ) теперь его власное—будто купилъ; и купчіе отбираетъ, хотя хто и не радъ продавати, а онъ яко многомощній будучи властелинъ, все, що хотѣлъ тое и привлащавалъ, мѣючи своего протектора и отца бывшого гетмана Мазепу, которій не толко въ томъ, въ чомъ просилъ, чи слушне, чи не слушне проситъ, не видя обѣди людской, видавалъ на кгрунта и маетности его свои унѣверсали), *лечъ и на цѣлий полкъ, на всѣхъ людей посполитихъ и козаковъ, если бы просилъ его такого унѣверсалу же бы непремѣнно всѣ были ему отдани въ подданство на вѣчность, то бы и на тое такъ подуфалому своему синовѣ*, не моглъ бы одмовити. А и такъ онъ любо не мѣлъ такового данного отъ Мазепи на цѣлий полкъ унѣверсалу, жебы панщиною людми зо всего полку зжинати збоже и сѣно косити, еднакъ поддаНимъ своимъ чинячи фолгу, якихъ мѣлъ болшъ тисячи, все збоже по хуторахъ насѣяное по достатку, бѣдныхъ людей зъ усего полку згоняти—зжинати и спрятовати, онимъ росказовалъ, за которою то его работизною не еденъ бѣдній человѣкъ своего не моглъ спрятати збожя, и такъ роблячи на его все лѣто, мусѣлъ себѣ въ людей зимою заробляти хлѣба. Що всякъ зъ насъ признати муситъ, хто тилко лядзскихъ пановъ памятаетъ, же далеко барзѣй горшая мука въ работизнѣ была одъ полковника бывшого всему нашему полку, нежели за пановъ лядзскихъ: и такъ немордовали пани лядскіе своихъ поддаНихъ и не забивали до смерти кіями, якъ отецъ его мужиковъ и козаковъ; а не толко отецъ его, лечъ и онъ самъ, панъ Андрѣй—не едныхъ людей боемъ своимъ припроводилъ до калѣцства и смерти, въ чомъ любо не спецѣфѣкую въ листѣ моемъ, еднакъ посланніи мои, если того потреба вказовати будетъ, достовѣрне предъ велможностю вашею неустыдятся его такового забойства на очне исказати—кого забывъ и на якомъ мѣсцу. Якой же будемъ мы себѣ сподѣватися на-

Библиотека "Руниверс"

дѣи зъ такового намъ сожителя, которій подуфалъ енерала Крейца, жебы людей всѣхъ въ мѣстѣ (Прилукѣ) вирубати, повѣдаючи ему, же кромѣ ихъ дому, не машъ въ мѣстѣ (городѣ) шведамъ пріятеля, въ чомъ самую признавалъ истинну. Лѣсы, которіе по панахъ лядскихъ позоставалися и належали бывшимъ панамъ полковникомъ, единимъ по другихъ, и тое онъ едно полѣтичною штукою, другое властію, давши що колвекъ грошей на церковъ, албо на громаду, хотяй стократъ болшей стояли того, тие кгрунта и на потомніе часи себѣ и дѣтямъ своимъ позаписовалъ, млыни где зналъ пожитечніе, то также себѣ розмайтими понабывалъ способами: подъ мѣстомъ—одвохъ колахъ млынъ, якій зъ ласки велможности вашой, на мою полковничую идетъ особу, таковимъ ему достался способомъ: не велѣлъ потоль греблѣ гатити, поколь ему мелники едного кола не подаровали, а другое будто купилъ за гроши; на Степуриной греблѣ новой, переволочанской млынъ въ двохъ колахъ, якимъ завѣдуетъ до ласки велможности вашой, писаръ мой на сейчасъ полковий, и той таковимъ досталъ себѣ способомъ: потоль не велѣлъ греблѣ той подимати и гатити, повѣдаючи, же лѣси попудтоплювали людскіе, поколь такъ же не учинили мелники тоей Степуринской греблѣ, якъ и прилуцкіе, бо могущему хотя бы и слушне хто чого боронилъ, возбранити неможно. А о иншихъ млинахъ, кгрунтахъ и маетностяхъ, до которыхъ чинитъ интересъ синъ бывшого полковника прилуцкого, особливий реестръ якъ вижей спецѣфѣковалося, покажетъ. Интересъ чинитъ панъ Андрей, синъ бывшого полковника прилуцкого, до маетностей и кгрунтовъ, а того не вѣдаетъ, что отецъ его взялъ войсковихъ грошей зъ мѣста нашего Прилуки, зъ арендъ, черезъ пятнадцятъ лѣтъ, на потребы нуждніе войсковіе припадаючихъ, тридцять тисячей и три тисячи, двѣстѣ и пять десятъ золотихъ доброй монети, о чомъ уже и подавали велможности вашой полчане мои суплѣку и о тое всѣ плачливе просятъ, ищучи милосердія вашего рейментарского и впредъ если Богъ пошлетъ тихомирній часъ, васъ просити будутъ велможности вашой, въ такихъ скорбнихъ часехъ неменшую въ добрахъ своихъ руину понесши, не отъ кого иншого толко болшей отъ своего бывшого властелина, его родича, жебы не толко его родича села самимъ имъ завладѣніе, але и иншихъ особъ зъ полковъ чужихъ черезъ его жъ въ подданство наданіе, по прежнему для улженія и помочи зубожалому и зруйнованому полку моему, до своихъ сотенъ, особливою вашею панскою милостію были поприверстаны, а до того и мнѣ сего неспокойного времямешкаючи вотще на полковничомъ урадѣ и подручнимъ моимъ, но-

Библиотека "Руниверс"

вопоставленимъ безъ якой колвекъ нагороды не будетъ охота до услугъ и працъ войсковыхъ ложенія, ежели панъ Андрѣй всѣ свои и отцевскіе посядетъ маетности, бо новимъ моимъ подручнимъ, новіе надаючи маетности не будетъ кому и належитихъ до мѣстечокъ полку моего отдавати повинностей. О томъ всемъ велможности вашой, пану моему ознаймивши, егожъ непремѣнной отческой себе навсегда полецаю ласце. Велможности вашой пана моего и особливого добродѣя во всемъ поволній и радъ служить, его царского пресвѣтлого величества войска запорожского полковникъ прилуцкій Іванъ Носъ. Зъ Прилуки. Апрѣля 11 д., 1709 року.

Плачъ дворянина.

(*Сатира конца XVIII в.*).

Любезнѣйшій изъ всѣхъ губернскій предводитель,
Лѣсовъ, земель, левадъ нелестный былъ любитель.
Недаромъ это все отъ насъ онъ принималъ;
Зато во благородство насъ безспорно постригалъ,
Благоразумно намъ совѣтовалъ всегда,
Какъ въ дозательствахъ писать все безъ стыда:
Иному говорилъ: скажи, что дѣдъ полковникъ;
Другому, что отецъ изъ Польши твой покойникъ;
А благородные двенадцать человѣтъ
Подпишутъ, что было прежде ихъ хоть завѣкъ!
Одни за интересъ, другіе съ простоты...
Что нужды дотого—лишь дворяниномъ ты.
Мы слушая сево разумного совѣта,
Всѣ кланялись ему безъ всякаго отвѣта;
Давали все ему что̀ было у кого,
Понеже вольность намъ дороже отъ всего!
Котору получа, быть чаяли въ блаженствѣ,
И ползуяся всѣмъ считатся въ равенствѣ;
Въ солдаты чтобъ нейтить, и не платить оклады,
Избѣгнуть тягости и вырватся какъ съ ада!
Въ чемъ всѣхъ насъ ободрялъ роменскій нашъ меценъ,
Что нынѣ ужъ и самъ посля главы, ничемъ.
Послѣ сего насталъ изъ Веприна начальникъ,
Который также былъ для насъ всегда наставникъ.

Библиотека "Руниверс"

Сему хотя были изъ сената повелѣнья,
Чтобъ перебрать дѣла и съ ними всѣ сплетенья...
Но милостивый сей и щедрый нашъ отецъ
Въ дворянствѣ утвердилъ всѣхъ насъ, его овецъ,
Что не жалѣли шерсть и кожу подарить,
Лишь бы попрежнему въ козачествѣ небыть!
Но все пропало то безвратно:
Намъ видно не вкушать что̀ въ свѣтѣ есть пріятно!
Въ четвертомъ поприщѣ иной сталъ предводитель,
Что лжѣ великой врагъ, а истины хранитель.
Извѣстнымъ онъ путемъ старался уничтожить
То зло, которое всѣ тщалися умножить.
Онъ сходной получа указъ съ его желаньемъ,
Всемѣрно поспѣшалъ своимъ благимъ стараньемъ
Очистить плевелы отъ чистыя пшеницы:
Писать во благородство лишь кто былъ слуга царицы.
Онъ разсмотрѣвъ дѣла, со тщаніемъ, безпристрастно,
Нашолъ, что ложно есть—многимъ отдалъ обратно,
Велѣлъ поправится и лучше доказать,
Или какимъ кто былъ, тѣмъ вѣчно пребывать!
Но сколько нижелалъ онъ правду наблюдать,
Принужденъ иногда лукавству уступать:
Въ дворяне приняты два рода изъ крестянъ,
Что ходатаемъ былъ за нихъ великій панъ!
Въ чемъ хоть и погрѣшилъ безъ умысла неложно,
Многимъ одно подвестъ—всегда возможно.
Что дѣлъ всѣхъ онъ немогъ окончить безъ остатка,
Тому причиною блюстители порядка,
Которые ему старалися мѣшать.
Усердіе свое казнѣ чтобъ показать,
При всемъ томъ окончивъ служеніе похвально,
Хоть за поступками смотрѣли и пристально,
Во внутренны дѣла дворянскіе вступилъ,
Для общей выгоды хорошій домъ купилъ,
Денежную казну завелъ изъ складокъ,
И основалъ всему надлежащій порядокъ.
О займахъ правила той суммы положилъ,
И вскорѣ тотъ заемъ дѣйствительно открылъ;
Однакоже не могъ всей угодить громадѣ!

Библиотека "Руниверс"

Да гдѣ жъ тотъ человѣкъ, въ раѣ нѣтъ, ни во адѣ,
Чтобъ обществу могъ угодить всему,
Когда упреки есть и Богу самому.
Но что намъ до того, скажу я про себя;
Чрезъ милость Шемета помѣстили меня
Въ число тѣхъ, что въ казну не платятъ ничего;
Зато я не жалѣлъ рублей ста для него.
Но нынѣ ужъ для насъ настало злое время,
Что члены на себя взяли чужое бремя,
И секретарь дѣла обязанъ лишь представить,
А предводитель самъ въ чемъ надобно поправить.
Иваномъ ужъ Петра неможно написать.
А крѣпостей чужихъ не думай представлять!
О всемъ справляются и все трактуютъ дѣло
Ложь найдутъ иль обманъ, какъ ни наступай смѣло...
Чего же какъ и я представилъ вить немало—
Крѣпость, свидѣтельство и чтожъ тутъ недостало...
Изъ первой явственно, что былъ дѣдъ старшина,
Въ котораго была вельможная жена;
Съ второй, что отецъ межъ шляхтъ служилъ,
Подвойнаго себѣ чинъ въ войскѣ получилъ,
Но все не теперь мнѣ отдавать обратно
А что я потерялъ, пропало невозвратно...
Надѣюсь на творца! сей станетъ за меня!
Пусть будетъ тѣмъ и симъ! онъ—праведный судья!

Примѣчаніе. Приведенный здѣсь «плачъ дворянина» писанъ на листѣ сѣрой бумаги, почеркомъ вѣроятно конца XVIII в., такъ какъ передъ заголовкомъ имѣется помѣта: «іюня 3, 1799». Стихотвореніе это вызвано поголовнымъ стремленіемъ въ концѣ XVIII в., малороссійской старшины, отъ полковника до вознаго,—попасть въ дворянство, «въ солдаты чтобъ не итти и не платить оклады». Литература этого рода была довольно распространена въ Малороссіи [1]). «Плачъ дворянина» написанъ повидимому въ полтавской губерніи и быть можетъ въ роменскомъ уѣздѣ... Желательно получить поясненія къ сему стихотворенію. *Ред.*

---

[1]) См. „Родословную Даніила Кубси“ въ Кіевск. Стар. 1882 г., т. I, стр. 223.

Библиотека "Руниверс"

Для справокъ.

—— **По поводу слова „перемотъ“.** Живя лѣтомъ на Короповомъ хуторѣ, который стоитъ у самаго берега р. Донца, мнѣ пришлось нѣсколько разъ слышать слово „перемотъ“ въ смыслѣ техническаго термина, именно этимъ словомъ крестьяне называютъ рыболовный снарядъ слѣдующаго рода: длинная, въ нѣсколько саженей, бичевка съ нѣсколькими перпендикулярными къ ней, аршина въ $1^1/_2$—2, веревочками, ан концѣ которыхъ привязаны стальные крючья. Перемотъ ставятъ при входѣ въ заливъ или поперегъ Донца, гдѣ онъ узокъ, послѣднее, впрочемъ, рѣдко; концы бичевки привязываютъ къ двумъ палкамъ (по одному къ каждой), которыя укрѣпляютъ на твердой почвѣ или же въ водѣ, если у береговъ не глубоко; на крючья, находящіеся въ водѣ, насаживаютъ небольшихъ рыбокъ, такъ называемые „живци“ т. е. живыя, которыя и служатъ приманкою главнымъ образомъ для сомовъ, въ изобиліи водящихся въ р. Донцѣ.

И. З.

—— **Письмо въ редакцію.**

М. Г. Г-нъ Редакторъ!

Прошу васъ дать мѣсто слѣдующему разъясненію на страницахъ „Кіевськой Старины“. Въ августовской книжкѣ вашего почтеннаго журнала я прочелъ краткую замѣтку обо мнѣ г. Ив. Новицкаго (стр. 572). Не стану касаться неточности сообщенныхъ имъ біографическихъ свѣдѣній, хотя въ Кіевѣ ихъ нетрудно было получить. Я считаю нужнымъ лишь заявить, чтобы не вводить въ заблужденіе библіографовъ, что сообщеніе, будто я писалъ также по польски, совершенно невѣрно: *никогда* мною не было написано *ни одной строчки* на этомъ языкѣ. Такимъ образомъ, совершенно просто объясняется то обстоятельство, что „Ruch“ не упомянулъ обо мнѣ: въ его программу не входило помѣщать біографіи русскихъ, писавшихъ по исторіи Польши.

Примите и проч.

Николай Любовичъ.

4 сент. 1889 года.
Варшава.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Этнографическое Обозрѣніе. Періодическое изданіе этногр. отдѣла имп. общ. любит. естествознанія, антропологіи и этнографіи при московскомъ университетѣ. Кн. I. подъ редакціей Н. Я. Янчука. Москва 1889 г. in 8 182 стр.

Передъ нами первая книжка новаго и единственнаго у насъ періодическаго изданія, посвященнаго исключительно этнографіи. Редакція намѣрена выпускать въ годъ только 4 такихъ книжки въ объемѣ около 10 печатныхъ листовъ цѣною по 1 р. 50 к. за книжку. Посвящая изданіе изученію всѣхъ народностей Россіи, «не устраняя ни одной живущей или жившей въ ней народности», редакція ставитъ своей главной задачей «популяризацію научныхъ выводовъ и разработку вопросовъ мало изслѣдованныхъ или вовсе не затронутыхъ наукою», при чемъ будетъ обращать особое вниманіе на библіографическій отдѣлъ. Въ краткомъ предисловіи редакція оговаривается впрочемъ, что она «не даетъ заранѣе подробной программы изданія». Осторожность эта, полагаю, выйдетъ очень кстати, такъ какъ редакціи придется въ весьма скоромъ будущемъ, забывъ всякую широкую программу, сильно съузить намѣченную выше задачу. Сорокъ печатныхъ листовъ въ теченіе цѣлаго года, посвященныхъ изученію всѣхъ живущихъ и жившихъ въ великой россійской державѣ племенъ и народовъ, да кромѣ того популяризаціи научныхъ выводовъ и разработкѣ новыхъ вопросовъ,—это просто «покушеніе съ негодными средствами». Эта первая напр. книжка, кромѣ библіографіи и замѣтокъ чисто справочныхъ, вмѣщаетъ всего семь статеекъ на 136 стр. по частнымъ вопросамъ этнографіи различныхъ племенъ и даже по этнологіи. Неужели при такихъ средствахъ можно задаваться цѣлью изученія сотенъ племенныхъ разновидностей? Въ силу самой необхо-

Библиотека "Руниверс"

димости такое изданіе на дѣлѣ будетъ сборникомъ случайныхъ статей и замѣтокъ, въ которыхъ читателю со временемъ и разобраться не будетъ возможности. Можетъ ли редакція поручиться, что хотя половина подписчиковъ найдетъ въ этихъ 28 статьяхъ въ теченіе года хотя одну статью по занимающему ихъ вопросу или племени? Я не говорю и не осмѣливаюсь предрѣшать еще другаго вопроса: сможетъ ли редакція устоять на высотѣ своего призванія при такой обширной и разносторонней задачѣ? Вотъ почему я убѣжденъ, что редакціи придется въ весьма скоромъ времени значительно съузить изучаемый раіонъ, если она не пожелаетъ погубить своего изданія въ морѣ хаоса, какой нынѣ представляютъ разрозненные матеріалы русской этнографіи. Но обратимся къ содержанію книжки.

Въ качествѣ предисловія къ изданію помѣщенъ докладъ вице-президента общества любит. естествознанія, антропологіи и этнографіи, профессора Д. Н. Анучина подъ заглавіемъ «О задачахъ русской этнографіи», читанный въ одномъ изъ засѣданій общества. Авторъ въ началѣ дѣлаетъ очень бѣглый обзоръ попытокъ въ области этнографіи Россіи въ XVIII и въ началѣ XIX ст. Онъ совершенно правильно признаетъ великую заслугу постановки этнографіи на научную почву за академикомъ К. Э. фонъ-Беромъ, первымъ предсѣдателемъ отдѣленія этнографіи Россіи русс. геогр. общества. Г. Анучинъ приводитъ обширныя цитаты изъ статей фонъ-Бера, излагая его мнѣнія о задачахъ русской этнографіи, при чемъ отмѣчаетъ, что Беръ, какъ натуралистъ, интересовался всѣми племенами и народностями Россіи одинаково, что не будучи русскимъ, онъ не могъ сознавать важности изученія кореннаго русскаго племени. Пробѣлъ этотъ восполненъ былъ славистомъ-историкомъ Н. И. Надежинымъ въ 1846 г. въ сообщеніи «Объ этнографическомъ изученіи народности русской». Оба они намѣтили географическому обществу задачи, направленія и даже методы, коими оно должно было пользоваться въ предстоящей дѣятельности собиранія этнографическихъ матеріаловъ. Указывалось при томъ, что работы должны быть предприняты немедленно со всей энергіей, такъ какъ съ развитіемъ цивилизаціи племенныя особенности исчезаютъ. Вслѣдъ за этимъ начались работы этнографическихъ экспедицій, возбужденъ былъ всеобщій интересъ къ этнографіи и появилась масса частныхъ работъ и изданій. До нашихъ дней накопились груды сырого матеріала со всѣхъ концовъ Россіи, разсыпанныя по всевозможнымъ спеціальнымъ и общимъ изданіямъ и въ рукописяхъ. «Разростаніе литературы, однако, еще не гарантируетъ ея

Библиотека "Руниверс"

научности и полноты, и въ этомъ отношеніи остается еще многаго желать». Такого мнѣнія былъ и А. Н. Пыпинъ, выступивъ въ 1885 г. со статьей «О задачахъ русской этнографіи». Въ этой статьѣ замѣчательный знатокъ современной литературы, указавъ на неполноту собраннаго матеріала, поставилъ рядъ дезидератовъ. Онъ повторялъ мнѣніе Бера, что матеріалъ быстро гибнетъ и требуетъ немедленнаго и усиленнаго собиранія, указалъ на необходимость организовать этнографическое дѣло на широкихъ основаніяхъ, учредить этнографическія станціи, издать осмысленную руководящую программу, свести добытый матеріалъ, хотя бы путемъ подробнаго библіографическаго описанія, учредить, наконецъ, періодическое изданіе и привлечь больше рабочихъ рукъ. Статья эта не удовлетворила г. Анучина. «Задачи этнографіи, говоритъ онъ, въ ней очерчены недостаточно ясно и авторъ распространяется почти исключительно о собираніи этнографическаго матеріала. Между тѣмъ, говорить все только о собираніи и собираніи, жаловаться на недостаточность матеріала и требовать для пополненія его цѣлаго ряда предпріятій и значительныхъ средствъ, по нашему мнѣнію, еще не можетъ помочь дѣлу. Нужно дѣйствовать скорѣе примѣромъ, доказать, что съ малыми средствами можетъ быть *кое что* сдѣлано». Вмѣсто намѣченныхъ г. Пыпинымъ desiderat'овъ, почему то найденныхъ неясными, авторъ находитъ, что «одною изъ ближайшихъ нуждъ этнографіи Россіи должно считаться сведеніе во едино разбросанныхъ свѣдѣній о различныхъ инородцахъ и частяхъ русскаго населенія». Онъ предлагаетъ заняться составленіемъ монографическихъ описаній отдѣльныхъ племенъ и этнографическихъ областей (?). Берущійся за такую работу, долженъ собрать во едино весь добытый уже матеріалъ, отправиться въ изучаемую мѣстность на нѣсколько мѣсяцевъ, собрать весь недостающій матеріалъ и затѣмъ составить монографическое описаніе. Указавъ вкратцѣ содержаніе такихъ монографій и способъ ихъ составленія, г. Анучинъ ставитъ на видъ вторую задачу русской этнографіи. «Этнографія не можетъ быть наукой чисто описательной и ея конечныя задачи должны заключаться въ объясненіи и истолкованіи фактовъ народной жизни и взаимнаго отношенія и распредѣленія племенъ». Вслѣдствіе этого авторъ рекомендуетъ предпринять рядъ аналитическихъ работъ надъ отдѣльными сторонами народнаго быта, матеріальнаго или духовнаго. «Даже извѣстная категорія повѣрій, извѣстный родъ издѣлій, какой нибудь обрядъ, сказка, предразсудокъ и т. п.» могутъ быть предметомъ изслѣдованій, въ которыхъ долженъ

Библиотека "Руниверс"

быть примѣненъ главнымъ образомъ сравнительный методъ. «Аналитическія работы въ области этнографіи должны составлять свой отдѣльный циклъ и преслѣдовать свои особенныя цѣли». «Онѣ имѣютъ въ этнографіи подобное же значеніе, какъ работы сравнительно анатомическія, эмбріологическія и, пожалуй, біолого-географическія въ зоологіи». На этомъ собственно и кончаются дезидераты автора, поставленные русской этнографіи. Статья оканчивается нѣсколькими указаніями на пользу, какую можетъ принесть этнографія для исторіи, «исторіи культуры, *этнологіи или исторіи первобытной культуры въ особенности*» и внутренней политики.

Высказанныя авторомъ положенія заставляютъ меня сдѣлать по поводу ихъ нѣсколько замѣчаній. Въ этихъ положеніяхъ много весьма цѣннаго и вѣрнаго, но есть не менѣе серьезныя недоразумѣнія. Прежде всего, не знаю, много ли авторъ найдетъ въ Россіи этнографовъ и этнологовъ, которые вмѣстѣ съ нимъ признаютъ, что наша этнографія сдѣлала столько, что нѣтъ нужды заниматься болѣе однимъ собираніемъ матеріала. Нѣтъ сомнѣнія, что до сихъ поръ въ этомъ отношеніи сдѣлано только начало. Даже и въ тѣхъ счастливыхъ мѣстностяхъ, гдѣ болѣе приложено усердія, ознакомленный съ дѣломъ этнографъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ пробѣлы и углы непочатые. А сколько есть мѣстностей, совсѣмъ доселѣ неизслѣдованыхъ! Это знаетъ каждый практическій этнографъ. Не правъ, слѣдовательно, авторъ, упрекая Пыпина въ его скромномъ требованіи во что бы то ни стало собрать скорѣе исчезающіе съ каждымъ днемъ и часомъ этнологическія особенности народонаселенія Россіи. Задача каждой этнографіи, начальная и конечная цѣль ея, описать точно, ясно и *полно* всѣ этническія особенности данной группы. Другое дѣло, какъ это сдѣлать. Прежде, когда этнографія была диллетантствомъ, всѣ работы производились безъ всякаго метода, собирались матеріалы случайно, отрывочно. Со временемъ однако начали безпорядочное собираніе приводить въ системы. Одни стали собирать матеріалы на большихъ раіонахъ, относящіеся къ опредѣленнымъ вопросамъ, другіе стали всесторонне изучать цѣлое племя, не взирая на мѣстныя отличія и разновидности, третьи, наконецъ, стали изучать народъ отдѣльными этнографическими группами, созданными въ силу историческихъ и географическихъ условій. Г. Анучинъ совершенно правильно требуетъ монографическаго описанія отдѣльныхъ группъ, но онъ забываетъ, что этнографія, собственно говоря, должна была съ этого и начать. Иными словами, этнографъ долженъ избрать опре-

Библиотека "Руниверс"

дѣленную полную этнографическую группу, изслѣдовать ее, собрать и изложить полно, ясно и точно всѣ ея особенности и добытые раньше другими и лично матеріалы. Это новѣйшій и весьма плодотворный этнографическій методъ. Нѣтъ сомнѣнія, что серьезный этнографъ, изучающій избранную группу, не упуститъ случая воспользоваться всѣмъ, что уже издано изъ этой мѣстности, но для него это всегда будетъ матеріалъ второй руки, случайный.

Что касается второго дезидерата г. Анучина относительно аналитической обработки добытаго матеріала, «истолкованія фактовъ народной жизни и взаимнаго отношенія и распредѣленія племенъ», то признавая таковой весьма основательнымъ, такъ какъ у насъ въ этомъ отношеніи сдѣлано меньше возможнаго, приходится однако замѣтить, что онъ посланъ не по адресу. Это дѣло этнологіи, но не этнографіи. Дѣло въ томъ, что авторъ имѣетъ своеобразный взглядъ на эти термины.—Изъ одного мѣста въ его статьѣ видно, что онъ подъ этнологіей понимаетъ почему то «исторію первобытной культуры».—Объяснимся точнѣе. Значеніе обоихъ терминовъ легко опредѣляется ихъ этимологіей. Этнологія происходитъ отъ слова ἔθνος—народъ и λόγος—знаніе. Поэтому терминъ этнологія означаетъ науку о народахъ, о законахъ ихъ жизни, развитія, отношеній и т. д.—Въ содержаніе этой науки входитъ главнымъ образомъ объясненіе происхожденія и значенія тѣхъ или другихъ особенностей даннаго народа, въ зависимости отъ вліянія окружающей природы и взаимодѣйствія другихъ этническихъ группъ. Въ этомъ смыслѣ эту науку понимаютъ и западные ученые, а точные во всемъ нѣмцы весьма удачно перевели этотъ терминъ словомъ Völkerkunde (Peschel, Kirchhof). Для успѣха этнологіи необходимъ огромный запасъ всесторонніхъ свѣдѣній объ изучаемыхъ народахъ, о бытѣ и проявленіяхъ его на разныхъ ступеняхъ развитія и культуры.—Потребовалась отдѣльная отрасль знанія, которая бы занялась собраніемъ и упорядоченіемъ годнаго для этнологіи матеріала, т. е. описаніемъ народовъ, ихъ жизни, быта со всѣми его особенными проявленіями. Latham назвалъ ее descriptive ethnology, т. е. описательная этнологія, но за ней удержался прежній греческій терминъ «этнографія» (γράφειν=описать). означающій собственно описаніе народовъ. При такомъ пониманіи этихъ терминовъ, признанномъ не отнынѣ, ясна до очевидности граница между этнографіей и этнологіей. Первая наука строго описательная, точная, какъ анатомія, собираетъ свѣдѣнія, описываетъ народы, не вдаваясь въ разъясненіе причинности и значенія добытаго матеріала.

Библиотека "Руниверс"

Вторая чисто аналитическая, разрабатываетъ добытый первою матеріалъ, оцѣниваетъ, сравниваетъ, объясняетъ и затѣмъ даетъ свои выводы. Исходя изъ этихъ теоретическихъ положеній, все таки надо признать, что г. Пыпинъ былъ правъ, требуя отъ русской этнографіи только собиранія матеріала. Это, повторяю, начальная и конечная цѣль этнографіи. Но онъ требовалъ при этомъ собиранія научнаго, осмысленнаго и освѣщеннаго этнологіей, для которой собственно матеріалъ этотъ и нуженъ. А какъ собрать и изложить матеріалъ, чтобы онъ былъ вполнѣ пригоднымъ, готовымъ—это дѣло метода изслѣдованія.

Несмотря на это, хотя и крупное недоразумѣніе, статья г. Анучина представляетъ несомнѣнный научный интересъ. Самымъ цѣннымъ въ ней является ясная постановка вопроса о монографическомъ методѣ этнографическихъ изслѣдованій.

За этой статьей общаго характера идутъ этнографическія работы. Самая обстоятельная—это статья Н. Н. Харузина «О нойдахъ у древнихъ и современныхъ лопарей», посвященная вопросу о шаманахъ и колдунахъ.—Затѣмъ идутъ «Свадебныя обычаи ахалцыхскихъ армянъ» В. Н. Акимова, «О черничкахъ» г-жи В. Н. Свѣтъ, «Замѣтка о народной медицинѣ» П. М. Богаевскаго, составленная по разсказамъ знахарки; «Бесѣдныя складчины и ссыпчины Обонежья» Г. И. Куликовскаго и наконецъ первая глава статьи В. В. Калаша изъ области общей этнологіи «Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ въ первобытномъ обществѣ».—За исключеніемъ этой послѣдней статьи, имѣющей болѣе общій интересъ, остальныя четыре составляютъ коротенькія замѣтки по отдѣльнымъ вопросамъ, и не могутъ даже претендовать на полноту.—Очень симпатично сообщеніе г. Куликовскаго о бесѣдахъ на Обонежьи. Эти сѣверныя бесѣды съ складчинами и ссыпчинами живо напоминаютъ малорусскія вечерницы и досвитки.—Можно провести довольно полную аналогію между ними, до того характеръ общенія молодежи и тамъ, и здѣсь одинъ и тотъ же. Весьма жаль, что авторъ привелъ всего одну только пѣсню (виноградіе) изъ цикла, не относящагося впрочемъ къ бесѣдамъ; она поется на Рождество и принадлежитъ къ колядамъ величальнымъ. Интересно бы было познакомиться ближе и подробнѣе съ жизнью этой молодежи, ихъ отношеніями между собою и къ обществу деревни, наконецъ, съ репертуаромъ пѣсеннымъ на бесѣдахъ.—Болѣе прямое отношеніе къ южнорусской этнографіи имѣетъ замѣтка г-жи В. Н. Свѣтъ «О черничкахъ» въ слоб. Тарасовкѣ харьковской губ. купян-

Библиотека "Руниверс"

скаго уѣз. Слобода Тарасовка село недавнее,—это бывшее военное поселеніе изъ «малороссіянъ-черкасовъ». Мѣстная учительница г. Свѣтъ обратила вниманіе на совершенно оригинальное явленіе въ жизни этого села. Молодыя дѣвушки, обреченныя на безбрачіе въ силу болѣзненнаго состоянія, обѣта родителей или собственнаго призванія, поступаютъ въ черницы-монашки. Болѣе состоятельныя семейства строятъ черницѣ келью въ своей усадьбѣ; черницы же бѣдныя поступаютъ въ общины. Всѣ онѣ считаются божьими, пользуются уваженіемъ и полной самостоятельностью. Общинъ въ Тарасовкѣ двѣ. Живутъ онѣ въ особыхъ собственныхъ домикахъ, занимаются хозяйскими работами, вышиваніемъ и церковнымъ пѣніемъ.—Между ними въ общинѣ есть одна старшая, управляющая общими дѣлами.—Случаи выхода замужъ такой черницы бываютъ очень рѣдки, такъ какъ это считается позорнымъ какъ для нея, такъ и для родныхъ жениха и невѣсты.—Въ селѣ черницы пользуются уваженіемъ и во всѣхъ своихъ нуждахъ находятъ поддержку и помощь.—Изъ нихъ священникъ составилъ прелестный церковный хоръ, нѣкоторыя выучились играть на скрипкѣ и сдѣлались регентами въ сосѣднихъ приходахъ. Живутъ онѣ въ довольствѣ, лучше одѣваются, чѣмъ крестьянки, не стѣсняютъ себя постомъ, имѣютъ бодрый и веселый видъ.—Явленіе это въ современной деревнѣ, насколько мнѣ извѣстно, исключительно и довольно своеобразно. Интересна бы была исторія возникновенія его и вліянія на сосѣднія села.

Въ концѣ книги 46 стр. убористой печати посвящено двумъ справочнымъ отдѣламъ: библіографія и извѣстія и замѣтки. Оба они, особенно библіографія, составлена весьма полно и удобно и принесутъ несомнѣнную пользу всѣмъ, интересующимся этнографіей Россіи.

Вотъ и все, что я нашелъ необходимымъ сообщить читателямъ «Кіевской Старины» о первой книгѣ Этнографическаго Обозрѣнія.—Привѣтствуя это доброе начинаніе искреннимъ пожеланіемъ успѣха, ограничимся замѣчаніемъ, что каждый успѣхъ зависитъ отъ направленія дѣла, а это послѣднее должно не упускать изъ виду старую максиму: non multum, sed multa.

Ц. Г. Нейманъ.

Библиотека "Руниверс"

Николай Бѣляшевскій. Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ. 1889 года.

Г. Бѣляшевскій долженъ былъ употребить очень много весьма кропотливаго труда для собиранія нумизматическихъ данныхъ, разсыпанныхъ въ изданіяхъ нашихъ археологическихъ и историческихъ обществъ, въ ученыхъ и не ученыхъ журналахъ и даже газетахъ. Кромѣ того составитель книжки, заглавіе которой нами выставлено, пользовался еще указаніями отдѣльныхъ лицъ, какъ напр. В. Б. Антоновича. Если бы и могло у читателя возбудиться какое нибудь сомнѣніе въ достовѣрности показаній трехъ другихъ лицъ, то оно уничтожается постановкой ихъ рядомъ съ именемъ, нами указаннымъ. Затѣмъ г. Бѣляшевскій черпалъ данныя и изъ своего нумизматическаго собранія. Весь собранный матеріалъ распредѣленъ по уѣздамъ, при чемъ городъ Кіевъ выдѣленъ, и всѣ нумизматическія находки, сдѣланныя въ его районѣ, сгруппированы въ отдѣльную главу. Въ каждой изъ такихъ главъ указаны нумизматическіе клады въ хронологическомъ порядкѣ ихъ открытія, а въ скобкахъ внизу сообщенія указанъ каждый разъ источникъ, откуда почерпнуто свѣдѣніе о кладѣ. При монетахъ сдѣлано ихъ описаніе. Въ концѣ книги приложенъ алфавитный указатель мѣстностей, гдѣ сдѣланы были нумизматическія находки. Такимъ образомъ, трудъ г. Бѣляшевскаго весьма удобенъ для пользованія имъ при научныхъ работахъ. Но при томъ общемъ интересѣ, который въ настоящее время все болѣе и болѣе охватываетъ русское интеллигентное общество къ археологіи, «Монетные клады кіевской губерніи» попадутъ въ руки и неспеціалиста, не обладающаго обширными свѣдѣніями въ области археолого-нумизматическихъ открытій, и въ такомъ случаѣ работа г. Бѣляшевскаго можетъ ввести въ нѣкоторое заблужденіе. Дѣло въ томъ, что составитель не совсѣмъ выдержалъ поставленную себѣ программу—дать указатель монетныхъ кладовъ,—а выходитъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ изъ рамокъ и приводитъ данныя о находкахъ вещевыхъ. Указывая монетные клады, г. Бѣляшевскій иногда перечисляетъ и найденныя съ ними древнія вещи. Но количество археологическихъ вещевыхъ находокъ въ районѣ кіевской губерніи было сдѣлано гораздо большее, чѣмъ приводитъ ихъ составитель. Между тѣмъ эти указанія могутъ быть приняты инымъ читателемъ за полныя и повести его къ невѣрнымъ заключеніямъ. Мы думаемъ, что или совсѣмъ не слѣдовало приводить этихъ свѣдѣній въ трудѣ, предназначенномъ спеціально

Библиотека "Руниверс"

для монетныхъ кладовъ, или измѣнить самое заглавіе и собрать данныя о всѣхъ археологическихъ открытіяхъ, сдѣланныхъ въ данной области.

Но для этого потребовался бы двойной трудъ, который затянулъ бы, можетъ быть надолго, выходъ въ свѣтъ книги г. Бѣляшевскаго, весьма полезной и интересной. Не можемъ не высказать еще одного сожалѣнія: по нашему мнѣнію, рядомъ съ указателемъ мѣстностей, гдѣ были сдѣланы нумизматическія находки, не безполезно было дать указатель монетъ. Если мы будемъ исходить изъ положенія, выставленнаго археологомъ оріенталистомъ Григорьевымъ, что монеты попадали въ землю въ тотъ вѣкъ, когда были вычеканены, то въ такомъ случаѣ нахожденіе монетъ одновременнаго чекана и лица въ извѣстныхъ мѣстностяхъ укажетъ намъ: 1) направленіе торговыхъ путей въ данное столѣтіе, 2) какія мѣстности въ данное столѣтіе подвергались вліянію той или иной цивилизаціи и 3) въ какомъ именно столѣтіи въ тѣ или иныя мѣстности *въ первый разъ* проникъ лучъ иноземной культуры. Если существуетъ при книгѣ алфавитный указатель монетъ, то для рѣшенія указанныхъ вопросовъ не представляется ни малѣйшаго труда. Но это маленькое, на нашъ взглядъ, упущеніе и небольшая неточность въ выполненіи программы, которую мы выше указали, нисколько не уменьшаютъ цѣнности труда г. Бѣляшевскаго. «Въ русской нумизматической литературѣ сдѣлано еще очень мало по топографической группировкѣ монетныхъ кладовъ, найденныхъ въ Россіи», говоритъ г. Бѣляшевскій въ предисловіи къ своему труду. Нельзя не сознаться, что это дѣйствительно вѣрно, а между тѣмъ никто не станетъ оспаривать всю важность подобной группировки. Существуетъ масса нумизматическихъ данныхъ, собранныхъ какъ въ изданіяхъ нашихъ археологическихъ обществъ, такъ и въ частныхъ, но всѣ эти данныя, несмотря на всю ихъ научную важность, остаются разбросанными, а вслѣдствіе этого иногда и мало доступными. Въ настоящее время, когда въ русской исторической наукѣ признана необходимой разработка областной исторіи, является вполнѣ неотложной группировка по областямъ нумизматическихъ и археологическихъ данныхъ. Если политическая жизнь русско-славянскихъ областей развивалась и шла не одинаково, то, конечно, это зависѣло въ значительной степени отъ мѣстныхъ условій. Большая или меньшая степень культурнаго развитія той или иной земли должна была оказывать значительное вліяніе и на ея историческую судьбу. О значеніи археологіи въ

Библиотека "Руниверс"

рѣшеніи вопроса о большемъ или меньшемъ развитіи данной области въ культурномъ отношеніи нечего и говорить. Нумизматика въ частности даетъ ясныя указанія на культурныя вліянія, на ихъ направленіе и опредѣляетъ хронологически ихъ начало. На основаніи показаній нумизматики мы можемъ прослѣдить постепенность распространенія культурныхъ вліяній на различныя части той или иной земли. Мы видимъ, какъ постепенно цивилизація, путемъ посредственныхъ и непосредственныхъ сношеній съ культурными, иногда очень отдаленными, странами, шагъ за шагомъ прокладывала себѣ путь въ глубь земли того или иного русско-славянскаго племени, и съ глубокимъ интересомъ слѣдитъ историкъ за этимъ постепеннымъ проникновеніемъ свѣта въ глубкій сумракъ доисторической, первобытной жизни племени. Вотъ почему съ глубокимъ интересомъ и благодарностью долженъ быть встрѣченъ трудъ г. Бѣляшевскаго, дающій возможность прійти безъ значительной потери времени къ интереснымъ выводамъ о ходѣ развитія культуры въ кіевской области.

П. Голубовскій.

Сочиненія Г. Ѳ. Квитки. Т. Ш. Повѣсти и разсказы. Харьковъ. 1889 г. Стр. 341.

У писателей, какъ и у книгъ, бываетъ своя судьба, живымъ примѣромъ чего можетъ служить Квитка. Почти невѣроятно, но фактъ на лицо: этотъ авторъ, занимающій столь видное положеніе въ литературѣ и столь популярный, только теперь, безъ малаго черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ смерти, удостоивается полнаго изданія сочиненій. Многія книги этого плодовитаго писателя выходили нѣсколькими изданіями; въ шестидесятыхъ годахъ изданы были Кулишомъ украинскія повѣсти его и драматическія сочиненія. Но систематическаго собранія трудовъ Квитки, которое дало бы весь его писательскій образъ, не было до сихъ поръ. Предпринятое харьковскимъ земствомъ подъ редакціей профес. Потебни собраніе квитковскихъ сочиненій должно загладить этотъ грѣхъ передъ памятью почтеннаго стараго автора. Отдѣльные томы этого собранія выходятъ съ значительными промежутками времени, ни число, ни срокъ выхода послѣдующихъ выпусковъ неизвѣстны, но надо думать, что все изданіе будетъ доведено до конца.

По вышедшимъ тремъ книгамъ совершенно нельзя опредѣлить плана изданія. Первыя двѣ книги заключали украинскія повѣсти и

Библиотека "Руниверс"

разсказы Квитки съ текстомъ, возстановленнымъ по авторскимъ изданіямъ. Были тамъ и двѣ новинки: повѣсть «Божьи диты», изданная по рукописи, и перепечатка «Листовъ до любезныхъ землякивъ». Мы ожидали возстановленія и другихъ пропусковъ Кулишовскаго изданія, но ихъ не послѣдовало. «Ганнуся» большая повѣсть, разсказъ изъ «Маяка» —(въ отдѣльной брошюркѣ «Купованный розумъ»)— опять остаются пропущенными. Какимъ образомъ ускользнули отъ вниманія издателей эти вещицы, существующія отдѣльными книгами? Третій томъ, нынѣ вышедшій, заключаетъ въ себѣ уже русскія повѣсти Квитки историко-бытоваго характера. Мы ничего не имѣемъ противъ такого, довольно удобнаго, дѣленія произведеній автора по группамъ. Въ третьемъ томѣ при каждой повѣсти отмѣчено мѣсто и время ея напечатанія, и если то же соблюдено будетъ вездѣ, то, имѣя полное собраніе, не трудно обозрѣть въ хронологическомъ порядкѣ всю писательскую дѣятельность Квитки. Но отсутствіе пропусковъ и полнота собранія настоятельно необходимы. Мы желали бы видѣть наконецъ собраннымъ вмѣстѣ все напечатанное Квиткой, отъ первыхъ фельетоновъ Ѳалалея Повинухина въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» десятыхъ годовъ, до мелкихъ замѣтокъ и статей послѣднихъ лѣтъ его жизни.

Квитка былъ однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ писателей, но и однимъ изъ самыхъ неровныхъ. Онъ не всегда сосредоточивалъ свои образы, разбрасывалъ свои силы и, поднимаясь иногда до высшаго творчества, спускался другой разъ очень низко. Онъ писалъ легко и постоянно и на произведеніяхъ его всегда лежитъ печать той или иной степени подъема его духа. Ему ставили въ укоръ переломъ въ писательской его дѣятельности и переходъ отъ народныхъ украинскихъ сюжетовъ и народнаго языка къ новостямъ для русскихъ журналовъ во вкусѣ неприхотливаго большинства публики послѣднихъ. Не говоря о томъ, что вина писателя въ значительной степени должна пасть на родное ему общество, которое не оцѣнило его достаточно и не поддержало на настоящей дорогѣ, мы должны признать, что во многихъ позднѣйшихъ своихъ русскихъ произведеніяхъ Квитка остается совершенно тѣмъ же живымъ, трогательнымъ или добродушно шутливымъ разсказчикомъ, какимъ мы знаемъ его по украинскимъ повѣстямъ. (Такія произведенія, какъ «Маруся», удаются конечно только разъ въ жизни и среди самихъ малороссійскихъ сочиненій Квитки романъ этотъ занимаетъ совсѣмъ особое мѣсто). Большіе романы и повѣсти послѣднихъ лѣтъ дѣйствительно свидѣтельствуютъ о пе-

Библиотека "Руниверс"

чальной перемѣнѣ пріемовъ и стремленье смѣшить и угодить публикѣ доходитъ въ нихъ до гаерства. Но и въ нихъ есть части, гдѣ появляется прежній художникъ и увлекаетъ жизнью и правдивостью образовъ. Вспомнимъ описаніе пира, даваемаго полковнику въ «Панѣ Халявскомъ». Эти нѣсколько десятковъ страничекъ скрашиваютъ весь пресловутый каррикатурный романъ, давая такую правдивую и мѣткую картинку вырожденія ничтожной и эгоистической козачьей «старшины», которая стоитъ цѣлаго произведенія. Подобныя черты найдутся въ каждомъ изъ сочиненій Квитки и вотъ почему такъ желательно полное ихъ изданіе.

Историческіе наброски и очерки Квитки, изъ которыхъ главнымъ образомъ состоитъ настоящій третій томъ, помимо литературной своей стороны, имѣютъ для насъ почти значеніе мемуара. Стоя на рубежѣ двухъ эпохъ—старой героической и патріархальной и послѣдующей, близкой намъ, Квитка могъ наблюдать явленія и типы старины по живымъ образцамъ и непосредственнымъ впечатлѣніямъ. Его дѣтство протекло въ средѣ, сформировавшейся въ послѣднія времена гетманщины; разрушенье Сѣчи было тогда недавнимъ событіемъ, участники и очевидцы котораго еще живы были въ значительномъ числѣ, нравы сельскаго народа хранили еще всю свою патріархальную простоту, на глазахъ его выросталъ родной Харьковъ. Между тѣмъ могущественное завоеваніе новаго времени—бытовой и реальный романъ, который сослужитъ такую службу историкамъ будущаго, изображая типичнаго, средняго человѣка, т. е. настоящаго героя исторіи, такой романъ былъ уже созданъ во время появленія Квитки на писательскомъ поприщѣ и свои впечатлѣнія и воспоминанія онъ сталъ передавать въ повѣствовательной формѣ.

Очеркъ «Головатый», которымъ открывается третья книга «Повѣстей», весь основанъ на воспоминаньяхъ дѣтства автора и семейныхъ преданіяхъ. Личность стараго запорожца, положившаго начало черноморскому войску, его похожденья въ Петербургѣ, балагурство, юморъ, пресловутая малороссійская «хитрость», которая часто бываетъ простымъ чувствомъ самосохраненія,—все это очерчено по живымъ слѣдамъ. Въ «Паннѣ Сотниковнѣ» Квитка облекъ въ лица эпизодъ изъ фамильной хроники своего рода, занимающій въ этой хроникѣ три строки: «Того жъ году тарановскаго сотника Мирона Петровича дочь Прасковья Мироновна, когда хотѣли ее кондукторы згвалтовать, сколола себя ножемъ»... Разсказывая о несчастной долѣ злополучной украинской Виргиніи, Квитка набросалъ прекрасный об-

Библиотека "Руниверс"

разъ этой сотниковны, друга бѣдныхъ, чистой души, развернувшейся какъ цвѣтокъ въ старосвѣтской глуши. Къ сожалѣнью, разсказъ написанъ слишкомъ эскизно. При большемъ развитіи и болѣе внимательной обработкѣ «Панна Сотниковна» могла бы стать на ряду съ «Марусей». Теперь это не болѣе какъ граціозный силуэтъ. «Преданія о Гаркушѣ», написанныя въ драматической формѣ, воспроизводятъ эпизоды изъ похожденій знаменитаго разбойника, жившіе въ памяти народа. Вездѣ Гаркуша выступаетъ другомъ слабыхъ и угнетателемъ стяжателей и обидчиковъ и только въ одной сценѣ, устами нѣкоего мудраго юноши, авторъ читаетъ мораль Гаркушѣ, какъ врагу государственнаго порядка. Въ этихъ сценахъ Квитка вывелъ множество лицъ стариннаго общества, то болѣе очерченныхъ, то едва намѣченныхъ, съ легкостью богача, который не считаетъ своихъ запасовъ и бросаетъ золото въ свое удовольствіе. «Татарскіе набѣги» обнаруживаютъ одну изъ слабыхъ сторонъ таланта Квитки—излишнюю болтливость. Нить разсказа здѣсь иногда совершенно теряется, анекдоты нагромождены одинъ на другой. «Герой очаковскихъ временъ»—юмористическая повѣсть въ духѣ «Пана Халявскаго», неправдоподобіе разсказа и его шутовство, которыя по плечу развѣ только очень юнымъ читателямъ, лишаютъ значенія эту вещь, гдѣ встрѣчаются все таки нѣсколько чертъ настоящаго комизма.

Не можемъ не пожелать еще разъ, чтобъ все изданіе произведеній Квитки доведено было до конца. Это будетъ и лучшимъ памятникомъ писателю, и наиболѣе солиднымъ фондомъ для учрежденія школы въ Основѣ, въ пользу которой харьковское земство назначило весь чистый доходъ съ изданія.

В Г.

Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ 1889. VI+90 стр. ц. 60 коп.

Хотя эта работа чисто филологическая, но, какъ мѣстное явленіе, можетъ быть отмѣчена въ библіографіи «Кіевской Старины».

Съ внѣшней стороны трудъ этотъ отличается замѣтною логическою стройностію и строгимъ порядкомъ въ изложеніи матеріала, вслѣдствіе чего объясненіе для любаго явленія языка сразу отыскивается. Книжка распадается, согласно самой сути дѣла, на 2 отдѣла: а) фонетическія особенности гласныхъ звуковъ, б) фонетическія

Библиотека "Руниверс"

особенности согласныхъ звуковъ; каждый отдѣлъ въ свою очередь состоитъ изъ: а) обозрѣнія характеристическихъ особенностей малорусскихъ гласныхъ и согласныхъ звуковъ, б) изложенія законовъ этихъ звуковъ; эти подъ отдѣлы, конечно, также разбиты на отдѣльныя статейки. Такая простота плана книги, зависящая въ сущности отъ свойства содержанія ея, но не всегда встрѣчающаяся въ книгахъ подобнаго рода, и извѣстная ясность изложенія очень облегчаетъ читателю разсмотрѣніе книги и должна быть поставлена въ заслугу составителю.

Перейдемъ теперь къ внутренней сторонѣ книги, ея содержанію. Здѣсь намъ придется въ нѣкоторыхъ случаяхъ разойтись съ авторомъ либо указать пропуски или неправильности въ объясненіяхъ; указанія эти, быть можетъ, окажутся пригодными для втораго изданія книжки, котораго она, несомнѣнно, дождется и при томъ въ скоромъ времени. Замѣчанія эти, въ общемъ, будутъ касаться частностей содержанія книги, общая же характеристика малорусскаго нарѣчія, представленная авторомъ, не вызываетъ возраженій.

На страницахъ *10* и *31*, гдѣ говорится о происхожденіи секундарнаго *і* и перечисляются звуки, изъ которыхъ получилось это звуковое новообразованіе, нигдѣ не указанъ еще одинъ звукъ, превращающійся иногда въ секундарное *і*, а именно *а*, напримѣръ: гадкій—гідкий, край—крій [1]) и др. Конечно, *і* рѣже всего получается изъ *а*, но все же объ этомъ слѣдовало упомянуть, хотя бы въ интересахъ правописанія. Относительно этого послѣдняго мы, впрочемъ, не совсѣмъ согласны съ авторомъ, дающимъ широкій просторъ фонетическому началу, хотя благоразумно не забывающему и словопроизводственнаго начала, выручающаго его во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ. Такъ, мы, въ интересахъ сохраненія исторической преемственности, удержанія связи съ предками и сбереженія въ словѣ его первоначальнаго происхожденія, иногда черезчуръ уже затемненнаго въ произношеніи, предпочли бы вышеупомянутое звуковое новообразованіе—секундарное *і* — обозначать правописаніемъ покойнаго Максимовича, а именно: *і*, происшедшее изъ о, изображать знакомъ: ô (стôлъ, гôнкий), происшедшее изъ е—знакомъ ê (нêч, сêм, вечêръ), изъ у—знакомъ û (дûброва, замûж), изъ а—знакомъ â (гâдкий, крâй), изъ ѣ—знакомъ

[1]) См. это слово хотя бы въ Максимовичевомъ переводѣ „Слова о полку Игоревѣ“ въ началѣ 2-й части: „крâй (крій) тихого Дону“.

Библиотека "Руниверс"

ѣ (вѣрити, хлѣбъ). Правда, авторъ вооружается на стран. 12 противъ всякихъ надстрочныхъ знаковъ, не высказываясь однако же по чему; мы, напротивъ, полагаемъ, что эти знаки не только ничему не мѣшаютъ, но еще доставляютъ огромное удобство, въ качествѣ діакритическихъ, и на нихъ, напримѣръ, основана вся система чешской азбуки, какъ извѣстно, одной изъ самыхъ удобныхъ между европейскими. Нынѣче уже у многихъ народовъ (напр. поляковъ) раздаются голоса за усвоеніе чешскихъ надстрочныхъ знаковъ (поляки очень бы выиграли при этомъ: вм. *cz* они имѣли бы č, вм. szcz—šč и пр.); равно и многіе ученые (Шлейхеръ, напр.) высказались за большое удобство чешской азбуки. Если бы нашъ авторъ не боялся надстрочныхъ знаковъ, онъ, въ случаяхъ звуковаго перехода основнаго *у* въ краткое *у* (ў), конечно, предпочелъ бы изображать это послѣднее такъ, какъ его изображали гг. Куцый и Туловъ т. е. черезъ ў, а не черезъ *в* (ужинокъ, уже убивати).

На стр. 12 авторъ говоритъ, что въ великорусскомъ языкѣ всякое неударяемое *о* въ произношеніи обращается въ *а* (залатой и пр.). Здѣсь, кажется, недоразумѣніе: если имѣлся въ виду не современный русскій книжный языкъ, а живое великорусское нарѣчіе, то такое утвержденіе невѣрно, ибо акаютъ только южновеликоруссы, сѣверновеликорусское же нарѣчіе окаетъ, въ противномъ случаѣ слѣдовало употребить болѣе точное опредѣленіе, т. е. сказать: въ книжномъ русскомъ языкѣ. Это, конечно, мелочь, но мы сочли за необходимое указать и ее во избѣжаніе недоразумѣній.

Бо́льшая употребительность облика: повірчувати, сравнительно съ обликомъ поверчувати (16 стр.) намъ кажется сомнительною; мы, по крайней мѣрѣ, даже не слыхали перваго, хотя со вторымъ встрѣчались. Говоря о приставкѣ звука *і* въ началѣ словъ, не отличающемся гласностью (іржа, імгла и пр. 29 стран.), можно было для сравненія, котораго составитель не избѣгаетъ въ другихъ случаяхъ, указать на подобное же явленіе въ великорусскомъ нарѣчіи, гдѣ приставляется, хотя и рѣже, въ такихъ случаяхъ звукъ *а* (аржаной; срав. также въ «Словѣ о полку Игоревѣ»: аркучи вм. рькучи). На той же страницѣ мы опять таки не соглашаемся съ авторомъ по вопросу о происхожденіи неполногласнаго малорусскаго облика: срібло (существующаго рядомъ съ полногласнымъ: серебро): онъ, кажется намъ, образовался именно подъ вліяніемъ ц. славянскаго облика срѣбро, вмѣстѣ съ словами: храмъ и др,

Библиотека "Руниверс"

На стр. 49 говорится: *ск* и *ст* смягчаются въ *шч* (русск. щ). Отчего же не въ *щ*? Развѣ этотъ знакъ окончательно изгнанъ изъ малорусской азбуки и составляетъ принадлежность только русской? Едва ли это было бы удобно для малорусскаго правописанія.

На стран. 39, при обзорѣ тѣхъ случаевъ, когда приставка *с* отчетливо произносится, какъ *с*, и когда вмѣсто нея слышится *з*, замѣчено, что предъ *т* случаевъ перваго рода нѣтъ, хотя этому противорѣчатъ такія слова, какъ с-торчати, с-трава и др.; то же можно сказать и про звукъ *х*, предъ которымъ нерѣдко можно встрѣтить чистое произношеніе приставки, *с*, наприм., схо̀дъ, схаменутися и др.

При объясненіи корней глаголовъ *жити* и *вынути* (85 и 79 стр.) авторъ, какъ намъ кажется, впалъ въ ошибку. Второе слово онъ приводитъ въ образецъ такой потери чутья, при которой самый корень забывается, и доказываетъ, что оно при своихъ звуковыхъ измѣненіяхъ утеряло совершенно свой корень. По его мнѣнію, въ этомъ словѣ: «*вы*—приставка (=изъ), *ну*—суффиксъ глаголовъ однократнаго вида, *ть*—окончаніе неопредѣленнаго наклоненія, а корень ѣ (срав. изъ-*я*-ть, при-н-*я*-ть) пропалъ совсѣмъ». Намъ сдается однако же, что здѣсь вовсе не происходило такого невѣроятнаго обстоятельства, какъ потеря корня: этотъ послѣдній преблагополучно здравствуетъ въ словѣ, которое мы разлагаемъ слѣдующимъ образомъ: *вы*—приставка, *ну* (т. е. собственно нѫ) состоитъ изъ $\sqrt{}$ѫ, поднятаго изъ ѧ (=я) (срв. грязь—грузнуть) и *н*, вставленнаго для устраненія зіянія, *ть*—окончаніе неопредѣленнаго наклоненія. Слѣдоват. историческій ходъ развитія этого слова былъ приблизительно такой: вы-ѣѫ-ти, вы-н-ѣѫ-ти (вынять), наконецъ, вы-н-ѫ-ти, причемъ малорусское нарѣчіе предпочло обликъ: выняти, а великорусское—вынути. Въ словѣ *жити* мы вовсе не видимъ выпаденія *в* (по мнѣнію автора, *жити* вм. *живти*); здѣсь просто $\sqrt{}$*жи*+ти, окончаніе неопредѣленнаго наклоненія, что же касается *в*, то это не болѣе, какъ такая же эвфоническая вставка для уничтоженія зіянія: жи-ѫ, жи-в-ѫ живу, какъ *j* въ нѣкоторыхъ славянск. нарѣчіяхъ и малорусскихъ говорахъ, гдѣ образовался обликъ *жи-j-у* также точно и обликъ прошедшаго времени *жила* вовсе не произошелъ изъ *живла*, а образовался обычнымъ образомъ отъ $\sqrt{}$*жи* съ помощію суффикса прошедшаго времени *л*. Срв. также глаголъ *гоити*=жити, какъ покоити=почити. Объясненіе происхожденія слова *мрець* (88 стр.) у автора нашего сдѣлано, кажется намъ, вѣрнѣе, чѣмъ у гг. Миклошича и Огоновскаго, безъ всякой нужды сокра-

Библиотека "Руниверс"

щающихъ это слово изъ облика: *мертвець*: *мрець* образовалось, дѣйствительно, прямымъ путемъ на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ и слова: жнець, жрець, швець, первоначально звучавшія: жьнецъ, жьрецъ, шьвецъ, мьрецъ и пр.

Изложеніе въ книгѣ, какъ мы уже замѣтили, вообще ясное и правильное; можно было бы только менѣе злоупотреблять глаголомъ «просмотрѣть», употребляемымъ весьма часто и при томъ не всегда правильно вм. глагола «разсмотрѣть» (см. напр. стр. 18).

А. Степовичъ.

«*Wisła*» *1887—1888 г.*

Въ польской научной литературѣ въ послѣднее время обнаруживается разностороннее и обстоятельное изученіе народнаго быта. Появилось много цѣнныхъ сочиненій и сборниковъ матеріаловъ по этнографіи и антропологіи. Большинство статей, понятно, трактуетъ о полякахъ; но появляется не мало сочиненій о малороссахъ и бѣлоруссахъ, причемъ мѣстный славянскій матеріалъ освѣщается данными западно-европейскаго фольклора. Что въ особенности бросается въ глаза въ современномъ польскомъ фольклорѣ—это бодрость духа, живое отношеніе къ дѣлу изученія народа, общее свѣжее настроеніе, чего именно недостаетъ въ послѣднее время нашей этнографической наукѣ, находящейся въ застоѣ, ограничивающейся сырымъ матеріаломъ, наваливаемымъ въ кучу по старымъ, давно уже установившимся рубрикамъ, по шаблону предшествовавшихъ сборниковъ, безъ проложенія новыхъ путей и безъ творческой идеи въ группировкѣ и разъясненіи. Живое и бодрое отношеніе къ дѣлу народознученія у насъ обнаруживается теперь въ приложеніи къ одному далекому уголку Россіи, именно къ Кавказу, въ разныхъ статьяхъ и сборникахъ г. Анучина, г. Вс. Миллера, г. М. Ковалевскаго, изданіяхъ управленія кавказскаго учебнаго округа. Въ послѣдніе годы еще посчастливилось бѣлоруссамъ, о пѣсняхъ и бытѣ которыхъ появились новыя извѣстія въ сборникахъ гг. Шейна, Романова и Радченко; но великорусскіе и малорусскіе крестьяне оставлены въ сторонѣ, безъ изученія.

Какъ широко, бодро и энергично поставлено дѣло изученія народа въ польской научной литературѣ, можно видѣть на двухъ замѣчательныхъ польскихъ изданіяхъ: географическо-этнографическомъ журналѣ «Wisła», выходящемъ съ 1887 года въ Варшавѣ, и

Библиотека "Руниверс"

на издаваемомъ краковской академіи наукъ Zbiór'ѣ wiadomości do antropologji krajowej. Въ «Кіев. Старинѣ» 1888 г. былъ уже сдѣланъ отзывъ о послѣднемъ изданіи, въ частности объ XI томѣ; недавно вышелъ XII-й томъ «Zbiór'а», посвященный большей частью описанію быта малороссовъ; объ этомъ томѣ мы скажемъ въ другое время, а теперь сдѣлаемъ замѣтку лишь о «Вислѣ», какъ наиболѣе характерномъ явленіи современнаго польскаго фольклора.

Названіе фольклоръ (folklore) недавно установилось въ западной наукѣ. По русски его можно перевести: народоизученіе, или, точнѣе, наука о народной жизни, заключающая въ себѣ антропологію, этнографію, исторію языка и словесности. На западѣ появились спеціальныя изданія, посвященныя фольклору: въ Англіи «The Folklore Journal», во Франціи «Melusine», «Revue des traditions populaires» и «La Traditons», въ Германіи «Zeitschrift für Völkerpsichologie» и «Zeitschr. f. Ethnologie», въ Испаніи «El folklore andaluz», въ Венгріи, «Ethnologische Mitheilungen». Цѣль всѣхъ этихъ изданій—объясненіе народныхъ обычаевъ, обрядовъ, повѣрій и сказаній, объясненіе историко-культурное, сравнительно-культурное и сравнительно-этнографическое. Въ рядъ изданій этого рода входитъ также «Wisła».

Въ 1887 г. «Висла» выходила небольшими выпусками, около 4 печатныхъ листовъ въ каждомъ, и вышло всего 9 такихъ выпусковъ. Въ нихъ заключаются статьи: *Завалинскаго* «О способѣ группировки этнографическихъ матеріаловъ»; *Чинскаго* «О численности и разселеніи поляковъ»; *Карловича* «О польскихъ чаровницахъ»; *Матусяка* «О народахъ, жившихъ въ древности при устьѣ Вислы»; *Сарнецкаго* «Объ украинскихъ знахаряхъ» и нѣсколько другихъ небольшихъ статей и замѣтокъ. Статья г. Сарнецкаго «Знахари на Украинѣ» въ 7 и 8 выпускахъ «Вислы» не богата содержаніемъ. Здѣсь приведено нѣсколько повѣрій крестьянъ волынской губерніи о ворожбѣ, преимущественно о «даньѣ», и три заговора отъ болѣзней и уроковъ. Гораздо болѣе цѣнной представляется статья г. Карловича о польскихъ чарахъ и чаровницахъ въ первыхъ шести выпускахъ журнала. Статья распадается на двѣ части: 1) современное польское колдовство и 2) польское колдовство и казни вѣдьмъ въ старину, въ XVI—XVIII вѣкахъ. Въ первой части авторъ отмѣчаетъ извѣстія этнографовъ о народныхъ вѣрованіяхъ въ колдовство въ разныхъ частяхъ Познани, Галиціи, Привислянскаго края, Бѣлоруссіи и Украины. Нѣсколько любопытныхъ сообщеній объ украинскомъ и галицко-рус-

Библиотека "Руниверс"

скомъ чародѣйствѣ (исключительно по польскимъ источникамъ) находится во 2 выпускѣ. Во второй, сравнительно съ первой большей части, собраны историческія извѣстія о судебныхъ процессахъ и казняхъ вѣдьмъ въ Польшѣ въ XVI—XVIII ст., которыя производились съ жестокостью, небывалой въ южной Руси. Въ статьѣ г. Карловича встрѣчается много извѣстій объ испытаніи вѣдьмъ водой, часто практиковавшемся въ польскихъ судебныхъ процессахъ вѣдьмъ.

Съ 1888 года редакторомъ «Вислы» состоитъ г. Карловичъ, и журналъ сильно измѣнился къ лучшему, по внѣшней формѣ и внутреннему содержанію, сталъ выходить книжками, въ годъ по 4 книги, величиной каждая книга около 15-ти листовъ. Библіографическій отдѣлъ, въ 1887 г. слабый, въ 1888 году отличается полнотой и содержательностью. Изданіе, очевидно, находится въ хорошихъ рукахъ и ведется съ знаніемъ дѣла и съ любовью къ дѣлу, т. е. къ фольклору, къ разностороннему изученію народной жизни. Перу г. Карловича принадлежитъ нѣсколько крупныхъ статей, напр., историко-литературный анализъ народныхъ сказаній о кающемся разбойникѣ (Podanie o Madeju);—статья эта въ 1888 г. только начата (въ IV книгѣ «Вислы» 1888 г.). Авторъ разсмотрѣлъ польскія сказанія о Мадеѣ и обѣщаетъ далѣе разсмотрѣть сходныя сказанія другихъ славянскихъ народовъ, надѣемся и малороссовъ, въ словесности которыхъ сказанія о кающемся разбойникѣ занимаютъ видное мѣсто (помѣщены въ сборникахъ Чубинскаго и Драгоманова); затѣмъ, укажемъ на любопытную замѣтку г. Карловича о «Грижинской березѣ» (народное сказаніе) и на его превосходную библіографическую статью о сочиненіяхъ англійскаго ученаго Ланга, съ историческимъ очеркомъ развитія миѳологической науки на западѣ. Вообще, статьи г. Карловича составляютъ главную силу и украшеніе «Вислы». Г. Карловичъ обнаруживаетъ особенное умѣніе выбирать интересныя темы для научныхъ работъ и останавливается на малоизслѣдованныхъ, но весьма любопытныхъ явленіяхъ и формахъ народнаго быта. Укажемъ здѣсь на такіе его труды, предшествовавшіе появленію «Вислы», какъ «Chata polska», «O imionach wlasnych polskich miejsc i ludu». Эти изслѣдованія говорятъ не только о трудолюбіи автора, но, болѣе того, о быстромъ, проницательномъ умѣ и живомъ, любовномъ отношеніи къ польскому и другимъ народамъ, что обнаруживается уже въ слѣдующемъ замѣчаніи: «Zasoby bowiem do ludoznawstwa i krajoznawstwa spoczywają wszędzie, na każdem miejscu, rosną jak kwiaty na wszystkich polach, dostępne dla każdego, a zawsze pożyteczne i nauczające» (Wisła, 1888, I, 217).

Библиотека "Руниверс"

Г. Янчукъ, извѣстный въ наукѣ по превосходному описанію малорусской свадьбы въ корницкомъ приходѣ констант. у. сѣдлецкой губ., помѣстилъ въ IV кн. «Вислы» за 1888 г. статью «Szopka w Kornicy». Шопкой или ясельками въ Польшѣ называется украинскій вертепъ, или переносный кукольный театръ. Въ «Кіевск. Старинѣ» много писали о вертепѣ (Н. И. Петровъ, Г. П. Галаганъ, г. Чалый, г. Селивановъ и др.). Оказывается, что вертепъ встрѣчается еще въ разныхъ мѣстахъ Привислянскаго края. Описанію вертепа посвящено, кромѣ изслѣдованія г. Янчука, еще нѣсколько статей въ 1 и 2 кн. «Вислы».

Въ 3 кн. «Вислы» помѣщена любопытная замѣтка г. Цишевскаго о народныхъ польскихъ повѣстяхъ, имѣющихъ основу въ «Тысячѣ и одной ночѣ». Въ той же книгѣ находится интересная статья профессора пражскаго университета Поливки о чешской фольклористикѣ.

Къ книжкамъ приложены хромолитографіи типичныхъ по лицу и одеждѣ крестьянъ и крестьянокъ, и въ самомъ текстѣ встрѣчаются рисунки характерныхъ частей дома, плетней, дворовыхъ строеній, ремесленныхъ издѣлій, что съ внѣшней стороны украшаетъ и оживляетъ журналъ.

Появленіе журнала «Wisła» и успѣшное развитіе его указываетъ на существованіе въ польскомъ образованномъ обществѣ серьезнаго стремленія къ изученію народа и на свѣжее и бодрое настроеніе людей науки, опирающихся на сочувствіе и поддержку всей интеллигенціи. Нельзя не пожелать, чтобы подобнаго рода изданія возникли и укрѣпились на берегахъ Невы и на берегахъ Днѣпра. Находятъ же у насъ большое распространеніе разныя иллюстрированныя исторіи, даже при большой денежной стоимости и съ плохимъ текстомъ, то тѣмъ болѣе можетъ имѣть успѣхъ серьезное періодическое изданіе, посвященное изученію народной жизни, при сочувственномъ содѣйствіи со стороны людей науки разныхъ спеціальностей, антропологовъ, этнографовъ, филологовъ, изслѣдователей народной словесности, разумѣется, безъ натянутыхъ и пустыхъ противоположеній на тему мы и они, но съ полнымъ и уважительнымъ признаніемъ науки и народности, гдѣ бы и въ какой бы формѣ онѣ ни обнаруживались. Къ фольклорѣ всѣ цивилизованные народы дружелюбно сходятся на нейтральной почвѣ науки и подаютъ другъ другу руку въ общемъ дѣлѣ детальнаго изученія народной жизни и цивилизаціи.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Библиотека "Руниверс"

Краткое описаніе г. Житомира, составленное Т. І. Вержбицкимъ. Изданіе 2 е Житомиръ. 1889.

«Краткое описаніе г. Житомира», вышедшее въ первый разъ въ приложеніи къ «Памятной книжкѣ волынской губ. на 1888 г.» и отдѣльнымъ оттискомъ, выпущено недавно вторымъ изданіемъ. Описаніе состоитъ изъ слѣдующихъ частей: историческаго очерка Волыни и Житомира (стр. 3—15), списка волынскихъ губернаторовъ и вице-губернаторовъ, волынско-житомірскихъ архіепископовъ и викаріевъ острожскихъ (стр. 15—25), краткаго очерка нынѣшняго состоянія города (стр. 25—30) и списка источниковъ. Такое распредѣленіе, какъ видно, не совсѣмъ равномѣрно, такъ какъ собственно описанію города, главной цѣли автора, удѣлено только 5 страничекъ.

Пособіями, перечисленными въ концѣ книги, авторъ пользовался очень мало. Такъ, онъ не счелъ нужнымъ прибавить что нибудь во второмъ изданіи своей книги, хотя ему сдѣлались извѣстными 4 новыхъ источника, между прочимъ книга Гамченка «Житомірскій могильникъ». Раскопки г. Гамченка доказываютъ, что поселеніе на мѣстѣ нынѣшняго г. Житомира существовало еще въ VII или VIII столѣтіи, и вообще имѣютъ немалый интересъ для исторіи г. Житомира. Историческое описаніе г. Житомира у г. Вержбицкаго представляетъ перечень годовъ и событій, невсегда вѣрный; на стр. 7, напр., упоминается битва съ русскими при р. Ирпени въ 1320 г. Начиная съ 1804 г., авторъ не сообщаетъ уже почти ни одного историческаго факта, онъ ограничивается перечисленіемъ губернаторовъ и архіереевъ. А между тѣмъ сказать было о чемъ, если бы внимательно отнестись къ источникамъ. Въ «Волын. Губерн. Вѣдомост.» за 1878—79 сообщены были любопытнѣйшія свѣдѣнія о масонской ложѣ въ г. Житомірѣ, о ея дѣятельности и вліяніи на общество. Далѣе, нужно было упомянуть объ устройствѣ и преобразованіи училищъ въ 30-хъ годахъ, имѣвшемъ важное значеніе для распространенія русскаго вліянія, о томъ, какъ отразилось на положеніи города возстаніе 1863 года. Не менѣе замѣчательны и слѣдующія два десятилѣтія, такъ какъ въ это время пробудился значительный интересъ къ изученію исторіи и этнографіи Волыни; многимъ извѣстны имена Г. Оссовскаго, Пероговскаго, О. Левицкаго, А. Хойнацкаго, Н. Трипольскаго, открыты въ это время въ Житомірѣ публичная библіотека, нѣсколько новыхъ учебныхъ заведеній (прогимназія, женская гимназія), основана частная газета. Всѣ эти факты не долженъ

Библиотека "Руниверс"

былъ, по нашему мнѣнію, пройти молчаніемъ авторъ описанія, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, конечно, могъ избѣжать сухаго перечисленія именъ волынскихъ губернаторовъ.

Описаніе города, какъ мы уже говорили, очень невелико. Почти ничего не сказано объ отношеніи жителей различныхъ національностей другъ къ другу, о количествѣ и приростѣ населенія, о состояніи учебныхъ заведеній. Вообще, желательно, чтобы г. Вержбицкій, если бы понадобилось новое изданіе «Описанія г. Житомира», обработалъ его полнѣе, выпустивъ, пожалуй, перечень губернаторовъ и архіереевъ. Слѣдуетъ также уменьшить цѣну за книжку: 30 коп. за 30 страничекъ—цѣна очень высокая.

Арк. Лященко.

Памятная книжка волынскай губ. на 1888 г. Изданіе волынскаго губернскаго статистическаго комитета. Составлена подъ редакціей члена-секретаря комитета И. Ф. Мацкевича. Житомиръ 1888 г.

Дѣятельность волынскаго губернскаго статистическаго комитета выражается, между прочимъ, въ изданіи ежегодныхъ «памятныхъ книжекъ волынской губ.», главный интересъ которыхъ составляютъ матеріалы по статистикѣ волынской губ. Кромѣ матеріаловъ содержаніе книги составляютъ общекалендарныя свѣдѣнія, адресъ-календарь служащихъ разныхъ вѣдомствъ (въ волынской губ.) и справочный отдѣлъ.

Статистическія данныя (за 1887 г.) довольно разнообразны: тутъ мы находимъ свѣдѣнія о пространствѣ губ., о количествѣ населенія по сословіямъ и вѣроисповѣданіямъ, движеніи населенія, о посѣвѣ и урожаѣ, о цѣнахъ на рабочія руки, числѣ торговцевъ, ремесленниковъ, фабрикъ, заводовъ и суммы производительности ихъ, о пожарахъ, числѣ арестантовъ и родѣ преступленій, числѣ учебныхъ заведеній и т. д. Всѣ цифры приведены для каждаго города и уѣзда въ отдѣльности, далѣе, общая сумма для всѣхъ городовъ и уѣздовъ и наконецъ для всей губерніи. Можно было бы пожелать, чтобы этимъ матеріаламъ была предпослана, хотя бы и краткая историко-статистическая статья о волынской губ. Въ нѣкоторыхъ таблицахъ (напр. на 13 стр.) нужно еще вычислить общую сумму населенія въ губерніи для каждаго вѣроисповѣданія, недостаетъ также общей цифры населенія каждаго города и уѣзда (стр. 4—9), не мѣшало бы вычислить процентное отношеніе жителей по вѣроисповѣданіямъ.

Библиотека "Руниверс"

Цифры, приводимыя въ матеріалахъ, представляютъ особенный интересъ при сравненіи съ подобными же за прошлые года. Мы сравнимъ нѣкоторыя изъ нихъ съ цифрами за 1863 г., помѣщенными въ книжкѣ Wolyń i jego mieszkańce w r. 1863 p. F. N. Drezno 1870 г. Общее число жителей волынской губ. въ 1863 г. было:

мужч.	772.287	(49,3%)
женщ.	795.611	(50,7%)
	1,567,898	

Въ сравненіи съ 1835 г. общее число жителей съ 1.300.000 возросло до 1.570.000, т. е. на 20,6%.—Въ 1887 г. жителей всего 2.264.867, изъ нихъ:

мужч.	1.143.800	(50,5%)
женщ.	1.121.067	(49,5%)

Слѣдовательно, съ 1863 г. населеніе увеличилось на 44,5%, но вмѣстѣ съ тѣмъ бросается въ глаза уменьшеніе женскаго населенія.

По вѣроисповѣданіямъ населеніе распредѣлялось такъ:

въ 1863 г.:			въ 1887 г.:		
правосл. . .	1.192.754	(76,07%)	правосл. . .	1.652.404	(72,9%)
раскольн. . .	3.580		раскольн. . .	5.876	
католик. . .	175.367	(11,18%)	католик. . .	184.203	(8,1%)
протест. . .	5.684		протест. .	97.000	(4,3%)
гусситовъ. .	—	—	гусситовъ. .	14.919	
евреевъ . .	190.017	(12,13%)	евреевъ . .	305.350	(13,5%)
караимовъ .	250		караимовъ .	102	
магометанъ	285		магометанъ .	450	

Въ губ. гор. Житомірѣ населеніе съ 38.897 увеличилось до 56.207; замѣчательно увеличеніе Ковля: съ 3.700 жител. въ 1863 г. населеніе возросло въ 1887 г. до 14.241.

Фабрикъ въ 1863 г. было 998 съ производствомъ на 4.221.604 руб., а въ 1887 г.—1312 съ производствомъ на 13.567.057 руб.

Среднихъ учебныхъ заведеній въ 1863 г. было 13 съ 2.427 воспит. (изъ нихъ 2.327 мальчик.), низшихъ учебн. завед. 1.312 съ 16.957 ученик., т. е. 1 учащійся приходился на 92 жителя. Въ 1887 въ 17 среднихъ учебныхъ заведеніяхъ волын. губ. обучалось 2.569 мальч. и 879 дѣв., т. е. всего 3.448, и въ 1471 низш. учебн. завед. 40.143 мальч. и 9.905 дѣвоч., всего 50.048 учащихся, а всѣхъ учащихся 53.496, или 1 учащійся на 44,2 чел., если же принять во вниманіе одно мужское населеніе, то 1 учащійся мальчикъ на 26,8 мужч. Успѣхи сравнительно большіе. **Арк. Лященко.**

Библиотека "Руниверс"

Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ.

Кіевлянинъ №№ 186—192. Столѣтній юбилей новогородсѣверской гимназіи—замѣтка о программѣ празднованія этого юбилея 19-го сентября, утвержденной г. попечителемъ округа.

— Слухъ объ изданіи въ Кіевѣ новой газеты «Театръ и искусство».

187. Освященіе въ Кіевѣ новой церкви во имя Александра Невскаго.

— Переяславъ (корреспонденція). О смерти А. О. Козачковскаго—мѣстнаго старожила.

190. Крестный ходъ 29-го августа въ Кіевѣ, установленный въ 1872 году въ память избавленія отъ холеры на Подолѣ.

— Праздникъ свѣчки на кіевскихъ базарахъ 1-го сентября—замѣтка.

192. Желтоводская битва—замѣтка.

— Гадячская сельско-хозяйственная выставка—замѣтка.

Кіевское Слово №№ 750—773. 754. Село Казиміровка—корреспонденія о празднованіи въ мѣстномъ костелѣ въ честь чудотворной католической иконы Божіей Матеріи.

775. Кіевскій гостинный дворъ—замѣтка.

— Голодъ въ Галиціи — перепечатка изъ «Славянскихъ Извѣстій» статьи г. Наумовича.

756. Сооруженіе церкви во имя св. кн. Александра Невскаго въ дворцовомъ паркѣ въ Кіевѣ.

— А. О. Козачковскій (некрологъ).

759. Объ исполнившемся 31-го августа 800-лѣтіи смерти кіевскаго митрополита Іоанна.

760. Село Желтое верхнеднѣпровскаго уѣзда, екатеринославской губ.,—замѣтка о побѣдѣ надъ поляками Богдана Хмельницкаго, бывшей при этомъ селѣ.

— Къ юбилею новгородсѣверской гимназіи.

765. Библіограф. замѣтка о книгѣ И. П. Матченка «Св. Владиміръ—просвѣтитель Руси».

768. Перепечатка изъ «Рус. Старины» отрывки изъ дневника А. В. Никитенка.

772. Перепечатки изъ № 9 «Кіев. Стар.» отрывковъ изъ воспоминаній К. А. Трутовскаго и статья Ю. Д. Талько-Грынцевича о семьѣ Шевченка.

769, 770. Археологическое открытіе. Объ открытомъ В. И. Гошкевичемъ на лѣв. бер. р. Гнилуши, притока Черторои, противъ Кіева, у с. Вигуровщины, городищѣ. По предположенію г. Гошкевича, это остатки лѣтописнаго Пѣсочнаго и здѣсь же стоялъ замокъ кн. Симеона Олельковича.

Библиотека "Руниверс"

Волынь №№ 138—159. 147. Описаніе Кіево-Печер. лавры, по поводу ея 800-лѣтія (перепечатка изъ «Кіевлянина»).

151. Воспоминанія бывшаго воспитанника переяслав. духов. училища, рисующія нравы школы въ 30-хъ годахъ (Перепечатка изъ «Церков. Вѣстника»).

153. Новыя архивныя данныя о ротѣ амазонокъ въ Крыму въ концѣ прошлаго столѣтія.

153, 154. Отчетъ о состояніи житомирской гимназіи въ истекшемъ учебномъ году.

156. Корреспонденція изъ Ровно о празднованіи 50-лѣтняго юбилея ровен. реал. училища.

159. Указаніе на запущенность и заброшенность развалинъ въ г. Овручѣ древняго Васильев. храма, сооруженнаго св. Владиміромъ.

— Описаніе древней церкви въ селѣ Стидини.

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 24—26. 24, 26. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи (продолженіе) М. Мизочъ, с. Мирогаща, с. Молодава, с. Мокрое, с. Большая Мощаница, с. Малая Мощаница, с. Обговъ, с. Спасовъ. с. Цурковъ, с. Ступно, с. Тростянецъ, с. Ульбаровъ, с. Конюшки, с. Бакаринъ, с. Пелма, с. Боремецъ, с. Большая Городница, с. Малая Городница, с. Дерно, с. Покашевъ, с. Дидычи.

Православное Крестовоздвиженское братство въ г. Луцкѣ.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 33—37. 33. 34. С. Козацкое, с. Сѣнная, с. Бендзари, с. Буриловка, с. Тридубы, с. Люшневатая, с. Лозоватая, с. Таужная, с. Мазурова, с. Ясеновая, с. Великій Бобрикъ, м. Кривое Озеро, с. Познанка, с. Корытная, с. Пассатъ.

— Борьба мѣстной епархіальной власти съ языческимъ чествованіемъ древней богини Цереры.

Черниг. Губ. Вѣд. №№ 66—72. 66. Известковый и мѣловой промыселъ въ глуховскомъ уѣздѣ. А. Петровскаго.

66, 67. 71. Къ исторіи края. Списокъ черниговскихъ дворянъ 1783 г. 59. Гриневичъ, 60. Кириченко, 61. Лайкевичъ Иродіонъ, 62. Комовскій, 63. Дераковскій, 64. Чернявскій 65. Ступаковъ.

67. Перепеч. изъ «Кіевлянина» списка кіевскихъ генералъ-губернаторовъ.

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости. №№ 16—17. 16. Некрологъ бывшаго архіепископа полтавскаго и переяславскаго Іоанна.

— Рѣчи по случаю закладки каменнаго храма во имя Успенія Божіей Матери въ г. Переяславѣ.

— По поводу пятидесятилѣтія возсоединенія уніатовъ западныхъ областей Россіи съ православною церковію.

Библиотека "Руниверс"

Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости. №. 17. Краткое описаніе села Данкоуцъ, хотинскаго уѣзда.

Крымъ. №№ 95—110. 95. Сообщеніе о раскопкахъ, произведенныхъ проф. Н. И. Веселовскимъ въ Неаполисѣ по Госпитальной балкѣ, при чемъ найдено много посуды, обнаружено существованіе тамъ древняго скиѳскаго кладбища и открыты фундаменты древнихъ сооруженій, можетъ быть храмовъ. (Подробнѣе объ этомъ сообщено въ № 96).

— 96, 98. Статья «Учебная колонія на Салгирѣ» въ Симферополѣ заключаетъ себѣ историч. справку о дѣятельности жившихъ здѣсь академиковъ Палласса (1741—1811), Стивена (1781—1863), доктора Мюльгаузена и г. Сумарокова, автора книги: «Досуги крымскаго судьи» 1803—1805 г.г., по изученію Крыма.

Курскій Листокъ. №№ 96—105. 99. Учучшеніе хозяйства въ казенныхъ лѣсахъ въ связи съ улучшеніемъ быта крестьянъ—Китаева.

101. По поводу статьи Китаева.

Минскій Листокъ. №№ 62—72. 62. Извѣстіе о возникшей недавно на югѣ Россіи еврейской сектѣ «Новый Израиль», стремящейся къ ассимиляціи евреевъ съ христіанами.

Варшавскій Дневникъ. №№ 179—204. 200, 201. Передовая статья по поводу упомянутой въ предъидущемъ № «Кіев. Старины» книги: «Glos z ludu w kwestyi polskiey».

190. Описаніе побѣды фельдмаршала Миниха надъ турками при м. Ставучанахъ (близь Хотина бессараб. губ.) 28 августа 1739 года—историч. справка по поводу 150-лѣтія этой битвы.

203. Описаніе годичнаго торжества въ г. Холмѣ 8-го сентября и рѣчь К. В. Божовскаго, въ которой авторъ кратко очерчиваетъ исторію отношеній католицизма и уніи къ православію, шляхты къ народу.

204. Замѣтка о брошюрѣ г. В. Левицкато: «Nasze czy obce zywioły», въ которой авторъ представляетъ статистическія данныя о польскомъ и еврейскомъ землевладѣніи въ Галиціи.

Червоная Русь. №№ 162—193. 162. Некрологъ Лозинскаго.

166. Цѣнная находка.

172. «Къ любителямъ древностей».

174. «800 лѣтъ тому назадъ».

184. Братство св. Георгія въ Яворовѣ.

185. Іеронимъ Анонимъ.

189. Интересныя археологическія находки.

Библиотека "Руниверс"

Вышли въ свѣтъ отдѣльною книгою и поступили въ продажу въ редакціи журнала „Кіевская Старина“ и въ книжныхъ магазинахъ Н. Я. Оглоблина въ Кіевѣ и въ С.-Петербургѣ

НАКАЗЫ МАЛОРОССІЙСКИМЪ ДЕПУТАТАМЪ 1767 Г.

и

акты о выборахъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія уложенія.

Кіевъ. 1889. Стр. VIII+292+XX. Цѣна 2 р. Выписывающіе изъ редакціи журнала „Кіевская Старина“ за пересылку не платятъ.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

Октябрь, 1889 г.

		стр.
I.	Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: «Откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга»— по поводу статьи И. И. Малышевскаго: «О происхожденіи великой княгини русской Ольги св.» **Архимандрита Леонида**	I—VIII
II.	Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ. **А. Востокова.**	1—17
III.	Культурныя переживанія. LXXII — LXXXVI. **Проф. Н. Ѳ. Сумцова**	18—51
IV.	Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1624 г. и мѣсто заключенія Куруковскаго договора. **Ѳ. Николайчика**	52—69
V.	Живая могила. (Малорусская легенда). **Людмилы Старицкой**	70—102
VI.	Старая Брацлавщина и ея люди. II. **Ц. Неймана.**	103—120
VII.	Воспоминанія **М. К. Чалаго.**	121—142
VIII.	Младшій братъ. Очеркъ изъ галицкой жизни **Генриха Іоссе.** (Переводъ съ польскаго)	143—160
IX.	Документы, Извѣстія и Замѣтки: Старинное малорусское стихотвореніе. Два дѣла о волшебствѣ. **И. А. Линниченка.** Заботы Петра I объ овцеводствѣ въ Малороссіи. Сообщ. **О. Л.** Пропавшія рукописи Н. И Костомарова. **L.** Рисунки Шевченка. Изъ прошлаго г. Кіева. **А. Востокова.** Одинъ изъ Мазепинцевъ. Плачъ дворянина	161—197
X.	Для справокъ.	197

Библиотека "Руниверс"

СТР.

XI. Библіографія. Этнографическое Обозрѣніе. Період. изд. отдѣла императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при московскомъ университетѣ. Кн I. подъ ред. Н. А. Янчука. **Ц. Г. Неймана**. Николай Бѣлашевскій. Монетные клады кіевской губерніи. **П. Голубовскаго**. Сочиненія Г. Ѳ. Квитки. III. Повѣсти и разсказы. **В Г.** Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. **А. Степовича**. «Wisła» 1887—1888 г. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова**. Краткое описаніе г. Житоміра, составленное Т. І. Вержбицкимъ. Изданіе 2 е. **Арк. Лященка**. Памятная книжка волынской губерніи на 1888 г. Изданіе волынскаго губернскаго статистическаго комитета. **Арк. Лященка**. Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ . . . . . 198—224

Приложеніе: 1) Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи.

Библиотека "Руниверс"

образомъ вознаграждаетъ понесенныя жителями потери. Если отрядъ велъ себя хорошо, поручикъ возвращаетъ эти деньги по окончаніи похода, когда разводитъ по домамъ свои хоругви въ то самое мѣсто, гдѣ получилъ ихъ изъ рукъ кастеляновъ, которые собираютъ ополченіе и распредѣляютъ ихъ на полки и хоругви.—Таковъ въ общихъ чертахъ тотъ порядокъ, какого держатся поляки въ военномъ дѣлѣ, составляющемъ единственное ихъ занятіе какъ дворянъ, которые не должны признавать ничего другаго.

Что касается ихъ вооруженія и военныхъ пріемовъ, то они всегда представляли легкую конницу, одѣтую въ кольчуги и кафтаны изъ лосиной или буйволовой кожи; главное оружіе ихъ составляетъ очень длинное копье, топоръ, булава и ножъ. Большинство изъ нихъ въ особенности жители Литвы, Червоной Руси, Волыни и Подолія употребляютъ сверхъ того турецкій лукъ и стрѣлы, которыми владѣютъ съ большимъ искусствомъ; всѣ же прочіе, уроженцы великой и малой Польши и Пруссіи уже освоились съ пистолетами и карабинами. Во всякомъ случаѣ они менѣе пригодны къ пѣхотной службѣ, нежели къ кавалерійской, а также менѣе способны къ осадѣ или защитѣ крѣпостей, чѣмъ къ сраженію въ открытомъ полѣ. Поэтому, когда польская конница имѣетъ дѣло съ непріятелемъ тяжело вооруженнымъ, она никогда не вступаетъ сразу въ рукопашный бой, но старается безпрерывными аттаками своихъ летучихъ отрядовъ утомить и ослабить его и, если возможно, произвести безпорядокъ въ непріятельскихъ рядахъ. Напротивъ, въ войнахъ съ татарами, москвитянами и всякимъ другимъ непріятелемъ, употребляющимъ тѣ же пріемы, поляки поступаютъ совсѣмъ наоборотъ и стараются какъ можно скорѣе перейти къ холодному оружію, такъ какъ они лучше вооружены, лошади ихъ крѣпче и сами они отважны, мужественны и непоколебимы.

О татарахъ.

Король Владиславъ Локетокъ, приказавши отыскивать мертвыхъ послѣ крупной побѣды, одержанной имъ надъ прусскими крестоносцами, замѣтилъ бѣднаго дворянина, лежащаго навзничь на землѣ, который полу-

Библиотека "Руниверс"

чилъ нѣсколько ранъ и удерживалъ руками вывалившіяся изъ живота внутренности. „Посмотрите, каково мужество этого человѣка, замѣтилъ король сопровождавшимъ его лицамъ, Боже мой, какія мученія долженъ онъ испытывать“. „Конечно, государь, отвѣчалъ тотъ, но еще больше терпятъ тѣ, у кого есть дурной сосѣдъ, подобный моему“.

Король, которому легко было сдѣлать это, тотчасъ избавилъ его отъ мученія, предоставивъ ему одному все помѣстье. Но было бы дѣломъ, несравненно болѣе высокимъ и прекраснымъ, если бы этотъ король или кто нибудь изъ его преемниковъ могъ освободить свой народъ отъ татаръ и москвитянъ, двухъ столь дурныхъ и зловредныхъ сосѣдей и вѣчныхъ враговъ, изъ которыхъ первый превосходитъ жестокостью самые варварскіе и безчеловѣчные народы, какіе когда либо существовали. Что же касается втораго, то онъ въ непродолжительномъ времени силою и могуществомъ сравняется съ турками, которыхъ также можно было бы пріобщить къ первымъ двумъ, если бы не удалось установить съ ними нѣкоторое подобіе мира.

Но что за народъ были татары въ древности, гдѣ они обитали первоначально, откуда вышли въ первый разъ, чтобы поселиться въ этихъ странахъ, что они дѣлали и чего не дѣлали,— сказать обо всемъ этомъ что нибудь положительно чрезвычайно трудно, такъ какъ это былъ народъ малоизвѣстный, всѣми презираемый и до того варварскій, можно сказать скотоподобный, что тѣ, которые могли оставить о немъ кое какія письменныя свѣдѣнія, или сами ничего не слыхали, или же считали излишнимъ тратить чернила на такой презрѣнный предметъ. Точно такъ же и сами татары, не знавшіе употребленія письма, тѣмъ менѣе могли оставить потомству какія нибудь воспоминанія о своихъ дѣяніяхъ и судьбахъ. Впрочемъ подъ конецъ у нихъ не было недостатка въ писателяхъ, подобно инымъ, болѣе храбрымъ и образованнымъ народамъ, не взирая на то, что это племя никогда не было въ состояніи усвоить себѣ какую нибудь цивилизацію или понятіе о честности, смягчить нравы и приспособиться къ болѣе культурнымъ формамъ быта.

Дѣйствительно татары даже наружностью отличаются отъ другихъ народовъ: цвѣтъ кожи ихъ смуглый, носъ приплюснутый, глаза

Библиотека "Руниверс"

небольшіе, впалые и горящіе, взглядъ всегда косой, лицо круглое и плоское, какъ тарелка, лишенное волосъ на бровяхъ и щекахъ за исключеніемъ бороды, которую они отпускаютъ очень старательно; при большей полнотѣ они малаго роста, но несмотря на это обладаютъ чрезмѣрною силою и выносливостью въ трудѣ и лишеніяхъ, больше какого бы то ни было другаго народа. Такъ напримѣръ, татарамъ случается иногда пробыть верхомъ цѣлыхъ четверо сутокъ, не вставая съ лошади, безъ пищи и питья. Если подъ конецъ татаринъ почувствуетъ себя слишкомъ слабымъ, истощеннымъ отъ голода и жажды, онъ надрѣзываетъ кожу своей лошади и выпиваетъ добрый глотокъ крови, отчего лошадь, по ихъ словамъ, становится еще лучше. За то по возвращеніи изъ похода они объѣдаются и спятъ за четверыхъ. Поэтому случается нерѣдко, что русскіе и литовцы настигаютъ татаръ (вторгнувшихся въ ихъ страну съ цѣлью грабежа) въ состояніи полнаго безчувствія отъ пресыщеній и сна и производятъ страшную рѣзню.

Любимую пищу для нихъ составляетъ конина, причемъ внутренности и потроха предназначаются главнѣйшимъ начальникамъ и вождямъ, равно какъ и голова, которая считается самымъ цѣннымъ и лакомымъ кушаньемъ, подобно тому какъ бы у насъ хорошо приготовленная кабанья голова, а запиваютъ это нѣжнѣйшимъ для нихъ напиткомъ — кобыльимъ молокомъ, отъ котораго, по ихъ мнѣнію, они дѣлаются сильнѣе.

Вообще какъ продовольствіе татаръ, такъ и вся ихъ жизнь тѣсно связана съ ихъ лошадьми, такъ какъ эти послѣднія служатъ имъ во время войны, носятъ ихъ самихъ и всѣ необходимыя припасы, одежду и багажъ, питаютъ ихъ своею кровью, мясомъ и молокомъ. И въ самомъ дѣлѣ сами татары скорѣе похожи на лошадей, нежели на существа, одаренные разсудкомъ. Они не признаютъ инаго занятія кромѣ войны, т. е. внезапныхъ набѣговъ, сопровождаемыхъ убійствами и грабежами, такъ какъ ни осады, ни обороны замковъ у нихъ не бываетъ и въ поминѣ. Если удается заманить ихъ изъ степи (гдѣ они чрезвычайно опасны вслѣдствіе своей многочислен-

Библиотека "Руниверс"

ности и боевыхъ пріемовъ) въ мѣста тѣсныя и закрытыя, тогда не трудно уже покончить съ ними.

Впрочемъ, татары никогда не просятъ пощады и, хотя избѣгаютъ правильной войны, до послѣдняго издыханія защищаются ногтями и зубами, если не имѣютъ другаго оружія. Дѣйствительно, вооруженіе ихъ весьма несложно и состоитъ по большей части изъ одного лука и стрѣлъ, иногда съ прибавкою кинжала или меча. Они никогда не употребляютъ копій и потому не встрѣчаютъ непріятеля лицомъ къ лицу, сомкнутымъ строемъ и въ боевомъ порядкѣ, а только безпрерывно нападаютъ и отступаютъ. То вдругъ яростно и неудержимо набрасываются на непріятеля, затѣмъ также внезапно обращаются въ бѣгство и это ихъ самый опасный пріемъ; таковы были древніе парфяне, отъ которыхъ татары вѣроятно позаимствовали нѣкогда эту хитрость. Затѣмъ они тотчасъ же снова смыкаютъ свои ряды и стараются какъ можно тѣснѣе окружить и оцѣпить непріятеля, оставляя всегда свободный проходъ для тѣхъ, которые продолжаютъ тревожить его своими аттаками. Во всемъ этомъ они наблюдаютъ величайшій порядокъ и къ этому сводится ихъ военная хитрость и дисциплина. Если разъ удастся остановить ихъ или смѣшать ряды, то нѣтъ уже никакой возможности возстановить порядокъ и татары бѣгутъ, сломя голову.

За то, когда перевѣсъ на ихъ сторонѣ, они быстрымъ, усиленнымъ движеніемъ рѣшаютъ битву и тогда побѣжденные должны приготовиться ко всевозможнымъ жестокостямъ, какія только можно вообразить; поэтому для каждаго гораздо предпочтительнѣе быть убитымъ на мѣстѣ, такъ какъ плѣнъ, куда уводятъ татары всѣхъ попавшихъ къ нимъ въ руки, несравненно хуже самой лютой смерти. Впрочемъ, они позволяютъ рабамъ, прослужившимъ 7—8 лѣтъ, выкупаться на свободу. Что же касается малолѣтнихъ дѣтей и стариковъ, неспособныхъ къ работѣ, то ихъ предоставляютъ молодымъ татарскимъ мальчикамъ для забавы и для того, чтобы пріучить ихъ къ виду человѣческой крови, подобно тому какъ охотники даютъ куропатокъ на растерзаніе молодымъ соколамъ, еще не привыкшимъ къ живой дичи, для того, чтобы пріучить ихъ къ охотѣ.

Библиотека "Руниверс"

Дѣти, получившіе этихъ несчастныхъ въ свое распоряженіе, придумываютъ для нихъ всевозможныя мученія: терзаютъ тупыми, иззубренными ножичками, побиваютъ маленькими камешками, или заставляютъ по нѣсколько разъ бросаться съ высокой скалы до тѣхъ поръ, пока они не разобьются на части и пока каждому не достанется по куску мяса, чтобы играть имъ, какъ снѣжкою.

Но, оставляя въ сторонѣ всѣ эти жестокости и переходя къ историческимъ даннымъ (такъ какъ все это заслуживало бы отдѣльнаго и подробнаго трактата), узнаемъ, что около 1162 года, какъ говоритъ преданіе, татары впервые начали сознавать свою силу и рѣшились оставить свою родину. Они избрали предводителемъ одного изъ среды себя, называемаго Чингизъ, человѣка низкаго происхожденія, но одареннаго чрезвычайно предпріимчивымъ и развитымъ умомъ, зарѣзали господствовавшаго надъ ними царя Умкана, иначе называвшагося „попомъ Іоанномъ“; но это не былъ царь Абиссиніи и Эфіопіи, которому ошибочно присваиваютъ этотъ титулъ. Послѣ того татары овладѣли его страною и въ непродолжительномъ времени покорили всѣ окрестныя земли, проникли на востокъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ и береговъ Индійскаго океана въ Китаѣ, Шанхаѣ и Катаѣ [1]). Здѣсь они основали впослѣдствіи величайшій и могущественнѣйшій городъ Камбалю, столицу верховныхъ государей татарскихъ, называемыхъ обыкновенно великими ханами катайскими. Слово ханъ означаетъ не собака, какъ думаютъ нѣкоторые, но императоръ или монархъ, между тѣмъ какъ то же слово безъ придыханія (канъ) означаетъ кровь.

И такъ Чингизъ-ханъ положилъ начало этой могучей и грозной династіи; что же касается заволжской орды, самой главной и многочисленной изъ всѣхъ татарскихъ, орды, которую они также называютъ Таккси (Тасхі), т. е. главная орда, то она многолюднѣе всѣхъ остальныхъ, которыя отъ нея и произошли, по свидѣтельству

---

[1]) Подъ именемъ Катай средневѣковые географы разумѣли сѣверную часть нынѣшняго Китая; въ этой области находился городъ Камбалю, зимняя столица великихъ хановъ монгольскихъ; городъ этотъ описанъ подробно въ путешествіи Марко-Поло въ X—XI главахъ второй книги этого сочиненія.

Библиотека "Руниверс"

самихъ татаръ. Слово орда въ татарскомъ языкѣ означаетъ собраніе многихъ народовъ въ одинъ. Заволжская орда расположила свои кочевья на огромныхъ равнинахъ по сю сторону рѣки Волги, иначе называемой Ра, впадающей въ Каспійское море близь города Астрахани 70-ю рукавами, изъ которыхъ самый меньшій равняется величиною р. Сенѣ.

Чингизъ-хану наслѣдовалъ его сынъ Іоку-ханъ, отецъ Заинъ-хана, иначе называемаго Батыемъ, который первый изъ татаръ вторгся въ Польшу въ царствованіе Болеслава Стыдливаго, около 1202 года [1]), причинилъ неисчислимыя бѣдствія и опустошенія и проникъ еще дальше въ Силезію, Моравію и Венгрію. Онъ первый также принялъ законъ Магомета, который исповѣдываютъ татары и понынѣ, между тѣмъ какъ до того времени они были язычниками-идолопоклонниками, или точнѣе говоря, совсѣмъ не имѣли понятія о религіи, даже самой грубой и несложной.—Четвертымъ ханомъ татарскимъ былъ Темиръ-Кутлукъ, что значитъ счастливое желѣзо, сынъ Батыя, иначе называемый Тамерланомъ [2]), обладавшій войскомъ въ 1,200,000 человѣкъ. Онъ взялъ въ плѣнъ турецкаго султана Баязета и возилъ его повсюду за собою заключеннаго въ желѣзную клѣтку. Историческія сочиненія достаточно переполнены разсказами о его подвигахъ и дѣяніяхъ. Пятымъ былъ сынъ этого Тамерлана, Темиръ-ханъ, что значитъ счастливый царь; но онъ погибъ въ битвѣ между Владиславомъ Ягайломъ и прусскими крестоносцами. Шестымъ былъ Махметъ-ханъ, седьмымъ Ахметъ-ханъ, восьмымъ Шихъ-Ахметъ. Этотъ послѣдній, призванный польскимъ королемъ Альбертомъ и великимъ княземъ литовскимъ на помощь противъ хана перекопскаго Менгли-Гирея въ 1500 году, явился съ 60,000-мъ войскомъ, которое сопровождали женщины и дѣти въ количествѣ болѣе 100,000. Въ это время стояли такіе сильные холода, что собственная жена хана, не въ силахъ будучи выдерживать трудностей похода, бѣжала

[1]) Болеславъ Стыдливый съ 1227 по 1279 годъ; нашествіе Батыя на Польшу относится къ 1241 году.

[2]) Считаемъ излишнимъ отмѣчать всѣ грубыя ошибки Виженера, касающіяся генеалогіи и порядка наслѣдованія монгольскихъ хановъ. Ошибки эти слишкомъ элементарны и вполнѣ ясны для читателя.

Библиотека "Руниверс"

вмѣстѣ съ самыми избранными его воинами къ упомянутому Менгли-Гирею, который немедленно собралъ свою армію, выступилъ на встрѣчу Шихъ-Ахмету и разбилъ его. Этотъ послѣдній скрылся съ тремя стами всадниковъ и прибылъ въ Мункастро, но узнавши здѣсь, что Баязетъ, у котораго онъ надѣялся найти пріютъ, послалъ людей, чтобы схватить его, повернулъ обратно съ ничтожнымъ отрядомъ въ 50 лошадей и отступилъ въ окрестности Кіева; кіевскій воевода, извѣщенный о его приближеніи, задержалъ его и отослалъ въ Вильно. Великій князь Александръ, присутствовавшій въ это время на генеральномъ сеймѣ въ Брестѣ, приказалъ встрѣтить Шихъ-Ахмета съ большимъ почетомъ, затѣмъ доставить ему нужное количество верховыхъ лошадей и препроводить въ Радомъ, откуда онъ могъ возвратиться въ заволжскую Татарію; а самъ между тѣмъ послалъ впередъ его брата Солтанъ-Козика, чтобы извѣстить о его прибытіи ихъ дядю Албугера. Вскоро однако несчастный Шихъ-Ахметъ былъ схваченъ литовцами въ угоду его смертельному врагу Менгли-Гирею и отправленъ въ качествѣ плѣнника въ ковенскій замокъ, гдѣ и содержался до конца жизни съ женою и дѣтьми.—Такимъ образомъ онъ оправдалъ имя, которое носилъ и которое на его языкѣ означаетъ мученикъ.

Вотъ все, что можно сказать о заволжской ордѣ, иначе называемой джагатайскою. Другое татарское племя, такъ называемая перекопская орда, происходящая отъ первой (отъ которой выдѣлились и всѣ остальныя), получила начало отъ нѣкоего Улана, человѣка безроднаго и неизвѣстнаго происхожденія, который первый овладѣлъ полосою земли, извѣстною подъ именемъ Херсонеса Таврическаго. Это полуостровъ, почти отрѣзанный отъ материка и вдающійся далеко въ Меотійское болото, сѣвернѣе великаго (Чернаго) моря, на протяженіи около 24 миль въ длину и 15 въ ширину. На немъ находятся три города: Солхатъ, Киркея, Каффа и двѣ крѣпости: Манкупъ и Азовъ. Главный городъ Солхатъ, называемый татарами Крымъ; отъ него приняли свой титулъ ихъ государи, которые называются крымскими ханами. Другой городъ, менѣе значи-

Библиотека "Руниверс"

тельный, Киркея [1]), въ которой находится замокъ, сдѣланный изъ дерева и дерна на вершинѣ скалы. Разсказываютъ, что нѣкогда жилъ тамъ драконъ, пожиравшій всѣхъ и грозившій совсѣмъ опустошить страну, если бы нѣкоторые изъ проживавшихъ тамъ итальянцевъ, привычныхъ къ различнымъ чудовищамъ, не прибѣгли съ молитвою о помощи къ Дѣвѣ Маріи. Вскорѣ послѣ того они замѣтили какой то свѣтъ въ скалѣ, вырубили въ ней ступени и проникли въ подземелье, гдѣ нашли икону Богородицы, передъ которою горѣла свѣча, а у ногъ ея лежалъ драконъ, пронзенный насквозь. Слухъ о чудѣ распространился и потому ханъ перекопскій Ачи-Гирей, готовясь къ войны съ братьями, также вручилъ себя заступничеству чудотворной иконы и надавалъ множество обѣтовъ, если ей угодно будетъ оказать помощь въ этомъ дѣлѣ. Ибо сами магометане съ большимъ почетомъ относятся къ Пречистой Дѣвѣ, признавая, что она безъ всякаго сообщества мужчины и безъ нарушенія дѣвства зачала и родила великаго пророка Іисуса Христа (какъ они называютъ его). Поэтому ханъ, получивъ помощь, которую искалъ, продалъ пару самыхъ лучшихъ изъ своихъ лошадей, за вырученныя деньги купилъ воску и приказалъ отлить двѣ свѣчи, которыя день и ночь горѣли передъ иконою, что и понынѣ поддерживается его преемниками.

Третій городъ въ Крыму есть Каффа, въ древности называемая Ѳеодосіею, которую султанъ турецкій Магометъ отнялъ у генуэзцевъ и вслѣдъ затѣмъ предалъ въ ней смерти двухъ братьевъ, начальниковъ манкупскаго замка, послѣднихъ представителей готскаго племени. Кажется, онъ занялъ также и Азовъ при устьи Танаиса и укрѣпилъ его.

Татары занимаютъ своими кочевьями всѣ степи и равнины, простирающіяся отъ входа на полуостровъ вдоль Меотиды и Понта Эвксинскаго до самаго Мункастра. Входъ этотъ они укрѣпили на западѣ земляннымъ валомъ на протяженіи доброй мили, но сдѣлали это такъ плохо, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ постоянно раз-

[1]) Киркъ-Эри или Киркоръ есть древнее названіе Чуфутъ-Кале. (Смирновъ-Крымское ханство, стр. 102—103).

Библиотека "Руниверс"

мывается водою. Вотъ почему полуостровъ, который слѣдовало называть Таврикою, теперь называется Перекопъ, что на татарскомъ языкѣ означаетъ ровъ, такъ какъ онъ отрѣзанъ рвами со стороны материка.

Послѣ Улана царствовалъ Тохтамышъ, сопровождавшій литовскаго князя Витовда въ походѣ противъ заволжскаго хана Тамерлана, не смотря на то, что тотъ приходился ему братомъ; но оба союзника были разбиты этимъ послѣднимъ. Ему наслѣдовалъ сынъ его Шихъ-Ахметъ, о которомъ говорилось выше и который былъ изгнанъ Ачи-Гиреемъ, занявшимъ его престолъ. Ачи-Гирей оставилъ семерыхъ сыновей, изъ которыхъ старшій Гайдеръ наслѣдовалъ престолъ. Но братъ его Менгли-Гирей отправился ко двору султана, который женилъ его и помогъ изгнать Гайдера, Ямурци [1]) и всѣхъ остальныхъ братьевъ, которымъ не оставалось инаго исхода, какъ сдаться великому князю московскому Ивану Васильевичу. Тотъ принялъ ихъ весьма охотно и далъ имъ въ управленіе казанское царство.

У Менгли-Гирея было девять сыновей, а именно: Магометъ, Серей, Ахметъ, Махмудъ, Бетый, утонувшій въ Валахіи въ 1510 г., Бурнасъ, Мубархъ, Садехъ [2]) и два другіе, имена которыхъ неизвѣстны.

Перекопскіе татары живутъ въ шестомъ климатѣ, тепломъ и мягкомъ и потому, казалось бы, должны быть милосерднѣе и человѣчнѣе другихъ, на самомъ же дѣлѣ они остались вѣрны своей первоначальной природѣ, жестокой и хищнической, подобно волкамъ или инымъ дикимъ звѣрямъ; ибо не проходитъ года, чтобы они не являлись самымъ предательскимъ образомъ грабить и опустошать русскія области, Литву, Валахію, Польшу, а нерѣдко и самую Московію.

---

[1]) Послѣ смерти Ачи-Гирея ханскій престолъ занялъ старшій изъ его сыновей Нуръ-Даулетъ; младшій братъ Менгли-Гирей вступилъ въ борьбу съ нимъ и, опираясь на помощь турокъ, принудилъ Нуръ-Даулета и другаго брата, помогавшаго ему, Хойдера, бѣжать изъ Крыма. Изгнанные царевичи бѣжали въ Москву, гдѣ поступили на службу къ царю Ивану Васильевичу. (Смирновъ—Крымское ханство, стр. 251).

[2]) Изъ сыновей Менгли-Гирея трое занимали послѣ его смерти ханскій престолъ: Мухаметъ, Саадетъ и Сахыбъ-Гиреи.

Библиотека "Руниверс"

Татары третьей орды называются казанскими, по имени крѣпости Казани, расположенной на рѣкѣ Волгѣ на границѣ съ Московіею; они поселились здѣсь, отдѣлившись, подобно прочимъ, отъ главной джагатайской орды. Казанская орда располагаетъ 12,000 человѣкъ, способныхъ носить оружіе, а въ случаѣ необходимости могла бы стянуть до 30,000, призвавши на помощь своихъ союзниковъ. Впрочемъ, составляющіе ее татары находятся въ полномъ подчиненіи московскому князю, который располагаетъ ими по своему усмотрѣнію и назначаетъ въ ханы кого пожелаетъ.

Четвертая орда, новѣйшая по времени, возникшая позже всѣхъ названныхъ, оккасійская или ногайская, еще недавно отдѣлившаяся отъ заволжской. Ибо послѣ того, какъ одинъ изъ подданныхъ великаго хана Оккасъ, личность чрезвычайно мужественная и отважная, былъ казненъ, его сыновья, въ количествѣ тридцати, отдѣлились отъ заволжцевъ и удалились въ окрестности сарайской крѣпости около 1450 года. Въ короткое время родъ ихъ до того размножился и усилился, что теперь это самая многолюдная изъ всѣхъ ордъ. Живутъ они сѣвернѣе другихъ, въ болѣе холодной странѣ въ сосѣдствѣ съ Московіею на восточной ея границѣ, куда онѣ нерѣдко вторгаются, причиняя многія бѣдствія и разоренія, точь въ точь какъ перекопцы или заволжцы въ Червоной Руси, Польшѣ и Валахіи. Потомки Оккаса понынѣ господствуютъ надъ ногайцами, которые не знаютъ еще употребленія монеты; вся ихъ торговля состоитъ въ обмѣнѣ рабовъ, скота и лошадей.

Вотъ четыре главнѣйшія орды тѣхъ татаръ, которые наводятъ страхъ не только на сосѣдей, но и на самые отдаленные народы и племена и одно имя которыхъ приводитъ въ трепетъ даже грудныхъ дѣтей. И дѣйствительно, ихъ справедливо можно признать истинною заразою, созданною на погибель рода человѣческаго. Существуетъ еще много другихъ, болѣе или менѣе значительныхъ отпрысковъ и развѣтвленій этого нечестиваго племени, но всѣ они отдѣлились отъ указанныхъ выше и теперь живутъ и дѣйствуютъ самостоятельно. Они владѣютъ обширными кочевьями въ неизмѣримыхъ степяхъ, или вѣрнѣе сказать пустыняхъ, простирающихся къ востоку до самаго

Библиотека "Руниверс"

Катая и границъ Китая. Количество этого народа неисчислимо, подобно песчинкамъ въ морѣ или звѣздамъ на небѣ.

Однако, несмотря на ихъ крайнюю дикость и неспособность къ какой бы то ни было гражданственности, они все же соблюдаютъ извѣстный этикетъ и порядокъ во взаимныхъ отношеніяхъ, при чемъ величайшій почетъ и повиновеніе оказывается ихъ государямъ, называемымъ ханами. Слѣдующія степени знатности составляютъ: солтанъ или сынъ хана, бей, эмиръ, мурза, т. е. сынъ эмира; олбудъ—совѣтникъ, олваудулу—сынъ дворянина; сеидъ-верховный жрецъ или первосвященникъ, пользующійся такимъ почетомъ, что самъ ханъ подходитъ къ нему пѣшій и подаетъ руку, не дожидаясь, пока тотъ сойдетъ съ коня. Подобной чести не оказывается никому другому, такъ какъ знатнѣйшіе вельможи, князья и сановники могутъ прикасаться только къ колѣнамъ хана, дворяне къ его ногамъ, а простой народъ къ одеждѣ. Сверхъ того существуетъ еще четверо лицъ, изъ которыхъ первый называется ширни, второй баринъ, третій гарни и четвертый тзинтзанъ, которые составляютъ совѣтъ хана по всѣмъ болѣе важнымъ дѣламъ.

К. М.

Библиотека "Руниверс"

Леонардъ Горецкій.

Описаніе войны Ивоніи, господаря волошскаго.

(1574).

Сочиненіе Горецкаго представляетъ памятникъ весьма интересный для исторіи борьбы Польши съ Турціею во второй половинѣ XVI столѣтія за гегемонію надъ Молдавіею. Отношеніе этого памятника къ исторіи южной Россіи состоитъ не только въ томъ, что борьба происходила въ области, сопредѣльной съ южною Русью; памятникъ этотъ, вслѣдствіе недоразумѣнія, основаннаго на употребленной въ немъ терминологіи, послужилъ источникомъ одного изъ ошибочныхъ положеній относительно времени возникновенія и дѣятельности первоначальнаго козачества; недоразумѣніе это было принято большинствомъ писателей, занимавшихся южно-русскою исторіею и до того укоренилось въ общественномъ мнѣніи, что подало даже поводъ къ составленію подложныхъ эпическихъ произведеній, воспѣвавшихъ подвиги одного изъ героевъ разсказа Горецкаго—мнимаго козацкаго гетмана Свирчовскаго.

Полагаемъ, что болѣе близкое знакомство съ самымъ памятникомъ будетъ способствовать къ разъясненію этого историческаго недоразумѣнія.

Леонардъ Горецкій былъ польскій дворянинъ, по вѣроисповѣданію кальвинистъ; въ качествѣ протестанта онъ пользовался покровительствомъ познанскаго кастеляна графа Андрея Гурки, вокругъ котораго группировались болѣе культурныя силы польскаго протес-

Библиотека "Руниверс"

тантизма. Горецкій принадлежалъ къ группѣ протестантскихъ польскихъ писателей, посвятившихъ свои труды исторіи; въ исторической литературѣ второй половины XVI столѣтія онъ занимаетъ почетное мѣсто на ряду со своими современниками и единовѣрцами: Мартиномъ Бѣльскимъ и Яномъ Ласицкимъ. Онъ составилъ на латинскомъ языкѣ обширную исторію Польши въ двадцати книгахъ, доведенную до смерти короля Сигизмунда I, и занятъ былъ составленіемъ ея продолженія до восшествія на престолъ короля Стефана; это видно изъ введенія и посвященія, приложенныхъ къ настоящему сочиненію, которое представляетъ эпизодъ предположеннаго продолженія. Большое сочиненіе Горецкаго не было издано и рукопись его утрачена; уцѣлѣлъ только эпизодъ „о войнѣ Ивоніи“, благодаря тому обстоятельству, что авторъ поднесъ его съ особымъ посвященіемъ Андрею Гуркѣ, послѣдній же напечаталъ этотъ трудъ въ 1578 году во Франкфуртѣ, въ типографіи Вехеля, въ видѣ отдѣльной брошюры подъ заглавіемъ: „Descriptio belli Ivoniae voivodae Valachiae, quod anno 1574 cum Selimo II, turcarum imperatore, gessit“. Этотъ трудъ Горецкаго былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ Николаемъ Генигеромъ въ видѣ приложенія къ его сочиненію, вышедшему въ Базелѣ 1578 года подъ заглавіемъ: „Hoffhaltung des türckischen Kaisers ünd othomanischen Reichs Beschreibung biss auff dies 1578, Iahr ersteckt und ausgefüret“.— Вслѣдъ затѣмъ онъ вошелъ въ составъ третьяго тома историческаго сборника, вышедшаго въ Франкфуртѣ въ 1584 году, подъ заглавіемъ: „Rerum polonicarum tomi tres“, въ качествѣ дополненія къ сочиненіямъ Гвагнино.

Но еще раньше своего появленія въ печати, этотъ трудъ Горецкаго былъ извѣстенъ, вѣроятно въ рукописи, его современнику, историку Мартину Бѣльскому († 1575), который занесъ его въ сокращенномъ видѣ подъ 1574 годомъ въ свою „Кронику польскую“.

Въ XVII столѣтіи монографіею Горецкаго пользовался при составленіи своихъ сочиненій Симеонъ Старовольскій; очевидно, что сообщаемыя имъ краткія извѣстія о войнѣ Ивоніи и о гетманѣ Свир-

Библиотека "Руниверс"

човскомъ [1]) заимствованы изъ разсказа Горецкаго. Тотъ же разсказъ съ значительными амплификаціями вошелъ въ составъ сочиненія львовскаго кастеляна, воеводы подольскаго, Андрея-Максимиліана Фредра († 1679), носившаго заглавіе: Gesta populi Poloni sub Henrico Valesio". Наконецъ, въ исходѣ XVII столѣтія разсказъ Горецкаго проникъ въ южно-русскіе хронографы. Здѣсь мы впервые встрѣчаемъ его въ „Лѣтописцѣ", составленномъ въ 1699 году въ Выдубицкомъ монастырѣ, монахомъ Леонтіемъ Боболинскимъ [2]). По словамъ самого Боболинскаго, онъ заимствованъ составителемъ „Лѣтописца" изъ кроники Мартина Бѣльскаго и переведенъ имъ почти буквально.

Въ XVIII столѣтіи составители малороссійскихъ лѣтописей продолжаютъ пользоваться разсказомъ Горецкаго, заимствуя его изъ пересказа Бѣльскаго. Такъ, полный переводъ текста М. Бѣльскаго мы встрѣчаемъ въ „Собраніи историческомъ" Стефана Лукомскаго [3]) и краткія замѣтки и извлеченія изъ того же разсказа въ „Лѣтописи" Грабянки, въ „Хронологіи высокославныхъ, ясневельможныхъ гетмановъ", въ „Именной переписи малороссійскихъ гетмановъ", въ „Лѣтописцѣ" Якова Лизогуба, въ „Повѣсти о томъ, что случилось на Украинѣ", въ лѣтописи Рубана и т. д. Въ то же самое время разсказомъ Горецкаго пользуются и иностранные ученые, пытавшіеся составить первые опыты систематической исторіи козачества. Такъ напримѣръ, краткую замѣтку о Свирчовскомъ, заимствованную изъ малорусскихъ пересказовъ, мы встрѣчаемъ у Миллера и весьма подробный разсказъ о войнѣ Ивоніи, составленный просто уже по сочиненію Горецкаго, у Энгеля [4]).

---

[1]) Simonis Starovolscii—Institutorum rei militaris libri VIII. Cracoviae, 1639, стр. 154 и 256. Его же—Sarmatiae bellatores, стр. 101.

[2]) См. Южнорусскія лѣтописи, изданныя Н. Бѣлозерскимъ, стр. 110, 130; Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси. Кіевъ 1888, стр. 3; Повѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ, стр. 1.—Краткая лѣтопись Малыя Россіи, Василія Рубана, стр. 7; Лѣтопись Грабянки, стр. 21.

[3]) Миллеръ. О малороссійскомъ народѣ и запорожцахъ, изд. Бодянскаго, Москва, 1846, стр. 4.

[4]) Engel. Geschichte der Ukraine, Halle, 1796, стр. 72—74.

Библиотека "Руниверс"

Невѣдомый намъ составитель „Исторіи Русовъ“ воспользовался разбросанными въ козацкихъ лѣтописяхъ краткими извѣстіями о Свирчовскомъ и войнѣ Ивоніи и, слѣдуя усвоеннымъ имъ пріемамъ, составилъ на основаніи этихъ замѣтокъ довольно пространный разсказъ о гетманствѣ Свирчовскаго, украсивъ его фантастическими подробностями и испещривъ анахронизмами. По его словамъ, Свирчовскій до гетманства занималъ должность генеральнаго обознаго (въ то время еще не существовавшую), затѣмъ состоялъ въ союзѣ съ господаремъ Лупуломъ, сражался съ Кара-Мустафою и т. д.—Талантливое, но совсѣмъ не историческое повѣствованіе Исторіи Русовъ оказалось не безъ вліянія на послѣдующихъ историковъ Малороссіи. Бантышъ-Каменскій и Маркевичъ повторили этотъ разсказъ въ болѣе или менѣе сокращенныхъ варіантахъ [1]).

Такимъ образомъ первоначальный разсказъ Горецкаго, пройдя черезъ нѣсколько пересказовъ и подвергшись совершенной передѣлкѣ въ Исторіи Русовъ, является у послѣднихъ названныхъ историковъ съ характеромъ легендарнымъ, фантастическимъ, утратившимъ всякую историческую достовѣрность. Между тѣмъ какъ бы въ подтвержденіе подробностей, заключающихся въ этомъ легендарномъ разсказѣ, начали появляться въ разныхъ историческихъ сборникахъ будто народныя историческія пѣсни о Свирчовскомъ; такія пѣсни впервые напечатаны въ „Запорожской Старинѣ“ затѣмъ въ сборникѣ украинскихъ народныхъ пѣсенъ Максимовича 1834 г. и въ Малорусскомъ литературномъ сборникѣ, изданномъ Мордовцевымъ въ Саратовѣ въ 1859 году; всѣ онѣ повторяли, согласно Исторіи Русовъ, имя Свирчовскаго въ передѣлкѣ „Свѣрговскій“ [2]) и считали этого псевдогетмана, со словъ того же источника, погибшимъ во время приступа къ городу Киліи.—Въ настоящее время критика доказала апокрифическое происхожденіе многихъ народныхъ думъ „Запорожской Старины“; что же касается другихъ двухъ сборниковъ, то кажется, они просто заимствовали изъ нея думу о Свирчовскомъ.

[1]) Исторія Русовъ стр. 23—24. Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи, т. I, стр. 131—136. Маркевичъ. Исторія Малороссіи, т. I, стр. 52—56.

[2]) Еще въ концѣ XVIII вѣка, вслѣдствіе ошибки въ транскрипціи, малорусскіе лѣтописцы передѣлали имя Свирчовскаго въ Свѣрговскаго.

Библиотека "Руниверс"

Только послѣ 1855 года историки южно-русскаго козачества вновь возвратились къ первоисточнику, благодаря тому обстоятельству, что въ указанномъ году сочиненіе Горецкаго было издано вновь, въ польскомъ переводѣ, Владиславомъ Сырокомлею [1]). Н. И. Костомаровъ обратилъ вниманіе на это изданіе и на основаніи его составилъ монографію, озаглавленную: „Иванъ Свирговскій, украинскій козацкій гетманъ XVI вѣка“ [2]). Все изложеніе и эпизоды этой монографіи основаны на повѣствованіи Горецкаго, но талантливый историкъ не обратилъ должнаго вниманія на судьбу самаго источника, на многочисленныя заимствованія, передѣлки и амплификаціи его разсказа и потому, на ряду съ извѣстіями современника событія Горецкаго, приводитъ данныя изъ сочиненій писателей XVII и XVIII столѣтій, которые заимствовали собственно изъ того же Горецкаго посредственно или непосредственно свои свѣдѣнія и передавали ихъ въ искаженномъ видѣ. Такъ, онъ противопоставляетъ Горецкому данныя Фредра, Грабянки, Миллера и даже Исторіи Русовъ и мнимыхъ народныхъ думъ.

Разсматривая самое сказаніе Горецкаго, мы не можемъ не обратить вниманіе на употребленную имъ номенклатуру, которая и подала поводъ къ передѣлкамъ и недоразумѣніямъ позднѣйшихъ писателей. Горецкій называетъ ополченіе, ходившее въ помощь Ивоніи „козаками“ и предводителя ихъ Свирчовскаго „гетманомъ“. Малорусскіе лѣтописцы и писатели XVIII и XIX столѣтія поняли эти слова въ томъ смыслѣ, будто дѣло идетъ о малорусскихъ, днѣпровскихъ или запорожскихъ козакахъ и о малорусскомъ козацкомъ гетманѣ въ томъ значеніи, какое получилъ гетманъ послѣ Хмельницкаго. Между тѣмъ и то, и другое предположеніе ошибочны: историческіе польскіе писатели XVI столѣтія называли козаками вообще всякую милицію, самопроизвольно собравшуюся въ походъ безъ вѣдома своего правительства; въ такомъ именно смыслѣ у современника Горецкаго—Матвѣя Стрыйковскаго, упоминаются козаки-крестоносцы,

[1]) Оно появилось въ историческемъ сборникѣ, носящемъ общее заглавіе: „Dziejopisowie krajowi“.

[2]) См. Историческія монографіи и изслѣдованія, т. II, стр. 3 – 33.

Библиотека "Руниверс"

козаки польскіе, литовскіе, нѣмецкіе, татарскіе и т. п.—Самъ Горецкій, назвавъ козаками ополченіе, ходившее въ Молдавію, впослѣдствіи, когда желаетъ назвать его участниковъ по національности, называетъ ихъ поляками. Изъ приведенныхъ имъ данныхъ и именъ сподвижниковъ Свирчовскаго мы видимъ, что ополченіе это состояло исключительно изъ дворянъ воеводствъ подольскаго, брацлавскаго и другихъ; всѣ упомянутые Горецкимъ лица носятъ фамиліи польскія, дворянскія.

Точно также и титулъ гетмана польскіе писатели XVI вѣка даютъ всякому независимому военачальнику, предводительствующему самостоятельнымъ отрядомъ войска. Въ этомъ смыслѣ названъ гетманомъ и Свирчовскій; ставить его въ ряду малороссійскихъ гетмановъ невозможно уже потому, что въ то время должность малороссійскаго гетмана еще не существовала. До 1569 года днѣпровскими козаками управляли старосты пограничныхъ повѣтовъ, а послѣ этого года, до времени Петра Конашевича Сагайдачнаго, чиновники, носившіе оффиціальный титулъ „старшаго козацкаго“. Свирчовскій принялъ подъ свое начальство отдѣльные шляхетскія партіи уже въ Молдавіи, куда они пришли въ количествѣ 800 человѣкъ пятью отдѣльными отрядами, изъ которыхъ каждый имѣлъ самостоятельнаго предводителя. Отряды эти по словамъ Горецкаго, состояли изъ легкой польской конницы и сформировались нѣсколько раньше, намѣреваясь предпринять набѣгъ съ цѣлью военной добычи на берегахъ Чернаго моря, но были отозваны въ Молдавію вслѣдствіе приглашенія Ивонія.

К. М

Приступая къ исторіи войны молдавскаго господаря съ турецкимъ султаномъ Селимомъ, считаю умѣстнымъ сдѣлать выписку изъ второй книги „Исторіи польскаго народа“, которую я оставилъ въ двадцати книгахъ и довелъ до смерти Сигизмунда I. Я выпишу оттуда свѣдѣнія о географическомъ положеніи Молдавіи, о плодородіи ея почвы, о количествѣ народонаселенія, его обычаяхъ и т. п.

Библиотека "Руниверс"

Волощина, извѣстная нѣкогда подъ именемъ Мизіи и Дакіи, граничитъ на востокѣ съ Чернымъ моремъ, на югѣ съ рѣкою Истромъ или Дунаемъ, на западѣ съ Трансильваніею и на сѣверѣ съ Червоною Русью. Весь этотъ край дѣлится на двѣ части: Закарпатскую Валахію и Молдавію. Въ восточной части Закарпатской Валахіи находится изобилующее рыбою озеро, которое образуется нижнимъ теченіемъ рѣчки Прута или Гирасуса, притока Дуная. На западѣ она прилегаетъ къ границамъ Трансильваніи. Въ ней понынѣ сохранились замѣчательныя 34 арки отъ моста на Дунаѣ, построеннаго Траяномъ. На сѣверѣ границу ея составляетъ небольшой потокъ Гойна, впадающій въ Дунай, который своими извилинами образуетъ небольшой островъ, упоминаемый древними писателями и извѣстныхъ нынѣ подъ именемъ Барильяна. Дунай вытекаетъ изъ Арбонскихъ горъ въ Германіи (Шварцвальдъ), близъ швабскаго города Ротвейль, у села Донаушингенъ. Вначалѣ онъ протекаетъ по Иллиріи, гдѣ носитъ названіе Истеръ; затѣмъ принимаетъ около 60 притоковъ, изъ которыхъ половина судоходныхъ, и шестью большими рукавами вливается въ море.

Другая часть Румыніи, изобилующая полями и пастбищами, стадами и прекрасными боевыми лошадями, называется Молдавіею, по имени рѣки Молдавы [1]), протекающей посрединѣ этой страны. Лежитъ она нѣсколько ниже верховьевъ рѣки Серета [2]) у подошвы Трансильванскихъ горъ, на мѣстѣ древней Дакіи и имѣетъ видъ огромнаго амфитеатра, обращеннаго на западъ. Столица воеводъ молдавскихъ Сочава лежитъ надъ р. Серетомъ; затѣмъ эта рѣка принимаетъ небольшіе, но обильные водою потоки: Гойну, Добенису и Арлу, дѣлается многоводною и протекаетъ по Молдавіи и Валахіи, гдѣ вливается въ Ольту или Алюту [3]). Сѣверные предѣлы Молдавіи окаймляетъ большая рѣка Тирасъ, обыкновенно называемая Днѣстромъ.

---

[1]) Правый притокъ Серета.

[2]) Въ текстѣ ошибочно вмѣсто Серета названъ Прутъ. Сочава лежитъ не на Серетѣ, а на правомъ его притокѣ, рѣкѣ Сочавѣ.

[3]) Также географическая ошибка: Серетъ впадаетъ прямо въ Дунай, Алюта же вливается въ Дунай значительно выше Серета.

Библиотека "Руниверс"

Рѣка эта вытекаетъ изъ горъ Сарматскихъ или Карпатъ и направляется къ Черному морю по границѣ Подоліи и Червоной Руси.

Кто впервые владѣлъ страною, извѣстною нынѣ подъ именемъ Молдавіи, о томъ ничего достовѣрнаго нельзя почерпнуть у древнихъ писателей. Подобно Венгріи, Молдавія послѣдовательно служила мѣстомъ жительства многихъ народовъ. Происхожденіе нынѣшняго молдавскаго народа приписываютъ римскому полководцу Флакку, имя котораго, видоизмѣняемое съ теченіемъ времени, должно было сообщить Волощинѣ ея названіе. Ибо съ того времени, когда Флаккъ занялъ Мизію или Дакію, простиравшуюся за Дунаемъ до самой Скиѳіи, — край, о которомъ мы говоримъ, началъ называться Флакціею, а путемъ искаженія названіе это измѣнилось въ слово Валахія. Въ Валахіи сохранились не только римскіе законы, судопроизводство и обычаи, но сверхъ того еще многія выраженія латинскаго языка, вслѣдствіе чего многіе принимаютъ валаховъ за народъ, тождественный съ итальянцами и даже сами нѣмцы называютъ оба эти народа однимъ общимъ именемъ *Welchen*. О причинахъ, въ силу которыхъ Флаккъ занялъ эту страну, Эней Сильвій, бывшій впослѣдствіи римскимъ первосвященникомъ, разсказываетъ, что когда во времена императора Трояна даки или готы задумали освободиться отъ ига римлянъ, то туда посланъ былъ Флаккъ съ 30,000 воиновъ, которыхъ онъ посылалъ въ качествѣ земледѣльцевъ съ обязательствомъ продовольствовать римскіе гарнизоны, охранявшіе границы отъ скиѳовъ и сарматовъ. Съ теченіемъ времени и по изгнаніи готовъ, край, названный по имени Флакка, перешелъ къ римлянамъ. Можно было бы согласиться съ этимъ мнѣніемъ, но иные увѣряютъ, что Сильвій, ослѣпленный славою собственнаго края, былъ склоненъ писать вымыслы. Позднѣйшіе историки признаютъ то же начало для нынѣшней Молдавіи, но приводятъ иныя причины поселенія здѣсь римлянъ,— по ихъ словамъ, здѣсь были водворены изгнанники, а не воины, число которыхъ было такъ велико, что они вытѣснили не только туземцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и готовъ, выстроили мостъ черезъ Дунай и раздѣлились на двѣ части, т. е. на закарпатскихъ валаховъ и молдаванъ.

Библиотека "Руниверс"

Обѣ страны имѣютъ собственныхъ правителей. Закарпатская Валахія, которую турки называютъ Карабогданъ, по причинѣ воздѣлываемой въ ней гречихи, имѣетъ въ Тырговищѣ столицу своихъ господарей, которые находятся въ зависимости отъ турокъ и платятъ имъ огромныя суммы золотомъ въ качествѣ обычной дани, называемой гарачемъ. Такъ покупаютъ они позорный миръ и не могутъ освободиться отъ ига, потому что на противоположномъ берегу Дуная, на мѣстѣ поселеній древнихъ изибальтовъ, въ Сербіи и Болгаріи, существуетъ множество неприступныхъ турецкихъ крѣпостей.

Другая половина Волощины, которую Днѣстръ отдѣляетъ отъ Подолія, также платила гарачъ туркамъ со времени султана Магомета, овладѣвшаго Константинополемъ. Но въ прошедшемъ году, послѣ того какъ Ивонія былъ измѣнически схваченъ турками и преданъ мучительной смерти, Валахія и Молдавія были включены въ число турецкихъ владѣній. Сперва воеводы молдавскіе платили легкую дань турецкимъ султанамъ: Казимиръ, отецъ короля Сигизмунда I, занятый войною съ крестоносцами, не могъ оказать поддержки воеводѣ Петру [1]) противъ Магомета, который въ 1455 году наложилъ на него гарачъ въ 2,000 червонцевъ. Впослѣдствіи, когда турецкіе султаны были заняты войнами въ Азіи, Персіи, Аравіи и Египтѣ, Молдавія подчинялась то венграмъ, то полякамъ; но, когда силы ея возросли, разбила нѣсколько разъ польскія войска, сбросила съ себя господство венгровъ и снова подчинилась туркамъ. Молдаване неоднократно приносили присягу на вѣрность польскимъ королямъ и пребывали ихъ ленниками, но это продолжалось лишь до новаго разрыва; впрочемъ при большой предусмотрительности со стороны покойнаго короля Августа, Молдавія могла бы навсегда остаться подъ властью Польши. Альбертъ Ласкій, мужъ великій въ бою и въ совѣтѣ, долго владѣвшій хотинскою крѣпостью въ Молдавіи, просилъ короля Августа прислать ему подкрѣпленіе, послѣ чего вся страна легко признала бы его господство. Еще раньше тотъ же Ласкій, вмѣстѣ съ Ляхоцкимъ, Филипповскимъ и другими, возвратилъ господарскій

[1]) Воевода Петръ III Аарон княжилъ въ 1450—1458 годахъ.

Библиотека "Руниверс"

престолъ Якову, который происходилъ изъ древняго владѣтельнаго рода этой страны [1]). Послѣ гибели Александра вспыхнула жестокая война, господарь былъ предательски убитъ молдаванами, а Вишневецкаго, знаменитаго рыцаря, выдали туркамъ, которые предали его мучительной смерти. Ласкій держался еще нѣкоторое время подъ Хотиномъ, желая отстоять дѣло Александра [2]). Александру наслѣдовалъ сынъ его Богданъ, этому послѣднему Ивонія, исторію котораго я намѣренъ разсказать. Послѣ пораженія войскъ Богдана при помощи турокъ онъ нѣкоторое время княжилъ въ Молдавіи.

И прежде бывали въ Молдавіи славные и воинственные господари, особенно славенъ Стефанъ, нанесшій нѣсколько пораженій венгерскимъ и татарскимъ войскамъ и бывшій грозою главныхъ враговъ

---

[1]) Яковъ, занимавшій столъ молдавскаго господарства въ теченіе двухъ лѣтъ (1562—1564) и овладѣвшій имъ съ помощью Ласкаго, принадлежалъ къ числу ловкихъ политическихъ авантюристовъ. Яковъ Василаки былъ родомъ грекъ изъ острова Крита, онъ долгое время странствовалъ по Европѣ, занималъ различныя должности въ Римѣ, Испаніи, Германіи, Даніи и Польшѣ. Находясь въ Испаніи, онъ завладѣлъ документами встрѣтившагося ему тамъ его земляка Якова Ираклидеса, бывшаго деспота Самоса и Пароса, и принялъ его имя; затѣмъ составилъ подложную генеалогію, въ которой пытался установить свое родство по женской линіи съ династіею молдавскихъ господарей Драгошей, прекратившеюся въ 1552 году, и на ея основаніи добивался молдавскаго стола съ помощью польскаго магната Ласкаго. Очевидно, въ Польшѣ подложная генеалогія Василаки пользовалась полнымъ довѣріемъ, вслѣдствіе чего и Борецкій придаетъ ей серьезное значеніе. (Engel. Geschichte der Walachei und Moldau, стр. 196. Палаузовъ—Валахія и Молдавія, гл. III).

[2]) Александръ Лопушано (1552—1562 и 1564—1566) былъ первый избирательный господарь Молдавіи, занявшій столъ послѣ прекращенія династіи Драгошей. Упорная и веденная имъ съ страшною жестокостью борьба съ боярами возбудила противъ него оппозицію этого сословія и облегчила Якову Василаки достиженіе престола; но послѣдній не могъ также сладить съ боярами; его религіозный индиферентизмъ, покровительство, оказываемое имъ социніанамъ, и значительные налоги, которые онъ вынужденъ былъ назначить, послужили поводомъ къ возстанію. Явилось нѣсколько претендентовъ на господарство, въ томъ числѣ молдавскій гетманъ Томза и кн. Дмитрій Вишневецкій, увлеченный въ Молдавію Альбертомъ Ласкимъ, который бросилъ Якова, не удовлетворившаго его честолюбивыхъ и корыстныхъ надеждъ. Вишневецкій былъ разбитъ Томзою и выданъ туркамъ, отъ руки Томзы погибъ и Василаки, тѣмъ не менѣе господарство досталось не Томзѣ. Во время междоусобной войны Александръ Лопушано, проживавшій въ Константинополѣ, успѣлъ подарками и обѣщаніями склонить на свою сторону турецкое правительство. Онъ былъ назначенъ вторично воеводою Молдавіи, но черезъ два года погибъ отъ отравы.

Библиотека "Руниверс"

своихъ турокъ, которыхъ многочисленныя арміи онъ истреблялъ не однократно. Къ числу болѣе извѣстныхъ господарей этой страны принадлежитъ Дракула, которому венгерскій король Матвѣй подарилъ крѣпости Чижову и Цехиль, лежащія на границѣ Трансильваніи съ Малдавіею, въ награду за то, что онъ отнялъ у турокъ городъ Мункастро. Не менѣе славенъ военною доблестью былъ воевода Петръ, враждовавшій съ султаномъ Солиманомъ и потерпѣвшій пораженіе у Обертына отъ храбраго гетмана Тарновскаго въ царствованіе Сигизмунда I.

Вѣра и обряды молдаванъ весьма близки къ церкви греческой и армянской; священники у нихъ женятся. Молдаване особенно славятся конницей, даже бѣднѣйшіе изъ нихъ имѣютъ верховыхъ лошадей, годныхъ для походовъ и сраженій. Подобно венграмъ, они вооружены щитомъ, шлемомъ и копьемъ; употребляютъ въ битвѣ также лукъ и стрѣлы. Порода ихъ лошадей крѣпкая, ретивая, славится не столько быстротою бѣга, сколько выносливостью и силою; здѣсь установился обычай прокалывать ноздри лошадямъ для того, чтобы облегчить имъ дыханіе; вслѣдствіе этого здѣшняя лошадь, даже во время лѣтняго зноя, можетъ втеченіе трехъ дней выдерживать напряженіе военнаго похода. Народъ молдавскій легкомысленъ и непостояненъ по отношенію къ своимъ властителямъ. По самому ничтожному поводу составляются заговоры, господари лишаются престола и на ихъ мѣсто возводятся другія лица, иногда самаго низкаго происхожденія; ибо они не обращаютъ вниманія на знатность рода, а только на богатство. Край этотъ очень богатъ, особенно славится большимъ количествомъ весьма крупнаго рогатаго скота, который жители сбываютъ на Руси и въ Германіи. Изъ плодовъ Молдавія особенно изобилуетъ виномъ, ячменемъ и пшеницею. Армянскіе торговцы провозятъ черезъ Молдавію изъ Турціи въ Польшу различные товары, служащіе предметами роскоши, какъ то: вино малвазію, перецъ, шафранъ, благовонія и ковры. Сдѣлавши этотъ краткій обзоръ Молдавіи, перейдемъ къ историческому изложенію тѣхъ событій, которыя мы намѣревались описать.

Богданъ, получившій Молдавію по смерти Александра, такъ сильно возненавидѣлъ господство турокъ, что заключилъ съ польскимъ

Библиотека "Руниверс"

королемъ Августомъ, умершимъ въ 1572 году, вѣчный миръ, въ силу котораго получилъ право посѣщать знатнѣйшіе дома на Руси и искать въ нихъ для себя невѣсту. Въ силу того же договора онъ обязался въ случаѣ войны доставить Августу 20,000 вооруженныхъ всадниковъ. Поговаривали всюду, будто онъ намѣревается купить на Руси помѣстья и поселиться тамъ на случай, если бы вѣроломные молдаване свергли его съ престола. Король Августъ не довѣрялъ туркамъ, которые еще при жизни Солимана, отца Селима, нерѣдко производили вооруженные набѣги на Русь приднѣстровскую, разоряли замки, города и села и уводили въ плѣнъ множество народа и значительные стада скота. Союзъ съ Богданомъ въ случаѣ войны съ турками обезпечивалъ Польшѣ помощь со стороны Молдавіи, которая, находясь посрединѣ между Польшею и Турціею, представляла какъ бы щитъ и крѣпкую стѣну, удерживающую напоръ варваровъ. Польскіе магнаты, сознавая эти обстоятельства, были расположены къ союзу съ Богданомъ; онъ жъ, полагаясь на дружбу великаго монарха, часто бывалъ на Руси, посѣщалъ дома болѣе знатныхъ лицъ, расположеніе которыхъ онъ старался снискивать богатыми подарками. Когда эти обстоятельства сдѣлались извѣстны султану Селиму, вступившему на престолъ послѣ смерти отца, онъ вознегодовалъ на то, что польскому королю въ силу договора обѣщано было господаремъ столь численное вспомогательное войско, и рѣшился втайнѣ низложить Богдана, предоставивши господарство другому лицу. Онъ опасался, чтобы поляки, воинственные сами по себѣ, не пріобрѣли рѣшительнаго надъ нимъ перевѣса при содѣйствіи Богдана и цѣлой Молдавіи. Между тѣмъ господарь возбудилъ также большое къ себѣ нерасположеніе среди молдаванъ за то, что заключилъ тѣсный союзъ съ поляками и обѣщалъ имъ вспомогательное войско отъ имени народа, но безъ его вѣдома; притомъ онъ обѣщалъ отдать въ замужество свою сестру Крыштофу Зборовскому, брату краковскаго воеводы Петра, какъ раньше отдалъ другую сестру замужъ за русина Каспера Пановскаго. Бракъ этотъ былъ весьма желателенъ для Зборовскаго, ожидавшаго получить богатое приданое; чтобы скорѣе покончить это дѣло, Зборовскій посѣтилъ Богдана въ Молдавіи съ многочисленною бле-

Библиотека "Руниверс"

стящею свитою. Совершенно для него неожиданно господарь отказалъ ему въ рукѣ сестры. Зборовскій возвратился на Русь, гдѣ владѣлъ обширными помѣстьями, и рѣшился отомстить ему при первой возможности. Случай къ тому вскорѣ представился, такъ какъ Богданъ также отправился на Русь къ Яну Тарлу, на дочери котораго, дѣвицѣ, исполненной красоты и добродѣтели, намѣренъ былъ жениться. Когда онъ на саняхъ переправился по льду черезъ Днѣстръ и въ сопровожденіи одного или двухъ придворныхъ далеко опередилъ свою свиту, онъ встрѣтилъ пажа Зборовскаго, который со слезами на глазахъ жаловался, будто бы потерялъ письма, порученныя ему его господиномъ. Затѣмъ пажъ во весь опоръ понесся къ Зборовскому и извѣстилъ его, что встрѣтилъ господаря, ѣхавшаго безъ всякаго конвоя. Зборовскій немедленно бросился въ погоню съ нѣсколькими изъ своихъ придворныхъ и настигъ его, благодаря быстротѣ своихъ лошадей; въ послѣдовавшей затѣмъ схваткѣ Богданъ былъ раненъ въ ухо шляхтичемъ Сецыгніовскимъ и взятъ въ плѣнъ. Зборовскій объявилъ, что выпуститъ его изъ темницы не иначе, какъ получивши отъ него вознагражденіе за убытки, понесенныя имъ на путешествіе въ Молдавію. Находясь въ крайности, Богданъ уплатилъ ему 6,000 червонцевъ и обязался въ опредѣленный срокъ уплатить остальную претензію. За него поручился Пановскій.

Этотъ поступокъ Зборовскаго сильно не понравился королю Августу. Съ другой стороны молдаване, не довѣряя Богдану и негодуя за то, что онъ уѣхалъ въ Польшу, просили Селима назначить имъ другаго господаря. Назначенъ былъ Ивонія, о которомъ думаютъ, что онъ полякъ, родомъ изъ Мазовіи, самъ же онъ утверждалъ, что онъ потомокъ древнихъ господарей молдавскихъ[1]). Это былъ человѣкъ высокаго роста, представительной наружности, лицо его было красиво, взглядъ пріятный, внушающій уваженіе, тѣлосложеніе крѣпкое. Еще при жизни Солимана, послѣ смерти господаря Александра, онъ искалъ молдавскаго воеводства, но тогда это званіе

[1]) Происхожденіе Ивоніи осталось неизвѣстнымъ; онъ выдавалъ себя за побочнаго сына господаря Стефана VII, но въ подтвержденіе этого заявленія не имѣлъ ни документовъ, ни другихъ доказательствъ.

Библиотека "Руниверс"

было предоставлено Богдану. Послѣ этой неудачи онъ часто посѣщалъ и Турцію, и Русь вмѣстѣ съ молдаваниномъ Іереміею Черневичемъ, измѣна котораго должна была погубить его впослѣдствіи. Для того, чтобы снискать расположеніе турокъ, Ивонія принялъ обрѣзаніе и сдѣлался мусульманиномъ, разсчитывая такимъ путемъ достигнуть значительныхъ выгодъ; онъ окружилъ себя роскошною и великолѣпною обстановкою, обратившею на себя вниманіе не только болѣе знатныхъ пашей, но и самаго Селима. Подкупивъ дарами членовъ дивана, Ивонія началъ внушать имъ подозрѣнія относительно Богдана, доказывая, что послѣдній преданъ польскому королю, и, опираясь на покровительство поляковъ, можетъ свергнуть турецкое иго. Селимъ внялъ внушеніямъ дивана и, раздраженный отсутствіемъ господаря, который оставался на Руси для излѣченія ранъ, онъ передалъ Ивоніи молдавское господарство; сверхъ того вручилъ ему значительный отрядъ войска для того, чтобы побудить народъ принести ему присягу на вѣрность. Говорятъ, что король Августъ спрашивалъ у Селима объясненія по поводу этихъ распоряженій, но тотъ отвѣтилъ, что послалъ Ивонію въ Молдавію исключительно по дѣламъ торговымъ. Между тѣмъ этотъ послѣдній безъ труда подчинилъ себѣ страну и привелъ народъ къ присягѣ на вѣрность.

Есть въ Молдавіи крѣпость Хотинъ, недоступная по своему мѣстоположенію; Богданъ рѣшился занять ее сильнымъ гарнизономъ, но турки, оберегавшіе ее, отказались впустить его и дали рѣшительный отпоръ. Въ виду переворота въ Молдавіи Богданъ, на основаніи договора, потребовалъ отъ короля Августа военной помощи противъ турокъ. Король отрядилъ 4,000 конницы подъ начальствомъ подольскаго воеводы Николая Мелецкаго, вождя опытнаго и разсудительнаго, которому поручено было возстановить Богдана на господарскомъ столѣ. Но попытка эта оказалась тщетною, ибо Молдавію занимали столь численныя турецкія войска, что Мелецкій успѣлъ только занять Хотинъ въ пользу Богдана, послѣ чего принужденъ былъ отступить обратно въ Русь, причинивъ туркамъ незначительный уронъ. Во время этого похода въ числѣ другихъ отличился военною доблестью благородный рыцарь Николай Гер-

Библиотека "Руниверс"

буртъ. Онъ былъ окруженъ отрядомъ турецкой конницы, но успѣлъ пробиться сквозь ея ряды, перебить многихъ непріятелей и, не получивъ ни одной опасной раны, благополучно соединился со своимъ войскомъ. Богданъ нѣкоторое время продержался въ Хотинѣ и, усиливъ укрѣпленія этого города, передалъ начальство надъ крѣпостью знатному польскому дворянину Доброславскому, а самъ бѣжалъ въ Москву, гдѣ, какъ говорятъ, и поселился.

Доброславскій не долго управлялъ Хотиномъ; онъ вскорѣ сдалъ крѣпость Ивоніи по приказанію польнаго гетмана Язловецкаго, получившаго соотвѣтственное распоряженіе отъ короля Сигизмунда Августа; при томъ въ это время распространилась молва о смерти короля; Ивонія возстановилъ спокойствіе въ Молдавіи. Онъ обязался уплачивать Селиму гарачъ въ обычномъ размѣрѣ, а противниковъ своихъ, въ особенности родственниковъ Богдана, отличавшихся знатностью рода и богатствомъ, предалъ жестокимъ казнямъ. Такимъ образомъ онъ злоупотребилъ побѣдою, забывая, что подобная участь можетъ постигнуть и его самого.

Между тѣмъ господарь Валахіи Петръ [1]) былъ сильно озабоченъ тѣмъ, чтобы устроить судьбу своего брата. Расположенные къ нему совѣтники Сигизмунда подали ему мысль низвергнуть съ молдавскаго стола, въ пользу брата, Ивонію при помощи турокъ, подобно тому, какъ самъ Ивонія свергнулъ съ престола Богдана. При этомъ послѣдовали точно образу дѣйствій, которому непосредственно передъ тѣмъ слѣдовалъ Ивонія. Петръ сверхъ того обѣщалъ уплачивать двойной гарачъ, т. е. 120,000 червонцевъ, въ случаѣ если братъ его получитъ молдавское воеводство; притомъ онъ донесъ, что Ивонія, отрекшись отъ магометанства, вновь сдѣлался христіаниномъ и открыто покровительствуетъ христіанамъ, что, по примѣру Богдана, онъ завязалъ дружелюбныя сношенія съ Польшею и, опираясь на ея помощь, въ непродолжительномъ времени освободится отъ турецкаго господства. Члены дивана, убѣжденные

---

[1]) Онъ названъ ошибочно; господаремъ Валахіи былъ въ то время Александръ II, сынъ Петра I Хромаго.

Библиотека "Руниверс"

этими словами и обѣщаніемъ большаго гарача, успѣли уговорить Селима отправить къ нему посольство и вызвать въ Константинополь, при чемъ онъ долженъ былъ передать послу управленіе Молдавіею. Въ случаѣ, если бы Ивонія не исполнилъ приказа, рѣшено было прибѣгнуть къ оружію. Селимъ, жадный къ деньгамъ и недавно опорожнившій свою казну на вооруженіе флота, который былъ разбитъ венеціанцами на Іоническомъ морѣ во время взятія Кипра—легко склонился на это предложеніе. Онъ отправилъ къ Ивоніи посольство, прибывшее 21 февраля, въ тотъ самый день, когда въ Краковѣ короновался краковскою короною Генрихъ Валуа.

Посолъ турецкій сказалъ слѣдующую рѣчь: „Султанъ Селимъ прислалъ меня къ тебѣ, господарь Ивонія, для того, чтобы я тебѣ передалъ приказанія, которыя ты обязанъ немедленно исполнить: ты долженъ будешь впредь уплачивать гарачъ въ двойномъ количествѣ, т. е. 120,000 червонцевъ въ годъ;—если ты не исполнишь этого требованія, то султанъ имѣетъ уже въ виду другое лицо, которое обязывается за себя и за своихъ наслѣдниковъ уплачивать эту сумму. Но султанъ Селимъ, полагаясь на твою вѣрность и преданность, не желаетъ лишать тебя молдавскаго стола, если ты станешь уплачивать упомянутый гарачъ. Если же ты не исполнишь требованія, то ты долженъ немедленно уступить свой постъ и послѣдовать за мною въ Константинополь для представленія отчета за время твоего управленія. Но если ты усумнишься исполнить и это требованіе, то знай, что султанъ пришлетъ твоего преемника въ сопровожденіи многочисленнаго войска, которое займетъ Молдавію. Покорись волѣ падишаха, ибо, въ противномъ случаѣ, султанъ, доведенный до крайняго предѣла гнѣва, лишитъ тебя не только престола, но и самой жизни“.

Слова эти сильно встревожили Ивонію; онъ притворился больнымъ и приказалъ своимъ боярамъ отвести посла въ его квартиру для того, чтобы выиграть время; дѣло было слишкомъ важно и требовало обсужденія, потому онъ не рѣшился отвѣчать немедленно послу.—Такъ какъ рѣшеніе дѣла зависѣло отъ сената, то Ивонія назначилъ его засѣданіе черезъ нѣсколько дней. Между тѣмъ, послѣ

Библиотека "Руниверс"

ухода посла онъ сталъ обдумывать требованія султана. Онъ соображалъ, что турки вѣроломны и обыкновенно не исполняютъ обѣщаній, данныхъ даже подъ присягою христіанскимъ владѣтелямъ (непонятно, по какому праву Ивонія причислялъ себя къ нимъ, такъ какъ онъ былъ отступникомъ отъ христіанства) и выжидаютъ только предлога для того, чтобы нарушить принятыя ими обязательства. Непомѣрно большая сумма дани, которую Селимъ требуетъ отъ страны, обнищавшей и разоренной междоусобною войною, не удовлетворитъ его, напротивъ того уплата ея усилитъ его жадность; въ будущемъ году онъ вновь потребуетъ прибавки и требованіямъ его невозможно будетъ удовлетворить даже при самыхъ дружныхъ усиліяхъ всего народа; потому согласіемъ на уплату двойной дани нельзя достигнуть спокойствія и безопасности, тѣмъ болѣе, что есть какое то лицо, которое, повышая сумму дани, пытается добиться господарства.— Обдумавъ всѣ эти положенія, онъ обратился къ сенату съ слѣдующею рѣчью: „Никогда, вѣроятно, вамъ не случалось совѣщаться при болѣе трудныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ; Селимъ, возгорѣвшись безмѣрною жадностью, не удовлетворяется тѣмъ гарачемъ, который мы ему постоянно уплачиваемъ, и требуетъ уплаты его въ двойномъ количествѣ. Не мое дѣло побуждать васъ къ согласію на это требованіе, ибо вся тяжесть уплаты ляжетъ не на меня лично, но на васъ и на вашихъ потомковъ. Если мы откажемъ, то намъ угрожаетъ война съ грозными силами врага, опустошеніе нашей страны, пожары и грабежи. Если согласимся на требуемую уплату, то я не знаю, какимъ образомъ мы удовлетворимъ требованію при всеобщей нищетѣ вслѣдствіе разоренія страны междоусобною войною.—Пусть всякій изъ васъ выскажетъ свое мнѣніе; я, съ своей стороны, полагаю, что, въ случаѣ если мы рѣшимъ уплачивать столь непосильный гарачъ, Селимъ не удовлетворится имъ и станетъ ежегодно повышать сумму, пока не овладѣетъ всѣмъ нашимъ имуществомъ. По моему мнѣнію лучше лишиться жизни вмѣстѣ съ нашими женами и дѣтьми, чѣмъ терпѣть такія обиды. Я говорю это не изъ желанія сохранить свое имущество, ибо новый налогъ касается васъ, не меня; и потому вы опредѣленно выскажитесь: желаете ли долѣе нести по-

Библиотека "Руниверс"

зорное и тягостное ярмо. Я готовъ принять дѣятельныя и усиленныя мѣры для того, чтобы этому невѣрному псу не дозволить взять съ васъ не только новой, требуемой имъ подати, но чтобы вовсе освободиться отъ гарача; я думаю, что я успѣю этого достигнуть, если вы меня дружно поддержите. Я сознаю, милые товарищи, свои обязанности по отношенію къ вамъ и вашей странѣ, за цѣлость и безопасность которой я готовъ сложить голову". Слушая его рѣчь, сенаторы съ грустью обдумывали, молча, его слова и трепетали, будто подъ вліяніемъ страшнаго кошмара.—Слова Ивоніи не были плодомъ досужаго краснорѣчія, но изображали истинное положеніе дѣлъ; дѣйствительно, турецкая неволя развивалась быстрыми шагами; и потому они предпочли смерть безчестію и униженіямъ. Они объявили, что немедленно перевезутъ свои семейства и болѣе цѣнное имущество въ хотинскую крѣпость, сами же соберутъ на свой счетъ войско для Ивоніи и отправятся на встрѣчу врагу на берега Дуная съ твердымъ намѣреніемъ отстаивать свое дѣло до послѣдней крайности, въ чемъ они принесли присягу. Ивоня, выслушавъ ихъ рѣшеніе, одобрилъ его краткою рѣчью и принялъ присягу въ томъ, что они соединятъ съ нимъ свои силы для успѣха общаго дѣла и будутъ до послѣдней крайности сражаться съ турками. Въ свою очередь онъ принесъ присягу въ томъ, что не сложитъ оружія, пока не вытѣснитъ турецкой арміи изъ Молдавіи и не заставитъ турокъ заключить почетный миръ.—Послѣ исполненія присяги, Ивонія приказалъ позвать турецкаго посла и въ присутствіи сената объявилъ ему слѣдующій отвѣтъ: „Согласно данному мною раньше Селиму, какъ моему сюзерену, обязательству, я готовъ былъ уплачивать гарачъ и не помышлялъ о томъ, чтобы уклониться отъ этой обязанности. Но тягостныя требованія ежедневно возрастаютъ до такой степени, что становится невозможнымъ выносить впредь столь позорную зависимость. Удвоеннаго гарача я не въ состояніи взыскать съ моихъ подданныхъ и потому усиленно прошу Селима, чтобы онъ мнѣ не ставилъ въ вину отказа. Я ожидалъ, что дружба Селима приноситъ мнѣ не угнетеніе, а славу и защиту, и потому я добивался молдавскаго господарства, которое и получилъ въ награду

Библиотека "Руниверс"

за мою вѣрность. Еще разъ усиленно его прошу не разрушать упованія, которое я на него возлагалъ". Сказавъ эти слова, онъ отправилъ посланника, не давъ ему никакихъ подарковъ, и приказалъ его проводить за Дунай, до границъ Молдавіи, подъ эскортою молдавской конницы. Такъ какъ не подлежало сомнѣнію, что отвѣтъ Ивоніи раздражитъ Селима, то немедленно послѣ высылки посла начались военныя приготовленія. Пѣхотѣ было назначено жалованье, равное тому, какое получала конница. Всѣ окружили дружно Ивонію и клялись въ томъ, что будутъ бороться съ жестокимъ Селимомъ до послѣдней капли крови, что скорѣе лишатся отечества, жизни, женъ и милыхъ дѣтей, чѣмъ оставятъ дѣло своего господаря.—Тотчасъ же опредѣлено было взымать усиленную подать, для того, чтобы дать Ивоніи возможность нанять польскихъ солдатъ, которые болѣе другихъ славились мужествомъ.

Ивонія, ободренный готовностью молдаванъ къ борьбѣ, вполнѣ положился на ихъ вѣрность и отправилъ пословъ въ Краковъ, поручивъ имъ извѣстить короля Генриха и польскій сенатъ о положеніи дѣлъ въ Молдавіи и просить помощи для предстоящей трудной войны съ Селимомъ, подобно тому, какъ издревле польскіе короли всегда находились въ союзѣ съ молдавскими господарями и защищали ихъ отъ турокъ; при томъ послы должны были поставить на видъ то обстоятельство, что Польша должна оказать помощь и защиту Молдавіи въ своемъ же интересѣ; ибо она, благодаря Молдавіи, уже много лѣтъ свободна отъ турецкихъ вторженій; если же турки завладѣютъ Молдавіею, то опасность будетъ угрожать польскому королевству. Послы особенно настойчиво просили, чтобы, въ случаѣ отказа въ военной помощи, король приказалъ объявить черезъ возныхъ въ Каменцѣ, Львовѣ и въ другихъ городахъ, что господарь готовъ принять къ себѣ въ военную службу всякаго желающаго служить за хорошее жалованье, ибо господарь болѣе дорожитъ независимостью своего государства, чѣмъ денежными средствами.—Король Генрихъ отвѣтилъ посольству, что онъ не можетъ ни послать вспомогательнаго войска, ни разрѣшить полякамъ

Библиотека "Руниверс"

поступать на службу въ Молдавію потому, что Польша заключила съ Турціею мирный договоръ срокомъ на сто лѣтъ.

Ивонія, получивъ печальное извѣстіе объ отказѣ въ помощи со стороны Польши, рѣшился положиться исключительно на своихъ и на малочисленный отрядъ польской конницы, который отправился было искать добычи на берега Днѣпра и Чернаго моря; это были люди, испытанные въ бою и привыкшіе къ побѣдамъ; въ это именно время, не успѣвъ снискать добычи, они возвращались домой. Къ нимъ послано было приглашеніе отправиться въ Молдавію и предложено жалованье по ихъ усмотрѣнію, лишь бы они помогли въ борьбѣ съ турками, для нихъ же ненавистными, такъ какъ на нихъ исключительно возлагается надежда на успѣхъ. Ивонія, по совѣту своихъ сенаторовъ, дважды посылалъ къ нимъ гонцевъ. Конница эта была неутомима, она никогда не оставалась на одномъ мѣстѣ, но постоянно рыскала за добычею, преслѣдуя непріятелей въ пустынѣ вдали отъ всякихъ путей, по самымъ укромнымъ мѣстамъ. Ивонія обратился къ этому отряду, заявивъ, что хочетъ переговорить съ нимъ по дѣлу, и для того, чтобы они не боялись хитрости, онъ приказалъ объявить имъ съ полною откровенностью, что ему угрожаетъ война съ султаномъ, что потому ему необходимо завербовать ихъ на службу и что онъ готовъ имъ давать жалованье, по ихъ собственной оцѣнкѣ, уплачивая его не по полугодіямъ и не по мѣсячно, а даже если нужно каждодневно. Когда козаки (въ Польшѣ симъ именемъ называли этихъ наѣздниковъ) услышали условія Ивоніи, они тотчасъ отправились къ нему, несмотря на запретъ короля Генриха. Заботясь о славѣ и добычѣ какъ своей, такъ и своихъ предводителей, козаки, съ разрѣшенія своей старшины, тотчасъ предприняли разъѣзды съ цѣлью захватить нѣсколько человѣкъ турокъ и татаръ, чтобы вывѣдать отъ нихъ планы и намѣренія враговъ; ибо хотя турки и татары, повидимому, пребывали въ мирѣ съ Польшею и, какъ казалось, дорожили имъ, тѣмъ не менѣе значительныя скопища ихъ врывались часто въ Русь и въ Подоліе, причиняли значительныя опустошенія, и, при приближеніи военныхъ отрядовъ, разсѣивались и убѣгали домой.

Библиотека "Руниверс"

Во главѣ этихъ козаковъ стояли слѣдующіе вожди: Свѣрчовскій, мужъ опытный въ военномъ дѣлѣ и отличавшійся необыкновенною силою, онъ имѣлъ отрядъ въ 200 конницы, сверхъ того 200 человѣкъ брацлавянъ и столько же барянъ [1]); всѣ они находились подъ начальствомъ Свѣрчовскаго и не могли сражаться безъ его приказанія.—Въ отрядахъ Козловскаго и Стуженскаго находилось по 200 человѣкъ. Янціусъ и Соколовскій имѣли отряды по 100 человѣкъ. Всѣ они, по приглашенію воеводы, прибыли въ Молдавію безъ всякаго опасенія. Ивонія, узнавъ о вступленіи ихъ въ предѣлы Молдавіи, отправилъ посольство съ порученіемъ привѣтствовать ихъ дружески отъ имени господаря и снабдить ихъ всякаго рода провіантомъ. Когда козаки приблизились къ молдавскому лагерю, Ивонія выѣхалъ имъ на встрѣчу, окруженный сенаторами и отрядомъ отборной конницы. Замѣтивъ ихъ расположенность къ себѣ и готовность подвергнуться опасности, онъ произнесъ лишь нѣсколько словъ радостнаго привѣтствія, дальнѣйшую рѣчь его прервали слезы. Затѣмъ онъ пригласилъ предводителей въ свой лагерь на угощеніе,—и здѣсь пространно разсказалъ о войнѣ съ Селимомъ и объ угрожающей опасности. Когда козаки вступали въ лагерь, господарь приказалъ палить изъ большихъ пушекъ, громъ которыхъ отражался въ небѣ и заставлялъ дрожать землю; козаковъ встрѣтила молдавская пѣхота въ равномъ числѣ ихъ количеству, приняла ихъ лошадей и доставила имъ обильный кормъ. Сдѣлавъ эти распоряженія, Ивонія угостилъ козаковъ не походнымъ солдатскимъ обѣдомъ, а роскошнымъ пиршествомъ. Вожди козацкіе и болѣе знатные молдаване приглашены были Ивоніею къ обѣду въ большую палатку, разбитую въ полѣ; остальныхъ козаковъ угощали въ другихъ палаткахъ. По окончаніи обѣда принесли серебряныя миски, наполненныя золотою монетою, которая предложена была козацкой старшинѣ и ихъ слугамъ; господарь заявилъ любезно, что послѣ долгаго похода, они вѣроятно нуждаются въ средствахъ для подкрѣпленія

[1]) Т. е. жителей барскаго староства, въ которомъ находились многочисленныя боярскія села.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

НОЯБРЬ.

Годъ восьмой. ТОМЪ XXVII. 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Воспоминанія о рекрутчинѣ по прежнему порядку. Б. С. Познанскаго. (225—256).

II. Воспоминанія М. К. Чалаго. (257-280).

III. Культурныя переживанія. LXXXVII-CVII. Проф. Н. Ѳ. Сумцова. (281—327).

IV. Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка. В. Н. Сторожева. (328—349).

V. Очерки стариннаго быта Волыни и Украины. О. И. Левицкаго. (350-368).

VI. О статьяхъ Богдана Хмельницкаго. (1654 г.) П. А. Шафранова. (369-391).

VII. Анастасія Яковлевна Марченко. (Т. Ч. или А. Темризовъ). Очеркъ. Е. С. Некрасовой. (392—422).

VIII. Документы, Извѣстія и Замѣтки. Столѣтіе кіевской первой гимназіи, какъ учебнаго заведенія. Садовскаго. Еще объ Иванѣ Поповичѣ. Ив. П. Библіографическія замѣтки. Архим. Леонида. Англійское извѣстіе 1736 г. о запорожцахъ. Н. В. Молчановскаго. Четыре письма О. М. Бодянскаго. 1855—58 гг. А. Л. Образцы старосеминарскій поэзіи. П. Левицкаго. (423—455).

IX. Для справокъ. (455).

X. Библіографія. Чтенія въ историческ. общ. Нестора Лѣтописца Книга 3-я. П. М. Каманина. Лопатинъ Н. М. Прокудинъ В. П. Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ. 2 части. Часть I и 1-й выпускъ второй части. А. І. Степовича. Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. И. М. Каманина. Исторія кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ. 1838—1888 г. Составилъ М. М. Захарченко. Н. М. Часопись Правнича. Мѣсячникъ для теоріи и практики. Выдаютъ д-ръ К. Левицкій, д-ръ А. Горбачевскій и д-ръ Е. Олесницкій. Рочникъ I. числа 1—4. Н. В. Шугурова. Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ. Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи. (456—484).

XI. Объявленія. (1—4).

ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1889.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXVII.

Ноябрь.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Библиотека "Руниверс"

Дозволено цензур. Кіевъ, 25-го Октября 1889 г.

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ

О РЕКРУТЧИНѢ ПО ПРЕЖНЕМУ ПОРЯДКУ.

Было это 31 декабря 1862 года (въ *Щедрый вечиръ, на Меланкы* по украински, въ день преподобныя Меланіи римляныни по святцамъ).

Я съ братомъ и шестью загонщиками усталые, съ подтыканными полами полушубковъ, съ двумя одервенѣвшими на морозѣ зайцами—трофеями нашей цѣлодневной охоты, ввалились въ привѣтливо освѣщенную огнемъ печи и свѣчою мою хату.

Я поднесъ по чаркѣ водки загонщикамъ, при чемъ и самъ аппетитно выпилъ, приговаривая—„Будьте здорови зъ Меланкою! Дай Боже намъ новый рикъ у добримъ здоровьи зустрить и старый опровадыть".

Отвѣчая, кто какъ съумѣлъ, на мое „*здоровканя*", хлопцы выпивали водку, закусывали, обтирали губы полами полушубковъ и рукавами и „*дякуючи*"—шли изъ хаты, каждый во свояси, ибо на дворѣ уже темнѣло и начинали „*щедрувать по-пидъ виконю*".

Аппетитно закусывали мы, сидя за столомъ, выпитыя чарки поджаренною колбасою, въ ожиданіи, пока жена поставитъ на столъ встряхиваемые ею въ макитрѣ вареники. Аріонъ (Иларіонъ)—работникъ—не отставалъ отъ насъ—меня и брата. Тепло, свѣтло, сыто и уютно!

Отъ времени до времени подъ окнами слышалось хрустѣнье снѣга и затѣмъ—„Щедрыкъ ведрыкъ! Дайте варенykъ, грудочку кашкы, кильце ковбаскы" и т. д. Это *щедровальныкы* совершали обычный въ этотъ день обходъ. Жена сама лично или черезъ

Библиотека "Руниверс"

работницу подавала подачку—вареники, куски сала, а то и мѣдяки; а мы уписывали, какъ говорится, за обѣ щеки горячіе вареники въ сметанѣ.

Но вотъ собака залаяла злѣе и навязчивѣе, чѣмъ на щедровальниковъ, послышался усиленный топотъ на крыльцѣ и въ распахнутыя двери среди цѣлаго облака морознаго пара ввалились въ хату въ кожухахъ, подпоясанные, съ палками (ципками [1]) въ рукахъ четыре человѣка—староста, сотскій и еще два домохозяина нашего сельца.

Вошедшіе какъ то скороговоркой проговорили соотвѣтственное вечеру привѣтствіе и кучкою остановились у порога съ выдвинувшимся впередъ старостою.

Входъ ихъ въ домъ съ *ципками*, скороговорочное привѣтствіе и, наконецъ, эта остановка около порога въ какой то нерѣшительности—все это было необычно и я сразу понялъ, что они пришли не въ гости, а по какому то дѣлу. Отвѣтивъ кратко на привѣтствіе, я всталъ изъ за стола и подошелъ къ старостѣ, всей моей фигурой изображая вопросъ. Сконфуженный и замѣтно блѣдный староста оглянулъ всю хату, всмотрѣлся въ двери валькира и спросилъ меня:

— А хлопци де?

— Яки хлопци? спросилъ я.

— Та полоховци, що булы зъ вамы на вловахъ.

— Похоловци?! Выпылы по чарци и розійшлыся.

— А!... какъ то воскликнулъ староста и, не прощаясь, вытѣсняя собою своихъ товарищей, пошелъ изъ избы.

---

[1]) Кстати обращаю вниманіе Н. Ѳ. Сумцова на значеніе палки, посоха, *ципка*, палицы (по испански тоже—paliza) въ Малороссіи, а также употребленія пояса. Степенный хозяинъ всегда ходитъ съ палкой, сельскій начальникъ, начиная отъ старшины и до посыльнаго при волости стойчика—всѣ при отправленіи службы носятъ палки. Палка у священника, жезлъ у архіерея, съ палкой всегда рисуютъ портреты поважныхъ лицъ, на *весилли* женихъ всегда съ палкой и т. д. Поясъ, теперь выходящій изъ употребленія, тоже прежде считался непремѣнною принадлежностію костюма. Считалось неприличнымъ быть безъ пояса домохозяину внѣ дома, даже парни, нося свитку *на опашь* (въ накидку), подпоясывались поясомъ поверхъ штановъ или поверхъ жилѣтки. Можно быть безъ свиты и шапки, но въ поясѣ. Я помню, что зазываемый посидѣть въ хату сосѣдъ счелъ необходимымъ побѣжать домой, „щобъ пидперезатысь“.

Библиотека "Руниверс"

Я попробовалъ задержать его вопросомъ о томъ, что все это означаетъ; но онъ только кивкомъ головы вызвалъ меня за собою въ сѣни, гдѣ, кромѣ бывшихъ въ хатѣ, я увидѣлъ еще нѣсколькихъ человѣкъ.

— Що це таке? спросилъ я старосту опять.

— Такъ такъ и нема у васъ хлопцивъ?—не отвѣчая на мой вопросъ, спросилъ староста.

— А же бачыте—нема! Не ховаю жъ я ихъ.

— Боронь Боже ховать... Такъ вы вже знаете?

— Про вищо?

— Та про наборъ... Мы зъ Петромъ що увъ обиды прыходылы до васъ бумагу чытаты...

— А!... въ свою очередь воскликнулъ я.

— Мовчить же, поки що, никому не кажить! Ходимъ мерщій!— Тутъ ихъ нема... обратился староста къ своимъ спутникамъ и всѣ они пошли къ воротамъ.

Я вернулся въ избу и только моргнулъ женѣ, вопросительно уставившейся въ меня глазами.

Сразу и аппетитъ пропалъ: не хотѣлось возобновлять прерванной трапезы. Сроднившійся съ селомъ во всѣхъ симптомахъ его жизни, я въ ту минуту душею переживалъ весь горькій для села смыслъ этого событія—набора и то волненіе, которое выяснилось мнѣ теперь въ этихъ искавшихъ у меня *хлопцивъ* сельскихъ властяхъ.

Оглядываясь на это, собственно говоря, недавнее по числу истекшихъ лѣтъ, но далекое по измѣнившимся условіямъ жизни время, мы для уразумѣнія всей драматичности событія должны припомнить, что это былъ первый послѣ уничтоженія крѣпостнаго права рекрутскій наборъ; что военная служба, въ то время все еще довольно продолжительная, не успѣла утратить въ глазахъ народа, а особенно недавняго крѣпостнаго, всей непривлекательности ея условій, которыя большею частью навсегда ломали жизнь подпавшаго этой участи субъекта и, наконецъ, что солидарность и сплоченность громадянъ, созданная нажимомъ крѣпостнаго права, тоже тогда еще не ослабѣла, какъ это мы видимъ теперь. Въ описываемое время пришлось въ первый разъ

Библиотека "Руниверс"

этимъ новорожденнымъ вольнымъ гражданамъ, вчерашнимъ рабамъ, самостоятельно отбывать эту тяжелую повинность и безъ указанія пана, безъ участія посторонней воли, взваливать на одного изъ своей громадской семьи тяготу этой повинности, отчуждать его отъ себя, куда то засылать его, поломать его жизнь—однимъ словомъ *запропастыты его голову*.

Я, далекій отъ всякой модулирующей философіи, а поддавшійся вполнѣ тяжелому чувству и грустному настроенію, не выдержалъ да шепотомъ разсказалъ женѣ суть дѣла: мнѣ нужно было подѣлиться съ нею этою болью.

Въ хатѣ водворилось какое то грустное настроеніе: пылавшій въ печи огонь погасалъ, я молча курилъ трубку, пуская дымъ въ коминъ, жена опѣшенная сидѣла, подперши щеку рукой; молча, недоумѣвающе поглядывали на насъ братъ и работникъ, работница сѣла на лавку въ ожиданіи возможности прибирать со стола, не слышно стало и щедровальниковъ. Такъ прошло съ полчаса.

Вдругъ залаяла собака, въ хату вбѣжали двѣ полураздѣтыя молодицы и съ воплемъ повалились мнѣ въ ноги.

— Ой кумочку жъ, голубчыку! Пропала жъ моя та головонька! Ой рятуйте жъ, рятуйте жъ, кумасю риднесенькій, дядечку, батечку! Ой-ой-ой! Доленька жъ моя та нещасная! Лышенько жъ мое довичнее! Ой забралы жъ, забралы жъ, рукы повьязалы! Ой що жъ мени подіяты безталанній, де жъ мени рятунку шукаты, свою голывоньку вызволяты?! Ой-йой! Ой-йой!... Причитывали одна другой жалобнѣе и краснорѣчивѣе насчастныя женщины, то поднимаемыя мною съ полу, то опять припадающія къ моимъ ногамъ, какъ будто во мнѣ была вся сила помочь имъ, освободить ихъ захваченныхъ мужей.

Этотъ горькій, отчаянный вопль сразу обезкуражилъ насъ всѣхъ: братъ и работникъ какъ приподнялись за столомъ, такъ и остались съ изумленными физіономіями, жена и работница сразу захныкали и вотъ вотъ готовы были начать вопить и причитывать, я, совершенно растерявшійся, только и дѣлалъ, что подымалъ падающихъ мнѣ въ ноги молодицъ, не зная, что дѣлать, чѣмъ пособить ихъ горю, а прежде всего чѣмъ унять ихъ надрывающія душу вопли. Мои отрывочныя фразы вродѣ—

Библиотека "Руниверс"

„Богъ зъ вамы!“ „Та не плачте!“ „Не голосить!“ „Господь поможе!“ и т. п. ничуть ихъ не успокаивали, а только какъ бы вызывали новый и новый приливъ жалостныхъ причитаній и присущей въ такія минуты всѣмъ украинкамъ импровизаціи.

— Ой на що жъ ти мене моя матинко, на свитъ породыла, та не дала ни щастя, ни доленьки! Та остануся жъ я на поталоньку, на горюваньячко! Закотылася жъ моя зоря ясная, сонечко мое весиннее! и т. д. и т. д.

Я близокъ былъ къ тому, чтобы присоединиться къ этому плачу и своими застилавшими мнѣ уже давно глаза слезами, но въ своихъ причитаніяхъ молодицы подсказали сами, что мнѣ дѣлать.

— Ой риднисенькый! Ходимъ же туды! Та жежъ воны васъ послухають! Заступитьця жъ, батечку! Не дайте жъ загинуть безталанній моій та головоньци...

Не оставалось ничего иного дѣлать, какъ только идти съ этими несчастными женщинами туда, гдѣ совершалось это встревожившее мирную жизнь села событіе, сознавая въ то же время полнѣйшую невозможность пособить ихъ горю.

Наскоро одѣвшись, вышелъ я изъ дому съ переставшими вопить, а только всхлипывающими *молодыцями*. Мы пошли прямикомъ черезъ огороды. На селѣ, по яру, издали доносились вопли и причитанія, лаяли собаки, хрустѣлъ снѣгъ отъ спѣшнаго хода людей. Когда мы вышли на улицу, то одной изъ моихъ спутницъ какая то дѣвочка вынесла сапоги и я тогда только замѣтилъ, что эта несчастная была босая. Съ нами вмѣстѣ и обгоняя насъ, шло по улицѣ много людей къ хатѣ вдовы Тимошихи, гдѣ на ту пору было что то вродѣ сборни, такъ какъ особой сельской расправы въ нашемъ селѣ общество не успѣло устроить. По пути я узналъ, что „схопылы и звязалы и Опанаса Янченка, и Григорія, и Корнія, и Якима, и Микиту, и Омелька и еще и еще кого то, человѣкъ 10, и что Иванъ Музыка „*розопхнувъ старыкивъ и утикъ*“, что еще не рѣшено, кого именно сдавать на службу, кого весть *до прыйому*, кого ставить *лобовымъ* и кого *на пидставу*, ибо самое предписаніе о наборѣ только сегодня утромъ получено вызывавшимся для этого именно въ волость старостою, что ради этой неопредѣленности и нахватали такъ много ребятъ, хотя изъ нашего

Библиотека "Руниверс"

сельца по разсчету долженъ быть отданъ только одинъ рекрутъ.

Все это передано мнѣ моими спутниками обоего пола, число которыхъ увеличивалось по мѣрѣ приближенія къ хатѣ Тимошихи. Около этой хаты чернѣла толпа народа, такъ что не видно было даже свѣта въ окнахъ. Слышны были оживленные дебаты мужчинъ съ рѣзко прорывающимися женскими голосами. Оказалось, что всѣхъ *захваченныхъ* заперли въ хату и теперь идетъ рѣчь о томъ, кого отдавать въ солдаты и кого брать *на пидставу*, чтобы замѣстить *лобованго*, если бы онъ почему либо оказался негоднымъ.

Высказывалось тутъ много кое чего. Упрекали тѣхъ, изъ семьи которыхъ еще не было взято ни одного солдата; припоминалось, что вотъ изъ такой то семьи отданы уже двое; возражалось на это то, что тогда была барская воля, что отдавали тогда, не соображаясь съ раскладкою рекрутчины на семьи, а сдавали на службу бобылей и непутныхъ людей, при чемъ припоминались разныя продѣлки сданныхъ на службу лицъ. Не добромъ вспоминались разные паны и экономы и не обошлось безъ нареканій на тѣхъ, кто тогда состоялъ при панахъ и экономахъ отаманомъ или имѣлъ вообще вѣсъ въ селѣ и экономіи.

Эти препирательства отчасти затушевывали то первое тяжелое впечатлѣніе, какому сразу всѣ мы вообще было поддались. Я стоялъ, замѣчаемый мало кѣмъ изъ увлекшихся дебатами, внимая долетающимъ ко мнѣ спорамъ и уже немного успокоившійся. Но не успокоилась одна изъ приведшихъ меня сюда молодицъ; изъ слышанныхъ ли споровъ вывела она заключеніе, что ея мужа непремѣнно отдадутъ въ солдаты, или просто сказалась молодая нервозность, но только она вдругъ припала ко мнѣ на плечо и такъ отчаянно заголосила, что всѣ спорящіе вдругъ замолкли и обратились къ намъ. Я только и нашелся сказать:

— Та киньчайте жъ бо це дило швыдче, не строюжуйте народъ! Кажить, кому йти, а кому зоставаться, та тихъ и одпустить! Що жъ ихъ морить та нудыть...

Эти мои слова, неожиданно для меня самаго, возымѣли желанное дѣйствіе.

Библиотека "Руниверс"

— Та вже якъ не змагатьця, а Корнія треба одряжать, а Михайла на пидставу, отозвался старый Якимъ Майоренко.

— Чы такъ той такъ! Тутъ инакше не зтокмаемось... отозвался староста, а за нимъ и еще нѣсколько голосовъ. Еге жъ, Еге жъ!

Опредѣленіе это сразу остановило всѣ препирательства, оно какъ бы только формулировало созрѣвшее въ головѣ каждаго участника сборища рѣшеніе.

Общее хныканье утихло, но за то *стара Кухарка* (мать Михайла) разразилась цѣлымъ потокомъ причитаній, между коими вырывались недобрые посулы всѣмъ ея и ея сына недоброжелателямъ—*лыхымъ вориженькамъ*.

— Ой сыночку жъ ты мій, соколыку! Зростыла жъ я тебе, выкохала, якъ рожевый цвитъ, якъ маковочку на поталу чужую, на лыхую годыноньку, соби на лышенько, на горюваньячко, ворогамъ лыхымъ,—бодай воны сонечка ясного не побачылы,—на знущаньячко. Бодай же воны на соби, та на дитяхъ своихъ цюю довадоньку тай дозналы... и т. п.

По мѣрѣ развитія импровизацій—причитываній *старои Кухаркы, жинкы* опять кое гдѣ начали всплакивать, а мужчины мрачно занялись исполненіемъ своего опредѣленія: откуда то взялись кандалы и Петро Довбань—коваль, всѣ двинулись въ хату, гдѣ сидѣла цѣлая юрба захваченныхъ молодыхъ людей. Ихъ по одиночкѣ выпускали: староста бралъ за плечо, провожалъ до дверей и выпускалъ, приговаривая: „Выпустить! Иды зъ Богомъ!“— не выпущенными остались только Корній и Михайло.

Корній—невзрачный на видъ, съ *продиломъ* [1]), въ цвѣтномъ гарусномъ шарфѣ на шеѣ, въ жилеткѣ и съ серьгой въ одномъ ухѣ—отличался внѣшностію отъ всѣхъ сельчанъ; онъ похожъ былъ на господскаго кучера. Послѣдніе три-четыре года онъ каждое лѣто до поздней осени пребывалъ *десь на Бессарабіи* (т. е. на взморьѣ), на зароботкахъ, что еще болѣе сдѣлало его отличнымъ по манерамъ среди села. Онъ былъ сильно пьянъ и,

---

[1]) Въ то время на Украинѣ носили волоса подстриженными въ кружокъ. Носили *продилъ* и зачесывались въ сторону, на бокъ лишь тѣ, кто какимъ бы то ни было путемъ выбивался изъ общей колеи.

Библиотека "Руниверс"

какъ оказавшій сопротивленіе при задержаніи, былъ связанъ у локтей поясомъ. На предложеніе старосты сѣсть на полъ, чтобы ковалю было удобнѣе заклепывать кандалы, Корній началъ ругаться *по соромыцькы*, при чемъ бился объ стѣну, метался, размахивалъ ногами, плакалъ и кричалъ.

Михайло—стройный, прекрасно сложенный блондинъ, блѣдный, какъ глина—стоялъ посреди избы въ шапкѣ и разстегнутомъ полушубкѣ, не произнося ни слова; въ рукахъ у него былъ его поясъ, которымъ онъ былъ связанъ на первыхъ порахъ до привода въ хату Тимошихи...

— Ну! сидай ты, хлопче! Що жъ робыть?! обратился староста къ Михайлу.

Михайло сѣлъ на полъ и, какъ бы въ забытьи какомъ, безсознательно протянулъ обѣ ноги. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его блѣдномъ лицѣ, только каріе глаза неестественно блестѣли изъ подъ нахмуренныхъ бровей. Со двора отрывками доносились причитыванія старой его матери.

Кто то взялъ съ припечка *каганець* (свѣтильникъ) и посвѣтилъ ковалю, который дрожащими руками приспособливалъ скобу кандаловъ вокругъ голенища сапога. Все замолкло, вниманіе всѣхъ сосредоточилось на этой скобѣ. Коваль далъ кому то подержать ребромъ поставленные подъ выгибъ скобы клещи, торопливо примостилъ заклёпку и затѣмъ, дрожа, промахиваясь, началъ бить по ней молоткомъ. Только послѣ нѣсколькихъ ударовъ молотка заклёпка, искривившись, сплющилась и коваль, тяжело дыша, приподнялся съ полу съ раскраснѣвшимся потнымъ лицомъ. Тишина въ избѣ, нарушаемая только звякавшимъ о заклёпку молоткомъ, такъ какъ Корній какъ то замолкъ, послѣ окончанія заклепыванія прервана была чьимъ то тяжелымъ вздохомъ. Михайло, все такой же окаменѣлый, сидѣлъ на полу, вытянувъ раздвинутыя ноги, съ откинутымъ назадъ, подпертымъ руками туловищемъ и съ низко опущенною головою. Такъ онъ и остался, когда уже и коваль всталъ и когда напряженная тишина смѣнилась было на минуту движеніями и кое гдѣ слышными вздохами.

— Иды, сидай!—обратился нахмуренный и блѣдный староста къ Корнію и тотъ покорно ступилъ къ Михайлу и, поддержи-

Библиотека "Руниверс"

ваемый кѣмъ то за связанные локти, сѣлъ на полу на указанное мѣсто.

Все опять затихло, дыханіе даже затаилось, опять всѣ глаза устремились на освѣщенныя поднесеннымъ каганцемъ ноги Михайла и Корнія. Звякнула цѣпь кандаловъ, послышалось вполголоса произнесенное ковалемъ приказаніе что то повернуть, подержать, гдѣ то посвѣтить, и черезъ мгновеніе стукнулъ разъ и два молотокъ о заклёпку.

— Отъ такъ, такъ! Зразу... послышалось въ центрѣ сцены, около ногъ рекрутъ, и вслѣдъ за тѣмъ кто то брякнулъ:

— Цьому йты: бачъ якъ зъ разу заклепнувъ!.. и всѣ зашевелились, напряженность исчезла. Послышались вопли и ругань расходившагося опять Корнія, *голосинья* Кухарки.

Мнѣ, какъ вѣроятно и всѣмъ, не втерпежъ было переносить долѣе всѣ эти впечатлѣнія и мы двинулись изъ избы.

При общемъ движеніи не слышно было громкаго говора, а только шепотомъ передавались наблюденія. Всѣ мы чувствовали себя угнетенными, подавленными, какъ бы виновными въ совершеніи какого то преступленія.

— Оттакъ було й тоди, якъ Семена ковалы: биля Явтуха скилькы возывся—клацавъ, клацавъ молоткомъ, а якъ дойшло до Семена, такъ вразъ!... разсказывалъ кто то старику.

Долго ворочался я на постели съ боку на бокъ, пока сонъ не успокоилъ растревоженныхъ нервовъ...

Нынѣшнее поколѣніе, являющееся въ лицѣ молодыхъ людей, достигшихъ призывнаго возраста, безъ всякаго привода къ отбытію воинской повинности, разумѣется, не увидитъ подобныхъ сценъ и тѣмъ менѣе можетъ быть субъектомъ этихъ страданій. Но мы—къ вамъ обращаюсь, мои сверстники—видывали эти душу раздирающія драмы и, стоя въ нашей уже сознательной юности какъ разъ на грани дореформенной жизни Россіи, отряхнувшіеся отъ крѣпостничества, всецѣло отдавшіеся новымъ въ то время вѣяніямъ, все душей переживали эти горькіе моменты народной жизни. Любящая и отзывчивая юность далека была не только отъ безучастности къ страданьямъ народа, но даже игнорировала

Библиотека "Руниверс"

скорбную необходимость извѣстнаго режима, вызываемую условіями быта среды. Мы видѣли только страданія, только насиліе и сочувствовали жертвамъ этого насилія, глубоко жалѣли субъектовъ этихъ страданій.

И, даже оглянувшись на это прошлое изъ настоящаго далека, едва ли найдется возможность укорить насъ въ лишней экзальтаціи, въ преувеличеніи нашихъ симпатій и антипатій. Въ то время любви и симпатій нашихъ къ народу нельзя было допустить никакихъ модулирующихъ эти влеченія „но“. Полагаю, что всѣ дѣятели совершившихся реформъ, съ незабвеннымъ вѣчно государемъ Александромъ Николаевичемъ во главѣ, не чужды были этой односторонности въ своихъ стремленіяхъ къ облегченію субъективныхъ страданій человѣчества, въ своемъ осужденіи всего того, что тяжелымъ гнетомъ лежало на дореформенной Руси. У нихъ тоже не существовало, вѣроятно, никакихъ „но“. Нужно было всѣмъ сердцемъ возлюбить народъ и всею душею возненавидѣть все угнетавшее его, чтобы исполнить всѣ тѣ преобразованія, которыми славно истекшее царствованіе. Да! это поколѣніе исполнило вполнѣ отчетливо роль, указанную ему ходомъ исторіи, оно вѣровало въ своего бога—сознанную истину—а „безъ любви невозможно угодити Богу“. Нынѣшнее поколѣніе, какъ кажется, задалось мыслью подбавить ригоризма въ дѣлѣ режима. Только будущее рѣшитъ вопросъ о томъ, кто и что болѣе подвинетъ Россію на пути къ прогрессу и преуспѣянію въ гражданственности, мы же только, отнесясь, по возможности, объективно въ совершавшемуся и совершающемуся, не ошибемся, кажется, если скажемъ, что любовь исполнила уже свое, а что сдѣлаетъ ригоризмъ—еще неизвѣстно. Лично я стараюсь воспроизвесть тѣ образы прошлаго, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ живописать то, что меня поражало во дни моей юности, вызывало къ себѣ сочувствіе или антипатіи. Однимъ изъ такихъ явленій жизни была рекрутчина, воспоминанія о коей и составляютъ предметъ моей настоящей статьи.

Въ то время, когда отдача на 25-лѣтнюю, тяжело обставленную службу стояла въ прямой зависимости отъ воли помѣщика, его управляющаго или приближенныхъ къ нимъ лицъ, не

Библиотека "Руниверс"

всегда руководившихся чувствомъ справедливости и мѣрности, а сплошь и рядомъ личными взглядами, а иногда и низменными чувствами, народъ смотрѣлъ на рекрутчину, какъ на какое то неотразимое, чисто стихійное бѣдствіе, нежданно негаданно обрушивающееся на того или другаго изъ собратій. Понятно, что при такихъ условіяхъ являлось инстинктивное чувство самосохраненія и оправдываемость всевозможныхъ средствъ для избѣжанія этой напасти. „Sauve qui peut“, правило всѣми единодушно исповѣдываемое и всѣми оправдываемое, было обыкновеннымъ откликомъ на вызовъ къ исполненію воинской повинности. И дѣйствительно, всѣ спасались, кто какъ могъ.

Для украинца особенно тяжела была рекрутчина: для него, особенно при условіяхъ военной службы того времени, это было не только подчиненіе всей строгости регламента, но и, если можно такъ выразиться, вынародовленіе, ломка всего того, что составляетъ его индивидуальность, всѣхъ особенностей его народнаго характера и кромѣ того, въ большинствѣ случаевъ, отдаленіе отъ родины, загонъ *у чужую дальню сторону* [1]). Отданный въ военную службу—(я говорю о прошломъ)—украинецъ дѣлался для своей родины въ полномъ смыслѣ слова отрѣзаннымъ ломтемъ: въ немъ долженъ былъ умереть Луценко, Онищенко, а возродиться Лукинъ, Анисимовъ, онъ шелъ не только въ солдаты, но и въ *„москали“*.

Заженуть тебе въ дальню сторону
И почнуть муштруваты;
И звелять тоби мову ридную
На чужу изломаты.
И наломышся, и забудешъ ты
Свою мову ридненьку...
Спомъянешъ не разъ не поридньому
Свою ридную неньку...

Вдохновенно говоритъ Руданскій въ своей колыбельной пѣснѣ крипачки.

---

[1]) Большинство контингента новобранцевъ изъ Украины шли или на Кавказъ, или въ гвардію.

Библиотека "Руниверс"

На Украинѣ *солдатъ* и *москаль* это синонимы и послѣднее слово употребляется исключительно въ смыслѣ солдатъ. Для обозначенія великороссіянина украинецъ употребляетъ слова „руський“, „кацапъ“, а *москаль*, *московка* означаетъ солдатъ, солдатка.

Ой рады бъ мы повертатыся—*москаль* не пускае.

Не такъ *москаль*, не такъ *москаль*, якъ *московська* маты,

говорится въ пѣснѣ. Во всѣхъ анекдотахъ, гдѣ фигурируетъ солдатъ, онъ назывался *москалемъ*.

«А що бъ не плакавъ, не журывсь—
Такъ отдалы въ *москали*» ...

говоритъ съ горькой ироніей Т. Гр. Шевченко.

Не только въ описываемое прошлое время, но и теперь еще есть возможность наблюдать этотъ горькій процессъ перерожденія вчерашняго ловкаго сельскаго парня въ неуклюжаго рекрута. Здѣсь тѣ же законы метаморфозы, какіе мы видимъ въ жизни насѣкомыхъ. Здѣсь тоже можно видѣть моментъ кукольнаго замиранія прежней жизни, чтобы превратиться изъ мужика въ солдата.

Молодой человѣкъ 21—25 лѣтъ, часто уже женатый, все время этой молодой жизни проведшій подъ ферулой семейнаго, строго моральнаго, режима, стыдливый въ своихъ сердечныхъ влеченіяхъ и цѣломудренный въ словѣ и дѣлѣ, вдругъ становится объектомъ осматриванія чужихъ для него людей, заинтересованныхъ только пригодностію его для ненужной вовсе ему цѣли. Обнаженнаго его осматриваютъ, ощупываютъ, обнюхиваютъ, мѣряютъ его ростъ и вышину его ногъ и, наконецъ, произносятъ роковое „лобъ“—(теперь говорятъ „годенъ“). Послѣ произнесеніи этого роковаго слова онъ поступаетъ въ распоряженіе цирульника, большею частію изъ евреевъ, который бритвою обезображиваетъ его голову, лишая ее природнаго ея украшенія—волосъ и затѣмъ сдаетъ его грубымъ, солдатамъ и всему безсердечному режиму солдатчины—(я говорю все это про прошлое). Позади остается все дорогое, родное, милое сердцу, безвозвратно теряемое, въ настоящемъ—черствое отношеніе пріемщиковъ и сторожей, впереди — строгость, безконечно для-

Библиотека "Руниверс"

щаяся служба, страшная еще болѣе своею неизвѣстностію... Моментъ, согласитесь, крайне драматическій, способный убить всю силу воли, все самосознаніе.

Такъ оно и бываетъ на самомъ дѣлѣ. Рекрутъ замираетъ, становится апатичнымъ, тупѣетъ: онъ не сознаетъ себя, онъ не понимаетъ ничего совершающагося кругомъ него и въ руки „дядьки"—этого продукта муштровки и воплощенія военнаго регламента, — онъ поступаетъ, какъ начинающій говорить и ходить ребенокъ. „Дядька" внушаетъ ему, что все то милое и дорогое, что онъ оставилъ, не хорошо, смѣшно: смѣшенъ и бытъ его села, и сельская манера, и его „*мазёпскій*" языкъ и вообще все то, что составляло суть прежней жизни. Да! въ этомъ новобранцѣ этою процедурой *пріема*, а особенно въ украинцѣ, убивался окончательно homo sapiens, а оставался зоологическій представитель отдѣла двурукихъ, только носящій родовое названіе homo. Это былъ живой организмъ чисто физіологическій, психически мертвый, готовый вполнѣ воспринять нравственный обликъ такой, какой ему придастъ приставленный къ нему воспитатель „*дядька*" и окружающая среда.

Вчерашній ловкій парубокъ, видный танцоръ, лихой табунщикъ, пѣвецъ и прибауточникъ, рекрутъ до того сразу тупѣетъ, что не въ состояніи понимать, гдѣ лѣво, гдѣ право; научиться даже вдвоемъ ходить *въ ногу* составляетъ для него еле преодолимую задачу... А тутъ сразу топчутъ ему въ голову все, что въ состояніи окончательно забить всякое пониманіе. Я помню, какъ проходившій съ партіей одинъ новобранецъ, уже женатый, мой кумъ, зашедшій попрощаться ко мнѣ, уморилъ было меня своею солдатчиною: онъ ничего больше не говорилъ, какъ только, пресмѣшно коверкая, перечислялъ своихъ начальниковъ и хвасталъ знаніемъ названій частей ружья—ладыжка, спускъ, скоба, спусковая пружина и т. д., при чемъ онъ начиналъ словами „зборка и разборка оружія", послѣ чего, не передыхая, говорилъ: „повернуть штыковой хомутыкъ, снять штыкъ" и т. д. Въ эту тяжелую минуту прощанія съ оставляемыми селомъ и семьею онъ, какъ маньякъ, только повторялъ все вышеупомянутое. А я мѣ-

Библиотека "Руниверс"

сяца два передъ тѣмъ зналъ его, какъ толковаго, замѣчательно сдержаннаго молодаго громадянина. Бывшія съ нимъ у меня мать и молодая жена его только покачивали на него, какъ будто въ горячкѣ бредящаго, головами и утирали неудержимыя слезы: онѣ хоронили въ немъ сына и мужа и съ грустію взирали на рождающагося солдата.

Интересы государства или государственности требовали этой тяжелой повинности—жертвы отъ народа и не намъ возражать противъ этой мѣры, но мы можемъ выяснять всю тяготу исполненія этой повинности, понятую правительствомъ и облегченную настоящимъ порядкомъ призыва на службу гражданъ, а равно и сокращеніемъ до возможной мѣры срока службы. Мы осужденіемъ прошлаго, тяжелаго въ воспоминаніяхъ, вполнѣ одобряемъ настоящее. А нельзя этого прошлаго не осуждать: къ чему въ самомъ дѣлѣ нужны были всѣ эти муки долгосрочной службы, эта выправка, когда на нашихъ глазахъ новобранцы въ 1877 году послѣ 2—3-хъ мѣсяцевъ обученія дѣлались вполнѣ способными для пополненія рѣдѣющихъ подъ Плевной, Карсомъ и на Шипкѣ рядовъ нашей арміи. Къ чему заковывали въ желѣзо, брили, отцовъ тѣхъ, которые теперь сами являются къ призыву и въ 4—6 лѣтъ настолько изучаютъ военную службу, что государство можетъ вполнѣ разсчитывать на нихъ, какъ на заготовленную силу, вполнѣ способную къ дѣлу въ случаѣ надобности.

Нехорошее, тяжелое было это прошлое. Вспоминая его, мы стараемся припоминать всѣ его стороны и, какъ видите, не только эпизодически, но и въ сужденіяхъ. Ради этого мы не имѣемъ права пропустить молчаніемъ еще одну грустную сторону этого дѣла—умолчать о солдаткахъ.

Говорить мы будемъ не про женъ солдатъ вообще, а про женъ новобранцевъ. Все это молодыя женщины, оставляемыя мужьями на первыхъ порахъ супружеской жизни, рѣдко болѣе двухъ лѣтъ послѣ брака, но часто послѣ двухъ—трехъ мѣсяцевъ, а то и недѣль, сожитія.

Въ крестьянскомъ быту сплошь и рядомъ совершаются браки не по любви, а такъ, какъ придется, при чемъ экономиче-

Библиотека "Руниверс"

скія условія жизни обѣихъ брачущихся сторонъ играютъ не маловажную роль. (Этимъ мы не исключаемъ и случаевъ брака по любви, по сердечному влеченію, внѣ всякихъ разсчетовъ. Бываютъ и такіе браки, но первые значительно чаще). Поэтому то и всѣ почти пѣсни *жиноцкія* проникнуты жалобой на семейную жизнь, дѣвичьи—предугадываніями горькой доли супружества. Этимъ же мы объяснямъ и жалобность свадебныхъ пѣсенъ, въ которыхъ оплакивается дѣвичья воля, замѣняемая въ бракѣ неприглядною жизнью молодой невѣстки въ чужой семьѣ. Но и при этихъ условіяхъ брака, особенно въ хорошихъ семьяхъ, жизнь *молодятъ* скрашивается раждающеюся самою по себѣ любовью. Поговорка „сживутся—слюбятся" часто вполнѣ оправдывается. И въ самомъ дѣлѣ, юные, цѣломудренные вполнѣ женихъ и невѣста, просто физіологическою потребностію сближаются другъ съ другомъ и дѣйствительно любятъ другъ друга, сживаются и становятся взаимнымъ пополненіемъ. Она для него есть то, чему онъ отдаетъ весь пылъ молодой страсти, *винъ* для нея все, ея суженый, ея *чоловикъ*, единственный представитель другаго пола, кому она отдана и кому отдалась. Неиспорченныя эти натуры, сблизившись физіологически, связываются и нравственно.

Но вотъ въ моментъ, когда только эти взаимныя отношенія начинаютъ устанавливаться, а иногда когда они достигаютъ самаго кульминаціоннаго пункта, эту любящуюся пару постигаетъ ужасное несчастье: угроза разлуки, чуть не вѣчнаго разъединенія. *Его* берутъ въ рекруты, заковываютъ въ кандалы и вотъ вотъ повезутъ въ городъ, вернуться откуда очень мало шансовъ. Можете себѣ представить, что дѣлается съ этими молодыми, еле начавшими жить полною жизнію существами! Здѣсь нѣтъ разсужденій, нѣтъ даже никакихъ объясненій—есть одно только: это разлука, убивающая чуть не навсегда родившуюся жизнь—любовь.

«Розлучылы насъ зъ тобою,
«Якъ рыбоньку изъ водою»

плачетъ пѣсня. Какъ рыбѣ безъ воды нѣтъ возможности жить, такъ они, недавно слившіеся, взаимно выполнившіе другъ друга, лишатся жизни. Послѣ уже являются обсужденія положенія, но на первыхъ порахъ эта разлука—та же смерть, смерть чув-

Библиотека "Руниверс"

ства, супружеской жизни. Ошеломленные, убитые, эти молодые супруги разлучаются еще не сразу. До окончательной разлуки они еще много выстрадаютъ, переживутъ и перечувствуютъ боль этой раны. Раненые на первыхъ порахъ не чувствуютъ боли, а ошеломляются ударомъ пули, ядра, часто оглушаются настолько, что долго бываютъ въ безпамятствѣ, а страданія настоящія начинаются именно съ того момента, когда раненый приходитъ въ память, въ сознаніе. Психическій процессъ, совершающійся въ этихъ двухъ молодыхъ супругахъ, совершенно аналогиченъ съ физіологическимъ процессомъ у раненаго. Опомнившіеся послѣ перваго удара, эти супруги начинаютъ страдать невыразимо. Ужасъ ихъ положенія, всѣ послѣдствія этой разлуки становятся имъ вполнѣ ясными и вполнѣ понимаемыми. *Она*, по многимъ видѣннымъ ею примѣрамъ, хорошо знаетъ, что значитъ оставаться въ чужой семьѣ безъ мужа, безъ друга; знаетъ она, какими глазами будутъ смотрѣть на неё, какъ будутъ помыкать ею свекровь и старшая ятровка [1]), какъ каждый шагъ ея будетъ контролироваться недружелюбно къ ней настроенными наблюдателями, какъ ей трудно будетъ уберечь себя, при ея молодости и при установившемся въ средѣ взглядѣ на солдатку, отъ всего, что тѣнью падаетъ на ея репутацію, не говоря уже о томъ, какъ ей жалко, какъ тяжело разлучаться съ полюбленнымъ ею человѣкомъ. *Онъ* испытываетъ всю тяжесть разлуки съ любимымъ существомъ, которое онъ считалъ неотъемлемо своимъ; онъ знаетъ, насколько этою разлукою нарушается эта неотъемлемость, эта неприкосновенность любимой женщины, какъ она останется безъ него на горе, *на поталу*, какъ она будетъ изображать собою пресловутый *горохъ при дорози*. Разыгрывается въ немъ чувство ревности и доходитъ до болѣзненности. Болѣзненность эта усиливается до невозможности переносить её и въ эти моменты онъ готовъ убить объектъ своего чувства, и во всякомъ случаѣ, помимо воли, испытываетъ къ нему что то враждебное; болѣзненное чувство ревности подрываетъ взаимное довѣріе, онъ начинаетъ заподозрѣвать искренность ея сожалѣнія о немъ; каждый шагъ истолковывается

[1]) Жена деверя — брата мужа.

Библиотека "Руниверс"

въ худшемъ направленіи и озлобленіе появляется наружу небывалою прежде руганью, а то и тычкомъ. Подобныя столкновенія въ прежней жизни затирались усугубленною лаской супружескаго сожитія, а теперь и это невозможно. Зародившаяся любовь ослабляется. Въ мысляхъ изстрадавшейся женщины, оскорбляемой, не находящей прежней ласки, не признающей себя виновною въ совершающемся событіи, въ минуты ропота мелькаютъ образы привольной жизни знакомыхъ веселыхъ солдатокъ, выбившихся изъ подъ ферулы семьи и прожигающихъ жизнь въ городѣ. Но она еще гонитъ отъ себя эти омерзительныя ей картины, она еще любовно обращаетъ взоръ на затосковавшаго мужа, все еще ей милаго, героя ея юной жизни. Озлобленный, раздраженный онъ все таки еще тотъ же самый, какого она привыкла видѣть съ того момента, когда впервые стыдливо глянула на него, какъ на жениха, и во все время счастливой жизни молодоженовъ: все тѣ же *кучери*, которыя она не разъ перебирала *сжаючись*, вьются надъ его черными бровями, всё та же загорѣлая шея вырѣзывается изъ подъ разшитаго ею и не разъ любовно застёгиваемаго *комира*. Она его любитъ и дрожитъ при мысли о разлукѣ съ нимъ.

Начинаются проводы въ городъ, послѣднія минуты прощанія съ селомъ. *Она* отправится туда съ нимъ и теперь *онъ* съ нею не прощается. Мало вообще пившій, *онъ* теперь напивается до нельзя, выпивши, въ какомъ то отчаяніи бушуетъ, на неё или мало обращаетъ вниманія, прощаясь съ оставляемыми, или, когда въ охмѣлѣвшемъ мозгу всплываетъ опять чувство ревности, ни съ того ни съ сего оскорбляетъ *её*, сунувшуюся было *его* уговаривать или воздерживать, руганью или оплеухой. Вообще эти два существа, страдающія до нельзя, взаимно другъ въ другѣ видятъ причину этихъ страданій и какъ умирающій, не перенося разлуки съ любимыми имъ людьми въ минуту ощущенія невыносимой тоски при мысли о вѣчной разлукѣ, отворачивается отъ покидаемыхъ, такъ и эта разъединяемая пара, изстрадавшаяся въ душѣ, сторонится другъ отъ друга. *Ему* невыносимо тяжело въ ея присутствіи, *ей* онъ становится невыносимымъ съ его раздражительностію.

Библиотека "Руниверс"

Въ мрачномъ туманѣ снѣдающей душу тоски эта пара прибываетъ въ городъ. Все болѣе и болѣе раздражаемый приближеніемъ развязки вопроса быть или не быть, съ отяжелѣвшей съ похмѣлья головою, въ которой цѣлый сумбуръ мыслей, надеждъ и предположеній, *онъ* прибываетъ въ городъ. *Она*, нравственно измученная, физически усталая, тутъ же при немъ въ числѣ другихъ, провожающихъ своихъ. Нужна необыкновенная сила молодой натуры, чтобы вынести всю массу этой совокупности страданій и физическихъ, и нравственныхъ.

Они не видятъ города, въ которомъ они впервые въ жизни; въ ихъ памяти остается только то зданіе, куда они шли съ такими же страдальцами, около котораго вотъ вотъ и окончательно рѣшится ихъ участь. Вотъ, она заплаканными глазами проводила его въ эту черную тучу людей и какихъ то сооруженій, тучи эти закрыли дорогія очертанія ея милаго, обрисовавшіяся на послѣдней ступени крыльца, и остается она одинокая со своею душевною болью, съ невыразимо тяжелою тоской томиться и ожидать рѣшенія свой участи. Вотъ, вотъ услышитъ она радостное слово *затылокъ*, увидитъ бѣгущаго къ ней *его* и они, воскресшіе, со слезами радости, опять заживутъ такъ хорошо, сладостно начавшею было распускаться жизнію. Но неизмѣримо долго длятся минуты томленія, ожиданія. Изболѣвшая душой, она отупѣваетъ, усталый мозгъ уже не работаетъ и она забылась, наконецъ, въ какомъ то отупѣніи.

И вотъ въ эту минуту ее, забывшуюся, расталкиваютъ и говорятъ ей, что *его* приняли, сказали ему *лобъ*. Пробужденіе ужасное! Какъ гальваническій токъ, это сознаніе безвозвратности потери потрясаетъ это молодое существо, она готова свалиться отъ стиснувшей сердце боли, все мутится у нея въ глазахъ, вотъ, вотъ послѣдуетъ обморокъ, столбнякъ, сосуды сердца лопнутъ отъ внезапно приливщей крови... Но благодѣтельная природа открываетъ спасительный клапанъ, отлившая отъ сердца кровь быстро приливаетъ къ мозгамъ, къ лицу, которое изъ смертельно блѣднаго становится краснымъ, и облегчающія страданія слезы льются потокомъ изъ глазъ, возбужденная приливомъ крови дѣятельность мозга выражается причитываніемъ,

Библиотека "Руниверс"

этимъ душу разрывающимъ плачемъ съ импровизаціями—*голосиньямъ*.

Ея *голосиньня* сливается съ воплями другихъ такихъ же несчастныхъ и въ этомъ ужасномъ хорѣ оплакивается нѣсколько погибающихъ молодыхъ жизней обоего пола. Этотъ хоръ погребальнаго плача то взмываетъ высокими нотами, то падаетъ до аккомпанируемаго всхлипываніемъ речетатива. Нѣтъ въ этомъ хорѣ установленныхъ кадансовъ, нѣтъ ритмическаго расположенія ноты, но за то каждый въ отдѣльности звукъ, каждое отчетливо услышанное слово рвутъ душу, выжимаютъ слезы изъ глазъ всѣхъ присутствующихъ. Насупливаются брови надъ строгими глазами стоящихъ въ толпѣ мужиковъ, надвигаются на лобъ ниже встряхиваніемъ головы высокія смушевыя шапки и даже въ физіономіи одеревенѣвшаго стараго солдата, стоящаго на крыльцѣ, проявляется какая то мягкость, по лицу его какъ бы пролетаетъ тѣнь какого то сердечнаго воспоминанія. Такъ размягчается засохшая кожа брызгами воды на мгновеніе, чтобы вслѣдъ за испареніемъ влаги еще болѣе отвердѣть, закорузнуть.

Выше мы уже говорили о тѣхъ нравственныхъ испытаніяхъ, какимъ подвергается рекрутъ при пріемѣ.

Вотъ *онъ* въ толпѣ другихъ выходитъ подъ стражею солдатъ, окончательно отупѣвшій, ничего не понимающій, толкаемый тѣми же стражами, на крыльцо присутствія. Замолкло *голосиння*, всѣ ожидавшіе выхода новобранцевъ онѣмѣли въ ожиданіи;—но *она* не узнаетъ *его*. Обезсиленный, осунувшійся, съ бритою головою—это не *онъ*, это не объектъ ея молодой любви, это трупъ, мертвый скелетъ ея милаго, онъ умеръ уже и она уже его оплакала. Это какое то безобразное, какъ трупъ, существо, о которомъ можно плакать, но любить которое уже нельзя и быть съ которымъ тяжело.

Вотъ что *она* чувствуетъ въ эту минуту появленія предъ нею преобразившагося *его*.

Начинается цѣлый рядъ явленій, въ которыхъ *онъ* все больше и больше теряетъ въ глазахъ ея ореолъ героя ея первой любви. [redacted] въ этомъ ужасномъ жизненномъ крушеніи

Библиотека "Руниверс"

всю ловкость, развязность молодаго селянина, отупѣлый обезображенный бритвою, онъ становится неповоротливымъ, плохо понимающимъ адресуемыя къ нему на чужомъ для него говорѣ требованія своихъ воспитателей—солдатъ; онъ въ то же время не перестаетъ раздраженно относится къ *ней*, причинѣ своей душевной боли. Жалкій самъ по себѣ, *онъ* ревнуетъ *ее* еще болѣе, не лаская ее окончательно. Ей становится съ каждымъ часомъ все тяжелѣе и тяжелѣе быть съ нимъ, онъ дѣлается ей, наконецъ, даже противнымъ и только еще кое когда пробуждается въ *ней* къ *нему* чувство жалости. Прежняго чувства молодой цѣломудренной любви уже и слѣда нѣтъ. Не окрѣпшая она изчезла въ этомъ кризисѣ. Является на сцену критика, сравненіе его съ другими какъ меньше его угнетенными его сотоварищами новобранцами, такъ и съ молодцоватыми, кокетничающими съ нею солдатами, сравненіе своего обездоленья съ веселою жизнію встрѣченныхъ въ городѣ солдатокъ, съ девизомъ „хоть часъ, та мій“ срывающихъ цвѣты свободной разгульной жизни—и всѣ эти сравненія и наблюденія далеко не склоняютъ *её* къ возстановленію прежнихъ чувствъ къ *нему*, а напротивъ „все не въ пользу *его* говоритъ“.

Наконецъ, они прощаются окончательно, партію угоняютъ на Кавказъ. Она послѣдній разъ голоситъ, причитываетъ, но уже оплакиваетъ не такъ *его*, какъ себя, свою горькую долю, свое одиночество. „Ой на кого жъ покидаешъ ты мене“, и т. п. слышится въ причитываніяхъ, и ни слова не говорится о *его* положеніи. *Онъ* не съумѣлъ формулировать даже своихъ наставленій покидаемой женѣ, наставленій, подсказываемыхъ ревностію. Общая психическая подавленность сказалась и здѣсь: что то въ родѣ „ты жъ *смотри*—(это слово онъ уже позаимствовалъ у солдатъ)—у мене! Щобъ тее, *значитъ*—(опять позаимствованіе).—А то я, якъ вернусь, то“... Не досказано, но понятно.

Народная пѣсня, сложенная внѣ условій этой подавленности, такъ трогательна и граціозно формулируетъ эту сторочу прощанья:

Тай забула молода дивчына роспытаты,
Чы дозволыть ій молоденькый погуляты.

Библиотека "Руниверс"

«Гуляй, гуляй молода дивчыно, якъ гуляла!
Топчы жовти черевычкы, якъ топтала!
Держы розумъ въ своій головоньци, якъ держала
(будь также цѣломудренна).
Та не гуляй, мое серце зъ парубкамы,
Ой та гуляй, мое серце, зъ старыкамы.
Бо парубкы—(взирающіе на тебя, какъ на
покинутый предметъ моей страсти)—раду радять не такую:—
Воны тебе зъ розума зведутъ молодую—(соблазуятъ
тебя молодую, полную жизни и силы).
А старыкы раду радять статетпюю:
Воны тебе навчатымутъ сердечную».

И вотъ она молодая, красивая, полная силы и жизни во всѣхъ функціонированіяхъ организма, остается одинокою, покинутою, беззащитною отъ нападеній увлекающихся ею и увлекающихъ её самцовъ, безсильная въ борьбѣ съ своею собственною кровью и плотью. Устоявшая даже при заигрываніи съ нею мужчинъ въ присутствіи мрачнаго *его*, безъ него она падатъ жертвою сладострастія среды, своего индивидуальнаго зоологическаго инстинкта. И смѣемъ ли мы произнесть слово обвиненія этой несчастной женщинѣ, смѣемъ ли мы по отношенію къ ней чувствовать что либо, кромѣ самого теплаго сожалѣнія, участія?! Хорошо еще, если она судьбою пристроится къ какому нибудь одному человѣку и въ немъ пайдетъ потеряннаго мужа сожителя, безъ этого она дѣлается проституткою.

Уйдите вы съ вашимъ словомъ осужденія этой горькой женщины! Не она, а мы—общество, государство—виноваты, создавъ такія ужасныя условія жизни. И простой народъ въ своей совѣсти не капитъ сё за на нарушающее филистеризмъ сельской жизни поведеніе, онъ смотритъ на неё снисходительно, прощаетъ ей многое. Она сама чувствуетъ себя нарушительницей правилъ общей морали и уже отказывается отъ почетной *намитки* мужевой жены—(я говорю о прошломъ)— *вывязалась московкою* платкомъ и въ минуты загула съ горькимъ самоиздѣвательствомъ говоритъ про себя—„мени можна: я московка“ (солдатка)!

Въ болѣе близкое время на вопросъ мироваго судьи, обращенный къ одной солдаткѣ—селянкѣ, но прижившейся въ го-

Библиотека "Руниверс"

родѣ:—„Чѣмъ вы, подсудимая, занимаетесь?“—послѣдовалъ отвѣтъ: —Б.....! Що¦жъ?! Я солдатка, що жъ мини робыть?“... При всемъ безстыдствѣ и нахальствѣ этого отвѣта, сколько горечи и упрёка послышалось мнѣ въ этихъ словахъ! Я солдатка и сама судьба указала мнѣ быть проституткою, судьба, такъ устроившая мою жизнь, и природа не лишившая меня физіологической потребности.

Многія изъ солдатокъ пускаются въ проституцію, руководясь тѣми соображеніями, что при этомъ способѣ удовлетворенія себя онѣ съ большей или меньшей вѣроятностію гарантированы отъ беременности, отъ рожденія обременяющихъ ихъ дѣтей, могущихъ сдѣлаться живымъ попрёкомъ по возвращеніи со службы мужа. Только благодаря установившемуся въ народной средѣ такту по отношенію къ солдаткамъ, не всѣ онѣ остаются проститутками, а по возвращеніи со службы мужей вновь дѣлаются мужевыми женами и хозяйками. Въ ихъ гулящей даже жизни безъ мужей народъ не дѣлаетъ изъ нихъ отверженцевъ общества, а своею терпимостію даетъ имъ возможность возвратиться и на лоно семьи, и въ прежнее положеніе.

Не скоро бы я кончилъ, еслибы захотѣлъ разсказывать еще о горькой долѣ несчастныхъ солдатокъ, приводить здѣсь извѣстные мнѣ эпизоды. Довольно, кажется, разсказаннаго съ возможною вѣрностію, чтобы и съ этой стороны видѣть всю тяготу военной повинности, необходимости коей мы не можемъ отрицать однако жъ, хотя бы и въ томъ далеко несовершенномъ видѣ, какою мы её знаемъ въ описываемомъ недалекомъ прошломъ.

И всѣ почти поголовно жалѣли тогда несчастныхъ рекрутовъ и при возможности помогали имъ избѣгать этого несчастія.

Въ моей замѣткѣ о посѣщеніи императоромъ Александромъ Благословеннымъ Бѣлой Церкви („Кіевская Старина“ 1889 года, кн. 4) я разсказалъ случай, когда дѣвки прачки подъ предводительствомъ энергичной кухарки Хотыны, во дворѣ моего дяди, освободили схваченнаго для отдачи въ рекруты нашего кучера. Сколько же возстаетъ въ моей памяти подобныхъ картинъ, видѣнныхъ мною лично или извѣстныхъ по разсказамъ?!

Гимназистомъ я какъ то натолкнулся въ лѣсной чащѣ на спящаго парубка въ грязномъ бѣльѣ и истоптанныхъ чоботахъ.

Библиотека "Руниверс"

При немъ тутъ же лежала большая изъ осмоленнаго корня булава. Хотя я тогда изображалъ изъ себя охотника и былъ съ какимъ то плохенькимъ ружьецомъ, но эта сонная фигура показалась мнѣ настолько страшною, что я поспѣшно ретировался и послѣ чуть не бѣгомъ, постоянно оглядываясь, поспѣшилъ къ лѣсной сторожкѣ, гдѣ и разсказалъ двумъ сторожамъ о своей находкѣ. Молодой сторожъ сейчасъ было собрался идти въ лѣсъ и даже взялъ въ руки заткнутую въ стрѣху сторожки пику; но другой—старикъ, дядя молодаго — выразительно посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Стривай но лышень! Ты проведы паныча, а я самъ пійду побачу, що тамъ таке...

Оставаясь у сторожки, я вскорѣ увидалъ возвратившагося съ осмотра старика, который и заявилъ, что никого въ указанномъ мѣстѣ не нашелъ. Я хотѣлъ было вести сторожей указать видѣннаго бродягу, но старикъ отклонилъ это мое предложеніе. Онъ пошелъ въ сторожку и сквозь окно мнѣ видно было, какъ онъ, отрѣзавъ половину хлѣба, спряталъ её подъ полу. Вышедши къ намъ, онъ велѣлъ молодому провести меня до опушки.

Лакей моего дяди, которому я дома оживленно разсказывалъ про эту встрѣчу, какъ то особенно серьезно сказалъ:

— Много ихъ теперь скрывается по лѣсамъ! Добрый человѣкъ встрѣтитъ, еще и хлѣба подастъ ему сердечному...

Я понялъ, что видѣнный мною бродяга былъ одинъ изъ бѣжавшихъ отъ рекрутчины.

Эта моя догадка подтвердилась въ ближайшій праздничный день такимъ случаемъ:

Плавалъ я на челнокѣ по р. Роси между ея скалистыми берегами, позади стараго замчища въ м. Бѣлой Церкви. Только что причалилъ я къ низкому, въ уровень съ водою выступу скалы и собирался закинуть удочку, какъ вдругъ услыхалъ топотъ бѣгущаго по горѣ человѣка. Оглянувшись, я увидѣлъ чуть не кувыркомъ стремглавъ съ горы бѣгущую ко мнѣ фигуру нашего гимназическаго водовоза Оныська, безъ свиты и безъ шапки, только въ *жилёткѣ*. Я было струсилъ, ибо намъ, гимназистамъ, запре-

Библиотека "Руниверс"

щалось плаваніе по рѣкѣ, и мнѣ показалось, что этотъ Онысько бѣжитъ ко мнѣ въ качествѣ уличителя въ запретномъ дѣлѣ.

Но Онысько оказался самъ какъ то особенно встревоженнымъ, блѣднымъ, онъ вскочилъ прямо въ челнокъ и, припавъ на дно его, вполголоса упрашивалъ меня перевезть на ту сторону. При этомъ онъ тяжело дышалъ и вытягивался по дну челнока, несмотря на то, что тамъ была неотлитая вода. Не давая себѣ отчета, я отпихнулся отъ скалы и погналъ весломъ челнокъ къ противоположному берегу рѣки по направленію къ стоящимъ съ ведрами на камнѣ какимъ то женщинамъ. Не успѣлъ еще челнокъ упереться въ берегъ, какъ Онысько, весь вымоченный бывшею въ лодкѣ водою, вскочилъ, прыгнулъ на камень и пустился со всѣхъ ногъ бѣжать по спускавшимся къ рѣкѣ огородамъ. Женщины съ подтыканными подолами юпокъ и съ коромыслами въ рукахъ изумленно смотрѣли на мокраго, безъ шапки и безъ свиты въ такую пору года—(это было въ сентябрѣ или октябрѣ)—улепетывающаго парня. Я ничего не понималъ. Но молодицы поняли суть дѣла, переглянулись и одна изъ нихъ сказала:

— Це жъ винъ ажъ у Голендерню подався!...

(*Голендерня*—это былъ лѣсъ на правомъ берегу р. Роси противъ парка гр. Браницкихъ Александріи. Назывался этотъ лѣсъ такъ потому, что въ немъ на берегу рѣки устроено было молочное заведеніе графскаго двора, содержались голландскія (hollenderskie—по польски) коровы. Лѣсъ этотъ по берегу р. Роси тянулся далеко на западъ до селъ Пилипчи и Глибочки, и въ этомъ то лѣсу раньше я встрѣтилъ испугавшаго меня бѣглеца).

Проводя глазами скрывшагося въ садахъ Оныська, бабы съ любопытными и ласковыми лицами повернулись въ мою сторону и одна изъ нихъ сказала:

— Це вы, панычу, соби у Бога спасенія заробылы, що перевезли хлопця. Та тилько тикайте же й самы, щобъ не було якои халепы!

Тогда я только понялъ, что помогъ Оныську бѣжать отъ рекрутчины, о которой мнѣ было извѣстно, и въ то же время испугался помянутой молодицею *халепы*. Сейчасъ же, спѣшно по-

Библиотека "Руниверс"

пихиваясь весломъ, погналъ я челнокъ вдоль заричанскаго [1]) берега къ вербамъ огорода *дѣда Стрилька*, владѣльца лодки.

Оглянувшись уже изъ огорода *дида Стрилька*, я видѣлъ на камняхъ около замчища нѣсколькихъ человѣкъ, которые что то указывали руками на зарѣчанскій пустой берегъ, такъ какъ тамъ уже и бабъ не было.

Даже любимому Михайлу, вышеупомянутому лакею дяди, я долгое время не разсказывалъ про этотъ случай,—такъ боялся упомянутой бабами *халепы*.

На другой день въ гимназіи мнѣ разсказывали, какъ этотъ Онысько спасся отъ поимки въ гимназическомъ дворѣ. Увидавъ поимщиковъ или, можетъ быть, кѣмъ нибудь предупрежденный, онъ вскочилъ со двора въ ту часть гимназическаго зданія, гдѣ помѣщались гимназисты пансіонеры. Это случилось какъ разъ въ такое время, когда по случаю праздника учениковъ, большею частью католиковъ, выстроили въ пары вести къ вечернѣ (na nieszpory)—въ костелъ. Гимназисты накинули на него шинель, надѣли фуражку и онъ въ парахъ вышелъ за ворота гимназическаго двора. Но, не доходя до костела, Онысько не выдержалъ роли, сбросилъ маскирующее его одѣяніе и пустился бѣжать на замчище во дворъ ксендза. Шедшій сзади гимназистовъ надзиратель и указалъ его поимщикамъ. Но пока тѣ шарили въ постройкахъ ксендзовскаго двора, Онысько очутился на огородахъ Зарѣчья и былъ таковъ.

Послѣ я видѣлъ Оныська все въ той же должности водовоза и припоминалъ ему о томъ, какъ онъ былъ перевезенъ мною черезъ рѣку, но онъ положительно ничего не помнилъ, какъ и кто перевезъ его на Заричье—до такой степени рекрутчина напугала его.

Такія пособничества къ побѣгу отъ рекрутчины въ то время были въ большомъ ходу.

На моей памяти брали въ солдаты (кантонисты) дѣтей евреевъ, часто даже 7—8 лѣтняго возраста. Намъ и теперь еще непонятенъ смыслъ этой правительственной мѣры, но и тогда

---

[1]) *Заричье*—часть м. Бѣлой Церкви, расположенная на лѣвомъ берегу Роси.

Библиотека "Руниверс"

мѣра эта осуждалась вообще всѣми. Нечего здѣсь распространяться обо всей ужасности этаго набора, о тѣхъ страданіяхъ, какія должны были выносить несчастные родители этихъ дѣтей и сами дѣти въ солдатской школѣ того времени. Дѣло это само собою вопіетъ за себя и врядъ ли можетъ быть чѣмъ либо оправдываемо. Даже суровый и враждебно по отношенію къ евреямъ настроенный украинецъ въ эти ужасные моменты дѣтскихъ наборовъ являлъ чувства жалости къ евреямъ. Я помню, какъ прислуга дяди—все кровные украинцы—припрятывали у насъ во флигелѣ молодаго, лѣтъ 14, еврейчика, до того времени носившаго продавать ваксу и спички. Онъ сидѣлъ за *магемъ* [1]), переодѣтый дѣвушкой, и выходилъ не иначе, какъ покрытый платкомъ. Этакъ онъ пробылъ у насъ нѣсколько дней, пока въ одну ночь его не забрали родные, чтобы увезти въ болѣе безопасное мѣсто.

Въ 1856, кажется, году въ м. Бѣлой Церкви я былъ свидѣтелемъ такой сцены: среди огромной, постоянно увеличивающейся подбѣгающими евреями, толпы шагомъ ѣхало нѣсколько большихъ еврейскихъ фургоновъ (брыкъ), биткомъ наполненныхъ малыми еврейчатами, которые стояли, и высовывались, и что то кричали, вытягивая въ сторону толпы руки. Изъ за неистоваго рева толпы слышались дѣтскія возгласы: мамеле! тателе! Но этотъ неистовый крикъ толпы не былъ воплемъ ужаса—это была какая то восторженная радость, необычайное веселье: всѣ прыгающіе и бѣгущіе евреи чему то радовались, кричали, плескали руками, нѣкоторые даже пресмѣшно приплясывали и всѣ тискались къ брыкамъ.

Оказалось, что изъ Василькова, уѣзднаго города, возвращены были набранные въ кантонисты еврейчата вслѣдствіе отмѣны этой мѣры. Нельзя описать всего восторга толпы евреевъ, всѣхъ тѣхъ проявленій радости, какое мнѣ пришлось видѣть въ этой торжественной процессіи. (Проводники нарочно поѣхали не въ центръ мѣстечка, а кругомъ). Но мнѣ хорошо помнится, какъ одна еврейка, протиснувшись къ брыкѣ, судорожно обхватила вы-

[1]) *Магель*—катокъ для бѣлья.

Библиотека "Руниверс"

тянувшагося къ ней сына и вмѣстѣ съ нимъ упала, обомлѣвъ отъ радости. Брыки не остановились и продолжали двигаться въ густой толпѣ, а около обомлѣвшей осталось два еврея и еврейка — видно ея близкіе—да мы, зрители этой сцены. Она, бѣдная, такъ крѣпко сжала своего уже оплаканнаго ею сына, что съ трудомъ только его высвободили. Какая то женщина-украинка принесла воды и всѣ мы столпились около сидѣвшей уже на землѣ еврейки. Она истерически рыдала и все хваталась за сына, какъ бы боясь потерять его опять. Женщины и дѣвки-украинки плакали и утирали фартухами и рукавами слезы, а мужчины только потупились.

Припоминаю еще одинъ характерный случай.

Въ большомъ селѣ около корчмы, находящейся въ центрѣ села, на площади, гдѣ по воскресеніямъ располагается базаръ, *гуляютъ* новонабранные рекруты. Тутъ же съ ними и сторожа съ *ципками*, здѣсь же и досужіе селяне, завернувшіе въ корчму ради прощальнаго угощенія рекрутъ, а кто и въ надеждѣ выпить лишнюю чарку при угощеніи. Рекрута *забиты въ дыбы* по парно. Село большое—много и рекрутъ. Они пьютъ съ знакомыми въ корчмѣ, сидятъ подъ навѣсомъ, а нѣкоторыя пары практикуются въ бѣганіи въ дыбахъ, на что́ не совсѣмъ дружелюбно посматриваютъ сторожа.

Къ корчмѣ подъѣзжаетъ на запряженной въ дышло повозкѣ еврей съ кучеромъ крестьяниномъ, останавливается и идетъ въ корчму. Его сопроваждаютъ насмѣшки; кто то нарочно кричитъ—„не бый, не бый!“ и еврей, робко озираясь, ускоряетъ шагъ, хотя за нимъ никто и не гонится, и скрывается въ дверяхъ корчмы. Рекруты обступаютъ еврейскій возокъ и кучеръ мрачно посматриваетъ на обступившихъ, подозрѣвая ихъ въ каверзности. Но ничего подобнаго въ виду хмурости кучера не предпринимается, а слѣдуютъ обыкновенные разспросы, кто, откуда и зачѣмъ. При этомъ кто то припоминаетъ, то это тотъ еврей изъ мѣстечка, который еще прошлой осенью скупалъ заячьи шкурки, воскобоину, перья и т. п. Миролюбивыя отношенія между спрашивающими и спрашиваемымъ доходятъ до того, что кто то изъ рекрутъ далъ кучеру табаку на трубку. Два рекрута,

Библиотека "Руниверс"

съ трудомъ подлаживаясь другъ къ другу въ деревянной дыбѣ, взгромоздились на возокъ и сидятъ, покуриваютъ. Выглянувшій изъ корчмы еврей приказываетъ своему кучеру напоить лошадей, чего ради тотъ и направляется съ возкомъ къ ближайшему колодцу; рекруты не слѣзаютъ съ возка, при чемъ одинъ изъ нихъ даже взялъ въ руки возжи и правитъ лошадьми. Лошади напоены, кучеръ привязываетъ къ возку цыбарку, взнуздываетъ лошадей и идетъ слѣдомъ за возкомъ—лошадьми правитъ все тотъ рекрутъ.

— Що жъ це винъ не выходыть—кони напылысь... говоритъ одинъ рекрутъ и подергиваетъ возжами и лошади отъ колодца бѣгутъ рысью. Кучеръ слабо протестуетъ „буде, буде!“ но рекруты не унимаются и объѣзжаютъ кругомъ по площади. Въ дверяхъ показывается фигура еврея, недружелюбно поглядывающаго на это катанье на его лошадяхъ, но рекруты не обращаютъ на него вниманія и къ вящшему удовольствію публики еще дѣлаютъ одинъ туръ. Публика посмѣивается, видя, какъ это передергиваетъ хозяина лошадей, кучеръ идетъ на встрѣчу ѣдущимъ со своимъ „буде, буде“. Рекруты не слушали и всѣхъ заинтересовало это столкновеніе, только одинъ изъ сторожей привсталъ съ завалинки и тревожно вперилъ глаза въ повозку. Вдругъ лошади помчались вскачь и укрытая пылью повозка исчезла въ одной изъ выходившихъ на площадь улицъ. Слышно было гиканье и еще какой то непонятный крикъ. Сторожа встревожились, поняли, что происходитъ что то неладное, и нѣсколько мужиковъ, подобравъ полы свитъ, кинулись бѣжать черезъ огороды съ крикомъ: „переймай, переймай!!“

Черезъ полчаса погнавшіеся вернулись на потныхъ лошадяхъ, взятыхъ подъ лѣсомъ, но безъ рекрутъ, оставившихъ въ возкѣ только рознятыя дыбы—колодки. Оказалось, что, повернувъ въ улицу, они, не переставая гнать лошадей, стали кричать: „Сокиру, дайте сокиру!“ пока какая то сердобольная баба, разслышавъ ихъ просьбу, бросила имъ въ возокъ сокиру, которою они и розняли колодки, и, доѣхавъ до лѣса, соскочили съ возка и ушли, забравъ съ собою и топоръ, какъ улику оказавшаго имъ помощь.

Библиотека "Руниверс"

Всѣ, разумѣется, въ душѣ одобряли молодецкую выходку рекрутъ и только сторожа, такъ ловко обманутые въ ихъ бдительности, усилили надзоръ за остальными.

Теперь новобранцы поютъ солдатскія пѣсни, а то и „Смотрю я безумно на черную шаль“, какъ это я слышалъ въ воронежской губерніи, но въ прежнее время пѣлись чисто украинскія рекрутскія пѣсни. Одну изъ таковыхъ, понравившуюся мнѣ еще подростку-гимназисту, я рѣшаюсь привесть здѣсь цѣликомъ, какъ не вошедшую ни въ одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ сборниковъ; заучилъ я ее въ Бѣлой Церкви. Вотъ она.

Та зажурылысь молоди хлопци,
Що на ногахъ кайданы:
«Ой теперь же мы, мылые братья,
Тай на викы пропалы!»
Ой йиде козакъ въ зеленый байракъ,
На грыву похылывся...
Та за нымъ, за нымъ ненька старенька:
«Не идь, сынку, вернысь!» —
— «Та не вернуся, моя матуся!
Пойду на Вкраину—
Кинь мій вороный, самъ я молодый,
Може ще й не загыну».—
Прыихавъ козакъ въ зеленый байракъ,
Ставъ коня попасаты...
А за нымъ, за нымъ соцькый зъ выборнымъ,
Щобъ у некруты його взяты.
«Ой батькы жъ мои, вы голубчыкы!
«Берить коня вороного,
«Тильки не берить у неволеньку
«Та мене молодого».
— «Мы коня возьмемъ, мы коня возьмемъ,
Коня треба глядиты,
А тебе возьмемъ на царську службу,
Тай ты будешъ служыты».
Ой за горою, за высокою,
Море корабли носытъ.
Ой тамъ нашъ козакъ на вколишкы впавъ,
Губернатора просыть:
— «Ой батьку жъ ты мій, губернаторе!
Пусты жъ мене зъ неволи!—
Стосковалася, зажурылыся [1])
Дивчынонька за мною».
— «Охъ и не пущу, охъ и не пущу,
Бо скоро не прыбудешъ...
Ой пый воду ты все дунайськую
Той про неи забудешъ».
— «Ой пывъ воду я все дунайськую
И солодкыи вына—
Покы жывъ буду, той не забуду
Мою мылу дивчыну»...

Но я заболтался, какъ говорится, и далеко отошелъ въ сторону отъ начатаго разсказа про наборъ въ нашемъ селѣ въ 1863 году. Прости мнѣ, читатель! Возвращаюсь.

---

[1]) Варіантъ.—Стосковалася, тай зъ лыця спала.

Библиотека "Руниверс"

Такъ и ходили закованные въ кандалы Михайло и Корній по селу недѣли двѣ. Водились съ ними по хатамъ и по корчмамъ и всегда около нихъ былъ кто нибудь кромѣ сторожей, то родичи, то знакомые, желавшіе угостить ихъ на прощанье. Михайло такъ и оставался понурымъ, молчаливымъ, Корній все также былъ подверженъ приступамъ бѣшенства и отчаянія, такъ что въ селѣ возбуждался вопросъ о заковкѣ его особо отъ Михайла по ногамъ и по рукамъ.

Съ 15 января въ уѣздномъ городѣ начинался пріемъ рекрутъ и къ этому времени нужно было собрать назначенныхъ въ солдаты парней со всей волости и уже вмѣстѣ везть ихъ въ городъ

13-го мы были рано разбужены лаемъ собаки и къ намъ зашли попрощаться рекруты Михайло и Корній. Опять тяжелая сцена прощанья, бряцанье кандаловъ и плачъ провожающихъ родителей.

Проводивъ ихъ, мы уже не ложились спать и всѣ нахмурились. Скоро и братъ, провожавшій рекрутъ до корчмы на горѣ, вернулся хмурый и съ заплаканными глазами. Мы его понимали и не разспрашивали. Песъ не переставалъ лаять на возвращающихся мимо моего двора съ проводъ. Аріонъ гдѣ то во дворѣ *поравъ* скотину, работница захаживалась около печи, а жена пошла навѣдаться къ овцамъ, такъ какъ со дня на день ожидался котъ овецъ.

Вдругъ является въ хату жена съ потушеннымъ фонаремъ въ одной рукѣ, раздѣтая, а другою поддерживаетъ какую то женскую фигуру въ накинутой на голову ея жениной куцынкѣ. Фигура эта была босая, съ раскраснѣвшимися на холодѣ ногами, снизу прикрытыми мережанымъ подоломъ рубахи и запаскою. Жена, какъ бы заслоняя собою эту фигуру, проводила ее въ валькиръ и, захлопнувъ двери, махнула на насъ рукою, запрещая этимъ жестомъ даже и разспрашивать. Въ валькирѣ послышалось всхлипываніе и задушаемыя рыданія. Братъ, не успокоившійся еще послѣ сценъ провожанія рекрутъ около корчмы, сердито сплюнулъ и пошелъ на другую половину, а работница, очевидно понимавшая все это, не отрывалась отъ печи, къ которой подошла и жена согрѣться противъ огня.

Библиотека "Руниверс"

Немного погодя, жена вывела изъ валькира эту фигуру, обутую уже въ какіе то сапоги, одѣтую въ кожухъ, но все таки съ закутаннымъ платкомъ лицомъ и провела ее далеко за ворота.

Оказалось, что жена во дворѣ натолкнулась на дрожащую отъ стужи, плачущую *дивчыну*, которая проспала проводы рекрутъ и, проснувшись, какъ была, босая, въ одной запаскѣ, кинулась догонять ихъ. Но на пути, посторонившись съ дороги, она изъ разговоровъ возвращающихся съ проводъ узнала, что уже поздно, и иззябшая вбѣжала къ намъ во дворъ, гдѣ и встрѣтила пріютившую ее жену. Кутаньемъ охранялась ея дѣвичья честь отъ *поговору*.

Тай забула молода дивчына роспытаты,
Чы дозволыть ій молоденькій погуляты...

вспомнилось мнѣ.

Однако жъ тотъ, кого провожала эта дивчына, Михайло—вернулся въ село: забрили Корнія.

На этомъ бы и окончить разсказъ, но мнѣ въ связи съ разсказаннымъ вспомнилось еще одно.

На слѣдующій годъ былъ опять наборъ, повторились опять тяжелыя сцены, но уже *громада*, возмужавшая и осмотрѣвшаяся въ самоуправленіи, не прибѣгала къ поголовному захвату молодыхъ людей и назначенныхъ къ сдачѣ не заковывала въ кандалы. Опять назначили того же Михайла, успѣвшаго жениться на вышереченной дѣвушкѣ, но уже не подставнымъ, а лобовымъ. Кухаренковъ было четыре брата: одинъ жилъ давно уже отдѣленнымъ, а при отцѣ жили второй братъ Гаврило и четвертый Михайло. Третій же—старшій Михайла и меньшій Гаврила,—Иванъ, или, какъ его обыкновенно звали, Иванька, съ дѣтства былъ взятъ въ господскій дворъ, гдѣ, постигнувъ поварское искусство, оставался поваромъ и послѣ освобожденія крестьянъ, разумѣется по найму. Тщедушный, худой, блѣдный, Иванька мало представлялъ шансовъ на то, чтобы его приняли въ солдаты, почему громада и рѣшила сдать Михайла. При этомъ я долженъ сказать, что Палажка, жена Михайла, нѣкоторое время жила у господъ въ Кіевѣ вмѣстѣ съ Иванькой и послѣдній былъ неравнодушенъ къ ней, но на предложеніе жениться на ней онъ всегда говорилъ,

Библиотека "Руниверс"

что онъ не годится въ мужья, не съумѣетъ жить на тяглѣ въ селѣ, не знаетъ вовсе мужицкаго дѣла, а такъ какъ внѣ сельскаго хозяйничанья онъ не могъ себѣ представить семейной жизни, то и порѣшилъ не жениться, а остаться холостякомъ. На свадьбу слюбившихся въ селѣ Михайла и Палажки Иванько не захотѣлъ пріѣхать изъ Кіева, а только въ то время, разсказывали, пилъ цѣлую недѣлю безъ просыпу.

Свадьба была въ осенній мясоѣдъ, а послѣ Новаго года Михайла повезли сдавать въ солдаты. Съ нимъ вмѣстѣ въ числѣ провожающихъ поѣхала и его молодая жена.

Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ изъ Кіева Иванька и сейчасъ же поѣхалъ въ погоню за рекрутами въ уѣздный городъ. Тамъ онъ явился въ рекрутское присутствіе и заявилъ желаніе идти на службу за брата, былъ принятъ, а Михайло съ Палажкою вернулись домой.

Борисъ Познанскій.

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго [1]).

Мои профессоры.

Итакъ завѣтныя мечты и благородныя стремленія юношей-гимназистовъ наконецъ пришли къ осуществленію: предъ нами стоитъ открытымъ святилище науки, свѣта, истины... Такимъ, по крайней мѣрѣ, представлялся намъ университетъ изъ нашего прекраснаго далека. Въ профессорѣ мы воображали найти какого то особеннаго человѣка, въ родѣ полубога Прометея, похищающаго съ неба огонь божественной мудрости, чтобы передать его смертнымъ. Съ замираніемъ сердца слушали мы восторженныя тирады заѣзжаго студента-краснобая Сени Глотова о лекціяхъ московскихъ профессоровъ [2]); внимать вдохновеннымъ рѣчамъ этихъ оракуловъ стало единственною цѣлію нашей жизни.

Что же мы нашли въ университетѣ? Осуществились ли наши мечты? Утолена ли жажда знаній, томившая насъ въ душныхъ теплицахъ гимназіи, подъ ферулою разныхъ ничтожествъ. Увы! Прометеи, въ большинствѣ, оказались такими же ничтожествами и пигмеями, какихъ мы привыкли видѣть съ гимназической скамьи, и мы горько разочаровались въ своихъ надеждахъ.

Мой современникъ по студенчеству В. Я. Шульгинъ охарактеризовалъ десятилѣтіе отъ 1839 по 1849 годъ временемъ *переходнымъ*. „Первые три года университетъ св. Владиміра развивался подъ вліяніемъ прежней школьной организаціи *обязательнаго*

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1889 г., № 10, октябрь.

[2]) Тамъ, дѣйствительно, было кого послушать (Грановскій, Рѣдкинъ, Чевилевъ, Кудрявцевъ и др.).

Библиотека "Руниверс"

слушанія лекцій смѣшанныхъ, строго нераздѣленныхъ факультетскихъ предметовъ. Потомъ, со введеніемъ новаго устава въ 1842 году, университетъ долженъ былъ перейти къ устройству, основанному на совершенно противоположныхъ началахъ—*вольнаго* слушанія и рѣзкаго спеціальнаго разграниченія факультетскихъ курсовъ"; но у насъ и послѣ введенія новаго устава, все оставалось по старому: то же смѣшеніе факультетскихъ предметовъ, то же принудительное посѣщеніе лекцій съ перекличками и тотъ же непотизмъ. Для самостоятельныхъ занятій наукой у насъ не было времени; а потому, не найдя полнаго удовлетворенія своей пытливости, мы стали учиться „не для Іисуса, а для хлѣба куса", не для науки, а службы ради, т. е. аккуратно посѣщали лекціи и зубрили профессорскія записки.

Не имѣя притязанія на историческое значеніе моихъ „Воспоминаній", по выходѣ въ свѣтъ обстоятельнаго, серьезнаго труда проф. Владимірскаго-Буданова, я коснусь лишь нѣкоторыхъ второстепенныхъ явленій и событій, насколько они имѣли отношеніе къ моей личности; вслѣдствіе чего и разсказъ мой будетъ имѣть совершенно частный, индивидуальный характеръ.

Иванъ Михайловичъ Скворцовъ.

Слушаніе лекцій началось съ богословія. Протоіерей Скворцовъ читалъ для студентовъ всѣхъ трехъ факультетовъ и всѣхъ курсовъ четырехлѣтній курсъ богословскихъ наукъ: богословіе догматическое и нравственное, церковную исторію и каноническое право. Всѣ эти предметы, исключая ц. исторіи, читались по запискамъ. „Послѣ каждой лекціи, съ неизмѣнною аккуратностію, преподаватель выдавалъ студентамъ записки по прочтенной лекціи, объемъ которыхъ никогда не превышалъ одного листа". Листъ этотъ для профессора во время чтенія служилъ конспектомъ. Соразмѣряя свои полуторачасовыя объясненія съ продолжительностію времени, Иванъ Михайловичъ всегда норовилъ такъ, чтобы лекція не превышала одного листа. При отвѣтахъ нашихъ на репетиціяхъ и на экзаменахъ никакихъ дополненій къ тому, что заключалось въ запискахъ, не требовалось; а потому мы на лекціяхъ богословія преспокойно занимались переписываніемъ лекцій по другимъ предметамъ. Этимъ, чисто

Библиотека "Руниверс"

механическимъ занятіемъ, значительно сокращалось время монотоннаго и невыносимо скучнаго чтенія, такъ что профессора слушали только сидѣвшіе на переднихъ двухъ скамьяхъ подлипалы, не сводившіе глазъ съ от. протоіерея, что ему очень нравилось. Иванъ Михайловичъ постоянно дѣлалъ переклички и назначалъ репетиціи и послѣ введенія новаго устава, которымъ отмѣнялась обязательность посѣщенія лекцій; за манкировки онъ крѣпко пробиралъ на окончательномъ испытаніи, портя иногда кандидатскіе баллы по спеціальнымъ предметамъ своими двойками.

Алексѣй Ивановичъ Ставровскій.

Послѣ гимназическихъ уроковъ нашего провинціальнаго Герена М. Г. Ерофѣева, въ университетѣ мнѣ пришлось слушать всеобщую исторію и статистику у проф. Ставровскаго. Ожидая найти въ профессорскихъ чтеніяхъ болѣе широкое міровоззрѣніе и болѣе свободы какъ въ изложеніи фактовъ, такъ и въ обобщеніи оныхъ, чѣмъ въ учительскихъ урокахъ, я на первой же полуторачасовой лекціи совершенно разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ. Профессоръ, безъ помощи тетрадки, не могъ изложить ни одного историческаго событія; рыжая голова его, какъ голова гипсовой фигурки, впродолженіе всей лекціи, находилась въ безпрерывномъ движеніи; его глаза, послѣ каждой фразы, быстро перебѣгали отъ тетрадки къ студентамъ и отъ студентовъ къ тетрадкѣ; неоднократно повторяемая попытка обойтись безъ пособія записокъ оканчивалась цѣлымъ потокомъ ненужныхъ частицъ и однозначущихъ словъ, вродѣ напр.: такимъ образомъ, извольте видѣть, собственно говоря, ну-съ, такъ сказать; городъ былъ сожженъ, разрушенъ, уничтоженъ и т. п.

Ежегодно, предъ началомъ лекцій, Алексѣй Ивановичъ рапортовалъ совѣту, что онъ будетъ читать всеобщую исторію, пользуясь сочиненіями Гиббона, Людека, Гизо, Авг. Тьерри, Шлоссера, Мишо, Ранке и др. знаменитостей; между тѣмъ на дѣлѣ оказывалось слѣдующее: записки профессора, на переписку коихъ у насъ терялась бездна времени, впослѣдствіи появились въ печати, подъ заглавіемъ: „Всеобщая Исторія Лоренца“, бывшаго профессора педагогическаго института, гдѣ воспитывался и нашъ непризванный исто-

Библиотека "Руниверс"

рикъ, который, вѣроятно, изъ признательности къ своему наставнику, не измѣнилъ въ его лекціяхъ ни іоты. Какъ жаль, что настоящій авторъ этого прекраснаго руководства запоздалъ изданіемъ его въ свѣтъ; онъ, во первыхъ, избавилъ бы насъ отъ безполезной траты драгоцѣннаго времени на переписку, а во вторыхъ заставилъ бы поработать и нашего историка надъ составленіемъ собственныхъ лекцій.

8 декабря 1841 года Ставровскій защищалъ диссертацію на степень магистра: „О значеніи среднихъ вѣковъ въ разсужденіи къ новѣйшему времени“, которую Грановскій рекомендовалъ своимъ слушателямъ, какъ „образецъ исторической нелѣпости“. На диспутѣ магистрантъ велъ себя, какъ паяцъ. Почтенный классикъ нашъ И. Я. Нейкирхъ сунулся было сдѣлать ему какое то возраженіе изъ области филологіи. „Ну, ужъ ваша филологія,—отвѣтилъ Ставровскій, не дослушавъ до конца возраженія—хороши ваши толкованія, напр. вы производите слово монголы—мы голы!“ [1]).

Въ 1843 году, неизвѣстно по какому побужденію, Алексѣй Ивановичъ, предъ началомъ семестра, заявилъ въ совѣтѣ, что онъ прочтетъ студентамъ 4-го курса исторію французской революціи, должно полагать, ради снисканія популярности, которой ему не удавалось добиться прямымъ путемъ. Читать исторію великой революціи 1789 года, въ русскомъ университетѣ 40-хъ годовъ, для всякаго другаго, болѣе даровитаго профессора, было бы дѣломъ весьма

---

[1]) Для казеннокоштныхъ словесниковъ—будущихъ учителей—на 4-мъ курсѣ существовали практическія лекціи педагогіи. А. И—чъ, цинически относившійся ко всѣмъ наукамъ вообще, а къ педагогіи въ особенности, считая ее измышленіемъ нѣмецкихъ гелертеровъ, на первой же лекціи огорошилъ насъ такою предикой: „Вамъ, гг., извѣстно, что я врагъ всяческихъ теорій и такъ называемыхъ высшихъ взглядовъ, а потому не стану переливать изъ пустаго въ порожнее. Для васъ, будущихъ педагоговъ, по моему мнѣнію, будетъ несравненно полезнѣе, если я, искушенный, такъ сказать, житейскимъ опытомъ, ознакомлю васъ съ практической стороной учительскаго званія, чѣмъ, собственно говоря, и ограничится ваша служебная каррьера... Да! а вы, гг., мечтаете переворотъ въ наукѣ произвести, великія открытія сдѣлать—не трудитесь, безъ васъ все уже сдѣлано. Никакой учености на службѣ отъ васъ не потребуется, за нее ни чиновъ, ни денегъ не дадутъ... Лучше я объясню вамъ, какъ вы должны держать себя въ отношеніи начальства, сослуживцевъ, вашихъ учениковъ и ихъ родителей“... За симъ, не будучи вовсе знакомъ съ тою средой, въ которой суждено намъ вращаться, не зная гимназическихъ порядковъ, бывшій семинаристъ приступилъ къ изложенію своей соціологіи и закончилъ „практическую лекцію“ такимъ совѣтомъ: „имѣйте, гг., волчьи зубы и лисій хвостъ!“.

Библиотека "Руниверс"

рискованнымъ. Можно ли было съ должностнымъ уваженіемъ къ истинѣ и безпристрастіемъ объяснять смыслъ и значеніе этого переворота—въ то время, когда, по словамъ Грановскаго, наша цензура не дозволяла употребить въ поваренной книгѣ выраженія: „пирогъ нужно печь въ *вольномъ духу!*“ Ужъ коли нашъ историкъ, въ присутствіи министра народнаго просвѣщенія Уварова, доказывалъ съ каѳедры, что въ древности римской республики не было, что ее выдумали нѣмцы,—то и съ революціей онъ обойдется такъ же безцеремонно: онъ ручался за свою удивительную способность даже изложеніе исторіи французской революціи опошлить и сдѣлать невыносимо скучной.

На первую лекцію Алексѣя Ивановича собралось множество слушателей: студенты всѣхъ факультетовъ, особенно спеціалисты по части революцій, поляки, побросавъ свои аудиторіи, сошлись слушать „революцію“. Предусмотрительное начальство, узнавъ о такомъ „движеніи“ молодежи, поспѣшило само придти послушать, не внушаются ли юношеству вольныя мысли, такъ какъ профессоръ почему то не захотѣлъ ограничиться какими нибудь ассиріянами и вавилонянами, а вдругъ ни съ того, ни съ сего зачиталъ чортъ знаетъ что такое—„революцію“...

Не прошло недѣли, какъ въ университетъ пожаловалъ г. попечитель. Въ аудиторіи, гдѣ обыкновенно читалась исторія, шла лекція Костыря; туда прежде всего князь и заглянулъ. Вторую лекцію въ той же аудиторіи долженъ былъ читать Ставровскій. Студенты, желая занять ближайшія къ каѳедрѣ мѣста, еще до звонка столпились въ корридорѣ и маленькой передней, подъ самыми дверями аудиторіи. Послѣ звонка, выйдя отъ Костыря, князь, увидѣлъ толкотню и давку; къ нему подскочилъ полковникъ-инспекторъ студентовъ.

— Что это? обратился къ нему попечитель.

— Революція в. с—во! брякнулъ полковникъ, вытянувшись въ струнку. Князь было смутился. Но кто то изъ студентовъ тотчасъ же успокоилъ его, доложивъ, что это не революція, а исторія французской революціи.

— А-а-а! исторія... промычалъ вполголоса князь.

Библиотека "Руниверс"

Прослушавъ лекцію, е. с—во пришелъ къ убѣжденію, что въ чтеніи профессора нѣтъ ничего революціоннаго, и что стало быть опасаться вреднаго вліянія на студентовъ нѣтъ никакого основанія.

Когда профессоръ довелъ свое „изложеніе“ до самаго разгара великой катастрофы—„когда обветшалыя, подгнившія учрежденія Людовиковъ вырваны были съ корнемъ вонъ и на развалинахъ стараго порядка вещей, въ обагренную кровію землю посажено было древо свободы“, на лекцію попечитель явился вторично. Лекторъ сдержаннымъ голосомъ началъ излагать исторію этихъ страшныхъ потрясеній основъ, стараясь, елико можаху, смягчить яркій колоритъ кровавой картины разрушенія разными ненужностями, не жалѣя при томъ крѣпкихъ словъ и эпитетовъ, которыми онъ нещадно громилъ безбожниковъ—французовъ. И все таки многое изъ того, что было приготовлено на лекцію, опущено, вслѣдствіе чего матеріалу до звонка не хватило. Лекцію свою профессоръ закончилъ нравственною сентенціей: „такимъ образомъ, господа, какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и цѣлый народъ, забывъ Бога, оставивъ религію, уничтоживъ, такимъ образомъ, разрушивъ все, что должно, такъ сказать, во всѣ времена составлять предметъ уваженія,—такимъ образомъ, говорю, какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и цѣлый народъ безъ религіи, безъ Бога существовать не можетъ: онъ погибаетъ и такимъ образомъ совершенно уничтожается, исчезаетъ“!... Но профессоръ сентенцію свою кончилъ, а предательскій звонокъ молчитъ. Настала непріятная пауза: профессоръ смотритъ на студентовъ, студенты на профессора, нѣкоторымъ почему то стало совѣстно глядѣть и они потупились. Вмѣсто „браво“, которымъ, по всей справедливости, слѣдовало бы поощрить краснорѣчиваго профессора, зазвенѣлъ колокольчикъ... et finita la comedia!...

В. Ѳ. Домбровскій.

Русскую исторію и древности читалъ бывшій воспитанникъ лицея кн. Безбородко Василій Ѳедоровичъ Домбровскій. При огромномъ ростѣ и соотвѣтствующей полнотѣ, онъ имѣлъ весьма привлекательную наружность; голубые глаза его блистали умомъ. Обладая

Библиотека "Руниверс"

при томъ необъятною памятью и увлекательнымъ даромъ слова, онъ представлялъ совершенную противоположность неказистому на видъ, нерѣчистому Алексѣю Ивановичу.

„При Домбровскомъ, говоритъ Шульгинъ, русская исторія не выходила изъ границъ учебника Устрялова и лишена была всякой самостоятельности"; затѣмъ, какъ бы въ оправданіе профессора, присовокупляетъ: „причинъ этого должно искать отчасти въ обстоятельствахъ, не зависящихъ отъ преподавателя, а отчасти въ немъ самомъ заключавшихся. Требованіямъ науки онъ не могъ удовлетворить, при всѣхъ своихъ достоинствахъ нравственныхъ, какъ благородный человѣкъ, и умственныхъ, какъ краснорѣчивый лекторъ, не получивъ серьезнаго образованія".

Если профессоръ всеобщей исторіи читалъ по готовымъ запискамъ и читалъ отвратительно, то я не нахожу никакого основанія ставить его выше Домбровскаго, который, хотя тоже придерживался Устрялова, какъ Ставровскій Лоренца, но читалъ превосходно, никогда не имѣя передъ собой даже коротенькаго конспекта. Въ чемъ же тутъ преимущество? Ученость, пріуроченная Алексѣю Ивановичу его прихлебателями, подвержена великому сомнѣнію; напечатанная имъ магистерская диссертація вовсе не составляетъ пріобрѣтенія для науки, хотя авторъ носился съ нею, „якъ съ писаною торбою".

Еще до моего поступленія въ университетъ, въ 1838 году, Василію Ѳедоровичу, вмѣстѣ съ адъюнктомъ русской словесности Красовымъ, разрѣшено было, помимо магистерскаго и докторскаго экзамена, представить и защитить докторскія диссертаціи; но оба докторанта потерпѣли на диспутѣ полнѣйшее fiasco. Какъ диссертація Домбровскаго „Объ отличительномъ характерѣ исторіи московскаго государства", такъ и диссертація Красова „О главныхъ направленіяхъ поэзіи въ англійской и нѣмецкой литературахъ въ концѣ XVIII столѣтія", были признаны совѣтомъ удовлетворительными, но докторанты не могли ихъ защитить. Ректоръ Неволинъ, говоритъ преданіе, предложилъ Красову вопросъ: „что такое изящное?" Врагъ всяческихъ научныхъ опредѣленій, восторженный поэтъ отвѣчалъ одними лишь примѣрами и сравненіями: „вообразите, говоритъ, море во время бури, нависшія надъ пропастью скалы, озаренныя блескомъ молній..., прочтите стихотвореніе Пушкина:

Библиотека "Руниверс"

Ты видѣлъ дѣву на скалѣ
Въ одеждѣ бѣлой надъ волнами,
Когда, бушуя въ бурной мглѣ,
Играло море съ берегами... и проч.

Однимъ словомъ, сказалъ въ заключеніе Красовъ, прекраснаго опредѣлить невозможно, его только можно чувствовать.

— Нельзя же, г. Красовъ, быть докторомъ чувствительности, замѣтилъ съ ядовитой улыбочкой Константинъ Алексѣевичъ и тѣмъ заключилъ пренія.

Отказъ Красову въ докторской степени совѣтомъ формулированъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „отвѣты докторанта оппонентамъ состояли, по большей части, изъ однѣхъ общихъ и неопредѣленныхъ мыслей". Потерпѣвъ пораженіе, онъ подалъ въ отставку 9 октября 1834 года и уѣхалъ въ Москву.

По свидѣтельству г. Буданова, диспутъ Домбровскаго привели къ печальному результату вѣскія и дѣльныя возраженія преосвященнаго Иннокентія.

Въ 1841 году Василій Ѳедоровичъ еще разъ пробовалъ пріобрѣсть ученую степень магистра и еще разъ потерпѣлъ неудачу, чѣмъ онъ обязанъ исключительно одному Ставровскому, человѣку завистливому и мстительному: онъ не могъ простить своему сослуживцу той популярности, которою тотъ пользовался у своихъ слушателей за свои рѣдкія нравственныя качества, чего лишенъ былъ самъ Алексѣй Ивановичъ.

Иванъ Яковлевичъ Нейкирхъ.

Переводы и объясненія греческихъ классиковъ происходили на латинскомъ языкѣ, тщательно записывались студентами и выучивались наизустъ. Лекція обыкновенно начиналась неизмѣннымъ обращеніемъ къ слушателямъ: Commilitones humanissimi! Repetendum est inde a versu N usque ad versum N. Quis vestrum repetat?

Разъ студентъ Пильчиковъ вызвался перевесть отрывокъ изъ Теокрита, имѣя передъ собой тетрадку съ готовымъ переводомъ. Прочелъ онъ до точки начало идилліи, гдѣ говорится о козахъ, а изъ тетрадки сталъ читать совсѣмъ другую идиллію, въ которой

Библиотека "Руниверс"

говорилось объ овечкахъ. Профессоръ тотчасъ догадался, въ чемъ дѣло, и съ невозмутимымъ спокойствіемъ замѣтилъ: „Humanissime Pilczykow! verte paginam!

И дѣйствительно, перевернувши въ тетрадкѣ страницу, онъ нашелъ требуемый переводъ и профессоръ вполнѣ удовлетворился его отвѣтомъ, произнося свое обычное: recte!

За повтореніемъ предыдущаго перевода слѣдовалъ новый, при чемъ Иванъ Яковлевичъ, такъ сказать, до костей разбиралъ каждый оборотъ, каждое слово, каждую частицу. Любимый конекъ его —генеалогія боговъ и героевъ. Родословную каждаго божка и каждаго героя онъ передавалъ съ большими подробностями серьезнѣйшимъ тономъ, какимъ развѣ только ученый раввинъ толкуетъ свой талмудъ.

Греческія древности, миѳологія и исторія литературы излагались также на латинскомъ языкѣ. Лекція состояла въ диктовкѣ, сопровождавшейся обильными объясненіями, при чемъ, для большей наглядности, профессоръ показывалъ студентамъ превосходныя изображенія древней архитектуры и скульптуры.

И. Я. Нейкирхъ слылъ и дѣйствительно былъ идеаломъ честности и добросовѣстности. Нужно было видѣть, что съ нимъ дѣлалось, когда онъ забывалъ названіе какого нибудь ничтожнаго городишка или годъ рожденія какого нибудь даже второстепеннаго писателя — весь сгоритъ со стыда, готовый провалиться сквозь землю. Покойный И. Я. Шульгинъ, основательно знавшій древніе языки, любилъ иногда ставить профессора въ тупикъ: не соглашаясь съ толкованіями нѣмецкихъ филологовъ—комментаторовъ, онъ высказывалъ свои собственныя объясненія спорнаго оборота. Однажды онъ до того смутилъ почтеннаго классика, что тотъ торжественно сознался въ своей несостоятельности возразить ему. Краснѣя и конфузясь, онъ сказалъ: dicam postea.

Прошла недѣля; Шульгинъ и позабылъ уже о своемъ возраженіи, какъ въ аудиторію съ сіяющимъ лицомъ влетаетъ Нейкирхъ, быстро вскакиваетъ на каѳедру, наводитъ свои очки на Шульгина и радостно возглашаетъ: domine Schulginius inveni! Значитъ, цѣлую недѣлю копался терпѣливый нѣмецъ въ фоліантахъ, чтобы разрѣшить встрѣтившееся недоразумѣніе. Долго говорилъ онъ съ жаромъ,

Библиотека "Руниверс"

измѣнивъ на сей разъ флегматическому темпераменту: глаза горятъ огнемъ, на щекахъ даже румянецъ появился. И чѣмъ же онъ такъ воспламенился? какое открытіе сдѣлалъ въ наукѣ? А вотъ какое: за недѣлю времени онъ узналъ, что думаетъ о спорномъ мѣстѣ Вольфъ, что думаетъ Гофманъ и другіе авторитеты филологіи: Volfius putat ita, Hofmanius ita, ego autem aliter puto. Полъ лекціи прошло, пока онъ распуталъ то, что, потѣхи ради, запуталъ проказникъ Шульгинъ своими возраженіями.

Нашъ историкъ Ставровскій, вообще какъ сказано, цинически относившійся къ наукѣ, трунилъ иногда надъ нѣмцами, говоря, что у нихъ достаточно открыть новую запятую въ давно знакомомъ уже текстѣ, чтобы прослыть ученымъ классикомъ. Циникъ отчасти былъ правъ. И нашъ филологъ Иванъ Яковлевичъ интересовался преимущественно самыми темными уголками классицизма и, углубляясь въ грамматическія тонкости языка, забывалъ совершенно художественную сторону греческихъ писателей. Но не такъ ли поступаютъ и нынѣшніе наши преподаватели классическихъ языковъ не только въ гимназіяхъ, но и въ университетахъ?...

А. К. Деллен.

Въ противоположность серьезному и сухому филологу Нейкирху, въ лекціи профессора римской литературы Деллена вкрадывался романтизмъ. Живая, подвижная натура этого милаго человѣка вовсе не годилась для роли заправскаго классика, который, по общепринятому мнѣнію, обязательно долженъ походить на мертвеца, вставшаго изъ могилы для того, чтобы передать живымъ людямъ о томъ, какъ живали давно истлѣвшіе греки и римляне. Особенно мило и даже игриво Александръ Карловичъ разсказывалъ анекдотъ de causa belli Trojani.

Когда богиня несогласія Дискордія обойдена была приглашеніемъ на пиршество, куда приглашены были другія богини: Юнона, Минерва и Венера, то, съ досады, бросила между нихъ яблоко, съ надписью: detur pulcherrimae! Заспорили богини, кому должно достаться яблоко? Наконецъ пригласили, въ качествѣ эксперта, спе-

Библиотека "Руниверс"

ціалиста по части женскихъ прелестей, Париса. Желая задобрить въ свою пользу судью, каждая изъ богинь посулила ему взятку:

Iuno proposuit regnum, Minerva—sapientiam, Venus autem—pulcherrimam feminarum. Paris noluit neque regnum, neque sapientiam, sed pulcherrimam feminarum. Такъ какъ между гречанками красивѣе Елены никого не было, то Венера указала Парису на нее. Онъ ее похитилъ—et haec erat causa belli Trojani!

Вѣчный адъюнктъ.

Начала греческаго языка, на первомъ курсѣ, преподавалъ Кондратій Ѳедоровичъ Страшкевичъ, замѣчательный лингвистъ и классикъ. Мнѣ пришлось учиться языку эллиновъ съ азбуки. Пробившись мѣсяца три надъ спряженіями и не замѣчая прогресса въ своихъ занятіяхъ, я обратился за совѣтомъ къ преподавателю, какимъ способомъ преодолѣть мнѣ грамматическія тонкости, потому что больно хотѣлось познакомиться съ произведеніями Гомера и Софокла не въ переводахъ, а въ подлинникѣ:

— Вставайте, по крайней мѣрѣ, впродолженіе одного года не позже 5 часовъ и учитесь до 8—тогда только вы будете знать греческія спряженія—посовѣтовалъ мнѣ Кондратій Ѳедоровичъ.

— Покорно васъ благодарю! такой жертвы я не въ силахъ принесть богамъ Греціи. Самое лучшее время для занятій употребить на зубреніе, оставивъ болѣе полезные предметы — по моему не разсчетъ.

— Ну, такъ вы никогда не будете знать греческихъ спряженій—сказалъ рѣшительно мой добрый наставникъ—и пророчество его сбылось: τύπτω навсегда осталось для меня камнемъ преткновенія.

Увы! я позабылъ языкъ Эсхила...
На все жъ скажу, что школа сущій кладъ:
Тамъ созрѣваетъ мысль, тамъ крѣпнетъ сила. *(Байронъ)*.

Monsieur Борель.

Въ росписаніи лекцій значились новѣйшіе иностранные языки, съ ихъ литературами: французскій, нѣмецкій, итальянскій; но по-

Библиотека "Руниверс"

бывавши на лекціяхъ всѣхъ трехъ лекторовъ, я увидѣлъ, что это чистѣйшая потеря времени. М-г Борель 29 лѣтъ переводилъ одного и того же поэта du grand siècle или, точнѣе, переводилъ не онъ — онъ только говорилъ oui! а студенты, потому что сей французъ, хотя жилъ въ Россіи болѣе 30 лѣтъ, не унизилъ достоинства своей великой націи до того, чтобы научиться варварскому языку русскому: за четыре года я не слыхалъ отъ него ни звука русскаго. Что касается т. н. исторіи французской литературы, то она всл заключалась въ мизерной тетрадкѣ, съ кратенькими біографіями писателей, состоявшими изъ анекдотовъ, которые, кажется, только и зналъ г. лекторъ и весьма пикантно разсказывалъ ихъ двумъ-тремъ слушателямъ, забревшимъ, отъ нечего дѣлать, къ нему въ аудиторію. Для характеристики французскихъ писателей у нашего мусью была всегда на готовѣ стереотипная фраза: объ одномъ напр. авторѣ онъ скажетъ: il avait beaucoup d'esprit, mais un peu d'imagination; а о другомъ наоборотъ: il avait beaucoup d'imagination, mais un peu d'esprit.

К р а у з е.

Втеченіе 30 лѣтъ своей учебной службы, Herr Краузе переводилъ студентамъ перваго курса ежегодно „Тридцатилѣтнюю войну“ Шиллера, а для слушателей прочихъ курсовъ читалъ исторію нѣмецкой литературы, но читалъ такъ, что никто ничего не могъ понять. Хотя физіономія лектора напоминала портретъ Гёте, но несмотря на такое сходство его съ геніальнымъ нѣмецкимъ поэтомъ, ему все-таки приличнѣе было бы продавать колбасы, чѣмъ читать лекціи въ университетѣ и говорить о поэзіи Шиллера; его тупому пониманію die Poesie der Würsten была бы гораздо доступнѣе, чѣмъ поэтическія красоты Донъ Карлоса и Вильгельма Теля. Краузе принадлежалъ къ разряду тѣхъ нѣмцевъ, которые отправляются nach Russland съ тою цѣлію, съ какою другіе европейцы стремятся въ Калифорнію: одни дѣлались профессорами и гувернерами, другіе, за неимѣніемъ вакансій,—колбасниками и сапожниками.

Библиотека "Руниверс"

Изъ этого краткаго перечня посѣщаемыхъ мною лекцій можно усмотрѣть, что розовыя мечты о „святилищѣ науки“ разлетѣлись прахомъ. Я скоро разочаровался въ воображаемыхъ оракулахъ. Существенной разницы между гимназіей и университетомъ не оказалось: лекціи, какъ и уроки, были обязательны; то же зубреніе записокъ, тотъ же звонокъ, тотъ же карцеръ и тѣ же экзамены по билетамъ, что и въ гимназіи. Положеніе студента, который захотѣлъ бы узнать больше того, что заключалось въ запискахъ, было весьма непривлекательно: у него рѣшительно не оставалось времени для занятій самостоятельныхъ. Развѣ въ больницу уйдешь на какую нибудь недѣлю и тамъ, благодаря покровительству доктора Щербины, займешься чѣмъ нибудь серьезнымъ. Вотъ гдѣ кроется между прочимъ причина поверхностнаго образованія, какимъ въ большинствѣ отличались тогдашніе воспитанники университета. Мы понимали отлично, чего намъ не доставало, но лишены были возможности пополнить пробѣлы въ своихъ познаніяхъ самостоятельнымъ трудомъ.

Лекціи, наиболѣе приближавшіяся къ идеалу университетскаго преподаванія и представлявшія для насъ живой интересъ, были: по рус. словесности Н. Т. Костыря и по философіи О. М. Новицкаго и П. С. Авсенева. Такъ какъ до и послѣ Костыря каѳедру русской словесности довольно долго занимали профессоры иного пошиба и направленія, отразившагося на цѣломъ поколѣніи студентовъ, то я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ и о нихъ.

Московская школа словесниковъ.

Московскіе профессоры Мерзляковъ и Шевыревъ образовали на Руси особую школу профессоровъ—диллетантовъ. Это были не ученые въ строгомъ смыслѣ слова, а скорѣй любители изящнаго, эстетики—меломаны. Въ ихъ лекціяхъ проявлялся не строго аналитическій умъ ученаго, опирающійся на незыблемыя начала науки, а вдохновеніе поэта, не подчиняющееся никакимъ началамъ, чуждое логической послѣдовательности. Ихъ лекціи представляли не строгую систему истинъ, а скорѣе лирическій безпорядокъ—desordre lyrique. Прославившійся своимъ вліяніемъ на аудиторію Мерзляковъ къ умозрительнымъ системамъ нѣмецкихъ эстетиковъ всегда относил-

Библиотека "Руниверс"

ся презрительно: „вотъ гдѣ система!“ говорилъ онъ своимъ слушателямъ, указывая на сердце. „Произведенія искусствъ, по его мнѣнію, не подвержены строгимъ правиламъ и не могутъ имѣть постоянной системы или науки изящнаго; самое прекрасное чуждо всякихъ законовъ“. Поэтому въ теоріи своего предмета Мерзляковъ стоялъ ниже всякой критики; историческое значеніе науки было также ему чуждо.

О преемникѣ Мерзлякова, Шевыревѣ В. В. Кирѣевскій даетъ такой отзывъ: „читать писаній Шевырева невозможно: языкъ такой изысканный, неточный, поставленный на ходули, поднятый на дыбы. Это не есть недостатокъ краснорѣчія (онъ, подобно Мерзлякову, импровизировалъ лекціи), нѣтъ, это умышленное терзаніе языка. Шевыревъ словечка не скажетъ въ простотѣ, все съ ужимкой, да какой!“

Красовъ читалъ „теорію краснорѣчія“, слѣдуя обычаю московской школы, à la Мерзляковъ — подъ вліяніемъ минуты, съ необыкновеннымъ жаромъ, но безъ обдуманнаго плана и предварительнаго приготовленія. Ему недоставало ни свѣдѣній, ни терпѣнія къ пріобрѣтенію познаній. Восторженное состояніе, въ которомъ онъ находился постоянно, было скорѣе дѣломъ фантазіи, болѣзненно развитой на счетъ другихъ душевныхъ силъ. Диллетантизмъ, нетерпимый въ наукѣ, въ школѣ московскихъ словесниковъ пріобрѣлъ, такъ сказать, право гражданства: науку о словѣ они третировали не какъ науку, а какъ искусство красно говорить. Подкожный жаръ, звучныя фразы, искусственный пафосъ, театральные жесты — замѣняли у нихъ спокойное, строго научное изложеніе предмета. Не одинъ Красовъ, но и позднѣйшіе послѣдователи Шевырева были лишь „докторами чувствительности“.

„Краснобайство, напр. Селина,. говоритъ одинъ изъ его слушателей (Авсѣенко), не знало предѣловъ. Онъ сидѣлъ совершеннымъ шутомъ на каѳедрѣ, кривлялся, скалилъ зубы, закатывалъ глаза — однимъ словомъ изображалъ актера, срывающаго рукоплесканія съ александринскихъ верховъ. Съ каѳедры лилась разнузданная болтовня о Малороссіи, о Польшѣ, о Мицкевичѣ, о Погодинѣ и т. п.“ — „Къ Селину, говоритъ историкъ университета св. Владиміра, проф. Будановъ можно примѣнить стихъ Толстого: „Коль любить такъ съ

Библиотека "Руниверс"

горяча, коль рубить, такъ ужъ съ плеча!" Имѣя натуру проповѣдника и оратора, онъ не удовлетворялся ровнымъ теченіемъ фактовъ своей науки, и еще менѣе логическою связью отвлеченныхъ положеній ея; какъ ораторъ и публицистъ, онъ любилъ собирать большую аудиторію, любилъ сценическую обстановку и овація. Ученымъ филологомъ онъ никогда не былъ".

Производимое на слушателей лекціями Селина впечатлѣніе можно уподобить дѣйствію музыки: слушать его—наслажденіе, какое испытываешь въ музыкальномъ концертѣ. Подобно ловкой игрѣ виртуоза, лекціи эти дѣйствовали на душу сильно, но безотчетно и даже безслѣдно: ихъ трудно было воспроизвести, изложить послѣдовательно на бумагѣ.

Для того чтобы получить каѳедру русской словесности, по мнѣнію московскихъ эстетиковъ, достаточно было имѣть даръ слова и врожденное чувство изящнаго—качества, какими можетъ обладать не только поэтъ, подобный Красову, котораго рекомендовалъ ректору Максимовичу Погодинъ, но и натуралистъ, какимъ былъ, по своей спеціальности, самъ Максимовичъ. Пробывъ два года на факультетѣ словесномъ, восхищаясь „обаятельнымъ словомъ Соловія нашего времени" т. е. Мерзлякова, Михаилъ Александровичъ перешелъ на физико-математическій факультетъ, что однакожъ не помѣшало ему, въ качествѣ любителя, посѣщать лекціи Давыдова; тѣмъ не менѣе спеціальный предметъ его изученія была ботаника и онъ изъ профессора ботаники не задумался перейти на каѳедру русской словесности.

Вслѣдствіе подобнаго же легкаго отношенія къ профессорскому званію, воспитанникъ гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородка—заведенія съ энциклопедическимъ, а слѣдовательно и весьма поверхностнымъ курсомъ,—нашъ великій писатель Гоголь возмечталъ сдѣлаться профессоромъ и даже не русской словесности (это бы, по тогдашнему взгляду, ему было бы сподручнѣе), а всеобщей исторіи, дерзнувъ вступить въ конкурренцію съ Цыхомъ, человѣкомъ высокой эрудиціи и увы! такъ безвременно похищеннымъ у науки смертію. Извѣстно, что Гоголь былъ геніальный писатель, но весьма жалкій ученый. Въ воспоминаніяхъ Тургенева мы нашли интересную характеристику Гоголя, какъ адъюнкта петербургскаго университета

Библиотека "Руниверс"

въ 1835 году. „Гоголь, говоритъ онъ, изъ трехъ лекцій въ недѣлю, непремѣнно пропускалъ двѣ и когда появлялся на каѳедрѣ, то не говорилъ, а шепталъ что то весьма несвязно. Мы всѣ были убѣждены, что онъ ничего не смыслитъ въ исторіи. На экзаменахъ онъ не разѣвалъ рта: студентовъ за него спрашивалъ И. П. Шульгинъ. Понимая весь комизмъ своего положенія, онъ подалъ въ отставку".

И послѣ такого полнѣйшаго fiasco на профессорскомъ поприщѣ, Гоголь все таки добивался каѳедры ординарнаго профессора исторіи въ университетѣ св. Владиміра, надѣясь на протекцію Пушкина и ректора Максимовича. Въ письмѣ своемъ отъ 13 мая 1834 года онъ проситъ поэта „похлопотать предъ Уваровымъ о профессорствѣ въ Кіевѣ и для большаго эффекта сказать, будто Гоголя засталъ еле жива". Потерпѣвъ неудачу, онъ разразился сильною бранью на ни въ чемъ неповинныхъ кіевскихъ профессоровъ:

„Ну, какой сволочи набрали въ вашъ кіевскій университетъ! пишетъ онъ учителю волынской гимназіи В. В. Тарновскому, жаль бѣднаго Максимовича, что онъ попалъ между нихъ. Я самъ было думалъ въ Кіевъ, да къ счастью не сошелся съ вашимъ Брадке". Самъ потерпѣвъ неудачу, Гоголь сталъ рекомендовать Максимовичу въ адъюнкты русской словесности Тарновскаго, на что М. А--чъ изъявилъ полнѣйшее согласіе; но попечитель отказалъ ему и въ этомъ ходатайствѣ. Изъ переписки Гоголя съ Максимовичемъ мы узнаемъ, какіе совѣты предлагалъ авторъ „Мертвыхъ Душъ" своему земляку относительно преподаванія словесности: „Не сиди надъ книгами! Говори свое, и то какъ можно поменьше. Лучше всего ты дѣлай со студентами эстетическіе разборы" (и въ этомъ видно вліяніе московской школы). Но Михайло Александровичъ и безъ того, сознавая свою слабую сторону, никогда не рисковалъ слишкомъ вдаваться въ исторію, ограничивая свои лекціи одною лишь исторіею литературы и предоставляя своему адъюнкту Красову восторгаться изящнымъ. Но чтобы не наскучить своимъ слушателямъ номенклатурой духовныхъ писателей и ихъ писаній, онъ разнообразилъ свои лекціи разборомъ южно-русскихъ думъ и пѣсенъ, а также стихотвореній новѣйшихъ лириковъ, и это, по мнѣнію слушателей его,

Библиотека "Руниверс"

были самыя занимательныя изъ его чтеній или, лучше сказать, импровизацій, которыя и составили ему репутацію краснорѣчиваго словесника, достойнаго послѣдователя Морзлякова.

Николай Трофимовичъ Костырь.

По выходѣ въ отставку Максимовича и его адъюнкта Красова, на каѳедру русской словесности вступилъ прямо со студентской скамьи 23-хъ лѣтній кандидатъ Костырь. Ему поручено было на первыхъ порахъ преподаваніе исторіи древней русской литературы. Подробное изложеніе памятниковъ до-петровскаго періода—плодъ самостоятельнаго изученія—сопровождалось ихъ критическимъ разборомъ, при чемъ молодому ученому приходилось говорить о такихъ произведеніяхъ, которыя, съ одной стороны, не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ выраженію внутренней жизни русскаго народа, ни къ искусству, ни къ наукѣ, а съ другой стороны, по обязательности программы они должны были удержать за собой значеніе историческое. Острота, сказанная на счетъ подобнаго рода памятниковъ студентомъ Лузгановымъ, не лишена основанія: „попъ попу писалъ записку, прося его прислать ему меду, а наши словесники перехватили записку да и внесли въ литературу“.

Вполнѣ сознавая несостоятельность своего предмета, какъ науки, профессоръ тѣмъ не менѣе обязанъ былъ ex officio читать лекціи о Лукѣ Жидятѣ, о Кирикѣ, о разныхъ Кириллахъ и т. п., дѣлать подробный анализъ ихъ писаній, какъ бы для того, чтобы еще нагляднѣе убѣдить своихъ слушателей въ полнѣйшемъ отсутствіи въ нихъ литературнаго значенія. Изложеніемъ исторіи древняго періода р. литературы Николай Трофимовичъ, замѣтно было, сильно тяготился; только и отведетъ бывало душу на „Словѣ о полку Игоревѣ“, а добравшись до новѣйшаго періода русской литературы, онъ воодушевлялся и воодушевлялъ свою аудиторію, держась всегда на высотѣ своего призванія.

Не уступая даромъ слова своимъ предмѣстникамъ Красову и Максимовичу, онъ внесъ въ преподаваніе словесности чуждый имъ элементъ—философскій. Не нужно забывать, что нашъ Костырь вовсе не былъ подготовленъ преподаваніемъ Максимовича къ философ-

Библиотека "Руниверс"

скому взгляду на свой предметъ. Теорію прозы и теорію поэзіи онъ сталъ излагать самостоятельно, по сочиненіямъ нѣмецкихъ эстетиковъ, избравъ пособіемъ для своихъ чтеній словарь Сульцера и эстетику Гегеля. Съ необыкновенной энергіей принялся онъ за изученіе своего предмета и съ наслажденіемъ дѣлился съ нами плодами своихъ кабинетныхъ занятій. Лекторъ зналъ хорошо степень подготовки своихъ слушателей для усвоенія отвлеченныхъ теорій нѣмецкихъ философовъ и потому старался, насколько возможно, упростить тяжеловѣсные трактаты ихъ объ идеѣ, о словѣ, объ изящномъ и т. д., низводя ихъ до средняго уровня нашего развитія. Не переводя духу, втеченіе цѣлаго часа, излагалъ онъ свою лекцію, ни на одно мгновеніе не задумываясь, не допуская и тѣни какого нибудь пустаго фразерства. Нѣкоторые изъ насъ упрекали его въ темнотѣ изложенія, въ многословіи, но недостатокъ этотъ, неизбѣжный въ каждомъ начинающемъ свое поприще профессорѣ, со временемъ долженъ былъ исчезнуть; жаль только, что ему не дали „выговориться“. Въ немъ заключались всѣ задатки того, чтобы сдѣлаться превосходнымъ профессоромъ: обнаруживъ необычайную силу и быстроту концепціи, огромную начитанность, онъ съ честію занималъ каѳедру русской словесности, справляясь одинъ съ тремя предметами за адъюнктское жалованье!

Обремененный, при слабомъ здоровьи, изнурительными трудами, немыслимыми для всякаго другаго менѣе даровитаго профессора, Николай Трофимовичъ былъ лишенъ возможности приступить къ магистерскому экзамену ранѣе 1842 года. Занеимѣніемъ въ наличномъ составѣ профессоровъ спеціалиста по его предмету, на экзаменъ былъ приглашенъ Максимовичъ. Столкнулись два поколѣнія и два типа словесниковъ совершенно различные: Максимовичъ —филологъ самоучка, незнакомый вовсе съ исторической литературой языка, заботившійся лишь „о чистотѣ русскаго языка“, и Костырь— интересовавшійся философскими основаніями языкознанія „вообще“, увлекавшійся положеніями философіи Канта и Гегеля.—Костырь считалъ возраженія Максимовича нестоющими серьезнаго опроверженія, мелочами. Максимовичъ заявлялъ, что магистрантъ въ русской словесности хочетъ видѣть выраженіе не писателей, и не своего народа, а человѣческаго духа... Такъ космополитическія на-

Библиотека "Руниверс"

чала науки, выдвинутыя нѣмецкой философіей, были непонятны и чужды старому представителю національныхъ интересовъ!

Михайло Александровичъ вообще былъ врагъ всяческихъ философскихъ теорій. Въ частномъ разговорѣ съ О. М. Новицкимъ онъ сталъ однажды отвергать пользу преподаванія исторіи философіи въ университетахъ, на что ему Орестъ Марковичъ возразилъ: „ежели бы вы, М. А-чъ, учились философіи, то въ вашей книгѣ (Исторія р. литературы, преимущественно древней) писатели не цѣплялись бы одинъ за другаго, „якъ старци“, и дѣленіе науки на главы и періоды не было бы такъ неосновательно и произвольно. Позвольте вамъ замѣтить, что безъ философіи немыслима ни одна наука“ [1]).

По всему было видно, что М. А-чъ отжилъ свое время. По ходатайству М. В. Юзефовича, въ 1843 году, кн. Давыдовъ пригласилъ Максимовича читать лекціи русской литературы по найму, съ платою по 14 рублей за часъ. Но проживъ на своей Михайловой горѣ четыре года въ отставкѣ, нашъ словесникъ еще болѣе отсталъ отъ науки и конечно не могъ удовлетворить любознательности своихъ слушателей, затронутой чтеніями Костыря. Читалъ же онъ свои лекціи по своей печатной книжкѣ слово въ слово, прерывая по временамъ скучное до тошноты перечисленіе писателей духовнаго чина разсказами о своемъ знакомствѣ съ Пушкинымъ, Гоголемъ, Иннокентіемъ и др. знаменитостями, да ожесточенными нападками на барона Брамбеуса.

Въ 1844 году Николай Трофимовичъ блистательно защитилъ свою магистерскую диссертацію и удостоенъ степени магистра, хотя утвержденъ въ этой степени только черезъ годъ.

На диспутѣ я не присутствовалъ, находясь уже на службѣ; но у меня сохранилось письмо одного моего пріятеля — студента, въ которомъ описанъ этотъ диспутъ. Помѣщаю здѣсь нѣкоторыя отрывки.

Первое возраженіе сдѣлано Максимовичемъ, по поводу неважной грамматической ошибки въ диссертаціи. Препирались довольно

[1]) „Періоды характеризуются Максимовичемъ не степенями развитія словесности, а внѣшними, не относящимися къ ней фактами и обстоятельствами, да и нѣтъ единства въ дѣленіи“ (см. критику Каткова на „Исторію литературы, преимущественно древней“).

Библиотека "Руниверс"

долго. Наконецъ Костырь сказалъ: „чтобы прекратить пустой споръ, я соглашаюсь, что это ошибка, хотя въ душѣ никогда съ вами не соглашусь“.

М—чъ: Отчего вы употребляли слово субъективность, а не личность?

К—рь: Оттого, что „личность“ у насъ слово неудобное, оно не можетъ быть приложено къ поэзіи.

М—чъ: Вотъ это мѣсто у васъ неясно изложено.

К—рь: Что для васъ неясно, то для меня очень ясно.

М—чъ: Зачѣмъ вы пишете „гуманистическій“, а не гуманическій?

К—рь: Это одно и то же. По латыни—humanus, по французски—humain, по нѣмецки—humanistische; вы переводите съ французскаго, а я съ нѣмецкаго. Но Боже мой! давайте мнѣ мыслей, не словъ и я буду защищать мои тезисы до послѣднихъ силъ.

Долго еще длился споръ и все о пустякахъ. Одинъ только О. М. Новицкій дѣлалъ возраженія, какъ должно, и на нихъ Костырь отвѣчалъ прекрасно. Подъѣхалъ къ магистранту съ возраженіями, натурально не безъ задней мысли, пріобрѣвшій впослѣдствіи печальную извѣстность издатель „Домашней Бесѣды“ Викторъ Ипатьичъ Аскоченскій. „Что дѣлаетъ для насъ гуманизмъ?“ спросилъ онъ. Костырь чуть не задушилъ его своимъ отвѣтомъ. Но когда тотъ предложилъ ему еще одинъ вопросъ, касающійся религіи, то Костырь, отгадавъ его мысль, наказалъ его полнѣйшимъ презрѣніемъ.

Дѣлалъ возраженія и нашъ историкъ Ставровскій. Наговорилъ онъ, по своему обыкновенію, много пошлостей, вовсе не идущихъ къ дѣлу.

К—рь: Я вамъ, Алексѣй Ивановичъ, говорю о поэтическомъ, объ изящномъ, а вы мнѣ толкуете о скотахъ и лошадяхъ.

Такимъ образомъ мучили нашего Костыря часа два. Онъ горячился и задыхался отъ негодованія, и когда Максимовичъ снова присталъ съ своими указаніями на разныя мѣста диссертаціи, что вотъ это для меня непонятно и проч., Костырь спросилъ его: „читали ль вы, Михаилъ Александровичъ, мою диссертацію?“

М—чъ: Нѣтъ не читалъ.

К—рь: Оттого для васъ и непонятно, а тамъ все объяснено. Да вотъ, напр., хотя это мѣсто.

Библиотека "Руниверс"

Затѣмъ кинулся къ диссертаціи, открылъ одно превосходное мѣсто, поднесъ съ самому носу М—ча и прочелъ. Все это онъ продѣлалъ такъ быстро, что тотъ не успѣлъ ничего возразить.

Когда Ѳедотовъ-Чеховскій сдѣлалъ было тоже какое то замѣчаніе въ родѣ того, что диспутантъ не слушаетъ оппонента, а прерываетъ его, не давая ему высказаться, К—рь сказалъ:

— Не ваше дѣло: на то есть деканъ, а не вы.

Послѣ краткаго совѣщанія членовъ факультета, деканъ Нейкирхъ поздравилъ Николая Трофимовича магистромъ.

Максимовичъ протестовалъ.

Въ 1846 году Костырь перешелъ на каѳедру русской филологіи, науки совершенно несродной его пылкому темпераменту. Вдавшись въ своихъ лекціяхъ въ весьма отдаленныя и туманныя сферы сравнительнаго языкознанія и философскихъ основаній языка, онъ не приносилъ уже своимъ слушателямъ той пользы, какую приносилъ преподаваніемъ р. словесности. Филологія его доканала, вогнавъ въ чахотку, отъ которой онъ и умеръ въ Харьковѣ въ 1854 году.

Былъ слухъ, якобы Костырь на докторскомъ диспутѣ высказалъ какія то обидныя для духовенства мысли и что по этому онъ не могъ оставаться въ Кіевѣ, хотя на диспутѣ ничего подобнаго не было, но все таки министръ нашелъ нужнымъ перемѣстить его въ Харьковъ.

Незабвенный профессоръ нашъ Николай Трофимовичъ—личность въ высокой степени даровитая и симпатичная. Къ сожалѣнію, наши кіевскіе принцапалы не съумѣли оцѣнить его по достоинству, предъявляя ему свои нелѣпыя притязанія на уваженіе, какого они вовсе не заслуживали...

Еще нѣсколько словъ о моихъ личныхъ отношеніяхъ къ Николаю Трофимовичу.

Въ послѣдній годъ моего пребыванія въ университетѣ, я имѣлъ случай съ нимъ сблизиться. Въ это время онъ готовилъ свою магистерскую диссертацію: „Батюшковъ, Жуковскій и Пушкинъ“. Переписчики—семинаристы два раза испортили рукопись множествомъ ошибокъ; авторъ сердился, бросалъ имъ деньги и тутъ же рвалъ въ клочки ихъ маранье. Окончивъ экзамены, мы съ Малавскимъ

Библиотека "Руниверс"

предложили свои услуги. Профессоръ съ удовольствіемъ принялъ наше предложеніе и мы втеченіе двухъ недѣль ходили къ нему на квартиру, оставаясь у него съ утра до поздняго вечера, а иногда и ночевали въ его квартирѣ. Жилъ онъ въ это время на Подолѣ въ большомъ купеческомъ домѣ, держалъ тройку вороныхъ, одѣвался изящно, лучше всѣхъ въ городѣ; баринъ задумалъ дескать жениться, да еще на аристократкѣ... Н. Т—чъ сильно увлекся ею, написалъ множество стиховъ, а еще болѣе надѣлалъ долговъ. Ему отказали. Съ горя Николай Тр—чъ ударился въ другую крайность: переселившись изъ купеческихъ хоромъ въ скромную квартирку П. С. Авсенева, онъ, подъ руководствомъ хозяина, сталъ залѣчивать сердечную рану нѣмецкой философіей. Потомъ, отрезвившись, принялся за филологію.

Въ интимныхъ бесѣдахъ нашихъ, по вечерамъ, у насъ выработался планъ ученой экспедиціи по кіевской, черниговской и полтавской губерніямъ для изученія мѣстныхъ говоровъ, съ участіемъ трехъ студентовъ; пишущаго эти строки—для черниговской, Аѳанасія Маркевича—для полтавской и Малавскаго—для кіевской губерніи. Проектъ Костыря не осуществился: разбилъ его въ совѣтѣ А. И. Ставровскій, насмѣшливо относившійся ко всему, что выходило изъ ряда формальнаго выполненія служебныхъ обязанностей. Мысль Николая Трофимовича, такъ блистательно осуществившаяся чрезъ 30 лѣтъ, по иниціативѣ П. П. Чубинскаго, не нашла поддержки и сочувствія въ ученомъ собраніи, между тѣмъ какъ наша экскурсія принесла бы, несомнѣнно, больше пользы, чѣмъ нелѣпое отыскиванье кладовъ, предпринятое тѣмъ же бездарнымъ историкомъ и стоившее университету не малыхъ издержекъ. Не дешево обошелся университету найденный Алексѣемъ Ивановичемъ котелокъ съ древностями, поднесенный имъ Д. Г. Бибикову и извѣстный подъ названіемъ „бибиковскаго горшка“. Почти столько же пользы принесли для науки и экскурсіи другаго ученаго мужа, великаго мастера разсказывать о своихъ путешествіяхъ, съ прибавкой множества анекдотовъ, изъ которыхъ видно, что спеціальная цѣль командировокъ на казенныя деньги отходила у него на второй планъ и что г. профессоръ ѣздилъ больше для моціона и развлеченія.

Библиотека "Руниверс"

О. М. Новицкій.

Хотя почтенный Михаилъ Александровичъ и отвергалъ пользу преподаванія въ университетахъ философіи, но мы, по собственному опыту, пришли къ совершенно иному убѣжденію. Лекціи Ореста Марковича по психологіи, логикѣ и древней философіи принесли несомнѣнную пользу нашему умственному развитію. Чтенія его отличались необыкновенною ясностію и полнотою изложенія и заключали въ себѣ великій интересъ для слушателей. Лекціи Новицкаго, по словамъ г. Владимірскаго-Буданова, могли быть понятны для ученика IV класса гимназіи. Прослушавъ у него курсъ психологіи и логики въ первые два года университетскаго курса, мы незамѣтнымъ образомъ почуствовали себя въ силахъ понимать философскія сочиненія и разсуждать объ отвлеченыхъ предметахъ съ логическою послѣдовательностью. Такой прогрессъ въ нашемъ умственномъ развитіи положилъ рѣзкую грань между гимназическимъ и университетскимъ образованіемъ. Многое намъ представилось въ иномъ свѣтѣ и въ наукѣ, и въ жизни... Да, философія великая наука! Недаромъ ее въ древности величали „наукою наукъ“.

Послѣ 1848 года положенъ конецъ „обольстительнымъ мудрованіямъ философіи“, какъ выражался министръ народнаго просвѣщенія Ширинскій-Шихматовъ. Вмѣсто уволеннаго въ отставку Новицкаго, въ началѣ 50-хъ годовъ, въ университетѣ св. Владиміра, сталъ читать свою „логику“ протоіерей Скворцовъ...

П. С. Авсеневъ.

На III курсѣ, отъ Ореста Марковича, мы перешли къ Авсеневу на исторію новѣйшей философіи совершенно подготовленными къ воспріятію глубины премудрости Канта, Фихте и Гегеля. Характеристику Петра Семеновича, какъ профессора и человѣка, можно найти въ отзывѣ о немъ его ученика и сослуживца по духовной академіи А. И. Капустина (въ монашествѣ Антонина), помѣщенную въ біографическомъ словарѣ профессоровъ кіевскаго университета (К. 1884, стр. 6—11).

Библиотека "Руниверс"

Незадолго до того, заслуги Авсенева (въ монашествѣ Ѳеофана) нашли другого достойнаго цѣнителя въ профессорѣ кіев. дух. академіи Малышевскомъ, а потому я не стану распространяться о немъ.

Товарищъ мой Андрюша Блотницкій, жившій на Подолѣ по сосѣдству съ Петромъ Семеновичемъ, много разсказывалъ о домашней жизни этого труженика науки. Самъ онъ до того увлекся его нравственными качествами, что принялъ его за образецъ для себя и въ 20 лѣтъ сдѣлался совершеннымъ аскетомъ. Единственнымъ развлеченіемъ для моего пріятеля, при изнурительныхъ и часто безплодныхъ его занятіяхъ, стали гусли, на которыхъ онъ разыгрывалъ божественные канты, слѣдуя примѣру своего идеала П. С—ча, отъ него же Андрюша получалъ и ноты духовныхъ пьесъ, пользуясь по временамъ его музыкальными уроками. По словамъ Капустина, Авсеневъ любилъ музыку не столько за ея пріятность, сколько за математическое и психологическое значеніе.

Къ сожалѣнію, мой коллега былъ человѣкъ мало даровитый. Усиленнымъ трудомъ онъ думалъ замѣнить недостатокъ способностей и вогналъ себя въ чахотку, чему не мало способствовала скаредность отца, который во всемъ ему отказывалъ, даже въ самомъ необходимомъ. Умеръ Андрей, находясь уже на III курсѣ. Отецъ до того простеръ свою скупость, что наотрѣзъ отказался хоронить своего сына, отговариваясь неимѣніемъ денегъ; а человѣкъ онъ былъ не бѣдный, обладая тремя домами на Спасской улицѣ. Товарищи сдѣлали складчину и похоронили на свой счетъ. Въ складчинѣ принялъ участіе и Петръ Семеновичъ и присутствовалъ на погребеніи.

М. К. Чалый.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

87.

Палка сватовъ.

Въ Малороссіи сваты являются въ домъ невѣсты съ хлѣбомъ, солью и водкой. При этомъ они имѣютъ съ собою палку. Вообще, въ селахъ мужчины носятъ палки, что обусловлено отчасти необходимостью защищаться отъ собакъ, отчасти народнымъ понятіемъ о томъ, что людямъ пожилымъ прилично ходить съ палкой. Точно такое же воззрѣніе на посохъ имѣютъ въ настоящее время болгары (по сообщенію проф. *М. С. Дринова*). Въ Спартѣ посохъ обязательно носили, выйти безъ него на улицу считалось неприличіемъ. Въ Аѳинахъ посохъ до временъ Демосѳена былъ обязателенъ для всякаго благовоспитаннаго человѣка (*Магаффи*, Др.-греч. жизнь, 39). Малорусскіе сваты, или старосты, какъ люди степенные, уважаемые въ селѣ, идутъ всегда съ посохомъ. Въ повѣсти Квитки „Маруся“—„ввійшлы въ хату двое старостивъ, людо хороши, мищане, у сынихъ жупанахъ, аглыцкои каламайкы, поясами попидперизуваны, зъ палычкáми, и у старшого старосты хлибъ святый у рукахъ“; въ другомъ разсказѣ Квитки „Пидбрехачъ“ сватъ Остапъ приглашаетъ къ себѣ на помощь своего пріятеля Самійла. „Я буду почынаты брехаты, говоритъ онъ, а ты пидбрихуй“... „Добре, зъумію; пиду добуду палычку и зайду за тобою“—отвѣтилъ Самійло (*Квитка*, изд. 1887, I, 66, II, 194). Въ Галиціи надъ р. Збручемъ на невѣсту надѣваютъ вѣнокъ, и потомъ староста, имѣя въ рукахъ для

[1]) См. „Кіевская Старина“ № 11, октябрь.

Библиотека "Руниверс"

почета палку, ставитъ молодую передъ ея родителями и проситъ о благословеніи ея (*Основа* 1862, IV, 10). Въ описаніи малорусской свадьбы въ началѣ второй половины прошлаго вѣка находится прямое указаніе, что парубокъ женихъ вручалъ двумъ своимъ сватамъ по палкѣ „въ знакъ ихъ отъ него полномочія и посольства“ (*Калиновскій*. 1777 г., с. 2). Подобное обыкновеніе встрѣчается и у другихъ славянъ; такъ, у поляковъ кашубовъ „старые“ (дружки жениха и невѣсты) созываютъ гостей на свадьбу, имѣя въ рукахъ по палкѣ, выкрашенной въ красный цвѣтъ съ коричневымъ точенымъ набалдашникомъ (*Этн. Сб.* V, 58).

Уполномочіе посредствомъ передачи въ руки палки или жезла, изрѣдка копья, встрѣчается у многихъ народовъ, или какъ бытовое явленіе, или какъ переживаніе. Въ путешествіи Пинто по Африкѣ (на берегахъ р. Коанцо), путешествіи, написанномъ правдиво, съ цѣнными бытовыми подробностями, находится между прочимъ указаніе, что кассамбскій вождь, посылая своихъ слугъ къ путешественнику за полученіемъ подарка, вручилъ имъ свой ассегай, который ранѣе Пинто видѣлъ въ его рукахъ, и слуги принесли этотъ ассегай (копье), какъ доказательство полномочій, своего рода довѣренность (*Пинто*, въ „Вокругъ Свѣта“, 1887, № 26). Въ средніе вѣка въ западной Европѣ назначеніе посла, какъ и вообще облеченіе въ какое нибудь право, инвеститура—была совершаема врученіемъ назначенному перчатки и жезла. Получивъ эти символическіе знаки, посланникъ былъ уполномоченъ во всемъ отъ имени пославшаго. Въ пѣснѣ о Роландѣ Карлъ, посылая Ганелона къ маврскому царю Марсилу, даетъ Ганелону жезлъ и письмо (*Буслаевъ*, Народ. поэзія, 290). Въ старинныхъ нѣмецкихъ законахъ и юридическихъ обычаяхъ палка или жезлъ имѣлъ нѣсколько символическихъ значеній; чаще всего служилъ признакомъ власти или уполномоченія со стороны властнаго лица, des aufgebens und besitzens der gewalt (*Grimm*, Deutsche Rechtsalterth. 1828 г., 133—137) [1].

Въ сочиненіи „О свад. обрядахъ“ я высказалъ мнѣніе, что въ древности палка служила символомъ солнечнаго луча или, можетъ

[1] Въ „*Zeitschrift für Ethnologie*“ 1882, 1883, 1884 и др. годовъ разбросано много замѣтокъ объ обрядовомъ употребленіи палки, какъ знака власти и полномочія, въ дѣтскихъ играхъ, судьями и проч.

Библиотека "Руниверс"

быть, древа жизни (стр. 95). Теперь думаю, что факты, приведенные мною въ подтвержденіе это мнѣнія, какъ то: болгарская (добавлю теперь и малорусская) палки, украшенныя плодами и цвѣтами, благословеніе палкой невѣсты, обрядная палка при первомъ выгонѣ скота въ поле (23 апрѣля), эти и подобные факты, полагаю, объяснются, помимо миѳологическихъ соображеній, христіанскими религіозными понятіями объ освященной вербѣ и библейскимъ (Книга Чиселъ XVII, 8) сказаніемъ о процвѣтшемъ жезлѣ Аарона.

88.

Могорычъ.

Могорычъ считается существенной принадлежностью разныхъ торгово-промышленныхъ сдѣлокъ и договоровъ. Вещь тогда считается проданной, договоръ тогда считается ненарушимымъ, когда выпитъ могорычъ. Извѣстенъ такой случай: нанятъ былъ плотникъ построить амбаръ; но условія не выполнилъ. Когда наниматель сталъ упрекать его за невыполненіе условія, тотъ сказалъ: „адже жъ мы могорыча не пылы“ (*Основа*, 1861, X, 130; *Чубинскій*, VI. 68).

Въ винницкомъ и литинскомъ уѣздахъ хлопецъ, вступая въ парубоцтво, обязательно долженъ поставить могорычъ. Въ противномъ случаѣ, при косьбѣ сѣна, парубки кладутъ хлопца на первый покосъ и бьютъ жгутами изъ травы или же погружаютъ его въ воду, либо отдаютъ въ залогъ его косу въ шинкѣ и пьютъ на его счетъ. (*Кіевская Старина*, 1887, VIII, 769).

Могорычъ составляетъ необходимое условіе сватовства. Сваты обыкновенно приходятъ къ родителямъ невѣсты съ водкой, которую ставятъ въ бутылкѣ передъ ними, и если они согласны на бракъ дочери, то обыкновенно отвѣчаютъ: „мы могорычу не цураемся“ (*Чубинскій*, IV, 614). Въ „Пидбрехачѣ“ Г. Ѳ. Квитки одинъ староста говоритъ другому, своему товарищу: „я збрешу на палець, а ты пидбрихуй на цилый локоть, то и закинчаемъ дило, запьемо могорычи“. (*Квитка*, изд. 1887, II, 194).

Библиотека "Руниверс"

Въ судебныхъ дѣлахъ могорычъ почти всегда ставится судьямъ; иногда та сторона и правой оказывается, которая поставитъ бо́льшій могорычъ. Въ свадебныхъ договорахъ происходятъ неудовольствіе и обращеніе къ волостному суду тогда, когда стороны расходятся уже послѣ домо́винъ, т. е. уговора о свадебныхъ подаркахъ. Обиженная сторона подаетъ жалобу въ волостной судъ. Виновная сторона должна поставить могорычъ тѣмъ, которые разбирали дѣло; въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ, что могорычъ ставятъ и та и другая стороны (*Чубинскій*, VI, 37).

При разсмотрѣніи вопроса о происхожденіи могорыча мы находимъ не лишнимъ отдѣлить названіе отъ сущности обычая. Названіе обычая, несомнѣнно заимствованное, трудно сказать, отъ какого именно народа, вѣроятно, тюркскаго. У лезгинъ аварцевъ бракосочетаніе называется „магари тие“, что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ „заключеніе брачнаго торга“ (*Сборн.* свѣд. о кавказ. горцахъ, III, отд. 3, с. 25). Самое обыкновеніе запивать договоры можетъ быть искони мѣстнымъ, кореннымъ народнымъ, такъ какъ такое запиваніе, на подобіе обрядной ѣды изъ одной миски, служитъ символомъ единенія, развившимся и укрѣпившимся въ народной жизни еще во время господства общинныхъ порядковъ, когда единство и цѣльность общины выражались общей ѣдой, общимъ питьемъ и даже общимъ куреніемъ изъ одной трубки ея членовъ, какъ было, напримѣръ, въ древности въ Спартѣ, въ позднее время въ Запорожьѣ.

89.

Постъ невѣсты.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи (*Терещенко*, Бытъ р. н. II, 526), у сербовъ Срѣма (*Rajacsich*, 157), у краковскихъ поляковъ (*Kolberg*, Lud. VI, 46) молодые не ѣдятъ за свадебнымъ столомъ. У чеховъ (*Casop.*, 1859, I, 96) и у бѣлоруссовъ (*Вѣстникъ* Г. Общ., 1853, VIII, 35), не употребляетъ пищи только невѣста. На этихъ фактахъ я останавливался уже въ своемъ сочиненіи „О свад. обр.“; но не будучи тогда въ состояніи дать имъ историко-культурное и бытовое объясненіе, я усмотрѣлъ въ

Библиотека "Руниверс"

постѣ невѣсты или молодыхъ доказательство ихъ мистическаго значенія, обусловленнаго ихъ близостію къ небеснымъ свѣтиламъ, покровителямъ брака. Отказываюсь теперь отъ этого объясненія, такъ какъ имѣю другое, гораздо болѣе правдоподобное и простое. Древнѣйшими обычаями я здѣсь считаю чешскій и бѣлорусскій, именно, воздержаніе отъ пищи одной невѣсты, воздержаніе отъ пищи жениха считаю позднѣйшимъ растиреніемъ обряднаго поста невѣсты, когда было уже забыто основное его значеніе и тѣ мотивы, которые вызвали его. Въ древности невѣсту подвергали долгому посту, предполагая, что воздержаніемъ отъ пищи у ней будутъ устранены на время мѣсячныя очищенія, которыя считались ядовитыми. Полагали, что отъ поста тѣло женщины настолько высыхаетъ, что ядъ, заключающійся въ ея мѣсячныхъ очищеніяхъ, исчезаетъ или дѣйствіе его настолько ослабляется, что женщина не можетъ причинить вреда. На индійскомъ архипелагѣ невѣста соблюдаетъ строгій постъ и въ добавокъ принимаетъ внутрь еще разныя средства, до такой степени ослабляющія ея организмъ, что она не можетъ ходить и ее переносятъ на рукахъ. У гваякировъ на Ориноко невѣста выдерживаетъ сорокадневный постъ. Индѣйцы племенъ вайка и макузи заставляютъ дѣвушку—невѣсту выдержать строгій постъ и въ добавокъ сѣкуть ее розгами. Гваякирскіе старики въ объясненіе поста невѣсты говорятъ, что „менструаціи причиняютъ болѣзнь и даже смерть всякой вещи“ (*Лефренъ*, Полож. женщ. у дикихъ народ., въ „Дѣлѣ“, 1868, I, 121). Точно такое же воззрѣніе на мѣсячныя очищенія обнаруживаютъ культурные народы семитическаго и арійскаго племенъ. Въ древнихъ еврейскихъ законахъ (*Левитъ*, XV и V гл.) женщина, имѣющая очищеніе, и все, что прикасается къ ней въ это время, признается нечистымъ: „Всякій, кто прикоснется къ ней, нечистъ будетъ до вечера. И все, на чемъ она ляжетъ впродолженіе очищенія своего, нечисто. И всякій, кто прикоснется къ постели ея, долженъ вымыть одежды свои и омыться водой и нечистъ будетъ до вечера. Если проспитъ съ нею мужъ, то нечистота ея будетъ на немъ; онъ нечистъ будетъ семь дней, и всякая постель, на которую онъ ляжетъ, будетъ нечиста“. Еще далѣе шло воззрѣніе древнихъ иранцевъ на нечистоту и зловредность женщины во время мѣсячныхъ очищеній. Въ книгѣ Бун-

Библиотека "Руниверс"

дегеша мѣсячныя очищенія олицетворены въ видѣ демона—женщины Дже. Злой Духъ поцѣловалъ ее въ голову, за расположеніе къ нему, и у Дже начались послѣ этого мѣсячныя очищенія. Дже причиняетъ эти истеченія женщинамъ и черезъ ихъ посредство мучитъ огонь, воду, растенія и всѣ творенія Агура-Мазды. Когда женщина во время менструаціи смотритъ на эти добрыя творенія, то однимъ своимъ взглядомъ она оскверняетъ ихъ. Въ Авестѣ находятся строжайшія воспрещенія сноситься съ женщиной во время менструаціи и предписывается удалять ее отъ всѣхъ чистыхъ людей и чистыхъ предметовъ. „Кто имѣетъ половое сообщеніе съ женщиной, говоритъ книга законовъ Вендидада, у которой признаки мѣсячнаго очищенія, дѣлаетъ не лучше, какъ если бы сжегъ на желѣзѣ трупъ своего собственнаго сына“. Виновный долженъ принести въ жертву огню 1000 вязанокъ твердаго и сухаго дерева, 1000 вязанокъ благовоннаго дерева, убить нѣсколько тысячъ змѣй и лягушекъ (*Дилленъ*, Дуализмъ въ Авестѣ, 116, 122, 107).

Такимъ образомъ въ славянскомъ воздержаніи невѣсты отъ пищи обнаруживается то же воззрѣніе на нечистоту женщины и скрывается то же опасеніе менструаціи, о чемъ такъ подробно говорятъ законодательныя книги древнихъ евреевъ и иранцевъ.

90.

Значеніе „весилья“.

Въ Малороссіи, особенно лѣвобережной, весилье имѣетъ важное значеніе въ бытѣ народа. Бываетъ такъ, что повѣнчаются, а весилья не дѣлаютъ по различнымъ причинамъ: „нема часу, нема справы“. Вѣнчаться же поспѣшаютъ во избѣжаніе насмѣшекъ и „поговора“, что женихъ вѣроятно „хоче одкынуться“. Весилье имѣетъ ту силу, что не отпраздновавши его, мужъ не можетъ жить вмѣстѣ съ женой и раздѣлять съ нею одно ложе; если же сожительство и бываетъ, то развѣ тайно. Если повѣнчавшись, но не отбывши весилья, умираетъ кто нибудь изъ новобрачныхъ, то погребаютъ какъ парня или дѣвушку. Весилье составляетъ общественный вѣнецъ—закрѣпленіе брака по общественному мнѣнію. Бывали такіе случаи,

Библиотека "Руниверс"

что сговоренные, не вѣнчавшись, справляли весилье и жили, какъ мужъ и жена; молодая переселялась въ домъ мужа и считалась женой. Иногда при самомъ вѣнцѣ весилье не отбывается, а справляется послѣ, недѣли черезъ двѣ и даже черезъ шесть,—однимъ словомъ тогда, когда родители соберутся со средствами (*Чубинскій*, VI, 41).

Весилье безъ вѣнчанія или до вѣнчанія въ настоящее время уже рѣдко встрѣчается. Къ этому обычаю духовенство, понятно, относилось всегда враждебно и преслѣдовало его. Отдѣленіе весилья отъ вѣнчанія и еще болѣе ограниченіе однимъ весильемъ представляется любопытнымъ культурнымъ переживаніемъ, или остаткомъ существовавшаго, повидимому, воззрѣнія, что вѣнчаніе дѣло церковное, занесенное изъ чужа, почти ненужное, воззрѣнія, вышедшаго изъ древняго, еще языческаго строя гражданской жизни, опиравшагося на народныхъ юридическихъ обычаяхъ и твердой религіозно-миѳической обрядности. Извѣстно, что кіевскій митрополитъ Іоаннъ (1180—1189) въ „Церковномъ правилѣ“ указываетъ на обычай простаго народа совершать браки безъ благословенія церкви на томъ основаніи, что вѣнчаніе будто нужно только князьямъ и боярамъ. Въ правилѣ митроп. Максима (1283—1305) находится указаніе, что браки заключались „безъ благословенія церковнаго“. Въ поученіяхъ и грамотахъ митр. Петра († 1326), митр. Кипріана († 1405), митр. Фотія находятся жалобы, что христіане „не по закону живутъ съ женами, безъ благословенія поповскаго понялися“. Въ окружной грамотѣ польскаго короля Сигизмунда I 1509 г.: „мовилъ намъ нареченный митрополитъ кіевскій и всея Руси Іосифъ, штожъ деи тамъ многіе люди Русь въ тыхъ мѣстѣхъ незаконне мѣшкаютъ, жены поймуючи не вѣнчаются и дѣтей крестити не хотятъ и на исповѣдь не ходятъ“ (*Акты* З. Р. II, 51). Тѣ же жалобы повторяются въ грамотѣ новгородскаго архіеп. Макарія 1534 г., въ грамотѣ новгородскаго архіеп. Ѳеодосія 1548 г., въ трехъ святительскихъ поученіяхъ духовенству (1551—1554) и въ нѣкоторыхъ другихъ литературныхъ и юридическихъ памятникахъ сѣверной и южной Руси XVI и XVII в. (см. *Загоровскій*, О разводѣ, 269—271). Какъ смотрѣли въ южнорусскомъ обществѣ на церковное вѣнчаніе даже въ XVIII в., объ этомъ можно составить нѣкоторое понятіе

Библиотека "Руниверс"

по слѣдующему курьезному случаю, происшедшему въ 1722 г. Шляхтичъ Василій Выговскій жаловался на пановъ Вербицкихъ за то, что Вербицкіе, повѣнчавъ съ нимъ свою дочь и назначивъ срокъ дня „акту весильнаго“, неожиданно выдали ее замужъ за другаго. Выговскій претендуетъ за „шкоды и дисгоноръ“, т. е. убытки и безчестіе (*Загоровскій*, іb. 194). Очевидно, одно вѣнчаніе безъ весилья считалось неполнымъ оформленіемъ брака. Къ 1744 г. относится слѣдующій любопытный синодскій указъ, требующій, чтобы новобрачные послѣ вѣнчанія жили какъ мужъ и жена. „Извѣстно ея Императорскому Величеству учинилось о являющихся въ Малой Россіи бракахъ такихъ, что по отправленіи церковнаго брачнаго таинства по нѣсколько лѣтъ до брачнаго веселія живутъ въ разныхъ домахъ“... Въ Великороссіи браки раскольниковъ, не признающихъ священства, и потому заключаемые безъ вѣнчанія, признаются православными крестьянами. И въ настоящее время изрѣдка въ В. и М. Россіи среди православныхъ встрѣчаются браки безъ вѣнчанія (*Якушкинъ*, Обыч. право, XII—XIII; *Ефименко*, въ „Знаніи“, 1874, I, 34).

Бракосочетанія безъ церковнаго благословенія не въ рѣдкость были и въ Германіи въ средніе вѣка (*Grimm*, Deutsche Rechtsalterth., изд. 1828, 435).

91.

Гарбуза пиднесты.

Подъ выраженіемъ „поднести гарбуза“ подразумѣвается отказъ жениху или старостамъ со стороны родителей невѣсты. Въ галицкомъ Покутьѣ старосты, получивъ отказъ, говорятъ молодому, что они ему „гарбузъ прыкотылы“ (*Kolberg*, I, 286). Въ старинное время, дѣйствительно, въ знакъ отказа подносили жениху на тарелкѣ тыкву или выкатывали ее въ ту комнату, гдѣ онъ находился. Въ „Сватаньѣ“ и въ „Конотопской вѣдьмѣ“ Квитки женихамъ подносятъ тыкву въ знакъ отказа. Такъ, въ „Конотопской вѣдьмѣ“— „війшла зъ кимнаты наньмычка, поклонылась та й постановыла на столи передъ паномъ Уласовычемъ на сковороди... печеный гарбузъ!“

Библиотека "Руниверс"

Въ Галиціи надъ Збручемъ, наряду съ тыквой, символическимъ знакомъ отказа служитъ иногда макогонъ, при чемъ „макогонъ облизать“ значитъ получить отказъ: „коли парубокъ котрій, пидославшись де-небудь нерозважно, вхопыть гарбуза або, якъ тамъ кажуть, макогинъ облыже, то такъ и знай, що ему безпреминно до ранку выстрять здоровенный макогинъ изъ соломы на громадьску потиху, що, мовъ, не въ свое встрявъ“ (*Основа*, 1862, IV, 2).

Обрядная тыква при сватовствѣ нынѣ рѣдко встрѣчается. Вмѣсто самаго дѣйствія осталось только выраженіе „поднести гарбуза“. Повидимому, символическіе макогонъ и тыква встрѣчаются только въ малорусской и галицко-русской свадьбахъ.

Начало обычая поднесенія гарбуза въ знакъ отказа не поддается опредѣленію. Слово „гарбузъ“ восточное, повидимому, тюркское; у многихъ народовъ оно прилагается къ арбузу, кавуну, т. е. Cucumis citrullus. Въ Малороссіи слово гарбузъ прилагается къ такъ называемой кухонной тыквѣ, или Cucurbita maxima, съ какимъ наименованіемъ тыква встрѣчается еще въ Персіи—торбузъ (*Анненковъ*, Ботанич. слов. 115, 116). Возникновеніе названія „пиднесты гарбуза“ обусловлено не только широкимъ распространеніемъ тыквы въ Малороссіи, гдѣ ее охотно разводятъ во всѣхъ огородахъ на пищу людямъ, въ кормъ свиньямъ и для полученія сѣмячекъ. Вѣроятно, обычай поднесенія тыквы въ знакъ отказа служитъ остаткомъ того древняго культурнаго быта, когда тыква служила обычной посудой. Римскій сельско-хозяйственный писатель перваго вѣка по Р. Хр. Колумелла говоритъ: „nam sunt cucurbitae ad usum vasarum satis idoneae“. Тыква, какъ посуда, употреблялась въ древности у славянъ и теперь еще кое гдѣ въ славянскомъ простонародьѣ является съ такимъ значеніемъ (*Šulek*, въ Rad jugosl. Akad., 1877, XXXIX, 24). Вообще, тыква—обычная посуда во многихъ странахъ Азіи и Африки, напр., въ Нубіи (*Лежанъ*, во „Всемірн. Путешеств.“, 1868, I, 15).

Библиотека "Руниверс"

92.

Состязаніе загадками.

Одинъ изъ древнѣйшихъ пріемовъ эпической поэзіи—разговоръ двухъ лицъ, препирающихся загадками или вопросами о дѣлахъ темныхъ—до сихъ поръ сохранился на свадьбахъ разныхъ славянскихъ народовъ, въ частности малоруссовъ. Загадочный характеръ имѣетъ уже обычная рацея сватовъ „про куныцю, що ховаетця пидъ соломьяны копыци“ (*Чубинскій*, IV, 59) или про лисицу, за поимку которой князь обѣщаетъ десять городовъ и скирду хлѣба (*Квитка*, 1887, I, 66). У лаборскихъ русскихъ въ Галиціи загадки играютъ большую роль во время сватовства, при чемъ всѣ загадки заимствованы изъ Бесѣды Трехъ Святителей, стариннаго весьма распространеннаго апокрифа. Такъ, староста жениха говоритъ: „Ишовъ заяцъ черезъ воду та переплывъ, а стрилецъ шовъ та ся утопывъ“. Выдавця отвѣчаетъ: „Заяцъ — то суть жидове; а стрилецъ, то фараонъ“. Староста спрашиваетъ, какой цвѣтокъ дѣвушки не берутъ для вѣнка; цвѣтъ на житѣ, отвѣчаетъ выдавця. „Котре е наилепше набожество?“ продолжаетъ вопрошать староста, и выдавця разсказываетъ ему въ отвѣтъ евангельскую притчу о милосердомъ самарянинѣ и т. д. (*Науков. Сборн.* 1865, 146). Загадки входятъ также въ великорусскія свадьбы. Въ пошехонскомъ уѣздѣ ярославской губ. „продавецъ“ невѣсты спрашиваетъ дружка жениха: „Какъ ты у меня будешь торговать? На загадки идешь или на золоту казну?“ Если дружко не умѣетъ отгадывать загадки, то платитъ отъ 1 до 10 руб. Иногда онъ идетъ на загадки (*Этнограф. Сборн.*, III, 22). Въ Москвѣ записана старинная свадебная пѣсня, въ которой женихъ предлагаетъ невѣстѣ загадки, что выше лѣса, что краше свѣта, что чаще лѣса, что растетъ безъ кореня, что говоритъ безъ умолка и что неизвѣстно? Дѣвица отвѣчаетъ, что выше лѣса свѣтелъ мѣсяцъ, краше свѣта красно солнце, чаще лѣса звѣзды, безъ кореня ростетъ камень, безъ умолку сине море и безъизвѣстна Божья воля. Дѣвица такимъ образомъ отгадала шесть мудреныхъ загадокъ и стала потому „купеческой же-

Библиотека "Руниверс"

ною“ (*Буслаевъ*, Истор. очерки, I, 33) —У словаковъ сватъ задаетъ невѣстѣ загадки, и если она удачно рѣшаетъ ихъ, то считается хорошей невѣстой (*Časop. čes. Musea*. 1859, I, 101).

93.

Покрытка.

Покрыткой теперь называютъ дѣвушку, которая „прошкодыла“, „прогришыла“. Еще очень недавно существовалъ, а можетъ быть кое гдѣ и нынѣ держится обычай обрядоваго покрытія головы такой дѣвушки платкомъ, или „скрываніе“. Когда станетъ извѣстнымъ, что какая нибудь дѣвушка потеряла невинность, двѣ или болѣе степенныя пожилыя женщины приходятъ къ ней, выговариваютъ ей и повязываютъ ея голову по замужнему. Покрытка не выдѣляется изъ семьи. Это общественное оглашеніе проступка имѣло хорошую сторону для общества и для самой покрытки; въ обществѣ оно поддерживало нравственное начало, а для покрытки уменьшало стыдъ и угнетеніе ко времени родовъ. (*Носъ*, въ Кіев. Стар., 1882, I. 429). Покрывали обыкновенно забеременѣвшихъ дѣвушекъ, и эта огласка беременности устраняла дѣтоубійство. Участь покрытокъ была печальная. Онѣ жили подъ тяжестью общественнаго презрѣнія, что было вызвано не только ихъ проступкомъ, но преимущественно нерасположеніемъ народа къ главному виновнику, какому нибудь мѣстному ляхтичу или панку. Т. Г. Шевченко часто останавливается на горемычной долѣ покрытокъ, изъ деревенскихъ дивчатъ, обманутыхъ управляющими панскими имѣніями, ихъ приказчиками, офицерами и солдатами. „Катерына“ начинается съ пожеланія, чтобы „чорнобрыви не кохалысь съ москалямы“, „Наймычка“ начинается съ описанія нудьги-печали покрытки, матери „нехрещеного сына“. Во „Снѣ“—покрытка „по-пидъ тынню съ байстрямъ шкандыбае: батько и матирь одпуралысь, чужи не пріймаютъ“. Есть у Шевченка цѣлое стихотвореніе, посвященное покрыткѣ, „Мать покрытка“, и здѣсь покрытка—мать названа „великомученицей“, потому что страдаетъ за себя и за ребенка своего. Въ „Марынѣ“ снова выведена плачущая, горемычная покрытка. Въ одномъ сти-

Библиотека "Руниверс"

хотвореніи Шевченко прямо заявляетъ: „мини ихъ жаль... моихъ дивчатокъ“, и проситъ Бога, чтобы люди научились ходить хорошими путями и миловать брата. Какъ извѣстно, Квитка—Основьяненко подробно обрисовалъ несчастную жизнь обманутой дѣвушки въ повѣсти „Сердешна Оксана“.

Покрываніе состоитъ только въ томъ, что дѣвическая честь и краса—коса скрывается подъ платкомъ. Это слабая уже форма того наказанія за прелюбодѣяніе, которое нѣкогда состояло въ обрѣзываніи косы, о чемъ сейчасъ будетъ рѣчь, что предполагаетъ древнѣйшую казнь посредствомъ обезглавливанія.

94.

Остриженіе волосъ, какъ наказаніе.

Древнее церковное право преслѣдовало прелюбодѣяніе церковной карой въ видѣ эпитиміи и свѣтскими наказаніями въ видѣ смертной казни, урѣзанія носа или пожизненнаго заключенія въ монастырь. Въ московской Руси практиковалось послѣднее наказаніе, а въ западной Руси, гдѣ имѣло примѣненіе право магдебургское, узаконена была смертная казнь обоимъ участникамъ прелюбодѣянія, захваченнымъ „на горячимъ учинку“. Но были въ древней Россіи также и свои, т. е. русской жизнью выработанныя, наказанія прелюбодѣямъ, преимущественно публичное бичеваніе по голой спинѣ (*Загоровскій*, О разводѣ, 216—222). Наказаніе прелюбодѣевъ публично присуще разнымъ народамъ, между прочимъ, и малороссамъ. Извѣстно, что въ кіевской губ. въ настоящее время еще практикуется воженіе виновныхъ въ прелюбодѣяніи по улицамъ (ib. 223). Заслуживаетъ вниманія соблюдаемое иногда при этомъ остриженіе головы. Такъ, въ одномъ изъ селеній волынской губ. громада присудила женщину за прелюбодѣйство къ слѣдующему наказанію: дать ей въ трехъ мѣстахъ села по пяти розогъ и остричь голову (*Якушкинъ*, Обычн. право, XXXX). Въ народной поэзіи обрѣзать косу значитъ опозорить дѣвушку. Въ одной старинной пѣснѣ дѣвушка, потерявшая невинность подъ зеленымъ яворомъ съ молодымъ туркомъ, рѣшается на то, чтобы у ней отрѣзали косу и ото-

Библиотека "Руниверс"

слали ее матери (*Антоновичъ и Драгомановъ*, Истор. п. малор. н., I, 85). Во время крѣпостнаго права дѣвушкамъ отрѣзывали косу въ наказаніе за потерю дѣвственности.

Обычай отрѣзывать косу за прелюбодѣяніе встрѣчается у древнихъ германцевъ: „Прелюбодѣянія у столь многочисленнаго народа, говоритъ Тацитъ, весьма рѣдки; наказаніе ихъ совершается немедленно и предоставляется самимъ мужьямъ. Мужъ, обрѣзавъ женѣ волосы, обнаженную выгоняетъ ее изъ дому въ присутствіи родственниковъ и гонитъ ее ударами плети черезъ все селеніе". Въ VIII в. наказаніе это продолжало существовать въ Германіи; но оно исполнялось не мужемъ, а толпой женщинъ (*Якушкинъ* XXXXI, прим.). У лаковъ обрѣзать косу дѣвушки значитъ нанести ей жестокое оскорбленіе (*Сборн.* свѣд. о кавк. горц. IV, 19).

Якушкинъ говоритъ, что обычай публичнаго посрамленія женщины за прелюбодѣяніе не встрѣчается въ великорусскихъ губерніяхъ, и потому онъ сомнѣвается въ его древности (XXXXI стр.); но объ этомъ обычаѣ упоминаютъ уже Котошихинъ и Петрей (*Загоровскій*, 223), хотя и безъ указанія на остриженіе головы. Повидимому, остриженіе головы имѣло мѣсто исключительно въ южной Руси. Этотъ обычай нѣкогда, должно быть, служилъ символическимъ выраженіемъ смертной казни за прелюбодѣяніе черезъ обезглавливаніе, но, такъ какъ о такой казни въ Малороссіи нѣтъ извѣстій, а есть извѣстія о ея существованіи въ древней Германіи, то, быть можетъ, обычай остриженія головы въ наказаніе проникъ въ южную Русь изъ Нѣметчины, на ряду со многими другими заимствованіями. На это предположеніе наводитъ уже то обстоятельство, что въ древней Германіи остриженіе волосъ имѣло широкое примѣненіе, такъ какъ, сообразно со степенью вины, прибѣгали къ символическому остриженію волосъ, къ остриженію дѣйствительному и даже къ остриженію головы съ поврежденіемъ головной кожи клещами, „mit der haut abgezogen", „windet im die haar mit einer kluppen oder knebel aus dem haupt", „capillos cum ipsa capitis pelle detrahere" (*Grimm*, D. Rechtsalterth, 703).

Въ древней Англіи (449—1066 г.) обрѣзываніе волосъ у обоихъ половъ считалось признакомъ рабства или преступленія, заслуживающаго самаго строгаго наказанія (*Спенсеръ*, Описат. Соціол., 26).

Библиотека "Руниверс"

95.

Обмазываніе дегтемъ головы и воротъ,

какъ наказаніе за прелюбодѣяніе, встрѣчается въ Малороссіи. Такому наказанію подвергаются провинившіяся женщины. Обмазываніе головы дегтемъ теперь уже рѣдко встрѣчается; обмазываніе же дегтемъ воротъ того дома, гдѣ живетъ погрѣшившая дѣвушка, еще весьма распространено въ селахъ. Иногда наказаніе въ формѣ остриженія головы и обмазыванія дегтемъ распространяется на виновныхъ въ воровствѣ. Вора раздѣваютъ до нага, обмазываютъ дегтемъ, обсыпаютъ перьями и водятъ по селенію въ сопровожденіи толпы. Недавно въ харьковской губерніи были преданы суду крестьяне за истязанія, совершенныя надъ одной женщиной. Ее и дворового человѣка, находившагося съ нею въ связи, раздѣли, вымазали дегтемъ и водили по селу (*Якушкинъ.*, Обыч. пр., XXXX). Около Переяслава (полт. губ.) въ с. Рудаковкѣ, въ 1886 г., былъ созванъ „сельскій сходъ, на обсужденіе и заключеніе котораго предложена была словесная жалоба одной обманутой жены, просившей сходъ наказать ея супруга и даму его сердца за „незаконное сожительство“. Изъ приговора этого схода видно, что, по всестороннемъ обсужденіи, рѣшено: вымазать дегтемъ головы и различныя части тѣла влюбленной парочкѣ „за кустодѣйство“. Сельскій староста, явившись въ присвоенномъ ему знакѣ, не замедлилъ привести въ исполненіе рѣшеніе схода, и когда экзекуція совершалась надъ соперницею, то ревнивая жена, уже безъ всякаго на то разрѣшенія схода, сдѣлала собственноручно небольшое добавленіе къ этой экзекуціи, присоединивъ къ дегтю еще и значительную дозу пуху и перьевъ“ (*Свѣтъ*, 1886, № 121). Вымазываніе дегтемъ воротъ представлятся, по моему мнѣнію, расширеніемъ обрядоваго посрамленія и имѣетъ символическое значеніе, наноситъ оскорбленіе женской чести.

Обмазываніе головы дегтемъ за прелюбодѣяніе, вѣроятно, заимствовано малороссами съ запада, гдѣ это наказаніе было распространено въ старинное время. Во Франціи въ XV в. виновнаго въ прелюбодѣяніи обсыпали перьями (*Якушкинъ.* XXXXI, прим.). Въ Германіи обычно было виновныхъ въ прелюбодѣяніи обмазывать дег-

Библиотека "Руниверс"

темъ и обсыпать перьями, „mit pech bestreichen und in federn wälzen“. Въ 1189 г. одного вора „pix bulliens super caput ejus efundatur et pluma pulvinaris super caput ejus excutiatur ad cognoscendum eum“. Въ 1198 г. монахиня была обмазана медомъ и обсыпана перьями. Въ 1294 г. двѣ старыя женщины были обмазаны смѣсью дегтя и сала и обсыпаны перьями (*Grimm*, Deutsche Rechtsalterth. 725).

Возможно, что вымазываніе дегтемъ въ древности прилагалось при смертной казни посредствомъ сожженія, что видно, между прочимъ, изъ армянской сказки о Чигали: одна дѣвушка вышла посредствомъ обмана замужъ за царя Чигали; но когда Чигали узналъ, что жена его плѣшивая и что она посредствомъ хитрости устранила его прекрасную невѣсту, то онъ велѣлъ посадить ее съ ребенкомъ на осла, водить по улицамъ столицы и, наконецъ обливъ нефтью, сжечь ихъ (*Сборн. матер.* для опис. Кавказа, VII, 180).

96.

Обычай запрягать въ телѣгу или надѣвать хомутъ

на виновныхъ въ прелюбодѣяніи въ настоящее время рѣдко встрѣчается. „Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Якушкинъ, что обычай запрягать виновныхъ въ телѣгу или сани въ прежнее время былъ гораздо болѣе распространенъ, чѣмъ теперь; на это указываетъ почти повсемѣстное существованіе обычая надѣвать на виновныхъ хомутъ, являющійся въ этомъ случаѣ символомъ запряганія“. Въ великорусскихъ губерніяхъ наказаніе это примѣняется почти исключительно къ женщинамъ за прелюбодѣяніе. Въ Малороссіи надѣваютъ, между прочимъ, хомутъ на отца, не усмотрѣвшаго за своею дочерью.

Въ 1874 г. въ екатеринославской губерніи былъ такой случай: мужъ привязалъ жену, убѣжавшую отъ него и найденную имъ, къ оглоблѣ вмѣсто пристяжной и погналъ лошадь, осыпая жену ударами нагайки съ узломъ на концѣ. Въ одной слободѣ острогожскаго уѣзда такое наказаніе наложено было деревенскимъ сходомъ: крестьянинъ принесъ жалобу, что жена его ведетъ неприличную жизнь вслѣдствіе дурнаго вліянія тещи. По рѣшенію деревенскаго схода, мать и дочь

Библиотека "Руниверс"

были выведены на слободскую площадь, гдѣ имъ было приказано очищать ее отъ навоза. Послѣ этого онѣ были запряжены въ телѣгу, наполненную навозомъ, и погоняемыя истцомъ, вывезли навозъ за слободу и потомъ подвезли телѣгу къ крыльцу волостнаго правленія. Подобные случаи встрѣчаются и въ Великороссіи; такъ, въ 1872 г. въ тамбовскомъ окружномъ судѣ обвинялся крестьянинъ Минюшинъ за запряганіе жены въ видѣ наказанія (*Якушкинъ*, 43).

„Наказаніемъ въ данномъ случаѣ, говоритъ г. Кулишеръ, очевидно является такой способъ обращеніи съ женщинами и такая работа, которая возлагалась на рабовъ и рабынь, которыми были плѣнные мужчины и женщины. Женщины, забранныя въ плѣнъ, были первыми живыми существами, утилизированными для работы и, между прочимъ, для переноски и перевозки тяжестей, для чего впослѣдствіи только стали употреблять животныхъ“ (*Кулишеръ*, Очерки сравн. этногр. 163).

Съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться: иногда къ такому наказанію приговаривались и мужчины за воровство. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ: въ 1873 г. въ слободѣ Бутурлиновкѣ бобровскаго уѣзда пойманы были два крестьянина съ боченкомъ рыбы, который былъ украденъ со взломомъ замка изъ амбара одного торговца. Ихъ избили, выкупали въ полузамерзшей лужѣ, потомъ одного изъ нихъ привязали за ноги къ санямъ, на которыхъ лежалъ боченокъ похищенной рыбы, а другаго запрягли въ сани и, осыпая его ударами, заставили везти сани; затѣмъ подняли волочившагося по землѣ крестьянина и припрягли его на помощь другому (*Якушкинъ*, 43—44).

Въ древности запряганіе въ телѣгу могло примѣняться къ обоимъ поламъ и въ наказаніе за разныя провинности. Наказаніе это, повидимому, было нѣкогда въ большомъ ходу въ южной Руси, такъ какъ вошло въ народное преданіе. По словамъ древней лѣтописи обры творили насиліе женщинамъ дулѣбовъ, запрягая въ телѣгу не вола, не коня, а трехъ, четырехъ или пять женщинъ и заставляя везти себя. Позднѣе преданіе это пріурочено къ полякамъ и жидамъ. До сихъ поръ разсказываютъ, что ляхи, вмѣсто коней и воловъ, запрягали малороссіянокъ и погоняли ихъ бичами, свитыми изъ ихъ же волосъ. Въ лѣтописи Величка помѣщенъ универсалъ Стефана Остранина (по всѣмъ соображеніямъ—подложный), въ которомъ разсказывается, что поляки запрягали въ плугъ людей, преимущественно

Библиотека "Руниверс"

женщинъ, и жиды подгоняли ихъ бичами. Въ фальшивую исторію Конисскаго вошло народное преданіе, будто римско-католическое духовенство разъѣзжало въ Малороссіи на длинныхъ повозкахъ, запряженныхъ людьми (*Костомаровъ*, Истор. моногр. XIII, 32).

97.

Свободный разводъ.

Подъ словами свободный разводъ мы разумѣемъ разводъ по взаимному соглашенію супруговъ или по требованію жены въ случаѣ дурной жизни мужа. Въ малорусскихъ пѣсняхъ сохранилось еще слабое воспоминаніе народа о томъ времени, когда супругамъ можно было разойтись, „не маючи доброго мешканя“, особенно въ случаѣ крайняго пьянства мужа. И теперь горемычная жена пьяницы утѣшается стародавней пѣснью:

Ой ты пьешь та гуляешь,
Не говоришь зо мною:
Доведется, мій нелюбе,
Розійтися зъ тобою
Ой пиду я до попа,
Скажу ему стиха:
«Розвяжи намъ, попе, руки,
Бо наробляю лиха!...
Я невирну дружину
Та на вѣки покину,
А сама пиду до роду,
Зъ родомъ не загину!» (*Зоря*, 1884, № 18).

Въ старинное время, въ XVI и XVII ст., въ южной Россіи допускался разводъ супруговъ, въ случаѣ семейнаго несогласія, когда между ними возникали „великія разницы и раздоры“,—причина, какъ извѣстно, сама по себѣ не дающая по церковнымъ законамъ никакого повода къ разводу. Здѣсь свѣтскій, народный взглядъ на брачный союзъ, какъ на соединеніе двухъ любящихъ и равноправныхъ лицъ, взялъ верхъ надъ церковнымъ опредѣленіемъ брака на принципѣ пожизненной связи мужа и жены, при главенствѣ перваго, невависимо отъ ихъ взаимнаго согласія и любви послѣ бракосочетанія. Когда супруги жили „въ станѣ малженскомъ черезъ колко годъ и

Библиотека "Руниверс"

не маючи доброго мешканя межъ собою", тогда они „одинъ другого зъ стану малженскаго выпускали" (*Заборовскій*, О разводѣ, стр. 190). Разводъ происходилъ по обоюдному согласію и послѣ предварительнаго обсужденія его родными мужа и жены. Мужъ и жена давали другъ другу „разлучные листы", опредѣляли при этомъ, къ кому переходятъ дѣти, заносили „разлучный листъ" въ гродскую актовую книгу, и разводъ считался оконченнымъ, каждая сторона, мужъ и жена, могли снова вступить въ бракъ. Съ возстановленіемъ авторитета церкви разводъ все болѣе и болѣе былъ стѣсняемъ, и высшія духовныя лица, епископы, мало по малу лишили свѣтскія власти и даже священниковъ права производить разводы. Такъ, въ 1594 г. владимірскій епископъ Ипатій Поцѣй соборной грамотой воспретилъ священникамъ своей епархіи совершать разводы собственной властью. Впрочемъ случаи свободнаго развода, съ согласія и утвержденія гродскихъ судовъ, встрѣчаются еще въ XVII и XVIII ст. (*Маячанець*, Про шлюбъ на Украини, въ „Зорѣ", 1884 г., № 18).

98.

Злыдни.

Въ полтавской губ. переясл. у. существуетъ повѣрье, что злыдни—невидимые старики нищіе, которые гдѣ только поселятся, то тамъ будетъ вѣчная бѣдность (*Чубинскій*, I, 211). Въ пословицѣ, записанной въ черниг. губ., „просылыся злыдни на три дни, та и выгнать не можна" (ib. 254). Въ харьк. губ. говорятъ „щастя дочасне, а злыдни довични". Въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи записаны пословицы: „за злыднями и свита не бачыть", „злыднямы не доробысся", „нехай его злыдни побьють", „не бій, бо и такъ злыдни его побылы", „чужыхъ злыднивъ не насытыть", „высыдилы злыдни" (*Номисъ*, Прыказкы). Еще яснѣе злыдни, какъ живыя миѳическія существа, выступаютъ въ сказкахъ. Пристали къ одному бѣдняку злыдни; бѣднякъ вогналъ ихъ въ баклагъ, заткнулъ отверстіе и закопалъ баклагъ на берегу рѣки. Его богатый братъ, думая, что бѣднякъ закопалъ деньги, вырылъ и открылъ баклагъ. Тогда злыдни уцѣпились за него; онъ принесъ ихъ домой, и вскорѣ

Библиотека "Руниверс"

домъ его сгорѣлъ, и все состояніе его погибло (*Драгомановъ*, Мал. пред. 413). Въ другой сказкѣ злыдни поселились у мужика подъ печкой, и мужикъ обѣднѣлъ. Онъ отвезъ злыдни въ лѣсъ на возу, предложилъ злыднямъ помочь ему расколоть дерево, потомъ вытащилъ клинья, и дерево прищемило руки злыдней, такъ что они остались въ лѣсу. Братъ мужика—богачъ—освободилъ ихъ потомъ; они уцѣпились за его шею, поселились въ его домѣ, и онъ разорился (*Чубинскій*, II, 393). Въ варіантѣ этой сказки злыдни также живутъ подъ печкой; съ дѣтьми они танцуютъ по срединѣ хаты подъ игру домохозяина на скрипкѣ (ib. 396). Въ одной сказкѣ злыдни говорятъ домохозяину, что ихъ очень много, могутъ вездѣ помѣститься и такіе маленькіе, что ихъ нельзя разсмотрѣть. Домохозяинъ пригласилъ ихъ помѣститься въ табакеркѣ, и когда они вошли въ нее, то закрылъ табакерку и спряталъ ее подъ мельничный валъ. Изъ зависти, что бѣдный разжился, его богатый односельчанинъ выпустилъ злыдней; они пристали къ нему и вскорѣ „усе пишло уро́стичъ и звелось его богатство“ (ib. 398).

Народъ имѣетъ наклонность мыслить образами. Въ древнее время онъ не могъ представить отвлеченныя идеи иначе, какъ въ образахъ, въ вещественныхъ и тѣлесныхъ формахъ. Доля и недоля, счастье и несчастье въ старину и теперь изрѣдка—поэтическіе образы; но въ древности—миѳическія существа. Малорусскимъ представленіямъ о злыдняхъ соотвѣтствуетъ великорусское горе—злосчастіе, превосходно изображенное въ извѣстной старинной повѣсти, изданной Костомаровымъ въ Памят. стар. рус. литер., и во многихъ сѣверно-русскихъ похоронныхъ причетяхъ, изданныхъ Е. Барсовымъ. У сербовъ долѣ и недолѣ соотвѣтствуютъ среча и несреча. Въ народныхъ пѣсняхъ, повѣрьяхъ и преданіяхъ доля, недоля, горе—злосчастіе, злыдни, среча и несреча, лихо представляются человѣкообразными существами. Они приходятъ къ человѣку, встрѣчаютъ его, гоняются за нимъ въ человѣческомъ или животномъ образѣ, мучатъ, бьютъ человѣка, наваливаются на него, садятся къ нему на плечи, иногда несутъ его на себѣ или работаютъ для него (*Потебня*, О долѣ, 7—10).

Между недолей, горемъ—злочастіемъ, несречей съ одной стороны и злыднями съ другой обнаруживается лишь то различіе, что послѣдніе сравнительно съ первыми болѣе объектированы, болѣе от-

Библиотека "Руниверс"

дѣлены отъ человѣка. Въ то время какъ между человѣкомъ и его долей или недолей обнаруживается родъ предъустановленной гармоніи, и доля или недоля отражаетъ человѣка, злыдни дѣйствуютъ довольно самостоятельно. Архаичными чертами злыдней служитъ представленіе ихъ въ видѣ стариковъ нищихъ и въ особенности помѣщеніе ихъ подъ печкой. Въ послѣдней подробности обнаруживается родство злыдней съ домовымъ, проживающимъ за печкою или подъ нею.

Украинскимъ злыднямъ соотвѣтствуютъ нѣмецкіе кобольды. Ихъ также можно спрятать, утопить; они также малы. Въ одной нѣмецкой сказкѣ два семейства, живущія по сосѣдству, которымъ домовые не даютъ покоя, оставляютъ свои жилья. Служанки съ вѣниками въ рукахъ встрѣтились. „Куда это?“ спросила одна изъ нихъ. „Мы перебираемся“, отвѣтило ей множество тонкихъ голосовъ съ верхушекъ вѣниковъ. Служанки догадались, кто отвѣчалъ, и затопили вѣники въ пруду. Съ тѣхъ поръ на новыхъ жильяхъ все было смирно; но въ пруду мерла рыба и по вечерамъ слышались изъ воды тонкіе голоски: „мы перебрались“ (*Потебня*, 17).

99.

Демоническое значеніе болѣзней.

Болѣзни издавна у разныхъ народовъ являются въ формѣ демоническихъ существъ. Уже на первыхъ, низшихъ ступеняхъ культуры была замѣчена связь жизни съ теплотой и свѣтомъ и установилась мысль, что болѣзнь происходитъ или прямо отъ нападенія злаго духа, или косвенно отъ ослабленія огня жизни, помраченія или загрязненія его. Духи мрака—враги здоровья и жизни; духи эти подъ разными наименованіями живутъ въ темныхъ и грязныхъ мѣстахъ, въ оврагахъ, въ лѣсахъ, въ болотахъ, подъ землей, подъ печкой. Отсюда они проникаютъ въ тѣло человѣка и служатъ источниками болѣзней; они помрачаютъ умъ и терзаютъ тѣло человѣка. Изъ такого діагноза болѣзней проистекало и соотвѣтствующее лѣченіе, въ формѣ обращенія къ солнцу, горящему костру, вообще къ яркому свѣту (подроб. у *Caspari*, Die Urgeschichte der Menschheit, 96—114). Уже въ кирпичныхъ книгахъ древнихъ

Библиотека "Руниверс"

халдеевъ находятся заговоры противъ болѣзней, какъ демоническихъ существъ, напр.: „отъ сухотки, нездоровья, злаго духа нарывовъ, отъ ядовитаго вреднаго рака—сохрани о духъ небесъ! сохрани, о духъ земли!“ (*Сэйсъ*, Ассиро—вавил. литер. 36). Найденъ сумерійскій гимнъ богу огня, четвертаго тысячелѣтія до Р. Хр. съ просьбой о защитѣ отъ болѣзни: „прошу тебя (т. е. бога огня), да будутъ блестящи члены тѣла этого благочестиваго человѣка; да будетъ онъ свѣтелъ, подобно небу, да будетъ онъ блестящъ, подобно землѣ, да будетъ чистъ, какъ внутренность неба; да отойдетъ въ сторону отъ него зловредное слово“ (*Никольскій*, Сумерійскій гимнъ, 3). У иранцевъ были весьма распространены магическія заклинанія и очищенія отъ болѣзней, какъ нечистыхъ демоническихъ существъ. Авеста различаетъ три рода лѣкарей, которые лѣчили ножемъ, травами и чарами, при чемъ предпочтеніе отдается послѣднимъ (*Дилленъ*, Дуализмъ, 145, 158). У индусовъ лихорадку вызывали изъ тѣла больнаго или умоляли ее оставить больнаго. Въ Атарва-Веда лихорадка имѣетъ значеніе демоническаго существа. У грековъ и римлянъ болѣзни также имѣли демоническое значеніе. Въ древней Греціи въ болѣзняхъ прибѣгали къ чарамъ, амулетамъ, заклинаніямъ. На ряду съ народной медициной, состоявшей изъ заклинаній, цѣлебныхъ травъ и разныхъ суевѣрныхъ обрядовъ, здѣсь рано уже появляется научная медицина (см. *Ковнера*, Ист. медиц.). У римлянъ народная медицина состояла въ заклинаніи болѣзней. „Въ tabulae defixionum, или табличкахъ наговоровъ находятся такія выраженія: „здоровье, имѣніе и его самого пусть изсушитъ болѣзнь“, „чтобы вы, горячія воды или нимфы, погубили его въ теченіе года“ (*Помяловскій*, Эпиграфич. этюды, 10, 11). У древнихъ скандинавовъ внутреннія болѣзни приписывались дѣйствію злыхъ духовъ и лѣчили ихъ заговорами и симпатическими средствами (*Weinhold*, Altnord. Leben, 392). Въ Англіи V—XI вѣковъ (и позднѣе) внутреннія болѣзни считались „непосредственно причиненными злыми духами, эльфами, демонами, чарами колдуновъ или пагубнымъ вліяніемъ дурнаго глаза“ (*Спенсеръ*, Опис. соц. 211). Олицетвореніе болѣзней еще живо чувствуется въ западно-европейскомъ простонародьѣ настоящаго времени. Даже въ большихъ западно-европейскихъ городахъ встрѣчаются еще суевѣрные обряды, прямо указывающіе на пере-

Библиотека "Руниверс"

живаніе вѣрованія въ демоническое значеніе болѣзней. Въ сборникѣ суевѣрныхъ способовъ лѣченія, собранныхъ Краузе въ Берлинѣ и его окрестностяхъ въ 1862—1872 г., отмѣчены, между прочимъ, такіе: у больнаго отрѣзываютъ часть волосъ, или ногтей, или одежды и кладутъ ее на перекресткѣ, и кто подыметъ ее, на того и болѣзнь перейдетъ; иногда больной лихорадкой три раза обходитъ вокругъ дерева, съ цѣлью переселить лихорадку въ дерево (*Zeitschr. f. Ethnologie,* 1883, 78, 82).

И такъ, начиная отъ четвертаго тысячелѣтія до Р. Хр., отъ древнихъ халдеевъ и кончая современными берлинскими мѣщанами, мы видимъ проявленія вѣрованія въ демоническое значеніе внутреннихъ болѣзней у разныхъ цивилизованныхъ народовъ. Нѣтъ надобности потому и говорить о томъ, что вѣрованіе это чрезвычайно распространено и ярко у народовъ дикихъ и варварскихъ. Здѣсь можно найти ключъ къ объясненію темныхъ деталей современныхъ европейскихъ суевѣрій. Въ Новой Зеландіи каждая болѣзнь приписывается дѣйствію особаго существа; такъ, богъ Тонга посылаетъ головныя боли и тошноту; мѣстопребываніе его во лбу; Мако-Тики, божество ящерица, причиняетъ боли въ груди; Тукино—богъ желудка; Тити-гаи производитъ боли въ ногахъ и лодыжкахъ; Ронгомаи и Тунаритапу посылаютъ сухотку; Коро-Кіо управляетъ родами. Сіены въ Камбоджѣ вѣрятъ, что заболѣваніе происходитъ отъ вселенія въ человѣка злаго духа, а чтобы изгнать его, они производятъ около больнаго большой шумъ (*Лэббокъ,* Нач. цив. 162). Подобнаго рода повѣрья имѣютъ разные африканскіе народы (путешествія *Ливингстона*, *Пинто* и др.).

Славяне, въ частности русскіе, раздѣляютъ со всѣми другими народами вѣрованіе въ демоническое происхожденіе болѣзней. Въ южной Болгаріи вѣрятъ въ демоновъ болѣзней—„болѣштицы"—и для ихъ умилостивленія приносятъ жертвы (*Шишковъ*, Родопски Старини, 1887, I, 13). Въ старинное время въ московской Руси болѣзни приписывались злобѣ чертей, и самыми радикальными средствами лѣченія считались освященная вода и молитвы. До сихъ поръ простой народъ въ В. и М. Россіи думаетъ, что люди разслабленные и хворые изурочены колдунами или испорчены злыми духами; всякое тѣлесное страданіе и всякое тревожное чувство при-

Библиотека "Руниверс"

писывается порчѣ недобрыхъ людей, ихъ завистливой мысли, оговору и сглазу, и называются напускной тоской; нервныя болѣзни—кликушество, икота и падучая, а равно грыжа, сухотка и колотье признаются поселянами за дѣйствіе злыхъ духовъ, насланныхъ на человѣка на срокъ или навсегда мстительнымъ колдуномъ. Г. Максимовъ въ сочиненіи „Годъ на сѣверѣ“ замѣчаетъ, что онъ слышалъ отъ ямщика разсказъ о дѣвкѣ—икотницѣ, у которой сто бѣсовъ животъ гложутъ (*Аѳанасьевъ*, въ Филол. Зап., 1868, Ш, 276).

Подобнаго рода воззрѣнія на внутреннія болѣзни обнаруживаются въ малорусскихъ клятвахъ, заговорахъ и обрядахъ. Въ клятвахъ недуги призываются на врага, какъ злые духи: „вбій тя трясця“, „щобъ тебе родымецъ побывъ“, „щобъ тебе прычына вдарыла“, „бодай тебе грецъ вымывавъ“, „смутокъ бы на тя чорный упавъ“, „чортъ бы вбывъ (или мучывъ) твого батька“. Малорусскіе заговоры гонятъ лихорадку и другія болѣзни въ дебри, болота и пустыни, гдѣ нѣтъ ни людей, ни звѣрей. Обрядовое лѣченіе болѣзней преслѣдуетъ ту же цѣль изгнанія демоновъ изъ тѣла больнаго человѣка. Заговоры и обряды, соблюдаемые при лѣченіи болѣзней, стоятъ въ связи между собой; но мы здѣсь не будемъ касаться заговоровъ отъ болѣзней, такъ какъ имѣемъ въ виду разсмотрѣть ихъ особо, въ связи съ другими народными заговорами. Заговоры обнимаютъ всю природу и всю жизнь человѣка, и потому выдѣлять заговоры лѣкарскіе неудобно, тѣмъ болѣе, что удачное объясненіе ихъ возможно лишь при широкихъ сравнительно-культурныхъ и сравнительно-этнографическихъ сопоставленіяхъ и параллеляхъ.

На ближайшихъ страницахъ мы разсмотримъ такія малорусскія народныя представленія о болѣзняхъ, въ которыхъ вполнѣ ясно обнаруживается демоническое значеніе болѣзни, въ названіи и лѣченіи болѣзней.

100.

Гостець.

Подъ словомъ гостець въ однихъ мѣстахъ подразумѣваютъ колтунъ, въ другихъ хроническій ревматизмъ въ суставахъ. По

Библиотека "Руниверс"

народному повѣрью, гостець живетъ въ костяхъ каждаго человѣка. Онъ заявляетъ о своемъ существованіи по преимуществу ревматическими болями и ранами. Если же кто нибудь оскорбляетъ его неумѣлымъ лѣченіемъ, то гостець обращается въ опасную и трудно излѣчимую болѣзнь. Французскій писатель объ Украинѣ первой половины XVII ст., Бопланъ упоминаетъ о болѣзнѣ гостцѣ, подъ которымъ подразумѣваетъ колтунъ. „Смотря по тому, говоритъ А. А. Потебня, предположить ли, что въ суфиксѣцъ въ разсматриваемомъ случаѣ преобладаетъ значеніе ласкательности или значеніе собственно уменьшительности, гостець значитъ или добрый, милый гость, или гостекъ, маленькій гость. Первое толкованіе подтверждается обычностью умилостивительнаго названія болѣзней, напр. великор. гостья, добруха для лихорадки (*Потебня*, Къ ист. звуковъ IV, 77). Происхожденіе и свойства гостця обнаруживается въ заговорахъ. Гостець—такой злой духъ, который живетъ до перехода въ человѣка въ разныхъ мѣстахъ и можетъ войти въ человѣка разными путями: „Съ чого ты почався, гостець? Чы ты почався зъ витру, чы ты почався зъ холоду, чы зъ роботы, чы зъ поганыхъ очей, чы зъ раннёго свитання, пивночного, вечирнёго, полуденного, чи зъ сонця, чы чоловичихъ, чы жиночыхъ, чы дивочыхъ, чы дитячыхъ очей. Я жъ тебе замовляю, видтынаю зализнымъ ножемъ. Очыщае Господь Богъ своею ласкою весь свитъ, горы, море, каминня, лиса, очысты, Боже, и тую душу“... (*Чубинскій*, I, 136). Гостець бываетъ мужескаго и женскаго пола: „Заклинаю тя, гостець, самця и самыцю... абы ты гостець самецъ самыця та жадной шкоды не учынывъ“ (*Драгомановъ*, Мал. пред. 40). Гостецъ бьетъ, мучитъ человѣка: „мнеть, якъ гостець бубу“ (*Номисъ*). Онъ помѣщается не въ той, такъ въ другой части человѣческаго тѣла: „въ глазахъ, въ шеѣ, въ плечахъ или между плечами, въ мышцахъ, въ груди, въ сердцѣ, въ жилахъ, въ мозгу, въ животѣ, въ костяхъ, въ колѣняхъ, въ рукахъ, въ ногахъ, во всемъ тѣлѣ“. (*Драгомановъ*. 41). Человѣкъ не страдаетъ при спокойномъ положеніи гостця, такъ какъ заговоръ отъ гостця направленъ къ тому, чтобы гостець „яко камень на своемъ мѣсцу лежалъ“.

Повидимому, родственникомъ малорусскаго гостця является нѣмецкій husten—кашель, англосакс. hvosta, сканд. hosti, древне-

Библиотека "Руниверс"

верхне-нѣмецкое huosto. (*Pictet*, въ Zeitschr. f. vergleich. Sprachvorschung. 1856, V, 347). По свидѣтельству этихъ словъ, кашель представляется слѣдствіемъ поселившагося въ человѣкѣ злаго духа, скорѣе въ смыслѣ латинскаго hostis—врагъ, чѣмъ славянскаго слова гость. Что древніе нѣмцы имѣли или могли имѣть такое воззрѣніе на кашель, можно думать уже потому, что вѣрованіе въ чудесное происхожденіе кашля и въ настоящее время встрѣчается у нѣкоторыхъ народовъ. Такъ, у осетинъ существуетъ повѣрье, что душа иногда во время сна человѣка оставляетъ его тѣло и удаляется въ таинственную область, откуда потомъ приноситъ счастье и несчастье, урожай, болѣзни, особенно кашель (*Вс. Миллеръ*, Осетинск. этюды II, 270).

101.

Лихорадка-пропасныця-поганка.

Въ заговорахъ—молитвахъ противъ лихорадки обнаруживается значительная примѣсь апокрифическихъ сказаній и молитвъ, о чемъ я уже говорилъ въ сочиненіи о южнорусскихъ апокрифическихъ сказаніяхъ, стр. 148; но почти всѣ обряды и повѣрья, относящіеся къ лихорадкѣ, отличаются древнимъ религіозно-миѳическимъ характеромъ. Въ народныхъ способахъ лѣченія лихорадки обнаруживается прямое указаніе на ея демоническое происхожденіе. Мы ограничимся здѣсь описаніемъ способовъ лѣченія лихорадки въ харьковской и кіевской губерніяхъ, при чемъ беремъ эти описанія изъ мало извѣстныхъ и мало распространенныхъ „Харьк. Вѣд.“ и „Современ. Извѣстій“. Нужно добавить, что эти описанія отличаются полнотой и одно изъ нихъ (въ „Харьк. Вѣд.“) составлено медикомъ по личнымъ наблюденіямъ въ селѣ въ 9 верстахъ отъ Харькова. Среди крестьянъ харьковскаго уѣзда существуетъ двоякое мнѣніе о происхожденіи лихорадки. „По мнѣнію однихъ лицъ, лихорадка, какъ и многія другія болѣзни, происходитъ либо отъ простуды, либо отъ употребленія недоброкачественной пищи; по мнѣнію же другихъ, болѣзнь эта происходитъ отъ того, что невидимая простыми глазами, но видимая очень часто во снѣ больными, одержимыми лихорадкою, отвратительная,

Библиотека "Руниверс"

морщинистая, костлявая старуха выбираетъ себѣ жертву между людьми и начинаетъ продѣлывать надъ нею разнаго рода штуки: мнетъ ее, трясетъ до изнеможенія, бросаетъ въ холодъ, въ жаръ. Отъ такого двоякаго взгляда на болѣзнь происходятъ и двѣ категоріи способовъ лѣченія: посредствомъ разнаго рода веществъ, даваемыхъ внутрь больному, и посредствомъ преподнесенія, такъ сказать, самой *старушки-лихорадки*, находящейся во время пароксизма вблизи больнаго, а иногда и внутри его, чего либо такого, что ей не нравится и что могло бы отогнать ее на время или даже и совсѣмъ прочь отъ больнаго. По мнѣнію многихъ малороссіянъ, дымъ, образующійся при горѣніи летучей мыши, непріятенъ лихорадкѣ, а потому, при слабомъ проявленіи лихорадочнаго пароксизма, леченіе обыкновенно и начинается *съ подкуриванія* больнаго летучею мышью. Дѣлается это такимъ образомъ: больнаго ставятъ на полъ около постели, накрываютъ простынею и заставляютъ немного наклониться; затѣмъ у ногъ его помѣщаютъ небольшой черепокъ съ горящими угольями, на которые и бросаютъ куски высушенной летучей мыши. Образующійся при горѣніи мыши дымъ охватываетъ больнаго со всѣхъ сторонъ, при чемъ больной старается какъ можно чаще вдыхать этотъ дымъ въ себя. Дѣлается это раза два, три въ день. Если послѣ этого лихорадка не покинетъ больнаго, то прибѣгаютъ къ другому способу лѣченія, именно, къ такъ называемому *запушиванію лихорадки трубкою*. Больной садится у стола и его накрываютъ свитою, при чемъ стараются, чтобы просвѣтовъ изъ подъ свиты было какъ можно менѣе. Затѣмъ подаютъ подъ свиту больному раскуренную трубку и онъ начинаетъ неистово курить. Такъ какъ дымъ не можетъ выйдти изъ подъ свиты, то больной, черезъ нѣсколько минутъ, задыхается, чуфѣетъ и его кладутъ тогда на постель. Когда больной отойдетъ отъ страшнаго табачнаго угара, то, по повѣрью, лихорадка его покидаетъ. Одинъ изъ крестьянъ села Куряжанки разсказывалъ, что, по его мнѣнію, это самое вѣрное средство противъ лихорадки и что онъ однажды такъ пугнулъ лихорадку, что она ему явилась во свѣ и сказала: „та й задавъ же ты мини своею трубкою!“

Но если бы лихорадка не особенно испугалась трубки и продолжала бы мучить больнаго, тогда проподносятъ ей такъ называ-

Библиотека "Руниверс"

емаго *табачнаго вина*. Для этого берется очень закуренный, долго непрочищавшійся чубукъ и больнаго заставляютъ выпить, или вѣрнѣе, высосать чрезъ этотъ чубукъ рюмку водки. Этого напитка, по мнѣнію многихъ малороссіянъ, лихорадка очень не долюбливаетъ и, выпивъ рюмку, другой ожидать не будетъ, а предпочтетъ лучше бросить больнаго.

Иногда табакъ преподносится лихорадкѣ и другимъ способомъ. Берутъ $^1/_2$ рюмки нюхательнаго табаку и доливаютъ рюмку до полна водкою; затѣмъ мѣшаютъ хорошенько эту смѣсь и даютъ выпить больному. Обыкновенно, послѣ пріема такого лекарства съ больнымъ дѣлается страшная рвота; извѣстно нѣсколько случаевъ, когда лихорадка, послѣ такого страшнаго пріема нюхательнаго табаку, бросала больнаго.

Къ числу же наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ противъ лихорадки, къ которому малороссіяне прибѣгаютъ только тогда, когда всѣ средства безуспѣшно уже испробованы, это—*съѣданіе горсти земли со свѣжей могилы*. Нѣкоторые малороссіяне вѣрятъ, что съѣвшій этой земли избавляется отъ лихорадки на всю жизнь". (*Харьк. Вѣд.* 1884, № 289).

Крестьяне кіевской губерніи „пропасницу" считаютъ нечистой силой; „пропасныць" столько, сколько вѣроисповѣданій (пропасныця жыдивська). „Пропасныцю" знахарки лѣчатъ разными способами, но всѣ они такого характера, чтобъ ими „выгнать" болѣзнь изъ больнаго. „Бросали мнѣ, разсказывалъ парубокъ, лягушку въ пазуху, чтобъ я испугался. Я дѣйствительно испугался, но „пропасныця" меня не оставляла. Тогда мнѣ насыпали въ пазуху жита, повели къ пруду, поставили на камнѣ, лежавшемъ въ водѣ, и заставили смотрѣть въ воду на свое отраженіе. Когда я засмотрѣлся, то баба-знахарка толкнула меня въ бокъ и я полетѣлъ въ воду. Измокъ я до костей, такъ что едва доплелся до хаты. Съ тѣхъ поръ лихорадка начала меня мучить еще сильнѣе, но я скрывалъ свою болѣзнь, чтобъ какъ нибудь избавиться отъ бабы, которая не остановилась бы ни передъ какимъ средствомъ". Лѣчатъ отъ „пропасныци" еще вотъ какъ: въ „шокрышкѣ" знахарка сожигаетъ рыбу, освященную на св. пасху, и надъ курящейся рыбой усаживаетъ больнаго такъ, чтобъ онъ стоялъ на четверенькахъ; затѣмъ спутываетъ

Библиотека "Руниверс"

его „ряднами, кожухами, свитами“, чтобъ дымъ не могъ выходить. Несчастный больной задыхается отъ дыма, кричитъ, но его открываютъ только тогда, когда потухнетъ дымящаяся рыба. Иногда завязываютъ въ рукавъ больнаго яйцо на опредѣленный срокъ, чтобъ пропасныця оставила мучить. Если по истеченіи опредѣленнаго срока въ яйцѣ оставался только желтокъ, то „пропасныця“ скоро оставитъ больнаго. Иногда завязываютъ больному въ рубаху могильную землю на 9 дней, по прошествіи которыхъ больной долженъ отнести землю на ту могилу, изъ которой она взята. Одна женщина-крестьянка чуть не умерла со страху, когда ея сынъ потерялъ могильную землю изъ рубахи: къ этой женщинѣ приходилъ будто бы мертвецъ и требовалъ землю, взятую съ его могилы. Леченіе „пропасныци“ сопровождается купаньями, шептаньями, принятіемъ настоекъ изъ разныхъ травъ и проч. (*Совр. Изв.* 1879).

Въ Великороссіи отъ лихорадки даютъ деготь, полынь, водку съ солью, траву трефоль, черный перецъ, дубовую кору, ромашку, чеснокъ, подсолнечникъ (*Этн. Сб.*, I, 53, II, 165; *Пермск. Сбор.* II, 32). Въ Бѣлоруссіи лѣчатъ лихорадку испугомъ, мочей, цвѣтами васильковъ (*Крачковскій*, въ „Чтеніяхъ“, 194). Въ Россіи и въ Чехіи стараются обмануть лихорадку, надписывая на дверяхъ, что такого то дома нѣтъ (*Аѳанасьевъ*, въ Фил. Зап., 1868, IV, 338). Пруссаки и лужицкіе сербы стараются передать лихорадку дереву (*Zeitschr. f. Ethnologie,* 1883, 78; *Haupt,* Volkslied. II, 261). Въ Сибири больные лихорадкой чернятъ лицо и переодѣваются въ чужое платье, чтобы обмануть лихорадку (*Аѳанасьевъ*, въ Фил. Зап. 1868, IV, 338). Въ древности въ Англіи демоновъ лихорадки старались заклинаніями прогнать изъ больнаго (*Спенсеръ*, Опис. соц. I, 24). Индусскіе жрецы также прогоняли лихорадку въ „лѣсъ“ и горы (*Аѳанасьевъ*, ib. 344). Въ санскритскомъ яз. лихорадка называется tripad—треногій, и „tričiras“—трехъ-главый, названія, очевидно, демоническія. Въ Вишнупурана Кришна побѣждаетъ порожденіе Сивы злаго демона Тричиру. У древнихъ грековъ одно и то же слово (эпіалосъ) означало лихорадку и демона. (*Pictet*, въ Zeitschr. für vergleich. Sprachforschung, 1856, V, 345).

Библиотека "Руниверс"

102.

Пристритъ.

Въ одномъ стихотвореніи Шевченка дѣвушка, замѣтивъ, что ея милый груститъ и плачетъ, спрашиваетъ „чы не прыстритъ“, и собирается бѣжать къ знахаркѣ за зѣльемъ. Болѣзнь, называемая пристритомъ, проявляется зѣвотой, тошнотой, дрожью и наконецъ горячкой. Такъ опредѣляютъ ее въ летичевскомъ уѣздѣ подольской губ. (*Чубинскій*, I, 134). Въ кіевской губ. думаютъ, что пристритъ обнаруживается у больнаго одышкой и коликой въ боку. „Пристритомъ“ заболѣваютъ будто бы отъ зависти къ какому нибудь хорошему качеству: красотѣ, трудолюбію и др. Если, напримѣръ, какой нибудь старикъ или старуха, войдя въ хату, застанетъ за работой молодую хозяйку дома и скажетъ: ахъ, какъ прекрасно ты работаешь! то непремѣнно и „нападе прыстритъ“.

Послѣ „одмовляння“ баба-знахарка тяжело вздыхаетъ, будто ей очень больно: она будто видѣла, что „прыстритъ“ вышелъ изъ больной.

Народъ вѣритъ въ силу шептаній, какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ стиховъ:

Шепоту, шепоту
Пры твоему жывоту.
Якъ я пры тоби,
То и духъ пры тоби:
Якъ я одъ тебе,
То й духъ одъ тебе.

Т. е. пока знахарь сидитъ при больномъ и шепчетъ (заклинаетъ или молится), то и духъ при немъ; коль скоро больнаго оставитъ знахарь, то и „духъ отъ него“ (т. е. больнаго). (*Соврем. Изв.* 1879).

Демоническое значеніе пристрита опредѣляется изъ способовъ его лѣченія, особенно изъ заговоровъ: „Прыстритъ и прыстритыще, и врокы и врочыща, витряный, и водяный, и подуманый, и погаданый и помышляный, и запитаный, и заиданый и прылюбованый, прымылованый... и чоловичый, и жиночый..., и ранній, и денній, и годовый, и лисовый, и шляховый... я тебе вышепчу, щобъ ты не бувъ ни въ рукахъ, ни въ очахъ,

Библиотека "Руниверс"

ни въ животи (и пр.); пиды соби тыхенько и легенько зъ хаты зъ дымомъ, а зъ двора зъ витромъ... Вы лисы—лисища, вы боры—борыща визьмить соби пристритыща и урочыща, занесите ихъ въ пущы, на нетри и на сухи лиса, на быстри воды... тамъ люды не ходять и куры не поють (*Чубинскій*, I, 135). Очевидно, и здѣсь, въ пристритѣ видимъ маленькаго демона, который мучитъ человѣка и потомъ бѣжитъ изъ него подъ вліяніемъ заклинаній и плохаго корма въ лѣсныя трущобы. Любопытна здѣсь подробность о томъ, что пристритъ уходитъ изъ хаты черезъ трубу вмѣстѣ съ дымомъ. Эта подробность обнаруживаетъ родство пристрита съ чертомъ и домовымъ, которые также выходятъ изъ хаты черезъ трубу. Въ малорусской сказкѣ о вѣдьмѣ Пазехѣ находится такая подробность. Когда вѣдьма умирала, то выслала изъ хаты свою дочь; но послѣдняя не ушла и спряталась за печь. Въ хату налетѣло множество чертей, повертѣлись, побормотали, и одинъ за другимъ—фыркъ!—вылетѣли изъ хаты черезъ дымовую печную трубу (*Nowos.*, Lud. ukr. II, 45). Въ бѣлорусской свадебной пѣснѣ молодая, оставляя отцовскій домъ, уже сѣвши на возъ съ мужемъ, причитаетъ: „добрая доля да идзи за мной съ печи пламенемъ, зъ хаты каминомъ“ (*Потебня*, О долѣ, 16). Печной огонь, пламя въ древности считался домовымъ, spiritus familiaris, какое воззрѣніе встрѣчается у всѣхъ арійскихъ народовъ, начиная отъ индійскихъ Вѣдъ и кончая современными суевѣріями, сказками и обрядами простаго народа въ Россіи и въ западной Европѣ.

103.

Данния.

„Данния“ состоитъ въ томъ, что на больнаго нападаетъ какая то скука, недовольство своею жизнію, физическое изнеможеніе. При этомъ онъ блѣднѣетъ, тѣло его сохнетъ. „Даннею“ заболѣваютъ молодые люди, преимущественно мужескаго пола. Причиняютъ эту болѣзнь или дѣвушки, обманутыя въ любви, или „ворожбиты“. Для излѣченія „данния“ требуется опытная знахарка. Во многихъ малорусскихъ пѣсняхъ находятся указанія на данье, что, кому и за

Библиотека "Руниверс"

что оно поднесено, и каковъ печальный результатъ получился отъ данья. Обиженная дѣвушка накопаетъ зѣлья, вымоетъ его, сваритъ и подноситъ обманувшему ее парубку въ пищѣ или питьѣ:

Дала дивчынонька козакови коханъ-зилья спыты,
Щобъ ему молодому на свити не жыты (*Чуб.*, V, 428).

—

Вона ему дала чары въ пшенычнимъ пирози;
Въ еднимъ рази—а въ пирози шальвія и рута,
Въ другимъ рази—а въ пирози годыночка люта (ib. 434).

—

Дала вона мени перепилку въ масли;
Ой изъивъ же я идно крыльце и реберце,
Пидперло мене пидъ груды, пидъ серце (ib. 435).

Во многихъ пѣсняхъ ядъ получается такимъ образомъ: на деревѣ виситъ три змѣи; солнце грѣетъ ихъ и изъ ихъ пастей капаетъ ядъ; дѣвушка наставила „коновочку“ и собрала его (*Чуб.*, V, 432).

Иногда „данье“ даетъ знахарь. Въ волынскомъ Полѣсьѣ вѣрятъ, что злые люди носятъ ядъ за ногтями и пускаютъ его въ питье, обмакнувъ палецъ въ рюмку (*Brykczyński*, въ Zbiór wiadomosci, XII, 94). Въ кіевской губерніи крестьяне вѣрятъ, что вѣдьмы незамѣтнымъ образомъ даютъ имъ въ пищѣ и напиткахъ гадюкъ, ящерицъ, лягушекъ и порошки изъ разныхъ ядовитыхъ травъ. Внезапныя заболѣванія, долговременная чахлость, извѣстныя болѣзни мозга, по которымъ больной слышитъ мнимый крикъ лягушекъ, лай собакъ, хлопанье крыльевъ и т. п., приписываютъ „даванымъ“ вѣдьмъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и помимо такъ называемыхъ вѣдьмъ въ народѣ есть много злонамѣренныхъ и мстительныхъ людей, которые для своихъ враждебныхъ цѣлей прибѣгаютъ къ ядовитымъ веществамъ. Но крестьяне не имѣютъ въ виду этого факта, и всѣ случаи дѣйствительнаго и мнимаго отравленія приписываютъ извѣстнымъ женщинамъ, слывущимъ колдуньями, на которыхъ, вслѣдствіе этого, обрушивается множество непріятностей. Въ одномъ селѣ жила старуха, прозванная вѣдьмой, которую подозрѣвали въ отравленіяхъ людей. Однажды въ селѣ скоропостижно умеръ крестьянинъ. Всѣ заговорили, что онъ умеръ отъ яда, даннаго ему помянутой старухой. Сыновья умершаго рѣшились отомстить вѣдьмѣ.

Библиотека "Руниверс"

Случилось ей однажды идти ночью изъ шинка; они напали на нее и перебили ей крестцовую кость, такъ что она шесть лѣтъ до своей смерти ходила на четверенькахъ (*Краснокутскій*, въ „Кіев. Епарх. Вѣд.“). Однако, къ знахарямъ и знахаркамъ обращаются съ просьбой вылѣчить отъ данья. Обыкновенно дѣло бываетъ такъ: когда заболѣетъ у крестьянина сынъ, онъ готовъ обратиться за помощью къ доктору или фельдшеру, если они живутъ близко; но если далеко, или въ случаѣ лѣкарство, прописанное врачемъ, не скоро помогаетъ, то крестьянинъ везетъ сына къ знахарю. Онъ ставитъ передъ нимъ бутылку съ водкой, кладетъ хлѣбъ и немного денегъ. Знахарь смотритъ на воду въ стаканѣ, шепчетъ, даетъ зѣлье, совѣтуетъ умывать лицо росой, пить холодную воду, въ которую была положена жаба или зубъ изъ бороны, нюхать дымъ съ запаленнаго волоса изъ хвоста коричневой лошади, и получаетъ за свои совѣты могорычъ (*Sarnecki*, въ Wisła, 1887, VII, 266). Гонораръ бываетъ различный: мѣшокъ картофеля, курица, десятокъ или два яицъ, бутылка водки, миска муки или кусокъ свинины (*Nowos.*, Lud. ukr., II, 42).

Когда потчиваетъ водкой лицо, доброжелательство котораго подлежитъ сомнѣнію, то водку эту выливаютъ въ огонь, изъ опасенія данья. Говорятъ, что водку съ „даньемъ“ легко узнать по тому, что на днѣ рюмки всегда находится маленькій столбикъ въ родѣ шпильки. Если такая водка постоитъ нѣсколько времени, то въ рюмкѣ покажутся змѣи и ящерицы. Если вылить данье подъ двери (подъ пяту) или подъ печь, то данье обратится во вредъ тому, кто приготовилъ его. Говорятъ, что для излѣченія данья идетъ особая трава. Знахарки ее копаютъ. Если онѣ находятъ корни этого растенія лежащими накрестъ, то это служитъ признакомъ, что получившій данье не можетъ быть вылѣченъ (*Kopernicki*, въ Zbiór wiadomosci, XI, 198).

104.

Сглазъ.

Въ повѣсти Квитки „Маруся“ дѣвушка, любимая дочь родителей, заболѣваетъ. Мать ея говоритъ: „Нехай Богъ бороныть, чы

Библиотека "Руниверс"

не зъ очей ій сталось?“—„У васъ, у жинокъ, усе зъ очей, заворчалъ отецъ; чы дытына змерзла на холоди, чы дытыни душно въ хати, вы кажете: зъ очей; голодна, исты просыть—зъ очей; наившысь не хоче—и то зъ очей; чы засміялась, чы зажурылась—усе зъ очей; усе про все у васъ очи“ (*Квитка*, I, 47). Въ этихъ словахъ вѣрно отмѣчено распространеніе повѣрья о сглазѣ, т. е. о возможности вредить человѣку взглядомъ и помысломъ. „Дурной“ глазъ, по народнымъ повѣрьямъ, встрѣчающимся въ Россіи повсемѣстно, распространяетъ свое вредное вліяніе на все, чего только касается его взглядъ: отъ него болѣютъ и умираютъ люди и животныя, деревья портятся и засыхаютъ. Въ Великороссіи и въ Малороссіи дурными глазами считаются косые, впалые, выглядывающіе изъ за нахмуренныхъ бровей. Въ волынской губ. существуетъ повѣрье, что дурной глазъ имѣетъ тотъ человѣкъ, которому въ дѣтствѣ мать поднесла грудь нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ отняла отъ груди (*Kopernicki*, въ Zbiór XI, 197; *Nowosielski*, Lud ukr., II, 155). Чаще всего дѣйствіе дурнаго глаза обнаруживается на младенцахъ, и существуютъ разные способы огражденія ихъ отъ дурнаго глаза. Чтобы люди съ дурнымъ глазомъ не вредили курамъ, подъ насѣдокъ кладутъ перо, выдернутое изъ сороки, убитой 1 марта (*Kopernicki*, 197). Въ сборникахъ заговоровъ великорусскихъ—Л. Майкова и малорусскихъ г. Ефименка и Чубинскаго (въ „Трудахъ“ I т., 158) находится много заговоровъ отъ сглаза [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великороссіи въ избахъ надъ дверьми вѣшаютъ лапоть, чтобы дурной глазъ человѣка на немъ обломился (*Этногр. Сб.* I и V). Вѣрованіе въ сглазъ встрѣчается чуть ли не у всѣхъ народовъ славянскихъ и иноплеменныхъ. Въ одной польской повѣсти отъ недобрыхъ очей пана засыхаютъ деревья и на морѣ поднимаются бури. Всѣ люди бѣжали отъ него. Въ отчаяніи панъ вырвалъ свои глаза и зарылъ ихъ въ землю. Когда впослѣдствіи слуга откопалъ зарытыя очи, они горѣли, какъ двѣ свѣчи въ ночномъ мракѣ, и едва свѣтъ ихъ коснулся его лица—слуга упалъ бездыханный (*Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр. I, 175). У балканскихъ славянъ также

[1]) Въ харьк. губ. сглазомъ объясняютъ, между прочимъ, тѣлесные недостатки; искривленіе рукъ и ногъ, бѣльма. Искривленіе рукъ и ногъ бабки лѣчатъ нашептываніями и конскимъ навозомъ, который кладутъ на больные члены.

Библиотека "Руниверс"

распространено повѣрье въ сглазъ (*Задерацкій*, Слав. ежегод. 1877, 160). Нѣмцы противъ сглазу (entsehen) носятъ лапу слѣпаго крота. Въ германскихъ сагахъ люди съ густыми сросшимися бровями обладаютъ волшебнымъ могуществомъ (ib. 174). Въ древней англо-саксонской поэмѣ Беовульфѣ отмѣчено вѣрованіе въ дурной глазъ (*Спенсеръ*, Описат. соціол., 209). Арабскій путешественникъ XIV вѣка Ибнъ-Батута говоритъ, что въ Индіи въ г. Дели была утоплена одна вѣдьма за то, что „своимъ злымъ окомъ убила ребенка", т. е. сглазила до смерти (*Nowosielski*, Lud ukr. II, 83). По мнѣнію турокъ, злой человѣкъ можетъ всякого сглазить, и результатомъ бываетъ потеря богатства, красоты, болѣзнь или смерть. Сглазъ по турецки назаръ—не происходитъ ли это слово отъ слав. назирать, назоръ? Отъ сглазу въ Турціи употребляютъ разные талисманы, амулеты, чеснокъ, окуриванія травами, кабаньи клыки, заячьи головы, рубины, голубое стекло, сердоликъ, страусовыя яйца. Въ Турціи голубыхъ и сѣрыхъ глазъ боятся болѣе темныхъ; люди съ рыжими волосами считаются особенно подозрительными. Восточные народы живутъ въ постоянномъ страхѣ дурнаго глаза (*Народы Турціи*, II, 144—147). Кавказскіе горцы евреи сглазу приписываютъ всякую нечаянную болѣзнь, обморокъ, ударъ. Какъ въ Малороссіи слизываютъ лицо отъ сглазу, такъ и на Кавказѣ у евреевъ сглазившій долженъ смазать своей слюной лицо больнаго. Чтобы узнать, былъ ли сглазъ, бросаютъ на стѣну горсть муки, и если она пристала, то значитъ сглазъ, если же нѣтъ, то причина болѣзни другая. А чтобы узнать, кто именно сглазилъ, горскіе евреи дѣлаютъ изъ тѣста шарики и бросаютъ въ огонь, произнося при этомъ имена всѣхъ односельцевъ мужескаго и женскаго пола или тѣхъ, кого видѣлъ больной въ послѣднее время. Если шарики горятъ при этомъ не трескаясь и не выскакивая изъ огня, то значитъ никто изъ названныхъ не сглазилъ; если же шарикъ выскакиваетъ съ трескомъ при произнесеніи имени кого-либо, то сейчасъ посылаютъ къ этому лицу и просятъ прислать въ блюдцѣ своей слюны или же прійти самому и смазать слюною лобъ больнаго, губы, щеки, подбородокъ и плечо. Шарикъ же, выскочившій изъ

Библиотека "Руниверс"

огня, превращаютъ въ порошокъ и даютъ больному съ водой (*Вс. Миллеръ*, Сборн. матер. по этногр., III. 303) [1]).

Аѳанасьевъ совершенно ошибочно объясняетъ сглазъ древнимъ культомъ солнца и грозы. Тутъ у него является и „знойный блескъ солнечнаго ока“, и „сверкающіе взоры Перуна“ (Поэт. воззр., I, 172). Источникъ вѣрованій въ сглазъ скрывается въ простѣйшей демонологіи. Злой человѣкъ преисполненъ маленькими вредными демонами, съ его взглядомъ демоны переходятъ на тотъ предметъ, на который онъ посмотрѣлъ. Такъ въ древности была объяснена чарующая сила взгляда, возбуждающая чувства любви, страха, ненависти, злобы, ободряющая и усыпляющая, сила, обнаруживающаяся нынѣ въ гипнотизмѣ. и не объясненная вполнѣ современной наукой. Древній человѣкъ благоговѣлъ передъ этой силой, боялся ее, какъ живаго демоническаго существа. Въ нѣмецкихъ сагахъ человѣкъ съ густыми сросшимися бровями обладаетъ сверхъестественнымъ могуществомъ и можетъ, по своей волѣ, высылать изъ себя духа, который вылетаетъ изъ бровей въ видѣ бабочки и причиняетъ смерть сонному врагу. Въ сербскихъ сказкахъ въ видѣ бабочки вылетаетъ злой духъ вѣдьмы (*Аѳанасьевъ*, I, 174). На такомъ міровоззрѣніи основано и вѣрованіе въ сглазъ. Въ основѣ его лежитъ подавляющая демонологія.

105.

Уроки.

Въ даньѣ вредъ наносится человѣку посредствомъ отравы зельемъ или змѣей, отравы, понимаемой въ смыслѣ вещественномъ и мистическомъ. Въ сглазѣ вредъ наносится посредствомъ одного взгляда, слѣдовательно, преимущественно, въ мистическомъ смыслѣ. Уроки состоятъ въ томъ, что человѣкъ страдаетъ отъ дурнаго слова, сказаннаго съ преднамѣренной злой цѣлью или даже случайно безъ злаго умысла, но въ дурной часъ. Предполагается, что сидя-

[1]) Во 2 кн. Ethnolog. Mitteilungen aus Ungarn 1888 г. напечатанъ румынскій заговоръ отъ дурнаго глаза. Прим. авт.

Библиотека "Руниверс"

щіе въ зломъ человѣкѣ или летающіе въ воздухѣ демоны воспользовались дурнымъ словомъ, какъ пользуются они и дурнымъ глазомъ, чтобы войти въ человѣка, сдѣлать его больнымъ и несчастнымъ. Иногда „врокы“ отождествляются съ глазомъ, по забвенію этимологическаго значенія слова урочить отъ рѣчь, рѣкти. Въ винницкомъ у. подольск. губ. „врокамы“ называютъ боль головы, причемъ объясняютъ „врокы“ тѣмъ, что знахарь пристально или долго смотрѣлъ на человѣка (*Чубинскій*, I, 131). Уроками объясняютъ всякое болѣзненное состояніе особенно маленькихъ дѣтей. Чтобы опредѣлить, изурочено ли дитя, знахарка опускаетъ въ воду нѣсколько угольковъ. Если они плаваютъ на водѣ, значитъ дитя страдаетъ отъ уроковъ; если тонутъ—то болѣзнь другая. Въ заговорахъ уроки являются демоническими существами. Они происходятъ отъ встрѣчъ (пристрѣтельны) съ злыми людьми или насланы. Селятся они въ ногахъ, рукахъ, глазахъ, во всѣхъ суставахъ человѣка и нудятъ около сердца, ломаютъ кости. Чтобы они вышли изъ больнаго, на нихъ бабка кричитъ: гамъ, гамъ, гамъ! призываетъ на помощь святыхъ угодниковъ Божіихъ и, съ ихъ помощью, прогоняетъ уроки въ темные лѣса, густые очереты, на болота, за моря (*Ефименко*, 25—27; *Чубинскій*, I, 131—135).

Болгары также боятся „урука“, т. е. порчи отъ дурнаго глаза или дурнаго слова. Чтобы охранить родильницу отъ уроковъ, они закрываютъ ей лицо бѣлымъ платкомъ, втыкаютъ въ волосы кусокъ чесноку, кладутъ на подушку красный лукъ (*Слав. Ежегод.* 1877, 160). Болгары вѣрятъ, что ко всякому новорожденному являются три или четыре чудесныя дѣвы и присуждаютъ ему счастливую или несчастную долю. Дѣвъ этихъ называютъ урисницами. Говорятъ, что есть три добрыя урисницы и три злыя, и онѣ ведутъ между собой вѣчную войну. Изъ трехъ добрыхъ одна даетъ младенцу умъ, другая здоровье и красоту, и третья руководитъ его впродолженіи всей жизни. Всѣхъ урисницъ много; онѣ всегда юны и прекрасны и живутъ на небѣ; въ туманахъ и вихрѣ онѣ нисходятъ за душой умирающаго человѣка. Значительное сходство съ урисницами представляютъ славянскія рожаницы, греческія мойры, римскія парки, романскія феи и германскія норны (*Аѳанасьевъ*, III, 343).

Библиотека "Руниверс"

Повидимому, между украинскими уроками и болгарскими урисницами существуетъ связь. Въ то время какъ первые не вышли изъ общаго низкаго уровня древнѣйшей демонологіи, остались неопредѣленными и темными миѳическими существами, послѣднія получили въ народномъ міровоззрѣніи опредѣленныя и ясныя черты дѣвъ судьбы, можетъ быть, подъ вліяніемъ богатой миѳологіи греческаго народа.

Вѣрованіе въ уроки встрѣчается у древнѣйшихъ народовъ, напр., у халдеевъ. Въ сумерійскомъ гимнѣ четвертаго тысячелѣтія до Р. Хр. уже встрѣчается заговоръ отъ зловреднаго слова (*Никольскій*, Сум. гимнъ). Повѣрье въ уроки основано на вѣрованіи въ силу слова. Въ Калевалѣ Вейнемейненъ пѣніемъ своимъ вгоняетъ своего врага Юхагайнена въ землю (перев. *Гранстрема*, 18). Повѣрье о томъ, что можно заговорить или запѣть человѣка до смерти, встрѣчается въ Индіи и разныхъ мѣстахъ Европы (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 345—346).

106.

Божевильный.

Психическое разстройство у всѣхъ народовъ приписывается дѣйствію сверхъестественныхъ злыхъ или добрыхъ существъ, и въ однихъ случаяхъ сумасшедшіе считаются бѣсноватыми, въ другихъ юродивыми, смотря по свойствамъ и проявленіямъ умопомѣшательства, буйное—считается бѣснованіемъ, тихое—господствомъ добраго духа; если больной часто бываетъ въ церкви и распѣваетъ молитвы, то уваженіе къ нему народа увеличивается, и всѣ считаютъ его человѣкомъ божевильнымъ, пророкомъ. Во многихъ языкахъ одни и тѣ же слова выражаютъ психическое разстройство и демона, производящаго его. Въ санскр. bhâta—домовой, божокъ, кобольдъ отъ корня bhaṭ—decipere, fallere, bhûta—злой духъ, bhauta—демонический, а производныя отъ bhuta—bhutavikriya—падучая болѣзнь, bhutakranti (срав. нѣмец. Krankheit), bhutasanjara, bhutaveśa—бѣшенство. Въ готскомъ яз. bauts—stultus, mutus, surdus. Въ латинскомъ fatuus—глупый, умопомѣшанный отъ демоновъ fatui, которые, по словамъ Плинія, жили въ домахъ. (*Pictet*, въ Zeitschr. für Sprachforschung. 1856, V, 333). Въ малорусскомъ

Библиотека "Руниверс"

словѣ божевильний нельзя видѣть указанія на добраго духа, а вообще на демона болѣзни. Мысль о карающемъ божествѣ обнаруживается въ многихъ славянскихъ названіяхъ болѣзней, напр.: bogine—оспа, boża rana—чума, boża moč—падучая, бѣшенство, boża ruka—параличъ. Въ русскихъ областныхъ говорахъ божье или божья немочь—падучая, божья—общее названіе для эпидеміи (*Аѳанасьевъ*, въ Фил. Зап. 1868, Ш, 269). По вѣрованію кавказскихъ горскихъ евреевъ, нечистый духъ Шегаду входитъ въ душу человѣка за какую нибудь вину, и послѣдній теряетъ разсудокъ; оттого сумасшедшіе называются шегадуни т. е. водящіеся съ нечистымъ духомъ. Злые духи шегаду уводятъ людей въ свое царство, и если удается имъ уйти, то они все таки теряютъ разсудокъ. Припадки происходятъ отъ того, что шегаду схватываетъ человѣка за сердце и горло и душитъ (*Сборн.* матер. по этногр. изд. при Дашк. Музеѣ, ст. *Анисимова*, Ш, 215).

107.

Обмираніе.

Малороссіяне вѣрятъ въ обмираніе, когда душа оставляетъ на время тѣло, странствуетъ и затѣмъ возвращается въ него. Сказки на эту тему находятся въ 2 т. „Трудовъ“ Чубинскаго и въ „Бытѣ подолянъ“ Шейковскаго. Въ одной легендѣ обмиравшая старуха говоритъ, какъ въ моментъ кончины душа ея, какъ птичка, вылетѣла изъ тѣла, посидѣла въ переднемъ углу подъ потолкомъ на образѣ и затѣмъ вылетѣла въ открытое окно. Дѣдъ (Харонъ) повелъ ее въ адъ и здѣсь показалъ, какъ мучатся грѣшники, потомъ отпустилъ ее назадъ въ міръ, приказавъ ей разсказать людямъ про все, что она видѣла въ аду, чтобы люди поменьше грѣшили (*Кулишъ*, Зап. о юж. Руси, I, 303). Подобнаго рода повѣрья и сказанія встрѣчаются въ Бѣлоруссіи. Такъ, въ одной бѣлорусской сказкѣ разсказывается, какъ нищій обманулъ одну женщину, сказавши, что онъ съ того свѣта и выманивши у нея платья и кушанья для ея покойной дочери. Сынъ обманутой женщины пошелъ искать по свѣту болѣе глупой женщины, чѣмъ его мать, въ чемъ и успѣлъ. (*Karłowicz*, Podania lud. zebr. na Litwie № 6). Сходныя сказанія встрѣчаются

Библиотека "Руниверс"

въ западныхъ фабльо, новеллахъ и фацеціяхъ (*Romania*, 1882, 416), въ легендахъ шавовъ (*Вс. Миллеръ*, Сбор. матер. Ш, 91).

При объясненіи малорусскихъ и сходныхъ съ ними инородныхъ сказаній объ обмираніи, полагаю, слѣдуетъ отличать двѣ стороны— происхожденіе и распространеніе, причемъ происхожденіе объясняется удовлетворительно древними демонологическими представленіями о болѣзни, смерти и душѣ, а въ вопросѣ о распространеніи этихъ сказаній или нѣкоторыхъ частныхъ ихъ мотивовъ на первое мѣсто выступаетъ теорія литературнаю заимствованія, въ частности воздѣйствія письменныхъ памятниковъ на устную народную словесность.

Мысль объ обмираніи возникла изъ первобытныхъ наблюденій надъ людьми, страдающими обмороками, и въ особенности на основаніи сближенія смерти со сномъ. Дикари обморокъ и летаргію объясняютъ предположеніемъ, что душа временно покидаетъ тѣло. Подобнымъ образомъ слабость или упадокъ здоровья приписывается выходу изъ человѣка души или части ея. Въ этихъ случаяхъ обычнымъ методомъ лѣченія является возвращеніе души на ея мѣсто; такъ, сѣверо-американскій знахарь дѣлаетъ видъ, что онъ ловитъ бѣглую душу своего паціента и сажаетъ ее обратно ему въ голову. На Фиджи больной туземецъ взываетъ къ своей собственной душѣ, умоляя ее вернуться къ нему (*Тэйлоръ*, Антропологія, 352). Обитатели о. Тонга думаютъ, что души ихъ начальниковъ возвращаются въ Тонгу, чтобы вдохновлять жрецовъ, и являются въ сновидѣніяхъ. Гренландцы и многіе другіе народы вѣрятъ въ реальность сновидѣній и думаютъ, что ночью душа дѣйствительно охотится, ходитъ въ гости, отыскиваетъ невѣстъ и т. д. (*Леббокъ*, Нач. цив. 156—157).

Судя по древнимъ славянскимъ воззрѣніямъ на душу, вполнѣ вещественно-анимистическимъ (птица, бабочка, мышь, огонь и пр. п.; подробности у *Котляревскаго* въ „Погреб. обрядахъ“ и у *Аѳанасьева* въ „Поэт. воззр.“ и въ ст. „Загр. жизнь по народ. повѣрьямъ“), можно съ увѣренностью сказать, что основа малорусскихъ и бѣлорусскихъ повѣрій и сказаній про обмираніе старославянская. Но весьма возможно, что къ этой основѣ пристали литературные мотивы, зашедшіе изъ Византіи и преимущественно изъ западной Европы; возможно даже, что на ряду съ своенародными повѣрьями этого рода шли цѣлыя заимствованныя повѣсти или сложенныя подъ

Библиотека "Руниверс"

вліяніемъ литературныхъ памятниковъ. Онѣ распространялись уже на готовой почвѣ народныхъ вѣрованій въ возможность обмиранія. Въ старинной церковной литературѣ, преимущественно въ западныхъ легендахъ, часто выступаютъ обмиравшіе люди. Въ Англіи Дритгельмъ (VIII в.) воскресъ изъ мертвыхъ и разсказалъ то, что видѣлъ въ аду; позднѣе (въ XII в.) объ адѣ разсказывалъ другой обмиравшій монахъ, Тундель (*Спенсеръ*, Описат. соціол. 208, 212). Много такихъ разсказовъ вошло въ „Великое Зерцало“ — средневѣковый сборникъ чудесъ. Іезуиты издавали и распространяли этотъ сборникъ. Польскій переводъ „Великаго Зерцала“ выдержалъ три изданія, съ дополненіями изъ польскихъ источниковъ. Великое Зерцало было извѣстно южнорусскимъ писателямъ XVII в. Въ южнорусскихъ сочиненіяхъ и сборникахъ этого времени встрѣчаются легенды изъ Великаго Зерцала. Между прочимъ, въ Великомъ Зерцалѣ встрѣчаются разсказы въ § 1654: „Яко нѣкій не малое время изшедши изъ тѣла паки въ животъ возвратися и зѣло добрымъ житіемъ живяше“; въ § 2080: „О женѣ умершей и въ животъ возвратившейся хотяше исповѣдатися грѣховъ своихъ“; въ § 2233: „Повѣсть о нѣкоемъ кузнецѣ умершемъ и паки въ животъ возвратившемся“ (*Владимировъ*, Великое Зерцало, прилож. 2). Зная, съ какимъ уваженіемъ южнорусскіе писатели второй половины XVII в., въ особенности Галятовскій и Радивиловскій, относились къ „гисторіямъ“ разныхъ латинскихъ авторовъ и какъ охотно вводили ихъ въ свои сочиненія, можно думать, что и западныя легенды о людяхъ обмиравшихъ въ XVII в. нашли доступъ въ Украину.

Сказанія объ обмираніи встрѣчаются также въ памятникахъ старинной московской литературы. Такъ, въ одной изъ „повѣстей отца нашего Пафнутія Боровскаго“ XV вѣка находится сообщеніе о нѣкоей обмиравшей инокинѣ. Очнувшись, она разсказала, что и кого она видѣла въ раю и въ аду и въ мѣстѣ посрединѣ (*Веселовскій*, въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1888, XI, 97).

Библиотека "Руниверс"

108.

Украинскіе знахари.

Знахари всѣхъ народовъ имѣютъ между собой много общаго, и украинскіе отличаются, напримѣръ, отъ великорусскихъ, болгарскихъ, немногими мелочами. Вообще, колдунъ, знахарь въ Великороссіи имѣетъ болѣе значенія въ жизни простаго народа, чѣмъ въ Малороссіи. Въ Великороссіи онъ является необходимымъ лицомъ на свадьбѣ. Въ Малороссіи знахарь уступаетъ пальму первенства знахаркамъ; и бабъ—ворожей гораздо болѣе, чѣмъ знахарей, и къ первымъ чаще обращаются. О знахаряхъ и знахаркахъ принято отзываться съ презрѣніемъ и осужденіемъ; въ томъ положеніи, которое они занимаютъ въ селѣ, въ способахъ практикуемаго ими лѣченія болѣзней часто обнаруживается вредное ихъ вліяніе; они поддерживаютъ въ народѣ суевѣрія и вредятъ здоровью, иногда даже смерть причиняютъ своимъ невѣжественнымъ лѣченіемъ. Въ кіевской губ. въ с. В. одинъ знахарь въ 1876 г. задушилъ во время лѣченія дитя, и никто въ селѣ не обратилъ на это вниманія. При всемъ томъ, деревенское знахарство имѣетъ свою хорошую сторону и прочныя заслуги. Села наши почти лишены медицинской помощи. Уѣздный врачъ наѣзжаетъ лишь въ экстренныхъ случаяхъ, для освидѣтельствованія убитаго или утопленника, иногда во время эпидеміи, въ послѣднемъ случаѣ онъ теряется подъ тяжестью непосильной работы, при крайне неблагопріятныхъ гигіеническихъ условіяхъ сельской жизни. Врача часто нельзя найти въ томъ случаѣ, когда онъ въ особенности нуженъ, напримѣръ, при укушеніи змѣей или бѣшеной собакой. Къ тому же научная медицина не представляетъ радикальныхъ средствъ для излѣченія именно этихъ болѣзней, требующихъ быстрой помощи. Между тѣмъ, среди знахарей попадаются такіе, которые лѣчатъ отъ укушенія бѣшеной собаки и отъ укушенія змѣи. Въ статьѣ Н. Т. „Домашняя медицина малороссіянъ“, напечатанной въ 289 № „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1884 г., читаемъ: „Между знахарями и знахарками есть люди, заслуживающіе серьезнаго вниманія, это—знахари и знахарки, излѣчивающіе водобоязнь и пріостанавливающіе дѣйствіе яда при укушеніи ядовитою змѣей. Вблизи нашего хутора (вблизи Харь-

Библиотека "Руниверс"

кова) проживала женщина, которая пріобрѣла большую извѣстность лѣченіемъ при укушеніи змѣями. Мнѣ пришлось познакомиться какъ съ знахаркой, такъ и съ самымъ способомъ лѣченія при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Однажды утромъ я услыхалъ крикъ пастуха, и, выйдя изъ комнаты, чтобы узнать въ чемъ дѣло, увидалъ его подбѣгающимъ уже къ воротамъ хутора съ плачемъ и крикомъ: „гадюка укусила меня за руку!“ Я и бывшіе въ дворѣ люди бросились къ мальчику съ разспросами, а мать его, бывшая здѣсь же, опрометью побѣжала къ знахаркѣ, чтобы какъ можно скорѣе привести ее, пока дѣйствіе яда не успѣло сильно распространиться. Между тѣмъ, укушенная рука пастуха быстро пухла, и въ то время, когда мать и знахарка прибѣжали во дворъ, опухоль распространилась отъ кисти до плеча. Осмотрѣвъ руку, знахарка дала пастуху выпить деревянную ложку какой то совершенно прозрачной жидкости и этою же жидкостью провела кольцо вокругъ руки у самаго плеча. Затѣмъ она взяла въ правую руку опухлую руку пастуха, поднесла ее къ самому рту и, дѣлая лѣвою рукою какіе то знаки, начала что то нашептывать. Черезъ нѣсколько минутъ можно уже было замѣтить, что опухоль далѣе проведеннаго кольца не распространяется и быстрое ея увеличеніе стало какъ бы задерживаться. Нашептываніе это продолжалось минутъ, я полагаю, двадцать. Въ продолженіи дня опухоль все болѣе и болѣе опадала, такъ что къ утру слѣдующаго дня пастухъ былъ уже совершенно здоровъ и погналъ, по обыкновенію, пасти скотъ. На мою просьбу объяснить мнѣ способъ приготовленія цѣлебной воды, знахарка отвѣчала, что, при всемъ ея желаніи удовлетворить мою просьбу, она этого сдѣлать не можетъ, такъ какъ вслѣдствіе такого объясненія она сама потеряла бы силу лѣчить отъ укушенія змѣй, да и я былъ бы не въ состояніи ничего сдѣлать, а что она, когда будетъ умирать, передастъ этотъ секретъ старшей изъ своихъ дочерей, а если таковой не будетъ, то ближайшей родственницѣ. Когда я обратился къ знахаркѣ съ просьбою одолжить мнѣ хотя немного цѣлебной воды (съ цѣлью подвергнуть ее химическому анализу), она отвѣчала, что въ запасѣ у нея этой воды нѣтъ, что вода эта—обыкновенная и что цѣлебную силу она получаетъ отъ извѣстнаго ей одной наговора.—Интересно было бы узнать, замѣчаетъ при этомъ г. Н. Т., что именно входитъ въ составъ воды

Библиотека "Руниверс"

знахарки, имѣющей столь необыкновенную цѣлебную силу. Хотя пившіе ее и утверждаютъ, что она на вкусъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной воды, однако же нельзя допустить, чтобы силу эту она получала исключительно отъ нашептыванія и, по всей вѣроятности, въ составъ ея входитъ какое нибудь вещество, цѣлебныя свойства котораго неизвѣстны еще медицинѣ".

Въ с. Боромлѣ, ахтырскаго уѣзда, я знаю одного пожилаго, богатаго, уважаемаго въ селѣ крестьянина, который лѣчитъ послѣ укушенія бѣшеной собаки. Въ этомъ состоитъ все его знахарство. Его часто возятъ въ сосѣднія села. Сначала онъ опредѣляетъ болѣзнь: смотритъ, нѣтъ ли во рту подъ языкомъ (человѣка или животнаго) особаго прыщика, и если есть таковой, то даетъ пить порошокъ какой то высушенной травы. Сельское общество приняло на себя уплату всѣхъ его повинностей, за что онъ обязался не отказывать односельчанамъ въ своей помощи. Лѣтъ десять назадъ бѣшеная собака сильно искусала моего слугу. Дѣло было въ Боромлѣ, во время моего тамъ пребыванія. Упомянутый знахарь долго поддерживалъ раны, вызывалъ гноетеченіе и въ то же время поилъ пострадавшаго травой. Въ результатѣ было полное излѣченіе [1]).

Иногда бабки ворожеи оказываютъ помощь въ нѣкоторыхъ другихъ болѣзняхъ, или удачнымъ траволѣченіемъ или разминаніемъ членовъ, что служитъ своего рода массажемъ.

Кромѣ этой реальной пользы, знахари оказываютъ своимъ односельчанамъ и нравственную услугу, поддерживая въ нихъ надежду и бодрость духа въ трудныя минуты жизни. Они удовлетворяютъ народнымъ вкусамъ и желаніямъ, даютъ народу добрый совѣтъ за самое маленькое вознагражденіе, курицу, десятокъ яицъ, кварту горилки. По народному міровоззрѣнію, знахарь тѣмъ силенъ, что обнимаетъ своимъ умомъ духовный и вещественный міръ. Знахарь является на помощь крестьянину не только въ томъ случаѣ, когда послѣдній боленъ, но также на свадьбѣ и во время сбора хлѣба; онъ устраняетъ отъ жениха и невѣсты козни злыхъ людей, снимаетъ закрутки съ нивъ, украшенныхъ золотыми хлѣбными колось-

[1]) Въ „*Ветеринар. Вѣстникѣ*" 1886 г. была помѣщена небольшая, но весьма любопытная статья *В. В. Иванова* „Народное лѣченіе бѣшенства". Статья составлена по личнымъ наблюденіямъ въ харьк. и валковскомъ уѣздахъ. *Прим. авт.*

Библиотека "Руниверс"

ями... Пусть все это невѣжественное суевѣріе, застарѣлые предразсудки; нужно желать, чтобы въ селѣ утвердилось разумное пониманіе природы, чтобы мѣсто темнаго знахаря занялъ просвѣщенный врачъ; но пока этого нѣтъ, знахарь является нужнымъ и подчасъ полезнымъ человѣкомъ въ селѣ; онъ лѣчитъ, ободряетъ, утѣшаетъ; и если бы вырвать его изъ современной народной жизни, особенно изъ тѣхъ селъ, гдѣ нѣтъ ни врача, ни школы, ни церкви, хотя разумѣется никакая сила его отсюда сразу не вырветъ, потому что знахарь коренится въ основахъ народнаго міровоззрѣнія, такъ—если бы вырвать, то простому народу причинено было бы страданіе, физическое и нравственное.

Знахарь иногда пріобрѣтаетъ большую извѣстность по совершенно незначительнымъ поводамъ, получаетъ власть надъ умами своихъ односельчанъ и пользуется этой властью съ умомъ и осторожностью. Хорошей иллюстраціей можетъ служить слѣдующая біографія одного украинскаго знахаря: въ молодости Ивась (имя знахаря) былъ дворовымъ человѣкомъ; женившись, онъ поселился въ селѣ. Не имѣя своего хозяйства, онъ зарабатывалъ средства къ жизни поденной работой въ сосѣднихъ экономіяхъ. Онъ имѣлъ собаку и когда она заболѣла, то сельчане рѣшили, что она бѣшеная, и хотѣли ее убить. Ивась привязалъ ее во дворѣ, и собака вскорѣ выздоровѣла. Этотъ пустой случай подалъ односельчанамъ Ивася мысль, что онъ „щось знае“, и его стали считать знахаремъ. Славу его знахарской силы укрѣпилъ другой пустой случай: однажды, онъ былъ въ гостяхъ у одного крестьянина и собирался ворожить, какъ вдругъ вошелъ въ хату мѣстный помѣщикъ. „Панъ тутъ попсовавъ“ сказалъ Ивась. Услышавъ эти слова, панъ вытолкалъ Ивася за двери. Вскорѣ молнія ударила въ клуню этого пана и спалила ее до основанія. „То Ивась!“ сказали всѣ въ селѣ, и самъ панъ повѣрилъ вдругъ въ волшебную силу Ивася, просилъ у него прощенія и далъ ему денегъ. Послѣ этого Ивась сталъ уже архи-знахаремъ въ общественномъ мнѣніи. Къ нему стали обращаться за совѣтами кое кто изъ мѣстной сельской интеллигенціи и даже евреи. Какъ удачно и подчасъ благотворно пользовался онъ своимъ вліяніемъ, видно изъ слѣдующаго случая. Родители парубка Гордія и родители дивчины Параски задумали одружить ихъ; но сверхъ

Библиотека "Руниверс"

всякаго чаянія Гордій влюбился въ дочь мѣстнаго шляхтича, Ягусю Хоронжевскую, и послѣдняя также полюбила красиваго Гордія. Влюбленные стали просить своихъ родителей о согласіи на бракъ и Гордій рѣшительно отказался отъ Параски. Отецъ Гордія и отецъ Параски сначала поспорили и побились въ корчмѣ; но потомъ рѣшили, что „ляхивка“ околдовала парубка, поднесла ему данье и въ этомъ предположеніи хотѣли разнести домъ Хоронжевскихъ; но Гордій сталъ на сторону послѣднихъ и съ коломъ въ рукахъ разогналъ пьяную компанію хлопцевъ, осаждавшихъ дворъ Хоронжевскихъ. Родители Гордія и Параски пошли къ Ивасю за совѣтомъ. Дѣло было лѣтомъ. Они застали Ивася дома, въ садикѣ, на пасѣкѣ. Это былъ уже дидокъ почтенныхъ лѣтъ, „якъ голубонько сывесенькый“. Посѣтители увидѣли въ его хаткѣ много образовъ и много разнаго зелья, что сразу произвело на нихъ сильное впечатлѣніе. Они низко поклонились Ивасю и поставили передъ нимъ на столѣ подарки. Первый заговорилъ знахарь: „говорить, люде добри, господари важни, хлиборобы працовыти, розказуйте, кажить и оповидайте, чого вы одъ Бога велыкого, святого, безсмертного, вичного, милосердного и справедлывого жадаете, бажаете, чаете, выглядаете, молыте и просыте; яка вамъ бида, журба, напасть, нужда, прыкрость, докука, слабисть, шкода, згуба и вшиляка немичъ душы спасеной и тила гришного—чы то вашого, чы дитокъ ридныхъ, зведенюкивъ, бративъ, сестрыць, кревнякивъ, своякивъ, прыймакивъ, зятивъ и невистокъ, чы помершихъ дидивъ, батькивъ и свекрухъ передъ Богомъ и всимы святымы стоящихъ“... Эта рѣчь усилила благоговѣйное настроеніе пришедшихъ, и они сначала несмѣло, потомъ смѣлѣе и смѣлѣе стали обвинять Хоронжевскихъ въ околдованіи Гордія. Умный дидокъ заранѣе зналъ всю исторію любви Гордія и рѣшился ему помочь. Онъ сдѣлалъ выговоръ отцу Гордія за противодѣйствіе женитьбѣ его на почтительной къ старшимъ и трудолюбивой Ягусѣ, сказалъ, что никакого „данья“ не было, что Гордій не перенесетъ разлуки съ Ягусей и „марно загыне“, пообѣщалъ ему счастливую жизнь съ Ягусей и заочно благословилъ ихъ бракъ. Возвратившись отъ знахаря, отецъ Гордія послалъ сватовъ къ Хоронжевскимъ, которые при настойчивомъ содѣйствіи Ягуси, уладили дѣло сватовства и запили могорычи (*Sarnecki*, въ Wisła, 1887, № 8).

Библиотека "Руниверс"

Въ Малороссіи существуетъ повѣрье, что знахаремъ бываетъ тотъ человѣкъ, который родился и былъ отнятъ отъ груди въ понедѣльники. Потомъ знахари постятъ понедѣльники. Впрочемъ, „понедилкованіе“ соблюдается не только знахарями, но и другими крестьянами (*Nowos.* Lud ukr. II, 95).

Въ нѣкорыхъ мѣстахъ Малороссіи отличаютъ знахаря и чаровника; первый дѣлаетъ только добро, второй злыя дѣла. Знахарь, противодѣйствуетъ чаровнику (ib. 95). Иногда знахарь и чаровникъ смѣшиваются въ понятіяхъ народа. Въ винницкомъ уѣздѣ думаютъ, что знахаремъ дѣлается человѣкъ, запродавшій свою душу черту (*Чубинскій*, I, 210).

Лѣчебныя средства знахарей разнообразны. Спеціальное изученіе употребляемыхъ ими травъ и кореньевъ—дѣло медиковъ и ботаниковъ. Въ послѣднее время и у насъ въ Россіи начали обращать вниманіе на эту сторону народной жизни, и все чаще и чаще стали выходить изслѣдованія о народныхъ врачебныхъ средствахъ. У нѣмцевъ существуетъ уже довольно обширная литература по этому предмету. Кто желаетъ ознакомиться съ „зильями“, употребляемыми малороссіянами для „ликивъ“, можетъ обратиться къ сочиненіямъ Шмальгаузена, Горницкаго, Роговича (въ Зап. ю. з. отд. Геогр. Общ.), къ статьямъ г. Иванова (въ Ветерин. Вѣст. 1886), Тарачкова (въ Воронеж. Бесѣдѣ 1861 г.) и др. спеціальнымъ трудамъ о народной фармакологіи [1]). Мы отмѣтимъ здѣсь лишь одно поэтическое сказаніе о томъ, какъ народъ узналъ о цѣлебныхъ свойствахъ травъ, недавно записанное въ харьковской губерніи изъ народныхъ устъ: Одинъ солдатъ томился въ плѣну. Подъ страхомъ смерти ему запрещено было прикасаться къ кушанью, приготовленному будто бы изъ гадовъ. Не послушался плѣнникъ, съѣлъ его и сталъ понимать языкъ животныхъ и растеній. Взялъ онъ въ конюшнѣ лошадь и обратился въ бѣгство. Какъ только онъ выѣхалъ въ чистое поле, каждая травка заговорила съ нимъ. Каждое „зело“ повѣствовало ему о горѣ людскомъ и отъ чего оно можетъ изба-

[1]) Для историко-культурныхъ и этнографическихъ сближеній идутъ статьи *Элизы Оржешко* и *Ростафинскаго* въ польскомъ журналѣ „*Wisła*“ 1888 г. и статья *Шулека*: „Pogled iz bilijarstwa u pravek Slavenah, a napose Hrvatah въ *Rad jugoslav. Akad.* 1877, v. XXXIX.—*Прим. авт.*

Библиотека "Руниверс"

вить. Ѣхалъ плѣнникъ умиленный, ѣхалъ и слушалъ. Видитъ—коровьякъ стоитъ, подъѣзжаетъ къ нему и думаетъ: „этотъ бурьянъ ни къ чему ужъ не годенъ“, хотѣлъ было наѣхать на него; но коровьякъ сказалъ ему: „не наступай на меня; я также полезное зелье: я помогаю отъ гелы“ (грыжи). Всѣ травы оказались полезными (*Ивановъ*, въ Ветерин. Вѣст. 1886, 2).

„Поможы, Боже, видъ чого гоже“, говорятъ украинскіе „знахари“ и „лѣкарки“, собирая травы или давая ихъ страждущему паціенту. „Не здавайся, та такъ звалiйся,“—говорятъ они, принося собранное домой или даря свое зелье знакомымъ про случай.

Въ повѣсти Г. Ѳ. Квитки „Маруся“ отмѣчено два главныхъ способа народнаго лѣченія болѣзней: Маруся заболѣла. Мать ея Настя—„пробигты до знахаркы, щобъ вмыла, або злызала; ,бо се ій мабудь зъ очей; або нехай переполохъ вылыва, або трясцю видшептуе; нехай що зна те и робыть“. Отецъ же Маруси Наумъ „заразъ доставъ іорданськои воды та и звеливъ Насти, щобъ нею натерла Маруси бикъ, де болыть, и давъ тыеи жъ воды трошки напытысь, а самъ пидкуривавъ ій хорувымськимъ великоднымъ ладаномъ“..

Далѣе, обычными знахарскими средствами лѣченія являются вода, какъ очистительная стихія, зола и угли—по связи ихъ съ другой природной очистительной силой—огнемъ и въ особенности всякаго рода заговоры и шептанія, отчасти построенныя на религіозно-христіанской апокрифической литературѣ, но въ большинствѣ представляющія древнія молитвенныя обращенія къ небеснымъ свѣтиламъ.

Знахари и знахарки встрѣчаются во многихъ мѣстахъ западной Европы, наприм., въ Норвегіи (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 315). Въ Берлинѣ и его окрестностяхъ дѣвушки съ цѣлью приворожить къ себѣ мужчину идутъ къ знахаркѣ и несутъ ей фотографическій портретъ возлюбленнаго, иголку и свою сорочку — знахарка прикалываетъ иглой то мѣсто карточки, гдѣ предполагается сердце, заворачиваетъ карточку въ сорочку и приказываетъ положить ее подъ изголовье. (*Krause*, въ Zeitschr. f. Ethn. 1883, 85).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Библиотека "Руниверс"

Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII в.

Не такъ давно предварительный комитетъ Высочайше разрѣшеннаго восьмаго археологическаго съѣзда издалъ небольшую программу вопросовъ, имѣющихъ быть затронутыми на съѣздѣ [1]). Просматривая эту программу, мы нашли въ ней не лишенный интереса вопросъ о *кіевскихъ ученыхъ въ Москвѣ въ половинѣ XVII вѣка* [2]). Это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые по своей общедоступности могутъ стать предметомъ вниманія читающей публики вообще, а не однихъ только спеціалистовъ. Вотъ почему ради сознательнаго отношенія къ тому, что намъ дадутъ новаго на съѣздѣ, мы сочли не лишнимъ и своевременнымъ познакомить читателей съ современнымъ состояніемъ этого вопроса.

Смута, поколебавшая московское государство въ началѣ XVII в., повела къ коренному перерожденію всѣхъ основъ русской жизни и къ возникновенію могучаго политическаго цѣлаго, составившаго крупное звено въ цѣпи европейской цивилизаціи. XVII-й вѣкъ,—время, послѣдовавшее за смутой, представляетъ эпоху перваго возникновенія этого звена, эпоху, правда нешумной, но за то неустанной работы, благодаря которой въ началѣ XVIII в. московское государство сразу становится уже европейскимъ политическимъ тѣломъ. Невзрачная по наружности Москва XVII

---

[1]) Восьмой съѣздъ археологическій въ Москвѣ 8-го января 1890 г. М. 1889 in 4°, стр. 24.

[2]) Ib. стр. 18, вопросъ 47.

Библиотека "Руниверс"

в. приняла на себя трудную и черную работу выработать для великаго преобразователя XVIII в. программу новой жизни по европейскому образцу. Выработка этой программы производилась не въ кабинетахъ идеологовъ и не въ клубахъ досужихъ крикуновъ; ею руководилъ здравый и практическій умъ московскаго правительства XVII вѣка, безъ устали шедшій и съ большимъ трудомъ поспѣвавшій за ходомъ новыхъ государственныхъ и церковныхъ потребностей. Послѣднія создали рядъ реформъ въ сферѣ государственной и церковной, проведеніе которыхъ требовало людей науки и практическаго знанія. Это привело правительство къ сознанію необходимости умственнаго и нравственнаго развитія. Такъ, почти исключительно по иниціативѣ правительства, которое въ нашей исторіи нерѣдко шло далеко впереди общества, является *школа*, долженствующая звучать въ ладъ съ практическими нуждами формирующагося европейскаго политическаго тѣла.

Итакъ, московскую школу XVII в. создали не идеальное стремленіе къ просвѣщенію, не потребность въ умственной выправкѣ и эстетическомъ комфортѣ, а простая практическая нужда, нужда въ ученыхъ справщикахъ книгъ священнаго писанія, въ образованныхъ переводчикахъ съ иностранныхъ языковъ, нужда въ ловкихъ бюрократахъ, въ знакомыхъ съ Европой дипломатахъ. Такой ходъ нашего развитія представляетъ ту рѣзкую индивидуальную особенность, которая отличаетъ Русь отъ ея почтенныхъ коллегъ въ европейскомъ „концертѣ“.

Внимательно изучая исторію заботъ московскаго правительства XVII в. о заведеніи школы, мы замѣчаемъ, что правительственныя школы XVII в. то и дѣло рождаются и умираютъ, на первый взглядъ не оставляя по себѣ никакихъ слѣдовъ. Только одна изъ нихъ уцѣлѣла отъ скораго разрушенія, и то—основанная уже въ концѣ вѣка. Это—такъ называемая славяно-греко-латинская академія царя Ѳедора и царевны Софьи, подъ именемъ московской духовной академіи [1]) дожившая до нашего поколѣнія, какъ живой свидѣтель того, что скромные труды мо-

[1]) Въ Троице-Сергіевой лаврѣ.

Библиотека "Руниверс"

сковскаго правительства XVII вѣка не пропали даромъ. Но если школа XVII в. и не имѣла осязательныхъ результатовъ, то ея скрытое вліяніе было неотразимо. Правительство XVIII в. всецѣло усвоило себѣ идею практической ученой школы, унаслѣдованную отъ XVII в. Изъ всего вышесказаннаго, думаю, до нѣкоторой степени ясно, какое значеніе можетъ имѣть знакомство съ попытками московскаго правительства XVII в. завести школу. Зная эти попытки, осязательнѣе чувствуешь степень напряженія правительства XVII в. въ его трудномъ дѣлѣ и снисходительнѣе, но въ то же время критичнѣе, относишься къ его промахамъ и неудачамъ.

Откуда было взять лицъ, способныхъ принять на себя преподаваніе въ правительственной школѣ? Прежде всего, какъ и слѣдовало ожидать, учителей думали найти на православномъ Востокѣ. Первая московская правительственная школа (грекославянская), основанная при патріархѣ Филаретѣ въ 1632 г., и имѣла учителемъ выходца съ Востока—Іосифа, протосингела александрійскаго патріарха. Этотъ Іосифъ, которому поручено было учить греческому языку и грамматикѣ „малыхъ робятъ“ на „учительномъ дворѣ“, недолго жилъ въ Москвѣ. 1 октября 1633 г. умеръ патріархъ Филаретъ; мѣсяца четыре съ небольшимъ спустя (вѣроятно, въ февралѣ 1634 г.) умеръ и первый московскій учитель эллинской мудрости Іосифъ. 24 февраля великій государь указалъ дать „своего государева жалованья въ Симоновъ монастырь по гречинѣ, по протосингелѣ Іосифѣ, вѣчный поминокъ для его многіе службы и иноземства 100 рублевъ“ (приблизительно 1400 р. на нашъ теперешній счетъ). Со смертью Іосифа школа, несомнѣнно, прекратила свое существованіе, такъ какъ: 1) дальнѣйшихъ извѣстій объ этой школѣ до сихъ поръ не найдено, а 2) присылки въ Москву греческихъ учителей (впрочемъ, неудачныя) и усиленные вызовы ихъ московскимъ правительствомъ продолжаются и 3) ко всему этому бывшій въ Москвѣ въ 1645 г. палеопатрасскій митрополитъ обращается въ посольскій приказъ съ челобитной о заведеніи на Москвѣ греческой школы. Значитъ, въ то время въ Москвѣ школы не было, иначе всѣ указанныя явленія оказались бы невозможными. Такъ,

Библиотека "Руниверс"

первая московская правительственная школа просуществовала съ небольшимъ годъ. Она предназначалась для „малыхъ робятъ“; учителемъ въ ней былъ монахъ по положенію и грекъ по происхожденію; учили греческому и славянскому языкамъ и „грамматической хитрости“. Учитель получалъ за свои труды квартиру, одежду [1]) и 2500 руб. слишкомъ на наши деньги жалованья; словомъ, матеріально онъ находился въ положеніи теперешняго ординарнаго профессора университета, только работать ему приходилось нѣсколько больше, такъ какъ, помимо преподаванія въ школѣ, учитель числился еще правительственнымъ переводчикомъ греческихъ книгъ вообще и книгъ, написанныхъ на латинскую ересь въ частности. Правительство очень дорожило пріобрѣтеннымъ имъ учителемъ и не скупилось на необходимые расходы; не забыло даже помянуть его значительнымъ поминкомъ по смерти. Школа 1632 г. по происхожденію и обстановкѣ была *духовная*, по направленію *православно-греческая*. Мы ничего не можемъ сказать о непосредственныхъ результатахъ существованія школы, но безъ труда можемъ представить себѣ, чего отъ нея ждали и съ какой цѣлью ее основали. Если прочтемъ грамоту, данную Іосифу, то найдемъ, что школа не предназначалась ни для распространенія простой грамотности, ни для насажденія общеобразовательныхъ идей среди учащейся молодежи, „малыхъ робятъ“, какъ выражается грамота. Она имѣла чисто практическую цѣль. Если припомнимъ нѣкоторые факты изъ тогдашней церковной жизни и сопоставимъ ихъ съ тѣмъ, что намъ извѣстно о филаретовской школѣ 1632—34 гг., то легко поймемъ и оцѣнимъ ту практическую цѣль, которую имѣло въ виду московское правительство, заводя „учительный дворъ“. Не входя въ подробное разсмотрѣніе этихъ фактовъ, ограничимся простымъ указаніемъ на нихъ.

При царѣ Михаилѣ снова поднялся трудный и мучительный вопросъ объ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ, породившій не малую смуту въ началѣ и серединѣ XVII в. и закончившійся отпаденіемъ части членовъ русской церкви отъ

---

[1]) Каменная келья, да 10 аршинъ камки куфтерю, да сорокъ куницъ на годъ

Библиотека "Руниверс"

господствующей церковной власти. Исторія съ преп. Діонисіемъ и Арсеніемъ Глухимъ, а также исторія съ патр. Іосифомъ и Никономъ въ особенности достаточно извѣстны всякому, поэтому мы отмѣтимъ только тотъ переломъ въ вопросѣ объ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ, который совершился въ XVII вѣкѣ: 1) признали, что дѣло исправленія церковно-служебныхъ книгъ слѣдуетъ начать съ изученія древне-греческихъ текстовъ (попытка сдѣлана была преп. Діонисіемъ и Арсеніемъ Глухимъ, а патр. Никономъ такое исправленіе было объявлено, какъ необходимый законъ) и 2) что справщиками должны быть люди съ обще-богословскимъ развитіемъ и съ достаточнымъ знаніемъ техники того и другаго языка, т. е. славянскаго и греческаго. Это былъ значительный шагъ впередъ въ исторіи нашей культуры. Послѣднее признаніе началось съ рѣзкихъ и страстныхъ нападокъ Арсенія Глухаго на прежнихъ справщиковъ церковно-богослужебныхъ книгъ. То были люди, по мнѣнію старца Арсенія, незнающіе ни православія, ни кривославія, писаніе только по чернилу проходящіе; по мнѣнію же самого церковнаго правительства, оффиціально опубликованному, то были воры и бражники [1]). Характеристика немудреная, но за то приблизительно очень вѣрная. Правительство п. Филарета уже не могло довольствоваться такими своеобразными справщиками. Между тѣмъ, не говоря уже о богословіи и грамматикѣ, простое знаніе языка было распространено очень мало. Было бы очень наивно думать, что греческій языкъ, благодаря традиціоннымъ сношеніямъ съ Византіей, пустилъ у насъ глубокіе корни. Великій князь Василій Ивановичъ за неимѣніемъ человѣка, знающаго греческій языкъ, долженъ былъ обратиться за такимъ на Востокъ, а „византійскій царь на русскомъ престолѣ“, какъ выразился о царѣ Иванѣ II. В. Безобразовъ, посылалъ „робятъ“ учиться греческо-

---

[1]) Акты Арх. экспед. III, № 228; Приб. къ Твор. св. отецъ, III, 152 въ прилож.; *Макарій*, Ист. рус. церкви XI, 189; Правосл Собес. 1862 г. II, 363; *Соловьевъ*, IX, 385.

Объ Іосифѣ см. *Каптеревъ*, Характеръ отнош. Руси къ прав. Вост. М. 1885 с. 450 и др., *Макарій* l. c. стр. 73, 215; Соловьевъ (впрочемъ, онъ не знаетъ объ учительствѣ Іосифа) IX, 387. Срв. Прав. Обозр. 1887 г. № 1, с. 152.

Библиотека "Руниверс"

му языку въ Византію. Любопытно, что этотъ пробѣлъ замѣтили даже со стороны и воспользовались имъ, чтобы очень ядовито и зло посмѣяться надъ нами. Извѣстный іезуитъ Петръ Скарга, очень внимательный наблюдатель нѣкоторыхъ сторонъ современной ему жизни, въ своей книгѣ „О единствѣ церкви Божіей и о греческомъ отъ сего единства отступленіи“ (1577 и 1590 г.г.) писалъ въ порицаніе русскихъ, что у нихъ „и не слыхать о такихъ людяхъ, которые бы знали греческій языкъ старый и новый“. Въ отвѣтъ на этотъ „хульный артикулъ“ какой-то монахъ аѳонскаго монастыря въ сочиненіи подъ заглавіемъ „Христофоръ, инокъ русскій, во святѣй аѳонстѣй горѣ иночествующій“ (изд. 1608) изложилъ рядъ мыслей о характерѣ ученія, какой долженъ господствовать въ русской школѣ. Христофоръ рекомендовалъ учить дѣтей въ школѣ „правовѣрной“, учить сперва грамматикѣ греческой или славянской, потомъ часослову, псалтырю, октоиху, затѣмъ богословію и толкованію книгъ священнаго писанія, но отнюдь не философіи и діалектикѣ, которыми гордятся латиняне и которыя ведутъ къ ересямъ [1]). Въ этомъ и заключалась вся программа филаретовской школы 1632—34 г.г. Церковное правительство первой половины XVII в. не могло не ухватиться за нее, ибо она съ одной стороны какъ нельзя болѣе удовлетворяла его практическимъ требованіямъ, а съ другой не давала ни малѣйшаго повода опасаться, чтобы отъ такого ученія пострадало русское православіе, заразившись латинскою прелестью. Да и потомъ, когда уже окончательно рѣшились отвѣдать латинскаго суемудрія и философскихъ борзостей, эта программа была излюбленной мечтой нѣкоторыхъ представителей церковнаго правительства какъ на Руси, такъ и на Востокѣ, откуда эту программу прислалъ намъ Христофоръ (напр., патр. Іоакимъ московскій и Досиѳей іерусалимскій). Такова одна сторона ожиданій, которыя питало московское правительство, заводя первый „учительный дворъ“. Онъ имѣлъ цѣлью прежде всего образовать людей, способныхъ сидѣть за исправленіемъ церковно-богослужебныхъ книгъ и за переводами

[1]) *Макарій* l. c. X, 403.

Библиотека "Руниверс"

съ греческаго языка на славянскій. Пока „учительный дворъ“ приготовлялъ такихъ людей, самъ профессоръ этого „двора“ долженъ былъ заниматься, по предписанію правительства, переводами греческихъ книгъ на славянскій языкъ.

Чего еще могло ожидать правительство отъ школы 1632—1634 г.г.? Та же грамота отъ 19 сентября 1632 г. поможетъ намъ выяснить и этотъ вопросъ. Изъ грамоты видно, что Іосифъ долженъ былъ заниматься спеціальными переводами книгъ, написанныхъ противъ латинской ереси. Такимъ образомъ учитель и переводчикъ долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ играть роль полемиста въ интересахъ православной вѣры противъ иновѣрнаго прельщенія. Мы видимъ предъ собою еще одну чрезвычайно настоятельную нужду церковнаго правительства XVII в. въ людяхъ, способныхъ спорить съ иноземными представителями неправославныхъ христіанскихъ исповѣданій, а позднѣе, во второй половинѣ XVII в., съ представителями раскола старообрядства, хотя противъ послѣднихъ какъ въ XVII в., такъ и XVIII в. не пренебрегали вмѣсто словесныхъ препирательствъ полемизировать батогами, клещами и ссылкой. Этого рода полемика и вызвала столь знаменитый въ нашей культурной исторіи возгласъ Ѳедосьи Морозовой, ученицы знаменитаго протопопа Аввакума, при видѣ потоковъ крови Марьи Даниловой [1]): „это ли христіанство, чтобъ такъ человѣка мучить!“ Но такого рода полемика не во всѣхъ случаяхъ была возможна да притомъ она и не была особенно желательна московскому церковному правительству, которое ясно сознавало необходимость борьбы посредствомъ словесныхъ препирательствъ и логическихъ, а не палочныхъ доводовъ. Когда основывалась школа 1632—34 г.г., полемизировать нужно было почти исключительно съ протестантизмомъ. О борьбѣ съ католической пропагандой въ это время нечего и упоминать; отъ этой пропаганды пока еще достаточно защищала Москву запретительная политика ея правительства. Въ Москву безусловно былъ воспрещенъ въѣздъ католиковъ [2]). Москва не тер-

[1]) *И. Е. Забѣлинъ*. Домашній бытъ рус. царицъ с. 141.

[2]) Акты истор. III, № 181, с. 332; Соб. гос. гр. и дог. III, № 85, с. 317 и т. IV, № 203.

Библиотека "Руниверс"

пѣла католика. Въ этомъ отношеніи весьма характерно одно преданіе, дошедшее до насъ отъ времени перваго Лжедимитрія. Говорятъ, что на вопросъ одного изъ вельможъ, правда ли, что онъ хочетъ построить въ Москвѣ костелъ для поляковъ, Лжедимитрій отвѣчалъ: „а почему бы мнѣ этого не сдѣлать? Они христіане и оказываютъ мнѣ вѣрныя услуги; вы позволили уже имѣть свою церковь и школу еретикамъ“ (т. е. протестантамъ). Это очень любопытныя для насъ слова, ясно обнаруживающія ту политику различенія по отношенію къ католикамъ и протестантамъ, которой держалось московское правительство и которой далеко не симпатизировалъ Лжедимитрій. Такимъ образомъ возможна была только протестантская пропаганда. Пока довольно трудно сказать, насколько сильна была эта пропаганда. Въ нашей исторической литературѣ господствуютъ относительно протестантской пропаганды въ XVII в. довольно разнообразныя мнѣнія. Покойный Соловьевъ представлялъ себѣ протестантовъ космополитами, равнодушными къ религіозной пропагандѣ. Соколовъ впадаетъ въ противоположную крайность, говоря, что протестанты разставили тайныя сѣти своей пропаганды на всѣхъ путяхъ, при каждомъ соприкосновеніи съ православными [1]). Довольно безпристрастно и цѣльно мнѣніе Д. В. Цвѣтаева, по которому пропаганда велась или отдѣльными лицами, или правительствами протестантскихъ государствъ (славянская типографія въ Стокгольмѣ, заведенная въ 1625 г.; посольство Ганса Мюссенгейма въ 1556 г. отъ датскаго короля Христіана III; Иванъ Рокита въ 1570 г. отъ богемскихъ братьевъ) [2]). Не имѣя собственныхъ полемистовъ, московское правительство должно было довольствоваться переводами съ южно-русскаго. Такъ, въ Москвѣ являются переводы соч. Василія, священника острожскаго, „О единой, истинной православной вѣрѣ и о святѣй, соборной и апостольской церкви“ (въ первомъ десятилѣтіи XVII в.), соч. одного изъ современниковъ Буднаго и Чеховича „О

[1]) *Соловьевъ*, Истор. Рос., т. XIII, с. 218—225; *Соколовъ*, Отношеніе протест. къ Россіи, стр. 242.

[2]) *Д. В. Цвѣтаевъ*. Изъ исторіи иностр. испов. стр. 3—4; „Русскій Вѣст.“ 1887 г., № 4, стр. 619.

Библиотека "Руниверс"

образѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ Божіей“ (въ третьемъ десятилѣтіи XVII в.) и др. [1]). Учитель Іосифъ долженъ былъ удовлетворять и этой потребности. Такова другая цѣль школы—приготовить людей, способныхъ вести полемику съ протестантами.

Мы видѣли, что школа 1632 г. была недолговѣчна; послѣ нея школьный вопросъ принимаетъ новое направленіе. Изученіе этого новаго направленія и приводитъ насъ къ вопросу о кіевскихъ и вообще южно-русскихъ инокахъ въ Москвѣ въ половинѣ XVII в. Предшествующее изложеніе прямо вводитъ насъ въ самую сущность дѣла.

По смерти учителя Іосифа не разъ посылали за учителемъ на Востокъ, не разъ оттуда являлись въ Москву учителя, но школы все таки не основывалось. Московское правительство находилось въ затруднительномъ положеніи: потребности росли, разнообразились, а удовлетворять имъ не было ни силъ, ни средствъ. Между тѣмъ средства были подъ рукою. Мы ходили за учителями далеко на Востокъ, а этихъ учителей былъ достаточный запасъ въ Кіевѣ, на дорогѣ изъ Москвы въ далекую Византію. Но мы боялись еще нашего юго-запада. Въ 1640 году въ Москвѣ появился посланный кіевскаго митрополита Петра Могилы Игнатій Оксеновичъ Старушичъ съ грамотой отъ митрополита, въ которой читаемъ такое любопытное предложеніе: „повели, пишетъ м. Могила къ царю Михаилу, въ царствующемъ градѣ благодатію и казною своею царскою монастырь соорудить, въ которомъ бы старцы и братія общежительнаго кіевскаго братскаго монастыря живучи, дѣтей боярскихъ и простаго чину грамотѣ греческой и славянской учили“. Въ Москвѣ выслушали челобитную митрополита, спросили, въ какомъ городѣ и во имя какого святаго построить монастырь, и, получивъ въ отвѣтъ, что монастырь надо построить въ Москвѣ, а во имя какого святаго „о томъ какъ онъ, государь, произволитъ“, тѣмъ и удовольствовались [2]). Другія просьбы митрополита уважили, намѣстнику со спутниками дали на дорогу государево жалованье, но ни мо-

[1]) Правосл. Обозр. 1887, № 1, с. 156—7; Русск. Вѣстн. 1887, № 5, с. 279 и № 6 с. 711. Мат. для ист. рас. VI, 143.

[2]) Акты южн. и запад. Росс., III, № 33, стр. 39; № 48, с. 54, стат. 4; № 267.

Библиотека "Руниверс"

настырь училищный построить, ни ученыхъ иноковъ вызвать съ юго-запада московское правительство не рѣшилось. Между тѣмъ попытка м. Могилы не осталась безплодною. За мысль Петра Могилы ухватилось частное лицо, съумѣвшее осуществить ее на практикѣ. То былъ знаменитый въ нашей исторіи бояринъ Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ. Это одна изъ идеальнѣйшихъ личностей XVII в., окруженная цѣлымъ ореоломъ легенды и довольно сбивчиваго въ своихъ показаніяхъ преданія. До насъ дошло, благодаря Н. И. Новикову, любопытное „Житіе милостиваго мужа Ѳедора Ртищева“ [1]). Это горячій панегирикъ Ртищеву, написанный какимъ то противникомъ п. Никона и испещренный похвальными словесами и премудрыми изреченіями; историческаго въ немъ очень мало, но какъ литературный памятникъ, отражающій на себѣ извѣстное настроеніе, онъ очень интересенъ. Если взять за основаніе это „Житіе“, то въ лицѣ Ѳ. М. Ртищева намъ предстанетъ идеальный образецъ истиннаго христіанина, кроткаго, незлобиваго, покорнаго, презирающаго всякія оскорбленія, любящаго науки, съ самоотверженіемъ исполняющаго обязанности государственной службы, помогающаго нищимъ, утѣшающаго скорбныхъ, пользующаго больныхъ, принимающаго странниковъ, нѣжно заботящагося о нуждахъ совершенно чуждыхъ ему людей, выкупающаго христіанъ изъ плѣна агарянскаго, не боящагося сильныхъ міра сего, смѣло встрѣчающаго опасность. „Болѣзни же его и скорби, восклицаетъ панегиристъ Ртищева, кто изчести можетъ? Въ различныхъ бо скорбѣхъ, напастехъ и во искушеніяхъ непреборимъ и въ добродѣтеляхъ своихъ не изнемогаяй, препроводилъ двадесять и пять лѣтъ; ради же оныхъ уврачеванія и никакоже когда восхотѣ пріяти врачеваніе, законному повелѣнію противное“. Таковъ былъ, по преданію старины, человѣкъ, который рѣшился отступить отъ грекоаѳонской школьной программы и воспользоваться предложеніемъ Петра Могилы. Что же собственно предлагалъ московскому правительству южно-русскій митрополитъ?

Митр. Могила предлагалъ царю Михаилу устроить въ Москвѣ довольно обычный на юго-западѣ типъ училищнаго мона-

[1]) Древняя Росс. Вивліоѳика, т. XVIII М. 1791.

Библиотека "Руниверс"

стыря, монахи котораго, помимо заботъ о спасеніи своихъ собственныхъ душъ, занимаются просвѣщеніемъ мірскихъ душъ. Обращая вниманіе московскаго правительства на подобный типъ монастыря, Петръ Могила предлагалъ дѣйствительно очень цѣлесообразное средство для удовлетворенія неотложныхъ потребностей московскаго правительства, указанныхъ выше. Выписные южно-русскіе ученые иноки должны были играть роль и учителей, и переводчиковъ, и полемистовъ въ одно и то же время. А эти роли, особенно послѣдняя, были хорошо знакомы южно-русскимъ монахамъ. Любопытно, что въ своемъ предложеніи Петръ Могила умолчалъ о латинскомъ языкѣ: это умолчаніе указываетъ на большой политическій тактъ знаменитаго южно-русскаго митрополита. Мы видѣли, что московское правительство не рѣшалось ни на основаніе монастыря, ни на вызовъ подозрительныхъ для него южно-русскихъ ученыхъ. Но отказаться отъ предложенія совсѣмъ было неразсчетливо, тѣмъ болѣе, что и потребность въ переводчикахъ, справщикахъ, учителяхъ и полемистахъ давала себя знать каждую минуту, православный Востокъ все не доставлялъ подходящаго учителя, а предложеніе было такъ заманчиво, такъ просто. Ѳедоръ Ртищевъ при своей любви къ просвѣщенію могъ явиться удобнымъ посредникомъ между Москвою и юго-западомъ. На что не могло отважиться правительство, то легко было осуществить частному лицу въ интересахъ правительства, какъ послушному орудію въ его рукахъ. Въ случаѣ неудачи предпріятія вина падала не на правительство, а на Ѳедора Ртищева. Такъ по мысли Петра Могилы и при помощи исполнителя этой мысли Ѳ. М. Ртищева явился Андреевскій училищный монастырь на берегу Москвы рѣки близь Воробьевыхъ горъ, воздвигнутый на *частныя средства* Ртищева. На этомъ мѣстѣ стоитъ теперь приходская церковь Воскресенія Христова, что въ Плѣницахъ [1]). Вѣроятно, въ то время это былъ очаровательный уголокъ, способный внушать религіозное одушевленіе вмѣстѣ въ побужденіемъ къ философскому самоуглубленію. Какъ

[1]) Такъ церковь эта названа у *Амвросія*, Ист. росс. іерар. М., 1811, ч. III, стр. 99—100.

Библиотека "Руниверс"

идиллическая московская окраина, это мѣсто и теперь не лишено нѣкоторой своеобразной прелести. Основатель монастыря былъ однимъ изъ видныхъ членовъ того любопытнаго кружка людей, который группировался вокругъ молодаго царя Алексѣя. Всѣ члены этого кружка были горячіе борцы противъ недостатковъ и пороковъ современнаго духовенства, люди, стремившіеся къ преобразованіямъ въ сферѣ внѣшняго благочестія и благочинія. Это послѣднее обстоятельство впослѣдствіи разъединило ихъ, сдѣлавъ нѣкоторыхъ непримиримыми врагами другъ друга. Это разъединеніе должно было рѣзко выразиться въ ту минуту, когда одинъ изъ новыхъ членовъ кружка, радикальный Никонъ получилъ возможность смѣло и прямо начать крутое реформаціонное движеніе. Къ составу этого передоваго до извѣстной степени кружка въ самомъ началѣ принадлежали: патріархъ Никонъ и протопопъ Аввакумъ, еп. Павелъ коломенскій и бояринъ Ѳ. М. Ртищевъ, царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ и извѣстные впослѣдствіи по расколу попы Иванъ Нероновъ, Даніилъ, Лазарь, Логгинъ. Какъ ни разошлись впослѣдствіи всѣ эти лица, но въ началѣ они были довольно близки другъ къ другу по своимъ основнымъ стремленіямъ. Этотъ кружокъ придумывалъ цѣлый рядъ мѣръ, чтобы истребить „безчинная всякая“.

Монастырь, а съ нимъ и школа, основаны были въ промежуткѣ между 1645 и 1647 г.г.; вызвано было до 30 ученыхъ иноковъ, „изящныхъ во ученіи грамматикѣ словенской и греческой (житіе милостиваго мужа, какъ и предложеніе Могилы, молчитъ о латинской) даже до риторики и философіи, хотящимъ тому ученію внимати“. Такъ впервые завелась въ Москвѣ *греко-латинская* (мы сейчасъ увидимъ, что въ ней, вопреки показанію житія милостиваго мужа, учили и полатыни) школа, впервые учителями въ Москвѣ явились подозрительные „изящные“ иноки—малороссы и бѣлоруссы. Но это была не правительственная школа, а частная; удовлетворять же она должна была главнымъ образомъ потребности правительства, а не общества. Учителями этой частной школы были ученые иноки, прибывшіе по частному, а не по правительственному вызову. Трудно

Библиотека "Руниверс"

представить себѣ то увлеченіе „изящными“ иноками, которое на первыхъ порахъ охватило передовыхъ людей. Ртищевъ цѣлыя ночи проводилъ въ бесѣдахъ съ малорусскими учеными.

Въ нашей исторической литературѣ господствуетъ довольно смутное представленіе о ртищевской школѣ и ртищевскомъ ученомъ братствѣ. Читатель замѣтилъ, конечно, что предложенное выше изложеніе довольно рѣзко отступаетъ отъ обычнаго и хронологически, и эпизодически. Мы вовсе не упоминаемъ объ Епифаніи Славинецкомъ и объ извѣстномъ указѣ отъ 14 мая 1649 г. Припомнимъ бѣгло, что у насъ обыкновенно повѣствуется объ этой школѣ: Ртищевская школа основана была вскорѣ послѣ 14 мая 1649 г. бояриномъ Ртищевымъ, вызвавшимъ для этой цѣли, въ числѣ 30 иноковъ, и Епифанія Славинецкаго, который только въ 1652 г. взятъ былъ патріархомъ Никономъ для ректорства во вновь основанной имъ школѣ. Весь этотъ разсказъ [1]) есть чистѣйшій вымыселъ, основанный на цѣломъ рядѣ недоразумѣній и довольно невнимательномъ отношеніи къ источникамъ. Въ заблужденіе вводило обыкновенно упомянутое выше „Житіе милостиваго мужа“, о которомъ вообще замѣчено, что оно почти не даетъ ничего положительнаго. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ было не то.

1) Ртищевъ никогда не вызывалъ Епифанія Славинецкаго, послѣдній никогда не былъ ни членомъ ртищевскаго братства, ни учителемъ греко-латинской ртищевской школы. Епифаній Славинецкій пріѣхалъ въ Москву 27 іюля 1649 г. [2]) не по вызову Ртищева, а по указу царя Алексѣя отъ 14 мая 1649 г. (ниже намъ придется еще упомянуть объ этомъ указѣ), вызы-

---

[1]) См. его у *Сахарова* въ „Утренней Зарѣ“ на 1839 г., стр. 9—13.; у *Голикова* т. XIII, М., 1840, с. 143; у *Берха*, Царств. Алексѣя Михайл. II, 18; у *Щапова*, Рус. расколъ старооб. с. 69; у *Соловьева*, Истор. Россіи, изд. 1877 г. Т. X, с. 150; у *Костомарова*, Рус. Ист. вып. V, с. 386—7; у *м. Макарія*, Ист. рус. церкви Т. XII, с. 51. О др. мелкихъ статьяхъ не упоминаю.

[2]) См. реестръ малороссійскимъ дѣламъ, выписанный м. Евгеніемъ изъ бумагъ московскаго главнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ „Молодикѣ“ на 1844 г., изд. И. Бецкимъ, Спб. 1844, стр. 223: „іюня 27 пріѣздъ въ Москву Кіево-братскаго Богоявленскаго монастыря старцевъ Арсенія и Епифанія для риторическаго въ Москвѣ ученія и для переводовъ съ греческаго языка книгъ“.

Библиотека "Руниверс"

вавшаго въ Москву Арсенія Сатановскаго и Дамаскина Птицкаго. Еп. Славинецкій, этотъ любопытный типъ неутомимаго кабинетнаго ученаго, и пріѣхалъ вмѣсто Дамаскина. Явившись въ Москву, онъ поселился не въ Андреевскомъ монастырѣ, а на большомъ посольскомъ дворѣ, гдѣ и жилъ до самаго своего переѣзда въ Чудовъ монастырь, т. е. до основанія чудовской школы [1]).

2) Значитъ, патріархъ Никонъ не могъ въ 1652 г. взять Еп. Славинецкаго изъ Андреевскаго монастыря, въ которомъ тотъ не былъ, а потому нельзя говорить, что ртищевская школа въ силу этого прекратила свое существованіе именно въ 1652 г.

3) Утверждать, что съ Епифанія Славинецкаго началось преподаваніе въ ртищевской школѣ, значитъ предполагать основаніе этой школы не ранѣе іюля 1649 г. Между тѣмъ какъ на основаніи дѣла по доносу чернеца Саула слѣдуетъ заключить, что школа была основана ранѣе 1649 года (во всякомъ случаѣ уже при ц. Алексѣѣ, т. е. приблизительно въ 1646 г.).

Въ началѣ 1650 г. производилось слѣдствіе по дѣлу объ ученьи у кіевскихъ старцевъ ртищевскаго вызова, изъ котораго видно, что еще лѣтомъ 1649 г., т. е. когда ученые иноки царскаго вызова еще и не пріѣзжали въ Москву или только что успѣли пріѣхать, двое учениковъ ртищевской школы собирались ѣхать въ Кіевъ, чтобы тамъ доучиваться по латыни. Очевидно, что они, эти знаменитые ученики, не могли учиться у Епифанія Славинецкаго.

Итакъ, южно-русскіе иноки *ртищевскаго* вызова явились въ Москвѣ между 1645—49 гг., иноки *правительственнаго* вызова никогда не были членами ртищевскаго братства. Когда же закрылась ртищевская школа, мы не знаемъ. На основаніи свидѣтельства хорвата Юрія Крижанича [2]), можемъ только сказать, что братство Андреевскаго монастыря существовало еще въ 1666—7 гг., ибо въ это время „бѣлоруски андреевскаго мона-

[1]) См. Малорос. дѣла 1650 г. въ „Правосл. Обозр." 1887, № 1, стр. 163 въ любопытной статьѣ Каптерева.

[2]) Описаніе славянскихъ рукоп. Московск. Синод. Библ. А. Горскаго и К. Невоструева, № 283, стр. 388—397.

Библиотека "Руниверс"

стыря отци" присутствовали на большомъ московскомъ соборѣ этихъ годовъ [1]).

Ртищевская школа уже далеко отступаетъ отъ извѣстной намъ греко-аѳонской программы Христофора. Вызовъ южно-русскихъ иноковъ и допущеніе въ Москвѣ преподавать латинскій языкъ — цѣлый поворотъ во внутренней политикѣ московскаго правительства. Можно представить себѣ всю важность и новизну этого поворота, совершившагося въ новое царствованіе. Ртищевская школа начинаетъ непрерывное игнорированіе греко-аѳонской программы, но въ умахъ людей греческаго образовательнаго направленія она остается незыблемой. Въ школѣ учили славянскому, греческому и *латинскому* языкамъ, грамматикѣ и, можетъ быть, риторикѣ и философіи. Что въ школѣ учили по латыни и по гречески, это ясно видно изъ упомянутаго мною дѣла по доносу чернеца Саула. „Лучка Голосовъ говорилъ, читаемъ здѣсь, поѣхалъ де... Порфирко Зеркальниковъ, да Иванъ Озеровъ... *до*учиваться у старцевъ, у кіевлянъ, по латыни". Значитъ, Голосовъ и Зеркальниковъ еще въ Москвѣ начали учиться „полатинямъ". О Ртищевѣ то же дѣло замѣчаетъ: „учится де у кіевлянъ Ѳедоръ Ртищевъ греческой грамотѣ, а въ той грамотѣ еретичество есть". Что касается риторики и философіи, то о нихъ ничего нельзя сказать положительнаго: этимъ предметамъ можетъ быть учили, а можетъ быть и нѣтъ [2]). Вообще же иноки ртищевскаго вызова, по свидѣтельству „Житія", явились въ Москву для обученія русскихъ „свободнымъ наукамъ". Мы ничего не могли сообщить ни о непосредственныхъ результатахъ школы,

---

[1]) Каптеревъ однако предполагаетъ, что Ртищевъ и не думалъ вызывать южно-русскихъ ученыхъ, а это равносильно непризнанію существованія ртищевскаго братства. Мы видѣли, что дѣло по доносу черица Саула опровергаетъ это предположеніе. См. Прав. Обозрѣніе 1887 г., № 1, стр. 163 прим. 30. Срв. проф. *В. О. Ключевскаго* „Боярская Дума" 2 изд., стр. 389—390.

[2]) *Соловьевъ*, Истор. Росс., т. X, изданіе 1877 г., стр. 150. Соловьевъ повторяетъ, очевидно, предметы, упоминаемые въ цитированномъ выше отрывкѣ изъ „Житія милостиваго мужа", но тамъ говорится не о дѣйствительной школьной программѣ, а о томъ, что иноки такъ учены, такъ „изящны", что желающимъ *могутъ* преподавать даже риторику и философію. О преподаваніи же латинскаго языка Соловьевъ умолчалъ.

Библиотека "Руниверс"

1632—34 гг., ни объ ея ученикахъ; нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ греко-латинской школой Ртищева. Намъ извѣстно нѣсколько учениковъ этой школы: прежде всего, конечно, самъ основатель ея бояринъ Ѳ. М. Ртищевъ, который „тако о разумѣ, о свѣтѣ души словесныя прилежа, яко во днѣхъ служеніе своего чина исполняя, въ нощѣхъ же, презирая сладостный сонъ, со мужи мудрыми и божественнаго писанія изящными, въ любезномъ ему бесѣдованіи иногда цѣлыя нощи бодростнѣ препровождая и паки ко служенію своего чина обращашеся"; потомъ извѣстны Иванъ Озеровъ и Порфирій Зеркальниковъ, на которыхъ школа съумѣла подѣйствовать такъ обаятельно и серьезно, что они захотѣли доучиваться въ Кіевѣ, пользуясь для того покровительствомъ своего товарища по школѣ Ѳ. М. Ртищева; наконецъ, извѣстенъ Лучка Голосовъ, неважный дворянинъ по происхожденію, превратившійся потомъ въ Лукьяна Тимоѳеевича Голосова и думнаго дворянина[1]). Л. Т. Голосовъ былъ невольнымъ ученикомъ школы, говорившимъ о себѣ, что онъ только манитъ боярину Ртищеву, „а впредь де учиться никакъ не хочу".

Хотя мы и не знаемъ, какъ долго существовала ртищевская школа, однако можемъ говорить о непосредственныхъ результатахъ преподаванія появившихся впервые въ Москвѣ южнорусскихъ иноковъ, результатахъ очень характерныхъ и любопытныхъ.

1) Видно прежде всего, что школа умѣла завлекать умы учениковъ наукою. Бояринъ Ѳ. Ртищевъ сидитъ у ученыхъ иноковъ „изящныхъ" цѣлыя ночи напролетъ; Озеровъ и Зеркальниковъ развиваются настолько, что рѣшаются ради еще большей науки ѣхать на родину своихъ учителей, на юго-западъ. Итакъ, школа, въ которой учили южно-русскіе иноки, съумѣла произвести умственное возбужденіе своихъ учениковъ. Мы увидимъ сейчасъ, что преподавателямъ этой школы удалось внести возбудительный элементъ и въ московское общество XVII вѣка. 2) Школа не только возбуждала умы, но и разгорячала страсти; ея преподаватели внесли смуту въ московское общество, заставили

[1]) Срв. *Ключевскій*, Боярская Дума, 2-е изд., стр. 391.

Библиотека "Руниверс"

рѣзко обнаружиться извѣстныя образовательныя симпатіи и антипатіи. Южно-русскіе „изящные“ старцы, бывшіе желанными гостями для людей, подобныхъ Ртищеву, оказались терпимыми далеко не всѣмъ составомъ московскаго свѣтскаго, а особливо духовнаго общества. Часть этого общества возстала противъ нихъ подъ видомъ религіозной ревности, въ основѣ которой была добрая доля оскорбленнаго самолюбія. Эта любопытная и весьма поучительная исторія борьбы учителей пришельцевъ съ московскими самоучками можетъ быть предметомъ особой монографіи. Здѣсь важно лишь указать на возникновеніе и ясное выраженіе этой борьбы, которая тянется потомъ чрезъ всю оставшуюся половину XVII вѣка, переходитъ, нѣсколько видоизмѣнившись, въ XVIII вѣкъ и, какъ отдаленное и смутное воспоминаніе, еще разъ появляется въ XIX в. Это страстное возбужденіе московскаго общества особенно усилилось, когда послѣдовалъ второй, уже правительственный, вызовъ южно-русскихъ иноковъ. Но южно-русскіе иноки правительственнаго вызова (Еп. Славинецкій, Арсеній Сатановскій, Дамаскинъ Птицкій) прибыли въ Москву уже въ такое время, когда начали обнаруживаться слѣдствія дѣятельности южно-русскихъ иноковъ ртищевскаго вызова. Позднѣе приливы южно-русскаго иночества въ Великую Русь пріобрѣтаютъ довольно большіе размѣры. Особенно извѣстенъ приливъ южнорусскихъ иноковъ Кутеинскаго монастыря, изъ Орши, Копыса, Мстиславля. Придворный поэтъ, проповѣдникъ и учитель Alexiani Musei Симеонъ Ситіановичъ Полоцкій также принадлежалъ къ числу такихъ выходцевъ.

Южно-русскіе иноки, явившись въ Москвѣ, составили себѣ очень незавидную репутацію; ихъ считали не за православныхъ, а за чужеземцевъ, а порою и прямо за еретиковъ, ибо обрядовая сторона ихъ жизни во многомъ отличалась отъ московской: и молились то они не такъ, и пѣли иначе, и постились не какъ слѣдуетъ, не по московски, и философію почитывали, да и еретической „латынской грамоты“ не были чужды. А мы знаемъ, какую роль сыграла въ Москвѣ привычка къ изстари установившемуся, хотя бы и неправильному, обряду. Ни кнутъ, и батоги, ни клещи, ни огонь, ни мягкое и теплое слово увѣщанія не

Библиотека "Руниверс"

выбили у многихъ московскихъ людей этой старой привычки къ разъ установившемуся обряду. Да и не только въ Москвѣ, но и въ другихъ мѣстахъ Великой Руси южно-русскіе иноки производили то же впечатлѣніе. Нельзя объяснять это явленіе только тѣмъ, что южно-русскіе иноки выступили въ Москвѣ противниками приверженцевъ самобытнаго чисто русскаго просвѣщенія и принципіально разошлись чуть не со всѣми членами упомянутаго выше кружка. Принципіальная рознь играла, конечно, главную, но далеко не исключительную роль. Сюда примѣшались и оскорбленная гордость московскихъ самоучекъ, и неосторожное поведеніе самихъ пришельцевъ. Пришельцы не пошли по пути постепенной и мирной борьбы изъ за принципа. Привыкнувъ у себя дома къ рѣзкой и безпощадной полемикѣ, на которую иногда слишкомъ много тратилось трудовъ и дарованій, они и здѣсь, въ Москвѣ, продолжали эту привычную имъ полемику: перемѣнился только предметъ нападенія. Пришельцы стали гордо и свысока смотрѣть на уважаемыхъ московскихъ учителей-проповѣдниковъ, искоренявшихъ „безчинная всякая“ и пользовавшихся немалымъ уваженіемъ среди недалекаго по своему умственному развитію московскаго общества. Да и ученики этихъ пришельцевъ, по примѣру своихъ учителей, не спускали устарѣвшимъ теперь московскимъ авторитетамъ. Въ дѣлѣ по доносу чернеца Саула мы читаемъ любопытныя строки о Зеркальниковѣ и Озеровѣ, молодыхъ ученикахъ южно-русскихъ иноковъ, отправлявшихся доучиваться въ Кіевъ; эти строки весьма рельефно рисуютъ намъ отношеніе той и другой стороны другъ къ другу. Лучка Голосовъ, невольный ученикъ ртищевской школы, совѣтовалъ воротить Порфирку и съ Ивашкой и не допустить ихъ до Кіева во избѣжаніе великихъ съ ними хлопотъ—„и такъ де они всѣхъ укоряютъ, и ни во что ставятъ благочестивыхъ протопоповъ Ивана (Неронова) и Степана (Вонифатьева) и иныхъ: враки де они вракуютъ, слушать у нихъ нечего, и себѣ имени не вѣдаютъ, учатъ де, про то ничего не знаютъ, чему учатъ“. Повидимому, и вообще поведеніе южно-русскихъ иноковъ не всегда отличалось достаточною строгостью. По крайней мѣрѣ, одинъ документъ 1669 года въ очень мрачномъ видѣ рисуетъ

Библиотека "Руниверс"

намъ поведеніе южно-русскихъ иноковъ. Но мы должны очень осторожно имъ пользоваться, ибо онъ вышелъ изъ не совсѣмъ безпристрастнаго источника. Принимать характеристику, какую дѣлаетъ этотъ документъ, вполнѣ невозможно, но канву, на которой черезъ чуръ усердно подобраны мрачныя краски, мы должны считать болѣе или менѣе прочной. Документъ этотъ— отписка властей Иверскаго монастыря къ архимандриту Чудова монастыря Іоакиму отъ 16 марта 1669 года [1]). Власти Иверскаго монастыря просятъ не присылать къ нимъ бывшаго игумена Андреевскаго монастыря Петронія. „Тотъ Петроній, читаемъ въ отпискѣ, человѣкъ крамолистой, своеобычной, не общежительной: какъ и прежъ сего былъ въ Андреевскомъ монастырѣ игуменомъ, и онъ всю братію бунтовалъ и всякія крамолы чинилъ; а у насъ потому жъ братію учнетъ бунтовать и крамолы чинить, потому что человѣкъ своеобычной, необщежительной; намъ и безъ него братію надобь пасть и воздержать. И прежъ которые у насъ въ Иверскомъ монастырѣ были Андреевскаго монастыря старцы, и они за смуту и за бунтовство высланы изъ монастыря вонъ; и нынѣ того жъ монастыря Андреевскаго іеромонахъ Анастасій, будучи у насъ, говоритъ и бьетъ челомъ, чтобъ отнюдь тотъ Петроній въ Иверскомъ монастырѣ не былъ, потому что человѣкъ развратной и своеобычной". Такъ изъ провинціи въ Москву писали, что старцы Андреевскаго монастыря бунтовщики и смутьяны. Пришельцы нарушили спокойное теченіе монастырской жизни по неподвижно установившейся табличкѣ, напали на незыблемые до нихъ авторитеты, соблазняли нѣсколько болѣе свободной жизнью, наконецъ, прямо возбуждали противъ себя нѣчто въ родѣ національной ненависти. О поселившихся въ Иверскомъ Святоозерскомъ монастырѣ инокахъ Оршинскаго Кутеинскаго монастыря иверскіе старцы писали въ Москву: „наша русская грамота съ кутеинскою не сойдется, съ ними вмѣстѣ по ихъ пѣти и чести не умѣемъ, и они нашихъ крылосныхъ людей, священниковъ и дьяконовъ поставили подъ стѣною и ихъ не взлюбили... а священника теперь у насъ въ

[1]) Русск. Истор. Библ. Спб. 1878, т. V, № 276, с. 742—744.

Библиотека "Руниверс"

монастырѣ *нашей русской вѣры* нѣту ни единого, и намъ помереть безъ покаянія“ [1]).

Итакъ, въ извѣстной части русскаго духовнаго и свѣтскаго общества установилось чрезвычайно враждебное настроеніе къ южно-русскимъ пришельцамъ: то была вражда по внѣшности чисто религіозная, на дѣлѣ же въ сильной степени происходившая отъ оскорбленнаго самолюбія и фанатической узости взгляда. Любопытно, что наравнѣ съ южно-русскими пришельцами ненависть эту возбуждали и ревнители греческаго ученія, и сами греки. Достаточно даже мелькомъ проглядѣть дошедшія до насъ раскольническія челобитныя, чтобы видѣть всю силу возбужденія противъ грековъ. Особенную извѣстность получили въ нашей литературѣ слова Ивана Неронова, обращенныя къ царю Алексѣю. „Молимъ тя, государя, писалъ Ив. Нероновъ отъ 27 февраля 1654 г., *иностранныхъ* иноковъ, кромѣ Богомъ избранныхъ, истиннѣ неразвратниковъ, благочестію ругателей и ересемъ вводителей въ совѣтъ не принимай: зримъ бо въ нихъ, государь, ни едину отъ добродѣтелей“. То же выражалъ Ив. Нероновъ и въ личной бесѣдѣ съ патріархомъ Никономъ, бѣжавъ въ Москву изъ Кандалажскаго монастыря. „Святитель, гордо заявлялъ Нероновъ п. Никону, иноземцевъ ты законоположеніе хвалишь и обычаи тѣхъ пріемлешь. А мы прежде сего у тебя же слыхали, что многажды ты говорилъ намъ: гречяне де, да и *малые Россіи* потеряли вѣру и крѣпости добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ“ [2]).

Такимъ образомъ сперва *частный* вызовъ южнорусскихъ иноковъ (между 1645—49 гг.), а потомъ *правительственный* [3]) въ 1649 г. повели къ раздору среди русскаго общества и окончательному сложенію образовательныхъ направленій XVII в. Съ этихъ поръ, т. е. съ половины XVII в., можно о каждомъ изъ образовательныхъ направленій говорить въ отдѣльности. То были: 1) *ультра-русское* направленіе, одинаково ненавидѣвшее и греческую, и латинскую грамоту; его задушевною мечтою было остаться при скудномъ запасѣ тѣхъ образовательныхъ средствъ,

[1]) Ib. № 57, ст. I, стр. 137—8.

[2]) Матер. для исторіи раскола, Т. I, стр. 66, 67, 150.

[3]) П. Соб. Зак. I. № 7.

Библиотека "Руниверс"

какія выработала старая Русь; 2) *греческое*, стоявшее за исключительное изученіе греческаго языка и византійской науки и ненавидѣвшее „латинскую ересь“ и 3) *латинское*, стремившееся исключительно къ изученію латинскаго языка и западной науки, презиравшее греческій языкъ и византійскую науку.

Каково же было направленіе южно-русскихъ пришельцевъ? Они первоначально раздѣлились. Часть ихъ, повидимому очень небольшая, съ Епифаномъ Славинецкимъ во главѣ, стала во главѣ греческаго направленія. Большинство было на сторонѣ третьяго направленія. Появленіе этого третьяго направленія довольно вѣрно умѣли объяснять уже въ XVII вѣкѣ. Говоря о происхожденіи неправославныхъ мнѣній среди московскаго общества, патріархъ Іоакимъ такъ объяснялъ себѣ это явленіе: „юноши нѣціи царствующаго града Москвы восхотѣли отъити въ польское кралевство ради ученія латинскаго. Иже отшедши и учащеся въ латинскихъ училищахъ, и яко ученицы въ слѣдъ своихъ учителей ходяще въ костелы латинскія“ [1]) и т. п. Другой причиной появленія неправославныхъ мнѣній было присутствіе въ Москвѣ выходцевъ изъ Польши и юго-западной Россіи.

За какимъ же направленіемъ послѣдуетъ московское правительство XVII в. въ своемъ стремленіи завести школу? Очевидно, что ни за однимъ изъ нихъ исключительно, ибо для правительства XVII вѣка школа не была мѣстомъ для пропаганды того или другаго мнѣнія или направленія, а была только средствомъ для удовлетворенія насущныхъ государственныхъ потребностей. Правительство шло не за *направленіями умовъ общества*, а за *матеріальными его потребностями*. Вотъ почему отъ характера этихъ потребностей зависѣла и программа правительственныхъ школъ.

Актомъ 14 мая 1649 года было признано оффиціальное положеніе южно-русскихъ иноковъ въ Москвѣ; правительство оффиціально и всенародно объявило, что оно нуждается въ нихъ и ищетъ у нихъ духовной помощи. Этотъ актъ имѣетъ огромное значеніе въ исторіи нашего просвѣщенія. Онъ узаконилъ частный

[1]) Опис. рук. моск. син. биб. II, 3, № 291, стр. 431—432.

Библиотека "Руниверс"

ртищевскій вызовъ со всѣми его многообразными послѣдствіями. Съ тѣхъ поръ стали въ Москвѣ безъ страха учиться латинскому языку, стали стремиться на юго-западъ для той же науки. Такова роль и значеніе южно-русскихъ ученыхъ монаховъ въ исторіи нашего просвѣщенія.

Закончимъ нашу статью общей схемой, по какой шло движеніе у насъ образованія въ XVII вѣкѣ. Заботы объ образованіи въ XVII в. возбуждаются главнымъ образомъ путемъ усиленнаго роста государственныхъ и церковныхъ потребностей или отчасти побужденіями извнѣ (съ православнаго Востока). Заботы эти выражаются въ стремленіи основать постоянную школу съ наиболѣе цѣлесообразно для удовлетворенія потребностей выработанной программой (вызовы ученыхъ и учителей) и въ посылкѣ молодыхъ русскихъ за границу въ началѣ и концѣ вѣка.

Потребности же, которыя не давали покоя московскому правительству, заставивъ его до извѣстной степени дѣятельно приняться за народное образованіе, были слѣдующія: 1) потребности церкви: a) въ ученыхъ справщикахъ для исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ и переводовъ съ греческаго, b) въ просвѣщенныхъ духовныхъ для борьбы съ протестантизмомъ и расколомъ. 2) Потребности государства: a) въ образованной бюрократіи, способной понимать задачи и цѣли государства, b) въ людяхъ для дипломатическихъ сношеній и переводчикахъ съ иностранныхъ языковъ для посольской канцеляріи.

В. Н. Сторожевъ.

Библиотека "Руниверс"

Очерки стариннаго быта Волыни и Украйны.

2. Матери-преступницы [1]).

I.

Весною 1710 года, на проводной недѣлѣ, мѣщанинъ м. Выжвы [2]) Кирикъ Шумиликъ съ сыновьями пахалъ ниву на своемъ огородѣ, примыкавшемъ къ берегу болотистой рѣчки Выжвы. Не успѣлъ онъ пройти плугомъ и двухъ „упруговъ“, какъ съ другого конца нивы послышался тревожный окликъ его работника:

— Гляньте, панотче, що то нашъ Рябко носыть?

И работникъ указалъ по направленію къ болоту, откуда вышла перепачканная въ грязь большая собака, тащившая въ зубахъ какой то грязный свертокъ, изъ котораго торчала дѣтская ножка. Взобравшись на пригорокъ, собака остановилась въ нерѣшительности, поглядывая по сторонамъ и точно раздумывая, идти ли ей къ хозяевамъ, или повернуть назадъ въ болото.

— Цюцю, Рябко, на!—кричали на нее сыновья Шумилика, бросивъ плуги и направляясь къ берегу. За ними шелъ спотыкаясь по свѣже-вспаханной полосѣ и старикъ отецъ.

Собака радостно взвизгнула и бросилась на встрѣчу хозяевамъ, выронивъ свою добычу. То былъ полусгнившій трупъ

---

[1]) Составлено на основаніи актовыхъ матеріаловъ, большая часть коихъ издана въ 1 т. V ч. „Архива Югозап. Россіи“.

[2]) М. Выжва въ ковельскомъ у. волынск. губ., верстахъ въ 30 отъ Ковля.

Библиотека "Руниверс"

крохотнаго, повидимому новорожденнаго ребенка, завернутый въ грязную тряпку. Видно, не малое время онъ пробылъ въ водѣ, такъ какъ кожа во многихъ мѣстахъ успѣла облѣзть и приняла грязно-зеленый цвѣтъ. Крохотное личико было до того вздуто, что на мѣстѣ глазъ едва примѣтны были какія-то складки. Отъ трупа несло ужаснымъ смрадомъ.

— Яка жъ оце собача душа провыныла? въ раздумьи проговорилъ старый Кирикъ, слывшій за человѣка строгаго и „вельмы побожного".

Черезъ нѣсколько минутъ на мѣстѣ происшествія была уже вся семья Шумилика, прибѣжали и сосѣдки, работавшія въ своихъ огородахъ. Пошли толки и предположенія: чей бы это былъ ребенокъ?

— А вже жъ не чый, якъ не Опраскы Вовчыхы! безаппеляціонно рѣшила Приська, невѣстка Шумилика.—Не дурно жъ вона вси святкы на печи пролежала, що й паскы святои не пекла!

Опраска Вовчиха была сосѣдкой Шумиликовъ и жила съ дочкой-подросткомъ въ покривившейся на бокъ лачужкѣ, настолько ветхой, что сосѣдскія дѣти давно прозвали ее „хаткой на курячихъ лапкахъ". Когда то Вовчиха жила въ относительномъ довольствѣ и „повагѣ": имѣла большую „леваду" и собственное поле, держала двѣ пары воловъ, пять коровъ, носила турецкія „плахты" и красные „саньянци". Мужъ занимался земледѣліемъ, а зимою чинилъ кожи, она же вела мелочный торгъ въ собственной „крамныцѣ" на рынкѣ и ѣздила по окрестнымъ ярмаркамъ и базарамъ. Но со смертью мужа все ея благосостояніе пошло прахомъ: поле и левада были проданы, волы и коровы чужіе люди разобрали за долги, а молодая вдова съ горя стала попивать. Въ послѣдніе годы она дошла до такой крайности, что становилась съ нищими на церковной паперти и ходила по обѣдамъ поминальнымъ, а росшая безъ призора дочь ея Христя, буквально пропадавшая съ голоду и холоду, обкрадывала чужіе огороды, за что невѣстка Шумиликовъ Приська частенько бранилась съ Вовчихой и грозила оборвать всѣ „паціоркы" на головѣ ея вороватой дочки. Вотъ почему Приська такъ охотно

Библиотека "Руниверс"

готова была бы обвинить несчастную вдову во всевозможныхъ преступленіяхъ.

— Чы то жъ можна, жебъ бидна удова, уже въ подойшлыхъ литахъ, допустылась такого гриха непрощенного!—вступилась было старая Шумилиха, водившая когда то дружбу съ Вовчихой и дѣлившая съ нею хлѣбъ-соль; но Приська и другія молодыя женщины, ея сосѣдки, не дали говорить старухѣ и, перебивая одна другую, начали припоминать цѣлый рядъ ходившихъ въ околоткѣ неодобрительныхъ слуховъ о поведеніи Вовчихи, якобы подтверждающихъ высказанное Приською подозрѣніе.

Однако, нечего было долго калякать—слѣдовало тотчасъ донести уряду о случившемся.

М. Выжва принадлежала къ числу коронныхъ имѣній, приписанныхъ къ ковельскому старосту, и хотя имѣла собственную „магдебургію“ изъ выборныхъ бурмистровъ и лавниковъ, но высшая административная власть въ мѣстечкѣ принадлежала п. подстаростѣ, каковую должность справлялъ въ то время шляхтичъ Янъ Пулковскій, жившій въ выжовскомъ замкѣ. Къ нему то и отправился съ донесеніемъ старый Кирикъ, приказавъ работнику отнести туда же и трупъ ребенка.

По распоряженію подстаросты, въ тотъ же день были созваны въ ратушу бурмистры и лавники, чтобы въ личномъ его присутствіи приступить къ производству слѣдствія по горячимъ слѣдамъ. Общимъ совѣтомъ было постановлено: пригласить старыхъ, заслуживающихъ довѣрія женщинъ, которыя и сами имѣли дѣтей, и другимъ женщинамъ помогали при родахъ, и поручить имъ производство дознанія. Имъ вмѣнялось въ обязанность подвергнуть „ревизіи“ всѣхъ дѣвушекъ, вдовъ и тѣхъ замужнихъ женщинъ, которымъ со дня брака минуло не болѣе полугода, и о результатахъ экспертизы донести магистрату. „Ревизія“ должна была произойти на другой день, утромъ, для чего оповѣщено было, чтобы ни одна молодая женщина или дѣвушка до полудня не смѣли отлучаться изъ мѣстечка.

Въ тотъ вечеръ сады и левады Выжвы не оглашались обычнымъ пѣніемъ и на улицахъ не слышно было звонкихъ дѣвичьихъ голосовъ и молодого веселаго смѣха. Плохо спалось въ ту

Библиотека "Руниверс"

ночь выжевскимъ обывательницамъ и у многихъ тоскливо сжималось сердце въ ожиданіи рокового утра.

Въ полдень магистратъ засѣдалъ въ ратушѣ въ ожиданіи результатовъ „ревизіи“; собралась и „громада“ узнать, чѣмъ окончится это небывалое дѣло. Вотъ, наконецъ, появились бабы-эксперты: Катря Павлыха, Малашка Прокопыха и Орына Виндючыха. Чинно вошли онѣ въ ратушу, поклонились урядникамъ и, призывая въ свидѣтельство имя Божіе, доложили собранію, что добросовѣстно исполнили возложенное на нихъ порученіе: „обревизовали“ всѣхъ безъ изъятія дѣвушекъ, вдовъ и молодыхъ женщинъ въ мѣстечкѣ, не „фолкгуючи“ (мирволя) даже роднымъ дочерямъ своимъ,—и ни у кого не нашли „знаковъ“ подозрѣваемаго „учынку“, за исключеніемъ лишь Опраски Вовчихи: ея груди оказались полными молока, какъ у недавно родившей, и молоко это такого точно качества, какое требуется для кормленія новорожденнаго дитяти.

— А що, не моя правда!—злорадствовала Приська, толпившаяся въ числѣ другихъ женщинъ подъ окнами ратуши и больше всѣхъ злобствовавшая на то, что изъ-за одной „поганки“ подвергли „сраму“ почти все женское населеніе мѣстечка.

По распоряженію магистрата, Опраска Вовчиха тотчасъ же была арестована и посажена въ заключеніе. Вмѣстѣ съ нею приведена была въ магистратъ ея четырнадцатилѣтняя дочь Христя, которую почему-то сочли нужнымъ первую подвергнуть допросу.

— Повидай намъ, дивчыно, може ты примитыла: зъ кимъ матка твоя злый учынокъ мивала? колы тое дытя породыла и якимъ способомъ его стратыла?

Бойкая Христя „безъ всякой боязни“ (какъ замѣчено въ актѣ допросномъ) отвѣтила на первый вопросъ незнаніемъ, а на два другіе показала слѣдующее: „великимъ постомъ, когда онѣ съ матерью проживали въ домѣ мѣщ. Ивана Смоляра, мать ея, уходя однажды изъ дому, сказала, что пойдетъ къ людямъ на работу. Соскучившись быть одной въ избѣ, дѣвочка вздумала навѣдаться зачѣмъ то „въ мисто“ (на рынокъ), гдѣ была у нихъ своя „коморка“ для мелочнаго торга. Отво-

Библиотека "Руниверс"

рила она коморку—и замерла отъ страха: на полу лежала ея мать и какъ будто помирала. Христя начала было громко плакать, но мать приказала ей замолчать. Черезъ нѣсколько минутъ въ ея присутствіи родилось дитя. Христя взяла его на руки, но оно было неживое. Потомъ это дитя около двухъ недѣль лежало въ „коморкѣ“ и куда затѣмъ исчезло оттуда—ей не извѣстно.

Отпустивъ дѣвочку, бурмистры приказали привести ея мать Опраску Вовчиху. Трудно было по первому взгляду опредѣлить возрастъ этой женщины; по виду она казалась довольно пожилой, почти старухой, хотя на самомъ дѣлѣ ей было не болѣе 35-ти лѣтъ. Горе, лишенія и безпорядочная жизнь преждевременно состарили эту когда то красивую женщину, положивъ печать изможденія на ея поблекшемъ лицѣ, худыхъ, опущенныхъ плечахъ и полусгорбленномъ станѣ; и только въ маленькихъ карихъ глазахъ ея, теперь пугливо озиравшихъ грозное собраніе, таился скрытый огонекъ, свидѣтельствовавшій о томъ, что молодые порывы не совсѣмъ еще умерли въ этомъ дряблomъ тѣлѣ.

Ее подвергли допросу: съ кѣмъ имѣла „грѣхъ“, и нѣтъ ли среди обывателей мѣстечка виновника или участника ея „злого учынку?“

Съ воплями и причитаніями она упала на колѣни и, простирая руки къ судьямъ, клятвенно утверждала, что никто изъ жителей мѣстечка не причастенъ ея „грѣху“, а было де дѣло такъ: прошлымъ лѣтомъ, во время перехода литовскихъ войскъ, когда они постоемъ стояли въ Выжвѣ и „выбирали контрибуцію“ со всего староства ковельскаго, какой то жолнеръ, заставъ ее нечаянно одну въ „коморѣ“, насильно „учинокъ зъ нею пополнилъ“, отъ чего она „понесла“ и на третьей недѣлѣ поста родила мертваго ребенка. Избѣгая огласки и „недоброй славы“, она хотѣла скрыть все, съ нею приключившееся, и въ теченіе двухъ недѣль держала трупъ дитяти въ „коморѣ“, а за тѣмъ, когда рѣка вскрылась, бросила его въ воду.

Стоило лишь взглянуть на лица судей, чтобъ понять, какъ мало вѣры давали они той части показанія обвиняемой, въ которой она старалась представить изъ себя несчастную жертву

Библиотека "Руниверс"

насилія. Положимъ, случаи изнасилованія женщинъ проходившими жолнерами искони составляли въ польскихъ областяхъ весьма обычное явленіе, но не было случаевъ, когда бы потерпѣвшія молчали о постигшемъ ихъ насиліи; напротивъ, онѣ оповѣщали о томъ родныхъ и сосѣдей, жаловались пану или своему уряду, требовали возныхъ для удостовѣренія факта насилія, иногда заводили процессъ и хотя никогда не добивались удовлетворенія, но по крайней мѣрѣ смывали тѣмъ позорное пятно, очищали себя въ глазахъ „громады“ и сохраняли свое доброе имя. Кто поступалъ иначе, тотъ терялъ право вчинать искъ о насиліи, или точнѣе, такой запоздалой жалобѣ не придавали никакой вѣры.

Порядокъ тогдашняго уголовнаго слѣдствія требовалъ, въ случаяхъ запирательства подсудимаго или же когда онъ давалъ видимо измышленныя показанія, „отдавать его на муку“, т. е. подвергать пыткѣ; особенною жестокостью въ этомъ отношеніи отличалось магдебургское право, которымъ руководились магистратскіе суды. Но въ данномъ случаѣ о пыткѣ почему то не было даже упоминанія. Записавъ показаніе обвиняемой, ее отвели въ тюрьму, а разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣла, въ виду особой его важности, отложили до ближайшаго засѣданія, на которое имѣла быть приглашена „громадская рада“.

Насталъ день суда. Въ среду, 10 мая, въ выжевской ратушѣ, подъ предсѣдательствомъ старшаго бурмистра Григорія Борецкаго, было открыто судебное засѣданіе. На самомъ видномъ мѣстѣ, на особой скамьѣ, покрытой „килимомъ“, усѣлись паны бурмистры или радцы, составлявшіе высшую магистратскую коллегію, вѣдавшую дѣла административныя, полицейскія и отчасти судебныя (по гражданскимъ искамъ); рядомъ съ ними, на другой скамьѣ, помѣстились паны лавники присяжные, представлявшіе другую коллегію въ магистратѣ, спеціально судебно-уголовную. На этотъ разъ, въ виду особой важности „справы криминальной“, обѣ коллегіи составили соединенное присутствіе, на которое были приглашены „паны бурмистры старой рады“, т. е. лица, когда либо служившія въ этой должности по прежъ-

Библиотека "Руниверс"

нимъ выборамъ, и наконецъ—все „поспольство“ м. Выжвы. Такое собраніе называлось „радой громадской“; оно созываемо было лишь въ особенно важныхъ случаяхъ, превышавшихъ компетенцію магистрата, или же когда послѣдній считалъ нужнымъ, чтобы по извѣстному дѣлу было высказано мнѣніе всего населенія. На особой лавкѣ, въ качествѣ вещественной улики, стоялъ простой сосновый гробикъ съ трупомъ ребенка. Ввели подсудимую. Предсѣдатель доложилъ собранію сущность дѣла, а писарь прочелъ весь слѣдственный протоколъ. Обвиняемую снова подвергли допросу:

— Твоя дытына? Съ кимъ добула и на що стратыла?

— Мои паноченьки и батечки и голубчыки! завопила подсудимая: мій грихъ—моя й покута; але жъ я не стратыла своего дытяты: воно ще до пороженья було въ мени нежыве.—И снова Вовчиха повторила прежнее показаніе, клятвенно утверждая, что ребенокъ родился мертвымъ. Какъ ни убѣждали ее назвать отца дитяти, подсудимая упорно стояла на прежнемъ показаніи, что подверглась насилію со стороны перехожаго литовскаго жолнера.

„Радѣ“ предстояло рѣшить два вопроса: виновна ли Опраска Волчиха а) въ прелюбодѣяніи и б) въ дѣтоубійствѣ?

Относительно перваго вопроса не о чемъ было и раздумывать: фактъ прелюбодѣянія ни въ комъ не возбуждалъ сомнѣній. Болѣе спорнымъ представлялось обвиненіе въ дѣтоубійствѣ. Судебное слѣдствіе не дало никакихъ данныхъ ни за, ни противъ обвиненія. Медицинская экспертиза, въ лицѣ благонадежныхъ и „умѣетныхъ бабъ“, была безсильна, конечно, отвѣтить на вопросъ: живымъ или мертвымъ родился ребенокъ? А въ этомъ вопросѣ таилась вся разгадка дѣла. Магдебургское право вмѣняло женщинѣ въ вину, если она скрывала свою беременность и никого не пригласила для помощи при родахъ, и уже одинъ этотъ фактъ признавало достаточнымъ основаніемъ для обвиненія въ дѣтоубійствѣ; но здравый народный смыслъ не могъ, вслѣдъ за средневѣковыми юристами, въ такой степени отрѣшиться отъ условій дѣйствительности и стать на точку зрѣнія отвлеченныхъ юридическихъ умозаключеній, чтобы одной изъ второстепенныхъ кос-

Библиотека "Руниверс"

венныхъ уликъ придавать столь рѣшающее значеніе въ такомъ дѣлѣ, гдѣ вопросъ шелъ о жизни или смерти обвиняемой.

Наступили безпорядочные толки, столь обычные при обсужденіи сколько нибудь сложнаго вопроса толпой людей, не привычныхъ къ правильнымъ дебатамъ. Вся ратуша жужжала, какъ потревоженный улей. Когда гулъ сталъ понемногу затихать, предсѣдатель поднялся съ мѣста и обратился къ собранію:

— А що, панове рада, якъ будемо судыты: чы по „праву“, чы по стародавнему звычаю?

Судить „по праву“—это значило судить на основаніи дѣйствовавшаго кодекса, каковымъ для магистратскихъ судовъ признавалось нѣмецкое, или такъ называемое магдебургское право—и то не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а въ передѣлкахъ польско-литовскихъ юристовъ XV—XVI ст. Но такъ какъ предписанія этого иноземнаго права не всегда совпадали съ обычными правовыми воззрѣніями южнорусскаго народа и часто шли въ разрѣзъ съ его исконными понятіями о правѣ и справедливости, то на практикѣ сплошь и рядомъ бывали случаи, когда магдебургское право терпѣло видоизмѣненіе подъ вліяніемъ народныхъ воззрѣній и обычаевъ, которые нерѣдко дѣйствовали наряду съ нимъ или даже совсѣмъ замѣняли его. Въ данномъ случаѣ, напримѣръ, магдебургское право, вообще очень строгое, уполномочивало судъ предать смерти подсудимую за одно лишь прелюбодѣяніе, а за дѣтоубійство назначалась не простая даже, а квалифицированная, нарочито жестокая смертная казнь. Но такая жестокость не была въ духѣ южнорускаго народа, вообще добродушнаго и жалостливаго къ преступникамъ. Поэтому, на вопросъ предсѣдателя, „рада“ единогласно отвѣтила:

— Судимо іи по хрыстіянскому звычаю, якъ наши батьки и диды судыли.

При этихъ словахъ магистратскій писарь, готовившійся было прочесть соотвѣтствующіе дѣлу „артыкулы“ изъ магдебургскаго права, закрылъ книгу и сѣлъ на свое мѣсто.

Предсѣдатель приступилъ къ сбору голосовъ въ обратномъ (согласно обычаю) іерархическомъ порядкѣ засѣдавшихъ коллегій:

Библиотека "Руниверс"

— А яке буде ваше „вотумъ“, панове лавныкы прысяглые? обратился онъ сперва къ низшей магистратской коллегіи.

Лавники предложили такое рѣшеніе: выставить подсудимую посреди мѣстечка у позорнаго столба, продержать ее тамъ до ближайшаго воскресенія, а въ этотъ день публично высѣчь розгами.

— А ваше „вотумъ“, панове бурмистры? спросилъ предсѣдатель.

Бурмистры присоединились къ рѣшенію лавниковъ, прибавивъ лишь, что въ воскресеніе, прежде чѣмъ сѣчь подсудимую, слѣдуетъ обрѣзать на ней подолъ рубашки и затѣмъ съ позоромъ выгнать изъ мѣстечка.

Очередь была за всей „радой громадской“; ей оставалось утвердить магистратское рѣшеніе, или изречь новый декретъ. Въ толпѣ нельзя было столковаться такъ легко, какъ въ небольшой группѣ; скоро, однако, соглашеніе было достигнуто, и писарю велѣно записать въ книги такой декретъ: такъ какъ судъ не имѣетъ „слушного доводу“ относительно вопроса: живое или мертвое дитя родила обвиняемая Волчиха, до настоящаго же случая за ней не было примѣчено ничего такого, что подтверждало бы обвиненіе ея въ дѣтоубійствѣ, то посему не подвергать ее смерти, какъ о томъ „учитъ право“; признавая же, однако, Волчиху виновною въ прелюбодѣйномъ прижитіи ребенка и намѣреніи скрыть слѣды этого проступка, а также „запобѣгая тому, абы на дальшій часъ такои сваволи не було и турбація мѣсту (городу) зъ коштомъ не приходила“,—выставить обвиненную у позорнаго столба, уводя на ночь въ тюрьму, а въ воскресеніе у того же столба, связавъ, высѣчь при всемъ народѣ и затѣмъ, обрѣзавъ подолъ „кошули“, выгнать прочь изъ города.

Приговоръ этотъ въ тотъ же день былъ утвержденъ подстаростой и приведенъ въ исполненіе.

Несчастная женщина въ теченіе трехъ дней стояла привязанной у столба на базарной площади, при чемъ проходившіе издѣвались надъ ней, уличные мальчишки швыряли въ нее грязью; а въ воскресеніе послѣ обѣдни, въ присутствіи всего почти населенія мѣстечка и ближайшихъ селъ, ее высѣкли розгами, обор-

Библиотека "Руниверс"

вали на ней нижнюю часть рубахи и въ такомъ видѣ метлами выгнали изъ мѣстечка, приказавъ ей подъ угрозою смерти никогда не возвращаться сюда, а роднымъ—принимать и укрывать ее.

Такъ строга была народная немезида къ падшимъ женщинамъ, если онѣ ктому же пытались скрыть слѣды своего паденія; но эта строгость—ничто въ сравненіи съ суровостью тогдашняго закона, установленнаго для подобныхъ случаевъ. Народное правосудіе устрашало позоромъ, тогда какъ дѣйствовавшее право жаждало мукъ и крови. Вотъ нѣсколько примѣровъ того, какъ расплачивались другія, подобныя Опраскѣ Вовчихѣ грѣшницы, когда ихъ судили „по праву“, а не „по стародавнему звычаю“.

II.

Въ апрѣлѣ 1704 г. какая то пани Ярмоховская прислала въ ковельскій магистратъ свою крестьянку Палажку, обвиняя въ томъ, что послѣдняя, будучи замужней женщиной, „впала въ грѣхъ чужеложства“ съ дворовымъ пастухомъ Иваномъ и удушила рожденное отъ этой связи дитя. Лавники свидѣтельствовали принесенный въ кошолкѣ самой обвиняемой трупъ ребенка и нашли на немъ явные слѣды удушенія. Палажка откровенно созналась, что сама удушила дитя: „налегла на него зъ умыслу“ (т. е. намѣренно). Въ виду такого безсердечія глупой матери, магистратъ рѣшилъ примѣнить къ ней, хотя и не въ полной мѣрѣ, строгость дѣйствовавшаго закона, цитаты изъ котораго, прочтенныя на судѣ, гласили слѣдующее: 1) „Уличенный въ чужеложствѣ долженъ быть усѣченъ мечемъ“. 2) „Женщина, истребившая плодъ, рожденный ею живымъ и настолько развитымъ, что можно уже различить на немъ всѣ члены, должна быть, согласно обычаю (нѣмецкому), живою въ землю зарыта и пробита коломъ. Однако, въ предупрежденіе того, чтобы иная, устрашенная строгостью такой кары, не впала въ десперацію, казнь эта можетъ быть замѣнена утопленіемъ въ водѣ. Но въ случаяхъ, когда бы въ какой либо странѣ или городѣ часто приключались подобныя звѣрскія преступленія,—для вящшаго устрашенія и въ примѣръ другимъ злымъ женщинамъ, виновныя

Библиотека "Руниверс"

должны быть караемы согласно вышеуказанному обычаю. Если же онѣ будутъ присуждаемы къ утопленію, то предварительно слѣдуетъ рвать ихъ тѣло раскаленными щипцами, какъ это рекомендуется опытными юристами“ [1]).

Ковельскій магистратъ, однако, въ этотъ разъ не послѣдовалъ безчеловѣчнымъ рецептамъ „опытныхъ“ нѣмецкихъ правовѣдовъ и постановилъ декретъ: казнить преступницу мечемъ, а трупъ ребенка, какъ не крещеннаго, похоронить за городомъ, подъ „фигурой“ (крестомъ). Но когда Палажку вели на казнь, явились „велебные отцы“: ксендзъ изъ фарнаго ковельскаго костела и уніатскіе священники: соборной церкви о. Василій и благовѣщенской о. Лука, а съ ними и другія „поважныя особы“ съ ходатайствомъ освободить обвиненную отъ смерти, наказавъ ее инымъ, болѣе мягкимъ способомъ. Магистратъ охотно уважилъ это ходатайство и, отмѣнивъ декретъ, постановленный имъ „по праву“, выдалъ другой „по стародавнему звычаю“: подвергнуть преступницу сѣченію метлами у позорнаго столба, давъ ей полтораста ударовъ, и затѣмъ выгнать изъ города.

Спустя шесть лѣтъ послѣ этого случая, въ м. Выжвѣ судилась за дѣтоубійство Опраска Волчиха, а еще черезъ три года ковельскому магистрату снова пришлось судить подобное дѣло.

Случай произошелъ въ с. Клевецкѣ, въ 8-ми верстахъ отъ Ковля. Строгія клевецкія матроны, изъ числа тѣхъ, отъ которыхъ, по пословицѣ, и „шило въ мѣшкѣ не утаится“, подмѣтили какъ то, что вдова Варвара Дмитрыха Дычикова, мать почти взрослыхъ дѣтей и, какъ ходилъ слухъ, любовница мѣстнаго войта, съ нѣкотораго времени начала пріобрѣтать подозрительную полноту. Тотчасъ заговорило о томъ все село. Отважная Дмитрыха вздумала заткнуть глотку досужимъ кумушкамъ: бранилась съ ними на базарѣ, похвалялась публично отшлепать ихъ „черевыкомъ“ по щекамъ и даже грозила привлечь къ суду всѣхъ

---

[1]) Первая цитата взята изъ такъ называвшагося „Саксона“ или „Саксонскаго зеркала“ (Speculum Saxonum), входившаго въ составъ общаго кодекса, именуемаго магдебургскимъ правомъ, а вторая—изъ „магдеб. права“ въ собственномъ смыслѣ.

Библиотека "Руниверс"

сплетницъ, которыя смѣютъ распускать про нее дурные слухи. Устрашенныя кумушки притихли, но въ свою очередь рѣшились не спускать очей съ старой грѣшницы. Такъ минуло два-три мѣсяца. Дмитрыха, жившая въ самомъ концѣ села, все рѣже и рѣже стала показываться на улицахъ. Затѣмъ прошелъ слухъ, что она слегла. Сосѣдкамъ, которыя навѣщали ее, она жаловалась, что „подорвалась“ на тяжелой работѣ и оттого заболѣла. Но черезъ два-три дня больная настолько оправилась, что въ ближайшее воскресеніе появилась въ церкви, была на базарѣ, и всѣмъ бросилось въ глаза, что она рѣзко измѣнилась въ лицѣ, а прежней полноты не было слѣда. Заволновались клевецкія матроны: теперь вѣдь и вправду Дмитрыха можетъ привлечь ихъ за клевету! По ихъ наущенію заволновалась вся „громада“ клевецкая, смѣнила войта и обо всемъ донесла старостѣ съ просьбой нарядить слѣдствіе. Изъ Ковля послѣдовалъ приказъ: подвергнуть Дмитрыху осмотру опытныхъ женщинъ, а въ ея домѣ, дворѣ и огородѣ сдѣлать обыскъ, не отыщется ли тамъ живое или мертвое дитя. Дитяти не нашли, но бабки-эксперты единогласно признали Варвару Дмитрыху недавно родившей. Тотчасъ ее посадили въ „колоду“, пригрозили пыткой на „драбынѣ“ и заставили повиниться. И вотъ въ декабрѣ 1713 г. новый клевецкій войтъ съ пятью „мужами громадскими“ привелъ въ ковельскій магистратъ связанную Варвару Дмитрыху и съ нею низложеннаго войта Андруся Морзюка, на котораго она показала, какъ на отца погибшаго дитяти.

На допросѣ Морзюкъ, послѣ долгаго запирательства, сдѣлалъ такое признаніе: ѣздилъ онъ какъ то по дѣламъ своей должности въ м. Миляновичи и на возвратномъ пути заѣхалъ въ домъ къ Варварѣ спросить объ ея постояльцѣ-жолнерѣ. Варвара была одна, приняла войта съ почетомъ, угостила водкой и сама выпила, а когда поздпимъ вечеромъ гость хотѣлъ уѣзжать, она, будучи „въ подпиломъ“ состояніи, шепнула, удерживая его: „добре бы тутъ удвохъ спаты!“ Гость, тоже достаточно „подпилый“, не имѣлъ силы противиться искушенію и остался ночевать... А больше никогда не имѣлъ съ нею „грѣха“ и „рады до страченья дитяти“ ей не давалъ.

Библиотека "Руниверс"

Дмитрыха, напротивъ, утверждала, что войтъ, какъ лице начальственное, приневолилъ ее къ грѣху, что она просилась у него: „бойся Бога! ты маешъ жену, а я сыновъ дорослыхъ“, на что онъ отвѣтилъ: „не вважай на тое!“ Когда же она почувствовала себя беременной, то страшась и собственнаго безславія, и еще болѣе позора и „зневаги“ для своихъ дѣтей и всего рода, рѣшилась лучше погубить свое здоровье и даже жизнь, только бы освободиться отъ плода, и съ этою цѣлью подымала разныя тяжести: камни, колоды, до тѣхъ поръ, пока родила недоношенное дитя. Она слышала его плачъ, но „черезъ великій встыдъ“ не дала ему никакого „ратунку“ и, оставивъ его въ „коморѣ“, ушла въ избу, никому не сказавъ о случившемся. Черезъ короткое время, вернувшись съ огнемъ, она нашла дитя уже мертвымъ, прикрыла его коробкой и на третьи сутки отнесла на „розстанье“ (гдѣ расходятся дороги) и зарыла въ глинищѣ.

По выслушаніи дѣла, магистратъ, ссылаясь на извѣстные уже намъ „артикулы“ магдебургскаго права, хотя дѣйствуя не во всемъ согласно ихъ предписаніямъ, постановилъ декретъ: обвиняемаго Андруся за то, что онъ, имѣя „шлюбную“ жену, дерзнулъ впасть въ чужеложство съ Варварой Дмитрыхой, подвергнуть публичному наказанію плетьми у позорнаго столба въ Ковлѣ и вторично—среди с. Клевецка, по полутораста ударовъ, послѣ чего онъ обязанъ будетъ испросить прощеніе предъ своей громадой. А что касается Варвары Дмитрыхи, то въ возмездіе за то, что смѣла разныя тяжести носить съ цѣлью повредить собственному здоровью и погубить ребенка, котораго самымъ дѣломъ погубила и зарыла скрытно,—сама она должна быть заживо зарыта въ землю и пробита коломъ.

Въ ближайшую пятницу приступили къ исполненію этого декрета. Весь городъ сошелся поглядѣть на небывалое зрѣлище; цехи явились со своими значками. Когда вели осужденную къ мѣсту казни, во всѣхъ церквахъ звонили, какъ во время похоронъ. Ее сопровождалъ священникъ въ черныхъ ризахъ и всю дорогу громко читалъ молитвы. Далеко за городомъ, среди пустыря, вырыта была могила; здѣсь должна произойти казнь.

Библиотека "Руниверс"

Писарь прочелъ декретъ, священникъ окончилъ послѣднее напутствіе—и преступница была предана въ руки палача. Съ связанными руками и ногами ее опустили въ могилу; туда же спустились два „гицеля“, т. е. помощники палача, чтобы придержать жертву въ моментъ исполненія послѣдняго акта правосудія. Когда все было готово, палачъ, стоя на краю могилы, высоко поднялъ дубовый, заостренный колъ и съ размаху опустилъ его внизъ. Раздался страшный, нечеловѣческій вопль... Тысячная толпа всколыхнулась. Вопль повторился... „Швыдче, швыдче!“ командовали бурмистры, понукая „гицелей“, съ юркостью ящерицъ выползшихъ изъ могилы и взявшихся за лопаты. Пока засыпали могилу, палачъ всею тяжестью своей грузной особы налегъ на колъ, который конвульсивно пошатывался. Черезъ нѣсколько минутъ края могилы сравнялись съ землей.

„Со духи праведныхъ скончавшихся“... раздалось пѣніе дьячковъ. Началась панихида. Потрясенная толпа опустилась на колѣни и рада была въ молитвѣ найти исходъ жгучему ощущенію смертной тоски и тревоги. У всѣхъ были блѣдныя и точно виноватыя лица. Женщины рыдали и громко причитывали. За ними почти не было слышно причетниковъ, которые какъ то неестественно торопились и пѣли не своими голосами, точно у нихъ были перетянуты глотки. Среди неулегшагося общаго потрясенія, страннымъ диссонансомъ звучали умилительныя надгробныя пѣсни, наскоро отхватываемыя надъ незаровненной могилой, изъ которой, казалось, все еще неслись леденящіе кровь предсмертные вопли „новопреставленной“.

III.

Когда все это происходило, въ числѣ зрителей, сбѣжавшихся на кровавое зрѣлище, находилась и ковельская мѣщанка Марина Васьчиха, и конечно, ей и въ голову не могло прійти, что пять лѣтъ спустя ее постигнетъ трагическая участь несчастной Дмитрихи, которую она теперь безсознательно оплакивала. Это предсказаніе показалось бы тѣмъ болѣе невѣроятнымъ, что

Библиотека "Руниверс"

Васьчиха вовсе не была женщиной легкаго поведенія и незадолго предъ тѣмъ вышла замужъ.

Жили они съ мужемъ очень бѣдно и даже не имѣли собственной хаты. Мужъ служилъ по чужимъ дворамъ въ работникахъ, а она проживала въ домѣ своего брата, ковельскаго мѣщанина Ивана Демидюка. Невѣстка съ ворчаніемъ и ропотомъ сносила присутствіе въ домѣ безполезной нахлѣбницы: слабосильная и вѣчно хворая Марина не была способна ни къ какой работѣ и почти не слѣзала съ печи, пока не угодила отсюда прямо въ тюрьму...

Въ одно ноябрское утро 1718 г. шляхтичъ Колпацкій случайно нашелъ близъ Демидюковой усадьбы трупъ новорожденнаго ребенка, завернутый въ тряпку и едва зарытый въ песокъ. Онъ далъ знать о томъ въ магистратъ, откуда въ тотъ же день были наряжены лавники для производства дознанія. Освидѣтельствовавъ трупъ дитяти, они не замѣтили на немъ никакихъ другихъ знаковъ насилія, кромѣ лишь того, что головка была сворочена на бокъ. Въ числѣ публики, собравшейся на мѣсто происшествія, оказался жолнеръ, квартировавшій въ домѣ Демидюка. Онъ разсказалъ, что прошлой ночью слышалъ въ избѣ какой то подозрительный писк, который принялъ онъ за писк щенка. Лавники отправились въ избу къ Демидюку и застали тамъ лежавшую на печи больную Марину, которая безъ отговорокъ созналась, что ребенокъ ея, родился живымъ, но тотчасъ умеръ, почему она и зарыла его въ саду. Ее немедленно увели въ тюрьму и подвергли допросу. По ея словамъ, ребенка прижила она съ мужемъ, но никому не говорила о томъ и даже отъ родныхъ скрывала свою беременность. Какъ это случилось, что она зарыла ребенка—она сама плохо помнитъ, потому что находилась въ то время въ состояніи безпамятства и лишь потомъ сообразила, что поступила дурно. Спрошенные въ качествѣ свидѣтелей Иванъ Демидюкъ и его жена показали, что не замѣтили беременности Марины, такъ какъ она постоянно лежала въ „запечку“, сказываясь больной, что во время родовъ не были дома, и только передъ тѣмъ, какъ лавники забирали Марину въ тюрьму, она призналась невѣсткѣ: „если бъ я вамъ

Библиотека "Руниверс"

все разсказала, какъ вы шли въ церковь, то застали бъ еще дитя живымъ".

Вторично спрошенная, Марина прибавила: „во время родовъ никого не было въ домѣ, кромѣ одного жолнера, который хотя слышалъ дѣтскій пискъ, но мнѣ не сказалъ ничего. Тогда я не помню, что со мной сдѣлалось: будто сила какая то вытолкнула меня изъ хаты за ворота, и я отнесла ребенка въ садъ, выгребла руками ямку, положила его туда, прикрыла тряпкой и присыпала пескомъ. Сколько еще ни допрашивали подсудимую, она твердила одно: какъ только услышала, что въ избѣ что то запищало, будто курченокъ, въ ту же минуту какая то сила толкнула ее за порогъ... и проч.

Въ показаніяхъ обвиняемой и въ ея поведеніи во время беременности и послѣ родовъ, проглядываетъ какая то ненормальность, свидѣтельствующая или о природномъ скудоуміи подсудимой, или же о болѣзненномъ психическомъ разстройствѣ, столь обычномъ у женщинъ въ ея положеніи. Если Марина прижила ребенка отъ законнаго мужа (а этотъ фактъ на судѣ не былъ подвергнутъ сомнѣнію), то зачѣмъ же она скрывала свою беременность даже отъ близкихъ родныхъ и съ какою цѣлью поспѣшила припрятать ребенка? Вообще, всѣ дѣйствія подсудимой, какъ они изложены въ судебномъ протоколѣ, представляются весьма странными, а ея показанія дѣтски-наивными. Къ несчастью, магистратъ видимо не обратилъ на это никакого вниманія и ни на минуту не усомнился въ томъ, что имѣетъ дѣло съ закоренѣлой преступницей, а не съ психически-больной или же слабоумной женщиной; поэтому онъ, не обинуясь, изрекъ декретъ: „въ виду сознанія подсудимой, что прижитое отъ мужа дитя она осмѣлилась живымъ зарыть въ землю, и сама она за свой звѣрскій проступокъ, согласно праву магдебургскому, имѣетъ быть заживо зарыта въ землю и пробита коломъ".

На третій день лавники донесли магистрату, что его рѣшеніе въ точности исполнено.

Библиотека "Руниверс"

Такія жестокія расправы надъ дѣтоубійцами практиковались въ теченіе многихъ столѣтій на всемъ пространствѣ, гдѣ дѣйствовало магдебургское право. А надобно вспомнить, что районъ дѣйствія его не ограничивался политическими предѣлами польскаго государства, но искони распространялся и на восточную часть Малороссіи, такъ называемую „гетманщину", въ которой правомъ этимъ руководствовались не одни магистратскіе и ратушные суды, но отчасти сотенные и полковые уряды. Конечно, не всѣ преступныя матери подвергались именно той нарочитолютой казни, какая положена была по магдебургскому праву: въ Малороссіи обыкновенно казнили ихъ „мечемъ", а часто и вовсе освобождали отъ смерти, замѣняя ее позорнымъ наказаніемъ, какъ то практиковалось нерѣдко на Волыни и Украинѣ. Но все же, еслибъ можно было собрать точныя свѣдѣнія относительно всѣхъ несчастныхъ, подвергшихся погребенію заживо, то получилась бы, полагаемъ, очень внушительная цифра. И несмотря на то, случаи дѣтоубійствъ не прекращались, и даже можно утверждать, что они были болѣе часты, чѣмъ въ нынѣшнее время. Ясно, что кровавый законъ въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, не достигалъ своей цѣли—устрашенія. Блудная жизнь въ городахъ не прекращалась, и страхъ жестокой кары за дѣтоубійство приводилъ лишь къ тому, что преступленія совершались осмотрительнѣе, съ большими предосторожностями; въ руки правосудія попадались лишь весьма неопытныя или наивныя преступницы, въ родѣ Марины Васьчихи, а болѣе умныя и предусмотрительныя искусно заметали слѣды и избѣгали наказанія. Были, слѣдовательно, въ тогдашней общественной жизни какія то скрытыя причины, пересиливавшія устрашающее дѣйствіе жестокихъ наказаній и заглушавшія въ преступницахъ материнскіе инстинкты.

Общими причинами, порождающими тѣ уродливыя и омерзительныя явленія, которыя въ уголовныхъ лѣтописяхъ извѣстны подъ именемъ дѣтоубійствъ, нужно признать: низкій уровень развитія народныхъ массъ и извѣстныя ненормальности въ ихъ соціальномъ строѣ; но, повторяемъ, это—причины общія, существующія и въ наше время ничуть не въ меньшей степени,

Библиотека "Руниверс"

чѣмъ сто лѣтъ назадъ. Необходимо, слѣдовательно, предположить въ тѣ времена существованіе иныхъ, болѣе частныхъ причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ преступныя матери забывали даже о жестокой расплатѣ, постигавшей ихъ въ случаѣ раскрытія преступленія. Намъ кажется, что такими причинами могли быть: во-первыхъ, слишкомъ неумѣренная строгость къ человѣческимъ слабостямъ, господствовавшая въ тогдашнемъ обществѣ, а еще болѣе—въ законодательствѣ. Даже Лит. Статутъ, столь вообще снисходительный къ шляхетскимъ проступкамъ, опредѣлялъ смертную казнь той дѣвушкѣ („панночкѣ“), которая была бы изобличена въ развратной жизни; тому же подвергалась и замужняя шляхтянка за нарушеніе супружеской вѣрности [1]). Магдебургское право, по которому судили мѣщанъ и крестьянъ, еще строже относилось къ блудникамъ и въ особенности къ блудницамъ, да и народная среда гораздо суровѣе смотрѣла на этотъ грѣхъ, чѣмъ сластолюбивое панство, и если не всегда карала блудницъ смертью, то навѣки клеймила ихъ позоромъ. Вникнемъ же теперь въ положеніе тогдашней женщины, случайно впавшей въ грѣхъ и почувствовавшей себя матерью: если она знала, что законъ и люди никогда не простятъ ей паденія, что въ случаѣ обнаруженія ея проступка ее ожидаетъ смертная казнь или, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, выставка у позорнаго столба, урѣзаніе уха, позорное изгнаніе изъ города и исключеніе изъ общины—то что же могло удержать ее отъ искушенія скрыть свой позоръ хотя бы путемъ совершенія новаго, болѣе тяжкаго преступленія? Материнская любовь и жалость къ ребенку? Увы! ей хорошо было извѣстно, какая жалкая, страдальческая жизнь предстоитъ ея дитяти. Надо вспомнить, каково было въ то время положеніе незаконнорожденныхъ, или, какъ ихъ даже оффиціально именовали, „бенкертовъ“, „выблядковъ“. Это были въ полномъ смыслѣ паріи, существа презрѣнныя и безправныя въ общественномъ и гражданскомъ отношеніи. Не было болѣе тяжкаго оскорбленія, какъ названіе кого либо „бенкертомъ“, „не-

[1]) Лит. Статутъ 3-й редакціи, раздѣлъ 14, артыкулъ 30. Мужчина шляхтичъ присуждался къ смертной казни лишь за чужеложство и изнасилованіе; за простой же развратъ ему вовсе не грозило никакое наказаніе.

Библиотека "Руниверс"

учтивои матки нечистого ложа сыномъ". Бенкертъ не могъ наслѣдовать ни послѣ отца, ни послѣ матери; онъ не имѣлъ права быть свидѣтелемъ на судѣ; не могъ вести никакого иска, ни подавать жалобы. Самое убійство „бенкерта" не считалось преступленіемъ и не преслѣдовалось уголовнымъ судомъ.—Въ виду такой ужасной перспективы, не долженъ ли былъ умолкнуть материнскій инстинктъ, заглушаемый къ тому же инстинктомъ самосохраненія!.

Итакъ, безправное положеніе незаконнорожденныхъ — вотъ другая, не менѣе важная причина въ ряду тѣхъ, которыя нѣкогда порождали частые случаи дѣтоубійствъ. Что это такъ—доказываетъ фактъ постепеннаго уменьшенія этихъ преступленій по мѣрѣ того, какъ въ общественную жизнь и сознаніе, а чрезъ то и въ законодательство, все болѣе проникаютъ высшія христіанскія начала гуманности, снисходительнаго отношенія къ личнымъ человѣческимъ слабостямъ и признанія всѣхъ гражданскихъ и человѣческихъ правъ за тѣми несчастными, которые въ теченіе многихъ и многихъ вѣковъ несли тяжкую, незаслуженную кару за грѣхи родителей.

О. Левицкій.

Библиотека "Руниверс"

О СТАТЬЯХЪ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО (1654 Г.).

Переговоры объ условіяхъ соединенія Малой Россіи съ Великой, веденные въ 1654 году въ Москвѣ между посланниками запорожскими и московскимъ правительствомъ, и результатъ этихъ переговоровъ—статьи съ указами государя и жалованныя грамоты имѣютъ большой интересъ для своего времени; они указываютъ во 1-хъ, какъ постепенно сближались между собою двѣ части Россіи, бывшія оторванными одна отъ другой въ теченіе 4-хъ вѣковъ,—какъ подозрительно жители Малороссіи, особенно высшіе классы, относились къ московскому правительству; какъ ревниво стояли они за свои прежнія права и привилегіи и какъ осторожно поэтому московское правительство должно было держать себя въ переговорахъ и сношеніяхъ съ Малой Россіей, чтобы укрѣпить возобновившуюся связь; во 2-хъ переговоры и статьи о правахъ, предложенныя запорожскими послами, хорошо объясняютъ намъ отношеніе различныхъ элементовъ населенія Малой Россіи другъ къ другу, именно стремленіе высшихъ классовъ—козачества, шляхетства и духовенства добиться себѣ правъ, привилегій и маетностей на счетъ низшихъ классовъ—мѣщанъ и посполства. Наконецъ, въ 3-хъ, статьи имѣли и то значеніе, что онѣ, послѣ того какъ были утверждены, установляли извѣстныя отношенія между Малой Россіей и Великой; та и другая сторона постоянно ссылались на эти статьи при возникавшихъ недоразумѣніяхъ.

Въ виду такой важности статей Богдана Хмельницкаго, желательно, конечно, знать первоначальный *подлинный списокъ* ихъ. Но здѣсь то и является разногласіе: съ одной стороны—занимавшіеся этимъ вопросомъ въ литературѣ—*Г. Ѳ. Карповъ* въ статьѣ «Переговоры о соединеніи Малой Россіи съ Великой», помѣщенной въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1871 годъ № 11 и 12, и *г. Буцинскій* въ 8 й главѣ своей книги «О Богданѣ Хмельницкомъ» —на основаніи нѣко-

Библиотека "Руниверс"

торыхъ малороссійскихъ лѣтописей (Грабянки, напр. и друг.) и на основаніи статейнаго списка Трубецкаго (1659 г.) полагаютъ, что подлинный списокъ статей Хмельницкаго долженъ состоять изъ 14 статей [1]), хотя подлиннаго то списка, по ихъ же сознанію, нѣтъ, а они возстановляютъ его по позднѣйшимъ спискамъ (напр. Брюховецкаго), съ другой стороны въ переговорахъ объ условіяхъ соединенія Малой Россіи съ Великой въ 1654 году, напечатанныхъ Г. Ѳ. Карповымъ въ 10-мъ томѣ Актовъ ю. и з. Россіи, гдѣ подробно и послѣдовательно излагается весь ходъ переговоровъ, ни слова не говорится объ упомянутомъ спискѣ въ 14 статей, а приводится нѣсколько другихъ списковъ въ 20, 23 и 11 пунктовъ.

Профессоръ *Антоновичъ* въ отзывѣ своемъ о диссертаціи Буцинскаго («Кіев. Ст.» 1883 г.) придаетъ большое значеніе 8-й главѣ диссертаціи, говоря, что она рѣшаетъ запутанный вопросъ о статьяхъ Богдана Хмельницкаго. При такомъ категорическомъ заявленіи о рѣшеніи вопроса относительно статей Богдана Хмельницкаго, не безъинтересна, конечно, будетъ попытка съ нашей стороны дать этому вопросу иное рѣшеніе и во всякомъ случаѣ указать положительную неправильность упомянутаго выше рѣшенія.

Основаніемъ у насъ будутъ служить Акты южной и западной Россіи, томы: 3, 4, 10 и 11 [2]). Поэтому мы по нимъ и изложимъ сперва вкратцѣ ходъ переговоровъ между запорожскими посланниками и московскими боярами въ мартѣ 1654 года.

8-го марта 1654 г. запорожскіе посланники послѣ обѣда у калужскаго воеводы выѣхали изъ Калуги въ Москву. 8-го же марта былъ въ Москвѣ указъ государя «на старомъ монетномъ дворѣ на хоромахъ кровли и около двора заборы и ворота и навѣсы починить и дворъ очистить тотчасъ, для того, что стоять на томъ дворѣ запорожскимъ посланникамъ».

Отъ *11-го марта* читаемъ указъ путивльцу Микитѣ Булгакову, чтобы онъ «завтра» 12-го марта шелъ къ Москвѣ съ запорожскими посланниками и чтобы въ Москву былъ часу въ 6-мъ или 7-мъ дня [3]).

Все это мы привели съ тѣмъ, чтобы показать неправильность, допущенную въ данномъ случаѣ въ книгѣ г. Буцинскаго, который от-

[1]) Перечень ихъ см. *Буцинскій*, гл. 8; *Карповъ* въ *Жур. Мин. Н. Пр.* 1871 г. № 12; и Акты юж. и зап. Россіи т. 4, стр. 262.

[2]) Послѣдними двумя томами г. Буцинскій даже не пользовался, какъ на это указываетъ проф. Антоновичъ и какъ это видно и изъ его сочиненія, хотя томы эти явились гораздо раньше выхода его диссертаціи.

[3]) Акты, т. 10, стр. 422—428.

Библиотека "Руниверс"

носитъ пріѣздъ пословъ въ Москву къ 10-му марта; а 10-го же числа они будто бы подали уже и статьи *на письмѣ*; отъ этого, какъ увидимъ ниже, у него произошла путаница въ изложеніи всего хода переговоровъ. Между тѣмъ приведенный указъ государя отъ 11-го марта ясно показываетъ, что послы 10-го числа никакъ не могли пріѣхать; если даже г. Буцинскаго ввело въ заблужденіе неправильное число въ рукописи, то простое соображеніе все таки могло показать невозможность прибытія пословъ изъ Калуги въ Москву 10 марта: послы выѣхали изъ Калуги 8-го марта послѣ обѣда; отъ Калуги до Москвы по самой прямой дорогѣ почти 300 верстъ, слѣдовательно они должны были сдѣлать въ *два дня* 300 верстъ; но этого они при своемъ числѣ—76 человѣкъ, при поклажѣ, да еще на своихъ «шкапахъ», ѣхавшихъ изъ самой Малороссіи [1]), ни въ какомъ случаѣ сдѣлать не могли.

Возвратимся къ нашему изложенію.

13-го марта послы были на пріемѣ у государя въ столовой избѣ. Того же числа, по указу государя, послы были на казенномъ дворѣ у бояръ и думныхъ людей: у боярина и князя А. Н. Трубецкаго, у В. В. Бутурлина, у окольничаго П. И. Головина и у думнаго дьяка Алмаза Иванова и объявили имъ тѣ статьи, о которыхъ наказано имъ бить челомъ государю.

Статьи, объявленныя послами 13-го марта, раздѣлены на 20 пунктовъ, но это раздѣленіе сдѣлано, конечно, московскими приказными людьми во время записи, такъ какъ посланники, на этотъ разъ передавая статьи устно, не могли дѣлить ихъ на пункты. Отъ устной же передачи много зависитъ отсутствіе порядка въ статьяхъ и то, что нѣкоторыя важныя статьи выражены кратко (1-я и 4-я), а сравнительно незначительныя (какъ 10, 17-я) выдѣлены въ особые пункты.

Выслушавъ эти статьи, бояре говорили съ посланниками о предстоящей войнѣ, объ отношеніяхъ гетмана и войска къ крымскому хану, къ ногайскимъ татарамъ и другимъ сосѣдямъ и затѣмъ, отпуская пословъ, бояре велѣли имъ *прислать рѣчи ихъ на письмѣ*.

14-го марта послы прислали уже форменную челобитную отъ имени «гетмана, войска запорожскаго и всего христіанскаго россійскаго міра» объ утвержденіи ихъ правъ и привилегій, которыя излагаются въ той же челобитной ниже. Теперь посланники изложили свои требованія уже по пунктамъ, которые отличаются отъ статей 13-го марта

[1]) Изъ Малороссіи ѣхало 24 подводы да 42 подводы дано изъ Путивля.

Библиотека "Руниверс"

большимъ порядкомъ и опредѣленностью, количествомъ (23 п.) и даже составомъ.

1-й пунктъ статей 13-го марта въ статьямъ 14-го марта распался на два пункта: 1-й и 6-й.

2-й и 7-й пункты статей 13 го марта, выраженные запутанно и неясно, въ статьяхъ 14-го марта выражены болѣе опредѣленно и составили 4-й и 16 й п.

4-й п. статей 13 го марта—о жалованьѣ войсковымъ чинамъ распался въ статьяхъ 14-го марта на 5 пунктовъ: 8-й, 9-й, 10-й, 11-й и 21-й.

Пункты 6-й, 10-й, 15-й, 17-й и 19-й опущены вовсе въ редакціи 14-го марта, или по своему очень частному характеру, или потому, что они могли подразумѣваться подъ другими пунктами.

3 й пунктъ о числѣ войска и жалованьѣ ему распался на 2 пункта: о числѣ говорится въ особомъ 2-мъ пунктѣ, о жалованьѣ же въ 21-мъ п., гдѣ говорится также о жалованьѣ и другимъ чинамъ.

Остальные пункты обѣихъ редакцій вполнѣ соотвѣтствуютъ между собою.

Но въ статьяхъ 14-го марта остается еще 2 новыхъ пункта—20-й и 22-й; они явились слѣдствіемъ переговоровъ 13-го марта пословъ съ боярами [1]).

Подъ этими статьями (14 марта) подписаны государевы указы. 11 статей подтверждены безъ всякихъ оговорокъ: «государь и бояре приговорили быть по ихъ челобитью», при чемъ въ статьяхъ о жалованьѣ прибавлено: «давать изъ тамошнихъ доходовъ». 4, 15 и 16-я также подтверждены, только форма указа нѣсколько иная.

Относительно статьи 14-й—о чужеземныхъ послахъ въ указѣ сдѣлано ограниченіе: «государь и бояре приговорили: *послов о добрыхъ дѣлахъ принимать и отпускать*; а о какихъ дѣлахъ приходили и съ чѣмъ отпустили, и о томъ писать къ государю. А которые послы присланы были съ противнымъ дѣломъ государю, и тѣхъ задерживать и писать объ нихъ государю, а безъ государева указу ихъ не отпускати. *А съ турскимъ султаномъ и съ польскимъ королемъ безъ царскаго указа не ссылаться*».

Подъ 18, 19, 20 и 23 й статьями написано «допросить» пословъ; подъ 21-й «отговаривать»—относительно жалованья войску. Вмѣстѣ съ статьями посланники представили документы, подтверждавшіе тѣ

[1]) Акты т. 10. стр. 442—446.

Библиотека "Руниверс"

права и привилегіи, которыхъ они просили; это—привилегіи польскихъ королей.

Хотя указы на статьи и жалованныя грамоты государя еще не были готовы, но 19 марта, въ вербное воскресенье, назначенъ былъ отпускъ запорожскимъ посланникамъ у государя [1]). Думный дьякъ Алмазъ Ивановъ говорилъ посламъ рѣчь отъ имени государя, которую оканчивалъ объявленіемъ, что государь пожаловалъ велѣлъ подтвердить ихъ права и привилегіи своею жалованною грамотою. «А послѣ того», говорилось въ наказѣ, «подать имъ государева грамота», но этой грамоты въ то время имъ не было, вѣроятно, дано, потому что переговоры еще не окончились и обработка статей, равно какъ и жалованныхъ грамотъ, продолжалась еще нѣсколько дней. Въ тотъ же день (19 марта) посланники ходили за вербою за боярами и ѣли у патріарха за столомъ.

Послѣ же отпуска у государя послы были на казенномъ дворѣ у боярина А. Н. Трубецкаго, В. В. Бутурлина и думнаго дьяка Алмаза Иванова и *бояре объявили на ихъ статьи государевъ указъ.*

Посланники, выслушавъ государевъ указъ, на его государевой милости били челомъ *и по спросу, о чемъ довелось, объявили*: далѣе слѣдуютъ 12 пунктовъ—отвѣтовъ посланниковъ на вопросы бояръ. Эти вопросы и отвѣты большею частью касаются тѣхъ статей (изъ числа 23), на которыя не было положительныхъ указовъ государя за ихъ неясностью или за несогласіемъ московскаго правительства и гдѣ поэтому подписано «допросить» или «отговаривать».

Именно, требовали объясненій статьи: 10-я о судьяхъ; 20-я о томъ, въ какихъ мѣстахъ по рубежу стоять воеводамъ, и 23-я о Кодакѣ. На эти пункты послы отвѣчаютъ теперь болѣе опредѣленно: на 10-й—«судей войсковыхъ 2 человѣка»; на 20-й—«тѣ де люди (украинные) надобны въ то время, какъ ужъ война минется, а нынѣ въ Кіевѣ и на Украйнѣ государевы люди для обереганія есть»; на 23-й пунктъ отвѣтъ пословъ подъ № 11 и 10-мъ. Подъ статьей 12-й (по редакціи 14 марта)—о содержаніи арматы хотя и написанъ уже былъ указъ «давать изъ тамошнихъ доходовъ», но бояре теперь распросили подробнѣе, сколько давалось прежде на содержаніе, въ какихъ мѣстахъ она стояла; посланники говорили: «А быти въ арматѣ для прокормленія въ зимнее время по перемѣнамъ въ жилыхъ мѣстахъ, въ которыхъ бы было дворовъ по 300; а въ то бъ время съ тѣхъ мѣстъ,

[1]) Акты т. 10, стр. 471—475.

Библиотека "Руниверс"

въ которыхъ армата учнетъ стоять, податей ни какихъ не имать» (пунктъ 2-й). Замѣтимъ, что посланники точно не опредѣляютъ, гдѣ стоять арматѣ.

Кромѣ того, бояре повторили указъ государя на статью 14-го: «Чтобъ гетману съ польскимъ и съ турскимъ ссылки не держать». Посланники отвѣчали: «о томъ и гетманъ писалъ къ ц. в., чтобъ польскимъ и литовскимъ лестнымъ ссылкамъ не вѣрить» (п. 3).

Въ первый разъ также бояре напомнили отъ себя о воеводахъ: «Чтобъ быть имъ въ Кіевѣ и въ Черниговѣ». Посланники отвѣтили: «въ томъ воля государева» (п. 4). П. 5. Бояре объявили, что отъ кіевскаго митрополита многія неслушныя дѣла чинятся. Посланники отвѣчали: «что они слышатъ, и то гетману скажутъ». Наконецъ, (п. 7) бояре заговорили относительно жалованья войску. Неизвѣстно, сами ли они заговорили объ этомъ, или, быть можетъ, ихъ вызвали на разговоръ послы, которые, какъ увидимъ, остались недовольны этимъ пунктомъ,—только теперь бояре уже не просто отказываютъ въ жалованьѣ, какъ въ указѣ на 21-й пунктъ, а говорятъ: «царское величество хочетъ послать отъ себя... дворянина добраго и велитъ тамошніе всякіе доходы описать и смѣтить, и что по переписи какихъ доходовъ объявится, и въ то время отъ государя и указъ имъ будетъ; а нынѣ посылаетъ имъ государь свое государево жалованье къ гетману золотые, а къ войску запорожскому на всѣхъ 60,000 чел. по чети золотого угорскаго». Къ этому вопросу относится челобитная посланниковъ къ государю о томъ, чтобы войску назначено было жалованье по 30 золотыхъ въ годъ каждому, что безъ этого имъ нельзя будетъ явиться къ войску. Неизвѣстно, раньше или позже переговоровъ 19 марта подана эта челобитная, но только она не имѣла полнаго успѣха,—указъ остался въ томъ видѣ, какъ изложили его бояре въ пунктѣ 5-мъ. Какіе же указы бояре читали посланникамъ и какой смыслъ имѣли переговоры 19 марта? Нужно думать, что бояре читали именно тѣ указы, которые подписаны подъ статьями 14 марта, такъ какъ послы еще не знали, какъ государь отвѣтилъ на всѣ ихъ требованія; но этотъ списокъ статей 14 марта не могъ быть отданъ посламъ, потому что на нѣкоторые пункты еще не было положительныхъ указовъ государя; нужно было еще разспросить кое о чемъ посланниковъ и для этой цѣли имъ приказано быть на казенномъ дворѣ. Отсюда выводъ тотъ, что боярамъ нужно было измѣнить редакцію статей 14 марта сообразно съ послѣдними объясненіями посланниковъ, а потомъ и вообще обработать и статьи, и жалованныя грамоты. Дѣй-

Библиотека "Руниверс"

ствительно, мы видимъ, что посланники подаютъ боярамъ новыя статьи—21 марта [1]). Число статей, поданныхъ 21 марта, только 11 [2]); составъ ихъ съ перваго раза представляется непонятнымъ: изъ перечня статей выпущены всѣ статьи о правахъ и привилегіяхъ войска запорожскаго, за исключеніемъ статей о жалованьѣ; выпущена также статья о правахъ шляхты, о пожалованіи Чигирина на гетманскую булаву, т. е. статьи 1-я, 2, 3, 5, 6, 7, 13 и 17-я (по списку ст. 14 марта); затѣмъ нѣкоторыя статьи измѣнены, именно 3 статьи по ред. 14 марта: 4-я, 15 и 16-я соединены въ редакціи 21 марта въ одну 1-ю, а четыре статьи о жалованьѣ: 8-я, 9, 10 и 11-я (по ред. 14 марта) соединены по ред. 21 марта въ двѣ статьи: 2-ю и 3-ю. Остальныя статьи обѣихъ редакцій вполнѣ соотвѣтствуютъ:

4-я (по ред. 21 марта) соотв. 12-й (по ред. 14 марта).
5-я 14-й
6-я 18-й
7-я 19-й
8-я 20-й
9-я 21-й
10-я 22-й
11-я 23-й

Подъ этими статьями мы находимъ указы государя, изъ которыхъ видно, что они подписаны уже послѣ переговоровъ 19 марта, такъ какъ на тѣ статьи, подъ которыми прежде (въ ред. 14 марта) было написано «допросить», теперь даны уже опредѣленные указы (статьи 10, 11 и 3-я); подъ ст. 9-й—о жалованьѣ козакамъ также нѣтъ уже слова «отговаривать», а повторяется указъ государя, написанный подъ ст. 21 (по ред. 14 марта), и то, что говорили бояре посламъ 19 марта въ п. 7-мъ. Посланники, несмотря на то, что были на отпускѣ у государя еще 19 марта, (вербное воскресенье), могли уѣхать изъ Москвы только 27 марта (2-й день пасхи). Причину этой задержки г. Карповъ объясняетъ тѣмъ, что посланники остались недовольны указомъ государя относительно жалованья войску и подали новую челобитную, чтобы жалованье войску было назначено; вообще же переговорамъ послѣ 19 марта г. Карповъ не придаетъ значенія и статьи, напримѣръ, 21 марта онъ считаетъ частными статьями.

---

[1]) Акты т. 10, стр. 477—484.

[2]) Одна статья между 4-ю и 5-ю вычеркнута въ черновомъ спискѣ.

Библиотека "Руниверс"

Въ данномъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ г. Карповымъ. Переговоры 19 марта, по нашему мнѣнію, были продолженіемъ прежнихъ, еще неоконченныхъ переговоровъ; статьи 21 марта явились слѣдствіемъ этихъ переговоровъ и имѣли не частный характеръ, а такой же оффиціальный, какъ и прежнія статьи. Преждевременный же отпускъ посланниковъ у государя, непонятный на первый разъ, объясняется тѣмъ, что въ то время наступила страстная седмица, когда царь говѣлъ, проводилъ почти цѣлые дни на церковныхъ службахъ, посѣщалъ тюрьмы и пр., а затѣмъ наступалъ свѣтлый праздникъ, когда царь опять проводилъ все почти время въ пріемѣ и отдачѣ поздравленій, посѣщеніи монастырей, церквей и когда поэтому дѣловыхъ пріемовъ не было въ теченіе всей недѣли [1]). Вотъ этимъ и объясняется, что отпускъ посламъ сдѣланъ въ послѣдній пріемный день—вербное воскресенье. Отлагать же отпускъ до окончанія неприсутственныхъ дней не хотѣли посланники; они спѣшили домой, что видно изъ ихъ челобитной государю (безъ обозначенія числа подачи), въ которой они просили какъ можно скорѣе отпустить ихъ домой, «а какъ вода пустится, тогда будемъ здѣсь въ деревнѣ на дорогѣ медлити, за что отъ его милости пана гетмана и всего войска велику немилость заслужимъ» [2]).

26 марта былъ указъ государя объ отпускѣ пословъ, а 27 марта они выѣхали изъ Москвы. Теперь обратимся къ вопросу о послѣдней редакціи статей.

Были ли послѣдней редакціей статьи 21 марта, какъ это выходитъ по времени подачи ихъ, или послѣ нихъ была еще новая редакція, напримѣръ та, которая состоитъ изъ 14 статей и которую обыкновенно считаютъ послѣднею редакціей?

Вопросомъ о родѣ переговоровъ и о послѣдней редакціи статей, какъ мы выше сказали, занимались въ литературѣ два лица—Г. Ѳ. Карповъ и г. Буцинскій.

Г. Буцинскій въ 8-й гл. своей книги «О Богданѣ Хмельницкомъ», говоря о ходѣ переговоровъ въ Москвѣ и о времени подачи статей, перепутываетъ почти всѣ числа. Онъ полагаетъ, прежде всего, что послы пріѣхали въ Москву 10 марта, чего, какъ мы выше доказывали, быть не могло. Переговоры, по его мнѣнію, начались 12 марта, въ этотъ день, говоритъ онъ, послы подали статьи въ 23

---

[1]) *Забѣлинъ*. Быт. рус. царей, I, гл. 4-я.

[2]) Акты т. 10. стр. 486.

Библиотека "Руниверс"

пункта, т. е. тѣ, которыя по актамъ (10 т.) поданы 14 марта. Здѣсь, намъ кажется, двѣ ошибки допущены г. Буцинскимъ; во 1-хъ, вѣроятно, 12-мъ марта въ рукописи помѣчены статьи въ 11 пунктовъ, какъ это видно изъ актовъ, а во 2-хъ г. Буцинскій не воспользовался замѣткою г. Карпова, который отлично доказалъ, что цифра 12 стоитъ на выскобленномъ мѣстѣ ошибочно вмѣсто 21 марта [1]).

Затѣмъ г. Буцинскій говоритъ, что 13 марта *были поданы боярамъ* статьи въ 20 пунктовъ; между тѣмъ изъ актовъ мы видимъ, что эти статьи были изложены посланниками *устно*, а *на письмѣ* поданы на другой день 14 марта; съ этимъ согласенъ и г. Буцинскій: онъ говоритъ, что 14 марта были поданы «*рѣчи на письмѣ*»; число пунктовъ въ этихъ статьяхъ было, по его словамъ, или 5, или 13, а по нѣкоторымъ спискамъ, прибавляетъ г. Буцинскій, статьи эти были *разговорные*. Однимъ словомъ трудно понять порядокъ переговоровъ въ изложеніи г. Буцинскаго. Но особенно курьезно онъ толкуетъ *переговоры у пословъ съ боярами 19 марта*, послѣ отпуска у государя. Отвѣты пословъ на тѣ вопросы, которые имъ предлагали бояре, г. Буцинскій считаетъ за новыя статьи, поданныя будто бы послами въ этотъ день; этотъ промахъ произошелъ оттого, что онъ въ данномъ мѣстѣ не дописалъ, или не дочиталъ *одного слова*; онъ пишетъ на стр. 159: «послы, выслушавъ указъ государя, снова били челомъ» и «*по спросу о чемъ*» объявили новыя просьбы (просьбъ однако не приведено). Между тѣмъ въ актахъ, т. 10, стр. 475, совершенно въ томъ же мѣстѣ мы читаемъ: «и посланники, выслушавъ государевъ указъ, на его государевой милости челомъ били *и по спросу, о чемъ довелось,* объявили»: слѣдуютъ 12 отвѣтовъ пословъ на вопросы бояръ, а частію разъясненія со стороны бояръ. Ясно, что здѣсь посланники отвѣчали на вопросы бояръ относительно тѣхъ статей, которыя требовали разъясненія, т. е. подъ которыми стояло «допросить» и пр., а вовсе не давали новыхъ статей.

О статьяхъ въ 11 пунктовъ г. Буцинскій вовсе не упоминаетъ. Наконецъ, переходя къ вопросу о послѣдней редакціи статей, онъ говоритъ [2]): «не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что число пунктовъ этого договора было именно 14», но при этомъ онъ основывается не на черновыхъ спискахъ ихъ въ архивѣ, что было бы важно въ данномъ случаѣ, а на лѣтописи Грабянки и на статейномъ спискѣ князя

[1]) Акты т. 10, стр. 477–478, и его статья въ *Журн. М. Н. Пр.* 1871 г. № 12.

[2]) Стр. 154.

Библиотека "Руниверс"

А. Н. Трубецкаго 1659 года. Насколько основаніе это вѣрно, будетъ видно ниже.

Г. Ѳ. Карповъ въ упомянутой статьѣ «Переговоры объ условіяхъ соединенія М. Р. съ В.» говоритъ, что посланники, при отъѣздѣ изъ Москвы, могли имѣть у себя списокъ статей 21 марта въ 11 пунктовъ (слѣдовательно согласно актамъ, гдѣ подъ этими статьями (стр. 484) написано: «таково письмо дано посланникамъ») и кромѣ того, говоритъ онъ, посламъ была дана окончательная редакція въ 14 статей, хотя оригинальнаго списка этихъ статей не находится нигдѣ, ни въ московскихъ, ни въ малороссійскихъ архивахъ и его не было еще въ началѣ XVIII вѣка, такъ что г. Карповъ возстановляетъ этотъ списокъ по подлинному списку статей Брюховецкаго 1665 года. Приводя эти статьи, г. Карповъ *удивляется*, почему москов. правительство въ этой редакціи само формулировало статьи и при томъ въ строгой формѣ, тогда какъ прежде оно цѣликомъ заимствовало просительные пункты изъ войсковыхъ статей и подъ ними подписывало свои указы, и онъ дѣлаетъ по этому поводу только «*гадательное объясненіе*», именно, что москов. правительство не хотѣло подписывать свои указы подъ статьями, начинавшимися словами: «въ началѣ изволь твое цар. вел. подтвердить права и вольности войсковыя». При объясненіи статей этой редакціи ему также приходитъ дѣлать натяжки, такъ какъ многія статьи послѣдней редакціи находятся въ прямомъ противорѣчіи со всѣми прежними статьями и указами москов. правительства и по содержанію, и по характеру отношенія москов. правительства къ козакамъ и гетману.

Остановимся подробнѣе на этихъ противорѣчіяхъ.

Въ пунктѣ 3-мъ (ред. 14 статей) говорится: «на булаву гетманскую дано староство чигиринское... *да ему же тысяча золотыхъ червонныхъ*». Такого прибавленія о жалованьѣ гетману мы нигдѣ не встрѣчаемъ въ сохранившихся спискахъ статей 1654 года, и при посылкѣ государемъ жалованья войсковымъ чинамъ и козакамъ и въ грамотахъ государя не упоминается объ опредѣленномъ жалованьѣ гетману; въ Актахъ т. 10 стр. 569 [1]) говорится: «А нынѣ мы в. г. жалуемъ тебя Б. Х. и все войско зап., для службы, указали тебѣ послать собрать *на писаря и на списковыхъ ясауловъ... и на козаковъ 60,000 наше жалованье* Малые Россіи со всѣхъ городовъ... *и раздати имъ, по чему доведется*»; на стр. 692-й моск. посолъ Протасьевъ

[1]) Въ жалованной грамотѣ къ гетману.

Библиотека "Руниверс"

повторяетъ предъ гетманомъ то же самое, т. е. что государь указалъ «собрать жалованье *на писаря, на ясауловъ... и козаковъ, а гетману посылаетъ государь жалованье одинъ золотой въ десять золотыхъ и сорокъ соболей въ 100 рублей*». Слѣдовательно, опредѣленнаго жалованья гетману не было въ августѣ 1654 г. [1]).

Пунктъ 6-й этой редакціи—о жалованьѣ простымъ козакамъ находится въ противорѣчіи съ госуд. указами подъ статьями 14-го и 21-го марта, именно въ п. 6-мъ говорится о жалованьѣ простымъ козакамъ, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ,—«а давати имъ жалованье (30 зол.), сбирая войска зап. съ городовъ, со всякихъ доходовъ ежегодь». Такого указа правительство московское не дало посламъ въ 1654 г. Это видно изъ слѣдующихъ мѣстъ актовъ.

1) Въ государевой грамотѣ къ Б. Х., посланной съ гетманскимъ посланцемъ Филономъ Горкушей, въ половинѣ апрѣля 1654 года, *буквально* повторяется о жалованьѣ козакамъ тотъ самый указъ, который подписанъ подъ статьями 21 марта п. 9-й:

«Въ нынѣшнемъ въ 162 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, какъ были у насъ в. г., у нашего ц. в., посланники Самойло Богдановъ да полковникъ Павелъ Тетеря съ товарищи, и били челомъ, чтобъ намъ в. г. пожаловати, велѣти учинити число войска зап. списковыхъ козаковъ 60,000 человѣкъ; а нашего царскаго жалованья велѣти бъ имъ давати по 30 или хотя и по 15 золотыхъ польскихъ человѣку; и отъ насъ в. г. имъ посланникамъ *сказано и на письмѣ дано*, что Малые Росіи въ городѣ и мѣстахъ какихъ доходовъ собирается и про то намъ в. г. невѣдомо и для переписи тѣхъ доходовъ мы в. г. посылаемъ дворянъ; *а какъ тѣ .. дворяне доходы всякіе опишутъ и смѣтятъ и въ то время о жалованьѣ войску зап., по разсмотрѣнію, нашего ц. в. и указъ будетъ*» [2])...

2) Въ отпискѣ государю посланца Петра Протасьева отъ 5 авг. 1654 г. читаемъ опять,—что опредѣленнаго жалованья войску еще не было назначено, такъ какъ не были еще описаны доходы въ Малороссіи, а государь опять присылаетъ только въ видѣ подарка нѣсколько тысячъ золотыхъ для раздачи войску 42 тысячамъ; но и этого сдѣлать не пришлось, потому что не былъ составленъ еще реестръ войску [3]).

---

[1]) И тогда какъ писарю и др. чинамъ жалованье собиралось изъ „тамошнихъ доходовъ", гетману шло жалованье въ видѣ подарковъ лично отъ царя.

[2]) Акты, т. 10, стр. 568—569.

[3]) Акты, т. 10, стр. 692 – 693.

Библиотека "Руниверс"

3) Не было этого жалованья и въ 1657 году; именно посолъ Кикинъ, будучи въ Малороссіи, въ разговорѣ съ козаками (августъ 1657 г.) говоритъ о жалованьѣ козакамъ только на то время, когда козаки пойдутъ на службу [1]).

Окончательно этотъ вопросъ рѣшенъ только въ 1659 году при договорѣ съ Юріемъ Хмельницкимъ.

Пунктъ 7-й о томъ, чтобы «арматѣ войсковой быть въ Корсуни», также не могъ находиться въ статьяхъ 1654 года, потому что этотъ городъ отданъ былъ на войсковую армату только по переяславскому договору 1659 года съ Юріемъ Хмельницкимъ [2]).

Совершенно невозможенъ также былъ въ мартѣ 1654 года указъ государя подъ статьею 8-ю (ред. 14 статей) о митрополитѣ: «А митрополиту кіевскому, также и инымъ духовнымъ Малыя Россіи, быть подъ благословеніемъ св. патріарха московскаго и всея Великія и Малыя Россіи»... Даже во время переговоровъ въ Москвѣ съ посольствомъ отъ малороссійскаго духовенства (въ августѣ 1654 г.) вопросъ этотъ не былъ рѣшенъ и оставленъ до возвращенія царя изъ войска [3]). А чтобы видѣть, въ какомъ положеніи этотъ вопросъ былъ до 1659 года, достаточно прочесть слѣд. мѣста изъ актовъ: 1) томъ 4-й, стр. 7—8, № II; 2) т. 4-й, стр. 89, № 53. 3) т. 4., стр. 257, пунктъ 12.

Первое изъ указанныхъ мѣстъ актовъ заключаетъ разговоръ кіевскаго воеводы Андрея Бутурлина съ епископомъ Лазаремъ относительно избранія новаго митрополита, за смертью Сильвестра Коссова. Воевода Бутурлинъ съ товарищи находитъ нужнымъ убѣждать еп. Лазаря, архимандрита печерскаго Гизеля и другихъ, чтобы они «были подъ послушаніемъ и благословеніемъ великаго государя святѣйшаго Никона, патріарха московскаго... и нынѣ бъ безъ государева указу по епископовъ не посылали и безъ благословенія в. г. патріарха митрополита не обирали». Епископъ Лазарь на это сказалъ, «что онъ государевой милости и великаго патріарха благословенію радъ, что де ему подумать о томъ съ архимандриты и съ игумены, и что придумаютъ, о томъ скажутъ воеводѣ». Подумавши, епископъ и архимандриты объявили, что они согласились быть подъ благословеніемъ Никона, патріарха московскаго, но что они пошлютъ отъ

---

[1]) Акты, т. 11, стр. 806.

[2]) См. *Костомаровъ*. Гетманство Юрія Хмельницкаго. *Вѣстн. Евр.* 1868 г. № 4, стр. 502.

[3]) См. Акты т. 10, 762, грамота государя къ Б. Х. отъ 11-го августа.

Библиотека "Руниверс"

себя нарочнаго въ Москву послѣ погребенія гетмана [1]). Но, какъ видно, дѣло это въ 1657 году не было еще рѣшено, потому что въ январѣ 1658 года гетманъ Выговскій въ письмѣ къ путивльскому воеводѣ Зюзину говоритъ объ этомъ въ такомъ же смыслѣ, какъ и въ 1657 году: «Писалъ ты, братъ мой, ко мнѣ, чтобы обраный на митрополію кіевскую Діонисій Балабанъ *не впередъ* до патріарха константинопольскаго на посвященіе слалъ, чтобы у в. г. святѣйшаго Никона, патріарха московскаго... былъ и о томъ самъ изустно говорилъ... И я по письму твоемъ братскомъ пишу къ новообранному митрополиту, чтобы онъ потамѣстъ до константинопольскаго патріарха не слалъ по благословеніе, какъ святѣйшій Никонъ, патріархъ московскій, съ нимъ, патріархомъ константинопольскимъ, о томъ листами сошлютъ» [2]). Слѣдовательно, и теперь вопросъ этотъ нисколько не подвинулся впередъ. Рѣшенъ онъ былъ только въ 1659 году по переяславскому договору съ Юріемъ Хмельницкимъ и то не сразу. Юрій Хмельницкій въ поданныхъ имъ статьяхъ (п. 12) говоритъ опять, что «митрополиту кіевскому быть по прежнему подъ благословеніемъ константинопольскаго патріарха»; но въ поданныхъ боярами и воеводами 14 статьяхъ, подъ именемъ прежнихъ статей Богдана Хмельницкаго, въ указѣ на 8-ю статью было прибавлено, что митрополиту кіевскому быть подъ благословеніемъ патріарха московскаго. Теперь только, когда статьи Юрія Хмельницкаго были отвергнуты и приняты статьи, поданныя боярами, вопросъ о митрополитѣ былъ рѣшенъ въ смыслѣ 8-й статьи.

Наконецъ, пункты 9 и 10-й о пріемѣ пословъ рѣзко отличаются отъ указа государя подъ 5-ю статьею по ред. 21 марта и подъ 14-ю статьею по редакціи 14 марта. Что такихъ указовъ, какъ въ 9 и 10-мъ п., не могло дать московское правительство въ 1654 г., можно доказать во 1-хъ тѣмъ, что статьи 9-я и 10-я противорѣчатъ совершенно тому мягкому характеру отношеній москов. правительства къ козакамъ, который замѣтенъ во все время переговоровъ; во 2-хъ статьи эти заключаютъ противорѣчіе въ отношеніяхъ между козаками и ногайцами. Въ 1654 г. отношеніе ногайцевъ къ козакамъ было самое дружественное, какъ это видно изъ разговоровъ запор. посланниковъ съ боярами въ мартѣ 1654 года [3]); ногайцы свободно ко-

---

[1]) Акты т. 4, стр. 7—8.

[2]) Акты т. 4, № 53.

[3]) Акт. т. 10, стр. 443—445.

Библиотека "Руниверс"

чевали около Полтавы и Черкасъ и, по словамъ посланниковъ, они обѣщались быть въ дружбѣ съ гетманомъ и козаками, еслибы даже и крымскій ханъ порвалъ дружбу съ гетманомъ. Между тѣмъ по редакціи «14 статей» отношенія крымскаго хана и ногайцевъ къ козакамъ представляются враждебными. Эта статья, очевидно, вставлена позднѣе, когда отношенія козаковъ къ ногайцамъ измѣнились. Въ 3-хъ, самымъ важнымъ доказательствомъ противъ появленія 9-й и 10-й статей въ 1654 году служитъ то, что во время переговоровъ въ Москвѣ съ гетманскими послами «Павломъ Тетерею съ товарищы» въ 1657 году, бояре о пріемѣ пословъ повторяютъ буквально такъ, какъ это выражено въ 5-й ст. по ред. 21 марта или 14 статьѣ по редакціи 14 марта [1]). «Посланникамъ же говорено: *въ статьяхъ же написано: изъ которыхъ государствъ къ войску запорожскому учнутъ приходить послы и о томъ писать къ его ц. в., а которые послы отъ кого присланы будутъ цар. величеству съ противнымъ дѣломъ и тѣхъ пословъ и посланниковъ въ войскѣ задерживать и писать объ нихъ къ ц. в. о указѣ и безъ указу ихъ назадъ не отпущать.* И гетманъ Б. Х. того по обѣщанію своему не исполнилъ: изъ которыхъ государствъ къ нему послы и посланники пріѣзживали и о добрыхъ дѣлахъ, и онъ объ нихъ государю не писывалъ и принималъ и отпускалъ ихъ безъ ц. в. указу» и т. д. Все это мѣсто, изъ котораго мы привели только часть, самымъ лучшимъ образомъ показываетъ, что еще и въ 1657 году москов. правительство продолжаетъ сохранять въ отношеніи къ гетману ту же осторожность, мягкость, какъ и въ 1654 году. Пересчитавши всѣ случаи нарушенія гетманомъ 5-й статьи, бояре напоминаютъ только объ обѣщаніи гетмана, данномъ имъ предъ евангеліемъ, и предостерегаютъ отъ кары Божіей за нарушеніе клятвы: «И гетманъ бы то памятовалъ: хотя которая его проступка ц. в. милостью и покровенна, только за всякое клятвопреступленіе надобно боятися гнѣва Божія».

Сравните съ этимъ теперь статью 9-ю по редакціи 14 статей: «*Гетману пословъ, посланниковъ и гонцовъ, изъ окрестныхъ и ни изъ которыхъ государствъ къ себѣ не принимать и противъ тѣхъ присылокъ въ окрестныя и ни въ которыя государства пословъ же, и посланниковъ, и гонцовъ отъ себя не посылать для убытковъ денежныхъ и иныхъ всякихъ расходовъ войска запорожскаго*[2]) и т. д. Такая

[1]) Акты т. 11, стр. 745—746.

[2]) Акты т. 11, стр. 264, п. 9.

Библиотека "Руниверс"

статьи могла явиться уже гораздо позднѣе 1657 года, именно послѣ открытія измѣны гетмановъ.

Итакъ, спросимъ теперь, зачѣмъ же именно эти 14 статей, подлиннаго списка которыхъ не сохранилось и въ которыхъ встрѣчаются такія противорѣчія, считать за настоящія статьи, тѣ именно, которыя даны были изъ Москвы въ 1654 году запор. посланникамъ?

Намъ кажется гораздо болѣе вѣроятнымъ и даже несомнѣннымъ, что послѣдней редакціей были статьи 21-го марта, какъ это выходитъ и по актамъ, и онѣ однѣ, *какъ дополненіе къ жалованнымъ грамотамъ* государя, даны были вмѣстѣ съ послѣдними посланникамъ изъ Москвы. Для доказательства нашего мнѣнія сличимъ статьи 21 марта (въ 11 пунктовъ) и государевы жалованныя грамоты [1]), помѣченныя 26—27 марта, между собою и съ статьями 14 марта въ 23 пункта.

Грамоты, данныя посламъ 27-го марта, были слѣдующія: 1) войску запорожскому о правахъ войсковыхъ; 2) малороссійской шляхтѣ на ихъ шляхетскія права; 3) о томъ, что чигиринскому старосту быть при гетманской булавѣ; остальныя 3 грамоты имѣли частный характеръ: онѣ даны были гетману Б. Хмельницкому на маетности и для насъ въ данномъ случаѣ не важны.

Посмотримъ теперь содержаніе 1-й грамоты [2]). Въ ней говорится сперва о томъ, какихъ правъ и привилегій просило войско запорожское, и затѣмъ слѣдуетъ подтвержденіе ихъ государемъ [3]): «и мы тѣхъ ихъ правъ и вольностей нарушать ни въ чемъ не велѣли и 1) судитьсь имъ велѣли отъ своихъ старшихъ по своимъ прежнимъ правамъ. 2) А число войска запорожского указали есмя, по ихъ же челобитью, учинить спискового 60,000, всегда полное. 3) А буде, судомъ Божіимъ, смерть случится гетману, и мы в. г. поволили войску запорожскому обирати гетмана, по прежнимъ ихъ обычаямъ, самимъ межъ себя; *а кого гетмана оберутъ, и о томъ писати къ намъ государю*, да тому жъ новообранному гетману на подданство и на вѣрность *вѣру намъ в. государю учинити, при комъ мы в. г. укажемъ* [4]). Также и имѣній козацкихъ и земель, которыя они имѣютъ для пожитку, отнимать у нихъ и вдовъ послѣ козаковъ осталыхъ, у дѣтей не велѣли, а быти имъ за

[1]) Акты т. 10, стр. 489—502.

[2]) Акты т. 10, стр. 492—494.

[3]) Для ясности мы дѣлимъ отвѣтъ государя по статьямъ.

[4]) А не сказано, что гетманъ по избраніи долженъ ѣхать въ Москву, какъ это говорится въ 4-мъ п. „14 статей“.

Библиотека "Руниверс"

ними по прежнему, 5) и прежнихъ ихъ *правъ*, каковы даны *духовнаго и мірскаго чина людямъ* отъ великихъ князей русскихъ и отъ королей польскихъ, не нарушать, 6) и на тѣ ихъ права дати нашу государскую жалованную грамоту, за нашею государскою печатью» ...[1])

«*А о которыхъ иныхъ статьяхъ* намъ великому государю... тѣ посланники Самойло и Павелъ... *челомъ били и подали нашимъ ц. в. ближнимъ боярамъ статьи, и мы в. г. тѣхъ статей выслушали милостиво и что на которую статью наше ц. в. изволенье и то велѣли подписать подъ тѣми жъ статьями, да тѣ статьи съ нашимъ ц. в. указомъ велѣли дати тѣмъ же посланникомъ*» [2]).

Если сравнить приведенные 6 пунктовъ грамоты съ статьями 21 марта (въ 11 пунктовъ), то увидимъ, что они тамъ опущены; затѣмъ въ черновомъ спискѣ жалованной грамоты зачеркнуты 2 статьи: о пожалованіи Чигирина на гетманскую булаву и о пріемѣ гетманомъ иностранныхъ пословъ; но изъ этихъ статей одну (2-ю) мы находимъ въ статьяхъ 21 марта подъ № 5-мъ, а на другую дана особая грамота — 3-я; точно также и статьи о шляхтѣ нѣтъ въ статьяхъ 21 марта, а на нее есть особая жалованная грамота—2-я. Отсюда можно сдѣлать такой выводъ, что въ число статей 21 марта не вошли всѣ статьи о правахъ войска запорожскаго, о пожалованіи Чигирина, о шляхтѣ,—потому что на нихъ даны особыя жалованныя грамоты государя, а лица, завѣдывавшія редактированіемъ статей, не хотѣли повторяться, что видно изъ тщательнаго исключенія всѣхъ тѣхъ статей, которыя повторяются и въ грамотахъ, и въ спискѣ статей; мы видѣли, что двѣ статьи такимъ образомъ вычеркнуты изъ жалованной грамоты; это же можно замѣтить и въ спискѣ статей 21 марта, если обратить вниманіе на зачеркнутыя мѣста; такъ, на стр. 479-й послѣ 4-й статьи (въ примѣчаніи) мы находимъ, что одна статья зачеркнута и противъ нея, на полѣ, написано: «Ся статья надобь ли? потому что грамоты посылаютъ» и затѣмъ противъ 6-й статьи, на полѣ, написано: «Писать ли о митрополитѣ? потому что грамоты нынѣ не будетъ; а въ письмѣ о грамотѣ написано жъ: только говорили словами» [4]). Это же стремленіе очистить

---

[1]) Акты т. 10, стр. 491.

[2]) Слѣдовательно, здѣсь отдѣляются тѣ статьи, которыя, перечислены въ грамотѣ, отъ тѣхъ, которыя находятся въ особомъ спискѣ.

[3]) См. Акты т. 10, стр. 479—480. Въ данномъ случаѣ нужно благодарить Г. Ѳ. Карпова, что онъ при изданіи не выпускалъ и такихъ, повидимому, мелочей, а между тѣмъ много объясняющихъ дѣло.

Библиотека "Руниверс"

статьи отъ всего лишняго видно и въ томъ, что нѣкоторые пункты изъ статей 14-го марта съ одинаковымъ содержаніемъ соединены въ статьяхъ 21 марта вмѣстѣ: такъ 4-я, 15-я и 16-я—въ одну 1-ю; 8-я, 9 я, 10-я и 11-я—въ двѣ: 2-ю и 3-ю.

Принявши все это во вниманіе, мы видимъ, что въ составленіи статей проходитъ одна опредѣленная и строго проведенная мысль—представить возможно болѣе краткую и вмѣстѣ полную редакцію статей, чтобы избѣжать при этомъ всего лишняго, и дѣйствительно ни одна статья изъ 23 статей 14 марта не опущена: на однѣ изъ нихъ,—самыя важныя, даны государевы жалованныя грамоты, а остальныя находятся въ особомъ спискѣ.

Затѣмъ въ концѣ списка статей 21 марта приписано [1]): *«таково письмо дано посланникомъ»*. Слѣдовательно, эти именно 11 статей отправлены были вмѣстѣ съ жалованными грамотами къ гетману и о нихъ именно сказано въ приписке къ росписи грамотамъ, отправленнымъ съ войсковымъ посольствомъ (стр. 512): «тутъ статьи вклеить, что даны имъ»; и тогда получаютъ смыслъ слова жалованной грамоты: *«А о которыхъ иныхъ статьяхъ посланники били челомъ и подали нашимъ ц. в. ближнимъ боярамъ...»* [2]).

Такимъ образомъ странность состава статей 21 марта объясняется тѣмъ, что московское правительство да и козаки, просившіе грамотъ *«за печатями вислыми»*, считали болѣе важнымъ документомъ—жалованныя государевы грамоты, а списокъ статей считался только прибавленіемъ и въ немъ помѣщены менѣе важныя статьи.

Остается теперь рѣшить, откуда же взялись и когда составлены «14 статей» Богдана Хмельницкаго?

Если читать безъ предвзятой мысли по актамъ дальнѣйшую исторію событій въ Малороссіи послѣ 1654 года и особенно переговоры московскаго правительства съ представителями козачества, то можно съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, что т. н. «14 статей Богдана Хмельницкаго» явились во время Переяславскаго договора московскихъ пословъ—князя А. Н. Трубецкаго и его товарищей съ Юріемъ Хмельницкимъ и козацкой старшиной въ октябрѣ 1659 г. [3]).

Возстановимъ вкратцѣ эти переговоры Трубецкаго съ Юріемъ Хмельницкимъ.

---

[1]) Акты т. 10, стр. 484.

[2]) См. выше, или Акты т. 10, стр. 493—494.

[3]) См. Статейный списокъ князя А. Н. Трубецкаго—Акты т. 4, № 115, стр. 252—276.

Библиотека "Руниверс"

28 сентября 1659-го года изъ Переяславля Трубецкой съ товарищами послали къ Юрію Хмельницкому за Днѣпръ путивльца Зиновія Яцына и съ нимъ писали, чтобы онъ, Юрій, «памятуя великаго государя премногую милость и жалованье къ отцу своему гетману Богдану Хмельницкому и къ себѣ»..., убѣдилъ бы всѣхъ заднѣпровскихъ полковниковъ и козаковъ, чтобы они принесли государю въ винахъ своихъ повиновеніе и «учинились бы у великаго государя въ вѣчномъ подданствѣ по прежнему».

1-го октября Зиновій Яцынъ возвратился въ Переяславль; съ нимъ прибыли отъ Юрія Хмельницкаго полковникъ Петръ Дорошенко съ сотниками отъ всѣхъ полковъ. Послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ устныхъ о томъ, кто къ кому долженъ ѣхать для переговоровъ, Юрій ли Хмельницкій въ Переяславль, или князь Трубецкой за Днѣпръ къ Юрію, «полковникъ П. Дорошенко съ товарищи боярину и воеводамъ князю А. Н. Трубецкому съ товарищи *подавали четырнадцать статей* и сказали: прислали де тѣ статьи съ ними Юрій Хмельницкій и полковники и велѣли бити челомъ великому государю царю и в. кн. Алексѣю Михайловичу всея Россіи..., чтобы в. г. пожаловалъ—велѣлъ имъ быти подъ своею государевой самодержавной высокой рукою *на тѣхъ статьяхъ*. А объявя, тѣ статьи велѣлъ имъ Юрій съ полковники привезти къ себѣ. И боярин и воевода князь А. Н. Трубецкой съ товарищи, тѣхъ статей слушавъ, полковнику П. Дорошенко съ товарищи говорили, что *въ тѣхъ статьяхъ многое написано вновь сверхъ прежнихъ статей, которыя даны прежнему гетману Богдану Хмельницкому* и какъ Юрій Хмельницкій будетъ у нихъ боярина и воеводъ и они о томъ начнутъ говорить съ нимъ Юрьемъ и съ полковниками.

И велѣли съ тѣхъ статей списать списокъ, а подлинныя отдяли имъ» [1]). Далѣе слѣдуютъ самыя статьи.

Прежде всего, изъ приведенной рѣчи Дорошенка и разговора бояръ не видно, чтобы поданныя статьи имѣли претензію называться прежними статьями Богдана Хмельницкаго; а содержаніе статей подтверждаетъ это и даетъ даже полное основаніе сказать, что Юрій Хмельницкій и старшина козацкая при составленіи своихъ статей не имѣли въ рукахъ ни прежнихъ статей 1654 года, ни жалованныхъ грамотъ государя. Въ этомъ убѣждаетъ и языкъ польско-украинскій, и самое содержаніе статей, мало напоминающее прежнія статьи, по-

[1]) Акты т. 4, стр. 255—256.

Библиотека "Руниверс"

данныя запорожскими послами въ Москвѣ. На статьи московскія даже нѣтъ и ссылки въ статьяхъ Юрія Хмельницкаго, а дѣлается ссылка только на переяславскіе переговоры Богдана Хмельницкаго съ В. В. Бутурлинымъ въ самомъ началѣ 1654 года.

Изъ 14 статей Юрія только 1, 5, 6, 7, 8, 10 и 12-я напоминаютъ по содержанію статьи, постановленныя въ Москвѣ, а остальныя 7 являются совершенно новыми и потому вызываютъ возраженіе Трубецкаго.

Нельзя сказать что Юрій и его полковники совсѣмъ не знали прежнихъ статей; они слышали ихъ одинъ разъ, именно въ августѣ 1657-го года въ Чигиринѣ при избраніи на гетманство Выговскаго [1]), но чрезъ 2 года содержаніе ихъ было забыто, возстановлено только самое главное и всѣмъ извѣстное—о правахъ и вольностяхъ всякихъ чиновъ людей; а затѣмъ прибавлено то, что считалось почему либо важнымъ для козаковъ въ то время. Число статей (14) здѣсь не имѣетъ никакого значенія, потому что раньше нигдѣ не встрѣчается такого количества статей и въ данное время послѣ Юрія не называютъ предложенныя имъ статьи прежними Богдановыми, слѣдовательно онѣ являются какъ бы новыми.

Князь Трубецкой съ товарищами, вѣроятно, видя, что ни гетманъ, ни козацкая старшина не имѣютъ и не помнятъ подлинныхъ статей Богдана Хмельницкаго, предложили отъ себя Юрію Хмельницкому, когда онъ пріѣхалъ въ Переяславль, прежнія статьи Богдана Хмельницкаго и кромѣ того, еще 19 новыхъ статей, присланныхъ государемъ для утвержденія ихъ войскомъ запорожскимъ. Число прежнихъ статей здѣсь *14* и редакція ихъ та самая, въ которой обыкновенно приводятся эти т. н. «статьи Богдана Хмельницкаго» [2]). Вотъ въ данное время (1659-й годъ) можно допустить появленіе въ прежнихъ статьяхъ 1654 года тѣхъ измѣненій, которыя отличаютъ редакцію 14-ти статей и которыя не могли быть сдѣланы въ 1654 г.

Главныя и болѣе важныя различія въ статьяхъ, поданныхъ отъ имени Юрія Хмельницкаго, и въ статьяхъ, предложенныхъ Трубецкимъ подъ именемъ «прежнихъ статей», касаются вопросовъ—о митрополитѣ, о пріемѣ пословъ и о гетманѣ (т. е. пункты 4, 8, 9 и 10-й статей Трубецкаго); статьи прежнія нѣсколько ограничивали

---

[1]) Акты т. 11, стр. 802.

[2]) Напр. см. у *Карпова въ Журн. Мин. Нар. Просв.* 1871 г. № 12, у Бунинскаго и въ Актахъ т. 4 стр. 262—265.

Библиотека "Руниверс"

вольности козаковъ, т. е. собственно гетмана, старшины и духовенства, но за то другія статьи гораздо опредѣленнѣе и полнѣе, чѣмъ статьи Юрія, пересчитывали права и вольности козацкія, поэтому статьи эти понравились старшинѣ и войску, такъ что послѣ прочтенія ихъ на радѣ, «гетманъ Юрій Хмельницкій, и обозный, и асаулы войсковые, и полковники, и старшина, и козаки и чернь на радѣ, выслушавъ тѣхъ прежнихъ статей, били челомъ великому государю... что имъ, всему войску запорожскому, *всѣ тѣ прежнія статьи надобны*» [1]).

Прежнія статьи являются такимъ образомъ здѣсь какъ бы новостью для войска и старшины и они принимаютъ ихъ охотно. А на тѣ важныя отличія, которыя являются въ этихъ статьяхъ, сравнительно съ статьями 1654 года и которыя очень замѣтны для всякаго прочитавшаго тѣ и другія [2]), войско и старшина не сдѣлали никакихъ возраженій; мало того, они согласились еще и на новыя довольно важныя ограниченія, которыя заключались въ поданныхъ вновь на утвержденіе войска 19 пунктахъ [3]). Напримѣръ въ пунктѣ 5-мъ гетманъ и козаки согласились на такую важную уступку, что воеводы московскіе могутъ быть, кромѣ Кіева, еще въ *пяти* городахъ: Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Брацлавѣ и Умани.

Остается еще одинъ, повидимому важный, вопросъ, почему и въ составленномъ московскими послами спискѣ число статей 14: не указываетъ ли это, что именно съ такимъ числомъ статей была первоначальная редакція, данная изъ Москвы?

Вопросъ такой, конечно, можетъ возникнуть, но онъ не имѣетъ за себя никакихъ основаній, развѣ только то, что московскіе бояре—князь Трубецкой съ товарищами—хотѣли, чтобы ихъ списокъ внѣшнимъ своимъ видомъ—количествомъ статей—соотвѣтствовалъ списку, поданному отъ имени Юрія Хмельницкаго. Намъ кажется, что происхожденіе этихъ статей можно доказать болѣе естественнымъ путемъ; именно, кн. Трубецкой съ товарищами, увидѣвши, что гетманъ и козаки совсѣмъ не знаютъ прежнихъ статей Богдана Хмельницкаго и не имѣютъ жалованныхъ грамотъ государя, составили имъ списокъ статей по имѣющимся у нихъ, безъ сомнѣнія, черновымъ спискамъ статей изъ московскаго приказа. Составленіе этихъ статей было самое

---

[1]) Акты т. 4, стр. 265.

[2]) На эти отличія мы указали раньше, когда разбирали „14 статей".

[3]) Акты т. 4, стр. 265—269.

Библиотека "Руниверс"

простое; московскіе послы могли просто сократить, напримѣръ, статьи 14 марта (въ 23 пункта).

Сравнивая статьи 14 марта 1654 г. и 14 статей 1659-го года, мы находимъ, что изъ 23 пунктовъ 14 марта выпущены пункты— 19, 20, 22 и 23-й или 7, 8, 10, и 11-й по ред. 21 марта и выпущены потому, что 14 статей написаны въ 1659 году, когда уже нужда въ помощи противъ поляковъ у Смоленска, въ обереганіи границъ отъ Литвы на рубежѣ и отъ крымцевъ миновалась; а статья о Кодакѣ выпущена, вѣроятно, по своей неопредѣленности, на которую указывалось и въ указѣ на эту статью въ 1654 году.

Затѣмъ статьи 8, 9, 10, 11 и 21-я по редакціи 14 марта или 2, 3, 4, и 9-я по ред. 21 марта—о жалованьѣ различнымъ войсковымъ чинамъ и козакамъ, вслѣдствіе одинаковаго содержанія, сокращены по редакціи 14 статей 1659 года въ одну *6-ю* статью. Статья 2-я по ред. 14 марта—о числѣ козаковъ слита въ редакціи 1659 года съ 6-й статьей—о жалованьѣ козакамъ. Статья 11 о пріемѣ пословъ (14-я) разбита въ ред. 14 статей на двѣ—9-ю и 10-ю. Статья 3-я—о шляхтѣ слита въ ред. 14 статей въ одну статью съ правами другихъ сословій (8-ю). Остальныя 12 статей вполнѣ соотвѣтствуютъ.

Редакція 14 марта 1654 г.	*Редакція «14 статей» 1659 г.*
1.	1
4.	2
5.	3
6.	4
7.	5
8, 9, 10, 11 и 21	6
12.	7
13	8
14.	9—10
15.	11
16.	12
17.	13
18.	14

Что дѣйствительно сокращеніе сдѣлано по списку 14 марта въ 23 пункта, на это указываетъ одинъ и тотъ же порядокъ слѣдованія статей, исключая выпущенныхъ по указаннымъ выше причинамъ.

Итакъ, повторяемъ, число статей здѣсь не важно; но не менѣе важно другое обстоятельство, именно то, что послѣ присяги гетмана, стар-

Библиотека "Руниверс"

шины и козаковъ на вѣрность государю и послѣ приложенія рукъ къ клятвенному листу и къ статьямъ—гетмана, полковниковъ и нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ (стр. 272—273, Акты т. 4), князь Трубецкой приказалъ списать списокъ съ этихъ документовъ и отдалъ его своему товарищу В. Б. Шереметеву для того: «по указу великаго государя, *велѣно съ того списка въ Кіевѣ напечатать многія книги, и тѣ печатныя книги изъ Кіева разослать во всѣ великаго государя черкасскіе полки, чтобъ про тѣ статьи, которыя съ гетманомъ съ Юріемъ Хмельницкимъ и со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ постановлены на радѣ, вѣдомы были во всѣхъ полкахъ всему Войску Запорожскому.* А гетману Юрью Хмельницкому, и обозному, и судьямъ, и асауламъ, и полковникамъ, и всей старшинѣ и черни бояре и воеводы князь А. Н. Трубецкой съ товарищи дали такову же книгу за своими руками».

Изъ этого указанія становится очевиднымъ, почему редакція въ 14 статей получила такое распространеніе въ Малороссіи, что на нее постоянно ссылались при послѣдующихъ переговорахъ козаки и московское правительство, а также, что позднѣйшіе лѣтописцы Малороссіи указывали на нихъ, какъ на подлинныя статьи Богдана Хмельницкаго. Это и понятно, потому что, какъ мы указывали, статьи и жалованныя грамоты 1654 года козаки слышали всего одинъ разъ только въ 1657 году изъ устъ Выговскаго, а потомъ онѣ вмѣстѣ съ Выговскимъ исчезли, тогда какъ статьи по редакціи 1659 года получили самое широкое распространеніе и при томъ съ названіемъ «прежнія статьи Богдана Хмельницкаго», хотя, какъ мы видѣли, въ этихъ прежнихъ статьяхъ сдѣланы были боярами,—Трубецкимъ и его товарищами, значительныя измѣненія.

Итакъ все разсужденіе наше о статьяхъ Богдана Хмельницкаго сводится къ утвержденію слѣдующихъ положеній: 1) послѣднею редакціей статей во время переговоровъ 1654 года въ Москвѣ слѣдуетъ считать статьи 21 марта въ 11 пунктовъ.

2) Эти статьи служили однако только дополненіемъ къ жалованнымъ грамотамъ государя, которыя были главными документами, утверждавшими права и привилегіи войска запорожскаго.

3) Статей въ 14 пунктовъ въ той редакціи, которая обыкновенно приводится (напримѣръ, въ Актахъ томъ IV-й, у г. Карпова и у г. Будилскаго), въ 1654 году не было и не могло быть.

Библиотека "Руниверс"

4) Такая редакція статей явилась гораздо позднѣе, именно въ 1659-мъ году въ Переяславлѣ во время переговоровъ съ гетманомъ Юріемъ Хмельницкимъ.

5) Широкое распространеніе и популярность статьи этой редакціи пріобрѣли потому, что онѣ были напечатаны во множествѣ экземпляровъ и разосланы во всѣ черкасскіе полки.

П. А. Шафрановъ.

Библиотека "Руниверс"

Анастасія Яковлевна Марченко.

(Т. Ч. или А. ТЕМРИЗОВЪ).

1830 — 1880.

ОЧЕРКЪ.

I.

Съ появленіемъ повѣстей и романовъ Жоржъ-Зандъ въ европейскую литературу хлынулъ потокомъ новый циклъ мыслей, взглядовъ, убѣжденій. Затронутые ею вопросы жизни назрѣвали и разрѣшались еще въ прошломъ столѣтіи. Вопросъ о женской эмансипаціи поднимался и рѣшался еще во время 1-ой французской революціи,—и рѣшался въ положительномъ смыслѣ. Но Жоржъ-Зандъ первая въ беллетристикѣ явилась провозвѣстницей части этихъ идей, ихъ популяризаторомъ.

Этого было достаточно, чтобы къ ней приковалось всеобщее вниманіе не только публики, но и литературы. Публика зачитывалась ея романами не въ одной Франціи; исторія литературы занесла ея имя на свои страницы. Во многихъ странахъ писательница нашла своихъ послѣдователей. Одни вторили ей, увлекаясь модой, настраивая себя на модный ладъ; другіе брались за перо въ силу внутренней необходимости, уступая напору собственныхъ чувствъ и мыслей, которыя — оказалось — звучали въ унисонъ съ идеями французской писательницы.

Къ числу такихъ искреннихъ представительницъ въ нашей литературѣ жоржъ-зандовскаго направленія, исповѣдывавшихъ и популяризировавшихъ одни съ нею взгляды, надо отнести весьма

Библиотека "Руниверс"

талантливую писательницу конца 40-хъ и 50-хъ годовъ—*Анастасію Яковлевну Марченко*.

Въ тотъ годъ, когда 16-лѣтняя Е. А. Фадѣева у алтаря одной изъ екатеринославскихъ церквей отдавала свою руку П. А. Ганъ, въ этотъ самый годъ—1830-й—на другой окраинѣ Россіи, въ городѣ Ковно—въ Литвѣ—родилась на свѣтъ дѣвочка, выросшая впослѣдствіе въ писательницу Марченко, имя которой было хорошо знакомо читателямъ толстыхъ журналовъ. Она являлась сначала подъ таинственными буквами Т. Ч. и только по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ [1]) выглянула подъ собственнымъ именемъ, которое въ 60-хъ годахъ снова окутала псевдонимомъ Темризова [2]).

Анастасія Яковлевна была третьимъ ребенкомъ въ семьѣ богатыхъ, широко жившихъ родителей. Отецъ ея былъ малороссъ, мать полька. У отца было свое имѣніе въ кіевской губерніи, близъ Чигирина. Туда изъ Литвы переѣхала жить вся семья Марченковъ.—Здѣсь, среди красивой природы Украины, съ ея темно-синими ночами, пирамидальными тополями и пѣснями чумаковъ,—воспиталась, выросла и возмужала А. Я., живя на просторѣ лѣсовъ, полей и чистаго воздуха.

Съ ея появленіемъ на свѣтъ увеличеніе семейства Марченко не прекращалось. Многочисленная семья подраставшихъ дѣтей требовала заботы о воспитаніи. Отецъ и мать, какъ люди «образованные» [3]), не могли не сознавать необходимости серьезнаго образованія. Переѣзжать ради этого въ городъ представляло не мало затрудненій, и деревня своими удобствами и просторомъ перетянула городъ. Рѣшено было дать дѣтямъ домашнее воспитаніе. Для этого выписаны были учителя и гувернеры изъ Кіева, не скупились выписывать и изъ столицъ.

Ек. Мих. Ильина,—бывшая въ домѣ старшей гувернанткой, которой было поручено воспитаніе, развитіе дѣтей и надзоръ за общимъ ходомъ обученія, ради котораго въ домъ приглашались учителя,—была выписана изъ Петербурга. Она была воспитанница Смольнаго института и хорошо по тому времени знала французскій

---

[1]) Въ первый разъ Марченко выставила свою фамилію въ 1855 году въ От З. (іюнь) подъ повѣстью: „Вокругъ да около".

[2]) Романъ въ 3 частяхъ „Разлучники". А. Темризовъ. Спб. 1869 г.

[3]) Автобіографическая записка А. Марченко, хранящаяся въ петер. публ. б. За любезное указаніе на нее и за доставленіе съ нее копіи приношу искреннюю благодарность О. П. Конради и И. А. Бычкову.

Библиотека "Руниверс"

и русскій языки. Къ тому же она была одна изъ тѣхъ счастливыхъ гувернантокъ, которыя занимаются дѣтьми съ любовью, а не въ силу только необходимости, въ которую ставитъ иногда молодую дѣвушку злая судьба, навязывая скучнѣйшую изъ заботъ—обучать и дѣлать умными чужихъ дѣтей тогда, когда собственная душа переполнена жаждою личной молодой жизни.. Ек. Мих. была большая любительница книгъ; свою страсть къ чтенію она незамѣтно сообщила и воспитанницамъ. Скоро любимымъ занятіемъ маленькой А. Я. стали книги. Изъ русскихъ писателей преимущество отдавалось Лермонтову, Пушкину, Гоголю,—именами которыхъ былъ тогда полонъ самый воздухъ, какъ полонъ онъ въ наше время словами, произведеніями и самой личностью Л. Н. Толстаго. А. Я. читала также и произведенія французской литературы, а подъ вліяніемъ матери знакомилась въ подлинникахъ и съ польскими писателями.

Любившая свое дѣло гувернантка старалась какъ можно упростить изученіе такихъ скучныхъ предметовъ, какъ грамматика и реторика,—которая тогда была въ большомъ ходу. Вмѣсто зазубриванія малодоступныхъ ребенку правилъ, она заставляла при себѣ писать упражненія на эти правила, писать сочиненія, конспекты. Разумѣется, это сильно облегчало и упрощало изученіе. Благодаря такому способу, ничего не приходилось зазубривать, не понимая, и дѣти привыкали незамѣтно одолѣвать трудную механическую сторону передачи мыслей на бумагу.

Еще во время занятій съ Ек. Мих. Ильиной А. Марченко пріучилась безъ труда излагать свои мысли. Отъ частыхъ упражненій незамѣтно самъ собой вырабатывался и слогъ. Этимъ объясняется та стилистическая легкость, помимо красоты, присущей таланту,—которыми отличается самое раннее произведеніе писательницы «Гувернантка» [1]), сложившаяся еще въ дѣтскомъ—14-ти лѣтнемъ возрастѣ.

Развивая любовь и вкусъ къ чтенію, Ек. Мих. считала своею обязанностью наводить ученицъ на тѣ или другія мысли, бесѣдуя по поводу прочитаннаго. А южная малороссійская природа, ея красота, музыкальность малороссійской народной поэзіи способствовали вмѣстѣ съ систематическимъ музыкальнымъ образованіемъ и развитію вкуса къ изящному.

Забота о музыкальномъ образованіи дочерей лежала на отцѣ. Онъ страстно любилъ музыку, и одной изъ его главныхъ заботъ

---

[1]) „Путевыя Замѣтки". Т. Ч. 1847 г. Одесса, выпускъ I.

Библиотека "Руниверс"

было развить эту любовь въ дѣтяхъ. Онъ нанималъ учителей, слѣдилъ за успѣхами. И заботы его не пропали даромъ: изъ Анастасіи Яковлевны вышла замѣчательная музыкантша. Это отражается и въ ея повѣстяхъ, гдѣ главная героиня часто очень хорошо играетъ, сознательно и съ большимъ пониманіемъ говоритъ о классической музыкѣ и ея композиторахъ [1]), а въ случаѣ крайности, когда должна прибѣгнуть къ заработку, непремѣнно избираетъ преподаваніе музыки [2]).

Учительницы музыки, гувернантки, учителя рисованія, танцевъ довольно часто фигурируютъ въ произведеніяхъ Т. Ч. и всегда пользуются глубокимъ сочувствіемъ, сердечной симпатіей автора. Несомнѣнно, въ этихъ образахъ воплощаются и отражаются впечатлѣнія яснаго дѣтства. Особенно симпатично вырисовывается въ повѣсти «Первый шагъ» —этой первой повѣсти, напечатанной въ журналѣ [3]) и заслужившей похвалы,—добрый, кроткій, любящій до забвенія о себѣ—учитель рисованія Евгеній Семеновичъ, который сильно влюбился въ свою ученицу Ниночку; мучился, страдалъ, никому не жалуясь, когда она спокойно на его глазахъ выходила замужъ за пустаго, безсердечнаго фата. Сколько любви, доброты, утонченной деликатности проявилъ онъ, когда Ниночку постигло горе, когда она вынуждена была покинуть домъ и мужа! Его постоянство, любовь тихая, молчаливая до забвенія себя невольно напоминаетъ любовь рыцаря среднихъ вѣковъ,—въ ней что то романтическое,—это какъ бы любовь Тогенбурга, только совсѣмъ не бездѣятельная, не пассивная.

II.

Анастасія Яковлевна еще съ дѣтства отличалась насмѣшливымъ умомъ, смѣлымъ, гордымъ, настойчивымъ, упрямымъ характеромъ. Трудно было ее—ребенка—заставить сдѣлать то, чего она не хотѣла, что было ей не по душѣ. Строгость, угрозы дѣлали ее только еще упрямѣе, еще настойчивѣе. Надо было особое педагогическое умѣнье ладить съ дѣвочкой даже за классомъ. Чего не хотѣла изучать—нельзя было заставить. Родные, напримѣръ, какъ ни настаивали на изученіи нѣмецкаго языка, А. Я. ни за что не хотѣла ни прислушиваться,

---

[1]) Романъ „Дина“—От. З. 1853. № 3, стр. 49.

[2]) Ниночка въ „Тернистомъ пути“, Юлія Михайловна въ „Мыльныхъ пузыряхъ“.

[3]) Сѣверное Обозрѣніе 1848 г. № 1.

Библиотека "Руниверс"

ни произносить этихъ грубыхъ, тяжелыхъ, шипящихъ звуковъ. Такъ и вышла изъ подъ опеки воспитателей безъ знанія нѣмецкаго языка. За то что нравилось, то изучала со всѣмъ жаромъ.

Ей недолго пришлось быть подъ опекой доброй Екатерины Мих. и учителей. Въ 12 лѣтъ мы ее видимъ уже больнымъ ребенкомъ. Ее везутъ въ городъ къ докторамъ, приглашаютъ докторовъ въ деревню. Совѣщаются, консультируютъ. Доктора предполагаютъ одну изъ страшныхъ болѣзней въ такомъ юномъ возрастѣ—*аневризмъ*. Съ этихъ поръ книги, чтеніе, занятіе музыкой—все запрещено больной дѣвочкѣ. Всѣ въ домѣ не знаютъ, какъ и чѣмъ угодить больному ребенку. Доктора дали совѣтъ—не раздражать, не противорѣчить, иначе грозили плохимъ исходомъ. И каждый въ домѣ, начиная съ отца, кончая прислугой, старался быть мягкимъ, уступчивымъ.—Кроткое обращеніе, ласка подѣйствовали на своенравную, вспыльчивую дѣвочку самымъ благотворнымъ образомъ, она теперь поражала мягкостью, послушаніемъ, теплотой.

Развиваясь на полной свободѣ, она цѣлые дни проводила въ лѣсу съ какой нибудь книгой въ рукахъ или гуляя подъ руку съ гувернанткой,—или же шла въ поле посмотрѣть на полевыя работы, послушать пѣсни украинской или игру наробка на сопилкѣ. Эта жизнь вольная, свободная среди деревенской природы, когда безъ малѣйшаго стѣсненія могли развиваться и крѣпнуть ея нравственныя и умственныя силы, надолго осталась памятна въ душѣ дѣвушки.

„Когда мнѣ было лѣтъ 13—14—15,—говоритъ Ниночка въ повѣсти „Первый шагъ", сравнивая воспитаніе своихъ дѣтей въ пансіонѣ съ собственнымъ воспитаніемъ, на волѣ, въ деревнѣ:—я подъ руку съ своей гувернанткой, впрочемъ, уже не съ гувернанткой, а съ другомъ бродила по саду въ такую ночь; какъ тогда становилось страшно и пріятно, точно слушаешь сказку о колдунахъ и духахъ. Сторожъ застучитъ сильно въ доску, собака кинется въ кусты, кошка пробѣжитъ по крышѣ,—вздрогнешь, сердце забьется. А если запоетъ соловей, если вдругъ колокольчикъ зальется вдали... Гдѣ то теперь Евгеній Семеновичъ? И онъ любилъ замечтаться, и онъ сидѣлъ по цѣлымъ часамъ, глядя на луну. Добрая душа! Какъ онъ помогалъ узнавать, различать звуки его, шутя: вотъ становой скачетъ, вотъ военный кто нибудь; то нетерпѣливый, запоздалый гость, то утомленные дорожные... Маменька, маменька! и ты была со мною, маменька!" [1]).

Много книгъ перечла за это время Ан. Як. вмѣстѣ съ своей любимой наставницей, много переговорила, много переспорила на тему прочитаннаго. Въ этотъ же періодъ она принялась писать стихи.

---

[1]) От. Зап. 1849 г., окт., стр. 185.

Библиотека "Руниверс"

Но стихотворенія ея были немногочисленны и не несли въ себѣ ни особенныхъ достоинствъ, ни недостатковъ. Они въ большинствѣ были отзвукомъ, подражаніемъ современной имъ «женской» поэзіи, отражая въ себѣ ея недостатки, но не отличаясь какими нибудь, хотя бы внѣшними, достоинствами. Въ ея стихахъ не было ни особенной музыкальности, ни красоты.

Вотъ стихотвореніе, помѣщенное въ Пантеонѣ [1]):

Садись, работникъ, за работу;
Гляди вновь въ пестрые листы,
Всю сердца нѣжную тревогу
Въ нихъ сохрани на вѣки ты.

Авторъ какъ бы хочетъ въ работѣ заглушить тоску сердца по жизни, по живымъ людямъ.

Или:

Меня опять влечетъ, влечетъ моя судьба!
Куда, зачѣмъ и какъ свершается стремленье—
Не знаю я, но мнѣ ужъ тяжела борьба,
Такъ не боюся я и вѣрю въ назначенье...
Сегодня вихрь крутитъ меня передъ тобой,
А завтра вдаль умчитъ опять безъ сожалѣнья,
Я—мертвый листъ, оторванный грозой [2]).

Попадаются стихотворенія и на патріотическую тему,—такія стихотворенія встрѣчаются съ подписью автора въ Инвалидѣ: «Государю Императору Николаю Павловичу» [3]); стихотвореніе, «посвященное барону Дмитрію Ерофеевичу Остенъ-Сакену» [4]).

Самымъ же удачнымъ, кажется, надо считать стихотвореніе «Сашѣ Лачиновой», гдѣ картина разгульной вакханаліи взята только, какъ символъ, гдѣ подъ пѣнящимся виномъ и подъ дномъ опорожненной чаши надо понимать юность съ ея радостями и ея исчезновеніе.

Сашѣ Лачиновой.

Мы встрѣтились среди гостей шумливыхъ,
На общемъ пирѣ жизни молодой,
Ты полная надеждъ еще счастливыхъ,
Я—съ грустной и болящею душой.
Ко мнѣ съ улыбкой дѣтскаго веселья
Ты протянула жизненный бокалъ,
И чокнуться подъ общій гулъ похмѣлья
Меня твой голосъ звонко приглашалъ.
О чашу, чашу! посмотри, какъ хлещетъ

[1]) 1855. № 7.
[2]) Тамъ же.
[3]) Рус. Инвалидъ 1854. № 62.
[4]) Тамъ же № 104.

Библиотека "Руниверс"

И пѣной бьетъ на столъ твое вино,
А у меня, взгляни, давно ужъ блещетъ
Изъ подъ напитка золотое дно.
На встрѣчу дружбѣ не бросаюсь съ жаромъ,
Но въ жизнь твою привязанность волью,
Остатокъ прежняго не трачу даромъ—
Я крѣпкое вино по каплѣ пью.
Товарищъ молодой, давай мнѣ руку!
О чашу, чашу! Станемъ веселѣй,
Ты будешь дѣтской лаской вторить звуку
Всѣхъ нѣжныхъ словъ любви къ тебѣ моей [1]).

Здѣсь и мысль, и избранная, какъ символъ, картина веселья—все выдержано прекрасно, стихъ сильный, живой. Этому стихотворенію уступаютъ не только раннія, но и болѣе поздніе.—Но во всякомъ случаѣ ея стихи не настолько замѣчательны,—да ихъ и немного, чтобы стоило на нихъ останавливаться подробнѣе. Достаточно отмѣтить, что А. Марченко одновременно съ графиней Ростопчиной прибѣгала къ риѳмованной, каденсированной рѣчи и иногда удачно выливала въ ней свои мысли и чувства. Для насъ много интереснѣе ея проза и развитіе ея беллетристическаго таланта.

III.

Первые проблески писательства Ан. Як. относитъ въ своей «Автобіографической запискѣ» [2]) къ черезчуръ раннему возрасту: къ 8 годамъ, когда ею была написана маленькая комедія, а вслѣдъ за комедіей рядъ небольшихъ комическихъ сценъ или отрывковъ. Къ 12 годамъ она принялась за стихи, а отъ стиховъ перешла къ прозѣ,—написала разсужденіе на тему: «О грустномъ положеніи въ обществѣ существа, развитаго душой и умомъ преждевременно».

Въ этой темѣ уже слышатся слѣды вѣяній поэзіи разочарованія, которая была модной въ то время и отъ вліянія которой уберечься было едва ли возможно. На произведеніяхъ Марченко, въ особенности на герояхъ ея повѣстей сильно отразилось вліяніе этой поэзіи.

Написала—и ей захотѣлось подѣлиться съ кѣмъ нибудь тайной своего писательства. И вотъ А. Я. избираетъ въ слушательницы, въ судьи перваго своего прозаическаго опыта не друга—наставницу, Екатерину Михайловну, не мать (о которой въ автобіографической запискѣ

---

[1]) Пантеонъ 1855. № 7.

[2]) Рукоп. въ Пет. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

почти совсѣмъ не упоминается) и даже не сестру, которая была значительно ея старше;—какъ натура гордая и крайне самолюбивая, она избираетъ того, кто въ семьѣ менѣе всѣхъ могъ бы быть компетентнымъ судьей,—избираетъ дѣвушку, которой занятіе въ домѣ—разливать чай. Что могла понять, замѣтить, сказать «чайная» дама? Развѣ умилиться отъ удивленія, что Настенька—ребенокъ—а можетъ ужъ сочинять, да еще такія мудреныя вещи, въ которыхъ не сразу все поймешь. Во всякомъ случаѣ А. Я. послѣ этого чтенія почувствовала такую бодрость и смѣлость, что принялась писать повѣсть подъ названіемъ «Игрокъ».

Повѣсть готова. Но А. Я. не рѣшается и ее отдать на строгій, безпристрастный судъ наставницы или матери; не читаетъ и «чайной» дамѣ. Въ силу крайне развитаго самолюбія она предпочитаетъ положиться исключительно на собственный судъ. Черезъ годъ я буду умнѣе,—рѣшаетъ она и тщательно убираетъ подъ спудъ первую повѣсть. И только черезъ годъ рѣшаетъ заглянуть въ завѣтную тетрадку и подвергнуть своему собственному суду, который теперь несомнѣнно долженъ былъ сдѣлаться зрѣлѣе, а главное—самое произведеніе на разстояніи годоваго промежутка допускало извѣстную долю объективности, необходимой при сужденіи о собственномъ произведеніи. И «Игрокъ» не выдержалъ суда автора: онъ былъ присужденъ къ немедленному истребленію.

Съ этихъ поръ А. Я устанавливаетъ правило: «судить каждое свое произведеніе собственнымъ судомъ всегда черезъ годъ отъ того дня, въ который оно было написано» [1]).

При такомъ способѣ собственной критики А. Я. уничтожаетъ одну повѣсть за другой. Но—авторъ не унываетъ: прирожденная страсть къ писательству сберегаетъ охоту и энергію писать,—и дѣвушка принимается за новую повѣсть «Гувернантка», которую также тщательно подвергаетъ годовому испытанію.

Ей теперь минуло 14 лѣтъ. Она выросла, окрѣпла; здоровье поправилось. Въ эти года на югѣ дѣвушка считается какъ бы взрослой,—она уже выѣзжаетъ на балы. А—ѣ Я—ѣ захотѣлось тоже шуму, блеска, танцевъ—мазурки, захотѣлось восхищать и восхищаться. Раненько бы еще—да все вокругъ занято этими интересами: старшая сестра давно выѣзжаетъ на балы, давно въ домѣ идутъ разговоры о томъ, какъ такой то богатый кавалеръ оказываетъ сестрѣ предпо-

[1]) Тамъ же.

Библиотека "Руниверс"

чтеніе, давно высчитываютъ ея успѣхи въ свѣтѣ, судятъ и рядятъ о костюмахъ... Какъ же не захотѣть веселья?

Но ея желанія, даже самыя прихоти давно стали въ домѣ закономъ, и теперь она не встрѣтила отказа своему желанію. Ее повезли въ городъ. Она выѣхала на балъ. За первымъ баломъ, о которомъ съ такимъ наслажденіемъ говоритъ одна изъ героинь въ «Тернистомъ пути» [1]), слѣдовалъ другой—третій...

Такъ незамѣтно, весело проскользнула зима,—а тамъ снова прилетѣли весеннія птицы и еще съ большей силой захотѣлось въ деревню, въ лѣсъ, въ луга—на деревенскій просторъ. И мы видимъ ее снова въ деревнѣ—она весело скачетъ верхомъ на своей лошади въ любимую пасѣку. Здѣсь въ уединеніи, вдали отъ всѣхъ, рѣшила она подвергнуть строгому авторскому суду еще въ прошломъ году написанную повѣсть «Гувернантка».

Словно цѣлый ареопагъ строгихъ, неумолимыхъ судей собрался слушать писательницу,—такъ боязливо, робко развертывала она тетрадку и съ сердечнымъ замираніемъ принималась читать свою повѣсть... По мѣрѣ чтенія она успокоивалась, и улыбка довольства, необычайной радости скользила по лицу. Авторъ не находилъ въ новомъ произведеніи ничего смѣшнаго, что такъ сильно проглядывало въ крайней экзальтаціи раннихъ повѣстей. Она прочла «Гувернантку»—и не присудила ея къ уничтоженію. Повѣсть снова была убрана подъ спудъ съ тѣмъ, чтобы время отъ времени ее перечитывать и исправлять.

Одновременно съ отдѣлкой и выправленіемъ «Гувернантки» писалась другая повѣсть «Три варіаціи на одну тему». Писалась въ промежутки отъ выѣздовъ, бальнаго веселья, которому отдавала молодая дѣвушка уже третью зиму. Съ 14-ти до 17-ти лѣтъ зиму она проводила въ городѣ, весну и лѣто—въ деревнѣ за книгами, съ перомъ или карандашемъ въ рукахъ. Много книгъ было прочитано за эти три года. Но только то были не романы,—ее влекли книги серьезнаго содержанія философскія и даже медицинскія. Такимъ чтеніемъ она развивала и укрѣпляла свой умъ, черезчуръ рано освободившійся отъ всякой посторонней опеки и черезчуръ рано предоставленный саморазвитію. Впрочемъ, такова была судьба почти всѣхъ нашихъ писательницъ. Припомнимъ: Елена Андреевна Ганъ покончила ученье въ тринадцать лѣтъ, ученье граф. Ростопчиной шло безсистемно... и развѣ только Е. Кульманъ составляла исключеніе, но и то печальное.

[1]) От. Зап. 1849, октябрь.

Библиотека "Руниверс"

Лѣтніе дни не шли, а мелькали. Мелькали и года. Къ этому времени успѣли подрости и братья А. Я., которые были моложе ея. Ихъ надо было отдавать въ гимназію, надо было везти въ городъ.

Это обстоятельство заставило родныхъ рѣшиться на полное переселеніе изъ деревни въ городъ. Для такого переселенія, разумѣется, требовались большія деньги,—такъ какъ семья Марченковъ, какъ мы видѣли, была многочисленная, при томъ привыкшая къ удобствамъ и даже къ роскоши. И вотъ тутъ то пришлось отцу подвести итоги своимъ приходамъ и расходамъ и неминуемо признать, что расходъ давно въ нѣсколько разъ превышаетъ приходъ,—почему надѣлана масса долговъ,—признать, что имѣніе пришло въ упадокъ, что семьѣ грозитъ быстрое разореніе, а затѣмъ нищета. Онъ увидалъ, что недалеко то время, когда нищета должна будетъ смѣнить довольство, въ которомъ жили и къ которому привыкли, живя на малороссійскомъ просторѣ, его жена, дѣти... Какъ и чѣмъ спасти семью отъ предстоящей грозы? Объявить, открыть всю правду? Но развѣ этимъ поможешь? Только себѣ увеличишь, а имъ ускоришь страданіе. И отецъ рѣшилъ скрывать отъ семьи положеніе дѣлъ; онъ еще надѣялся какъ нибудь собственными силами придумать возможность лучшаго выхода.

Семья, не зная ничего объ угрожающей бѣдѣ, занята хлопотами переѣзда изъ деревни въ городъ. Возня, толкотня, суета съ утра до вечера наполняетъ домъ. Но почему то выбранъ изъ городовъ не Кіевъ, а Одесса,—и семья съ лона красотъ малороссійской природы перекочевываетъ въ Одессу, на берегъ Чернаго моря, гдѣ картины вечерняго заката, освѣщающаго высокія мачты безчисленныхъ кораблей, занимающихъ не только пристань, но и большую часть моря,—конечно, въ силахъ поспорить съ красотой Малороссіи, гдѣ счастливо, весело прожила наша писательница до 17-ти лѣтняго возраста, гдѣ воспитался ея умъ, гдѣ сложились ея первыя появившіяся въ печати произведенія. Любовь къ Малороссіи сказывается у нея не только въ «Автобіографіи», гдѣ она такъ говоритъ о себѣ: «Она выучилась гордиться тѣмъ, что она малороссіянка, и полюбила грустнымъ, страстнымъ чувствомъ и край тотъ, и народъ», но и въ романахъ; напр. въ первой части большаго романа «Мыльные пузыри», гдѣ авторъ прекрасно, живо описываетъ деревенскую ярмарку въ Малороссіи и тутъ же говоритъ: «Но не передать мнѣ того теплаго, синяго неба, тѣхъ яркихъ красокъ, той изумительно полной жизни каждаго ра-

Библиотека "Руниверс"

стенія, того ароматнаго дыханія безчисленныхъ, душистыхъ травъ, всего—чѣмъ богата Украйна, чѣмъ дарить она глаза, нѣжитъ чувства, чѣмъ мила она памяти нашей» [1]).

IV.

Но вотъ синее небо Украины осталось позади, а передъ глазами стелется не менѣе красивая синева Чернаго моря и южной морской дали.

Какъ бы хорошо было здѣсь, если бы не мѣшала общему веселью, общей радости какая то непонятная грусть отца. Что съ нимъ? Какое горе тяготитъ его душу? Здѣсь такъ все ново, красиво, интересно, что только бы жить и радоваться,—здѣсь кромѣ моря, аромата бѣлыхъ акацій, есть и итальянская опера, есть чудныя преданія о незабвенномъ Пушкинѣ... Здѣсь въ самомъ воздухѣ разлиты поэзія, искусство. А отецъ, несмотря на это, цѣлые дни ходитъ пасмурный. Видимо, его тяготитъ какое то горе... И безпокойный видъ отца всѣмъ внушаетъ опасеніе. А тутъ еще его внезапное, ничѣмъ необъяснимое желаніе немедленной, неотложной поѣздки въ Петербургъ. Зачѣмъ? Что заставляетъ ѣхать такую даль? Но разспросы и совѣты не ѣхать только доводятъ его до болѣзненнаго раздраженія,—онъ твердъ въ своемъ рѣшеніи. На этотъ разъ оказалось менѣе твердымъ и менѣе выносливымъ его здоровье. Оно не вынесло всѣхъ нравственныхъ мукъ, какими за послѣднее время переполнена его душа—и желаніе какъ нибудь извернуться, поправить состояніе, и боязнь за судьбу любимой семьи, и желаніе скрыть отъ нея положеніе дѣлъ, а также и свое безпокойство—довели бѣднаго старика до паралича.

Только теперь, когда онъ недвижимо лежалъ въ постели, семья узнала все,—она встала лицомъ къ лицу съ неожиданной дѣйствительностію. Тутъ только узнали, для чего отецъ хотѣлъ пуститься въ далекій путь: онъ надѣялся сдѣлать въ Петербургѣ заемъ и поправить свои денежныя дѣла. Но теперь, когда онъ недвижимый лежалъ въ постели, разумѣется, нечего было и думать о поправленіи дѣлъ. Кое какъ были уплочены долги остатками уцѣлѣвшаго капитала—а на долю семьи оставалась все та же неизбѣжная бѣдность и больной параличный отецъ. Что было дѣлать? Чѣмъ жить? По мо-

---

[1]) Романъ въ 3 ч. „Мыльные пузыри". 1855 г. 24 стр. Часть 1-я.

Библиотека "Руниверс"

лодость храбро глядитъ и на трагическое въ жизни. Энергичная, сильная Анастасья Яковлевна не задумалась и еще менѣе склонна была къ унынію. хотя отлично понимала, что семья всею тяжестью своей матеріальной стороны ложилась на ея молодыя, еще не совсѣмъ окрѣпнувшія плечи. Она храбро объявила: будемъ работать и будемъ жить. Ея примѣру послѣдовала и другая сестра, которая была младше ея годомъ,—старшая же въ это время была уже замужемъ.

Но чѣмъ и какъ будутъ заработывать деньги эти обѣ молоденькія дѣвушки, выросшія въ довольствѣ? Единственный трудъ, возможный въ тѣ времена для женщины былъ, разумѣется, трудъ гувернантки. Но, чтобы получить мѣсто гувернантки, надо имѣть дипломъ, а для полученія диплома требовалось выдержать экзаменъ на домашнюю учительницу. И вотъ обѣ дѣвушки твердо рѣшаютъ готовиться къ экзамену.

Теперь въ домѣ на мѣсто прежней роскоши поселилась бѣдность,—потому не было больше ни учителей, ни гувернантокъ; готовиться пришлось безъ всякой посторонней помощи, на собственный страхъ. Младшая сестра, не привыкшая къ такому усиленному труду, не вынесла и слегла отъ нервной горячки; а Ан. Як. въ шесть недѣль приготовилась и отлично держала экзаменъ, несмотря на душевныя безпокойства и хлопоты, которыя еще больше усилились отъ болѣзни сестры. Теперь она была въ новомъ вооруженіи на борьбу и стала искать мѣста гувернантки. Мѣсто скоро нашлось,—но на кого она броситъ своихъ больныхъ? И пришлось отказаться отъ предлагаемаго мѣста. Вмѣсто этого, она взялась давать уроки музыки въ одномъ изъ одесскихъ пансіоновъ. Давала по семи часовъ въ день. Это не могло не отразиться на здоровьи. Черезъ полтора года такого усиленнаго труда—ради семьи и любимаго отца она разстроила здоровье и принуждена была оставить занятіе.

Не въ силу теоретическихъ размышленій—какъ видимъ—пришелъ нашъ авторъ къ необходимости труда для женщины, сама жизнь поставила ему на пути эту задачу,—и онъ разрѣшаетъ ее утвердительно въ силу самой жизненной необходимости. Потому А. Я. ни сама, ни одна изъ ея героинь не смотрятъ на трудъ, какъ на геройство, какъ на признакъ передоваго развитія, какъ относились къ труду литература и сама женщина освободительнаго періода. Эта особенность произведеній А. Марченко, гдѣ не разъ въ холѣ и довольствѣ воспитанная дѣвушка, въ силу надвинувшихся обстоятельствъ, безъ разсужденія и безъ рисовки принимается за педагогію, какъ

Библиотека "Руниверс"

Юлія Михайловна въ «Мыльныхъ пузыряхъ», или какъ Елена въ повѣсти «Гувернантка», гдѣ изображается аналогичное съ семьей Марченко обѣднѣніе отца, — или Ниночка въ «Тернистомъ пути», гдѣ молодая женщина, сдавленная мужемъ и свекровью, пробуетъ взяться за уроки музыки, а за неимѣніемъ ихъ не пренебрегаетъ и рукодѣльнымъ заказомъ въ родѣ дѣланія искусственныхъ цвѣтовъ,— эта особенность должна была дѣйствовать благотворнымъ образомъ и служить лучшимъ подготовительнымъ курсомъ къ тѣмъ проповѣдямъ о трудѣ и женской равноправности, которыя стали громко раздаваться съ конца 50-хъ годовъ.

Марченко въ этомъ случаѣ стояла на почвѣ жизни и практики. Этимъ объясняется и отсутствіе въ ея произведеніяхъ той узкой односторонности, которую неизбѣжно вносили въ жизнь строгіе послѣдователи теоріи эмансипаціи. Героини Марченко, какъ и она сама, принимаясь за серьезный трудъ ради заработка, не отворачивались ни отъ радости жизни, ни отъ жизненныхъ утѣхъ. Онѣ не считали неприличнымъ для себя скользить въ свободныя минуты по гладкому паркету въ освѣщенныхъ залахъ, упиваться галопомъ или кататься на маслянницѣ съ горъ на Васильевскомъ островѣ...

V.

Та же насущная необходимость, тотъ же недостатокъ матеріальныхъ средствъ, который заставилъ Зенеиду Р—ву печатать свои произведенія, былъ побудительнымъ стимуломъ и для Марченко, чтобы выступить на литературное поприще. Мы помнимъ, какъ еще въ Малороссіи она писала повѣсти и, не показывая никому, прятала завѣтныя тетрадки подальше отъ посторонняго взгляда. Теперь съ переѣздомъ въ Одессу, очутившись со всей семьей среди бѣдности, она рѣшаетъ пустить въ оборотный капиталъ имѣющіяся на готовѣ произведенія. Тщательно перечитывая и исправляя еще и еще разъ свою первую пощаженную отъ истребленія повѣсть «Гувернантку», она рѣшаетъ предложить ее и «Три варіаціи на одну тему» —одному изъ извѣстныхъ тогда въ Одессѣ книгопродавцевъ—Карлу Осиповичу Тотти. Какъ новичекъ, она такъ боязно относится къ возможности выступить передъ публикой, что даже не рѣшается на первый разъ что нибудь просить за свой трудъ, а также и выставить свою фамилію. Почемъ знать, какъ встрѣчены будутъ ея произведенія? А если ихъ ждетъ позоръ?... Тогда пусть ужъ онъ хоть не ложится еще но-

Библиотека "Руниверс"

вою тяжестью на больнаго, разбитаго горемъ отца. И Ан. Як. выставляетъ подъ первыми повѣстями среднія буквы своего имени и фамиліи--*Т. Ч.*,—съ которыми долго появляется въ литературѣ во всѣхъ толстыхъ журналахъ.

Тотти не воспользовался неопытностью автора,—онъ дѣлилъ съ ней пополамъ полученную выручку за вышедшую книжку подъ общимъ названіемъ «*Путевыя замѣтки*».

Итакъ--это была первая печатная вещь А. Марченко, вышедшая въ свѣтъ въ Одессѣ въ 1847 году.

Книжка хоть и носила названіе «*Путевыхъ замѣтокъ*», но то было путешествіе по жизненному пути, а не по проселочнымъ или другимъ дорогамъ, съ тоскливыми остановками на грязныхъ станціяхъ. «Тысячи людей путешествуютъ—говоритъ авторъ въ предисловіи: тысячи людей закидываютъ насъ описаніемъ городовъ и мѣстъ, обычаевъ и нравовъ, горъ и восхитительныхъ съ нихъ видовъ; заставляютъ насъ слѣдовать за собой на воды, разсказываютъ ходъ своихъ болѣзней и встрѣчу съ своими знакомыми, томятъ насъ жалобами на трактирщиковъ,—и мы все это читаемъ, и многіе изъ насъ, читая, восхищаются. Какъ будто всѣ мы не тѣ же туристы! Широко стелется передъ каждымъ изъ насъ путь жизни, и на пути этомъ встрѣчаемъ мы не города, не полуразвалившіяся зданія—твореніе рукъ человѣческихъ—встрѣчаемъ другихъ людей, ближнихъ своихъ. Неужели не на чемъ остановиться наблюдательному взору? или человѣкъ не стоитъ нашихъ наблюденій? Или сердце его такъ безцвѣтно, или душа такъ ничтожна, что ничего не прочтешь въ нихъ? Всѣ мы неблагосклонно судимъ родъ людской, забывая, что мы составляемъ незамѣтную частицу «ничтожнаго» цѣлаго. Каждый изъ насъ рѣзко судитъ о людяхъ, забывая, что онъ тотъ же человѣкъ; каждый, втаптывая всѣхъ другихъ въ грязь, считаетъ себя неприкосновеннымъ, чистымъ и тѣшится мыслью и радуется, бросая подобную пищу своему самолюбію.

Подобно всѣмъ вамъ, я путешествую; подобно всѣмъ, встрѣчаю людей»... «Человѣкъ — вѣчный калейдоскопъ. Хорошъ ли, дуренъ ли—онъ всегда разнообразенъ. Внутреннимъ ли міромъ дается ему это разнообразіе, обстоятельствами ли жизни покупается оно,—все равно. Добро или зло въ людяхъ одинаково, но проявленіе этихъ двухъ началъ въ каждомъ человѣкѣ разное. Тѣ, кого я встрѣчала или встрѣчаю, составляли для меня живой предметъ любопытства. Я

Библиотека "Руниверс"

стала писать свои путевыя замѣтки и вздумала печатать ихъ. Да не вмѣнится мнѣ въ грѣхъ эта общая слабость всѣхъ туристовъ» [1]).

Кто могъ угадать въ этомъ высоко-гуманномъ и философски настроенномъ авторѣ семнадцати-лѣтнюю дѣвушку? Но авторъ не замаскировывалъ своего платья—онъ какъ въ самыхъ повѣстяхъ, такъ и въ предисловіи выдаетъ себя женщиной.

До 1840-хъ годовъ вся литература наша сосредоточивалась въ столицахъ. Провинція — можно сказать — совсѣмъ не имѣла своей прессы, если не считать двухъ-трехъ журналовъ въ Харьковѣ, Тобольскѣ и около 30 сочиненій оригинальныхъ и переводныхъ, вышедшихъ внѣ столицы [2]). Писатель, живущій въ провинціи, если хотѣлъ видѣть свое произведеніе въ печати, долженъ былъ для этого тащиться въ Петербургъ или въ Москву на долгихъ по ухабамъ, рытвинамъ и буеракамъ, какіе представляли изъ себя въ то время наши дороги. Внѣ столицъ почти не было типографій. И только съ 40-хъ годовъ начинаетъ развиваться провинціальная пресса,—особенно много въ это десятилѣтіе вышло книгъ въ Одессѣ, которая въ то время была едва ли не самымъ изящнымъ, самая блестящимъ изо всѣхъ провинціальныхъ городовъ,—да къ тому же тамъ было и много литературныхъ преданій.

«*Путевыя замѣтки*» — какъ провинціальное изданіе — возбуждаетъ къ себѣ интересъ столичной прессы: Библіотека для Чтенія, Современникъ, Отечественныя Записки, Финскій Вѣстникъ, Сынъ Отечества, Сѣверная Пчела, Санктъ-Петербургскія Вѣдомости, Сѣверное Обозрѣніе — всѣ разомъ заговорили о «*Путевыхъ Замѣткахъ*» [3]). Одни только хвалили, другіе, какъ Отечественныя Записки и Современникъ, были умѣреннѣе, они рядомъ съ похвалой не забывали указать и на недостатки,—уберечь отъ нихъ автора на будущее время, такъ какъ они видѣли въ немъ несомнѣнный талантъ и желали ему процвѣтанія [4]).

---

[1]) Стр. 5—6.

[2]) Сѣверн. Обозр. 1849, августъ, 545 стр.

[3]) Отч. Зап. 1847 г. № 8; Совр. 1847. № VII; Финскій Вѣст. 1847. № 8; Сынъ От. 1847 № 4; Сѣвер. Пчела 1847. № 281 и т. д.

[4]) Приведу нѣсколько выдержекъ. „Г-жа Т. Ч. заслуживаетъ полной похвалы. Языкъ ея чистъ и разсказъ привлекателенъ... Книга г-жи Т. Ч. есть одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій въ нашей литературѣ. Не гонялась за рѣшеніемъ современныхъ вопросовъ, она только рѣшаетъ вопросы близкіе женскому сердцу". (Фин. Вѣст. 1847. № 8. стр. 49).

Библиотека "Руниверс"

Трудно было дать о книжкѣ плохой отзывъ. Обѣ повѣсти были мило, просто, правдиво написаны,—это были какъ бы картинки съ натуры, растушеванныя талантливой рукой. Въ первой изъ нихъ «*Три варіаціи на одну тему*» разсказывается, какъ молодая дѣвушка влюбилась въ мальчика Лёлю. Но, не встрѣчая отвѣта въ его чувствѣ, вышла замужъ. Но и замужемъ все помнила и думала о Лёлѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ она встрѣтилась съ нимъ у своей знакомой, только теперь онъ былъ ужъ не Лёля, а m-eur Alexis. Теперь онъ полюбилъ ее,—онъ сдѣлалъ ей нѣчто въ родѣ признанія. Она стала требовать, чтобы онъ уѣхалъ.—Но уѣзжаетъ она, а не онъ. Ея мужъ заболѣлъ, она везетъ его заграницу. Изъ письма пріятельницы узнаетъ, какъ ее страстно, восторженно любитъ Alexis.—Мужъ вскорѣ умираетъ. Она остается 35 лѣтней вдовой. Несмотря на года, она еще очень привлекательна,—выѣзжаетъ на балы. И разъ на балу у губернатора встрѣчается съ Алексисомъ,—только теперь онъ не Алексисъ, а Алексѣй Петровичъ. Онъ былъ уже женатъ, искалъ связей, былъ тщеславенъ, а на нее взглянулъ, какъ на «допотопную» знакомую.

Повѣсть написана просто, живо, читается съ интересомъ, только одно непріятно: авторъ прибѣгаетъ къ избитому способу знакомить съ героиней посредствомъ ея записокъ. Критика указывала автору на этотъ избитый пріемъ. Но замѣчанія критики не предостерегли А. Марченко отъ ошибокъ въ томъ же родѣ. Черезъ 10 лѣтъ въ повѣсти «*Саламандра*» [1]) всю судьбу, всю жизнь героини мы узнаемъ опять изъ записокъ; тотъ же пріемъ встрѣчаемъ и въ романѣ «*Разлучники*» [2]).

Уже въ «*Трехъ варіаціяхъ*» попадаются длинныя отступленія на тему о любви, объ ея живительномъ, благотворномъ вліяніи на человѣка,—какую полноту жизни даетъ любовь и т. д.

„Въ разсказѣ ея есть теплота, женственность, замѣтны наблюдательность, способность задумывать характеры, склонность входить въ закоулки души въ психологическій анализъ“... „Недосозданность повѣсти скрывается въ случайности столкновенія такихъ, а не другихъ событій жизни; случайность же никогда не возвысится до единства. Милліонъ лицъ, набросанныхъ на полотно безъ необходимой между ними связи, не составитъ группы. Эта то необходимость и составляетъ одну изъ тайнъ искусства, если художественное произведеніе понимать, какъ нѣчто цѣлое, органически развившееся изъ одной идеи“. (Совр. 1847. № 7. Стр. 105).

[1]) От. Зап. 1859.

[2]) Романъ въ 3 частяхъ. Спб. 1869.

Библиотека "Руниверс"

Такія большія лирическія отступленія составляютъ какъ бы неотъемлемую принадлежность женщинъ писательницъ. И Зенеида Р-ва, и Ростопчина, и Жоржъ-Зандъ безпрестанно прибѣгаютъ въ своихъ повѣстяхъ и романахъ къ этой манерѣ лирическихъ изліяній. Лирическія отступленія—это ихъ собственные вздохи, это—ихъ душевный отдыхъ, отливъ ихъ собственныхъ переполняющихъ душу чувствъ. Здѣсь онѣ выливаютъ свои жалобы, недовольство, высказываютъ свои радости—и это даетъ имъ силу на борьбу съ жизнью.

Такими отступленіями переполнена и повѣсть «*Гувернантка*», гдѣ красивая Елена, дочь нѣкогда богатыхъ родителей, принуждена силою обстоятельствъ или выдти замужъ за какого нибудь человѣка со средствами, или идти въ гувернантки. «Но выдти замужъ безъ любви за человѣка, который ждетъ любви, который увѣренъ въ ней; бояться убить въ немъ эту увѣренность, бояться оскорбить его равнодушіемъ, и потому отягчить себя вѣчнымъ притворствомъ и вѣчно бороться съ своими чувствами и вѣчно видѣть ту же безотрадность, хотя другаго рода—это было выше силъ Елены. А между тѣмъ остаться въ домѣ родительскомъ она не хотѣла. Что за цѣль, что за будущность! Она уже теперь была безполезной вещью, а въ 20 лѣтъ стала бы тягостью для своего отца. Какъ тяжела, какъ горька эта жизнь, проведенная безъ пользы, въ ничтожествѣ, когда такъ много силъ, и умъ, и душа развиты вполнѣ, кипятъ жизнью, а назначеніе—хоронить ихъ заживо» [1])...

И Елена не хочетъ, она не въ силахъ идти общей колеей притворнаго замужества ради того только, чтобы пристроиться, найти свой стулъ въ обществѣ,—она идетъ въ гувернантки.

Это были смѣлыя мысли, отважные поступки,—ихъ рядомъ съ литературными достоинствами повѣстей нельзя было не замѣтить, не оцѣнить. «*Путевыя замѣтки*» *Т. Ч.* отмѣтилъ даже и Бѣлинскій въ статьѣ: «Взглядъ на русскую литературу 1847 года» [2]). Онъ называетъ книжку А. Марченко единственною замѣчательною вещью по части словесности, вышедшей въ этотъ годъ: «Эта маленькая, красиво напечатанная книжка, вышедшая въ Одессѣ; авторъ—женщина; это видно по всему, особенно по взгляду на предметы. Много сердечной теплоты, много чувства; жизнь—невсегда понятая, или понятая уже

---

[1]) Стр. 65.

[2]) Соч. Бѣлинскаго. Т. II. Стр. 425.

Библиотека "Руниверс"

слишкомъ по женски, но никогда не набѣленная, не нарумяненная, увлекательный разсказъ, прекрасный языкъ: вотъ достоинства двухъ разсказовъ г-жи Т. Ч.»

VI.

Такіе отзывы давали, конечно, много бодрости и окрыляли на дальнѣйшій писательскій трудъ. И А. Марченко выступаетъ въ слѣдующій же годъ сотрудницей Сѣвернаго Обозрѣнія [1]) и Современника [2]),—затѣмъ встрѣчаемъ ее въ Отечественныхъ Запискахъ [3]), гдѣ дѣлается постоянной сотрудницей, печатая не только повѣсти, стихотворенія, но и большіе романы. Изрѣдка ея имя появляется и въ Русскомъ Вѣстникѣ [4]), гдѣ авторъ одновременно подписался и буквами Т. Ч. и фамиліей А. Марченко, отождествивъ такимъ образомъ инициалы Т. Ч. съ своей фамиліей, что нѣкоторые относили къ двумъ различнымъ лицамъ. Въ Библіотеку же для Чтенія она попала уже послѣ той хвалебной рѣчи, какою встрѣтилъ рецензентъ этого журнала второй выпускъ *«Путевыхъ замѣтокъ»* [5]), изданныхъ въ 1849 году въ Одессѣ тѣмъ же книгопродавцемъ Тотти [6]). Въ этотъ выпускъ вошли три повѣсти: *«Танцевальный учитель»*, *«Четверть жизни человѣческой»* и *«Поздно»*, помѣщенная раньше въ Современникѣ.

Этотъ томикъ *«Путевыхъ замѣтокъ»* опять былъ встрѣченъ хоромъ похвалъ со стороны тѣхъ же журналовъ,—только Библіотека для Чтенія на этотъ разъ превзошла всѣхъ изысканностью своихъ похвалъ [7]).

---

[1]) 1848 года, № 4, повѣсть „Поздно“.

[2]) 1849 г., № 4, повѣсть „Тернистый путь“, посвященная А. А. Скальковскому.

[3]) 1850 г. № 5. Повѣсть „Тѣни прошлаго“.

1853 г. сент. Два стихотворенія.

1855 г. №№ 1—2—3. Романъ въ 3 частяхъ „Дина“.

1855 г. іюнь,—повѣсть „Вокругъ да около“,—гдѣ въ первый разъ Т. Ч. замѣнены фамиліей.

1856 г. № 8, повѣсть „Горы“.

1858 г. (или 1859), повѣсть „Саламандра“.

[4]) 1858 г. Т. XI, №№ 17, 18—современная повѣсть „На походѣ“.

[5]) Второе изданіе „Путевыхъ замѣтокъ“ вышло въ Петербургѣ въ 1853 г.

[6]) 1853. 121—122: „Умная женщина“.

[7]) Не могу не сдѣлать хоть маленькой выписки: „такъ они (разсказы) милы, такъ тонки, прозрачны, неуловимы: это кружево, плетенное изъ лунныхъ лучей, которое развертывается безконечнымъ серебристымъ узоромъ въ пріятной темнотѣ

Библиотека "Руниверс"

Въ небольшой промежутокъ, лѣтъ въ 12, Анастасія Яковлевна написала больше пятнадцати повѣстей и романовъ. Изъ повѣстей назову, какъ лучшія: «*Первый шагъ*» или вѣрнѣй «*Тернистый путь*», куда «*Первый шагъ*» входитъ какъ начало повѣсти, «*Вокругъ да около*», «*Горы*», «*Саламандра*»... Всѣ онѣ съ удовольствіемъ могутъ быть прочтены и въ наше время. Остальныя же не представляютъ ни новыхъ типовъ, ни положеній,—это осколки только что названныхъ произведеній, откуда выглядываютъ все тѣ же герои, только не въ видѣ полныхъ характеровъ, а какъ силуэты или же просто черновые наброски. То же можно сказать и о романахъ, выдѣливъ изъ нихъ романъ «*Мыльные пузыри*», какъ кульминаціонную точку литературнаго и художественнаго развитія писательницы. Напр., первая часть романа «*Разлучники*» есть та же повѣсть «*Саламандра*», только въ значительно худшей редакціи: одно и то же положеніе семейныхъ дѣлъ заставляетъ героиню искать заработка и уйти изъ дому съ любимымъ человѣкомъ.

Главный мотивъ всѣхъ повѣстей писательницы—любовь, по преимуществу любовь женская во всѣхъ ея положеніяхъ, изгибахъ и проявленіяхъ. Мужчина выводится только, какъ необходимая принадлежность этой любви,—но какъ самостоятельное лицо, могущее интересовать собою читателя, какъ главное лицо, на себѣ сосредоточивающее интересъ, онъ выводится только въ одной повѣсти «*Тѣни прошлаго*». Едва ли это не самая слабая вещь изъ всѣхъ произведеній Марченко. Герой, какъ и вообще вся повѣсть, носитъ на себѣ сильное подражаніе Пушкину. Герой «*Тѣней прошлаго*» напоминаетъ въ каррикатурѣ Онѣгина: онъ играетъ роль, представляется разочарованнымъ, но играетъ такъ неискусно, что не можетъ замаскировать своей игры; это просто глупый и пустой человѣкъ.

Къ тому же этотъ характеръ, какъ и вообще всѣ мужскіе характеры, плохо удается автору. Впрочемъ, на этотъ недостатокъ, какъ общій всѣмъ писательницамъ, указывали давно и указывали справедливо. Справедливость такого замѣчанія не подрываетъ и Жоржъ Зандъ своими многочисленными произведеніями. Ея герои часто безжизненны, созданіе ихъ неполно, они повернуты къ читателю только той стороной, какой мужчина обращается къ женщинѣ. А его общественное положеніе, общественная физіономія почти совсѣмъ не

задумчивости и тоски. Это—воздухъ, въ которомъ по гладкой синевѣ текутъ облака"... Библ. д. Чт. 1849. Сент. 1—2 стр.

Библиотека "Руниверс"

интересуетъ писательницу.—Все это можетъ быть съ одинаковой справедливостью отнесено ко всѣмъ произведеніямъ А. Марченко. Какъ Ж. З., такъ и Марченко, задаваясь въ жизни и въ литературѣ одними мотивами, одними интересами—любовь во всѣхъ ея проявленіяхъ, не переходящихъ границу чистаго чувства,—онѣ и на мужчинъ смотрѣли только, какъ на предметъ женской страсти, на причину горя и радости женщины. Потому понятно, что у нихъ мужскіе образы выходили односторонни, блѣдны, дѣланны, въ нихъ сказывалась та предвзятая мысль, по которой лѣпился образъ мужчины.

И Ж. З., и Марченко, выступая адвокатами женскаго чувства—за его право свободно жить и развиваться, смѣло, открыто, также какъ общество допускаетъ жизнь любви для мужчины (въ ея лучшемъ смыслѣ),—незамѣтно для себя увлекаются и впадаютъ въ неизбѣжный недостатокъ каждаго адвоката: умалить противника и возвести на недосягаемый пьедесталъ своего кліента. Мужчина повѣстей Марченко всегда уступаетъ женскимъ характерамъ и превосходитъ женщину развѣ только со стороны внѣшности: герой въ повѣстяхъ Марченко почти всегда красивый и молодой, женщина чаще—некрасива и стара. Этотъ красавецъ—герой непремѣнно служитъ въ военной службѣ и занятъ, кромѣ жизненныхъ наслажденій, еще фронтомъ.

Кромѣ каррикатуръ на Онѣгина, Печорина, въ романахъ и повѣстяхъ Марченко мы встрѣчаемся и съ мечтателями въ родѣ Ленскаго, которые чахнутъ отъ самоотверженной, нераздѣленной любви,—каковъ Васильевъ въ романѣ «*Дина*». Всѣ они живутъ, ничего не дѣлая, или наслѣдіемъ отцовъ, или на счетъ благодѣтелей; цѣлые дни проводятъ въ куреніи сигаръ,—отъ скуки развлекаются любовью. Это народъ вялый не только въ моральномъ, но и въ физическомъ отношеніи, больной, разслабленный, живущій исключительно заботою о себѣ,—это неисправимые эгоисты, которымъ ничего не значитъ пошутить съ дѣвушкой въ любовь, а прошла охота—бросить надоѣвшую игрушку, не задумываясь. Таковъ герой повѣсти «*Тѣни прошлаго*». Если же между этими эгоистами выдаются люди, одаренные крѣпостью мышцъ, подвижностью, здоровьемъ, каковъ Борисъ въ повѣсти «*Горы*»,—изъ него выходитъ прекрасный глисёръ; онъ на скачкахъ беретъ первый призъ... Борисъ не задается никакими правилами жизни; съ нравственной сторочы онъ эгоистъ много худшей породы, чѣмъ герой «*Тѣней прошлаго*»,—тотъ былъ хоть искренекъ въ чув-

Библиотека "Руниверс"

ствѣ, а у этого чувствомъ драпируется или тщеславіе, или матеріальныя выгоды.

И только въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ (*Дина*, *Мыльные пузыри*) выводятся мужчины съ высшимъ образованіемъ. Таковъ Поль, братъ Дины; онъ кончилъ курсъ на медицинскомъ факультетѣ, вступилъ въ жизнь съ жаждой принести пользу человѣчеству; но что вышло изъ этого пылкаго юноши? Послѣ ряда печальныхъ, но неизбѣжныхъ смертныхъ исходовъ съ его паціентами, которыхъ онъ старался изо всѣхъ сихъ поставить на ноги, онъ увидалъ, что его наука безсильна: смерть уносила у него изъ-подъ рукъ все дорогое, что онъ любилъ, что готовъ былъ спасать цѣною собственной жизни, и онъ пересталъ серьезно смотрѣть на жизнь. Поль—это типъ, довольно часто встрѣчающійся, а еще больше встрѣчавшійся въ жизни среди людей, начинающихъ жить съ идеальными взглядами. Но въ изображеніи Марченко—это не типъ, не живое лицо, даже не силуэтъ, какими выходятъ герои перваго типа,—это только идея.

Вотъ и весь мужской персоналъ повѣстей и романовъ Марченко, если не упоминать о танцевальномъ учителѣ, морякѣ Иванѣ Петровичѣ (въ повѣсти «*Вокругъ да около*»), напоминающемъ Лермонтовскаго Максима Максимовича,—и симпатичнѣйшаго учителя рисованія Евгенія Семеновича, о которомъ говорилось раньше. Любовь послѣдняго не старѣетъ, не слабѣетъ; онъ любитъ съ полнымъ самоотверженіемъ, глядитъ на обожаемую женщину только издали—и незримо для нея играетъ роль ея ангела хранителя. Это, кажется, лучшій мужской типъ повѣстей Марченко—гуманный, самоотверженный; но вѣдь онъ не герой,—это второстепенное, аксессуарное лицо, это—учитель, на котораго тѣ, кого онъ любитъ, не бросятъ вниманія.

VII.

Насколько однообразны и мало удачны въ смыслѣ художественнаго воспроизведенія мужскія лица въ произведеніяхъ Марченко,—за исключеніемъ «Мыльные пузыри»,—настолько удивляютъ разнообразіемъ, удачею, цѣльностью воспроизведенія женскіе типы, въ особенности тѣ, которые приглашены играть второстепенную роль. Онѣ выходятъ, пожалуй, удачнѣе главныхъ героинь.

Всѣ второстепенныя женскія фигуры служатъ яркимъ доказательствомъ способности автора наблюдать, подмѣчать самыя разно-

Библиотека "Руниверс"

образныя способности души, характера, а главное—живо воспроизводить цѣльный женскій образъ послѣ одной—двухъ мимолетныхъ встрѣчъ. Какъ хороша, напримѣръ, въ своей невинности и беззащитности молоденькая съ бѣлыми волосами нѣмочка Эмма въ «*Тѣняхъ прошлаго*», съ которой развлекается герой Березовъ, отъ скуки бросающій на нее молніеносные взгляды, и которая въ него, безъ сомнѣнія, влюбилась. Или въ романѣ «*Дипа*» какъ прекрасно удался типъ Варенькн—этой легкомысленной дѣвочки, которая сама не знаетъ, кого любитъ—романтика ли Васильева, или легкомысленнаго, пустаго князя Радуцкаго. И ее не трудно склонить выдти за любаго изъ нихъ. Подумать о нравственныхъ достоинствахъ жениха ей и въ голову не приходитъ, да и молода еще она для этого. Впрочемъ, и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ она думаетъ весьма мало.

Скоро она сдѣлалась женой богатаго князя Радуцкаго,—также скоро мужъ разлюбилъ ее и сошелся съ другой. Варенька недолго грустила: у нея была масса поклонниковъ, но она отдала предпочтеніе красивому, молодому Максу де Вильеръ, который считалъ десятками свои побѣды надъ женщинами. Онъ завладѣлъ ею деспотически, требовалъ, повелѣвалъ,—и въ этомъ рабскомъ поклоненіи она находила свое счастье.

Въ повѣсти «*Горы*», гдѣ не безъ улыбки описывается великосвѣтское петербургское общество, его пустота, безсодержательность, пустая болтовня, сплетни, свѣтскій тактъ,—выводится много женскихъ лицъ: и княгиня бабушка, напоминающая извѣстный Грибоѣдовскій типъ, и безличныя, ради мебели присутствующія въ гостинной дамы, «которыя способны вышивать только англійскимъ швомъ», и Зина, вышедшая замужъ за нелюбимаго человѣка и потомъ отдававшаяся легко всякому летучему чувству...

Всего же больше и разнообразнѣе женскихъ типовъ встрѣчается въ романѣ «*Мыльные пузыри*»; тутъ между прочимъ мелькаютъ типы провинціальнаго общества, напоминающіе гоголевскихъ дамъ—просто пріятную и пріятную во всѣхъ отношеніяхъ, которыя снуютъ изъ одного дома въ другой и, какъ кружево, плетутъ сплетни. Особенно женскими типами изобилуетъ 2-я часть романа, гдѣ разсказывается о прошломъ героя Салынина. Здѣсь выводятся тѣ женщины, съ которыми онъ встрѣчался. И какъ онѣ прекрасно удаются автору! Какъ рельефно и мѣтко очерчиваетъ онъ эту женщину—кошечку Фанни!—«Она была миніатюрна и слаба; малютка по росту, ребенокъ по силѣ, съ бѣлой и блѣдной кожей, съ сверкающими сѣрыми

Библиотека "Руниверс"

глазами, съ улыбкой, пробѣгающей быстрѣе молніи по полненькимъ губамъ, съ граціозными, вкрадчивыми и коварными движеніями красивой кошки» [1]).

Эта женщина кокетничала своею слабостью, завлекала мужчинъ, чтобы поиграть, какъ кошка съ мышкой. «И все это дѣлалось съ такимъ простодушіемъ, во всѣхъ этихъ выходкахъ былъ видѣнъ прелестный избалованный ребенокъ, игрушка блестящая, дорогая и ломкая, которою любуешься и за которую вѣчно боишься» [2]). Мужчину привлекаетъ она «своей женственностью, слабостью, что она вѣчно какъ будто ищетъ опоры, покровительства, защиты, что женщина именно мила свей беззащитностью и отсутствіемъ геройства».

Въ этомъ романѣ даже на обрисовкѣ этихъ второстепенныхъ фигуръ бросается въ глаза значительный ростъ автора. Это уже не силуэты,—это ясно очерченные, опредѣленные типы. Напримѣръ, эта лицемѣрка, разыгрывающая роль женщины долга,—роль молчаливой страдалицы баронесса Ш., которая на самомъ дѣлѣ давитъ въ домѣ всѣхъ своимъ деспотизмомъ, или еще эта чудная наѣздница цирка Гастана Альфино, представленіе которой описано такъ мастерски.

«Гастана, все еще стоя на своей лошади, протянула ногу на ругую; вторую пару пристѣпили къ легкимъ шлеямъ впереди и подали бенефиціанткѣ длинныя возжи, музыка заиграла. Плясали и пѣнились кони. Гастана улыбалась и смотрѣла на публику, стоя спокойно на двухъ лошадяхъ, сдерживая пылъ всей четверни. Она проѣхала четвертую долю арены шагомъ, вторую четверть—рысью, третью—галопомъ, въ бѣшеный карьеръ всей четверни унеслась при крикахъ и неистовыхъ рукоплесканіяхъ зрителей. Толпа вздохнула свободнѣй: во все время этой страшной игрушки не было груди, въ которой бы не сперлось дыханіе, не замерло сердце, не было глазъ, которые покинули бы хоть на минуту это слабое, ничтожное созданіе въ отважной борьбѣ съ четырьмя сильными и разъяренными конями. И когда растянулось каждое изъ гордыхъ животныхъ, когда бѣшено рванулись они и въ неистовый карьеръ понеслись, и взоръ едва могъ замѣтить красную греческую шапочку и тонкую руку, натянувшую длинныя возжи—всѣ невольно крикнули, и всѣ головы, унизывающія циркъ, подались впередъ съ выраженіемъ трепетнаго ожиданія» [3]).

---

[1]) 86—87 стр.

[2]) 90 стр.

[3]) 125 стр.

Библиотека "Руниверс"

Умѣнье живо, хорошо описать разговоръ, нарисовать сцену или нѣмую картину—все это было замѣтно у Марченко еще въ первыхъ, даже самыхъ раннихъ повѣстяхъ; но мастерскаго выполненія не только сценъ и картинъ, но изображенія тонкаго психологическаго анализа она достигла въ концѣ 50-хъ годовъ, въ своемъ романѣ *«Мыльные пузыри»*.

VIII.

За то главныя героини повѣстей А. Марченко—или вѣрнѣй—героиня, такъ какъ онѣ почти всѣ составляютъ развитіе одного и того же не только типа, а даже лица—эта героиня головою выше всѣхъ остальныхъ фигурирующихъ въ произведеніяхъ женщинъ и мужчинъ.

Начиная съ самой ранней, еще почти дѣтской повѣсти—*«Гувернантка»*, кончая *«Мыльными пузырями»* и повѣстью *«Саламандра»*, героиней выступаетъ женщина сознательная, думающая,—какъ скоро она выходитъ изъ періода дѣтства. Но и въ дѣтскомъ возрастѣ, какъ Ниночка въ *«Тернистомъ пути»*, она стоитъ передъ нами чистая, невинная, мягкая, любящая, но какъ ребенокъ еще легкомысленная, съ дѣтской радостью относящаяся къ первому свѣтскому выѣзду—балу, отъ котораго быстро заноситъ ногу на «тернистый путь»—на дорогу замужней жизни, гдѣ ее встрѣчаютъ шипы и тернія. Какъ ребенокъ, она легкомысленно, по дѣтски глядитъ на бракъ; но когда жизнь не щадитъ этого милаго, невиннаго ребенка, она выростаетъ въ женщину, не утрачивая своей способности любить горячо, крѣпко съ чувствомъ всепрощенія.

Въ слѣдующихъ повѣстяхъ главная героиня далеко не въ такомъ раннемъ возрастѣ, какъ Ниночка, выходитъ замужъ: она знакомится съ жизнью и людьми еще до брака. Она, какъ въ романѣ *«Мыльные пузыри»*, успѣваетъ еще до замужества пожить трудовою жизнью. Юлія Михайловна, рано лишившаяся родителей, остается по окончаніи курса въ томъ же пансіонѣ учительницей музыки. Жизнь въ стѣнахъ пансіона, ограждавшая отъ жизненныхъ бурь, разумѣется не тронула ни ея идеальныхъ взглядовъ, ни нарушила ея вѣры въ людей. Такъ что и тутъ, хотя и въ болѣе позднемъ возрастѣ, но въ смыслѣ знанія жизни она выходитъ замужъ такимъ же ребенкомъ, какъ и Ниночка въ *«Тернистомъ пути»*. На этотъ разъ надежды не обманули Юлію Михайловну. Улимовъ—ея мужъ—не чаялъ въ ней души,—за то ее

Библиотека "Руниверс"

постигло едва ли не большее несчастіе, чѣмъ Нипочку: любимый ею мужъ на ея глазахъ постепенно и безвозвратно сходитъ съ ума. Какъ прекрасно здѣсь выдержаны всѣ переходы этого злаго недуга отъ самаго незамѣтнаго зарожденія до гигантскаго роста, когда человѣкъ совершенно отдѣляется отъ міра дѣйствительной жизни и уносится окончательно въ созданный болѣзненной фантазіей мірокъ. Прекрасно выдержанъ самообманъ и страхъ больнаго за дорогое существо—за жену, на которую, по его мнѣнію, обратилась наслѣдственность, тяготѣющая надъ родомъ Улимовыхъ. Мысль о наслѣдственности, о больной матери не давала покою Улимову, когда онъ былъ еще маленькимъ. Новое направленіе этой мысли далъ товарищъ Пленчаниновъ въ лѣта юности: онъ сказалъ, что наслѣдственность можетъ перейти на ту женщину, съ которой Улимовъ соединитъ свою жизнь. И эта мысль болѣзненно засѣла въ душу молодаго человѣка. Но тутъ встрѣча съ Юліей Михайловной, любовь, женитьба... какъ бы разсѣяли мрачныя думы. Онъ забылся и былъ счастливъ. Но не надолго. Мысль, та же мысль о переходѣ наслѣдственнаго недуга на горячо любимую жену не давала ему покоя.

Замѣчая его грусть, жена невольно и сама становилась грустна. Это еще болѣе усиливало подозрѣніе мужа на счетъ того, что жена уже захворала ужаснымъ недугомъ. Онъ всѣми силами старается, чтобы другіе этого не замѣтили. Когда замѣчалъ тревожные взгляды жены, устремленные на него самого, онъ приходилъ въ неописанную тревогу: онъ видѣлъ въ этихъ заботахъ наивѣрнѣйшее подтвержденіе своихъ догадокъ, т. е. что женою овладѣваетъ idée fixe—что не она, а мужъ боленъ... И вотъ это то состояніе его съ каждымъ днемъ по пріѣздѣ съ женой за границу становится все тревожнѣе. И наконецъ разростается яснымъ, открытымъ приступомъ сумасшествія,—то было въ театрѣ во время представленія пьесы, въ которой была выведена сумасшедшая жена, не признающая себя больной. Въ пьесѣ много было аналогичнаго съ положеніемъ Улимовыхъ, и Улимовъ, смотря на сцену, пришелъ въ страшное возбужденіе.

Жена, глядя на него, плакала. Мужъ приписалъ ея слезы не сожалѣнію, которымъ она была охвачена, а какъ бы признанію въ героинѣ пьесы собственной своей болѣзни...—Вотъ это qui pro quo до того хорошо выдержано, съ такимъ тактомъ, умѣньемъ, такъ тонко анализировано душевное состояніе больнаго, подозрѣвающаго свою болѣзнь въ другомъ, что положительно эта часть романа могла бы сдѣлать честь перу любаго высокоталантливаго автора съ наклонностью

Библиотека "Руниверс"

заглядывать въ душу больныхъ героевъ.—Здѣсь особенно хорошо удается автору дневникъ больнаго, который ведется на протяженіи долгаго времени. Вы видите, какъ болѣзненный зародышъ болѣзненной мысли постепенно ростетъ у васъ на глазахъ и, какъ червь, подтачиваетъ душу, подтачиваетъ все, что въ ней есть здороваго, для котораго уже не остается мѣста. Вотъ что мы читаемъ въ концѣ дневника: «Я знаю, почему чижъ пересталъ пѣть сегодня въ клѣткѣ подъ окномъ нашей привратницы, и почему листья посыпались съ деревьевъ Тюльерійскаго сада. Но это моя тайна, я ее никому не скажу. А продавецъ старыхъ платьевъ, что всегда въ 8 часовъ кричитъ у насъ подъ окномъ, будетъ ангажированъ на слѣдующій сезонъ первымъ теноромъ въ здѣшнюю оперу—это достовѣрно. Журналы еще не говорятъ, боятся прокричать преждевременно, но онъ былъ ученикомъ великаго Дюпре—и вотъ какъ судьба играетъ талантами, людьми съ способностями. Завтрашній день я сойду и буду ждать его появленія, я скажу ему, что знаю его тайну, и посовѣтую непремѣнно принять предложеніе оперной дирекціи. Зачѣмъ ему скрываться передо мной? Я не принадлежу ни къ одной партіи» [1]).

Также удачно изображено и дальнѣйшее развитіе болѣзни, и лѣчебница въ Парижѣ, и больные ея обитатели,—прекрасно изображено, какъ постепенно умираетъ заживо человѣкъ для всѣхъ близкихъ и всего окружающаго.

Но Юлія Михайловна, какъ женщина, привязанность которой неизмѣнна, остается вѣрна своей любви и къ больному мужу. Она слѣдитъ за нимъ, мучается развитіемъ его болѣзни и не покидаетъ его до тѣхъ поръ, пока доктора и свекоръ не заставляютъ помѣстить больнаго въ лѣчебницу душевно-больныхъ въ Парижѣ.

Но, кажется, только Юлія Михайловна и героиня *«Тернистаго пути»* выходятъ замужъ на первыхъ страницахъ разсказа; въ другихъ же, за исключеніемъ *«Дины»* и *«Саламандры»*, гдѣ читатель на послѣдней страницѣ узнаетъ, что героиня вотъ вотъ сейчасъ выйдетъ замужъ—черезъ день, черезъ два, какъ съ ней разстанется читатель,—героини мелькаютъ передъ нами въ моменты тѣхъ тяжелыхъ испытаній, какія имъ посылаетъ свободная любовь: онѣ влюбляются, имъ отвѣчаютъ тѣмъ же,—но ихъ скоро бросаютъ. Чувство въ мужскомъ сердцѣ тухнетъ раньше,—чуть не при самомъ зарожденіи; женщина же долго переживаетъ этотъ ударъ—будетъ ли онъ первымъ, какъ въ

[1]) 190 стр.

Библиотека "Руниверс"

повѣсти «*Вокругъ да около*» и въ «*Саламандрѣ*», или вторымъ и третьимъ, какъ въ «*Горахъ*», «*На походѣ*», въ 2-ой и 3-ей части «*Мыльныхъ пузырей*», въ которыхъ каждый разъ любовь кончается разлукой. Эту способность женщины любить глубоко, долго, постоянно авторъ не только отмѣчаетъ, но подчеркиваетъ, выставляетъ на видъ, какъ бы въ укоръ чувству мужчины, который любитъ слабо, поверхностно и чаще, по мнѣнію автора, совсѣмъ не любитъ, а только тѣшится, наслаждается любовью, развлекается ею отъ скуки.

Въ этомъ, а также и въ невысокой нравственности мужчины авторъ усматриваетъ причину его непостоянства. Мы видѣли, мужчина у нея постоянно эгоистъ, занятъ только собой, жалѣетъ только себя. Любитъ онъ или отъ скуки, или подстрекаемый гордостью, недоступностью героини,—и въ послѣднемъ случаѣ онъ направляетъ всю свою энергію къ тому, чтобы вызвать любовь, достигнуть взаимности; а какъ только цѣль достигнута, самолюбіе удовлетворено, всѣ стимулы любить и высказывать любовь исчезли.—Таковъ мужчина въ произведеніяхъ Марченко. Понятно, чѣмъ выше, чѣмъ лучше, чѣмъ развитѣе женщина, встрѣтившая и полюбившая такого мужчину, тѣмъ больше она должна выстрадать и перенспытать горя. И почти всѣ героини Марченко очень страдаютъ. Онѣ любятъ, страдая, и, страдая, не перестаютъ любить.—Но какъ могутъ онѣ—такія умныя—любить такихъ пустыхъ, такихъ пошлыхъ, больше чѣмъ заурядныхъ, повѣсъ, волокитъ? А гдѣ же было взять лучшихъ героевъ? вѣдь, авторъ жилъ на окраинѣ.

Вспомнимъ, какъ плакалась другая писательница—Зенеида Р—ва, жившая въ екатеринославской губерніи среди общества офицеровъ, товарищей мужа, какъ плакалась, что не съ кѣмъ слова перемолвить, что вокругъ только цѣнители собакъ да породистой лошадиной масти. Взять неоткуда было иныхъ мужчинъ.—Положимъ, впрочемъ, что Марченко въ этомъ отношеніи была счастливѣе Зенеиды Р—вой: Марченко уже съ 17 лѣтъ жила въ Одессѣ, куда наѣзжали, гдѣ жили то тотъ, то другой изъ столичныхъ литераторовъ; въ Одессѣ былъ цѣлый интеллигентный кружокъ педагоговъ, ученыхъ, здѣсь была интеллигентная молодежь—студенты; наконецъ, въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ, Марченко переѣхала жить въ Петербургъ... Но Марченко не такъ была требовательна, какъ Зенеида Р—ва. У Марченко мы нигдѣ не встрѣчаемъ жалобы на неудовлетворенность средой или тѣмъ обществомъ мужчинъ, среди которыхъ приходилось жить и вращаться. Только всего разъ въ романѣ «*Разлучники*» она

Библиотека "Руниверс"

говоритъ, что не прочь бы была ввести въ свой домъ людей образованныхъ, болѣе подходящихъ къ ней по развитію, уму, чѣмъ общество офицеровъ, товарищей мужа, но она не хочетъ стѣснять мужа своими знакомыми.—За что же она и ея героини такъ любили? Просто потому, что любили; а любили потому, что это была ихъ сфера. Иначе отвѣта вы не найдете у писательницы. Ея героини оскорблялись, мучились, изнывали, видя, какъ чувство мужчины къ нимъ тухнетъ. Но онѣ никогда не упрекали, не мстили любимому человѣку, а продолжали и послѣ этого еще долго беззавѣтно любить и только самихъ себя считали во всемъ виноватыми.

IX.

Главная героиня Марченко нерѣдко живетъ для родныхъ, трудится для нихъ, даетъ уроки; всегда серьезно относится къ жизни и къ людямъ, не увлекается легкими побѣдами, свѣтскимъ успѣхомъ; это человѣкъ почти всегда съ сильнымъ характеромъ и почти всегда симпатичный. Она не легко и не вдругъ поддается чувству: она долго, упорно отталкиваетъ отъ себя надвигающееся счастье, не довѣряя ему,—скептицизмъ въ ней посѣянъ самой жизнью, окружающимъ. Она всегда воспитывается на волѣ и просторѣ, ея молодымъ силамъ и развитію нѣтъ преградъ,—потому она всегда выходитъ сильная, крѣпкая, самостоятельная, энергичная, гордая. Она держитъ себя независимо, не подчиняясь людскому мнѣнію, для нея всего важнѣе ея собственный судъ, ея собственное мнѣніе. Вотъ характерный разговоръ Маргариты Юрьевны въ повѣсти *«Вокругъ да около»* съ другомъ ея отца Иваномъ Петровичемъ, служащимъ въ морской службѣ:

— По моему мнѣнію, сказала Рита (Маргарита), принявъ самый серьезный тонъ: не слѣдуетъ дѣлать только то, что приноситъ вредъ другимъ или дѣлаетъ насъ самихъ дурными. Развѣ я сдѣлаюсь хуже оттого, что буду курить или сдѣлаю этимъ вредъ кому нибудь?

— Конечно, нѣтъ; но знаете ли, какъ непріятно видѣть, когда женщина куритъ, скачетъ на лошади или стрѣляетъ изъ пистолета?

— Кому непріятно? Вѣрно, вамъ только, Иванъ Петровичъ.

— Нѣтъ, всякому благоразумному; а я такъ просто терпѣть такихъ женщинъ не могу.

Рита встала.

— Такъ прошу васъ выбирать себѣ общество женщинъ, которыя плачутъ и падаютъ въ обморокъ отъ каждаго вздора, сказала она, разобиженная не на шутку. Я не курю и курить не стану, потому что это мнѣ не доставляетъ никакого удовольствія; но стрѣляю изъ пистолета очень недурно и мастерски ѣзжу. Если бы вы

Библиотека "Руниверс"

были кавалеристомъ, то вѣрно съ радостію бы предложили себя въ спутники на моихъ прогулкахъ, а такъ какъ вы сами на лошади похожи на ночную бабочку, то конечно—не рѣшитесь и найдете, что гораздо красивѣе для женщины править гичкой, нежели лошадью [1]).

Дальше такой свободы, какъ право ѣздить верхомъ, право любить безъ брака, любить безъ мысли о бракѣ,—дальше этого у Марченко свобода женщины не идетъ. Ея Рита по тому времени дѣлаетъ уже большой шагъ, рѣшаясь вступить съ Кермутовымъ, котораго видала только въ театрѣ, въ переписку,—свѣтъ за это, конечно, не преминулъ бы ее наказать или по крайней мѣрѣ осудить. А Рита, какъ видимъ, не придаетъ цѣны мнѣнію свѣта, она спрашивается собственнаго чувства, собственной совѣсти. Если собственное чувство за нее, она не побоится уйти изъ дому и жить съ любимымъ человѣкомъ безъ брака, если его женитьбѣ мѣшаютъ родные или даже просто съ его стороны боязнь испортить карьеру. Авторъ является защитницей такихъ женщинъ, грудью и собственной любовью защищаетъ ихъ отъ нападокъ свѣта, старается указать, какая громадная пропасть лежитъ между этой любящей беззавѣтно женщиной и содержанками, кокотками и т. д. Ея героиня Саламандра, пренебрегшая мнѣніемъ свѣта и ушедшая изъ дома аристократки-благодѣтельницы къ любимому человѣку, — спокойна душей и не краснѣетъ за свою любовь. «Меня никогда никто не могъ убѣдить, пишетъ она въ своемъ дневникѣ, что я должно краснѣть за свою любовь. Я постоянно чувствовала, что съ первой и до послѣдней минуты въ этой любви было полное, безграничное самоотверженіе»..... «Кого могла я бояться, чьего суда трепетать? Суда Божьяго, конечно, и суда своей совѣсти»... «Пусть судятъ меня равнодушные: я чувствовала, что это осужденіе не упадетъ на мою голову, а пролетитъ мимо».

Не слышится ли въ этихъ горячихъ адвокатскихъ рѣчахъ за право женщины любить того, кто любится,—не слышится ли проповѣди Жоржъ-Зандъ? Авторъ осторожно переносилъ эту проповѣдь въ русскую жизнь, не разливая ее въ тотъ безграничный потокъ, какимъ лилась она въ произведеніяхъ Жоржъ-Зандъ, а постепенно примѣняя и приспособляя ее къ русской жизни.—Такая горячая защита высокой, безкорыстной свободной любви, олицетвореніемъ которой является симпатичная фигура Саламандры, разумѣется, была новымъ

[1]) 407 стр.

Библиотека "Руниверс"

шагомъ въ нашей литературѣ такъ же, какъ и адвокатская рѣчь за право женщины любить много разъ въ жизни. «Неправильно думаютъ—говоритъ Марченко—что можно любить только разъ въ жизни: для женщины это такъ же невозможно, какъ и для мужчины, но ни въ томъ, ни въ другомъ не должно приписывать этой способности непостоянству вкуса или перемѣнчивости убѣжденій»...[1]). И во всѣхъ такихъ вопросахъ Марченко—подобно Жоржъ-Зандъ—становится защитницей женщины.—Но это ни въ какомъ случаѣ не даетъ права смѣшивать ее съ защитниками и поборниками женскихъ правъ, какіе выступили въ жизни и въ литературѣ въ 60-е годы.—Марченко сама отрекается отъ солидарности съ ними въ своемъ послѣднемъ романѣ «*Разлучники*», собственно въ предисловіи къ нему. «Вотъ эти господа,—говоритъ она—спорятъ тутъ за равноправность мужчины и женщины, а я кладу для насъ—женщинъ—рамки тѣснѣе и горизонтъ уже, я стою только за равноправность мужа и жены, отца и матери семейства»[2]). «Не въ ремеслахъ, не въ должностяхъ гражданскихъ должна только искать женщина своей равноправности: она богата способностями, никто не споритъ, но физической силой она бѣднѣе мужчины, а между тѣмъ физической силы у нея же больше и уходитъ на семейство: таковъ законъ природы; вотъ почему ея равноправность и гражданственность должны быть въ семействѣ и съ семейныхъ ея правъ начинаться»...[3]).

Но авторъ во всякомъ случаѣ не противникъ и дальнѣйшаго расширенія женскихъ правъ, но находитъ, что борьба за первыя нужна настоятельнѣе, неотложнѣе,—съ нихъ должна начаться эмансипація женщины, всецѣло зависящей отъ воли и прихоти мужчины. И самъ авторъ, какъ начинающій проповѣдь о равенствѣ, начинаетъ съ уравненія правъ женщины съ мужчиною на любовь и на одинаковую зависимость другъ отъ друга мужа и жены.

Съ этой стороны А. Я. Марченко по всей справедливости можетъ назваться насадительницей въ нашей литературѣ идей M-me Dudevant, которая несомнѣнно шла гораздо дальше нашей русской Жоржъ-Зандъ, боящейся и ужасающейся мысли о разводѣ.

Къ половинѣ 50-хъ годовъ слѣдуетъ, по всему вѣроятію, отнести переѣздъ Анастасіи Яковлевны въ Петербургъ и ея замужество за Кирьякова.

[1]) 68 стр.
[2]) Стр. 4.
[3]) Стр. 5.

Библиотека "Руниверс"

Съ выходомъ замужъ надолго прерывается ея литературная дѣятельность—и только послѣ ряда долгихъ, семейныхъ неудачъ она пробуетъ опять взяться за перо,—но не ради воспроизведенія тѣхъ или другихъ картинъ, созданія тѣхъ или другихъ образовъ, а ради—обличенія своихъ враговъ—родственниковъ мужа, которыхъ она выводитъ въ романѣ «Разлучники» подъ прозрачными псевдонимами [1]).

Въ литературномъ и художественномъ отношеніи романъ не заслуживаетъ ни вниманія, ни разбора; слишкомъ прозрачно въ немъ желаніе выставить себя прекраснымъ, высоколюбящимъ существомъ и какъ можно сильнѣй унизить родныхъ мужа и все провинціальное херсонское общество, среди котораго жила впослѣдствіи Анастасія Яковлевна Кирьякова. Здѣсь, въ херсонской губерніи, и умерла она въ октябрѣ или въ ноябрѣ 1880 года.

Читая краткій некрологъ о ней, невольно припоминаешь ея слова на счетъ единственной награды, которая ждетъ художника артиста, писателя за многострадальную, трудную жизнь: «Авторы и композиторы могутъ почувствовать пріятность своей литературной и музыкальной извѣстности хоть одинъ разъ— въ некрологѣ, если только они что либо могутъ чувствовать еще въ пору появленія ихъ некролога. Страницы некролога—это самая утѣшительная будущность для всякаго литератора, одареннаго и талантомъ, и душой; настоящее же его, какъ и слѣдуетъ быть всякому настоящему, уныло. Надо однако надѣяться, что оно пройдетъ мгновенно, а сущность все таки сулитъ некрологъ» [2]).

Молчаніе автора за нѣсколько лѣтъ передъ смертью было причиною, почему не оправдалась его единственная въ жизни награда за его литературную дѣятельность. Пусть же мой очеркъ будетъ тѣмъ некрологомъ на ея могилу, котораго она ждала, какъ должной награды.

Е. Некрасова.

---

[1]) „Новое Время“, 1880 г., № 1685, Некрологъ.

[2]) От. З. 1856. № 8: „Горы“, стр. 134.

Библиотека "Руниверс"

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Столѣтіе кіевской первой гимназіи, какъ учебнаго заведенія [1]).

1789—1889.

13-го октября кіевская I гимназія ежегодно совершаетъ свой торжественный актъ. Этотъ актъ связывается съ воспоминаніемъ важнаго для кіевскаго общества событія—подписанія императоромъ Александромъ I грамоты на учрежденіе въ Кіевѣ его первой гимназіи. Это было 13-го октября 1811 г. Такимъ образомъ старѣйшее свѣтское учебное заведеніе нашего города закончило 77-й и вступило въ 78-й годъ своей жизни. Но 77 лѣтъ есть возрастъ лишь гимназіи, а первая кіевская гимназія не явилась въ 1811 г. въ видѣ новаго учебнаго заведенія, не имѣющаго прошлаго, а лишь подверглась реформѣ, просуществовавъ до того времени, какъ учебное заведеніе, уже двадцать два года, именно съ 1789 г. Еще до своей реформы гимназія не мало потрудилась въ дѣлѣ просвѣщенія служа образованію кіевскаго населенія, хотя и подъ другимъ названіемъ—«главнаго народнаго училища». Это училище было открыто 1-го мая 1789 г.; съ этого то времени первое свѣтское учебное заведеніе въ Кіевѣ и имѣетъ право начинать свое лѣтосчисленіе. Будемъ надѣяться, что когда нибудь кіевское общество ознакомится съ исторіей просвѣтительныхъ трудовъ

[1]) Пособіями при составленіи этой замѣтки служили: 1) Андріашевъ, „Историко-статистическое обозрѣніе пятидесятилѣтняго существованія кіевской I-й гимназіи". Кіевъ, 1862; 2) Владимірскій-Будановъ, „Исторія Императорскаго университета св. Владиміра", т. I. Кіевъ, 1884; 3) Графъ Д. А. Толстой, „Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II-й". Спб. 1886; 4) Андріашевъ, „Кіевское главное народное училище" (напечатано въ „Отчетѣ о состояніи кіевской I-й гимназіи за 1885—86 учебный годъ". Кіевъ, 1886.

Библиотека "Руниверс"

кіевской первой гимназіи, въ настоящее же время мы хотимъ ознакомить нашихъ читателей съ обстоятельствами возникновенія этого учебнаго заведенія.

Еще въ 1775 году только что созданнымъ тогда приказамъ общественнаго призрѣнія вмѣнялось, между прочимъ, въ обязанность «попеченіе и надзираніе» объ установленіи и прочномъ основаніи народныхъ школъ, при чемъ предписывалось учредить школы не только во всѣхъ городахъ, но и въ большихъ селеніяхъ. Но результатовъ въ то время не получилось никакихъ. Тогда императрица Екатерина обратилась за совѣтомъ къ извѣстному барону Гримму, и даже предлагала ему взять на себя завѣдываніе учебнымъ дѣломъ въ Россіи. Гриммъ отказался отъ предложенія, хотя и прислалъ императрицѣ записку о школьномъ дѣлѣ. Не задолго предъ этимъ въ Австріи была введена новая система школьнаго образованія. Ознакомившись съ нею при посредствѣ имп. Іосифа II, Екатерина рѣшила принять ее и для Россіи. Въ 1782 г. была открыта коммиссія объ учрежденіи училищъ подъ предсѣдательствомъ сенатора графа Завадовскаго. Въ эту коммиссію входилъ и Янковичъ де Мирьево, педагогъ, пріобрѣвшій себѣ извѣстность еще въ Австріи и приглашенный теперь въ Россію. Коммиссія рѣшила открыть прежде всего «главное народное училище» въ Петербургѣ, имѣя въ виду сдѣлать его разсадникомъ учителей для училищъ въ имперіи. Это петербургское училище въ протоколахъ коммиссіи носитъ названіе то учительской гимназіи, то учительской семинаріи, но затѣмъ учительская семинарія была отдѣлена отъ главнаго народнаго училища, а позже, при Александрѣ I, преобразована въ педагогическій институтъ. На первыхъ же порахъ коммиссія встрѣтила немалыя затрудненія. Недоставало учителей, не было и руководствъ. Поэтому коммиссія озаботилась составленіемъ учебниковъ, которые и были написаны или профессорами московскаго университета, или учителями учительской семинаріи. Нѣкоторыя руководства были составлены самимъ Янковичемъ де Мирьево.

13-го сентября 1782 г. коммиссія приступила къ выработкѣ общаго плана для народныхъ училищъ. По этому плану всѣ училища дѣлились на малыя, среднія и главныя. Впрочемъ, среднія никогда не были открыты. Малыя училища должны были состоять изъ двухъ классовъ, а главныя изъ четырехъ, при чемъ въ послѣднемъ классѣ курсъ былъ двухгодичный. Сначала были открыты училища въ петербургской губерніи, а въ 1786 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе открыть главныя народныя училища въ 25 губерніяхъ. Вмѣстѣ

Библиотека "Руниверс"

съ тѣмъ императрица разослала рескриптъ къ намѣстникамъ губерній, въ которомъ возлагала на нихъ обязанность заботиться объ успѣшномъ ходѣ и развитіи школьнаго дѣла. Она рекомендуетъ имъ побуждать городскія общества къ пожертвованіямъ на великое дѣло народнаго образованія, высказывая, впрочемъ, надежду, что общества эти сами придутъ на помощь правительству въ его благодѣтельномъ, но для того времени гигантскомъ предпріятіи. Создать школьное дѣло, разсыпать училища по всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ городамъ и даже по селамъ,—это дѣйствительно для того времени гигантскій планъ, который могъ быть выполненъ лишь соединенными усиліями правительства и общества (не нужно забывать, что средства государства въ этотъ моментъ были крайне истощены вслѣдствіе непрерывныхъ войнъ). Къ намѣстникамъ писалъ отъ себя и Завадовскій, обращая ихъ вниманіе на необходимость содѣйствія общества. Въ томъ же 1786 г. было выработано окончательно общее подробное положеніе о народныхъ училищахъ. По этому положенію коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ переименовывалась въ главное правленіе училищъ россійской имперіи, или главное училищное правленіе. Оно состояло подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ императрицы, которой и представляло свои доклады. Въ каждой губерніи высшее наблюденіе надъ училищами поручалось генералъ-губернаторамъ, а управленіе ими губернаторамъ, которые становились попечителями училищъ. Училища должны были находиться въ вѣдѣніи приказовъ общественнаго призрѣнія: приказы обязаны были изыскивать денежныя средства на содержаніе училищъ, устраивать для нихъ помѣщенія, содержать учителей и покупать учебники. Учебная часть ввѣрялась директору народныхъ училищъ, который назначался генералъ-губернаторомъ. Ученіе было безплатное. Экзамены происходили два раза въ годъ: предъ Новымъ годомъ, съ 26 декабря по 6 января, и послѣ Петрова дня, съ 29 іюня по 9 іюля. 5-го августа 1786 г. «Уставъ народнымъ училищамъ въ россійской имперіи» былъ утвержденъ императрицей. 3-го ноября 1788 г. повелѣно было учредить народныя училища въ тѣхъ губерніяхъ (числомъ 14), въ которыхъ они не были еще открыты. Въ числѣ этихъ губерній были и южныя: новгородсѣверская, черниговская, кіевская и харьковская. Въ 1789 г. послѣдовало и самое открытіе училищъ. Еще въ 1788 г. были отправлены изъ кіевской духовной академіи въ Петербургъ четверо молодыхъ людей для приготовленія въ тамошней учительской семинаріи къ занятію преподавательскихъ должностей въ предполагаемомъ глав-

Библиотека "Руниверс"

номъ народномъ училищѣ. Въ 1789 г. они возвратились въ Кіевъ, и вслѣдъ затѣмъ правитель кіевскаго намѣстничества назначилъ директоромъ училища Петра Ивановича Симоновскаго. Зданіе для училища было приготовлено на Подолѣ, въ то время самой населенной и важной по торговлѣ части города.

Когда все было готово, правитель намѣстничества объявилъ черезъ управу благочинія жителямъ Кіева о времени открытія училища. Въ 10 часовъ утра 1-го мая 1789 г. двинулась торжественная процессія изъ зданія училища въ Успенскую церковь на Подолѣ, гдѣ совершены были обѣдня и молебенъ. По возвращеніи оттуда, митрополитъ Самуилъ совершилъ водоосвященіе въ самомъ училищномъ зданіи. Затѣмъ были произнесены рѣчи: протоіереемъ Левандой «о важности открываемаго училища» и учителемъ Карабановскимъ «о пользѣ наукъ». Послѣ водоосвященія было провозглашено многолѣтіе императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, при чемъ произведенъ былъ тридцать одинъ выстрѣлъ изъ магистратскихъ пушекъ. Послѣ этого начато было ученье при всей собравшейся публикѣ, а въ заключеніе вновь принятый ученикъ Семенъ Калиновскій говорилъ рѣчь. Такъ было открыто кіевское главное народное училище и началось въ немъ ученіе.

Въ первомъ классѣ обучали чтенію и письму, а также латинскому языку и одному изъ новыхъ; во второмъ классѣ изучались, кромѣ предметовъ I класса, еще катехизисъ, книга о должностяхъ человѣка и гражданина, священная исторія, ариѳметика и новые языки; въ III классѣ проходили: пространный катехизисъ и изъясненіе евангелія, россійскую грамматику, ариѳметику, географію, исторію, латинскій языкъ и одинъ изъ новыхъ языковъ; въ IV классѣ были слѣдующіе предметы: географія, естественная исторія, русская грамматика, латинскій языкъ, одинъ новый языкъ, геометрія, архитектура, механика и физика. Занятія происходили утромъ и вечеромъ, кромѣ среды и субботы, когда послѣобѣденное время полагалось на отдыхъ. Каникулы были лѣтнія и зимнія; лѣтнія продолжались всего одинъ мѣсяцъ. Полугодовыя испытанія происходили торжественно въ присутствіи высокопоставленныхъ лицъ и публики. Предъ началомъ этихъ испытаній кто нибудь изъ учениковъ говорилъ привѣтственную рѣчь, а по окончаніи ихъ произносилась рѣчь благодарственная. Обыкновенно каждый годъ на этихъ экзаменахъ происходилъ также разговоръ между двумя учениками о пользѣ наукъ. Иногда произносились оды, какъ напр. въ 1791 г., когда публика слушала оду «Просвѣтительницѣ россовъ». За успѣхи ученики награждались книгами и похваль-

Библиотека "Руниверс"

ными листами. Бывали случаи, что объ успѣхахъ учениковъ публиковалось въ газетахъ. Бывали награды и особенныя. Такъ, въ 1790 г. генералъ-губернаторъ Кречетниковъ за привѣтственную рѣчь, произнесенную ученицей Авдотьей Шишкиной, приказалъ сдѣлать ей платье, а другому ученику «за порядочное чтеніе» пожаловалъ два червонца. Иногда произносили рѣчи и учителя, а позже учитель физики нерѣдко занималъ публику показываніемъ физическихъ опытовъ, что доставляло ей величайшее удовольствіе. Эти опыты производились также и самими учениками.

Въ числѣ учащихся въ главномъ народномъ училищѣ были и дѣвочки, но онѣ заканчивали курсъ двумя низшими классами. Впрочемъ, надо сказать, что и ученики не всегда проходили весь пятилѣтній курсъ. Очевидно, причины этого явленія въ Кіевѣ были тѣ же, что и въ другихъ мѣстахъ. Въ 1789 г. былъ посланъ для осмотра училищъ совѣтникъ академіи наукъ О. П. Козодавлевъ, бывшій нѣкоторое время директоромъ учительской семинаріи въ Петербургѣ, и вотъ что, между прочимъ, онъ писалъ въ своемъ отчетѣ: «во всѣхъ главныхъ народныхъ училищахъ найдено мною, что число учащихся въ третьихъ и четвертыхъ классахъ весьма мало, и что учащіеся во вторыхъ классахъ обыкновенно не желаютъ продолжать ученіе въ третьемъ разрядѣ. Сіе происходитъ отъ того, что родители и свойственники учащихся не видятъ цѣли ученія, въ высшихъ классахъ преподаваемаго. Они почитаютъ, что дѣтямъ ихъ нужны токмо предметы двухъ низшихъ классовъ, да и то по причинѣ чтенія и чистописанія, а прочія науки почитаютъ они безполезными, или по крайней мѣрѣ ненужными, ибо хотя науки и каждому полезны, однакожъ сію истину, кромѣ людей просвѣщенныхъ, немногіе чувствуютъ. Всякій знаетъ, что для снисканія мѣста въ гражданской службѣ нужно *одно токмо чистописаніе*, почему и невозможно ожидать, чтобъ многіе дѣтей своихъ посылали въ высшіе классы, слѣдственно главныя народныя училища и не могутъ приносить государству ожидаемыя пользы». Объяснивъ вѣрно причину ухода учениковъ изъ училища до окончанія курса, Козодавлевъ сильно ошибался относительно приносимой училищами пользы. Польза отъ нихъ была, ибо выходило все таки сравнительно небольшое количество учениковъ, а большинство кончало курсъ. Главное же заключалось въ томъ, что были брошены въ русскую почву сѣмена народнаго образованія. «Съ теченіемъ времени, говоритъ графъ Д. А. Толстой, учительская семинарія возвысилась до педагогическаго института, *а главныя народныя училища возросли до*

Библиотека "Руниверс"

степени гимназій, что дало учебному вѣдомству возможность наполнить учащими и учащимися въ началѣ этого столѣтія, при существованіи тогда только трехъ гимназій, два университета, харьковскій и казанскій, а впослѣдствіи и петербургскій.

Основаніе въ Кіевѣ главнаго народнаго училища встрѣтило полное сочувствіе въ тогдашнемъ кіевскомъ обществѣ, что и выразилось тотчасъ же разнообразными пожертвованіями для бѣдныхъ учениковъ и въ библіотеку училища. Книги для библіотеки пріобрѣтались, кромѣ того, и покупкою приказомъ общественнаго призрѣнія. Эти книжныя покупки и пожертвованія легли въ основаніе библіотеки кіевской I-й гимназіи, такъ какъ библіотека главнаго народнаго училища цѣликомъ перешла къ ней.

Въ такомъ видѣ кіевское главное народное училище существовало съ 1789 по 1803 г., когда начинается постепенный переходъ его въ гимназію. 9-го марта 1803 г. изъ приказа общественнаго призрѣнія получено въ главномъ народномъ училищѣ предложеніе, въ которомъ значилось, что впредь сіе училище будетъ состоять въ вѣдѣніи не приказа, а виленскаго университета. Затѣмъ 29-го іюня того же года новое извѣщеніе, что суммы на содержаніе училища будутъ идти уже изъ казенной палаты, въ размѣрѣ 3736 р. 46 к. Въ это время попечителемъ виленскаго учебнаго округа былъ назначенъ кн. Адамъ Чарторыйскій, ректоромъ виленскаго университета—князь Стройновскій, а визитаторомъ училищъ губерній кіевской, волынской и подольской—Ѳаддей Чацкій. Въ 1804 г. Чацкій въ первый разъ посѣтилъ кіевское главное народное училище и внесъ въ книгу актъ своего посѣщенія *на польскомъ языкѣ*. Чацкій высказываетъ въ своей визитѣ *неудовольствіе*, что учителя не знаютъ *по польски*, что въ библіотекѣ училища нѣтъ *польскихъ книгъ*, а только русскія,—замѣчанія, бывшія началомъ новаго, антиисторическаго направленія въ жизни старѣйшаго кіевскаго учебнаго заведенія, направленія, продолжавшагося до перехода гимназіи въ вѣдѣніе харьковскаго учебнаго округа. Чацкій по отношенію къ вопросу о народномъ образованіи въ юго-западномъ краѣ стоялъ на точкѣ зрѣнія исключительно польской. Всѣ мѣропріятія его, какъ визитатора училищъ, клонились къ ополяченію края путемъ школьнаго образованія. Во время его правленія русскіе учителя подвергались преслѣдованію. Русскій языкъ разсматривался на равнѣ съ языками иностранными. Взглядъ Чацкаго на нашъ край лучше всего выясняется его собственными словами, въ которыхъ высказывается негодованіе на направленіе школьнаго

Библиотека "Руниверс"

преподаванія въ Кіевѣ до его визитаторства. Вотъ эти замѣчательныя слова: «*исторіи россійской учились, а народной исторіи польской почти нигдѣ не преподавали*, полагая, что правительство требуетъ, чтобы ученикъ уже совсѣмъ не зналъ *собственной* провинціальной исторіи, и что ему слѣдуетъ внушать привязанность къ новому правительству посредствомъ презрительнаго забвенія *собственной земли и собственныхъ предковъ*». Выходитъ, что поляки—предки малороссовъ! И этотъ то историческій абсурдъ былъ положенъ въ основаніе школьнаго дѣла въ южной Россіи.

Впрочемъ жизнь кіевскаго главнаго народнаго училища текла нѣкоторое время по прежнему. Но уже въ томъ же 1803 г. началось назначеніе учителей для гимназіи. Они пока прикомандировывались къ училищу. Такъ продолжалось до 1809 г., когда визитаторъ Чацкій далъ знать училищу о назначеніи директоромъ кіевской гимназіи и училищъ кіевской губерніи нѣкоего Мышковскаго, воспитанника іезуитскихъ школъ. 5-го ноября 1809 г. III и IV классы кіевскаго главнаго народнаго училища составили I классъ гимназическаго отдѣленія. Учителя въ гимназію были назначены частью новые, частью остались старые. Это были: Василій Берлинскій для преподаванія исторіи натуральной, технологіи, онъ же, за неимѣніемъ пока учителя словесности, долженъ былъ преподавать логику и общую грамматику; Холщевниковъ назначался для преподаванія всеобщей исторіи, географіи и статистики; Шульговскій опредѣленъ учителемъ математики и физики; Орловскій—латинскаго языка; Грекко—нѣмецкаго и Ванновскій—французскаго языка. Вотъ составъ кіевской I-й гимназіи или преобразованнаго главнаго народнаго училища тотчасъ послѣ реформы. Всѣ учебныя пособія, вся библіотека училища перешли въ гимназію. Реформа эта была введена директоромъ Мышковскимъ, при чемъ для успѣшнаго начала новаго періода жизни учебнаго заведенія было отслужено молебствіе священникомъ Дмитріемъ Иванишевымъ, законоучителемъ гимназіи.

До 1812 г. гимназія существовала на прежнемъ мѣстѣ, на Подолѣ. Но все это время кіевское общество находилось въ возбужденіи: рѣшался вопросъ, гдѣ быть помѣщенію гимназіи—на Подолѣ, на Печерскѣ или въ Липкахъ. Происходилъ споръ между визитаторомъ Чацкимъ, который вмѣстѣ съ дворянствомъ хотѣлъ помѣстить гимназію въ Липкахъ, чтобы поставить ее подъ польское вліяніе магнатовъ, населявшихъ эту часть города, и городскимъ обществомъ, желавшимъ сохранить гимназію среди православнаго населенія Подола.

Библиотека "Руниверс"

Гражданское начальство, кажется, предполагало помѣстить гимназію на Печерскѣ. Но дворянство, внесшее въ пользу гимназіи капиталъ въ 450,000 рублей, приносившій 5% ежегоднаго дохода, одержало верхъ. Въ Липкахъ находился домъ, принадлежавшій духовному вѣдомству. Это зданіе осталось отъ бывшаго здѣсь нѣкогда Кловскаго монастыря. Теперь, по Высочайшему повелѣнію, оно было передано въ вѣдѣніе учебнаго начальства. 13-го октября 1811 г. императоръ Александръ Павловичъ утвердилъ грамоту, предоставлявшую гимназіи особыя преимущества, которыя состояли въ расширеніи курса наукъ и въ предоставленіи окончившимъ курсъ гимназіи правъ дѣйствительныхъ студентовъ университета. Въ курсъ гимназіи должны были входить въ то время слѣдующіе предметы: языки—латинскій, греческій, французскій, нѣмецкій, русскій и польскій; высшая математика, химія, физика, технологія, архитектура, естественное право, римское, русское право, политическая экономія, коммерція, статистика, естественная исторія, сельское хозяйство, всеобщая литература, русская и польская литература, нравственная философія, логика, психологія и эстетика. Такъ обширенъ былъ курсъ первой кіевской гимназіи при преобразованіи ея изъ главнаго народнаго училища. Вполнѣ естественно, что преподаваніе не могло быть успѣшно: не было по всѣмъ предметамъ ни необходимыхъ пособій, ни подготовленныхъ преподавателей. Въ числѣ преподаваемыхъ предметовъ входили также танцы, фехтованье, музыка и рисованье. Въ началѣ курсъ былъ четырехгодичный, на его обширность вызвала вскорѣ учрежденіе приготовительнаго класса. Всѣ науки предписывалось преподавать на русскомъ языкѣ, а преподаваніе польскаго языка вводилось на томъ же основаніи, какъ и новѣйшихъ языковъ. Въ этомъ случаѣ совершилось не то, чего желали Чацкій и польское дворянство. Въ началѣ послѣднее за свои пожертвованія требовало, «чтобы знатная часть наукъ въ сей гимназіи преподавалась на польскомъ языкѣ». Когда послѣдовало возраженіе со стороны министра народнаго просвѣщенія, то Чацкій не задумался отвѣчать, что «пріобрѣтеніе свѣдѣній въ россійскомъ языкѣ для польскаго юношества облегчено будетъ тѣмъ, что предполагается обучать оному въ первыхъ четырехъ классахъ, и при томъ завести классъ латинской словесности и филологической грамматики славянскихъ діалектовъ; а между тѣмъ россійское юношество изучилось бы польскому языку, могущему быть ему полезнымъ по сосѣдству съ жителями, его употребляющими». Задняя мысль, при всей изворотливости отвѣта, видна

Библиотека "Руниверс"

здѣсь сама собой. Къ счастью, вспомнили во время, что Кіевъ русскій городъ, и отстояли русскій языкъ въ его первой гимназіи. Но все же она оставалась въ вѣдѣніи виленскаго университета, отъ котораго зависѣло и назначеніе учителей.

Въ гимназіи должны были происходить педагогическія собранія учителей; вѣдѣнію этихъ собраній предоставлялись дѣла учебныя и хозяйственныя. Гимназіи предоставлялось право имѣть свою типографію.

Торжественное открытіе кіевской первой гимназіи произошло 30-го января 1812 г. Въ этотъ день въ 9 часовъ утра раздалось три пушечныхъ выстрѣла. Тотчасъ директоръ гимназіи, Мышковскій, съ восемью учениками и учителями вошелъ въ гимназическій залъ, чтобы привѣтствовать визитатора Чацкаго. Затѣмъ гимназическій священникъ, Дмитрій Иванишевъ, поднесъ гимназіи поставной крестъ съ рѣзьбою изъ слоновой кости. Явились делегаты отъ духовной академіи съ префектомъ ея во главѣ и члены волынской коммиссіи, учрежденной для выясненія училищныхъ фундушей. Въ это самое время маршалы и дворянство съѣзжались къ губернскому маршалу, графу Потоцкому. Передъ домомъ генералъ-губернатора Милорадовича собирались мѣщанскіе цехи со своими хоругвями. Въ 10 часовъ послѣдовалъ второй пушечный выстрѣлъ, и тотчасъ члены всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и городскаго магистрата съѣхались къ губернатору, а духовенство собралось въ церковь Кіево Печерской лавры. Въ домъ графа Потоцкаго въ это время прибыла изъ гимназіи процессія въ такомъ порядкѣ: восемь учениковъ изъ дворанства, учителя, директоръ съ делегатами академіи, Чацкій съ членами фундушевой коммиссіи. Эта процессія была встрѣчена въ залѣ губернскимъ и повѣтовыми маршалами и съѣхавшимся начальствомъ. Затѣмъ всѣ, здѣсь находившіеся, поѣхали въ домъ генералъ-губернатора. Козацкія и полицейскія команды встрѣтили ихъ и проводили до крыльца генералъ-губернаторскаго дома, гдѣ всѣхъ принимали и провожали чиновники губернатора. Въ залѣ, на подушкѣ малиноваго бархата, лежала Высочайшая грамота. Чацкій обратился къ генералъ-губернатору съ просьбой о передачѣ грамоты. Тогда генералъ губернаторъ вручилъ ее губернскому маршалу Потоцкому и визитатору училищъ Чацкому для перенесенія въ гимназію. Былъ данъ новый пушечный сигналъ, и началось шествіе въ Кіево-Печерскую лавру. Во время этого торжественнаго хода Высочайшая грамота была везена въ парадной каретѣ визитаторомъ и членами фундушевой коммиссіи. По

Библиотека "Руниверс"

прибытіи къ святымъ воротамъ лавры, грамота была вынута и несена Чацкимъ на подушкѣ, кисти которой несли два маршала и два члена фундушевой коммиссіи. Во все время движенія процессіи войска отдавали честь оружіемъ и музыкой. При входѣ процессіи въ храмъ, митрополитъ Серапіонъ благословилъ её. Когда окончилась литургія и молебенъ, процессія въ такомъ же порядкѣ, какъ и прежде, двинулась въ зданіе гимназіи, которое было разукрашено фестонами и транспарантами для иллюминаціи. Ученики были расположены по обѣимъ сторонамъ лѣстницы, ведущей въ залъ, гдѣ грамота была положена предъ портретомъ государя. Вслѣдъ затѣмъ прибылъ въ гимназію митр. Серапіонъ съ духовенствомъ. Послѣ совершенія водосвятія и окропленія комнатъ святою водою, директоръ Мышковскій прочелъ Высочайшую грамоту, послѣ чего провозглашено многолѣтіе императору Александру Павловичу, что сопрождалось сто однимъ выстрѣломъ изъ пушекъ. Торжество закончилось обѣдомъ, даннымъ въ гимназическомъ залѣ Чацкимъ, и баломъ у генералъ-губернатора. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ. Предъ гимназіей были зажжены вензеля. Одинъ изъ нихъ, на балконѣ, представлялъ въ лучахъ имя «Александръ I» съ надписью: «Отцу будущихъ родовъ»; надъ воротами изображался жертвенникъ съ надписью: «благодѣтелямъ просвѣщенія»; третій вензель представлялъ старика Днѣпра и нерендъ рѣкъ Роси и Русавы, «взирающихъ на торжество со вниманіемъ, какъ на происшествіе, подобное временамъ греческой славы»; на четвертой картинѣ Хронось открываетъ завѣсу времени, представляя взорамъ храмъ о семи столпахъ, осѣненный внутри именемъ «Александръ I»; на жертвенникѣ и на подножіи его знаки наукъ съ рогомъ изобилія; при ступеняхъ храма лицо кіевской губерніи въ мантіи и со щитомъ своего герба; внизу надпись: «для потомковъ россоланскихъ», а въ воздухѣ надъ всѣмъ этимъ паритъ Фама съ трубой.

Во время торжества говорилось много рѣчей, но въ особенности обращаетъ на себя вниманіе рѣчь Чацкаго. Она дышетъ примиреніемъ, высокой любовью къ наукѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней ясно проглядываетъ основной взглядъ Чацкаго на нашъ край и народное образованіе въ его предѣлахъ; онъ говоритъ: «почитайте славу и несчастія *древе участію отечества однихъ*, уважайте отечество другихъ. Докажите, что *въ этомъ общемъ уже государствѣ* есть Монархъ, котораго благодѣянія обязываютъ насъ къ благодарности».

Кіевская первая гимназія пробыла въ вѣдѣніи виленскаго университета до 1813 г., когда была подчинена непосредственно министер-

Библиотека "Руниверс"

ству народнаго просвѣщенія; затѣмъ она снова была причислена къ виленскому университету, а съ 1818 г. къ харьковскому учебному округу. Наконецъ, съ назначеніемъ въ Кіевъ попечителемъ фонъ-Брадке, первая гимназія перешла въ вѣдѣніе кіевскаго учебнаго округа, при чемъ она подчинялась и попечителю, и университету, а съ 1837 г. одному попечителю.

Садовскій.

Еще объ Иванѣ Поповичѣ.

Статья г. Ляскоронскаго «Паволоцкій полковникъ Иванъ Поповичъ» въ «Кіевской Старинѣ» 1889 г., т. XXV, май—іюнь, стр. 570—577, раньше прочитанная авторомъ въ историческомъ общ. Нестора Лѣтописца, нуждается въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ, а можетъ быть и поправкахъ. Г. Л-скій основалъ свою работу на нѣкоторыхъ отрывочныхъ данныхъ, разбросанно упомянутыхъ у двухъ извѣстнѣйшихъ нашихъ историковъ, на лѣтописи, составленной цѣлымъ полувѣкомъ позже, и на мемуарахъ, хотя и современныхъ, но авторъ которыхъ, по тенденціозности не только своихъ личныхъ взглядовъ, но и всей той среды, къ которой принадлежалъ и въ которой вращался, не можетъ считаться вполнѣ достовѣрнымъ, безъ подтвержденія его словъ другими источниками: онъ не могъ всегда быть таковымъ, даже при всемъ его желаніи, по одному уже отсутствію безпристрастія, а главнымъ образомъ потому еще, что самыя извѣстія о событіяхъ далеко не всегда доходили къ нему въ точности, а нерѣдко съ преувеличеніями, съ искаженіями въ подробностяхъ, вообще въ видѣ «слуховъ», прошедшихъ уже нѣсколько инстанцій и получившихъ при этомъ и наращенія, и разнообразно тенденціозную окраску. Главныя дополненія, приводимыя ниже, извлечены изъ документовъ, вышедшихъ изъ печати въ началѣ нынѣшняго года, и неудивительно, что они г. Л—скому при составленіи реферата не были еще извѣстны; но онъ, къ сожалѣнію, упустилъ изъ виду и нѣкоторыя документальныя данныя, обнародованныя раньше, а равно и показаніе другаго южнорусскаго лѣтописца, такого же современника, какимъ былъ и Ерличъ, считаемаго наиболѣе достовѣрнымъ (хотя авторитетъ его, можетъ быть, нѣсколько и преувеличенъ), но съ Ерличемъ кое въ чемъ несогласнаго.

Библиотека "Руниверс"

Г. Лясковскій говоритъ, что Поповича встрѣчаемъ впервые, уже паволоцкимъ полковникомъ, въ концѣ 1662 или въ самомъ началѣ 1663 года, основываясь на показаніяхъ Ерлича. Но именно въ послѣднемъ (XIV) томѣ «Актовъ ю. и з. Россіи» встрѣчаемъ нѣсколько упоминаній о лицѣ того же имени, датированныхъ 7—8-ю годами раньше; конечно, здѣсь можетъ возникать еще сомнѣніе о тождествѣ самой личности, такъ какъ совпаденія прозвищъ и именъ среди многотысячной козацкой массы, въ особенности такого шаблоннаго прозвища, какъ «Поповичъ», и такого шаблоннаго имени, какъ «Иванъ», не только весьма возможны, а даже болѣе чѣмъ вѣроятны, и едва ли можно надѣяться отыскать съ достовѣрностью занимающую насъ личность въ «Регистрахъ» 1649 г., изданныхъ Бодянскимъ. Соображенія, по которымъ тождественность одноименныхъ лицъ, упоминаемыхъ въ 1654—55 гг., а потомъ въ 1663, можетъ считаться доказанною, изложимъ ниже, а прежде приведемъ свѣдѣнія о Поповичѣ, какія встрѣчаемъ въ упомянутыхъ «Актахъ», проставляя ихъ даты по времени написанія документовъ, а не такъ, какъ дѣлаетъ ихъ редакторъ, стоящій въ заголовкахъ актовъ помѣту о времени ихъ полученія въ той или иной канцеляріи [1]).

Письмо Ив. Золотаренка отъ 16 августа 1654 г. о сдачѣ ему 13 ч. Гомеля было послано съ нѣжинскимъ сотникомъ Ив. Борсукомъ, менскимъ сотн. Степ. Даценкомъ и *Иваномъ Поповичемъ, обознымъ*. Какимъ именно обознымъ былъ тогда Поповичъ, въ письмѣ не упомянуто, но едва ли войсковымъ, такъ какъ имя его поставлено *послѣ* сотниковъ даже (ст. 145). Впрочемъ, возможно и то, что на эту формальность этикета не обратили вниманія въ козацкой канцеляріи, еще въ томъ не искушенной, а придали ей значеніе только дьяки, составляя роспись жалованья. Когда пріѣхалъ къ государю подъ Смоленскъ самъ Золотаренко, со свитою, и на отпускѣ его, 27 сентября, раздавали имъ всѣмъ государево жалованье, то въ числѣ поименованныхъ лицъ встрѣчаемъ и Ив. Борсука, слѣд. тутъ же былъ и Поповичъ, но не въ числѣ тѣхъ 166 простыхъ козаковъ, которые получили только по «меньшему золотому», а въ числѣ тѣхъ «13 человѣкъ ко-

[1]) Вслѣдствіе такого ненаучнаго пріема, читатель актовъ, редактированныхъ Г. Ѳ. Карповымъ, получаетъ иногда неожиданные сюрпризы. Такъ, подъ 15 августа помѣщено „Письмо къ государю наказнаго гетмана Ивана Золотаренка“: посылаетъ онъ къ государю часть своего войска, но самъ, не взявши Гомеля, идти не рѣшается (столб. 139—140), а черезъ страницу (стр. 143) оказывается, что Гомель сдался еще 13 числа.

Библиотека "Руниверс"

заковъ и сотниковъ», которымъ дано «по парѣ соболей по 2 рубли пара, да по парѣ жъ соболей по полутора рубли пара человѣку» и которыхъ имена почему то оставлены при изданіи росписи ненапечатанными (ст. 180).

Полугодомъ позже упоминается безъ фамиліи обозный войсковой Иванъ, котораго г. Карповъ вполнѣ основательно отождествилъ въ своемъ указателѣ съ Поповичемъ, такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ видимъ его исполняющимъ эту обязанность. 10 мая 1655 г. Золотаренко, послѣ побѣды надъ отрядомъ («заставою») изъ корпуса гетмана Раздивила, отсылалъ царю взятаго «языка», нѣкоего Домбровскаго, и трофеи,—«четыре знамени и литавры двои, съ послы своими, съ Васильемъ Никифоровичемъ, полковникомъ нѣжинскимъ, съ братомъ своимъ, да съ полковникомъ менскимъ, съ Пашкомъ, да съ *обознымъ войсковымъ Иваномъ*» (603). Въ Смоленскъ они прибыли 18 ч., всѣмъ имъ было дано жалованье, и отпущены безъ задержанья, но что именно получилъ каждый, изъ письма объ этомъ думнаго дьяка Лар. Дм. Лопухина къ З-ку, отъ 23 мая, не видно (612).

Вскорѣ наказной гетманъ, вызванный самимъ государемъ, прибылъ къ нему въ Шкловъ, въ сопровожденіи большой свиты, въ числѣ которой помянуты: протопопъ Максимъ, двое судей, три полковника (Василій З-ко нѣжинскій, два другіе—Иванъ Поповичъ и Юхно Коробка), и сынъ Ивана, Данило, «гетмановичъ». Гетману пожалованъ на пріемѣ 10 іюня «кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею» (въ прошлый разъ такой же подарокъ показанъ въ росписи цѣною въ 180 рублей), четыре сорока соболей (прошлый разъ только два), всѣмъ остальнымъ упомянутымъ по одному сороку (690). Изъ одной позднѣйшей справки узнаемъ, что протопоповы соболи стоили 80 рублей, а полковничьи по 60 р. (778).

Изъ другого документа, отъ 2 іюля, узнаемъ, какимъ полковникомъ былъ Поповичъ: именно, *черниговскимъ*, и въ этомъ званіи, командуя самостоятельнымъ передовымъ отрядомъ, успѣлъ оказать крупное отличіе, которое нак. гетманъ описываетъ государю отъ 2 іюля такъ: самъ онъ, «скоро рушився о(тъ) Березынѣ (направляясь къ Минску), напредъ себеославъ Ивана Поповича, полковника черниговского, придавъ ему товарышства нѣсколко сотъ. Тогда... мѣсто Свислочь знатное, въ которомъ было немало непріятелей и недруговъ в. ц. величества, тогда то мѣсто взявъ черезъ мечь и немало въ ней (sic) непріятелей будучихъ всѣхъ подъ мечь пустили, а самое мѣсто и замокъ огнемъ безъ остатку сожгли, въ которомъ городѣ

Библиотека "Руниверс"

и языка подлинного и вѣдомого о всякихъ дѣлахъ служилыхъ людей взяли Максима Клиновскаго, которой служилъ при пану Галабурдѣ. Для чего, не задерживая у себя, того жъ часа посылаю до в. ц. в-ва». О томъ же совершенно согласно доноситъ и находившійся при З-кѣ стольникъ Михаилъ Дмитріевъ (ст. 743—748).

Послѣднія въ настоящемъ томѣ упоминанія о Поповичѣ представляютъ особый интересъ. Еще въ бытность свою въ іюнѣ у государя, Золотаренко испросилъ, между прочимъ, разрѣшеніе подвигать свой корпусъ налегкѣ, одну конницу, оставляя всѣ тяжести въ таборѣ, позади, подъ охраной особаго отряда (694—695). Мотивомъ конечно, выставлялась скорость и успѣшность дѣйствій противъ непріятеля, задняя же мысль заключалась въ томъ, чтобы опережать московскія войска и первымъ захватывать неразоренныя еще войною и неразграбленныя мѣста. Кромѣ погони за добычей, къ такимъ захватамъ понуждала и необходимость, такъ какъ для сбора кормовъ каждая мѣстность отводилась тѣмъ именно войскамъ, которыя заняли ее первыми. 11-го іюля состоялся приказъ: идти Ивану гетману съ княземъ Черкасскимъ на Вильно, а брату его съ княземъ Трубецкимъ за Нѣменъ (747—748). Оба они двинулись безъ обозовъ. При такого рода форсированныхъ маршахъ, какъ знаемъ изъ постоянныхъ упоминаній въ другихъ подобныхъ случаяхъ, отправлялся «людъ перебраный», т. е. отборное по личнымъ военнымъ качествамъ и по вооруженію войско, а все менѣе годное оставлялось для охраны табора, по современной терминологіи вагенбурга, гдѣ находились также больные и раненые. Начальствованіе таборомъ, стоявшимъ неподалеку Вильна, въ селѣ Жупраничахъ, поручено, на правахъ самостоятельно дѣйствующаго обознаго, черниговскому полковнику Поповичу. Онъ и обращается, 25 іюля, непосредственно къ государю, прося распоряженій. «Вѣдомо чиню о томъ, пишетъ онъ, что меня оставя при обозѣ съ ранеными и зъ болными людми... гетманъ наказный... пошолъ... со всѣми ратными людми подъ городъ Вилню. А я нынѣ, при тѣхъ болныхъ людяхъ остався,... прошу..., изволь... государь, указъ свой царской дать, какъ, здѣ осталой, что имѣю дѣлать». Отвѣтъ ему гласилъ: «Ты бъ съ нашими... войска запорозского ратными людми, которые при тебѣ въ обозѣ оставлены, стоялъ крѣпко и усторожливо, а для... кормовъ посылалъ отъ себя на чаты, чтобъ нашимъ людямъ въ селахъ и (въ) конскихъ кормахъ скудости никакіе не было. А то бы еси заказалъ подъ смертною казнью, чтобъ селъ и деревень не жгли и крестьянъ, которые не бьются, не побивали, а

Библиотека "Руниверс"

также женской полъ и ребятъ никово однолично не побивали. А какъ... отпишетъ къ тебѣ... нак. гетманъ,... велитъ тебѣ съ нашими ратными людми и обозомъ куда идти, по тому и дѣлай» (899—902). Предостерегательное приказаніе Поповичу о недопущеніи мародерства и ненужныхъ жестокостей вызвано было дошедшими до государя свѣдѣніями, что вообще Золотаренково войско ведетъ себя непозволительно даже и для тѣхъ временъ. «Вѣдомо намъ учинилось, писалъ царь за недѣлю раньше, 17 ч.., что твоего полку козаки мѣста, и села, и деревни жгутъ, и женской полъ, и дѣвицъ, и малыхъ робятъ сѣкутъ и побиваютъ до смерти». Далѣе предписывается «козакомъ учинить заказъ крѣпкой, подъ смертною казнью», чтобы поселеній не пустошили, «для того, что намъ государю со всѣми нашими ратми въ здѣшнихъ мѣстахъ зимовать»; воспрещеніе жестокостей противъ мирнаго населенія изложено въ тѣхъ же выраженіяхъ, что и въ грамотѣ Поповичу (753—754). Скоро однако оказалось, что если золотаренковцы на походѣ грабили, жгли и убивали, неразбирая ни пола, ни возраста, не щадя мирныхъ жителей на равнѣ съ вооруженнымъ непріятелемъ, то въ бездѣйственно стоявшемъ отрадѣ Поповича завелись еще и другіе пороки, особенно претившіе благочестивому Алексѣю Михайловичу. Уже 30 іюля, подтвердивъ Поповичу приказъ противъ жестокостей и воспрещая опустошеніе жилыхъ мѣстъ въ виду предстоящей зимовки, государь добавляетъ: «А будетъ, которые воры будутъ непослушны, и ты бъ тѣхъ вѣшалъ безо всякіе пощады. А что у васъ въ полкѣхъ жонокъ и дѣвокъ, и ты бъ однолично велѣлъ ихъ изъ обозу выбить, для того, что мы великій государь идемъ, за милостію Божіею, на недруга своего со всѣми вами нашего ц. в—ва ратми, и за блудные дѣла, кто, забывъ страхъ Божій, такое скверное дѣло творитъ,—Богъ не помогаетъ». (901—902).

Этимъ благочестивымъ размышленіемъ «тишайшаго» царя заканчивается XIV томъ Актовъ ю. и з. Р. и исчерпываются заключающіяся въ немъ свѣдѣнія объ Иванѣ Поповичѣ, черниговскомъ полковникѣ и обозномъ въ арміи Золотаренка. Впрочемъ, надо еще упомянуть о подписяхъ въ приведенномъ письмѣ его къ государю. Въ началѣ письма, въ челобитьи, онъ называетъ себя «Иванъ Аврамовичъ полковникъ черниговскій», а въ концѣ подписался: «Иванъ Поповичъ Абрамовъ рукою». Оказывается, что искать въ другихъ источникахъ Поповича можно еще и подъ именемъ Абрамова или, по отечеству, Ивана Аврамовича. И точно, въ каталогахъ Максимовича (Сочиненія, т. I, стр. 695), къ сожалѣнію, безъ всякой ссылки на источникъ

Библиотека "Руниверс"

лѣтописный или документальный, въ ряду полковниковъ черниговскихъ, какъ разъ въ данное время, съ 1654 по 1662 г. находимъ *Ивана Аврамовича*, только опять подъ новымъ прозвищемъ, *Выбельскаго*. Впрочемъ, здѣсь въ тождествѣ лица сомнѣніе едва ли умѣстно, въ виду полнаго совпаденія имени и отчества чернигов. полковника Выбельскаго, и полковника, вступившаго въ эту должность, по актамъ, именно съ 1654 или первой половины 1655 г. подъ именемъ то Поповича, то только Ивана Аврамовича, то даже просто обознаго Ивана. Полковники не заурядные козаки, ихъ такъ немного и люди они замѣтные, что предполагать какое либо совпаденіе здѣсь—слишкомъ мало вѣроятно. Прозваніе «Выбельскій» обозначаетъ, можетъ быть, происхожденіе, а скорѣе всего только мѣсто жительства, осѣдлость, нисколько не противорѣча въ такомъ случаѣ утвержденію Ерлича о происхожденіи Ив. Поповича изъ Ходоркова.

Гораздо труднѣе доказать, что лицо, извѣстное въ Черниговщинѣ подъ именемъ Ивана Аврамовича, онъ же Поповичъ, и онъ же Выбельскій, то же самое, которое принимаетъ участіе въ паволоцкой трагедіи подъ вторымъ изъ этихъ именъ. Единственное пока косвенное указаніе имѣемъ только во времени оставленія первымъ званія полковника черниговскаго и появленія втораго въ томъ же званіи въ Паволочи. Этому противорѣчитъ какъ будто указаніе Ерлича на «молодость» этого втораго Поповича, заставлявшую его дорожить жизнью, тогда какъ первый былъ уже человѣкомъ заслуженнымъ, а попасть въ полковники невозможно было какому нибудь юношѣ, которому должны бы въ такомъ случаѣ подчиняться сѣдоусые ветераны изъ козацкой вольницы. Но здѣсь противорѣчіе только кажущееся. И теперь въ сельскомъ быту пятидесятилѣтній возрастъ считается еще молодымъ, инымъ не могли считать его ни козаки XVII вѣка, ни шляхтичи-земледѣльцы въ родѣ Ерлича. Поповичу могло быть лѣтъ около сорока, когда онъ началъ выслуживаться среди козачества Золотаренковой арміи,—возрастъ достаточно зрѣлый, «статечный», чтобы получить возможность командованія другими, и въ томъ случаѣ ему могло не быть еще пятидесяти при поступленіи въ Паволочь. Ерличъ не могъ выразиться иначе о человѣкѣ такихъ лѣтъ, какъ только, что онъ «był jeszcze w młodych niecnota leciech», и напрасно г. Ляскоронскій понялъ его слова слишкомъ буквально, прилагая при томъ къ нимъ мѣрку современной городской интеллигенціи. Самое намѣреніе Поповича принять священство показываетъ, что онъ былъ уже человѣкомъ не первой моло-

Библиотека "Руниверс"

дости,—иначе такое намѣреніе не могло бы способствовать возбужденію участія къ нему. Замѣтимъ мимоходомъ, что смѣна сабли на рясу и обратно не была тогда явленіемъ исключительнымъ. Въ ту самую почти пору преобразился извѣстный интриганъ нѣжинскій сотникъ Ракушка сразу въ брацлавскіе протопопы, а позже, уже въ XVIII в., ставшій еще болѣе извѣстнымъ своими безчинствами новгородсѣверскій сотникъ Лисовскій правилъ свою военно-административную должность, не снявъ священнаго сана (1716 г.).

Гораздо важнѣе для насъ другая подробность въ изложеніи Ерлича. Тетеря раньше уже хотѣлъ было казнить Поповича за то, что онъ «оскорблялъ и билъ шляхтичей», а главное, что «сносился съ московскимъ воеводою въ Кіевѣ». Поповичъ обращается къ «полковникамъ, сотникамъ, наконецъ къ митрополиту и чернецу—Хмельниченку», встрѣчаетъ вездѣ сочувствіе и заступничество. Между тѣмъ, по г. Л—скому, до 1663 г. онъ совершенно неизвѣстенъ; но и въ полковники люди попадали не сразу, о многихъ изъ нихъ имѣемъ и прямыя указанія, что они раньше служили на низшихъ должностяхъ, только Поповичъ наволоцкій является сразу, какъ deus ex machina, и сразу же пріобрѣтаетъ всеобщую популярность. Неестественность подобнаго факта заставляетъ насъ не только предположить, а прямо утверждать, что въ данномъ случаѣ мы *навѣрно* имѣемъ дѣло съ *кѣмъ либо* изъ лицъ, знакомыхъ уже раньше подъ тѣмъ или другимъ именемъ. Если между дѣятелями недавняго прошлаго встрѣчаемъ лицо не только одноименное, но и по всѣмъ другимъ условіямъ вполнѣ соотвѣтствующее будущей роли наволоцкаго полковника, одного изъ руководителей новаго возстанія противъ польской власти, то столь же естественно предположить, что именно это и есть искомая для насъ личность. Не настаиваемъ пока на этомъ *предположеніи*, быть можетъ, найдутся и доказательства болѣе прямыя.

Разсмотримъ теперь изложеніе тѣхъ же событій въ *современной* лѣтописи «Самовидца»: быть можетъ, она дастъ намъ возможность опредѣлить, на чьей сторонѣ болѣе правды въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ показанія *современника* Ерлича и *позднѣйшей* лѣтописи Грабянки разногласятъ между собою, а г. Лискоронскій отдаетъ безусловное предпочтеніе первому. Разногласія ихъ относятся ко *времени* втораго возстанія Поповича, къ *характеру* этого возстанія и *связи* его съ событіями по лѣвой сторонѣ Днѣпра, самой *сдачи* или *выдачи* Поповича Тетерѣ, наконецъ, *казни* его и ея *времени*.

Библиотека "Руниверс"

Г. Лѣскоронскій категорически утверждаетъ, что возстаніе Поповича, уже ех-священника, относится къ началу мая, такъ какъ разсказъ о немъ помѣщенъ у Ерлича подъ 4 ч. того же мѣсяца, а 8 іюня писалъ о томъ же къ царю Брюховецкій, какъ о недавнемъ фактѣ. Указаніе Ерлича, говорящаго здѣсь же и о событіяхъ болѣе раннихъ, само по себѣ было бы мало убѣдительно: приводя свои замѣтки въ окончательный порядокъ, Ерличъ одинаково могъ пріурочить *обѣ* записи и ко времени болѣе поздней изъ нихъ, и ко времени болѣе ранней, т. е. къ первымъ враждебнымъ шляхтѣ шагамъ Поповича, до священства еще его, когда онъ «szlachtę znieważał i bijał», т. е. побивалъ, и когда хотѣлъ въ первый разъ Тетеря предать его смертной казни. Столь же неопредѣленно и показаніе времени въ письмѣ Брюховецкаго отъ 8 іюня, т. е. передъ черною радою, состоявшейся 17 и 19 или 20 числа. Впрочемъ, всѣ эти даты не противорѣчатъ другимъ показаніямъ, и потому могутъ быть приняты. Во всякомъ случаѣ, судъ надъ Поповичемъ состоялся *позже* этой рады, провозглашенія гетманомъ Брюховецкаго и заключенія подъ стражу Сомка, Васюты Золотаренка и ихъ сторонниковъ. Дату суда Ерличъ обозначаетъ 15 іюля, но и это еще не даетъ права заключать, какъ дѣлаетъ г. Л—скій, что и самая казнь совершена тогда же, а не черезъ большій или меньшій промежутокъ времени. По Ерличу, Поповичъ былъ выданъ поволоцкими мѣщанами, вмѣстѣ съ пятнадцатью главными сообщниками, по Грабянкѣ—сдался лично и добровольно. О самой казни Ерличъ сообщаетъ возмутительныя подробности, равно какъ о предшествовавшихъ ей пыткахъ и допросахъ Поповича лично Тетерею. У Грабянки объ этомъ не находимъ ни слова. Лѣтопись Самовидца (по кіев. изд. 1878 г., подъ ред. О. И. Левицкаго, с. 78) передаетъ эпизодъ о Поповичѣ въ очень сжатомъ видѣ, но сообщаетъ указанія по всѣмъ этимъ сомнительнымъ пунктамъ:

«Того жъ лѣта (1663), *под час тоей рады* (т. е. черной, о которой только что разсказано весьма подробно), у Паволочи перше билъ полковникомъ Іванъ Поповичъ, а напотомъ сталъ священникомъ; и, же оному чинили укоризну жиды и инніе, знову, хотячи ся привернути до Кіева, узялся за полковництво и жидовъ казалъ усѣхъ вибити; толко ж оному *не дано помочи* с Кіева, *и Сомка узято*, на которого мѣлъ надѣю. И такъ пришло войско *от* Тетери гетмана, и оний (т. е. Поповичъ), *не хотячи мѣста згубити, здался*, которого страчено: бо *тіе посланци* от того *паволоцкого попа* до *Бруховецкого* удалися о помочъ, але оній ничого не далъ помочи Паволочи, а ру-

Библиотека "Руниверс"

шивши с под Нѣжина под Переясловле, и тамъ стоялъ з войскомъ у Креста, на которого татаре приходили, але нѣчого не вскурали».

Подчеркнутыя нами мѣста въ изложеніи современнаго, и потому имѣющаго передъ Грабянкою преимущество, малорусскаго лѣтописца нѣсколько разъясняютъ темные вопросы, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильно подрываютъ авторитетъ Ерлича. Необходимо, однако, комментировать ихъ нѣсколькими замѣчаніями.

Изъ словъ «под часъ тоей рады» нельзя выводить, будто авторъ относитъ самое *начало* возстанія Поповича ко второй половинѣ іюня. Изъ далнѣйшаго видно, что оно началось раньше, и Поповичъ послалъ просить о помощи въ Кіевъ и къ Сомку, слѣд. считалъ послѣдняго еще въ силѣ; но тѣ же посланцы его прибыли въ Нѣжинъ уже послѣ рады и заключенія Сомка подъ стражу, почему и обращались со своимъ порученіемъ къ Брюховецкому. Этимъ объясняется и неточность Грабянки, который посылку Тетерею войскъ противъ паволочанъ относитъ ко времени *послѣ казни* Сомка: это могло имѣть мѣсто въ промежутокъ времени *между* его арестованіемъ и казнью, если принять даже показаніе Ерлича о датѣ суда (15 іюля); во всякомъ случаѣ это показываетъ, что Тетеря не рѣшался на крутыя мѣры противъ Поповича до исхода партійной борьбы за Днѣпромъ, въ которой и самъ былъ заинтересованъ, а весьма возможно, что принималъ и тайное участіе. Въ этомъ, думается, и отвѣтъ на недоумѣніе г. Лясковронскаго: «едва ли бы гетманъ Тетеря, находившійся въ ту пору на лицо въ правобережной Украинѣ, дозволилъ открыто возставшему Поповичу безнаказанно хозяйничать въ паволоцкомъ полку въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ». Конечно, Тетеря не потерпѣлъ бы того и раньше, если бы не опасался вооружить противъ самого себя партію Сомка и склонившагося на его сторону Васюты, которая была сильна и на правобережьи. Этимъ только и можно объяснить снисходительность Тетери къ Поповичу въ болѣе раннее время: она черезчуръ исключительна и непонятна въ эпоху, когда въ Заднѣпровьи, подчиненномъ Москвѣ, не стѣснялись рубить головы сподвижникамъ и родичамъ Б. Хмельницкаго, а въ Украинѣ, признававшей власть Польши, простой полковникъ Маховскій судилъ сенатора Рѣчи Посполитой Выговскаго и разстрѣливалъ его на мѣстѣ. Но она становится вполнѣ объяснимой и естественной, если за виновнымъ лицомъ стояла могущественная партія. Это даетъ намъ, между прочимъ, путь, гдѣ именно слѣдуетъ искать заступниковъ и покровителей, а можетъ быть даже и подстрекателей Поповича.

Библиотека "Руниверс"

Сдача Поповича, чтобы не губить города и населенія, констатируется, вопреки Ерличу, Самовидцемъ, и соотвѣтствующее мѣсто у Грабянки составляетъ только риторическую перифразу словъ современника. Любопытнѣе же всего, что ни послѣдній, ни южнорусскій лѣтописецъ позднѣйшій, оба враждебные полякамъ и не упускающіе случая выставить какъ можно рѣзче на видъ каждую жестокость съ ихъ стороны (Грабянка приводитъ и преданія легендарнаго характера), рѣшительно ничего не говорятъ о тѣхъ мученіяхъ, какимъ подвергали, по словамъ лѣтописца—шляхтича, паволоцкаго полковника при допросахъ и во время самой казни. Если бы о такихъ варварскихъ пыткахъ разсказывали лѣтописцы козацкіе, а молчалъ о нихъ Ерличъ, дѣло было бы понятное, хотя самый фактъ затемнялся бы, и приходилось бы рѣшить вопросъ: или истязанія Поповича имѣли мѣсто въ дѣйствительности, но шляхетскій лѣтописецъ замалчиваетъ жестокость представителя своей партіи; или же, наоборотъ, ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ не было, мученія выдуманы врагами поляковъ и Тетери, чтобы очернить и омерзить ихъ въ глазахъ народа. Мимоходомъ замѣтимъ, что одна изъ подробностей казни, «aby pierwey koronę albo plesz rozpaloną cegłą albo kamieniem starto», должна была изображать кощунственную пародію на обрядъ лишенія священнаго сана, разстриженія. Слова Самовидца набрасываютъ сомнѣніе и на то, что самъ будто бы гетманъ Тетеря осаждалъ Паволочь,—онъ говоритъ только о посланномъ отъ гетмана войскѣ. Подробности допросовъ, якобы снимаемыхъ лично Тетерею, наединѣ, отсылая каждый разъ въ сторону даже палача, на нашъ взглядъ носятъ прямо апокрифическій характеръ, какой мы и признаемъ за всѣми росказнями Ерлича объ этой сторонѣ дѣла. Но эти росказни имѣютъ иное значеніе: онѣ показываютъ степень страха мѣстной шляхты передъ каждымъ народнымъ волненіемъ, хотя бы только мѣстнымъ и незначительнымъ. Шляхтичи не безъ основанія видѣли во всемъ южнорусскомъ населеніи своего времени одну громадную массу горючаго матеріала, для котораго въ высшей степени опасна каждая малѣйшая искра. Тѣмъ болѣе должно было возбуждать опасеній возстаніе Поповича, о которомъ было извѣстно, что ему покровительствуютъ люди гораздо болѣе вліятельные,—Сомко былъ гораздо популярнѣе, чѣмъ самъ Тетеря, которому, поэтому, и приписана личная роль въ раскрытіи посредствомъ пытокъ широкаго заговора. Таковой несомнѣнно существовалъ, хотя Поповичу едва ли были извѣстны его размѣры и развѣтвленія: руководящія нити должны были сосредото-

Библиотека "Руниверс"

чиваться у Самка, и даже ослабленная его смертью партія старшинская или, что то же, сторонники автономіи Украины на основаніяхъ гадяцкихъ пактовъ, въ слѣдующемъ же году пыталась взять на себя руководящую роль, въ лицѣ Выговскаго, недаромъ сносившагося съ Сѣркомъ и Сулимой, и не разъ еще подавала признаки жизни въ Заднѣпровьи, до Мазепы включительно и даже гораздо дальше. Первоначально она возненавидѣла родовитую олигархію Польши, но желала сама занять ея мѣсто, подъ покровительствомъ Москвы. Въ рецензіи тѣхъ же Актовъ ю. и з. Р. («Кіев. Старина», сентябрь) мы отмѣтили уже очень раннія попытки старшинъ къ созданію латифундій, къ превращенію самихъ себя въ тѣхъ же королятъ, противъ которыхъ первоначально поднято возстаніе Богданомъ Хмельницкимъ. Но разочаровавшись съ этой стороны въ содѣйствіи ихъ видамъ со стороны Москвы, убѣдившись, что ея нивеллирующій централизмъ одинаково оказываетъ давленіе и на нихъ самихъ,—старшинская партія возненавидѣла было и Москву, пока не съумѣла приладиться къ новымъ условіямъ и возродиться въ позднѣйшихъ «высокородныхъ» дворянахъ-душевладѣльцахъ...

Въ 1663 году, конечно, стремленія партіи еще не объединились, пути къ ихъ достиженію не выяснились достаточно, образцомъ служила та же польская олигархія, а южнорусскіе поклонники ея идеаловъ, при условіи осуществленія ихъ въ собственную пользу, чуть не ежедневно мѣняли подданство и возбуждали возстанія то въ Заднѣпровьи противъ Москвы, то на правой сторонѣ Днѣпра противъ Польши, надѣясь выиграть въ этой борьбѣ сосѣднихъ государствъ на счетъ ихъ обоихъ.

Въ наволочскомъ возстаніи мы видимъ одно изъ проявленій этой гибельной для страны политики, а въ Иванѣ Поповичѣ орудіе старшинской партіи. Связи его съ Самкомъ одинаково удостовѣряются всѣми. Если удастся доказать его связь и съ Васютою, то можно признать его безъ колебаній за одно лицо съ Поповичемъ, черниговскимъ полковникомъ 1654—55 годовъ, подначальнымъ Ивана Никифоровича Золотаренка, сослуживцемъ Василія Никифоровича, т. е. именно Васюты, полковника нѣжинскаго, и двоюроднаго ихъ брата, Тимофея Оникіевича Золотаренка, на ту пору полковника стародубскаго.

Ив. Н.

Библиотека "Руниверс"

Библіографическія замѣтки.

I.

Рѣдкое старопечатное евангеліе.

Въ «Кіевской Старинѣ» (іюль 1889 г., стр. 289—290) было сообщено г. О. Л. *любопытное* извѣстіе о томъ, что въ библіотекѣ владиміро-волынскаго братства есть чрезвычайно любопытное старопечатное евангеліе. Въ этой статьѣ оно описано такъ: «Евангеліе средняго формата, довольно крупной печати, къ сожалѣнію безъ выходнаго листа и потому мѣсто и время его изданія неизвѣстны, но внизу по листамъ идетъ собственноручная запись жертвователя о томъ, что онъ «положилъ» это евангеліе «до церкви» св. Николая (въ с. Будятычахъ) «лѣта ѯ҃зо҃к҃ (7072) мѣсяца марта к҃ѣ҃ день» т. е. въ 1564 г. Надпись эта по своимъ палеографическимъ признакамъ не возбуждаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно ея соотвѣтствія тому времени, какое въ ней означено, и буквы года ѯ҃зо҃к҃—(7072) такъ ясно и отчетливо написаны, что иначе и прочесть ихъ нельзя. Между тѣмъ до сихъ поръ первенцемъ западно-русской печати признается *Заблудовское евангеліе учительное* 1569 г. Первое же славянское евангеліе было издано лишь въ 1575 г. въ Вильнѣ у братьевъ Мамоничей. А будятычское евангеліе уже въ началѣ 1564 г. было пожертвовано въ церковь, слѣдовательно издано еще раньше. Признать же его изданіемъ Скорины невозможно, какъ по языку (чистый славянскій языкъ), такъ равно по формату и шрифту,—въ послѣднемъ отношеніи оно болѣе всего имѣетъ сходство съ изданіемъ Мамоничей. Предлагаемъ эту загадку вниманію историковъ западнаго и южно-русскаго книгопечатанія».

Заинтересовавшись этимъ извѣстіемъ, мы попросили одного изъ профессоровъ московской духовной академіи выписать означенное евангеліе для подробнаго изслѣдованія онаго нами и убѣдились, что это евангеліе принадлежитъ къ числу тѣхъ *трехъ* старопечатныхъ евангелій, безъ выходныхъ листовъ, которыя уже давно обратили на себя вниманіе нашихъ библіографовъ и описаны подробно въ извѣстномъ сочиненіи И. Каратаева: «Описаніе славяно-русскихъ книгъ. Т. I. Съ 1491 по 1652 г.» С-Петербургъ. 1883 г.

Вышеупомянутыя евангелія безъ выходныхъ листовъ описаны у И. Каратаева подъ № 64, 65 и 66. Будятычское евангеліе по типографскимъ признакамъ есть то самое евангеліе, которое описано у него подъ № 66-мъ. А такъ какъ тамъ значится всего лишь

Библиотека "Руниверс"

четыре экземпляра онаго: въ Спб. въ публичной библіотекѣ, въ Москвѣ въ библіотекѣ общ. исторіи и древн. Рос. и въ публичн. и румянц. музеѣ, въ Вильнѣ, въ публичн. библіотекѣ, слѣдовательно будятычское евангеліе есть *пятый* экземпляръ старопечатнаго евангелія № 66.

Это евангеліе описано у И. Каратаева слѣдующимъ образомъ: (стр. 151): № 66. Четвероевангеліе, въ листъ. Выходнаго листа во всѣхъ извѣстныхъ экземплярахъ нѣтъ. Всѣхъ 397 листовъ, не имѣющихъ нумераціи, и по какому то странному случаю, въ книгѣ нѣтъ необходимой въ типографическомъ дѣлѣ сигнатуры тетрадей, что составляетъ такую особенность, которой нельзя видѣть ни въ одной славянской старопечатной книгѣ кирилловскаго шрифта. Это отсутствіе нумераціи листовъ, а главное сигнатуры тетрадей, доказываетъ ничто иное, какъ неопытность трудившихся въ изданіи. Четвероевангеліе это напечатано, вѣроятно, во второй половинѣ XVI вѣка. Полный наборъ страницы составляютъ 18 строкъ. Шрифтъ довольно красивъ. Въ этомъ изданіи попадается буква *о*, имѣющая въ срединѣ иногда двѣ точки, а иногда крестикъ. Заглавныя надписанія, прописныя и мѣстами строчныя буквы печатаны киноварью. Предъ каждымъ началомъ четырехъ евангелій отпечатано по фигурной, черной заставкѣ; въ одной изъ нихъ, у ев. Матѳея, въ срединѣ помѣщено изображеніе этого святаго, сидящаго у стола и пишущаго. Еще пять заставокъ, меньшаго размѣра, находятся предъ оглавленіями къ евангеліямъ и предъ соборникомъ. Каждое изъ четырехъ евангелій, начинается большой фигурной черной буквой. Содержаніе *соборника* такое же, какъ и у предъидущихъ двухъ (№ 64 и 65) также безъ выходныхъ евангелій. Въ евангеліи Іоанна въ концѣ 45 зачала, съ боку столбца, находится изображеніе креста, напечатанное черною краской». Далѣе, въ описаніи псалтири № 68 (стр. 153) И. Каратаевъ замѣчаетъ: «Эта псалтирь, какъ и сходное съ нею по шрифту вышеназванное евангеліе (№ 66),—*изданіе виленское*, и такъ же, какъ это послѣднее, *всего вѣроятнѣе относится къ древнѣйшей эпохѣ виленской типографіи, прежде виленскаго изданія 1575 г.*» Итакъ, догадка О. Л., что будятычское евангеліе должно быть виленской печати (братьевъ Мамоничей), оказывается справедливой, а извѣстіе о его вкладной записи 1564 г. въ свою очередь подтверждаетъ догадку И. Каратаева.

Въ этомъ экземплярѣ въ концѣ не достаетъ двухъ конечныхъ листовъ (должно быть 397, а на лицо 395).

Библиотека "Руниверс"

Приведемъ двѣ вкладныхъ записи онаго: Первая письма XVII в. русская—латинскими буквами. Вторая 1564 г. славянскими буквами.

1) «Та Ewanielia jest Cerkwi Butiatyckiej».

2) „лѣта ѯ҃зо҃го мца марта к҃е
дно на благовещенїе прест҃
кладычицы нашеѧ Ц҃цы и
Двы марѣи полажи сн҃
ѥвангѣлїѧ Ѹніс...“

Послѣ настоящаго открытія о будятичскомъ евангеліи съ большею достовѣрностію можно выразиться относительно времени и мѣста напечатанія всѣхъ трехъ евангелій, описанныхъ у И. Каратаева подъ № 64, 65 и 66.

а) Евангеліе № 64 (извѣстно въ 4 экзем., одинъ изъ коихъ со вкладною записью 1563 г.), *несвижской печати*, не позже 1563 года.

б) Евангеліе № 65. (извѣстно въ 3 экз., одинъ изъ коихъ со вкладною записью 1569 г.), московской печати Ивана Федорова 1566, или 1567 г. См. о немъ мою статью съ рисунками: «Евангеліе, напечатанное въ Москвѣ 1564—1569» (Памятники древней письменности, 1883 г.).

в) Евангеліе № 66, виленской печати, не позже 1563 г., доселѣ извѣстно *пять* экз. онаго, къ числу которыхъ принадлежитъ и *будятичское* (со вкладною записью 25 марта 1564 года), хранящееся въ библіотекѣ владиміро-волынскаго братства.

II

Типографія въ Угорцахъ (деревня въ Галиціи въ самборскомъ округѣ) іеромонаха Павла Домжива-Лютковича.

Библіографы признаютъ, что первая книга, вышедшая изъ этой типографіи, есть:

1) *Выкладъ вѣры*, изд. 1611 года (форматъ неизвѣстенъ. Вишневскій, Исторія польской литературы, т. VIII, стр. 434. Головацкій со ссылкою на Вишневскаго. Голубевъ, Библіографич. замѣчанія, стр. 42. И. Каратаевъ, Описаніе славяно-русскихъ книгъ т. I, 1883 г., стр. 319).

2) Събраніе въкратце словесъ отъ Божественнаго писанія и з'объясненіемъ изложенія святыхъ Апостолъ, двунадесяти Аѣтикуловъ Православной вѣры. Выдруковано коштомъ и накладомъ благо-

Библиотека "Руниверс"

честиваго Его М. Пана Александра Шептицкаго з'Шептицъ. Працею і стараньемъ Іеромонаха Павла Домжива-Лютковича, Іеродіякона Селивестра. Въ Угорцахъ року 1618 мѣсяца марта 30 день.

(И. Каратаевъ, Описаніе славяно-русскихъ книгъ, т. I, стр. 346).

3) Апостолы и Евангеліа чрезъ всѣ Неделѣ и празд: и избранн ст. на весь годъ. Первое изобразися В'Угорцахъ року 1620.

На оборотѣ заглавнаго листа гербъ съ надписью «гербъ ясневелможныхъ Шептицкихъ». Слѣдующая часть этой книги издана иждивеніемъ того же пана Александра Шептицкаго, на оборотѣ послѣдняго листа, въ концѣ: въ Угорцахъ, в'друкарни іеромонаха Павла Домжива Лютковича, року 1620.

(И. Каратаевъ, Описаніе славяно-русскихъ книгъ т. I, стр. 362).

И такъ, доселѣ библіографы знали лишь *три* изданія, вышедшія въ *Угорцѣ* изъ типографіи іеромонаха Павла Домжива Лютковича съ 1611 по 1620 годъ включительно.

Очевидно, что здѣсь что нибудь да не такъ [1]): или первое изданіе этой типографіи вышло гораздо позже, или извѣстны доселѣ далеко не всѣ изданія оной,—первое предположеніе, полагаемъ, имѣетъ болѣе вѣроятности, хотя и второе, какъ увидимъ ниже, тоже не лишено основанія.

Въ недавнее время намъ случилось открыть еще одно изданіе угорецкой типографіи 1619 года: въ одной рукописи конца XVII или начала XVIII вѣка (родословной) встрѣтили мы статью: «Краткій хронологическій лѣтописецъ», въ концѣ коей значится, что онъ выписанъ въ Козловѣ и списанъ съ книги «Литовскихъ печатей, печати *Пана Шептицкаго въ Угорцахъ, лѣта Господня 1619 года,* а та книга находится у Алаторца у Кузьмы Влассва».

Заглавіе книги тутъ не показано, но очевидно, что здѣсь дѣло идетъ о книгѣ историческаго, а не богословскаго содержанія (Лѣтописецъ или Синопсисъ). Во всякомъ случаѣ это извѣстіе указываетъ на существованіе такого изданія въ *Угорцахъ* 1619 г., о которомъ доселѣ не было ничего извѣстно нашимъ библіографамъ и которое если поискать, можетъ быть найдено.

При этомъ нельзя не замѣтить, что открытіе новаго, доселѣ неизвѣстнаго изданія типографіи въ Угорцахъ 1619 года ведетъ къ

---

[1]) Если первое изданіе угорцкой типографіи относится къ 1611, а второе къ 1618, спрашивается, отъ чего же типографія эта бездѣйствовала въ теченіе цѣлыхъ 7 лѣтъ?

Библиотека "Руниверс"

заключенію, что первое изданіе этой типографіи «Выкладъ вѣры» едва ли не должно быть тоже пріурочено къ 1617—1620 год., или, говоря другими словами, что типографія эта существовала въ Угорцахъ не болѣе четырехъ лѣтъ (1617—1620) и что всѣ вышедшія изъ нея въ этотъ періодъ изданія были сдѣланы на иждивеніе благочестиваго пана Александра Шептицкаго. Благочестивый (православный)' панъ Александръ Ѳедоровичъ Шептицкій скончался въ концѣ 1621 года, судя потому, что книга «Казанье на чиненю памяти по зешломъ (т. е. отшедшемъ) его милости пану Александрови Ѳеодоровичу Шептицкомъ, презъ отца Павла Домжива Лютковича игумена мѣнскаго (минскаго) отправованое мѣсяца декабря 20 дня» (вѣроятно въ день годовой памяти), вышла въ свѣтъ въ 1622 году и при томъ безъ означенія мѣста печати (вѣроятно въ Минскѣ, гдѣ тогда находился отецъ Павелъ въ Петропавловскомъ монастырѣ).

Въ 1625 году типографія отца Павла Домживы Лютковича и самъ онъ съ своимъ товарищемъ іеродіакономъ Сильвестромъ уже находились въ Четвертнѣ (на Волыни) и тамъ продолжали печатаніе церковно-славянскихъ книгъ на иждивеніе князя Григорія Четвертинскаго.—(См. у И. Каратаева стр. 378, № 296).

Архимандритъ Леонидъ.

Англійское извѣстіе 1736 г. о запорожцахъ.

Въ журналѣ «The Academy» за настоящій годъ (Aug. 17, № 902, p. 105) помѣщена небольшая замѣтка В. Н. Александренка: «Запорожскіе козаки въ описаніи англійскаго посла при русскомъ дворѣ 1736 г.». При занятіяхъ своихъ въ британскомъ государственномъ архивѣ авторъ изслѣдованія «Англійскій тайный совѣтъ и его исторія» встрѣтилъ любопытное донесеніе англійскаго резидента въ С.-Петербургѣ Клавдіуса Рондо лорду Гаррингтону отъ 24 апрѣля 1736 г. объ обычаяхъ и устройствѣ запорожской военной общины, которая принимала въ ту пору участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ Россіи противъ турокъ и поэтому остановила на себѣ вниманіе англійскаго дипломата; донесеніе это и приведено г. Александренкомъ цѣликомъ въ помянутой замѣткѣ. Не прибавляя ничего существенно новаго къ нашимъ свѣдѣніямъ объ устройствѣ Новой Сѣчи и основанное на данныхъ, почерпнутыхъ изъ вторыхъ рукъ, извѣстіе Рондо не лишено нѣкотораго интереса: оно показываетъ, что Сѣчь еще и въ

Библиотека "Руниверс"

то время считали важнымъ факторомъ въ военномъ отношеніи, что въ козакахъ нуждались и потому стремились уразумѣть строй ихъ жизни,—именно въ это время русское войско подвигалось къ Азову. Новая Сѣчь, которую характеризуетъ Рондо, какъ извѣстно, была основана въ 1734 году, послѣ ухода запорожцевъ изъ крымскихъ предѣловъ и окончанія т. наз. вавилонскаго плѣненія въ Алешкахъ и Каменкѣ. Тяжелыя условія жизни сѣчевиковъ подъ турецкой властью вынудили ихъ вновь перейти на русскую сторону, такъ какъ иначе предстояла горькая перспектива воевать за Польшу. Устроенная въ Омиловомъ, на балкѣ Каменкѣ, а затѣмъ нѣсколько повыше у р. Пидпильной, Новая Сѣчь закончила свои дни катастрофой 4 іюня 1775 г. при имп. Екатеринѣ II. Въ эти 40 лѣтъ Запорожье играло чисто служебную роль, но, какъ видно отчасти и изъ донесенія Рондо, основныя начала сѣчеваго устройства продолжали твердо держаться въ сознаніи сѣчевиковъ и даже безучастнаго наблюдателя поражали своею цѣльностью и своеобразною законченностью.—Предлагаемъ здѣсь полный переводъ донесенія Рондо.

Н. Молчановскій.

«Такъ какъ нынѣ много говорятъ о запорожскихъ козакахъ, которые заселяютъ нѣсколько небольшихъ острововъ въ устьѣ рѣки Днѣпра или Борисѳена, а фельдмаршалъ Минихъ часто упоминаетъ о нихъ въ своихъ реляціяхъ, и по всей вѣроятности здѣшній дворъ съ пользою употребитъ ихъ противъ турокъ, то, надѣюсь, послѣдующее описаніе этихъ козаковъ не будетъ неумѣстнымъ.—Запорожскіе козаки представляютъ весьма сильное и неутомимое племя. Ихъ кошевой (Cashevoy) или генералъ имѣетъ отдѣльное помѣщеніе размѣромъ около десяти квадратныхъ футовъ, но прочіе живутъ въ обширныхъ избахъ, называемыхъ куренями, въ каждомъ изъ коихъ находится около шести или семисотъ человѣкъ; всякій желающій явиться въ курень можетъ жить и ѣсть съ ними безъ всякихъ разспросовъ или благодарности за гостепріимство. Такъ какъ весь народъ представляетъ необыкновенное племя, болѣе привычное къ жизни въ полѣ, нежели въ постоянныхъ жилищахъ, то обыкновенно при каждомъ куренѣ находится четыреста или пятьсотъ человѣкъ, живущихъ подъ открытымъ небомъ, но имъ вольно являться въ избу, когда пожелаютъ, безъ всякаго стѣсненія. Запорожцы представляютъ родъ рыцарей, которые не допускаютъ въ своей средѣ женщинъ, потому что если обнаруживается, что кто либо изъ нихъ держитъ у себя женщину, то такой побивается камнями. У нихъ нѣтъ писаннаго права, а всѣ дѣла рѣшаются шестью или семью лицами, которыхъ они избираютъ для этой цѣли, но рѣшеніе послѣднихъ не можетъ

Библиотека "Руниверс"

быть исполнено, пока не будетъ утверждено братствомъ. Если у нихъ случится кража и похититель захваченъ, его немедленно вѣшаютъ за ребра. Обнаруживъ убійцу, выкапываютъ яму, кладутъ убитаго на убійцу и зарываютъ ихъ разомъ. Запорожцы исповѣдуютъ греческую вѣру, и пока они находились подъ властью турокъ, священниковъ назначалъ имъ константинопольскій патріархъ; но въ послѣдніе два года, когда они подчинены царицѣ, священниковъ присылаетъ имъ митрополитъ (въ текстѣ—Arch-bishop) кіевскій. У нихъ лишь одна церковь, гдѣ служитъ игуменъ (an Abbot) и нѣсколько священниковъ, которымъ не разрѣшено вмѣшиваться въ какія либо мірскія дѣла, исключая заступничества за преступниковъ и присутствованія при публичномъ покаяніи ихъ въ церкви въ случаѣ учиненія послѣдними какихъ либо неважныхъ правонарушеній. Запорожцы допускаютъ въ свое братство всѣхъ вообще, безъ различія національности, если поступающіе принимаютъ греческую вѣру и согласны подвергнуться семилѣтнему искусу ранѣе полученія званія рыцаря. Если кто либо изъ братства уходитъ, такихъ не преслѣдуютъ, но считаютъ ихъ недостойными своего общества. Богатства запорожцевъ заключаются въ скотѣ, особенно лошадяхъ, нѣкоторые имѣютъ свыше ста головъ, и едва ли найдется хоть одинъ козакъ, у котораго не было бы десяти или двадцати штукъ. Хотя козаки владѣютъ многими тысячами лошадей, которыя ходятъ табунами въ открытыхъ поляхъ, но конокрадство у нихъ почти неизвѣстно, ибо такая кража считается въ этомъ народѣ непростительною. Запорожцы не сѣютъ хлѣба: во время войны они грабятъ всевозможные запасы у враговъ, а въ мирное время вымѣниваютъ все, что необходимо, на лошадей и рыбу. Они ловятъ множество рыбы, особенно осетрину въ Днѣпрѣ. Для своихъ конскихъ заводовъ запорожцы пользуются турецкими и черкесскими жеребцами. Оружіе свое, состоящее изъ карабиновъ (Rifled Guns) и сабель, они изготовляютъ сами. Къ званію рыцаря допускаются въ ихъ обществѣ только люди очень сильные и хорошо сложенные, но каждый можетъ быть принятъ въ качествѣ холопа (cholopp) или слуги, и нѣкоторые держатъ ихъ по два или по три. Запорожцы никогда не заботятся считать, сколько рыцарей числится въ ихъ братствѣ, и на вопросъ объ этомъ отвѣчаютъ, что не могутъ опредѣлить, такъ какъ число ихъ растетъ съ каждымъ днемъ; но, говорятъ, ихъ болѣе двадцати тысячъ человѣкъ. Извѣстно, что большую часть этого народа составляютъ козаки, бѣжавшіе изъ Украины, но холопы или слуги въ большинствѣ поляки. Запорожцы подѣлены на тридцать большихъ избъ или куреней, каждый курень имѣетъ своего командира или атамана, которые тѣмъ не менѣе всѣ обязаны повиноваться кошевому или генералу. Всѣ рыцари имѣютъ право голоса при выборѣ генерала или кошеваго; если послѣдній держитъ себя ненадлежаще, его смѣняютъ и выбираютъ другаго, какъ это случилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ нынѣшнимъ

Библиотека "Руниверс"

кошевымъ (Иваномъ Милашевичемъ?), который былъ смѣщенъ и избранъ другой, затѣмъ умершій, послѣ чего нынѣшній выбранъ вновь. Умирая, запорожскій рыцарь можетъ оставить своихъ лошадей и все вообще имущество кому пожелаетъ, но обыкновенно болѣе всего получаетъ церковь для содержанія священника».

Четыре письма О. М. Бодянскаго. 1855—58 гг.

Настоящія письма писаны къ намъ во время нашего студенчества, въ отвѣтъ на тѣ вопросы, съ которыми мы обратились къ О. М. Бодянскому, какъ знатоку малорусской старины. Простота и сердечность отвѣтовъ малознакомому студенту другаго университета могутъ послужить дополненіемъ къ представленію о личности достопамятнаго ученаго. Въ четвертомъ письмѣ говорится о небольшой библіографической нашей работѣ, которая была посвящена О. М. Бодянскому. Правописаніе сохранено подлинниковъ.

А. Л.

1) Сердечно благодарю васъ за присланныя вами малороссійскія пѣсьни. Хоть онѣ и не цѣльныя, но все же и обломки нерѣдко годятся къ дѣлу. Впрочемъ не изъ такихъ ли нецѣльностей строятъ намъ мозаичныя картины? Будемъ благодарны и за то, что дошло къ намъ и въ етомъ видѣ. Всѣ почти етѣ обломки мнѣ давно уже извѣстны; а все же чѣмъ больше, тѣмъ больше и лучше для человѣка, занимающагося такимъ, какъ я, дѣломъ. Есть изъ чего повыбрать, знаешь, что и какъ портилось, передѣлывалось и т. под. Что до намѣренія вашего издать текстъ малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ, то, во первыхъ я бы непомѣстилъ послѣднихъ съ первыми. Пословица сама по себѣ, а поговорка сама по себѣ, хотя обѣ иногда трудно бываетъ отличить между собою; но въ томъ то и хытрость вся, чтобъ не смѣшать ихъ. Во вторыхъ: я самъ больше 1500 имѣю пословицъ, совсѣмъ приготовленныхъ къ печати, а все таки не рѣшаюсь то сдѣлать, безпрестанно пополняя свой сборникъ новыми. Лучше поздно, чѣмъ плохо и скоро. Примѣръ тому видите сами на сборникѣ Харьковскомъ, который когда то (лѣтъ 20 или около того) я разбиралъ въ Телескопѣ почти въ ету пору года, и принужденъ былъ вступить въ перестрѣлку, по етому случаю, съ однимъ изъ теперешнихъ моихъ сокаѳедренниковъ. А впрочемъ вольному воля, а спасенному рай. Sumite materiâ, viribus vestris, aequâ, кажется Горацій сказалъ гдѣ-то. Стало возможная полнота и вѣрность подобнаго

Библиотека "Руниверс"

рода вещей первое достоинство изданія ихъ, а ето достигается исподоволь, временемъ да временемъ. Знайте, что народныя произведенія никогда не теряютъ своего вѣса. Я не раскаяваюсь, что по сю пору не выдалъ еще ни пѣсень, ни пословицъ: когда подумаю, въ какомъ видѣ явилось бы то и другое 10-ть лѣтъ тому назадъ, и въ какомъ теперь—слова тѣ Христе! Конечно жизнь человѣческая яко цвѣтъ польный; но жывый жыве й гадае.

Будьте здоровы, благополучны и не забывайте преданнѣйшаго вамъ отъ души, вашего покорнѣйшаго слугу О. Б.

Авг. 14 дня 1855 г.

2) Спѣшу отвѣчать на послѣднее ваше письмо, отъ 21-го, полученное мною лишь 25-го текущаго мѣсяца, и отвѣчать въ томъ порядкѣ, какъ вы предлагаете мнѣ вопросы. Издатель малороссійскихъ пословицъ, явившихся когда то въ Харьковѣ, есть какой то *Смирницкій*, кандидатъ тамошняго университета, по крайней мѣрѣ, такъ онъ названъ на подносномъ екземплярѣ своему цензору въ то время, видѣнномъ мною на свѣжихъ порахъ. Впрочемъ объ етомъ вамъ болѣе можетъ сообщить Измаилъ Ивановичъ вступавшійся за него въ перебранкѣ со мной, по поводу разбора, написаннаго тогда мною въ Телескопѣ. Такъ по крайности, говорилъ мнѣ въ ту пору издатель Телескопа. Противъ посвященія вашего «Указателя» мнѣ я не имѣю ничего возразить, кромѣ, развѣ, благодарить васъ за вниманіе къ моимъ посильнымъ когда то трудамъ на полѣ родной старины. Долженъ также сердечной благодарностью вамъ и за намѣреніе ваше касательно присоединенія собранныхъ вами пословицъ къ сборнику моему, а также и за вновь сообщенныя (6-ть) малороссійскія пѣсьни. Изъ нихъ дѣйствительно подъ № 2-мъ и мнѣ не извѣстна: жаль, что она только въ отрывкѣ; прочія же всѣ имѣются у меня; однако, не смотря на то, нѣкоторыя съ замѣчательными разнорѣчіями. Что до пѣсьни: «Ихавъ козакъ за Дунай», то она, какъ показываютъ самый устрой и стихъ ея, не есть произведеніе народа, но точно принадлежитъ «письменному», какъ увѣряетъ Максимовичъ въ своемъ сборникѣ «Малороссійскихъ пѣсень». Москва, 1827, стр. 216, тому самому, котораго вывелъ на сцену кн. Шаховской въ своемъ водевилѣ, кажется, «Козакъ стихотворецъ». Наконецъ: «Стихотворенія Іосифа Олова», можетъ быть и были писаны Гоголемъ, а можетъ быть и нѣтъ. Что то и я слышалъ объ етомъ въ Бѣлокаменной; при первомъ же свиданіи съ его племянникомъ, который теперь здѣсь и занимается изданіемъ 1-ой части «Мертвыхъ душъ», равно какъ и

Библиотека "Руниверс"

слѣдующихъ томовъ его «сочиненій», спрошу хорошенько о томъ; статься можетъ, онъ что нибудь о томъ знаетъ. Современемъ, при случаѣ, извѣщу и васъ, буде что откроется занимательнаго по этому случаю. Затѣмъ будьте здоровы, благополучны и не забывайте преданнѣйшаго вамъ отъ души, вашего покорнаго слугу О. Б.

У насъ наклевывается новый журналъ, который будетъ издаваться «Общиной», подъ редакціей Каткова. Говорятъ что и о другомъ сильно хлопочетъ другая «Община», совершенно противоположная первой. Въ добрый часъ!

30 октября 1855 г.

3) Сердечно благодарю васъ за ваше обязательное письмо и при немъ тетрадку малороссійскихъ пѣсень. Между ними есть нѣсколько довольно милыхъ, хоть вообще извѣстныхъ. Впрочемъ, найдется 3—4 такихъ, что годятся въ разнословія. Чѣмъ больше послѣднихъ, тѣмъ лучше. Жалѣю что вы не завернули ко мнѣ проѣздомъ черезъ Бѣлокаменную. Мы бы потолковали объ Украини на чужыни.

Читаете ли вы въ Бесѣдѣ «Дни и мѣсяцы въ Малороссіи?» Не пропускайте ихъ; они стоятъ нашего вниманія. Въ слѣдующей книжкѣ явятся «Филологическія письма къ Погодину», того же самаго сочинителя: не поздоровится отъ нихъ многимъ и многимъ.

Наши студенты тоже затѣваютъ какой то журналъ, въ родѣ вашего; но, сказать правду, я мало проку вижу въ етой «пробѣ пера и чернила, какова въ нихъ сила». Не ето намъ нужно; прошла уже та пора, и прошла безвозвратно, когда нужно было пряниками подстрекать молодежь взбираться на Парнасъ, Геликонъ и подобныя тому холмы и горы. Скорѣе нужна всѣмъ намъ выдержка, впрочемъ, безъ задержки. Кто же одержимъ противнымъ духомъ, въ любомъ журналѣ можетъ пріютиться, съ личиной и безъ личины, ища себѣ славы, а князю чти, какъ говорится въ нѣкоемъ Словѣ о полку Игоревѣ. А впрочемъ, что голова, то разумъ, и проч. Вѣдь на вкусъ да на цвѣтъ уставу нѣтъ! Весь вашъ отъ души О. Б.

Октября 23 дня, 1856 г.

4) Когда вы будете читать етѣ строки, ровно минетъ тому мѣсяцъ, какъ я получилъ ваши, въ которыхъ столько для меня лестнаго, а главное теплаго, участія. И, однако же, при всемъ желаніи моемъ, я никакимъ образомъ не въ силахъ былъ отвѣчать вамъ ранѣе сегодня. Причиной тому многое и многое, въ особенности же выпускъ 2-ой книги «Чтеній». Вы не повѣрите, чего они мнѣ теперь

Библиотека "Руниверс"

стоятъ. Прежде я (десять лѣтъ тому назадъ) издавалъ каждый мѣсяцъ по такой книжкѣ, а нынче и въ *три* не въ состояніи сколотить, не смотря на то, что въ ревности къ тому не только не охолодѣлъ, но еще пуще окрѣпъ; что готоваго запаса на 2 года, если бы пришлось издавать даже по прежнему (по 9-ти книжекъ въ годъ); что таже типографія и почти тѣже наборщики; что словомъ вся обстановка старая, *да ба!* Вчера покончилъ 2-ую книгу, и первымъ же дѣломъ, которое лежало у меня цѣлой мѣсяцъ на сердцѣ (отвѣтъ на ваше обязательное письмо)—отповѣдь на него вамъ сегодня. Надѣюсь вы сколько нибудь извините мою невольную неточность въ этомъ случаѣ. Сердечно благодарю васъ за присылку екземпляра изданного вами «Указателя источниковъ для изученія Малороссійскаго края»; давно въ немъ настояла нужда; давно слѣдовало бы за него взяться кому ни есть изъ малороссіянъ. На первой разъ вы сдѣлали его прекрасно, сколько то позволяли вамъ ваши средства. Совершенствованіе какъ его, такъ и послѣдующихъ вашихъ и нашихъ работъ—въ будущемъ: много значитъ начало, особливо толковое, обдуманно и ревностно исполненное начало. Dimidium facti habet, qui bene coepit. Недостатковъ въ комъ нѣтъ? Дожидаться, пока ихъ не будетъ, можетъ привести, пожалуй, къ тому, что желаннаго нами и вовсе не будетъ, какъ ето и видимъ довольно таки частенько на требователяхъ совершеннаго. Что до листика въ вашемъ «Указателѣ», слѣдующаго за заглавіемъ непосредственно, то мнѣ остается только вамъ подяковаты щыро та пильно (?) за такую смачную цяцю. Мабуть, и наша денежка не щербата, або якъ кажуть то: «Нàте й мій глекъ на капусту, щобъ и я Настя була», може той, до которого те надписаньня касаетьця, сказаты, та й письля того замовчаты. Дяковаты, дяковаты, нызенько дяковаты! Съ нетерпѣніемъ жду пріѣзда вашего въ Бѣлокаменную. Побачемось и де що побалакуемо. А до того жъ бувайте соби жывенькы, здоровенькы, та й не забувайте вашого щырого земляка О. Б.

8 іюня 1858 г.

Образцы старо-семинарской поэзіи.

Какъ извѣстно, въ нашихъ старыхъ духовныхъ школахъ въ большомъ ходу было обыкновеніе подносить начальствующимъ лицамъ поздравительныя стихотворенія на дни праздниковъ и на раз-

Библиотека "Руниверс"

ные случаи въ ихъ жизни.—Предлагаемыя ниже стихотворенія составляли изящную тетрадку съ красивою виньеткою и изображеніями разныхъ миѳологическихъ божествъ. Протоіерей Ѳеодоръ Домонтовичъ, которому тетрадка была поднесена, начальствовалъ въ переяславской семинаріи въ званіи префекта съ 1786 года, ректоромъ же онъ былъ переименованъ въ 1802 году.—Одинъ изъ студентовъ—поэтовъ Леонтій Савичъ, перу котораго принадлежитъ большая часть прилагаемыхъ стихотвореній, по окончаніи курса семинаріи и затѣмъ кіевской академіи, проходилъ при переяславской семинаріи до 1817 г. должность учителя поэзіи и извѣстенъ какъ большой любитель поэзіи и какъ глубоко преданный своему предмету наставникъ.

П. Левицкій.

Его высокопреподобію, переясловскія семинаріи ректору, Богословіи учителю, и каѳедральнаго собора протоіерею, отцу Ѳеодору, милостивѣйшему благодѣтелю господину Домонтовичу. Въ знакъ чувствительнѣйшей благодарности, усердія и высокопочитанія за отеческія его милости, сіи стихотворенія приносятъ и посвящаютъ всенокорнѣйшіе слуги студенты богословіи 1802 года іюня 8 дня.

О д а.

Сойди о! муза съ мѣстъ Парнасскихъ
Отъ сферъ небесныхъ гдѣ живешъ
Оставь на мигъ утѣхи райски
Гдѣ нектаръ сладостей піешъ;
Сойди, чтобъ пѣть меня наставить
Чтобъ слабой разумъ мой направить,
Почтить, прославить, восхвалить
Щастливаго отца рожденье;
Когда небесъ благоволенье
Ему здѣсь указало жить.

—

Отверзлась дверь... неизмѣримость!
Всеобщаго паденья мать,
Мать Кронова непостижимость
Всѣхъ смертныхъ ярый, злобный тать,
Се вѣчность! длани простираетъ
Твой годъ какъ сына принимаетъ,
И прячется въ пучинахъ тьмы
Гдѣ цѣлы вѣки погрязаютъ
Быстро—орлиными крыльми.
Куда всѣ времена мелькаютъ

—

Но се! Господь ниспосылаетъ
Тебѣ знакъ милостей своихъ,
Се! новый годъ твой наступаетъ
Се! даръ для подвиговъ твоихъ
Се! Ангелъ тезоименитый
Твой ревностный стражъ знаменитый
Пришелъ тебѣ днесь возвѣстить
Отраду, щастье, славу нову,
Жизнь мирну, сладку, милость многу,
И въ новый годъ велитъ вступить.

—

За подвиги твои велики
За трудъ, за истощенье силъ
За милости ко всѣмъ толики
За потъ, кой ты до нынѣ лилъ,
Чтобъ щастье устроять врученнымъ,

Библиотека "Руниверс"

Сію награду Богъ излилъ;
Да вяще ты ихъ умножаешъ
Да вяще щастье устраяешь
Тѣхъ, конхъ онъ тебѣ вручилъ.

—

О! годъ златый о! день блаженный
Тебя мы жаждали узрѣть
Тебя надеждой окрыленны
Давно готовы были срѣсть;
Да во твои часы священны
Въ твои минуты драгоцѣнны,
Врученные сему отцу,
Сыновней радостью взыграемъ
Въ восторгѣ духа въ выспръ взываемъ
О здравіи сего къ Творцу.

—

Но се! какъ Фебъ съ высотъ эфирныхъ
Чело лазурью кроя горъ
Нисходитъ къ намъ въ долины мирны
И гонитъ мраковъ прочъ соборъ
Такъ ты желанный! къ намъ приходишь
Въ восторгъ сердца и духъ приводишъ
Кой мы не могши внутрь сокрыть
Тебѣ нашъ милый покровитель,
Отецъ, наставникъ, попечитель!
Пришли сердечно изъявить.

—

О ты! въ покровъ чей прибѣгаютъ
Соборы музъ и сей Парнассъ
Чье имя всѣ въ немъ прославляютъ
Во дни, въ нощи, на всякой часъ,
Среди твоихъ благодѣяній
Средь всѣхъ отличій достояній,
Прійми достойнѣйшій вѣнецъ,
Во мѣсто лавровъ и трофеевъ
И въ мѣсто звучныхъ арфъ Орфеевъ,
Нелестны чувствія сердецъ.

—

Да будетъ жизнь твоя цвѣтуща,
Красна, какъ роза при водахъ
Какъ лилія средь травъ, растуща,
Прекрасна, какъ тюльпанъ въ садахъ,
А силы, бдѣньемъ изнуренны
Какъ юность орля обновленны,
Да будутъ вновъ до поздыхъ лѣтъ,
И здравіе твое священно
Да будетъ вѣчно совершенно
Пока ты прейдешъ въ горній свѣтъ.

—

О ты! Творецъ всея природы,
Творецъ міровъ, Господь временъ,
Кого чтятъ славятъ всѣ народы
Дая различныхъ тьмы именъ:
Услыши насъ тебя молящихъ
Отъ сердца и души просящихъ
И къ счастью къ пользѣ общей насъ,
Храни ревнителя къ успѣхамъ
Пока сведешь его къ утѣхамъ
Небесный населять Парнассъ.

Сочинилъ *Леонтій Савичъ*.

Акростихъ.

Послалъ Творецъ сей день желанный
Единъ день радости приспѣлъ
Рожденья ангелъ твой избранный
Ефирныхъ на крылахъ слетѣлъ,
Ясвѣйшими лучами блещетъ,
Свѣтъ яркій онъ веселья мещетъ,
Ліетъ въ сердца отраду всѣхъ.
Ахъ! день пріятный, день утѣхъ,
Въ душахъ горитъ чистѣйша радость,
Смущенья гонитъ всюду прочь;
Какая въ чувства льется сладость!
Оставя насъ пасмурна ночь,
И се спѣшатъ сыны усердны,
Спѣшатъ, любовію возженны,

Библиотека "Руниверс"

Единственно къ тебѣ, отецъ,
Младыхъ наставнику сердецъ,
И ты, зиждитель благоденства,
На верхъ ведешъ насъ въ щастья храмъ,
А паче вѣчнаго блаженства
Разженъ даешъ свѣтилникъ намъ,
І такъ въ сей день благословенный
Излити жаръ, въ душахъ возженный,
Раскрывъ сердца, къ тебѣ спѣшимъ
Единодушно и гласимъ:
Ко щастью нашему о! Боже
Творецъ! Ѳеодора храни:
Онъ есть всего для насъ дороже;
Распространяй его ты дни,
Услыши, Господи! въ сей часъ,
храни его, храни для насъ.

Сочинилъ *Данило Максимовичъ.*

Рондо.

Кто нища милуетъ, кто сиру пособляетъ,
Невинность страждущу въ бѣдахъ кто защищаетъ,
Не претикаяся въ законѣ кто течетъ,
Во ономъ Богъ живетъ.
Кто истину хранитъ ненарушимо свято,
Услуги обществу приноситъ кто богато,
Въ примѣръ Христа себѣ во всѣхъ дѣлахъ беретъ,—
Во ономъ Богъ живетъ.
Чья жизнь — спасенію другихъ служить и слово
Горитъ желаніемъ и всякой часъ готово,
Кому отъ суеты земной препоны нѣтъ,—
Во ономъ Богъ живетъ.
Но ты Отецъ! въ себѣ—въ себѣ все возмѣщаешъ
Другъ добродѣтели, другихъ ты просвѣщаешъ:
Такъ неприлично ли нашъ духъ тебѣ поетъ
Что Богъ въ тебѣ живетъ.

Сочинилъ *Данило Максимовичъ.*

Рондо.

Тебѣ, о ректоръ нашъ! тебѣ, драгой наставникъ,
Достойну честь воздать спѣшимъ, наукъ участникъ.
Мы щасливы тобой—душа такъ всѣхъ гласитъ—
Твое Богъ сердце зритъ.
Твое Богъ сердце зритъ съ небеснаго эфира,
Среди утѣхъ земныхъ, при вертоградѣ мира,
Потоки счастья льетъ, и благодать даритъ
Твое Богъ сердце зритъ.
Твое Богъ сердце зритъ, наукамъ посвященно,
Въ трудахъ и подвигахъ всегда неутомленно,
Которое для насъ блаженство здѣсь творитъ—
Твое Богъ сердце зритъ.
Твое Богъ сердце зритъ, и ангелъ твой хранитель
Не уснетъ тя храняй, отъ бѣдъ нашъ покровитель,
Да благостью своей Богъ вѣкъ твой озаритъ
и міръ познаетъ, что Твое онъ сердце зритъ.

Сочинилъ *Василій Зеленскій.*

Библиотека "Руниверс"

К а н т ъ.

Взыграйте, Музы, пѣснь согласно,
Плещите въ радости своей,
Трубой гласите громогласно—
Се день! щастливѣйшій всѣхъ дней.
Се день! въ которой попечитель
Принялъ щитъ вѣры, крестъ Христа,
Въ кой геній, общій покровитель,
На прагѣ міра жизни сталъ.

Парнассъ воспой сей день прекрасной,
Вину блаженства твоего,
Бряцай на арфѣ стройно-гласной
Отца наставника сего.
И вы, о сироты, теките!
Вы, коимъ сущій онъ отецъ,
Предъ нимъ падите и гласите:
«Да сохранитъ тебя Творецъ».

Сочинилъ *Леонтій Савичъ*.

Applaudant manibus puris nunc sidera coeli
Terraque cum maribus condita magno Deo;
Nam Musae praeclaro die, dulcique fruuntur,
Nam fortuna illis dat bona multa sua.
Magnus Praeceptor novos ingreditur annos,
Qui nervos animi acuit—illuminat.
Ingreditur Rector, fert qui subsidia magna
Adversis rebus periculisque hominum
Et bona quis oculis videns haec non fateatur
Contentas Musas esse felices las?
Certe te magno Theodore! Rectore nostro
Contenti sumus, nam bonitate tua
Nos fruimur semper qui te salutamus,
Ut salvus tu sis incolumisque diu.

Exarauit *Sophronius Cochnovsky*.

Сочинилъ *Леонтій Савичъ*.

Библиотека "Руниверс"

Для справокъ.

— **Съ Высочайшаго соизволенія отирыта подписка для составленія капитала на учрежденіе при Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ преміи и медали имени Николая Михайловича Пржевальскаго.**

Пожертвованія принимаются въ конторѣ нашего журнала или адресуются непосредственно:

С.-Петербургское Императорское Русское Географическое Общество.

Имена жертвователей будутъ опубликованы.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора—Лѣтописца. Книга 3-я. Издана подъ редакціею Н. П. Дашкевича. Кіевъ. 1889 года.

Вслѣдъ за второй книгой «Чтеній» въ обществѣ Нестора—Лѣтописца, о которой мы сообщили недавно, появилась и третья, благодаря заботливости и неутомимой дѣятельности секретаря общества проф. Н. П. Дашкевича, ибо редакція книги лежала всецѣло на немъ одномъ. Подобно предъидущей книгѣ, настоящая заключаетъ въ себѣ два отдѣла: 1) свѣдѣній о засѣданіяхъ и личномъ составѣ историческаго общества въ 1888 году и 2) изслѣдованій; сверхъ того въ третьей книгѣ есть еще и приложеніе.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ служатъ непосредственнымъ продолженіемъ такихъ же свѣдѣній во второй книгѣ; они обнимаютъ полный годъ дѣятельности общества. Втеченіе истекшаго года было прочтено 20 сообщеній [1]) въ восьми засѣданіяхъ. Прочтенные рефераты касались разныхъ періодовъ исторіи и ея вспомогательныхъ наукъ, именно: къ *археологіи*, имѣвшей предметомъ не только бытъ населенія въ до-историческую эпоху, но и въ велико-княжескій періодъ, относились три реферата проф. В. Б. Антоновича, съ замѣчаніями къ одному изъ нихъ проф. В. З. Завитневича, и одинъ проф. Ѳ. И. Кнауэра. Проф. *В. Б. Антоновичъ* представилъ характеристику древлянскихъ могильниковъ по своимъ послѣднимъ раскопкамъ, которыя онъ произвелъ лѣтомъ 1887 года; кромѣ опредѣленія бытовыхъ чертъ древлянскаго населенія по добытымъ въ могилахъ предметамъ, расположеніе кургановъ позволило референту установить фактъ, что южная

[1]) Къ числу сообщеній должно отнести, что мы и дѣлаемъ, въ виду ихъ величины, возраженія и замѣчанія В. З. Завитневича на доклады А. И. Соболевскаго и В. Б. Антоновича.

Библиотека "Руниверс"

граница древлянскихъ поселеній проходила по теченію рѣкъ: Ирпеня, Упавы, Каменки и Растовицы. Во второмъ чтеніи В. Б. Антоновичъ обратилъ вниманіе на состояніе вопроса о городищахъ въ русской археологіи и предложилъ программу ихъ изученія, по которой имъ и изслѣдовано въ томъ же 1887 году 24 городища; онъ дѣлитъ ихъ на двѣ группы: одну по р. Растовицѣ и другую по р. Тетереву и его притокамъ; городища первой группы онъ считаетъ черно-клобуцкими и берендичевскими, а городища второй—древлянскими IX и X вв. дохристіанской эпохи. Въ третьемъ своемъ рефератѣ о городищахъ—майданахъ В. Б. Антоновичъ указалъ на малоизслѣдованность ихъ и отсутствіе достовѣрныхъ свѣдѣній о нихъ въ археологіи; изслѣдовавъ рядъ майдановъ по линіи Золотоноша—Кременчугъ на разстояніи 10 верстъ отъ Днѣпра, референтъ пришелъ было къ выводу, что это сторожевые пункты литовскаго періода; но его догадка рушилась при изученіи имъ майдановъ по р. Собу, перемѣшивающихся съ скиѳскими курганами.

По поводу майдановъ *В. З. Завитневичъ* въ своемъ возраженіи высказалъ мысль, принявъ во вниманіе связь ихъ съ могилами, что они могли быть священными мѣстами, въ родѣ, напр., коллективныхъ могилъ или мѣстъ для отправленія религіозныхъ обрядовъ, всенародныхъ пиршествъ и т. п. Проф. *Ѳ. И. Кнауэръ* сообщилъ, что раскопанные имъ пять кургановъ у села Сарата, аккерманскаго уѣзда, въ Бессарабіи онъ считаетъ принадлежащими гуннамъ.

Къ церковной археологіи относился рефератъ проф. *П. А. Лашкарева* объ остаткахъ церкви, сооруженной кн. Владиміромъ Мономахомъ въ Переяславлѣ.

Древнѣйшаго періода русской исторіи касались доклады проф. А. И. Соболевскаго и В. З. Завитневича о времени крещенія Руси и кіевлянъ. Разбирая вторую книгу «Чтеній», мы сообщили мнѣнія обоихъ ученыхъ и теперь не будемъ поэтому возвращаться къ нимъ. Этого же періода касался рефератъ проф. *И. И. Малышевскаго*, который подвергъ весьма основательному и подробному разсмотрѣнію извѣстіе ново-открытаго архим. Леонидомъ владимірскаго лѣтописца о болгарскомъ происхожденіи княгини Ольги и нашелъ его мало вѣроятнымъ.

Изъ *средняго періода русской исторіи* проф. *В. С. Иконниковъ* обратилъ вниманіе общества: 1) на напечатанный въ «Рус. Архивѣ» документъ, изъ котораго можно заключить о существовавшемъ у Дмитрія Самозванца планѣ начать войну съ Польшей, и 2) на новые

Библиотека "Руниверс"

матеріалы и труды о патріархѣ Никонѣ, отмѣтивъ на ихъ основаніи новыя черты въ характерѣ и дѣятельности Никона.

Исторія русскаго права нашла себѣ выраженіе въ сообщеніяхъ: 1) проф. *В. С. Иконникова*, который открытымъ недавно документомъ доказалъ, что X-я глава «Наказа» вошла, послѣ закрытія екатерининской коммиссіи, въ дѣйствительную силу и пріостановила пристрастные допросы и пытки, 2) проф. *А. В. Романовича-Славатинскаго* о комитетѣ, учрежденномъ Высочайшимъ рескриптомъ 6 сент. 1826 года, и о первой исторіи крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи, вышедшей въ Харьковѣ въ 1816 году и авторомъ которой былъ М. Грибовскій, докторъ обоихъ правъ, и 3) проф. *И. В. Лучицкаго* о сябринномъ землевладѣніи, имѣющемъ въ своей основѣ начало семейное; оно отличается и отъ общинной, и отъ подворной формы землевладѣнія.

По исторіи церкви сдѣланы доклады проф. *А. А. Дмитріевскимъ* объ открытомъ имъ документѣ, который доказываетъ, что настоящій типъ богослуженія въ страстную и пасхальную седмицы установился приблизительно въ началѣ IX или первой половинѣ X вѣка, и *М. И. Лилеевымъ* о времени происхожденія стародубскихъ раскольничьихъ слободъ; по мнѣнію референта, поселеніе московскихъ раскольниковъ относится къ концу шестидесятыхъ или началу семидесятыхъ годовъ XVII вѣка и стало усиливаться во время стрѣлецкихъ и раскольничьихъ движеній при Софьѣ Алексѣевнѣ и въ эпоху преобразованій Петра В., а въ XVII вѣкѣ, несмотря на удаленіе и запрещеніе, они продолжали увеличиваться въ числѣ.

Къ *бытовой исторіи* должно отнести рефератъ проф. *С. Т. Голубева*, въ которомъ онъ изобразилъ матеріальное положеніе профессоровъ кіевской духовной академіи въ XVIII в. и ихъ отношеніе къ ректору.

По *архивовѣдѣнію* проф. *А. В. Романовичъ-Славатинскій* сообщилъ свѣдѣнія объ архивѣ государственнаго совѣта, указавъ на значеніе хранящагося въ немъ матеріала, и прочиталъ нѣкоторыя извлеченныя имъ оттуда письма графа Блудова.

Наконецъ, по *статистикѣ* мною сообщены цифровыя данныя о количествѣ еврейскаго населенія въ лѣвобережной Украинѣ въ XVIII вѣкѣ. Изъ перечисленныхъ рефератовъ значительная часть напечатана была въ «Кіевской Старинѣ».

Въ *личномъ составѣ* произошла слѣдующая перемѣна: избрано 6 почетныхъ членовъ и 5 дѣйствительныхъ, выбыло за смертью два

Библиотека "Руниверс"

члена. Къ началу 1889 г. общество состояло изъ 18 почетныхъ и 89 дѣйствительныхъ членовъ.

Въ отдѣлѣ «Изслѣдованій» помѣщено таковыхъ два; оба высокаго достоинства и большой важности:

Проф. *Н. П. Дашкевича: Къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ. Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ перевелись богатыри на святой Руси.* Авторъ, принявъ во вниманіе, что до сихъ поръ историческое значеніе нашей былевой поэзіи признается не всѣми историками, произвелъ для выработки опредѣленной точки зрѣнія наблюденія надъ историческими народными пѣснями и пришелъ къ выводу, что онѣ имѣютъ несомнѣнно историческую основу; Н. П. Дашкевичъ подтверждаетъ свой выводъ анализомъ былинъ объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ перевелись богатыри на св. Руси; онъ останавливается на этихъ былинахъ потому, что вопросъ о нихъ не былъ разсмотрѣнъ во всей полнотѣ, не были представлены вполнѣ отчетливо всѣ моменты развитія былинъ объ Алешѣ и кончинѣ богатырей. Авторъ подвергаетъ этотъ вопросъ новому и самому подробному пересмотру и находитъ разительное совпаденіе былины объ Алешѣ съ лѣтописными извѣстіями объ Александрѣ Поповичѣ и былины о кончинѣ богатырей съ лѣтописнымъ сказаніемъ 1223 г. о калкскомъ побоищѣ. Анализируя былины и лѣтописи, авторъ касается и общаго хода развитія нашего былеваго эпоса. По мнѣнію Н. П. Дашкевича, былевой эпосъ возникалъ подъ живымъ впечатлѣніемъ, которое вызывали крупныя историческія событія, и слагался постепенно въ большой циклъ, въ который входили и мѣстные богатыри, и герои бродячихъ сказаній; былевой эпосъ сохранился на далекихъ сѣверныхъ и восточныхъ окраинахъ. Въ южной Руси общерусскій былевой эпосъ началъ вымирать въ половинѣ XVII вѣка, когда южнорусскому народу пришлось напрягать всѣ свои силы въ тяжелой борьбѣ за существованіе; къ старымъ врагамъ, татарамъ, заступившимъ мѣсто печенѣговъ и половцевъ, присоединились новые—турки. Подъ вліяніемъ усиленной борьбы съ тѣми и другими былины начали переходить въ думы; съ теченіемъ времени былины получили въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ козацкій оттѣнокъ. При этомъ авторъ задается вопросомъ: «подпадалъ ли въ этомъ случаѣ богатырскій эпосъ вліянію козацкаго или, наоборотъ, самъ составлялъ переходъ къ этому послѣднему?» и думаетъ, что современныя былины, кажется, проникнись отчасти козацкимъ духомъ на Дону; въ южной Руси могло происходить такое же примѣненіе древняго эпоса и постепен-

Библиотека "Руниверс"

ное замѣщеніе старыхъ героевъ его новыми; рядомъ съ остатками древняго творчества должно было имѣть мѣсто новое, но и въ немъ по временамъ слышались отголоски стараго эпоса княжескаго періода.

Второй замѣчательной работой въ отдѣлѣ изслѣдованій является монографія проф. *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*: «*Помѣстное право въ древнюю эпоху литовско-русскаго государства*». Такъ какъ имущественныя права на землю въ литовско-русскомъ государствѣ въ древнюю эпоху представляютъ загадку, то являясь принадлежащими князю, безъ воли котораго частныя лица не могли распорядиться находившейся въ ихъ владѣніи землей, то принадлежащими частнымъ лицамъ, которыя могли свою землю продавать, дарить, завѣщать и т. п., то авторъ, имѣя въ виду важность разрѣшенія этихъ противорѣчій для исторіи права, посвящаетъ этому вопросу настоящій трудъ свой. Прежде всего онъ указываетъ на всѣ до сихъ поръ напечатанныя акты по землевладѣнію въ ихъ незначительномъ количествѣ и останавливается на анализѣ одного документа, заключающагося въ III-ей книгѣ Записей Литовской Метрики. Авторъ занялся изученіемъ настоящаго акта во 1-хъ за его типичность, во 2-хъ потому, что при изложеніи, онъ имѣетъ въ виду и нѣкоторые другіе источники, и въ 3-хъ потому, что, при большомъ разнообразіи формъ землевладѣнія, приблизиться къ ихъ полному изученію можно только такимъ детальнымъ изученіемъ отдѣльныхъ источниковъ; такимъ образомъ, нѣтъ никакого основанія думать, что выводы автора недостаточно обоснованы или преждевременны. А выводы эти слѣдующіе: а) условность и ограниченность правъ на имущества въ литовскомъ государствѣ отнюдь не есть результаты мнимаго литовскаго завоеванія; б) тѣ же свойства имущественныхъ правъ, и даже въ высшей степени, нужно предположить въ обще-русскомъ правѣ въ эпоху Русской Правды; в) условность и ограниченность правъ первоначально простирается не на одни жалованныя имущества въ точномъ смыслѣ, но и на всѣ прочіе виды ихъ; г) причина ограниченности имущественныхъ и другихъ правъ частныхъ лицъ лежитъ въ глубинѣ до-историческихъ явленій (зависимости лицъ отъ общества) и съ теченіемъ исторіи не возрастаетъ, а ослабляется; лицо постепенно завоевываетъ себѣ самостоятельность въ правѣ; д) процессъ возвышенія правъ частнаго лица начался съ древнѣйшихъ временъ и ни въ эпоху Русской Правды, ни въ литовскомъ государствѣ типъ помѣстнаго права или жалованныхъ вотчинъ отнюдь не есть единственный типъ вещныхъ

Библиотека "Руниверс"

отношеній къ землѣ; е) путь возвышенія правъ частнаго лица есть путь естественнаго роста этихъ правъ и не зависитъ отъ политическихъ переворотовъ или имущественныхъ законодательныхъ мѣръ. Эти послѣднія могутъ лишь ускорить естественный ходъ процесса или задержать его; первое случилось въ литовскомъ государствѣ (для одного высшаго класса) вслѣдствіе сближенія съ Польшею; второе—въ московскомъ государствѣ. Нельзя, по нашему мнѣнію, не согласиться ни съ правильностью указанныхъ выводовъ, ни съ толкованіями авторомъ отдѣльныхъ мѣстъ избраннаго имъ документа.

Въ «Приложеніи» буквально «приложена» брошюра, вышедшая въ Кіевѣ еще въ 1881 году, подъ заглавіемъ: «Поминка по Александрѣ Александровичѣ Котляревскомъ». Она состоитъ изъ некролога А. А. Котляревскаго, четырехъ поминальныхъ рѣчей и списка сочиненій покойнаго профессора. Списокъ является наиболѣе интересной и нужной частью брошюры; въ настоящее время онъ выходитъ безъ малѣйшихъ измѣненій, слѣдовательно пропусковъ въ немъ при первоначальномъ составленіи не оказалось.

Такова третья книга «Чтеній въ Обществѣ Нестора Лѣтописца». По составленію отдѣла протоколовъ засѣданій она оказывается болѣе обстоятельной въ сравненіи съ предъидущей, а по важности статей въ отдѣлѣ изслѣдованій въ высокой степени цѣнной.

И. Каманинъ.

Лопатинъ Н. М. и Прокунинъ В. П. Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ. 2 части. Часть 1 и 1-й выпускъ второй части. Москва. 1889.

Настоящее изданіе д. б. любопытно для нашихъ читателей не только потому, что въ него попало до десятка пѣсенъ, усвоенныхъ малорусскимъ населеніемъ воронежской губ. (острогожскаго у.) и потому принявшихъ нѣсколько и малорусскую окраску въ языкѣ и напѣвѣ, о чемъ ниже, но и по тому новому пути, на который начинаетъ вступать русская этнографія. Пришло, повидимому, время подвергнуть извѣстной обработкѣ, тотъ значительный сырой матеріалъ, какой заключается въ многочисленныхъ сборникахъ нашихъ народныхъ пѣсенъ. Въ самомъ дѣлѣ, кому приходилось слѣдить за этими послѣдними и изучать ихъ, тотъ не могъ не прійти къ заключенію о крайнемъ однообразіи нашихъ сборниковъ пѣсенъ. Почти всѣ они въ значительной части своего содержанія повторяютъ другъ друга, такъ что

Библиотека "Руниверс"

изслѣдователю невольно приходитъ въ голову мысль о совершенно напрасной огромной тратѣ силъ и времени, потребованныхъ этими сборниками, и о крайней важности въ этнографическомъ дѣлѣ во 1-хъ объединенія трудовъ отдѣльныхъ дѣятелей, а во 2-хъ болѣе основательнаго ознакомленія ихъ съ работами соратниковъ. Кромѣ того, почти всѣ сборники представляютъ изъ себя только, такъ сказать, первую ступень въ этнографіи, въ полномъ смыслѣ слова сырой матеріалъ, безъ всякой почти попытки къ обработкѣ его. Названное выше изданіе представляетъ собою первую попытку разобраться какъ нибудь въ огромномъ множествѣ собраннаго матеріала, дать ему извѣстное объясненіе, поставивши въ связь съ данными быта, распредѣлить по категоріямъ понятій, словомъ внести стройность и порядокъ въ хаосъ сыраго матеріала. Дѣло это, несомнѣнно, крайне трудное и требуетъ отъ посвятившаго себя ему дѣятеля, кромѣ необычайной тщательности въ изученіи, еще и самыхъ разносторонникъ познаній и способностей; кромѣ историческихъ и филологическихъ свѣдѣній, кромѣ основательнаго знакомства съ бытомъ населенія, ему необходимо еще обладать и значительными познаніями въ музыкальной теоріи, о которыхъ можно сказать, что чѣмъ ихъ больше, тѣмъ лучше для дѣла. Понятно, что сочетаніе такихъ разнообразныхъ свѣдѣній и способностей и вообще встрѣчается не часто, а у насъ на Руси и подавно. Вотъ почему нисколько неудивительно, что разсматриваемое нами изданіе ведется двумя лицами, изъ которыхъ одно (Прокунинъ)—присяжный музыкантъ. Нужно, впрочемъ, сказать, что въ дѣлѣ объясненія и разработки народныхъ пѣсенъ, а еще болѣе въ дѣлѣ записыванія ихъ непосредственно изъ народныхъ устъ сотрудничество двухъ лицъ, этнографа и музыканта—является обстоятельствомъ въ высокой степени важнымъ, можно сказать, даже неоцѣнимымъ въ смыслѣ успѣха. Пишущему эти строки самому пришлось на опытѣ убѣдиться въ этомъ, во время его совмѣстной съ чешскимъ музыкантомъ Л. Кубою поѣздки для собиранія народныхъ пѣсенъ. Дѣло идетъ чрезвычайно успѣшно и быстро, такъ такъ каждый изъ сотрудниковъ, работая исключительно надъ своимъ дѣломъ: одинъ надъ записью словъ пѣсни, а другой надъ воспроизведеніемъ напѣва, имѣютъ полную возможность не развлекаться и потому наиточнѣйшимъ образомъ заносить на бумагу исполняемую народнымъ пѣвцомъ пѣсню. Кто знаетъ, съ какими почти неодолимыми затрудненіями приходится иногда встрѣчаться записывателю народныхъ пѣсенъ, тотъ вполнѣ согласится съ нашимъ мнѣніемъ-

Библиотека "Руниверс"

Сборникъ Лопатина и Прокунина состоитъ изъ 5 отдѣловъ, одинаковыхъ въ обѣихъ частяхъ: художественно-бытовой и собственно музыкальной, связанныхъ также и тождественностью расположенія пѣсенъ и ихъ нумераціи. Отдѣлы эти (общелирическія (?), мужескія пѣсни, разбойничьи, женскія и пр.) раздѣлены на подъотдѣлы, въ которыхъ сведены и сравнены пѣсни, болѣе или менѣе однородныя по содержанію (Горы [1]), Поле, Кубань (Донъ и Уралъ) Степь, Дороженька, Ночи, Снѣги и пр.). Нѣкоторые подъотдѣлы, намъ кажется, можно было бы безъ ущерба для дѣла и съ очевидною выгодою въ смыслѣ уменьшенія излишней пестроты, соединить съ другими; такъ, напр., подъотдѣлъ VIII въ отдѣлѣ I «Поднялась погодка» (непогодка), состоящій всего изъ одной пѣсни (!), легко могъ бы быть соединенъ съ XIII «Подуй непогодка», состоящимъ всего изъ 3 пѣсенъ. Да и вообще подъотдѣлы, состоящіе всего изъ одной пѣсни (напр. XX «Жавороночекъ» (разбойничья), XIX «Не шуми мати», XVIII «Усы», и др.) слѣдовало бы или дополнить другими однородными пѣснями, или соединять съ другими подъотдѣлами; такъ, XIX и XX очень легко соединяются.

Обѣ части, и чисто этнографическая, и музыкальная, снабжены предисловіями, объясняющими тотъ способъ и характеръ работы, какой былъ принятъ составителями; первой части, кромѣ того, предпослано введеніе, довольно обширное (1—48 стр.), гдѣ сдѣлана недурная и въ общемъ вѣрная характеристика русской народной пѣсни, предложены нѣкоторые практическіе пріемы и указанія при записываніи пѣсенъ, сдѣланы правдивыя замѣчанія о причинахъ замѣны старыхъ народныхъ пѣсенъ новыми плодами заводской и солдатской цивилизаціи, разсмотрѣны всѣ предыдущіе печатные сборники пѣсенъ, начиная съ половины 18 вѣка.

Во введеніи этомъ отмѣтимъ слѣдующій довольно любопытный эпизодъ. Говоря о необыкновенной способности народныхъ пѣвцовъ быстро схватывать любой напѣвъ и развивать его контрапунктически, путемъ такъ называемыхъ подголосковъ, составитель приводитъ въ примѣръ случай, бывшій съ нимъ. 18 человѣкъ пѣсеннаго солдатскаго хора, частію малороссовъ, частію тамбовцевъ, послѣ перваго же исполненія на фортепьяно никогда ими дотолѣ неслыханной пѣсни «Эй ухнемъ», заявили, что они «пѣсню понимаютъ» и могутъ пѣть;

[1]) Между пѣснями этого подъотдѣла не можетъ не отмѣтить первую же пѣсню „Горы вы мои“ (adagio), съ чрезвычайно красивою хоровою разработкою.

Библиотека "Руниверс"

заучивъ слова, хоръ спѣлъ пѣсню очень увѣренно и строго соблюдая ритмъ.

Для всѣхъ, занимающихся этнографіею, и для лицъ, вообще, интересующихся способами записи и разработки народной пѣсни, разсматриваемое нами изданіе можетъ быть очень пригодно, тѣмъ болѣе, что бытовыя и художественныя объясненія пѣсенъ сдѣланы въ общемъ толково и правдоподобно и могутъ для лицъ неопытныхъ послужить недурными указателями того, какъ дѣлать такія объясненія народной пѣсни. Въ частности же для читателей «Кіевской Старины» должны быть особенно любопытны, повторяемъ, тѣ пѣсни воронежскаго края, которыя могутъ служить прекраснымъ примѣромъ измѣненія великорусской народной пѣсни подъ довольно сильнымъ вліяніемъ малорусской народности. Вотъ, наприм., характерное окончаніе пѣсни № 14 «За рѣчкою за быстрою добрый молодецъ гулялъ, комишъ травочку ирвалъ»:

Не кажи же ты, мой конь, что убитой я лежу,
А кажи же ты, мой конь, что засватаный хожу.
Якъ засватала мене пуля быстрая, сабля острая,
А звинчала мене мать сырая земля.

Такихъ пѣсенъ записано издателями до десятка, и онѣ, вмѣстѣ съ тѣми малорусскими пѣснями, какія распространились у великоруссовъ [1]), могутъ послужить любопытнѣйшимъ матеріаломъ для опредѣленія степени и характера взаимнаго вліянія двухъ русскихъ племенъ.

Это вліяніе еще далеко не изучено и не изслѣдовано, несмотря на кажущуюся легкость этого дѣла и на близость района изслѣдованія, т. е. мѣстностей, гдѣ сталкиваются двѣ народности, каковы,

---

[1]) Мнѣ лично приходилось, напр., слышать въ орловской губ. извѣстную украинскую пѣсню „Ой не спыться, не лежыться, и сонъ мене не бере“ (см. напр. Сборникъ Гулака-Артемовскаго) въ слѣдующемъ видѣ:

Ой не спится, не лежится, и сонъ меня не беретъ,
Пошелъ бы я и къ дѣвчинѣ, такъ не знаю, гдѣ живетъ.
Попросилъ бы товарища, пущай меня отведетъ,
Такъ товарищъ красивѣе, онъ дѣвчину отобьетъ. и т. д.

Какъ видитъ читатель, здѣсь произошло только звуковое приспособленіе пѣсни къ своему нарѣчію (пишовъ бы я до дивчыны, такъ не знаю, де жыве. Попросывъ бы товарыша, нехай мене одведе, такъ товарышъ краще мене, винъ дивчыну одибъе). Напѣвъ былъ нѣсколько измѣненъ; ему былъ приданъ болѣе грустный и протяжный характеръ. Содержаніе пѣсни, сравнительно съ малорусскою, нѣсколько расширено.

Библиотека "Руниверс"

напр., курская, воронежская губ. А между тѣмъ вопросъ о взаимодѣйствіи русскихъ племенъ представляетъ собою одинъ изъ основныхъ и любопытнѣйшихъ въ русской сравнительной этнографіи [1]).

А. Степовичъ.

Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. Въ пользу свято-владимірскаго братства составилъ и издалъ Е. Н. Дверницкій. Кіевъ. 1889.

Два года тому назадъ въ г. Владимірѣ-Волынскомъ учреждено церковное православное св. владимірское братство, по примѣру братствъ въ другихъ городахъ сѣверо и юго-западной Россіи. Если братства другихъ городовъ по своимъ задачамъ и имѣютъ въ виду, кромѣ удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ своихъ церквей и прихожанъ, распространеніе образованія среди населенія въ школахъ, то молодое владимірское братство дѣлаетъ шагъ впередъ, ставя въ число своихъ задачъ «ознакомленіе мѣстнаго населенія съ памятниками древняго православія» не только одними владимірскими, но и всей нашей юго-западной окраины. Для исполненія этой задачи, которая сама по себѣ должна будетъ принять очень широкіе размѣры, предполагается изданіе ряда небольшихъ очерковъ по исторіи и археологіи и прежде всего Волыни. Братство ставитъ, такимъ образомъ, своей цѣлью, между прочимъ, развитіе мѣстной науки; а что служеніе наукѣ будетъ достойно полнаго уваженія, въ этомъ убѣждаетъ насъ разбираемый первый выпускъ изъ предполагаемаго ряда ихъ [2]); онъ касается исторіи православныхъ церквей и составленъ съ полнымъ знаніемъ предмета: г. Дверницкій не только воспользовался лучшими и важнѣйшими существовавшими уже, работами, но произ-

---

[1]) Изъ статей, посвященныхъ въ „Кіевской Старинѣ“ этому вопросу, отмѣтимъ особенно „Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности“ г. Т—ова (1882 г. кн. 11), гдѣ читатель съ удовольствіемъ встрѣчаетъ уваженіе автора къ истинно научнымъ пріемамъ, стремленіе примѣнять ихъ къ дѣлу и правильный взглядъ на недостаточность сравнительно историческихъ изслѣдованій взаимнаго вліянія разныхъ вѣтвей русскаго племени. Для этихъ изслѣдованій не пройдутъ безслѣдно и замѣтки самого г. Т—ова, гдѣ обстоятельно разсмотрѣнъ одинъ частный случай.

[2]) Въ іюльской книжкѣ нашего журнала было уже сообщено о полезной въ этомъ направленіи дѣятельности братства, благодаря иниціативѣ его предсѣдателя, автора настоящей книжки; тогда было указано на устройство археологическаго музея и библіотеки.

Библиотека "Руниверс"

водилъ изслѣдованія и розысканія въ мѣстныхъ архивахъ (церковныхъ и духовн. правленія) и имѣлъ въ своемъ распоряженіи выписки изъ древнихъ актовыхъ книгъ кіев. центральн. архива, сообщенныя ему членомъ кіев. археологич. коммиссіи О. И. Левицкимъ; слѣдовательно, авторъ имѣлъ возможность сообщить совершенно новыя историческія данныя о владимірскихъ церквахъ, и онъ ихъ дѣйствительно сообщаетъ не мало; эти данныя устанавливаютъ время сооруженія церкви, говорятъ о ея судьбѣ, характеризуютъ обычаи церковные своего времени [1]). Перечисленіе всѣхъ этихъ новыхъ данныхъ заняло бы у насъ слишкомъ много мѣста; можно даже, пожалуй, сказать, что здѣсь многое ново даже для тѣхъ, кто не затрудняется и интересуется чтеніемъ такого тяжеловѣснаго и обстоятельнаго изданія, съ актами на древне-русскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ, какъ «Архивъ юго-западной Россіи», издаваемый кіевской археографической коммиссіей, и все ново, все поучительно для обыкновеннаго читателя. Напр., едва ли кто думалъ, что въ такомъ маленькомъ городкѣ, каковъ нынѣшній Владиміръ Вол., въ теченіе X—XVII вв. было сооружено 20 православныхъ храмовъ; они существовали, конечно, не всѣ одновременно: одни лежали въ развалинахъ, когда другіе воздвигались; но этотъ одинъ фактъ указываетъ уже на значеніе города, какъ очага православія на далекомъ западѣ Россіи. По времени же упоминанія въ историческихъ памятникахъ о томъ или другомъ храмѣ (но не по времени сооруженія его, которое не всегда можно опредѣлить съ точностью) они по вѣкамъ могутъ быть распредѣлены такъ: въ X—XI вв. упоминается о 3-хъ храмахъ, въ XII—о 2-хъ, въ XIII—о 5-ти, въ XIV—о 2 хъ, въ XV—объ 1-мъ, въ XVI—о 6-ти и въ XVII—объ 1-мъ [2]). Однѣ эти голыя цифры какъ бы говорятъ, что до татарскаго нашествія число храмовъ быстро возрастало; послѣ него возрастаніе сильно уменьшилось; наканунѣ уніи оно снова поднимается, а послѣ нея сооруженіе новыхъ храмовъ совершенно прекращено; ergo: для православія унія была губительнѣй татарщины. При шести храмахъ изъ 20-ти

[1]) Напр. особенно любопытны факты о безправномъ положеніи православнаго священника въ XVI вѣкѣ (стр. 36) и такомъ же положеніи церквей, при которомъ онѣ изъ общественной собственности переходили въ частную, подвергаясь продажѣ или передачѣ по завѣщанію отъ отца къ сыну (стр. 40—54).

[2]) Намъ кажется, что церковь XVII в. и часть упоминаемыхъ въ XVI в. надо отнести къ болѣе раннимъ вѣкамъ, тогда мы получимъ, что въ каждомъ столѣтіи сооружалось приблизительно три церкви, что могло соотвѣтствовать росту населенія въ городѣ въ періодъ отъ нашествія татаръ и до усиленія уніи.

Библиотека "Руниверс"

существовали монастырскія общежитія. Итакъ, 6 монастырей и 14 церквей до уніи, а съ тѣхъ поръ и по сей день ни одной новой! Уніатами, правда, сооружены въ XVII в. два храма, изъ коихъ одинъ былъ совершенно закрытъ, а другой переданъ православнымъ. Тяжелое воспоминаніе о былomъ! Православное населеніе (3122 д.) удовлетворяется теперь соборною церковью, каковою служитъ каплица Іосафата Кунцевича, извѣстнаго гонителя православія, да древнею Васильевскою церковью. И только! Вотъ какую ужасную и горькую истину выразила высокоцѣнная книжка г. Дверницкаго! Мы увѣрены, что и послѣдующія книжки прольютъ столь же много свѣта на наше прошлое, и какъ настоящая. Какъ же не пожелать послѣ этого полнаго успѣха начинающему братству въ его благихъ намѣреніяхъ? Какъ же не пожелать, чтобы наше общество откликнулось на призывъ братства и помогло бы, если не создать новые храмы, то возобновить хотя важнѣйшіе древніе? Отъ всей души поэтому желаемъ автору продолжать начатое дѣло и начатое такъ удачно и съ такой доброй цѣлью, какъ польза братства. Подъ удачей мы разумѣемъ не только внутреннія достоинства книги, о которыхъ говорили выше, но и внѣшнія: прекрасное изложеніе, ясное и мѣстами живое и картинное, прекрасную печать, прекрасныя гравюры древнихъ храмовъ и проч. То и другое дѣлаетъ изданіе г. Дверницкаго весьма полезной, пріятной вещью, и мы тѣмъ болѣе желаемъ самаго широкаго распространенія ея, что небольшая сумма отъ продажи увеличитъ хотя сколько нибудь средства братства и послужитъ на благое дѣло, ради котораго г. Дверницкому пришлось безвозмездно и безвозвратно затратить съ своей стороны не мало труда и денежныхъ средствъ. Пожелаемъ также, чтобы подобныя настоящему изданія, посвященныя мѣстнымъ древностямъ, поскорѣе явились и въ другихъ волынскихъ городахъ: Луцкѣ, Острогѣ, Кременцѣ, Ковлѣ, Овручѣ и др., гдѣ также сохранилось не мало памятниковъ православно-русской старины.

И. Каманинъ.

Исторія кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ, 1838—1888 г. Составилъ членъ совѣта, инспекторъ классовъ кіевскаго института М. М. Захарченко. Кіевъ. 1889. Стр. 163.

Книга эта отпечатана съ разрѣшенія совѣта института и принадлежитъ къ разряду т. наз. юбилейныхъ изданій. Всякому извѣстно,

Библиотека "Руниверс"

что юбилейныя рѣчи, по свойственной людямъ слабости, обыкновенно не блещутъ безпристрастіемъ изложенія и трезвой оцѣнкой фактовъ и лицъ, но качества эти безспорно, совершенно необходимы для изданій, имѣющихъ притязаніе на занятіе мѣста въ священномъ храмѣ исторіи. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, «Исторія» г. Захарченка представляетъ, на нашъ взглядъ, крайне печальное явленіе.

Книга состоитъ изъ пяти главъ: возникновеніе института, первое его 50 лѣтіе, штаты института и ихъ исполненіе, личный составъ института, 50-лѣтній юбилей института. Собственное изложеніе г. Захарченка занимаетъ около 50 страницъ,—остальное мѣсто занято голыми списками, таблицами, юбилейными и др. рѣчами, телеграммами и т. п. Существенные факты, которые сообщаетъ нашъ авторъ, сводятся къ нижеслѣдующему: кіевскій генералъ-губернаторъ гр. Левашевъ, убѣдившись въ недостаточности женскаго образованія въ краѣ и въ необходимости обрусѣнія послѣдняго, испросилъ въ 1833 г. разрѣшеніе на открытіе въ Кіевѣ института благородныхъ дѣвицъ. Составленный въ слѣдующемъ году проектъ устава вручалъ управленіе этой закрытой школой высшимъ представителямъ мѣстной администраціи и дворянства, учебную часть попечителю округа, хозяйственную—члену совѣта, воспитательную—начальницѣ. Цѣлью заведенія, по проекту, было «внутреннее образованіе» дѣвицъ, «не оставляя безъ вниманія и наружнаго ихъ образованія»: такъ, преподаваніе исторіи было ограничено только фактами важнѣйшими или разительными въ нравственномъ отношеніи; географія должна была сообщать одни предметы важные, примѣчательные и любопытные; ариѳметику положено было преподавать болѣе практически; учителя физики и естественной исторіи должны были сообщать ученицамъ только самое любопытное и полезное въ общежитіи и домашнемъ быту, и т. д. Институтъ предположено было открыть на 120 воспитанницъ: 60 пансіонерокъ приказовъ общественнаго призрѣнія трехъ юго-западныхъ губерній и 60 своекоштныхъ дворянокъ тѣхъ же и смежныхъ губерній, съ платою по 800 р. ас. въ годъ. 5 ноября 1834 г. уставъ утвержденъ, а 22 августа 1838 г. институтъ былъ открытъ временно въ губернаторскомъ домѣ. Благодаря тѣснотѣ помѣщенія пріемъ учащихся былъ на первыхъ порахъ ограниченъ, но съ переходомъ института въ собственное зданіе въ 1843 г. и съ постепеннымъ открытіемъ классовъ число воспитанницъ постоянно возрастало и къ 1866 г. штатъ былъ разсчитанъ уже на 200 восп., а ко дню

Библиотека "Руниверс"

юбилея въ институтѣ числилось 253 восп. Въ 1852 г. разрѣшено принимать въ заведеніе дочерей почетныхъ гражданъ и купцовъ 1 гильдіи. До начала шестидесятыхъ годовъ учителя института получали крайне недостаточное содержаніе, обыкновенно 114—200 рублей въ годъ при 4—7 урокахъ. Въ составѣ преподавателей преобладали на первыхъ порахъ профессора университета, въ числѣ которыхъ встрѣчаемъ знаменитаго историка Костомарова. Въ 60-хъ годахъ институтъ былъ преобразованъ изъ трехкласснаго (съ двухлѣтнимъ курсомъ) въ семиклассный; для обезпеченія исправности платежа потребованъ въ теченіе всего курса денежный залогъ въ размѣрѣ полугодовой платы; прекращенъ пріемъ воспитанницъ на счетъ суммъ приказовъ общественнаго призрѣнія; плата за ученіе возвышена съ 230 на 280, а при урокахъ музыки—на 330 рублей; содержаніе учителей возвышено до 60 рублей за урокъ; управленіе институтомъ было преобразовано: во главѣ заведенія поставлена начальница, инспекторъ классовъ и управляющій хозяйственной частью. Какъ видно изъ Высочайшаго рескрипта, въ началѣ 70-хъ годовъ институтъ находился въ состояніи неудовлетворительномъ до такой степени, что, напр., въ 1872 г. число воспитанницъ упало до 158, тогда какъ въ 1866 г. ихъ было 219. Въ 1878 году разрѣшено принимать въ институтъ дѣвицъ всѣхъ неподатныхъ сословій и смягчены нѣсколько правила объ отпускахъ. Въ настоящее время комплектъ воспитанницъ доведенъ до нормы, далѣе которой идти нельзя безъ ущерба для воспитательной стороны дѣла: въ каждомъ классѣ числится до 40 восп. Плата за обученіе и содержаніе въ институтѣ постоянно возрастала: въ 1838 г. она равнялась 800 р. ас., съ 1842 г.—230 р., съ 1867—280 р., съ 1871 г.—300 р. и съ 1878 г.—350 р. сер. въ годъ безъ уроковъ музыки, за которые платилось особо около 50 руб. въ годъ.

Таковы основные и существенные для исторіи школы факты, которые возможно извлечь изъ изложенія нашего автора. Конечно, большинство ихъ не новость: они находятся въ брошюрѣ пок. Шульгина, изданной въ 1871 г. Но будь и эти скудныя данныя изложены въ правильномъ порядкѣ и естественномъ освѣщеніи—слѣдовало бы лишь поблагодарить г. Захарченка за поднятый имъ на себя трудъ. Къ сожалѣнію, «Исторія» нашего автора пестритъ особенностями крайне утомительными для безпристрастнаго читателя. Г. Захарченко не ограничивается перечисленіемъ внѣшнихъ фактовъ въ жизни заведенія: онъ стремится уяснить ихъ, гдѣ они представляются неожиданными, поставить ихъ въ связь съ движеніемъ общественной жизни

Библиотека "Руниверс"

и мысли; не уклоняется онъ и отъ характеристики дѣйствующихъ лицъ. Задача весьма похвальная, и намъ остается лишь послушать рѣчи автора.

Если вѣрить изложенію г. Захарченка, вся 50-лѣтняя жизнь института протекла въ процвѣтаніи просто невѣроятномъ въ нашей юдоли плача и скорбей. Освѣщая факты, г. Захарченко такъ живописуетъ развитіе школы. Вслѣдъ за открытіемъ института къ нему «съ разу же» привлечены были «симпатіи и полное довѣріе всего мѣстнаго населенія: вслѣдствіе чего» уже въ 1839 г. пришлось принять среди курса пять воспитанницъ сверхъ комплекта (стр. 27. Соблюдаемъ пунктуацію автора). Послѣ перваго выпуска воспитанницъ въ 1844 г., «общество воочію убѣдилось въ превосходствѣ институтскаго образованія сравнительно съ воспитаніемъ въ частныхъ женскихъ заведеніяхъ» (32). Институтъ «скоро сталъ настолько славенъ», что считалось очень лестнымъ преподавать въ немъ. «Конечно, всѣ эти силы привлекались въ институтъ сознаніемъ пользы послѣдняго, его благоустройствомъ и высокими качествами лицъ, стоявшихъ во главѣ заведенія: потому что... служба въ институтѣ не представляла матеріальныхъ выгодъ: какъ это, напримѣръ, мы можемъ видѣть изъ распредѣленія уроковъ и вознагражденія за нихъ, при полуторачасовой ихъ продолжительности, первымъ преподавателямъ и учителямъ института, въ 1840 году, когда было еще только два коренныхъ класса» (37). Слѣдуетъ перечисленіе размѣровъ поурочной платы и затѣмъ: «такъ, благодаря дружнымъ усиліямъ всего служебнаго персонала кіевскаго института, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе росла слава послѣдняго. Только въ 1849 году совершенно случайнымъ обстоятельствомъ была нѣсколько нарушена мирная жизнь заведенія:» случился, извольте видѣть, ураганъ, испортившій трубы, заборъ и оконныя рамы. «Со вступленіемъ въ 50-е годы въ институтѣ произошла затѣмъ полная перемѣна въ главныхъ его руководителяхъ. Но къ счастью заведенія новые члены совѣта оказались вполнѣ достойными своихъ предшественниковъ: такъ что общество не только не охладѣло къ кіевскому институту, но еще болѣе усилился приливъ желавшихъ помѣстить въ него своихъ дѣтей (38). Приходится ли ходатайствовать объ открытіи параллельнаго отдѣленія, учреждается ли частнымъ лицомъ стипендія—все это для нашего автора служитъ доказательствомъ «полнаго довѣрія» родителей или общества къ заведенію. И немудрено, въ самомъ дѣлѣ. «В. Я. Шульгинъ составилъ цѣлую эпоху въ жизни кіевскаго института...

Библиотека "Руниверс"

Будучи самъ блестящимъ преподавателемъ и высоко держа знамя науки (?!), В. Я. Шульгинъ старался привлечь къ преподаванію въ институтъ всѣ лучшія педагогическія силы Кіева. Между ними встрѣчаемъ цѣлый рядъ славныхъ именъ»,—слѣдуетъ перечисленіе славныхъ именъ, изъ коихъ многія принадлежатъ и донынѣ благополучно процвѣтающимъ въ Кіевѣ лицамъ: это уже по меньшей мѣрѣ нескромно. (42).

Эпоха 60-хъ годовъ заслужила неодобреніе нашего автора. Это была трудная эпоха. Она была «ознаменована вообще нѣкоторою шаткостью учебно-воспитательнаго направленія и быстро чередовавшеюся ломкою въ жизни нашихъ учебныхъ заведеній». Тѣмъ не менѣе, «благодаря опытности и усердію членовъ совѣта, при всѣхъ этихъ реформахъ столь трудной эпохи шестидесятыхъ годовъ, ознаменованной», какъ сказано, шаткостью и быстро чередовавшеюся ломкою, «институтъ, не отрицая основныхъ началъ прежней своей системы, съумѣлъ измѣнить у себя постепенно нѣкоторыя устарѣвшія частности, приглядываясь къ чужимъ опытамъ» (47). Въ этомъ запутанномъ и малограмотномъ экскурсѣ авторъ намъ перифразируетъ собственно слова Шульгина, очевидно не выразумѣвъ ихъ смысла. Въ чемъ вина злосчастной эпохи? Въ упрекъ ей ставится «происшедшая въ это время перемѣна экономическихъ условій, грустныя событія въ краѣ», возвышеніе платы до 280 рублей, требованіе залога, прекращеніе пріема пансіонерокъ приказовъ общ. призрѣнія и, наконецъ, даже открытіе женскихъ гимназій,— «все это, конечно, должно было неблагопріятно отразиться, какъ на самомъ составѣ (?) воспитанницъ, такъ равно и на ихъ количествѣ». Таковъ пассивъ этой эпохи, не особенно грозный, какъ видно. Если бы нашъ авторъ внимательно просмотрѣлъ свою книгу, то вспомнилъ бы при этомъ, что плата за обученіе въ институтѣ возростала постоянно, что колебанія въ числѣ воспитанницъ бывали постоянныя и особенно рѣзкія въ концѣ 50-хъ и началѣ 70-хъ годовъ (84, 85). Между тѣмъ именно въ 60-хъ годахъ улучшено распредѣленіе и порядокъ занятій въ институтѣ, преобразовано его прежнее анархическое управленіе, увеличена норма пріема, повышена плата учителямъ и, наконецъ, какъ безграмотно перифразируетъ г. Захарченко слова Шульгина, «вслѣдствіе всего этого въ результатѣ получилось то, что... мы уже видимъ въ институткахъ позднѣйшаго времени вмѣсто той сантиментальности и восторженности, которыя проглядывали въ нихъ прежде, столь свойственныхъ впрочемъ и вообще дѣвицамъ стараго

Библиотека "Руниверс"

времени,—большую готовность и лучшую подготовку, когда то понадобится, потрудиться и для себя, и подчасъ для семьи своей. И все это достигнуто .. осмотрительнымъ чуткимъ прислушиваніемъ къ потребностямъ идущей впередъ жизни и дружнымъ содѣйствіемъ всѣхъ къ сближенію школы и семьи» (47). Отсюда выводъ: заимствовать чужія мысли нужно «осмотрительно—чутко», иначе выходитъ нехорошо.

Но послѣдуемъ за нашимъ авторомъ. «Переживъ счастливо всѣ реформы шестидесятыхъ годовъ, кіевскій институтъ вступилъ въ семидесятые годы», и разумѣется все пошло превосходно. Правда, число воспитанницъ въ 1872 году, при начальницѣ Шидловской, упало до 158, но виной тому, по остроумному объясненію нашего автора, была смѣна главныхъ руководителей и возвышеніе платы «до 300 рублей въ годъ, а съ музыкой до 350 рублей». Лишь случайно, изъ рескрипта начальницѣ А. А. Родзянко, узнаемъ, что заведеніе до 1872 года находилось въ состояніи не вполнѣ удовлетворительномъ, но въ чемъ состояли эти недостатки, авторъ не объясняетъ любопытному читателю. Только изъ перечня такъ наз. «преуспѣяній» позднѣйшаго времени возможны нѣкоторыя заключенія по этому немаловажному вопросу. «Въ 1883 году приказано сумму, расходовавшуюся на образцовую кухню, обратить на улучшеніе стола воспитанницъ, особенно на продовольствіе слабыхъ молокомъ» (sic. Стр. 51). Значитъ, продовольствіе было плоховато и образцовая кухня безполезна? Въ 1887 году замѣчено «его высокопревосходительствомъ господиномъ главноуправляющимъ статсъ-секретаремъ Иваномъ Николаевичемъ Дурново переутомленіе воспитанницъ, особенно въ выпускномъ классѣ, во время экзаменовъ, по причинѣ обширности программъ», почему программы сокращены и приказано при экзаменахъ «обращать вниманіе въ каждомъ изъ предметовъ только на существенное» (51). Значитъ, программы то были плоховаты и экзамены производились безтолково? «Въ 1871 году, съ устройствомъ въ городѣ водопровода, послѣдній былъ проведенъ и во всемъ зданіи института, что дало, конечно, возможность пользоваться большимъ количествомъ воды и лучше поддерживать чистоту въ заведеніи». Въ 1872 г. поднятъ потолокъ въ одномъ изъ дортуаровъ, а въ 1883 году только расширены дортуары. Въ 1884 передѣлана лѣтняя галлерея въ саду, «прежде неохотно посѣщавшаяся дѣтьми и служившая скорѣе складомъ для старой мебели, а нынѣ, послѣ исправленія, составляющая излюбленное мѣсто воспитанницъ во время лѣтнихъ ихъ занятій». Съ 1888 года «расширенъ дѣтскій

Библиотека "Руниверс"

садъ, присоединеніемъ къ послѣднему бывшихъ садиковъ инспектора классовъ, эконома, старшаго служителя и другихъ» и тогда же устроенъ отдѣльный рисовальный классъ. Въ лазаретѣ не имѣлось до послѣдняго времени особаго отдѣленія для заразныхъ больныхъ. Оконныя рамы во всемъ главномъ зданіи пришли въ совершенную ветхость и только въ прошломъ году приступлено къ ремонту. Классы переполнены: «теперь въ среднихъ классахъ очень часто скопляется (sic) по 45 и болѣе воспитанницъ» (53). Наконецъ, до послѣдняго года воспитанницы во время богослуженія «стояли въ холодной части храма, которая была окружена до сихъ поръ пятью большими окнами и обогрѣваніе которой было невозможно» (53). Перечисливъ распоряженія, изъ коихъ мы случайно узнаемъ всѣ эти прискорбныя вещи, г. Захарченко беззаботно пишетъ въ заключеніе своего краснорѣчиваго очерка: «Такъ счастливо протекло первое пятидесятилѣтіе существованія кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ»... Своею полувѣковою дѣятельностью кіевскій институтъ, такимъ образомъ (cur, quomodo, quibus auxiliis?), подобно другимъ такимъ же заведеніямъ, несомнѣнно, очень много *способствовалъ* смягченію нравовъ въ югозападной окраинѣ нашего отечества, далъ значительный контингентъ благовоспитанныхъ и образованныхъ учительницъ и воспитательницъ, и тѣмъ хотя отчасти *способствовалъ* вытѣсненію господствовавшихъ у насъ подчасъ невѣжественныхъ иностранокъ, и наконецъ, своимъ фактическимъ существованіемъ не мало *способствовалъ* сознанію необходимости для русской женщины серьезнаго образованія» (54). Темно, очень темно!

На стр. 65 и 66 нашъ авторъ производитъ разсчетъ общаго денежнаго оборота школы за истекшее 50-лѣтіе и приходитъ къ заключенію, что институтъ—благотворительное заведеніе, такъ какъ вѣдомство учрежденій императрицы Маріи приплатило на каждую воспитанницу около 80 рублей въ годъ. Весьма возможно, что это справедливо, но изъ приведенныхъ г. Захарченкомъ цифръ этого рѣшительно не видно. Дѣло въ томъ, что нашъ авторъ, слагая суммы, сдѣлалъ ариѳметическую ошибку болѣе чѣмъ на $1^1/_4$ мил. рублей и потому понять его разсчетъ нѣтъ никакой возможности. Этого мало. Изъ книжки г. Захарченка видно, что институтъ былъ основанъ на средства московскаго опекунскаго совѣта, который по повелѣнію императора Николая долженъ былъ отпустить для этого 500 тыс. руб. сер. Изъ этихъ денегъ въ 1838 г. выдано институту 259 тыс. руб. Послѣднюю сумму г. Захарченко внесъ въ счетъ общаго оборота за-

Библиотека "Руниверс"

вденія за 50 лѣтъ и затѣмъ сдѣлалъ свой выводъ о благотворительномъ характерѣ этой школы. Такимъ образомъ, и ариѳметика, и бухгалтерія нашего автора оказываются весьма шаткими и, такъ сказать, фантастическими.

Чтобы нѣсколько «способствовать» нашему историку къ исправленію его неистоваго стиля и грамматики, укажемъ, въ заключеніе, еще на нѣкоторые драгоцѣнные въ этомъ отношеніи перлы, въ ужасающемъ изобиліи разсыпанные на каждой страницѣ его повѣствованія. Вотъ образцы этого style perlé или, если хотите, flamboyant. Отдѣлъ характеристикъ: «Предшественница ея (Голубцовой), взявъ отъ родителей дитя ихъ, на немъ сосредоточивала все свое вниманіе и всю свою любовь. Голубцова, сама мать многочисленнаго семейства, мать, у которой билось сердце той матери, которая любитъ дѣтей именно потому, что она мать. Голубцова входила въ положеніе не одного ребенка, лишеннаго родной матери, но и матери, лишенной роднаго дитяти... И странно: воспитанная подъ вліяніемъ мистическаго настроенія послѣднихъ годовъ царствованія императора Александра, эта довольно идеализированная воспитательница содѣйствовала, «побуждаемая материнскимъ сердцемъ, къ практически-полезнымъ результатамъ воспитанія» (40). Ад. Ал. Родзянко «показывала примѣръ рѣдкаго въ наше время уваженія къ казенной собственности» (48). «А Г. Петровъ, человѣкъ очень опытный въ веденіи педагогическаго дѣла и вполнѣ подходившій къ этой должности по своей благонадежности» (35). Отдѣлъ описаній: «Для каждаго класса было положено по двѣ дамы, которыя должны были дежурить посуточно и безотлучно, замѣняясь въ случаѣ необходимости пепиньерами» (14). «Учебный годъ положено было начинать въ институтѣ съ перваго августа и длить по первое іюля... День институтскій распредѣленъ былъ слѣдующимъ образомъ: въ 6 часовъ утра положено было вставать воспитанницамъ, а въ 6 съ половиной собираться въ общую залу для молитвы, послѣ чего давался завтракъ; отъ 7 до 8 часовъ было свободное время отъ всякихъ умственныхъ занятій; отъ 8 до 9 часовъ было назначено время для приготовленія къ урокамъ, а отъ 9 до 12 ч. въ каждомъ классѣ было по два полуторачасовыхъ урока, отъ 12 до 1 ч. по полудни было время обѣда, послѣ чего слѣдующій часъ предназначался для отдохновенія; отъ 2 до 3 часовъ по полудни шло приготовленіе къ послѣобѣденнымъ урокамъ; а отъ 3 до шести часовъ п. п. во всѣхъ классахъ положено было по два также полуторачасовыхъ урока. Отъ 6 до 7 часовъ вечера было

Библиотека "Руниверс"

время отдыха, въ продолженіе котораго раздавался воспитанницамъ полуденникъ... въ 9 часовъ вечера былъ ужинъ; послѣ ужина слѣдовала вечерняя молитва и получасовый отдыхъ, послѣ чего всѣ воспитанницы ложились спать» (15). «Вслѣдъ за симъ графъ Левашовъ сталъ искать подходящаго мѣста для института, и остановился на одномъ изъ отроговъ сѣверо-западной части печерской возвышенности» etc (16). Да не посѣтуетъ на насъ читатель за эти выдержки: мы твердо надѣемся, что онѣ, быть можетъ, «возспособствуютъ» къ искорененію въ россійской словесности того стиля, который еще Ломоносовъ именовалъ «подлымъ».

Въ книгѣ г. Захарченка приложены портреты нынѣ царствующихъ государя и государыни, имп. Николая I и Александра II съ ихъ супругами, портреты начальницъ института, нѣсколько фотографическихъ снимковъ институтскаго зданія и наконецъ планъ институтской усадьбы. Должно пожалѣть, что хорошо исполненные снимки украшаютъ столь неизящную и малограмотную «Исторію», которая сама по себѣ составляетъ крайне печальную страницу въ исторіи института.

Н. М.

Часопись Правнича. Мѣсячникъ для теоріи и практики. Выдаютъ: д-ръ К. Левицкій, д-ръ А. Горбачевскій и д-ръ Е. Олесницкій. Рочникъ I, числа 1 - 4. Львовъ, 1 цвѣтня 1889.

Мало знакомые съ доходящими до насъ рѣдко и случайно галицкими изданіями вообще, русскіе читатели едва ли что нибудь знаютъ о трудахъ галицкихъ юристовъ. Если историку, этнографу, лингвисту при разрѣшеніи разныхъ вопросовъ, касающихся мѣстной старины и народности, необходимо считаться съ жизнью Галицкой Руси и ея литературой, то русскіе юристы могутъ заниматься своимъ дѣломъ и не подозрѣвая о существованіи галицкой юридической литературы. И при томъ эта литература находится въ совершенно зачаточномъ состояніи. Вся она (если не считать сочиненій, изданныхъ галицкими писателями на иностранныхъ языкахъ) заключается въ небольшомъ числѣ книгъ, преимущественно популярныхъ, изъ которыхъ лучшею считается вышедшая года четыре тому назадъ книга: «Русскій правотарь домовый» В. Лукича и Ю. Семигиновскаго (Львовъ, 1885), о которой одинъ изъ галицкихъ юристовъ К. Левицкій, давая

Библиотека "Руниверс"

отзывъ, выразился, что «се першій правотарь, якимъ не можутъ повеличатися инші народы словяньскі». Кромѣ этой книги, представляющей въ первомъ, до сихъ поръ вышедшемъ томѣ популярное изложеніе гражданскаго права, слѣдуетъ упомянуть сочиненія *Ин. Гальки*: «О правахъ въ громадѣ, повѣтѣ, краю и державѣ» (1875) и «О правахъ и повинностяхъ въ громадѣ» (1881), Стеф. *Тихого*: «О опѣкунахъ и кураторахъ» (1880) и «О пожичкахъ», *К. Левицкаго*— «Нашъ законъ громадскій, або які мы маемъ права и повинности въ громадѣ» (1889) и другія.

Никакихъ періодическихъ изданій, которыя были бы посвящены изученію права, до сихъ поръ въ Галиціи не было, и только съ апрѣля текущаго года началъ выходить во Львовѣ первый юридическій журналъ, названіе котораго мы выписали и первая книжка котораго вышла за четыре мѣсяца вмѣстѣ.

Прежде всего въ книгѣ этой напечатано краткое «*Слово вôдъ выдавцьвъ*», въ которомъ издатели говорятъ о трудностяхъ предстоящаго имъ новаго дѣла по изданію перваго юридическаго журнала и, заявляя просьбу о доставленіи имъ статей теоретическихъ и практическихъ, выражаютъ желаніе, чтобы журналомъ ихъ живо интересовались юристы, гдѣ бы они ни были: въ Галичинѣ, въ Буковинѣ, Угорщинѣ, Украинѣ, или Босніи и Герцеговинѣ. Въ особенности же издатели обращаются къ юристамъ украинцамъ съ такимъ заявленіемъ: «Вôдкликуемъ ся головно до братôвъ правникôвъ на Украинѣ, котрыхъ вѣсти про тамошный устрôй правный були бы для насъ поучаючі, а се тымъ бôльше, що захôдно—европейска література правнича майже жодныхъ жерелъ не подає про розвитокъ и станъ правознавства въ далекôй державѣ россійскôй».

Не совсѣмъ понятнымъ кажется, почему галицкіе писатели ожидали, чтобъ западно-европейская литература познакомила ихъ съ нашими правовыми порядками и развитіемъ у насъ правовѣдѣнія, и почему они не обращались для этого къ русской литературѣ, если такое ознакомленіе было для нихъ желательно. Нельзя однако объяснять это однимъ отсутствіемъ вниманія къ русской литературѣ. Нельзя упускать изъ виду, что, если мы можемъ гораздо легче получить какую нибудь нѣмецкую или французскую книжку, трактующую о Галиціи, чѣмъ книжку того же самаго содержанія, изданную на родномъ языкѣ въ Галиціи, то въ такомъ же самомъ положеніи находились и галичане относительно книгъ, выходившихъ на русскомъ языкѣ въ Россіи. Съ какими затрудненіями не только галичанамъ, а

Библиотека "Руниверс"

вообще обитателямъ австрійской имперіи, и въ томъ числѣ серьезнымъ ученымъ, приходилось бороться, чтобъ получить какую нибудь книгу, изданную въ Россіи, видно между прочимъ изъ писемъ Фр. Миклошича къ М. П. Погодину [1]). Вслѣдствіе этого, галиційскія библіотеки не могли какъ слѣдуетъ пополняться русскими изданіями.

Съ другой стороны, юристовъ—практиковъ двухъ мѣстностей раздѣляютъ различные законы, которые имъ приходится примѣнять и толковать. Понятно, что, какъ мы не пойдемъ ни къ нѣмцамъ, ни къ галичанамъ искать разрѣшенія разныхъ юридическихъ вопросовъ, касающихся примѣненія къ практикѣ нашего законодательства, такъ точно и галичане не могли за разрѣшеніемъ подобныхъ же вопросовъ о примѣненіи дѣйствующихъ у нихъ законовъ обращаться къ тѣмъ писателямъ, которые сами никогда этихъ законовъ не примѣняли.

Во всякомъ случаѣ, изъ какихъ бы причинъ это ни происходило, но не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что какъ мы очень мало знаемъ о трудахъ галицкихъ юристовъ, такъ точно и послѣдніе совершенно незнакомы съ русской юридической литературой. Это видно какъ изъ приведеннаго заявленія издателей, такъ и изъ содержанія статей, помѣщенныхъ въ первой книгѣ «Часописи правничой». Разрѣшая въ этихъ статьяхъ разные теоретическіе и практическіе юридическіе вопросы, авторы сличаютъ постановленія римскаго права, древнее германское право, уставы: австрійскій, прусскій, саксонскій, ганноверскій, баварскій, ольденбургскій, венгерскій, французскій, итальянскій, но нигдѣ, ни въ одной строкѣ не упоминаютъ о русскомъ законодательствѣ. Равнымъ образомъ, ссылаясь на авторитеты разныхъ писателей, авторы приводятъ цѣлые десятки именъ иностранныхъ писателей, преимущественно нѣмецкихъ, но нигдѣ не упоминаютъ ни объ одномъ русскомъ писателѣ. Очевидно, что и русскіе законы, и русская юридическая литература для галицкихъ писателей —terra incognita. И издатели сами въ этомъ сознаются, заявляя юристамъ украинцамъ просьбу познакомить ихъ съ нашими правовыми порядками. Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на эту просьбу.

---

[1]) См. „Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель“ (Москва, 1880), стр. 458.

Библиотека "Руниверс"

Свое вступительное слово издатели оканчиваютъ такимъ заявленіемъ относительно языка, котораго они будутъ придерживаться: «Въ кôнци заявляемъ симъ, що въ справѣ нашои терминологіи правничои будемъ зъ всею строгостію стеречи чистоты нашои рôднои бесѣды рускои на основѣ нашихъ богатыхъ памятникôвъ літературныхъ якъ такожъ устнои простонародноі словестости. *Хочемъ писати живымъ рускимъ словомъ—кождому зразумѣлымъ*» (курсивъ въ подлинникѣ).

Однако не все, что помѣщено въ первой книгѣ журнала, наши читатели найдутъ написаннымъ языкомъ «кождому зрозумѣлымъ», и пожалуй многіе читатели не поймутъ нѣкоторыхъ статей, если не запасутся предварительно словарями латинскимъ и нѣмецкимъ. Не говоря о томъ, что почти всѣ страницы журнала испещрены пространными выписками на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ изъ разныхъ иностранныхъ авторовъ и законодательныхъ кодексовъ, сами издатели журнала въ своихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ 1-й книгѣ, несмотря на обѣщаніе «стеречи чистоты рôднои бесѣды рускои», безпрестанно пересыпаютъ свою «рускую» рѣчь такими терминами, какъ слѣдующіе: делитъ, диферентъ, авскультантъ, екстрема, опінія, инвазія, дискусія, интенція, интервенція, санація, каденція, консеквенція, екстрикація и проч. и проч.

Конечно, выполнить обѣщаніе, о которомъ упомянуто выше, не такъ легко, какъ дать его. Начиная издавать на мѣстномъ нарѣчіи первый юридическій журналъ, при зачаточномъ состояніи юридической литературы, издателямъ приходится во многихъ случаяхъ впервые устанавливать юридическую терминологію и вырабатывать юридическій языкъ, а это—задача трудная. И можетъ быть, еслибъ юристы украинцы исполнили ту просьбу, съ которою къ нимъ обращаются издатели, то своимъ сотрудничествомъ въ журналѣ они могли бы принесть значительную долю пользы, содѣйствуя галицкимъ писателямъ въ дѣлѣ выработки правильнаго юридическаго языка. По крайней мѣрѣ, можно бы было надѣяться, что юристы украинцы въ изложеніи своихъ мыслей обошлись бы безъ «опіній», «екстрикацій» и т. п. нескладныхъ терминовъ, безъ всякой надобности вводимыхъ изъ иностранныхъ языковъ.

Что касается затѣмъ до содержанія статей, помѣщенныхъ въ первой книгѣ «Часописи Правничой», то только одна изъ нихъ имѣетъ мѣстный интересъ, именно—«*Галицке судовництво и справа ею реформы въ законодавчихъ тълахъ*» А. Горбачевскаго. Въ ней

Библиотека "Руниверс"

идетъ рѣчь о неудовлетворительномъ состояніи судебной части—въ Галиціи, выясняются причины такого состоянія и указывается на необходимость реформы, которая и была уже предметомъ обсужденія въ мѣстныхъ законодательныхъ учрежденіяхъ.

Изъ другихъ статей, помѣщенныхъ въ 1-ой книгѣ, статья Ол. Огоновскаго разсматриваетъ интересный вопросъ о значеніи заблужденія или ошибки при заключеніи договоровъ; статья К. Левицкаго трактуетъ о значеніи присяги; статья Е. Олесницкаго посвящена исторической школѣ въ политической экономіи (по поводу 50 лѣтняго юбилея В. Рошера). Кромѣ того, въ первой книгѣ имѣются воспоминанія о Фр. Гольцендорфѣ, практическія замѣтки, выписки изъ судебныхъ рѣшеній и краткій отдѣлъ библіографіи.

Не считаемъ нужнымъ вдаваться въ бо́льшія подробности относительно содержанія упомянутыхъ статей, какъ посвященныхъ предметамъ, изслѣдованіе которыхъ не входитъ въ кругъ задачъ «Кіевской Старины».

Н. Шугуровъ.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ.

Кіевлянинъ №№ 193—221. 194. Корреспонденція изъ Ровно, волынской губ., о празднованіи 50-лѣтія ровенскаго реальнаго училища.

195. Библіографическая замѣтка о книгѣ И. П. Матченка св. равноапостольный князь Владиміръ—просвѣтитель Руси.

196. Извѣстіе о появившейся въ слоб. Ямной богодух. у. новой сектѣ.

197. Извѣстіе о найденномъ въ кіевской губерніи бронзовомъ старинномъ кувшинѣ.

204. Замокъ кн. Симеона Олельковича. Докладъ В. И. Гошкевича въ церковно-археологич. общ. объ осмотрѣнномъ имъ городищѣ на лѣвомъ берегу Днѣпра, немного выше с. Вигуровщины. На мѣстѣ городища стоялъ, по мнѣнію референта, замокъ Симеона Олельковича, выстроенный въ свою очередь на мѣстѣ болѣе древняго поселенія.

— Находка свайныхъ построекъ. О найденныхъ доцентомъ кіевской духовн. академіи Завитневичемъ на Князь или Жидъ озерѣ минской губ. мозырскаго уѣзда свайныхъ постройкахъ.

208. Некрологъ А. П. Вальтера, бывшаго профессора университета св. Владиміра.

215. Годичный актъ въ коллегіи Павла Галагана.

Библиотека "Руниверс"

— Засѣданіе историческаго общества. Отчетъ о докладѣ проф. В. Б. Антоновича объ археологическихъ изысканіяхъ на берегахъ р. Тетерева.

217. Интересная находка. Извѣстіе объ открытіи во дворѣ дома Посудзѣвскаго на Софійской ул. вертикальной трубы изъ кирпичныхъ плитъ стариннаго типа.

— Извѣстіе о поступленіи въ одесск. общ. ист. и древностей плана г. Каменецъ-Подольска 1672 г.

219. 25-лѣтіе кіевскаго свято-владимірскаго братства.

— Замѣтка о свв. кн. Ѳеодорѣ Острожскомъ и княжнѣ Іуліаніи Гольшанской.

220. Отчетъ о торжественномъ собраніи членовъ свято-владимірскаго братства.

— Замѣтка о найденныхъ на Александровской площади въ Кіевѣ остатковъ старинныхъ водопроводныхъ сооруженій.

221. Замѣтка о раскопкахъ въ усадьбѣ Посудзѣвскаго (см. № 217).

Кіевское Слово 762—793. 765. Замѣтка о 150-лѣтіи взятія Хотина

— Забытыя древности. Замѣтка о печальномъ состояніи развалинъ Свято-Васильевскаго златоверхаго храма въ г. Овручѣ волынск. г.

770. Развалины замка кіевск. князя Симеона Олельковича. Замѣтка.

772. Изъ историч. журналовъ. Выдержки изъ воспоминаній акад. Трутовскаго (Кіевская Старина 1889 г., кн. 9).

773. Археологическое открытіе. О развалинахъ замка Симеона Олельковича.

783. Отчетъ о засѣданіи историческаго общества Нестора Лѣтописца 1 октября.

786. Разныя суевѣрія угроруссовъ.

787. Интересная раскопка. О раскопкѣ во дворѣ дома Посудзѣвской на Софійской ул. въ Кіевѣ.

— Извѣстіе о находкѣ въ г. Острѣ въ усадьбѣ мѣстнаго казначея серебряныхъ монетъ XVII в.

791. Корреспонденція съ Полѣсья (волынск. г. ровенск. у.) заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя этнографическія данныя.

793. Замѣтка объ имѣющемъ быть открытымъ въ Харьковѣ художественно-промышленномъ музеѣ.

— Актъ 1-й кіевской гимназіи.

— Современная курганоманія. Изложеніе статьи И. А. Линниченка подъ тѣмъ же заглавіемъ напечатанной въ Газетѣ Гатцука.

— Корреспонденція изъ Винницы о суевѣрныхъ обрядахъ, употребляемыхъ крестьянами для избѣжанія воинской повинности.

Волынь №№ 160—176. 160. Въ статьѣ: «Изъ писемъ народнаго учителя» изображается состояніе школъ и положеніе учителей на Волыни.

Библиотека "Руниверс"

170. Корреспонденція изъ Кіева о выставкѣ-базарѣ, о народныхъ чтеніяхъ проф. Н. А. Хржонщевскаго, о предполагавшихся новыхъ кіевскихъ изданіяхъ: «Кіевскомъ Листкѣ Объявленій» г. Жуковскаго, «Юго-Западномъ Вѣстникѣ» г-жи Китченко и «Искусство и театръ»; два первыя не разрѣшены, судьба третьяго пока не извѣстна и сомнительна.

— Выдержки изъ сочиненія прот. А. Ѳ. Хойнацкаго: «Исторія православной церкви и древняго православія на Волыни»: 1) препод. Ѳеодоръ, кн. Острожскій, въ монашествѣ Ѳеодосій и 2) св. Іуліанія дѣва изъ Домбровицы, княжна Ольшанская (окончаніе въ №№ 171 172 (отъ 5 октября).

172. Передовая статья по поводу перенесенія въ Житоміръ частицъ мощей кн. Ѳеодора Острожскаго и кн. Іуліаніи Ольшанской.

— Описаніе торжества перенесенія мощей.

174. Слово, сказанное въ житомірскомъ каѳедральномъ соборѣ свящ. Михаиломъ Щегловымъ 8-го октября по случаю торжества перенесенія мощей этихъ святыхъ.

Волынскія Губенскія Вѣдомости №№ 40—73. 67, 70, 71. Остатки волынской старины. Историческо-археологическія замѣтки. Братчикова.

73. Къ житомирской хроникѣ. Братчикова. Свѣдѣнія о мощахъ преп. Ѳеодора Острожскаго и преп. Іуліаніи и о перенесеніи частицъ ихъ въ г. Житоміръ.

Волынскія Епарх. Вѣдомости №№ 27—28. 27—28. Историко-статистическое описаніе церкей и приходовъ волынской епархіи.

Подольскія Епарх. Вѣдомости №№ 38—40. 38. Борьба мѣстной епархіальной власти съ языческимъ чествованіемъ древней богини Цереры.

39. Корреспонденція изъ Тульчина о празднованіи 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ и объ актѣ въ мѣстномъ женскомъ духовномъ училищѣ.

39—40. Изъ записной книжки преподавателя духовной семинаріи. О штундѣ.

40. Празднованіе 25-лѣтія подольскаго училища дѣвицъ духовнаго вѣдомства.

Одесскій Листокъ 1889 г. №№ 137—272. 229. Для чего Богъ посылаетъ громъ (народное повѣрье), *Д. Ѳедоровъ.*

№ 241. 150-лѣтіе со дня взятія Хотина. *Е. Василевскаго.*

№ 244. О каменныхъ бабахъ. *Д. Эварницкаго.*

№ 245. Юбилейный: столѣтіе взятія Хаджибея.

Одесскій Вѣстникъ №№ 246—272. 246. Празднованіе 100-лѣтія завоеванія Хаджибея.

— Извѣстіе изъ «Новостей» о подаркѣ художникомъ Х. Гусиковымъ 70 портретовъ Т. Г. Шевченка въ пользу племянницы послѣдняго, И. Ковтуновой.

Библиотека "Руниверс"

— Перепечатка изъ «Кіевскаго Слова» о слѣпыхъ племянницахъ Т. Г. Шевченка.

247—271. Бессарабская сельско-хозяйственная и промышленная выставка.

248. Краткое извѣстіе о спектакляхъ въ г. Елисаветградѣ малороссійской труппы Скорбинскаго.

249. О состояніи медицины въ одесскомъ уѣздѣ. Статья написана по поводу вышедшаго въ свѣтъ «Медицинскаго и санитарнаго отчета по одесскому уѣзду за 1888 г.».

252. Краткія біографическія свѣдѣнія о литераторѣ Н. Г. Вучетичѣ.

272. Къ исторіи женскихъ гимназій въ г. Николаевѣ.

Новороссійскій Телеграфъ № 4523. Статья: Резеши и резешское землевладѣніе.

4536. Фельетонъ: Къ столѣтнему юбилею Одессы со дня завоеванія крѣпости Хаджибея.

4534—35. Адмиралъ де-Рибасъ и завоеваніе Хаджибея.

4549—4550. Херсонское дворянство и херсонская губернія въ 1862 г.

Елисаветградскій Вѣстникъ. №№ 181—219. 182. Присказка до пюхарей. (Перепечат. изъ Екат. Губ. Вѣд.).

186. Историческій очеркъ г. Балты. (Перепеч. изъ Под. Епарх. Вѣд.).

189. Коротенькое извѣстіе о новой піесѣ М. Старицкаго «Богданъ Хмельницкій» (еще въ рукописи).

190. Маленькая замѣтка о новой малорусской труппѣ, давшей 27 авг. въ Елисаветградѣ первое представленіе; шла піеса «Сватання на Гончаривци».

194. Замѣтка по поводу представленія въ г. Елисаветградѣ малорусской драмы «Невольникъ» новой труппой подъ управленіемъ г. Скорбинскаго.

214. Разборъ 4-го тома Матеріаловъ для оцѣнки земель херс. г., заключающаго въ себѣ статистико-экономическое описаніе тираспольскаго уѣзда.

215. О драматическомъ представленіи въ Елисаветградѣ малорусской труппы (драма Карпенка-Караго «Наймычка»).

217. То же о драмѣ Карпенка-Караго «Розумный та дурень».

218. То же о драмѣ Карпенка-Караго «Безталанна».

— Тутъ же напечатано малорусское стихотвореніе, сочиненное въ Полтавѣ въ честь М. К. Заньковецкой.

219. То же о комедіи Карпенка-Караго «Мартынъ Боруль».

Крымъ №№ 113—120. 118 Разборъ книги А. В. Абрамова: «Вниманію интеллигентныхъ провинціаловъ». (Изъ обществ. жизни г. Харькова).

Кубанскія областныя Вѣдомости № 41. 40. Празднованіе 100-лѣтней годовщины пораженія Баталъ-паши русскими войсками. В. Галкина.

Курскій Листокъ № 117—109. Прошлое Одессы.

Библиотека "Руниверс"

113, 116, 117. Курскіе кустари. I. Производство скатертей. II. Кожевенное и сапожное производство.

Минскій Листокъ №№ 73—78. 78. Изложеніе содержанія изслѣдованія проф. С. А. Бершадскаго: «Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ рады вел. княж. литовскаго»; сочиненіе это было помѣщено въ «Кіев. Старинѣ».

Варшавскій Дневникъ №№ 205—226. 205. Статья о положеніи греко-уніатскаго духовенства въ Галиціи.

Корреспонденція изъ Лѣсны о состояніи православной лѣсненской женской обители.

209. 210. Историч. замѣтка по поводу столѣтія г. Одессы.

222. Извѣстіе объ открытіи развалинъ замка князя Симеона Олельковича, правившаго Кіевомъ во второй половинѣ XV вѣка.

223. Отчетъ о защитѣ врачемъ В. В. Святловскимъ диссертаціи на степень доктора медицины подъ заглавіемъ: «Фабричный рабочій»; сочиненіе это имѣетъ предметомъ изслѣдованія санитарное состояніе фабричныхъ рабочихъ въ Малороссіи и Привислинскомъ краѣ.

Червоная Русь 194—215 193, 194, 201, 202. Домашній промыслъ въ Галичинѣ. Гонтарство. Боднарство.

199. Замѣтка о № 8 «Наука».

201. Народныя школы въ Галичинѣ.

— Замѣтки о № 18 «Страхопуда» и № 18 «Новаго Галичанина».

212. Замѣтка о раскопкахъ проф. Шараневича на мѣстѣ древняго Галича.

215. Середніи школы въ Галичинѣ.

Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи.

Бентовскій И. В. Гребенцы. Историческое изслѣдованіе. Изданіе 2 е. 8 д. 39 стр.

Werygo. Dumki białoruskie ze wsi Głębokiego w powiecie lidzkim, gub. wieliński ej. Odb. ze Zb. wiad. antrop. kraj. t. XIII. Kr. 1889. 20 str. 8 d.

Гульдманъ В. К. Подольская губернія. Опытъ географическо-статистическаго описанія. Изданіе подольскаго губернскаго статистическаго комитета.

Библиотека "Руниверс"

Каменецъ-Подольскъ. 8 доля 414 + 63 + 1 + 26 + 2 + IV страницъ и IX табл.

Доброво М. Изъ малорусскаго быта. Разсказы. Кіевъ. 8 д. 158 стр.

Иванова Е. Путевыя воспоминанія о Крымѣ. Москва. 8 д. 41+1 стр.

Музыкантовъ П. И. Богданъ Хмельницкій въ войнахъ съ поляками. Кіевъ. 8 д. 58 стр.

Панченко М. Бури у сѣверо-западныхъ береговъ Чернаго моря. Одесса. 8 д. 28 стр.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

Ноябрь, 1889 г.

		стр
I.	Воспоминанія о рекрутчинѣ по прежнему порядку. **Б. С. Познанскаго.**	225—256
II.	Воспоминанія **М. К. Чалаго.**	257—280
III.	Культурныя переживанія. LXXXVII—CVIII. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова**	281—327
IV.	Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка. **В. Н. Сторожева**	328—349
V.	Очеркъ стариннаго быта Волыни и Украины. **О. И. Левицкаго**	350—368
VI.	О статьяхъ Богдана Хмельницкаго (1654 г.). **П. А. Шафранова**	369—391
VII.	Анастасія Яковлевна Марченко. (Т. Ч. или А Темризовъ). Очеркъ. **Е. С. Некрасовой**	392—422
VIII.	Документы, Извѣстія и Замѣтки. Столѣтіе кіевской первой гимназіи, какъ учебнаго заведенія **Садовскаго.** Еще объ Иванѣ Поповичѣ. **Ив. Н.** Библіографическія замѣтки. **Архим. Леонида.** Англійское извѣстіе 1736 г. о запорожцахъ. **Н. В. Молчановскаго.** Четыре письма О. М. Бодянскаго. 1855—58 гг. **А. Л.** Образцы старо-семинарской поэзіи. **П. Левицкаго.**	423—455
IX.	Для справокъ	455
X.	Библіографія. Чтенія въ историч. общ. Нестора Лѣтописца. Книга 3-я. **И. М. Каманина.** Лопатинъ Н. М. Прокудинъ В. П. Сборникъ русскихъ народныхъ ли-	

Библиотека "Руниверс"

стр.

рическихъ пѣсенъ. 2 части. Часть I и 1-й выпускъ второй части. **А. Степовича.** Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. **И. М. Каманина.** Исторія кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ, 1838—1888 г. Составилъ М. М. Захарченко. **Н. М.** Часопись Правнича. Мѣсячникъ для теоріѣ и практики. Выдаютъ д-ръ К. Левицкій, д-ръ А. Горбачевскій и д ръ Е. Олесницкій. Рочникъ I, числа 1—4. **Н. В. Шугуровъ.** Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ. Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 года, касающіяся ю. Россіи . . . 456 484

XI. Объявленія . . . . . 1—4

Приложеніе: 1) Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи.

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„СУДЕБНУЮ ГАЗЕТУ“

на 1890 годъ.

„Судебная Газета“ будетъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, давать на своихъ страницахъ критическое обсужденіе законовъ какъ дѣйствующихъ уже, такъ и вновь публикуемыхъ, при чёмъ для болѣе яркаго освѣщенія достоинствъ и недостатковъ отечественнаго права — матеріальнаго и процессуальнаго—будетъ держаться сравнительнаго метода изложенія, приводя постановленія передовыхъ иностранныхъ законодательствъ. Памятуя ближайшія задачи спеціальнаго органа, газета наша будетъ охотно отводить у себя мѣсто разнымъ юридическимъ замѣткамъ и вопросамъ, имѣющимъ цѣлью выясненіе темныхъ сторонъ права, чѣмъ значительно облегчится положеніе провинціальныхъ практиковъ, которые, какъ можно судить изъ поступающихъ къ намъ заявленій, особенно часто нуждаются въ совѣтѣ и обмѣнѣ мыслей.

(Просимъ обратить особенное вниманіе на слѣдующее):

Въ каждомъ № „Судебной Газеты“ подписчики получаютъ за недѣлю раньше списокъ всѣхъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію по всѣмъ Департаментамъ Правительствующаго Сената и Общаго Собранія и, тотчасъ по опубликованіи, всѣ свѣдѣнія объ узаконеніяхъ и о лицахъ, признанныхъ со стороны судовъ по всей Россіи несостоятельными, то есть пользуются такимъ матеріаломъ, который, въ отдѣльности взятый, стоитъ въ 3—4 раза дороже самаго изданія „Судебной Газеты“.

СООБЩЕНІЕ СПРАВОКЪ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ и другихъ Департаментовъ Сената производится въ почтовомъ ящикѣ редакціи только для годовыхъ подписчиковъ, уплатившихъ при подпискѣ всю сумму сполна, при томъ не болѣе 3—4 въ годъ.

ПОДПИСЧИКАМЪ ВЪ РАЗСРОЧКУ И НА СРОКИ справки сообщаются на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЖЕЛАЮЩІЕ получить справку по почтѣ, не дожидаясь выхода № газеты, прилагаютъ 2 руб. за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающіе получить ее по телеграфу прилагаютъ еще и стоимость телеграммы.

Библиотека "Руниверс"

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦІЯ: разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ, сообщеніе совѣтовъ, указаній и т. п. производится или въ отдѣлѣ „Отвѣты редакціи" или письменно по почтѣ, въ обоихъ случаяхъ на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЦѢНА: на годъ **7** руб.; на 6 мѣсяцевъ **4** руб. **50** коп.; на 3 мѣсяца **3** руб. и на 1 мѣсяцъ **1** руб. Заграницу **10** руб. въ годъ,

ПОДПИСКА принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца

ЗАГРАНИЦУ подписка въ разсрочку не принимается.

РАЗСРОЧКА въ платежѣ годовой подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится **4** рубля и остальные **3** рубля не позже 20-го іюня.

ПРИ ПРОСРОЧКѢ втораго взноса высылка газеты съ 1-го іюля прекращается.

ДЛЯ ПОЛЬЗОВАНІЯ РАЗСРОЧКОЮ необходимо при присылкѣ перваго взноса заявлять о своемъ желаніи пользоваться разсрочкою; одна же простая присылка 4 рублей или присылка ихъ съ объясненіемъ, что они высылаются за первую половину года, повлечетъ за собою зачисленіе такого подписчика въ разрядъ четырехмѣсячныхъ.

Иногородные адресуются *исключительно* въ главную контору редакціи: С.-Петербургъ, Моховая улица, № 38; городскіе—въ отдѣленіе конторы: С.-Петербургъ, въ книжномъ магазинѣ юридической литературы Д. В. Чичинадзе, Невскій проспектъ, д. № 57.

За подписку въ другихъ мѣстахъ редакція не отвѣчаетъ.

№ 1. 3—1. Редакторъ-Издатель *Ф. В. Де Вени.*

Объ изданіи журнала „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ".

Съ 1-го января 1890 года будетъ издаваться, подъ редакціей ординарнаго профессора с.-петербургскаго университета **Н. Д. Сергѣевскаго** и при ближайшемъ, постоянномъ сотрудничествѣ **Н. Ѳ. Дерюжинскаго, А. А. Исаева** и **Н. М. Коркунова**, ежемѣсячный журналъ „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ". Задачею журнала поставляется, вопервыхъ, научная разработка и историческое освѣщеніе правовыхъ и экономическихъ вопросовъ, имѣющихъ значеніе для нашей современной общественной жизни; вовторыхъ, ознакомленіе читателей съ важнѣйшими явленіями въ сферѣ законодательства, судебной практики и науки права. Сообразно этому, „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ" будетъ заключать въ себѣ:

I. Самостоятельныя (иногда переводныя) научныя статьи по вопросамъ право- и государствовѣдѣнія;

II. Хроники: законодательную, судебную и научную;

III. Указатель вновь выходящихъ книгъ и журнальныхъ статей русской и иностранной юридической литературы.

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ" выходитъ въ началѣ каждаго мѣсяца книжками отъ 4 до 6 листовъ. Каждыя шесть книжекъ образуютъ собою одинъ томъ, къ которому прилагается общее оглавленіе.

Подписная цѣна **5 РУБЛЕЙ** въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Библиотека "Руниверс"

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ: Анисимова, Большая Садовая, № 12; Цинзерлинга, Невскій проспектъ, № 46; Мартынова, Большая Морская, № 30.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію „ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛѢТОПИСИ", С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, по 3 линіи, д. № 26.
№ 2. 3 – 1.

ОБЪ ИЗДАНІИ въ **1890 году** ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО и УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ ДЕСЯТИ книгъ въ годъ, до ДВАДЦАТИ листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С-Петербургѣ безъ доставки 8 р.	съ пересылкою въ другіе города . 9 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ. 8 р. 50 к.	за-границей . . . . . 12 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, **РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА,** платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города **13** р. **50** к.

Рѣш. касс. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 р. съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб. съ кассац. рѣш. 8 руб. и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны, сумма. **Гг. дѣйствительные члены с.-петербургскаго юридическаго общества** пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к. а съ кас. рѣш. 9 р. 50 к. Тоже право предоставляется студентамъ университетовъ и кандидатамъ на суд. долж., удостовѣрившимъ свое званіе.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію «Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права», С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала—при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: Анисимова рядомъ съ Публичною Библіотекою, Мартынова, Б. Морская, 30 и Чичинадзе М. Морская, 9; въ Москвѣ: Анисимова, на Никольской улицѣ, а равно въ конторѣ редакціи. Контора редакціи открыта разъ въ недѣлю, по субботамъ, отъ 2 до 4 часовъ.

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887 и 1889 гг. по 9 руб., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала по 2 р. съ пересылкою.

Редакторы: *В. М. Володимировъ.*
№ 3. 1—3. (по отдѣлу гражд. права) *А. Х. Гольмстенъ.*

Библиотека "Руниверс"

Съ 1-го ноября 1889 г. будетъ выходить безъ предварительной цензуры

новый журналъ:

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ,

при участіи Московскаго Психологическаго Общества,

Подъ редакціей профессора Н. Я. Грота. Изданіе А. А. Абрикосова.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: 1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи; въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ,—опытная и физіологическая психологія, психопатологія: 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ и русскихъ философовъ и психологовъ; 3) Общіе обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи, и библіографія; 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія; 5) Переводы на русскій языкъ классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Въ журналѣ, между прочимъ, предполагаютъ принять участіе слѣдующія лица: 1) изъ числа спеціалистовъ по философіи: проф. А. А. Козловъ, проф. М. М. Троицкій, проф. М. И. Владиславлевъ, проф. Г. Е. Струве, проф. М. И. Каринскій, проф. Н. Я. Гротъ, Л. М. Лопатинъ, Влад. С. Соловьевъ, кн. С. Н. Трубецкой, П. Е. Астафьевъ, іеромонахъ Антоній, А. И. Введенскій, А. Н. Гиляровъ, А. П. Казанскій, Н. Н. Ланге, В. В. Лесевичъ, В. П. Преображенскій, Э. Л. Радловъ, кн. Д. Н. Цертелевъ, Е. И. Челпановъ, В. Ф. Лютославскій (магистръ дерп. ун.), Ѳ. О. Масарикъ (проф. пражскаго унив.) и др. лица,—2) слѣдующіе члены психологическаго общества: графъ Л. Н. Толстой, Н. П. Аксаковъ, проф. Д. Н. Анучинъ, проф. А. П. Богдановъ, проф. Н. В. Бугаевъ, проф. А. Н. Веселовскій, проф. П. Г. Виноградовъ, О. П. Герасимовъ, В. А. Гольцевъ, В. А. Гримгмутъ, Д. А. Дриль, проф. Г. А. Звѣревъ, Н. А. Иванцовъ, проф. Н. И. Карѣевъ, проф. И. Ф. Огневъ, Л. Е. Оболенскій, докторъ А. А. Токарскій, Н. Н. Страховъ, проф. Ѳ. П. Шереметевскій, Н. И. Шишкинъ, В. И. Штейнъ, 3) проф. В. И. Данилевскій, проф. П. И. Ковалевскій, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Журналъ будетъ выходить четыре раза въ годъ книжками по 12—15 печатныхъ листовъ. **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:** въ годъ 6 р., и 6 р. 50 к. съ доставкою и пересылкою въ другіе города Россіи; для членовъ Психологическаго Общества, для студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній и воспитанниковъ духовныхъ семинарій—4 р., съ дост. и перес. 4 р. 50 к.—Подписка принимается съ 1 сентября нын. г. въ помѣщеніи редакціи (Новинскій бульваръ, д. Котлярева, кв. Николая Як. Грота), въ редакціяхъ: журнала „Русская Мысль“ и „Газеты А. Гатцука“, и въ магазинахъ „Новаго Времени“, (А. С. Суворина) въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ; В. П. Карбасникова въ Москвѣ, Петербургѣ, Варшавѣ, и Н. Я. Оглоблина въ Кіевѣ.

Въ 1-й номеръ журнала войдутъ статьи Владиміра Соловьева (Красота въ природѣ), проф. А. А. Козлова (Размышленія по поводу неожиданнаго голоса изъ области естествовѣдѣнія), кн. С. Н. Трубецкого (О природѣ сознанія), Н. Н. Ланге (О дѣйствіи гашиша: психологическая замѣтка), Н. Я. Грота (Отчетъ о съѣздѣ физіологической психологіи въ Парижѣ) и другія.

Библиотека "Руниверс"

усталыхъ членовъ и для омовенія въ банѣ. Предводители козацкіе, исполненные удивленія, по скромности долго отказывались отъ подарка, но должны были уступить настойчивымъ просьбамъ господаря и молдавскихъ вельможъ. Они поблагодарили за такую щедрость, встали съ мѣстъ и объявили, что въ присутствіи господаря они не осмѣлятся сѣсть. Ивонія пригласилъ ихъ на правое крыло лагеря, гдѣ назначена была стоянка козакамъ; туда онъ послалъ шесть большихъ амфоръ прекраснаго вина и 600 талеровъ, прося козаковъ выпить за его здоровье. Въ сосудахъ этихъ обыкновенно сберегается вода для солдатъ, которые, во время похода черезъ безводныя степи, сильно страдаютъ отъ жажды. Затѣмъ господарь прикомандировалъ къ козакамъ отрядъ фуражировъ, которые должны были заботиться о продовольствіи людей и лошадей. На разсвѣтѣ Ивонія самъ посѣтилъ козацкихъ предводителей и пригласилъ ихъ въ свою палатку для совѣщанія совмѣстно съ молдавскимъ совѣтомъ о важномъ дѣлѣ. Когда козаки явились, Ивонія сказалъ имъ слѣдующую рѣчь на польскомъ языкѣ: „Храбрые рыцари! я бы не рѣшился вызывать васъ изъ вашего отдаленнаго отечества для помощи въ столь трудномъ и опасномъ дѣлѣ, еслибы я не былъ увѣренъ въ вашемъ мужествѣ и стойкости; но убѣдившись въ этомъ непреклонно, я пригласилъ васъ для того, чтобы вы оказали мнѣ содѣйствіе военными трудами и вашею опытностью въ предстоящей войнѣ съ моимъ жестокимъ врагомъ, султаномъ Селимомъ. Назначая вамъ жалованье, я опасаюсь лишь того, чтобы вознагражденіе не оказалось ниже заслугъ вашихъ; во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ исходъ войны съ грознымъ врагомъ, я вамъ доставлю въ изобиліи денегъ, провіанта и корма для лошадей. Я увѣренъ, что, сохраняя вашу прежнюю доблесть, вы въ предстоящей войнѣ будете дѣйствовать соотвѣтственно заслуженной вами повсемѣстно репутаціи, которой я всецѣло довѣрился. Искренно благодарю васъ за то, что вы, христіанскіе воины, прибыли ко мнѣ, христіанскому владѣтелю; я всегда буду съ благодарностью вспоминать вашъ поступокъ. Хотя число вашего войска слишкомъ незначительно въ виду предстоящей опасности, тѣмъ не менѣе приходъ вашъ обнадежилъ меня болѣе,

Библиотека "Руниверс"

чѣмъ присылка любаго вспомогательнаго отряда въ 20,000 человѣкъ. Я охотно обязываюсь уплачивать вамъ жалованье, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ вы сами потребуете. Я не желалъ бы изображать вамъ турецкія силы непобѣдимыми, но я долженъ признать, что понынѣ судьба имъ постоянно благопріятствовала; происхожденіе турокъ ничтожно и презрѣнно, а между тѣмъ они снискали такое могущество, что неимовѣрный ростъ его слѣдуетъ приписать скорѣе ихъ коварству и преступленіямъ, чѣмъ ихъ доблести. Я полагаю, что Господь тѣмъ долѣе терпитъ безнаказанно ихъ злодѣянія, чѣмъ тяжелѣе ихъ преступленія и чѣмъ строже уготовленное имъ возмездіе; если понынѣ турки пользовались постояннымъ успѣхомъ, то это было слѣдствіе воли Господней, дозволившей имъ возвыситься для того, чтобы паденіе ихъ было тяжелѣе. Не стану далѣе распространяться. Расположеніе мое къ вамъ вы достаточно чувствуете и сознаете; какую участь ни готовила бы намъ судьба, я ее охотно раздѣлю съ вами".

Свѣрчовскій отвѣчалъ отъ имени своихъ товарищей краткою, но энергичною, какъ подобало воину, рѣчью: „Не жалованье твое, Ивонія, привлекло насъ сюда, ибо о немъ мы менѣе всего думаемъ, но рыцарскій порывъ къ борьбѣ съ жестокимъ и тягостнымъ врагомъ христіанства. Мы не настаиваемъ на количествѣ платы, пусть прежде исходъ войны рѣшитъ нашу участь. Лучшая для насъ награда будетъ состоять въ томъ, если мы успѣемъ вытѣснить врага изъ твоей страны и принудить его къ заключенію мира на справедливыхъ условіяхъ. Сопровождая насъ, ты раздѣлишь нашу участь. Мы не страшимся турецкаго могущества, надежду на успѣхъ возлагаемъ на волю Провидѣнія и смѣло выступимъ противъ врага, чтобы отразить его нападеніе на твои владѣнія". Ободренный рѣчью Свѣрчовскаго, Ивонія пригласилъ къ себѣ на обѣдъ козацкихъ начальниковъ, на другомъ же столѣ логофетъ Іеремія, начальникъ молдавской конницы, угощалъ молдавскихъ сенаторовъ. Встрѣча эта происходила марта 20 числа.

Селимъ, услышавъ отвѣтъ Ивоніи, воспламенился гнѣвомъ, который старался еще болѣе усилить его посолъ (обиженный тѣмъ,

Библиотека "Руниверс"

что не получилъ обычнаго подарка). Султанъ немедленно отправилъ въ Валахію 30,000 турокъ и 2000 венгерцевъ и приказалъ волошскому господарю [1]) присоединить къ этому войску свои силы, схватить Ивонію и доставить его въ Константинополь, молдавское же господарство предоставить своему брату. Господарь немедленно поднялъ всѣ свои силы и, соединившись съ турками и венграми, переправился черезъ рѣку Молдаву. У него была армія численностью почти въ 200,000, которая не только была достаточна для того, чтобы изгнать Ивонію изъ Молдавіи, но могла побѣдоносно сразиться съ силами могущественнѣйшаго монарха. Армія эта, утомленная форсированнымъ маршемъ впродолженіе сутокъ, не ожидая нападенія со стороны Ивоніи, безпечно расположилась на берегахъ рѣки и выгнала лошадей на окружающіе лагерь луга. Между тѣмъ разъѣзды извѣстили Ивонію во время обѣда, что большая армія турецкая, которой число трудно точно опредѣлить, повидимому болѣе чѣмъ въ 100,000 человѣкъ, переправляется черезъ Молдаву, что она расположилась въ лагерѣ безпечно: люди отправились спать, лошадей же выгнали на пастбища; что Ивоніи легко будетъ разгромить враговъ, если онъ произведетъ быстрое нападеніе. Ивонія встрѣтилъ это извѣстіе съ восторгомъ. Онъ тотчасъ отправилъ Свѣрчовскаго съ козаками и 6,000 молдаванъ, которые, зная турецкій языкъ, легко могли собирать нужныя извѣстія; самъ же господарь съ тяжело вооруженными отрядами отправился вслѣдъ за Свѣрчовскимъ.

Свѣрчовскій заявилъ своимъ подчиненнымъ, что для успѣха предпріятія они должны хранить во время похода глубокое молчаніе, чтобы не встревожить непріятеля. Подступивши къ стоянкѣ враговъ, онъ замѣтилъ волошскій караулъ, состоявшій изъ 40 человѣкъ, которому поручено было оберегать безопасность лагеря; козаки окружили этотъ отрядъ и забрали его въ плѣнъ. Плѣнниковъ допросили сначала благосклонно, потомъ съ угрозою, о расположеніи и

[1]) Господаремъ Валахіи былъ въ то время Александръ II (1567—1577); онъ, по примѣру дѣда своего Мирчи III и отца Петра II Хромаго, велъ съ помощью турокъ ожесточенную борьбу съ боярами; молдавское господарство онъ желалъ доставить своему брату Петру, поддерживавшему его весьма усердно въ этой борьбѣ.

Библиотека "Руниверс"

намѣреніяхъ враговъ; устрашенные угрожавшею имъ опасностью, они покорно пали на колѣни и сказали, что волохи и турки сильно утомлены продолжительнымъ и труднымъ походомъ, что они безпечно расположились для отдыха, вовсе не ожидая нападенія Ивоніи, и что ихъ легко побѣдить, захвативши въ расплохъ; численность арміи они опредѣлили слѣдующими цифрами: волоховъ 70,000, турокъ 30,000, венгровъ 3,000. Собравъ эти свѣдѣнія, козаки отправили гонца къ Ивоніи, чтобы сообщить ему извѣстія о состояніи врага; они понуждали его ускорить походъ въ виду легкой побѣды, сами же залегли вблизи непріятельскаго лагеря, сохраняя полную тишину, дабы не разбудить враговъ и не подать имъ повода къ опасенію. Ивонія, освѣдомившись о состояніи дѣлъ, явился усиленнымъ маршемъ; онъ поручилъ Свѣрчовскому аттаковать лагерь, свои же довольно значительныя силы онъ придвинулъ съ трехъ сторонъ къ лагерю, остававшемуся безъ всякой охраны и защиты. Съ четвертой стороны произвелъ нападеніе Свѣрчовскій, бросившись на враговъ стремительно съ громкимъ крикомъ, чѣмъ произвелъ въ лагерѣ страшное смятеніе. Непріятели, проснувшись отъ неожиданнаго страшнаго шума, не могли опомниться; они недоумѣвали: обратиться ли въ бѣгство, хватать ли оружіе, или принимать другія мѣры. Всѣ кричали, но никто не становился въ боевой порядокъ, между тѣмъ козаки устремлялись отовсюду, разнося страхъ и смятеніе; когда безпорядокъ и паника враговъ достигла высшей степени, появился Ивонія съ своимъ войскомъ и отовсюду окружилъ и сжалъ обращенныхъ уже въ бѣгство противниковъ; всякая возможность бѣгства исчезла, тѣмъ болѣе, что лошади волоховъ находились далеко на пастбищѣ. Лагерь наполнили стоны отчаянія; никто почти не былъ въ состояніи спастись; съ большимъ лишь трудомъ волошскій господарь и его братъ Петръ, претендентъ на молдавское господарство, успѣли отыскать своихъ лошадей и бросились бѣжать; они переправились въ бродъ черезъ озеро, соединяющееся съ Дунаемъ, и спаслись въ крѣпость Браиловъ, гдѣ начальствовалъ комендантъ, назначенный Селимомъ. Остальное войско было перебито и сдѣлалось достояніемъ хищныхъ птицъ. Поразительное зрѣлище представляло

Библиотека "Руниверс"

обширное поле, усѣянное воинами или убитыми, или ранеными, которые не были въ состояніи ни бѣжать, ни предпринять что либо существенное для своего спасенія, землю устилали трупы и оружіе и обагряли потоки крови. Значительную добычу, взятую въ лагерѣ, Ивонія распредѣлилъ солдатамъ и особенно козакамъ, которые достаточно ею обогатились. Ивонія простоялъ въ лагерѣ четыре дня, желая доставить отдыхъ солдатамъ, утомленнымъ походомъ и битвою; все это время онъ приказалъ старательно, хотя напрасно, разыскивать трупы волошскаго воеводы и его брата.—Затѣмъ со всѣмъ войскомъ онъ двинулся въ Валахію, сталъ занимать города и замки, которыхъ никто не защищалъ; онъ приказалъ истреблять всѣхъ встрѣтившихся жителей безъ различія пола и возраста; села и города опустошалъ и предавалъ пламени. Занятая имъ часть Валахіи представляла печальную картину: вся она дымилась пожарами, стариковъ и дѣтей предавали смерти, матроны и дѣвицы дѣлались жертвами насилія. Ивонія поощрялъ солдатъ, благодарилъ ихъ и утверждалъ, что они имѣютъ право на захватъ добычи послѣ успѣшно одержанной побѣды. Такимъ образомъ войско, угнетая беззащитное населеніе, опустошило страну до границъ Трансильваніи. Здѣсь Ивонія узналъ, что волошскій господарь и братъ его Петръ скрылись въ браиловской крѣпости и немедленно повелъ туда свое войско.

Городъ Браиловъ расположенъ на берегу Дуная; въ немъ былъ обширный замокъ, лежавшій въ мѣстности, защищенной самою природою и снабженный сильнымъ гарнизономъ. Ивонія расположилъ свой лагерь недалеко отъ города и замка, на такомъ однако отъ нихъ разстояніи, чтобы крѣпостная артиллерія не могла причинять ему вреда. Онъ отправилъ письмо къ коменданту замка, требуя выдачи волошскихъ бѣглецовъ: своего непримиримаго врага—господаря и брата его Петра, которые, безъ всякаго съ его стороны повода, затѣяли съ нимъ войну и, потерпѣвъ пораженіе, спаслись бѣгствомъ и укрылись въ Браиловѣ. Онъ заявилъ, что не прекратитъ осады, пока его требованіе не будетъ исполнено, и силою добьется удовлетворенія. Комендантъ замка прислалъ отвѣтъ черезъ четырехъ турокъ (двое изъ нихъ были браиловскіе мѣщане, двое же замковые

Библиотека "Руниверс"

служители). Посланные принесли Ивоніи 10 большихъ и 10 малыхъ пушечныхъ ядеръ, двѣ стрѣлы и слѣдующій отвѣтъ: „Ты выдаешь себя за вассала и слугу Селима и уже потому требованіе твое весьма странно и неудобоисполнимо—между тѣмъ до меня дошло извѣстіе, что ты разгромилъ значительное султанское войско, которому поручено было водворить Петра на молдавскомъ господарствѣ—потому я тебѣ объявляю, что если ты немедленно не прекратишь осады и не отступишь, я тебя угощу лакомствами, образецъ которыхъ посылаю, и надѣюсь, что они въ достаточной мѣрѣ насытятъ тебя и твоихъ подчиненныхъ“. Отвѣтъ этотъ непомѣрно раздражилъ Ивонію; онъ приказалъ схватить посланныхъ, обрѣзать имъ ноздри и уши и повѣсить передъ крѣпостью вверхъ ногами. Это ужасное зрѣлище должно было служить угрозою, что такая же участь предназначается коменданту и скрывшимся у него бѣглецамъ. Исполнивъ этотъ жестокій и омерзительный поступокъ, Ивонія приказалъ немедленно придвинуть къ стѣнамъ, окружавшимъ городъ, заготовленныя лѣстницы и пѣхотѣ идти на приступъ. Приказаніе его было исполнено: пѣхота бросилась на стѣны съ громкими криками и овладѣла ими столь быстро, что гарнизонъ не успѣлъ принять нужныхъ мѣръ для защиты. Стѣны были тотчасъ разрушены и все войско молдавское вступило въ городъ.

Послѣдовало страшное истребленіе турокъ; пощады никому не было; кровь убитыхъ жертвъ ручьями текла въ Дунай; убивали даже грудныхъ младенцевъ, исторгая ихъ изъ рукъ матерей. Убійства эти продолжались втеченіе четырехъ дней; тщательно осмотрѣли всѣ укромныя мѣста и спрятавшихся въ нихъ жителей извлекали и предавали смерти; страшную месть закончили тѣмъ, что разорили и сожгли городъ, на развалинахъ котораго не осталось не только живаго человѣка, но даже и собаки. Въ добычу солдатамъ досталось множество золота, серебра, жемчугу, денегъ; сокровищъ этихъ награблено было очень много, такъ какъ городъ принадлежалъ къ числу самыхъ богатыхъ въ этой странѣ, ибо послѣ завоеванія турками греческой имперіи, онъ наслаждался постояннымъ спокойствіемъ и первый разъ только подвергся разграб-

Библиотека "Руниверс"

ленію. Побѣдители не оставили ни одного дома, все было разорено и сравнено съ землею, за исключеніемъ замка, въ которомъ затворился немногочисленный гарнизонъ. Ивонія побуждалъ свое войско идти на приступъ къ замку, обнадеживая, что онъ не замедлитъ сдаться несмотря на сильныя укрѣпленія.

Когда войско Ивоніи было занято грабежемъ покореннаго города, лазутчики извѣстили господаря о приближеніи 15,000 турокъ, которые усиленнымъ маршемъ спѣшили на выручку Браилова. Не смущаясь численностью этого отряда, Ивонія отправилъ ему на встрѣчу Свѣрчовскаго съ козаками и восьмитысячною дивизіею молдаванъ. Свѣрчовскій, встрѣтивъ враговъ, немедленно ударилъ на нихъ и нанесъ имъ пораженіе раньше, чѣмъ они успѣли развернуть свои силы и стать въ боевой порядокъ; только одна тысяча турецкой конницы спаслась бѣгствомъ. Козаки пустились въ погоню за разсѣянными врагами и многихъ перебили. Всѣ, успѣвшіе убѣжать, укрылись въ Тегини [1]), крѣпости, лежащей въ турецкихъ предѣлахъ; у этого города расположена была турецкая армія и татарская орда. Свѣрчовскій отправилъ немедленно гонца къ Ивоніи съ извѣстіемъ объ одержанной побѣдѣ; онъ сообщилъ господарю надежду на счастливый исходъ дѣла, но совѣтовалъ ему оставить осаду браиловскаго замка и со всѣмъ войскомъ двинуться къ Тегини. Ивонія, получивъ радостное извѣстіе, прекратилъ осаду Браилова, которая требовала большихъ усилій и представляла значительныя опасности, и поспѣшилъ соединиться съ отрядомъ Свѣрчовскаго. Вслѣдствіе ихъ совѣщанія, вся армія двинулась къ Тегини; городъ былъ взятъ безъ особыхъ усилій и жители его были также перебиты безъ различія пола. Въ этомъ дѣлѣ Свѣрчовскій много способствовалъ побѣдѣ; козацкая конница сражалась въ первомъ ряду и рѣшила битву рукопашною схваткою; при этомъ козаки расположили свой строй такимъ образомъ, что въ серединѣ линіи помѣстили людей вооруженныхъ мушкетами, которые учащенною стрѣльбою должны были разстроить турецкую линію; на правомъ крылѣ стали

[1]) Тегинь—нынѣ Бендеры; Бѣлгородъ—Аккерманъ.

Библиотека "Руниверс"

лучники, выпускавшіе на враговъ градъ стрѣлъ, на лѣвомъ же копейщики, прикрывавшіе молдаванъ какъ бы непреодолимою стѣною копій. Послѣ взятія Тегини отрядили 600 козаковъ на бѣлгородскую крѣпость, которую они сожгли, обогатившись при этомъ значительною добычею.

Эти постоянныя побѣды сильно утомили армію Ивоніи, что заставило его втеченіе восьми дней остановиться для отдыха у разоренной тегинской крѣпости. Здѣсь онъ получилъ извѣстіе, что новый отрядъ турокъ и татаръ приближается со стороны Бѣлгорода, но что враги эти не подозрѣваютъ близости молдавской арміи и потому идутъ безпечно, раздѣлившись на мелкія партіи, которыя разсѣялись въ различныхъ направленіяхъ. Козаки обратились къ Ивоніи съ просьбою, чтобы онъ предоставилъ исключительно имъ истребленіе этихъ враговъ; Ивонія въ отвѣтъ на эту просьбу отвѣтилъ слѣдующее рѣчью, которую мы заимствуемъ изъ сочиненія Бартоша Папроцкаго: „Храбрые поляки! Вы заявили столь невѣроятное мужество, такую военную отвагу и увѣнчались такими успѣхами, что я не въ состояніи отказать вамъ ни въ какомъ вашемъ желаніи. Ступайте, истребите съ Божескою помощью вражеское войско, пользуясь пріобрѣтенною вами опытностью. Тебѣ, Свѣрчовскій, я поручаю начальство надъ отрядомъ и я увѣренъ, что ты съумѣешь распорядиться имъ самымъ лучшимъ образомъ, смотря по тому, какъ этого потребуютъ обстоятельства“. Сказавъ это, Ивонія отдалъ, кромѣ козаковъ, въ распоряженіе Свѣрчовскому отрядъ молдаванъ въ 3,000 человѣкъ. Свѣрчовскій благодарилъ господаря за выгодное о немъ мнѣніе и обѣщалъ приложить всѣ старанія, дабы оправдать таковое. Онъ не смѣшалъ молдаванъ съ козаками, но составилъ изъ нихъ отдѣльный отрядъ, который помѣстилъ въ арріергардѣ; своихъ же 1200 козаковъ онъ распредѣлилъ на три партіи: изъ нихъ 400 человѣкъ, вооруженныхъ круглыми щитами, онъ помѣстилъ впереди для защиты отъ турецкихъ копейщиковъ; 400 лучниковъ подъ его личнымъ начальствомъ составили правое крыло; остальные, вооруженные копьями, помѣстились на лѣвомъ крылѣ. Турки, встрѣтивъ это войско, расположились также въ

Библиотека "Руниверс"

боевой строй. Свѣрчовскій приказалъ конницѣ, стоявшей въ центрѣ, открыть ружейный огонь, въ то же время съ лѣваго крыла полетѣлъ градъ стрѣлъ на отборную турецкую рать, съ праваго же крыла пошли въ аттаку копейщики, которымъ приказано было спѣшиться. Турки въ самомъ началѣ битвы потеряли надежду на успѣшный ея исходъ; столпившись въ кучу, они хотя и пытались защищаться, но дали возможность козакамъ свободно выбирать слабыя стороны для нападенія. Въ началѣ битвы побѣда колебалась на обѣ стороны, но вскорѣ въ дѣло вступили молдаване, находившіеся въ резервѣ сзади за козацкою конницею; они бросились въ аттаку съ громкимъ крикомъ и отчаянно налегли на отборную турецкую конницу, которая расположена была въ перемежку съ пѣхотою; конница эта первая обратилась въ бѣгство и стала давить собственную пѣхоту, которая въ свою очередь побѣжала въ разсыпную. Эта блестящая побѣда стоила немногихъ жертвъ: въ битвѣ погибли только три козака и около 100 молдаванъ. Ивонія смотрѣлъ лично издали на ходъ битвы. Лагерь и обозъ турокъ были взяты; богатая добыча досталась въ раздѣлъ солдатамъ, все же остальное было уничтожено. Двѣсти плѣнниковъ, подобно стаду, были пригнаны къ Ивоніи; онъ приказалъ гнать ихъ сквозь строй своей пѣхоты и они погибли всѣ подъ ударами косъ, имѣвшихся при арміи для съемки травы. Начальникъ побѣжденнаго войска былъ взятъ въ плѣнъ поляками; это былъ человѣкъ внушительной и благородной наружности, которая располагала въ его пользу; при томъ онъ былъ очень богатъ и обѣщалъ дать за себя выкупъ въ шесть разъ больше обыкновеннаго: онъ предлагалъ одну мѣру жемчугу, двѣ мѣры золота и три мѣры серебра, лишь бы его не выдавали Ивоніи. Но поляки предпочли этимъ богатствамъ сохраненіе вѣрности, въ которой они поклялись Ивоніи, при томъ они уже имѣли большой запасъ золота и серебра, доставшійся имъ въ качествѣ добычи, взятой у турокъ; потому они пренебрегли его обѣщаніями и выдали его Ивоніи. Господарь втеченіе нѣсколькихъ дней допрашивалъ его о состояніи турецкихъ дѣлъ и потомъ приказалъ своей пѣхотѣ изрубить его въ куски. Затѣмъ Ивонія передвинулъ свое войско

Библиотека "Руниверс"

къ крѣпости своей, называемой Уссенъ (Яссы), и расположилъ его для отдыха послѣ столь утомительнаго похода и трудныхъ битвъ.

Селимъ былъ сильно встревоженъ столь блестящими успѣхами Ивоніи; онъ боялся потерять не только Молдавію, но даже Грецію, и искалъ утѣшенія въ молитвѣ.

Въ этомъ мѣстѣ Горецкій помѣстилъ краткій, довольно поверхностный, исполненный неточностей и ошибокъ, очеркъ исторіи турецкой монархіи и мугаметанскихъ государствъ и народовъ вообще. Очеркъ этотъ, не представляющій научнаго интереса и составляющій вводный эпизодъ, неимѣющій непосредственной связи съ разсказываемыми событіями, мы пропускаемъ.

Одержавъ три раза побѣду надъ турками, Ивонія вызвалъ къ себѣ Іеремію Черневича, хотинскаго баркалаба (титулъ этотъ по молдавски значитъ комендантъ крѣпости) и обратился къ нему публично съ слѣдующею рѣчью: „Судьба понынѣ благосклонно покровительствуетъ нашимъ усиліямъ въ борьбѣ съ жестокими врагами нашими—турками: мы должны вѣчно воздавать хвалу всевышнему, милосердному Господу за то, что онъ благоволилъ оказать намъ заступничество передъ врагами и ниспослалъ намъ важныя многократныя побѣды. Теперь намъ предстоитъ распустить по домамъ войско, изнуренное продолжительными трудами, предписавъ ему быть наготовѣ къ сбору при полученіи перваго извѣстія о новомъ вторженіи турокъ. — Тебѣ, доказавшему мнѣ вѣрность и постоянство, я вручаю начальство надъ остальнымъ войскомъ (оно состояло изъ 30,000 молдаванъ, хорошо вооруженныхъ и обученныхъ военному дѣлу). Поручаю тебѣ расположиться на берегахъ Дуная и защищать переправу черезъ эту рѣку въ случаѣ, если турки задумаютъ новое вторженіе въ нашу страну. На турецкомъ берегу Дуная ближайшая къ нашимъ предѣламъ крѣпость Мачинъ [1]); постарайся занять ее и, если турки попытаются переправляться черезъ Дунай въ другомъ мѣстѣ, извѣсти меня какъ можно поспѣшнѣе объ ихъ намѣреніяхъ“. Когда Ивонія произносилъ эту рѣчь, многіе проливали слезы умиленія. Затѣмъ онъ обнялъ Черневича, который, ставъ на колѣни, принесъ присягу въ непоколебимой вѣрности.

---

[1]) Въ текстѣ она по ошибкѣ названа Облачимъ.

Библиотека "Руниверс"

Сдавши начальство Черневичу, Ивонія распустилъ по домамъ остальное войско для того, чтобы воины укрѣпили отдыхомъ свои силы, разсчитывая, что по первому сигналу они вновь явятся для борьбы съ врагомъ. Между тѣмъ Черневичъ, исполняя данное ему порученіе, отправился на берега Дуная и, занявъ указанныя позиціи, сталъ зорко слѣдить за движеніями турокъ и оберегать переправу черезъ рѣку. Дѣйствительно, значительная турецкая армія приблизилась къ Дунаю, но въ виду его войска не осмѣливалась переправляться. Тогда паши отправили къ Черневичу довѣренныхъ лицъ, предлагая ему 30,000 венгерскихъ червонцевъ за то, чтобы онъ явился къ нимъ для секретныхъ переговоровъ. Прельстившись крупною суммою, Черневичъ рѣшился на подкупъ; онъ принялъ присланныя деньги и тайно отъ своихъ отправился для переговоровъ къ Петру [1]), господарю волошскому, который съ значительнымъ своимъ войскомъ находился въ турецкомъ лагерѣ за Дунаемъ. Петръ изложилъ ему положеніе дѣлъ: онъ доказывалъ, что дѣло Ивоніи нужно считать несомнѣнно проиграннымъ, что Селимъ до того озлобленъ его успѣхами и гибелью своихъ войскъ въ борьбѣ съ вассаломъ, что не приметъ никакого другаго удовлетворенія, кромѣ головы Ивоніи; послѣднему, несмотря на всѣ усилія, невозможно удержать за собою молдавское господарство, которое навѣрно вскорѣ перейдетъ въ другія руки. „Въ виду такого положенія дѣлъ, говорилъ онъ, если ты человѣкъ разсудительный, ты долженъ пользоваться удобнымъ временемъ для того, чтобы серьезными услугами снискать расположеніе Селима. Сообрази, что легко начать войну, но трудно ее выдержать впродолженіе долгаго времени; въ началѣ всегда проявляется больше энергіи, чѣмъ впослѣдствіи, между тѣмъ существенное значеніе имѣетъ не первоначальный успѣхъ, а окончательная побѣда. Мы теперь сознаемъ необходимость войти съ тобою въ сношенія и заключить дружбу, которая для тебя будетъ выгоднѣе войны; правда, Ивонія расточитъ деньги, но ты сообрази, что не слѣдуетъ жертвовать прочною выгодою изъ за

[1]) Выше уже было замѣчено, что господарь Валахіи Александръ II ошибочно названъ Петромъ.

Библиотека "Руниверс"

сомнительнаго дѣла. Ты уже получилъ 30,000 червонцевъ, вскорѣ можешь получить гораздо больше, но внемли моему искреннему совѣту и не связывай своей судьбы съ дѣломъ Ивоніи, которое обречено на вѣрную гибель. Пропусти черезъ Дунай безпрепятственно сильную турецкую армію, которой Селимъ приказалъ занять Молдавію и арестовать Ивонію. Когда страна эта будетъ покорена, ты и твои друзья будете пользоваться высочайшими милостями. Необходимо только, чтобы ты на нѣкоторое время скрылъ отъ Ивоніи переправу турокъ черезъ Дунай, когда же она будетъ благополучно совершена, легко будетъ захватить въ расплохъ бунтовщика, разсѣять его силы и однимъ ударомъ отмстить за нанесенныя имъ пораженія". Эти льстивые совѣты Петръ высказывалъ со слезами на глазахъ, стараясь всѣми мѣрами убѣдить Черневича, чтобы онъ отодвинулъ свои войска отъ Дуная и не препятствовалъ туркамъ переправиться черезъ эту бурную рѣку. Черневичъ, прельщенный обѣщаніями, согласился на предложенныя условія и измѣнилъ присягѣ, которую недавно принесъ Ивоніи. Онъ отстранилъ свои войска отъ береговъ Дуная, которые зорко сторожилъ до того времени, и предоставилъ туркамъ возможность безпрепятственной переправы. Турки перешли рѣку въ числѣ 200,000 съ огромными обозами и со значительнымъ количествомъ тяжелой осадной артиллеріи. Когда переправа была окончена, они приказали Черневичу извѣстить о ней Ивонію. Онъ отправился лично къ господарю и разсказалъ ему, что турки нагрянули столь громадными силами, что онъ не имѣлъ возможности остановить ихъ; онъ совѣтовалъ спѣшить на встрѣчу врагамъ для того, чтобы затруднить въ самомъ началѣ ихъ дѣйствія. Ивонія выслушалъ спокойно это извѣстіе и вовсе не падалъ духомъ; онъ разспрашивалъ Черневича о числѣ турецкаго войска и освѣдомился объ именахъ начальниковъ. Перкалабъ отвѣтилъ, что турецкая армія состоитъ пока изъ 10 или 12,000 тысячъ человѣкъ, но что къ ней подходятъ постоянно новые отряды, такъ что она выростетъ вѣроятно до 15,000, пока господарь успѣетъ выйти ей на встрѣчу. Въ то время Ивонія съ козаками осаждалъ крѣпость Тейницу,—онъ тотчасъ созвалъ сенатъ и спросилъ его мнѣ-

Библиотека "Руниверс"

нія: слѣдуетъ ли прежде взять крѣпость, или же оставить осаду и поспѣшить на встрѣчу грозному врагу и попытаться разсѣять его полчища? Всѣ признали единогласно, что слѣдуетъ прежде разсѣять враговъ, а потомъ уже заняться осадою крѣпости.

Господарь внялъ этому совѣту, выплатилъ жалованье пѣхотѣ и на четвертый день выступилъ изъ своей стоянки при звукѣ трубъ и роговъ, направляясь къ непріятельскому лагерю, находившемуся въ 12 миляхъ. Девятаго іюня онъ расположилъ свой станъ въ трехъ миляхъ отъ непріятельскаго; здѣсь къ нему явились козацкіе предводители для рѣшительнаго совѣщанія. Въ козацкихъ рядахъ слышались одушевленные возгласы, требовавшіе немедленнаго нападенія на грознаго врага, смущеннаго уже значительно столь частыми пораженіями.

Впрочемъ козаки высказывали нѣкоторое смущеніе: они не могли лично провѣрить извѣстій за незнаніемъ турецкаго языка и не довѣряли приближеннымъ Ивоніи. „Господарь, говорили они, колеблется и довѣряетъ болѣе всего лицу, которое мы считаемъ подозрительнымъ. Вслѣдствіе этихъ недоразумѣній, весьма опасныхъ въ настоящемъ положеніи дѣла, намъ необходимо лично объясниться съ Ивоніею“. Предводители козаковъ, вслѣдствіе этой молвы, поспѣшили явиться къ Ивоніи и Свѣрчовскій, попросивъ слова, сказалъ отъ имени всѣхъ товарищей слѣдующую рѣчь: „Уважаемый господарь! Мы понынѣ были тебѣ непоколебимо вѣрны и ты самъ прекрасно знаешь, какія услуги мы оказывали тебѣ въ совмѣстной борьбѣ съ свирѣпымъ врагомъ. Мы вновь готовы сражаться по твоему призыву до послѣдней капли крови, такъ что враги проникнутъ въ Молдавію развѣ по нашимъ трупамъ; но мы считаемъ необходимымъ хорошо сообразить и обдумать дѣло, мы не желаемъ бросаться въ битву наобумъ, не имѣя точныхъ свѣдѣній ни о количествѣ, ни о планѣ дѣйствій врага; бросившись неосмотрительно, мы можемъ попасть въ ловушку, въ которой насъ перебьютъ подобно безсмысленному стаду. Потому ты долженъ намъ обстоятельно изложить свои намѣренія относительно предстоящей кампаніи“.

Библиотека "Руниверс"

Ивонія, тронутый словами Свѣрчовскаго, глубоко вздохнувъ, отвѣтилъ: „Храбрые рыцари! Вы для меня дороже жизни; я умѣю вполнѣ оцѣнить вашу храбрость, которую я лично видѣлъ на дѣлѣ, и заслуги, оказанныя вами въ минувшей кампаніи. Я менѣе всего желаю легкомысленно бросать васъ въ жертву врагамъ, но я долженъ заботиться о томъ, чтобы замыслы непріятеля не увѣнчались успѣхомъ. Вблизи отъ насъ расположено мое войско подъ начальствомъ Черневича; онъ первый встрѣтилъ враговъ и успѣлъ хорошо развѣдать ихъ замыслы. Это важное порученіе я возложилъ не на первое встрѣчное лицо, но именно для этой цѣли я выбралъ человѣка, который доказалъ мнѣ вѣрность и преданность среди обстоятельствъ весьма тяжелыхъ и неблагопріятныхъ, который былъ товарищемъ моимъ въ изгнаніи и ссылкѣ. Лично отъ него я знаю, что количество турокъ не превосходитъ 15,000 человѣкъ, но если даже допустимъ, что ихъ вдвое больше, то я полагаю, что мы успѣемъ съ Божьею помощью справиться съ ними". Выслушавъ этотъ отвѣтъ, Свѣрчовскій просилъ Ивонію, чтобы онъ совокупилъ всѣ свои силы въ одно мѣсто и чтобы разрѣшилъ козакамъ отправиться въ разъѣздъ подъ его начальствомъ съ цѣлью захватить въ плѣнъ кого либо изъ турокъ и такимъ образомъ получить возможность выпытать точныя свѣдѣнія о количествѣ турецкой арміи и о планахъ ея дѣйствій. Ивонія охотно согласился съ этимъ предложеніемъ и отправилъ вмѣстѣ съ Свѣрчовскимъ начальника своей конницы Іеремію съ 6,000 отрядомъ молдаванъ. Посланные наткнулись на пути на разъѣздъ турецкій, состоявшій изъ 6,000 отборной конницы; произошла незначительная стычка; турки очень скоро разсѣялись и обратились въ бѣгство. Въ плѣнъ захваченъ былъ одинъ изъ турокъ, израненный и почти умиравшій; онъ разсказалъ, что турецкая армія весьма малочисленна; но козаки сообразили, что онъ говоритъ неправду, ибо сама численность отряда, посланнаго въ разъѣздъ, указывала на то, что армія должна быть весьма значительна. Они изложили Ивоніи свои соображенія, совѣтуя ему серьезно обдумать свое положеніе и провѣрить правдивость сообщеній Черневича, которому онъ довѣряетъ слишкомъ слѣпо. Ивонія, какъ сказываютъ, отвѣтилъ кратко: „Не-

Библиотека "Руниверс"

чего смущаться и страшиться. Я знаю самъ, кому долженъ довѣрять; мы вскорѣ убѣдимся, какова численность непріятельской арміи; что до меня касается, то я прибылъ сюда для того, чтобы защищать мое отечество отъ враговъ до послѣдняго издыханія".

Вслѣдъ за тѣмъ Ивонія придвинулъ свой лагерь къ озеру, соединяющемуся съ Дунаемъ, и распорядился, чтобы доставлены были свѣжія лошади для той конницы, которая въ предъидущую ночь ходила въ разъѣздъ противъ турокъ, для того, чтобы она не отставала отъ остальнаго войска. Вблизи непріятельскаго лагеря возвышался холмъ: Ивонія въѣхалъ на его вершину съ своею свитою, желая обозрѣть расположеніе враговъ, но это оказалось невозможнымъ, потому что турецкій лагерь былъ прикрытъ другою, болѣе къ нему близкою возвышенностью. Онъ увидѣлъ только въ четырехъ различныхъ мѣстахъ турецкіе пикеты, которые передвигались вокругъ своего лагеря, стараясь укрываться за возвышенностями отъ взоровъ молдаванъ. Въ виду близости непріятеля Ивонія раздѣлилъ все свое войско (которое состояло изъ 30,000 солдатъ и множества челяди) на 30 отдѣльныхъ отрядовъ; предъ каждымъ изъ нихъ онъ расположилъ большія осадныя орудія, выбрасывавшія огненныя ядра; такихъ орудій онъ имѣлъ 80. Многочисленную свою пѣхоту онъ отдѣлилъ отъ конницы и предполагалъ самъ оставаться возлѣ нея; но пѣхота, увидѣвъ это намѣреніе и заботясь о его безопасности, обратились къ нему съ просьбою, чтобы онъ переѣхалъ подъ защиту польскихъ козаковъ, гдѣ его жизнь и свобода будутъ гораздо лучше обезпечены; ибо молдавская пѣхота состоитъ изъ крестьянъ, вооруженныхъ весьма плохо, почти исключительно косами, луками, кривыми турецкими саблями и дубинами: крестьяне эти отличались особенною преданностью Ивоніи.

Когда войско было устроено въ крѣпкомъ боевомъ порядкѣ, Ивонія, раньше чѣмъ приказалъ подать сигналъ къ аттакѣ, въѣхалъ еще разъ на вершину возвышеннаго холма, для того, чтобы разсмотрѣть расположеніе непріятелей; онъ увидѣлъ такое огромное количество враговъ, которое превосходило всякое ожиданіе; теперь только онъ убѣдился, что Черновичъ измѣнилъ ему и завлекъ его въ засаду,

Библиотека "Руниверс"

онъ немедленно приказалъ призвать его, но Черневичъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ явиться, потому, что уже отправляется на бой съ турками за интересы господаря—подъ его предводительствомъ находилось 13,000 прекрасной, пріученной къ бою конницы. Наконецъ данъ былъ боевой сигналъ и Черневичъ первый вступилъ въ битву. Турки ожидали сраженія, выстроивъ свои силы въ боевой порядокъ. При первомъ столкновеніи Черневичъ, условившійся съ врагами, приказалъ своему отряду опустить знамена, снять шлемы и, положивъ на землю копья и мечи, преклонить головы. Турки, увидѣвъ, что отрядъ этотъ сдается добровольно, подняли вверхъ оружіе и приказали сдавшимся вступить въ свой лагерь. Измѣна Черневича наполнила ужасомъ остальное войско Ивоніи; оно подалось назадъ; господаря извѣстили о случившемся, заявивъ ему, что все потеряно. Но извѣстіе это не поколебало его рѣшимости, онъ сохранилъ въ несчастіи богатырскій духъ, ободрилъ своихъ солдатъ и приказалъ атаковать турокъ. Но турки, увидѣвъ отступленіе и колебаніе молдавскаго войска, уже налегли на него всѣми силами и стали его гнать передъ собою; увидѣвъ бѣгство своихъ передовыхъ отрядовъ, Ивонія воспылалъ яростью и приказалъ открыть по нимъ пушечный огонь; такимъ образомъ эти отряды молдаванъ подверглись двойной опасности: отъ турокъ и отъ своихъ. Между тѣмъ турки выдвинули впередъ сдавшихся молдаванъ, и прикрываясь ихъ рядами, по трупамъ ихъ двигались на центръ арміи Ивоніи черезъ ручьи молдавской крови. Въ это время козаки по своему обычаю ударили съ боковъ на турокъ и произвели значительное замѣшательство въ ихъ рядахъ. По слѣдамъ ихъ многіе молдаване, отличавшіеся лучшимъ вооруженіемъ или большею тѣлесною силою, успѣли проложить себѣ путь и храбро напали на враговъ. Смѣшались крики команды, возгласы радости, стоны раненыхъ, бряцаніе оружія, свистъ стрѣлъ, сыпавшихся градомъ съ обѣихъ сторонъ; облака отражали этотъ смѣшанный гулъ. Турки, не будучи въ состояніи выдержать напора молдаванъ, начали было отступать; уступая отчасти страху, отчасти же надѣясь на военную хитрость, они разсѣялись въ разныя стороны, разсчитывая увлечь молдаванъ въ засаду, подъ выстрѣлы пушекъ,

Библиотека "Руниверс"

расположенныхъ въ закрытой позиціи, но Свѣрчовскій угадалъ опасность и громкимъ голосомъ приказалъ остановиться польскимъ и молдавскимъ отрядамъ. Тогда турки вновь ударили на нихъ свѣжими силами, но молдаване мужественно отразили аттаку и возвратились въ лагерь невредимыми. Ивонія, обрадованный успѣхомъ, выстроилъ молдаванъ и поляковъ около своей артиллеріи—всѣ они наполнили колчаны стрѣлами, приготовили копья и стали ожидать нападенія врагов. Турки, получивъ новыя подкрѣпленія, ободрились и вновь повели сильную аттаку; составивъ густую колонну, они сломили безстрашно линію молдаванъ. Послѣдніе бросились впередъ и завязался кровавый рукопашный бой съ равнымъ съ обѣихъ сторонъ ожесточеніемъ; турки и молдаване валились съ коней, люди выбивались изъ силъ, оружіе притуплялось; туманъ пыли и дыма отъ пушечныхъ выстрѣловъ покрылъ солнце; въ общемъ смятеніи нельзя было разслышать ничьего голоса; сражавшіеся не видѣли другъ друга и артиллеристы потеряли возможность направлять выстрѣлы. Ивонія, не потерявшій бодрости духа, среди горячей схватки, громкимъ голосомъ приказалъ своимъ войскамъ отступить подъ прикрытіемъ пушекъ и собраться у своихъ знаменъ. Тогда турки отступили. Жители Мачина, смотрѣвшіе на битву съ городскихъ стѣнъ, увидѣвъ, что молдаване осиливаютъ турокъ, стали бѣжать изъ города, исполненные страха, и искали спасенія во внутреннихъ турецкихъ областяхъ, ибо этотъ городъ лежитъ по ту сторону Дуная на турецкой территоріи.

Послѣ этой битвы, обѣ стороны, будто по условію, прекратили военныя дѣйствія. Разразилась страшная гроза и проливной дождь хлынулъ на оба войска. Дождь этотъ причинилъ молдаванамъ большую потерю, ибо подмочилъ порохъ и пушки, оказывавшія имъ въ битвѣ самую существенную пользу [1]).

Когда буря миновала, турки и молдаване возобновили битву съ удвоенною энергіею; 20,000 турокъ, образовавъ колонну, напали

[1]) Въ этомъ мѣстѣ Горецкій помѣстилъ разсужденіе объ исторіи изобрѣтенія пороха и о боевомъ значеніи огнестрѣльнаго оружія, которое мы опускаемъ, какъ эпизодъ, не имѣющій непосредственной связи съ историческимъ разсказомъ.

Библиотека "Руниверс"

на ту позицію, гдѣ стояла молдавская артиллерія, теперь уже безвредная, вслѣдствіе порчи подмокшаго пороха; тѣмъ не менѣе молдаване мужественно сомкнули ряды и стали храбро отражать напоръ турокъ. Въ это время появились новые турецкіе отряды и татарская орда, которая, видя, что ей болѣе не угрожаютъ пушечные выстрѣлы, оставила позицію, въ которой до тѣхъ поръ укрывалась, и вступила въ бой. Татары бросились на молдаванъ съ пронзительнымъ крикомъ, оттиснули ихъ отъ пушекъ и обратили въ бѣгство. Бѣглецовъ, разсѣявшихся по обширному полю, турки умерщвляли подобно безоружному стаду. Только 250 козаковъ остались въ строю. Такимъ образомъ, вслѣдствіе измѣны Чорневича, рѣшена была судьба войны и послѣдовала окончательная гибель Ивоніи. Господарь между тѣмъ ушелъ къ своей пѣхотѣ, къ которой примкнулъ и упомянутый выше отрядъ 250 козаковъ, которыхъ турки не осмѣлились тронуть во время погони за молдавскою конницею. Прибѣжавъ къ нимъ, Ивонія сказалъ: „Вижу я, храбрые воины, что измѣна Чорневича причинила намъ совершенную погибель; увѣряю васъ лишь въ томъ, что трупъ мой ляжетъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ вы погибнете отъ оружія враговъ, и души наши вмѣстѣ улетятъ въ лучшій міръ“. Свѣрчовскій ему отвѣтилъ: „Приближеніе смерти нисколько меня не смущаетъ: совершенно естественно воину ожидать смерти на полѣ битвы; но для того, чтобы смертью нашею не доставить лишняго торжества врагамъ христіанскаго имени, я полагаю, что намъ слѣдуетъ отступить, пока еще имѣемъ для этого время“. Козаки немедленно спѣшились и, ставъ въ ряды пѣхоты, стали помогать тащить большія осадныя пушки, которыхъ было у Ивоніи 60 штукъ. Самъ Ивонія потащилъ лично одну изъ нихъ, подъ которую обыкновенно запрягали 12 лошадей, ибо онъ обладалъ изумительною силою; видя это, поляки выхватили у него эту пушку, предоставивъ ему другую, болѣе легкую. Такимъ образомъ Ивонія сталъ отступать съ 20,000 отрядомъ своей пѣхоты, но вскорѣ оказалось, что пушки слишкомъ тормозятъ отступленіе, потому ихъ бросили, предварительно испортивъ такъ, чтобы онѣ не годились туркамъ для стрѣльбы. Дѣй-

Библиотека "Руниверс"

ствительно, когда турки, овладѣвъ ими, попытались употребить ихъ въ дѣло, то онѣ отъ перваго же выстрѣла потрескались.

Между тѣмъ Ивонія, истощенный и павшій духомъ, отступалъ съ своею пѣхотою, остатками конницы и нѣсколькими пушками; отступленіе его происходило весьма медленно и было затруднено грудами труповъ, валявшихся на полѣ битвы. Въ этотъ день онъ успѣлъ пройти едва 1,000 шаговъ; онъ остановился на мѣстѣ, покрытомъ развалинами недавно сожженнаго села; здѣсь онъ расположилъ свой лагерь, окруживъ его валами во избѣжаніе внезапнаго нападенія турокъ. Въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ ошибку, хотя, можетъ быть, онъ и не могъ поступить иначе, окруживъ себя укрѣпленіями въ мѣстности, совершенно лишенной воды, ибо вскорѣ непреодолимая жажда должна была побудить къ сдачѣ его войско. Іюня 10-го, при закатѣ солнца, турки, преслѣдовавшіе бѣжавшихъ молдаванъ, наткнулись на лагерь Ивоніи и осадили его. Очевидцы разсказываютъ, что ихъ было такое множество, что нельзя было усмотрѣть конца ихъ арміи. Осажденные были окружены столь тѣсно, что никто не могъ выйти изъ лагеря, и они были совершенно отрѣзаны отъ сосѣднихъ селъ, въ которыхъ можно было надѣяться найти провіантъ; турки сожгли ночью эти села, устроивъ большіе костры изъ строеваго матеріала и поддерживая ихъ въ теченіе всей ночи для того, чтобы осажденные не воспользовались темнотою для бѣгства или для внезапнаго нападенія. На разсвѣтѣ 11 іюня турки открыли пушечный огонь по лагерю Ивоніи, но ядра не причиняли особеннаго вреда, ибо валы были достаточно высоки; перестрѣлка эта продолжалась три дня съ значительнымъ урономъ турокъ, которыхъ молдаване и поляки разили изъ за валовъ мѣткими выстрѣлами. Непріятели, сообразивъ, что нелегко будетъ овладѣть лагеремъ, вступили съ Ивоніею въ переговоры; они требовали, чтобы господарь сдался немедленно, положившись на милосердіе турокъ и оставивъ надежду на свои разстроенныя военныя силы; ему представляли, что раньше или позже онъ долженъ будетъ сдаться, такъ какъ помощи ему не откуда ждать; потому онъ поступитъ благоразумно, если, обдумавъ свое положеніе, немедленно положитъ оружіе, не проливая напрасно крови ни своего, ни турец-

Библиотека "Руниверс"

каго войска. На предложенія эти Ивонія отвѣтилъ: „Я вижу ясно крайность своего положенія, хотя еще могу долго защищаться съ своею пѣхотою, причиняя вамъ немаловажный вредъ; но отчетливо понимая безвыходное состояніе, въ которомъ я нахожусь, я изъявляю готовность къ сдачѣ, но не приступлю къ ней прежде, чѣмъ начальники ваши поручатся за мою неприкосновенность и принесутъ семикратную присягу въ томъ, что они сохранятъ предложенныя мною условія капитуляціи". Сказавъ это онъ приказалъ проводить изъ лагеря парламентеровъ, которые обѣщали вскорѣ принести отвѣтъ на его предложенія. Затѣмъ Ивонія, созвавъ поляковъ и молдаванъ, обратился къ нимъ съ слѣдующею примѣрно рѣчью: „День этотъ горестенъ для насъ, храбрые воины! Мы должны или сдаться, или погибнуть отъ жажды среди этихъ укрѣпленій. Рѣшайте, что для васъ желательнѣе: или сдаться, или затворить лагерныя ворота и готовиться къ неминуемой погибели, или выйти на бой и славно умереть, причинивъ врагу возможный вредъ? Смерть безъ сомнѣнія служитъ исходомъ всякаго бѣдствія: она освобождаетъ тѣло отъ мученій и взоры наши отъ позорныхъ зрѣлищъ; она переселяетъ насъ въ вѣчную жизнь, гдѣ мы будемъ лицезрѣть величіе Господа!" дальнѣйшую рѣчь его прервали слезы; тогда поляки сказали ему въ отвѣтъ: „для насъ, Ивонія, смерть никогда не была и не будетъ устрашеніемъ; потому, если ты рѣшился выйти на послѣдній бой съ врагами, мы также охотно примемъ въ немъ участіе и предпочтемъ славную смерть плѣну, въ которомъ насъ ожидаетъ также гибель среди мученій и издѣвательствъ, ибо турки не имѣютъ обыкновенія сдерживать обѣщанія, данныя христіанамъ". Но молдаване, не чувствуя влеченія къ славной смерти, совѣтывали сдаться, если только Ивонія имѣетъ основанія полагать, что турки исполнятъ принятыя ими на себя обязательства, если же онъ сомнѣвается въ ихъ искренности, то они предпочитаютъ остаться вѣрными господарю и рисковать жизнью вмѣстѣ съ поляками, чѣмъ предательски подвергнуться турецкому плѣну.

Ивонія остался въ нерѣшимости и нѣкоторое время колебался, но наконецъ сожалѣніе о горестномъ положеніи его войска заста-

Библиотека "Руниверс"

вило его принять окончательное рѣшеніе; дѣйствительно солдаты гибли отъ жажды и смертность увеличивалась съ каждымъ днемъ; господарь съ горечью созналъ сдѣланную имъ ошибку, вслѣдствіе которой онъ основалъ свой лагерь въ неудобномъ мѣстѣ. Горько рыдая, онъ обратился къ солдатамъ съ рѣчью: „Предпочитаю сдаться въ плѣнъ врагамъ и подвергнуться участи, опредѣленной мнѣ судьбою, нежели быть виновникомъ гибели многихъ тысячъ людей; я немного только еще протяну дѣло въ надеждѣ, что турки подтвердятъ присягою условія, которыя я имъ предложилъ, и лишь только они принесутъ присягу, мы положимъ оружіе“. Онъ приказалъ призвать турецкихъ парламентеровъ. которые ожидали отвѣта за лагерными валами, и сказалъ имъ: „Ступайте къ начальникамъ вашимъ, скажите имъ, что, хотя силы мои еще настолько значительны, какъ сами вы видѣли, что бы отразить ваше могущество, но я рѣшаюсь преклониться предъ волею судьбы; я сдамся, если всѣ вожди ваши обяжутся семикратною присягою исполнить слѣдующія условія капитуляціи:

1) Вы дозволите безпрепятственно возвратиться на родину польской конницѣ, явившейся сюда по моему приглашенію и заслужившей вѣрностью и мужествомъ всеобщее уваженіе у всѣхъ народовъ. Вы дозволите ей съ лошадьми и багажами переправиться черезъ Днѣстръ.

2) Меня живаго и невредимаго вы препроводите къ султану Селиму, моему повелителю.

3) Молдаванъ, когда они сдадутся, вы пощадите—впрочемъ это будетъ въ вашихъ же интересахъ, ибо если вы посягнете на ихъ свободу или жизнь, вы принесете этимъ ущербъ султану, котораго они подданные, или тому лицу, которое султанъ назначитъ правителемъ Молдавіи.

Когда парламентеры предложили эти условія турецкимъ вождямъ и комендантамъ замковъ, они всѣ приняли ихъ охотно и каждый, по турецкому обычаю, семь разъ поклялся въ ихъ исполненіи отъ имени своего и своихъ подчиненныхъ. Тогда Ивонія вышелъ безъ всякаго смущенія къ турецкимъ начальникамъ и сказалъ имъ

Библиотека "Руниверс"

въ присутствіи поляковъ; „Находясь по волѣ всевышняго и милосердаго Бога, въ вашей власти, я прошу васъ во имя вашей вѣры, присяги и рыцарской чести, чтобы вы позволили польскимъ воинамъ съ лошадьми и имуществомъ ихъ свободно возвратиться домой; ибо они достойны уваженія и почета всѣхъ народовъ. Если вы питаете къ нимъ непріязнь, то обратите месть вашу на меня, ибо я готовъ претерпѣть за нихъ всякую крайность". Затѣмъ, обратившись къ сопровождавшимъ его полякамъ, онъ сказалъ: „Тяжкая судьба разлучаетъ насъ, храбрые воины! каждому изъ васъ я пожимаю руку и заявляю вамъ, что пока сохраню душу въ смертномъ тѣлѣ, буду вспоминать съ благодарностью ваши имена". Поляки выслушали, рыдая, слова его и оросили слезами руку господаря. Когда они отошли уже отъ лагеря на разстояніе трехъ выстрѣловъ, Ивонія обратился къ молдаванамъ и также со слезами простился съ ними, раздавъ имъ бывшіе при немъ деньги и драгоцѣнности; затѣмъ онъ вновь обратился къ полякамъ, раздарилъ имъ свое оружіе и сказалъ со слезами: „Если бы отрядъ вашъ былъ вдвое численнѣе или еслибы онъ, по крайней мѣрѣ, весь оставался невредимымъ, я не сомнѣваюсь, что еще до заката солнца я поразилъ бы невѣрныхъ псовъ и изналъ бы ихъ изъ этой страны, которой нынѣ Господь лишилъ меня ради великихъ моихъ прегрѣшеній. Но если Богу благоугодно будетъ спасти меня отъ свирѣпыхъ и жестокихъ враговъ, если паши исполнятъ данное ими обѣщаніе и препроводятъ меня къ Селиму, то я клянусь, что въ такомъ случаѣ я еще возвращусь въ Молдавію. Прошу васъ сохраните пока добрую обо мнѣ память, въ случаѣ же моего возврата, всѣ мои сокровища, какія успѣю сохранить, я предоставлю вамъ и всѣ высшія должности раздамъ людямъ вашего народа, потому что я испыталъ въ несчастіи вашу вѣрность, мужество и постоянство". При этомъ онъ подарилъ полякамъ послѣднія, оставшіяся у него цѣнныя вещи и прибавилъ: „Не хочу чтобы вещи эти достались моимъ дикимъ врагамъ, вамъ же дарю ихъ въ награду за вашу храбрость, за вашу вѣрность и достойную удивленія преданность, которую вы оказывали мнѣ до конца; благодарность къ вамъ я сохраню до послѣдняго издыханія,

Библиотека "Руниверс"

въ чемъ свидѣтелемъ да будетъ мнѣ Господь, котораго покровительству я васъ поручаю". Поляки, тронутые его словами, прощались съ нимъ исполненные благодарности. Ивонія же, снявъ съ себя оружіе, въ качествѣ плѣнника вступилъ въ турецкій лагерь въ сопровожденіи поляка Осмальскаго, съ которымъ бесѣдовалъ еще въ продолженіе трехъ часовъ.

Капуданъ-паша вступилъ въ разговоръ съ Ивоніею, но, раздраженный его словами, забывъ свои обѣщанія и рыцарское слово, онъ обнажилъ мечь и ударилъ его въ лицо и въ животъ. Раненаго Ивонію схватили янычары и полумертвому отсѣкли голову, тѣло же его растерзали, привязавъ къ двумъ верблюдамъ и части его разбросали въ добычу хищнымъ звѣрямъ. Голову воткнули на копье [1]), кости же турки раздѣлили между собою; кровью Ивоніи они намазывали острія сабель и примѣшивали ее къ водѣ, которою поили лошадей въ увѣренности, что вмѣстѣ съ кровью къ нимъ перейдетъ мужество и рыцарское одушевленіе убитаго. Такова была смерть Ивоніи, постигшая его вслѣдствіе жестокости и вѣроломства турокъ; я, впрочемъ, полагаю, что это бѣдствіе не постигло бы его, еслибы онъ самъ не измѣнилъ христіанской вѣры и еслибы относился болѣе добросовѣстно къ своимъ обязанностямъ. Его печальная судьба да послужитъ примѣромъ превратности человѣческой жизни: вначалѣ онъ пользовался неимовѣрнымъ успѣхомъ и одерживалъ блестящія побѣды, потомъ, какъ бы въ доказательство непрочности человѣческой судьбы, онъ растратилъ пріобрѣтенныя силы и средства и подвергся жестокой и позорной смерти.

Послѣ горемычной кончины Ивоніи, турки напали на молдаванъ, вышедшихъ изъ своего лагеря и умерщвляли ихъ, какъ скотъ. Польскіе всадники, видя турецкую измѣну, поняли, что имъ не дозволятъ безопасно возвратиться домой; они попытались отступить въ укрѣпленный лагерь, но оказалось, что онъ былъ уже занятъ тур-

---

[1]) Голова Ивоніи была отправлена въ Букарештъ и прибита къ городскимъ воротамъ: два года спустя ее видѣлъ тамъ, проѣзжая съ посольствомъ въ Константинополь, польскій историкъ Стрыйковскій.

Библиотека "Руниверс"

ками. Увидѣвъ это, они, молча, построились въ боевую линію и ринулись въ густую толпу турокъ; истребивши ихъ значительное количество, они почти всѣ погибли, за исключеніемъ немногихъ, тяжело раненыхъ, которые были взяты въ плѣнъ. Турки были поражены удивленіемъ при видѣ столь малочисленнаго польскаго отряда, богатырски бросившагося на несмѣтныя турецкія силы: многіе изъ нихъ, несмотря на смертельныя раны, продолжали сражаться, врѣзываясь больше въ турецкіе ряды и впослѣдствіи, несмотря на эти необычныя усилія, они не умерли, но вылѣчились отъ ранъ.—Вотъ имена болѣе значительныхъ поляковъ, попавшихъ въ плѣнъ; Свѣрчовскій, который снискалъ въ этой кампаніи особенно громкую славу храбростью и опытностью въ военномъ видѣ, Козловскій, Садовскій, Янчикъ, Залѣсскій, Копытскій, Земковскій, Соколовскій, Либишовскій, Цишовскій, Суцинскій, Богшицкій [1]). Всѣ они впослѣдствіи были выкуплены изъ плѣна родственниками за значительныя денежныя суммы [2]). Турки предлагали имъ принять магометанство и принести присягу на вѣрность султану, обѣщая, что въ такомъ случаѣ они получать отъ Селима богатыя помѣстья, въ которыхъ они будутъ проводить жизнь въ довольствѣ. Но они съ презрѣніемъ отвергали предложенія турокъ и предпочли убогую жизнь на родинѣ, богатствамъ, сопряженнымъ съ потерею душевнаго спасенія. Турки съ похвалою отзывались объ ихъ качествахъ и выказывали предположеніе, что они вѣроятно самые воинственные и храбрые мужи во всемъ польскомъ королевствѣ. Но польскіе плѣнники отвѣчали имъ: „Мы, напротивъ того, гораздо хуже другихъ, ибо мы были на ро-

[1]) Имена, приведенныя Горецкимъ, ясно свидѣтельствуютъ, что отряды такъ называемыхъ козаковъ, ходившіе на службу къ Ивоніи, состояли изъ польскихъ шляхтичей. Самъ Свѣрчовскій, по свѣдѣніямъ Симона Старовольскаго, былъ родомъ изъ Мазовецкаго воеводства: „Ioannes Sviersczovius..... equestri familia in Mazovia natus". Simonis Starovolskii—Sarmatiae bellatores. Wratislaviae 1734 стр. 102.

[2]) Старовольскій утверждаетъ, что 30 только поляковъ взято было въ плѣнъ. Свѣрчовскій излѣчился отъ ранъ въ Константинополѣ и попалъ затѣмъ на галеру. Впослѣдствіи, выкупленный изъ плѣна, онъ возвратился на родину, и до конца жизни занимался организаціею отрядовъ, съ которыми предпринималъ набѣги на турецкіе предѣлы, причемъ онъ весьма много способствовалъ успѣху этихъ нападеній, вслѣдствіе хорошаго знанія условій мѣстности. Starowolski, ibid. 101—102.

Библиотека "Руниверс"

динѣ очень бѣдны, и, не будучи въ состояніи снискать себѣ пропитанія, мы принуждены были отправиться въ Молдавію для того, чтобы найти славную смерть или обогатиться добычею, которая обезпечила бы наше безбѣдное существованіе на родинѣ*. Но словамъ этимъ турки вѣрили неохотно.

Послѣ позорной казни Ивоніи, Селимъ занялъ всю Молдавію и истребилъ множество народа, предавая казни безразлично знатныхъ и неимущихъ. Занявъ страну, онъ помѣстилъ сильные гарнизоны въ крѣпостяхъ и принялся строить новые замки, разсчитывая затѣмъ ворваться въ Русь. Дѣйствительно Польша должна теперь зорко оберегать свои области отъ непримиримаго, вѣроломнаго и могущественнаго врага; ибо турки понимаютъ прекрасно, что занявъ Молдавію, вслѣдъ затѣмъ Покутіе [3]), за обладаніе которымъ Польша вела продолжительный споръ съ Молдавіею, они откроютъ себѣ свободный путь для вторженія въ Польшу, ибо Покутіе, расположенное между Днѣстромъ, Прутомъ, Каменцемъ и Галицкою землею, составляетъ область пограничную съ Молдавіею.

Пріемъ политики турецкихъ султановъ состоитъ въ томъ, чтобы подготовлять побѣду надъ сосѣднимъ народомъ, поддерживая распри, возникающія между его вельможами по какому бы то ни было поводу. Отцы наши помнятъ ихъ поведеніе по отношенію къ Греціи, мы сами были свидѣтелями ихъ поступковъ въ Венгріи и Молдавіи. Одна только Польша, хотя лишенная отовсюду защиты и союзниковъ вслѣдствіе раздоровъ, господствующихъ среди христіанскихъ державъ къ крайнему утѣшенію магометанъ, успѣшно отражаетъ нападенія турокъ и татаръ. Турки страшно желаютъ покорить Польшу для того, чтобы потомъ обратить всѣ силы противъ Германіи, такъ какъ

---

[1]) Покутіемъ называлась область, составлявшая юго-восточный уголъ Червоной Руси, врѣзывавшійся клиномъ (кутомъ) между Молдавіею и Венгріею. Она обнимала нынѣшніе повѣты восточной Галиціи: Коссовскій, Коломыйскій, Снятинскій, Городецкій, Надворнянскій, Тлумачскій и Богородчанскій. Въ 1530 году молдавскій господарь Петръ Рарешъ занялъ было Покутіе и овладѣлъ въ немъ многими укрѣпленными замками, но попытка его окончилась неудачно; въ 1531 году польскій гетманъ Янъ Тарновскій нанесъ ему рѣшительное пораженіе у Обертина и заставилъ очистить Покутіе.

Библиотека "Руниверс"

укрѣпленія Вѣны мѣшаютъ имъ безпрепятственно проникнуть внутрь этой страны.

Вскорѣ послѣ занятія Молдавіи Селимъ умеръ на четвертомъ году своего царствованія, 15 декабря 1574 года. Старшій въ его родѣ Амуратъ поспѣшилъ занять престолъ и явился въ Царьградъ, не ожидая приглашенія пашей, которымъ онъ не довѣрялъ. По обычаю турецкихъ султановъ, привыкшихъ управлять грозою, онъ началъ правленіе свое казнями: онъ приказалъ умертвить пять братьевъ, двѣ жены Селима, изъ которыхъ одна была беременна, и значительное количество вельможъ. Въ угоду янычарамъ, доставившимъ ему престолъ помимо желанія пашей, онъ выдалъ имъ въ награду по 70 талеровъ на человѣка, увеличилъ ихъ жалованье и собственныхъ сыновей записывалъ въ янычары, но мѣрѣ достиженія ими юношескаго возраста, притомъ онъ увеличилъ количество янычаръ на 2,000, такъ что милиція эта достигла числа 16,000; онъ освободилъ ихъ отъ всѣхъ трудныхъ военныхъ обязанностей и озаботился о щедромъ ихъ продовольствіи.

Сдѣлавъ эти распоряженія, онъ рѣшился отмстить полякамъ, за пораженія, которыя нанесъ туркамъ Ивонія съ помощью польскихъ козаковъ; съ этою цѣлью, въ октябрѣ 1575 года онъ отпустилъ въ Русь 11,000 крымскихъ татаръ, которые опустошили эту страну на 40 миль: они сожгли до 200 дворовъ шляхетскихъ и разорили множество селъ, перебили въ нихъ стариковъ и дѣтей; около 30 шляхтичей пали въ стычкахъ или вмѣстѣ съ женами и дѣтьми были увлечены на арканахъ въ Молдавію; угнаны были огромныя стада быковъ, овецъ и лошадей, тѣмъ животнымъ, которыя изнемогли на пути, татары подрѣзывали мышцы на ногахъ и, сдирая съ животныхъ кожу, предоставляли ихъ въ пищу плѣнникамъ. Послѣдніе разразились страшнымъ плачемъ на переправѣ черезъ Днѣстръ, ибо, они поняли, что за этою рѣкою прекращается всякая надежда на освобожденіе изъ рукъ дикаго врага. Наши могли бы ихъ поразить навѣрно, если бы они не были введены въ заблужденіе ложными увѣреніями молдавскаго господаря Петра, который далъ обѣщаніе, что не дозволитъ татарамъ возвращаться черезъ

Библиотека "Руниверс"

Молдавію, но охотно разрѣшитъ нашимъ войскамъ преслѣдовать ихъ. Вслѣдствіе этого польское войско отправилось въ сторону Кіева, полагая, что татары будутъ возвращаться по той дорогѣ, и не успѣло задержать ихъ на переправѣ черезъ Днѣстръ. Многихъ плѣнниковъ татары умертвили на пути, нѣкоторые были освобождены жителями Руси и, скитаясь среди рыскавшихъ повсюду непріятельскихъ отрядовъ, съ трудомъ пробрались подъ защиту войска, состоявшаго подъ начальствомъ Мелецкаго, воеводы подольскаго.— Въ то время нашими захваченъ былъ татаринъ, угонявшій 70 плѣнныхъ; онъ былъ непомѣрно громаднаго роста; когда онъ палъ въ битвѣ, то трупъ его измѣрили: одно туловище его, безъ головы, равнялось среднему человѣческому росту, чело же представляло ширину въ 24 дюйма.

Между тѣмъ какъ татары угоняли плѣнныхъ въ Молдавію, храбрые днѣпровскіе козаки подъ предводительствомъ Богдана Ружинскаго ворвались въ татарскія владѣнія, они опустошили страну огнемъ и мечемъ, женщинамъ рѣзали груди, многихъ лишали глазъ, убивали дѣтей и освобождали встрѣченныхъ плѣнниковъ.

Но пора окончить это повѣствованіе; изъ него, между прочимъ, возможно вывести то заключеніе, что христіане могутъ побѣждать турокъ, если составятъ бодрое духомъ и храброе войско, если будутъ снабжены необходимыми средствами и, что важнѣе всего, если будутъ находиться подъ начальствомъ мужественнаго и опытнаго въ военномъ дѣлѣ вождя.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ДЕКАБРЬ.

Годъ восьмой. ТОМЪ XXVII. 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Александръ Степановичъ Лашкевичъ. (Некрологъ). (485—494).

II. Воспоминанія М. К. Чалаго. (495-545).

III. Подсудокъ. Очеркъ изъ волынской хроники. Николая Сарнецкаго. (Переводъ съ польскаго) Н. М. (546—581).

IV. Культурныя переживанія. CIX—CXX. Проф. Н. Ѳ. Сумцова. (582—603).

V. Отвѣтъ на полемическую замѣтку В. Г. Васильевскаго. Проф. Ѳ. И. Успенскаго. (604—631).

VI. Документы, извѣстія и замѣтки. Опись имѣній Бороздъ, 1638 г. А. Л. Запорожье въ концѣ XVIII вѣка. Ал. М. Лазаревскаго. Двѣ лирницкія пѣсни. Къ пребыванію Карла XII въ Бендерахъ. Ал. И. Маркевича. Къ исторіи землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи. В. П. Науменка. Къ исторіи Мазепиной измѣны. А. Л. (632—645).

VII. Библіографія. 1) Владимірскій сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія Россіи. 1888. 2) Святый равноапостольный князь Владиміръ — просвѣтитель Руси. 900-лѣтіе крещенія Руси. И. П. Матченко. 1889. П. В. Голубовскаго. Списокъ населенныхъ мѣстъ полтавской губерніи. Изданъ полтавскимъ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ въ 1887 г. A. de Gubernatis. Dictionnaire international des écrivrins du jour. Liraisons I—X. A—Gui. (Florense, Paris, Leipsig. 1888—1889. Édit L. Nikolai, Florence). Стр. 1120. in—4. Н. Молчановскаго. (646—664).

Объявленія. (1—10).

ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Портретъ А. С. Лашкевича.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1889.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXVII.

Декабрь.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Библиотека "Руниверс"

Дозволено цензур. Кіевъ, 28-го Декабря 1889 г.

Библиотека "Руниверс"

Александръ Степановичъ Лашкевичъ.

Библиотека "Руниверс"

Александръ Степановичъ Лашкевичъ.

(НЕКРОЛОГЪ).

31-го минувшаго октября, послѣ тяжкой болѣзни, скончался на 48-мъ году жизни издатель-редакторъ „Кіевской Старины“ Александръ Степановичъ Лашкевичъ. Общество потеряло въ немъ честнаго, идейно-сознательнаго труженика, проявившаго свою энергію на разныхъ поприщахъ государственнаго и общественнаго служенія; мы же, совмѣстно работавшіе съ нимъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ въ журналѣ, сверхъ всего этого, потеряли въ немъ и лично дорогаго намъ сотоварища,—это послѣднее налагаетъ на насъ обязанность почтить память покойнаго, подѣлившись съ читателями нѣкоторыми свѣдѣніями о болѣе характерныхъ моментахъ его жизни и дѣятельности.

Уроженецъ с. Брахлова, новозыбковскаго уѣзда, черниговской губерніи, А. С. Лашкевичъ происходилъ изъ дворянской фамиліи, которая находилась въ родствѣ со многими старинными малороссійскими фамиліями и о которой прежней редакціей нашего журнала была напечатана статья Ѳ. Д. Николайчика подъ заглавіемъ: „Родъ Лашкевичей и дневникъ одного изъ нихъ“ [1]). Прадѣдъ Александра Степановича, Степанъ Ивановичъ, женатый на дочери прилуцкаго полковника Григорія Игнатьевича Галагана, Прасковьѣ, служилъ бунчуковымъ това-

[1]) „Кіевская Старина“, 1887 г., № 12.

Библиотека "Руниверс"

рищемъ въ стародубскомъ полку, а потомъ — предсѣдателемъ новгородсѣверскаго верхняго земскаго суда, и оставилъ послѣ себя веденный впродолженіе 14-ти лѣтъ (съ 1768 по 1782 г.) дневникъ, о которомъ идетъ рѣчь въ упомянутой статьѣ. Онъ владѣлъ большимъ имѣніемъ, находившимся въ селеніяхъ Брахловѣ, Любечанахъ, Павловѣ, Шомовѣ, Обтеняхъ, Бровничахъ и Тимоновичахъ — новозыбковскаго уѣзда, Ущерпьѣ — суражскаго уѣзда, Норицы (Галагановка то же), Желѣзномъ-Мостѣ и Гремячкѣ—новгородсѣверскаго у. и въ городахъ Стародубѣ и Погарѣ. Дѣдъ Александра Степановича, полковникъ Иванъ Степановичъ, былъ женатъ на Анастасіи Петровнѣ Милорадовичъ (дочери черниговскаго полковника, потомъ генералъ-маіора, Петра Степановича Милорадовича и внучкѣ бунчуковаго товарища Семена Полуботка) и, въ прибавленіе къ своимъ имѣніямъ, получилъ за женой часть Полуботковскихъ имѣній въ черниговскомъ уѣздѣ. Служа сержантомъ измайловскаго полка и имѣя 20-ть лѣтъ отъ роду, онъ перевелъ съ англійскаго языка книгу Франкли, которую и издалъ въ 1781 г. [1]). Склонность къ литературнымъ занятіямъ у отца Александра Степановича, Степана Ивановича, выразилась въ составленіи „Историческаго очерка стародубскихъ раскольничьихъ слободъ“, который напечатанъ не былъ и хранился въ рукописи у Александра Степановича.

Если признать, что родовыя традиціи вообще играютъ роль при формировкѣ характера, наклонностей и даже привычекъ даннаго лица, то по отношенію къ покойному можно сказать— эта теорія вполнѣ оправдалась. Весь родъ его какъ по мужской, такъ и по женской линіи былъ родомъ истыхъ малорусскихъ земцевъ разныхъ эпохъ и поколѣній, а потому—и разныхъ оттѣнковъ; эту черту любви къ родной землѣ и земскому дѣлу традиціонно унаслѣдовалъ Александръ Степановичъ, усиливъ ее

---

[1]) Прогуливаніе Г. Франкли, изданное на англійскомъ языкѣ сестрою его. На россійскій языкъ перевелъ Иванъ Лашкевичъ. Москва, въ университетской типографіи, 1781 г.

Библиотека "Руниверс"

качествомъ сознательности въ періодъ воспитанія своего въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ, когда самой жизнью вливалась въ молодыя поколѣнія эта любовь ко всему родному и вырабатывалось сознаніе въ необходимости послужить народно-земскому дѣлу. Нельзя не обратить вниманія и на то, что нѣкоторые ближайшіе по времени представители рода Лашкевичей (отецъ и дѣдъ покойнаго) заявили себя любовью къ книжному дѣлу. Эту черту всецѣло воспринялъ покойный отъ рода своего и доказалъ ее цѣлымъ рядомъ фактовъ въ своей жизни, и между прочимъ тѣмъ, что по смерти своей оставилъ библіотеку, которая можетъ служить украшеніемъ не только частнаго кабинета какого нибудь спеціалиста—ученаго, но и любаго общественно-научнаго учрежденія; при чемъ нельзя забывать, что библіотеку эту оставилъ не кабинетный ученый, а помѣщикъ—земскій дѣятель. Эти двѣ черты—любовь къ родинѣ и народно-земскому дѣлу и такая же любовь къ книжному дѣлу—красной нитью проходятъ черезъ всю жизнь покойнаго, главнѣйшіе моменты которой мы и постараемся теперь представить читателю.

Родился Александръ Степановичъ 19 іюля 1842 г. въ с. Брахловѣ, которое было главнымъ имѣніемъ его прадѣда и которое впослѣдствіе перешло къ нему. Дѣтство и юность свою Александръ Степановичъ провелъ въ Кіевѣ, гдѣ въ то время отецъ его жилъ съ своимъ семействомъ. Образованіе онъ получилъ въ 1-й кіевской гимназіи, а потомъ въ университетѣ св. Владиміра, который окончилъ со степенью кандидата историко-филологическаго факультета въ 1864 г. По окончаніи университетскаго курса, Александръ Степановичъ поступилъ на службу въ канцелярію бывшаго кіевскаго генералъ-губернатора Безака, откуда былъ назначенъ на должность мироваго посредника въ одинъ изъ уѣздовъ кіевской губерніи; послѣ того Ал. Ст. служилъ предсѣдателемъ повѣрочнаго отдѣленія въ г. Звенигородкѣ, затѣмъ—предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ посредниковъ въ гайсинскомъ уѣздѣ подольской губ. Въ томъ фактѣ, что Ал. Ст.,

Библиотека "Руниверс"

окончивъ курсъ университета кандидатомъ-филологомъ, не пошелъ по обычному пути большинства, впервые ясно сказалось, что, во 1-хъ, наукой занимался онъ не съ практическими цѣлями, а любилъ ее самое по себѣ, а во 2-хъ, что основной идеей его была идея земской дѣятельности, для которой тогда (въ началѣ 60-хъ годовъ) такъ много было сдѣлано правительствомъ и которая составляла существеннѣйшій вопросъ общественной жизни Россіи вообще и юго-западнаго края въ частности. Во имя той же самой идеи земской дѣятельности оставляетъ онъ въ концѣ 60-хъ годовъ свою службу для земскаго дѣла въ лѣвобережьи и переселяется въ родную Черниговщину, требовавшую тогда людей для новаго дѣла послѣ введенія земскихъ учрежденій.

Поселившись въ своемъ имѣніи въ с. Брахловѣ, Ал. Ст. и посвятилъ себя общественной дѣятельности въ качествѣ гласнаго земства (уѣзднаго и губернскаго) и мироваго судьи, причемъ въ теченіе 3-хъ трехлѣтій былъ предсѣдателемъ новозыбковскаго съѣзда мировыхъ судей; въ то же время, съ открытіемъ въ Новозыбковѣ реальнаго училища, онъ сдѣлался почетнымъ попечителемъ его.

Въ началѣ 1886 г. Александръ Степановичъ переселился изъ новозыбковскаго уѣзда въ Кіевъ, и здѣсь принялъ участіе въ „Кіевской Старинѣ," помѣстивъ въ ней нѣсколько небольшихъ статей. Когда же покойный Ѳ. Г. Лебединцевъ по болѣзни вынужденъ былъ прекратить изданіе „Кіевской Старины", Александръ Степановичъ, пріобрѣтя у него журналъ, съ начала 1888 г. принялъ изданіе его на себя, и отдался этому дѣлу всѣмъ сердцемъ своимъ. Какъ во всѣхъ предъидущихъ положеніяхъ Александра Степановича руководило не желаніе доставить себѣ какія нибудь выгоды, а исключительно служеніе общественной пользѣ, такъ было и въ новомъ положеніи: тотъ же самый характеръ имѣла дѣятельность его, какъ издателя-редактора, тѣмъ же идеалистомъ онъ остался. Далекій въ веденіи журнала отъ всякихъ личныхъ разсчетовъ и побуждаемый единственно

Библиотека "Руниверс"

желаніемъ посильно служить тому дѣлу, которое онъ считалъ полезнымъ, Александръ Степановичъ, не щадя своихъ средствъ и жертвуя журналу личными интересами, всѣ силы употреблялъ къ тому, чтобы, привлекши лучшихъ сотрудниковъ, поднять достоинство журнала, посвящая его возможно болѣе всестороннему возстановленію мѣстной исторіи и къ выясненію характеристическихъ особенностей народнаго міровозрѣнія, художественнаго творчества и сложившихся исторически бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Онъ старался не только улучшить содержаніе журнала, но и придать ему возможно болѣе изящную внѣшность; однимъ словомъ онъ хотѣлъ, чтобы „Кіевская Старина", будучи органомъ мѣстной исторіи, какъ по интересу содержанія, такъ и по своей внѣшности, ни въ чемъ не уступала нашимъ лучшимъ журналамъ. Насколько удалось Александру Степановичу осуществить свои мечты и желанія—предоставляемъ судить нашимъ читателямъ; замѣтимъ только, что по отзыву автора одного изъ некрологовъ, помѣщенныхъ въ кіевскихъ газетахъ, „Кіевская Старина" подъ редакторствомъ А. С. Лашкевича „расширилась до предѣловъ крупнаго литературнаго предпріятія и приняла видъ изданія, раньше никогда не появлявшагося въ провинціи." Такая же въ сущности оцѣнка дѣятельности покойнаго, какъ редактора, дана и въ некрологѣ, появившемся въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ".

Здоровье Александра Степановича пошатнулось съ весны этого года, хотя ничего серьезнаго болѣзнь его тогда не представляла. По совѣту медиковъ, для поправленія здоровья, онъ отправился на лѣто въ деревню. Но когда онъ возвратился оттуда, вмѣсто ожидавшагося улучшенія здоровья, мы замѣтили въ немъ упадокъ силъ. Другіе медики, къ которымъ обратился тогда Ал. Ст., сказали ему, что ему вовсе не нужно было ѣздить въ деревню, а необходимо было съѣздить въ Карлсбадъ. Но наступала осень и ѣхать въ Карлсбадъ уже было поздно. Онъ сталъ лечиться карлсбадскими водами здѣсь, и повидимому, начи-

Библиотека "Руниверс"

налъ чувствовать себя лучше, какъ неожиданно въ половинѣ сентября съ нимъ случился апоплексическій ударъ, послѣ котораго онъ уже не вставалъ съ постели. Образовавшійся вслѣдъ затѣмъ карбункулъ сдѣлалъ положеніе больнаго опаснымъ; въ ночь съ 30 на 31-е октября ударъ повторился, и послѣ того часы жизни Александра Степановича были сочтены, а въ 10 часовъ вечера 31 октября его уже не стало.

Несмотря на поразившій Александра Степановича тяжелый недугъ, думы и заботы о „Кіевской Старинѣ“ не оставляли его до послѣднихъ дней его жизни. Когда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, по разстроенному здоровью и нѣкоторымъ личнымъ обстоятельствамъ, затруднявшимъ для Александра Степановича изданіе журнала, одинъ знакомый его совѣтывалъ ему отказаться отъ продолженія изданія „Кіевской Старины“, Александръ Степановичъ отвѣтилъ: „я душу свою положилъ въ это дѣло, и не могу отъ него отказаться“. Уже лежа на смертномъ одрѣ, за нѣсколько дней до кончины, когда зашелъ разговоръ о томъ же предметѣ, Александръ Степановичъ, желая выразить, насколько ему дорога „Кіевская Старина“, и чтобъ не говорить много, сказалъ: „Кіевская Старина“—„это мое третье дитя“ [1]).

Она дѣйствительно была ему дорога, какъ родное дитя, и еслибъ безвременная кончина не прервала его жизни, онъ ни за что не отказался бы отъ этого дорогаго ему дѣтища, какихъ бы жертвъ для этого ни требовалось. Мы, посильно сотрудничавшіе въ журналѣ, въ своихъ отношеніяхъ къ Александру Степановичу всегда это чувствовали и, потерявъ его, не можемъ не скорбѣть глубоко о нашей утратѣ. Мы потеряли въ немъ и добраго, симпатичнаго, отзывчиваго человѣка и преданнаго своему дѣлу издателя - редактора, готоваго жертвовать для журнала всѣми своими средствами.

Въ пространной эпитафіи, написанной въ стихахъ неизвѣстнымъ авторомъ прадѣду Александра Степановича, Степану Ива-

[1]) Александръ Степановичъ оставилъ послѣ себя двухъ дѣтей.

Библиотека "Руниверс"

новичу, и напечатанной въ вышеупомянутой статьѣ г. Николайчика, означенный авторъ, сравнивъ Ст. Ив. Лашкевича съ Авраамомъ по гостепріимству (которымъ, кстати сказать, отличался и покойный Александръ Степановичъ) и указавъ далѣе на храмъ, воздвигнутый имъ, говоритъ: „се трудъ и коштъ его, се ревности есть плодъ“. Невольно вспоминаются теперь эти слова, потому что и объ Александрѣ Степановичѣ можно сказать, указавъ на „Кіевскую Старину“ двухъ послѣднихъ лѣтъ: „*се трудъ и коштъ его, се—ревности есть плодъ*“.

Погребеніе Александра Степановича состоялось 2 ноября. Въ 9½ часовъ утра совершенъ былъ выносъ тѣла покойнаго въ Георгіевскую церковь, при собравшейся значительной группѣ друзей и сотрудниковъ Александра Степановича. По окончаніи заупокойной литургіи, была совершена каѳедральнымъ протоіереемъ П. Г. Лебединцевымъ, въ сослуженіи двухъ протоіереевъ, панихида, ко времени которой церковь переполнилась многочисленной публикой; въ средѣ ея было много студентовъ и вообще молодежи. Въ 12½ часовъ сотрудники „Кіевской Старины“ вынесли на своихъ рукахъ изъ церкви гробъ; онъ былъ украшенъ вѣнками, на которыхъ виднѣлись надписи: „отъ друзей и товарищей по изданію „Кіевской Старины“, „отъ женщинъ-друзей“, „отъ молодыхъ украинцевъ“. Былъ сумрачной, осенній день, въ теченіе котораго не переставая шелъ мокрый снѣгъ; но, несмотря на ненастную погоду, многочисленный кружекъ друзей, сотрудниковъ и почитателей Александра Степановича проводилъ печальную процессію на Аскольдову Могилу, гдѣ нашелъ себѣ успокоеніе дорогой и уважаемый сотоварищъ нашъ. Предъ опусканіемъ гроба въ могилу, товарищъ покойнаго по университету и одинъ изъ близкихъ друзей его П. И. Житецкій произнесъ глубоко прочувственное слово, текстъ котораго приводимъ здѣсь:

„Добрый товарищъ и другъ мой! Не для тебя, а для себя и для моихъ друзей и сверстниковъ моихъ я хочу сказать здѣсь

Библиотека "Руниверс"

нѣсколько словъ, чтобы облегчить тяжелыя минуты послѣдней разлуки съ тобой.

Я хочу напомнить здѣсь давніе, давніе годы, когда мы съ тобою въ дружной толпѣ товарищей нашихъ готовились къ жизни, — напомнить золотую пору юности нашей, когда люди съ пѣснями горе встрѣчаютъ, съ пѣснями его и провожаютъ.

Ходили мы съ тобой въ ту пору по этимъ дивнымъ урочищамъ Кіева, не разъ были и здѣсь, гдѣ теперь хоронимъ тебя. Припоминали мы въ этихъ прогулкахъ давнее историческое прошлое Кіева, задумывались надъ исторической судьбой родной земли нашей.

Изъ Alma mater нашей, изъ университета кіевскаго, мы вынесли глубокое уваженіе къ сознательной общественной дѣятельности, къ сознательному труду для блага родины нашей. Мы вынесли изъ него горячія симпатіи къ народу русскому въ его дѣйствительномъ, а не выдуманномъ существованія.

Мы вступили на путь общественной жизни при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ. Тогда во всѣхъ концахъ русскаго міра раздался благодатный призывъ къ честному труду на пользу народа, выходившаго изъ крѣпостной неволи. Святымъ трепетомъ отозвался этотъ призывъ въ сердцахъ нашихъ, и ты пошелъ вмѣстѣ съ другими сѣять доброе сѣмя на родной нивѣ своей.

Прошли годы.

Я не знаю, какъ мы исполнили наши задачи, какъ мы осуществили завѣтныя мечтанія юности нашей. Знаю только, что мы никогда не были довольны собою, что мы часто искали въ самихъ себѣ причины нашихъ разочарованій и разбитыхъ надеждъ нашихъ. Знаю также, что вокругъ насъ выросло новое племя, появились новые люди, а вмѣстѣ съ ними и новыя вѣянія, которыя уже не ласкаютъ насъ весною юности нашей.

И вотъ, чтобы сберечь эти остатки юности, ты пришелъ къ немногимъ друзьямъ своимъ на помощь въ ту минуту, когда они чувствовали нравственную потребность сказать новымъ лю-

Библиотека "Руниверс"

дямъ, что новое не вѣчно будетъ новымъ, и что въ немъ нѣтъ прочныхъ залоговъ жизни безъ широкаго историческаго самосознанія.

Ты пришелъ къ намъ въ ту минуту, когда оборвался голосъ „Кіевской Старины“, и снова, подъ твоимъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ, раздался этотъ голосъ, какъ живое слово правды и добра, какъ искреннее и честное слово, которое не всуе произносится, но отъ сердца отрывается.

Не знаю, умолкнетъ-ли этотъ голосъ на всегда,—но не забудется подвигъ твой, съ которымъ ты слилъ все свое существованіе до самыхъ послѣднихъ минутъ твоей жизни, не забудется среди людей, которые знали тебя, симпатичный и свѣтлый образъ твой съ неисчерпаемой добротой души твоей—незлобливой и кроткой.

Пусть-же родная земля покроетъ тебя, обниметъ тебя, какъ мать роднаго сына своего!...

Прощай, добрый товарищъ и другъ мой!“

Глубоко тронутая и этимъ словомъ, и вообще прощаніемъ съ дорогимъ покойникомъ, публика разошлась съ кладбища около 3-хъ часовъ дня.

На имя вдовы покойнаго А. С. Лашкевича и редакціи были получены сочувственныя телеграммы отъ редакцій журналовъ, общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, текстъ которыхъ занялъ бы много мѣста. Память покойнаго почтили и въ историческихъ обществахъ кіевскомъ и харьковскомъ.

Засѣданіе историческаго общества Нестора Лѣтописца, 5 ноября, открылось краткой рѣчью предсѣдателя общества, проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, посвященной памяти покойнаго редактора-издателя „Кіевской Старины“, А. С. Лашкевича, состоявшаго дѣйствительнымъ членомъ общества Лѣтописца Нестора. По двумъ причинамъ, сказалъ проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, покойный А. С. Лашкевичъ заслуживаетъ вѣчной памяти о немъ членовъ историческаго общества. Почти прямо

Библиотека "Руниверс"

со студенческой скамьи А. С. Лашкевичъ получилъ должность мироваго посредника въ одной изъ губерній юго-западнаго края и этимъ призванъ былъ къ участію въ улучшеніи быта мѣстныхъ крестьянъ послѣ возстанія 1863 г., т. е. принялъ активное участіе въ томъ великомъ историческомъ процессѣ, въ которомъ надо видѣть не только экономическое возрожденіе нашего края, но и возрожденіе національное. Хотя покойный Лашкевичъ игралъ не первенствующую роль въ этомъ великомъ дѣлѣ, но отъ участниковъ преобразованій въ краѣ, предначертанныхъ правительствомъ, и не требовалось громкихъ подвиговъ; нужно было честное, энергичное отношеніе къ принятымъ на себя обязанностямъ, да заботливое участіе къ нуждамъ народа, такъ недавно еще терпѣвшаго беззаконныя несправедливости. Всѣ эти качества въ высокой степени присущи были покойному Лашкевичу, и онъ честно выполнилъ гражданскій долгъ. Другой моментъ въ дѣятельности покойнаго А. С. Лашкевича, дающій ему право на вѣчный дипломъ почетнаго члена историческаго общества—это изданіе и редактированіе „Кіевской Старины“—единственнаго историческаго журнала на всемъ обширномъ югѣ Россіи. Онъ вложилъ всю душу въ это дѣло, положилъ на него не мало труда и матеріальныхъ затратъ, никогда не думая о личныхъ выгодахъ. Въ заключеніе проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ предложилъ почтить память усопшаго обычнымъ вставаньемъ съ мѣстъ.

Въ харьковскомъ историко-филологическомъ обществѣ предсѣдатель его проф. А. А. Потебня предложилъ почтить память Лашкевича вставаньемъ съ мѣстъ, а проф. Д. И. Багалѣй сдѣлалъ краткій очеркъ дѣятельности покойнаго.

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго [1]).

Университетская администрація.

Высшая власть во всемъ юго-западномъ краѣ принадлежала генералъ-губернатору. Объ отношеніяхъ этой власти къ попечителямъ кіевскаго учебнаго округа любопытно свидѣтельство перваго попечителя фонъ-Брадке.

„Гр. Гурьевъ, говоритъ онъ, ненавидѣлъ (?) всѣ университеты. Хотя между нами не было никакихъ неудовольствій, но по университетскимъ дѣламъ выходили столкновенія, такъ что дѣло доходило до Государя, рѣшавшаго ихъ въ мою пользу. На мѣсто Гурьева назначенъ Бибиковъ, человѣкъ великихъ природныхъ дарованій, но безъ научнаго образованія. По внѣшности мы были друзьями, но потомъ ясно оказалось, что онъ съ самаго начала имѣлъ намѣреніе соединить попечительское мѣсто съ генералъ-губернаторскимъ и добивался этой цѣли“.

Весьма естественно, что при наклонности все въ управляемомъ имъ краѣ подчинять своей власти, приснопамятнаго Димитрія Гавриловича, такое учрежденіе, какъ университетъ, съ извѣстной долей автономіи, не могло ему нравиться. А все таки, послѣ увольненія фонъ Брадке, ему не удалось захватить въ свои руки [2]) управленіе кіевскимъ учебнымъ округомъ: попечителемъ назначенъ гродненскій губернаторъ кн. Давидовъ.

---

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1889 г., № 11, ноябрь.

[2]) Въ 1812 году Бибиковъ потерялъ при Бородинѣ руку. Кіевская аристократія называла его manchot (однорукій). Говорятъ, одинъ исправникъ, отправляя къ нему секретное донесеніе, затруднялся, какъ ему надписать на конвертѣ: въ *собственныя руки* или въ *собственную руку?*

Библиотека "Руниверс"

Попечитель кн. Давидовъ

былъ человѣкъ крайне лѣнивый. Въ университетъ онъ заглядывалъ рѣдко. На экзаменахъ обыкновенно садился на студентскую скамью и все время рисовалъ на лоскуткѣ бумаги головки. Въ дѣла округа онъ также не входилъ: назначеніе учителей, ихъ перемѣщенія, повышенія, награды и увольненіе зависѣло отъ всемогущаго при немъ правителя канцеляріи А. А. Лазова. Князь подписывалъ бумаги, не читая. Административная его бездѣятельность, въ сравненіи съ „барабанной поспѣшностію“ фонъ Брадке, очень рѣзко бросалась въ глаза. Явно недовольный его назначеніемъ Бибиковъ постоянно запускалъ въ него шпильки.

Хвалился князь передъ кіевской аристократіей, что ему лично извѣстны всѣ студенты, но на самомъ дѣлѣ онъ зналъ только двѣ студентскія фамиліи: Вернадскаго и Пухальскаго. Гуляетъ, напр., попечитель въ Царскомъ саду съ своими знакомыми; встрѣчается студентъ и дѣлаетъ фронтъ.

— А, здравствуй, Вернадскій! привѣтствуетъ онъ любезно юношу.

Встрѣчается другой:—„а, здравствуй, Пухальскій!“

— Неужели, prince, вамъ извѣстны фамиліи всѣхъ студентовъ? удивляется гулявшая съ нимъ дама.

— О, да, отвѣчаетъ за князя его супруга, онъ знаетъ всѣхъ молодыхъ людей: они у насъ, какъ дѣти—мы постоянно съ ними.

Если на бѣду попадался на встрѣчу еще одинъ студентъ, то князь или старался его не замѣтить, или называлъ Вернадскимъ.

Да, нашъ сіятельный не обладалъ твердой памятью; не то что Егоръ Ѳедоровичъ фонъ-Брадке, который зналъ по фамиліи не только всѣхъ студентовъ, но и гимназистовъ. Бибиковъ подмѣтилъ его слабую струнку. Исторія съ Денисомъ Подпружниковымъ, во время царскаго посѣщенія университета, навела Димитрія Гавриловича на мысль—въ ожиданіи новаго посѣщенія—заставить князя выучить фамиліи студентовъ: это было предъ Высочайшимъ пріѣздомъ въ Кіевъ Императора Николая Павловича, въ 1841 году.

За двѣ недѣли до царскаго пріѣзда насъ начали собирать по вечерамъ въ институтскую залу, ставили въ ряды, а князь ходилъ между рядами въ сопровожденіи инспектора и училъ фамиліи, повторяя каждую по нѣсколько разъ. Но память его не слушалась: едва

Библиотека "Руниверс"

онъ успѣвалъ пройти одинъ рядъ и перейти къ другому, какъ уже рѣшительно не помнилъ ни одной фамиліи, возвратясь къ первому. Пробившись такимъ манеромъ недѣли полторы, его сіятельство бросилъ свои упражненія въ мнемоникѣ, да такъ и остался при двухъ фамиліяхъ: Вернадскаго и Пухальскаго.

Былъ гдѣ то попечитель на именинномъ обѣдѣ. Тамъ въ присутствіи генералъ-губернатора стали говорить о похожденіяхъ студентовъ въ ночное время, особенно казеннокоштныхъ. Не заѣзжая домой, прямо изъ гостей, ѣдетъ князь въ институтъ. Мы жили уже въ новомъ зданіи на четвертомъ этажѣ. На лѣстницахъ не оказалось ни одной лампы. Пробираясь въ потьмахъ до студентскихъ камеръ, онъ не разъ спотыкался и падалъ. Затѣмъ, преодолѣвъ всѣ трудности восхожденія на высоту, врывается въ первую попавшуюся камеру и тамъ не находитъ никакого кутежа, ни даже преферанса, а только одинъ лирическій безпорядокъ: раздѣтые студенты лежали съ книгами въ рукахъ, кто на полу, подложивъ подъ голову латинскій лексиконъ или логариѳмы, кто на сдвинутыхъ комодахъ или на окнѣ; но всѣ, однакожъ были заняты дѣломъ, а не кутили, какъ на нихъ насплетничали. Нашумѣвши вволюшку за безпорядокъ, попечитель вошелъ въ другую камеру, но тамъ не нашелъ уже ни одного человѣка: всѣ разбѣжались и попрятались въ сторожку, кто въ чемъ былъ, оставивъ на полу зажженную свѣчу.

— Чья свѣча? признавайся! закричалъ князь, завидѣвъ одного студента, успѣвшаго одѣться и вернуться въ камеру.

— Моя, ваше сіятельство! отвѣчаетъ студентъ.

— А, твоя? озлился князь, въ солдаты!

— Помилуйте, в. с-во, за что же въ солдаты?

— Въ солдаты, въ солдаты! свирѣпствовалъ князь, выходя изъ камеры. Когда, обошедши всѣ камеры, гдѣ успѣли уже все привесть въ порядокъ, попечитель сходилъ внизъ по освѣщеннымъ уже лѣстницамъ, мой пріятель, Фердинандъ Лыщинскій, поддерживая князя подъ руку, не переставалъ умолять его о пощадѣ.

— Нѣтъ, братъ, не выкрутишься, говорилъ уже шутливымъ тономъ попечитель, будешь солдатомъ, будешь!

— Ну, Богъ съ вами, в. с-во, сказалъ съ притворнымъ отчаяніемъ Фердинандъ, я вамъ жизнь спасъ, а вы меня въ солдаты...

Библиотека "Руниверс"

— Что ты говоришь? когда ты мнѣ жизнь спасъ?

— Когда я былъ въ первомъ благородномъ пансіонѣ гимназистомъ— забыли? Вы, сходя съ лѣстницы, поскользнулись и если бы я васъ не поддержалъ, то вы ушиблись бы до смерти.

— Другъ мой! умилился князь, трепля по румяной щекѣ Фердинанда, ты не будешъ солдатомъ — приходи завтра ко мнѣ обѣдать!

По поводу стоявшей на полу свѣчи, во избѣжаніе могшаго отъ того произойти пожара, въ студентскихъ камерахъ, вмѣсто сальныхъ свѣчей, появились стѣнныя лампы, по одной на двухъ человѣкъ. Такое освѣщеніе весьма гибельно повліяло на наше зрѣніе, вслѣдствіе чего мы просили начальство отмѣнить свое распоряженіе и вновь ввести свѣчи. Но насъ заставили молчать. Не получивъ удовлетворенія законнымъ путемъ, мы выразили свой протестъ другимъ способомъ: не проходило вечера безъ того, чтобы не было испорчено нѣсколько лампъ, такъ что на ремонтъ ихъ потребовалось больше денегъ, чѣмъ выходило прежде на сальныя свѣчи. Только такимъ манеромъ, охраняя свои глаза, мы могли заставить начальство убрать противныя лампы съ вонючимъ масломъ и копотью, замѣнивъ ихъ свѣчами.

При кн. Давыдовѣ помощникомъ попечителя былъ сперва Карлгофъ. Но изъ за популярности, какую онъ успѣлъ пріобрѣсть въ кіевскомъ обществѣ, князю онъ не понравился и былъ перемѣщенъ въ харьковскій учебный округъ. На его мѣсто назначенъ инспекторъ казенныхъ училищъ Михаилъ Владиміровичъ Юзефовичъ, остававшійся на службѣ до назначенія попечителемъ Пирогова.

Къ сонму окружной администраціи сопричислялъ себя и нашъ всемогущій Алексѣй Алексѣевичъ Лазовъ. Придешь бывало въ канцелярію—сидитъ „правитель“ на какомъ то возвышеніи, въ родѣ амвона—настоящій Юпитеръ громовержецъ. Взглянетъ на тебя, да такъ у порога и остановитъ орлинымъ взглядомъ. Скажетъ какую нибудь незначущую фразу, да и прощайте!

И не спроста этотъ гордый бюрократъ присвоилъ себѣ право такъ презрительно—обидно относиться къ труженикамъ разныхъ захолустьевъ—онъ былъ всемогущій властелинъ судьбы ихъ: чрезъ

Библиотека "Руниверс"

него всего можно было достигнуть и мѣсто лучшее получить и въ инспекторы гимназіи попасть. Что захочетъ, то и поднесетъ къ подписи попечителю.

Ректоры Неволинъ и Ѳедоровъ.

Послѣ перемѣщенія Неволина въ петербургскій университетъ, ректоромъ былъ избранъ Василій Ѳедоровичъ Ѳедоровъ, профессоръ астрономіи, благороднѣйшая и добрѣйшая личность, хотя и далеко уступавшій своему предмѣстнику—юристу въ административныхъ способностяхъ. А дѣло извѣстное, что добродушные люди никогда не бываютъ хорошими администраторами.

Василій Ѳедоровичъ принималъ всегда живѣйшее участіе во всѣхъ нашихъ невзгодахъ, помогая намъ своимъ заступничествомъ на экзаменахъ и даже при случаѣ деньгами. Какъ человѣкъ одинокій и чрезвычайно общительный, онъ каждый почти вечеръ приглашалъ къ себѣ двухъ-трехъ казеннокоштныхъ студентовъ на бесѣду, разспрашивалъ о нуждающихся, давалъ полезные совѣты и разсказывалъ забавные анекдоты. Доступностію, простотой обхожденія нашъ ректоръ астрономъ составлялъ совершенную противоположность гордому, неприступному юристу Неволину, который ни разу ни къ одному студенту не заговорилъ по человѣчески. Настоишься бывало въ пріемной, пока онъ выйдетъ изъ своего кабинета, выхватитъ изъ рукъ прошеніе, загляднетъ въ него вскользь и процѣдивъ свою обычную фразу: „въ свое время будетъ объявлено!“—юркнетъ и исчезнетъ за дверью своего кабинета. Носился между студентами слухъ, что когда родная мать его—пономарица, пріѣдя изъ вятской губерніи въ Кіевъ на богомолье, хотѣла повидаться съ своимъ чиновнымъ сыномъ, то онъ не допустилъ ее къ себѣ, выславъ черезъ лакея ассигнацію, какъ нищей.

Въ ректорство Ѳедорова въ университетѣ св. Владиміра между профессорами образовалось двѣ партіи русская и нѣмецкая; къ послѣдней принадлежалъ и самъ ректоръ, какъ воспитанникъ дерптскаго университета.

Въ 1843 году, въ университетской церкви нашей былъ совершенъ обрядъ крещенія еврея Гринбаума. Окончивъ каменецъ-по-

Библиотека "Руниверс"

дольскую гимназію на счетъ кагала, который предполагалъ сдѣлать изъ своего стипендіата ученаго раввина, молодой человѣкъ измѣнилъ своимъ единовѣрцамъ: бросивъ жену и дѣтей, онъ тайно убѣжалъ въ Кіевъ и отдался подъ покровительство ректора, изъявивъ желаніе креститься. Василій Ѳедоровичъ былъ воспріемнымъ отцомъ и далъ ему свою фамилію.

И. М. Скворцовъ совершилъ обрядъ крещенія съ подобающею торжественностію. Посреди церкви была поставлена огромная кадь съ водою. Хотя было очень холодно (это было въ ноябрѣ) жидка раздѣли до нага и трижды окунули съ головой въ ледяную воду; послѣ чего окутали простыней... Неофитъ весь посинѣлъ, дрожалъ...

Нареченный во св. крещеніи Владиміръ Васильевичъ вошелъ въ казенную палату съ прошеніемъ о выдачѣ ему 20 рублей, слѣдующихъ по закону всѣмъ новокрещенцамъ, т. е. выкрестамъ.

По окончаніи университета Ѳедоровъ назначенъ учителемъ греческаго языка во 2-ю кіевскую гимназію, потомъ перешелъ на службу въ канцелярію генералъ-губернатора. Говорятъ, онъ, посредствомъ княгини Васильчиковой, повліялъ на князя и главнымъ образомъ содѣйствовалъ (за крупное вознагражденіе со стороны кагала) великому переселенію іудеевъ въ нашъ богоспасаемый градъ, куда они до того времени пріѣзжали лишь на самое короткое время, не имѣя права жительства.

Университетская полиція.

Gassatim laufunt schnurri
Studentes, pedellque...

Полицейскій персоналъ университета св. Владиміра въ мое время состоялъ изъ инспектора полковника Сычугова, двухъ субъинспекторовъ Гудимы и Троцкаго да трехъ недѣлей. Съ открытіемъ въ 1842 году медицинскаго факультета штатъ полиціи утроился.

Причисленный къ гвардейскому корпусу М. К. Сычуговъ былъ человѣкъ не злой, но безъ всякаго почти образованія. Очутившись волею судебъ въ ученой средѣ профессоровъ и студентовъ, онъ не зналъ, какъ ему быть. Будучи въ ударѣ, полковникъ любилъ иногда бесѣдовать со студентами, причемъ часто попадался въ просакъ.

Библиотека "Руниверс"

— Что вы читаете, г. Вернадскій? спрашиваетъ онъ студента, заѣдавшаго какіе нибудь „зразы съ кашей“ французскимъ романомъ.

Студентъ молча подаетъ ему книгу.

— А, это сочиненіе я давно читалъ... когда еще учился въ университетѣ, говоритъ полковникъ, взглянувъ на заглавіе.

Хотя мы всѣ знали, что нашъ инспекторъ ни въ какомъ университетѣ не былъ, да и романа того тогда еще не было на свѣтѣ, но, не желая портить ему хорошаго расположенія духа, молчали, значительно переглянувшись.

А вотъ и другой фактъ крайняго невѣжества г. полковника:

Въ институтѣ была порядочная библіотека для пользованія казеннокоштнымъ студентамъ; но такъ какъ ею распоряжались сами же студенты, то книги часто зачитывались и исчезали безслѣдно. Узнавши о такомъ безпорядкѣ, попечитель предписалъ инспектору произвести ревизію. Способъ повѣрки наличности книгъ былъ такой: полковникъ, держа въ рукахъ каталогъ, громогласно провозглашаетъ званіе и № сочиненія, а студенты разыскиваютъ книгу и показываютъ ему.

— Сочиненія Гу́мана! выкрикиваетъ инспекторъ.

Послѣ долгаго исканія, ему докладываютъ, что такого сочиненія въ студентской библіотекѣ никогда не бывало; но полковникъ и слышать не хотѣлъ, думая, что книга утеряна.

— Ищите, ищите! говоритъ, вѣрно зачитали да и толкуете, что ее никогда не было. Коли въ каталогъ записана, значитъ должна быть.

— Да позвольте, г. полковникъ взглянуть, какое тамъ точное заглавіе этого сочиненія — можетъ быть ошибка переписчика.

По справкѣ оказалось, что въ каталогѣ значится: De natura humana—Цицерона, а нашъ гвардеецъ сдѣлалъ изъ него Гу́мана.

Два раза въ годъ инспекторъ обязанъ былъ представлять попечителю кондуитные списки студентовъ, составляемые по извѣстной формѣ съ разными рубриками, долженствовавшими охарактеризовать нравственный обликъ каждаго субъекта.

Разъ, съ приближеніемъ срока подачи списковъ, полковникъ, собралъ совѣтъ изъ субъинспекторовъ и неделей, подъ своимъ личнымъ предсѣдательствомъ. Засѣданіе происходило въ канцеляріи инспектора. Застигнутый врасплохъ въ письмоводительской комнатѣ, гдѣ меня, заснувшаго надъ греческими спряженіями, уходя на почту,

Библиотека "Руниверс"

заперъ на ключъ письмоводитель Мирковскій,—я сдѣлался случайнымъ участникомъ совѣщанія экспертовъ-спеціалистовъ по части изученія характеровъ. Лучшими отмѣтками подъ рубриками: „характера тихаго“, „откровеннаго“, „веселаго“ и т. п. воспользовались студенты весьма непривлекательныхъ свойствъ: или неразвитые и пустые шалопаи, или назойливые болтуны и подлипалы; худшими: „скрытаго“, „подозрительнаго“, „строптиваго“, — самые лучшіе юноши, съ виду несообщительные и молчаливые, вѣчно занятые своимъ дѣломъ, или нетерпѣвшіе неправды и несправедливости и нескрывавшіе этого.

— Студентъ А! провозглашаетъ инспекторъ, какого ему?

— Откровеннаго, я полагаю, отозвался одинъ изъ членовъ.

— Помилуйте, Порфирій Петровичъ, какъ можно „откровеннаго“, возразилъ полковникъ, я ему нѣсколько разъ приказывалъ остричься, а онъ и до сихъ поръ ходитъ съ патлами. Влѣпить ему: „подозрительнаго!“

А то и физіогномія иного студента не понравится или педель насплетничаетъ, не получивъ гривенника на табакъ—пиши ему: „скрытнаго“!—Такъ легко и скоро опредѣлялись наши характеры.

При устройствѣ помѣщенія для казеннокоштныхъ студентовъ въ новомъ зданіи, нужно было надъ каждой камерой прибить таблички. По поводу сего нехитраго дѣла, также состоялось засѣданіе членовъ полиціи, безъ участія, впрочемъ, педелей.

— Я полагаю господа, началъ полковникъ, надъ каждой камерой слѣдуетъ надписать „занимательная комната“ № такой то.

— Нѣтъ, возразилъ Гудима, этакъ писать нельзя: такъ говорится, напр., о книгѣ, что она занимательная, а о комнатѣ сказать неудобно.

— По моему мнѣнію, отозвался другой субъинспекторъ Троцкій, слѣдуетъ написать „занимающаяся комната“.

— Что вы, что вы, Порфирій Петровичъ, осадилъ его полковникъ, развѣ комнаты будутъ заниматься—занимаются студенты.

Толковали—толковали, да такъ и оставили вопросъ о табличкахъ открытымъ, его разрѣшилъ ректоръ, велѣвъ написать надъ каждый камерой: „комната для занятій № такой то“.

Нашъ бравый полковникъ, къ сожалѣнію, лишенъ былъ одного изъ пяти внѣшнихъ чувствъ—именно обонянія: „носъ у него былъ

Библиотека "Руниверс"

не въ порядкѣ-съ!“ какъ выразился однажды педель Ѳедоръ-съ. Говорили, что уже послѣ взятія Паскевичемъ Варшавы нашего полковника ранила какая то рьяная патріотка. Кто знакомъ съ фанатизмомъ польскихъ женщинъ, тотъ нисколько не усомнится въ справедливости такого факта. Этотъ, повидимому неважный, физическій недостатокъ экономъ нашъ Чепурковскій ловко эксплоатировалъ въ свою пользу. Когда, напр., студенты выражали свое неудовольствіе на недоброкачественность говядины или сала „до каши“ и жаловались инспектору, то онъ не могъ убѣдиться въ справедливости претензіи, сколько ни нюхалъ поднесенную ему порцію: мы говоримъ воняетъ, а онъ утверждаетъ, что мы капризничаемъ; эконому это и на руку.

Впрочемъ иногда и мы эксплоатировали полковничій носъ. Въ камерахъ, по крайней мѣрѣ до обѣда, куреніе табку запрещалось, но мы курили и увѣряли полковника, что въ комнатѣ не табачный дымъ, а туманъ, вошедшій черезъ открытую форточку.

Былъ у насъ одинъ товарищъ, отличный малый и страстный курильщикъ вакштафу Жукова. Трубка у него была съ длиннѣйшимъ чубукомъ, который студенты прозвали „пикой“. Когда въ новомъ зданіи началось сильное преслѣдованіе за куреніе въ камерахъ, онъ принужденъ былъ, съ сердечной болью, перерѣзать свою пику пополамъ, чтобы удобнѣе было прятать ее въ комодъ.

Однажды, по случаю хорошей погоды, всѣ казеннокоштники разбрелись на прогулку; я почему то остался дома. Проходя по корридору, подлѣ 4-й камеры я услышалъ сильнѣйшій запахъ гари. Подхожу къ дверямъ—заперты на замокъ; прислушиваюсь—что то трещитъ, а дымъ такъ и претъ въ замочную скважину. Понатуживишись, я сломалъ замокъ и чуть не задохся отъ дыму: горѣлъ внутри комодъ, куда нашъ курильщикъ спряталъ непогасшую еще трубку. Уже успѣло сгорѣть все, что было въ двухъ верхнихъ ящикахъ и третій началъ загораться. Побѣжать въ лакейскую и принесть ведро воды—было дѣломъ одной минуты. Огонь былъ залитъ. Еще нѣсколько минутъ и милліонное зданіе, едва успѣвшее отстроиться, сгорѣло бы ни за что, ни про что. Съ недѣлю послѣ этого случая на всемъ 4-мъ этажѣ слышалась сильная гарь и кромѣ меня и виновника этого несчастія никто не зналъ о причинѣ, сколько ни ломали головы субъинспекторы.

Библиотека "Руниверс"

Обязанности помощниковъ инспектора состояли въ контролированіи посѣщенія студентами лекцій и соблюденія ими формы: чтобы сюртуки были застегнуты на всѣ пуговицы, бороды и усы выбриты, головы гладко выстрижены. На разные же дебоши внѣ стѣнъ университета полиція наша смотрѣла сквозь пальцы на томъ разумномъ основаніи, что молодежь, занятая скандальными похожденіями, не станетъ думать о чемъ нибудь этакомъ. Такого, по крайней мѣрѣ, принципа держался дававшій всему тонъ Д. Г. Бибиковъ.

Въ наше время пріобрѣли громкую извѣстность „крестовые походы“ студентовъ. Походовъ этихъ было не три и не четыре, какъ въ средніе вѣка, а немного поболѣе того. Послѣ великой руины, постигшей лучшую часть города—Печерскъ, по случаю постройки крѣпостныхъ башенъ,—не осталось и слѣда этого развеселаго квартала: „яко же духъ пройде въ немь и не будетъ, и не познаетъ ктому мѣста своего“. Роль „Крестовъ“ впослѣдствіе выпала на долю „Андреевской горы“, пока Андрей Николаевичъ Муравьевъ своимъ вмѣшательствомъ не выселилъ падшихъ дѣвъ на Подолъ—за канаву.

Студентскіе кутежи юнѣйшаго изъ русскихъ университетовъ не представляли ничего необыкновеннаго: ими славились съ давнихъ временъ всѣ германскіе университеты съ тою лишь разницей, что нѣмцы, хотя и больше кутили и пили, да ума не пропили, мы же совершенно напротивъ. Германскіе университеты, передавая цѣлыя столѣтія всему міру вѣковые подвиги ума,—нашимъ русскимъ студентамъ передавали лишь разгульную жизнь буршей, вмѣстѣ съ разудалою пѣсню „Gaudeamus“. Шумны были кутежи нѣмецкой молодежи конца XVIII вѣка и странное явленіе: ни одно время не произвело столько геніевъ въ области наукъ и поэзіи, сколько произвела ихъ знаменитая въ исторіи германской культуры эпоха бурныхъ стремленій—Sturm und Drang...

Нынѣшніе нѣмецкіе студенты также кутятъ, вливаютъ въ себя пиво, какъ въ бездонную бочку, дерутся на дуэляхъ, цѣлые годы не берутъ книги въ руки, но потомъ какъ будто перерождаются, начинаютъ работать такъ же прилежно, какъ прежде бражничали и блестящимъ образомъ оканчиваютъ свою ученую каррьеру. Die Iugend muss austoben, говорятъ нѣмцы. Но... должно полагать, что нѣмцу здорово, то русскому смерть...

Библиотека "Руниверс"

Институтъ казеннокоштныхъ студентовъ.

Это благотворительное учрежденіе, оказавшее немалую услугу высшему образованію, служило вмѣстѣ съ тѣмъ, впродолженіе цѣлой четверти столѣтія разсадникомъ учителей гимназій кіевскаго учебнаго округа. „Содержаніе, доставляемое казеннокоштнымъ студентамъ, говоритъ проф. Будановъ, должно быть признано дѣйствительнымъ благодѣяніемъ, предохранявшимъ молодежь отъ растраты силъ и времени на неблагодарные заработки, въ ущербъ научныхъ занятій и отъ того моральнаго озлобленія, которое часто заползаетъ въ душу среди нищеты".

Доставляя недостаточнымъ молодымъ людямъ средства достигнуть высшаго образованія, съ обязательствомъ прослужить не менѣе шести лѣтъ въ должности учителя по назначенію отъ правительства, институтъ ежегодно поставлялъ потребный контингентъ преподавателей для гимназій и дворянскихъ училищъ, которыя, благодаря этому учрежденію, не нуждались въ преподавателяхъ такъ, какъ стали нуждаться, когда института не стало.

Съ 1856 года, при новыхъ „вѣяніяхъ", это въ высшей степени гуманное и полезное учрежденіе представилось въ иномъ освѣщеніи: тогда періодическая печать наша сильно вліяла на общественное мнѣніе; считая закрытыя заведенія вредными, она ополчилась противъ нихъ и главнымъ образомъ содѣйствовала ихъ закрытію. Той же участи не избѣжалъ и институтъ казеннокоштныхъ студентовъ при университетѣ св. Владиміра.

Причины, побудившія совѣтъ къ ходатайству объ его упраздненіи, были слѣдующія: увеличеніе числа воспитанниковъ съ 50 до 150 и происходящій оттого недостатокъ средствъ, при увеличеніи цѣнъ на содержаніе [1]).

Попечитель Пироговъ, раздѣлявшій вполнѣ взглядъ современной печати на закрытыя заведенія, присоединился къ мнѣнію совѣта, прибавивъ отъ себя (какъ доктора) еще одну причину: тѣсноту помѣщенія, низость камеръ; кромѣ того, онъ считалъ закры-

[1]) По штату 1833 года на одного воспитанника полагалось по смѣтѣ 400 рубл. асс., на 1840 годъ по 500 рубл. асс. или 114 руб. 28 коп. серебр., а по уставу 1842 г. 143 руб. сер. на каждаго студента, да кромѣ того на Рождество и на Пасху отпускалось по 110 руб. сереб.

Библиотека "Руниверс"

тыя заведенія для взрослыхъ вредными въ политическомъ, нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ. На основаніи всѣхъ этихъ причинъ, Николай Ивановичъ просилъ министра уменьшить число казенно-коштныхъ воспитанниковъ, хоть на половину; но министерство, считая институтъ учрежденіемъ полезнымъ, согласилось лишь на то, чтобы желающимъ жить на вольныхъ квартирахъ выдавать по 143 руб. сер. въ годъ. Генералъ-губернаторъ кн. Васильчиковъ раздѣлялъ мнѣніе министерства; но Пироговъ въ 1858 году вошелъ снова съ представленіемъ о закрытіи института, замѣнивъ его выдачею стипендій и учрежденіемъ „педагогическихъ курсовъ", которые, однакожъ, ни въ какомъ отношеніи не могли замѣнить прежняго способа приготовленія студентовъ къ учительскому званію. Такъ называемыхъ „кандидатовъ — педагоговъ" бывало на курсахъ всего два-три человѣка, а „руководителей" (профессоровъ и учителей гимназій), получавшихъ вознагражденіе за чисто фиктивные труды, — человѣкъ 15 — 20. Да и тѣ немногіе кандидаты-педагоги, такъ дорого стоившіе казнѣ, весьма неохотно шли въ учителя и уходили въ другія вѣдомства, безъ возврата затраченныхъ на ихъ приготовленіе денегъ.

Другая, весьма значительная часть капиталовъ, оставшихся послѣ закрытія института, обращена на выдачу стипендій.

Деньги студенты стали получать на руки, чѣмъ, казалось, устранено было великое зло, происходившее отъ совмѣстнаго жительства болѣе сотни молодыхъ людей. Но, устранивъ такимъ образомъ воображаемое зло, антагонисты закрытыхъ заведеній, помимо того, что лишали гимназіи готовыхъ преподавателей, въ сущности весьма мало обезпечивали существованіе студентовъ въ матеріальномъ отношеніи: они почти такъ же стали нуждаться, какъ и прочіе бѣдняки, живущіе изо дня въ день впроголодь однѣми репетиціями—за 5—8 рублей въ мѣсяцъ. Разница въ обезпеченіи между бывшими казенно-коштными студентами и нынѣшними стипендіатами—громадна: тогда какъ первые, поступая въ институтъ, получали все необходимое для жизни натурой: теплую и удобную комнату, столъ, одежду, обувь, книги и всѣ учебныя пособія и ни о чемъ не заботились,—стипендіаты, которымъ самимъ предоставлено распоря-

Библиотека "Руниверс"

жаться выданными имъ деньгами, часто не знаютъ, гдѣ будутъ ночевать сегодня, гдѣ придется обѣдать завтра.

По крайней мѣрѣ для себя лично, я считаю мое трехлѣтнее пребываніе въ институтѣ величайшимъ благодѣяніемъ, и не перестану до самой смерти благословлять судьбу и добрыхъ людей, давшихъ мнѣ возможность докончить свое образованіе и быть полезнымъ обществу. Будучи вполнѣ обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи, я всецѣло посвятилъ себя научнымъ занятіямъ, не тратя молодыхъ силъ на безплодную борьбу съ нуждою и неизбѣжными для каждаго бѣдняка житейскими дрязгами, дѣлающими человѣка негоднымъ для регулярной умственной работы и убивающими его морально.

Существованіе института во время моего въ немъ пребыванія можно раздѣлить на два, рѣзко отличающіеся одинъ отъ другаго, періода, какъ въ отношеніи научныхъ занятій, такъ и въ отношеніи образа жизни студентовъ. До 1842 года институтъ помѣщался въ домѣ Бухтѣевой vis à vis съ институтомъ благородныхъ дѣвицъ (нынѣшняя квартира гражданскаго губернатора). Состояніе института въ этотъ періодъ имѣло за собой то преимущество, что онъ по наружному виду и по внутреннему устройству не имѣлъ казеннаго характера, какимъ обыкновенно отличаются закрытыя заведенія. Домъ Бухтѣевой состоялъ изъ главнаго двухэтажнаго корпуса, деревяннаго флигеля для экономa, другаго для субъинспектора Троцкаго и небольшаго фруктоваго сада. Въ первомъ этажѣ главнаго корпуса помѣщались дортуары, столовая и гардеробная, а во второмъ залы для занятій, раздѣленныя глухою стѣной на два отдѣленія: въ одномъ жили юристы, а въ другомъ словесники и математики. Несвязанные никакими обязательствами, подобно словесникамъ и математикамъ, юристы однако жъ, очень часто, не находя мѣстъ по своей спеціальности, добровольно поступали въ учителя, такъ какъ они слушали нѣкоторые предметы вмѣстѣ съ словесниками.

Съ переходомъ университета въ собственное зданіе, въ немъ отведено особое помѣщеніе для института—на 4-мъ этажѣ.

Съ открытіемъ медицинскаго факультета число казеннокоштныхъ студентовъ утроилось; они заняли весь верхній этажъ: словесники,

Библиотека "Руниверс"

юристы и математики помѣщены съ правой, а медики—съ лѣвой стороны. Столовая была общая—на 2-мъ этажѣ. Надобно замѣтить, что мы, первые переселенцы въ новое зданіе, должны были, такъ сказать, собственнымъ дыханіемъ осушать не совсѣмъ еще высохшія стѣны, будучи обречены на жертву разнымъ болѣзнямъ. Если покойниковъ было у насъ немного, сравнительно съ количествомъ заболѣвавшихъ, то этимъ мы обязаны лишь той жизненной силѣ юношескаго организма, которая нерѣдко производитъ чудеса. При всемъ этомъ, пребываніе наше въ сыромъ помѣщеніи отразилось на нашемъ здоровьи впослѣдствіи. Только черезъ годъ послѣ нашего переселенія начальство спохватилось и энергически принялось за осушку зданія посредствомъ желѣзныхъ печей, разставленныхъ по всѣмъ четыремъ этажамъ.

Время нашего новоселья какъ разъ совпало съ открытіемъ медицинскаго факультета; на первомъ этажѣ устроенъ былъ анатомическій театръ въ круглой залѣ подъ костеломъ, а человѣческіе трупы для секцій хранились въ подвалѣ. Стало быть, кромѣ сырости, порча воздуха, которымъ намъ приходилось дышать, еще усилилась отъ разложенія труповъ. А простодушные граждане Подола распустили слухъ, что студенты рѣжутъ по ночамъ людей и прячутъ въ университетскихъ подземельяхъ. Подвалы ихъ воображенію представлялись какими то пещерами, о какихъ говорится въ сказкахъ о разбойникахъ—людоѣдахъ. Жители же прилежащаго къ университету квартала—„Новаго строенія“ нѣсколько смягчили такой ужъ черезчуръ строгій приговоръ подолянъ надъ сынами Эскулапа, утверждая, что студенты рѣжутъ не людей, а жидовъ.

Распространенію такой нелѣпости весьма много способствовало изолированное положеніе университетскаго зданія, кругомъ котораго въ то время на большое разстояніе не было никакого жилья, такъ что въ темныя осеннія ночи не безопасно было проходить запоздалому студенту, хотя и вооруженному, совершенно впрочемъ безвредной, шпаженкой. Были случаи грабежа и разъ чуть не случилось убійства, жертвою коего едва не сдѣлались тѣ же самые медики, которыхъ подозрѣвали въ каннибальскихъ наклонностяхъ.

Вообще говоря, до открытія университета, Кіевъ былъ бѣдный провинціальный городъ. Тамъ, гдѣ нынѣ университетъ, три

Библиотека "Руниверс"

гимназіи, ботаническій садъ—въ дикихъ ярахъ росъ одинъ колючій будякъ; люди, еще живущіе нынѣ, охотились по болотамъ Лыбеди на бекасовъ, а нынѣшній Крещатикъ—это была грязная, глухая низменность, отдѣлявшая Старый городъ отъ Липокъ, гдѣ былъ рядъ дачъ, тонувшихъ въ зелени.

Въ домашнемъ быту казеннокоштныхъ студентовъ едва ли не самая значительная роль выпадала на долю эконома: на его обязанности лежало удовлетвореніе насущныхъ потребностей молодыхъ людей, насыщеніе ихъ желудковъ, отопленіе, освѣщеніе, постройка одежды и т. д. не безъ участія, конечно, главнаго воротилы экономическихъ операцій института—г. полковника.

Пользовавшаяся въ чиновномъ мірѣ былыхъ временъ большою популярностію пословица: „дай намъ казеннаго воробья кормить, мы и корову свою прокормимъ“ — вполнѣ примѣнялась къ нашему почтенному кормильцу Степану Кириловичу Чепурковскому. На его долю выпала благодать кормить не воробья, а людей, на содержаніе которыхъ отпускалась весьма крупная сумма. Не взирая ни на безконечные протесты со стороны студентовъ, ни на угрозы кн. Давыдова—отдать его въ солдаты, Чепурковскій не переставалъ немилосердно эксплоатировать казенныя суммы въ свою пользу. Ему въ глаза говорятъ, что онъ воръ, а онъ улыбается и продолжаетъ свое дѣло съ невозмутимымъ хладнокровіемъ. Оградивъ себя отъ нападеній студентовъ властію инспектора, великаго мастера зажимать рты недовольныхъ крикуновъ, нашъ экономъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на наши претензіи. Какъ только за какимъ нибудь столомъ во время обѣда послышится ропотъ по поводу скверныхъ „лозанокъ съ сыромъ“ или „говядины въ своемъ соку“, г. полковникъ, съ чисто военной тактикой, не обращается къ тѣмъ, которые больше всѣхъ шумятъ, а выберетъ какого нибудь бѣдняка да и накинется на него съ азартомъ:

— Милостивый государь! молитесь Богу, что васъ приняли на казенное содержаніе, а вы еще кричать вздумали? Что бы вы ѣли теперь, если бы васъ лишили казеннаго продовольствія? и т. д.

Зубастыхъ и болѣе достаточныхъ воспитанниковъ онъ никогда не трогалъ, а избиралъ козломъ [redacted] такого, который

Библиотека "Руниверс"

дорожилъ казеннымъ содержаніемъ и разумѣется меньше другихъ шумѣлъ, хотя его желудокъ такъ же требовалъ удовлетворенія, какъ и тѣхъ, которые могли бы насытиться, не прибѣгая къ казенной благотворительности.

Эксплоатація экономa не ограничивалась лишь крупицами, падающими отъ стола студентскаго, главный доходъ его заключался не въ этой дряни. Постройка форменной одежды, бѣлья, обуви, отопленіе, поставка письменныхъ принадлежностей, освѣщеніе — вотъ гдѣ скрывалась цѣлая Калифорнія для нашего кормильца [1]). Помимо плутовскихъ сдѣлокъ съ купцами и подрядчиками, Чепурковскій, открылъ у себя въ квартирѣ лавочку розничной продажи, гдѣ не онъ былъ продавцемъ, а студенты. Дѣло въ томъ, что обезпеченные на счетъ продовольствія, не нуждаясь ни въ квартирѣ, ни въ одеждѣ, ни въ учебныхъ пособіяхъ, мы лишены были карманныхъ денегъ на молочные расходы: нужно было, напр., купить четверку табаку, хоть изрѣдка пойти за четвертакъ въ раекъ, послать письмо къ роднымъ и т. п. Гдѣ взять на это денегъ? Конечно, у экономa. Но экономъ кулакъ, у него не выпросишь въ займы ни за какіе проценты. При томъ же каждый изъ насъ хорошо помнилъ поговорку нѣмецкихъ буршей: Schulden sind keine Haasen sie laufen nicht davon! Поэтому мы не занимали у него денегъ, а продавали ему за полцѣны подлежавшія къ выдачѣ намъ ежемѣсячно вещи, расписываясь въ полученіи ихъ натурой. На вырученные такимъ способомъ деньги мы иногда устраивали скромные кутежи гдѣ нибудь въ погребкѣ Братскаго монастыря (теперь тамъ булочная), состоявшіе изъ нѣсколькихъ рюмокъ краснаго вина, нѣсколькихъ трубокъ Жукова, да селедки или колбасы на закуску. И все это низерное пиршество было приправлено такими задушевными бесѣдами, такими искрометными вспышками остроумія и неподдѣльной веселости! Блаженное время! Счастливые, невозвратные дни неприхотливой молодости!

[1]) На столъ отпускалось по 14 коп. въ сутки на каждаго студента; на учебныя пособія 2 р. с. Чертежныя и рисовальныя принадлежности 28 к., бѣлой бумаги 10 дестей, — 1 р. 70 к., синей — 20 дестей 1 р. 50 к., карандашей 30 въ годъ — 48 к., перьевъ 100 на 10 мѣсяцевъ — 28 коп., чернилъ на 14 к. Сюртукъ, брюки, жилетъ — на одинъ годъ, мундиръ съ брюками на два года, шинель — на 4 года, шляпа и и шпага — тоже на 4 г. Пара сапоговъ, бѣлье, галстухъ, перчатки на 1 годъ.

Библиотека "Руниверс"

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus!
Post exactam juventutem,
Post molestam senectutem
Nos habebit humus!....

А театръ, съ очаровательной актрисой, дочерью антрепренера Рыкановскаго!—сколько наслажденія доставлялъ онъ нетребовательному нашему вкусу! А „ученица славной Тальони", легкая, какъ Сильфида, танцовщица Адель, съ своей очаровательной „дезинкой"! Зыковъ! гдѣ ты? ужели ты не восчувствуешь зуда въ своей честной десницѣ, при воспоминаніи объ этомъ, когда то дорогомъ для тебя имени и не отзовешься ко мнѣ пламенными строками дружеской переписки, которая, увы! такъ давно прекратилась между нами!

И какъ мы волновались и шумѣли, когда отъ начальства вышелъ приказъ не ходить студентамъ въ „рай?" Гдѣ же намъ, бѣднякамъ, съ четвертакомъ въ карманѣ, возсѣдать въ креслахъ, рядомъ съ аристократіей? Но, несмотря на такое воспрещеніе и угрозы полковника, мы и тутъ ухитрялись надуть соглядатаевъ: въ институтѣ имѣлось нѣсколько партикулярныхъ шинелей: подымешь воротникъ выше ушей, да еще и щеку подвяжешь бѣлымъ платкомъ—и никакой фискалъ-педель тебя не узнаетъ, никакая гончая собака—Гудима не нанюхаетъ; а если какимъ нибудь образомъ и узнаютъ—невелика бѣда посидѣть нѣсколько часовъ въ карцерѣ.

Но вотъ, во время заурядныхъ представленій жалкой труппы Рыкановскаго, по Кіеву пронесся слухъ, что къ намъ ѣдетъ геніальный трагикъ Мочаловъ. Засуетилась наша казенная голытьба и стала заблаговременно добывать средства, тѣмъ болѣе, что цѣны на билеты увеличены вдвое. Впродолженіе нѣсколькихъ дней квартира эконома находилась въ осадномъ положеніи. Проданы были не только вещи, слѣдовавшія къ выдачѣ въ текущемъ мѣсяцѣ, но и тѣ, которыя слѣдовало получить въ будущіе мѣсяцы—за цѣлое полугодіе. Къ счастію, по причинѣ возвышенія цѣнъ на билеты, распоряженіе начальства относительно райка было отмѣнено—и вся галлерея наполнилась голубыми воротниками. Переносясь мыслію къ этому времени и провѣряя впечатлѣнія давно минувшихъ лѣтъ, удивляешься тому очарованію, той всемогущей силѣ обаянія, какое производила

Библиотека "Руниверс"

на душу бурная игра Мочалова, не взирая на весьма жалкую обстановку и мизерный ансамбль. Естественно, что при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ полнаго, цѣлостнаго очарованія ни Гамлетъ, ни Отелло произвесть не могли, но мы, слѣдя за геніальной игрой трагика старались игнорировать ломанье другихъ актеровъ, годныхъ лишь для пошлыхъ водевилей и ходульныхъ драмъ.

Вызвавъ изъ памяти цѣлую вереницу типовъ прошлаго, не могу пройти молчаніемъ честнѣйшаго и благороднѣйшаго нашего буфетчика „дядюшку Ѳаддея“, достойнаго по своимъ нравственнымъ качествамъ болѣе выдающейся роли. Кто изъ моихъ товарищей не помнитъ этой замѣчательной личности? Кто изъ насъ не преклонялся передъ нравственной силой этого мощнаго характера? Съ виду до крайности суровый и несообщительный, этотъ бравый усачъ, съ нависшими густыми бровями, изъ подъ которыхъ свѣтились честные сѣрые глаза, пользовался такою любовію и уваженіемъ студентовъ, что рѣдкій изъ насъ, по окончаніи курса, отправляясь на службу, не заходилъ въ столовую проститься съ дядюшкой Ѳаддеемъ самымъ дружескимъ образомъ, удѣляя ему малую толику изъ 90 рублеваго третного не въ зачетъ жалованья“?

Обязанности буфетчика состояли въ выдачѣ обѣда и въ продовольствіи воспитанниковъ чаемъ утреннимъ и вечернимъ. Оставшіяся отъ обѣда и отъ чая порціи сохранялись имъ до слѣдующаго дня. Проголодавшійся студентъ, по возвращеніи домой изъ болѣе или менѣе отдаленной экскурсіи, могъ во всякое время дня и ночи потребовать свою порцію. Чай и сахаръ, развѣшенный съ точностію аптекарскихъ вѣсовъ, не доставлялъ эконому ни малѣйшаго барыша. Институтскихъ лакеевъ Ѳаддей держалъ въ строжайшемъ подчиненіи, съ чисто военной дисциплиной. На несправедливыя требованія студентовъ онъ отвѣчалъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ и суровостію, граничившею съ грубостью. Остатками студентскаго обѣда и чая онъ обдѣлялъ прожорливое лакейство, сверхъ положеннаго ему продовольствія. Себѣ же никогда ничего не оставлялъ, довольствуясь однимъ жалованьемъ.

И не однимъ лишь точнымъ исполненіемъ своихъ скромныхъ обязанностей почтенный нашъ Ѳаддеюшка заслужилъ всеобщее ува-

Библиотека "Руниверс"

женіе: намъ извѣстно было нѣсколько фактовъ, возбуждавшихъ въ насъ удивленіе къ этому старому гвардейцу.

Разъ сидѣлъ я послѣ обѣда въ столовой и занимался. Ѳаддей развѣшивалъ сахаръ на лоты и бросалъ въ симметрически разставленные стаканы. Кто то робко постучался въ дверь, какъ видно не студентъ, а посторонній. Окончивъ свое дѣло, нисколько не торопясь, Ѳаддей отворилъ двери. Вошелъ съ плачемъ крестьянинъ и бухъ ему въ ноги. Это былъ кумъ Ѳаддея. Такое самоуничиженіе ему не понравилось, онъ отвернулся молча и ушелъ за свой буфетный прилавокъ. Давъ куму выплакаться, онъ усадилъ его рядомъ съ собой. Изъ слезнаго разсказа крестьянина я успѣлъ разслышать, что въ Кіевѣ на базарѣ у него „украдено волы", единственное его достояніе и что онъ безъ „худобы" остался нищимъ, „хочъ топися въ Днипри". Долго слушалъ Ѳаддей жалобы своего кума, насупивъ сѣдыя брови и по временамъ шевеля усами, наконецъ всталъ. Громко щелкнулъ замокъ въ буфетномъ шкафу и онъ вынулъ оттуда шкатулку, досталъ изъ нея пачку ассигнацій и, отдавая куму, промолвилъ:

— Возьми это, больше у меня нѣтъ, заработаешь—отдашь. Въ пачкѣ было 75 рублей, припрятанныхъ про черный день изъ маленькаго жалованья.

А вотъ и другой фактъ. Сидимъ мы за вечернимъ чаемъ и разговариваемъ. Къ намъ присоединился одинъ изъ своекоштныхъ товарищей, пришедшій подѣлиться своимъ горемъ: получивъ съ почты 10 рублевую ассигнацію, онъ обронилъ ее гдѣ-то на Крещатикѣ, вслѣдствіе чего хозяйка отказала ему отъ квартиры. Ѳаддей стоитъ за своимъ прилавкомъ и внимательно прислушивается къ разговору.

— А не можете ли вы, примѣрно, сказать, въ какомъ мѣстѣ вы обронили деньги? неожиданно предложилъ онъ вопросъ.

— Я должно быть потерялъ ихъ недалеко отъ почтовой конторы, когда доставалъ изъ кармана платокъ.

Щелкнулъ замокъ, Ѳаддей беретъ съ верхней полки буфетнаго шкапа ассигнацію и отдавая ее студенту, говоритъ:

— Вотъ ваши деньги: я ихъ нашелъ сегодня именно на томъ мѣстѣ, гдѣ вы ихъ обронили, доставая платокъ.

Библиотека "Руниверс"

Совершенный контрастъ дядюшкѣ Ѳаддею представлялъ изъ себя другой инвалидъ—институтскій педель Ѳедоръ-съ. Главнѣйшая его обязанность состояла въ томъ, чтобы отпирать и запирать двери запоздавшимъ послѣ десяти часовъ студентамъ. Это былъ, собственно говоря, швейцаръ, но безъ ливреи. Обо всѣхъ воротившихся позже десяти часовъ онъ на другой день рапортовалъ г. полковнику. Никакія просьбы скрыть отъ инспектора поздній приходъ на него не дѣйствовали.

— Отъ просьбы, какъ и отъ брани, мнѣ нѣтъ никакой пользы-съ, говорилъ онъ обыкновенно, потому, я отвѣчаю за евто за самое-съ передъ своимъ начальствомъ.

Такая рѣчь клонилась къ тому, чтобы ему, какъ церберу, охранявшему двери ада, бросили въ жадную пасть какую нибудь лепешку, въ видѣ пятіалтыннаго.

Очерки институтской жизни.

Первое впечатлѣніе при вступленіи моемъ въ институтъ было неблагопріятно. При всемъ томъ, переходъ отъ существованія впроголодь, близкаго къ нищетѣ,—къ довольству былъ такъ рѣзокъ, что я долго не могъ оріентироваться среди новой обстановки. Все какъ будто не вѣрилось, чтобы такая жизнь продлилась цѣлые годы до окончанія университета. Мнѣ указали учебный столъ между словесниками. Такъ какъ годъ приходилъ къ концу, а одежда студентамъ строилась во время каникулъ, то на меня пригнали въ гардеробѣ готовое, нѣсколько приношенное платье очистившаго мнѣ вакансію товарища. Сокурсникомъ моимъ былъ пока одинъ студентъ Малавскій, отличный музыкантъ, но мало способный къ наукамъ, да и тотъ сторонился отъ меня. Возсоединенный уніатъ, мой коллега плохо говорилъ по русски и больше тянулъ въ сторону поляковъ.

Словесники или, какъ насъ называлъ г. полковникъ, философы, какъ будущіе педагоги, жили между собой дружно; юристы же держали себя особнякомъ, составляя нѣкоторымъ образомъ отдѣльную корпорацію. На половину между ними были поляки, на половину семинаристы, поступившіе на казенное содержаніе по про-

Библиотека "Руниверс"

текціи профессоровъ юристовъ, которые почти всѣ происходили изъ духовнаго званія.

Извѣстно, что поляки, по крайней мѣрѣ наружно, народъ вѣжливый, деликатный: у нихъ grzeczność—первѣйшее условіе порядочности; они ставятъ ее въ иныхъ случаяхъ выше нравственности: безнравственный проступокъ они простятъ скорѣе, чѣмъ niegrzeczność. Какъ во всемъ юго-западномъ краѣ, такъ и въ институтѣ, они старались удержать за собой права интеллигентнаго класса между русскими; но ихъ шляхетскіе нравы все таки не могли пересилить грубой бурсацкой натуры своихъ товарищей и они сами въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подчинились вліянію семинаристовъ, такъ что общій, господствующій тонъ въ средѣ юристовъ отличался тривіальностію и грубостію, напоминавшею собой скорѣе бурсу, чѣмъ университетъ. Не странно ли, напр., было слышать раздававшіеся изъ конца въ конецъ по институтскимъ заламъ, изъ устъ въ уста дикія уличныя клички, которыми юристы надѣляли другъ друга: быкъ, кнуръ, бугай, поросенокъ, муха, куцый, козликъ, Танька (имя извѣстной въ то время проститутки), гадюка и т. п.? Несмотря, однако жъ, на всю свою грубость, клички очень мѣтко попадали въ цѣль, характеризуя особенности каждаго субъекта. Хотя нѣкоторые изъ героевъ этого животнаго эпоса впослѣдствіе занимали не послѣднія ступени на лѣстницѣ чиновной іерархіи, черты ихъ характера не измѣнились: такъ, мнѣ извѣстно, что „гадюка“ и до сего дня остался такою же гадиной, какою мы всѣ знали его во время оно. Чтобы не возвращаться въ другой разъ къ своеобразной личности сего господина, я разскажу о немъ нѣсколько анекдотовъ, рисующихъ нравы нашей институтской общины.

Въ 1839 году въ Кіевъ прибыло нѣсколько семинаристовъ для поступленія въ университетъ. Между ними былъ нѣкто Прокопецъ N, который съ перваго же шагу въ новую для него среду сдѣлался притчей во языцѣхъ.

Въ самой бо́льшей аудиторіи шла лекція богословія, въ сборѣ были студенты всѣхъ курсовъ. Едва они усѣлись по мѣстамъ и по прочтеніи молитвы приготовились слушать от. протоіерея, въ аудиторію проскользнула какая то странная фигура въ бѣломъ парусинномъ балахонѣ „по сіе время“ и, отыскавши глазами образъ,

Библиотека "Руниверс"

начала преусердно молиться; затѣмъ, отвѣсивъ поясной поклонъ профессору, при дружномъ хохотѣ студентовъ, стала пріискивать и себѣ мѣсточко. Не осмѣлившись сѣсть на скамью, рядомъ съ прочими слушателями, чучело это сѣло на подножку задней скамьи: „Ничего, говоритъ, мнѣ и здѣсь будетъ хорошо!“ Это былъ тотъ самый Прокопецъ, гадюка тожъ, о которомъ я хочу разсказать въ предстоящемъ очеркѣ. Съ поступленія въ институтъ для Прокопця начался нескончаемый рядъ преслѣдованій со стороны товарищей. Чѣмъ терпѣливѣе сносилъ онъ насмѣшки, тѣмъ изобрѣтательнѣе на нихъ становились студенты, задавшіеся, какъ видно, цѣлію искоренить въ немъ бурсацкія угловатости. Сознавая свои недостатки, Прокопецъ весьма усердно занялся полировкой своихъ манеръ: не пропускалъ ни одного танцкласса, упражнялся до третьяго пота въ фехтованіи, учился верховой ѣздѣ, даже пробовалъ заучивать французскія фразы для изъясненія въ любви знакомымъ барышнямъ. Не обращая вниманія на насмѣшки товарищей, онъ съ невообразимымъ упорствомъ преслѣдовалъ свою цѣль—сдѣлаться совершеннѣйшимъ джентльменомъ. Но, несмотря ни на танцы, ни на фехтованье, ни на французскіе діалоги съ латинскимъ произношеніемъ—онъ на всю жизнь остался неисправимымъ бурсакомъ, какимъ явился въ первый разъ на лекцію богословія. Быть можетъ, товарищамъ его скоро бы и прискучило возиться съ этимъ антикомъ; натѣшившись вдоволь надъ смѣшными ухватками вѣчнаго семинариста, они, вѣроятно, оставили бы его въ покоѣ, еслибъ къ его угловатой фигурѣ не пристало новое, весьма зловредное качество—подлизываніе къ профессорамъ и даже наушничество. Замѣтивъ въ Прокопцѣ такое ехидство, студенты стали къ нему еще безпощаднѣе и прозвали его „гадюкой“.—Замѣчательно, что всѣ пакости, чинимыя гадюкѣ, исходили главнѣйшимъ образомъ изъ среды такихъ же бурсаковъ, какимъ былъ и онъ самъ. Какъ видно, эти господа соскучились по оставленнымъ въ семинаріи нравами и обычаями и готовы были учинить ему „вселенскую смазь“ или „выжать изъ него масло“, еслибъ только не боялись осужденія со стороны благовоспитанной части товарищей, незнакомыхъ съ такими милыми шутками.

Самая ядовитая изъ такихъ шутокъ, нелишенная впрочемъ юмора, принадлежитъ покойному И. Я. Шульгину (будущему по-

Библиотека "Руниверс"

мощнику попечителя въ Вильнѣ), который, хотя и не происходилъ изъ духовнаго сословія, но получилъ первоначальное образованіе въ семинаріи.

27 февраля утромъ, въ день преподобнаго Прокопія Декаполита, когда еще нашъ дорогой именинникъ находился въ постели, человѣкъ 20 студентовъ, облачившись въ мундиры и надѣвши треуголки, но безъ панталонъ, окружили его ложе. Двое изъ нихъ держали огромной величины хлѣбъ, нарочито заказанный для сего торжества (Прокопецъ истреблялъ за обѣдомъ огромное количество хлѣба). Неудержимый хохотъ проснувшихся студентовъ, при видѣ такой карнавальной процессіи, разбудилъ именинника. И тутъ Иванъ Яковлевичъ, принявъ важную мину, ставши на табуретъ, произнесъ сочиненныя имъ вирши, помѣщаемые здѣсь, ради курьеза.

Возстань отъ сна нашъ присноосклабленный!
Яви намъ лучезарны искры зрака твоего!
Возрадуйся въ сей день, тебѣ тезоименный—
Несемъ ти даръ отъ братства своего.
Возрадуйся и осклабися,
И зубы бѣлыми сіяй,
И яко нѣкіимъ, такъ намъ ты умилися
И гласу нашему внимай!
Великъ бѣ Голіафъ, и силенъ бѣ Давидъ,
Но что сіи предъ славой чрева твоего?
Ничто же есть и бочка Данаидъ,
Егда восхощеши разширити его.
Возрадуйся! утробу днесь возможешь ты согрѣти;
Но первѣе ослабь, елико можеши, попруги
И тѣмъ утѣшиши здѣ зрящи на тя други.
И аще пити хощеши, дадимъ тебѣ всего:
Воды дванадесятъ сосудовъ принесохомъ
И аще хлѣбецъ малъ предъ хлябей чрева твоего—
Прости намъ—большаго во градѣ семъ не обрѣтохомъ!

На поднесенномъ хлѣбѣ была наклеена такая надпись:

Какъ капля, въ море опущенна,
Такъ крошкой предъ тобою я,
И крошкой будетъ вся вселенна,
Егда расширится кишка твоя.

Были между казеннокоштными воспитанниками люди иного пошиба, которые возмущались подобными издѣвками надъ товарищемъ,

Библиотека "Руниверс"

явно высказывая свое неодобреніе; но они составляли незначительное меньшинство. Были между нами и отчаянные франты въ сиреневыхъ перчаткахъ, въ сюртукахъ изъ собственнаго сукна либеральнаго покроя—съ широчайшими рукавами и съ голубой шерстяной матеріи подкладкой, вѣчно раздушенные и скрипящіе лакированными ботинками. У одного изъ такихъ щеголей заботы о своей наружности простерлись до того, что онъ ежедневно смачивалъ квасомъ свои черныя дипломатическія бакенбарды, для приданья имъ металлическаго блеска, а чтобы они плотнѣе прилегали къ щекамъ, укручивалъ ихъ на ночь полотенцемъ. Господинъ этотъ „пустѣйшій изъ самыхъ безтолковыхъ“,—до поступленія въ университетъ былъ нѣсколько лѣтъ юнкеромъ, но когда дядюшка его, Никита Андреевичъ Дьяченко, сдѣлался профессоромъ высшей математики, онъ счелъ болѣе для себя выгоднымъ получить кандидатскій дипломъ и вступить на педагогическое поприще. Не будучи въ состояніи грамотно написать нѣсколько строкъ, этотъ штыкъ-юнкеръ, съ помощію дядюшки, получилъ золотую медаль, за образцовую диссертацію по математикѣ, а по выходѣ изъ университета, будучи уже учителемъ, былъ рекомендованъ тѣмъ же Никитой въ профессоры, на мѣсто Тихомандрицкаго. Къ этому господину я буду имѣть случай вернуться впослѣдствіе.

Ареной, гдѣ фигурировали наши франты былъ Царскій садъ. Туда съѣзжался по вечерамъ весь кіевскій beau monde. Тамъ можно было встрѣтить постояннаго завсегдатая, пріобрѣвшаго печальную извѣстность, убійцу поэта Лермонтова—Мартынова, присланнаго въ Кіевъ на эпитемію—замаливать, подъ руководствомъ о. Василія Панова, тяжкій грѣхъ, онъ же не простится ему ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій!.. Самоувѣренно и гордо шагалъ онъ по главной аллеѣ сада съ своею всегдашнею спутницей, извѣстной куртизанкой Ш — чъ [1]). „Въ бытность свою свою на Кавказѣ Мартыновъ выдѣлялся изъ круга молодежи тѣми физическими достоинствами, которыя такъ нравятся женщинамъ: высокимъ ростомъ,

[1]) Студентъ П—скій побился объ закладъ, что онъ на Крещатикѣ публично поцѣлуетъ Ш-ву и выигралъ пари; Бибикову очень понравилась такая смѣлая выходка.

Библиотека "Руниверс"

выразительными чертами лица и стройностью фигуры. Взглядъ его былъ смѣлъ; вся фигура, фантастическій костюмъ и жесты полны были удали и молодечества". Бѣлый бешметъ, которымъ онъ плѣнялъ сердца пятигорскихъ красавицъ, въ Кіевѣ замѣненъ синимъ халатомъ съ расшитыми по немъ золотыми звѣздами. Какъ теперь вижу его сидящимъ у раскрытаго окна своей квартиры (въ три окна, противъ Царскаго сада), презрительно посматривающаго на проходящихъ.

Въ шумныхъ аллеяхъ желающіе могли познакомиться съ гр. Т—мъ. Пресыщенный чувственными удовольствіями старикъ ловилъ между гуляющими рослыхъ и румяныхъ юношей, предлагая имъ на собственный счетъ на Крестахъ тѣ удовольствія, которыми самъ онъ, отъ истощенія силъ, уже не могъ пользоваться. Объ этомъ развратномъ циникѣ можно сказать то же самое, что сказалъ въ своей автобіографіи фонъ-Брадке о 80-лѣтнемъ фельдмаршалѣ Сакенѣ: „на немъ ясно можно было видѣть, что чувственность не умираетъ даже тогда, когда изсякла возможность удовлетворить её". Кромѣ господъ офицеровъ и юнкеровъ, къ стыду нашей интеллигентной молодежи, и между нашими студентами находились охотники до лакомаго угощенія сіятельнымъ польскимъ магнатомъ...

По вечерамъ, послѣ занятій, институтская зала оглашалась музыкой Малавскаго. Изъ камеръ выскакивали студенты и составлялись танцы; а въ положенные дни въ институтъ приходили учителя искусствъ: танцмейстеръ Дебре́ и гимнастъ Урсо́ и зала оглашалась то звуками скрипки, то воинственными кликами вѣчно пьянаго фехтмейстера: tompez! сопровождаемыми звяканьемъ сабель и рапиръ. Желающіе могли пользоваться и уроками верховой ѣзды у старика Ольшанскаго, сынъ котораго, отличный наѣздникъ, впослѣдствіи былъ избранъ предводителемъ конницы, вошедшей въ составъ той грозной арміи изъ гимназистовъ и студентовъ, которая вышла изъ Кіева по житомирскому шоссе въ 1863 году и была переловлена крестьянами.

Танцмейстеръ нашъ былъ великій комикъ. Онъ весьма удачно копировалъ каждаго танцующаго, за что иногда долженъ былъ выслушивать крупную русскую брань, но онъ прикидывался не понимаю-

Библиотека "Руниверс"

щимъ ни слова по русски. Французу было особенно много возни съ семинаристами, разучившимися подъ ферулой монаховъ и ходить по людски, по причинѣ длиннополой одежды. Они то охотнѣе другихъ накинулись на танцы. Прочіе принимали участіе въ танцахъ, потѣхи ради, „для моціона“. Распотѣшить веселую компанію и побѣсить Дебре́ козлиными прыжками и обезьянними ужимками для нѣкоторыхъ было большимъ удовольствіемъ. Особенно отличался по этой части своекоштный студентъ, жившій въ институтѣ—Кандыба, по адресу котораго было сочинено четверостишіе: ни ракъ, ни рыба и пр. Тутъ же, во время танцевъ, потѣшникъ этотъ пѣлъ иногда преуморительную пѣсню:

Бувъ соби Гриця въ нашей Украини,
Вчився винъ добре та все по латыни...

Съ большимъ комизмомъ выкрикивалъ онъ стихъ, въ которомъ Гриць, пріѣхавши домой на каникулы, началъ въ свиномъ хлѣву учить свиней по латыни: „задавъ свинямъ орацію!“.. пѣсня, очевидно, направлена была противъ бурсаковъ-студентовъ.

Между юристами находился и мой землякъ Денисъ Подпружниковъ, получившій отъ товарищей за свой неукротимый нравъ прозваніе „свирѣпаго“.

„Бываютъ люди, которыхъ съ ранняго дѣтства приходится назвать натурами надломленными, неудачниками, которымъ словно суждено стать рѣшительно въ разрѣзъ со всѣмъ окружающимъ жизненнымъ строемъ“.

Строки эти, относящіяся къ біографіи Свифта, можно отчасти примѣнить и къ моему земляку Денису.

Какъ Свифтъ, упустивши во время уженья большую пойманную рыбу, съ того же момента почувствовалъ себя несчастнымъ неудачникомъ, такъ и Денисъ ожесточился характеромъ именно съ того времени, когда у него, тогда еще гимназиста, почти изъ рукъ ушелъ пойманный имъ на удочку сомъ, давши ему плесомъ пощечину. Родился и выросъ Денисъ въ Новгородѣ-Сѣверскѣ, въ семьѣ, зараженной наслѣдственнымъ порокомъ пьянства. Отецъ его и два старшіе брата погибли въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ; но Денисъ

Библиотека "Руниверс"

какимъ то чудомъ уцѣлѣлъ. Окончивъ гимназію и желая продолжать образованіе, онъ поступилъ на кондицію къ ближайшему помѣщику, чтобы заработать сперва деньги. Но едва онъ успѣлъ пріѣхать въ деревню, какъ на помѣщичьемъ дворѣ появилась маменька, съ требованіемъ отъ него денегъ Не получивъ отъ него ни гроша, она разбранила всѣхъ, начиная съ лакея и кончая самимъ бариномъ. Сыну, конечно, досталось больше всѣхъ. Это неожиданное посѣщеніе матери, опозорившей молодого человѣка въ присутствіи дворни, до того ожесточило его, что онъ, уже отъ природы желчный и подозрительный, во всю остальную жизнь не только не могъ говорить, но слышать о ней безъ гнѣва и волненія.

Землякъ мой былъ въ нѣкоторомъ родѣ историческій человѣкъ: съ нимъ постоянно случались исторіи, чему причиной была его несчастная наружность, а отчасти его неукротимый нравъ. Съ нимъ безпрерывно случалось то, чего съ другимъ никакъ не могло случиться.

Послѣ вступительнаго экзамена въ университетъ, Денисъ отправился въ Лавру, не съ цѣлію помолиться (набожностію онъ не отличался), а просто изъ любопытства. Смѣшавшись съ толпой богомольцевъ, онъ дошелъ до пещеръ, куда, однакожъ, войти не захотѣлъ, а остался у входа. Сидѣвшій у дверей монахъ замѣтилъ это и спросилъ его, отчего онъ не идетъ вмѣстѣ съ другими приложится къ св. мощамъ кіевскихъ угодниковъ?

— Вы, вѣроятно лютеръ или католикъ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ Денисъ, я православный!

— Зачѣмъ же вы пріѣхали въ Кіевъ?

— Учиться въ университетѣ.

— Такъ вамъ, молодой человѣкъ, не мѣшало бы передъ экзаменами помолиться святымъ угодникамъ.

— Я уже выдержалъ экзаменъ.

— Да что съ нимъ, безбожникомъ, толковать? вмѣшался другой монахъ, къ митрополиту его тащи!

Замѣтивъ, что св. отцы намѣревались схватить его и вести къ владыкѣ, Денисъ далъ тягу, укрывшись среди богомольцевъ.

Землякъ мой былъ страстный рыболовъ. Все свободное отъ лекцій время онъ употреблялъ на плетеніе разной толщины лесъ,

Библиотека "Руниверс"

дѣланіе изъ коры поплавковъ и приготовленіе грузилъ. Сидя постоянно сгорбившись у своего учебнаго стола, онъ всю зиму занятъ былъ этой нескончаемой работой или же валялся на грязной постели неделя Ѳедора, куря отвратительную махорку и ведя съ нимъ интимныя бесѣды. Общества товарищей онъ избѣгалъ, предпочитая ему компанство стараго инвалида; но, дождавшись каникулъ, изчезалъ изъ института съ зарею—удить въ Днѣпрѣ рыбу.

Земляковъ своихъ, какъ вообще всего, что напоминало ему милую родину, Денисъ не терпѣлъ; меня же до глубины души ненавидѣлъ, чего я долго не подозрѣвалъ, пока случай не помогъ мнѣ узнать причину такой ненависти. Возвратясь, послѣ первой своей поѣздки на каникулы домой, я привезъ своему земляку письмо отъ его матери. Что заключалось въ семъ родительскомъ посланіи, я не зналъ; но, судя по тому, что Денисъ, при встрѣчѣ со мной, харкалъ и плевалъ, я заключилъ, что я, противъ своего желанія, сдѣлалъ ему большую непріятность, привезши письмо. Мало того, онъ считалъ меня авторомъ его и когда я потребовалъ объясненія, кто взвелъ на меня такую клевету, то онъ указалъ на Васю Глотова, которому будто бы я самъ въ томъ сознался. Потребовалась очная ставка; пошли искать Глотова. Шли мы вдвоемъ на Подолъ, за канаву, молча, не глядя другъ на друга, какъ самые непримиримые враги.

— Ты, Василій Савичъ, говорилъ мнѣ въ прошломъ году, что онъ (указавъ на меня) написалъ ругательное письмо отъ имени моей матери?

— Нѣтъ, я тебѣ этого никогда не говорилъ! отвѣчалъ Глотовъ.

Денисъ харкнулъ и плюнулъ ему прямо въ лицо, а передо мною тутъ же извинился.

Идучи вмѣстѣ съ Подола въ институтъ, я отъ своего милаго земляка между прочимъ узналъ, что онъ цѣлый годъ питалъ ко мнѣ смертельную злобу, что бурсаки-юристы еще больше раздули въ немъ эту вражду, дѣлая ему разныя пакости и сворачивая на меня, какъ на виновника ихъ. Такъ, однажды они бросили ему въ постель дохлую крысу и взвели эту мерзость на меня; утащили изъ моего стола тетрадь и старались увѣрить его въ сходствѣ почерка

Библиотека "Руниверс"

съ письмомъ, привезеннымъ мною отъ матери и т. п. подлости, на какія способны только быки, поросята, кнуры и прочія животныя, наполнявшія юридическія камеры.

— Все это, сказалъ въ заключеніе Денисъ, до того меня ожесточило, что разъ ночью я подходилъ къ вашей кровати съ цѣлію задушить соннаго.

Шли мы по глухой аллеѣ Царскаго сада и когда мой спутникъ разсказалъ мнѣ о своемъ покушеніи на мою жизнь, мнѣ до того стало жутко, что я бросился отъ него въ сторону и выбрался на большую аллею, гдѣ было много гуляющихъ. Только теперь я узналъ, что за свирѣпый человѣкъ этотъ волкообразный Денисъ и на что онъ былъ способенъ въ своей свирѣпости.

На выпускномъ экзаменѣ—опять исторія. Изъ 60 вопросовъ, на которые раздѣлена была чреватая энциклопедія законовѣдѣнія Неволина, Денисъ застраховалъ всего два послѣдніе билета. Выходитъ отвѣчать, беретъ билетъ—застрахованный! Не довѣряя своему счастію, онъ проситъ самого Неволина взять за него билетъ Взялъ билетъ ректоръ, опять застрахованный. Денисъ не вытерпѣлъ: харкнулъ неистово, плюнулъ и въ присутствіи экзаменаторовъ загнулъ крѣпкое словцо судьбѣ-злодѣйкѣ. Хотя, по правиламъ, третьяго билета брать не полагалось, но такъ какъ неудачникъ объявилъ, что онъ только этихъ двухъ вопросовъ не успѣлъ приготовить, то ему дозволили отвѣчать безъ билетовъ. Спросили его по всѣмъ отдѣламъ науки и онъ отвѣчалъ отлично; а все таки кандидатскаго диплома лишился. Сознавая свои природные недостатки, Денисъ не отважился поступить въ гражданскую службу, а избралъ педагогическое поприще и отправился учительствовать въ Черноостровское дворянское училище. Тамъ съ нимъ опять случилась исторія.

Приглянулась ему одна шустрая полька. Не будучи съ нею вовсе знакомъ, Денисъ въ одно прекрасное утро явился къ ея матери съ предложеніемъ себя въ супруги ея единственной дочери. Озадаченная такимъ страннымъ сватовствомъ вдовица отвѣтила ему, что дочь ея вовсе его не знаетъ, но просила бывать у нихъ въ

Библиотека "Руниверс"

домѣ и если онъ успѣетъ заслужить ея расположеніе, то она і owszem очень будетъ рада выдать свою дочь za pana professora [1]).

Началъ мой Денисъ ухаживать за хорошенькою панной очень усердно. Придетъ, сядетъ подлѣ нея и глядитъ на нее молча, какъ козлоногій сатиръ на нимфу. Такъ прошелъ мѣсяцъ. Думая, что испытаніе уже кончилось, т. е. что онъ уже достаточно успѣлъ влюбить въ себя панну, Денисъ пришелъ однажды къ ней съ рѣшительнымъ намѣреніемъ добиться положительнаго отвѣта: да или нѣтъ?

Матери не было дома. Безъ всякихъ прелюдій, мой землякъ обратился къ дѣвушкѣ съ вопросомъ: выйдетъ ли она за него замужъ или не выйдетъ? Получивъ отрицательный отвѣтъ, Денисъ вынулъ изъ кармана баночку съ сѣрной кислотой и откупоривая ее сказалъ: такъ я жъ тебѣ всю физіономію изуродую!

Панна съ ужасомъ выбѣжала на улицу и стала звать на помощь. Сбѣжались сосѣди и влюбленнаго жениха выпроводили изъ дому, принявъ его за помѣшавшагося отъ любви „виріата“.

Со введеніемъ законовѣдѣнія въ гимназіяхъ, Денисъ, какъ юристъ, переведенъ въ волынскую гимназію учителемъ этого предмета. А когда мать подала попечителю просьбу о томъ, чтобы заставили сына помогать ей на старости лѣтъ, то его перевели въ Новгородъ-Сѣверскъ. Въ 1854 году тамъ случился пожаръ, истребившій лучшую часть города; сгорѣлъ при этомъ и домикъ Денисовой матери, но онъ о немъ не столько жалѣлъ, сколько о любимой сукѣ, которую не успѣли спасти.—Еще будучи въ Житомирѣ, онъ женился на полькѣ же. Нашлась таки дура, рѣшившаяся связать свою судьбу съ этимъ дикобразомъ. Лишившись во время пожара лягавой собаки, Денисъ возложилъ ея обязанности на жену, таская ее за собою на охоту и заставляя подбирать убитую птицу и носить охотничьи принадлежности.

Послѣ пожара, неугомонная старуха еще больше стала приставать къ начальству съ своими жалобами. Это наконецъ до того всѣмъ надоѣло, что сына перевели въ Немировъ.

---

[1]) Поляки всѣхъ учителей титулуютъ профессорами, гимназистовъ—студентами, а студентовъ—академиками.

Библиотека "Руниверс"

Къ немалому удивленію всѣхъ знавшихъ свирѣпаго Дениса, по протекціи М. А. Тулова [1]), его сдѣлали инспекторомъ сперва новгородъ-сѣверской, а потомъ черниговской гимназіи, гдѣ онъ распился до безобразія. Сказалась такъ наслѣдственная слабость хоть на старости лѣтъ!

Уволенный въ отставку, онъ отправился въ Житомиръ, гдѣ скоро и умеръ, оставивъ семью въ самомъ бѣдственномъ положеніи.

На выходѣ.

Weg corpus juris, weg Pandecten
Weg mit den theologischen Secten,
Weg mit der Medicinerei—
Von solchen Dingen bleib'ich frei!

(Изъ студентской пѣсни).

Окончивъ свой послѣдній экзаменъ, я далъ себѣ льготу. Намучившія до отвращенія профессорскія записки были сложены, завязаны въ мертвый узелъ снуркомъ и отброшены въ сторону. Наконецъ то, думалось мнѣ, я воленъ въ выборѣ занятій по сердцу! Съ этого времени все, что будетъ вложено въ сокровищницу моей внутренней жизни, все, чѣмъ обогатится мой умъ, моя память— все останется неотъемлемой моею собственностью. Опротивѣли мнѣ эти вѣчные экзамены [2]), обязывающіе каждому встрѣчному давать отчетъ въ своемъ умственномъ достояніи, низводящіе взрослаго развитаго человѣка до степени школяра, вызубрившаго заданный урокъ. Теперь, какъ сказалъ безсмертный Пушкинъ,

..... ты самъ свой высшій судъ,
Всѣхъ строже оцѣнить возможешь ты свой трудъ.

Чувство довольства, знакомое каждому труженику, добросовѣстно выполнившему свой долгъ, пробудило въ душѣ забытыя или

---

[1]) Бывшій послѣ Зимовскаго директоромъ немировск. гимназіи. М. А. Туловъ повыводилъ въ инспекторы и потомъ въ директоры большую часть своихъ сослуживцевъ, въ числѣ которыхъ былъ и Денисъ Подпружниковъ.

[2]) Казенокоштные воспитанники, кромѣ годичныхъ, держали еще полугодичные экзамены.

Библиотека "Руниверс"

точнѣе сдержанныя на время порыванія въ очарованный міръ поэзіи, непереставшей тянуть меня къ себѣ съ гимназической скамьи...

Дай оглянусь!... Непривѣтливо сурово встрѣтила меня жизнь, при моемъ вступленіи въ университетъ. Много было потрачено молодыхъ силъ въ борьбѣ съ нуждою и лишеніями; то было время тяжелаго для меня испытанія; въ такія минуты человѣку не до поэзіи.

И кому же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодный.

Потомъ настало другое время: обезпеченный на все продолженіе университетскаго курса и успокоившись духомъ, я чуть было не свернулъ на старую дорогу, но, къ счастію, скоро отрезвился. Ознакомившись съ истинно художественными произведеніями великихъ поэтовъ и пораженный, уничтоженный недосягаемой высотой ихъ творческой силы и глубиною ихъ идей, я пришелъ къ сознанію собственнаго ничтожества. Неумѣренныя и всегда пристрастныя похвалы друзей, принявшихъ „избытокъ юныхъ силъ и плѣнной мысли раздраженье“ за признаки вдохновенія — перестали волновать мое разгоряченное воображеніе. Непримиримый врагъ всяческихъ увлеченій — разсудокъ сталъ мало по малу вступать въ свои права и на сей разъ сослужилъ мнѣ немалую службу. Какъ отрезвившійся пропойца, я сталъ лучше сознавать свое положеніе, яснѣе различать окружающіе меня предметы. Наконецъ, въ душѣ заговорила и совѣсть: честно ли поступлю я, казеннокоштный воспитанникъ, бросивъ обязательныя для меня занятія, отдавшись личнымъ моимъ вкусамъ? И не въ правѣ ли общество, обезпечившее мое существованіе, потребовать отъ меня въ будущемъ сослужить и ему службу за его жертвы? Не стиховъ оно потребуетъ отъ меня, а знаній... И въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ я размышлять, не для „веселой науки“—этой gaya scienza—провансальскихъ трубадуровъ, я поступилъ въ университетъ. Вѣдь за поэтическое чувство, какъ бы оно сильно не проявлялось, не только не даютъ „доктора чувствительности“, какъ основательно замѣтилъ Неволинъ, но и дѣйствительнаго студента, пожалуй, не получишь. И съ чѣмъ, наконецъ, предстану я предъ своими будущими учениками, любознательность

Библиотека "Руниверс"

которыхъ жаждетъ свѣта, науки, знанія? Чему же я научу ихъ, не обладая самъ научными свѣдѣніями? Нѣтъ, далѣй, далѣй отъ искушенія!

Такія мысли волновали меня, прежде чѣмъ я дошелъ до полной рѣшимости освободиться отъ пагубной страсти „стихоманіи". Людямъ позднѣйшихъ поколѣній покажется страннымъ, что эта страсть могла играть такую важную роль въ жизни развитаго человѣка. Но не слѣдуетъ забывать того обстоятельства, что въ 30-хъ годахъ почти вся наша, такъ называемая, изящная литература приняла стихотворческое направленіе, что всѣ, выходившіе тогда періодическія изданія, не говоря объ альманахахъ, даже газеты были переполнены стихотвореніями разныхъ наименованій. Съ легкой руки Пушкина и блестящей плеяды его подражателей, образовавшихъ „пушкинскую школу", русскій стихъ сталъ достояніемъ всякаго, кто только мало-мальски владѣлъ перомъ. Каждый недоучившійся юноша, ознакомившись съ механизмомъ стихосложенія по книжкѣ Пѣнинскаго, начиналъ писать стихи, воображая себя поэтомъ. Преподаватели русской словесности не только не сдерживали своихъ питомцевъ отъ опасныхъ увлеченій стихотворствомъ, но, въ ущербъ научнымъ занятіямъ, весьма усердно поощряли „незрѣлыя творенія" стихоплетовъ и своими неумѣренными похвалами сгубили не одного даровитаго юношу, раздувъ въ немъ страсть къ стихотворству до чудовищныхъ размѣровъ. Молодые люди часто теряли способность къ серьезному труду, переставали учиться и на всю жизнь дѣлались жалкими мечтателями.

„Наши премудрые педагоги забывали, что многочисленность стихотворцевъ у всякаго народа есть вѣрнѣйшій признакъ его легкомыслія и что самыя поэтическія эпохи въ исторіи всегда представляли самое малое число поэтовъ. Истинные поэты всѣхъ вѣковъ были глубокими мыслителями; но въ 30-хъ годахъ чувство освобождало насъ отъ обязанности мыслить и прельщая легкостью безотчетнаго наслажденія, отвлекало отъ высокой цѣли усовершенствованія (поэтъ Веневитиновъ).

Кромѣ знакомаго уже намъ сѣверскаго поэта Павла Кирилловича Лазаревича, у насъ въ гимназіи было еще нѣсколько до-

Библиотека "Руниверс"

морощенныхъ пiитовъ, изъ которыхъ весьма немногимъ удалось, съ грѣхомъ пополамъ, окончить свое образованіе. Отвѣтственность за ихъ неудачи падаетъ на нашихъ непризванныхъ педагоговъ.

Одною изъ жертвъ педагогическаго недомыслія былъ мой землякъ Діомидъ Рубчевскій, извѣстный у насъ подъ именемъ Дёмы.

Какъ живой, стоитъ передо мной этотъ коренастый дѣтина, съ своей угловатой фигурой, съ выдавшимися скулами щекъ, съ маленькими, глубоко сидящими глазками и съ своею неизмѣнною саркастическою улыбкой. На всѣ шутки и подтруниванья товарищей, надъ его чудачествами онъ всегда отвѣчалъ добродушнымъ смѣхомъ, съ прибавкой вѣчной своей поговорки: „умора!“ или „глупъ какъ сапогъ!“.

Находясь еще въ V классѣ гимназіи, Дёма написалъ на заданную тему стихотвореніе „Смерть Святослава“. Словесникъ нашъ Коконко возьми да и расхвали это „твореніе“, въ присутствіи всего класса. Этимъ, быть можетъ, и окончилось бы поэтическое поприще Демы, но когда онъ увидѣлъ свое произведеніе напечатаннымъ, въ „Трудахъ воспитанниковъ“, при Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—у него закружилась голова. Юноша возмечталъ о себѣ, что онъ просто геній; сталъ чуждаться общества товарищей, по цѣлымъ ночамъ не спалъ, и главное пересталъ вовсе учиться. Хотя гимназію онъ и окончилъ, но, поступивъ въ университетъ, гдѣ потребовалось болѣе усидчивыхъ и серьезныхъ занятій, онъ все время посвятилъ стихотворству. Побывавъ на двухъ трехъ лекціяхъ, онъ порѣшилъ, что ходить въ университетъ не стоитъ. Ни одинъ изъ профессоровъ не удовлетворилъ его любознательности; о каждомъ изъ нихъ онъ отзывался съ пренебреженіемъ; каждый у него былъ „глупъ, какъ сапогъ!“

Окончивъ въ первомъ полугодіи свою поэму „Ванюша малый“, начатую еще въ гимназіи, второе полугодіе Дёма просидѣлъ надъ сочиненіемъ другой поэмы „Ванюша большой“. Находя, что его крѣпкое тѣлосложеніе даетъ слишкомъ большой перевѣсъ плоти надъ духомъ, препятствуя ему проявлять свою творческую силу, чудакъ началъ морить себя голодомъ и съ 1 января 1844 года заключилъ съ хозяйкой условіе давать ему обѣдъ только четыре дня въ не-

Библиотека "Руниверс"

дѣлю, остальные три дня онъ сталъ питаться однимъ чаемъ. Но такъ какъ и это средство не помогло, то Дёма пришелъ къ убѣжденію, что онъ нехорошо понимаетъ свойства тѣлесной природы человѣка, вслѣдствіе чего счелъ нужнымъ прослушать курсъ анатоміи у проф. Вальтера, а затѣмъ заняться изученіемъ психологіи, чтобы лучше ознакомиться съ духовной стороной человѣка и найти такимъ образомъ связь между тѣломъ и духомъ, опредѣливъ съ точностью зависимость души отъ тѣла и т. д. Но планъ этотъ остался безъ исполненія. Побывавъ нѣсколько разъ въ анатомическомъ театрѣ, Дёма свою затѣю бросилъ и прибавилъ къ числу голодныхъ дней еще одинъ.

Что же это за поэма, стоившая нашему товарищу такихъ лишеній? спроситъ любопытный читатель. Насколько я могъ узнать, изъ моихъ частыхъ бесѣдъ съ авторомъ, главная идея его произведенія заключалась въ томъ, чтобы представить въ образѣ „Ванюши“ что то въ родѣ „Вѣчнаго жида“ Кюхельбеккера, проведши своего героя черезъ всѣ періоды и эпохи всемірной исторіи, олицетворивъ въ немъ все человѣчество на разныхъ ступеняхъ его историческаго развитія [1]). Задача, какъ видите, нелегкая.

Принимая въ землякѣ своемъ живѣйшее участіе, я началъ было убѣждать его оставить пока „Ванюшу“ въ покоѣ и заняться предварительно изученіемъ предметовъ, необходимыхъ для уразумѣнія историческихъ судебъ человѣчества: прослушать курсъ всемірной исторіи, познакомиться съ философіей исторіи и исторіей философскихъ системъ, подъ руководствомъ такихъ достойныхъ профессоровъ какъ Новицкій и Авсеневъ, потому-де что философы съ глубокой древности не переставали думать и додумались, втеченіе цѣлыхъ столѣтій, до тѣхъ истинъ, до которыхъ—онъ, Дема, хочетъ дойти собственнымъ умомъ въ продолженіе лишь одного года. Но на всѣ мои доводы чудакъ отвѣчалъ своимъ излюбленнымъ словцомъ: „умора!“ и продолжаетъ писать чуть ли не 20-ю главу своей поэмы.

---

[1]) Въ поэмѣ Кюхельбеккера обозначаются четыре появленія Агасфера: 1) Разрушеніе Іерусалима, 2) Паденіе Рима, 3) Поле битвы, послѣ Бородина и лейпцигскаго побоища, 4) Смерть послѣдняго человѣка.

Библиотека "Руниверс"

Пробовалъ я дѣйствовать на упрямца и другимъ способомъ. Руководясь тѣмъ соображеніемъ, что коль скоро предметъ нашего поклоненія хоть разъ предстанетъ передъ нами въ смѣшномъ видѣ, онъ въ нашихъ глазахъ теряетъ свою цѣну—я написалъ ему посланіе въ стихахъ, изобразивъ въ немъ „Ванюшу“ въ каррикатурѣ: а въ заключеніе выразилъ мысль, что дидактизмъ поэзіи несвойственъ, что если авторъ желаетъ философствовать, то ему изложить свои мысли гораздо удобнѣе прозой, а еще лучше если бы онъ самъ поучился прежде, чѣмъ поучать другихъ и т. д.

На мое посланіе Дёма отвѣтилъ тоже посланіемъ, въ которомъ онъ старается отстоять принятую имъ стихотворную форму для выраженія философскихъ идей—примѣрами древнихъ произведеній. Посланію своему онъ придалъ шутливый тонъ, разсказавъ исторію Пегаса, возившаго поэтовъ на Парнассъ.

Когда крылатому коню надоѣло возить на Парнассъ людей, онъ сталъ проситься въ отставку:

И просьба принята богами
Пегасъ, какъ вихрь, взмахнулъ крылами,
Заржалъ, запрыгалъ и взвился
Стрѣлой подъ небеса:
Не бывъ никѣмъ осѣданъ болѣ,
Пегасъ гулялъ себѣ на волѣ,
Объѣхалъ тысячи планетъ,
Преслѣдовалъ кометъ.

Но, соскучившись „гульней“ ретивый конь подаетъ просьбу богамъ—поступить къ нимъ на службу:

И просьба принята. Юпитеръ—
Въ одну перо, въ другую скипетръ,
Сѣвъ на Пегаса, полетѣлъ
И одой прогремѣлъ.
Смѣялись люди пышной одѣ—
Она была уже не въ модѣ—
И спрыгнулъ, разсердясь, Зевесъ
Съ Пегаса средь небесъ.

За Зевсомъ наѣздничали и другіе боги; одна лишь Минерва скромничала, отговариваясь „незнаньемъ верховой ѣзды“.

Пегасъ печаленъ—нѣтъ работы—
У олимпійцевъ нѣтъ охоты.
Идетъ въ раздумьи самъ не свой,
Бесѣдовать съ судьбой.
Ему отвѣтствуетъ судьбина:
«Оселъ ты, глупая скотина!
Лишь та богиня, что съ совой
Управится съ тобой.

Пегасъ отправляется къ Минервѣ и униженно проситъ ее хоть разъ проѣхаться на немъ.

Библиотека "Руниверс"

Надѣвъ дурачества порфиру,
Минерва показалась міру,
Взяла сову и тотъ же часъ
Махнула на Парнассъ.
Ѣздою люди изумились,
Упали ницъ и поклонились:
Изъ всѣхъ боговъ она одна
Забавна и умна.

Всѣ восхищаются нарядомъ
Слѣдятъ за нею быстрымъ взглядомъ,
Мечтаютъ ей во слѣдъ бѣжать
И стали подражать.
Пегасъ Минервою доволенъ:
Онъ съ нею веселъ, быстръ и воленъ,
Сова плѣнила мудрецовъ,
Дурачества глупцовъ.

Такъ какъ рукопись „Ванюши Большого“ до потомства не дошла, то это посланіе можетъ дать понятіе о достоинствахъ утраченной поэмы.

Въ сентябрѣ я уѣхалъ на службу. Пріятели по временамъ извѣщали меня, что Дёма ни на волосъ не измѣнилъ своихъ привычекъ и продолжаетъ чудить по старому. Наконецъ въ январѣ 1845 года Зыковъ увѣдомилъ меня, что наканунѣ новаго года съ Дёмой случился казусъ. Знакомая многимъ студентамъ молодая и красивая торговка яблоками, извѣстная у насъ подъ именемъ „кузины“, подобно своей прародительницѣ Евѣ, искусила своими яблоками нашего анахорета... „вслѣдствіе чего нашъ Адамъ какъ будто немножко поумнѣлъ и просилъ меня, продолжаетъ Зыковъ, написать тебѣ о своемъ грѣхопаденіи“. Товарищи нагрянули къ нему цѣлою толпой съ поздравленіями, а я, отсутствующій, привѣтствовалъ его „возрожденіе“ одой въ анакреонтическомъ родѣ, начинавшейся стихомъ: Ура! ура! философъ взятъ!...

Близко знавшіе Дему земляки отъ души порадовались благодѣтельной перемѣнѣ въ его образѣ жизни и надѣялись, что онъ наконецъ перестанетъ чудить и примется за дѣло, болѣе полезное; но не тутъ то было.

Въ концѣ февраля, окончивъ своего „Ванюшу“, Дема понесъ его къ М. А. Максимовичу, прося его высказать свое мнѣніе о его любимомъ дѣтищѣ. Отзывъ Михаила Александровича былъ далеко не въ пользу недоноска Ванюши; но авторъ нисколько тѣмъ не смутился: произнесши любимую свою фразу: „глупъ, какъ сапогъ!“ онъ отправился къ другому авторитету—Н. Т. Костырю, въ которомъ онъ надѣялся встрѣтить болѣе компетентнаго критика. Николай Трофимовичъ довольно долго держалъ у себя рукопись „Ванюши“ и наконецъ высказалъ свое мнѣніе на счетъ этого про-

Библиотека "Руниверс"

изведенія. Приговоръ его былъ еще строже. Идя отъ Костыря, Дема, какъ надо полагать, совершенно разочаровался въ своихъ надеждахъ на будущую славу... Горько ему было убѣдиться въ своемъ заблужденіи. Оказалось, что онъ самъ былъ глупъ, какъ сапогъ, а не тѣ, кто изъ желанія ему добра старались отклонить его отъ пагубной страсти къ стихотворству и притянуть къ занятіямъ болѣе производительнымъ.

Что же случилось съ Демой послѣ такого горькаго разочарованія?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ я приведу отрывокъ изъ письма того самаго пріятеля, который такъ сильно заботился о судьбѣ бѣдняка-товарища, попавшаго на скользкій путь сочинительства.

„Любезный другъ! Увѣдомляю тебя о неожиданномъ происшествіи, которое, безъ сомнѣнія, поразитъ тебя, какъ громомъ. Не знаю, съ чего начать? Скажу прямо: Рубчевскій 14 марта утопился. Что побудило его къ этому, постарайся разгадать самъ. За день до того онъ былъ у своихъ товарищей, въ томъ числѣ и у меня; спрашивалъ о твоемъ адресѣ и говорилъ, что приготовилъ тебѣ „закатистое посланіе“... Дема оставилъ прекомическое завѣщаніе, въ силу коего, всю свою мизерію раздѣлилъ, на память, между земляками: кому книги, кому рубахи, кому тюфякъ. Тебѣ завѣщалъ онъ перо, которымъ писалъ своего Ванюшку, мнѣ фуражку, въ которой писалъ по ночамъ, а инспектору Сычугову старые сапоги. Въ заключеніе же прибавилъ: „Иду въ Днѣпръ разрѣшить задачу на кой чортъ созданъ человѣкъ?“ Вотъ такъ выкинулъ штуку! Послѣдніе дни онъ былъ неестественно веселъ и никто не могъ догадаться, что онъ замышляетъ такое недоброе!... 24 марта 1845 г.“

Пораженный такимъ печальнымъ извѣстіемъ, подъ вліяніемъ тяжелаго впечатлѣнія, я въ самый день полученія письма написалъ элегію на смерть Демы и отправилъ ее въ Кіевъ для прочтенія землякамъ.

На смерть Рубчевскаго.

Прощай, мой философъ, злосчастный страдалецъ,
Безрадостный житель печальной земли!
Въ Днѣпрѣ ты укрылся, безлюдный скиталецъ,
И шумныя волны тебя унесли.

Библиотека "Руниверс"

Всю жизнь ты томился химерной мечтою
Постичь недоступныя тайны небесъ
И нылъ безутѣшно пытливой душою,
Безсильный проникнуть въ міръ Божьихъ чудесъ.
За темной завѣсой, за тучей сомнѣній
Скрывается міръ тотъ отъ смертныхъ очей—
Къ нему уносилъ тебя злобный твой геній,
Смѣясь надъ безсиліемъ мысли твоей.
Измученный долгимъ, напраснымъ томленьемъ,
Ты въ вѣчности зрѣлъ лишь желанный предѣлъ—
Къ нему, истомленный земнымъ заключеньемъ,
Разбивши оковы, твой духъ улетѣлъ.
Лишенъ ты могилы, бѣднякъ одинокій,
Никто не оплакалъ кончины твоей,
Безвѣстно ты скрылся въ пучинѣ глубокой—
Въ холодное лоно кипящихъ зыбей:
Привыкшему мыслью парить надъ землею,
Тебѣ былъ бы тѣсенъ подземный пріютъ,
Куда всѣ отходятъ по смерти къ покою,
Гдѣ медленно сирыя кости гніютъ.
Нѣтъ ты не покоя искалъ за могилой:
Ты умеръ, чтобъ тайну проникнуть душой,
Стѣсненной при жизни вещественной силой,
Томившейся долго темницей земной.
Тебя ужасало безмолвье кладбища,
Гдѣ спятъ безмятежно собратья твои,
Кончая насиліемъ юные дни,
Иного искалъ ты по смерти жилища;
Днѣпръ сталъ тебѣ гробомъ: тамъ вѣчно кипитъ
Тревожная жизнь на раздольи широкомъ,
Волна твое тѣло въ себя претворитъ,
А кости зароетъ въ лиманѣ далекомъ...
Не люди свершали обрядъ погребальный
Надъ трупомъ бездушнымъ твоимъ,
Не вѣрилъ ты воплямъ разлуки печальной,
Суровый страдалецъ, степной нелюдимъ!
Людей не встревожилъ твой голосъ прощальный,
Червей не насытилъ ты тѣломъ своимъ.

Другою жертвою той же педагогической безтактности былъ весьма дѣльный и кросивый молодой человѣкъ Матушевичъ. Онъ кончилъ еще хуже нашего стародубскаго поэта-философа—съ ума

Библиотека "Руниверс"

сошелъ. Занимаясь долго писаніемъ безгрѣшныхъ стишковъ, онъ, подъ конецъ университетскаго курса, принялся за сочиненіе философскаго романа, задавшись мыслію, подобно Демѣ, примирить философію съ поэзіей, съ тою только разницей, что сей юноша прослушалъ курсъ философіи, а Дема до всего доходилъ собственнымъ умомъ. Ненормальное состояніе его умственныхъ способностей впервые проявилось у него на гуляньѣ, въ Царскомъ саду, гдѣ публично, во всеуслышаніе, онъ сталъ проповѣдывать о несовершенствѣ всѣхъ философскихъ системъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ и что только одна его собственная система, построенная на религіи католической, докажетъ міру, что значитъ истинная философія. Затѣмъ, въ одно прекрасное утро, онъ явился къ Новицкому и объявилъ, что пришелъ по очень важному дѣлу. Орестъ Марковичъ попросилъ его въ кабинетъ.

— Видите ли г. профессоръ, въ чемъ дѣло: я хочу преобразовать христіанство—оно слишкомъ устарѣло для человѣчества.

Смекнувъ въ чемъ дѣло, Новицкій принялъ надлежащія мѣры; пока реформаторъ развивалъ свою теорію объ устройствѣ новой религіи, онъ послалъ за инспекторомъ и юнаго реформатора свели въ студенческую больницу. Тамъ до пріѣзда родителей онъ находился около двухъ недѣль, не переставая философствовать.

Товарищей онъ не узнавалъ, принимая ихъ за еретиковъ, а полковника постоянно титуловалъ превосходительствомъ. Польщенный такимъ величаніемъ, инспекторъ сталъ увѣрять насъ, что Матушевичъ не совсѣмъ сумасшедшій. Но когда больной принявъ полковника за царя Ирода, намѣревался схватить его за усъ, тогда только испугавшійся гвардеецъ призналъ несчастнаго дѣйствительно помѣшаннымъ.

Въ гостяхъ у монаха.

По окончаніи экзаменовъ мы съ Добрашовымъ совершили фантастическое путешествіе по Днѣпру въ незабвенное Сваромье. Сидя однажды вечеромъ въ Царскомъ саду, мы заглядѣлись на Заднѣпровье: на лугахъ тамъ и сямъ свѣтились огоньки рыбаковъ, широкая полоса Днѣпра сверкала во мракѣ, отражая въ своей

Библиотека "Руниверс"

зеркальной поверхности звѣздное небо. Наслаждались мы этою картиной молча.

— А что еслибъ мы съ тобой, дружище, махнули вверхъ по Днѣпру dahin, dahin, wo die Zitronen blühn? Понимаешь? задалъ я вопросъ.

— Отчего жъ, поѣдемъ, согласился пріятель. Это будетъ даже очень кстати: во первыхъ мы переночуемъ на лугу sub divo, какъ говоритъ Нейкирхъ, а во вторыхъ, я увижу тѣ хваленыя мѣста, о которыхъ ты мнѣ прожужжалъ уши.

Сказано, сдѣлано. На другой же день мы отправились на Подолъ, нашли тамъ сваромцевъ, влѣзли въ дубъ и поѣхали. Пока свѣтило и грѣло солнце и пока не заговорилъ желудокъ, мы блаженствовали.

Къ вечеру, подъѣзжая къ Вышгороду, мы стали томиться голодомъ. Съ собой у насъ не было никакихъ запасовъ. Что дѣлать? Увидѣвъ подъ горой шалашъ, я направился туда добывать провизію. Тамъ я нашелъ семью жидовъ: дѣти въ порванныхъ и грязныхъ рубашенкахъ копошились на полу или лучше на пескѣ; на треногомъ подобіи стола стояла коза, жуя жвачку и тряся своей наполеоновской бородкой; на палатяхъ охала больная старуха; другая еврейка помоложе, мать ползавшихъ по полу дѣтей, стояла возлѣ печки съ рогачомъ и готовила обѣдъ. „Нѣтъ ли у тебя продать чего нибудь съѣстного? „обратился я къ ней черезъ отверстіе въ шалашъ.

— Що у мене есть? мы сами съ голоду дохнемъ, отвѣчала мнѣ болѣзненнымъ голосомъ еврейка.

— А этого не можешь продать? спросилъ я ее, указывая на лежавшую тутъ только что зажаренную рыбу, долженствовавшую насытить цѣлую семью.

— Ну, дайте мени 40 грошей да й возьмить соби.

— А что жъ вы сами будете ѣсть?

— Ну, мы будемъ исты хлибъ та цыбулю. Коза дасть молока дѣтямъ.

Торгъ состоялся. Схвативъ добычу, я побѣжалъ къ рѣкѣ подѣлиться ею съ пріятелемъ. Но увы! отвѣдавши жидовской стряпни, мы скоро разочаровались въ надеждѣ утолить свой голодъ: рыба до того была пропитана перцемъ, что во рту словно огнемъ жгло.

Библиотека "Руниверс"

А тутъ еще предательскій совѣтъ товарища напиться послѣ кушанья воды—хоть на стѣну лѣзь! Но полакомившись рыбой, мы должны были побѣдить другого противника — нестерпимый холодъ ночью надъ водою. Мы убѣдились на опытѣ, что изъ прекраснаго далека все кажется привлекательнѣе: издали мы любовались огнями и завидывали тѣмъ счастливцамъ, которые наслаждались ночлегомъ на лугу, вдыхая въ себя ароматическій воздухъ, пропитанный запахомъ травъ и цвѣтовъ и засыпая здоровымъ сномъ подъ трескъ потухающаго костра. Костеръ то и мы развели, да все таки онъ не могъ согрѣть насъ, весьма легко одѣтыхъ, съ пустымъ желудкомъ, надъ самымъ Днѣпромъ. Сколько мы ни старались согрѣться усиленнымъ движеніемъ и разными гимнастическими упражненіями— ничто не помогало. А вѣдь до Межигорья рукой подать: стоило только обогнуть гору и мы бы покоились на мягкой перинѣ любезнаго кума и благодѣтеля Ивана Маркевича. Къ утру стало еще невыносимѣе. Такъ какъ мы не могли найти достаточно топлива, то костеръ нашъ скоро погасъ. Пристали мы къ хозяину дуба и заставили его продолжать путешествіе, что бы сколько нибудь согрѣться, работая веслами. Ворча и подтрунивая надъ нашимъ горемъ, онъ отчалилъ. Около 7 часовъ утра мы сидѣли уже за чаемъ. Выпивъ по три стакана горячаго чаю да еще съ ромомъ, и плотно покушавши, мы избавились, быть можетъ, отъ опасныхъ послѣдствій простуды и весело продолжали свой путь. Около часу мы были уже въ Сваромьѣ у почтеннаго о. Василія. Въ ожиданіи обѣда, посѣтили завѣтныя мѣста. Насъ сопровождалъ и самъ батюшка, который до того расчувствовался, вспоминая недавнее прошлое, когда жилъ тутъ лѣсничій съ семействомъ, что даже прослезился. Особенно жаль ему было разставаться съ кузиной, къ которой онъ питалъ чувство самой нѣжной привязанности, близкое къ обожанію. Мы посѣтили сельское кладбище, осѣненное столѣтними соснами, число которыхъ значительно убавилось: ихъ весною унесъ Днѣпръ, вмѣстѣ съ костями покойниковъ, отмежевывая собѣ ежегодно часть песчанаго берега и угрожая въ будущемъ цѣлому селенію своимъ непріятельскимъ нашествіемъ[1]). Исчезла подъ водой и половина ого-

[1]) Въ настоящее время, по разсказамъ крестьянъ, мѣсто, гдѣ было село покрылось водой, а жители переселились на болѣе возвышенное.

Библиотека "Руниверс"

рода, гдѣ четыре года тому назадъ росли такіе сочные арбузы... Бровки и Жучки постарѣли и едва узнавали стараго знакомаго полуослѣпшими глазами. Не измѣнился только хозяинъ квартиры лѣсничаго хромоногій Тимишъ, вѣчно веселый и живой, со всегдашнимъ своимъ юморомъ и плутовскою усмѣшкой на рябоватомъ лицѣ.

Посидѣвъ на берегу Днѣпра подъ сосною и насладившись до сыта пріятною бесѣдой о старинѣ, мы отправились къ батюшкѣ на обѣдъ, а послѣ обѣда затѣяли совершить прогулку къ о. Иліодору въ Тарасовичи, версты за четыре отъ Сваромья. Путь лежалъ лѣсомъ, который, благодаря ревностному опеканію казенной собственности гг. лѣсничими, втеченіе четырехъ лѣтъ значительно порѣдѣлъ. Протрясшись порядкомъ на поповской чертопхайкѣ по корнямъ вѣковыхъ сосенъ, мы благополучно прибыли къ монаху и готовы были къ новому, еще обильнѣйшему угощенію. Домъ, занимаемый о. Иліодоромъ, представлялъ собой прекраснѣйшую помѣщичью усадьбу. Окруженный съ трехъ сторонъ лѣсомъ, фасадомъ онъ выходилъ на озеро, соединяющееся съ Днѣпромъ узенькимъ проливомъ и потому изобилующее всевозможными рыбами. Обширный дворъ кругомъ застроенъ сараями, гдѣ приготовлялась рыба въ прокъ бабами изъ Тарасовичей и загроможденъ рыболовными снастями. Въ озерахъ, завѣдываемыхъ о. Иліодоромъ было такое обиліе рыбы, что, не смотря на великое множество лаврскихъ потребителей, остается столько, что ее солятъ и продаютъ, выручая ежегодно весьма почтенную сумму въ пользу св. обители. У крыльца насъ встрѣтилъ честной отецъ своимъ обычнымъ восклицаніемъ: „Ааа! и вы пріѣхали“.

Онъ былъ по домашнему, въ старенькомъ подрясникѣ, подпоясанномъ широкимъ кожанымъ поясомъ, въ остроконечной монашеской шапкѣ. Поздоровавшись съ радушнымъ хозяиномъ, я между прочимъ спросилъ:

— А гдѣ же, отче, ваша лисичка, что тутъ бѣгала по канату съ однаго конца двора на другой?

— Волкъ, бездѣльникъ, волкъ! не повѣрилъ я вамъ, когда вы увѣряли меня что то волкъ, я все думалъ, что лисичка, а онъ, разбойникъ, выросъ, перегрызъ веревку и отблагодарилъ меня за мое о немъ попеченіе: задавилъ двухъ барановъ, что были возлѣ лошадей, да и убѣжалъ въ лѣсъ.

Библиотека "Руниверс"

Дѣло въ томъ, что крестьяне подарили монаху маленькаго волченка, увѣривъ его, что то лисичка. Онъ ее кормилъ и холилъ, стараясь сдѣлать ручною, забывъ народную поговорку: волка сколько ни корми, а онъ все въ лѣсъ смотритъ.

— Просимъ же покорно до моей убогой монашеской хаты!

Вошли, помолились на образа и сѣли.

— Михайло! кликнулъ хозяинъ въ другую комнату, поставьте самоваръ.

Вышла высокая, мрачная фигура, вся обросшая густыми съ просѣдью волосами, взяла двухведерный самоваръ и исчезла съ нимъ молча за дверью. Чаемъ обыкновенно начиналось монашеское угощеніе, въ какое бы время дня и ночи ни пріѣхалъ гость. Чай подавался въ огромныхъ межигорскихъ чашкахъ, вмѣстимость каждой изъ нихъ безъ малаго равнялась вмѣстимости суповой вазы. Выпили мы, по двѣ такихъ порціи, а хозяинъ подноситъ по третьей съ прибавочкой. Не безъ страха приступили мы къ осушенію предложенной чаши, и когда окончили, радушный хозяинъ проситъ выпить еще по одной. Но мы съ Добрашовымъ отказались на отрѣзъ.

— Ото вже, якіе вы! Я монахъ, а колы двухъ чашекъ не выпью съ прибавкой, то и не засну, а вы въ мірѣ живете, вамъ бы слѣдовало больше меня выпить!

Послѣ чаю о. Иліодоръ повелъ насъ въ садъ, со множествомъ сажалокъ, въ которыхъ плавали огромные судаки, лещи, коропа. Хозяинъ предложилъ намъ выбрать на жаркое любыхъ рыбъ. Пойманные, по нашему указанію, исполины отправлены на кухню и едва мы успѣли обойти садъ и пройтись по берегу озера, отставной гвардеецъ Михайло уже успѣлъ съ ними управиться и насъ пригласили закусить. Надобно отдать честь искусству приготовленія блюдъ монашескимъ поваромъ: это не то, что жидовская фишъ— это объѣденіе! Ужинъ сопровождался приличными возліяніями, слѣдуя совѣту римскихъ гастрономовъ: post pisces vinum misces! Наливки и медъ оказались великолѣпными. А между тѣмъ, пока мы смаковали разныя питія, вкусомъ и букетомъ нектару неуступающія, на озерѣ снаряжался огромной величины дубъ для самой лучшей тони, какія только находились во владѣніи о. Иліодора. Желая доставить гостямъ полнѣйшее удовольствіе, хозяинъ устроилъ

Библиотека "Руниверс"

невиданное нами зрѣлище. На дубѣ сидѣло около 30 человѣкъ рабочихъ; сложенный въ образцовомъ порядкѣ неводъ представлялъ цѣлую гору сѣтей. Не знаю доподлинно, сколько было въ немъ саженъ въ длину, не помню хорошо, что ширина его простиралась до четырехъ саженъ. Бросаніе въ воду такой снасти продолжалось около часу; неводъ, съ помощію каната, обхватилъ пространство версты на двѣ въ окружности. О. Иліодоръ, великій знатокъ рыбнаго промысла, все время стоялъ посрединѣ дуба и раздавалъ приказанія. Закинувши неводъ, насъ выпустили на берегъ, гдѣ пылалъ костеръ, озарявшій магическимъ свѣтомъ и озеро, и лѣсъ, и монашескій котеджъ. При заревѣ костра, люди, тянувшіе неводъ и хлестко потрясавшіе по водѣ канатомъ, казались вышедшими изъ хладной глубины озера духами, а неугомонный монахъ метался во всѣ стороны въ зачарованномъ кругѣ, очерченномъ едва замѣтной полосой поплавковъ изъ коры осокоря, недававшихъ неводу погрузиться на дно и державшихъ его грозною стѣной на водѣ. Но вотъ очарованный кругъ мало по малу начинаетъ уменьшаться; вотъ сошлись уже оба крыла и всѣ 30 человѣкъ дружно принялись за самый неводъ. По мѣрѣ приближенія къ берегу „кормы“ крупная рыба, почувствовавъ близкую опасность и не находя себѣ простору, подняла цѣлую бурю. Смиренный инокъ Иліодоръ преобразился въ яростнаго предводителя пиратовъ, во время абордажной схватки: онъ неистово кричалъ, потрясая въ воздухѣ весломъ, бросался по поясъ въ воду, хватался то за одно крыло, то за другое, то бранился, то поощрялъ рабочихъ, пока не притянули къ берегу самой кормы. Увидавъ множество блещущей чешуей рыбы, монахъ издалъ какой то особенный горловой звукъ, не то писк, не то визгъ, не то рычаніе звѣря; однимъ словомъ, что то такое, что напоминало торжество хищника, сжимающаго въ когтяхъ пойманную добычу. Рыбы было громадное количество, и какое разнообразіе: сомы, щуки, лещи, язи, окуни... Да и неудивительно; на этой тонѣ, передъ самыми окнами „Начальника озеръ“, при самомъ входѣ въ Днѣпръ, только три раза въ годъ бросался неводъ. Рыбы всегда здѣсь бываетъ изобильно, но, по словамъ самого монаха, никогда столько не лавливали за одинъ разъ, сколько поймали, на наше счастье, теперь.

Библиотека "Руниверс"

Небывалая удача тони объясняется отчасти и тѣмъ, что неводъ забросили передъ грозой, когда рыба особенно хорошо ловится.

Дѣйствительно, съ запада надвигалась черная туча, предвѣстница грозы. Какъ ни желательно было пересидѣть дождь за бутылкой доброй сливянки, но от. Василію нужно было почему то поспѣшить во свояси. Вѣрно побоялся матушки.

Туча неслась за нами быстро, и едва мы въѣхали въ лѣсъ, гроза разразилась съ страшною силой. Мѳлнія, сопровождаемая оглушительными ударами грома, ежеминутно озаряла непроглядную глубь лѣса, невдалекѣ отъ насъ задымилась громадная сосна, расколотая пополамъ ударомъ молніи, дождь лилъ, какъ изъ ведра, лошаденка нѣсколько разъ падала на переднія ноги, дрожа отъ страха; о. Василій шепталъ молитву—куда тотъ и хмѣль дѣвался.

У насъ на троихъ былъ единственный парусинный зонтикъ, которымъ, по праву владѣльца, пользовался одинъ батюшка. У меня давно уже сухой нитки не было и мнѣ стало завидно, что попъ, одѣтый въ суконную рясу, а слѣдовательно и болѣе меня огражденный отъ враждебной стихіи и безъ помощи зонтика, мало заботился о другихъ. Я попробовалъ завладѣть зонтикомъ хитростію:

— О. Василій! въ вашемъ зонтикѣ мѣдный наконечникъ?

— Да, мѣдный, а что?

— А то, что это очень небезопасно: вѣдь металлъ притягиваетъ электричество—вы знаете?

Вмѣсто отвѣта, батюшка чуть не бросилъ зонтика на землю, но я остановилъ его и устроилъ себѣ защиту отъ дождя.

— А вы зачѣмъ же держите надъ собой зонтикъ? спросилъ онъ.

— Да мнѣ то что? мнѣ нечего бояться—одна голова не бѣдна, за мною никто не заплачетъ. Вотъ вамъ дѣло другое: у васъ семья.

Уже стало свѣтать, когда мы постучались у воротъ церковнаго дома. Хороши мы были тогда! Прежде всего нужно было позаботиться о томъ, что бы сбросить мокрое платье и обсушиться; а такъ какъ у насъ не было другой перемѣны бѣлья, то мы, скинувши все, остались въ томъ, въ чемъ насъ мать родила. За стѣной слышалось змѣиное шипѣнье неспавшей всю ночь матушки.

Ушедши благополучно отъ грома, бури и молніи, батюшка никуда не могъ уйти отъ гнѣва своей супруги. Предметомъ препи-

Библиотека "Руниверс"

рательства между ними была постель для насъ—странниковъ: разсвирѣпѣвшая попадья не только не хотѣла дать намъ никакой постели, но не позволила батюшкѣ предложить намъ рваное одѣяло для прикрытія наготы нашей.

Пока о. Василій возился съ своей неукротимой супругой, мы, отыскали въ шкафчикѣ графинчикъ съ полынной и согрѣли дрожавшее нутро живительною влагой, такъ что, когда вошелъ къ намъ батюшка, волоча за собой цѣлый ворохъ всякой рвани для сооруженія намъ логовища, то мы попотчивали и его, а онъ за то принесъ намъ бутылочку вишневки, а тамъ и самоваръ поспѣлъ. Согрѣвшись такимъ манеромъ окончательно, мы вовсе не ложились спать, а дождавшись, пока высохла одежда, отправились на село искать дуба для обратнаго путешествія, избѣгнувъ тѣмъ способомъ встрѣчи съ новѣжественной хозяйкой, не оказавшей намъ гостепріимства.

Лѣтъ 20 спустя, мнѣ случилось быть въ Лаврѣ. Вошедши въ церковь, я увидѣлъ стоящаго въ „формѣ“ стараго инока. Присмотрѣвшись къ нему, я узналъ о. Иліодора. Онъ былъ уже іеромонахомъ и казначеемъ.

— Зачѣмъ вы, отче, оставили Тарасовичи? тамъ такъ хорошо жилось вамъ когда то на свободѣ, спросилъ я его.

— Что жъ бы я тамъ высидѣлъ? Я былъ тамъ простой монахъ, а теперь меня іеромонахомъ сдѣлали! похвалился онъ.

О честолюбіе! не чуждо ты и людей, отрекшихся отъ міра! И подъ монашескій клобукъ не уйдешь отъ тебя!

Лѣтъ черезъ пять послѣ этого послѣдняго нашего свиданія, о. Иліодоръ принялъ схиму и умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ въ ангельскомъ чинѣ...

Прощаніе съ родиной.

Послѣднія свои студенческія каникулы я провелъ на родинѣ. Избравъ темой для кандидатской диссертаціи „Послѣднее десятилѣтіе русской словесности“ (съ 1834—1844), я разсчитывалъ заняться ею дома, такъ какъ матеріалъ для нея былъ у меня подготовленъ еще въ Кіевѣ; но увлекшись охотой и разными похожде-

Библиотека "Руниверс"

ніями по окрестнымъ весямъ, я рѣшительно ничего не сдѣлалъ путнаго. Написалъ, правда, нѣсколько дружескихъ посланій и стихотвореній въ анакреонтическомъ родѣ, которыя хотя тоже относились къ послѣднему десятилѣтію русской литературы, но большая часть изъ нихъ канула въ Лету, о чемъ, конечно, не очень пожалѣетъ потомство.

Натѣшившись вдоволь охотой, я посвятилъ нѣсколько дней бесѣдѣ съ родными, оставаясь безотлучно дома. Наканунѣ моего выѣзда, ночь была такъ хороша, что я просидѣлъ до зари у растворенная окна своей „келіи“. Полный мѣсяцъ, пробиваясь сквозь густыя вѣтви деревъ, освѣщалъ садъ, располагая къ мечтательности. Тишина была мертвая.

Вдругъ изъ за угла показалась бѣлая фигура. Внезапность такого появленія обняла меня страхомъ. Настроенная на тонъ чудезнаго и таинственнаго фантазія, подъ вліяніемъ балладъ Жуковскаго, готова была вспыхнуть блуждающимъ огнемъ суевѣрія; но послѣ минутнаго испуга, разсудокъ вступилъ въ свои права. Вглядѣвшись въ „привидѣніе“, я узналъ въ немъ сосѣдку Жучиху. Эту несчастную женщину весь городъ считалъ страшною вѣдьмой. Но для меня, прослушавшаго курсъ „Исторіи души“ у П. С. Авсенева, женщина эта показалась лишь жалкою больною. Я тихо назвалъ ее по имени. Она вздрогнула, оглядѣлась вокругъ себя и со слезами стала просить у меня прощенія, сама не зная въ чемъ. Она рѣшительно не сознавала, какъ очутилась въ саду, когда вышла изъ дому и зачѣмъ? При полнолуніи, какъ извѣстно изъ исторіи душевныхъ болѣзней, для страдающихъ лунатизмомъ настаетъ самый трудный періодъ: не проходило ночи, чтобы Жучиху гдѣ нибудь не встрѣтили; не было утра, что бы ее не проклинали сосѣди. Бѣдная женщина! Никто не въ состояніи помочь ей; никто не сжалится надъ нею: всѣ ее чуждаются, боятся, ненавидятъ. Суевѣры—горожане, проходя мимо ея дома, ограждаютъ себя крестнымъ знаменіемъ, нечаянная встрѣча съ ней считается предвѣстіемъ несчастія; родныя дѣти выгоняютъ изъ дома, не будучи въ силахъ переносить попрековъ отъ сосѣдей; съ ея внуками и внучками не хотятъ играть дѣти, уходя отъ нихъ прочь безъ оглядки.

Библиотека "Руниверс"

Спустя нѣсколько дней послѣ описанной встрѣчи въ саду, (поѣздка моя была на нѣсколько дней отложена) въ одно прекрасное утро, чуть только начало свѣтать, по берегу Десны шла торговка изъ Покровской парафіи на базаръ, съ кошикомъ подъ мышкой. Подъ „кручей“, не доходя береговой Васи, содержавшей перевозъ черезъ рѣку, она увидѣла что то бѣлое, медленно двигавшееся ей на встрѣчу, при самой водѣ. Приблизившись, она разглядѣла женщину, съ опущенною на грудь головою, полунагую, съ распущенными по плечамъ волосами. Торговка узнала въ ней Жучиху.

— Домна! Богъ съ тобою, куда ты идешь такъ рано, въ одной сорочкѣ?

Не успѣла она договорить этихъ словъ, какъ больная, услышавъ свое имя, всѣмъ тѣломъ грохнулась о земь и стала биться въ страшныхъ конвульсіяхъ. Черты лица ея безобразно исказились, кости трещали, изо рта клубилась пѣна.

Между тѣмъ совершенно разсвѣло. На зрѣлище сбѣжалась большая толпа любопытныхъ; но никто изъ нихъ не тронулся съ мѣста помочь несчастной, прикрыть ея наготу.

— А що! тараторили кумушки, доигралась, на свого таки наскочила! такъ тобѣ й треба, видюга!.

Такими привѣтствіями осыпали безчувственную больную окружавшіе ее мужчины и бабы.

Прибѣжалъ наконецъ и сынъ Григорій: рознялъ ей зубы, влилъ въ ротъ воды и приводилъ въ чувство, положилъ на телѣгу и повезъ домой, сопутствуемый язвительными насмѣшками прохожихъ.

Вмѣшавшись въ толпу зѣвакъ, долго еще не расходившихся по домамъ, слыша нелѣпые, обидные толки про вѣдьму Жучиху, я попробовалъ вразумить глупое стадо разясненіемъ болѣзненнаго припадка Жучихи, стараясь пробудить въ этихъ темныхъ людяхъ не презрѣніе къ ней, а сожалѣніе, котораго она вполнѣ заслуживала. Я сталъ читать этой буйной толпѣ что-то въ родѣ народной лекціи Соляного-Городка—о лунатизмѣ.

Случалось ли вамъ, любезные мои сограждане, испытывать во снѣ, что вы какъ будто бы ходите, или бѣгаете? Хотя на самомъ дѣлѣ вы не ходите, а лежите въ своей постели, но вамъ кажется что вы ходите. Такіе сны снятся человѣку здоровому. Но есть

Библиотека "Руниверс"

несчастные больные, которые дѣйствительно ходятъ во снѣ, оставляя свою постель, но не переставая спать. Такой болѣзни подвержены бываютъ не однѣ женщины, но и мужчины, молодые и старые, дѣти, страдающія глистами, дѣвицы при достиженіи совершеннолѣтія, пожилыя женщины въ истерическихъ припадкахъ, однимъ словомъ, всѣ тѣ, у которыхъ нутро испорчено, тѣлесныя машины не въ порядкѣ и потому не дѣйствуетъ правильно. Такою то болѣзнію страдаетъ и бѣдная моя сосѣдка Домна Жучиха, которую вы только что видѣли и которую вы позорите, называя ее вѣдьмой. Такія, какъ она, больныя называются „лунатиками.“

1) Они, съ перваго взгляда, совершенно похожи на спящихъ: глаза у нихъ закрыты, или если и открыты, то неподвижны, какъ у мертвеца; уши не слышатъ даже сильнаго стуку—значитъ, они спятъ.

2) Однакожъ, несмотря на свое сонное состояніе, они встаютъ съ постели, ходятъ, занимаются иногда своими дѣлами, взлѣзаютъ на крыши, ходятъ въ темнотѣ по карнизамъ и не падаютъ оттуда. Знающіе музыку играютъ на инструментахъ, поютъ, другіе разсуждаютъ, отвѣчаютъ даже на предложенные имъ вопросы; словомъ, дѣлаютъ то, что они всегда дѣлаютъ днемъ, когда не спятъ. Дѣти, вставши, или твердятъ свои уроки, или идутъ драть воробьиныя гнѣзда, женщины стряпаютъ, наряжаются, молятся или идутъ доить коровъ своихъ, чужихъ и т. п. Нѣкоторые больные склонны въ припадкѣ къ воровству, къ порчѣ вещей своихъ и чужихъ, даже обнаруживается наклонность къ убійству и самоубійству.

3) Похожденія лунатиковъ начинаются, по большой части, въ началѣ новолунія, съ прекращеніемъ мѣсяца становятся чаще, а съ ущербомъ прекращаются. Вотъ отчего больные любятъ бродить при лунномъ свѣтѣ, въ мѣсячную ночь, какъ это было всегда съ Жучихой. Когда случится, что мѣсяцъ зайдетъ за хмару, больные нерѣдко просыпаются, возвращаются домой и ложатся въ постель.

4) Я вамъ уже сказалъ, что самый сильный стукъ не въ состояніи разбудить лунатика, но стоитъ только назвать его по имени—онъ тотчасъ пробуждается. Такъ было и съ несчастной Домной. У меня въ саду, назадъ тому три дня, въ пятницу, я ее окликнулъ и она проснулась, заплакала и пошла домой.

Библиотека "Руниверс"

5) Послѣ пробужденія, больные совсѣмъ не помнятъ о своихъ похожденіяхъ или вспоминаютъ о нихъ такъ, какъ мы, здоровые, вспоминаемъ то, что намъ приснилось.

Лекція моя была прервана дикимъ хохотомъ толпы и осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. „Глупаго учити, что камень докотити“, говорилъ еще въ XII столѣтіи блаженной памяти Даніилъ Заточникъ. Я горячился, укорялъ своихъ согражданъ въ жестокосердіи, а они продолжали скалить зубы. Косоглазый шаповалъ Маслёнка отнесся ко мнѣ съ такою любезностію:

— Бачъ, лыхо ёго батьку, яке учене зробылось, що хоче старыхъ людей навчать! А чи давно воно тутъ по берези съ удочкой бигало.

— Эгежъ! поддакнулы баби: яйця да курей учать!

Это была моя первая и послѣдняя попытка просвѣтить заскорузлые въ непроходимомъ невѣжествѣ умы моихъ согражданъ. Потерпѣвъ fiasco, я, отряхши прахъ отъ ногъ своихъ, направилъ стопы своя на далекую чужбину—проповѣдывать съ учительской каѳедры—межи Чехи и Лехи.

Nemo propheta est patriae suae.

М. К. Чалый.

Библиотека "Руниверс"

ПОДСУДОКЪ.

ОЧЕРКЪ ИЗЪ ВОЛЫНСКОЙ ХРОНИКИ.

НИКОЛАЯ САРНЕЦКАГО.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

I.

Дѣло было въ 184... году.

Въ губернскомъ городѣ Житомирѣ предстояли дворянскіе выборы на новое трехлѣтіе. Изъ среды дворянъ—землевладѣльцевъ избирались губернскій и уѣздные маршалки (предводители дворянства), предсѣдатели и ассесоры отдѣленій главнаго губернскаго суда, депутаты легитимаціонной коммисіи, кураторы (попечители) учебныхъ заведеній, делегаты по ревизіи общественныхъ запасныхъ магазиновъ, наконецъ, судьи и подсудки уѣздныхъ судовъ. Каждый землевладѣлецъ обязанъ былъ явиться въ Житомиръ къ назначенному сроку и въ качествѣ законнаго избирателя предстать въ т. наз. „выборовомъ“ залѣ.

Добраться до Житомира было въ ту пору дѣломъ нелегкимъ, особенно для жителей окрестностей Ковеля, Владиміра и Луцка: приходилось тащиться нѣсколько десятковъ миль на лошадяхъ. О желѣзной дорогѣ тогда имѣли такое же понятіе, какъ о какомъ-нибудь желѣзномъ волкѣ; объ устройствѣ шоссе еще носились лишь темные слухи; дороги были убійственны; сколько-нибудь сносныхъ гостиницъ вовсе не существовало, а

Библиотека "Руниверс"

въ еврейскихъ корчмахъ и „заѣздахъ“ нельзя было ничего добыть, кромѣ водки, пива, яицъ и подозрительнаго молока; встрѣчался правда, вѣчно грязный и испорченный самоваръ или закоптелый котѣлокъ съ фаянсовымъ чайникомъ, безъ крышки или носка; о постели нечего было и помышлять. На дорогу въ Житомиръ приходилось вслѣдствіе этого запасаться полнымъ хозяйствомъ, начиная съ тюфяковъ, подушекъ и одѣялъ, свернутыхъ въ огромные узлы, и кончая коробками, коробочками, ящиками и корзинками со всякаго рода снѣдью, напитками и посудой. Тяжелое было это путешествіе, но всѣ ѣздили аккуратно, исполняя гражданскій долгъ.

Но кромѣ долга нерѣдко и другія причины поддерживали эту любовь къ поѣздкамъ въ губернскій городъ: желаніе получить извѣстную должность, поддержать или провалить того или другого кандидата, развлечься послѣ трехъ лѣтъ соннаго бездѣлья, наконецъ, поддержать и возобновить старыя знакомства и отношенія, узнать что̀ творится на бѣломъ свѣтѣ, и т. д.

Были впрочемъ и такіе что̀ являлись въ Житомиръ лишь въ силу приглашенія отъ маршалка. Для нихъ было совершенно безразлично, кого изберутъ на ту или иную должность. Не желая никого обидѣть, напротивъ, готовые угодить всѣмъ, являлись они въ „выборовую“ залу, брали шары, означавшіе голоса, и заботились единственно о томъ, чтобы не промахнуться и положить свой шаръ непремѣнно вправо, „на аффирматыву“. Исполнивъ такимъ образомъ свой долгъ, они начинали мечтать, какъ бы поскорѣе выбраться изъ этой непривычной сутолоки къ домашнему затишью. Они дивились и въ душѣ даже не одобряли избирателей рьяныхъ и безпокойныхъ, которые, ставъ въ оппозицію и примкнувъ къ извѣстной партіи, поддерживали однихъ кандидатовъ, проваливали другихъ, сѣяли смуту и несогласіе между братьями-дворянами—и тѣмъ самымъ, конечно, отдаляли срокъ, указанный свыше для окончанія выборовъ.

Къ числу такихъ миролюбивыхъ и безпристрастныхъ избирателей безспорно принадлежалъ и панъ Эва́рыстъ, владѣлецъ небольшой деревеньки на Волыни, гречкосѣй, домосѣдъ, словомъ, человѣкъ почтенный во всѣхъ отношеніяхъ. Отдаленная дере-

Библиотека "Руниверс"

вушка, которою онъ владѣлъ, была не изъ послѣднихъ въ своемъ родѣ: поля съ песочкомъ, луга—все на лѣсныхъ мочарахъ. Несмотря на это, панъ Эварыстъ, хозяинъ усердный, а еще болѣе бережливый, при томъ же бездѣтный, мало по малу добился гроша,—его считали однимъ изъ самыхъ зажиточныхъ помѣщиковъ въ уѣздѣ. Пани Эварыстóва, значительно моложе мужа, женщина энергичная и работящая, была что называется завзятой хозяйкой: на нѣсколько миль въ окрестности ни у кого не было такихъ коровъ, такой домашней птицы, никто не приготовлялъ лучшаго масла, превосходнѣйшихъ сыровъ, чудеснѣйшей ветчины или копченаго гуся; а наливки, варенья, повидла, сласти разныя—просто пальчики оближешь. Распорядительная и неугомонная, пани Эварыстóва помогала мужу во всѣмъ хозяйствѣ вообще, и кто знаетъ, весь этотъ порядокъ и разумная бережливость, а затѣмъ и достатокъ—не были-ли они всецѣло дѣломъ пани Эварыстóвой.

Панъ Эварыстъ никогда не занималъ общественныхъ должностей и не нося никакого титула, очевидно, не могъ передать его и своей женѣ.

Между тѣмъ, по традиціонному обычаю, какая-нибудь судейша, подсудкóва или депутатóва пользовались привилегіей первенства къ кругу уѣздныхъ домъ, совершенно независимо отъ своихъ личныхъ достоинствъ. Поэтому, если пани Эварыстóва занимала почетное мѣсто на какомъ-либо публичномъ балу или обѣдѣ, гдѣ присутствовалъ весь уѣздный beau-monde, то этимъ она обязана была исключительно своему достатку, который могъ импонировать. Прилично меблированный домъ, рессорная коляска, четверка бравыхъ коней, дорогое шелковое платье—замѣняли титулъ. И все таки мысль объ этомъ титулѣ не давала покоя пани Эварыстóвой.

Приближалось время поѣздки на выборы.

Въ каждомъ дворянскомъ домѣ и домикѣ царствовало волненіе и бѣготня: выкатывали кареты, брички и фургоны, внимательно осматривали ихъ, исправляли, чистили, подмазывали; далѣе, выбирали лучшихъ лошадей, болѣе пригодныхъ для дальняго пути; приготовляли и упаковывали вещи, укладывали съѣст-

Библиотека "Руниверс"

ные припасы,—словомъ, готовились въ дорогу такъ, чтобы имѣть подъ рукою все необходимое.

Въ домѣ пана Эварыста, гдѣ обыкновенно господствуетъ невозмутимая тишина, теперь совершенная ярмарка: стукъ, шумъ, крики, толкотня, точно, упаси Боже, на пожарѣ. Пани Эварыстóва за всѣмъ присматриваетъ хозяйскимъ глазомъ, собственноручно все приготовляетъ и укладываетъ, въ величайшемъ порядкѣ разставляетъ кострюли, горшки и горшечки, банки, бутылки, связки большія и малыя съ разными надписями: масло, сыръ, солепья, ветчина, птица, печенья, корнишоны, рыжики, повидла, варенье, старка, медъ, малиновка,—развѣ только птичьяго молока не найти здѣсь. Рядомъ на другомъ столѣ выложены горы свѣже-выглаженнаго бѣлья, одежа, постель и разныя разности. Ежеминутно подносятъ что-нибудь еще и еще, то или другое передвигается съ мѣста на мѣсто или исключается, наконецъ, все то, что должно *идти въ дорогу*, заносится въ особый реестрикъ. Неудивительно, если пани Эварыстова, женщина солидной комплекціи, что называется „утопталась“ и просто ногъ подъ собою не чуетъ. Природный румянецъ, подъ вліяніемъ бѣготни и горячаго утюга, залилъ ей теперь все лицо; потъ ручьемъ струился по лбу; выразительныя и отрывистыя приказанія, съ которыми она поминутно обращается къ слугамъ, обличаютъ нѣкоторую горячность, раздражительность и даже дурное расположеніе духа....

Панъ Эварыстъ, не желая мѣшать женѣ, старался держаться подальше и спозаранку отправился въ обходъ по хозяйству: заглянулъ въ клуню, загоны и овчарню, безъ всякой цѣли побродилъ по полямъ, зашелъ на пасѣку; завернулъ затѣмъ въ конюшню, все время болтая съ экономомъ и гуменнымъ; но должно быть темы для бесѣды изсякли, да и пора было что-нибудь перекусить, потому что панъ Эварыстъ возвратился наконецъ въ комнаты. Увидѣвши что здѣсь творится, онъ примостился въ уголку и сталъ машинально перелистывать бердичевскій календарь, который попался ему на глаза.

— Скажи пожайлуста, милый Эварсю,—замѣтила пани съ нѣкоторой ироніей въ голосѣ—зачѣмъ ты ѣздишь на эти выборы? Очень интересно!

Библиотека "Руниверс"

— Ихе!—вздохнулъ панъ Эварыстъ, который обыкновенно прибѣгалъ къ этому средству, если не могъ или не хотѣлъ дать прямого отвѣта на вопросъ.

— Однакожъ?—настаивала пани:—право, интересно-бы узнать.

— Тодуню, душа моя (пани Эварыстóва носила имя Теодосіи), видишь-ли, Тодуню—мягко возразилъ панъ Эварыстъ—ты иногда задашь такой вопросъ, что....

— Такой трудный, что-ли? Странно!—прервала пани брюзгливо.

— Ѣзжу, потому что всѣ ѣздятъ,—обязанъ...

— Всѣ, всѣ—зашипѣла пани—но изъ этихъ всѣхъ одинъ сталъ маршалкомъ, тотъ депутатомъ, тотъ судьей, предсѣдателемъ, ассесоромъ, подсудкомъ, а ты... а ты...

— Вотъ тебѣ разъ! кого выбрали, тотъ и сталъ... дѣло извѣстное, кажется.

— Ну, а ты что же, хуже всѣхъ, что-ли? Не такой же дворянинъ, какъ и всѣ?

— Бога ради, Тодуню...

— И тебя тоже могли-бы выбрать, но ты самъ избѣгаешь, не хочешь. Халатъ и лежанка—вотъ твое излюбленное занятіе и мѣсто! Ради халата ты на все махнулъ рукой,—просто злость разбираетъ, клянусь Богомъ!

Должно быть, послѣднія слова пани Эварыстóвой сопровождались какимъ-нибудь энергическимъ жестомъ, потому что одна изъ стоявшимъ на столѣ бапокъ свалилась на полъ и разлетѣлась въ дребезги.

— Успокойся, Тодуню, ради Бога—умолялъ панъ Эварыстъ.

— Прежде, когда было въ карманѣ пусто,—продолжала пани—сидѣлъ себѣ дома и смотрѣлъ за хозяйствомъ, но теперь, когда слава Богу есть средства, могъ-бы и ты сѣсть на урядѣ, какъ сидятъ другіе—прочіе. Дѣти, что-ли, насъ стѣсняютъ, неоткуда потянуться? Но лежанка, халатъ и... и... немощь, Господи прости—прибавила пани тише.

— Ихе!—тяжко вздохнулъ панъ Эварыстъ.

— Если-бы мною такъ пренебрегали, оттѣсняли, унижали, я имѣла-бы по крайней мѣрѣ настолько самолюбія, что или добивалась-бы своихъ правъ, или сидѣла-бы дома, и ужъ конечно

Библиотека "Руниверс"

ни за какія коврижки не поѣхала-бы на выборы. Одно изъ двухъ: либо то, либо это...

— Да кто же пренебрегаетъ мною, кто оттѣсняетъ? О чемъ ты собственно хлопочешь, Тодуню, право, не пойму.

— Господи, Боже мой—воскликнула пани—смѣхъ людямъ сказать,—онъ не пойметъ! Развѣ не унизительно, что какая-нибудь делегатóва, ничтожество, бывшая горничная Пражмовскихъ...

— Но почему же горничная? Гувернантка—осторожно замѣтилъ панъ Эварыстъ.

— Велика бѣда! Ни я, ни моя мать, ни бабушка никогда не были гувернантками, а та твоя гувернантка, теперь жалкая делегатóва, деретъ носъ, садится впереди всѣхъ и едва удостаиваетъ взглянуть на твою жену, пренебрегаетъ мною, какъ простой шляхтянкой...

Панъ Эварыстъ, понявъ, что собирается жестокая буря, рѣшилъ ретироваться; поэтому всталъ, незамѣтно придвинулъ шапку и уже готовъ былъ скрыться, какъ вдругъ на дворѣ загрохотало, собаки залаяли и къ крыльцу подкатилъ панъ Янъ близкій сосѣдъ пана Эварыста.

— Депутатъ пріѣхалъ—молвилъ панъ Эварыстъ, заглянувъ въ окно, и поспѣшилъ на встрѣчу гостю.

II.

Пока гость явится въ комнату, познакомимъ съ нимъ читателя.

Панъ Янъ получилъ послѣ родителей богатое наслѣдство, обремененное впрочемъ значительными долгами. Ничего не понимая въ хозяйствѣ и еще менѣе въ денежныхъ дѣлахъ, легкомысленный по натурѣ, онъ велъ разгульную жизнь, не думая о будущемъ; въ кружкѣ такихъ же гулякъ онъ былъ ревностнѣйшимъ членомъ и послѣдователемъ. Не было ярмарки, скачекъ, картежной игры, попойки и скандала, гдѣ-бы панъ Янъ не принималъ дѣятельнѣйшаго участія. Состязаясь съ собутыльниками, онъ безъ разсчета тратилъ средства и здоровье и однажды въ пьяномъ видѣ дошелъ до того, что вздумалъ было насильно

Библиотека "Руниверс"

овладѣть молодой дѣвушкой, дочерью бѣднаго шляхтича, которая ему приглянулась. Застигнутый на мѣстѣ преступленія, онъ былъ такъ сильно скомпрометированъ, что долженъ былъ поручить имѣнія управляющему и долго скрывался заграницей, по слухамъ, въ Турціи. Но и здѣсь ему не повезло: присвоивши титулъ барона, онъ сѣялъ деньгами пока были; затѣмъ кажется поступилъ въ военную службу, увлекся какой-то дамой, выдержалъ дуэль и едва отлежался послѣ удара шпаги или съ пулей въ боку. Для такой жизни необходимы были большія средства; поэтому управляющій его, въ виду безконечныхъ требованій денегъ, продавалъ село за селомъ, а когда нѣсколько лѣтъ спустя панъ Янъ вернулся на родину, во владѣніи его оставалась всего одна деревушка, половина которой какъ то уцѣлѣла изъ числа другихъ имѣній.

Какъ бы то ни было, это многолѣтнее шатанье по бѣлу свѣту, эта жизнь полная приключеній, о которыхъ носились самые невѣроятные слухи, наконецъ, свѣтскія манеры и французскій лоскъ, которыми любилъ щеголять панъ Янъ, создали ему извѣстную репутацію на нѣсколько миль въ окрестности. Всякому было понятно, что старый кавалеръ не станетъ сидѣть дома, да и что ему дѣлать въ одиночествѣ въ своемъ разоренномъ гнѣздѣ? Панъ Янъ любилъ общество и сильно скучалъ безъ него; поэтому, когда наступили выборы, кто-то подалъ благую мысль назначить пана Яна депутатомъ по ревизіи общественныхъ запасныхъ магазиновъ. Должность эта, не связанная въ сущности ни съ какими опредѣленными обязанностями, была создана какъ будто спеціально для пана Яна: благодаря ей онъ могъ теперь торжественно разъѣзжать въ качествѣ чиновника отъ села до села, отъ стола до стола, не упуская случая поразвлечься, вкусно поѣсть и попить,—нужно знать, что депутатъ, какъ нарочно, обладалъ просто волчьимъ аппетитомъ.

Время, безжалостно украшая сѣдиною голову депутата, постепенно измѣняло и его характеръ и наклонности, но далеко не къ лучшему. Если прежде панъ Янъ былъ легкомысленъ и забавенъ, то теперь онъ становился смѣшнымъ и несноснымъ; мѣсто побасенокъ объ успѣхахъ на чужбинѣ и видѣнныхъ тамъ

Библиотека "Руниверс"

чудесахъ заняли теперь провинціальныя сплетни; панъ Янъ непрочь былъ при случаѣ и поинтриговать; охотно впутывался онъ въ чужія дѣла, чтобы выступить затѣмъ въ роли непрошеннаго посредника. На выборахъ у него было бездна работы: онъ старался плодить какія-то партіи и кружки, суетился, интриговалъ, однихъ поддерживалъ, другимъ вредилъ безъ всякой нужды, хлопоталъ и толкался безъ толку и смысла, словомъ, былъ истымъ и рьянымъ „выборовичемъ“. Хотя вліяніе депутата ограничивалось тѣснымъ райономъ, но все же съ нимъ приходилось считаться. Нѣкоторые опасались, другіе помыкали имъ, число недоброжелателей росло; а когда кто-то остроумно прозвалъ депутата „лисой“, слово это до такой степени пришлось по вкусу, что достаточно было въ разговорѣ упомянуть о „лисѣ“—всякій понималъ, что рѣчь идетъ о панѣ депутатѣ.

Панъ Эварыстъ, человѣкъ прямой и благодушный, не имѣлъ привычки осуждать своихъ ближнихъ, такъ какъ не вникалъ въ ихъ поведеніе; къ депутату относился просто какъ къ земляку и сосѣду и хотя не чувствовалъ къ нему особенной симпатіи, но принялъ его съ распростертыми объятіями, какъ всякаго гостя. Что касается пани Эварыстовой, то она, нужно сказать, видѣла людей насквозь и поэтому терпѣть не могла депутата, котораго величала не иначе, какъ шалопаемъ и проходимцемъ; но имѣя въ виду близкіе выборы и свой разговоръ съ мужемъ, прерванный пріѣздомъ пана Яна, она сдѣлала привѣтливое лицо, оправила чепчикъ и встрѣтила депутата вѣжливо и любезно.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, начались безконечныя разсужденія о будущихъ выборахъ... Оказалось, что депутатъ уже собрался въ Житомиръ и будто-бы лишь по дорогѣ завернулъ къ сосѣду, хотя сильно спѣшилъ ѣхать, потому что выборы на этотъ разъ должны имѣть рѣшающее значеніе, избирательная борьба предстоитъ жестокая въ виду существованія двухъ враждебныхъ партій, изъ которыхъ одна рѣшила удержать Бобра, а другая—провести въ предводители Швейковскаго.

Депутатъ страшно торопился, толковалъ о массѣ дѣлъ, лежащихъ у него на шеѣ, нетерпѣливо потиралъ руки, какъ будто собирался на какую-то работу, поминутно выскакивалъ на крыльцо...

Библиотека "Руниверс"

но объявленіе хозяйки, что обѣдъ на столѣ, успокоило депутата—остался.

За столомъ, разговоръ о выборахъ не прерывался ни на минуту, и пани Эварыстóва вскользь замѣтила, что обоимъ панамъ лучше-бы отправиться въ одной бричкѣ четверкой, чѣмъ гонять два экипажа, восьмеро лошадей и двухъ кучеровъ. Мысль эта признана была вѣрной и практичной. Послѣ длинныхъ переговоровъ рѣшили взять бричку пана Эварыста, какъ болѣе просторную и удобную, и къ двумъ его коренникамъ припречь пару лошадей депутата, а на козла посадить Омелька, любимца пана Эварыста, превосходнаго кучера и человѣка въ дорогѣ незамѣнимаго. Такимъ способомъ пріятное соединялось съ полезнымъ: путешествовать придется въ компаніи, а расходы на худой конецъ сократятся вдвое. Комбинація эта до чрезвычайности понравилась депутату: онъ сберегалъ бричку, пару лошадей и немало расходовъ; кромѣ того, зная пани Эварыстóву какъ образцовую хозяйку, онъ былъ увѣренъ, что въ дорогѣ не придется жаловаться на голодъ,—краснорѣчивой порукой въ томъ служилъ цѣлый рядъ приготовленныхъ узловъ, которые депутатъ разсматривалъ не безъ любопытства. Поэтому онъ только *pro forma* торговался и возражалъ по вопросу о равновѣсіи въ бюджетѣ, наконецъ во всемъ уступилъ дорогой пани Эварыстóвой и былъ въ чудеснѣйшемъ гуморѣ. Пани Эварыстóва рѣшила воспользоваться такимъ настроеніемъ депутата и какъ-бы невзначай и полушутя замѣтила:

— Не забудь же, панъ депутатъ, и о моемъ старикѣ тамъ на выборахъ.

— Пхе!—смущенно оглянулся на жену панъ Эварыстъ.

— О, о... дорогая пани—отвѣчалъ депутатъ съ низкимъ поклономъ, не понимая въ чемъ дѣло.

— Вотъ уже, помнится, седьмой разъ что̀ мой мужъ ѣздитъ на выборы, и однакоже... господа дворяне слишкомъ нелюбезны съ нимъ. Отчего другимъ почетъ и вниманіе, а о мужѣ никто и не вспомнитъ? Согласись, панъ депутатъ, что обидно и тяжело....

Панъ депутатъ внезапно ударилъ себя рукою по лбу.

Библиотека "Руниверс"

— Ахъ, comme j'aime Dieu, клянусь Богомъ—прервалъ онъ, возвышая голосъ — правду, святую правду сказала дорогая пани!—и тотчасъ-же обратившись въ сторону пана Эварыста, торжественно воскликнулъ:—Просимъ пана Эварыста въ маршалки, просимъ единогласно!...

— Дорогой сосѣдъ шутитъ—возразилъ панъ Эварыстъ съ благодушной улыбкой.

— Нисколько!—продолжалъ депутатъ, нимало не смутившись и съ возрастающимъ жаромъ: — Почему же это невозможно, спрошу? Шляхтичъ на загродьи равенъ воеводѣ, а достоуважаемому сосѣду почему-бы и не быть нашимъ предводителемъ? Вотъ еще!... Вѣдь мы обязаны добиваться—нѣсколько смѣшался ораторъ—чтобы шляхта, демократія, глубокочтимый пане, стала у кормила, и тогда судно, гонимое по бурному... по бурному... океану, достопочтеннѣйшій!.... Ораторъ запнулся, голосъ его пресѣкся.

— Почтеннѣйшій депутатъ—выручилъ его панъ Эварыстъ—все это такъ, конечно, но что меня касается, то я не сталъ бы и мечтать о высокомъ положеніи маршалка. Возможно-ли!...

— Такъ просимъ въ судьи!—нашелся панъ депутатъ послѣ минутнаго размышленія.

— Ни въ какомъ случаѣ! Положеніе судьи не менѣе важно, оно требуетъ извѣстныхъ способностей, знакомства съ законами. Вѣдь судья руководитъ всѣмъ, постановляетъ рѣшенія, чинитъ судъ и расправу...

— Такъ наконецъ и безъ всякихъ отговорокъ—прервалъ депутатъ—просимъ почтеннаго сосѣда въ подсудки! Ни противорѣчій, ни отказовъ! Не уступимъ ни на волосъ и конецъ дѣлу! А что будетъ такъ, достоуважаемый—прибавилъ депутатъ многозначительно—я въ томъ порукой!

И низко поклонился.

Панъ Эварыстъ думалъ было протестовать, но пани не дала ему говорить.

— Не спорь, душа моя,—молвила она мужу—панъ депутатъ лучше нашего посвященъ въ эти дѣла. Разъ онъ предлагаетъ свое содѣйствіе, слѣдуетъ согласиться и поблагодарить. Наконецъ, у

Библиотека "Руниверс"

тебя братъ, который тоже поддержитъ, и какъ-нибудь это устроится, только—прибавила пани лукаво—придется забыть о лежанкѣ...

Нужно сказать, что у пана Эварыста былъ братъ, который владѣлъ деревней по сосѣдству, но получивъ въ приданое за женой имѣніе въ овруцкомъ уѣздѣ, обыкновенно жилъ тамъ.

Часа черезъ два послѣ обѣда, огромная бричка пана Эварыста, вполнѣ снаряженная и представлявшая настоящій возъ сѣна, уже стояла передъ крыльцомъ. Омелько въ новой свиткѣ возсѣдалъ высоко на козлахъ, ежеминутно отплевывался и такъ и сыпалъ чертями, съ презрѣніемъ поглядывая на пару кляченокъ депутата, которыхъ долженъ былъ припречь къ своимъ дышловымъ рысакамъ. Толпа слугъ и домашнихъ глазѣла тутъ же, полусловами выражая свое сочувствіе недовольному Омельку. Дворовые псы, сидя на заднихъ лапахъ, казалось съ нетерпѣніемъ ожидали минуты, когда можно будетъ выпроводить уѣзжающихъ оглушительнымъ лаемъ и пляской впереди лошадей. Наконецъ появились на крыльцѣ господа и депутатъ; пани Эварыстова обнимала мужа, осѣняя его крестнымъ знаменіемъ; депутатъ раскланивался и что-то бормоталъ; слышно было только: „будьте здоровы“, „счастливой дороги“, „до свиданья!“... Оба пана съ великимъ трудомъ взобрались на переполненную бричку; Омелько снялъ шапку, перекрестился трижды и взявъ возжи въ руки, издалъ свое: віо! го!... Лошади тронули разомъ, псы заливались, пыль поднялась столбомъ, окутала весь дворъ, закрыла бричку; нѣкоторое время слышенъ былъ еще грохотъ экипажа, затѣмъ все умолкло... уѣхали!

III.

Нашимъ путешественникамъ предстояло нѣсколько дней пути и нужно было спѣшить, потому что день выборовъ приближался; поэтому ѣхали вскачь, несмотря на отвратительную дорогу (о поддержаніи которой никто не заботился: дожди ее портили, солнце сушило, а колеса бричекъ и возовъ укатывали какъ попало). Сидя въ тряской и неудобной бричкѣ, которая ежеминутно подскакивала, какъ мячъ, наваливаясь то вправо, то влѣ-

Библиотека "Руниверс"

во, наши спутники болтались, толкали и тѣснили взаимно другъ друга; время отъ времени они должны были высаживаться, чтобы исправить что нибудь или обойти пѣшкомъ разоренную плотину, или дырявый мостикъ; ночевали и подкармливали лошадей въ грязныхъ и ободранныхъ корчмахъ—и несмотря на все это, путешествіе не казалось имъ ни тяжелымъ, ни мучительнымъ! Крылась ли причина тому въ привычкѣ, терпѣніи и закаленности, или все объяснялось нѣкотораго рода рѣшимостью отчаянія—важно то, что спутники наши не издавали стоновъ, а наоборотъ, безпечно бесѣдовали другъ съ другомъ и, что́ еще важнѣе, время отъ времени дремали самымъ комфортабельнымъ образомъ, совсѣмъ какъ дома гдѣ-нибудь, въ удобномъ креслѣ передъ каминомъ.

Старая какъ міръ пословица гласитъ:

„Towarzysz w drodze mowny
„Starczy za wozek smarowny.
(Разговорчивый попутчикъ
Стоитъ хорошаго возка).

Именно такимъ попутчикомъ для пана Эварыста былъ депутатъ: рѣчь неизсякаемымъ потокомъ лилась съ его устъ. Онъ разсказывалъ разные случаи и приключенія, импровизировалъ забавныя побасенки и шутки, декламировалъ самые разнообразные стишки въ легкомъ и комическомъ родѣ. Все это забавляло-бы пана Эварыста, если-бы панъ депутатъ не имѣлъ привычки бранить все, что попадалось на пути, сравнивая съ видѣннымъ якобы въ чужихъ краяхъ. Повѣрить пану депутату, оказывалось, напримѣръ, что соловьи поютъ здѣсь хуже, нежели на Рейнѣ; кукушки куковали хрипло и немелодично; скворцы чирикали поворобьиному; виды по Горыни и Случи казались депутату однообразными, безъ простора и перспективы; села—лишены всякой оригинальности и далеко не живописны; палацы и дома, напр. въ Романовѣ и Мирополѣ—неизящны и тяжеловѣсны; равнины утомляли взоръ своею монотонностью, лѣса—скрывали виды, воды—недостаточно прозрачны... Даже сельскія красавицы съ ихъ кокетливыми улыбками не удостоились одобренія пана депутата: куда имъ до тѣхъ, что приходилось видѣть на востокѣ, въ Тиро-

Библиотека "Руниверс"

лѣ, Пиренеяхъ и Богъ-вѣсть въ какихъ еще заморскихъ земляхъ. Все это немного досаждало и сердило пана Эварыста, который упорно доказывалъ, что нѣтъ лучше, какъ свое, и пробовалъ хоть въ чемъ-нибудь разубѣдить депутата. И вотъ, когда минули Чудновъ и углубились въ огромную дубовую пущу въ окрестностяхъ Трехъ-Горъ и Денешъ, панъ Эварыстъ предложилъ небольшую прогулку; замѣтивъ у дороги свѣжій пень недавно срубленнаго гигантскаго дуба, онъ подвелъ сюда пана депутата, растянулся на пнѣ во весь ростъ и воскликнулъ съ торжествомъ:

— Взгляни-ка, дорогой сосѣдъ! Отъ ногъ осталось добрыхъ полтора фута, значитъ дубъ-то не меньше шести локтей въ діаметрѣ!... Вотъ великанъ... вотъ такъ дубъ, пане!

— Ничего особеннаго, сосѣдъ—спокойно возразилъ депутатъ—заграницей такіе дубы—да это просто прутья...

— Ихе!—фыркнулъ возмущенный панъ Эварыстъ и вскочилъ на ноги.

Депутатъ понялъ, что хватилъ черезъ край, и поспѣшилъ исправить дѣло:

— Шутки въ сторону,—дубокъ конечно недуренъ, а этотъ пень—настоящій столъ. Хоть десять персонъ угощай. Сколько разъ случалось бывать въ лѣсу на пикникахъ... въ Фонтенбло́, напримѣръ...

— Ну, что жъ, быть можетъ хоть вдвоемъ закусимъ?—сообразилъ догадливый панъ Эварыстъ.

— Avec plaisir, съ удовольствіемъ,-- отвѣчалъ депутатъ съ пріятной улыбкой.

Омелько принесъ огромную корзину и поставилъ на пнѣ. Депутатъ осушилъ чару старки и уплеталъ за троихъ; все ему пришлось по вкусу, а когда панъ Эварыстъ откупорилъ бутылку малиновки и подалъ полный стаканъ депутату, послѣдній, осушивъ его моментально, поднялъ стаканъ надъ головой и съ улыбкой удовольствія созерцая его, патетически воскликнулъ: цвѣтъ, видъ, вкусъ и запахъ... восхищеніе!

Щелкнулъ языкомъ и прибавилъ:

— Parole d'honneur, клянусь частью, такой прелести, правду сказать, не пивалъ и въ Парижѣ... délicieux!

Библиотека "Руниверс"

— Ну, хоть этимъ угодилъ—подумалъ про себя панъ Эварыстъ.

— Удивительная хозяйка почтеннѣйшая наша пани подсудко́ва—вставилъ депутатъ.

— Ужъ будто и подсудко́ва?—возразилъ панъ Эварыстъ съ улыбкой.—Дорогой сосѣдъ не поймавъ уже скубетъ.

— Слово сказано—не отступлюсь!—настаивалъ депутатъ.—Утро вечера мудренѣе: дѣло вѣрное! Но летимъ, летимъ, дорогой сосѣдъ, нечего мѣшкать, еще три проклятыхъ мили осталось да песокъ въ придачу.

Къ вечеру паши странники прибыли въ Житомиръ. Пока перебрались вбродъ черезъ рѣчку Каменку, протекающую подъ городомъ, и вскарабкались по убійственной мостовой на крутую гору, называемую Чудновской улицей, наступилъ полный мракъ. Заморосилъ дождь, а между тѣмъ нужно было еще доставить пана депутата къ какому-то родственнику, жившему у „Дѣвичьей площади“, затѣмъ отправиться на другой конецъ города и разыскивать постоялый дворъ. Поэтому, когда промокшій и измученный панъ Эварыстъ остановился въ Виленской улицѣ передъ „заѣздомъ“ Тышкевича, гдѣ съ трудомъ нашлась еще незанятая конурка, было уже поздно и оставалось лишь подумать объ отдыхѣ.

Услужливый „мишуресъ“ подалъ самоваръ.

— Ну, что у васъ тутъ новенькаго?—освѣдомился панъ Эварыстъ.

— Слава Богу, все благополучно, ясне-пане.

— Наплывъ большой?

— Ой вей! всѣ ясне-панове уже тутъ, всѣ заѣзды заняты, въ панскихъ домахъ полно, великій гармидеръ, а завтра выборы. Ясне-панъ какъ разъ поспѣлъ.

— Что́ за постой теперь?

— Два злоты.

— Да ты въ своемъ ли умѣ!—воскликнулъ панъ Эварыстъ—за что такъ дерете?

— Вѣрьте совѣсти, ясне-пане! Станція и конюшня на четверку, а выборы—не въ счетъ?

Библиотека "Руниверс"

— Овесъ по чемъ?

— Четверикъ на десять гарнцевъ по злоту, съ сѣчкой.

— Вотъ деруть безбожно... А обѣдъ?

— Обѣдъ? тоже по злоту. Не хуже какъ у Микульскаго—тамъ беруть два злоты и полрубля, а никто не скажетъ, что деруть,—на то фанаберія!

— Ну помни же: завтра утромъ подай самоваръ да приведи цирульника волосы стричь. Больше ничего.

— Ничего?—повторилъ мишуресъ, простоялъ еще съ минутку какъ бы въ раздумьи и вышелъ озираясь.

IV.

Несмотря на усталость, панъ Эварыстъ долго не могъ уснуть. Мысль о предстоящихъ выборахъ, о кандидатурѣ, которую нужно было поставить въ угоду Тодунѣ, о вмѣшательствѣ депутата, которое что-то не улыбалось пану Эварысту, наконецъ, о возможной удачѣ—все это до крайности волновало нашего героя: онъ ворочался на постели, стоналъ, вскакивалъ, закуривалъ трубку, снова укладывался и только подъ утро захрапѣлъ такъ сильно и глубоко, что проснулся уже поздно. Нужно было торопиться, панъ Эварыстъ вскочилъ, кликнулъ „мишуреса“ и поспѣшно приступилъ къ туалету. Тутъ возникли новыя и непредвидѣнныя затрудненія: въ послѣдніе три года панъ Эварыстъ, очевидно, такъ располнѣлъ, что парадное его убранство, въ особенности мундиръ, оказывалось тѣснымъ; тщательно сберегаемыя бѣлыя перчатки рѣшительно не вмѣщали всѣхъ пяти пальцевъ; сапоги, вычищенные на-славу, какъ то ссохлись и сжимали ногу какъ въ тискахъ; по мѣстамъ не доставало пуговицъ. Панъ Эварыстъ страшно измучился и даже выбранился раза два,—случай необыкновенный, но просто силъ не было! Съ превеликимъ трудомъ удалось наконецъ застегнуть мундиръ: панъ Эваристъ долженъ былъ задержать дыханіе и вытянуться въ струнку по-военному; онъ энергично топнулъ ногой, приводя въ порядокъ сапоги, сунулъ перчатки въ карманъ, напялилъ треуголку и сердито поглядѣлся въ зеркало. „Какъ есть чучело»—подумалъ панъ Эва-

Библиотека "Руниверс"

рыстъ и поспѣшилъ на Бердичевскую улицу, гдѣ находилась „выборовая“ зала.

Онъ пришелъ какъ разъ во время. Вся улица была запружена разнообразными экипажами, которые подъѣзжали ежеминутно; толпа зѣвакъ преграждала всякій доступъ. Комиссаръ для наблюденія за порядкомъ, Сташевскій, дѣтина огромнаго роста, дѣлалъ безплодныя попытки осадить наваливавшую отовсюду толпу. Панъ Эварыстъ съ великимъ трудомъ протолкался въ переднюю, но проникнуть въ залъ не было никакой возможности: толкотня была такая, точно въ церкви передъ великой заутреней. Именно въ эту минуту всѣ наличные избиратели *in gremio*, съ губернаторомъ и маршалками во главѣ, двигались рядами по залу, для участія въ молебствіи и принесенія затѣмъ присяги въ соборѣ.

Панъ Эварыстъ присоединился къ дворянамъ своего уѣзда и тутъ только впервые примѣтилъ брата и сосѣдей по имѣнію. Вся процессія чинно и въ молчаніи двинулась въ соборъ.

Блиставшій тысячью огней, изукрашенный вѣнками зелени и цвѣтовъ, роскошный храмъ былъ переполненъ публикой, которая толпилась здѣсь съ самаго утра. Пріѣхавшія на выборы и мѣстныя дамы занимали обширный притворъ. Всѣ находились подъ впечатлѣніемъ торжества, которое началось величественными, мелодическими звуками орга́на... Наконецъ взошелъ на каѳедру правившій службу капелланъ, съ осанкой торжественной и важной. То былъ прелатъ Куликовскій, нѣкогда профессоръ кременецкаго лицея, а теперь ректоръ мѣстной семинаріи, знаменитый въ свое время проповѣдникъ: онъ обыкновенно говорилъ проповѣдь на торжественномъ богослуженіи въ день открытія выборовъ.

Послѣ привѣтствія присутствующимъ и нѣсколькихъ теплыхъ словъ по адресу тѣхъ, которые сидѣли здѣсь три года назадъ, теперь же „перешли въ жизнь вѣчную, полную таинственнаго свѣта, очамъ разума непостижимаго“, ораторъ разсказалъ слушателямъ басню о лѣсныхъ деревьяхъ, которыя просили масличное дерево взять ихъ подъ свой скипетръ. Отвѣтъ масличнаго дерева, которое не желало разстаться съ своимъ жиромъ,—

Библиотека "Руниверс"

намекая на лицъ, подъ разными предлогами уклонявшихся отъ общественной службы,—ораторъ передалъ такъ: „Зачѣмъ связывать себя узами долга, когда мнѣ милѣе домашнее затишье, сладкое бездѣлье, послѣобѣденный сонъ и лежанка“...

Панъ Эварыстъ поднялъ очи на проповѣдника и подумалъ „Неужели прелатъ въ заговорѣ съ моей Тодуней“.

По окончаніи службы и пѣнія „Te Deum“ избраннымъ хоромъ клириковъ подъ управленіемъ викарія Кендзерскаго и капеллана Боратынскаго, избиратели возвратились въ „выборовую“ залу.

По дорогѣ панъ Эварыстъ сообщилъ брату о своихъ честолюбивыхъ планахъ касательно мѣста подсудка.

— Неужели же, милый мой, тебѣ надоѣло домашнее спокойствіе? удивился братъ.

— Чудакъ ты!—возразилъ панъ Эварыстъ—развѣ не слышалъ что говорилъ нашъ проповѣдникъ?

— Слышалъ... но, дорогой мой, это не касается насъ, стариковъ. Мы свое отжили; теперь иное время, новыя понятія, выдвигаются молодыя силы—дадимъ имъ дорогу и удалимся на покой благодарить Господа.

— Вѣрно! Но, говоря между нами—прибавилъ панъ Эварыстъ, понижая голосъ—Тодуня просто сама не своя...

— Ага! Ну, такъ бы и сказалъ... что-жъ, рискни! Для начала вотъ тебѣ мой голосъ... и дастъ Богъ, увидимъ!

— И депутатъ обѣщалъ...

— Депутатъ! Не вѣрь ему, братъ! это... лиса...

Избиратели явились на сей разъ въ залъ собственно лишь для провѣрки списка лицъ, имѣвшихъ право голоса, и для соблюденія другихъ необходимыхъ формальностей, послѣ чего всѣ *in gremio* отправились въ домъ губернскаго предводителя, который по обычаю устраивалъ въ этотъ день завтракъ... Маршалокъ Бобръ жилъ открыто, кухня и винный погребъ были у него снаряжены превосходно, если запасовъ хватало на пятьсотъ гостей.

Замѣчаніе депутата за обѣдомъ у пана Эварыста, что избирательная борьба должна на этотъ разъ принять ожесточен-

Библиотека "Руниверс"

ные размѣры, повидимому, вполнѣ подтверждалось. Выборъ губернскаго предводителя служилъ яблокомъ раздора. Избиратели разбились на двѣ главныя партіи: одна желала удержать бывшаго маршалка Бобра, который въ свое время былъ избранъ огромнымъ большинствомъ и вполнѣ подходилъ къ своему сану; другая стремилась выдвинуть людей помоложе и поэнергичнѣе и непремѣнно требовала Красицкаго или Швейковскаго... Глухая борьба, агитація и всякіе происки обѣихъ партій, происходившіе сперва за кулисами, постепенно давали себя чувствовать, возбужденіе росло и поднималось, угрожая принять острый характеръ у избирательной урны, когда голосованіе покажетъ на чьей сторонѣ перевѣсъ.

Но кромѣ выборовъ, вниманіе съѣхавшихся въ Житомиръ дворянъ было сильно возбуждено дѣломъ Млодецкаго, владѣльца множества деревень на Волыни и Украинѣ, собственника города Бродъ въ Галичинѣ. Въ это время Млодецкій уже сталъ притчей во языцѣхъ: про него разсказывали цѣлыя легенды, которыя, переходя изъ устъ въ уста въ преувеличенномъ и прикрашенномъ видѣ, приняли наконецъ колоссальные размѣры и чудовищный характеръ. Въ основѣ всѣхъ слуховъ лежали панскій капризъ, неслыханная надменность магната и безграничное его самодурство и своеволіе, жертвами котораго служили евреи принадлежавшихъ Млодецкому городовъ и мѣстечекъ, многочисленные его крѣпостные, дворовые, офиціалисты, прикащики, словомъ, всѣ, кому приходилось сталкиваться съ Млодецкимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Млодецкій, человѣкъ скупой и жадный, чрезмѣрно преданный дѣлу пріумноженія своихъ доходовъ, обложилъ еврейскіе кагалы разными поборами и повинностями; вымогалъ у крестьянъ чрезмѣрныя панщины и такъ наз. „дани“, которыя были впослѣдствіи отмѣнены закономъ [1]). Непослушныхъ и недоимщиковъ наказывали „кожанною плетью о пяти концахъ“ или бросали въ т. наз. „гусакъ“, устроенный въ палацѣ Млодецкаго [2]). Офиціалисты пана, отъ управляющаго до послѣдняго

[1]) „Дани“ состояли изъ куръ, пряжи, грибовъ, и т. п. Такъ наз. *инвентарныя правила* 24 мая 1847 г. освободили крестьянъ отъ этихъ „даней“.

[2]) „Гусакъ“—это деревянные кандалы, устроенные въ неподвижной колодѣ

Библиотека "Руниверс"

писарька, исполняли тутъ же постановленные приговоры, и послѣ жестокой экзекуціи евреи, крестьяне и даже крестьянки нерѣдко платились здоровьемъ, иногда даже жизнью!... Къ ворамъ, плутамъ, бездѣльникамъ и нищимъ Млодецкій былъ неумолимъ. Конечно, насилія эти не всегда проходили безнаказанно. Но суды, весьма благосклонные къ Млодецкому, обыкновенно обрушивались на его офиціалистовъ, какъ орудія преступленія. Цѣлые томы слѣдственныхъ дѣлъ о различнаго рода насиліяхъ странствовали по разнымъ судебнымъ инстанціямъ и округамъ, такъ какъ имѣнія Млодецкаго были разсѣяны по тремъ губерніямъ и каждое дѣло производилось въ томъ судѣ, въ округѣ котораго находилось данное имѣніе. Уголовно-слѣдственныя коммисіи не выѣзжали изъ Варковичъ.

Такіе порядки завелись уже давно, потому что еще въ 1831 г. отдѣленіе главнаго волынскаго суда приговорило офиціалиста Млодецкаго, нѣкоего Тышкевича, къ уплатѣ крестьянкѣ Ульянѣ Прокоповой за побои „четырехъ копъ литовскихъ грошей“; офиціалиста Збилитовскаго за жестокое обращеніе съ крестьянами тотъ же судъ приговорилъ къ тюремному заключенію, уплатѣ двухъ копъ литовскихъ грошей и лишилъ права завѣдывать имѣніями, и т. д.

Такимъ образомъ, прячась за спину своихъ служащихъ, Млодецкій избѣгалъ всякой личной отвѣтственности, хотя было совершенно очевидно, что бо́льшая часть насилій производилась съ согласія и по прямому приказанію пана, который не разъ „засыпалъ батоги“ офиціалистамъ за малѣйшее отступленіе отъ его распоряженій.

Въ исключительныхъ случаяхъ, когда насиліе грозило личной отвѣтственностью, Млодецкій представлялъ куда слѣдуетъ добытыя путемъ насилія свидѣтельства крестьянъ, удостовѣренныя мѣстными священниками и гласившія, что—„панъ Млодецкій—якъ ридный батько: побье и пожалуе“...

Но не все коту масляница. Нашелся человѣкъ, который, не взирая на огромное вліяніе Млодецкаго, какъ магната, и не

такимъ образомъ, что нѣсколько десятковъ человѣкъ бывали ущемлены въ нихъ за ногу и лежали какъ гуси.

Библиотека "Руниверс"

обращая вниманія на его гнѣвъ и угрозы, не побоялся выяснить истинное положеніе дѣла и объявить во всеуслышаніе, что виновникомъ безпрестанныхъ и безчеловѣчныхъ насилій въ имѣніяхъ Млодецкаго—былъ самъ Млодецкій! Такимъ непримиримымъ обличителемъ Млодецкаго явился маршалокъ Омецинскій. Высшее начальство, основываясь на этомъ, предало Млодецкаго суду сословныхъ представителей. Судную коммиссію составляли уѣздные предводители дворянства и столько же депутатовъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго маршалка.

Млодецкій долженъ былъ явиться въ коммиссію, собранную въ Житомирѣ, и оправдываться противъ обвиненій.

Ожидаемый пріѣздъ Млодецкаго совершился съ великимъ торжествомъ и роскошью. Въ огромной желтой каретѣ осьмерикомъ, окруженный надворными козаками, ѣхалъ самъ Млодецкій; далѣе тянулись повозки съ офиціалистами и челядью; въ концѣ двигались брички и громадные фургоны съ кухней и разными запасами. Толпы зѣвакъ глазѣли на это чрезвычайное торжество, невиданное еще въ Житомирѣ, а домъ, гдѣ остановился Млодецкій, былъ въ настоящей осадѣ!...

Всѣ думали и даже громко заявляли, что Млодецкому все сойдетъ какъ съ гуся вода и никто пальцемъ его не тронетъ. Разсказывали, что у него есть сторонники, которые станутъ за него горой. Мнѣнія расходились, интересъ былъ всеобщій, любопытство возбуждено до высочайшей степени.

— Я снабдилъ своего управляющаго Чемеровскаго—объяснялъ Млодецкій въ коммиссіи—довѣренностью, гдѣ именно указано ему блюсти и заботиться, чтобы въ имѣніяхъ моихъ наистрожайше исполнялись законы и предписанія властей. Если, какъ вы утверждаете, были безчинства, что̀ мнѣ впрочемъ неизвѣстно, пусть отвѣтитъ Чемеровскій!...

— Чемеровскій—прервалъ предсѣдатель—въ такихъ то и такихъ-то случаяхъ дѣйствовалъ согласно полученнымъ приказаніямъ...

— Ну, что-жъ—возразилъ Млодецкій, возвышая голосъ—если ему случилось исполосовать жида-мошенника, гультяя-хлопа или батогами заставить попрошайку бросить суму и палку и взяться

Библиотека "Руниверс"

за цѣпъ, то что́ за бѣда? По моему, онъ былъ правъ и лучшаго желать нельзя. Считаю пренія исчерпанными и свидѣтельствую свое почтеніе...

Съ этими словами Млодецкій удалился изъ зала засѣданія.

Послѣ продолжительныхъ дебатовъ, коммиссія вынесла обвинительный вердиктъ, въ силу котораго, предоставляя подлежащимъ судамъ разрѣшить вопросъ о виновности Млодецкаго въ отдѣльныхъ уголовныхъ проступкахъ, она устраняла магната отъ управленія имѣніями, подлежавшими передачѣ въ опеку [1]).

Пока приговоръ былъ утвержденъ сенатомъ, Млодецкій умеръ.

Современники называли Млодецкаго чудакомъ. Бѣда лишь въ томъ, что чудачества свои онъ записывалъ на чужой спинѣ, слѣдовательно, не былъ безвреднымъ чудакомъ, какихъ встрѣчалось въ ту пору не мало. Напримѣръ, панъ Зе́нонъ. Онъ считалъ, что на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ ему равнаго пана. Господа Бога и всѣхъ святыхъ онъ почиталъ, но былъ убѣжденъ, что стоитъ не ниже... Разъ зимою, при переѣздѣ черезъ рѣку, подъ нимъ подломился ледъ и панъ едва спасся отъ вѣрной гибели. Благодарный панъ Зе́нонъ велѣлъ поставить на берегу памятникъ съ слѣдующею надписью:

„Pan pana od smierci zbawił—
„Pan Panu figurę wystawił [2]).
(Богъ пана отъ смерти избавилъ—
Панъ Богу „фигуру“ поставилъ).

Какой то насмѣшникъ прибилъ рядомъ съ этою надписью такое двустишіе:

„Не бойся, Зенone:
„Кому висѣть—не утонетъ“.

Возвратимся однако въ залъ выборовъ.

Въ прежнее время, панъ Эварыстъ всегда бывало держался на выборахъ въ сторонкѣ. У него былъ излюбленный уго-

---

[1]) При этомъ исчислены были гражданскіе убытки крестьянъ въ суммѣ 72,000 руб. сер., хотя мнѣнія раздѣлились въ этомъ вопросѣ.

[2]) Игра словъ: попольски, pan--панъ и Господь Богъ. „Фигура“—крестъ съ изваяніемъ Спасителя. Подробнѣе о томъ же эпизодѣ см. въ замѣткѣ г. О. Л. „Панская пыха“ („Кіев. Стар.“ 1887 г. кн. 9, стр. 174). *Пр. пер.*

Библиотека "Руниверс"

локъ за колоннами, гдѣ панъ Эварыстъ обыкновенно проводилъ время въ тихой бесѣдѣ съ какимъ нибудь благопріятелемъ о хозяйствѣ, о тяжелыхъ временахъ, иногда о политикѣ, если была подходящая тема. О томъ, что происходило въ залѣ, панъ Эварыстъ и не думалъ,—это его вовсе не касалось. На сей разъ, однако, помня о выговорахъ жены, которая упрекала его, что онъ отъ всѣхъ сторонится и на все махнулъ рукой, панъ Эварыстъ рѣшился хоть чѣмъ нибудь заявить о своихъ намѣреніяхъ и желаніи выступить на арену общественной дѣятельности; поэтому онъ счелъ нужнымъ занять другое мѣсто и держался поближе къ центру, гдѣ приходилось все время стоять на ногахъ, несмотря на безжалостные толчки, выпадавшіе на его долю. На глухо застегнутый мундиръ стѣснялъ дыханіе; жара была невыносимая. Панъ Эварыстъ украдкой взглянулъ на свой любимый уголокъ: обычный собесѣдникъ былъ уже тамъ и видимо поджидалъ пана Эварыста,—а недостатка въ темахъ не было: происходили важныя событія въ мірѣ политики; въ воздухѣ пахло порохомъ; носились слухи о питейной реформѣ, о какомъ-то акцизѣ; свеклосахарное производство на Волыни, въ Славутчинѣ начинало развиваться—словомъ, было о чемъ потолковать. Но панъ Эварыстъ боялся потерять разъ занятое мѣсто и долженъ былъ отказаться отъ всего. Его толкали и тѣснили безпрестанно, но панъ Эварыстъ держался на мѣстѣ, какъ вкопанный, отирая фуляромъ потъ, градомъ катившійся по лицу. Поминутно къ нему обращался тотъ или другой изъ сосѣдей, что-то кричали ему въ лицо, что-то доказывали, въ чемъ-то старались убѣдить, довольные, что попался молчаливый и повидимому внимательный слушатель. Панъ Эварыстъ утвердительно кивалъ головою, ровно ничего не понимая.

— Изъ-за чего они бьются—размышлялъ панъ Эварыстъ—право не возьму въ толкъ. Вѣдь если, по ихъ словамъ, Бобръ—почтенный человѣкъ и Красицкій—тоже почтенный, и Швейковскій, и Ледоховскій—такъ чего же имъ наконецъ нужно? [1]).

[1]) Если хочешь получить идеальнаго маршалка—потѣшался Кондрацкій изъ Добраго-Кута—вотъ рецептъ: положи въ реторту: фунтъ прямодушія Ледоховскаго, фунтъ такта Швейковскаго, сколько влѣзетъ богатства Сангушки; прибавь по лоту:

Библиотека "Руниверс"

Не успѣлъ панъ Эварыстъ задать себѣ этотъ вопросъ, какъ надъ головой его раздались оглушительные крики:

— Просимъ пана Бóбра въ маршалки, просимъ единогласно!

— Красицкій маршалкомъ!—отвѣчали хоромъ— всѣ просимъ!

Смятеніе возрастало и поднялось такое замѣшательство и сутолока, что панъ Эварыстъ, толкаемый въ разныя стороны, едва устоялъ на ногахъ. Онъ задыхался.

— Просимъ Бóбра!—вопили одни.

— Просимъ Красицкаго единогласно!—кричали другіе.

— Къ урнѣ, панове, на голоса!

— Тише, тише! восклицали отовсюду.

Шумъ и гамъ мало по малу улеглись... Настала тишина. Всѣ молча ожидали результата баллотитировки... Подсчитали голоса—Красицкій побѣдилъ!

Буря возгласовъ и крики «браво» слились въ одно оглушительное эхо. Всѣ наперерывъ тѣснились къ новоизбранному маршалку для поздравленій. Видимо взволнованный, Красицкій вѣжливо раскланивался во всѣ стороны, благодаря за оказанную честь, и поспѣшилъ уйти изъ залы.

Всѣ двинулись за нимъ вслѣдъ и поднялась такая давка, что выходъ былъ прегражденъ совершенно. Болѣе сильные пробивали себѣ дорогу локтями, слабѣйшіе падали, а панъ Эварыстъ, жестоко прижатый въ толпѣ, былъ выброшенъ на улицу совершенно измученный, облитый потомъ, обезсиленный и почти безъ чувствъ.

Съ трудомъ дотащился онъ до своей квартиры. Подали обѣдъ, но панъ Эварыстъ и не притронулся. Онъ прилегъ, тяжко вздохнулъ и все повторялъ лишь: О, Тодуню, Тодуню!... если-бы ты знала что́ здѣсь творится!...

отваги Лозинскаго, знанія гдѣ раки зимуютъ Пражмовскаго и пониманія какъ трава растетъ Стецкаго; смѣшай; прибавь перцу въ мѣру—и получится идеальный маршалокъ.

Библиотека "Руниверс"

V.

Если-бы выборы, подобные житомирскимъ, происходили въ большомъ городѣ, гдѣ издаются газеты, послѣднія отмѣтили-бы всѣ подробности и успокоили-бы любопытство публики. Житомирцамъ въ ту пору о газетахъ и не снилось, но публика безсознательно чувствовала этотъ недостатокъ и потому жадно хваталась за всякіе листки и писанья, гдѣ хотя-бы отчасти и въ случайной формѣ обрисовано было какое либо выдающееся событіе мѣстной жизни.

Въ описываемое время жилъ въ Житомирѣ доморощенный стихотворецъ, человѣкъ уже немолодой, принятый въ обществѣ, превосходно знакомый съ мѣстными отношеніями и общительный, но иногда желчный и саркастическій. Онъ сочинилъ по разнымъ поводамъ немало стихотвореній, которыя въ безчисленныхъ спискахъ ходили по рукамъ; всякое выдающееся происшествіе или событіе, въ томъ числѣ конечно и выборы, давали матеріалъ для его остроумія, которымъ онъ несомнѣнно обладалъ. Обыкновенно онъ писалъ по малорусски,—съ языкомъ этимъ былъ знакомъ въ совершенствѣ, зналъ всего Котляревскаго наизустъ.

Въ описываемое время, губернскій маршалокъ Бобръ, жившій постоянно въ городѣ, человѣкъ въ высшей степени общительный и гостепріимный и при этомъ державшій домъ на широкую ногу, не только устроилъ обычный завтракъ въ первый же день выборовъ, но и вообще щедро угощалъ все дворянство. Обѣды задавались изысканные, вина были превосходны: винный погребъ былъ собственный и снабженъ всѣмъ въ избытвѣ, а мѣстный купецъ Ринебергъ изъ „красной каменной лавки“ поставлялъ чудесное вино. Послѣ побѣды Красицкаго надъ Бобромъ, уже на другой день по городу кружили такіе стишки:

„Я казавъ вамъ, що недобре
„Буде зъ вами, пане Бобре:
„Шляхта чысто васъ окпыла,
„Бо хлибъ зъила, выно спыла,
„Васъ на коши посадыла“...[1]).

[1]) „Окпыла“—одурачила; „на коши посадыла“—обманула, надула: выраженія употр. и нынѣ на Волыни и заимств. съ польскаго (okpić, osadzić na koszu).—*Пр. пер.*

Библиотека "Руниверс"

Не понравился также нашему юмористу и выборъ куратора мѣстной гимназіи. Дѣйствительно, выборъ былъ самый неудачный. Новый кураторъ, „съ виду похожій на лошадь, никогда въ Аѳинахъ не былъ и съ софистами не водился“, а между тѣмъ любилъ произносить спичи, пересыпая ихъ, къ довершенію несчастія, французскими фразами ни къ селу, ни къ городу. Слѣдуетъ прибавить однако, что кураторъ этотъ помогалъ не одному школьнику: вносилъ плату за право ученія, снабжалъ теплой одежей и обувью, давалъ деньги на покупку учебниковъ, посылалъ въ квартиры бѣднѣйшихъ гимназистовъ, которые не уѣзжали домой на праздники, рождественскую кутью и лично являлся съ святымъ хлѣбомъ.—Ну, хлопцы—говаривалъ онъ—будетъ у васъ кутья и первую ложку къ потолку за здоровье куратора! [1]).

Не понравился, говоримъ, выборъ куратора доморощенному поэту, который сочинилъ по этому поводу слѣдующее четверостишіе:

„Якъ-же вамъ, панове, не стыдъ и не соромъ,
„Выбрать Божыдара та ще й куратором,
„Бо якъ скоро почне въ школи мудру ричъ заводыть,
„Побачыте, що всихъ дитей дурнямы поробыть“.

Другой обыватель, овцеводъ и гречкосѣй, сколотилъ значительное состояніе, благодаря чему успѣлъ породниться съ графскимъ домомъ. Послѣ этого онъ возмнилъ себя важнымъ паномъ и водился только съ магнатами, пренебрежительно относясь къ мелкому дворянству, къ которому самъ принадлежалъ и въ свое время льнулъ всей душей.

Этому ренеегату поэтъ посвятилъ такое посланіе:

„Гей, Данылу, глянь на Бога, змылуйся надъ намы,
„Десь нечыста тебе сыла спутала зъ панамы,—
„Бо якъ скоро сіешъ гречку або й загонъ проса,
„То чого жъ ты такъ на шляхту задераешъ носа?!
„Схаменысь, Даныло, прошу, прытулысь до братьи,
„На панивъ махны рукою, най ихъ пирвуть кáты“ [2]).

---

[1]) Малорусская примѣта: если брошенная къ потолку кутья прилипнетъ—пасха будетъ хороша.

[2]) „Схаменысь“—очнись, удержись.

Библиотека "Руниверс"

Такія и подобныя риѳмы возбуждали противъ автора большое негодованіе, не обходилось и безъ скандаловъ, если острякъ слишкомъ уже явно задѣвалъ кого-нибудь; пробовали, какъ говорится, клинъ клиномъ вышибать; такъ, когда юмористъ купилъ домъ, нѣкто приклеилъ на стѣнѣ такое четверостишіе:

„Nowy dziedzic kamienicy
„Chodzi tylko po ulicy,
„Węszy, gada, nic nie robi—
„Na autora się sposobi".
(Новый владѣлецъ каменнаго дома
Только ходитъ по улицѣ,
Водитъ носомъ, болтаетъ, ничего не дѣлаетъ—
Готовится въ писатели).

Клинъ, какъ видно, былъ плоховатъ, поэтому остался безъ всякаго дѣйствія. А такъ какъ на малорусскіе юмористическіе стишки существовалъ большой спросъ, ихъ читали нарасхватъ и переписывали другъ у друга, то нашъ поэтъ, польщенный такимъ успѣхомъ, не обращалъ вниманія на неудовольствіе и угрозы и продолжалъ пописывать...

Понятно, что стишки эти, переходя изъ руки въ руки, возбуждали мимолетный смѣхъ своею мѣткостью, но не оставляли по себѣ глубокаго впечатлѣнія; какъ бы то ни было, нужно сказать, что описываемые выборы отличались большею осторожностью при назначеніи тѣхъ или другихъ лицъ на общественныя должности; теперь искали молодыхъ сихъ, болѣе пригодныхъ для дѣла; такъ, куратором школъ былъ избранъ Крашевскій, явились маршалки, подобные Ледоховскому, Владиміру Швейковскому, Викентію Піотровскому и другимъ... даже Даныло понизилъ тонъ и по прежнему примкнулъ къ братьямъ—шляхтѣ!...

Хотя по закону для выборовъ былъ назначенъ лишь двухнедѣльный срокъ, за рѣдкими исключеніями, но большинство избирателей не спѣшили домой по окончаніи выборовъ. Житомиръ, при такомъ многолюдномъ и избранномъ обществѣ, какое собралось на выборы, представлялъ столько пріятныхъ развлеченій, что разстаться съ нимъ было нелегко, тѣмъ болѣе, что въ деревнѣ нечего было и мечтать о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя представлялись въ городѣ чуть не ежедневно. Кромѣ зав-

Библиотека "Руниверс"

траковъ, обѣдовъ и банкетовъ, которые задавали по обычаю новоизбранные сановники въ честь своихъ избирателей, и наоборотъ,—безпрерывно тянулись публичные балы и разнообразныя развлеченія въ частныхъ домахъ и кружкахъ. Магазины мѣстныхъ и пріѣзжихъ купцовъ были въ постоянной осадѣ; модистки работали день и ночь; ресторанъ Микульскаго представлялъ настоящій адъ; кондитерскія Малиновскаго и Явора не успѣвали выполнять заказовъ; даже рѣдко посѣщаемая „усатая тетушка", которая обыкновенно продавала вкусный „верещакъ" [1]), принарядила теперь свое скромное заведеніе по мѣрѣ силъ и заготовила всего, точно въ первостатейномъ ресторанѣ: соборный клиръ съ паномъ Яншевскимъ во главѣ не былъ уже теперь единственнымъ ея постояннымъ посѣтителемъ. Словомъ, жизнь и движеніе кипѣли въ городѣ, чтобы уступить затѣмъ мѣсто трехлѣтней спячкѣ.

Кромѣ баловъ, развлеченій разнаго рода, вечеринокъ и экскурій въ окрестности Житомира, на Тетеревъ, въ городѣ существовалъ еще постоянный театръ съ ежедневными представленіями, подъ дирекціей Паулины Зелинской. Публика имѣла случай наслаждаться такими артистами, какъ Юзефовичъ, Лукашевичъ, комикъ Янковскій, игравшая въ наивныхъ роляхъ Елена Зелинская и др. Пріѣздъ знаменитаго Листа и его концертъ просто наэлектризовали публику. Извѣстный гитаристъ Маркъ Соколовскій всегда появлялся въ Житомирѣ къ выборамъ. Наконецъ, панъ Станиславъ изъ Томашграда привезъ съ собою хоръ пѣвицъ, составленный изъ тридцати слишкомъ сельскихъ дѣвушекъ, которыя подвизались на эстрадѣ, передавая малорусскія пѣсни и думки. Это былъ пріятный сюрпризъ: дѣвушки все чернобровыя, кровь съ молокомъ, въ плахтахъ краснаго аксамиту и синихъ юбкахъ съ золотымъ галуномъ, пѣли онѣ превосходно—публика валила толпой.

Для дополненія картины слѣдуетъ отмѣтить, что игра въ карты занимала не послѣднее мѣсто. „Дябелекъ" и фараонъ были тогда въ большой модѣ; золото цѣлыми горстями броса-

[1]) Верещакъ—колбаса подъ соусомъ.

Библиотека "Руниверс"

лось на зеленое сукно, а „пульку“ засыпали не иначе, какъ новенькими полуимперіалами въ огромную вазу, которая нерѣдко наполнялась до краю. Нѣкто С—чъ, прозванный барономъ, по происхожденію иноземецъ, а по профессіи шулеръ, человѣкъ свѣтскій и элегантный, погружался иногда въ эти золотыя россыпи и извлекалъ приличные куши; но затѣмъ на бердичевской ярмаркѣ попался къ несчастію въ такую передѣлку, чисто какъ коса на камень, что спустилъ не только золото, но даже повозку, лошадей и весь свой скарбъ и долженъ былъ вернуться домой въ Красиловъ въ одномъ халатѣ, спрятавшись въ фургонѣ у еврея-извощика, т. наз. „балагулы“.

Развлеченія шли своимъ чередомъ, а засѣданія въ „выборовомъ“ залѣ происходили ежедневно по заведенному порядку; впрочемъ, послѣ избранія предводителей дворянства и предсѣдателей судовъ, избирательная горячка нѣсколько поулеглась; выборы низшихъ чиновниковъ уѣздными депутаціями совершались гораздо спокойнѣе, не вызывая такого гама и сутолоки. Поэтому панъ Эварыстъ, упорно не покидавшій своего мѣста въ залѣ, могъ вздохнуть свободнѣе и терпѣливо ожидать своей очереди... Онъ уже прочелъ свое имя на одной изъ урнъ подъ словомъ „подсудокъ“ и съ отчаяніемъ рѣшился ждать до конца.

Дошла наконецъ очередь и до него.

Когда секретарь собранія панъ Прóвансъ громко провозгласилъ имя пана Эварыста и вмѣстѣ съ тѣмъ назвалъ должность подсудка, на которую тотъ заявляетъ притязаніе, приглашая приступить къ выборамъ, панъ Эварыстъ конвульсивно вздрогнулъ, холодный потъ выступилъ у него на челѣ, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и сталъ за колонною, какъ бы желая скрыться... Въ эту минуту онъ походилъ на юношу, который задумалъ жениться и просилъ объ оглашеніи, но когда затѣмъ въ церкви услышалъ съ каѳедры, что это именно онъ, онъ самый намѣренъ вступить въ бракъ, мысль, какъ молнія, подсказала ему: что ты дѣлаешь, несчастный? остановись!... Но пока юноша собирался сказать это, оглашеніе кончилось. Такъ и панъ Эварыстъ, при звукѣ собственнаго имени, думалъ было выступить впередъ, поблагодарить за вниманіе и отказаться, онъ готовъ

Библиотека "Руниверс"

былъ даже сорвать съ урны предательскую надпись—но то была лишь мгновенная мысль: для исполненія не хватило рѣшимости; напротивъ, желая выступить впередъ, панъ Эварыстъ обратился вспять и почти въ обморокѣ укрылся за колонной.

Черезъ нѣсколько минутъ—минутъ тяжкихъ для пана Эварыста и долгихъ какъ вѣкъ—пока шло голосованіе, секретарь съ серьезнымъ видомъ выдвинулъ ящикъ урны, предназначенный для утвердительныхъ голосовъ, и замѣтивши тамъ одинъ—единственный шаръ, свободно катавшійся по дну, печально произнесъ: одинъ голосъ!...

— Всего одинъ!—отвѣчали въ толпѣ:—маловато!...

— Браво!—воскликнулъ другой.

— Одинъ голосъ—значитъ, выбранъ единогласно,—потѣшался третій.

Такія рѣчи поразили пана Эварыста какъ громомъ: онъ затрясся, остолбенѣлъ, сердце стучало молотомъ, лицо побагровѣло; онъ дико озирался кругомъ, пошатнулся... братъ явился на выручку: взялъ пана Эварыста подъ руку, отвелъ въ сосѣднюю комнату, предназначенную для возныхъ, усадилъ, вспрыснулъ лицо водою и старался успокоить:

— Ну, что-жъ, братъ Эварыстъ, пустяки, пожалѣй себя Бога ради! Если такъ вышло—такъ неужели же умирать изъ-за этого?

Что происходило съ панамъ Эварыстомъ—описать невозможно. Отчаянію его не было границъ. Тщетно утѣшалъ его братъ, желая умѣрить его горе и внушить благоразуміе—казалось, онъ лишится разсудка!

— Умоляю тебя, успокойся—говорилъ братъ.

Панъ Эварыстъ тяжко—тяжко вздохнулъ, затѣмъ всталъ и бросившись въ объятія брату, застоналъ:

— Дорогой ты мой, единственный другъ! такой позоръ, такое униженіе въ мои годы...

И громко зарыдалъ.

— Не ты первый, не ты послѣдній—утѣшалъ его братъ—непріятно, слова нѣтъ, но зачѣмъ же такъ убиваться, нужно отнестись спокойнѣй...

Библиотека "Руниверс"

— Да, я спокоенъ теперь—отвѣчалъ панъ Эварыстъ, оправившись нѣсколько—мнѣ лучше. Жаль мнѣ Тодуни, послушался, сдѣлалъ по ея волѣ. И что́ бы мнѣ захворать въ ту пору... такъ нѣтъ-же...

— Ступай, братъ, домой, отдохни, а я сейчасъ буду, лишь только здѣсь все кончится.

— Но растолкуй же мнѣ, братъ, какъ понять поведеніе депутата? Вѣдь онъ былъ противъ меня — твой голосъ былъ единственный...

— Я же тебѣ говорилъ не вѣрить депутату. Сплетникъ и интриганъ, онъ впутался въ дѣло Млодецкаго, сулилъ ему золотыя горы, говорятъ, даже погрѣлъ руки въ панскомъ карманѣ. Разумѣется, всѣ вознегодовали, а такъ какъ было извѣстно, что вы пріѣхали разомъ, то въ концѣ концовъ это и отразилось на тебѣ.

— Бога ради! Да что же у меня общаго съ депутатомъ?! Онъ попросту навязался ко мнѣ, вотъ и все.

— Знаю братъ, знаю, но всѣхъ не разубѣдишь. И кромѣ того это только мои догадки, такъ какъ ты напомнилъ о депутатѣ. Въ сущности дѣло вотъ въ чемъ: времена мѣняются такъ-то, старики должны очистить дорогу—пусть поработаетъ молодежь. Посмотри, кого выбрали въ маршалки. Посыпемъ главу пепломъ и признáемся, что они правы. Ну, иди, иди, успокойся, братъ, и баста!...

Пошатываясь и спотыкаясь о неровную мостовую, доползъ панъ Эварыстъ въ свой „заѣздъ“. Безпечная его веселость исчезла, улыбка покинула лицо, онъ казался въ отчаяніи и тоскѣ, былъ угнетенъ страшно. У воротъ его встрѣтилъ Омелько. Догадливый слуга смекнулъ, что пану плохо или онъ чѣмъ то огорченъ.

— А чы не пора намъ, пане, до дому—молвилъ Омелько—бо вже очортило въ тимъ мисти сыдиты.

— Правда, Омельку!—отвѣчалъ панъ Эварыстъ и послѣ короткаго раздумья прибавилъ: Пакуй, Омельку, и запрягай... жыво... до дому!

— А депутатъ, проше пана?—вопросилъ Омелько.

Панъ Эварыстъ только рукой махнулъ.

Библиотека "Руниверс"

— То и чортъ его беры—заключилъ расторопный Омелько—покынемо его и ту кàличъ. Пара нашыхъ довезé.

Весело собирался Омелько въ обратный путь, работа такъ и кипѣла у него въ рукахъ. Часъ спустя все было готово, и панъ Эварыстъ уѣхалъ. Брату онъ написалъ письмо, которое поручилъ „мишуресу“. Лошади депутата остались въ заѣздѣ.

„Дорогой братъ,—писалъ панъ Эварыстъ—Душно мнѣ здѣсь и тяжело до крайности. Чувствую, что будетъ плохо, если еще останусь. Мнѣ нужно воздуху, ѣду. Умоляю тебя всѣмъ святымъ, пріѣзжай къ намъ. До свиданья, обнимаю тебя. Твой Эварыстъ“.

Въ тотъ же самый день происходило баллотированіе депутата на должность подсудка: не успѣлъ провалиться панъ Эварыстъ, депутатъ, тутъ какъ тутъ, тотчасъ же поставилъ свою кандидатуру, отказавшись отъ прежней должности, которая оказывалась теперь уже неподходящею для него,—депутату улыбалось жить въ городѣ.

Но онъ жестоко ошибся въ разсчетѣ. Ему казалось, что разъ его выбрали въ депутаты, когда онъ и не мечталъ объ этомъ, то большинство и теперь будетъ на его сторонѣ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ добивается мѣста. Между тѣмъ настроеніе измѣнилось, всѣ раскусили депутата и нетрудно было догадаться, что его желаютъ сплавить. Только депутатъ не понималъ этого или лучше сказать умышленно закрывалъ глаза. Результаты оказались крайне печальными для депутата: въ ящикѣ, предназначенномъ для утвердительныхъ голосовъ, вмѣсто шаровъ лежала... фига![1]) Избѣгая скандала, панъ Провансъ ловко спряталъ ее, но стоявшіе поблизу, и самъ депутатъ въ томъ числѣ, прекрасно подмѣтили этотъ маневръ. По залу пронесся гомерическій хохотъ; разъяренный депутатъ что то забормоталъ и внѣ себя выскочилъ на улицу. Онъ летѣлъ куда глаза глядятъ, бранясь на чемъ свѣтъ стоитъ, и остановился только передъ „заѣздомъ“ Тышкевича.

— Пойду—рѣшилъ онъ—къ этому добряку и постараюсь убѣ-

[1]) Случалось, хотя очень рѣдко, что въ избирательную урну попадали фиги, копѣечки и т. п.

Библиотека "Руниверс"

дить его отправляться сейчасъ же,—нечего намъ тутъ дѣлать, будь они прокляты...

Каково же было изумленіе и гнѣвъ депутата, когда ему сообщили, что панъ Эварыстъ уже часа два какъ уѣхалъ; а когда мишуресъ добавилъ, что лошади остались въ заѣздѣ, панъ Янъ пришелъ въ такую ярость и поднялъ такой содомъ, что передъ заѣздомъ собралась толпа любопытныхъ. Депутатъ неистово махалъ руками, бранился и разсказывалъ публикѣ свою, бѣду, не зная какъ быть теперь съ лошадьми, безъ кучера, брички и упряжи и вдобавокъ безъ денегъ!... Онъ ожидалъ сочувствія—встрѣтилъ насмѣшку. Въ страшномъ гнѣвѣ ушелъ онъ изъ заѣзда, давая зарокъ никогда болѣе не являться на эти проклятые выборы и даже не возвращаться домой на родину. На другой день депутатъ спустилъ лошадей, нанялъ извощика и уѣхалъ къ родственникамъ на Побережье [1]). Съ тѣхъ поръ онъ точно въ воду канулъ [2]).

VI.

Когда панъ Эварыстъ выѣхалъ за городской шлагбаумъ и вздохнулъ полною грудью, казалось, у него гора съ плечъ свалилась, такъ ему стало легко и привольно. Но мучительная мысль о прошломъ постепенно возвращалась, забыть все это—не было возможности. Онъ вспомнилъ прежніе годы, когда возвращался тою же дорогою домой, спокойный и довольный сознаніемъ исполненнаго долга, и поспѣшалъ къ родному затишью, къ женѣ, чтобы разсказать ей о своихъ приключеніяхъ въ пути, подѣлиться новостями, покалякать о выборахъ...

Теперь—какая разница! Измученный, оскорбленный до глубины души, онъ задавалъ себѣ вопросъ, чѣмъ то онъ подѣлится съ женой? Униженіемъ, позоромъ... Мысль эта новой тяжестью налегла на него; убитый видъ, молчаніе и лихорадочная дрожь обличали душевную муку.

---

[1]) Побережье—нын. Подолія.—*Пр. пер.*

[2]) Имѣніе депутата, объявленное впослѣдствіи въ продажу за долги, пріобрѣли нѣмцы-колонисты, которые массами начали стекаться на Волынь.

Библиотека "Руниверс"

Словоохотливый Омелько пробовалъ завязать бесѣду—панъ Эварыстъ упорно молчалъ.

Ночь провелъ онъ безъ сна, волновался, постоянно срывался съ постели; жаръ одолѣвалъ его, силы постепенно оставляли. Онъ звалъ Омелька и торопилъ отъѣздомъ, забывая, что лошади измучены и требуютъ отдыха.

— Поганяй, Омельку—время отъ времени повторялъ онъ слабымъ, едва слышнымъ голосомъ.

Омелько тревожно оглядывался на пана и пытался начать разговоръ.

— Завтра, якъ Богъ помóже—говорилъ онъ—о сю пору якъ разъ будемо дома. А тамъ вже пани выглядàе...

— Поганяй, Омельку—застоналъ панъ Эварыстъ.

Остановившись на послѣдній ночлегъ въ корчмѣ у проѣзжей дороги, панъ Эварыстъ уже не въ силахъ былъ сойти съ брички. Омелько снесъ его на рукахъ, поручилъ лошадей корчемному пáхолку (слугѣ) и всю ночь сторожилъ господина. Больной въ жару метался на постели, безпрерывно бредилъ о чемъ то, но такъ неясно и путаясь, что Омелько могъ только разобрать слова: „одинъ голосъ“, „депутатъ“... Видя пана въ такомъ ужасномъ положеніи, Омелько совсѣмъ потерялъ голову, ломалъ въ отчаяніи руки и ничего не могъ придумать. Лишь къ утру успокоился нѣсколько панъ Эварыстъ. Обрадованный Омелько, желая какъ можно скорѣе добраться домой — оставалось всего три мили—заложилъ лошадей во мгновеніе ока. Панъ Эварыстъ поднялся, но тутъ же пошатнулся и не могъ ступить шагу. При помощи пáхолка усадилъ Омелько своего пана на бричку. Проѣхавши нѣсколько сотъ шаговъ, Омелько оглянулся и увидѣлъ, что больной, уже не въ силахъ сидѣть, улегся на мѣстѣ; бричка трясла немилосердно, и больной жестоко страдалъ. Тогда Омелько подсѣлъ къ пáну, прислонилъ его голову къ своей широкой груди, а свободной рукой правилъ, но такъ осторожно, чтобы собственными движеніями не увеличивать тряски, которая очевидно докучала больному.

Библиотека "Руниверс"

— Пане, мій голубе—возрадовался Омелько—онъ де вже нашъ лисокъ, поле, все село якъ на долони, двиръ биліе, Богъ до дому прывивъ. Віо, малютки! прикрикнулъ онъ на лошадей.

Измученные кони не узнали знакомой дороги и полей и понуро тащились шагъ за шагомъ. Омелько страшно волновался, готовъ былъ на рукахъ донести пана поскорѣе; наконецъ, наши путники медленно въѣхали во дворъ...

Стоявшая на крыльцѣ пани Эварысто́ва долго всматривалась и никакъ не могла узнать пріѣзжихъ, но когда Омелько поднялся съ мѣста—вскрикнула. Прибѣжали слуги, поднялось замѣшательство, плачъ и рыданія... Обезсиленнаго и совершенно безчувственнаго пана внесли въ комнаты...

Въ ближнемъ мѣстечкѣ жилъ цирульникъ Рафаилъ. То былъ уже старый еврей, человѣкъ уважаемый, пользовавшійся репутаціей архизнатока въ своемъ искусствѣ. У него былъ въ мѣстечкѣ свой домъ, на фасадѣ котораго висѣла громадная вывѣска, съ такою надписью:

„Здѣсь живетъ цирульникъ Рафаилъ:
„Кровь отворяетъ,
„Зубы вырываетъ,
„Оспу прививаетъ,
„Во всемъ помогаетъ.
„Мушки иль пьявки
„Отсюда возьмешь—
„Здоровье найдешь".

Вотъ этого то господина и доставили къ больному безъ замедленія.

По обыкновенію, не раздумывая долго, Рафаилъ выпустилъ больному двѣ тарелки крови, обмакнулъ большой палецъ, внимательно разсмотрѣлъ и объявилъ, что кровь все покажетъ и большой будетъ здоровъ.

А пану Эварысту дѣлалось все хуже и хуже; онъ впалъ въ постоянную сонливость, сознаніе не возвращалось; лицо поблѣднѣло и осунулось, глаза глубоко впали. Безпокойство пани Эварысто́вой возрастало. Послали въ Колки за докторомъ Калусовскимъ.

Послѣ изслѣдованія больнаго докторъ призналъ положеніе его весьма серьезнымъ и предложилъ консиліумъ. Приглашенные

Библиотека "Руниверс"

врачи Гакинъ и Ростковскій присоединились къ мнѣнію коллеги, прописали лѣкарства... Нѣсколько дней спустя пану Эварысту стало все хуже и хуже, онъ видимо угасалъ... Во всѣ концы разсылали за лѣкарями и лѣкарствами, обращались даже къ Ходковскому въ Млыновъ, къ Осѣцкому и Ивановскому въ Славуту, въ аптеку Антонія Махницкаго... все было безполезно, и врачи наконецъ отказались отъ больного.

Кто то посовѣтовалъ пригласить татарина. То былъ отставной воинъ, принадлежавшій къ племени, съ незапамятныхъ временъ осѣвшему на Волыни. Татары эти бо́льшею частію мелкіе землевладѣльцы и званіемъ дворяне, таковы напр. Драгомирецкіе, Моравскіе, Бѣляки, Шахманцеры, Козакевичи и многіе другіе. Нѣкоторые изъ нихъ занимались такъ наз. знахарствомъ и пользовали больныхъ нашептываніями и бумажками, на которыхъ писали слова корана; спеціально же психическихъ больныхъ лечили домашними средствами: холодной водой и березовой... кашей [1]). Приглашенный татаринъ шепталъ надъ головою пана Эварыста, писалъ свои каракули, обнадеживалъ—все напрасно!...

Однажды вечерней порой, когда уже не было сомнѣнія, что больной доживаетъ послѣднія минуты, пріѣхалъ братъ пана Эварыста. Больной повидимому узналъ гостя: онъ усиливался подняться—но не могъ. Братъ подошелъ на цыпочкахъ и наклонился къ больному. Тотъ взглянулъ на брата полуугасшимъ взоромъ—и вѣки его упали. Приблизилась пани Эварысто́ва и прошептала:

— Эварсю, милый, братъ пріѣхалъ,—узнаешь его, лучше ли тебѣ?

— Пхе—вздохнулъ панъ Эварыстъ въ послѣдній разъ и скончался.

И вотъ, нѣсколько недѣль спустя по отъѣздѣ пана Эварыста на выборы, снова подкатилъ къ крыльцу Омелько, но на этотъ разъ лишь затѣмъ, чтобы доставить своего пана на мѣсто вѣчнаго упокоенія!...

На похоронахъ, куда собрались сосѣди ближніе и дальніе, а также всѣ крестьяне изъ села покойнаго, ксендзъ Чачковскій произнесъ надгробное слово, которое закончилъ такъ:

---

[1]) Въ с. Ивковцахъ, острожскаго уѣзда, существовало даже нѣчто въ родѣ лечебницы для душевнобольныхъ, подъ управленіемъ татарина.

Библиотека "Руниверс"

„Вотъ наконецъ та пристань, тотъ берегъ дальній, къ которому человѣку суждено причалить рано или поздно, въ ведро, или бурю, слякоть и мятель. Въ сію то пристань прибылъ нынѣ приснопоминаемый рабъ Божій Эварыстъ! Въ послѣднія мгновенія земной его жизни прочили его въ подсудки, и хотя свершиться сему было не суждено, всячески можемъ сказать смѣло, что каковъ былъ усопшій Эварыстъ какъ супругъ, какъ гражданинъ, какъ сосѣдъ, такимъ точно былъ бы опъ и... подсудкомъ“.

Результатомъ рѣчи ксендза Чачковскаго было то, что пани Эварысто́ву тотчасъ же стали величать „пани подсудко́вой“.

Убитая горемъ, пани Эварысто́ва сперва не обратила на это вниманія; позже, новый титулъ повидимому обижалъ ее, такъ что она пробовала слегка отклонять эту честь; но постепенно она какъ то освоилась и такъ ужъ и осталась навсегда „пани подсудко́вой“.

Когда же, нѣсколько лѣтъ спустя, подгнилъ и повалился крестъ на могилѣ покойнаго, пани Эварысто́ва поставила болѣе показной памятникъ, на которомъ велѣла вырѣзать такую надпись:

„Здѣсь покоится Эварыстъ,
„Незабвенный супругъ,
„Гражданинъ и подсудокъ“.

Н. М.

Библиотека "Руниверс"

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

109.

Цыганка-ворожка.

Всѣ восточные народы обнаруживаютъ наклонность къ гаданіямъ и ворожбѣ. Особенно много гадальщиковъ находится въ Индіи. Многіе индійскіе гадальщики предсказываютъ будущее по чертамъ лица и рукъ. Хиромантія служитъ въ Индіи для опредѣленія того, будетъ ли человѣкъ счастливъ, богатъ, будутъ ли у него дѣти. Цыгане, какъ народъ индійскаго племени, обнаруживаютъ вполнѣ эти наклонности. Цыганки-ворожки до сихъ поръ охотно берутся за предсказываніе будущаго по чертамъ руки, причемъ много говорятъ и разсказываютъ разныя небылицы. Съ появленіемъ въ Малороссіи въ XVI вѣкѣ цыгане на первыхъ порахъ заявили себя спеціалистами ворожбы и гаданія, несомнѣнно, своеобразныхъ, отличныхъ отъ украинскаго знахарства. Въ „Номоканонѣ сирѣчь Законоправильникѣ“, изданномъ Захаріей Копыстенскимъ въ 1624 г., уже находится жалоба, что суевѣрные люди обращались за совѣтомъ къ цыганкамъ-ворожкамъ (*Костомаровъ*, Рус. ист. въ жизнеоп. II, 69). Въ старинной вертепной драмѣ змѣя кусаетъ запорожца въ ногу, и онъ обращается къ цыганкѣ съ просьбой вылѣчить его (*Маркевичъ*, Обыч. малор. 52). Цыганка-ворожка выступаетъ въ малорусскихъ пѣсняхъ; здѣсь находятся указанія на нѣкоторые изъ ея пріемовъ ворожбы. Такъ, въ одной пѣснѣ:

Ой у лиси при дорози
Цыганы стоялы,

А межъ тымы цыганами
Цыганка ворожка;

[1]) См. „Кіевская Старина“ № 11, ноябрь.

Библиотека "Руниверс"

А до тей цыганочкы
Бытая дорожка.
«Цыганочко-вороженько,
Учыны мни волю
Чи не стане дивчынонька
До шлюбу зо мною?»
Цыганочка-вороженька
Волю учынила:
Сывому конькови
Грыву устригла (*Чуб.* V, 418).

Въ варіантѣ этой пѣсни дѣвушка обращается къ ворожкѣ—съ просьбой причаровать козаченька. Цыганка „увирвала зъ коня грывы, дивчину курила“ (ib. 419).

Въ Малороссіи химородникомъ называютъ колдуна, причемъ чаще всего названіе это прилагается къ старымъ кузнецамъ. Самое слово химородникъ, химорода—цыганское, означаетъ кузнеца и коновала. Извѣстно, что цыгане занимаются кузнечнымъ мастерствомъ. Наковальней у нихъ служитъ камень, а орудіями двойной раздувальный мѣхъ, молотъ и пр., съ которыми они переходятъ съ мѣста на мѣсто. У индійцевъ то же самое и тѣ же, какъ у цыганъ, инструменты. Индусы также носятъ ихъ съ собою и со всей своей кузницей располагаются близъ того дома, гдѣ находятъ работу.

Малороссіяне невысокаго мнѣнія о цыганскомъ знахарствѣ, что доказываетъ слѣдующій разсказъ: Пришелъ цыганъ къ одному пасѣчнику на пасѣку и сталъ выдавать себя за большаго знахаря по пчеловодству. Пасѣчникъ не любилъ цыганъ; ему особенно не понравилось хвастовство этого знахаря, и онъ рѣшился его проучить: „ Все у меня хорошо на пасѣкѣ; да вотъ бѣда, тамъ на дубу, очень высоко поселились злыя пчелы“. Цыганъ взялся заговорить ихъ злость. Онъ полѣзъ на дубъ по лѣстницѣ; сталъ шептать и постукивать въ дубъ; въ это время вылетѣли изъ дупла шмели; пасѣчникъ поспѣшилъ принять лѣстницу, бѣдный цыганъ, не зная, какъ назвать лѣстницу, просилъ пасѣчника: „кумъ, кумъ! подай то суковатое“; не дождавшись лѣстницы, преслѣдуемый шмелями, онъ падаетъ на землю (*Nowos.*, Lud. ukr., II, 213) [1]).

---

[1]) Общая литература о цыганахъ указана въ соч. *Патканова* „Цыгане“ (1887 г.) и въ послѣднее время въ „*Journal of Gipsy lore Society*“. Литература о малорусскихъ цыганахъ очень бѣдна. Краткія замѣтки см. въ „Ист. стат. опис. харьк. епарх.“ Филарета I, 25 (заботливость еп. Іосафа Горленка, † въ 1754 г., о духовномъ просвѣщеніи цыганъ); въ *Воронеж. Бесѣдѣ* 1861 (118 цыг. словъ); въ Малор. нар. пред. *Драгоманова*; въ „Трудахъ“ *Чубинскаго;* въ 2 т. Lud. ukr. *Nowosielskiego*; въ „*Кіевск. Стар.*“ 1886, I, 198, X, 401 (сказки о цыганахъ); въ *Запискахъ* имп. общ. сел. хоз. южной Россіи 1861. № 8; въ *Херсон. Губ. Вѣд.* 1874, № 44 (о цыганахъ въ Новороссіи).—*Прим. авт.*

Библиотека "Руниверс"

110.

Ворожба по слѣду.

Ворожба по слѣду довольно обычна въ Малороссіи. Въ народныхъ пѣсняхъ она занимаетъ видное мѣсто. Такъ, въ одной пѣснѣ парубокъ, полюбивъ дѣвушку, подозрѣваетъ, что она дала ему приворотнаго зѣлья. Дѣвушка отвѣчаетъ ему:

Ой я жъ тоби, мій миленькій, зилья не давала,
Слидокъ брала, къ сердцю клала, що вирно кохала (*Чуб.* V, 418),

Въ другой пѣснѣ дѣвушка говоритъ парубку, что она его дѣйствительно приворожила такимъ образомъ: „я зъ пидъ тебе землю брала, до сердця клала, тебе чаровала“. Результаты чарованія оказались такими, что парубокъ не можетъ жить безъ очаровавшей его дивчины, и „вечеря ему немыла, и робота немыла“, (ib. 422). Въ варіантѣ дѣвушка, чтобы привлечь любовь парубка, „брала песокъ изъ пидъ билыхъ ногъ та вычаровала“ (ib. 423). Иногда мотивъ чарованія по слѣду выражается въ очень граціозной формѣ, напримѣръ:

Чогось мини чудно, чогось мини дывно,
Десь мого мылого третій день не выдно,
Не выдно, не выдно, та й не выдаты;
Тылько зосталося на жовтымъ писочку два слидочки знаты;
То еденъ слидочокъ коня воронього,
А другій слидочокъ мыленького мого.
Піду я въ лисочикъ, вырву я листочикъ,
Я накрыю свого мыленького слидочикъ,
Щобъ витеръ не звіявъ, пташкы не склювалы,
Щобъ мого милого инчи не спріялы (*Чуб.* V. 46).

Повѣрье въ снятіе слѣда еще въ шестидесятыхъ годахъ держались среди помѣщиковъ воронежской губерніи (*Воронеж. Бесѣда*, 206). Оно нынѣ часто встрѣчается въ Великороссіи; было здѣсь и въ старинное время, въ XVI—XVII ст. Выбранный слѣдъ замазывали въ печи или сожигали; оттого изсыхалъ тотъ, изъ подъ чьей ноги былъ взятъ слѣдъ. Выбирали слѣдъ и не для злой цѣли, а для того, что бы приворожить къ себѣ (*Костомаровъ*, Очеркъ домаш. жизни великор. нар.).

Библиотека "Руниверс"

Поляки также раздѣляли, а м. б. и теперь имѣютъ, вѣрованіе въ чарованіе посредствомъ снятія слѣда. Въ 1674 г., нѣкая Доротея Пикецкая была привлечена къ суду за чародѣйство, состоявшее въ томъ, что она, по словамъ обвинявшаго ее крестьянина Конставнаго, шла за его коровами, вынимала слѣды отъ ихъ ногъ (wyrzynała stopy) и унесла ту землю съ собой (*Karłowicz*, въ „Wisła“ 1887, IV. 138).

Нѣчто подобное мы находимъ у дикихъ Африки и Америки. Чтобы нанести вредъ своему врагу, они не только стараются сжечь или зарыть часть его одежды или часть волосъ съ его головы, какъ pars pro toto, но и такіе предметы подвергаютъ сожженію, которые не имѣютъ прямаго отношенія къ врагу. Колдунья негрскаго народа Конго, желая погубить одного христіанскаго миссіонера, вырыла яму и бросила въ нее какое то растеніе, увяданіе котораго должно было повлечь за собой ослабленіе силъ и здоровья миссіонера. На островахъ Фиджи кладутъ въ храмѣ на огонь кокосовый орѣхъ, задумавъ его на извѣстное имя; по мѣрѣ разрушенія орѣха, должно разрушиться и здоровье того лица, которое представляется имъ, пока это не закончится смертью (*Леббокъ*, Нач. цивил. 176).

Любовное чарованіе по слѣду посредствомъ приложенія его къ сердцу представляетъ, очевидно, нѣкоторое уклоненіе въ сторону отъ настоящей ворожбы по слѣду съ сожженіемъ земли или помѣщеніемъ ее въ печкѣ.

111.

Ворожба по волосамъ и ногтямъ человѣка.

Въ Малороссіи повсемѣстно распространено повѣрье, что остриженныхъ ногтей или волосъ не слѣдуетъ бросать, чтобы не подвергнуться болѣзни. Совѣтуютъ остриженные волоса бережно собрать и сжечь ихъ или бросить въ рѣку. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совѣтуютъ прятать срѣзанные ногти за пазуху, чтобы не нашелъ ихъ чертъ; сохранять ихъ слѣдуетъ еще для того, чтобы предъявить ихъ ангелу при переходѣ на томъ свѣтѣ черезъ мостъ (*Чубинскій*, I, 87). Изъ брошенныхъ обрѣзковъ ногтей черти шьютъ шапки не-

Библиотека "Руниверс"

видимки. Если птица унесетъ остриженные волоса для своего гнѣзда, то, говорятъ, человѣкъ тотъ страдаетъ головными болями (*Nowosielsky*, Lud ukr., II, 153). Въ южнорусскихъ документахъ о колдовствѣ первой половины XVIII ст. находятся указанія на повѣрья, что обрѣзанные волосы и ногти могутъ служить, какъ для излѣченія, такъ и для причиненія болѣзней. Съ первой цѣлью больному обрѣзывали ногти, отрѣзывали нѣсколько прядей волосъ и вмѣстѣ съ различными другими веществами забивали въ дверныя лутки осиновыми гвоздями. Подбрасываніе отрѣзанныхъ волосъ, особенно подъ подушку, считалось вреднымъ для здоровья. (*Антоновичъ*, Колдовство, въ „Трудахъ“ Чуб., I, 357).

Подобнаго рода повѣрья и сказанія встрѣчаются у разныхъ народовъ. Прежде всего отмѣтимъ здѣсь весьма сходное съ малорусскимъ норвежское повѣріе о томъ, что демоны Эльбы собираютъ брошенные людьми обрѣзки ногтей и дѣлаютъ изъ нихъ пули, которыми стрѣляютъ въ рогатый скотъ, такъ что даже находили въ коровахъ такія пули (изъ волосъ и ногтей). Другое норвежское повѣрье, также весьма сходное съ малорусскимъ, состоитъ въ томъ, что лѣтучія мыши собираютъ обрѣзки волосъ и ногтей, относятъ ихъ чертямъ, которые, благодаря этому, пріобрѣтаютъ большую власть надъ людьми. Потому въ Норвегіи совѣтуютъ обрѣзывать ногти и волоса въ то время, когда въ церквахъ идетъ служеніе, потомъ обрѣзки закапывать или сожигать (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 324, 330). Въ Берлинѣ и въ окрестныхъ мѣстахъ существуетъ въ настоящее время обыкновеніе для излѣченія больнаго обрѣзать ногти или волоса и пучекъ ихъ положить въ котелкѣ на перекресткѣ; кто подниметъ котелокъ, на того и перейдетъ (*Krause*, въ Zeitschr. f. Ethnologie 1883, I, 78). Во Фландріи женщины (какъ и въ Малороссіи) во время расчесыванія головы собираютъ вышедшіе волосы и сожигаютъ ихъ. Въ противномъ случаѣ волоса попадутъ въ руки колдуна, и онъ станетъ повелѣвать неосторожными женщинами. Съ цѣлью вызвать любовь, берутъ волосъ того человѣка, котораго хотятъ приворожить, помѣщаютъ его въ орѣхѣ и кладутъ въ дупло дерева (*Gittée* въ Revue d. trad. popul. 1888, 495). Американскіе и африканскіе дикари кладутъ обрѣзки своихъ волосъ подъ крыши домовъ, причемъ иногда окапываютъ канавой дома, чтобы

Библиотека "Руниверс"

устранить колдовство (*Леббокъ*, Нач. цивил. 177). Пшавы (на Кавказѣ) не бросаютъ остриженные волосы и ногти, чтобы чертъ не овладѣлъ ими, а прячутъ ихъ въ землю или сожигаютъ (*Вс. Миллеръ*, Сбор. мат. по этногр. III, 89).

Запрещеніе ронять или бросать обрѣзки волосъ и ногтей встрѣчается уже въ древнѣйшихъ законодательствахъ и священныхъ книгахъ арійскихъ народовъ. Вотъ что говоритъ относительно этого Авеста: Тотъ кто приводитъ въ порядокъ волосы свои и стрижетъ ногти, роняя на полъ обрѣзки, содѣйствуетъ развитію могущества демоновъ, потому что эти поступки заставляютъ собираться на землѣ Девовъ и вредныхъ животныхъ, пожирающихъ зерно въ житницахъ и грызущихъ одежды въ хранилищахъ. По этой причинѣ кто стрижетъ волосы и ногти долженъ относить обрѣзки на разстояніе десяти шаговъ отъ вѣрующихъ, 20 шаговъ отъ огня, 30 шаговъ отъ воды. Потомъ надо вырыть въ землѣ яму не очень глубокую, если земля тверда, и поглубже въ рыхлой землѣ, положить туда волосы, произнести заговоръ и начертать вокругъ ямы 3, 6 и 9 круговъ... Для ногтей надо вырыть яму на краю жилища, глубиною въ верхній составъ мизинца, положить въ нее ногти и произнести надлежащій заговоръ (*Дилленъ*, Дуализмъ въ Авестѣ, 138—141).

И въ этомъ, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, обнаруживается большое сходство между славянскими, въ частности малорусскими, повѣрьями и обрядами и древнѣйшими религіозными и законодательными постановленіями азіатскихъ аріевъ. Въ малорусскихъ разсказахъ обрѣзками ногтей пользуются черти; въ Авестѣ—злые духи, слуги Аримана—Девы; украинскіе черти дѣлаютъ себѣ изъ обрѣзковъ ногтей шапку невидимку; авестическіе Девы дѣлаютъ изъ нихъ для себя копья и стрѣлы; (норвежскіе—пули).

Въ Малороссіи записанъ любопытный разсказъ о томъ, какъ опасно давать кому нибудь обрѣзки своихъ волосъ. Здѣсь выступаетъ уже повѣрье мѣстныхъ евреевъ. Еврейка говоритъ, что у ея дочери роскошная коса; одна крестьянка, бывшая прежде въ услуженіи, стала просить дать ей локонъ отъ этой косы. Подозрѣвая лихой умыселъ, еврейка отрѣзала волоса въ ситѣ и дала ихъ просительницѣ. На другой день, какъ только ударили въ колоколъ въ церкви, сито соскочило съ колочка и полетѣло прямо къ церкви,

Библиотека "Руниверс"

гдѣ уже стояла колдунья съ полученными наканунѣ и присмаленными ею потомъ волосами. Евреи думали, что если бы волоса дѣйствительно принадлежали дѣвушкѣ, то ей грозило обращеніе въ христіанство (*Nowosielski*, Lud ukr., II, 107).

112.

Ворожба на восковой фигурѣ человѣка.

Въ „Номоканонѣ сирѣчь Законоправильникѣ“ (1624 г.) Захаріи Копыстенскаго замѣчено въ обличеніи южнорусскихъ суевѣрій, что нѣкоторые „ворожили зъ воску, зъ олова“ (*Костомаровъ*, Рус. ист. II, 69). Въ настоящее время ворожба и гаданіе по воску рѣдко встрѣчается, потому что воскъ сталъ дорогъ, имѣетъ хорошій сбытъ и встрѣчается въ достаточномъ количествѣ только у зажиточныхъ пасѣчниковъ. Ворожба съ злой цѣлью состояла въ томъ, что выливали изъ воску фигурку человѣка и прокалывали ее булавкой. Любопытная ворожба на воскъ или присушка состоитъ въ томъ, что дѣвушка, желающая возбудить къ себѣ любовь мужчины, достаетъ нитку изъ его шапки или скоблитъ подошву его сапога и то, что получаетъ такимъ образомъ, залѣпливаетъ въ комокъ воску и бросаетъ въ огонь, приговаривая: „Щобъ тебе за мною такъ пекло, якъ пече вигонь той вискъ; щобъ твое серце за мною такъ топылось, якъ топится той вискъ, и щобъ ты тоди мене покинувъ, якъ найдешь той вискъ“. Утверждаютъ, что послѣ этого чаруемый мужчина пристрастится къ очаровавшей его дѣвушкѣ; въ противномъ случаѣ будетъ чахнуть, сохнуть и умретъ (*Ефименко*, Малор. заклин. 1).

Матеріаломъ или средствомъ ворожбы бывалъ не только воскъ, но въ рѣдкихъ случаяхъ олово, и чаще тѣсто. Въ 1706 г. ковельскій мѣщанинъ Трофимъ Григорьевичъ жаловался на сосѣда своего Михаила Максимовича о томъ, что послѣдній съ женою, посягая на здоровье истца, вылѣпили изъ тѣста что то круглое въ видѣ калача и въ собственномъ саду истцовъ повѣсили на дерево. По распоряженію магистрата отправленъ былъ присяжный лавникъ освидѣтельствовать фактъ, и дѣйствительно онъ нашелъ на вербѣ кругло

Библиотека "Руниверс"

вылѣпленный калачъ изъ ржанаго тѣста. Максимовичъ не явился въ судъ къ отвѣту и былъ заочно приговоренъ къ уплатѣ и штрафа и судебныхъ издержекъ (*Антоновичъ*, Колдовство, 333).

Ворожба на воскѣ восходитъ въ глубокую древность. За много вѣковъ до Р. Хр. въ аккадскіе (халдейскіе) тексты магическихъ формулъ вошла уже такая молитва—заговоръ: „Отъ того, кто дѣлаетъ изображеніе съ цѣлью повредить человѣку, отъ дурнаго глаза, отъ болѣзни рта и губъ, отъ вреднаго питья—сохрани духъ небесъ! сохрани духъ земли!“ (*Сэйсъ*, Ассиро-Вавил. литература, 36).

Обычай наносить врагу вредъ посредствомъ прокалыванія иголкой или помѣщенія въ печкѣ на огнѣ его восковаго изображенія былъ извѣстенъ древнимъ грекамъ, въ частности Платону, и былъ весьма распространенъ въ средневѣковой Европѣ (*Lang.*, Myth, Ritual and Religion, I, 93). Въ древней Англіи (V—XI вѣковъ), по словамъ Беды Проповѣдника (VIII в.) бытовало „invultuatio“, или заклинаніе жизни врага при помощи восковой или иной фигуры, въ которую метали острыя стрѣлы (*Спенсеръ*, Описат. соціол., 209). Индѣйцы сѣверной Америки, желая обезпечить себѣ успѣхъ въ сватовствѣ, на войнѣ или охотѣ, дѣлаютъ грубый рисунокъ или небольшое изображеніе, представляющее женщину, мужчину или животное и прилагаютъ къ нему извѣстныя волшебныя средства или прокалываютъ ему сердце, если желаютъ смерти изображаемаго лица. Въ Индіи колдуны лѣпятъ небольшія фигуры изъ глины и пишутъ на груди ихъ имена тѣхъ лицъ, которымъ они хотятъ нанести вредъ. Затѣмъ, они уродуютъ эти фигуры или прокалываютъ ихъ иглами (*Леббокъ*, Нач. цив. 176; *Тэйлоръ*, Антропол. 338). Сѣверо-американскіе индѣйцы дакоты лѣчатъ больныхъ такимъ образомъ, что вырѣзываютъ изъ дерева маленькія фигурки и поражаютъ ихъ потомъ стрѣлами (*Lang.*, Myth., I, 98). Предъ началомъ войны дакоты поступаютъ такъ: старикъ колдунъ изготовляетъ шарики, изображающіе враговъ, и начальникъ дакотовъ поражаетъ ихъ стрѣлами. Подобное обыкновеніе замѣчено въ Индіи (ib. 99).

Ворожба на воскѣ для нанесенія человѣку врела часто упоминается въ старинныхъ польскихъ судебныхъ процессахъ вѣдьмъ и нынѣ еще входитъ въ число польскихъ народныхъ суевѣрій. Въ

Библиотека "Руниверс"

1554 г. сожжена была Дорота Гнѣчкова за то, между прочимъ, что, желая опредѣлить кто укралъ деньги у одной пани, выливала воскъ съ наговоромъ. Въ 1559 г. была высѣчена и подверглась изгнанію одна женщина за то, что съ цѣлью любовнаго очарованія мужчины выливала воскъ (*Karlowicz*, въ „Wisła“, 1887, 97, 98).

Въ Малороссіи и въ Великороссіи существуетъ обыкновеніе выливать въ случаѣ болѣзни человѣка золотую или серебряную фигурку и вѣшать ее въ церкви на иконѣ. Иногда выливаютъ только ножку или ручку, если болѣзнь сосредоточивается въ этихъ частяхъ тѣла. Вѣроятно, суевѣріе это представляетъ антитезъ символической ворожбы. Возможно, впрочемъ, здѣсь допустить вліяніе ветхозавѣтнаго сказанія о магіи филистимлянъ во время нахожденія у нихъ въ плѣну ковчега завѣта. Въ это время на поляхъ филистимскихъ размножились мыши, а люди стали подвергаться болѣзнямъ. Жрецы и прорицатели посовѣтывали филистимлянамъ сдѣлать золотыя изображенія поразившихъ ихъ язвъ и опустить эти изображенія въ ящикъ ковчега (Перв. кн. *Царствъ*, гл. 5). Кстати замѣтимъ здѣсь, что въ Англіи VIII—XI вв. въ случаѣ выздоровленія ставили по обѣту восковую свѣчу величиной съ больнаго или его изображеніе изъ воска, серебра или золота (*Спенсеръ*, Описат. соціол., 211).

113.

Обидящая свѣча.

Въ землѣ войска донскаго съ цѣлью наказать неизвѣстнаго вора ставятъ на его погибель „обидящую“ свѣчу. Это—обыкновенная свѣча, но поставленная нижнимъ концемъ вверхъ. Если при этомъ не проклинать и не ругать укравшаго, а служить обѣдни за его здоровье, то его начнетъ мучить совѣсть, и онъ, пожалуй, возвратитъ украденное (*Якушкинъ*, Обыч. право. Пред., 46).

Точно такое же повѣрье существовало въ старину и нынѣ еще извѣстно въ Малороссіи, хотя тутъ карающая врага свѣча, кажется, не имѣетъ особеннаго названія. Мнѣ приходилось только слышать въ харьковской губерніи, что для отомщенія врагу за обиду ставятъ

Библиотека "Руниверс"

въ церкви свѣчку нижнимъ концомъ вверхъ. Въ старинныхъ украинскихъ судебныхъ процессахъ женщинъ по обвиненію въ колдовствѣ встрѣчается обидящая свѣча. Такъ, въ 1705 г. въ каменецкій магистратъ жаловалась мѣщанка Морская о томъ, что она находится въ опасности потерять здоровье отъ чародѣйства сосѣдки ея Зелинской, которая ночью ходила по двору Морской со свѣчкой, въ одной рубашкѣ, босая и простоволосая, и затѣмъ она, Зелинская, въ костелѣ доминиканцевъ сломала свѣчу и обратила ее внизъ. Зелинская пояснила, что она ночью искала свою дочь, бѣжавшую изъ дома, и свѣчу поставила какъ слѣдуетъ. Магистратъ приговорилъ Зелинскую къ епитиміи,—въ теченіи двухъ обѣденъ лежать „крыжемъ“ въ томъ же доминиканскомъ костелѣ. Между тѣмъ, нѣкій армянинъ Лукашевичъ, узнавъ о ходѣ этого дѣла, заявилъ магистрату свое подозрѣніе, что свѣча была зажжена въ обратномъ положеніи во вредъ не Морской, а женѣ его, Лукашевича, которая въ этотъ именно день серьезно заболѣла, тѣмъ болѣе, что ранѣе Зелинская произносила таинственныя угрозы (*Антоновичъ*, Колдовство, 332).

Въ основѣ повѣрій и обрядовъ съ обидящей свѣчей лежитъ древнее отождествленіе души и вообще жизни съ огнемъ, имѣвшее мѣсто у славянъ и у другихъ народовъ. Представленіе душъ въ видѣ блуждающихъ огней распространено въ повѣрьяхъ лужичанъ, сербовъ и русскихъ. „Свѣча чья-нибудь погасла“ (=кто нибудь умеръ), говорятъ приморскіе сербы, когда звѣзда катится по небу и гаснетъ (*Котляревскій*, О погреб. обрядахъ, 190). Весьма сходныя повѣрья обнаруживаются у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. Такъ, одинъ дикій изъ племени шаунисовъ, выдававшій себя за пророка, послалъ сказать европейскому путешественнику Танеру, что огонь его хижины неразрывно связанъ съ его жизнью. „Отнынѣ, сказалъ онъ, огонь въ твоей хижинѣ никогда не долженъ угасать. Лѣтомъ и зимою, днемъ и ночью, въ бурю и въ затишье ты долженъ помнить, что жизнь въ твоемъ тѣлѣ и огонь въ твоей хижинѣ одно и то же. Какъ только потухнетъ у тебя огонь, въ ту же минуту кончится и твое существованіе“ (*Леббокъ*, Нач. цив. 175).

Библиотека "Руниверс"

114.

Веревка отъ висѣльника.

Въ старинное время въ Малороссіи большое значеніе, какъ средство чародѣйства, имѣла веревка вообще, въ особенности веревка отъ церковнаго колокола и веревка, на которой былъ повѣшенъ преступникъ. Ремесленники считали весьма дѣйствительнымъ средствомъ для снисканія большаго количества заказовъ забивать куски веревки въ щели своихъ станковъ. Въ 1717 г. въ Каменцѣ возникла тяжба между двумя шинкарями, Маньковскимъ и Колецкимъ, о томъ, что послѣдній распустилъ слухъ о женѣ Маньковскаго, будто она завлекаетъ въ свое заведеніе тѣмъ, что держитъ въ шинкѣ добытый ею у палача отрѣзокъ веревки, на которой былъ повѣшенъ преступникъ. Она будто бы совѣтывала Колецкому употребить также это средство. Судъ призналъ этотъ слухъ клеветой и приговорилъ Колецкаго къ штрафу и тюремному заключенію (*Антоновичъ*, Колдовство, 350, 389). Въ настоящее время сохранились слабые остатки этого повѣрья. Такъ, я слышалъ въ харьковской губерніи отъ мѣщанъ и дворянъ, что въ старое время будто бы любители карточной игры покупали у палачей веревку, на которой былъ повѣшенъ преступникъ, потому что обладатель ея былъ счастливъ въ игрѣ. Говорятъ, у одного шулера нашли такую веревку, причемъ концы были скрѣплены серебромъ.

Любопытно, что такое же повѣрье о большомъ значеніи веревки отъ висѣльника попадается въ польскихъ судебныхъ процессахъ колдуновъ и вѣдьмъ. Такъ, въ 1559 г. въ Познани къ суду была привлечена одна женщина по обвиненію, что она ходила подъ висѣлицу съ цѣлью достать веревку отъ висѣльника, которая помогла бы ей удачно торговать въ шинкѣ (ku wyszynkowaniu miodu) и кромѣ того на нее взведены были другія обвиненія въ чародѣйствѣ. По приговору суда, ее высѣкли и выгнали изъ города (*Karlowicz*, въ „Wisła“ 1887, III, 98).

Заслуживаетъ вниманіе та подробность, что дѣла происходили въ 1559 г. въ Познани, а въ 1717 г. въ Каменцѣ—въ мѣстностяхъ находившихся подъ нѣмецкимъ вліяніемъ. Можетъ быть, предпочтеніе веревки отъ висѣльника всякой другой веревкѣ изъ

Библиотека "Руниверс"

изъ Германіи или вообще изъ Западной Европы, гдѣ веревкѣ отъ висѣльника приписывалось чародѣйское значеніе. Въ Англіи въ старинное время заботились о пріобрѣтеніи веревки отъ висѣльника, приписывая ей значеніе полезнаго домашняго талисмана. Въ общемъ, уваженіе къ веревкѣ можно считать кореннымъ, славянскимъ. Уваженіе это основывалось на томъ, что на веревкѣ завязывались узлы, что составляло весьма важную часть стариннаго знахарства и колдовства.

Веревка отъ висѣльника потому оказывается особенно волшебной, что на нее переносится понятіе о смерти, а отсюда вытекаютъ уже понятія о ея способности притуплять чувства, память. Въ харьковской губерніи совѣтуютъ отъ лихорадки повѣсить на шею мертвое путо, т. е. ту тесьму, которою связывали ноги умершихъ; но оно помогаетъ всего одинъ разъ, а далѣе теряетъ свою цѣлебную силу (*Ивановъ*, въ „Кіев. Стар.“, 1885, XII, 741). Это суевѣріе поясняетъ значеніе веревки отъ висѣльника, именно, предметъ, прикасавшійся къ мертвецу, даже произведшій смерть получаетъ таинственное умерщвляющее значеніе. Такая идея обнаруживается уже въ Авестѣ въ многочисленныхъ предписаніяхъ объ удаленіи трупа и объ очищеніи всего того, что къ нему прикасалось или было близко къ нему, во избѣжаніе нечистоты, или точнѣе, болѣзни и смерти чистыхъ людей и чистыхъ предметовъ, честью и правдой работающихъ во славу творческой и свѣтлой силы природы, Агуры Мазды.

115.

Могильная земля.

Въ харьковской губерніи при крайне продолжительной и упорной лихорадкѣ совѣтуютъ съѣсть горсть земли съ свѣжей могилы (*Харьк. Вѣд.*, 1884, № 289). Въ кіевской губ. завязываютъ больному въ рубаху могильную землю на 9 дней (*Соврем. Извѣст.*). То же самое обыкновеніе существуетъ у кавказскихъ горскихъ евреевъ. При сильныхъ болѣхъ берутъ съ могилы земли, смѣшиваютъ

Библиотека "Руниверс"

съ водой и даютъ пить больному (*Вс. Миллеръ*, Сбор. матер. по этногр., III, 262).

Могильная земля, какъ лѣчебное средство, основана на той же мысли, что и веревка висѣльника, т. е. на мысли объ умерщвляющемъ значеніи предмета по его близости къ трупу.

116.

Свѣча изъ человѣческаго жира.

Недавно въ газетахъ проскользнуло извѣстіе о возмутительномъ преступленіи: воры разрыли могилу и урѣзали часть трупа для приготовленія свѣчи изъ человѣческаго жира, съ помощью которой, по народнымъ повѣрьямъ, можно безпрепятственно воровать въ домахъ по ночамъ, такъ какъ всѣ будутъ спать мертвымъ сномъ. Повѣрье это основывается на той же мысли, что и два предъидущія, о веревкѣ висѣльника и могильной землѣ. Оно весьма распространено въ Малороссіи. Въ екатерин. губ. прибавляютъ, что такую свѣчу можно потушить только конскими кизяками (*Драгомановъ*, Малорос. пред., 67). Повѣріе это обычно въ Великороссіи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ той добавкой, что свѣча должна быть сдѣлана изъ жиру некрещенаго младенца (*Якушкинъ*, Обыч. право, 34). Точно такое повѣрье имѣютъ латыши (*Вс. Миллеръ*, Сборн. матер. по этногр., II, 116).

Въ Малороссіи подобныя повѣрья связаны еще съ мертвой рукой (*Драгомановъ*, 67). Въ Московской Руси въ XVI—XVII ст. (и теперь) воры употребляли руку трупа для усыпленія хозяевъ. Въ старину въ Московской Руси совершались заговоры на воровство надъ мертвыми человѣческими костями, рукой и зубами (*Костомаровъ*, Очеркъ жизни великор. нар.).

117.

Наузы.

Первый завязанный узелъ ознаменовалъ большой успѣхъ въ развитіи прогресса, матеріальнаго и умственнаго. Съ одной стороны

Библиотека "Руниверс"

съ узломъ появились нѣкоторыя первобытныя формы ремесла, съ другой узелъ оказался пособіемъ для памяти и средствомъ для передачи мысли, а изъ сочетанія узловъ возникла своеобразная таинственная письменность. Для первобытнаго человѣка завязанный узелъ представлялся таинственнымъ гіероглифомъ, загадкой; за нимъ скрывалась чья то мысль, какое то намѣреніе, можетъ быть, злой умыселъ. Отсюда возникаетъ страхъ передъ узломъ, и узелъ входитъ въ разные народные обряды, повѣрья, сказанія и заклинанія. Большое значеніе придавали тому, когда завязанъ, какъ завязанъ узелъ, что было сказано или только подумано при этомъ.

Чародѣйское значеніе наузовъ проходитъ нитью черезъ всю всемірную исторію, въ жизни дикихъ, варварскихъ и цивилизованныхъ народовъ, начиная отъ халдейской литературы и кончая современными украинскими народными суевѣріями и обрядами. Уже у вавилонянъ и ассиріянъ въ случаѣ болѣзни человѣка знахарка окропляла его волшебной водой, за исключеніемъ лѣвой стороны, и потомъ обвязывала ему голову, бокъ и ноги двукратъ семью узлами. Для аккадіянъ, какъ и для евреевъ, число семь было священнымъ (*Сэйсъ*, Ассиро-Вавил. литер., 34). На древней греческой свинцовой дощечкѣ, найденной въ Аттикѣ и заключающей въ себѣ чародѣйскій наговоръ: „я свяжу Сосиклею и ея имущество, и великую славу, и дѣла, и разсудокъ; пусть она будетъ врагомъ для друзей. Свяжу я ее подъ туманный Тартаръ страшными узами съ подземной Гекатой и безумными Эринніями“ (*Помяловскій*, Эпиграф. этюды, 17). Кавказскіе горскіе евреи вѣрятъ, что во время свадьбы и дьяволъ, и лихіе люди завязываютъ узлы во вредъ молодымъ. Узелъ дьявола можно развязать посредствомъ молитвы къ Богу. Гораздо опаснѣе узлы чародѣя, потому что ихъ трудно найти. Три-четыре узла мѣшаютъ молодымъ соединиться три-четыре года (*Сборникъ* матер. по этн., изд. Дашк. Муз., III, 295—296). Турки чрезвычайно боятся заколдованныхъ узловъ, „buya bohcha“. Заколдованный узелъ бываетъ изъ разныхъ предметовъ, волосъ, ушей, земли вмѣстѣ съ лоскуткомъ одежды намѣченной жертвы, завязанныхъ въ тряпку. Если хотятъ смерти человѣка, то пучку придаютъ форму сердца и втыкаютъ въ него 41 иголку, отъ дѣйствія которыхъ человѣкъ изсыхаетъ и умираетъ. Въ любую жен-

Библиотека "Руниверс"

щину можетъ быть брошенъ заколдованный узелъ, и ея любовь къ мужу или его къ ней исчезнетъ. Ударъ можетъ нанести всякій недоброжелатель. Говорятъ, что послѣ смерти султана Абдулъ-Меджида въ его диванѣ было найдено около пятидесяти заколдованныхъ узловъ, подброшенныхъ въ разное время женами его, желавшими сохранить надъ нимъ свою власть. Узлы эти были брошены въ огонь или въ море (*Народы Турціи*, II, 143).

Въ русской жизни изстари наузы играли большую роль. Въ древней лѣтописи находится уже извѣстіе, что волхвы навязали наузъ на голову князя Всеслава, котораго мать родила „отъ волхованія“. Всеславъ носилъ всю жизнь наузъ, и вліянію этого чародѣйственнаго узла приписывалась его воинственность и жестокость. Въ XVI и XVII ст. въ Великороссіи наузы были обычнымъ способомъ волшебства; надъ ними наговаривали и отдавали желающему: имъ приписывали силу предохранять отъ разныхъ несчастій. Матери брали отъ знахарей чародѣйственные узлы и навязывали ихъ на дѣтей: „баба начнетъ на дѣти наузы класти, смѣривати, плююще на землю, рекше бѣса проклинать“. Въ старину узлы навязывали на оружіе, чтобы сообщить ему твердость или мѣткость. Вѣрили, что можно такъ завязать чужое оружіе, что оно перестанетъ или будетъ плохо дѣйствовать (*Костомаровъ*. Очеркъ домаш. жизни, 540). Въ 3 т. Поэт. воззр. славянъ *Аѳанасьева* (429—439) много указаній на великорусскія (старинныя и современныя) повѣрья о наузахъ. Въ Великороссіи особенно боятся наузовъ на свадьбахъ. Вѣроятно, отъ этой боязни произошло обыкновеніе надѣвать на невѣсту рыбачью сѣть, какъ предохранительное средство отъ колдовства. Обычай этотъ бытуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверо-восточной Россіи и кое-гдѣ въ Сибири среди русскихъ и инородцевъ. Въ Бѣлоруссіи, увидѣвъ аиста, завязываютъ узелъ отъ лихорадки (*Крачковскій*, въ „Чтеніяхъ моск. общ. ист. и древ.“, 1873, IV, 194).

Въ Малороссіи нѣкогда было сильное вѣрованіе въ могущество наузовъ, что обнаруживается уже въ существованіи въ малорусскомъ языкѣ такихъ выраженій, какъ: „завязанный свитъ“, „мини якъ завязано“ (т. е. ничто не удается). Въ 1700 г. въ гродскій луцкій судъ поступила жалоба отъ дворянъ Порванецкихъ и другихъ

Библиотека "Руниверс"

лицъ на дворянъ Березницкихъ и родственниковъ ихъ за многія обиды и оскорбленія; между прочимъ, Порванецкіе жаловались, что Березницкіе очаровали стадо ихъ овецъ, привязывая конскія кости къ шеямъ животныхъ. Неудовлетворившись этимъ, Березницкіе научили крѣпостную свою женщину Хведоныху, подозрѣваемую односельцами въ чародѣйствѣ, чтобы она причинила вредъ истцамъ. Хведоныха, публично похваляясь, что причинитъ уронъ Порванецкимъ, стала околдовывать ихъ какими то узелками, обливала водой дорогу въ ихъ имѣніи и безъ спросу ходила въ ихъ пасѣку. Истцы замѣтили, что съ этого времени стали околѣвать у нихъ лошади, скотъ и другія животныя, и пасѣка перестала приносить доходъ (*Антоновичъ*, Колдовство, 348). Веревкой съ особеннымъ образомъ завязанными узлами лѣчатъ отъ пьянства. Совѣтуютъ для излѣченія пьяницы разыскать на дорогѣ веревку, завязать концами въ середину и палить ее на сковородѣ. Какъ только загорится веревка, нужно трижды сказать: „такъ якъ ся веревка завъязана, такъ бы мени, рабу Божому, завъязано видъ всякого пьянства мысленого“. Когда веревка сгоритъ, то пепелъ ея даютъ въ чемъ нибудь пить (*Ефименко*, Малор. закл., 24).

Завязываніе узловъ съ наговорами обычно также у поляковъ. Въ петрковской и кѣлецкой губерніи знахарь насылаетъ болѣзнь или смерть на человѣка, завязывая на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, 9 узловъ на ниткѣ, вынутой изъ сорочки покойника, и приговаривая: „завязываю тебя (имя рекъ) во имя чорта, всемогущаго и проклятаго дьявола, на смерть (или на мѣсяцъ болѣзни), чтобы тебѣ было больно и нудно. Аминь“. Завязывая узлы знахарь говоритъ: „одинъ, не одинъ, два, не два“ и т. д. Если онъ пожелаетъ избавить человѣка отъ заклятія, то развязываетъ узлы, приговаривая: „развязываю тебя (имя рекъ) отъ болѣзни во имя всемогущаго Бога. Аминь“ (*Federowicz*, Lud, II, 233).

118.

Закрутка.

Закрутка представляетъ большое сходство съ наузомъ: тотъ же волшебный узелъ, только въ полѣ, на хлѣбной нивѣ. Крестьяне

Библиотека "Руниверс"

23 іюня, наканунѣ дня Іоанна Предтечи осматриваютъ свои поля, чтобы воспрепятствовать злымъ людямъ дѣлать на посѣвахъ „завивки“, которыя, по народнымъ вѣрованіямъ, чаще всего завиваются въ этотъ день на скотъ или на извѣстнаго человѣка и бываютъ весьма пагубны, какъ для тѣхъ лицъ и предметовъ, на которые завиваются, такъ и для людей, вырвавшихъ эти завитки. „Завивки“ дѣлаются такимъ образомъ: берутъ два пучка стеблей ржи или пшеницы и, не вырывая ихъ, связываютъ вверху въ особенный узелъ и колосья втыкаютъ въ землю (*Чубинскій*, Ш, 193, „Zbior wiadomosci“, XII, 94). Чтобы снять закрутку, приглашаютъ знахаря, который вырываетъ закрутку, произнося при этомъ заговоръ, втыкаетъ на томъ мѣстѣ три осиновыхъ палочки и самую закрутку сожигаетъ (*Kopernicki*, въ Zbior wiadom. XI, 199). Въ заговорахъ „на завитьте“ знахарь говоритъ: „не я тебе пилю, а осиновый кій“, упоминаетъ при этомъ „беззаконного Іуду (Юду или „Юдиху“), „мисячнаго видьмача“ и готовится вырвать закрутки (и скрывающуюся въ ней вѣдьму) въ „ростани однесты и осиновымъ коломъ пробить“ (*Ефименко*, 41, 42).

Въ старинное время въ Малороссіи было весьма распространено вѣрованіе въ закрутки и породило не мало судебныхъ процессовъ. Такъ, къ 1666 году относится любопытный судебный процессъ въ стародубскомъ полку по клеветѣ одного мельника на нѣкую женщину Арину въ томъ, что она „якобы мѣла зъ своего знахарства жита заламываты“, называлъ ее вѣдьмою, и ссылался на нѣкоторыхъ очевидцевъ. Но такъ какъ обвиненія эти не подтвердились, то по жалобѣ мужа оклеветанной женщины мельникъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію на 4 мѣсяца; но Арина „за упрошеніемъ людскимъ будучи милосердемъ знята простила его во всемъ“. (*Архіеп. Филаретъ*, Ист. ст. оп. черн. еп. VII, 70). На одной малорусской картинѣ страшнаго суда на полотнѣ XVIII в., находящейся въ кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ, между прочимъ, изображена колдунья заламывающая жито (*Покровскій*, въ Трудахъ одес. археол. съѣзда Ш, 327). Въ 1718 г. въ овручскій городскій судъ жаловались дворяне Невмержицкіе на своихъ сосѣдей, дворянъ Верповскихъ и Ярмолинскихъ, за то, что отвѣтчики „очаровали и завили ярую пшеницу истцевъ“. Въ 1723 г.

Библиотека "Руниверс"

въ с. Мошкахъ около Овруча дворянки Люба и Анастасія Мошковскія заподозрѣны были своимъ односельцемъ дворяниномъ Духовскимъ въ томъ, что онѣ дѣлаютъ завитки. Когда завитка оказалась на нивѣ Никона Мошковскаго, то Духовскій взялся отворожить ее и, съ этой цѣлью, встрѣтивъ Любу Мошковскую, ударилъ ее въ грудь на отмашь такъ сильно, что опрокинулъ ее ударомъ на землю (*Антоновичъ*, Колд. 348).

Повѣрье въ завязываніе закрутки съ цѣлью погубить урожай и человѣка встрѣчается въ Великороссіи (*Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр. III, 515) и въ Привислянскомъ краѣ (*Karłowicz*, Wisła 1887, II, 58, V, 172). Въ старинныхъ требникахъ встрѣчаются молитвы на закрутку; послѣ молитвословія священникъ выдергивалъ закрутъ церковнымъ крестомъ. Теперь въ Великороссіи для снятія закрутки приглашаютъ знахаря, который вырываетъ закрутку осиновымъ коломъ и сожигаетъ ее благовѣщенской свѣчей. На мѣстѣ закрутки знахарь вбиваетъ осиновый колъ, что причиняетъ колдуну нестерпимыя муки (*Аѳанасьевъ*, III, 516).

119.

Порча коровъ.

Вѣдьмы наносятъ вредъ не только лично человѣку, но вредятъ и его домашнему скоту, именно, коровамъ, иногда вредятъ домашней птицѣ, преимущественно курамъ. Повѣрье въ порчу коровъ вѣдьмами чрезвычайно распространено въ Малороссіи. Въ кіевской губерніи со словъ сельской бабки записано, что „вѣдьмы наравнѣ съ людьми уважаютъ годовые праздники, посѣщая церковь, одѣваясь по праздничному, а къ столу готовя молочныя кушанья. Коровье молоко, смѣшанное съ утреннею росою, есть необходимость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣнецъ ихъ праздничнаго стола. Гостепріимство по праздникамъ принято и у нихъ. Гостями бываютъ злые духи и иносельныя волшебницы. Но, чтобы столъ былъ полонъ для гостей, наканунѣ праздниковъ вѣдьмы проникаютъ въ хлѣвы къ чужимъ дойнымъ коровамъ и выдоиваютъ ихъ до крови. Въ моментъ доенія коровъ онѣ принимаютъ образъ женщины, имѣющей небольшое, бѣлое, какъ молоко, лицо, собачьи карые глаза и длинные желтые

Библиотека "Руниверс"

волосы, въ безпорядкѣ раскиданные по плечамъ, на которыхъ накинутъ длинный бѣлый плащъ [1]). При встрѣчѣ съ человѣкомъ эта бѣлая женщина превращается въ какое нибудь животное, а иногда въ клубокъ, или обручь, и быстро исчезаетъ. (*Краснокутскій*, въ Кіев. Епар. Вѣд.). Порчу молока и болѣзнь сосковъ приписываютъ всегда волхвованію. Въ подольской губерніи говорятъ, что вѣдьма старается выдоить корову или на Благовѣщеніе, или въ день св. Георгія, или въ первый день Свѣтлаго праздника. Такая корова не даетъ уже молока своимъ хозяевамъ, она принадлежитъ исключительно вѣдьмѣ. „Родимая“ вѣдьма доитъ обычно; ее можетъ увидѣть человѣкъ „первакъ“, ее можетъ разорвать собака „первакъ“ и, наконецъ, ее можно поймать на „очкуръ“ (поясъ штановъ). „Ученая“ же вѣдьма послѣ перваго доенія пробуравливаетъ въ одномъ изъ столбовъ своего дома или кладовой дырку, затыкаетъ ее съ заговоромъ колышкомъ, и потомъ молоко течетъ изъ этой дырки, какъ изъ крана. На Свѣтлый праздникъ вѣдьмы стоятъ въ церкви съ дойницей на головѣ, что посторонніе не видятъ (*Чубинскій*, I, 198, 203, 205; *Nowosielski*, Lud ukr. II, 81). На Волыни особенно опасаются порчи коровъ на Ивана Купалу. Въ ночь подъ Ивана Купалу не отлучаютъ телятъ отъ коровъ, передъ дверьми хлѣва ставятъ косу; въ хлѣвѣ посыпаютъ освященнымъ макомъ и ставятъ четверговую свѣчу, причемъ послѣднюю вѣдьма иногда грызетъ со злости и на ней видны слѣды ея зубовъ. На Волыни говорятъ, что вѣдьма можетъ испортить сразу всѣхъ коровъ въ селѣ, перегородивъ конопляной ниткой коловоротъ, т. е. ворота на краю села, черезъ которыя коровы идутъ на пастьбу (*Kopernicki*, Zbior, XI, 194—196). Въ воронежской губерніи записаны еще слѣдующія подробности: вѣдьма доитъ въ свой передникъ, безъ дойницы, при доеніи перевязываетъ соски волосками, отчего и портятся коровы; волосковъ этихъ никто не видитъ (*Воронеж. Бесѣда*, 1861, 193). Въ разныхъ мѣстахъ есть свои подробности, свои детали, неизмѣняющія общаго характера народныхъ повѣрій о порчѣ коровъ вѣдьмами.

---

[1]) Подробности о бѣлой одеждѣ вѣдьмы, вѣроятно, заимствованы изъ народныхъ сказаній о Бѣлой Панночкѣ, подъ которой скрывается французская фея Мелюзина въ бѣлой одеждѣ.—*Прим. авт.*

Библиотека "Руниверс"

Вѣдьмы обращаются въ разные предметы. Въ воронежской губерніи говорятъ, что онѣ могутъ принимать не болѣе 12 видовъ: сороки, собаки, кошки, свиньи, иглы, копны сѣна, клубка, козы, метлы, колеса и мухи (*Воронежская Бесѣда*, 192), но въ юго-западномъ краѣ часто встрѣчаются сказанія о превращеніи вѣдьмы въ птицу, жабу, коня, бревно и др. предметы (*Чубинскій*, *Kopernicki*, *Драгомановъ*, *Nowosielski*, и др.).

Средства защиты отъ вѣдьмъ чрезвычайно разнообразны; выше мы уже указали на свѣчу, макъ, косу; добавимъ, что у скотнаго двора ставятъ осиновыя колья; въ рога коровъ заворачиваютъ часть ремезоваго гнѣзда (*Красницкій* и *Воронежская Бесѣда*); въ лохань, изъ которой даютъ коровамъ пойло, бросаютъ живую черепаху (*Красницкій*); окуриваютъ старымъ ситомъ (*Kopernicki*); обливаютъ и поятъ „непочатой“ водой, т. е. взятой въ полночь изъ колодца въ одинъ пріемъ; опрыскиваютъ егорьевской росой, т. е. собранной наканунѣ св. Георгія Побѣдоносца, 23 апрѣля, рано утромъ (*Воронежская Бесѣда*).

Повѣрье о порчѣ коровъ вѣдьмами часто встрѣчается въ польскихъ судебныхъ процессахъ вѣдьмъ XVII в. (*Karłowicz*,, въ „Wisla“ 1887, III, 94 и др., V, 172, 178) и нынѣ обычно въ Привислянскомъ краѣ (*Fedorowicz*, Lud. II, 262), въ Великороссіи, Болгаріи, Чехіи, Германіи, (*Аѳанасьевъ*, III, 485—500). Католическое духовенство южной Германіи до сихъ поръ эксплуатируетъ это повѣрье, какъ доходную статью. Въ 1887 г. вышла вторымъ изданіемъ небольшая книга швабскаго католическаго священника Бишофсбергера объ изгнаніи демоновъ средствами католической церкви. Авторъ сочиненія на основаніи 37 лѣтней опытности (37 jär. Priesterleben) утверждаетъ, что въ нѣкоторыхъ хозяйствахъ коровы по колдовству не даютъ молока, несмотря на самый лучшій кормъ, а куры не несутъ яицъ. Съ цѣлью устраненія чаръ авторъ совѣтуетъ полагать крестное знаменіе на стойло и на сѣно, класть въ нихъ священные предметы, окроплять освященной водой, окуривать освященнымъ ладономъ, омывать соски освященной водой (*Längin*, Der Wunder und Dämonenglaube der Gegenwart, 42). Въ Норвегіи также вѣрятъ въ порчу коровъ (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 316).

Библиотека "Руниверс"

Объясненіе происхожденія повѣрій о вѣдьмахъ вообще, въ частности о доеніи ими коровъ, дано миѳологами, въ Германіи Я. Гриммомъ, въ Россіи Аѳанасьевымъ въ 3 т. „Поэт. воззр. слав. на прир.“ и г. Потебней въ соч. „О миѳич. знач. нѣкот. обр. и повѣрій“. Нѣкоторыя частныя замѣчанія въ этихъ трудахъ подлежатъ другому объясненію и въ настоящее время не могутъ быть приняты; напр., мнѣнія Аѳанасьева, что „затменіе луны должно быть разсматриваемо, какъ утрата ею молока—свѣта“, что „приготовленіе вѣдьмами чародѣйнаго масла вышло изъ уподобленія грозы взбиванію масла“ и др. т. п. Намъ кажется вѣрнымъ то общее положеніе ученыхъ миѳологическаго направленія, что сказанія о вѣдьмѣ указываютъ на связь ея съ нѣкоторыми явленіями природы, и въ частности сказанія о доеніи коровъ вѣдьмами стоятъ въ связи съ метеорологическими явленіями природы. Вѣдьма во многихъ повѣрьяхъ представляетъ олицетвореніе тучи. Тучи посылаютъ дождь, скрываютъ свѣтила небесныя отъ глазъ человѣка; соотвѣтственно съ тѣмъ вѣдьмы повелѣваютъ дождемъ и росой (которая въ народныхъ сказаніяхъ и повѣрьяхъ является маленькимъ дождемъ), похищаютъ звѣзды и мѣсяцъ.

120.

Собираніе росы.

Сказанія о доеніи коровъ вѣдьмами тѣсно связаны съ сказаніями о собираніи ими росы, которая служитъ вѣдьмамъ въ однихъ случаяхъ средствомъ для очарованія коровъ и людей, въ другихъ случаяхъ для питья. Въ кіевской губерніи ранніе слѣды хожденія по лугу, убѣленному росой, признаются слѣдами вѣдьмъ, собиравшихъ на разсвѣтѣ росу. На зарѣ лѣтней ночи вѣдьмы выходятъ на лугъ и ударяютъ длинными платками о траву, приникшую къ землѣ отъ тягости росы. Изъ намокшихъ платковъ роса выжимается въ сосуды, содержащіе звѣриное молоко. Смѣшанное съ росою, оно употребляется какъ любимое питье въ собраніяхъ вѣдьмъ и злыхъ духовъ (*Красницкій*, въ „К. Еп. Вѣд.“). По другому повѣрью, записанному также въ кіевской губерніи, вѣдьма моетъ юрьевской росой цѣдилку (т. е. ситечко для процѣживанія молока), а потомъ

Библиотека "Руниверс"

выдавливаетъ ее, и изъ нея тогда вмѣсто росы течетъ молоко, а сосѣдскія коровы остаются съ пустыми сосками. Тожественное повѣрье существуетъ въ Литвѣ. Здѣсь хозяйки наканунѣ Иванова дня варятъ цѣдилку въ святой водѣ, взятой изъ трехъ костеловъ, что заставляетъ чародѣевъ возвращать коровамъ выдоенное молоко (*Аѳанасьевъ*, III, 494). Подобное обыкновеніе существуетъ у волынскихъ малороссовъ, причемъ въ цѣдилку втыкаютъ булавки (*Kopern*, Zbiór, XI, 195). На Волыни говорятъ, что вѣдьмы на Ивановъ день до разсвѣта ходятъ простоволосыя по рвамъ и собираютъ росу, которую потомъ употребляютъ во вредъ скоту (ib., 194).

Въ Великороссіи, въ Привислянскомъ краѣ, въ Чехіи, въ Болгаріи, въ Германіи, въ Англіи записаны повѣрья, сходныя, а иногда тожественныя съ малорусскими (*Аѳанасьевъ*, III, 490—494; *Wisła* I, 16, II, 58; *Federowicz*, Lud, II, 262; *Krause*, въ Zeitschr. f. Ethnol. 1883, 82; *Спенсеръ*, Описат. соціол. 179). Вездѣ роса является цѣлебнымъ средствомъ; люди собираютъ ее въ платокъ, въ подойникъ, умываются ея, обрызгиваютъ скотъ, для полученія красоты или здоровья, а вѣдьмы употребляютъ ее во зло, во вредъ людямъ и животнымъ. Въ польскихъ судебныхъ процессахъ вѣдьмъ XVII в. встрѣчается обвиненіе вѣдьмы въ томъ, что она „rosę Zbierała z Liela, z drzewa, a potem na ludzi, na zboże, na bydło kropiąc, psowała“ (*Karłowicz*, 172). Во Франціи вѣрятъ, что колдуны собираютъ росу до восхода солнца въ день Іоанна Крестителя и потомъ опрыскиваютъ ею на мѣстѣ, гдѣ пасется скотъ, отчего у коровъ пропадаетъ молоко (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 342).

Библиотека "Руниверс"

Отвѣтъ на полемическую замѣтку В. Г. Васильевскаго.

Κωφὸν γάρ τῷ ὄντι πως καὶ διάκενον
τό σῶμα τῆς ἱστορίας. ὅταν ἐστερημένας
ἔχει τὰς αἰτίας τῶν πράξεων

Theoph. Cont. IV. 17.

Профессоръ с.-петербургскаго университета В. Г. Васильевскій въ октябрьской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія напечаталъ полемическую замѣтку, направленную противъ автора статьи «Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ IX и X вв.», помѣщенной въ майской кн. журнала „Кіевская Старина". Опроверженіе выставляемыхъ мной посылокъ и заключеній составляетъ не главную часть замѣтки В. Г. Васильевскаго, иначе это и не была бы полемическая, а просто критическая замѣтка; цѣль ея заключается въ томъ, чтобы выразить протестъ противъ моихъ критическихъ пріемовъ и тѣмъ предупредить русскихъ историковъ противъ соблазнительнаго и опаснаго примѣра. Этимъ двоякимъ характеромъ замѣтки долженъ опредѣляться и мой отвѣтъ. Мнѣ предстоитъ защищаться какъ противъ нападеній на упомянутое мое изслѣдованіе, такъ и противъ жестокихъ упрековъ и поученій общаго характера, высказываемыхъ за мои ненаучные пріемы.

Начну съ того, что въ замѣткѣ В. Г. Васильевскаго составляетъ критику моихъ положеній и выводовъ.

Есть въ древнемъ періодѣ русской исторіи роковые вопросы, наболѣвшія мѣста, къ которымъ безнаказанно нельзя при-

Библиотека "Руниверс"

касаться. Одни ученые обходятъ эти мѣста, другіе отъ времени до времени берутся за разрѣшеніе ихъ, придумывая новыя комбинаціи и подыскивая новое освѣщеніе фактамъ. Между другими вопросами сюда относится и тотъ, которымъ я занимался въ статьѣ, подавшей поводъ къ настоящей полемикѣ. Большая часть подразумѣваемыхъ непорѣшенныхъ вопросовъ имѣетъ то общее свойство, что для рѣшенія ихъ имѣется мало прямыхъ свидѣтельствъ. Этою малочисленностью свидѣтельствъ или прямыхъ текстовъ объясняется то, что малѣйшая особенность въ толкованіи одного мѣста влечетъ за собой уже появленіе исторической теоріи, ибо за легкимъ измѣненіемъ смысла того или другаго текста слѣдуютъ необходимо соотвѣтственныя перемѣны въ толкованіи другихъ сродныхъ мѣстъ. Едва ли настоитъ надобность оправдываться въ томъ, что я не обошелъ молчаніемъ одинъ изъ такихъ вопросовъ; по одному тому уже это было бы излишне, что вопросъ о Саркелѣ поднятъ мной не самъ по себѣ, а слѣдовательно безъ всякаго дурнаго намѣренія, о чемъ и заявлено въ началѣ статьи.

Изслѣдованіе о византійскихъ владѣніяхъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря состоитъ изъ трехъ частей. Элементы, изъ которыхъ состоитъ каждая часть, не мной открыты, давно извѣстны и не разъ подвергались разнообразнымъ объясненіямъ. Мнѣ принадлежитъ только то, что путемъ дозволеннымъ, какъ думаю, пріемовъ критики я сдѣлалъ первую попытку сблизить между собой эти элементы и указать на принадлежность ихъ къ одному разрушенному до основанія зданію посредствомъ подбора сходныхъ чертъ въ ихъ структурѣ и стилѣ. Если бы болѣе меня свѣдущій и опытный архитекторъ доказалъ мнѣ, что я ошибаюсь въ опредѣленіи характера и стиля обломковъ, что между ними нѣтъ ничего общаго, я бы съ благодарностью воспользовался сдѣланными указаніями и не преминулъ бы сознаться въ увлеченіи и ошибкѣ, отъ которыхъ не свободно человѣческое дѣло. Но авторъ „полемической замѣтки“, заявивъ, что все мое построеніе есть не болѣе какъ миражъ, долженствующій исчезнуть при свѣтѣ внимательной и строгой критики, слишкомъ по-

Библиотека "Руниверс"

надѣялся на свою опытность и поступилъ очень неосторожно, что я и надѣюсь доказать въ своемъ отвѣтѣ.

1. Прежде всего я останавливаюсь на свидѣтельствѣ Константина Порфиророднаго о построеніи Саркела. Пришедши къ заключенію, на основаніи изученія произведеній этого писателя, что въ нихъ находится сводъ археологическихъ и историческихъ матеріаловъ, которые можно было собрать въ X вѣкѣ, я высказываю догадку, что и 42 гл. de Administr. imperio не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Доказательство того, что и эта глава составлена на основаніи архивнаго матеріала и не представляетъ личнаго творчества Константина, нахожу въ географической части этой главы, которая носитъ признаки вставки. Анализируя мѣсто о построеніи Саркела, я отнесся къ нему какъ къ литературному факту, къ которому можно приложить пріемы внѣшней и внутренней критики. Въ извѣстіи оказались логическія и фактическія несообразности. Первыя усматриваю въ заключеніи разсказа, которое измѣнено уже у ближайшаго писателя, внесшаго это мѣсто въ свою лѣтопись. Вторыя же и прежде и теперь продолжаю видѣть въ томъ, что фактъ построенія византійцами крѣпости въ варварской землѣ безъ намѣренія оставить ее въ собственной власти—представляетъ весьма рѣдкое и почти невозможное явленіе въ политикѣ Византіи, ревниво охранявшей отъ варваровъ тайны своего военнаго искусства. Нашедши, далѣе, у I. Каменіаты извѣстіе объ инженерѣ Петронѣ и приходя къ весьма натуральной догадкѣ о тождествѣ Петроны—строителя Саркела и Петроны—инженера, я приведенъ былъ къ мысли, что мѣста Константина Порфиророднаго и I. Каменіаты не могутъ относиться къ тому же лицу, ибо едва ли могъ одинъ и тотъ же Петрона дѣйствовать на пространствѣ 60 лѣтъ. И здѣсь, въ качествѣ догадки, привожу соображеніе, что имя Θεόφιλος въ текстѣ Константина могло явиться изъ прилагательнаго θεόφιλος,—случай весьма нерѣдкій, зависящій отъ употребленія прописной буквы вмѣсто простой (Μακάριος и μακάριος, Ῥώμη и ῥώμη и мн. др.). Таковъ въ существенномъ ходъ мыслей, приведшій меня къ перенесенію извѣстія Константина съ 837 на 904 годъ.

Библиотека "Руниверс"

Протестъ и опроверженія В. Г. Васильевскаго прежде всего направлены на эту часть статьи [1]). Какимъ, говоритъ онъ образомъ, одесскій профессоръ можетъ знать о такихъ дѣлахъ лучше, чѣмъ императоръ Константинъ Багрянородный, жившій въ X вѣкѣ и придававшій такое значеніе *своему* сообщенію, что не только помѣстилъ онъ въ *собственномъ* (sic) сочиненіи, но и заставилъ повторить его въ хроникѣ, составлявшейся подъ его руководствомъ?

Но развѣ не извѣстно, что первая обязанность изслѣдователя по отношенію ко всякому историческому извѣстію заключается въ провѣркѣ его? Развѣ современники, очевидцы и участники въ событіяхъ могутъ быть свободны отъ всякихъ подозрѣній въ неправильномъ освѣщеніи излагаемыхъ ими событій. Насколько я понимаю задачи научной критики, въ своемъ стремленіи къ истинѣ она не можетъ останавливаться передъ тѣми преградами, на которыя указываетъ мой оппонентъ. Я конечно не позволю себѣ сказать, что я знаю о „такихъ дѣлахъ“ лучше Константина Порфиророднаго, но гдѣ угодно я могу защищать ту мысль, что Моммсенъ знаетъ древній Римъ лучше Ливія или что книга Зибеля лучше знакомитъ съ исторіей 1 крестоваго похода, чѣмъ сочиненіе Вильгельма Тирскаго. Дѣло не въ томъ, лучше ли меня знаетъ о своемъ времени писатель, жившій за 1000 лѣтъ, а въ томъ, что современный событіямъ писатель не можетъ быть свободнымъ отъ духа партіи и разнообразныхъ интересовъ, которыми водятся живые люди. Самъ же мой оппонентъ говорилъ когда-то, что царевна Анна Комнина не могла излагать всю правду про своего отца.

Не напрасно ли, продолжаетъ В. Г. Васильевскій, начинать критику извѣстія столь рѣшительнымъ заявленіемъ своихъ личныхъ, субъективныхъ воззрѣній на возможное и невозможное? Это самый опасный критическій пріемъ сейчасъ же объявлять невозможнымъ то, что намъ покажется страннымъ, неожиданнымъ

---

[1]) При чемъ оппонентъ, передавая содержаніе текста Константина допустилъ двѣ неточности: помѣстилъ Саркелъ *при устьяхъ Дона* и приписалъ построеніе *протоспаварію* Петронѣ.

Библиотека "Руниверс"

или невѣроятнымъ. Что одному кажется неправдоподобнымъ, то другой можетъ находить совершенно возможнымъ.

Здѣсь представляется образчикъ воззрѣній на возможное и невозможное въ исторіи, мой оппонентъ изгоняетъ субъективный элементъ въ изслѣдованіи. Но позвольте, Василій Григорьевичъ, вѣдь рѣчь идетъ о текстахъ, которые слѣдуетъ объяснять. Вѣдь если постановить правиломъ, чтобы изслѣдователь непремѣнно держался того мнѣнія, которое имѣли его предшественники, тогда наука не будетъ имѣть поступательнаго движенія. Вотъ и Вы проводите же совершенно субъективное воззрѣніе на основной вопросъ нашего спора, утверждая, что Саркелъ былъ при устьяхъ Дона; точно также Вы вдаетесь въ субъективизмъ, развивая мысль, что по византійскому взгляду построеніе крѣпости для варваровъ въ варварской землѣ было дѣломъ возможнымъ. Сучецъ во оцѣ брата видиши, а бревна въ своемъ глазу не замѣчаеши! Напрасно Вы еще настаиваете на томъ, что я смѣлъ критиковать писателя „облеченнаго въ порфиру“ и „вѣнценоснаго“,—это ужъ очень субъективно. Я совѣщался съ Константиномъ Порфиророднымъ по поводу Вашихъ нападокъ на меня и сообщу его мнѣніе въ концѣ отвѣта. Теперь же прибавлю отъ себя, что Вы напрасно устраняете политическія тенденціи у писателей, ими многое поясняется. Вспомните Ранке или критику римской анналистики у Петера.—На счетъ того, что Константинъ не могъ приписать „честь, подобающую собственному отцу, неправовѣрному, иконоборческому государю (т. е. Θеофилу)“ позвольте Вамъ объяснить, что въ X вѣкѣ память Θеофила была уже обѣлена, тогда уже составилось сказаніе объ изъятіи его имени изъ синодика. Признавъ мои соображенія неправдоподобной выдумкой и страннымъ хитросплетаніемъ, В. Г. переходитъ къ тому, въ чемъ я усматриваю доказательство дѣйствительной принадлежности Саркела Византіи, т. е. къ 11 гл. Константина. Я говорю, что мѣсто это такъ ясно, „что не требуется никакихъ толкованій, чтобъ установить его смыслъ“, а мой оппонентъ пишетъ, что я комментирую эти строки и нѣсколько ниже уязвляетъ выраженіемъ „критизирую“. Въ самомъ дѣлѣ, главой 11 утверждается положеніе, что когда хазары будутъ проходить къ Саркелу, Клима-

Библиотека "Руниверс"

тамъ и Херсону (т. е. указываются мѣста, не принадлежащія хазарамъ, не подчиненныя имъ), то властитель аланъ можетъ вредить имъ, занимая пути. Хотя В. Г. и ссылается на выраженіе текста ἐν τῷ διέρχεσθαι и притомъ опять таки съ замѣчаніемъ, что я отъ себя подставилъ смыслъ, но вѣдь онъ понимаетъ хорошо, что διέρχεσθαι употребляется и въ смыслѣ τὴν παλεμίαν и что мой переводъ ничѣмъ не хуже предложеннаго имъ.

Ну, кого могутъ убѣдить нижеслѣдующія слова: аланы просто могли пресѣчь путь хазарамъ къ ихъ же собственной крѣпости, когда они къ ней захотѣли бы пройти для какихъ либо цѣлей, хотя бы для смѣны или подкрѣпленія гарнизона.—Съ какой же стати говорить въ этомъ мѣстѣ о чужой крѣпости, когда основная мысль главы показать, какъ враждой аланъ можетъ пользоваться имперія къ своему благу и ко вреду хазаръ.

Въ главѣ 11 идетъ рѣчь о движеніи μετὰ φοσσάτου приводится глаголъ πολεμεῖν, съ какой же стати совершенно произвольно подставлять тутъ „какія либо цѣли“. Что же касается неупоминанія Саркела во второй разъ, то это именно указываетъ, что послѣдній можетъ подразумѣваться въ выраженіи Климаты.

Что касается текстовъ, на которыхъ основаны мои соображенія объ имени строителя Саркела, въ этомъ отношеніи проф. Васильевскій упрекаетъ меня въ томъ, что я упустилъ изъ виду фамилію Петроны и уже этимъ много повредилъ убѣдительности своихъ соображеній. Дѣло въ томъ, что строителемъ Саркела Константинъ называетъ не просто Петрону, а Петрону Каматира, а тотъ Петрона, который отличился устройствомъ загражденій въ Солуни, названъ просто Петроной. Только напрасно предполагаетъ мой оппонентъ, что я это упустилъ изъ виду. Конечно мнѣ было труднѣй отыскивать спеціалиста инженера Петрону, чѣмъ Каматира, ибо для первой цѣли можно пользоваться указателями именъ, а для второй нужно вчитываться въ литературу, нужно владѣть достаточнымъ запасомъ начитанности. Что я предпочелъ трудное болѣе легкому, это объясняется состояніемъ источниковъ, а никакъ не должно быть приписано моей небрежности. Понятное дѣло, моему оппоненту здѣсь было бы весь-

Библиотека "Руниверс"

ма кстати поразить меня указаніемъ Петроны Каматира въ началѣ 9 вѣка, чѣмъ былъ бы нанесенъ мнѣ ударъ въ самое сердце и чѣмъ былъ бы спасенъ авторитетъ защищаемаго имъ писателя. Но онъ указываетъ на дѣйствовавшаго въ 912 году Петрону Трифиллія и тѣмъ думаетъ заподозрить мои соображенія. Конечно, это не есть удачный пріемъ. Еще можно сближать Петрону Каматира и просто Петрону, если принять во вниманіе, что фамилія не всегда употреблялась писателями, что видно и у Константина, только разъ назвавшаго нашего инженера по фамиліи, а потомъ два раза только по чину и имени.

Итакъ, дѣло объясняется очень просто. Между дѣятелями конца 8 и начала 9 в. въ византійской исторіографіи мы не нашли Петроны Каматира, хотя и встрѣчали много разъ просто Петрону, находили и фамилію Каматира, но не съ тѣмъ именемъ, какого нужно было [1]). Когда поиски въ этомъ направленіи не увѣнчались успѣхомъ, мы направили ихъ въ другую сторону, и стали разыскивать на пространствѣ 8 вѣка такого Петрону, который бы занималъ не очень крупныя должности и который бы подходилъ по спеціальной подготовкѣ къ строителю Саркела. И напрасно В. Г. съ такимъ пренебреженіемъ отнесся къ протоспаѳарію Петронѣ, строившему загражденія въ Солуни. Постройка Саркела требовала не только выдѣлки кирпича и рабочихъ для кладки стѣны, и устройство заграждений въ Солуни было дѣломъ инженернаго искусства. Но неизвѣстно то обстоятельство, что даже и грубыя, такъ называемыя циклопическія, постройки, искусно приспособлялись къ стратегическимъ цѣлямъ; съ точки зрѣнія нашего оппонента теперешнія земляныя укрѣпленія, оказывались бы еще проще византійскихъ, и для устройства ихъ не требовалось бы никакого искусства, а только рабочія руки, заступъ и лопата. Что значитъ его указаніе на выраженіе текста ἐξεῦρε? Я его перевожу „изобрѣлъ“, а онъ „придумалъ, догадался“. Но, конечно, я вѣрнѣй перевожу это слово, а не В. Г. Васильевскій; словомъ ἐξεῦρε передается, напр., изобрѣтеніе письменъ готскихъ (*Migne*, 115, col. 708). Я

[1]) Такъ въ Актахъ VII всел. собора, у Ѳеофана, у продолжателя Ѳеофана, у Амартола.

Библиотека "Руниверс"

по совѣсти и по крайнему разумѣнію изслѣдую вопросъ, не отступая передъ затрудненіями, а оппонентъ издѣвается надъ моими словами!

2. Вторая глава моей статьи посвящена разбору записки готскаго топарха. Смѣю думать, что самое больное мѣсто въ изученіи этого памятника есть полная его изолированность. Съ точки зрѣнія исторической критики можетъ считаться уже одно то доказательствомъ неправильной постановки вопроса, если памятникъ, или текстъ, или просто возраженіе стоитъ совсѣмъ одиноко и не находитъ себѣ удобнаго мѣста въ ряду другихъ. Попытка объяснить отрывки Газе другими византійскими текстами и болѣе или менѣе вѣроятное сближеніе этого литературнаго памятника съ другими извѣстіями—во всякомъ случаѣ есть настоятельная потребность; на эту потребность авторитетно указалъ въ свое время академикъ Куникъ, призывая ученыхъ viribus unitis толковать памятники.

Профессоръ Васильевскій упрекаетъ меня, что я не согласился съ его толкованіемъ Отрывковъ Газе, что не принимаю, впрочемъ, и всѣхъ другихъ общихъ толкованій. Я полагаю, что нечего было бы и говорить мнѣ объ Отрывкахъ Газе, если бы я не пришелъ при изученіи ихъ къ нѣкоторымъ своимъ выводамъ. Другое дѣло—удачна или нѣтъ моя попытка. Нельзя же въ интересахъ науки издавать правила: такихъ то авторитетовъ не трогать, такихъ то мѣстъ не объяснять. Въ общемъ смыслѣ моихъ заключеній по отношенію къ Отрывкамъ Газе сводится къ слѣдующему: 1) въ Отрывкахъ идетъ между прочимъ рѣчь о постройкѣ стѣны въ области на сѣверъ отъ Крыма неизвѣстнымъ византійскимъ начальникомъ отряда, при чемъ тоже неизвѣстные варвары мѣшали своими нападеніями этой постройкѣ. Такъ какъ въ періодъ X вѣка, къ которому относятся Отрывки, нѣтъ въ византійской лѣтописи указанія на движеніе грековъ въ сѣв. области Чернаго моря, то мнѣ натурально было ухватиться за извѣстный фактъ—построенія Саркела Петроной. 2) Палеографическія наблюденія Газе, единственнаго лица, видѣвшаго Отрывки, пропавшіе послѣ него безслѣдно, для всякаго знакомаго съ состояніемъ палеографіи, должны показаться нѣсколько смѣлыми

Библиотека "Руниверс"

въ виду того, что онъ помѣчаетъ рукопись, въ которой видѣлъ отрывки, концомъ X вѣка, а самые отрывки признаетъ письмомъ младшей руки. Конецъ X вѣка и младшая рука, но тоже X вѣка—такія положенія во всякомъ случаѣ не надежны, чтобы на нихъ построить зданіе пріуроченія Отрывковъ къ концу X вѣка т. е. къ Святославу Игоревичу, на чемъ настаиваетъ проф. Васильевскій. 3) Анализируя Отрывки, я отмѣтилъ въ нихъ мѣсто которое указываетъ, что византійскій военачальникъ, строитель стѣны или крѣпости, возвратился послѣ этого въ Константинополь, а не измѣнилъ своему государю и не предался властителю на сѣверъ отъ Дуная. А это измѣняетъ взглядъ и на многое другое. Наконецъ, въ 4-хъ, я пришелъ къ заключенію, что Отрывки Газе должны быть изучаемы параллельно съ извѣстіемъ Константина о построеніи Саркела на Дону, и что въ нихъ трактуется именно о той экспедиціи, которая изложена у Константина.

Въ подробности моихъ заключеній проф. Васильевскій не входитъ, а ограничивается двумя замѣчаніями: 1) что по извѣстію Константина Петрона прибылъ изъ Корсуня водою на судахъ, и, нужно думать, тѣмъ же путемъ воротился сначала въ Корсунь, потомъ въ Царьградъ (а въ Отрывкахъ идетъ рѣчь о возвращеніи византійскаго военачальника сухимъ путемъ, добавимъ отъ себя); 2) ссылается на палеографическія замѣчанія Газе, которыя препятствуютъ пріуроченію Отрывковъ къ самому началу X вѣка и признаетъ, что Отрывки написаны во время экспедиціи, а не послѣ, какъ я думаю на основаніи того, что въ Отрывкахъ есть указаніе на послѣдующія событія, на результаты, обнаружившіеся уже послѣ экспедиціи (докладъ объ ней и награда).

Слишкомъ пренебрежительно отнесшись къ моей попыткѣ дать иное освѣщеніе памятнику, проф. Васильевскій не позаботился и опровергать моихъ доводовъ: мы не чувствуемъ, говоритъ онъ, охоты ни опровергать его, ни подробно разбирать. Напрасно, вѣдь можетъ кто-нибудь подумать, что здѣсь то и находится сущность моихъ положеній! Во всякомъ случаѣ приведенное заявленіе оппонента освобождаетъ меня отъ отвѣтственности.

Библиотека "Руниверс"

3. Въ третьей части я пытаюсь выяснить борьбу византійской и болгарской политики въ сѣверныхъ областяхъ отъ Чернаго моря, и для этого пользуюсь письмами Н. Мистика. Что́ бы, повидимому, могло быть законнѣй права изслѣдователя расширять поле изслѣдованія и привлекать для разъясненія своей темы побочный, повидимому, матеріалъ? Мой оппонентъ неблагосклонно относится и къ этому, говоря: „не довольствуясь отрывками Газе, Ѳ. И. Успенскій обращается къ письмамъ патріарха Н. Мистика". Но здѣсь я подвергаюсь едва ли не самому крупному обвиненію, которое, если бы было доказано, могло бы покрыть меня позоромъ. Если я и въ самомъ дѣлѣ „исказилъ (и притомъ несомнѣнно) точный смыслъ выраженій патріарха въ самомъ важномъ и рѣшительномъ мѣстѣ", если „посредствомъ нѣкоторой, на первый взглядъ невинной и небольшой неисправности перевода на русскій языкъ греческой фразы", ввожу въ обманъ легковѣрнаго читателя, то конечно я становлюсь обманщикомъ, котораго слѣдуетъ поставить къ позорному столбу. Не слишкомъ ли много беретъ на себя мой ученый оппонентъ; подумалъ ли онъ, что такъ можно обращаться только съ большимъ негодяемъ, а не съ ученымъ другомъ, какъ называетъ онъ меня въ началѣ статьи. Зачѣмъ же видѣть искаженіе, обманное и умышленное, вѣдь я же привелъ фразу? Вѣдь я былъ очень скупъ на приведеніе текстовъ, а эту фразу привелъ?

Въ чемъ же тутъ дѣло? Я доказываю, что въ ту эпоху, на которую, по моимъ заключеніямъ, можетъ быть отнесена постройка Саркела и Отрывки Газе, что въ эту эпоху происходила упорная борьба изъ-за вліянія на сѣверномъ берегу Чернаго моря между ромэями и болгарами. Указанія на эту борьбу нахожу въ письмахъ Николая Мистика, приводя въ переводѣ нужныя мѣста и подъ строкой сообщая самый выразительный текстъ. И вотъ тутъ-то будто бы „я нашелъ въ письмахъ нѣчто такое, чего въ нихъ совсѣмъ нѣтъ". До чего негодованіе ослѣпило моего оппонента, видно изъ слѣдующихъ его словъ, которыми онъ прямо подкрѣпляетъ мою мысль о борьбѣ политическихъ вліяній Византіи и Болгаріи на обширной аренѣ къ сѣверу отъ Чернаго моря: „Изъ посланія видно (идетъ рѣчь о посланіи Н. Ми-

Библиотека "Руниверс"

стика), что Симеонъ стремился выставить виновниками войны самихъ византійцевъ,—именно онъ указывалъ: 1) на то, что греческія войска были вызваны изъ Сиріи и двинуты къ болгарскимъ границамъ, которыя послѣ и переступили, и 2) на то, что византійцы возбуждали противъ болгаръ печенѣговъ, съ которыми заключили чрезъ посредство *херсонскаго стратига* Вога направленный противъ Болгаріи союзъ: нужно прибавить, что, по всѣмъ данным, о томъ же самомъ, то-есть о союзѣ съ печенѣгами противъ византійцевъ, еще ранѣе хлопоталъ самъ Симеонъ, и тѣмъ болѣе онъ досадовалъ на свою неудачу, что она была торжествомъ противниковъ и дипломатическимъ пораженіемъ его агентовъ". Но я вѣдь ничего другаго не утверждаю, и готовъ подписаться подъ приведеннымъ мѣстомъ, такъ зачѣмъ же открытъ враждебный походъ противъ меня? Солью полемики В. Г. Васильевскаго посыпано слѣдующее затѣмъ мѣсто, гдѣ онъ приводитъ съ дополненіями, нами пропущенными, девятое письмо патріарха Николая. Этимъ письмомъ несомнѣнно устанавливаются слѣдующіе факты, которые мы и выдвинули въ своей статьѣ, подчеркнувъ ихъ: а) стратиги Ѳракіи и Македоніи извѣщали, что болгаре преслѣдуютъ одну цѣль, грабить и опустошать нашу страну (оппонентъ находитъ точнѣе слѣд. переводъ: „что болгаре питаютъ намѣреніе совершенно разграбить и разорить нашу страну"—не буду съ нимъ спорить, кромѣ забавнаго, поправка его ничего не представляетъ); б) херсонскій стратигъ Вога постоянно дѣлаетъ донесенія, что болгаре все стараніе прилагаютъ привлечь на свою сторону печенѣговъ и другія племена, живущія въ этихъ мѣстахъ, въ походъ и на войну съ ромэями (оппонентъ даетъ тоже „болѣе точный" переводъ: Вога „также не перестаетъ увѣдомлять". Ужь и точность: не перестаю увѣдомлять, вмѣсто постоянно дѣлаю донесенія!), что болгаре всячески стараются поднять печенѣговъ и другіе народы тѣхъ странъ противъ грековъ"; 3) объ этомъ же доводятъ до свѣдѣнія и 16 человѣкъ печенѣжскаго посольства, явившихся сюда, что изъ Болгаріи приходятъ къ печенѣгамъ и не одинъ разъ, а часто и что эти послы предлагаютъ вступить съ ними въ союзъ, и что болгаре такъ озабочены устройствомъ этого союза, что соединяютъ сво-

Библиотека "Руниверс"

ихъ сыновъ браками съ печенѣжскими дѣвицами, дабы приготовить этимъ военное сотоварищество болгаръ и печенѣговъ; болѣе точный переводъ оппонента даетъ слѣдующее: „сверхъ того, до 16 человѣкъ изъ печенѣговъ приходили съ вѣстями, что изъ Болгаріи нѣсколько разъ присылали къ нимъ съ приглашеніемъ быть въ союзѣ; для этого стараются и браками связать два народа". Болѣе точный переводъ этого мѣста оказывается ужъ совсѣмъ не переводомъ, какъ можно убѣдиться въ этомъ при сличеніи съ текстомъ. Но такъ или иначе, ясно, что печенѣги подвергались сильнымъ вліяніямъ изъ Болгаріи, и что дипломатическая борьба Византіи и Болгаріи несомнѣнно увлекала печенѣговъ и другіе народы тѣхъ странъ. А какъ вѣсти приходили объ этомъ и отъ херсонскаго стратига, то также очевидно, что дѣло идетъ не объ отдаленной какой-нибудь опасности, а именно о ближайшей, то-есть, угрожаемы были интересы византійскаго вліянія и на сѣверномъ берегу Чернаго моря, гдѣ были въ то время печенѣги, привлеченіе которыхъ къ союзу съ болгарами представляло серьезную опасность.

Выставивъ указанныя артиллерійскіе снаряды, В. Г. Васильевскій хотѣлъ убить меня наповалъ нижеслѣдующимъ: „Вотъ ради чего, сколько я могъ убѣдиться изъ данныхъ мнѣ положительныхъ удостовѣреній, произошли у насъ сборъ войска и его передвиженіе, а также посылка къ печенѣгамъ (слѣдуетъ текстъ) не для того, чтобы поднять войну, не для того, чтобы совершить избіеніе твоего народа, но чтобы себѣ самимъ обезпечить безопасность, чтобы съ другой стороны остановить ваше стремленіе какъ они выражаются, и удержать отъ нашествія на греческую землю"... Приведенное мѣсто у меня передано такъ: Ради этого у насъ былъ собранъ отрядъ войска и посланъ въ печенѣжскую землю (и подъ строкой приведенъ текстъ). Но это не ради военныхъ дѣйствій и не для того, чтобы возбудить убійство твоего народа, но частію для того, чтобы позаботиться о собственной безопасности, частію же, чтобы пресѣчь и остановить ваше стремленіе и воспрепятствовать набѣгамъ на ромэйскую землю, какъ въ этомъ навѣрное извѣстились мы и чрезъ Вогу, и чрезъ пословъ печенѣжскихъ, и чрезъ донесеніе другихъ стратиговъ.

Библиотека "Руниверс"

Тутъ есть нѣкоторая тонкость, которую слѣдовало бы объяснить, иначе вся соль полемики пропадаетъ. В. Г. Васильевскій изволилъ тутъ смѣшать переводъ съ объясненіемъ. Ужъ если онъ такъ любитъ хвалиться точностью перевода, въ особенности если хочетъ меня поразить обвиненіемъ чуть ли не въ подлогѣ, то долженъ былъ весьма осторожно самъ подбирать выраженія. Вѣдь злополучную фразу нельзя переводить такъ, какъ онъ переводитъ. Вся его махинація, говоря его же словами, „достигается посредствомъ нѣкоторой, на первый взглядъ невинной и небольшой, неисправности перевода на русскій языкъ греческой фразы".

Τούτου ἕνεκεν ἡ τοῦ στρατοῦ γέγονεν συλλογή καὶ συγκίνησις καὶ ἡ πρὸς πατζιναχίτας διάπεμψις

Вотъ ради чего произошли у насъ сборъ войска и его передвиженіе, а также посылка къ печенѣгамъ.

Я утверждаю, что, вставивъ не по требованію текста слово „также", В. Г. Васильевскій старался придать фразѣ желаемый имъ смыслъ, утверждаю еще и то, что безъ прибавки этого „а также" ἡ διάπεμψις—посылка совершенно правильно въ грамматическомъ и логическомъ смыслѣ дополняется тѣмъ же словомъ, какимъ συγκίνησις и συλλογή (т. е. στρατοῦ). Если моему оппоненту желательно при διάπεμψις предполагать дополняющее слово πρεσβείας и вообще толковать это мѣсто въ томъ смыслѣ, что было движеніе арміи въ болгарскіе предѣлы и посылка пословъ къ печенѣгамъ, то ужъ это будетъ его толкованіе, а не переводъ.

Итакъ, я перевелъ фразу такъ, какъ требуется и никакихъ умышленныхъ цѣлей при этомъ не преслѣдовалъ и смысла рѣчи Н. Мистика не искажалъ. А затѣмъ, позволю себѣ обратиться къ моему оппоненту съ вопросомъ, какъ онъ думаетъ на счетъ исторической достовѣрности переписки Н. Мистика съ Симеономъ. Патріархъ Н. Мистикъ долженъ былъ выдавать всѣ тайны политики своего правительства, ведя дипломатическую переписку съ врагомъ имперіи? Вѣдь Симеонъ то на то и негодуетъ, что Византія старалась побудить печенѣговъ къ союзу противъ Болгаріи, такъ ужели мой оппонентъ думаетъ, что патріархъ въ отвѣтъ на эти обвиненія такъ и будетъ прямо докладывать, что вотъ правительство послало къ печенѣгамъ отрядъ вой-

Библиотека "Руниверс"

ска. Развѣ можно вѣрить и тому, что стяженіе арміи было „не для того, чтобы совершить избіеніе твоего народа", вѣдь это просто фраза въ дипломатической перепискѣ, фраза, которою маскируется фактическое положеніе дѣла. Мой оппонентъ часто любитъ повторять: источники ничего не говорятъ о томъ, стало быть этого не было.

Довольно наивная мысль, которая не понравится и русскимъ историкамъ, взятымъ имъ подъ защиту. Мало ли чего прямо не говорятъ источники, а с чемъ догадываются изслѣдователи...

Заключеніе изъ всего вышесказаннаго ясно. Никакихъ „миражей, долженствующихъ исчезнуть при свѣтѣ внимательной и строгой критики" полемическая замѣтка не обнаружила. Мало того, она даже ни на волосъ не подвинула изученіе вопроса. Вмѣсто того, чтобы обрушиваться на меня посредствомъ протеста и укорять за продѣлки съ текстами, такому извѣстному знатоку дѣла, пользующемуся общепризнаннымъ авторитетомъ, лучше было бы, не снисходя до тона страстной полемики, заняться еще разъ тѣмъ же вопросомъ и снова провѣрить тѣ выводы, къ которымъ онъ пришелъ 10 лѣтъ назадъ. Вѣдь этимъ вопросомъ и въ самое послѣднее время занимались западноевропейскіе ученые и не пришли къ тѣмъ же заключеніямъ, на которыхъ онъ настаиваетъ [1]).

Слѣдуя примѣру В. Г. Васильевскаго, я съ своей стороны обращаюсь къ Константину Порфирородному и нахожу въ его сочиненіяхъ нижеслѣдующій совѣтъ, направляемый къ моему оппоненту.

Меня радуетъ, что иперборейскіе скиѳы держатъ въ помыслахъ блаженной памяти предковъ и потомковъ моихъ, носившихъ скипетръ ромэйскаго царства, что читаютъ и складываютъ въ душѣ мои сочиненія, извлекая изъ нихъ уроки для своей политіи. Тебя же я не могу не отличать передъ другими и потому, что своимъ именемъ ты напоминаешь мнѣ дѣда моего, а въ своемъ прозваніи носишь стихіи ромэйской державы. Ты любезенъ сердцу моему, а потому я и открою тебѣ то, чѣмъ бы

[1]) Pič, Die Dacischen Slaven, Prag 1888, s. 238.

Библиотека "Руниверс"

ни подъ какимъ видомъ не согласился дѣлиться съ варварами. Мои склонности неудержимо влекли меня къ литературнымъ занятіямъ, въ особенности къ историческимъ трудамъ. Но судьбамъ промысла угодно угодно было предназначить мнѣ ромэйское царство, которое не могло не отвлекать меня отъ бесѣдъ съ учеными и отъ усидчивыхъ занятій надъ рукописями. Я помышлялъ о большомъ историческомъ сочиненіи, но оказалось, что я не могу располагать для такого труда ни свободнымъ временемъ, ни всѣми необходимыми удобствами—завидуютъ вѣнценосцамъ, но это тяжелый и часто непосильный подвигъ! Къ этому присоединилось и то, что я не пользовался хорошимъ здоровьемъ, и часто рука моя отказвалась водить стилемъ по хартіи. На многихъ произведеніяхъ ромэйской письменности стоитъ мое имя. Ты знаешь сочиненіе о придворномъ чинѣ и отъ твоего глубокоумія не могло укрыться, — да я объ этомъ и не умолчалъ—что оно составлено по извѣстіямъ древнихъ писателей, частію же на основаніи записокъ современниковъ и очевидцевъ. Хорошіе и добродѣтельные и благочестивые люди, служившіе вѣрой и правдой нашимъ предшественникамъ, оказывались иногда не совсѣмъ справедливыми описателями дѣлъ и вещей, въ особенности если они мало были причастны еллинской мудрости. Но съ большимъ трудомъ отыскавъ какую либо рукопись, хранившуюся въ отдаленномъ монастырѣ, часто дурно написанную, мы считали полезнымъ не оставить и такую безъ вниманія. Ты знаешь, что II часть этого сочиненія такъ неисправна, что оглавленіе не соотвѣтствуетъ содержанію.

Все это я говорю съ тѣмъ, чтобы ты зналъ, что я и самъ причастенъ человѣческихъ слабостей и не смотрю на свой трудъ какъ на совершенство. Очень жалѣю, что въ иперборейскую страну не были доставлены въ свое время мои сочиненія. Вамъ приходится теперь знакомиться съ моими трудами по тисненію, сдѣланному франками. Скажу тебѣ, что мнѣ часто бываетъ больно взглянуть въ мои сочиненія; къ первоначальнымъ неисправностямъ, происходившимъ отъ тѣхъ причинъ, о которыхъ говорю выше, теперь присоединились другія, въ которыхъ я неповиненъ: я отмѣтилъ для тебя эти неисправности и при

Библиотека "Руниверс"

случаѣ сообщу ихъ. Весьма часто не такъ прочитаны нѣкоторыя буквы, отчего слово измѣняетъ смыслъ, нарицательныя имена сдѣланы собственными и наоборотъ, допущены во многихъ случаяхъ пропуски, даже смѣшаны нѣкоторыя части.

Но скиѳы, какъ я вижу, внимательнѣй знакомятся съ другимъ моимъ произведеніемъ „Объ управленіи имперіей". И въ сіи обители, въ которыхъ упокоенъ, по благости Божіей, духъ мой, дошелъ слухъ, какъ ты, возгорѣвъ ревностью свыше должной мѣры, допустилъ осмѣяніе въ вашихъ періодическихъ писаніяхъ одного скиѳа, обитающаго на Понтѣ Евксинскомъ. Я не похвалю тебя за это по двумъ причинамъ. Первая та, что ты безъ надлежащаго искусства защищаешь меня. Мнѣ конечно не составляетъ большой пріятности уже и то, что ты устами почитая меня, называя порфиророднымъ и вѣнценоснымъ, не постыдился моего царскаго величія и потревожилъ мой прахъ въ такомъ, увы, дѣлѣ, какъ распря твоя съ тавроскиѳомъ. Въ вашемъ хронографѣ читается: суть бо греци льстиви до сего дне, я же скажу, что скиѳы превосходятъ ихъ въ этомъ. Ты много, затѣмъ, возлагаешь на меня, какъ на писателя. Конечно, составляя, напр., жизнеописаніе дѣда моего, я не чуждъ былъ того, что у франковъ называется тенденціозностью и на что я смотрѣлъ какъ на долгъ династическій. Первыя главы этого сочиненія имѣютъ задачей показать древность нашего рода, родство его съ Арсакидами съ одной стороны и съ ромэйскимъ царскимъ родомъ, съ другой. Мнѣ также желательно было доказать, что родъ мой не непричастенъ и такихъ заслугъ, которыя высоко ставятъ его передъ церковью. Божественное его избранничество и тѣ символы и указанія, которыми знаменуется это избранничество, я считалъ нужнымъ включить въ это жизнеописаніе, хотя какъ же могъ я все это провѣрить? Ты долженъ знать, что въ мое время была въ царской библіотекѣ книга, написанная на древнемъ пергаменѣ и древнимъ письмомъ, въ которой изложены пророчества и предсказанія о нашей династіи. Правда, говорили, что патріархъ Фотій подложилъ эту измышленную имъ исторію въ царскую библіотеку. Но кто же можетъ поставить мнѣ въ упрекъ, что я воспользовался этой книгой и

Библиотека "Руниверс"

допустилъ нѣчто невѣрное въ исторіи моего дѣда, когда франки въ родословное дерево своего короля Карла внесли и не такія прикрасы. Вторая же причина заключается въ слѣдующемъ. Не скажу, чтобы мнѣ пріятно было, когда меня поправляютъ франки ли, скиѳы ли или другіе. Но и между эллинами былъ обычай, при изученіи какого-либо древняго писателя дѣлать на свободныхъ мѣстахъ вставки и даже поправки. Отъ такихъ вставокъ не остались свободны и мои сочиненія. Иногда онѣ удачны, иногда нѣтъ. Но въ вашей странѣ неизвѣстны мои хирографы, вы пользуетесь печатными книгами. Въ этихъ послѣднихъ есть несомнѣнныя *σφάλματα*, которыя конечно настоятельно нуждаются въ исправленіи. Напр.

De adm. imp. p.	108	читай Ἴβηρ	вмѣсто	ὕδωρ
	178	— χελάνδια	—	μελάνδια
	180	— Ἰβηρίαν	—	Συρίαν
	198	— μέγα	—	μέτα
	205	— Ἰβηρίαν	—	Ἰλλυρίαν
	259	— Συμβόλῳ	—	σωμβόλῳ
	—	— λιμένι	—	λιμῶνι

Я уже не говорю о тѣхъ частію ненамѣренныхъ и невольныхъ ошибкахъ, въ которыя я былъ вовлеченъ моими сотрудниками и помощниками. Иногда я долженъ былъ довольствоваться сдѣланными мнѣ донесеніями и принять ихъ безъ провѣрки, не могъ же я ѣхать въ Скиѳію и подвергать опасности жизнь мою на вашихъ днѣпровскихъ порогахъ. Точно также я не могу отвѣчать за свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ другими, о славянахъ долматинскихъ и о поселеніи въ ромэйской области сербовъ и хорватовъ.

Сообразивъ все мной сказанное, ты поймешь какъ меня удивила твоя раздражительная полемика противъ того скиѳа, обитающаго на Понтѣ. Я самъ имѣлъ дѣло съ представителями разныхъ мнѣній въ области наукъ, и могу понять, что тутъ вполнѣ законны сомнѣнія, догадки и предположенія. Царскій родъ ромэйскихъ автократоровъ уважалъ научныя занятія и нерѣдко брался за стиль. Знаю царевну Анну, царя Кантакузина, не говоря о другихъ. Ради успѣховъ вашихъ занятій необходимо

Библиотека "Руниверс"

выдѣлять и у нихъ истину отъ заблужденій: они тоже были люди своего времени и народа, они тоже имѣли свои симпатіи и антипатіи и, какъ облеченные тѣломъ, подвержены были человѣческимъ слабостямъ: иное выставляли больше на видъ, иное сглаживали, на вѣру всего нельзя принимать и у нихъ.

Самое же худшее въ твоей полемикѣ это цѣль ея. Ты преступилъ мѣру и принялъ весьма высокомѣрный тонъ по отношенію къ мужу, хотя и не живущему въ царственномъ городѣ и не такъ хорошо, какъ ты, знакомому съ музами и харитами, но все же прилагающему ревностное стараніе узнать чинъ нашей политіи и имѣющему заслуги по изученію ромэйской имперіи. Ты подвергаешь осмѣянію его стремленіе разобраться въ темныхъ мѣстахъ нашихъ текстовъ, которые имѣютъ значеніе для вашей исторіи. Это тѣмъ больше не хорошо, что у васъ еще такъ мало охотниковъ посвящать свои силы такого рода занятіямъ и что скиѳская невоздержность можетъ тутъ нанести вредъ начинающимся занятіямъ. Развѣ представляютъ хорошіе франкскіе органы подобный образецъ ученой критики, какой ты освящаешь своимъ авторитетомъ на страницахъ вашего періодическаго списанія.

Ѳ. Успенскій.

Библиотека "Руниверс"

Документы, извѣстія и замѣтки.

Опись имѣній Бороздн, 1638 г.

Предлагаемый актъ, пріобрѣтенный нами межъ остатками Бороздинскаго семейнаго архива, представляетъ собою пока единственный документъ, знакомящій насъ съ населеніемъ Сѣверщины въ первой половинѣ XVII в. Кромѣ того, опись Бороздинскихъ имѣній заключаетъ въ себѣ интересныя частности для исторіи заселенія той же Сѣверщины. Опись печатается здѣсь въ переводѣ съ польскаго подлинника А. Л.

Инвентарь имѣній: двора и села Горска надъ р. Сновью, села Клюсъ надъ р. Цатою, слободки Хреновичъ, селища Тарасовскаго и Пралниковскаго, селища Дане (Dane), селища Забѣжы, Измайловскаго, Сѣмашкина надъ рѣчкой [1]) .., Тыхоничъ, Дороховскаго, бортныхъ уходовъ, острова Мѣншыцкаго и другаго Бабичи. также трехъ городищъ, лежащихъ въ разныхъ мѣстахъ: городища Волжина ниже устья рѣчки Жолвѣди, городища Чижова надъ р. Жолвѣдою и третьяго Горскаго надъ Сновью; а равно находящихся въ томъ же селѣ и мѣстечкѣ Горскѣ двухъ церквей: св. Николая и св. Юрія и третьей церкви св. Спаса, стоящей на землѣ Клюсовской. на Красномъ Борку, надъ р. Сновью; а также деревни Куршиновичъ, двора и села Медвѣлова и иныхъ всѣхъ селищъ и пустошей, издавна къ тѣмъ дворамъ и селамъ принадлежащихъ,—составленный мною Александромъ-Владиславомъ Быковскимъ, мечникомъ повѣта Рѣчицкаго, дворяниномъ Е. К. М., при передачѣ тѣхъ выше и ниже именованныхъ имѣній во владѣніе пану Іосифу Борознѣ. согласно привилегіямъ, декретамъ и листу Е. К. М., ко мнѣ писанному при посылкѣ меня для передачи тѣхъ

[1]) Пропускъ въ подлинникѣ.

Библиотека "Руниверс"

имѣній, лежащихъ въ Стародубскомъ повѣтѣ, съ именнымъ спискомъ осѣдлыхъ подданныхъ и всякихъ другихъ принадлежностей тѣхъ имѣній.

Прежде всего, городище и село *Горскъ*, въ которомъ не много посуроекъ: пекарень двѣ, свирня [1]) надъ погребомъ и конюшня изъ плетня (tyniona). Въ томъ селѣ живутъ подданные, осѣдлые [2]) отчичи:

Ермакъ Чорный съ женою и дѣтьми. Васько Кушниръ съ женою и дѣтьми. Савко Черниговецъ съ женою и дѣтьми. Ермакъ Головко съ женою и дѣтьми. Левонъ Вильменецъ съ женою и дѣтьми. Хома Лышъ съ женою и дѣтьми. Кондратъ, Лысаго пасынокъ, съ женою и дѣтьми. Хведоръ Колесникъ съ женою и дѣтьми. Андрей Кула съ женою и дѣтьми. Петръ Колесниченокъ съ женою и дѣтьми. Семенъ Жила съ женою и дѣтьми. Тышко Бѣлый съ женою и дѣтьми. Демидъ съ женою и дѣтьми. Иванъ Евхимовъ съ женою и дѣтьми. Игнатъ Овсяниковъ съ женою и дѣтьми. Стефанъ Щасный съ женою и дѣтьми. Васько, Игнатовъ братъ, съ женою и дѣтьми. Илья Колесниченокъ съ женою и дѣтьми. Овдѣй Овсяниковъ съ женою и дѣтьми. Романъ Олиференокъ съ женою и дѣтьми. Данило Плахозичъ съ женою и дѣтьми. Васько Овсяниковъ съ женою и дѣтьми. Филя Овсяниковъ съ женою и дѣтьми. Савко, Лысаго зять, съ женою и дѣтьми. Давидъ Скрабко съ женою и дѣтьми. Гришко Подвыйскій съ женою и дѣтьми. Митюкъ Овсяниковъ съ женою и дѣтьми. Тимохъ Овсяниковъ съ женою и дѣтьми. Аниско Никифоровичъ съ женою и дѣтьми. Иванъ Засыпечь съ женою и дѣтьми. Ничыпоръ Засыпечь съ женою и дѣтьми. Стефанъ, Щасного нивагеръ, съ братомъ своимъ, съ женами и дѣтьми. Трухонъ Исаковичъ, съ братьями своими, съ женами и дѣтьми. Стефанъ Добошъ съ женою и дѣтьми. Юрко Евтуховичъ, съ братомъ своимъ Якимомъ, съ женами и дѣтьми. Бабурсовій (?) съ женою и дѣтьми. Сасинъ Синявскій съ братьями своими, съ женами и дѣтьми. Акула (Вакула) съ женою и дѣтьми. Кондратъ, племянникъ (bratanek) Вакулы, съ женою и дѣтьми. Петръ Литвинъ съ женою и дѣтьми. Савко Пастухъ съ женою и дѣтьми. Адамъ Ляховичъ съ женою и дѣтьми. Тышко Рудый съ женою и дѣтьми. Курилко съ женою и дѣтьми. Стефанъ Зломъ съ женою и дѣтьми. Карпъ Новикъ съ женою и дѣтьми. Яцко Новиченокъ (Но-

---

[1]) *Свирня* – кладовая.

[2]) Osiadły—крестьянинъ, высидѣвшій въ имѣніи льготный срокъ, въ теченіе котораго онъ освобождался отъ обычныхъ повинностей.

Библиотека "Руниверс"

виченко?) съ женою и дѣтьми. Логвинъ съ женою и съ сыномъ Сидоромъ. Горелько съ женою и дѣтьми. Кондратъ Логвиновичъ съ женою и дѣтьми. Васько Божымиръ съ затемъ своимъ, съ женами и дѣтьми. Андрей Логвиновичъ съ женою и дѣтьми. Андрей Слюба съ женою и дѣтьми. Семенъ Попіонекъ (Попенко?) съ женою и дѣтьми. Иванъ Попіонекъ (?) съ женою и дѣтьми. Якубъ Дроздовскій съ женою и дѣтьми. Гришко Караба съ женою и дѣтьми. Васько Матлюнъ съ женою и дѣтьми. Гришко Малчонекъ съ женою и дѣтьми. Исько Малчонекъ съ женою и дѣтьми. Сенько Коваль съ женою и дѣтьми.

Деревня *Клюсъ* надъ рѣкой Цатою, въ которой живутъ подданные:

Иванъ Булка съ женою и дѣтьми. Аксіонъ Гульный съ женою и дѣтьми. Авакумъ Жаденокъ съ женою и дѣтьми. Якубъ Булдзенокъ съ женою и дѣтьми. Андрей Амелюновъ съ женою и дѣтьми. Петръ Булдзенокъ съ женою и дѣтьми. Кондратъ Сиротко съ женою и дѣтьми. Апанасъ Федоровъ съ женою и дѣтьми. Андрей Соловей съ женою и дѣтьми. Омелянъ Любенко съ женою и дѣтьми. Овдокимъ Коваль съ женою и дѣтьми. Евфимъ Компнокъ съ женою и дѣтьми. Семенъ Лихачъ съ женою и дѣтьми. Гришко Левоновъ съ женою и дѣтьми. Михайло Булдзенокъ съ женою и дѣтьми.

Слобода *Хреновичи* надъ болотомъ Рожечнымъ, въ которой подданныхъ не много:

Федоръ Мишуковъ съ женою и дѣтьми. Ничыпоръ Левоновичъ съ женою и дѣтьми.

Деревня *Куршиновичи*, селище *Крашево*, островъ *Исайовскій* и *Городецъ* надъ рѣкой Трубешомъ и Медвѣдкой; въ томъ селѣ подданные:

Якимъ Лайловичъ съ женою и дѣтьми. Максимъ Опара съ женою и дѣтьми. Стефанъ Ермаковъ съ женою и дѣтьми. Лашко Косякъ съ женою и дѣтьми. Иванъ Ермаченокъ (Ермаченко?) съ женою и дѣтьми. Кондратъ Плоскій съ женою и дѣтьми. Стефанъ Пидчеропъ (?) съ «прыймою» своимъ Борисомъ. Алексѣй Поджола съ женою и дѣтьми. Микита Ласкевичъ съ женою и дѣтьми. Филонъ Шклярычъ съ женою и дѣтьми. Федоръ Тѣсто съ женою и дѣтьми. Кондратъ Плоскаго племянникъ съ женою и дѣтьми. Атрохъ Тѣсто съ женою и дѣтьми. Демидъ Будникъ съ сынами своими, съ женами и дѣтьми. Захарко Козакъ съ братомъ своимъ, съ женами и дѣтьми. Алексѣй Кутыкъ съ женою и дѣтьми. Осипъ Дудка съ женою и дѣть-

Библиотека "Руниверс"

ми. Ничыпоръ Апаренокъ съ женою и дѣтьми. Радко Кудрявый съ женою и дѣтьми. Лашко Тымошенокъ съ женою и дѣтьми. Лукьянъ Рыжій съ женою и дѣтьми. Романъ Сукачъ съ женою и дѣтьми.

Дворъ и село *Медвѣдово* надъ рѣчкою Пѣнейкою. Въ немъ немного построекъ: пекарня съ сѣньми и подъ избою свирня съ подклѣтомъ, конюшня съ кошарою и гумно, сверхъ того мельница со всѣми принадлежностями. Въ томъ селѣ подданные отчичи:

Матвѣй Шустѣловъ съ женою и дѣтьми. Климъ съ женою и дѣтьми. Якимъ изъ Велемоновъ съ женою и дѣтьми. Гаврикъ Шустѣненокъ съ женою и дѣтьми. Леонъ съ женою и дѣтьми. Кондратъ съ братьями своими, съ женами и дѣтьми. Яцко, зять Леоновъ, съ женою и дѣтьми. Зѣнько съ женою и дѣтьми. Гаврикъ Лысый съ братомъ своимъ Кондратомъ, съ женами и дѣтьми. Атрошко, Романовъ зять, съ женою и дѣтьми. Андрей Лазевскій съ женою и дѣтьми. Матьяшъ съ женою и дѣтьми. Романъ съ женою и дѣтьми.

Къ тѣмъ селамъ и деревнямъ издавна принадлежатъ: селище Бутовскаго, Каптюжино верхъ рѣки Пѣнейки, Заничи, Иваничи, селища Клещово надъ рѣчкой Цитвой, Бахаевское надъ рѣчкою Перестянкою, Ярцово надъ рѣчкою Цитвою, селище Чекарцове (?) надъ рѣчкою Росткою въ Мглинской волости, селище Рощиновское надъ рѣчкою Судынкою, селище Рожевское надъ Тростянкою и Возницою въ Послинской волости; на земляхъ Клющевскихъ и Горскихъ три городища въ разныхъ мѣстахъ: одно Чижово надъ рѣчкою, а другое Волжино ниже устья рѣчки Жолвѣди, а третье Горское надъ рѣкою Сновью. Горску принадлежатъ три церкви: св. Миколая, св. Юрія и третья св. Спаса. Къ нему же принадлежатъ селища: Тарасовское, Пычоничи, Дороховское надъ рѣчкою Илькучею, селище Пралниковское надъ рѣкою Сновью, селище Данки надъ рѣчкою Вербью, селище Измаиловское, Сѣмашкино надъ рѣчкою Тетивою и Мищанкою; сверхъ того бортные уходы, островъ Меншицкій и островъ Бабичи,— со всѣмъ, что издавна принадлежало къ тѣмъ селищамъ и деревнямъ; сверхъ того усадебное мѣсто (plac) съ постройками на улицѣ Могилевской въ городѣ Стародубѣ.

Разграниченіе тѣхъ всѣхъ вышеименованныхъ маетностей:

Первая пята начинается отъ двора и села Горска и деревни Клюсовъ, направляясь отъ пустой хоромины и Галаго болота и отъ

Библиотека "Руниверс"

Частаго (Częstego) кургана да въ рѣку Сновь; рѣкою Сновью внизъ правымъ берегомъ въ Быстрицу; отсюда черезъ лугъ сѣченными рубежами [1]) да въ Венище; отсюда также сухимъ берегомъ сѣченными рубежами въ Велькунь; съ Велькуни къ болоту вверху рѣчки Илькучи; отсюда черезъ болото Илькучи да въ рѣчку Слотъ; вверхъ рѣчки Слота, правымъ ея берегомъ, приходимъ къ границѣ съ деревнею Лозами, ясновельможнаго пана каштеляна Черниговскаго п. Адама Киселя; отсюда сѣченными рубежами въ рѣчку Илькучу, а этою рѣчкою да въ рѣку Сновь; рѣкою Сновью вверхъ, правымъ берегомъ черезъ луга этой рѣки къ озеру Кутчища; отъ этого озера и р. Мѣщанки (?) въ Черницовъ лугъ; вверхъ лугомъ Черницовымъ, правымъ берегомъ, да въ Липовые лѣски, сѣчонными рубежами, въ болото Жилино; съ этого болота Жилина сѣчонными рубежами да въ Крутой лугъ; а тѣмъ Крутымъ лугомъ въ болото Мостище да на Терновскую дорогу (шляхъ); съ того Терновскаго шляха да въ рѣчку Колыбельку; рѣчкою Колыбелькою да въ рѣку Даворку сѣчонными рубежами; той же рѣчкою Даворкою да въ Сасовыя поляны, сухимъ берегомъ, сѣчонными рубежами въ лѣсъ Медвѣжій; съ Медвѣжьяго лѣса да въ рѣчку Цату; тою рѣчкою Цатою вверхъ къ рѣчкѣ Вакѣ (Валіи?), а этою рѣчкою въ рѣчку Берложную; рѣчкою Берложною вверхъ, а отсюла сухимъ берегомъ сѣчонными рубежами да въ Галое болото, къ Частому кургану да въ рѣчку Сновь. Отсюда началась первая пята двора и села Горска, также деревни Клюсовъ и иныхъ селищъ и пустошей, къ тѣмъ селамъ издавна принадлежащихъ, какъ было за его предковъ.

Ограниченіе деревни Куршиновичъ и селища Красова и острова Городца и Саевскаго: первая пята начинается по рѣкѣ Снови отъ устья рѣчки Злынки, правымъ берегомъ р. Снови, до рѣчки Столпни; рѣчкою Столпнею вверхъ Умертвицы, сѣчонными рубежами, сухимъ берегомъ да въ лѣсъ Ямный, вверхъ, пересѣкая Черниговскій шляхъ, да въ Кривыя сосны, сѣчонными рубежами, да въ рѣчку Крайню, Берложную, а той рѣчкой Берложной внизъ да въ Крушиновые лѣски, а тѣми перелѣсками да въ рѣчку Храпіолку; тою-жъ рѣчкою Храпіолкою да въ рѣчку Цату, а рѣчкою Цатою вверхъ правымъ берегомъ въ рѣчку Ваку; съ той рѣчки Ваки да въ Чорный лугъ, а лугомъ, берегомъ, сѣченными рубежами, въ лѣсъ Ржавецъ да

---

[1]) „*Сѣченые рубежи*“—граничные знаки на деревьяхъ.

Библиотека "Руниверс"

въ рѣку Трубешъ; рѣкой Трубешемъ да въ рѣчку Крапивну; отъ рѣчки Крапивной въ лугъ болота Ольшанецъ, а съ того луга Ольшанца сѣченными рубежами въ рѣчку Сѣмчу, тою жъ рѣчкою внизъ да въ рѣку Сновь, а рѣкой Сновью до устья рѣчки Злынки, откуда началась первая пята того села Куршиновичъ и иныхъ пустошей, издавна къ тому селу принадлежащихъ.

Граница села во дира Медвѣдова и селищъ къ тому двору принадлежащихъ: селища Иваничъ, Вышкова и Шумова, Прибыткова и... (пропускъ) и Заниховъ.—Первая пята начинается отъ Клещовскаго болота, идетъ внизъ по рѣкѣ Титвѣ, отсюда въ рѣку Сновь, а вверхъ рѣкою Сновью къ рѣчку Чернотку, рѣчкой Черноткой вверхъ тѣмъже лугомъ Черноткинымъ да въ Осиновые лѣски, сѣченными рубежами, въ Скоморожскіе лѣски по старую дорогу Топальскую, этой-же дорогой Топальской, ѣдучи до Медвѣдева, въ Юрковую Лозу сѣченными рубежами по курганъ, а отъ того кургана сѣченымъ рубежемъ въ рѣчку Пѣнейку, въ Большіе Колодязи, внизъ рѣчкою Пѣнейкою правымъ берегомъ до рѣчки Титвы, откуда началась первая пята той границы двора и села Медвѣдева.

Ограниченіе двора деревни Бутовскаго, селища Каптюжина и селища Заничъ.

Первая пята той границы начинается отъ рѣчки Пѣнейки и отъ Колдышова «прядыща» (конопляника) къ кургану, отъ того кургана въ Чорную Лозу и съ Винной Купѣли къ Виловатому дубу сѣченными рубежами, лугомъ вверхъ въ Юрковую Лозу; съ той Юрковой Лозы на Старый гостинецъ Терновской дорогой къ осиновому колку (пню) Скоморошки; отъ осиноваго колка сѣченными рубежами до дубоваго колка, а отъ того дубоваго колка Старымъ гостинцемъ къ кургану, а отъ кургана да въ Чорную Лозу; отъ Чорной Лозы вверхъ сѣченными рубежами да Шкваркою дорогой въ осиновые колки; съ осиновыхъ колковъ въ Козье Болото, отъ Козья Болота Шкваркою дорогою да въ Мохъ; отъ того Моху гостинцемъ великимъ въ Литовскіе... тѣмъ гостинцемъ въ дубовые колки сѣченымп рубежами да въ Орловое Гнѣздо; съ Орловаго Гнѣзда да въ Крутой Лугъ; съ того Крутого Луга вверхъ сѣченными рубежами къ Змѣевому кургану; отъ Змѣеваго кургана сѣченными рубежами въ Крутой Лугъ; Крутымъ Лугомъ въ болото Иржавецъ, съ котораго болота въ рѣчку Пѣнейку,

Библиотека "Руниверс"

а рѣчкой Пѣнейкой внизъ правымъ берегомъ къ Кѣльдышову прядищу, откуда началась первая пята той границы.

Въ этихъ границахъ панъ Іосифъ Борозна самъ и подданные его, а равно жена и потомство его имѣютъ право вольнаго распоряженія какъ землями всякими, такъ деревомъ бортнымъ, ловами звѣриными, птичьими и рыбными, гонами бобровыми, рѣками, рѣчками и озерами и вообще всѣмъ отъ малаго до большаго, какъ съ давнихъ временъ предки его пользовались. И на то я, дворянинъ, даю этотъ инвентарь, учинивъ его согласно привилегію и листу Е. К. М. ко мнѣ писанному,—съ печатью и съ подписью руки моей, а также съ печатями и съ подписями рукъ вознаго и шляхтичей, при мнѣ находившихся, кто изъ нихъ писать умѣли; даю его шляхетному пану Іосифу Борознѣ, женѣ, дѣтямъ и потомкамъ его на всѣ послѣдующія времена. Писанъ въ Горскѣ, лѣта Господня 1638 го, мѣсяца іюля 30-го дня.

Александръ Владиславъ Быковскій, мечникъ повѣта Рѣчицкаго, дворянинъ Е. К. М. Янъ Жолтовскій, возный Е. К. М. повѣту Рѣчицкаго (по-русски). Александръ Сенигорскій рукою власною. Наумъ Петровскій рукою (по-русски). Григорій Жеды... рукою.

Запорожье въ концѣ XVIII вѣка [1]).

(Современная записка).

Предлагаемая здѣсь записка взята нами изъ одного *сборника*, (Silva rerum) конца XVIII в. (въ собраніи графа А. С. Уварова, № $\frac{451}{д.}$ л. 157—173), гдѣ она названа *примѣчаніемъ о запорожцахъ*. Писана она, какъ видно изъ §§ 2 и 9, въ царствованіе Екатерины II, во время первой турецкой войны (1768—1774), слѣдовательно незадолго до взятія Сѣчи генераломъ Текели (1775). Въ запискѣ этой можно видѣть обвинительный актъ противъ запорожцевъ, написанный, быть можетъ, по порученію правительства, которое въ то время задумывало уже объ уничтоженіи Сѣчи [2]). Какъ бы то ни было, за-

[1]) Настоящая записка перепечатывается нами изъ одного малоизвѣстнаго изданія (Архивъ юридическ. свѣдѣній) 60-хъ годовъ.—*Ред.*

[2]) См. Современ. 1848 г., N 7, *А. В. Головатый* и ср. *Разсужденіе о запорожцахъ*—Миллера. Чтен. Моск. Общ. истор. и древн. 1847 г.

Библиотека "Руниверс"

писка эта, вмѣстѣ съ извѣстною «Исторіею о козакахъ запорожскихъ», кн. Мышецкаго [1]), и повѣствованіемъ Коржа [2]), представляетъ довольно вѣрную картину отжившаго свой вѣкъ Запорожья [3]).

Ал. Лазаревскій.

1) Земли какъ ниже Старой Линіи, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, съ присвоенными, въ нынѣшнюю войну, отъ новороссійской губерніи, въ длину—отъ Бахмута до рѣки Буга, до 600, а въ ширину отъ устья Бердъ до старой украинской линіи—350 верстъ.

2) Граничатъ оныя съ войскомъ донскимъ, слободскою и новороссійскою губерніями; отъ стороны турецкой—съ очаковскою и нынѣшняго нашего союзнаго Крыма землями; а противъ Кубани по Азовское море. По оной границѣ, съ открытой стороны, заведены нынѣ вновь россійскія крѣности, какъ то: Тагань Рогъ, по рѣкамъ: Бердъ, Конской, при устьяхъ Московки, а отъ Очакова--Екатерининскій шанецъ.

3) Мѣста имѣютъ они изобильныя рѣками, лѣсами и плодородную землю; пользуются великими доходами отъ скотоводства, рыбными ловлями въ Днѣпрѣ, и при морскихъ заливахъ, на устьѣ рѣки Калміуса, Бердъ и близъ очаковскаго Лимана, и въ ономъ, по договору съ турками, за отпускаемые ими въ Очаковъ лѣсъ и дрова.

4) Въ мирное время имѣютъ комерцію отъ Сѣчи по Днѣпру, черезъ Очаковъ и Лиманъ, Чернымъ моремъ, купеческими, наемными у турковъ кораблями, въ Царьградъ и далѣе, на Бѣлое море, отправляя туда получаемые товары и изъ польской Украины, Малороссіи и изъ разныхъ мѣстъ, граничащихъ съ ними: желѣзо, говяжье и овечье мясо, полотно, храшъ, пеньку и канатъ; оттоль вывозятъ мыло, сафьянъ, мишини (?), хлопчатую бумагу, турецкія матеріи, виноградное вино, лимонный сокъ, деревянное масло и разную бокалею, то есть: изюмъ, винныя ягоды, лимонъ, сарочинское пшено, кофей и разныхъ родовъ орѣхи.

5) Поставляютъ хлѣбъ пшеничный и также изъ вышеписанныхъ потребныя вещи въ Крымъ и въ Очаковъ и имѣютъ продуктъ съ турками и татарами, продажею имъ на сихъ дикихъ земляхъ получающихъ [4]) ими довольнаго числа разнаго рода бывающихъ въ ук-

---

[1]) Москва, 1847—8, и Одесса, 1852, 8.

[2]) Устное повѣствованіе бывшаго запорожца Н. Л. Коржа. Одесса, 1842, 8.

[3]) Печатая записку, мы позволили себѣ держаться въ ней правописанія современнаго.

[4]) Получаемыхъ (?).

Библиотека "Руниверс"

раинскихъ мѣстахъ дикихъ звѣрей, а изъ Крыма вывозятъ соль, также вино и бокалею жъ.

6) Продаютъ оные, вывозимые, товары и мѣняютъ на тѣ, отправляемые ими, а также и на горячее вино съ Малороссіею и польской Украины промышленниками.

7) Получаютъ знатную сумму отъ купцовъ, поставляя отъ Сѣчи разные товары по Днѣпру, въ Очаковъ и Кинбурнъ, а также и оттоль, съ приходящихъ кораблей, какъ оные случается, что въ сухменное время и шедъ очаковскимъ Лиманомъ, выше устья Буга, въ разливъ, называемый Козій, днѣпровскими гирлами, иногда не проходитъ безъ облегченія съ нихъ на лодки. А случается, при томъ, часто, что турки съ купцами и договоры имѣютъ поставлять товары до Очакова, а не до Сѣчи.

8) Сбираютъ они съ купечества не меньше половинной части, противъ таможенныхъ сборовъ, подъ видомъ не такъ чтобъ учрежденной отъ нихъ тарифы, а берутъ они за перевозъ войсковыми лодками, а на сухомъ пути, черезъ рѣки, за мосты (ибо во всей ихъ землѣ нѣтъ ни единаго моста, или хотя бы на малѣйшемъ протокѣ гати, съ которыя бы не собиралось на полковника той паланки, въ дачахъ которой есть переѣзды, съ порожной телѣги по копѣйкѣ). А также и за безопасность въ пути, отъ ихъ людей за конвоеваніе приставленнаго одного человѣка къ ѣдущему обозу, съ войсковымъ перначемъ или булавою, а больше прилѣпленною на булавѣ войсковою печатью; однакожъ хотя бы сего конвоя кто и не требовалъ, но ему даютъ и долженъ расплатиться непремѣнно, по точности ихъ установленія.

9) Число ихъ, запорожцевъ, всегда считалось военныхъ людей 40,000, а вмѣсто того весьма ихъ было мало и дѣйствительно вооруженныхъ и справныхъ, отъ собственнаго своего имущества, козаковъ никогда бы больше конныхъ выѣхать не могло, за остающимися у присмотра домовъ, какъ тысячъ до шести; а также и пѣшихъ козаковъ не болѣе быть можетъ, какъ тысячи четыре, должность которыхъ отправляютъ съ нихъ въ пѣхотѣ всякій, неимѣющій ремесла и пропитанія, бродяга, убѣгая работы, за плату изъ казны 12 р. жалованья и провіанта. А нынѣ они, запорожцы, имѣютъ людей всякаго званія тысячъ до ста, ибо у нихъ, въ нынѣ продолжающуюся войну, вновь поселилось и безпрестанно населяется убѣгающихъ отъ службы и податей изъ Малороссіи, изъ новороссійской и слободской губерній, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, противъ елисаветградскаго и мол-

Библиотека "Руниверс"

давскаго полковъ, впереди Старой Линіи и по рѣкамъ Самарѣ, Орели и по Кривому Торцу, болѣе двадцати пяти тысячъ дворовъ съ фамиліями; коими людьми они себя достаточно подкрѣпили и могутъ вòйска поставить, имущественныхъ людей, кои отъ собственнаго своего капитала исправиться въ состояніи, которыхъ козаковъ, безъ нужды, тысячъ пятнадцать и болѣе, кромѣ бродягъ, служащихъ, какъ выше значится, въ пѣхотѣ, изъ пропитанія, и нынѣ у нихъ службы отбываютъ въ походѣ конную все почти женатые. Неслужащіе же, домовные люди, обращены въ подданство, разчисленіемъ на содержаніе сорока куреней, отъ которыхъ старшины знатнымъ образомъ полнятъ свои карманы; ибо у нихъ курень называется такъ какъ бы полкъ, а всѣ люди, записанные въ ономъ, только числятся, а живутъ въ разныхъ мѣстахъ и довольствуются всякъ своимъ, слѣдственно и расходу больше быть не можетъ, какъ только тотъ курень починить, настатчить, удовольствовать тепломъ и кормить живущихъ въ немъ нѣсколько сторожей.

10) Отъ службы ихъ военной, какъ отъ конныхъ, такъ и пѣшихъ, въ регулярномъ войскѣ польза больше только та, что умножаетъ счетъ, а впрочемъ помощь отъ нихъ весьма мала, но и то видъ сей военныхъ людей отправляютъ они во время только одной кампаніи, на нѣсколько мѣсяцевъ, а всегдашней службы, чтобъ оную нести, безъ разсчета своихъ выгодъ, или относительно закопорованія земли (?) и прочаго, въ зимнее время попеченія, никогда прямой тягости и нужды, въ войнѣ почерпаемыхъ, такъ какъ другіе военные люди, или донскіе и малороссійскіе козаки, отдѣлены отъ своего гнѣзда, снести не могутъ, даже и послѣдней помощи не дѣлаютъ, что на собственныхъ ихъ земляхъ почтъ для случившихся курьеровъ содержать имъ не ввѣряютъ.

11) Народъ сей отечеству никакихъ податей не платитъ, кромѣ вышеписанной службы, пользуется такою, по ихъ прихотямъ, вольностью и выгодами, каковыхъ ни одна земля между устроенными межами не имѣетъ.

12) Закона и учрежденій никакого у нихъ нѣтъ; пріемлютъ себя, что быть имъ повинными одной только, когда къ нимъ особливо написана будетъ о чемъ, императорской грамотѣ, а въ прочемъ, касающемся до нихъ, какъ по военнымъ, такъ и гражданскимъ дѣламъ, исполняютъ тогда, когда они ласковостью бываютъ увлечены, хотя бы и отъ высокихъ чиновъ, и всякія государственныя учрежденія считаютъ, что оныя имъ не принадлежатъ.

Библиотека "Руниверс"

13) Начальникъ у нихъ кошевой атаманъ, и, по ихъ обыкновенію, долженъ быть грамотѣ незнающій и зависящій отъ общественнаго выбора; но однакожъ нынѣ сей выборъ согласіемъ старшинъ пресѣкся; главная въ правительствѣ ихъ министерія та, что въ ономъ обществѣ, кто только возжелаетъ препроводить, сколько будетъ его воля, дней своего вѣка и записаться въ козаки, то хотя бы онъ рожденъ и воспитанъ былъ разумно, долженъ учиться суровости и невѣжеству, во всѣхъ поступкахъ, и казаться свѣту, что ихъ сердца, смѣшанныя съ сущею простотою и всегдашнимъ хмѣлемъ, ничего не устрашаются и о всей жизни будто бы не пекутся, и никакимъ собственнымъ интересамъ, никакой повинности не привязаны, кромѣ доброй своей ко всякому дѣлу воли. И тѣмъ самымъ начальники сего войска, обучившіеся сему ремеслу, утверждаютъ, что ни въ чемъ они не властны, когда къ чему не приступитъ чернь, называемая ими товариществомъ, и что принадлежитъ до сей черни, то она и въ самой вещи наполнена невѣжествомъ и слабостью къ пьянству, и по простотѣ своей природы, и безъ той ихъ старшинской внушаемой науки, довольно глупа. Но однакожъ столько повинны и порабощены, что послушанія таковаго въ разумномъ и распоряженномъ народѣ бываетъ не всегда и нельзя не быть, по ихъ обыкновенію, потому что хотя бы и малѣйшая противность примѣчена за кѣмъ была, властенъ кошевой атаманъ, безъ всякаго суда, да хотя бы и безъ вины, не отвѣтствуя никому, приказать лишить жизни; а въ сущемъ дѣлѣ, оное только въ предметѣ, къ пользѣ однихъ своихъ личныхъ интересовъ, почерпающихъ между внушенною простотою своей черни, ибо нерѣдко случается, что тѣ же старшины, казавшіеся въ Сѣчи запорожской ничего непонимающими, но бывъ нѣсколько лѣтъ, изъ бѣднаго студента, выѣзжаютъ въ Малороссію съ хорошими капиталами и происходятъ въ чиновники, а съ тѣмъ чиномъ, въ мѣсто того, что онъ въ Сѣчи запорожской не зналъ грамотѣ россійской, вдругъ раждаются и другія науки.

15) Всякой у нихъ начальникъ за продерзость въ малѣйшемъ хотя воровствѣ, или примѣтя волокитство за женскимъ поломъ, воленъ того преступника лишить всего имущества въ собственной свой карманъ, какого бы то капиталу онъ ни былъ, а никому за то не отвѣтствуетъ; а кольми паче въ волокитствѣ, хотя бы виновный и безъ приливи приведенъ былъ, всячески стараясь найтить истину его прегрѣшенія, сему наказанію подвергаютъ; о чемъ находящіеся при старшинахъ письменные, кои генерально изъ малороссійскихъ

Библиотека "Руниверс"

школьниковъ у нихъ бываютъ, не пропускаютъ времени усугублять свое попеченіе о надсматриваніи за богатыми козаками, обходя бѣдныхъ.

16) Мѣста тѣ, которыя граничатъ съ запорожцами, никогда въ желаемый порядокъ приведены и успокоены быть не могутъ. Они тѣхъ сосѣдей своихъ, разстроенныхъ порядкомъ, раззоряютъ безпрестанно: дѣлаютъ набѣги, отнимаютъ близь ихъ лежащую землю, съ населенными людьми, и разными оныя старшины алчностями къ прибыткамъ, пріобрѣтаютъ изъ нихъ свои интересы, какъ такіе люди, которые для того только и жертвуютъ своимъ состояніемъ сему образу гнусной жизни, чтобъ, успѣвъ нажиться, выйти скорѣе обратно въ тотъ край, гдѣ единоземцы его, въ жизни своей, чувствуютъ спокойствіе и благоденствіе. Какого бы рода и званія ни былъ человѣкъ, уволенный ли отколь, или бѣглецъ, они его принимаютъ, а въ сосѣднихъ мѣстахъ, простой народъ подговариваютъ и тѣмъ дѣлаютъ въ податяхъ и службѣ государевой подрывъ. Чрезъ то никакого основательнаго и крѣпкаго въ оныхъ господственныхъ съ ними мѣстахъ, учрежденія, въ разсужденіи побѣговъ и скрывалища безпрепятственнаго, сдѣлать невозможно. Юношество и молодыхъ, несовершеннаго разума людей, сколько обманомъ, а иногда увозятъ при удобномъ случаѣ и неволею. Нерѣдко случается, что достаются имъ въ добычу и благородныхъ людей дѣти, имѣющіе начало въ наукахъ, и вмѣсто того, что возросшій съ лѣтами его разумъ, полезенъ бы былъ обществу, то у нихъ какъ по молодости своей немогущій проникнуть старшинскаго притворнаго обращенія, которые пьяницами и непонятными никогда не бывали, и въ самой вещи пріучаются между симъ обществомъ невѣжеству и пьянству. Словомъ, ни одно войско регулярное пройти по ихъ землѣ никогда не можетъ, чтобъ они его не убавили своими подговорами и принятіемъ бѣглецовъ.

17) Говорятъ, при томъ, запорожскіе старшины, что у нихъ въ войскѣ есть разнаго рода иностранные люди и наполняютъ его со всѣхъ сторонъ; но однакоже великаго бы имъ труда стоило, еслибъ они во всей своей землѣ отыскали нѣсколько человѣкъ прибѣгающихъ къ нимъ иногда армянъ, грековъ и жидовъ; да могутъ и хвалиться, что черезъ нынѣшнюю войну, ниже Стараго Казака, у Днѣпра, населили село Волоховъ, а впрочемъ, какъ сами, а не старшины, такъ и всѣ ихъ козаки населившіеся, есть природные россійскаго престола, а нѣкоторые, но весьма малая часть есть въ числѣ оныхъ изъ польской Украйны.

Библиотека "Руниверс"

18) Родъ сей, въ правительствѣ ихъ секты, весьма хитеръ, проницателенъ и остороженъ въ разсужденіи своихъ интересовъ, сопряженныхъ съ таковою вольностію, чрезъ которую не даютъ они никому въ оныхъ отчета; прилежно пекутся всячески, дабы оная не подвергалась законамъ своего отечества и власть ихъ въ оныхъ безпредѣльная и неограниченная была порядкомъ.

19) И потомъ, недовольно внутреннія свои прибыли, но и весь оной шаръ земли обращать стараются въ неизвѣстность и неполезность никакое обществу распоряженіе.

20) Одинъ генералъ въ 1763 г., по бытности своей въ Украйнѣ, послалъ къ нимъ съ просьбою, чтобъ нѣсколько товаровъ изъ Сѣчи сплавить въ Очаковъ, Днѣпромъ; однако они, держась своей осторожности, не преминули упредить, дабы такіе люди дороги къ нимъ впередъ не накладывали и тѣ товары на камень, который лежитъ въ Днѣпрѣ, ниже рѣки Рогачика и урочища, называемаго Насоновская Плавня, накрытой водою (къ) крымскому берегу небольшія лодки посадили; а ихъ запорожскія недовольно лодки, но и турецкіе большіе корабли, всегда приходятъ благополучно, и доказываетъ сіе то, что въ нынѣшнюю войну, когда турецкая флотилія вошла въ Днѣпръ и запорожцы ихъ прогнали, то разбитой при томъ сраженіи одинъ корабль, выше Шингерейскаго ретраншамента, противъ урочища Виливалъ, и нынѣ лежитъ и виденъ и хотя оной небольшой величины, однакожъ на немъ было, съ военными людьми, девять пушекъ, но были же въ той флотиліи конечно и больше.

21) А при томъ запорожцы не забываютъ смотрѣть и на обстоятельства политическія, и по онымъ себя измѣрять, когда имъ прибавить или убавить своей смѣлости и говорить о своемъ обществѣ и утверждать оное отъ самодержавной власти, и знаютъ время, когда имъ что нибудь предпринять на примѣръ.

22) Какъ скоро нынѣшняя съ Портою Отоманскою война открылась, то запорожцы тотчасъ въ совѣтѣ своемъ положили, всѣ селенія, лежащія отъ устьи Салери (Самары?) до рѣки Конской по рѣкамъ Волчей, Терномъ, сухимъ и мокрымъ яламъ [1]), по Торцу и по Калміусу—сжечь, а нѣкоторыя оставить безъ жителей, что того жъ времени и исполнили: селеніе Усть-Козмиуса (sic), гдѣ было дворовъ

---

[1]) Ср. Опытъ областн. словаря, стр. 274, *яловый*—порожній, пустой, неплодный; *яловая скриня*—потокъ, на которомъ нѣтъ мельницы. Слово *ялъ* должно быть равнозначущимъ *байраку, балкѣ*. А. Л.

Библиотека "Руниверс"

по пятисотъ и церковь, сожгли, а жителей всѣхъ согнали къ устью Самары и къ Сѣчи запорожской; а тоже самое сдѣлали и въ живущихъ при Днѣпрѣ, ниже Сѣчи запорожской, къ рѣкѣ Бугу и къ елисаветградской провинціи. Но чтобы отъ сего заключить? Если согласно говорить съ запорожцами, можно сказать, что они сдѣлали хорошо, дабы ихъ люди, живущіе въ разныхъ мѣстахъ, по ихъ зимовникахъ, не сдѣлались непріятелю жертвою; но если жъ посмотрѣть въ послѣдующее потомъ съ новороссійскою губерніею ихъ обращеніе, то конечно увидѣть можно, не было ли тогда у запорожцевъ на умѣ, чтобы въ право къ елисаветградской провинціи, а влѣво къ Старой Линіи и до Бахмута, татары очистили имъ земли по ихъ батиреевой (sic) грамотѣ, по которой они имѣютъ дѣло съ новороссійскою губерніею.

23) Сіе доказываетъ то, что еслибъ запорожцы въ охраненіи отечества своего границы, войска своего въ одно мѣсто не сбирали, а оставили бы хотя по малой части при устьяхъ рѣкъ Московки къ вершинамъ Волчей и посреди рѣки Калміуса, а въ правую сторону къ устью Буга и устью рѣки Синюхи, то татарамъ приходить бы было трудно, или по крайности свѣдомъ бы былъ непріятель о его предпріятіяхъ и удерживаемъ, поколь собрались бы россійскія войска онаго преслѣдовать и имъ отдалять отъ себя опасности не было никакой, въ разсужденіи свободной ретирады къ россійскимъ границамъ; но вмѣсто онаго, увидя на послѣдокъ, что татары ворвались въ границы новороссійской губерніи, большаго вреда не сдѣлали и селенія оныя остались въ своей силѣ, запорожцы, спустя тѣ татарскіе набѣги, въ скоромъ времени начали отнимать и отняли отъ новороссійской губерніи земли съ населенными людми отъ елисаветградской провинціи по самыя ротныя селенія полковъ молдавскаго и елисаветградскаго, отъ екатеринпнской провинціи, съ служащими донецкаго полку пикинерами, по рѣкѣ Орель, отъ вершины оной по Старую Линію, а также и отъ изюмской провинціи; и дѣлали сіе отнятіе самымъ хитрѣйшимъ образомъ: какъ скоро пошлютъ команду отъ котораго селенія отнимать, то въ тожъ время отправятъ депутата въ Петербургъ съ просьбой, что они обижены отъ новороссійской губерніи.

24) Неудовольствуясь же тѣмъ отнятіемъ селъ и деревень, обнадеживъ себя, что имъ была въ томъ удача, вдругъ противъ городовъ Бахмута, Спора (?) и Изюма и близь самой Старой Линіи и противъ полковъ пикинерскаго донецкаго и елисаветградскаго и гу-

Библиотека "Руниверс"

сарскаго молдавскаго, въ виду тѣхъ селеній, подѣлали полковыя избы, называемыя ими, запорожцами, *палатками*, и всякую тяжесть народную, какъ обыкновенно во время военное случается, начали накликать вольность, обѣщавши приходящимъ къ нимъ людямъ по два года льготы; почему въ сіе короткое время накликали и населили, преждеупомянутые, дворовъ болѣе двадцати пяти тысячъ, слободы, дѣйствительно изъ жителей новороссійской губерніи и частію изъ Малороссіи и слободской губерніи.

25) Когда же успѣли запорожцы отнять земли и сдѣлаться новороссійской губерніи такъ ближними сосѣдями, то завели безпрестанную и конечно вседневную ссору и чинятъ великія раззоренія, грабятъ безпрестанно, отгоняютъ скотъ, умерщвляютъ людей, жгутъ селенія и лишаютъ хлѣбопашества и единственно только для того, чтобъ люди къ нимъ переходили, а землю, на которой они обитаютъ, оставляли впустѣ, дабы и оною имъ впредь воспользоваться.

26) Теперь запорожцы поселили на отличныхъ земляхъ, противъ всей новороссійской губерніи, зачавъ отъ молдавского полку, до рѣки Донца, а слободской губерніи, противъ Изюма и Тора, а также и противъ Бахмута великія слободы, заграждаютъ свои пустыя, впереди оныхъ лежащія земли, тѣми поселянами; а тѣ великія степныя мѣста, отъ Самары и отъ Калміуса до Азовскаго моря, на рѣку Конскую, а отъ елисаветградскаго и молдавскаго полковъ до Днѣпра оставляютъ впустѣ, въ намѣреніи, чтобъ той пустой и необъяной ими земли было всегда у нихъ много, ко удобности той, чтобъ было гдѣ, въ случаѣ, скрыть имъ что нибудь встрѣчающееся.

27) Нынѣ, они, утвердя свои границы самовластно, ведутъ министерію своими просьбами объ отдачѣ имъ земель по батереевой грамотѣ (коей они подлинной, какъ я слышалъ, не имѣютъ, а пользуются полученною малороссійскаго миргородскаго полку, въ мѣстечкѣ Сарочинцахъ, отъ какого то старшины копіею), чтобы всю елисаветградскую провинцію свесть имъ и отдать, а также земли отъ устья рѣки Орели на Донецъ донскихъ селеній, въ которую дачу входятъ города Торъ и Бахмутъ, съ принадлежностями, а также и бахмутскій гусарскій полкъ, готовятъ же просьбу и объ отставленіи новозаведенныхъ при рѣкахъ Московкѣ, Конской и Берданѣ линіи, поелику по оной дѣлаются крѣпости на ихъ земляхъ, и они чувствуютъ будто бы утѣсненіе, а самой вещи главнѣйшій ихъ предметъ тотъ, что хотя бъ у нихъ и больше еще земли взяли, нежели какъ они имѣютъ претензію, но только бъ они оставлены были при ихъ без-

Библиотека "Руниверс"

предѣльныхъ вольностяхъ, и, при оныхъ оставшись, получить утвержденіе на свою межу, да прилежно пекутся, дабы ихъ границы были соединены съ донскимъ войскомъ.

28) Словомъ, маленькой сей кусокъ земли примѣтенъ относительно до общества, а оной навѣрное не таковъ въ самой вещи, по нынѣшнему ихъ положенію и жизни, какъ объ оныхъ заключаютъ по ихъ виду.

29) Прежде запорожцы были бѣдны, а нынѣ всѣ они богаты и подчиненные ихъ привязаны ко всякой повинности; гдѣ прежде у нихъ были хутора, тамъ нынѣ распространились великія селенія, и живутъ домами, имѣютъ жонъ, дѣтей, хорошее скотоводство и промыслы.

30) Старшины, это правда, что не женаты, однакожъ своими великими экономіями также подвергаютъ себя, въ случаѣ какого объ нихъ учрежденія, всему что бы ни случилось, повиновенію, а прочихъ бродягъ, кои до сихъ временъ часто, по несогласію старшинъ, за начальническія мѣста дѣлали между собою драки, подобныя бунтамъ, нынѣ немного, то ихъ тѣ же самые женатые козаки усмиряютъ; да хотя бы онаго сброду тысяча какая и разошлась, то оное ничего не значитъ.

31) Въ заключеніе же скажу, что, хотя министерія запорожскихъ старшинъ велика и удачлива, однакожъ и то самое неоспоримо они знаютъ, что, въ случаѣ нехотѣнія ихъ оставлять долѣе на такой ногѣ, исполнятъ они какъ бы всякой вѣрноподданный.

Двѣ лирницкія пѣсни.

Въ № 9 «Кіевской Старины» 1889 г. къ ст. г. Боржковскаго «Лирники» былъ приложенъ небольшой сборникъ лирницкихъ пѣсенъ. Теперь г. Боржковскій сообщилъ намъ еще двѣ пѣсни, которыя помѣщаются ниже.

На войнахъ свитъ настае.

Охъ на войнахъ свитъ настае (2)
На войнахъ ся й скинчае.
Чомъ на свити нема добра?
Нема добра нехай буде.
Нема добра, нехай буде,
Бо сынъ отца не шануе.

Библиотека "Руниверс"

Ой сынъ отца не шануе,
Дочка матку зневажае.
Дочка матку зневажае,
Маты дочку проклынае:
Дочка во вики счастья не мае
Тай у пекли пропадае.
Въ чыстимъ поли на роздоли
А тамъ травы зелененьки;
А тамъ травы зелененьки,
Ой тамъ лежать три молодци молоденьки.
А тамъ лежать три молодци молоденьки
Несчаснои удовоньки вси три ридніи сыноньки.
Посичени, порубани
На раноньки позмагани.
Ахъ журуцця, турбуюцця:
Бидна наша головонька,
Що чужаи сторононька.
Мувыть иденъ до другого:
Тутъ намъ треба пропадаты,
Бо никому доглядаты.
Тутъ мы, браття, порубани,
Тутъ мы, браття, постриляни.
Тожъ не стрилы насъ постриляли,
Тожъ не стрилы насъ постриляли,
Не шабли насъ порубалы;
Не шабли насъ порубалы
Тилько отцеви слова покаралы.
Отцеви слова слагидненьки,
Материни слезы все дрибненьки.
Тожъ то воны въ калъ не впалы
Насъ несчасныхъ покаралы.
Колы бъ за насъ матка знала
Щебъ надъ нами змылувалась:
Службы Божи понаймала,
Жалибно-ревно заплакала,
Жалибно-ревно заплакала,
Якъ ластивка заспивала,
Якъ ластивка заспивала,
Якъ зозулька закувала.

Библиотека "Руниверс"

Обизвався орелъ чорноперый:
Не журицця ридни братта,
Я вамъ буду товарышомъ.

Я вамъ буду товарышомъ
Я васъ буду доглядаты,

Я васъ буду доглядаты:
Исты й пыты подаваты,

Смажни уста закрипляты,
Ваши раны завываты.

Якъ ставъ орелъ доглядаты —
Жывцемъ очи выдыраты,

Жывцемъ очи выдыраты,
Тило наше поидаты,

Тило наше поидаты,
Червону кровъ пролываты.

—Ой орлоньку чорноперый,
За що жъ ты насъ це караешъ?

—Ой не я це васъ караю
Отцевы слова васъ карають,

Отцевы слова слагидненьки,
Матерыни слезы все дрибненьки.

То жъ то воны въ калъ не впалы
Васъ несчасныхъ покаралы.

Старша сестра выражала, коня вела,
Середужча нарадъ несла,
А найменча воритечка видчынила
Сырій земли прыпадала:

—Ой, братику риднесенькый,
Ой колы ты въ гости будешъ?

Прыбудь, прыбудь буйнымъ витромъ
Прыбудь, брате, яснымъ сонцемъ.

—Визьмы, сестро, писку въ жменю,
Посій, сестро, по каменю,

Якъ той писокъ въ гору зійде,
Тоди твій братъ зъ войны прыйде.

—Ще я того не выдала,
Щобъ той писокъ въ гору зійшовъ.

Библиотека "Руниверс"

Щобъ той писокъ въ гору зійшовъ,
Щобъ мій братикъ зъ войны прыйшовъ.
(Зап. отъ лирника Дорохтея Карнаухаго въ Винниці)

К о с м ы н а.

Иде Космына гола по дорози, боса по морози,
Тамъ чоловикъ горохъ молотыть.
Дай тоби Боже сто кипъ змолотыты, въ решето зибраты.
Беруть Космыну, беруть за чупрыну,
Беруть у вулыцю, былы въ потылыцю.
—Эй маты жъ моя, маты Васылыхо,
На що жъ мене породыла на биду на лыхо?
—Ой ты сыну умный нерозумный,
Такъ тоби трапылось такъ тоби бачыты,
То ты сказавъ бы: дай вамъ Боже не перевозыты,
не переносыты,
Возы поломыты, кони потомыты.
Иде Космына гола по дорози, боса по морози,
Охъ тамъ люде тило до гробу провадятъ.
—Дай вамъ Боже не перевозыты, не переносыты,
Возы поломыты, кони потомыты.
Беруть Космыну, беруть за чупрыну
Беруть у вулыцю, былы въ потылыцю.
—Эй маты жъ моя, маты Васылыхо,
На що жъ мене породыла на биду, на лыхо?
—Ой ты сыну умный, нерозумный,
Такъ тоби трапылось такъ тоби бачыты,
То бъ ты ставъ бы, перехрыстився, Богу помолився,
То ты сказавъ бы вичную память,
А намъ ще прожыты.
Иде Космына гола по дорози, боса по морози,
Тамъ чоловикъ сына женыть.
Дай тоби Боже вичную память,
А намъ ще прожыты.
Беруть Космыну, беруть за чупрыну
Беруть у вулыцю, былы въ потылыцю.
—Эй маты жъ моя, маты Васылыхо,
На що жъ мене породыла на биду, на лыхо?
—Охъ ты сыну умный, нерозумный,

Библиотека "Руниверс"

Такъ тоби трапылось, такъ тоби бачыты,
Тобъ ты сказавъ: дай тоби Боже сына одружыты,
Ще сто литъ прожыты.
Иде Космына гола по дорози, боса по морози,
Тамъ чоловикъ свыню шмалыть.
Дай тоби Боже ій ошмалыты,
Бракъ зъ нею получыты, ще сто литъ прожыты.
Беруть Космыну, беруть за чупрыну,
Беруть у вулыцю, былы въ потылыцю.
—Эй маты жъ моя, маты Васылыхо,
На що жъ мене породыла на биду, на лыхо?
—Ой ты сыну умный-нерозумный,
Такъ тоби трапылось, такъ тоби бачыты,
То ты сказавъ бы: дай тоби Боже
Ій ошмалыты, ій спорадыты,
Коло стола систы, зъ диточками ззисты.
Иде Космына гола по дорози, боса по морози,
Тамъ чоловикъ сивъ у рови с....
Дай тоби Боже цее спорадыты,
Коло стола систы, зъ диточками ззисты.
Беруть Космыну, беруть за чупрыну,
Беруть у вулыцю, былы въ потылыцю.
—Эй маты жъ моя, маты Васылыхо,
На що жъ мене породыла на биду на лыхо?
—А ты сыну умный, нерозумный,
Такъ тоби трапылось, такъ тоби бачыты,
Тобъ ты ставъ бы тай бы не дывывся,
Плюнувъ, оступывся.
Иде Космына гола по дорози, боса по морози,
Тамъ чоловикъ лошата пасе.
Дай тоби Боже ци лошата спасты,
Злодіеви вкрасты.
Беруть Космыну, беруть за чупрыну,
Беруть у вулыцю, былы въ потылыцю.
Эй маты жъ моя, маты Васылыхо,
На що жъ мене породыла на биду на лыхо?
А ты сыну умный, нерозумный,
Такъ тоби трапылось, такъ тоби бачыты,

Библиотека "Руниверс"

То ты сказавъ бы: дай тоби Боже ци лопата спасты,
На корысть узяты.
Коцюби лопати на охвиру
А хрестіянамъ на здоровля.
(Зап. отъ лирн. Александра изъ Мизякова).

Къ пребыванію Карла XII въ Бендерахъ.

Извѣстно, что во время пребыванія въ Бендерахъ, Карлъ XII, независимо отъ регулярной денежной помощи, получилъ отъ турецкаго султана подарки. Объ этомъ, между прочимъ, сохранилось и точное указаніе въ письмѣ французскаго купца Delisle de Birz, находящемся въ парижскомъ національномъ архивѣ (G, 7, 1649), гдѣ оно было найдено Ю. Е. Аѳанасьевымъ, передавшимъ выписку изъ него мнѣ для «Кіевской Старины». Delisle de Birz писалъ изъ Перы 1 марта 1710 г. французскому генералъ-контролеру Desmaretz: «король шведскій все еще находится въ Бендерахъ. Султанъ послалъ ему въ подарокъ 30 лошадей, изъ коихъ на двухъ сбруя украшена брилліантами и жемчугомъ, саблю и султанъ (aigrette), украшенные драгоцѣнными камнями». **Ал. Маркевичъ.**

Къ исторіи землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи.

Въ извѣстной статьѣ покойнаго М. Максимовича подъ заглавіемъ «Бубновская Сотня» (см. Собраніе сочин. Т. I) удѣлено не мало мѣста одному изъ видныхъ по своей дѣятельности сотниковъ Ѳеодору Василевичу, бывшему сотникомъ съ 1738 по 1752 г. Въ характеристикѣ, данной ему авторомъ, читаемъ: «по преданію извѣстно, что сотникъ Василевичъ... жизнь велъ трезвую, жилъ въ небольшой хатѣ, но держась пословицы: не красна изба углами»... Имѣнье-же себѣ онъ умножилъ хозяйскимъ трудомъ». Дѣйствительно, не получивъ никакого жалованнаго имѣнья, что не часто бывало съ старшиной козацкой, сотникъ Василевичъ оставилъ послѣ смерти своей порядочное земельное имущество, пріобрѣтавшееся имъ разновременно и по мелочамъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ видѣнные нами остатки фамильныхъ документовъ рода Василевичей, хранящіеся теперь у потомковъ сего рода Каніевскихъ, живущихъ въ с. Келебердѣ (Золото-

Библиотека "Руниверс"

ношскаго уѣзда). Тутъ встрѣчаемъ болѣе двухъ десятковъ купчихъ крѣпостей, совершенныхъ сотникомъ Ѳеодоромъ Василевичемъ на сравнительно мелкіе участки земли и по самымъ разнообразнымъ цѣнамъ. Одинъ изъ этихъ документовъ приведенъ М. Максимовичемъ въ указанной статьѣ его, изъ котораго видно, что въ 1743 году Василевичемъ была пріобрѣтена земля, принадлежавшая Кіево-Межигорской обители, находившаяся въ полку лубенскомъ, въ сотнѣ пирятинской, въ степу надъ рѣчкою Чумгакомъ, а именно—лѣсъ, прозываемый *Яровое*. Цѣна за этотъ лѣсъ опредѣлена была такая: «коровъ сѣмь съ телятами, а восѣмь безъ телятъ, толко надежныхъ къ плоду на будущіе года, да при тѣхъ коровахъ и бугая одного». Но цѣна эта, какъ видно изъ нѣкоторыхъ документовъ, имѣющихся у насъ подъ руками, установлена была не сразу, а послѣ многихъ торговъ. Документы эти—три письма архимандрита Кіево-Межигорской обители Герасима къ отцу писарю катедры Свято-Софійскія (Модесту Стефановичу, впослѣдствіи архимандриту Михайловскаго монастыря), бывшему въ родствѣ съ Ѳеодоромъ Василевичемъ. Письмо первое писано было 14 февр. 1743 г. въ отвѣтъ на письмо Модеста Стефановича, предлагавшаго уступить Василевичу означенную землю. Вотъ это письмо:

Превелебнѣйшой въ Богу отецъ писаръ катедры Свято-Софѣйскія намъ зичливой о Христѣ брате. На письмо вашея превелебности о продажѣ пану швагру вашему, сотниковѣ бубновскому Ѳеодору Василевичу грунта нашего Межигорскаго монастыря, въ полку лубенскомъ въ сотнѣ пиратинской надъ *Кагамликомъ* (ошибка—вм. *Чумакомъ*) купленного, а съ его землею сумѣжного, тако отвѣтствуемъ, что по совѣту всея монастыря нашего братіи приговорили оной грунтъ ему пану сотнику продать за цену отъ монастиря нашего данную, именно за *осмьдесять рублей*, да сверхъ того ежели онъ панъ сотникъ не пожалѣетъ монастырю межигорскому дарить *жеребца доброго съ одною кобилицею, згодних на приплодъ лошадейной*, то въ тотъ часъ и оной грунтъ отъ насъ уступленъ будетъ, и о семъ ему пану сотнику ваша превелебность изволите объявить, въ прочемъ же пребываемъ превелебности вашея доброжелателніе Кіевомежигорской обители архимандритъ Герасимъ съ братіею».

Очевидно, на эту цѣну Василевичъ не согласился и предложилъ свои условія, что видно изъ письма того же архимандрита Герасима къ Модесту Стефановичу отъ 24 февраля 1743 г.:

«Чрезъ нарочного отъ вашея превелебности извѣстилися мы, что имянно панъ сотникъ бубновскій зъ своей стороны поступаетъ

Библиотека "Руниверс"

монастырю нашему дать за грунтъ нашъ въ степу надъ Чумгакомъ полку лубенского въ сотнѣ пиратинской остающій; и на то по согласному всея монастиря нашего братіи совѣту крайне приговорили; ежели онъ панъ сотникъ или *деньгами сто рублевъ*, или *коровъ пятнадцять* молодихъ згоднихъ для *плоду съ однимъ бугаемъ*, или въ замѣну *при селѣ Демянчичахъ* землю (которую городничой нашъ таможной усмотря за годную въ монастирь нашъ предъявитъ) за плату отдастъ; то въ тотъ часъ и сватами будемъ, за якую землю лучше всего можемъ означенной нашъ грунтъ чумацкой уступить, а иначей нѣкакимъ способомъ онаго мы не намѣрены збувать, о чемъ на произволеніе ему пану сотнику поволите ваша превелебность объявить; сымъ окончавъ пребываемъ» (подпись).

Ясно, что Василевичу, постоянно пріобрѣтавшему землю, не было разсчета согласиться на обмѣнъ земель, а равно и сумма 100 рублей показалась ему дорогою,—и вотъ изъ трехъ предложеній онъ останавливается на способѣ обмѣна земли на коровъ, но и еще разъ пробуетъ поторговаться, что видно изъ третьяго письма архимандрита Герасима къ писарю свято-софійской катедры отъ 28 марта 1743 года:

«Его милость панъ сотникъ бубновскій въ письмѣ своемъ, якое отъ вашея превелебности при писаніи сего марта 26 дня въ монастирѣ нашомъ получено, объявляетъ, что за грунтъ межигорскій, въ сотнѣ пиратинской лежачій надъ Чумгакомъ, желаетъ онъ панъ сотникъ дать монастирю нашему *коровъ десять и бугая*. Мы же за единогласнимъ всея братіи совѣтомъ якъ прежде извѣствовали, такъ и теперъ тѣмъ же крайнимъ словомъ вашой превелебности и ему пану сотнику объявляемъ, что ежели поволитъ онъ панъ сотникъ по первому нашему общебратственному приговору дать за тотъ грунтъ коровъ пятнадцять молодыхъ, рослыхъ и во всемъ здоровыхъ для плоду способныхъ съ однимъ добрымъ же бугаемъ, то оной грунтъ межигорской ему пану сотнику во владѣніе отданъ будетъ, а иначей уступить весма не желаемъ; и о томъ на произволеніе ему пану сотнику изволите превелебность ваша объявить (подпись).

Всѣ эти торги Василевича, какъ видно изъ уступной записи, оказались тщетными: монастырская братія твердо стояла на своемъ, и Ѳеодоръ Василевичъ въ маѣ мѣсяцѣ пріобрѣлъ этотъ грунтъ за сумму *15 коровъ съ однимъ бугаемъ*, что, по монастырскому разсчету, было равноцѣнно *ста рублямъ*, т. е. каждая рогатая скотина цѣнилась среднимъ числомъ въ $6^1/_4$ рублей. **В. Науменко.**

Библиотека "Руниверс"

Къ исторіи Мазепиной измѣны.

Мазепина измѣна не могла не произвести нѣкотораго замѣшательства въ народѣ, особенно по ея связи съ нашествіемъ шведовъ. Народъ враждебно встрѣтилъ послѣднихъ. Не менѣе враждебно отнесся народъ и къ той старшинѣ, которая въ виду непріятельскаго нашествія, хотѣла было укрыть свои семьи и свое имущество въ защитныхъ мѣстахъ [1]). Предлагаемый универсалъ Скоропадскаго указываетъ на одну такую вспышку народа. **А. Л.**

Его царского пресвѣтлого величества войска Запорожскаго гетманъ Іоаннъ Скоропадскій.

Пану полковникови наказному стародубовскому, зо всею полковою старшиною тамошнему, ознаймуемъ, ижъ пнъ Панкевичъ, писарь вашъ полковый стародубовскій, жалобливе прекладалъ намъ, что когда отъ наступства непріятелскаго хотячи для беспечнѣйшого убереженя ся, выправадити зъ Почепа жону свою за Десну, мѣлъ переѣздъ чрезъ село Чеховку, тамъ бунтовничимъ а праве розбойничимъ способомъ, жители того села Чеховки зобравшися съ другими селянами Карбовскими и Савастьяновскими, заступили дорогу и що колвекъ было при пну Панкевичу въ возахъ худобы, все разграбовали, и самого зъ жоною и зовсѣми при немъ будучими, мало на смерть не позабивали Прето для выведеня о томъ разбою слушной инквѣзиціи, полецаемъ пну Искрѣ, сотникови Погарскому, и пану Турковскому, дозорци добръ нашихъ почеповскихъ, до того села Чеховки зъехати, и по розиску на комъ доведется тая разбойническая вина, самыхъ принципаловъ до вязеня побрати, и абы вся шкода п. Панкевичу вернулася, конечне доискати, а виноватцовъ всѣхъ ведлугъ слушности, скарати приказуемъ. Данъ въ Лебединѣ, декаврія 13 року 1708. Звышъменованный гетманъ рукою власною. (*Съ подлинника*).

[1]) См. Опис. Старой Малороссіи, I, 74.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

1) Владимірскій сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія Россіи. Кіевъ, 1888. 2) Святый равноапостольный князь Владиміръ—просвѣтитель Руси. 900-лѣтіе крещенія Руси. И. П. Матченко. С.-Петербургъ. 1889.

Редакція журнала «Кіевская Старина» чувствуетъ себя въ долгу передъ своими читателями, не давъ до сихъ поръ отчета о двухъ крупныхъ литературныхъ явленіяхъ, вызванныхъ девятисотлѣтнимъ юбилеемъ крещенія Руси. Это упущеніе произошло совершенно по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ и отчасти объясняется позднимъ выходомъ въ свѣтъ труда г. Матченка. Спѣшимъ теперь заполнить этотъ случайный пробѣлъ въ критико-библіографическомъ отдѣлѣ нашего журнала и хотя вкратцѣ ознакомить читателей съ указанными выше историческими работами.

Владимірскій сборникъ составленъ изъ трудовъ профессоровъ кіевской духовной академіи, гг. Малышевскаго, Петрова, Пѣвницкаго, Завитневича. Лишь незначительную часть этого сборника составляютъ статьи первыхъ трехъ ученыхъ. Большую и притомъ центральную часть его наполняетъ трудъ г. Завитневича: «Владиміръ Св. какъ политическій дѣятель». Мы и начнемъ съ него нашъ отчетъ.

Трудъ г. Завитневича представляетъ изъ себя органическое цѣлое; части его непосредственно вытекаютъ одна изъ другой и взаимно дополняютъ другъ-друга, но тѣмъ не менѣе онъ можетъ быть разбитъ на двѣ главныя части. Первая изъ нихъ посвящена снова разрѣшенію вопроса о времени крещенія св. Владиміра. Авторъ не мало потрудился для разъясненія обстоятельствъ, при которыхъ произошло это великое событіе. Мы уже указывали раньше на отдѣльную брошюру г. Завитневича «О мѣстѣ и времени крещенія св. Вла-

Библиотека "Руниверс"

диміра и о годѣ крещенія кіевлянъ», и въ свое время высказали мнѣніе о пригодности метода, избраннаго авторомъ для рѣшенія даннаго вопроса. Въ настоящемъ своемъ трудѣ авторъ нѣсколько измѣнилъ свой методъ изслѣдованія. Хотя и теперь онъ продолжаетъ считать панегирикъ Іакова Мниха краеугольнымъ камнемъ строенія, но отводитъ гораздо болѣе мѣста разбору и другихъ источниковъ, посвящаетъ ихъ анализу и сопоставленію ихъ извѣстій гораздо болѣе вниманія, чѣмъ прежде. Можно спорить съ авторомъ, не соглашаться съ его мнѣніями, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что нѣкоторыя соображенія г. Завитневича отличаются замѣчательною тонкостью и находчивостью. Такова та часть работы автора, которая посвящена вопросу о времени крещенія св. Владиміра и Руси. Что касается остальной части труда г. Завитневича, то едва ли въ ней онъ сказалъ что нибудь новое, что не было бы уже, хотя и мимоходомъ, высказано другими учеными, а то, что принадлежитъ лично автору, отличается такою гипотетичностью, что далеко не можетъ быть принято за научную истину. Это особенно рельефно выступаетъ на стр. 83 и слѣд., гдѣ авторъ производитъ анализъ разсказа лѣтописи о посольствахъ къ Владиміру и обратно. Тутъ цѣлый безконечный рядъ: «*можетъ быть*», «*можно предполагать*», и даже: «*можно вывести заключеніе*», «*можно сдѣлать выводъ*». Такихъ мѣстъ въ трудѣ г. Завитневича очень много. Авторъ, впрочемъ, и самъ не отрицаетъ преобладанія гипотетичности въ своемъ трудѣ, ибо самъ говоритъ на стр. 210 [1]): «бѣдность показаній источниковъ *мы старались наверстать разными комбинаціями наличныхъ данныхъ, а гдѣ и это не помогало, прибѣгали къ всевозможнымъ, иногда очень смѣлымъ, догадкамъ и предположеніямъ*». Никакая наука не можетъ обойтись безъ гипотезъ; болѣе или менѣе прочно обставленныя гипотезы могутъ быть даже полезны и въ дальнѣйшемъ повести къ важнымъ научнымъ открытіямъ, но только ни въ какомъ случаѣ не можетъ получиться пользы для науки, если труды ученыхъ будутъ представлять собой лишь сплошныя гипотезы, и при томъ не всегда прочно обставленныя. Къ сожалѣнію, таковъ въ общемъ характеръ послѣдняго труда г. Завитневича. Отъ увлеченія гипотезами можетъ иногда произойти и вредъ для науки. Припоминаются въ этомъ случаѣ слова предсѣдателя Общества археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ казанскомъ университетѣ, г. Шестакова, сказанныя имъ по другому

[1]) Страницы указываемъ по „Владимірскому сборнику“.

Библиотека "Руниверс"

случаю: «но, какъ нерѣдко бываетъ, высказанное сначала скромно въ видѣ предположенія, черезъ нѣкоторый промежутокъ времени обращается въ категорическое утвержденіе, подобно тому, какъ слухъ, сначала темный и робкій, съ теченіемъ времени выдается за несомнѣнную истину». (Извѣстія Общества археологіи и т. д., т. Ш, 1880 — 82 г., Казань, 1884 г., стр. 61). Къ несчастью, подобнаго смѣшиванія ранѣе поставленныхъ гипотезъ съ якобы доказанными уже истинами не чуждъ и авторъ разбираемаго труда. Мы уже указывали, что во многихъ мѣстахъ своего сочиненія г. Завитневичъ, послѣ цѣлаго ряда «можетъ быть» ставитъ «можно сдѣлать выводъ». Но и гипотезы, высказанныя имъ въ другомъ мѣстѣ, въ данномъ трудѣ онъ считаетъ уже прочными научными выводами и дѣлаетъ на нихъ ссылки. Такъ напр., вновь заговоривъ въ разбираемомъ трудѣ о Турѣ, г. Завитневичъ дѣлаетъ ссылку: «Смотри нашу статью: «Область дреговичей, какъ предметъ археологическаго изслѣдованія». Труды кіев. дух. ак. 1886 г. августъ, стр. 587». Но кто читалъ этотъ небольшой трудъ г. Завитневича (а читалъ его, вѣроятно, всякій спеціалистъ по рус. исторіи), тотъ не можетъ не признать, что, исключая сообщенія объ археологическихъ находкахъ, сдѣланныхъ самимъ г. Завитневичемъ, въ остальномъ онъ представляетъ собою опять таки не мало гипотетичнаго, а особенно тамъ, гдѣ авторъ старается доказать дѣйствительное существованіе миѳическаго Тура. Между тѣмъ въ новомъ, разбираемомъ трудѣ г. Завитневичъ выражается уже категорически: «этотъ князь (Рогволодъ) *при помощи своего подручника Тура*»..., т. е. оказывается, что Туръ не только дѣйствительное историческое лицо, но даже точно извѣстны его отношенія къ другому князю. Мы не имѣемъ въ виду разбирать здѣсь указанную статью г. Завитневича и привели этотъ фактъ въ доказательство вѣрности словъ г. Шестакова, сказанныхъ, повторяемъ, по другому поводу, но получающихъ, какъ оказывается изъ приведеннаго примѣра, общее значеніе. Не можемъ не упрекать автора разбираемаго труда и въ другомъ недостаткѣ, проистекающемъ, по нашему мнѣнію, всецѣло изъ горячаго желанія выяснить, хотя бы путемъ постановки гипотезъ, нѣкоторые темные вопросы русской исторіи. Но, увлекаясь гипотезами, г. Завитневичъ *не всегда* справляется съ тѣмъ, что сдѣлано въ наукѣ по тому или иному вопросу, и игнорируетъ труды своихъ предшественниковъ. Мы не всегда видимъ въ трудахъ г. Завитневича исчерпываніе вопроса, а получаемъ новыя гипотезы, которыя, можетъ быть, и не появились бы, если бы авторъ болѣе удѣ-

Библиотека "Руниверс"

лялъ вниманія работамъ, появившимся гораздо раньше, или могли бы явиться въ болѣе прочно обставленномъ видѣ. Укажемъ хоть слѣдующіе факты. Въ одномъ мѣстѣ своего труда г. Завитневичъ категорически указываетъ на рѣчной путь отъ Днѣпра въ Азовское море [1]) Конечно, не особенно важно, что авторъ не указалъ источника, откуда заимствовалъ свое показаніе, именно «Черноморье» покойнаго одесскаго профессора Бруна, знатока древней южно-русской географіи, а важно то обстоятельство, что категорическое отождествленіе этого пути съ Залознымъ также не можетъ еще пока имѣть серьезнаго значенія: болѣе ранніе ученые колебались въ своихъ указаніяхъ относительно путей Соленаго и Залознаго (Карамзинъ, Арцыбашевъ, Соловьевъ, Аристовъ, Брунъ), а противъ гипотезы Бруна были сдѣланы вѣскія возраженія другимъ не менѣе извѣстнымъ знатокомъ древнерусской географіи, г. Бурачковымъ (см. его «Замѣтки по древней географіи новороссійскаго края» въ Извѣстіяхъ имп. рус. геогр. общества 1875 г. т. XI, №№ 3 и 5). Далѣе является нѣсколько страннымъ почему авторъ разбираемаго труда совершенно игнорировалъ превосходныя работы В. Г. Васильевскаго по вопросу о сурожской и амастридской легендахъ? Г. Завитневичъ не разъ ссылается на другіе труды этого ученаго, но почему то, относя происшествіе, описанное въ сурожской легендѣ, ко временамъ Владиміра Св. [2]), не упоминаетъ ни о статьѣ «Житіе Стефана Новаго» (Ж. М. Н. Пр. 1877 г. № 6), ни о «Житіи Георгія амастридскаго» (Ж. М. Н. Пр. 1878 г. № 2), а между тѣмъ болѣе внимательное отношеніе къ нимъ, можетъ быть, повело бы къ инымъ выводамъ, чѣмъ пришелъ г. Завитневичъ. Не можемъ вообще не сказать, что разсужденія автора о посольствахъ къ Владиміру Св. и обратно, о замѣткѣ готскаго топарха и сурожской легендѣ, представляются весьма искусственными и слабыми. Къ числу такихъ же слабыхъ мѣстъ разбираемаго труда приходится причислить и все то, что авторъ говоритъ о войнахъ съ болгарами. Особенно поражаетъ слѣдующее соображеніе г. Завитневича: «Нѣтъ поэтому ничего неправдоподобнаго и въ томъ предположеніи, что наши предки волжско-камскихъ болгаръ, *какъ главныхъ поставщиковъ серебра, назвали серебряными*», въ отличіе отъ дунайскихъ, чрезъ которыхъ шло къ намъ изъ Византіи золото [3]). И подобныя наивныя

[1]) Владимірскій сборникъ, стр. 160.

[2]) Владимірскій сборникъ, стр. 161—163.

[3]) Владимірскій сборникъ; стр. 40. Должно замѣтить, что пагинація въ каждой статьѣ принята отдѣльная, какъ она идетъ въ отдѣльныхъ брошюрахъ тѣхъ же статей.

Библиотека "Руниверс"

соображенія высказываются въ серьезномъ ученомъ трудѣ серьезнымъ ученымъ и при томъ послѣ такихъ капитальныхъ работъ какъ Григорьева (въ сборникѣ «Россія и Азія») и Шпилевскаго (Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ казанской губерніи, Казань, 1877). Замѣчательно, что авторъ ни разу даже не намекнулъ на существованіе этихъ трудовъ, а между тѣмъ у него было для этого и мѣсто, и время, и поводъ. Но пусть бы даже и такъ, пусть въ глазахъ автора соображеніе вполнѣ научное, что «серебряные» есть переводъ слова «нукратъ» не имѣетъ значенія, то все таки имена Григорьева и Шпилевскаго заслуживали бы хоть мимолетнаго упоминанія. Мало этого. Дѣлая подобное соображеніе, г. Завитневичъ высказываетъ этимъ пренебрежительное отношеніе даже къ самымъ первоисточникамъ. Если бы авторъ внимательно отнесся къ даннымъ нашихъ лѣтописей, то увидѣлъ бы, что «серебряными» наши предки называли не всѣхъ болгаръ, а лишь одно племя. Болгары распадались на два племени: серебряныхъ (нукратъ) и челматъ; первые по р. Серебрянкѣ, на которой стоялъ г. Геюларь, а вторые по р. Камѣ (Челманъ или Чулманъ – Кама). Объ этомъ дѣленіи говоритъ намъ Ипатьевская лѣтопись (изд. 1871 г. стр. 423). Г. Завитневичъ проглядѣлъ это извѣстіе и даже не указываетъ на него. Почему? Далѣе. По прямому извѣстію Ибнъ-Даста у болгаръ монету замѣнялъ собою куній мѣхъ (Хвольсонъ, стр. 24—25). Русскіе жили въ Булгарѣ (Гаркави, Извѣстія мусульм. писателей, 219 и 130 и Fraehn, Ibn-Foszlan's.), а потому прекрасно знали и это обстоятельство и то, что диргемы шли отъ арабовъ, которыхъ также видѣли и въ Булгарѣ, и въ Итилѣ. Слѣд. наши предки имѣли полное право назвать «серебряными», арабовъ, а не болгаръ. А отъ хазаръ къ намъ не приходило серебро? Вѣроятно, еще въ бо̀льшемъ количествѣ, чѣмъ отъ болгаръ. Странно, что серьезному ученому, какимъ мы признаемъ г. Завитневича, приходится указывать и на лѣтопись, и на другіе источники, которые могли бы, при внимательномъ къ нимъ отношеніи, обязательномъ для спеціалиста, предохранить автора отъ подобныхъ неудачныхъ гипотезъ. Можно было бы набрать еще нѣсколько примѣровъ смѣлыхъ гипотезъ въ разбираемомъ трудѣ, но мы не имѣемъ для этого возможности; предполагаемъ, что и указаннаго достаточно для доказательства, что не всѣ гипотезы полезны для науки, а иногда даже могутъ быть вредны, увеличивая собою количество литературнаго балласта. Указывая на сильную гипотетичность труда г. Завитневича, на сравнительно не-

Библиотека "Руниверс"

значительную долю новаго категорическаго, внесеннаго его трудомъ въ науку русской исторіи, мы однакоже не отрицаемъ заслуги автора, принесшаго своими иногда остроумными соображеніями нѣкоторое освѣщеніе запутанныхъ событій эпохи Владиміра святаго.

Г. Малышевскому принадлежатъ двѣ статьи: «Сказаніе о посѣщеніи русской страны св. апостоломъ Андреемъ» и «Рѣчь, сказанная въ торжественномъ собраніи кіевской духовной академіи 14 іюля 1888 г. по случаю исполнившагося девятисотлѣтія со времени крещенія Россіи». Въ первомъ своемъ трудѣ И. Игн. Малышевскій съ свойственной всѣмъ его изслѣдованіямъ научностью, соединенной съ замѣчательнымъ умѣньемъ просто и въ высшей степени послѣдовательно анализировать вопросъ, приходитъ къ выводу, что на Руси сказаніе о св. апостолѣ Андреѣ возникло постепенно изъ двухъ источниковъ: южнаго—греческаго и сѣвернаго—варяжскаго. Факты, приводимые уважаемымъ ученымъ, вполнѣ, какъ намъ кажется, подтверждаютъ такое мнѣніе. Въ своей рѣчи г. Малышевскій выясняетъ великое значеніе принятія нашими предками христіанства. По вопросу о факторахъ, подготовившихъ на Руси это событіе, авторъ держится своего прежняго мнѣнія, высказаннаго имъ раньше въ трудѣ «Варяги въ начальной исторіи христіанства въ Кіевѣ», отводя первую выдающуюся роль въ этомъ дѣлѣ варягамъ. Намъ приходилось уже высказать наши мысли по поводу этихъ соображеній уважаемаго Ив. Игн. Малышевскаго, а потому снова останавливаться на нихъ мы не будемъ. Съ большимъ также интересомъ читаются статьи г. Петрова, «Древнія изображенія св. Владиміра» и «Чествованіе памяти св. Владиміра на югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ». По мнѣнію г. Петрова, изображеніе св. равноапостольнаго князя Владиміра явилось у насъ въ Россіи подъ сильнымъ византійско-болгарскимъ вліяніемъ, выразившемся въ монетныхъ изображеніяхъ этого князя; національныя же русскія черты являются на фрескѣ Успенскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ, въ миньятюрахъ XIV и XV вв. и на стѣнномъ изображеніи въ новгородской Ѳеодоровской церкви XV вѣка. Въ другой статьѣ г. Петровъ говоритъ о видахъ чествованія св. Владиміра на югѣ Россіи различнымъ образомъ и въ различныхъ литературныхъ произведеніяхъ.—Таковъ составъ «Сборника», изданнаго кіевской духовной академіей. Переходимъ теперь къ труду г. Матченка и постараемся быть насколько возможно краткими.

Сочиненіе г. Матченка распадается на три части: 1) введеніе, 2) христіанство на Руси до Владиміра и 3) княженіе Владиміра. Въ

Библиотека "Руниверс"

свою очередь каждая изъ указанныхъ частей заключаетъ въ себѣ по нѣсколько главъ. Разбираемая книга, несмотря на свою обширность (373 стр.), читается очень легко и съ большимъ интересомъ. По нашему мнѣнію, нѣкоторое затрудненіе при ея чтеніи для неспеціалиста можетъ проистекать лишь вслѣдствіе того, что авторъ отводитъ очень много мѣста полемикѣ съ мнѣніями ученыхъ, трудившихся раньше на одномъ съ нимъ полѣ, а эта полемика съ успѣхомъ могла бы быть отнесена въ примѣчанія. Несмотря на то, что надъ разработкой исторіи Владиміра св. трудились многіе и многіе, что значеніе дѣятельности этого князя въ русской исторіи достаточно выяснено, существуютъ однако же нѣкоторые темные вопросы, хотя, по нашему мнѣнію, и не краеугольные, а такъ сказать, детальные, но отъ такого или иного рѣшенія которыхъ можетъ измѣниться въ нѣкоторой степени нашъ взглядъ и на дѣйствующихъ лицъ, и пожалуй, на самую эпоху. Отсюда вытекаетъ полемическій характеръ и всей почти литературы, вызванной юбилеемъ, и почти всего труда г. Матченка. Лучшіе мѣста разбираемаго сочиненія несомнѣнно тѣ, гдѣ авторъ подвергаетъ критикѣ существующія въ наукѣ мнѣнія по тому или иному вопросу изъ исторіи Владиміра св. Нѣкоторыя замѣчанія г. Матченка такъ основательны, что съ ними, по нашему крайнему разумѣнію, нельзя не согласиться. Онѣ разсыпаны по всей книгѣ, но особенно обращаютъ на себя вниманіе его вѣскія возраженія г. Голубинскому относительно цѣнности сообщеній Іакова Мниха. Взглядъ самого автора на «Похвалу» Іакова Мниха и на «Слово о Благодати» митрополита Иларіона, какъ на историческіе источники, мы признаемъ вполнѣ научнымъ. Что касается тѣхъ мѣстъ труда г. Матченка, гдѣ онъ, оставляя полемику, рисуетъ эпоху Владиміра св., его дѣятельность, какъ государя, приводитъ свои соображенія по вопросу о факторахъ, подготовившихъ принятіе и распространеніе христіанства на Руси, то здѣсь ему приходится высказывать многое такое, что не разъ уже было высказано прежде, хотя нельзя отрицать и того, что авторъ придаетъ нѣкоторымъ фактамъ новое и интересное освѣщеніе. Но мы не можемъ не сказать, что нѣкоторыя мысли автора отличаются большою смѣлостью и едва ли могутъ найти себѣ подтвержденіе въ тѣхъ данныхъ, какія имѣются въ историческихъ источникахъ. Слабость труда г. Матченка и въ полемической и неполемической его части происходитъ отъ неполнаго знакомства автора со всей литературой вопроса и со всей суммой необходимыхъ источниковъ. Это приводитъ его иногда къ та-

Библиотека "Руниверс"

кимъ соображеніямъ и заставляетъ высказывать такіе взгляды, которые положительно противорѣчатъ современному состоянію русской исторической науки. Чтобы не быть голословными, укажемъ два-три факта.

Авторъ говоритъ о сурожской и амастридской легендахъ, но при этомъ упускаетъ совершенно изъ вида труды гг. Васильевскаго и Куника [1]). Анализируетъ онъ разсказъ лѣтописи о крещеніи Владиміра св. и Руси, но забываетъ основной взглядъ, господствующій въ современной русской наукѣ на этотъ разсказъ, какъ на вставную повѣсть, законченную не ранѣе 1099 года [2]). Авторъ повторяетъ старое забытое мнѣніе о превосходствѣ полянскаго племени въ культурномъ отношеніи надъ другими русско-славянскими племенами [3]), хотя это мнѣніе абсолютно уничтожается современными археологическими открытіями. Отсутствіе личнаго знакомства съ изданными извѣстіями арабскихъ писателей ведетъ автора къ невѣрному утвержденію о значительномъ распространеніи христіанства у хазаръ и о будто бы существовавшемъ христіанскомъ вліяніи послѣднихъ на русскихъ славянъ [4]). Но особенно замѣчательно въ трудѣ г. Матченка то мѣсто, гдѣ онъ громитъ бредни западно-европейскихъ писателей, утверждавшихъ, что на Руси ранѣе православія господствовалъ католицизмъ. Авторъ смѣшиваетъ два факта [5]): распространеніе Бруномъ католичества на Руси (что есть дѣйствительная ложь) и путешествіе его къ печенѣгамъ (что есть историческая истина). Происходитъ этотъ промахъ автора вслѣдствіе того, что онъ, какъ видно, и не подозрѣваетъ существованія весьма важнаго историческаго документа,—дѣйствительнаго письма Брунона къ императору Генриху. Этотъ документъ служитъ наилучшимъ опроверженіемъ тѣхъ бредней, противъ которыхъ такъ горячо ратуетъ г. Матченко, такъ какъ въ своемъ дружескомъ письмѣ къ императору Брунонъ ни слова не говоритъ о распространеніи имъ католичества на Руси (о чемъ, конечно, не преминулъ бы разсказать, если бы цѣль его путешествія состояла въ этомъ), а разсказываетъ о своей дѣятельности у печенѣговъ и о ласковомъ обхожденіи Владиміра. Такъ авторъ отнялъ самъ у себя наилучшій аргументъ для опроверженія исторической лжи. Письмо

---

[1]) Святый равноапостольный Владиміръ, стр. 35—36, 54.

[2]) Ibidem, стр. 221 и слѣд.

[3]) Ib., стр. 39.

[4]) Ib., стр. 32—34, 49, 51—53.

[5]) Ib., стр. 310.

Библиотека "Руниверс"

это было сначала издано Гильфердингомъ въ «Русской Бесѣдѣ» за 1856 г. (по не совсѣмъ исправной рукописи), а потомъ Бѣлевскимъ въ Monumenta Poloniae historica, т. I. Жаль, что авторъ не позаботился лично ознакомиться со всѣми необходимыми первоисточниками, ибо отсутствіе этого личнаго знакомства отнимаетъ половину цѣны у его интереснаго труда.

На этомъ мы заканчиваемъ нашъ отчетъ о Владимірскомъ сборникѣ и о трудѣ г. Матченка.

Нашъ отчетъ вышелъ длиннѣе, чѣмъ бы мы желали, чтобы не утомлять читателей, хотя мы и старались указать лишь на самое главное, выдающееся въ разсмотрѣнныхъ трудахъ, non odii causa, sed ad majorem veritatis gloriam. **П. Голубовскій.**

Списокъ населенныхъ мѣстъ полтавской губерніи. Изданъ полтавскимъ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ въ 1887 г.

Книга, заглавіе которой здѣсь обозначено, представляетъ значительный интересъ для людей, занимающихся изученіемъ края въ экономическомъ отношеніи. Эта книга напечатана in 4°; имѣетъ около 700 страницъ; издана довольно аккуратно. Въ этой книгѣ идетъ сначала перечисленіе всѣхъ волостей въ алфавитномъ порядкѣ (ихъ 261 въ губерніи); далѣе разсматривается каждый уѣздъ по слѣдующимъ рубрикамъ: а) названіе волости; б) число выборныхъ, имѣющихъ участіе въ волостномъ сходѣ; в) общества, входящія въ составъ волостей (здѣсь обозначены имена населенныхъ мѣстъ оффиціальныя и народныя, напримѣръ, хуторъ Плюйковъ, тожъ Соцкая-Балка); г) разстояніе извѣстнаго мѣста отъ волости, уѣзднаго и губернскаго города; д) число крестьянъ-собственниковъ, государственныхъ, приписанныхъ къ волости, число козаковъ; е) количество земли, состоящей въ пользованіи каждаго общества, находящейся въ частномъ владѣніи и надѣленной отъ казны съ опредѣленіемъ годоваго выкупнаго оклада платежей за землю казенныхъ крестьянъ и ж) число училищъ и школъ, число душъ мужескаго пола, получившихъ въ 1886 г. паспорты на отлучку.

2) Сравнительная таблица о землевладѣніи по селеніямъ полтавской губерніи на наличную душу. Въ этой рубрикѣ показано количество десятинъ земли на наличную душу, начиная съ количества менѣе $^1/_2$ десятины и оканчивая 3 и болѣе десятинами. Если срав-

Библиотека "Руниверс"

нить надѣлы (менѣе $^1/_2$ десятины) крестьянъ-собственниковъ, бывшихъ помѣщичьихъ и надѣлы отъ казны бывшихъ государственныхъ крестьянъ, то это сравненіе даетъ неблагопріятные результаты для первыхъ, именно: въ 556 населенныхъ мѣстахъ 36,173 души имѣютъ надѣлъ менѣе $^1/_2$ десятины; между тѣмъ, какъ во второй категоріи, т. е. бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ 268 населенныхъ мѣстахъ только 12,232 души имѣютъ менѣе $^1/_2$ десятины по всей губерніи.

Крестьяне-собственники ежегодно уплачиваютъ выкупныхъ платежей за 1 десятину усадебной 3 р. 43 коп.; за 1 десят. полевой (за исключеніемъ константиноградскаго уѣзда) 1 р. 68 к. Казенные крестьяне въ среднемъ выводѣ уплачиваютъ выкупныхъ платежей за 1 десятину 1 р. 37 к.; земскихъ сборовъ ежегодно приходится на 1 десятину земли $42^1/_2$ коп. Къ этому слѣдуетъ еще добавить мірскіе сборы, среднее количество которыхъ на душу выражается 1 р. 32, 84 к.

Въ третьей части помѣщенъ алфавитный списокъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ полтавской губерніи съ обозначеніемъ волостей, въ которыхъ находится это мѣсто.

Очень жаль, что нѣтъ никакого предисловія въ книгѣ и не указаны источники, которыми пользовались при составленіи ея. Во всякомъ случаѣ эта книга весьма интересна. Желательно, чтобы и крестьянскія присутствія юго-западнаго края издали подобныя книги.

A. de Gubernatis. Dictionnaire international des écrivains du jour. Livraisons I — X. A — Gui. (Florense, Paris, Leipzig, 1888—1889. Édit. L. Nicolai, Florence). Стр. 1120, in—4.

«Международный словарь современныхъ писателей», редижируемый неутомимымъ проф. Анжело де-Губернатисомъ, представляетъ переработку, съ значительными дополненіями и исправленіями, изданнаго тѣмъ же авторомъ еще въ 1880 г. на итал. яз. «Dizionario biografico degli scrittori contemporanei». Издатель старался по возможности дать въ своемъ трудѣ мѣсто авторамъ всѣхъ странъ земнаго шара, народностей, направленій и спеціальностей и въ предисловіи обращается за посильнымъ содѣйствіемъ къ читателямъ и всѣмъ писателямъ вообще. По легко понятнымъ причинамъ, біографіи и характеристики писателей русскихъ отличаются нѣкоторою лаконичностью, за немногими исключеніями. Встрѣчаются, конечно, и неизбѣжныя

Библиотека "Руниверс"

погрѣшности въ этомъ отношеніи, несмотря на то, что де-Губернатисъ женатъ на русской (рожд. Безобразова), участвуетъ въ русскихъ журналахъ (В. Евр.) и для первой буквы алфавита легко могъ бы почерпнуть богатый и превосходно сгруппированный матеріалъ въ прекрасномъ изданіи г. Венгерова. — Послѣдній (X-й) выпускъ разсматриваемаго словаря вышелъ 15 ноября 1889 г.

Въ «Кіевской Старинѣ» (авг. 1889 г., стр. 570—574) г. Новицкимъ напечатаны были біографическія данныя о польскихъ писателяхъ, такъ или иначе связанныхъ съ нашимъ краемъ. Въ дополненіе къ этой замѣткѣ, приводимъ здѣсь нѣкоторыя извлеченія изъ словаря г. де-Губернатиса, нелишенныя, по нашему мнѣнію, извѣстнаго интереса для читателей нашего журнала, тѣмъ болѣе, что большая часть свѣдѣній доставлена самими авторами. Придерживаемся алфавита словаря и данныя общеизвѣстныя опускаемъ.

Афанасьевъ (Г. Е.), приватъ-доцентъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи при одесскомъ ун-тѣ. Издалъ книгу о министерствѣ Тюрго (магист. дис. 1884 г.), брошюры объ англійской конституціи XIX в., о внѣшней политикѣ Наполеона III и, въ 1887 г., публичныя лекціи объ Ирландіи и брошюру о Маріи Стюартъ.

Антоновичъ (Влад. Бонифац.), проф. рус. ист. при кіев. ун-тѣ. Род. въ 1834 г. (Слѣдуетъ перечисленіе главныхъ трудовъ).

Ашкенази (Евг.), русскій ботаникъ, проф. ботаники при гейдельб. ун-тѣ. Род. 5 мая 1845 г. въ Одессѣ. Издалъ по нѣмецки: «Къ критикѣ дарвинизма» (Лейпцигъ, 1871); «Этюды по морфологіи растеній», нѣсколько статей въ *Botanische Zeitung*, *Berichte des naturhist. medic. Vereins in Heidelberg* и *Botan. Jahresbericht*. Изъ важнѣйшихъ трудовъ упом. еще напечат. въ *Bibliothèque Universelle de Genève*, *Archives des sciences physiques et naturelles:* «Température des plantes au soleil», 1878, т. LVI: «Destruction de la chlorophylle des plantes vivantes par la lumière sur la couleur des fleurs» 1878., т. LXII.; «La période annuelle des bourgeons», 1878, т. LXII.

Авенаріусъ (Мих. Петр.), род. 28 сент. 1835 г., проф. физики при кіев. ун-тѣ, членъ кор. имп. акад. наукъ и физическаго общества въ Берлинѣ. (Перечислены труды на нѣм. и франц. яз.).

Аверкіевъ (Дм.), рус. критикъ и драматургъ, род. въ Екатеринодарѣ 12 февр. 1836 г. (Перечислены главныя произведенія).

Авсѣенко (Вас.), бывшій доцентъ кіев. ун-та, редакторъ «Спб. Вѣдомостей», публицистъ и романистъ, род. 5 янв. 1842 г., бывшій сотрудникъ «Рус. Вѣстн.» (Историч. работа его не упомянута).

Библиотека "Руниверс"

Баворовскій (Викторъ), польскій писатель, родомъ изъ Галичины. Извѣстенъ какъ переводчикъ нѣкоторыхъ поэмъ Байрона, Виланда и др. Владѣетъ обширнымъ собраніемъ рѣдкихъ книгъ, картинъ, рукописей и произведеній искусствъ.

Безсоновъ (Петръ), род. 1828 г., собиратель русскихъ народныхъ пѣсенъ (Труды охарактеризованы, но не указаны подробно).

Бобрецкій (Ник. Вас.), зоологъ, проф. кіев. ун-та, род. въ 1843 г. въ подольской губ.; съ 1873 г. докторъ зоологіи; былъ командированъ съ ученою цѣлью на два года заграницу и работалъ на зоологической станціи въ Неаполѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя назначенъ проф-мъ. Изъ трудовъ на русск. языкѣ упомянуты изслѣдованія объ *Annulata Cactepoda*, *Annaelida polychaeta*, *Saccocillus papillocercus*, о новомъ видѣ *Lycastis* и спеціально объ аннелидахъ, напеч. большею частью въ *зап. кіев. общ. естеств.* 1868—1881 г., по нѣмецки—въ *Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie* 1874—1878 г. Далѣе, «Zur Embryologie des Oniscus murarius» и «Ueber die Bildung des Blastodermas und der Keimblätter bei den Insecten» въ *Archiv'ѣ für microscopische Anatomie* 1876 г.; «Studien über die embryonale Entwickelung der Gastropoden» и по фр. «Étude des Annélides du golfe de Marseille», въ сотрудн. съ М. Маріономъ, въ *Annales des Sciences Naturelles* 1875 г. (Объ учебникѣ зоологіи на рус. яз. не упомянуто).

Буняе (Ник. Христ.), бывшій проф. кіев. ун-та, нынѣ предсѣдатель комитета министровъ, род. въ Кіевѣ въ 1825 г., гдѣ и окончилъ образованіе. Сперва профессоръ нѣжинскаго лицея кн. Безбородко, въ 1850 г. переведенъ проф-мъ въ Кіевъ, гдѣ преподавалъ въ теченіи почти 30 лѣтъ. Въ 1859—63 гг. принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ коммиссіи по освобожденію крестьянъ. (Указано дальнѣйшее движеніе по службѣ). Труды: о торговомъ законодательствѣ при Петрѣ Вел., 1848 г.; о кредитѣ, рѣчь, 1849 г.; теорія кредита, 1852 г.; курсъ статистики, 1865 г.; полицейское право, 1869—77 г., 2 т; начала политич. экономіи, 1870 г.; складочные магазины и варранты и о возстановленіи монетнаго обращенія въ Россіи, 1877; нѣсколько экономич. статей въ *Вѣстн. Евр. и Сборн. госуд. знаній* Безобразова, послѣдняя о соврем. состояніи нашей монетной системы и средствахъ къ ея упорядоченію.

Буняковскій (Викт. Як.) не давно ум. математикъ, род. 3 дек. 1804 г. въ подольской губ. (подробная біографія съ многоч. указаніями на труды).

Библиотека "Руниверс"

Будиловичъ (Ант.), славистъ и историкъ литературы, проф. варш. ун-та, род. въ 1846 г. въ гроднен. губ. (подробно перечислены труды по славяновѣдѣнію и рус. литературѣ).

Бущынскій (Стефанъ), польскій писатель, род. въ 1821 г. въ кіевской губерніи, гдѣ окончилъ ун-тъ въ 1845 г. Участникъ возстанія 1863 г., приговоренъ заочно къ смертной казни и эмигрировалъ. Послѣ продолжительныхъ странствованій въ Швейцаріи, Франціи, Италіи и Германіи, для изученія учрежденій и быта этихъ государствъ, поселился въ Краковѣ и занялся изученіемъ литературы и исторіи, публикуя на протяженіи 20 лѣтъ результаты своихъ трудовъ. Первая книга его, вышедшая во Львовѣ въ 1862 г., посвящена Подоліи, Волыни и Украйнѣ. Затѣмъ издалъ по франц.: «La Pologne et ses provinces méridionales», Paris, 1863; «La décadence de l'Europe», ib., 1867; «La catéchisme sociale», ib., 1876; «La population de l'Europe au point de vue ethnographique», Rome, 1883 г., въ *Atti del Congresso geografico* въ Венеціи; по ит. «Italia e Polonia», рѣчь произн. въ Местре (Венеція, 1883 г.); по нѣм.: «Bestandtheile der russischen Bevölkerung und deren Confessionen», Львовъ, 1885; «Die Wunden Europa's. Statistische Thatsachen mit ethnogr. und histor. Erläuterungen», Лейпцигъ, 1875, и до сорока разныхъ другихъ произведеній, поэмъ, разсказовъ, рѣчей, бесѣдъ, брошюръ, монографій на польск. яз., и т. п. Послѣдній трудъ: «Obrona spotwarzanego narodu», Крак. 1888. Краковская академія наукъ избрала Бущ. своимъ почетнымъ членомъ.

Целинъскій (Григ.), галицкій писатель, род. 9 марта 1853 г. въ Катушѣ въ Галичинѣ. Окончилъ гимназію въ Станиславовѣ и поступилъ въ вѣнскій университетъ, гдѣ въ 1875—1879 гг. занимался изученіемъ классической филологіи и сравнительнаго языкознанія. Въ 1880 г. назначенъ учителемъ (профессоромъ) классическихъ языковъ въ львовской акад. гимназіи, гдѣ преподаваніе ведется по малорусски, Изъ ученыхъ трудовъ Ц. указаны: «De Hipponacte Ephesio, Jambographo», крит. опытъ, Львовъ, 1880 г.; «Schewtschenko und seine zeitgenossische Kritik», ib., 1881 г.; въ качествѣ директора русскаго театра, составилъ комедію «Съ благотворит. цѣлью», въ 3 актахъ, 1883 г.; «Паненька на свадьбѣ», ком. въ 1 актѣ, ib., 1884 г.; «Соколы», ком. въ 4 актахъ, ib., 1885 г.; «Скверный денекъ», ком. въ 1 актѣ, ib., 1886 г.; «Видно пана по холявамъ», ком. въ 4 актахъ, ib., 1887 г.; «Приключенія любовника», монодрама. Кромѣ того, издалъ нѣсколько разсказовъ: «Двѣ пары», «Сыновья»

Библиотека "Руниверс"

«На бѣлокъ», «Рождественскія картинки», всѣ въ журналѣ *Зоря* (изд. подъ его же редакціей съ 1887 г.), въ 1885—87 гг. Всѣ разсказы и комедіи Цегл. имѣютъ цѣлью воспроизведеніе современной галицкой жизни. Кромѣ того, Ц. издалъ малорусскій переводъ греческихъ упражненій Шенкля.

Целевичъ (Юл.), галицкій писатель, род. въ Павелчахъ въ Галичинѣ, въ 1843 г. Окончилъ гимназію въ Станиславовѣ, затѣмъ изучалъ философію во львовскомъ университетѣ (1865 г.). Въ 1869—71 г. состоялъ младшимъ преподавателемъ львовской нѣмецкой гимназіи, въ 1871—75 г. учителемъ станиславовской гимназіи, затѣмъ въ львовской академич. гимназіи, гдѣ состоитъ и нынѣ. Труды его: «Унія въ двухъ русскихъ округахъ Венгріи, Мункачѣ и Эперисѣ» въ журн. *Правда*, Львовъ, 1867 г.; «Историч. замѣтки объ Отеркѣ Довбущукъ» въ журн. *Дило*, ib., 1882 г. (польскій переводъ Шопинскаго изд. въ Краковѣ 1887 г.); «Скитъ Манявскій», Львовъ, 1887 г., монографія.

Ходзѣвичъ (Владисл.), польскій журналистъ и романистъ, род. въ м. Тульчинѣ подольск. губ. 16 іюня 1813 г. Первые опыты помѣщалъ въ спб. юмор. журналѣ *Баламутъ* Мих. Конарскаго, затѣмъ корреспондировалъ въ *Спб. Недѣлю* и участвовалъ въ польскихъ журналахъ *Библ. Варш.*, *Звѣзда*, *Хрон. Варш.*, *Странникъ* и т. д. Издалъ романы: «Три лиліи» 1845 г., «Замокъ Чарнокозинцы», 2 т. 1846 г. Въ 1847 г. отправился въ продолжительное путешествіе по Италіи, Испаніи, Греціи, Турціи, Египту, Палестинѣ, Сиріи и Малой Азіи. Въ крымскую кампанію служилъ во франц. арміи. Затѣмъ поселился навсегда во Франціи и состоитъ инспекторомъ западной желѣзнодорожной линіи. Въ свободное время занимался изученіемъ клинообразныхъ надписей и издалъ нѣсколько мемуаровъ, таковы напр.: «Un vers d'Aristophane. Texte persan de la comédie les Acharniens expliqué», «Etudes paléo-perses» и «Une inscription cunéiforme de Persepolis», Парижъ, 1876 г.

Хтендосскій (Кязим.), польскій литераторъ, род. въ Ровномъ въ Галичинѣ, 1843 г., обучался во Львовѣ. Издалъ нѣсколько сатирич. романовъ, разсказовъ и очерковъ, отличающихся точнымъ воспроизведеніемъ мѣстнаго колорита. Таковы, напр., «Альбомъ фотографій», «Нитка въ иголкѣ и мотокъ», «Зерцало глупости», имѣвшее значительный успѣхъ.

Чымянскій (Эмилій), польскій химикъ, род. 26 февр. 1824 г. въ Галичинѣ (?) (перечисл. многоч. спец. труды по химіи на поль-

Библиотека "Руниверс"

скомъ и нѣм. яз., въ томъ числѣ «Польскій химич. словарь» 1853 г., изд. въ Краковѣ).

Домбровскій (Стан. Фил.), польскій археологъ, консерваторъ музея въ Ажанѣ, департ. Лоты и Гаронны во Франціи, род. въ 1830 г. въ Ясеновкѣ, воспитывался въ Маріамполѣ въ Галиціи. Поселившись во Франціи, изучалъ медицину, также живопись въ Бордо, и на выставкахъ его картины пользовались успѣхомъ. Онъ издалъ интересныя ученыя изслѣдованія о дольменахъ Бретани и доисторич. погребальныхъ пещерахъ. Членъ музея доисторической археологіи въ Бордо и корресп. нѣсколькихъ ученыхъ обществъ въ Парижѣ по отдѣлу палеонтологіи. Издалъ кромѣ того: «Essai sur les oiseaux sans ailes de la Nouvelle-Zélande», «Étude sur la période antéhistorique dans l'Amérique du Sud» и др. работы по естествознанію и археологіи.

Драгомановъ (Мих. Петр.), род. въ Гадячѣ полт. губ. (подробн. біографія и перечисленіе трудовъ).

Драгомировъ (Мих. Ив.), генералъ, военный писатель, бывш. проф. и директоръ академіи генер. штаба. Издалъ между прочимъ «Лекціи тактики», «Очерки австро-прусской войны» и т. д.

Францозъ (Карлъ-Эмиль), австр. беллетристъ и публицистъ, род. 3 окт. 1848 г. на австро-русской границѣ (въ Галичинѣ?), сынъ еврея-врача. Изучалъ право въ Вѣнѣ и Грацѣ. Въ молодыхъ лѣтахъ уже работалъ въ качествѣ журналиста въ Вѣнѣ, затѣмъ въ Пештѣ, но извѣстностью обязанъ главнымъ образомъ своимъ бытовымъ романамъ и этнографическимъ разсказамъ. Труды: «Aus Halb-Asien» (по терминологіи Француза—Полуазію изображаютъ Галичина, Буковина, Румынія и юж. Россія), первая часть обширнаго изданія, вышедшаго въ Лейпцигѣ въ 1876–83 г. подъ заглавіемъ: «*Halb-Asien Land und Leute des östlichen Europa*». Беллетристич. произведенія: «Moschko von Parena. Geschichte eines jüdischen Soldaten», Лейпцигъ, 1889 г.; «Ein Kampf ums Recht», Бресл., 1882 г., 2-е изд.; «Die Juden von Barnow», 1880 г., 3-е изд.; «Stille Geschichte», 1883 г., 3-е изд.; «Mein Franz», стих. разсказъ, Лейпц., 1883 г.; «Der Präsident», 1884 г., романъ, первоначально напечатанный въ *Jour. de St. Pétersbourg.* и въ *Neue Freie Presse*; «Tragische Novellen», 1885 г. Кромѣ того, Фр. изд. «Deutsches Dichterbuch aus Oesterreich», 1883 г. Францозъ—одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ вѣнской *Neue Fr. Presse.*

Гавронскій (Францишекъ), изв. подъ псевдон. *Равиты* (см. упом. выше статью г. Новицкаго въ «Кіев. Стар.», стр. 570. Въ словарѣ

Библиотека "Руниверс"

г. де-Губернатиса упомянутъ еще романъ: «Фалены» и неизвѣстное намъ произведеніе «Права женщинъ», опущенные г. Новицкимъ).

Гладринскій (Станисл.), польскій новеллистъ, поэтъ, публицистъ и ксендзъ, редакторъ варш. *Tyg. Powsz. Illustr.*, род. въ 1852 г. въ Водрянкѣ (?) въ Малороссіи. Онъ издалъ, между прочимъ, фантастич. поэму «Идеалистъ», «Мечты и пѣсни», «Порванныя струны», «По метру и литру» и новеллу «Женщина безъ страха».

Гогоцкій (Сильв. Сильв.), род. въ 1813 г. въ подольск. губ. (по ошибкѣ наборщиковъ, надо думать, попалъ въ профессора вѣнскаго университета и основатели высшихъ женскихъ курсовъ тамъ же. Ошибка эта повторена и въ итальян. изд. 1880 г. Труды перечислены подробно и вѣрно).

Голубевъ (Степ. Тим.), сынъ свящ. пензенской губ., род. въ 1849 г., профессоръ кіев. дух. акад. и доцентъ университета. Обучался въ пензенской семинаріи и кіев. дух. академіи. Изъ трудовъ упомянуты лишь: «Петръ Могила» и Матерьялы для ист. рус. церкви въ зап. краѣ. Труды эти названы почему то «теологическими».

Горшковскій (Марьянъ), польскій археологъ. Издалъ, между прочимъ, «Cymeliarchium», исторія и значеніе свадебнаго кольца 1864 г. и «Хороманія», историч. этюдъ о танцахъ. Прибавимъ, что Горшковскій, состоя учителемъ черниговъ. гимназіи, ограбилъ архивы мѣстныхъ монастырей и увезъ компрометирующія католическое духовенство документы въ Римъ, гдѣ вступилъ въ орденъ іезуитовъ.

Легко видѣть пропуски, допущенные издателемъ, что касается нашего края. Конечно, пополнить эти пробѣлы зависитъ отъ самихъ же дѣятелей литературы. Для этой цѣли редакція словаря обѣщаетъ издать особый дополнительный томъ. **Н. Молчановскій.**

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

ТОМЪ XXVII.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ.

1889 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

Декабрь, 1889 г.

	стр.
I. Александръ Степановичъ Лашкевичъ. (Некрологъ).	485—494
II. Воспоминанія **М. К. Чалаго**.	495—545
III. Подсудокъ. Очеркъ изъ волынской хроники. **Николая Сарнецкаго** (Переводъ съ польскаго). **Н. М.** .	546—581
IV. Культурныя переживанія. CIX—CXX. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова**	582—603
V. Отвѣтъ на полемическую замѣтку В. Г. Васильевскаго. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго**.	604—631
VI. Документы, извѣстія и замѣтки. Опись имѣній Бороздъ, 1638 г. **А. Л.** Запорожье въ концѣ XVIII вѣка. **Ал. М. Лазаревскаго.** Двѣ лирницкія пѣсни. Къ пребыванію Карла XII въ Бендерахъ. **Ал. И. Маркевича**. Къ исторіи землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи. **В. П. Науменка.** Къ исторіи Мазепиной измѣны. **А. Л.**	622—645
VII. Библіографія. 1) Владимірскій сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія Россіи, 1888. 2) Святый равноапостольный князь Владиміръ — просвѣтитель Руси. 900-лѣтіе крещенія Руси. И. П. Матченко. 1889. **П. В. Голубовскаго.** Списокъ населенныхъ мѣстъ полтавской губерніи. Изданъ полтавскимъ губерн-	

Библиотека "Руниверс"

стр.

скимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ въ 1887 г. A. de Gubernatis. Dictionnaire international des écrivrins du jour. Livraisons I—X. A—Gui. (Florense, Paris, Leipzig. 1888—1889. Édit. L. Nicolai, Florence). Стр. 1120, in—4. **Н. В. Молчановскаго**. . . 646—661

Объявленія. . . . . 1—10

Приложеніе: Портретъ А. С. Лашкевича.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXVII, 1889 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

		стр.
I.	Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: «Откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга»,— по поводу статьи И. И. Малышевскаго: «О происхожденіи великой княгини русской Ольги св.» **Архимандрита Леонида**	I—VIII
II.	Полтавскій полкавникъ Иванъ Чернякъ. **А. А. Востокова.**	1—17
III.	Культурныя переживанія. L—CXX. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.**	18—51, 281—327, 582—603
IV.	Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1624 г. и мѣсто заключенія Куруковскаго договора. **Ѳ. Д. Николайчика**	52—69
V.	Живая могила. (Малорусская легенда). **Л. М. Старицкой**	70—102
VI.	Старая Брацлавщина и ея люди. II. **Ц. Г. Неймана.** .	103—120
VII.	Воспоминанія **М. К. Чалаго** . .	121—142, 257—280, 495—545
VIII.	Младшій братъ. Очеркъ изъ галицкой жизни **Генриха Іоссе.** (Переводъ съ польскаго)	143—160

Библиотека "Руниверс"

стр.

IX. Воспоминанія о рекрутчинѣ по прежнему порядку. **Б. С. Познанскаго**. . . . . 225—256

X. Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка. **В. Н. Сторожева** . . . . . 328—349

XI. Очерки старинnаго быта Волыни и Украины. **О. И. Левицкаго** . . . . . 350—368

XII. О статьяхъ Богдана Хмельницкаго (1654 г.). **П. А. Шафранова** . . . . . 369—391

XIII. Анастасія Яковлевна Марченко. (Т. Ч. или А. Темризовъ). Очеркъ. **Е. С. Некрасовой**. . . . . 392—422

XIV. Александръ Степановичъ Лашкевичъ. (Некрологъ) . 485—494

XV. Подсудокъ. Очеркъ изъ волынской хроники. **Николая Сарнецкаго**. (Переводъ съ польскаго). **Н. М.** . . . . 546—581

XVI. Отвѣтъ на полемическую замѣтку В. Г. Васильевскаго. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго**. . . . . 604—631

XVII. Документы, Извѣстія и Замѣтки: Старинное малорусское стихотвореніе. Два дѣла о волшебствѣ. **И. А. Линниченка.** Заботы Петра I объ овцеводствѣ въ Малороссіи. Сообщ. **О. Л.** Пропавшія рукописи Н. И. Костомарова. **L.** Рисунки Шевченка. Изъ прошлаго г. Кіева. **А. А Востокова**. Одинъ изъ Мазепинцевъ. Плачъ дворянина. Столѣтіе кіевской первой гимназіи, какъ учебнаго заведенія. **Садовскаго**. Еще объ Иванѣ Поповичѣ. **Ив. Н.** Библіографическія замѣтки. **Архим. Леонида.** Англійское извѣстіе 1736 г. о запорожцахъ. **Н. В. Молчановскаго**. Четыре письма О. М. Бодянскаго. 1855—58 гг. **А. Л.** Образцы старо-семинарской поэзіи. **П. Левицкаго.** Опись имѣній Бороздъ, 1638 года. **А. Л.** Запорожье въ концѣ XVIII в. **Ал. М. Лазаревскаго.** Двѣ лирницкія пѣсни. Сообщ. **В. Боржковскій**: Къ пребыванію Карла XII въ Бендерахъ. **Ал. И. Маркевича.** Къ исторіи землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи. **В. П. Науменка.** Къ исторіи Мазепиной измѣны. **А. Л.** 161—197, 423—455, 622—645

Библиотека "Руниверс"

стр.

XVIII. Для справокъ. 19, 455

XIX. Библіографія. Этнографическое Обозрѣніе. Період. изд. отдѣла императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при московскомъ университетѣ. Кн I. подъ ред. Н. А. Янчука. **Ц. Г. Неймана.** Николай Бѣляшевскій. Монетные клады кіевской губерніи. **П. В Голубовскаго.** Сочиненія Г. Ѳ. Квитки. Ш. Повѣсти и разсказы. **В Г.** Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. **А І. Степовича.** «Wisła» 1887—1888 г. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.** Краткое описаніе г. Житоміра, составленное Т. І. Вержбицкимъ. Изданіе 2-е. **Арк. Лященка.** Памятная книжка волынской губерніи на 1888 г. Изданіе волынскаго губернскаго статистическаго комитета. **Арк. Лященка.** Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга 3-я. **И. М. Каманина.** Лопатинъ Н. М. Прокудинъ В. П. Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ. 2 части. Часть I и 1-й выпускъ второй части. **А. І. Степовича.** Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ - Волынскомъ. **И. М. Каманина.** Исторія кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ, 1838—1888 г. Составилъ М. М. Захарченко. **Н. М.** Часопись Правнича. Мѣсячникъ для теоріѣ и практики. Выдаютъ д-ръ К. Левицкій, д-ръ А. Горбачевскій и д-ръ Е. Олесницкій. Рочникъ I, числа 1—4. **Н. В. Шугурова.** 1) Владимірскій сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія Россіи. 1888. 2) Святый равноапостольный князь Владиміръ—просвѣтитель Руси. 900-лѣтіе крещенія Руси. И. П. Матченко. 1889. **П. В. Голубовскаго.** Списокъ населенныхъ мѣстъ полтавской губерніи. Изданъ полтавскимъ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ въ 1887 г. A. de Gubernatis. Dictionnaire international des écrivrins du jour. Livraisons I—X. A —Gui. Florens, Paris, Leipzig. 1888—1889.

Библиотека "Руниверс"

СТР.

Êdit. L. Nikolai, Florence). Стр. 1120, in—4. **Н. В. Молчановскаго.** Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ. Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 года, касающіяся ю. Россіи. 198—224, 456 - 484, 646 - 661

Объявленія . . . . 1—10

Приложеніе: 1) **Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи.**
2) **Портретъ А. С. Лашкевича.**

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„СУДЕБНУЮ ГАЗЕТУ“

на 1890 годъ.

„Судебная Газета“ будетъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, давать на своихъ страницахъ критическое обсужденіе законовъ какъ дѣйствующихъ уже, такъ и вновь публикуемыхъ, при чёмъ для болѣе яркаго освѣщенія достоинствъ и недостатковъ отечественнаго права — матеріальнаго и процессуальнаго — будетъ держаться сравнительнаго метода изложенія, приводя постановленія передовыхъ иностранныхъ законодательствъ. Памятуя ближайшія задачи спеціальнаго органа, газета наша будетъ охотно отводить у себя мѣсто разнымъ юридическимъ замѣткамъ и вопросамъ, имѣющимъ цѣлью выясненіе темныхъ сторонъ права, чѣмъ значительно облегчится положеніе провинціальныхъ практиковъ, которые, какъ можно судить изъ поступающихъ къ намъ заявленій, особенно часто нуждаются въ совѣтѣ и обмѣнѣ мыслей.

(Просимъ обратить особенное вниманіе на слѣдующее):

Въ каждомъ № „Судебной Газеты“ подписчики получаютъ за недѣлю раньше списокъ всѣхъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію по всѣмъ Департаментамъ Правительствующаго Сената и Общаго Собранія и, тотчасъ по опубликованіи, всѣ свѣдѣнія объ узаконеніяхъ и о лицахъ, признанныхъ со стороны судовъ по всей Россіи несостоятельными, то есть пользуются такимъ матеріаломъ, который, въ отдѣльности взятый, стоитъ въ 3—4 раза дороже самаго изданія „Судебной Газеты“.

СООБЩЕНІЕ СПРАВОКЪ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ и другихъ Департаментовъ Сената производится въ почтовомъ ящикѣ редакціи только для годовыхъ подписчиковъ, уплатившихъ при подпискѣ всю сумму сполна, при томъ не болѣе 3—4 въ годъ.

ПОДПИСЧИКАМЪ ВЪ РАЗСРОЧКУ И НА СРОКИ справки сообщаются на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЖЕЛАЮЩІЕ получить справку по почтѣ, не дожидаясь выхода № газеты, прилагаютъ 2 руб. за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающіе получить ее по телеграфу прилагаютъ еще и стоимость телеграммы.

Библиотека "Руниверс"

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦІЯ: разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ, сообщеніе совѣтовъ, указаній и т. п. производится или въ отдѣлѣ „Отвѣты редакціи" или письменно по почтѣ, въ обоихъ случаяхъ на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЦѢНА: на годъ **7** руб.; на 6 мѣсяцевъ **4** руб. **50** коп.; на 3 мѣсяца **3** руб. и на **1** мѣсяцъ **1** руб. Заграницу **10** руб. въ годъ.

ПОДПИСКА принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

ЗАГРАНИЦУ подписка въ разсрочку не принимается.

РАЗСРОЧКА въ платежѣ годовой подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится **4** рубля и остальные **3** рубля не позже 20-го іюня.

ПРИ ПРОСРОЧКѢ втораго взноса высылка газеты съ 1-го іюля прекращается.

ДЛЯ ПОЛЬЗОВАНІЯ РАЗСРОЧКОЮ необходимо при присылкѣ перваго взноса заявлять о своемъ желаніи пользоваться разсрочкою; одна же простая присылка 4 рублей или присылка ихъ съ объясненіемъ, что они высылаются за первую половину года, повлечетъ за собою зачисленіе такого подписчика въ разрядъ четырехмѣсячныхъ.

Иногородные адресуются *исключительно* въ главную контору редакціи: С.-Петербургъ, Моховая улица, № 38; городскіе—въ отдѣленіе конторы: С.-Петербургъ, въ книжномъ магазинѣ юридической литературы Д. В. Чичинадзе, Невскій проспектъ, д. № 57.

За подписку въ другихъ мѣстахъ редакція не отвѣчаетъ.

№ 1. 3—2. Редакторъ-Издатель *Ф. В. Де-Веки.*

Объ изданіи журнала „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ".

Съ 1-го января 1890 года будетъ издаваться, подъ редакціей ординарнаго профессора с.-петербургскаго университета **Н. Д. Сергѣевскаго** и при ближайшемъ, постоянномъ сотрудничествѣ **Н. Θ. Дерюжинскаго, А. А. Исаева и Н. М. Коркунова,** ежемѣсячный журналъ „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ". Задачею журнала поставляется, вопервыхъ, научная разработка и историческое освѣщеніе правовыхъ и экономическихъ вопросовъ, имѣющихъ значеніе для нашей современной общественной жизни; вовторыхъ, ознакомленіе читателей съ важнѣйшими явленіями въ сферѣ законодательства, судебной практики и науки права. Сообразно этому, „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ" будетъ заключать въ себѣ:

I. Самостоятельныя (иногда переводныя) научныя статьи по вопросамъ право- и государствовѣдѣнія;

II. Хроники: законодательную, судебную и научную;

III. Указатель вновь выходящихъ книгъ и журнальныхъ статей русской и иностранной юридической литературы.

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ" выходитъ въ началѣ каждаго мѣсяца книжками отъ 4 до 6 листовъ. Каждыя шесть книжекъ образуютъ собою одинъ томъ, къ которому прилагается общее оглавленіе.

Библиотека "Руниверс"

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ: Анисимова, Большая Садовая, № 12; Цинзерлинга, Невскій проспектъ, № 46; Мартынова, Большая Морская, № 30.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію „ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛѢТОПИСИ“, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, по 3 линіи, д. № 26.

№ 2. 3—2.

ОБЪ ИЗДАНІИ въ **1890 году** ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО и УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ ДЕСЯТИ книгъ въ годъ, до ДВАДЦАТИ листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С-Петербургѣ безъ доставки 8 р.	съ пересылкою въ другіе города . 9 р
съ доставкой въ С.-Петербургѣ. 8 р. 50 к.	за-границей . . . . . 12 р

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, **РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА**, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города **13** р. **50** к.

Рѣш. касс. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 р. съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб. съ кассац. рѣш. 8 руб. и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны, сумма. **Гг. дѣйствительные члены с.-петербургскаго юридическаго общества** пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к. а съ кас. рѣш. 9 р. 50 к. Тоже право предоставляется студентамъ университетовъ и кандидатамъ на суд. долж., удостовѣрившимъ свое званіе.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію «Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права», С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала—при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: Анисимова рядомъ съ Публичною Библіотекою, Мартынова, Б. Морская, 30 и Чичинадзе М. Морская, 9; въ Москвѣ: Анисимова, на Никольской улицѣ, а равно въ конторѣ редакціи. Контора редакціи открыта разъ въ недѣлю, по субботамъ, отъ 2 до 4 часовъ.

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887 и 1889 гг. по 9 руб., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала по 2 р. съ пересылкою.

№ 3. 3—2

Редакторы: *В. М. Володимировъ.*

Библиотека "Руниверс"

Съ 1-го ноября 1889 г. будетъ выходить безъ предварительной цензуры

новый журналъ:

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ,

при участіи Московскаго Психологическаго Общества,

Подъ редакціей профессора Н. Я. Грота. Изданіе А. А Абрикосова.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: 1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи; въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ,—опытная и физіологическая психологія, психопатологія: 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ и русскихъ философовъ и психологовъ; 3) Общіе обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи, и библіографія; 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія; 5) Переводы на русскій языкъ классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Въ журналѣ, между прочимъ, предполагаютъ принять участіе слѣдующія лица: 1) изъ числа спеціалистовъ по философіи: проф А. А. Козловъ, проф. М. М. Троицкій, проф. М. И. Владиславлевъ, проф. П. Е. Струве, проф. М. И. Каринскій, проф. Н. Я. Гротъ, Л. М. Лопатинъ, Влад. С. Соловьевъ, кн. С. Н. Трубецкой, П. Е Астафьевъ, іеромонахъ Антоній, А. И. Введенскій, А. И. Гиляровъ, А. И. Казанскій, Н. Н. Ланге, В. В. Лесевичъ, В. И Преображенскій, Э. Л. Радловъ, кн. Д. И. Цертелевъ, Е. И. Челпановъ, В. Ф. Лютославскій (магистръ дерп. ун.), Ѳ. О. Масарикъ (проф. пражскаго унив.) и др. лица,—2) слѣдующіе члены психологическаго общества: графъ Л. Н. Толстой, Н. П. Аксаковъ. проф. Д. Н. Анучинъ, проф. А. П. Богдановъ, проф Н. В. Бугаевъ, проф. А. Н. Веселовскій, проф. П. Г. Виноградовъ, О. П. Герасимовъ, В. А. Гольцевъ, В. А. Гримгмутъ, Д. А. Дриль, проф Г. А. Звѣревъ, Н А. Иванцовъ, проф. Н. И. Карѣевъ, проф. И. Ф. Огневъ, Л. Е. Оболенскій, докторъ А. А. Токарскій, Н. Н. Страховъ, проф. Ѳ. И. Шереметевскій, Н. И. Шишкинъ, В. П. Штейнъ, 3) проф. В. И. Данилевскій, проф П. И. Ковалевскій, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Журналъ будетъ выходить четыре раза въ годъ книжками по 12—15 печатныхъ листовъ. **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:** въ годъ 6 р., и 6 р. 50 к. съ доставкою и пересылкою въ другіе города Россіи; для членовъ Психологическаго Общества, для студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній и воспитанниковъ духовныхъ семинарій—4 р., съ дост. и перес. 4 р. 50 к.—Подписка принимается съ 1 сентября нын. г. въ помѣщеніи редакціи (Новинскій бульваръ, д. Котлярева, кв. Николая Як. Грота), въ редакціяхъ: журнала „Русская Мысль“ и „Газеты А. Гатцука“, и въ магазинахъ „Новаго Времени“, (А. С. Суворина) въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ; В. И. Карбасникова въ Москвѣ, Петербургѣ, Варшавѣ, и И. Я. Оглоблина въ Кіевѣ.

Въ 1-й номеръ журнала войдутъ статьи Владиміра Соловьева (Красота въ природѣ), проф. А. А. Козлова (Размышленія по поводу неожиданнаго голоса изъ области естествовѣдѣнія), кн. С. Н. Трубецкого (О природѣ сознанія), Н. Н. Ланге (О дѣйствіи гашиша: психологическая замѣтка), Н. Я. Грота (Отчетъ о съѣздѣ физіологической психологіи въ Парижѣ) и другія. № 4. 3—2

Библиотека "Руниверс"

ГОДЪ VII. БОЛЬШОЙ **ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ** НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ ГОДЪ 1890.

„КОЛОСЬЯ“

въ 1890 г. будетъ издаваться по той-же программѣ, какъ и въ предыдущіе шесть лѣтъ Цѣль редакціи – за недорогую цѣну дать такой богатый, разнообразный, живой и интересный матеріалъ для чтенія, какой могутъ представлять лучшіе большіе журналы.

Въ каждой книжкѣ „КОЛОСЬЕВЪ“ помѣщаются романы и повѣсти, стихотвореніе, драмы и комедія, популярныя научныя статьи, историческіе очерки или воспоминанія, путешествія, критика и внутреннее обозрѣніе. Въ программу журнала входятъ и художественные рисунки (фототипіи и фотогравюры).

Подписная цѣна въ **въ 1890 году** остается прежняя:

8 РУБЛЕЙ. **Подписка принимается:** въ СПБ., въ конторѣ журнала „КОЛОСЬЯ“, Пушкинская, домъ № 10-й. На годъ . . . . **8 р.** На полгода . . . **4 р.**

№ 5. 1—1. Редакторъ-издатель *И. А. Баталинъ.*

1890 ГОДЪ. ОБЪ ИЗДАНІИ **1890 ГОДЪ.**

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются:

1) Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2) Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3) Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонних слушателей.

4) Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5) Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6) Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студентскій ея отдѣлъ.

7) Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8) Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

9) Годичные отчеты по Университету.

10) Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11) Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

Библиотека "Руниверс"

12) Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13) Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14) Ученые труды преподавателей и учащихся.

15) Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ: Часть I—оффиціальная (протоколы, отчеты и т. п.); Часть II—неоффиціальная: отдѣлъ I—историко-филологическій; отдѣлъ II—юридическій; отдѣлъ III—физико-математическій; отдѣлъ IV—медицинскій, отдѣлъ V—критико-библіографическій—посвящается критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), отдѣлъ VI—научная хроника заключаетъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ и т. п. свѣденія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы и переводы сочиненій; а также указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ въ 1890 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 15 печатныхъ листовъ. Цѣна за **12 книжекъ** ИЗВѢСТІЙ безъ пересылки **6 руб. 50 коп.**, а съ пересылкою **7 рублей**. Въ случаѣ выхода ПРИЛОЖЕНІЙ (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **ИЗВѢСТІЙ**, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 р. сер., а студенты прочихъ университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

№ 6. 1—1. Главный редакторъ *В. Иконниковъ*.

ВЪ **1890** ГОДУ

При Кіевской Духовной Академіи

БУДУТЪ ИЗДАВАТЬСЯ

ПО ПРЕЖДЕ УТВЕРЖДЕННОЙ ПРОГРАММѢ:

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХ. АКАДЕМІИ“

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНАГО СОДЕРЖАНІЯ и ХАРАКТЕРА.

Въ немъ будутъ помѣщаться научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей.

Библиотека "Руниверс"

При журналѣ будутъ помѣщаться переводы твореній блаженнаго Іеронима и блаженнаго Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія, подъ общимъ названіемъ: „Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церквей западныхъ".

Указомъ Св. Синода отъ $^{3}/_{15}$ февраля 1884 г. подписка какъ на журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи", такъ и на „Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ" рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

„Труды Кіевской Духовной Академіи" будутъ выходить ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 листовъ.

Цѣна за годъ съ пересылкою „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи"—7 р

Адресъ: въ Редакцію Трудовъ, при Кіевской Духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписаться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ, на Крещатикѣ,—2) Игн. Л. Тузова, въ С.-Петербургѣ.

Въ редакціи можно получать „Воскресное Чтеніе" за слѣдующіе годы существованія журнала при Академіи: I (1837—38), V (1841—42), XI (1847—48), XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56), XX (1856—57), XXI (1857—58), XXIV (1860—61, XXV (1861 62), XXVII (1863—64), XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—68), XXXII, (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71). Цѣна 3 руб. за годъ съ пересылкою. Воскресное Чтеніе за 1879—1883 гг. по 4 руб. за за экземпляръ съ пересылкою.

Епархіальныя Вѣдомости за 1880, 1881 и 1882 гг. (въ сброшюрованномъ видѣ) по 3 руб. 50 коп, а за 1883, 1884, 1885 и 1886 г. по 4 руб. за экземпляръ съ пересылкою.

„Труды Кіевской Духовной Академіи" продаются по уменьшенной цѣнѣ: 1860—1866, 1868 гг. по 3 р.; за 1869—1873 гг. по 4 руб.; за 1874—1878 гг. по 5 р. съ пересылкою, за 1879—1882 гг. по 6 р., за 1883—1889 гг. по 7 р. съ пересылкою. Экземпляры „Трудовъ" за 1884 г. всѣ распроданы.

Мѣсячныя книжки „Трудовъ" 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 к., съ пересылкою 80 коп; 1874—1889 гг. по 1 руб. № 7. 1—3.

Открыта подписка на 1890 г. на политич., литер. и художественную

„ГАЗЕТУ А. ГАТЦУКА".

„ГАЗЕТА" выходитъ въ объемѣ 2—3 листовъ въ недѣлю; въ важныхъ случаяхъ—два раза въ недѣлю.

Въ 1890 г. «Газета» будетъ значительно расширена и улучшена. Редакція ея обновлена новыми силами и уже заручилась содѣйствіемъ многихъ извѣстныхъ литераторовъ и художниковъ.

Въ ученo-литературномъ отдѣлѣ „ГАЗЕТЫ" примутъ участіе: профес. В. Б. Антоновичъ, Ѳ И. Буслаевъ, Л. П. Бѣльскій, А. П. Веселовскій, Н. Я. Гротъ, И. И. Иванюковъ, М. К. Іогель, профес. Ѳ. Е. Коршъ, И. А. Линниченко,

Библиотека "Руниверс"

Н. С. Лѣсковъ, Д. Л. Мордовцевъ, Н. И. Стороженко, І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій) и друг.

Въ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛѢ "Газета" сообщаетъ всѣ политическія и общественныя новости, распоряж. правительства, провинціальн. извѣстія, новости торговыя, биржевыя и техническія, свѣдѣнія о новыхъ открытіяхъ въ области наукъ, искусствъ, ремеслъ и проч.

Въ ЛИТЕРАТУРНОМЪ ОТДѢЛѢ „Газеты" печатаются романы, повѣсти разсказы, стихотворенія, драматическія произведенія. популярныя историческія и естественноисторическія статьи, путешествія и проч. Многія статьи иллюстрируются рисунками. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ „ГАЗЕТЫ" посвящается, главнымъ образомъ, текущимъ замѣчательнымъ СОБЫТІЯМЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. Каждое выдающееся событіе немедленно иллюстрируется на страницахъ „ГАЗЕТЫ". Кромѣ того, въ „ГАЗЕТѢ" помѣщаются ПОРТРЕТЫ всѣхъ выдающихся политическихъ и общественныхъ дѣятелей, государственныхъ людей писателей и пр., а также КОПІИ КАРТИНЪ извѣстныхъ художниковъ.

Въ теченіи года „Газета" дастъ слѣдующія безплатныя приложенія и преміи:

1) ШЕСТЬ КНИГЪ избранныхъ романовъ и повѣстей, оригинальныхъ и переводныхъ. Каждая книга заключаетъ въ себѣ отъ 6 до 10 печатн. листовъ.

2) МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ, выходящій шесть разъ въ годъ отдѣльными выпусками со множествомъ рисунковъ и политипажей, съ образцами работъ, выкройками и проч. Кромѣ послѣднихъ модъ, дается множество свѣдѣній по домашнему хозяйству.

3) ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ДРАМЫ ШЕКСПИРА. Большой томъ съ изящными англійскими иллюстраціями.

4) КРЕСТНЫЙ КАЛЕНДАРЪ на 1890 годъ (при № 1 „Газеты") со множеств. иллюстрацій и при немъ стѣнной календарь.

Кромѣ перечисленныхъ приложеній и премій, редакція, въ виду увеличившагося распространенія „Газеты", дастъ своимъ подписчикамъ ГЛАВНУЮ ПРЕМІЮ:

БОЛЬШУЮ ОЛЕОГРАФИЧЕСКУЮ КАРТИНУ.

Главная премія **„ГАЗЕТЫ А. ГАТЦУКА"** представляетъ собою дѣйствительно превосходное художественное произведеніе. Она рѣзко отличается отъ премій другихъ газетъ и журналовъ и можетъ занять мѣсто въ каждой гостиной, какъ прекрасное украшеніе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на „Газету" со всѣми приложеніями, преміями и главной премією, съ пересылкой и доставкой:

На годъ . . . . **5** р. На полгода . . **3** р. На ¼ г. **1** р. **75** к.

ГЛАВНАЯ ПРЕМІЯ выдается годовымъ подписчикамъ. Подписчики, желающіе получить эту премію, прилагаютъ за пересылку и доставку ея 1 рубль Разсылка преміи начнется немедленно, по порядку полученія подписныхъ денегъ, такъ что лица, подписавшіяся заблаговременно, могутъ получить ее въ текущемъ 1889 году. Требованія адресуются: въ Редакцію **„Газеты А. Гатцука"**. Москва, Никитскій бульваръ, собств. домъ. № 8. 1—3.

Библиотека "Руниверс"

БИБЛІОГРАФЪ

1890. ВѢСТНИКЪ **Годъ VI.**

ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ и ИСКУССТВА.

Журналъ библіографическій, критическій и историческій.

Выходитъ ежемѣсячно.

Ученымъ Комитет. М-ства Народн. Просв. РЕКОМЕНДОВАНЪ для основныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.—Учебнымъ Комит. при Св Синодѣ ОДОБРЕНЪ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ. — По распоряженію Военно-Ученаго Комитета ПОМѢЩЕНЪ въ основной каталогъ для офицерскихъ библіотекъ.

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературные и библіографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; издательское и книжно-торговое дѣло въ его прошедшемъ и настоящемъ; хроника.

Отд. 2-й (справочный). Полная библіографическая лѣтопись: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодич. изданіяхъ; 3) Rossica; 4) правительственныя распоряженія; 5) объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

И. Ѳ. Анненскій, А. И. Барбашевъ, Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, П. В. Быковъ, Е. А. Бѣловъ, проф. П. В. Владимировъ, Н. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, М. А. Дьяконовъ, проф. Е. Е. Замысловскій, проф. В. С. Иконниковъ, проф. Н. И. Карѣевъ, Д. Ѳ. Кобеко, И. А. Козеко, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. П. Лихачевъ, Л. Н. Майковъ, В. И. Межовъ, А. Е. Молчановъ, Н. Н. Оглоблинъ, С. Ѳ. Платоновъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташицкій, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, С. М. Середонинъ, С. Л. Степановъ. Н. Д Чечулинъ, И. А. Шляпкинъ, Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годъ: съ дост. и перес. въ Россіи **5** *р., за границу* **6** *р.*

отдѣльно нумеръ 50 к., съ перес. 60 к.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ: страница—8 р.; ¾ стран.—6 р. 50 к., ½ стран.—4 р. 50 к. ¼ стран.—2 р. 50 к.; ⅛ стран,—1. р. 50 к.

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени"—А. Суворина (Спб., Невскій просп., д. № 38) и въ редакціи. Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.— Гг. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Забалканскій (Обуховскій) просп., домъ № 7, кв. 13.

Библиотека "Руниверс"

Оставшіеся въ ограниченномъ числѣ полные комплекты „Библіографа“ за 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 гг. продаются по 5 р. (съ дост. и перес.) за годовой экземпляръ. Также имѣются въ продажѣ изданныя редакціею брошюры 1) Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи, №№ 1, 2 и 3. Ц. по 60 коп. 2) Библіографич. указатель книгъ и статей о св. Кириллѣ и Меѳодіи. Ц. 40 коп. 3) Александръ Николаевичъ Сѣровъ. I. Библіографич. указатель произведеній А. Н. Сѣрова. II. Библіографич. указатель литературы о А. Н. Сѣровѣ и его произведеніяхъ. Вып. I и II. Сост. А. Е. Молчановъ. Ц. по 1 руб. за вып. 4) Библіограф. списокъ литерат. трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина. Сост. И. А. Козеко. Ц. 75 коп.—Книгопродавцамъ обычная уступка.

№ 8 1—2. Редакторъ Н. М. Лисовскій.

Библиотека "Руниверс"

Въ вышедшихъ 1—11 книжкахъ «Кіевской Старины» 1889 года помѣщены слѣдующія статьи: Воспоминанія **М. К. Чалаго.**—Судъ и казнь Григорія Самойловича. **А. А. Востокова.**—Культурныя переживанія. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Бѣлая Панна. (Изъ воспом. неудавш. поэта). **Г. А. Мачтета.**—Русскія колоніи въ Добруджѣ. **Лупулеску.**—Сельскія недоразумѣнія, пов. **Петкевича,** пер. съ польскаго. **К. М.**—Научное значеніе западно-русской исторіи. Проф. **И. А. Линниченка.**—Воспоминанія Н. И Усковой о Т. Г. Шевченкѣ, съ прим. М. Чалаго, **Н Зарянки.**—Прошлое переяславскаго духовнаго училища. **П. Левицкаго.**—Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. **Ив. В. Теличенка** —На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). **Н. Д. Н.**—Особенности статистическаго изслѣдованія курской губ. **Сф. К.**—Памяти Ѳ. Г. Лебединцева. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.** Очерки изъ исторіи кіев. дух. акад. за XVIII ст. Проф. **С. Т. Голубева.** Колонизація Новорос. края и первые шаги его по пути культуры. Проф. **Д. И. Багалѣя** Остатки церквей на развалинахъ древн Корсуня или Херсонеса. **П. Л.** Воспоминанія **М. К. Чалаго.** Очерки старин. быта Волыни и Украины. **О. И. Левицкаго.** Іоаннъ Вишенскій. **Мирона.** Нечистая сила, повѣсть **Остои,** пер. съ пол. **К. М.** Византійскія владѣнія на сѣв. бер. Чернаго моря. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго.** Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной Долинѣ въ 1750 г. **А. Полницкаго.** Кіевское гор. управленіе въ 1786 г. **Н. В. Молчановскаго.** Чума, разск. **Мирона.** Старая Брацлавщина и ея люди. **Ц. Г. Неймана.** М. С. Щепкинъ, какъ артистъ и человѣкъ **В. Ермилова.** Происхожденіе русск. великой кн. Ольги св. Проф. **И. И. Малышевскаго.** Русалка. (Этнограф. разсказъ). **Ганны Барвинокъ.** Два намѣстника. **А. Е.** Рекрутчина въ малорусск. пѣснѣ. (Этнограф. очеркъ). **М. К. Васильева.** Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. **М. И. Лилеева.** На «Вовчомъ хуторѣ». **Дмитрія Маркевича.** Страничка изъ прошлаго г. Переяслава. **А. А.** Изъ воспоминаній о поѣздкахъ по Малороссіи **Акад. К. А. Трутовскаго.** Лирники. **Валеріана Боржковскаго.** Ѳома Падурра. (Критическій очеркъ). **Равиты.** Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: «Откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга»,—по поводу статьи И. И. Малышевскаго: «О происхожденіи великой княгини русской Ольги св.» **Архимандрита Леонида.** Полтавскій полковникъ Иванъ Черняк. **А. А. Востокова.** Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1624 г. и мѣсто заключенія Куруковскаго договора. **Ѳ. Д. Николайчика.** Живая могила. (Малорусская легенда). **Л. М. Старицкой.** Младшій братъ. Очеркъ изъ галицкой жизни **Генриха Іоссе** (Переводъ съ польскаго). Воспоминанія о рекрутчинѣ по прежнему порядку. **Б. С. Познанскаго.** Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII в. **В. Н. Сторожева.** О статьяхъ Богдана Хмельницкаго. **П. А. Шафранова.** Анастасія Яковлевна Марченко. (Т. Ч. или А. Темрязовъ). Очеркъ. **Е. С. Некрасовой.**

Въ отдѣлѣ «Документовъ, извѣстій и замѣтокъ» помѣщены сообщенія: проф. П. А. Лашкарева, Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, П. Л., И. С. Листовскаго, А. Л., В. А., П. Т., Мирона, К. В. Болсуновскаго, Ив. Манжуры, И. Бѣньковскаго, О. Л., W., Н. М, М. К. Чалаго, проф. Н. И Петрова, Хр. П. Ящуржинскаго, А. А. Савича, В. П. Науменка, А. Ш., Н. Н. Оглоблина, Я. П. Новицкаго, Н. Д. Н., Б. С. Познанскаго, А. С. Л., Г., Вл. Лясковронскаго, А. Андр., Г. Залюбовскаго И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ап. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Двор-

Библиотека "Руниверс"